

годъ

пятый

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

I.

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Памятныя Записки кнѣзихи *Паталыи Борисовны Долгорукой* (схимонахини Нектаріи) Изданы вполнѣ съ подлинной рукописи, съ предисловіемъ и примѣчаніями.
2. Письма *ея же* къ брату гр. С. Б. Шереметеву и сыну кн. М. И. Долгорукову.
3. Статья *о ней же* ея внука кн. П. М. Долгорукаго.
4. Бумаги *Ивана Ивановича Шувалова* (по дѣламъ виѣшней и внутренней политики при импер. Елизаветѣ)
5. Письма импер. *Екатерины II-й* къ И. И. Шувалову.
6. Письмо *А. П. Сумарокова* объ отцѣ его.
7. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. Очерки его жизни, бумаги и переписка. I. Дѣтство и первоначальная обстановка.
8. Письма *А. С. Пушкина*. къ П. А. Осиповой и А. Н. Вульфѣ 1825—1836.
9. О сочиненіяхъ кн. З. А. Волконской.
10. Указатель къ Русскому Архиву 1866 года и содержаніе онаго.

МОСКВА

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

**ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОТРЕТОМЪ ГОСУ-
ДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й 5 Р. СЪ
ДОСТАВКОЮ 6 Р.**

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (4 р., съ пер. 5 р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (4 р., съ пер. 5 р.) **1865** года 1550 стр. (5 р., съ пер. 6 р.) Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, гдѣ же книгопродавцы всѣ вообще къ А. Ѳ. Базунову (въ С.-Петербургѣ на Невскомъ въ домѣ д. Ольхиной). Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

І Е З У И Т Ы

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ

БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Съ портретою **К. Н. Батюшкова.**

МОСКВА

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Мляковой.

1867.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ НА СОИСКАНИЕ ПОощРИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕМІЙ ГРАФА УВАРОВА.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, Положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая поощрительная премія (500 р.) за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіей по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія предлагаетъ слѣдующія задачи.

I.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ современной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ—самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Киевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достоиніяхъ Рюриковой династіи, изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествъ Гедиминовой династіи.

II.

Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой либо спеціальнѣй предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла, преимущественно Великаго Княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба Польскаго и Русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

Хотя Академія не желаетъ отѣснить конкурентовъ въ выборѣ спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разъяснить историческія отношенія Польскаго племени къ Русскому, однако она сочла полезнымъ на этотъ разъ обратить особенное вниманіе ученыхъ на два слѣдующіе предмета:

III.

О составъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей.

Въ ряду источниковъ отечественной исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто Западно-Русскія лѣтописи о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одни напечатаны, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указаніе въ Польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а, если угодно, то и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались съ одной стороны составители Русскихъ Лѣтописныхъ Сборниковъ, а съ другой Польскіе историки какъ на прим.: Длугошъ, Стрыйковскій, Бѣльскій и другіе. При этомъ, изъ извѣстныхъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и не находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ Лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соотвѣтствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ Сѣверно-Русскихъ и Южно-Русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на

какомъ основаніи должны были найдены въ Литовскихъ лѣтописяхъ.

IV.

Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ Сѣверо- и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Въмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали преслѣдованія полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія, но какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневецкаго, Мацѣвскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно уже говорить на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ КНЯГИНИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ДОЛГОРУКОВОЙ.

Никто не станетъ утверждать, чтобы Русскія женщины обдѣлены были силою воли и чувства; наша исторія во всѣ вѣка, и въ самый нынѣшній, представляетъ множество примѣровъ женской доблести, самоотверженія матерей, преданности супругъ, нѣжности дочерней; но немногія женщины могутъ поравняться въ этомъ отношеніи съ знаменитою страдалицею XVIII вѣка, дочерью Петровскаго фельдмаршала гр. Шереметева, княгинею *Натальею Борисовною Долгоруковой*, несчастною и въ тоже время великодушною жертвою тѣхъ прискорбныхъ смутъ, которыми ознаменовалась Русская исторія по смерти Петра Великаго. Имя княгини Долгоруковой сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ Европейскихъ литературахъ; ея удивительная судьба, переносившая ее изъ великолѣпныхъ хоромъ въ Березовскій острогъ и потомъ въ Кіевскія келіи, послужила предметомъ для многихъ романовъ и поэтическихъ разсказовъ; у насъ воспѣвалъ ее поэтъ Козловъ звучными стихами, которые еще не такъ давно твердила вся Россія. Но всѣ эти произведенія, изукрашенные вымыслами, блѣднѣютъ въ сравненіи съ безхитростнымъ разсказомъ самой княгини Долгоруковой, съ ея Записками, запечатлѣнными высокимъ краснорѣчіемъ сердца. Записки

эти уже были напечатаны, первоначально въ *Другъ Юношества* журналѣ 1810 г. (январь, стр. 8—69), потомъ въ книгѣ „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ“ (Спб. 1840 стр. 128—156); но оба раза далеко не въ полномъ видѣ, съ выпусками, и въ добавокъ съ поправками въ слогъ, тогда какъ подлинный слогъ Записокъ уже самъ по себѣ любопытенъ для исторіи языка, показывая намъ, какъ говорила и могла писать женщина высшаго общества въ первую половину прошедшаго вѣка, не помышлявшая о печати, у дверей гроба, уже схимницей, передававшая повѣсть о жизни своей единственно на память сыну и внучатамъ. И тутъ невольно останавливаетъ наше вниманіе слѣдующая черта. Княгиня Долгорукова, воспитавшаяся во всей роскоши Шереметевскаго богатства, имѣвшая при себѣ учительницу-мадамъ, хотя уже употребляетъ слова иностранныя, но пишетъ слогомъ XVII вѣка, языкомъ писемъ царя Алексѣя Михайловича, а ея описанія, какъ она странствовала въ Сибирь, живо напоминаютъ такія же описанія челоуѣка, совсѣмъ не похожаго на нее по общественному положенію — старообрядческаго протопopa Аввакума (см. его Житіе, имъ самимъ писанное, Спб. 1863); такова была общность того вѣка.

Подлинная рукопись Записокъ княгини Долгоруковой (съ которой они здѣсь печатаются вполнѣ и со всею точностью) составляетъ одну изъ семейныхъ святыхъ роднаго ея правнука, князя Дмитрія Ивановича Долгорукова, которому мы приносимъ здѣсь глубочайшую благодарность какъ за дозволеніе ею воспользоваться, такъ за содѣйствіе къ ея прочтенію (она писана довольно неразборчиво). Рукопись, въ старинной, тисненой черной кожѣ, въ четвертку, содержитъ въ себѣ 48 листковъ, изъ коихъ многіе на одной сторонѣ заняты Записками, а на другой рисунками благочестиваго и аллегорическаго смысла, сдѣланными тушью, рукою вѣроятно самой княгини. Въ самомъ началѣ рукописи—разкрашенное изображеніе св. великомученицы Варвары (столь чтимой въ Кіевѣ, гдѣ Записки писаны), и въ концѣ сынъ княгини, кн. Михаилъ Ивановичъ Долгоруковъ, приписалъ: „Получилъ я сію книгу изъ Кіева по кончивъ несчастной матери моей въ 1773 году, января 17 дня, въ день ея рожденія“⁴. Къ Запискамъ присоединено здѣсь нѣсколько уцѣлѣвшихъ писемъ княгини Натальи Борисовны, а также статья объ ней ея внука, извѣстнаго писателя кн. Ив. Мих. Долгорукова; все это сообщено намъ тоже кн. Д. И. Долгоруковымъ. Кромѣ того, родная правнука княгини Наталья Борисовны, Антонина Ивановна Новикова, обязательно сообщила намъ небольшую записную книжку своей прабабки (въ черной кожѣ съ застежкой). Для нѣкоторыхъ примѣчаній, мы воспользовались ею, а равно (и отъ тѣхъ же лицъ) богатымъ запасомъ семейныхъ рассказовъ и преданій, свято сохранныхъ черезъ цѣлое столѣтіе и доселѣ передаваемыхъ со всею живостью какъ бы вчерашняго дня.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что было бы ошибкою отыскивать въ Запискахъ княгини Долгорувой какое либо притязаніе политическое. Это памятникъ вполнѣ историко-литературный. *И. Б.*

*

1767 году Генваря 12 дня.

Какъ скоро вы ⁽¹⁾ отъ меня поѣхали, осталась я въ уединеніи ⁽²⁾; при-

⁽¹⁾ Княгиня Долгорукова обращается къ старшему сыну своему князю Михаилу Ивановичу (1731—1794) и супругѣ его кн. Аннѣ Николаевнѣ (1731—1813) урожд. баронессѣ Строгановой (двоюродной сестрѣ извѣстнаго Екатерининскаго оберъ-камергера графа А. С. Строганова). Они въ 1766 году ѣздили въ Кіевъ навѣстить монахиню, мать свою.

⁽²⁾ Въ Кіевѣ жилъ тогда второй сынъ ея, болѣзненный и безбрачный, кн. Дмитрій Ивановичъ. Онъ родился въ Березовѣ въ окт. 1738 г. т. е. вскорѣ послѣ того, какъ княгиню разлучили съ огнесленнымъ на казню мужемъ. Говорить, будто княгиня воспротивилась браку его съ двациюю незнатнаго рода, въ которую онъ былъ влюбленъ, и что эта неудача еще болѣе его разстроила. Несчастливая мать пережила его двумя годами. Онъ умеръ въ Кіевѣ, 26 мая 1769. Онъ служилъ вѣкогда въ гвардіи. Сохранилось прошеніе его къ имп. Екатеринѣ о дозволеніи постричься въ монахи, поданное чрезъ И. П. Елагина весною 1763 года. Екатерина отвѣчала на это прошеніе и на письмо о томъ княгини слѣдующимъ (сохранившимся въ подлинникѣ) письмомъ, отъ 27 окт. 1763 г.: „Честная мать монахиня. Письмо ваше мною получено, на которое по прошенію вашему иной резолюціи дать не можно какъ только ту, что я позволяю сыну вашему князю Дмитрію жить по желанію его въ монастырѣ; а постричься въ разсужденіи молодыхъ его лѣтъ дозволить нельзя, дабы время какъ его въ раскаяніе, такъ и насъ объ немъ въ сожалѣніе не привело Доброжелательная Екатерина.

Молодой красавецъ-князь поселился въ Кіевскомъ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ передъ смертью принялъ тайное постриженіе. Въ записной книжкѣ его матери сохранилась слѣд. замѣтка, по поводу кончины этого несчастливца: „Увы мнѣ окаянной! Горе проходить, другое наступаетъ: умеръ и сынъ князь Дмитрей. Сколько лѣтъ мучимъ былъ Божиимъ попусценіемъ отъ бѣса; окончилъ теченіе христіанскимъ концомъ 1769 мая 26 дня, исповѣдованъ, причащенъ и масломъ освященъ; отходную читали, и постриженъ за 2 дни до смерти въ рясофоръ, тѣмъ

шло на меня уныніе, и такъ отягощенна была голова моя безпокойными мыслями: казалось, что уже отъ той тягости къ землѣ клонюсь. Не знала, чѣмъ бы тѣ безпокойныя мысли разбить; пришло мнѣ на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себѣ оставила на память журналъ, что мнѣ случилось въ жизни моей достойно памяти, и какимъ средствомъ я жизнь проводила. Хотя она очень бѣдственна и до днесь, однако во удовольствіе ваше хочу васъ тѣмъ утѣшить, и желаніе ваше или любопытство исполнить, когда то будетъ Богу угодно и слабость моего здоровья допустить. Хотя я и не могу много писать, но ваше прошеніе меня убѣждаетъ. Сколько можно, буду стараться, чтобы привести на память все то, что случилось мнѣ въ жизни моей.

Не всегда бываютъ счастливы благороднородные; по большей части находятся въ свѣтѣ изъ знатныхъ домовъ происходящіе бѣдственны, а отъ подлости рожденные происходятъ въ великіе люди, знатныя чины и богатства получаютъ. На то есть опредѣленіе Божіе. Когда и я на свѣтѣ родилась, надѣюсь, что всѣ пріятели отца моего и знающіе домъ нашъ блажили день рожденія моего, видя радующихся родителей моихъ и благодарящихъ Бога о рожденіи дочери. Отецъ мой и мать надежду имѣли, что я имъ буду утѣха при старости (3). Казалось бы и такъ, по пре-

же именемъ, 24-го, тайно. Въ кельѣ отправлено погребеніе монашеское, а въ лаврѣ свѣтское, какъ мірекихъ отпѣвають Въ нынѣшнемъ вѣку надобно красть царство небесное.“

Мы видѣли большой портретъ князя Дмитрія Ивановича Долгорукова, во весь ростъ, въ черномъ одѣяніи монастырскаго послушника.

(3) Княгиня Н. Б. Долгорукова родилась 17 января 1714 г., съ небольшимъ за пять лѣтъ

дѣламъ свѣга сего, ни въ чемъ бы недостатку не было. Вы сами не безызвѣстны о роизтоляхъ моихъ, отъ кого на свѣтъ произведена, и домъ нашъ знаете, который и до днесь во всякомъ благополучіи состоитъ; братья и сестры мои живутъ во удовольствіи міра сего, честными почтенны, богатство и изобиліе (4). Ка-

до кончины отца своего фельдмаршала графа Бор. Петр. Шереметева († 17 февр. 1719, 67 лѣтъ отъ роду). Онъ женился очень рано на Чириковой, отъ этого брака имѣлъ сына гр. Михаила Бор. (1672—1714), прославившагося на войнѣ, и двухъ дочерей, и у него уже были взрослые внучата, когда вступилъ онъ, уже 60 лѣтъ отъ роду, во второй бракъ съ 35-ти лѣтней вдовою дяди Петра Великаго боярина Льва Кирилловича Нарышкина, Анною Петровною, урожд. Салтыковою (1677—1728), родной братъ которой женатъ былъ на внучкѣ фельдмаршала, гр. Екатеринѣ Михайловнѣ Шереметевой. Вторымъ ребенкомъ отъ этого брака и была наша княгиня Наталья Борисовна. Семейное преданіе рассказываетъ, что фельдмаршалъ Шереметевъ, овдовѣвъ, имѣлъ намѣреніе постричься въ монахи и пришелъ къ государю просить на то позволенія. Петръ вмѣсто отвѣта повелъ его въ свою веселую компанію и, указывая на цѣлую толпу красивыхъ женщинъ, шутилъ надъ нимъ, что онъ еще можетъ въ другой разъ жениться. Тутъ и понравилась фельдмаршалу вдова Нарышкина, такъ что онъ рѣшился нарушить обѣтъ свой пойти въ монахи. Кн. Наталья Борисовна впоследствии называла бѣды свои искупленіемъ за этотъ грѣхъ отца.

(4) Два брата, графы Петръ Бор. (1713—1788), отъ котораго происходятъ нынѣшніе графы Шереметевы, и Сергѣй Борисовичъ (1715—1768), не оставившій потомства. — Двѣ сестры гр. Вѣра (1716) за Допухиннымъ и гр. Екатерина (1718) за кн. Урусовымъ. Знаменитый фельдмаршалъ оставилъ дѣтей малолѣтнихъ (последней дочери было всего 3 мѣсяца, когда онъ умеръ) и въ своей духовной поручилъ ихъ попеченіямъ Петра Великаго, въ которыхъ они нуждались, потому что имѣли гр. Шереметева было все въ долгахъ, и онъ долженъ былъ забирать впередъ свое жалованье (кн. Щербатовъ, О поврежд-

залось и мнѣ никакого слѣду не было къ нынѣшнему моему состоянію. Для чего бы и мнѣ не такъ счастливой быть, какъ и сестры мои? Я еще всегда думала предъ ними преимущество имѣть, потому что я была очень любима у матери своей, и воспитана отменно отъ нихъ, я же имъ и большая. Надѣюсь, тогда всѣ обо мнѣ разсуждали: такого великаго господина дочь, знатство и богатство, кромѣ природныхъ достоинствъ, обратить очи всѣхъ знатныхъ жениховъ на себя, и я по человѣческому разсужденію совсѣмъ опредѣлена къ благополучію; но Божій судъ совсѣмъ не сходенъ съ человѣческимъ опредѣленіемъ. Онъ по Своей власти иную мнѣ жизнь назначилъ, объ которой никогда и никто вздумать не могъ и ни я сама.

Я очень имѣла склонность къ веселію. Я осталась малолѣтна послѣ отца моего, не больше какъ пяти лѣтъ; однако я росла при вдовствующей матери моей во всякомъ довольствѣ, которая старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ умножить достоинствъ. Я ей была очень дорога; льстила мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня

правовъ въ Россіи, стр. 22). Вообще надо замѣтить, что въ началѣ прошедшаго вѣка слава гр. Шереметевыхъ основалась вовсе не на одномъ богатствѣ, а главнымъ образомъ на доблестяхъ графа Бориса Петровича, котораго Пушкинъ въ „Полтавѣ“ означаетъ прилагательнымъ *благородный*. Кромѣ воинскихъ талантовъ онъ былъ по своему времени человѣкъ образо-

любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила⁽⁵⁾. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ; это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все не доставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ⁽⁶⁾. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ тѣ горести описать, которыя со мной случались? Надобно молчать. Хотя я льстила въпредъ быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастья; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя Власть грозитъ мнѣ бѣдами, и что въ будущее надежда обманчива бываетъ.

И такъ я послѣ матери своей всѣхъ канпаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. И такъ я сама себя заключила; и правда, что тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣ-

ванный: извѣстно его описаніе путешествія по Европѣ и на островъ Мальту.

(5) Мать кн. Долгоруковой, принадлежавшая некогда къ веселой компаніи Петра Великаго, скончалась 22 іюля 1728, когда дворъ находился уже въ Москвѣ, гдѣ умеръ и супругъ ея (тѣло его Петръ Великій велѣлъ перевезти въ Петербургъ и торжественно похоронилъ въ Невской Лаврѣ).

(6) Графа Петра Борисовича. Ему тогда было всего 15 лѣтъ; онъ служилъ поручикомъ Преображенскаго полка.

тѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ въ нонѣшній вѣкъ. Я такъ вамъ пишу, будто я съ вами говорю, и для того вамъ отъ начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и въ самой молодости весело не жила, и никогда сердце мое большаго удовольствія не чувствовало. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія, въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣ пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года; дни мои проходили безутѣшны. Тогда обыкновенно всегда, гдѣ слышатъ невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, которою я льстилась. Я очень была счастлива женихами; однако то оставлю, а буду вамъ то писать, чтѣ въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ (?). При

(?) Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, тогда 22-хъ лѣтній оберъ-камергеръ Петра II-го, андреевскій кавалеръ и майоръ гренадерской роты Преображенскаго полка (1708—1739). Его знали во всей Европѣ, и иностранные министры наперерывъ въ немъ заискивали. Добродушный, веселый и талантливый, въ дѣлахъ государственныхъ онъ былъ, по самой молодости лѣтъ своихъ, ни что иное какъ орудіе ненасытно честолюбивыхъ родныхъ своихъ и своего отца обергофмейстера князя Алексѣя Григорьевича. По всему видно, что кн. Иванъ Алексѣевичъ, хотя и предавался увлеченіямъ молодости, но былъ способенъ внушать къ себѣ сильную привязанность. Его сближеніе съ Петромъ II-мъ началось еще, когда тотъ былъ великимъ княземъ Кн. Щербатовъ (О поврежденіи прав,

всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благо-

стр. 33) рассказываетъ: „Въ единый день, нашедъ его одинаго, палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому, имѣть и къ его крови; изъяснилъ ему, что онъ, по крови, по рожденію и по полу, почитаетъ его законнымъ наследникомъ Россійскаго престола, просида увѣриться въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненія тронули сердце младаго, чувствующаго свое положеніе князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ, со стороны Петра Алексѣевича, сихъ молодыхъ людей соединила“. Въ первые мѣсяцы царствованія Петра II-го, кн. Меншиковъ на время успѣлъ устранить молодого наперсника, за то, что тотъ противился обрученію государя съ княж. Меншиковою (см. Поля. Собр. Зак. № 5084); но съ осени того же 1727 г. и по самую кончину Петра II (18 генв 1730) кн. Долгорукій пользовался неизмѣнною дружбою государя. По словамъ Дюка де Лирія (Спб. 1845, стр. 16) и кн. Щербатова (стр. 38) они спали въ одной комнатѣ и даже на одной постели. Тотъ же Дюкъ де Лирія свидѣтельствуетъ, что кн. Иванъ не только не участвовалъ въ каверзахъ и грабительствѣ отца своего, дядей и родственниковъ, но даже ссорился съ ними изъ за этого. Ему надобно было придворныя искательства, и онъ уѣзжалъ изъ Горенокъ въ Москву повеселиться на свободѣ, и тутъ иногда предавался разгулу. Но черезъ него доходили до государя добрыя внушенія: онъ напоминалъ ему о необходимости продолжать занятія науками и даже указывалъ на невозможность совсѣмъ бросить Петербургъ. Рассказываютъ по преданію, что однажды, стоя за креслами Петра II-го и видя, какъ ему поднесли къ подписанію смертный приговоръ, кн. Иванъ укусилъ государя за ухо, и на вопросъ, что это значитъ, отвѣчалъ: прежде чѣмъ подписывать бумагу, надо вспомнить, каково будетъ несчастному, когда ему станутъ рубить голову.

склонна. Напротивъ того и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: *азъ какъ она счастлива!* Моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать; а не знала, что это счастье мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословить. Однако я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ, видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтушею. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человекъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня переѣвилась.

Между тѣмъ начались у насъ пріуготовленія къ сговору нашему (8). Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные

господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей. Обрученіе наше было въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, брилліантовыми серъгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереєю (9); мои бѣ руки не могли бѣ всего забрать, когда бѣ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой въ шесть тысячъ. Напротивъ и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляши золоченныя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодому мнѣнію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ по полудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, чтобъ видно было раздѣлываться гостямъ; тѣснота превеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было; сказываютъ, что около ограды дому нашего (10) столько было народа, что вся

(8) Богатство кн. Долгорукихъ было тогда несмѣтное, ибо въ немъ перешли между прочимъ и сокровища сосланнаго кн. Меншикова. Послѣ ихъ паденія, въ Кремлѣ устроена была особая палатка для разбора возвращенныхъ отъ нихъ драгоценныхъ вещей.

(10) Гдѣ именно находился тогда Московскій домъ гр. Шереметевыхъ, мы не знаемъ. По всему вѣроятію это тотъ домъ, который вошелъ въ составъ огромнаго зданія Синодальной типографіи. Нынѣшній же Шереметевскій домъ на Ни-

(8) Объ этомъ сговорѣ записано у Дюка де Лиря (стр. 71), который прибавляетъ, что невѣста очень богата и очень хороша собою. Сначала кн. Иванъ Алексѣевичъ думалъ жениться на гр. Ягужинской, дочери знаменитаго гр. Павла Ивановича (Hergmann, Gesch. des rus. Staats IV, стр. 534).

улица заперлась, и кричалъ простой народъ: Слава Богу, отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой, и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову! Надѣюсь, вы довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первой фельдмаршалъ, и что очень былъ любимъ народомъ, и до днесь его помнятъ. О прочихъ всѣхъ стговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долголь продолжалось? Не болѣе какъ отъ Декабря 24 дня по 18 Января день. Вотъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычестъ; да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть, и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

Теперь надобно уже иную матерію зачатъ. Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались на вѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, кто бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я

могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похваюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; не возможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда не свыше сила Господня подкрѣпляетъ. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нынѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ животъ свой⁽¹⁾; паче чаянія моего, чего я никогда не ожидала, сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго государя, и великой былъ плачь въ народѣ. Всѣ сродники мои связываются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу, у всѣхъ глаза заплаканы: какъ они ни стерегались, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ, и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было, не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было инаго ничего отъ

кольской принадлежалъ тогда еще къ А. ѿ Черкасскому.

(1) съ 18 на 19 января 1730 года.

меня, что пропала! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачь мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда чело-вѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще чело-вѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отка-зать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что (одинъ) женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, а срод-никамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предло-женіе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣт-ствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна-ли это совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчаст-ливъ, отказать ему? Я такому без-совѣстному совѣту согласиться не

могла; а такъ положила свое намѣ-реніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а друго-му уже нѣтъ участія въ моей люб-ви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополу-чіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Бо-гу (¹²). Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои срод-ники имѣли другое разсужденіе; та-кой мнѣ совѣтъ давали, или можетъ быть, меня жалѣли.— Къ вечеру пріѣ-халъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ разска-зывалъ объ смерти жалости достой-ной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ про-щался. И такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ другу, что насъ ни-что не разлучить, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ зем-ныя пропасти пройти. И такъ часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣва-лись искатели и друзья? Всѣ спрята-лись, и ближніе отдалече меня ста-ша, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ встрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подо-зрительна. Лучше бъ тому человеку не родиться на свѣтъ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ стануть презирать, никто говорить не хочетъ!

(¹²) Выраженіе изъ Книги Іова, гл. 2-я, стихъ 10-й.

Выбрана была на престолъ одна принцесса крови, которая никакого слѣду не имѣла къ коронѣ⁽¹³⁾. Между тѣмъ приготавливались церемоніи къ погребенію. Пришелъ тотъ назначенной несчастливый день; нести надобно было государевотѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря на ту плачевную церемонію⁽¹⁴⁾. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ, какъ обыкновенно бываютъ такіа высочайшія погребенія, несли государственные гербы, кавалерію, разные ордены, короны; въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, неся на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявши противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миною: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю. Я такъ обезпамятовала, что упала на окошко: не могла усидѣть отъ слабости. Потомъ и гробъ везуть:—отступили отъ меня уже всѣ чувства на нѣсколько минутъ. А какъ опомнилась, оставя всѣ церемоніи, плакала, сколько мое сердце дозволило, разсуждая мыслію сво-

(13) Какъ слышна въ словахъ этихъ женская досада! Такъ какъ закона о престолонаслѣдїи не было, то и нельзя сказать, кому былъ слѣдъ къ коронѣ; но по старшинству она скорѣ принадлежала Мекленбургской принцессѣ Екатерины Ивановны, старшей дочери царя Иоанна Алексѣевича

(14) Петра II-го погребли въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ 11 февраля 1730 г.

ею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце со удивленіемъ сіяло! Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемерная. О Боже мой, дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго монарха. О Господи, Всевышній Творецъ, Ты вся можешь, возврати хотя на единую минуту духъ его и открой глаза его, чтобъ онъ увидѣлъ вѣрнаго своего слугу, идущаго предъ гробомъ, потерявъ всю надежду ко утѣшенію и облегченію печали его! И такъ окончилась церемонія; множество знатныхъ дворянъ, слѣдующихъ за гробомъ; казалось мнѣ, что и небо плачетъ, и всѣ стихіи небесныя. Надѣюсь, между тѣмъ и такіе были, которые радовались, чая себѣ отъ новой государыни милости.

По нѣсколькихъ дняхъ послѣ погребенія, приготавливали торжественное восшествіе новой государыни въ столичный городъ со звономъ, съ пушечною пальбою. Въ назначенный день поѣхала и я посмотрѣть ея встрѣчи: для того полюбобытствовала, что я ея не знала отъ роду въ лице, кто она. Во дворцѣ, въ одной отхожей комнатѣ, я сидѣла, гдѣ всю церемонію видѣла. Она шла мимо тѣхъ оконъ, подъ которыми я была, и тутъ послѣдній разъ видѣла, какъ мой женихъ командовалъ гвардію; онъ былъ маіоръ, отдавалъ ей честь на лошади. Подумайте, каково мнѣ глядѣть на сіе позорище! И съ того времени въ жизни своей я ея не видала. Престрашнаго была взору. Отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста. Какъ я поѣхала домой,

надобно было ѣхать черезъ всѣ полки, которые въ строю были собраны. Я поспѣшила домой, еще не распущены были. Боже мой! И тогда свѣта не видѣла, и не знала отъ стыда, куда меня везуть, и гдѣ я. Одни кричатъ: это отца нашего невѣста! Подбѣгають ко мнѣ: матушка наша, лишились мы своего государя! Иные кричатъ: прошло ваше время, теперь не старая пора! Принуждена была все это вытерпѣть; рада была, что добѣжала до двора своего; вынесъ Богъ изъ такого содому.

Какъ скоро вступила государыня въ самодержавство, такъ и стали искоренять нашу фамилію; не такъ бы она злобна была на насъ, да фаворить ея, который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить, чтобъ его на свѣтѣ не было; по той злобѣ, когда ее выбрали на престолъ, то между прочими пунктами написано было, чтобъ онаго фаворита, который былъ при ней камергеромъ, въ наше государство не ввозить: потому что они жили въ своемъ владѣніи; хотя она и наша принцесса, да была выдана замужъ; овдовѣвши жила въ своемъ владѣніи, а оставить и его въ своемъ домѣ, чтобъ онъ у насъ ни въ какихъ дѣлахъ не былъ, къ чему она и подписалась. Однако злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили; и его къ ней по прежнему допустили. Какъ онъ усилился, побравъ себѣ знатныя чины, первое возымѣлъ дѣло съ нами, и искалъ, какими бы мѣрами насъ истребить изъ числа живущихъ. Такъ публично говорилъ: дома той фамиліи не оставлю! Что онъ не напрасно говорилъ, но и въ дѣло произ-

велъ. Какъ онъ уже взошелъ на великую степень, онъ не могъ уже на насъ спокойными глазами глядѣть. Онъ насъ боялся и стыдился; зналъ нашу фамилію, за сколько лѣтъ рожденные князья имѣли свое владѣніе, сколькимъ коронамъ заслужили. Всѣ предки нашъ родъ любили за вѣрную службу къ отечеству, живота своего не щадили; сколько на войнахъ головы свои положили! За такія ихъ знатныя службы были отъ государей отменно награждены великими чинами, кавалеріями, и въ чужихъ государствахъ многимъ спокойствіе дѣлали, гдѣ имя ихъ славно; а онъ былъ самый подлый человекъ, а дошелъ до такого великаго градуса, однимъ словомъ сказать, только одной короны не доставало! Уже всѣ въ руку его цѣловали, и что хотѣлъ, то дѣлалъ: уже титуловали его ваше высочество; а онъ не что иное былъ, какъ башмачникъ: на дядю моего сапоги шилъ⁽¹⁵⁾. Сказываютъ, мастеръ превеликой былъ; да красота его до такой великой степени довела. Бывши такихъ высокихъ мыслей, думалъ, что не удастся ему до конца привести свое намѣреніе, онъ не истребить знатные роды; (но) такъ и сдѣлалъ: не только нашу фамилію, но другую такую же знатную фамилію сокрушилъ, раззорилъ и въ ссылку сослалъ⁽¹⁶⁾. Уже все ему было покорено. Однако о томъ я буду молчать, чтобъ не прейти предѣловъ; и намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать.

(15) Княгиня вѣроятно хотѣла сказать: на дядю ея мужа, на кн. Сергія Григорьевича. Извѣстіе это не подтверждается другими свѣдѣніями о молодости Вирона.

(16) Т. е. князей Голицыныхъ

Не зналъ онъ, чѣмъ начать, чтобъ насъ сослать. Первое, всѣхъ сталъ къ себѣ призывать изъ тѣхъ же людей, которые намъ прежде друзья были: ласкалъ ихъ, выпрашивалъ, какъ мы жили, и не дѣлали ли кому обиды, не брали ли взятокъ? Нѣтъ, никто ничего не сказалъ. Онъ этимъ не доволенъ былъ; велѣлъ указомъ объявить, чтобъ всякой безъ опасности подавалъ самой государынѣ челобитныя, ежели кого чѣмъ обидѣли⁽¹⁷⁾; и того удовольствія не получилъ. А между тѣмъ всякія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ; иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ; иной скажетъ, чины и кавалеріи оберутъ; подумайте, каково мнѣ тогда было, будучи въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руку помощи не имѣть, и не съ кѣмъ о себѣ посоветывать; а надобно и домъ, долгъ и честь сохранить, и вѣрность не уничтожить. Великая любовь къ нему весь страхъ изгонитъ изъ сердца; а иногда нѣжность воспитанія и природа въ такую горестъ приведетъ, что всѣ члены овѣмѣютъ отъ несносной тоски. Куда какое это злое время было! Мнѣ кажется, при Антихристѣ не тошнѣе того будетъ. Кажется, въ тѣ дни и солнце не свѣтило; кровь вся закипитъ, когда вспомню, какая это подлая душа, какіе столбы поколебала, до основанія раззорилъ, и до днесъ не можемъ исправиться; что же до меня касается, въ здѣшнемъ свѣтѣ на вѣки пропала.

И такъ мое жалкое состояніе продолжалось по апрѣль мѣсяцъ; только и отрады мнѣ было, когда его вижу, поплачемъ вмѣстѣ, и такъ до

(17) Обыкновенный тогдашній способъ для получения извѣтвъ.

мой поѣдетъ. Куда уже всѣ веселья пошли! Ниже сродства было, что это женихъ къ невѣстѣ ѣздитъ. Что же между тѣмъ, какія были домашнія огорченія? (18) Боже, дай мнѣ все то забыть! Наконецъ ужъ надо нашъ несчастливый бракъ окончить; хотя, какъ ни откладывали день отъ дня, но, видя мое непремѣнное намѣреніе, принуждены согласиться. Братъ тогда былъ боленъ большой, а меньшой, который меня очень любилъ, жилъ въ другомъ домѣ⁽¹⁹⁾, по той причинѣ, что онъ тогда не лежалъ еще воепою, а большой братъ былъ воепою боленъ. Ближніе сродники всѣ отступились; дальніе и пуще не имѣли резону. Бабка родная умерла⁽²⁰⁾. И такъ я осталась безъ призрѣнія; самъ Богъ меня давалъ за мужъ, а больше никто. Не можно всѣхъ тѣхъ безпорядковъ описать, что мною тогда были; уже день назначили свадьбы; не кому проводить, никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да не кому и звать. Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственныхъ, которыя меня прово-

(18) Вѣроятно княгиня разумѣетъ здѣсь свое вдовье положеніе въ домѣ брата, когда ее отговаривали выходить за мужа за человека, которому грозилъ бѣдетіи.

(19) Графъ Сергѣй Борисовичъ Шереметевъ (р. 10 окт. 1715 † 30 янв. 1768) не имѣлъ дѣтей отъ брака съ кн. Фетиньей Яковлевной Лобановой-Ростовской. О немъ сохранилась слѣдующая отиѣтка въ записной книжкѣ княгини Натальи Борисовны: „Еще не у конецъ мовъ ѣдмъ. 1768 генвари 30 дня послѣдняго утѣшенія лишилась въ странствіи моемъ: окончила жизнь свою любезной мой братъ и отецъ и другъ, безпримѣрной братъ былъ графъ Сергѣй Борисовичъ.“

(20) Бабка княгини по матери, Марья Ивановна Салтыкова, урожд. княжна Прозоровская скончалась въ самый разгаръ тогдашняго переворота, 23 февр. 1730.

жали, а то принуждена бы съ рабою ѣхать; а ѣхать надобно было въ село, пятнадцать верстъ отъ города: тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они всегда лѣтомъ жилали; мѣсто очень веселое и устроенное; палаты каменные, пруды великіе, ранжереи и церковь въ палатахъ. Послѣ смерти государевой отецъ его съ своею фамиліею тамъ жилъ⁽²¹⁾. Фамилія ихъ была не малая: я, все презря, на весь страхъ! Свекоръ былъ и свекровь, три брата, кромѣ моего мужа, и три сестры; вить надобно бы о томъ подумать, что я всѣмъ меньшая и всѣмъ должна угождать во всемъ; во всемъ положила на волю Божию: знать судьба мнѣ такъ опредѣлила!

Вотъ уже, какъ я стала прощаться съ братомъ и со всѣми домашними, кажется бы и варваръ сжалился, видя мои слезы; кажется, и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать; братъ и домашніе такъ много плакали, что изъ глазъ меня со слезами отпустили. Какая эта розница свадьба, сговоръ? Тамъ всѣ кричали: ахъ! какъ она счастлива; а тутъ провожаютъ и плачутъ: знать что я всѣмъ жалка была. Боже мой, какая перемѣна! Какъ я выѣхала изъ отцовскаго дому, съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ странствовала. Привезли меня въ домъ свѣкровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу передъ собою. Подумайте, и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти, надобно подумать послѣднее счастье;

(21) Знаменитыя Горенки, нынѣ полуразрушенныя, въ 14 верстахъ отъ Москвы, по Владимірѣ. Въ началъ нынѣшняго вѣка они принадлежали гр. А. К. Разумовскому и славилась ботаническимъ садомъ; за тѣмъ перешли во владѣніе Н. А. Волюва; нынѣшній владѣлецъ ихъ намъ неизвѣстенъ.

не токмо въ такомъ состояніи, какъ я шла. Я пріѣхала въ одной каретѣ, да двѣ вдовы со мною сидятъ, а у нихъ всѣ родные приглашены, дядья, тетки; и пуще мнѣ стало горько: привезли меня какъ бѣдинькую сироту; принуждена все сносить. Тутъ насъ въ церкви вѣнчали. По окончаніи свадебной церемоніи, провожатые мои меня оставили, поѣхали домой; и такъ нашъ бракъ былъ плачу больше достоинъ, а не веселія. На третій день, по обыкновенію, я стала собираться съ визитами ѣхать по ближнимъ его сродникамъ и рекомендовать себя въ ихъ милость: всегда можно было изъ того села ѣхать въ городъ послѣ обѣда, домой ночевать пріѣзжали.

Вмѣсто визитовъ, сверхъ чаянія моего, мнѣ сказываютъ, пріѣхалъ де секретарь изъ Сенату⁽²²⁾; свекоръ мой долженъ былъ его принять. Онъ ему объявляетъ: указомъ велѣно де вамъ ѣхать въ дальнія деревни, и тамъ жить до указа. Охъ! какъ мнѣ эти слова не понравились; однако я крѣплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ

(22) Указы, относящіеся до паденія, ссылки и казни кн. Долгорукихъ, собраны въ книгѣ „Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ“, Сиб. 1840, стр. 237—256. По подлинное дѣло кн. Долгорукихъ доселѣ не издано. Оно хранится въ Государств. Архивѣ, и нѣкоторыми выписками изъ него, сдѣланными П. К. Шебальскимъ и обязательно намъ сообщенными, мы воспользовались для нашихъ примѣчаній. Указъ, о которомъ говорить кн. Наталья Борисовна, подписанъ былъ 9 апрѣля 1730 г., т. е. слишкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ провозглашенія Анны Іоанновны самодержицею. Князю Алексѣю Григорьевичу съ семейю велѣно жить въ Пензенской его деревнѣ, селѣ Никольскомъ.

представляю: поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ, глядя на меня, удивляется моему молодому и смѣлости. Нѣтъ, я не хотѣла свадебной церемоніи пропустить, и не разсудя, что уже бѣда, подбила мужа, уговорила его ѣхать съ визитомъ: поѣхали къ дядѣ родному, которой насъ съ тѣмъ стрѣтилъ: былъ ли у васъ сенатскій секретарь? У меня былъ, и велѣно мнѣ ѣхать въ дальнія деревни, жить до указа. Вотъ тутъ и другіе дяди съѣхались, всѣ тоже сказываютъ. Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нѣту починки: это мнѣ свадебные конфеты. Скорѣе домой поѣхали, и съ тѣхъ поръ мы другъ друга не видали, и никто ни съ кѣмъ не прощались: не дали время. Я пріѣхала домой; у насъ уже, уже собираются; велѣно, въ три дни чтобъ въ городъ не было; принуждена судьбѣ повиноваться. У насъ такое время, когда къ несчастію, то нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше Турковъ: когда бѣ прислали петлю, должны бѣ удавиться.

Подумайте, каково мнѣ тогда было видѣть: всѣ плачутъ, суетятся, собираются! И я сучусь. Куда ѣду, не знаю, и гдѣ буду жить, не вѣдаю, только что слезами обливаюсь. Я еще и къ нимъ ни къ кому не привыкла; мнѣ страшно было только въ чужой домъ перейти. Какъ это тяжело! Такъ далеко везутъ, что никого своихъ не увижу; однако въ разсужденіи для милаго человѣка все должна сносить; стала я собираться въ дорогу; а какъ я очень молода, никуда не ѣзжала, и что въ дорогѣ надобно, не знала никакихъ обстоятельствъ, что можетъ впредь быть: обѣимъ намъ и съ мужемъ было тридцать семь лѣтъ. Онъ вы-

росъ въ чужихъ⁽²³⁾, жилъ все при дворѣ; онъ все на мою волю отдалъ; не знала, что мнѣ дѣлать, научить было не кому. Я думала, что мнѣ ничего не надобно будетъ, и что очень скоро насъ воротятъ. Хотя и вижу, что свекровь и золовки съ собой очень много берутъ изъ брилліантовъ, изъ галантерей, все по карманамъ прячутъ⁽²⁴⁾, мнѣ до того и нужды не было: я только кожу

⁽²³⁾ Въ Другѣ Юношества 1810 г., гдѣ въ первый разъ появились эти Записки, при словѣ *чужихъ* прибавлено въ скобкахъ *кравъ*. Такъ какъ тогда печаталъ Записки родной внукъ князя Ивана Алексѣевича, кн. Иванъ Михайловичъ Долгорукій, то по всему вѣроятію эта прибавка сдѣлана не безъ основанія. Быть можетъ, любимецъ Петра II-го воспитывался въ Варшавѣ у своего роднаго дѣда, тамошняго Русскаго посланника кн. Григорія Оеодоровича, гдѣ жила также и сестра его, невѣста имп. Петра II-го (см. Р. Арх. 1866, стр. 38).

⁽²⁴⁾ Эти вещи, забранныя кн. Долгоруковыми съ собою въ ссылку, впоследствии и погубили ихъ, ибо дали поводъ Березовскимъ жителямъ въ разнымъ толкамъ и доносамъ. По выпискамъ изъ подлиннаго дѣла видно, что въ Березовѣ кн. Долгорукіе вѣздили на дѣвичникъ къ одному посадскому человѣку, и кн. Наталья Борисовна подарила невѣстѣ серьги серебряныя вызолоченныя, камку, сѣтку серебряную на чепецъ. Даже и въ наши дни подобныя подарки отъ ссыльной производятъ въ любомъ уѣздномъ городѣ всякаго рода шушуканье. Когда въ 1732 г. у княгини родился второй сынъ кн. Борисъ (умеръ въ младенчествѣ), то крестною матерью упростили быть жену воеводы Ивана Вобровскаго, и подарили ей парчу, насыпанную серебряную (за что потомъ воевода битъ кнутомъ и съ урѣзаніемъ ноздрей сосланъ въ вѣчную работу). Въ 1739 году, по описи прапорщика Челищева, у княгини Натальи Борисовны, уже по разлученіи съ мужемъ, оказалось тонкой парчи по бѣлой землѣ съ золотыми травами 4 аршина, да денегъ 4106 р. 24 к. Это было или наслѣдство отъ свекра и свекрови, или пересланное отъ родныхъ братьевъ изъ Москвы.

за нимъ слѣдомъ, чтобъ изъ глазъ моихъ куда ни ушелъ; и такъ чисто собралась: что имѣла при себѣ, золото, серебро, все отпустила домой къ брату на сохраненіе; довольно моему глупому тогдашнему разсудку, изъяснить вамъ хочу, не только брилліантовъ что оставить для себя и всякихъ нуждъ, всякую мелочь, манжеты кружевные, чулки, платки шелковые, сколько ихъ было дюжинъ, все отпустила. Думала, на что мнѣ тамъ? всего не переносить; шубы всѣ обобрала у него и послала домой, потому что они всѣ были богатя; одинъ тулупъ ему оставила, да себѣ шубу, да платье черное, въ чемъ ходила тогда по государѣ. Братъ прислалъ на дорогу тысячу рублей, на дорогу вынула четыреста, а то назадъ отослала; думаю, на что мнѣ такъ много денегъ прожить? Мы поѣдемъ на общемъ коштѣ; мой отъ отца не отдѣленъ. Послѣ уже узнала глупость свою, да поздно было; только на утѣшеніе себѣ оставила одну табакерку золотую, и то для того, что царская милость.

И такъ мы, собравшись, поѣхали; съ нами было собственныхъ людей десять человекъ, да лошадей его любимыхъ верховыхъ пять. Я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на обчемъ. Ыдемъ въ незнаемое мѣсто, и путь въ самой разливъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, гдѣ всѣ луга потопляеть вода, и маленькіе разливы бываютъ озерами; а ѣхать до той деревни, гдѣ намъ жить, восемь сотъ верстъ⁽²⁵⁾.

(25) Князья Долгоруковы, направляясь въ Пензенскую вотчину, поѣхали на Коломну, и оттуда Егорьевскимъ уѣздомъ Рязанской губерніи къ Еасимову, подъ которымъ у нихъ было тоже помѣстье. Мѣстность эта изобилуетъ болотами.

Изъ моей родни никто ко мнѣ не поѣхалъ проститься, или не смѣли, или не хотѣли, Богъ-то разсудить; а только со мной поѣхала моя мадамъ, которая за маленькою за мною ходила, иноземка; да дѣвка, которая при мнѣ жила: я и тѣмъ была рада. Мнѣ какъ ни было тяжело, однако принуждена духъ свой стѣснять и скрывать свою горестъ для мужа милаго; ему и такъ тяжело, что самъ страждеть, при томъ же и меня видить, что его ради погибаю. Я въ радости ихъ не участница была, а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая, надобно всякому угодить. Я надѣялась на свой нравъ, что я всякому услужу. И такъ, куда мы прїдемъ на станъ, пошлемъ закупать сѣно, овесъ лошадямъ. Стала уже и я въ экономію входить; вижу, что денегъ много идетъ. Мужъ мой поидеть смотрѣть, какъ лошадямъ кормъ задають, и я съ нимъ: отъ скуки что было дѣлать? Да эти лошади право и стоили того, чтобъ за ними смотрѣть; ни прежде, ни послѣ такихъ красавицъ не видала; когда бъ я была живописецъ, не устыдилась бы ихъ портреты написать.

Девяносто верстъ отъ города какъ отѣхали, въ первой провинціальной городъ прїѣхали: тутъ случилось намъ обѣдать. Вдругъ явился къ намъ капитанъ гвардіи, объявляетъ намъ указъ: велѣно де съ вась кавалеріи снятъ⁽²⁶⁾. Въ столицѣ знать стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой, какое это ихъ правосу-

(26) Это былъ манифестъ 14 Апрѣля 1730 г. Его привезъ нашимъ путешественникамъ въ Коломну, посланный отъ Сената капитанъ Преображенскаго полка Петръ Воейковъ.

дѣ! Мы отдали тотчасъ съ радостію, чтобъ ихъ успокоить; думали, они тѣмъ будутъ довольны, обругали, сосланы; нѣтъ, у нихъ, не то на умѣ. Поѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми стезями, никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; кучера только знаютъ, какъ по городу провезти. Настигла насъ ночь, принуждены стать въ полѣ, а гдѣ, не знаемъ, на дорогѣ ли, или свернули, никто не знаетъ. потому что все воду объѣзжали. Стали тутъ, палатки поставили. Это надобно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ даль поставлена, потому что лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ близости золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы будто иной партія: послѣднее мѣсто намъ будетъ (27). Случалось и въ болотѣ; какъ

(27) Тяжесть обстановки усиливалась для преласной и неповинной княгини еще и тѣмъ, что свекоръ не любилъ ея мужа, своего старшаго сына. Еще при жизни Петра II го, князь Алексѣй Григорьевичъ, недовольный сыномъ, замышлялъ сѣнить его при государѣ, вторымъ своимъ сыномъ Николаемъ. Сестра ихъ, бывшая царская невѣста, открыто враждовала съ кн. Иваномъ. Молодой княгинѣ приходилось выносить всю муку мелочныхъ семейныхъ ссоръ. Опальное семейство, ѣхавшее въ ссылку, состояло изъ 1) отца, князя Алексѣя Григорьевича недавно дѣств. т. совѣтника и члена верхова тайнаго совѣта. По согласному показанію современниковъ онъ былъ человѣкъ ненасытнаго корыстолюбія. 2) матери, княгини Прасковьи Юрьевны урожд. Хилковой, 3 и 4) князя Ивана 22-хъ лѣтъ и супруги его, нашей княгини Натальи Борисовны, 16-ти лѣтъ, 5) княжны Екатерины, бывшей царской невѣсты, 18-ти лѣтъ (по сказанію иностранцевъ, только что разрѣшившейся отъ бремени), 6) кн. Николая, 17-ти лѣтъ (мужское потомство его вымерло) 7) княжны Елены, 15-ти лѣтъ, бывшей потомъ за мужемъ за кн. Ю. Ю. Долгорукимъ же, 8) князя

постелю сымуть — мокра, иногда и башмаки полны воды. Это мнѣ очень памятно, что весь лугъ былъ зеленой, травы не было, какъ только чеснокъ полевой; и такой былъ духъ тяжелой, что у всѣхъ головы болѣли; и когда мы ужинали, то мы всѣ видѣли, что два мѣсяца взошло, ардинарный большой, а другой подлѣ него поменьше, и мы долго на нихъ смотрѣли, итакъ ихъ оставили, спать пошли. По утру, какъ мы встали, свѣтъ насъ освѣтилъ, удивлялись сами, гдѣ мы стояли: въ самомъ болотѣ и не по дорогѣ; какъ насъ Богъ помиловалъ, что мы гдѣ не увязли ночью; такъ оттудова насилу на прямую дорогу выбились.

Маленькая у насъ утѣха была, псовая охота. Свекоръ превеликій охотникъ былъ: гдѣ случится какой перелѣсочекъ, мѣсто для нихъ покажется хорошо, верхами сядутъ и поѣдутъ, пустятъ гончихъ; только прохождение было время, или сказать скучъ (28). А я останусь одна, утѣшу себя, дамъ глазамъ своимъ волю, и плачу сколько хочю.

Алексѣя, 14-ти лѣтъ (отъ него осталось большое потомство, и сынъ его кн. Алексѣй Алексѣевичъ былъ впоследствии министромъ юстиціи), 9) княжны Анны и 10) кн. Александра, 12-ти лѣтъ (отъ него есть мужское потомство).

(28) Слабыя воспоминанія недавнихъ великолѣпныхъ охотъ, на которыхъ кн. Алексѣй Григорьевичъ создалъ свое благополучіе! Охоты эти, не смотря на тогдашнюю бездорожицу, производились за сотню верстъ отъ Москвы. Покойный А. С. Хомяковъ рассказывалъ по преданію, что Петръ II-й охотился даже въ Чернскомъ уѣздѣ, и городу Черни дана была похвальная грамота, въ которой упоминалось о вдовившихся тамъ отличныхъ русакахъ. Вѣрно ли это преданіе, не знаемъ; но, живя зимою 1729 года довольно долгое время въ Тулѣ, Петръ II-й дѣйствительно могъ о хотиться въ Чернскомъ уѣздѣ

Въ одинъ день такъ случилось, мой товарищъ поѣхалъ верхомъ, а я осталась въ слезахъ. Очень уже поздно, стало смеркаться, и гораздо уже темно; вижу, противъ меня скачуть двое верховые, прискакали къ моей каретѣ, кричатъ: стой! Я удивилась; слышу голосъ мужа моего и съ меньшимъ братомъ, который весь мокръ. Говорить мнѣ мужъ: вотъ онъ избавилъ меня отъ смерти. Какъ же я испужалась! Какъ де мы поѣхали отъ васъ, и все разговаривали, и сшиблись съ дороги; видимъ мы, за нами никого нѣтъ; вотъ мы по лошадямъ ударили, чтобъ скорѣе кого своихъ наѣхать; видимъ, что поздно; пріѣхали къ ручью, казался очень мелокъ; такъ мой мужъ хотѣлъ напередъ ѣхать опробовать, какъ глубоко. Такъ бы они конечно утонули, потому что тогда подъ нимъ лошадь была не проворна, и онъ былъ въ шубѣ; братъ его удержалъ, говорить: постой! на тебѣ шуба тяжела, а я въ одномъ кафтанѣ, подо мною же и лошадь добра, она меня вывезетъ, а послѣва переѣдете. Какъ это выговоря, тронулъ свою лошадь; она передними ногами ступила въ воду, а задними уже не успѣла, какъ ключъ ко дну; такъ крутоберего было и глубоко, что не могла задними ногами справиться, одна только шляпа поплыла; однако она очень скоро справилась, лошадь была проворная; а онъ крѣпко на ней сидѣлъ, за гриву ухватился. По счастью ихъ, человекъ ихъ наѣхалъ, который отъ нихъ отсталъ; видя ихъ въ такой бѣдѣ, тотчасъ кафтанъ долой, бросился въ воду; онъ умѣлъ плавать, ухватилъ за волосы и притащилъ къ берегу. И такъ Богъ его спасъ животъ, и лошадь выплыла. Такъ испужа-

лась и плачу, и дрожу вся; побояжилась, что я его никогда верхомъ не пущу; спѣшили скорѣе доѣхать до мѣста, на силу его отогрѣли, въ деревню пріѣхавши.

Послѣ, нѣсколько дней спустя, пріѣхали мы ночевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣка преширокая; только что мы расположились, палатки поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, вся деревня, валяются въ ноги, плачутъ, просятъ: спасите насъ! сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ намъ пріѣхать, насъ всѣхъ побить до смерти, а деревню сжечь; помогите вы намъ! у васъ есть ружья; избавьте насъ отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ кромѣ топоровъ ничего нѣтъ; здѣсь воровское мѣсто; на этой недѣлѣ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню совсѣмъ разорили; мужики разбѣжались, а деревню сожгли. Ахъ, Боже мой! какой же на меня страхъ пришелъ; боюсь до смерти разбойниковъ; прошу, чтобъ уѣхать отсюда; никто меня не слушаетъ. Всю ночь не спали, пули лили, ружья заряжали, и такъ готовились на драку; однако Богъ избавилъ насъ отъ той бѣды: можетъ быть, они и подѣзжали водою, да побоялись, видя такой великій обозъ, или и не были. Чего же мнѣ эта ночь стоила! Не знаю, какъ я ее пережила; рада, что свѣту дождалась. Слава Богу! уѣхали.

И такъ мы три недѣли путались и пріѣхали въ свои деревни, которыя были на половинѣ дороги, гдѣ намъ опредѣлено было жить.

Пріѣхавши, мы расположились на нѣсколько время прожить, отдохнуть намъ и лошадямъ; я очень ра-

да была, что въ свою деревню приѣхали⁽²⁹⁾. Казна моя уже очень истощала; думала, что моимъ расходамъ будетъ перемѣна, не все буду покупать, по крайней мѣрѣ сѣна лошадамъ не куплю; однако я не долго объ этомъ думала; не больше мы трехъ недѣлей тутъ прожили, паче чаянiя нашего вдругъ ужасное нѣчто насъ постигло. Только что мы отобѣдали — въ эвтомъ селѣ былъ домъ господскiй, и окна были на большую дорогу: — взглянула я въ окно, вижу я пыль великую по дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Какъ стали подѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляска....⁽³⁰⁾; всѣ наши бросились смотреть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ: въ коляскѣ офицеръ гвардiи, а по телѣгамъ солдаты, двадцать четыре человекъ⁽³¹⁾. Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умалается, а больше умножается. Подумайте, чтѣ я тогда была! Упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ. Я уже ничего не знаю, чтѣ они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа, и не отпускаю отъ се-

бя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великiй плачь сдѣлался въ домѣ нашемъ; можно ли ту бѣду описать? Я не могу ни у кого доспроситься, чтѣ будетъ съ нами, не разлучатъ ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ ними неразлучно; женщины какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы, и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ уже на квартиру не отпускаютъ; какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ роду ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты задавать; видно, что хотятъ насъ везти, да не знаемъ куда. Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

Войдите въ мое состоянiе, каково мнѣ тогда было! Только меня и пободряло, что онъ со мною, и всѣ, видя меня въ такомъ состоянiи, увѣряютъ, что съ нимъ неразлучна буду. Я бы хотѣла самоѣ офицера спросить, да онъ со мною не говорить, кажется неприступный; придетъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я сижу, поглядитъ на меня, плечами пожметъ, вздохнетъ и прочъ поидетъ, а я спросить его не осмѣлюсь.

Вотъ уже къ вечеру велеть намъ въ кареты садиться и ѣхать. Я уже опомнилась, и стала просить, чтобъ

⁽²⁹⁾ Въ село Селище, въ 6 верстахъ отъ города Касимова по дорогѣ въ Елатму, нынѣ слишкомъ 500 душъ обоѣго пола и одна церковь (См. Списки, населен. м. Р. имп. Ряз. губ. Спб. 1862, стр. 62). Село Селище съ деревнями теперь принадлежитъ Е. А. Пряженцовой и Н. А. Чебышевой.

⁽³⁰⁾ Въ подлинникѣ два слова нельзя разобрать.

⁽³¹⁾ По выпискамъ изъ подлиннаго дѣла видно, что это было 20 iюня; въ Селище приѣхалъ за кн. Долгоруковыми капитанъ-поручикъ Артемiй Макшеевъ, который 24 iюня и повезъ ихъ въ Сибирь. Выѣзжая изъ подѣ Касимова, кн. Наталья Борисовна писала къ брату своему гр. Петру Борисовичу письмо о присылкѣ денегъ.

меня отпустили на квартиру собрать-ся; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла, и два солдата за мною; я не помню, какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла я съ нимъ поговорить и свидать, что съ нами дѣлается; а солдаты тутъ, ни пяди отъ насъ не отстаютъ; подумайте, какое жалостное состояніе! И такъ я ничего не знаю, что далѣе съ нами будетъ. Мои домашніе собрались; я уже ничего не знаю; они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить, а солдаты всѣ за ними поѣхали. Тутъ уже онъ мнѣ сказалъ: офицеръ объявилъ, что велѣно васъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальніе города, а куда — не велѣно сказывать. Однако свекоръ мой умило-стивилъ офицера и привелъ его на жалость; сказалъ: что насъ везутъ въ островъ ⁽³²⁾, которой состоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ никого не допускать, ни насъ никуда, кромѣ церкви; переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; первое, лишилась дому своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила; я же не буду и слышать объ нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестры маленькія остались. О Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипѣла отъ несносности. Думаю

⁽³²⁾ Городъ Березовъ дѣйствительно стоитъ на острову, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою. По академическому календарю на 1866 г. въ немъ жителей и нынѣ всего 1462.

я, уже никого не увижу своихъ, буду жить въ страствіи; кто мнѣ поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ и вѣдать обо мнѣ, гдѣ я; когда я ни съ кѣмъ не буду корреспонденціи имѣть, или переписки; хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто мнѣ не подастъ; а можетъ быть, имъ тамъ скажутъ, что я уже умерла, что меня и на свѣтъ нѣтъ; они только поплачутъ, и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться! Съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, онѣмѣли, а послѣ полились слезы.

Мужъ мой очень испужался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла; истинная его ко мнѣ любовь принудила духъ свой стѣснить и утаевать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкрѣплять, чтобъ онъ себя не сокрушилъ: онъ всего свѣту дороже былъ. Вотъ любовь до чего довела: все оставила, и честь, и богатство, и сродниковъ, и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стѣбилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ страствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды. Послѣ услышите, ежели слабость моего здоровья допуститъ всѣ мои бѣды описать.

И такъ насъ довели до города ⁽³³⁾. Я вся расплакана; свекоръ мой очень испужался, видя меня въ такомъ состояніи; однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ тутъ съ нами и унтеръ-офицеръ; поставили насъ уже вмѣстѣ, а не на разныхъ квартирахъ, и у дверей поставили часовыхъ, примкнуты штыки.

Тутъ мы жили съ недѣлю, пока мѣстѣ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако не такъ сдѣлалось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ; все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; людей намъ дали для услугъ 10 человѣкъ, а женщинъ на каждую персону по человѣку, всѣхъ пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мои отговорили; для себя включили въ то число свою; а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ, ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя пла-

⁽³³⁾ Т. е. до Касимова.

четъ, не хочеть отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ я хорошо собралась; ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла при себѣ она моя воспитательница при себѣ денегъ, мнѣ отдала; сумма не очень велика была, шестьдесятъ рублей; съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ дому нашего; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я въ свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ; сколько можно было, помогала моему бѣдному состоянію; пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я уже ее въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ другу за шею, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили ⁽³⁴⁾. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ; я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, думаю, еще хотя разъ увижу—ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ; знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится. Такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь. ⁽³⁵⁾

⁽³⁴⁾ Имя этой воспитательницы намъ неизвестно.

⁽³⁵⁾ По выпискамъ изъ слѣдственаго дѣла видно, что капитанъ-поручикъ Артемій Мак-

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертеть съ боку на бокъ; какъ громъ грянетъ, то и падаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась, та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою; когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою: вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною; а когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положить на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувства лежу, покамѣстъ погода утихнетъ и покроютъ меня шубою: — на водѣ вѣтры очень пронизательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ.

шеевъ повесть князей Долгоруковыхъ 24 іюня (1730) на стругахъ Окою. 26 іюня приплыли они въ Муромъ, 28 въ Нижній, 2 іюля въ Казань, 13 іюля поплыли по Камѣ, 1 августа въ Соликамскѣ сѣли на подводы. 3 августа въ деревнѣ Сурмагахъ нагналъ ихъ нарочный отъ Сената прапорщикъ Любовниковъ, который описалъ все бывшее съ ними имущество, но не отбиралъ. 24 августа чрезъ Верхотурье прибыли они въ Тобольскъ, а оттуда поѣхали въ Березовъ съ капитаномъ Сибирскаго гарнизона Петромъ Шарынинымъ, 1 сержантомъ, 1 капраломъ и 24 человекъ солдатъ. 24 сентября Макшеевъ оставилъ ихъ въ Березовѣ, а самъ уѣхалъ въ Москву.

Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла, все тошнилось ⁽³⁶⁾.

Однажды что съ нами случилось:— погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто бъ зналъ, гдѣ глубь, гдѣ мель, и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ, а такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ, а темно ужъ становится, ночь близка, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ; якорь бросили среди рѣки въ самую глубь: якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ на верхъ; боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не задавили; люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло; я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотреть: наше судно стоитъ какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы; никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ; на одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рощѣ не очень густой: стала эта земля осѣдять и съ лѣсомъ нѣсколько сажень опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ къ верху подыметъ, и насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго; думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ

⁽³⁶⁾ Княгиня была тогда беременна первымъ ребенкомъ, кн. Михаиломъ Ивановичемъ, родившимся въ Березовѣ 2 апрѣля 1731 года.

уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самою частію земли вода; надобно думать, что озеро; когдабъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобнобъ намъ въ томъ озерѣ быть. Вътеръ преужасный тогда былъ; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когдабъ не самая милость Божія поспѣшила. Вътеръ сталъ утихать, и землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды, выѣхали на свѣту на свой путь, изъ онаго заливу въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ. Однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на большія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ.

Доѣхали мы до города⁽³⁷⁾ гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ, и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ: не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти на горы, и съ горы также; они же какъ усыпаны дикимъ камнемъ, а дорожка такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы, ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оныя же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взѣдешь на самый верхъ горы, и посмотришь по сторонамъ, неизмѣримая глубина; только видны одни вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣ-

су не видала. Эта каменная дорога, я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости; а спѣшать какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться; а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жили нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики, для пристанища проѣзжавшимъ и для корму лошадямъ. Что случилось? Одинъ день весь шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы и до ногъ съ насъ текло, какъ изъ рѣки вышли; коляски были маленькія, кожи всѣ примокли, закрыться не чѣмъ; да и приѣхавши на квартиру обсушиться не гдѣ, потому что одна только хижина, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Со мною и тутъ несчастье пошутило. Повадка или привычка прямо ходить; меня за то съ малу били: ходи прямо, притомъ же и росту я не малаго была: какъ только въ ту хижину вошла, гдѣ намъ ночевать, только черезъ порогъ переступила, назадъ упала, ударилась объ матицу, она была очень низка; такъ крѣпко, что я думала, что съ меня голова спала. Мой товарищъ испужался; думалъ, я умерла; однако молодость лѣтъ все мнѣ сносить помогала, всякія бѣдственныя приключенія; а бѣдная свекровь моя такъ простудилась отъ этой мокроты, что и руки и ноги отнялись, и черезъ два мѣсяца животъ свой окончила. Не можно всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла: пускай бы я одна въ страданіи была, товарища своего не могу видѣть безвинно-страдающаго.

(37) Соликамска.

Сколько мы въ этой дорогѣ были недѣль, не упомяну. Доѣхали до провинціального города того острова, гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою, и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ обратно, а насъ препоручать тутошняго гварнизона офицеру, съ командою 24 человекъ солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ, и говорилъ: таперь то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать, какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ. И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщикова премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла, великая розница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно; хотя бы на другой день пропасть; какъ мы тогда назывались арестанты, инаго имени не было;—что уже въ свѣтъ этаго титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли; насквозь дыры свѣтятъ

ся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрипѣть; оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, допыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способы искали, какъ бы его приласкать; не могли найти, да въ комъ и найти? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человекомъ! Какой этотъ глупой офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человекъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человекомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и не воздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ, это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говорить, смѣясь: „Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ!“ Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказывалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ, и кому были препору-

чены, чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда бы мы что намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? Чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не карауль ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить....

Тутъ прерывается рассказъ княгини Н. Б. Долгоруковой. Что слѣдуетъ дальше, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя повторенія, написано вѣроятно послѣ, и еще никогда не было напечатано.

Господи Іисусе Христе, Спаситель мой, прости мое дерзновеніе, что скажу съ Павломъ апостоломъ: бѣды въ горахъ, бѣды въ вертепахъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды и отъ домашнихъ. За все благодарю моего Бога, что не попустилъ меня вкусить сладости міра сего. Что есть радость, я ея не знаю. Отецъ мой Небесный предвидѣлъ во мнѣ, что я поползновенна ко всякому злу, не попустилъ меня душою погибнуть; всячески меня смирялъ и всѣ пути мои ко грѣху пресѣкалъ; но я, окаянная и многогрѣшная, не съ благодареніемъ принимала и всячески роптала на Бога, и не вмѣняла себѣ въ милость, но въ наказаніе; но Онъ, яко Отецъ милостивый, терпѣлъ моему безумію и творилъ волю Свою во мнѣ. Будимия Господне благословенно отнынь и до вѣка. Пресвятая Владычица Богородица, не остави въ страшный часъ смертный!

Какая бѣда въ свѣтѣ меня миновала или печаль, не знаю. Когда соберу въ память всю свою изъ

младенческихъ лѣтъ жизнь, удивляюсь сама себѣ, какъ я эти всѣ печали снесла, какъ я всѣ бѣды пересилила, не умерла, ни ума не лишилась: все-то милосердіемъ Божиимъ и Его руководствомъ подкрѣплена была. Съ четырехъ лѣтъ стала сиротою; съ 15 лѣтъ невольницею; заключена была въ маленькомъ пустомъ мѣстечкѣ, гдѣ съ нуждою имѣть можно пропитаніе; сколько жъ я видѣла страховъ, сколько претерпѣла нуждъ! Будучи въ пути случилось ѣхать мнѣ горами триста верстъ безпрерывно, съ горы да на гору верстъ по пяти. Этижъ горы усыпаны природнымъ дикимъ камнемъ, а дорожки такія узкія, что въ одну лошадь впряжено; а по обѣ стороны рвы глубокіе и лѣсомъ обросли; а ѣхать надобно цѣлый день, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе дворики для пристанища и корму лошадей. Я и тогда думала, что меня живую не доvezутъ. Всякой разъ что на камень колесо взѣдидъ и съѣдидъ, то меня въ коляскѣ ударить что, такъ больно треснетъ, кажется будто сердце оторвалось. Между тѣмъ одинъ день случилось, что цѣлый день дождь шелъ и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы до ногъ съ насъ текло, какъ бы мы изъ рѣки вышли; коляски были маленькія, кожи всѣ промокли, закрыться не чѣмъ, да и пріѣхавши на квартиры обсушиться негдѣ, потому что одна только изба, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Довольно бы и того мнѣ, что я пропала и такую нужду терплю, такъ забывъ себя жаль товарища своего: не могу видѣть его въ такомъ безвин-

номъ страданіи. Разсудилось нашимъ командирамъ перемѣнить намъ трактъ и вести насъ водою, или такъ и надобно было; я и рада была. Думала, мнѣ легче будетъ. Я и отъ роду по водѣ не ѣзжала и большихъ рѣкъ, кромѣ Москвы-рѣки, не видала⁽³⁸⁾. Первое, какъ мы тогда назывались арестанты, это имя уже хуже всего въ свѣтѣ. Съ небреженіемъ, какое случилось дали намъ судно худое, что всѣ доски и изъ чего оно сдѣлано разохлись, потому что оно старое. Въ него насъ и посадили, а караульные господа офицеры для своего спасенія набрали лодокъ и ведутъ за собою. Что жъ я тутъ какого страху набралась! Какъ станетъ вѣтеръ судно наше поворачивать, оно и станетъ скрипѣть: всѣ доски станутъ раздвигаться, а вода и польетъ въ судно. А меня за мертво положутъ на палубу на верхъ; безгласно лежу, покуда все утихнетъ и перестанетъ волнами судно качать. Тогда меня внизъ сведутъ. И уже такъ было страшно, ни рабы своей не имѣла. Однажды что случилось: погода жестокая поднялась и бьетъ насъ жестоко, а знающаго никого нѣтъ, ктобъ зналъ гдѣ глубь, гдѣ мель, гдѣ пристать; ничего того нѣтъ, а такъ все мужичье, плывутъ куда вѣтеръ гонитъ, а темно; уже ночь станвится; не могутъ нигдѣ пристать; якорь бросили посреди рѣки—не держитъ, оторвало и якорь. Меня тогда еще не пустил мой сострадалецъ на верхъ; а положилъ меня въ чуланѣ, который для насъ сдѣланъ былъ, дощечками огороженъ, на кровать, и такъ за мертво лежу;

⁽³⁸⁾ Это заставляетъ предполагать, что кн. Н. Б. Долгорукова родилась въ Москвѣ и съ родителями не жила въ Петербургѣ.

слышу я вдругъ: насъ какъ дернуло, и всѣ стали кричать, шумъ превеликой сталъ. Что же это за крикъ? Всѣ испужались; нечаянно наше судно притянуло или прибило въ заливъ, и мы стали между береговъ, на которыхъ лѣсъ и большія березы. Вдругъ стала это земля осѣдать нѣсколько сажень и съ деревьями опускаться въ воду, и такъ ужасно лѣсъ зашумѣлъ, подъ самое наше судно, и такъ насъ къ верху подыметъ, тотчасъ насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго, и думали, что пропали, и командиры наши были совсѣмъ готовы спасать свои животы на лодкахъ, а насъ оставлять погибать; наконецъ уже видно стало, какъ эту землю все рвало, что осталось ея очень мало, а за нею вода, не видно ни берегу ни⁽³⁹⁾ а думаютъ, что надобно быть озеру. Когда бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно бъ намъ быть въ этомъ озерѣ. Вѣтеръ преужасной. Тогда то я думала, что свѣту преставленіе, не знала что дѣлать, ни лежать ни сидѣть не могла, только Господь милосердіемъ своимъ спасъ нашъ животъ. У работниковъ была икона Николая Чудотворца, которую вынесли на палубу и стали молиться: тотъ же часъ сталъ вѣтеръ утихать, и землю перестало рвать, и такъ насъ Богъ вынесъ⁽⁴⁰⁾. Съ апрѣля по сентябрь были въ дорогѣ. Всего много было: великіе страхи, громы, молніи, вѣтры чрезвычайныя! Съ такимъ трудомъ довели насъ въ маленькой городокъ, который сидитъ на острову; кругомъ вода, жители въ немъ самый подлый народъ,

⁽³⁹⁾ Въ подлинникѣ неразобранное слово.

⁽⁴⁰⁾ Св. Николаю Чудотворцу, изъ глубокой древности, молятся о спасеніи отъ бѣдъ на водѣ.

вдять рыбу сырую, вьдять на собакахъ, носять оленьи кожи: какъ съ него сдеруть не разрѣзавши брюха, такъ и надѣвуть, переднія ноги вмѣсто рукавовъ; избы кедровыя, окончины ледяныя, вмѣсто стекла; зимы 10 мѣсяцевъ или 8; морозы несносныя, ничего не родится, ни хлѣба, никакого фрукту — ниже капусты. Лѣса непроходимыя да болоты, хлѣбъ привозять водою за тысячу верстъ. До такого мѣстечка доѣхали, что ни пить, ни ѣсть, ни носить нечего. Ничего не продають, ниже калача; тогда я плакала, для чего меня рѣки не утопили или не залили! Не можно жить въ такомъ дурномъ мѣстѣ. Не можно всего страданія моего описать и бѣдъ, сколько я ихъ перенесла. Что всего тошнѣе было, для кого пропала? И всѣ эти напасти несла и что въ свѣтѣ милѣе было, тѣмъ я не утѣшилась, а радость моя была съ горестью смѣшана всегда: былъ боленъ отъ несносныхъ бѣдъ, источники его глазъ не пересыхали ⁽⁴¹⁾. Жалость его сердце съѣдала, видѣвъ меня въ такомъ жалкомъ состояннн; молитва его предъ Богомъ была неусыпная; постъ и воздержаніе нелицемѣрные; милостыня всегдашняя, не отходилъ отъ него просящій никогда тощъ; правило имѣлъ монашеское, безпрестанно въ церкви, всѣ посты приобщался Святыхъ Таинъ и всю свою печаль возверзилъ на Бога; злобы ни на кого не имѣлъ, никому зла не помнилъ и всю свою бѣдственную жизнь препроводилъ христіански и въ заповѣдяхъ Божіихъ; и ничего на свѣтѣ не про-

⁽⁴¹⁾ Княгиня не называетъ своего супруга по имени, — это высшая черта чувства, доселѣ употребительная въ задушевныхъ рѣчахъ Русскаго простонародья. О характерѣ князя Ивана Алексѣвича см. выше примѣчаніе 7-е.

силъ у Бога какъ только царствія небеснаго, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Я не постыжусь описать его добродѣтели, потому что я не лгу. Не дай Богъ что написать неправильно; я сама себя тѣмъ утѣшаю, когда вспомню всѣ его благородныя поступки и счастливою себя считаю, что я его ради себя потеряла, безъ принужденія, изъ своей доброй воли. Я все въ немъ имѣла: и милостиваго мужа и отца и учителя и старателя о счастіи моемъ. Онъ меня училъ Богу молиться, училъ меня къ бѣднымъ милостивою быть; принуждалъ милостину давать, всегда книги читалъ Святое Писаніе, чтобъ я знала Слово Божіе; всегда твердилъ о незлобіи, чтобъ никому зла не помнилъ. Онъ фундаментъ всему моему благополучію теперешнему, то есть мое благополучіе, что я во всемъ согласуюсь съ волей Божіей и всѣ текущія бѣды несую съ благодареніемъ; онъ положилъ мнѣ въ сердце за все благодарить Бога. Онъ рожденъ былъ въ натурѣ ко всякой добродѣтели склонной, хотя въ роскошахъ и жилъ яко человекъ, только никому зла не сдѣлалъ и никого ничѣмъ не обидѣлъ, развѣ что нечаянно.

Этимъ оканчиваются Записки княгини Н. Б. Долгоруковой. Она не передаетъ намъ подробностей о жизни въ Березовѣ и дальнѣйшей судьбы своей. Дополнимъ ея разсказъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Въ Березовѣ кн. Долгоруковы жили въ острогѣ, нарочно устроенномъ, вѣроятно еще для кн. Меншикова и находившемся неподалеку отъ каменной церкви во имя Рождества Богородицы. Тутъ они помѣщались въ просторномъ, но не высокомъ деревянномъ домѣ, имѣли особую кухню и баню. Во дворѣ острога была сажалка, гдѣ плавали домашніе гуси, утки и лебеди, за которыми ссыльные любили ухаживать (Н. Абрамовъ, въ Чтен. Общ. Ист. и

Др. 1866, кн. 2 стр. 115). Они ѣли точенными деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ. Сохранилась записная книжка ихъ расходовъ: видно, напр., что за пудъ сахару они платили 9 р. 50 к., цѣна по тому времени непомѣрная. Женщины занимались вышиваньемъ шелками св. иконъ по камкѣ и кисетъ; когда кн. Долгорукие были взяты изъ Березова, у нихъ найдена 21 икона. Мы уже знаемъ, что драгоценныя вещи были у нихъ отобраны нарочнымъ посланцомъ изъ Москвы (см. Р. Архивъ 1866, стр. 46). Выѣхать изъ острога было строго запрещено. Но главную муку безъ сомнѣнiя составляли семейныя ссоры. Только что они прѣѣхали въ Березовъ, какъ 30 сент. умеръ отъ горячки отецъ ихъ кн. Алексѣй, о чемъ доносилъ въ Москву ихъ приставъ капитанъ Михалевскій. За тѣмъ 15-го октября скончалась и мать. Такимъ образомъ главою семьи остался мужъ кн. Наталья Борисовна, кн. Иванъ. Не съ его нравомъ, кроткимъ и въ то же время пылкимъ, было держать семью въ подчиненiи. Въ добавокъ у него была старшая сестра, непреклонная кн. Еватерина, *разрушенная* царская невѣста. Читатели Русскаго Архива (1866, стр. 38) уже знаютъ, что это была за женщина. Семейное преданiе, отчасти подтверждаемое записною книжкою княгини Долгоруковой (см. ниже прим. 53.) увѣряетъ, что не одинъ доносъ канцеляриста Тишина былъ поводомъ къ новому розыску и казни кн. Ивана; но что старшая сестра подучила младшаго брата, кн. Александра, закричать на кн. Ивана *слово и дѣло*, и что отсюда начался перепоръ всего сдѣланнаго и сказаннаго за 8 лѣтъ еще въ Москвѣ. Кн. Александръ ужаснулся, видя послѣдствiя своего доноса, и распоролъ себѣ животъ, который потомъ зашили. Такъ онъ и былъ извѣстенъ въ Москвѣ: „князь съ пѣрономъ брюхомъ“. Эта катастрофа произошла весной 1738 г., а 9 августа, на доцаникѣ, увезли изъ Тобольска кн. Ивана, который и былъ четвертованъ въ Новгородѣ 8 ноября 1739 года.

Въ ноябрѣ того же года преображенскаго полку прапорщикъ Челищевъ докладывалъ тайной канцелярiи розыскныхъ дѣлъ, что „князя Ивана Долгорукова жена проситъ, чтобъ ежели мужъ ея еще живъ, то бѣ ее не разлучать съ нимъ, а если не живъ, то постричь ее.“ По возвращенiи изъ Сибири (еще импер. Анна дозволила ей выѣхать оттуда) княгиня отложила это намѣренiе ради воспитанiя двоихъ сыновей своихъ. Въ памятной ея книжкѣ читаемъ: „И такъ, прѣѣхавши къ Москвѣ, три года скиталась по чужимъ дворамъ, и такъ бѣдственно вдовствующую жизнь препроводила, дѣтей воспитала, сколько бѣдъ претерпѣла, нападковъ, разоренiя, нестроенiе домашнее, тому Богъ свидѣтель.“ Она записала сыновей на службу, женила старшаго въ сентябрѣ 1734 г. на кн. Аннѣ Михайл. Голицыной; но сынъ скоро овдовѣлъ. Послѣ вторичнаго его брака въ сент. 1737 г. съ баронессою, Строгановою кн. Наталья Борис. уѣхала въ Кiевъ, и постриглась. По вступленiи на престолъ имп. Екатерины монахиня-княгиня писала къ ней о сыновьяхъ своихъ и получила слѣдующій отвѣтъ: „Честная мать! Письмо ваше отъ 12 iюня я получила, за которое и за присланную при томъ икону Пресвятыя Богоматери, также за усердныя желанiя ваши много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ будьте увѣрены, что по справедливости милостию и покровительствомъ моимъ оставлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благосклонна. Екатерина. Въ Петергофѣ 26 iюня 1763 года“. О младшемъ сынѣ мы уже говорили. Старшiй, кн. Михайлъ Ивановичъ, по выходѣ изъ гвардiи, служилъ въ Москвѣ почетнымъ опекуномъ воспитательнаго дома.

ПИСЬМА КН. П. Б. ДОЛГОРУКОЙ.

1. Къ брату, гр. С. Б. Шереметеву.

Посылаю къ вамъ три закладныя: одна на Волынское ⁽⁴²⁾, другая на Леоново,

(42) Прекрасное подмосковное село, въ 6 вер-

третья на Рязаново. Последнюю милость прошу сдѣлать, ихъ принять и въ книгѣ расписать и ихъ у себя удержать до срока; по срокѣ ихъ явить и записать за себя, и тогда по указномъ срокѣ продать Волынское и Леоново большому сыну князю Михаилу, а Рязаново меньшому князю Дмитрію⁽⁴³⁾. И образъ Спасителявъ, которій у васъ, пзволь отдать князю Михаилъ, да еще двѣ купчи на людей, въ которой написано двою Колобовы: тѣхъ людей продать большому сыну князю Михаилъ; а въ которой написанъ Александра Рудаковъ, тѣхъ меньшому сыну князю Дмитрію. Я намѣрена была въ Санцыри⁽⁴⁴⁾ посылать, да услышала, что вы въ Москвѣ будете; я и удивилась. А я все къ себѣ васъ ждала; таперь ужъ я и не знаю, пожалуешь ли ко мнѣ. А меня теперь разныя приключенія удерживаютъ, а больше сынъ, изъ Пмтера не ѣдитъ; боюсь, что путь худъ становится, чтобы мнѣ не плыть по грязи. За тѣмъ остаюсь покорная ваша услужница и сестра княгиня Наталья Долгорукова.

Это письмо изволь побережь до времени, покамѣсть всѣ деревни справятся.

1757 году февраля 12 дня.

Село Успенское.

Надпись на письмѣ, которое запечатано черною печатью:

„Государю моему братцу графу Сергію Борисовичу его сіятельству Шереметеву“.

стахъ по Дорогомиловской дорогѣ. Оно было выкуплено, и продано совѣмъ уже сыномъ княгини, кн. М. И. Долгоруковымъ. Двѣ другія деревни намъ неизвѣстны. Очевидно, что княгиня, по возвращеніи изъ Сибири, хотя вѣроятно и получила отъ импер. Елизаветы Петровны, нѣкоторую долю отписаннаго въ казну имущества своего казеннаго мужа, но все-таки находилась въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Гр. Сергіи Борисовичъ— тотъ любимый меньшой братъ, о которомъ она говоритъ въ своихъ Запискахъ, род. 1715, ум. 1768.

⁽⁴³⁾ Т. е. дѣтямъ княгини.

⁽⁴⁴⁾ Не ручаемся, такъ ли разобрано это слово.

2. Къ сыну и невѣсткѣ.

†

№ 8. Князь Михаилъ Ивановичъ. Княгини Анна Николавна.

Сегодня я получила изъ Нѣжина отъ васъ письма и отъ дѣтей мазь красную. Покорно благодарствую, что вы меня утѣшили письмами дѣтскими. Боже ихъ благослови! Дай Богъ, чтобы и того дождались, чтобы они меня подчивали, только сумнительно. Сегодня снѣгъ молодой напалъ, зима новая. Жалѣю о Яковѣ, что онъ странствуетъ: человекъ доброй! Не сумѣвайтеся, чтобы онъ пилъ; это ничто иное какъ принудила терпѣть эту бѣду его нетерпѣливость: все снѣшилъ къ вамъ. Знать онъ поѣхалъ домой и такъ попался; а съ кѣмъ я его отпустила, его бы руками къ вамъ поставили. Знать ему разсудилось: они де долго пробдуть, а вы сіятельнѣйшіе не ревнуйте лукавнующимъ, ниже завидите беззаконіе творящимъ. Все пройдетъ! Сегодня канунъ читали о убогомъ Лазарѣ. Онъ лежалъ во гноищѣ, да тамъ хорошо! Когда вы будете у него объдать⁽⁴⁵⁾, заверни мнѣ въ бумажку отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы богатой, да и я буду участница его благъ. На томъ свѣтѣ на оправданіе ему, да поможетъ ему въ день судный, что и я странница питалась отъ дому его. Дай Богъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прити. Горе намъ смѣющимся, яко восплачемся. Горе мнѣ океанной паче всѣхъ человекъ.

К. Прасковья М.⁽⁴⁶⁾, благодарствую голубушка за твое письмо. Господь тебя да благословить и наградить милостью своею, что вы меня утѣшили.

К. И. Михайловичъ,⁽⁴⁷⁾ благодарствую за письмо ваше. Радуюся тѣмъ, что вы

⁽⁴⁵⁾ Говорится конечно о старшемъ братѣ, графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ.

⁽⁴⁶⁾ Старшая внука княгини, р. 1758, ум. 1844 г. дѣвицею.

⁽⁴⁷⁾ Старшій внукъ княгини, извѣстный писатель, род. 1764, ум. 1823.

въ праздниѣ истиннаго христіанина приобщились святыхъ тайнъ, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Эта неоцѣненная вещь, когда вы будете всегда: отъ оной всѣ благополучія потекуть. Благослови Господь домъ твой и всѣхъ живущихъ съ вами. За любовь вашу отъвѣтную ко мнѣ очень благодарствую. Дай Богъ, чтобъ она продолжалась.

А вы, малютки, молитесь, чтобъ я къ вамъ пріѣхала: столько много гостинцевъ навезу, чтобъ васъ утѣшить; а вы меня подчивайте кофеемъ, чаемъ, медомъ.

И такъ васъ всѣхъ препоручаю Богу. Онъ васъ сохранить, и помиловать, и наставить на путь истинный. Въ этомъ васъ крѣпко увѣряю, что всякую почту пишу; а для чего вы не всякую получаете, не знаю; не пѣняйте на меня: мнѣ только и прохладнаго времени, когда къ вамъ пишу или отъ васъ письма получаю. Зѣло мой путь тѣсенъ и прискорбенъ. Затѣмъ простите. С. Н. ⁽⁴⁸⁾

1771. 12 Марта.

Любезнѣйшей мадамъ отъ меня поклонитесь и поблагодарите за ея поклонъ. Желаю отъ сердца моего ей благополучія душевнаго за ея прилежное къ вамъ раченіе. Ничѣмъ инымъ ей услужить не могу, какъ тѣмъ, что ей того желаю, что и себѣ. Всѣмъ моимъ милостивцамъ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе. Государынямъ моимъ Марѣѣ Артемьевнѣ, Аннѣ Ивановнѣ, Софѣѣ Николаевнѣ, Натальѣ Яковлевнѣ, и всѣмъ тѣмъ, кто меня помнитъ; научите вы Варвару П. ⁽⁴⁹⁾ хотя бы на смѣхъ она ко мнѣ поклонъ написала: отцу не досугъ, ей бы можно.

Вы пишете, что 1 нумера письмо получили, а 2 гдѣ!

⁽⁴⁸⁾ Т. е. старика Нектарія. Этимъ опредѣляется отчасти время, когда княгиня постриглась. До постриженія она нѣсколько времени жила въ Кіевѣ просто въ монастырѣ.

⁽⁴⁹⁾ Т. е. кн. Варв. Петровну Шереметеву (1759—1824), племянницу княгини, впоследствии гр. Разумовскую

Надпись: „Его сіятельству князь Михайлѣ Ивановичу Долгорукову. Въ Москвѣ. Домъ его на Никольской улицѣ, противъ печатнаго двора“.

№ 14. Князь Михайла Ивановичъ. Княгиня Анна Николаевна.

Черезъ почту отъ васъ письмо получила. Слава Богу, что вы здоровы, и надѣюсь на милость Господню: Онъ васъ сохранить невредимыхъ, и вся опасность пройдетъ. Что же вамъ прискорбно, что вамъ лекаря не дадутъ, Бога ради имѣйте терпѣніе. Это не безъ Промыслу Божію; когда бъ Онъ съ вами былъ, вы бы такъ какъ чловѣки думали: у насъ лекарь, онъ намъ въ нужномъ случаѣ поможетъ. Богъ самъ вамъ помогаетъ въ нужномъ случаѣ. Онъ говоритъ: Я вамъ лекарь, Я васъ сохранию отъ всѣхъ опасностей, на Меня надѣйтесь; егда же чловѣка въ помощь призываютъ и больше на него надежду имѣютъ, тутъ Я уже не помогаю. Самъ Христосъ сказалъ, что и волюсь съ головы не спадеть. Можетъ ли что зло приключиться безъ воли Его? Всѣ наши входы и исходы по власти Его. Онъ хотѣлъ васъ видѣть, какъ вы это примите, безъ роптанія ли будете или имѣть крѣпкую надежду на Него, что Онъ васъ безъ лекаря сохранить ⁽⁵⁰⁾. Не испытайте дѣла Его. Кто можетъ изслѣдовать премудрость Его? Вы писали ко мнѣ въ день рожденія вашего. Я уже прежде къ вамъ писала и васъ поздравляла. Наступивши въ новой годъ, дай Богъ вамъ новую и жизнь, душевную чистоту, чтобъ съ Богомъ соединеніе имѣть. Когда бъ я имѣла такую благодать, какъ Іаковъ! Онъ благословилъ сына своего Исаака тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ, такъ оно и было. А я чловѣкъ скверной и многогрѣшной, ниже подумать о томъ смѣю; но по крайней мѣрѣ о томъ просить Бога не престану, чтобъ Онъ васъ благословилъ въ жизни вашей: далъ мирную жизнь и совѣсть чистую, и чтобъ вы были го-

⁽⁵⁰⁾ Писано во время Московской чумы.

спода надъ страстями своими и покори-ли бы невидимыхъ враговъ подъ ноги ваши, и воспитали бы чада ваши въ страхъ Божіи и дожили бы до старости лѣтъ вашихъ и видѣли бы сыны сыновъ вашихъ, и такъ какъ Іосифъ возлеге на ложъ своемъ противъ ноги и умре, и сдѣлался великъ плачь во всей земли Египецкой⁽⁵¹⁾. И я бы васъ тамъ на страшномъ судѣ увидѣла, какъ чистую лилю, происшедшую изъ сердца моего, и услышала бы гласъ глаголющій хвалы: придите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе небесное. Я все то къ вамъ писала, что я вамъ желаю и отращаю вашимъ и всѣмъ любящимъ васъ и супругъ вашей и всѣмъ служащимъ вамъ вѣрую. Да благословить ихъ Богъ и награждать и здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ. О себѣ я вамъ не знаю что сказать. Непремѣнно надобно мнѣ ѣхать къ Московскимъ странамъ, потому что я не гулять ѣду, а по обѣщанію. Когда не побѣду безъ причины по своей волѣ, это будетъ уже грѣхъ: солгу Богу. Развѣ не пустякъ или слабое мое состояніе не дозволить; а ежели Богу угодно, Онъ дастъ и путь. Однако это все по простествіи маія узнаемъ. У насъ дни очень хороши, деревья уже распускаются, и я веселюсь своимъ садомъ, и буду къ вамъ писать что съ нимъ будетъ дѣлаться. Что же вы требуете совѣту, что намѣрены ѣхать въ Питербурхъ, это воля ваша, какъ вамъ разсудится. Гдѣ вамъ покойнѣе, тутъ и живите, мнѣ все равно, хотя вы еще далѣе будете: только бѣ я письмы получила, только бѣ вашей казнь сходно было. Ежели тамъ какой несчастливой случай послѣдуетъ, куда тогда дѣнетесь? Здѣсь, хотя Волынское убѣжище; хотя и скучно, да по своей волѣ живете, такъ какъ вы хотите, а тамъ все чу-

(51) Тутъ конечно княгиня запоматовала библейскій разсказъ; въ книгѣ Бытія, главѣ 49, ст. 33 сказано: „И возложивъ Іаковъ нозѣ свои на окрѣ, умре“; и далѣе: „Плакася его Египеть“.

жое, и выѣхать не куда. Однако все то въ вашей волѣ: гдѣ бѣ вы ни жили, только бѣ покойны были. Еще хочу въ вамъ написать предосторожность о деньгахъ: какія бѣ ни были, въ руки Бога ради не берите, а прежде велите серебряныя и золотыя въ укусъ, и варить, и довольно бѣ кипѣли, и потомъ въ чистой водѣ вымыть и перетерѣть; изъ чыхъ рукъ ни были, и оброшныя, такъ велите навсегда.

Больше что къ вамъ писать не знаю, только что сказать: простите, Христось съ вами. Прости, голубушка милая, Бога ради не бойся ничего. Какъ же быть! Немножко скуку потерпи. Веселись мужемъ, дѣтушками. Мужъ съ Иванушкомъ яйца катаеть⁽⁵²⁾, авы съ Михайломъ на доскѣ скачите, въ гулочки играйте, чаще въ церковь ходите, и такъ скучное время пройдетъ. И тамъ уже будетъ очень весело.

Священномученику Харлампію⁽⁵³⁾ отпраздуйте, онъ завасъ помолится. Затѣмъ препоручаю васъ Богу. Калисеена вамъ кланяется, а писать ей не досугъ, съ гостями сидитъ. Дѣтямъ всѣмъ мой поклонъ. С. Н.

1771 года. Апрѣля 15. Кіевъ.

Объ Аѳонскихъ горахъ и обо всемъ я къ вамъ прежде писала. Знать, что Калисеена въ пророкахъ. Мудрено, когда и Саулъ былъ въ пророкахъ.

*

Князь Михайла Ивановичъ. Кнеиня Анна Николавна.

Не хотѣла пропустить почты, не дать вамъ знать объ себѣ, что я еще жива, благодаря Бога, хотя въ слабости нахожусь, однако все съ радостію приѣмлю и васъ Богомъ прошу, не тужите обо мнѣ: Богъ властенъ изъ мертвыхъ

(52) Тогда была святая недѣля. Иванушко — князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.

(53) Священном. Харлампію молятся о сохраненіи отъ внезапныя безъ покаянія смерти. См. Р. Арх. 1863, изд. 2-е, стр. 33 и 34.

воскресить. Въдъ когда нибудь умирать надо, во всемъ повиноваться власти Божіей, только бѣ Богъ грѣхи мои отпустилъ. Великую нужду терплю въ питьѣ, всѣ сыропы сладкіе мнѣ опротивѣли. Когда бѣ можно достать, хотя лимоновъ 15 прислать. Тоже моя бѣда, что кашлю, не чѣмъ помочь, теплаго нельзя пить. Препоручаю васъ Богу. Оставляю миръ и благословіе. С. Н.

О КН. Н. Б. ДОЛГОРУКОЙ.

Изъ рукописныхъ Путевыхъ Записокъ внука ея, князя Ивана Михайловича Долгорукаго 1810 года. (54)

Гробъ схимонахини Нектаріи былъ главный предметъ моего путешествія и давнишняя цѣль моего желанія. Достигнувши его, начну тѣмъ, что сообщу публикѣ черты исторіи сей знаменитой Россіянки.

Родилась она 1714 года генваря 17 дня и наречена при крещеніи Наталіей. Послѣ отца своего фельдмаршала графа Бор. Петр. Шереметева осталась она 4-хъ лѣтъ, а послѣ матери 14-ти лѣтъ, и сію эпоху она въ Запискахъ своихъ сама называетъ началомъ всѣхъ своихъ бѣдъ. Въ 1730 году апрѣля 5 го вышла она замужъ за дѣда моего роднаго кн. Ив. Алекс. Долгорукаго. Кто читалъ Россійскую исторію, тотъ знаетъ, что онъ былъ ближайшій любямецъ Петра II-го. По кончинѣ сего порфироснаго покровителя всѣхъ Долгорукихъ, перемѣнились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна не терпѣла каждаго изъ нашихъ; Биронъ гналъ все наше племя. Дѣдъ мой сосланъ, п кн. Наталья Борисовна поѣхала съ нимъ въ

(54) Эти Путевыя Записки составляютъ цѣлое большое сочиненіе, доселѣ не напечатанное. Князь ѣздилъ изъ Москвы до Одессы и подробно описалъ свое путешествие туда и обратно. За сообщеніе помѣщаемаго здѣсь отрывка, мы обязаны сыну автора, князю Д. И. Долгорукому.

Сибирь на третій день послѣ вѣнца. Тамъ, въ Березовѣ, за крѣпкой стражей, прожили они со всѣми ихъ родными 8 лѣтъ, нкуда, кромѣ церкви ихъ не выпускали, да и Богу молились подъ карауломъ.

По прошествіи 8 лѣтъ разлучили ее съ мужемъ, и вотъ какъ она сама о семъ изъясняется: „отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить, и въ тюрьмѣ ему была товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселіе царскихъ палатъ; но попущеніемъ Божиимъ за грѣхи мои и злодѣйствомъ сестры его родной и брата его лишилась“ (55).

Въ 1738 году дѣдъ мой заключенъ въ особливый покой. Сіи опыты новыхъ мученій начались апрѣля 10 дня; приставленъ удвоенный караулъ; не велѣно допускать къ нему жены. Любя его страстно, она изобрѣла одно средство видѣть его по одной минутѣ въ сутки тогда, какъ сама носила ему ѣсть; но и кушанье передавала ему не она, а часовая. Такое страдальчество продолжалось для нея до 4-го августа.

Прискакалъ гвардіи капитанъ съ командой, разорвалъ двухъ супруговъ, не далъ имъ проститься и увезъ дѣда моего въ Новгородъ. Здѣсь опять дамъ говорить ей самой: „Я не знала, что его

(55) Эти отрывки, а равно и числовыя отмѣтки, находящіяся въ вышепомѣщенныхъ примѣчаніяхъ къ Запискамъ кн. Н. Б. Долгоруковой, взяты изъ ея записной книжки, гдѣ рассказъ начинается словами: „Экстрактъ бѣдственной моей жизни“. Книжка эта принадлежитъ нынѣ ея правнукѣ, Антонію Ивановнѣ Новиковой, которой мы считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу признательность за сообщеніе какъ этой книжки, такъ и объяснительныхъ разсказовъ изъ семейнаго, живо сохраняющагося преданія о ея предкахъ. Слова и злодѣйствомъ сестры его родной и брата выпущены въ рукописи кн. Ив. Михайловича, когорый, конечно, назначая ее въ печать (ибо путешествие описано съ литературными приемами) захотѣлъ умолчать о страшной семейной исторіи; мы внесли ихъ сюда изъ записной книжки княгини Натальи Борисовны.

„уже нѣтъ; мнѣ сказываютъ, что его „де увезли. Что я дѣлала? кричала, билась, волосы на себѣ драла; кто ни по- „падетъ встрѣчу, всѣмъ валяюсь въ но- „ги, прошу со слезами: помилуйте, когда „вы христіане, дайте только взглянуть „на него и проститься. Не было мило- „серднаго человѣка, не словомъ меня кто „утѣшилъ, а только взяли меня и поса- „дили въ темницѣ и часоваго примкнув- „ши штыкъ поставили“.

По разлукѣ съ мужемъ, оставшись въ Сибири съ двумя сыновьями, отцемъ своимъ и дядей, она тутъ жила еще годъ и 10 мѣсяцевъ. Какая мука для души нѣжной и чувствительной! Тогда мучить была система правленія. 1739 года ноября 8 дня дѣдъ мой казненъ въ Новѣгородѣ, а въ 1740 году бабка моя съ малолѣтними сыновьями своими, изъ коихъ старшему отцу моему было 8 лѣтъ, вывезена изъ Сибири въ Россію іюня 17 дня, а въ Москву пріѣхала окт. 17-го ⁽⁵⁶⁾.

И здѣсь не въ радостяхъ текли дни ея. Сперва странствовала по чужимъ домамъ, со слезами и всякимъ трудомъ воспитывала дѣтей своихъ, сносила нападки, тѣсноту, нужду и разныя домашнія нестроенія. Богатый Лазарь, такъ назову брата ея роднаго гр. Петр. Бор., не рѣдко допускалъ отца моего ходить безъ обуви у него въ домъ и просить сапоговъ у глупаго его библіотекаря Вороблевскаго ⁽⁵⁷⁾. Да, такъ, это правда. На судъ Божьемъ онъ истяжется съ нами, а здѣсь, по словамъ царя Соломона, кто съ богатымъ поборется и на сильнаго вознесетъ глаголь?

Для тѣхъ, кои захотятъ осужденіе мое почестъ клеветой (ибо нѣтъ нечестиваго, который бы кому нибудь не сдѣлалъ иногда добра) для нихъ скажу два слова. Гр. Пет. Бор. остался наслѣдникомъ 60 тысячъ душъ не одинъ; у него былъ братъ и нѣсколько сестеръ, въ томъ числѣ бабка моя, о коей рѣчь идетъ.

⁽⁵⁶⁾ Въ самый день кончины императрицы Анны Іоанновны,

⁽⁵⁷⁾ См. Каталогъ Чертвов. библ. № 1044.

Она выдана послѣ отца братомъ, слѣдовательно, рассуждая о порядкѣ наслѣдства по настоящимъ временамъ, она имѣла право на 14-ю часть, которая составляла болѣе, нежели 500 душъ, ей братомъ почти Христа ради данныхъ изъ ругательства къ ея злостастію; ибо ѣхавши въ ссылку, она могла бы и тѣхъ не получить: подъ штыками въ Сибири апелляціи нѣтъ. Поворотимъ теперь въ другую сторону законъ наслѣдства и опредѣлимъ такъ. Все слѣдуетъ по старымъ узаконеніямъ старшему сыну — и тогда не Пет. Бор., но Михайла, у котораго были малолѣтныя дѣти, пустившія потомъ свое племя, имѣлъ право на все родительское достояніе. И такъ легко, что гр. Пет. Борисов. отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучъ на чужихъ развалинахъ ⁽⁵⁸⁾. Но обратимся къ небесному существу, къ схимонахинѣ Нектаріи.

Наконепѣ кн. Нат. Бор., женивъ отца моего, въ 1758 году, ⁽⁵⁹⁾ въ мартѣ прибыла въ Кіевъ, а сентябр. 27 постриглась и приняла имя Нектаріи. Тутъ она посвятила всю себя Богу и въ уныніи въз-

⁽⁵⁸⁾ Сколько намъ извѣстно, слова эти пѣсколько преувеличены. Гр. П. Б. Шереметевъ большую часть состоянія имѣлъ по женѣ своей, княжнѣ Черкасской. Съ другой стороны, узаконенія о наслѣдствѣ, какъ и многія другія, по разнымъ указамъ, изданнымъ при Петрѣ Великомъ, были довольно сбивчивы; имѣнія часто доставались не по маіорату, т. е. не по старшинству рожденія, а въ одни руки, т. е. было единоснѣдіе; отцу предоставлялось право отдать деревни одному какому-либо сыну. Мы не знаемъ, какъ распорядился старикъ фельдмаршалъ Шереметевъ. Его завѣщаніе, о которомъ упоминаетъ кн. М. М. Щербатовъ въ запискѣ о поврежденіи правовъ въ Россіи, намъ неизвѣстно.

⁽⁵⁹⁾ Въ упомянутой выше записной книжкѣ княгиня отмѣтила: „1758 году выѣхала изъ дома своего февраля 25 дня, ночевала въ Липицахъ. Пріѣхала въ Кіевъ марта 20 дня, постриглась сентября 27 дня 1758 году“; слѣд. на 45 году жизни. Въ Другѣ Юношества 1810 г. январь, стр. 69, извѣстный И. В. Лопухинъ рассказываетъ, что будучи ребенкомъ онъ видалъ въ Кіевѣ княгиню, которая была другомъ

вала: „кто дастъ глазѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Не достаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать.“ — Но гдѣ уйдетъ человѣкъ отъ заключеній? Бѣды въ горахъ, бѣды во градахъ, бѣды и въ пропастьхъ земныхъ. Въ 1767 году марта 18 дня приняла схиму и въ умиленіи христіанскомъ писала къ отцу моему: „Господь совершилъ всѣ мои намѣренія; сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ выдти изъ тѣла и стать предъ Судьею къ отвѣту.“

Но не у приде часъ кончины; еще житейскія бури волновали праведную ея душу. Въ 1768 году генваря 30 лишилась она брата своего гр. Серг. Бор., о которомъ такъ изъясняется въ своей перепискѣ: „Скончался любезный мой братъ, отецъ и другъ, гр. Сер. Борисов.“. Базалось, истощило небо всѣ свои удары. О, нѣтъ—еще остался одинъ сильнѣйшій и который отверзъ ей самой двери гроба. Скончался сынъ ея меньшій кн. Дмит. Иван. Поврежденный умъ вселилъ его въ молодости сущей въ монастырь; тамъ, бывъ въ разныхъ трудахъ и послушаніяхъ, онъ долго хворалъ и не могъ ни чѣмъ исправить своего воображенія, умеръ наконецъ въ монашескомъ рубищѣ и погребенъ въ глазахъ матери своей въ Лаврѣ. — Что могло быть еще чувствительнѣе для нея сей послѣдней потери? Жизнь становилась для нея тягостнѣйшимъ бременемъ; одна вѣчность могла представлять ей отрады. И въ самыхъ послѣднихъ дняхъ бытія своего Нектарія, испытывъ всѣ ужасы моровой язвы въ Кіевѣ, изливала кровью послѣднія свои жизненныя силы. Нако-

его матери (Кіевской губернаторши). „Помню, особливо, какъ всѣ со слезами рассказывали, въ какой она борьбѣ христіанскаго великодушія съ нѣжностью сердечной страсти, при своемъ постриженіи (въ схиму), послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житія въ монастырѣ до онаго, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ еще одно драгоцѣнно было, бросила въ Днѣпръ перстень, которымъ обручена была съ любезнымъ своимъ, несчастнымъ супругомъ“.

нецъ судьба тихой смертью праведныхъ прекратила бѣненіе утомленнаго ея сердца и перенесла ее въ одно мгновеніе изъ ада въ рай (3 іюля 1771).

Въ Запискахъ ея, предъ кончиной, какъ думать надобно, оставленныхъ, видно слѣдующее увѣщаніе: „Оставшіе по смерти моей, пролейте слезы, вспомни мою бѣдственную жизнь; всякаго христіанина прошу сказать, вспомни меня: Слава Богу, что окончилась ея жизнь; не льются уже твои слезы, и не вздыхаетъ сердце ея. Я васъ Богу вручаю; Онъ васъ наградитъ за всѣ ваши усюженія въ моемъ странствіи и усугубитъ васъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердный помилуетъ и поведетъ меня къ тихому пристанищу“.

Такъ умирала, такъ умерла схимонахиня Нектарія, вдова кн. Долгорукова, дочь гр. Шереметева. По собственному ея изволенію, тѣло ея погребено при самомъ входѣ въ Кіевопечерскую Лавру рядомъ съ гробомъ сына ея, котораго потеря растрогала всѣ ея раны душевныя. Надъ сими остатками положены были наровнѣ съ чугуннымъ поломъ двѣ чугунныя же плиты, съ надписями; но какъ шествовалъ черезъ Кіевъ государь Павелъ въ чужіе края, тогдашній митрополитъ Кіевской разсудилъ приказать доски перевернуть гладью вверхъ. Причина этого неизвѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно; всѣ черезъ нихъ ходятъ. И мнѣ, когда я подошелъ ко вратамъ собора, какое то внутреннее предчувствіе сказало: „падай, это та, кого ты ищешь!“⁽⁶⁰⁾

⁽⁶⁰⁾ Императрица Екатерина, въ бытность свою въ Кіевѣ въ 1787 г., приказала окружить рѣшеткою надгробную плиту княгини Натальи Борисовны, въ знакъ уваженія своего къ ея памяти. Нынѣ могилы княгини Долгоруковой и ея сына означены боковыми надписями въ стѣнахъ трапезы, на право и на лѣво при входѣ въ соборъ Кіевопечерской лавры.

БУМАГИ И. И. ШУВАЛОВА.

Воспитанникъ любви и счастья богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ....
Дмитріевъ.

Любителямъ Русской новой исторіи довольно извѣстна жизнь И. И. Шувалова, наперсника императрицы Елизаветы Петровны, славнаго вельможи временъ Екатерининскихъ, основателя п куратора Московскаго университета. Описанію его поприща и дѣятельности на пользу Русскаго просвѣщенія посвящена особая статья въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., кн. 1 и. Его придворныя, общественныя и ученныя связи изображаются въ перепискѣ его съ графами М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ и М. Л. Воронцовымъ (Р. Арх. 1863 и 1864), и въ изданныхъ академикомъ Гротомъ письмахъ къ нему Ломоносова и Сумарокова (Записки имп. ак. н. 1862). Но мало кто зналъ до сихъ поръ объ его политическомъ поприщѣ и живомъ его участіи въ дѣлахъ государственныхъ. Нижепомѣщаемыя бумаги, *собственноручно* писанныя И. И. Шуваловымъ и обязательно сообщенныя намъ Иларіономъ Николаевичемъ Толстымъ, къ которому они перешли отъ его тестя, недавно умершаго кн. А. Ѳ. Голицына (приходившагося внучатымъ племянникомъ Шувалову) проливаютъ новый свѣтъ и на эту сторону дѣятельности незабвеннаго „древнителя наукъ“. Въ тоже время бумаги эти содержатъ въ себѣ важнѣйшія показанія для исторіи Елизаветинскаго царствованія, — этой замѣчательной и плодотворной эпохи, которая была переходомъ отъ крутыхъ временъ Петровыхъ къ полному величію и славѣ нашего отечества и которая подготовила намъ Екатерину II-ю и блистательный вѣкъ ея. Оказывается, что не даромъ такъ любили Шувалова его современники, что не льстивы были громкія хвалы Ломоносова и Державина, и что имп. Елизавета не лишена была счастливой

3

способности выбирать людей, кому можно довѣряться. 22-хъ лѣтъ отъ роду очутившись въ роскошнѣйшемъ дворцѣ сѣверной царицы, съ первенствующимъ значеніемъ, И. И. Шуваловъ не забывалъ блага общаго....

Первая бумага, составленная вѣроятно по порученію императрицы, должна быть обращена къ фельдмаршалу С. Ѳ. Апраксину и писана весною 1757 года, когда началось наше участіе въ Семилѣтней войнѣ, и когда императрица, на торжественномъ выходѣ въ день св. Пасхи, объявила и войну и новое Божіе благословеніе въ явленіи мощей св. Дмитрія Ростовскаго, между тѣмъ какъ противникъ нашъ кощунствовалъ съ Фернейскимъ философомъ. Захваты Пруссіи предписывали намъ военное вмѣшательство.

Не менѣе важна и новѣ по содержанию бумага VIII-я о (несостоявшемся сколько намъ извѣстно) еженедѣльномъ засѣданіи сенаторовъ при дворѣ, поданная императрицѣ *для памяти*. Тутъ, также и въ бумагѣ IX, поданной великому канцлеру, обнаруживается забота Шувалова объ установленіи добраго согласія между императрицею и ея племянникомъ. При отсутствіи опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи, слишкомъ полвѣка колебались у насъ отношенія между царствующимъ лицомъ и его объявленнымъ преемникомъ. Какъ при имп. Аннѣ неловко было положеніе принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны, какъ при Екатеринѣ дворъ в. князя Павла Петровича составлялъ нѣчто особое отъ большаго двора, и возникала даже мысль о предоставленіи престола старшему внуку помимо сына: такъ точно и отношенія къ вел. кн. Петру Федоровичу обезпоковали его царственную тетку. Въ добавокъ, великій князь, въ качествѣ герцога Голштинскаго, былъ самостоятельнымъ государемъ, да и на Рус-

Русскій архивъ. 3

скій престолъ имѣлъ явное право, какъ сынъ *старшей* дочери Петра Великаго. Его положеніе въ Семилѣтнюю войну было самое шекотливое. — Въ той же бумагѣ чрезвычайно замѣчательно предположеніе о такъ названныхъ фундаментальныхъ законахъ. Не участвовалъ ли въ этомъ обсужденіи народныхъ и государственныхъ нуждъ, другъ Шувалова Ломоносовъ, который, какъ извѣстно, подавалъ ему цѣлый рядъ (утраченныхъ къ сожалѣнію) записокъ подобнаго содержанія или, какъ называлъ онъ ихъ, „мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы“ (см. Москвитянинъ 1842, кн. I-я).

Отрывокъ изъ письма къ графу Орлову содержитъ въ себѣ новые показанія для біографіи Шувалова, равно какъ и письмо къ нему за границу, писанное, какъ намъ кажется, бригадиромъ Александръ Григ. Гурьевымъ, отцомъ будущаго министра финансовъ графа Гурьева, который и воспитывался вмѣстѣ съ племянникомъ Шувалова, княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Помѣщаемыя бумаги писаны Шуваловымъ на черно, съ помарками; нѣкоторыя сохранились въ отрывкахъ; были ли онѣ дополнены, передѣланы и въ какомъ видѣ представлялись императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, мы не знаемъ.

II. Б.

I.

Секретнѣйшая инструкція.

Причина нынѣшней войны не токмо вамъ, но по обстоятельствамъ почти всѣмъ извѣстна, чтобъ о ней здѣсь распространяться; но сказать только то должно, что къ дополненію нашей воли (и) даннаго вамъ плана операцій (1) требуется, по которому, если угодно Всевышнему, желаемой успѣхъ получимъ.

Послѣ Дрезденскаго мира (2) король

Прусской, пріобрѣтеніемъ себѣ Слезіи, умноженіемъ своей арміи, а особливо по неспокойному, вѣроломному и предприимчивому своему ндраву, возбудилъ не токмо своихъ сосѣдей, но и уваженія всея Европы. Политическая предосторожность требовала, чтобъ стараться о уменьшеніи силъ сего государя, или лутче сказать, не допускать его до такого состоянія, которое бы вредъ кому либо изъ его сосѣдей принести могло. Того ради заключили мы съ императрицею-королевою трактатъ въ 1746 г. (3) основанной на взаимныхъ интересахъ, ожидая послѣ того ежечасно нарушенія тишины королемъ Прусскимъ, для чего принуждены были держать нѣсколько лѣтъ въ Лифляндіи многочисленную армію великимъ иждивеніемъ.

Въ 1756 году возгорѣлось то пламя, котораго ожидали и отвратить не могли: самымъ дѣломъ оказалось, что сей монархъ, воюя противу сильныхъ державъ такъ долгое время, имѣя многія выгоды, многочисленную армію, въ щастіи и въ супротивности, еще не могъ по сіе время истощить свои силы, которыя столь опасны, сколь о себѣ въ всегдашнія времена справедливое уваженіе заслуживаютъ. И тако какъ мы много для общаго добра, такъ для нашихъ союзниковъ, но собственно и для себя о его униженіи стараться должны, для востановленія прочнаго покою и безопасности.

(2) 25 Дек. 1745. Этотъ миръ былъ полнымъ торжествомъ Фридриха надъ Марією Терезіею.

(3) Трактатъ этотъ, заключенный съ барономъ Претлахомъ, былъ въ сущности тайный: съ этой поры надо считать начало враждебныхъ отношеній между Елизаветою и Фридрихомъ, которые первоначально другъ друга испытывали (см. Р. Архивъ 1866, стр. 1541)

(1) Этотъ планъ операцій намъ не извѣстенъ.

Принявъ во уваженіе оныя притчины, надобно всё свои мѣры къ достиженію сего намѣренія употребить, въ чемъ мы не сомнѣваемся на вашу вѣрность къ отечеству и намъ, что вы ничего не упустите, примѣчая и наблюдая слѣдующее:

1. Въ началѣ мы все, какъ и насъ самихъ, препоруча Всевышнему, ожидаемъ отъ Его милосердія успѣха всякаго происшествія, препоручаемъ попеченіе о сохраненіи людей, что довольно въ нашемъ данномъ планѣ вамъ изображено, и надѣемся впротчемъ на ваше искусство, мужество и вѣрность.

2. Баталію нигдѣ не отваживать, развѣ гдѣ по разсужденію выгоды усмотрены будутъ, или необходимость приведетъ.

3. Между тѣмъ стараться непріятелю всевозможной вредъ дѣлать и тѣмъ показать нашимъ союзникамъ, что мы имъ дѣйствительно помощь подаемъ; дабы недѣйствіемъ не привести ихъ въ сомнѣніе и паче чаянія по неудачѣ не привести ихъ въ необходимость сдѣлать сепаратной миръ, хотя мы тому вѣрить весьма удалены; сіе полагается единственно на всякой непредвидимой случай, которой воображая, предосторожность свою брать можно.

4. Для сего надобно, чтобъ вамъ съ фельдмаршаломъ Дауномъ ⁽⁴⁾ имѣть надежную кореспонденцію и стараться взаимную довѣренность получить; почему онъ, видя вашу добрую волю къ соспѣшествованію общаго добра сколько на дѣйства, столь и на намѣренія смотрѣть будетъ; иногда препятства справедливыми почитать, къ своему двору доносить что великою пользою кажется быть нашимъ политическимъ интересамъ.

(4) Австрійскимъ полководцемъ.

II.

Какія въ воспитаніи юношества неудобства происходятъ.

1. Всѣ родители и родственники, имѣя болѣе попеченія въ доставленіи принадлежащимъ имъ молодымъ людямъ чиновъ, а не должнаго ученія сходнаго съ ихъ рожденіемъ и пользою общою,

2. всѣ почти стараются ихъ имѣть въ своихъ глазахъ, и ослѣпленная любовь не допускаетъ отпустить ни въ какое мѣсто, гдѣ есть порядокъ и строгость для исправленія пороковъ; и потому къ полученію перваго записываютъ въ гвардію полки, гдѣ покойная жизнь, малая должность и скорое произвожденіе соглашается совсѣмъ ихъ намѣренію. Отчего все знатное и достаточное дворянство опредѣляется въ гвардію. Въ кадетской корпусъ никого нѣтъ кромѣ самыхъ бѣдныхъ и за кѣмъ сто душъ, то уже богатымъ почитается, а половина почти, кои своихъ служителей не имѣютъ, и сами черныя нужныя работы исправляютъ.

III.

..... не токмо должному въ юношествѣ воспитанію и способу младымъ людямъ оное имѣть, но и нужному сообществу, отчего великая часть въ отдаленныхъ деревняхъ въ крайнемъ невѣжествѣ твердѣютъ, должности приличной по состоянію не знаютъ, и тѣмъ предпочитаютъ свой покой и нужное пропитаніе славѣ и чести. Малое военное жалованье, дальніе походы истощаютъ ихъ вовсе имѣніе и тѣмъ службу совсѣмъ ненавистную дѣлаютъ.

При нынѣшнемъ ея императорскаго величества великомъ о дворян-

ствѣ попеченіи могутъ слѣдовать мнимыя мною неудобства: пойдутъ въ отставку многіе дворяне, имѣвшіе низшіе чины, не имѣющіе довольно достатка и тѣ, въ которыхъ склонности нѣтъ себя отличить и знанія должности отечеству быть полезными. Вновь такова же состоянія никто записываться въ службу не будетъ. Примѣры: сверхъ многихъ строгихъ указовъ, многіе недоросли въ преступленіе впади. И потому мое мнѣніе: надобно теперь учредить, чтобъ безъ крайней нужды въ продолженіе нынѣшней войны никто изъ службы не ходилъ, предписавъ записавшимся въ службу нѣсколько лѣтъ выслужить, а впредь ободрить.

Установить школы и гимназіи по разнымъ мѣстамъ, какъ въ моемъ представленіи въ Правительствующій Сенатъ показано, школы и гимназіи, въ которыя повелѣтъ въ урочныя лѣта юношеству записываться начиная всякой по близости, въ школахъ, потомъ, для дальнѣйшихъ въ ученіи успѣховъ въ гимназіяхъ, кои будутъ учреждены въ губерніяхъ, а послѣ для совершенства нужныхъ наукъ итить въ кадетской корпусъ, въ университетъ и академію, въ инженерную школу, въ которыхъ быть до семнадцати или осмнадцати лѣтъ, и потомъ дать волю служить или нѣтъ.

Въ такомъ состояніи молодые люди, получа должное съ ихъ рожденіемъ воспитаніе, приобыкши быть въ сообществѣ, потеряютъ грубое предубѣжденіе; получивъ надлежащее просвѣщеніе, конечно не захотятъ, развѣ малой части, возвратиться во свое темное жилище. Молодые лѣта, вселенная ученіемъ къ отечеству должностя, благородная ревность къ собственному добру....

IV.

Всемиловѣйшая государыня. Почитая преступленіемъ моея должности усердія и вѣрности рабкой, въ молчаніи о всемъ томъ что не соотвѣтствуетъ извѣстному вашего императорскаго величества милосердію и матерней любви къ своимъ подданнымъ, дерзаю, всемиловѣйшая государыня, повторить мои всеподданническія представленія о принятіи въ уваженіе состояніе многихъ въ государствѣ дѣлъ, требующихъ сильнаго и скорого вашего императорскаго величества поправленія. Знаю, всемиловѣйшая государыня, сколь всякое зло, происходимое вашимъ рабамъ, вашему величеству чувствительно, знаю сожалѣніе и соболѣзнованіе о прискорбіи вѣрныхъ подданныхъ, дабы не воображать, что мое частое и дерзкое напоминаніе умножаетъ вашего в-а неудовольствіе и гнѣвъ на меня, послѣднѣйшаго раба. Но, всемиловѣйшая государыня, воззрите на плачевное многихъ людей состояніе, стѣнящихъ подъ игомъ не правосудія, нападковъ, грабежей, и разореніевъ; прикажите, кому изволите ввѣрить, разсмотрѣть мое представленіе. Клянусь самимъ Богомъ, что въ виду, кромѣ высочайшаго вашего императорскаго величества интересу, не имѣю, и благополучія государства, сопряженнаго съ вашею славою и милосердіемъ. Радъ истинно нести на себѣ всѣ горести и наконецъ посвятить жизнь для вашего императорскаго величества и благополучія и славы имперіи.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ
Иванъ Шуваловъ.

V.

Указъ нашему Сенату.

Соображая мудрыя установленія государя императора, нашего любезнѣйшаго родителя и плоды неусыпныхъ трудовъ его, долгъ нашъ и любовь къ отечеству усугубляетъ наше желаніе и стараніе о благосостояніи нашего государства. Мы лутчее средство къ достиженію сего избрать себѣ не можемъ, какъ подражать во всемъ узаконеніямъ и намѣреніямъ государя нашего родителя.

Главное сего монарха попеченіе было сдѣлать способныхъ людей, къ правленію разныхъ должностей, составляющихъ общій порядокъ государства; и для того не только въ главныхъ частяхъ, но и самыхъ малыхъ прилагалъ свое попеченіе произвести людей годныхъ и полезныхъ и имѣлъ удовольствіе видѣть при себѣ успѣхъ своего великаго намѣренія. Военная наука, мореплаваніе, политика, архитектура, комерція и прочія полезныя ученія процвѣтали въ здѣшнихъ людяхъ, которые славу своему начальнику такъ и собственно себѣ своею склонностью и понятіемъ приобрѣли въ такомъ, казалось, твердомъ основаніи. И когда суевѣріе и невѣжество, главные со-противники просвѣщенія, исчезали, надлежало ожидать несомнѣнныхъ успѣховъ: но... (5).

VI.

Въ военномъ искусствѣ государь Петръ Великій на сухомъ пути и на морѣ, желая имѣть своихъ людей, приказалъ послать нѣсколько дво-

(5) Эти же мысли развиты Шуваловымъ въ письмѣ его къ Гельвецію, см: Р. Бесѣда 1857, кн. 1, стр. 39.

рянскихъ дѣтей достаточныхъ въ иностранную службу, чему, какъ вашему императорскому величеству извѣстно, и успѣхъ былъ. Нынѣшнее время войны полезной къ оному дастъ случай, когда высочайшая воля на то будетъ.

Не меньше потребно и въ штатскихъ политическихъ дѣлахъ, дабы при всякомъ нашемъ министрѣ чело-вѣка по четыре молодыхъ, разумныхъ и склонныхъ къ оной должности людей выбрать и опредѣлить, которые, при министрахъ обучаяся, могутъ быть способные негосіатѣры. (6) Также и здѣсь въ коллегію иностранныхъ дѣлъ опредѣлить юнкеровъ хорошева дворянства на иномъ порядкѣ, какъ теперь, которые, добившись порутческаго чина, выходятъ тотчасъ въ армію: не сдѣлавъ себя въ одномъ мѣстѣ годными, ищутъ другаго.

При комерціи можно такожъ имѣть своихъ искусныхъ консуловъ и купцовъ, когда только указъ государя Петра Великаго въ дѣйство произвести о дворянскихъ и купецкихъ дѣтяхъ, которой, къ крайнему сожалѣнію, по сіе время своего дѣйства не имѣетъ.

Примѣромъ тому, и въ прочихъ мѣстахъ есть многіе способы къ заведенію своихъ искусныхъ людей. Польза государству по желанію вашего императорскаго величества несомнѣнно будетъ; не имѣя же, всамолостивѣйшая государыня; своихъ особ-ныхъ людей, иногда интересы вашего императорскаго величества такъ наблюдаемы не будутъ; да и мнѣнію иностранныхъ въкренившеся, что не видать Россійскихъ достойныхъ людей, приносить всему народу крайнее предосужденіе. И по-

(6) Т. 8, дѣльцы.

длинно удивительно, что отъ наукъ до самаго низкаго ремесла мало своихъ искусныхъ или почти никого нѣтъ, чему не склонность и понятіе людей, но худыя смотрѣнія въ премудрыхъ здѣсь учрежденіяхъ виноваты.

Единымъ симъ способомъ можно справедливо ласкаться видѣть въ цвѣтущемъ состояніи государство наше, и показать нашимъ завистникамъ, что все ласкаются, что мы сами себя невѣжествомъ нашимъ истребляемъ, возвращаясь безъ иностранныхъ кооному^(?), какъ вашеимператорское величество въ перлюстрированныхъ реляціяхъ нѣкоторыхъ министровъ сами видѣть изволили (къ большому вашего императорскаго величества неудовольствію) что не токмо число способныхъ мало какъ министры представляли, но много такихъ, которые святыя и полезныя законы и вашего императорскаго величества волю не уважаютъ, оставляя правосудіе чисто для собственной своей прибыли, государству убытки и народу разореніе приносятъ, какъ то во многихъ судебныхъ мѣстахъ, въ губерніяхъ и городахъ дѣлаютъ, особливо когда государство несетъ бремя войны, гдѣ всякой истинной сынъ отечества свои силы къ споспѣшествованію общаго добра употреблять долженъ: тутъ многія имѣются неудобства, въ наборѣ рекрутъ, лошадей и прогчаго, отъ чего народъ вдвое отъ такихъ внутреннихъ враговъ претерпѣваетъ.

Большая притчина того невѣжества, что прямо не знаютъ должности своей къ государю, къ государству, къ общему добру и любви къ

(?) Т. е. къ допетровскому невѣжеству.

ближнему. Многіе такіе испорядки слышны, но не слышно, кто бы былъ наказанъ, что ободряетъ другихъ поступать такимъ же вреднымъ образомъ. Въ семь случаѣ не человекъ, но порокъ истребляется, и защищается невинность.

Сіе подало многимъ молодымъ людямъ поводъ отстать отъ военной службы, искать штатской безъ жалобы, — довольный видъ уже есть грабленія, отчего командиры жалятся, что дворянства мало въ полкахъ къ произвожденію, а гдѣ оны дѣваются, того не изыскиваютъ.

Великое продолженіе суда есть великой вредъ государства, о чемъ ваше император. величество сколь милосердо, столь премудро разсуждать въ Москвѣ въ 1754 году съ присутствіемъ въ Сенатѣ, при членахъ коллежскихъ, изволили и указали изыскивать все способы въ прекращеніе онаго. Главное было разсужденіе о приведеніи законовъ въ порядокъ, на что Сенатъ учредилъ подъ своимъ смотрѣніемъ департаментъ, въ которомъ сочиняли уложеніе и котораго часть сочинена, только еще не апробована. Продолженіе онаго всеѣмъ отставлено, и члены въ разныя мѣста отлучаются. Дѣло, сколь нужное, столь славное, для царства вашего императорскаго величества, которое повелѣно государемъ Петромъ Великимъ и утверждено другими послѣ его государями, и окончано быть можетъ вашимъ императорскимъ в личествомъ, какъ совершительницею дѣлъ своего родителя.

Многіе челобитчики, милосерднѣйшая государыня, имѣя право прибѣгнуть подъ покровъ вашего величества, представить свои необходимости, и сколь милость ваша велика,

столь имъ вездѣ затворенъ путь къ достиженію ихъ необходимаго желанія; имѣя только случай, гдѣ только увидятъ ваше императорское величество, кричатъ, просятъ, ваше величество беспокоятъ и своимъ часто безобразнымъ стремленіемъ наводятъ справедливое неудовольствіе. Для лучшаго къ тому исправленія потребно указать, чтобъ все поправить: если могутъ просить, подавали бъ въ кабинетъ свои челобитья главному въ кабинетѣ повѣренному, единственно отъ воли вашего императорскаго величества, и о общемъ добрѣ пекущемуся. Должно ихъ рассмотреть и немедленно самую истину докладывать, и по тому скорую несомнѣнную резолюцію по милосердію нашему получить что примѣромъ правосудія прочимъ мѣстамъ будетъ и удержать неправду судей и караетъ обидящихъ и возставитъ надежду страждущихъ и утѣсенныхъ. И въ то время бы отъ нихъ никто не дерзалъ просить и трудить высочайшую вашего императорскаго величества персону, кромѣ самыхъ важнѣйшихъ притчинъ и доказательной недовѣренности порѣченнаго члена кабинетскаго.

VII.

Изъ Академіи Художествъ въ Канцелярію Строенія.

На присланную сего Іюня промеморію отъ канцеляріи строенія симъ отвѣтствую. Указъ ея императорскаго величества мною объявленъ былъ оберъ-архитектору, чтобъ галерею убирать деревянною рѣзбою и позолотою; а какъ въ оной промеморіи написано, что велѣно убирать противъ поданнаго прожекта, о чемъ можетъ быть повелѣніе кромѣ меня

было; да и само по себѣ значитъ, когда бъ проектъ высочайшей апробаціи удостоился, то не надлежало бы отъ рѣщиковъ спрашивать новыхъ проектовъ, а должно бы было только имъ приказать слѣдовать апробованному. Что же профессоръ Жилетъ по сіе время не вступилъ въ работу, тому причина слѣдующее: 1. Что онъ, задачею своею почитая исполнять свою должность по своей совѣсти и чести, видѣлъ, что предпріятая работа мастерствомъ не могла отвѣтствовать высочайшему намѣренію по такой высокой цѣли. 2. Что онъ себѣ безславіе не хотѣлъ сдѣлать, чтобъ имя его было употреблено, гдѣ дурная работа будетъ, какъ во многихъ комнатахъ въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ есть. 3. Для лучшаго приведенія въ совершенство сей работы онъ сталъ выписывать подмастерьевъ за немалую цѣну, смотря болѣе чести въ успѣхъ хорошаго мастерства, нежели великой прибыли. 4. При началѣ ихъ намѣренія онъ свѣдалъ, что уже работа началась; паче жъ ему не было нужды ни рисунка, ни модели дѣлать, которые уже оба онъ сдѣлалъ съ похвалою отъ всѣхъ знающихъ людей. Что же канцелярія говорить въ резонъ, что она потому увѣрена, что онъ не будетъ исправлять работъ, что онъ изъ академіи не выключенъ и жалованье получаетъ, и сему нѣтъ никакого основанія: ибо онъ, будучи въ академіи, и другую должность, какъ оныя обѣ принадлежатъ къ службѣ ея императорскаго величества, исправлять можетъ. По сему жъ правилу должно всѣхъ мастеровыхъ исключать изъ мѣстъ, когда другія работы предпринимать стануть, а болѣе когда партикулярныя. Что о немъ заключаютъ, что онъ не знаетъ свое-

го искусства, въ томъ я долженъ защитить сколько его, столько и мѣсто. Я конечно бѣ незнающаго человѣка на иждивеніе е. и. в. для обученія учениковъ не выписалъ. Онъ членъ французской академіи, былъ шесть лѣтъ въ Италіи, и отъ тѣхъ академикомъ имѣетъ аттестаты. А въ чемъ онъ не знаетъ, и кто на него доказать можетъ, въ томъ императорская академія требуетъ, чтобъ тѣмъ людямъ приказано было доказать, и для лучшаго ихъ и его знанія приказать сдѣлать проэекты для украшенія залы какъ имъ, такъ и ему, послать въ Римъ, гдѣ лучшіе скульптеры (оставляя Парижъ, понеже сіе его отечество): тамъ могутъ ихъ проэекты быть судимы, и чрезъ то незнаніе и преимущество каждаго видѣть можно. Сіе требованіе повторяется, дабы ненависть и невѣжество не могли напрасно порочить достоинство и тѣмъ бы напрасно не сдѣлать обиды мѣсту, которое по всевысочайшей волѣ ея императорскаго величества установлено для заведенія своихъ художниковъ, которое подъ его смотрѣніемъ въ два рода болѣ сдѣлать успѣваетъ, нежели у иныхъ чрезъ двадцать лѣтъ, которые обманно жалованье получаютъ.

УІІІ.

По всевысочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію для памяти.

Учредить при дворѣ одинъ разъ въ недѣлю сенатское засѣданіе, сверхъ того что конференція свои назначенные дни имѣетъ; и чтобъ оное засѣданіе въ присутствіи вашего императорскаго величества было; или, когда быть не изволите, то по окончаніи собранія докладывать о какихъ дѣлахъ разсужденіе

было и что по онымъ исполнено. Во оное присутствіе пригласить великаго князя, какъ то обыкновенно вездѣ въ другихъ государствахъ есть. Сверхъ того изъ онаго слѣдуетъ польза: 1) Великой князь будетъ свидѣтелемъ матернему вашему императорскаго величества о народѣ своемъ попеченію и милосердію, служащему примѣромъ, къ удивленію всѣхъ людей. 2) Будетъ имѣть понятіе совершеннѣе о узаконеніяхъ государскихъ Петра Велик. и вашего императорскаго величества. 3) Отнимутся отъ того случаи всѣмъ злонамѣреннымъ самыя лучшія дѣла неправымъ разсужденіемъ преобразовать вовредѣ, предпочитая собственной свой интересъ общему и тѣмъ, кто не прямо случай имѣетъ дѣла знать, всѣвать другія противныя намѣренію мысли. 4) На послѣдокъ, сія повѣренность вашего величества возбудитъ въ немъ должную благодарность какъ къ матери и государынѣ, дастъ ему сходное съ его рожденіемъ и достоинствомъ упражненіе, отниметъ случай приносить ему многія разныхъ злыхъ льстецовъ внушенія.

Въ ономъ присутствіи предлагать главнѣйшія государственныя дѣла, какъ на примѣръ:

1. О сочиненіи государственныхъ на всѣ мѣста штатовъ, ибо вашему императорскому величеству извѣстно, что многіе чины и расходы умножились, и тако доходъ, прежде положенной, не будучи довольнымъ, произвелъ великіе не порядки: мѣсто одно должно другому, нѣтъ вѣрной заплаты, отчего претерпѣваютъ многіе.

2. Приказать сдѣлать по обстоятельствамъ Сенату на себя инструкцію.

3. Поспѣшать о сочиненіи Уложения, ибо неясность или разные законы на одинъ случай останавливаютъ правосудіе, открываютъ путь къ ябедамъ и превратнымъ инымъ судіямъ къ преступленію ихъ должности.

4. Въ Москвѣ учредить въ Сенатской Конторѣ нѣсколько сенаторовъ, придавъ къ нимъ достойныхъ членовъ, дабы апелляціонныя челобитчиковы дѣла вершилися, а Сенату оставили время для дѣлъ государственныхъ.

5. Разсмотрѣть состояніе флота и все что къ тому принадлежитъ, какъ Морской кадетской корпусъ, пользу Кронштадскаго канала и прочее.

6. О разсмотрѣніи заводовъ, фабрикъ и прочего.

7. О приведеніи въ лутчее состояніе Ладожскаго канала, о чемъ полезныя есть проэкты; также и весь водяной путь, чрезъ которой идутъ въ Петербургъ товары и съѣстные припасы. Отъ непорядку нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей претерпѣваетъ польза и государственная и народная.

8. О учрежденіи въ государствѣ магазиновъ, какъ для предосторожности въ случаѣ недороду хлѣба, также и о выпускѣ за моря, о чемъ есть уже изрядныя и полезныя мнѣнія.

9. О соединеніи рѣкъ каналами, какъ то намѣреніе государя императора Петра Великаго было, чрезъ что великое богатство государству получить можно, и произведетъ ободреніе земледѣльцамъ.

10. Вашего императорскаго милостиваго намѣренія столь часто слышать удостоился, сколь много разъ о установленіи сиротскихъ домовъ разсуждать изволили. Сіе все по-

нынѣ безъ исполненія. Къ симъ учрежденіямъ слѣдуетъ гошпиталей для больныхъ всякаго званія и для дому празднымъ тунеядцамъ, которые нищими себя являютъ и кормятся трудами другихъ людей

11. Учредить опекунскую коллегію, которая бы смотрѣла надъ дѣтьми молодыхъ людей, не допускаемая до разоренія ихъ имѣній, которыхъ необузданная молодость расточаетъ по своимъ страстямъ и прихотямъ.

12. Учредить воспитаніе юношеству, и опредѣленіе въ службу особливо дворянству, если высочайше опробовано будетъ поданное въ Сенатъ отъ генералъ-адъютанта и куратора Шувалова доношеніе, о которомъ Сенатъ хотѣлъ подать докладъ.

И наконецъ приказать собрать всѣ указы и намѣренія государя императора Петра Великаго, безъ дѣйствія оставленные, разсмотря по обстоятельствамъ въ дѣйство иные производить, прочія нужныя дѣла къ докладу представить, и взять со всѣхъ подчиненныхъ Сенату мнѣній объясненія, въ чемъ которое какой недостатокъ имѣеть, со мнѣніемъ, какъ оное исправить.

Ваше императорское величество, изволили разсуждать, чтобъ при исправленіи законовъ постановить нѣкоторыя фундаментальныя, которыхъ самая польза, благополучіе вашего императорскаго величества подданныхъ непремѣнными дѣлають. Сколько могу вспомнить, по высочайшему вашему императорскаго величества милостивому повелѣнію, имѣю счастье представить и дерзаю сказать свое слабѣйшее мнѣніе, дабы при началѣ оныхъ сдѣлать объявленіе такого содержания:

Извѣстно всѣмъ, какимъ неисповѣдимымъ Божескимъ Промысломъ ваше императорское величество возведены на прародительскій, императорской, Россійской престолю, въ то время, когда не токмо надежды ко оному лишились, но и свое собственное состояніе опаснымъ почитали, и вѣрныя вамъ, помнящіе услуги отечеству родителя вашего, свою ревность и усердіе къ в. і. в. безполезными видѣли. Въ такомъ обстоятельствѣ угодно было Господу Богу показать в. в. свое милосердіе и волю. Ваше императорское величество, почитая за первой долгъ предъ Богомъ и за главное, по мѣрѣ малыхъ человѣческихъ силъ предъ Нимъ воздаяніе — изыскать способы къ блаженству и благополучію даннаго отъ Него в. в. народа, котораго ко отечеству любовь и къ вашему императорскому величеству оказанная вѣрность, ревность и усердіе съ начала вступленія на престолъ въ разныхъ случаяхъ удостоверена, вы заблагодарасудили установить фундаментальныя и непремѣнныя законы въ его пользу при исправленіи нынѣшнихъ законовъ, утвердить и открыть путь къ общему благосостоянію. Почему в. і. в. несомнѣнно увѣрены, что всѣ вѣрныя подданныя, почитая матернее в. в. о нихъ попеченіе и любовь, восчувствуютъ справедливую благодарность и усугубятъ свои услуги любезному отечеству, пребудутъ съ равною, непремѣнною вѣрностью и усердіемъ какъ вашему императорскому величеству, такъ и по волѣ вашей нареченному наслѣднику, вашему любезному племяннику и всему дому государя Петра Великаго, отца в. и. в. и отечества. В. и. в. изволите увѣрять и обѣщать, предъ

Богомъ какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ своихъ, слѣдующіе законы, свято, ненарушимо сохранять и содержать и повелѣтъ всѣмъ вѣрноподаннымъ, какъ истиннымъ дѣтямъ отечества, во всякихъ случаяхъ наблюдать ихъ непоколебимость и ненарушеніе, и въ семъ указать учинить присягу.

По высочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію пункты фундаментальныхъ законовъ:

1. Утвердить самодержавною властію и присягою, дабы всѣ государи Россійскаго престола, и жены ихъ, и дѣти, и мужескъ и женскъ полъ, были Греческаго православнаго закона.
2. Всѣ Россіянне въ ономъ законѣ постоянно, навсегда пребудутъ.
3. Всѣ церкви, монастыри, духовенство сохранять свои права по законамъ государя императора Петра Великаго.
4. Святѣйшій Синодъ будетъ состоять изъ человѣкъ, на основаніи ихъ преимуществъ и должностей, по узаконеніямъ государя императора Петра Великаго.
5. Сенатъ имѣеть состоять изъ 20 или персонъ. Всякой членъ долженъ быть Россійскій подданный и Греческаго закона.
6. Быть тремъ фельдмаршаламъ, двумъ Россійскимъ и одному иностранному, если нужда потребуетъ.
7. Адмираламъ двумъ Русскимъ и одному иностранному, если нужда потребуетъ.
8. Всѣмъ президентамъ губернаторамъ быть здѣшнимъ подданнымъ.
9. Гвардіи полки состоятъ изъ здѣшнихъ подданныхъ, три части Русскихъ, а четвертая Лифляндцовъ, Эстонцовъ и прочихъ завоеванныхъ

провинцій, за оказанныя ими услуги и ревность къ нашей службѣ.

10. Армея наша, генераль, штабъ и оберофицеры имѣютъ состоятъ изъ трехъ частей Русскихъ, а четвертая Лифляндцовъ, Эстонцовъ и иностранныхъ.

11. Флотъ, флагманы, офицеры и прочіе: три части Русскихъ, четвертая Лифляндцовъ и прочихъ иностранныхъ.

12. Во всѣ оныя мѣста Лифляндцы и Эстляндцы имѣютъ преимущество при вступленіи въ службу предъ иностранными.

13. Впадшее въ преступленіе дворянство теряетъ только конфискаціею собственно нажитое собою имѣніе, а не родовое.

14. Отъ безчестной политической казни дворянство свободить.

15. Дворянину служить 26 лѣтъ, считая отъ времени дѣйствительной службы его, то есть отъ 20 лѣтъ возраста.

16. Отставныхъ солдатъ всѣхъ по инвалиднымъ по своимъ дачамъ распредѣлять безъ всякаго замедленія, и прилагать трудъ ко установленію ихъ состоянія, по нашему намѣренію.

О купцахъ и крестьянахъ сдѣлать разсмотрѣніе и стараться ихъ состояніе сдѣлать полезнѣйшимъ отечеству и имъ самимъ

IX.

Его сіятельству канцлеру на разсмотрѣніе мое мнѣніе.

При разсужденіи о читаемыхъ сего 17 Сентября въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ трактатахъ, я приѣтилъ слѣдующее:

1. Испросить у ея императорскаго величества, не будетъ ли угодно,

содержаніе Копенгагенскаго трактата или тѣхъ артикуловъ, которые до земель его высочества великаго князя принадлежать, по притчинѣ: 1. что оной такой трактатъ только извѣстенъ коллегіи, въ конференцію внесется, въ которой и великій князь иногда присутствуетъ. И тако отъ него онаго скрывать, мнится не должно. 2. Его высочество будетъ обезпокоенъ о собираніи войскъ Дацкихъ близъ его владѣнія, о чемъ и отзывается чрезъ своего министра не совѣмъ пристойно, чтѣ и впредь случиться можетъ и будетъ е. в. досажденіемъ, а оное произойдетъ отъ этого, что онъ никакого свѣдѣнія не имѣетъ. 3. Его высочество отзывается канцлеру въ Петергофѣ, что не можно ли при благополучныхъ успѣхахъ оружія здѣшняго всемилостивѣйшей государынѣ представить, чтобъ возвратитъ ему законное владѣніе и негосировать о томъ съ союзными дворами, чтѣ онъ себѣ первымъ бы благополучіемъ почти талъ. Но когда бъ великой князь оной трактатъ и вступленіе къ нему оной державы могъ знать, то бы по онымъ обстоятельствамъ онаго требованія дѣлать уклонился.

2. Объяснить слово *gratuit*. Хотя оное довольно изображено въ деклараціи, однако для избѣжанія какого либо недоразумѣнія.

3. Требовать, како награжденіе дать въ понесенныхъ убыткахъ положено; хотя и говорено, что не изъ земель согласующихся державъ ни ихъ союзниковъ, но всегда оное нужно знать, когда къ нему дѣлать вступленіе, (для) лутчаго вѣдѣнія потребно знать

4. Удивительно, что требуетъ вступленіе неравной и безпридаточной размѣны земель, когда прежде

отъ Датскаго двора великому князю сверхъ графства Ольденбургскаго и Дельменгорфскаго ещезнатная сумма денегъ, состоящая въ полутора милліонѣ риксталеровъ, въ монетѣ цвейдритель-штикъ называемой, общана была, и что е. в. король Дацкой всѣ признанные наличные долги на себя снимаетъ. И тако, сколь сомнительно, чтобъ великой князь на такія предложенія, уменьшенные предъ прежними, поступилъ, тако жъ и ея императорское величество на то бѣ согласилась свои офиціи употреблять.

5. Вѣнской и Французской⁽⁸⁾ справедливо не надѣются, что размѣна равная земель великаго князя съ Дацкимъ королемъ дѣйства своего имѣть не можетъ, и для того общали ему другимъ оные убытки возратить; естли бы и какъ можно въ чемъ оное воздаяніе состоится, то можетъ быть великой князь и согласился бы размѣняться своею землею, когда бѣ оныя обѣщанныя Дацкому королю земли великому князю къ его землямъ приданы были, хогда они того стоятъ. Легко можетъ быть, что оныя состоятъ въ городахъ, Прусскому королю принадлежащихъ въ Нѣмецкой землѣ.

6. Оной трактатъ и по немъ сдѣланное вашимъ сіятельствомъ и коллегіею мнѣніе необходимо должны представлены быть къ докладу ея императорскаго величества конференціи, какъ оное дѣло само собою важности зависитъ, такъ и будучи оное сопряжено съ нынѣшними военными обстоятельствами.

7. Версальской трактатъ для такихъ же резоновъ конференціи открытъ быть долженъ; а паче всего

(8) Т. е. послы

ваше сіятельство, уважая одну пользу ея императорскаго величества и государства и слѣдуя своей ревности и усердію, сіе дѣло предпринять изволили и трактовать, въ такомъ обстоятельствѣ, что удобное время онаго упущено и предварительнаго предъ войною и въ продолженіе оной ничего не сдѣлано. И тако весьма вредно мнится, чтобъ въ томъ желаемой успѣхъ сходной съ интересами государства быть могъ и чтобъ невозможность по состоянію не причлась какому либо упущенію въ негоціаціи: то пускай ваши труды представятся ихъ⁽⁹⁾ мнѣнію, изъ которыхъ заключенія, а не по поверхности, отъ невѣденія дѣла, принимать будутъ. Вашего сіятельства предстательствомъ, угодно было всемилостивѣйшей государынѣ мнѣ повелѣть сію великую и важную матерію трактовать. Не имѣя никогда упражненія въ таковыхъ дѣлахъ, а паче воображая, что оное меня бѣ совсѣмъ привело отклониться, по притчинѣ моего незнанія, естлибъ я мои труды не производилъ подѣ наставленіемъ вашего сіятельства, я не думалъ бы тѣмъ соотвѣтствовать моими возможными, но мало полезными трудами высочайшему повелѣнію ея императорскаго величества и вашей вѣрности.

8. Требованіе отъ союзныхъ державъ, которому ваше сіятельство свое мнѣніе положили, мнѣ кажется сколь разумно, столь и справедливо. Хотя нѣкоторые члены коллегіи нашли нѣкоторые пункты оставить; только я бы хотѣлъ, чтобъ оные еще они прочли, и гораздо принявъ въ зрѣлое разсужденіе, лутчія бѣ притчины къ отмѣненію ихъ дали.

(9) Т. е. членовъ конференціи.

Я не понимаю, для чего за неудобно имъ кажется, чтобъ о намѣреніи нашемъ раздѣлаться съ Поляками и взять что намъ принадлежитъ по трактатамъ, сообщить нашимъ союзникамъ въ самой тайности. Сіе сообщеніе никакого вида ни конвенціи, ниже негоціаціи имѣть не можетъ, что будто тѣмъ дадимъ поводъ имъ войти въ Польскія дѣла. Оное никакъ доказать не можно. Да когда захотятъ мѣшаться, то и безъ онаго войдутъ, какъ то и въ Версальскомъ трактатѣ о избраніи Польскаго короля упомянуто, да что и прежде бывало. Сія же откровенность ни къ чему иному, какъ предупредить отъ жалобы Польской, чтобъ наши союзники, будучи предварены и видя существо справедливаго дѣла, наше справедливое требованіе, а не какое насильство признали; а паче тѣмъ, чтобъ Французской и Вѣнской министры при Портѣ отъ неминуемыхъ въ то время Польскихъ жалобъ и нареканій Порту о правдѣ увѣрить и отъ тщетныхъ ихъ приношеніевъ отвратить могли. Если мы сего нынѣ не сдѣлаемъ, то послѣ конечно надобно дѣлать, время уйдетъ въ перепискахъ, и останется уже испорченное имъ поправлять, а не предупредить.

9. Требовать нѣкоторые Прусскіе города для отдачи ихъ Полякамъ, въ томъ, чтобъ они свои претензіи на насъ тѣмъ уничтожили. Кажется, если оное истребовать, то не такъ сильно, какъ намъ о деньгахъ настоять, чтобъ войну заплатить, о чемъ довольно разсуждаемо было; да и какія ихъ претензіи, когда нашихъ гораздо болѣе? Можетъ быть, что союзники легче на отдачу городовъ намъ поступятъ, нежели на

заплату положенную денегъ. И тако, когда мы оные получимъ, то весьма мало, или дутче сказать ничего не получимъ.

X.

Отрывокъ изъ письма И. И. Шувалова (къ гр. Г. Г. Орлову).

...Cela me determinerait à changer mes dessein de voyage, comme aussi de ma soeur. Enfin la persuasion des plusieurs personnes m'arreterait à la cour. V. e. peut être assurée que je n'ai (prié) même dans ce temps ni honneurs, ni rangs, ni richesses J'ai refusé la place de vice-chancelier, des terres dont plusieurs sont temoins, et surtout Goudowitz qui fut présent lorsque j'étais à genou pour lui demander grace de me dispenser de toutes marques de sa bienveillance.

Mon attachement pour s. m. i. glorieusement régnante ne peut être ignoré de toutes les personnes avec lesquelles je suis en connaissance. V. e. elle même m'en rendra justice, et encore j'ai hasardé faire quelques demarches pour son service dont quelques personnes m'en rendront justice.

Dans le temps du precedent règne j'ai vu que les affaires allaient au prejudice du bien public. J'ai parlé. On rapporta mes discours. On changea des egards pour moi et j'ai changé ma conduite. J'écartai enfin non seulement la cour, mais même sa personne. J'ai pris la resolution de sortir hors du pays. L'occasion s'en presenta. Le defunt empereur dit que le roy de Prusse lui écrit que toutes les personnes qui lui sont suspectes ne doivent point rester auprès lui. Un moment après il ordonne à Melgounoff de me dire que je dois le suivre comme volontaire. Voilà l'histoire de ma campagne que plusieurs

personnes envisageraient autrement. Malheur ordinaire des hommes jugés par les apparences! Je me tais sur ma façon de penser sur tout ce mal qui menaçait notre patrie. J'en ai eu les momens de faire voir à v. e. mes sentimens; heureux, si elle s'en ressouvient!

Enfin la Clemence Divine, en sauvant notre patrie, vient de nous donner une souveraine telle que les voeux les plus sincères des bons sujets, des bons Russes se flattaient d'avoir. Elle nous promet le bonheur, la prospérité et tous les biens imaginable de son règne. Ce dans ce règne auguste que moi seul oublié! Je vois que je suis exclu de toute la confiance dont plusieurs de mes égaux partagent. Que dire, cher seigneur, après tout ceci? Que pense le public? Incapable d'être employé à aucune affaire, indigne de la bienveillance de notre mère! On juge par le présent du passé; peut-être m'attribue-t-on que j'ai mal servi l'impératrice defunte, que j'ai mal servi ma patrie. Que faire, mon cher seigneur, dites!

Переводъ Сие, можетъ быть, заставитьъ меня измѣнить намѣренія мои касательно путешествія, а также и сестры моей ⁽¹⁰⁾. Наконецъ я остался бы при дворѣ, уговариваемый многими лицами. Ваше сіятельство ⁽¹¹⁾ можете быть увѣрены, что даже и въ то время не выпрашивалъ я ни почестей, ни чиновъ, ни богатства. Я отказался отъ мѣста вице-канцлера ⁽¹²⁾, отъ помѣстьевъ, чему много есть свидѣтелей, и особливо Гудовичъ ⁽¹³⁾ въ присутствіи котораго я на колѣняхъ просилъ у него ⁽¹⁴⁾ милости — уволить меня отъ всякихъ знаковъ его бла-

говоленія. Приверженность моя къ ея императорскому величеству нынѣ славно царствующей государынѣ должна быть извѣстна всѣмъ лицамъ, съ коими я веду знакомство. Ваше сіятельство сами можете подтвердить это; я даже отважился на нѣкоторыя мѣры въ ея пользу, и нѣкоторыя лица подтвердятъ это. Въ теченіи прежняго царствованія ⁽¹⁵⁾ видѣлъ я, что дѣла идутъ въ ущербъ обществу благому. Я не молчалъ. Слова мои были передаваемы. Со мною стали обращаться холоднѣе, и я измѣнилъ мое поведеніе. Напоследокъ я сталъ удалаться не только отъ двора, но и отъ его особы. Я возымѣлъ твердое намѣреніе уѣхать изъ Россіи. Случай представлялся къ тому. По словамъ покойнаго императора, Прусскій король писалъ ему ⁽¹⁶⁾, чтобы всѣ лица, которымъ онъ не совсѣмъ довѣряетъ, не должны быть оставлены близъ его особы. Получивъ это письмо, онъ тотчасъ приказалъ Мельгунолу ⁽¹⁷⁾ сказать мнѣ, что я долженъ послѣдовать за нимъ, безъ особенной должности ⁽¹⁸⁾. Вотъ исторія моей поѣздки, которую многія лица истолковывали бы иначе, — обыкновенное горе, пристекающее отъ поверхностныхъ сужденій! Не буду излагать моихъ мыслей относительно всего этого зла, которое угрожало нашему отечеству: я имѣлъ случаи обнаружить передъ вашимъ сіятельствомъ чувства мои, и былъ бы счастливъ, если бы вы то припомнили. Наконецъ Божеское Милосердіе, спасая наше отечество, даровало намъ такую государыню, на какую лишь могли разчитывать искреннѣйшія пожеланія добрыхъ подданныхъ, добрыхъ Русскихъ. Своимъ царствованіемъ она обѣщаетъ намъ счастье, благодѣтельство и всевозможное добро. И въ это августѣйшее царствованіе я одинъ забыть! Вижу се-

(10) Кн. Прасковья Ивановны Голицыной.

(11) Графъ Г. Г. Орловъ, получившій тоже значеніе, князь Шуваловъ пользовался въ царствованіе Елизаветы.

(12) Въ 1758 году.

(13) Андрей Васильевичъ, любимецъ Петра III.

(14) Петра III-го.

(15) Петра III-го.

(16) Цѣлы ли эти мысли, которыми должно объясниться многое въ шестимѣсячномъ правленіи Петра III-го?

(17) Алексѣю Петровичу, свосму любимцу.

(18) Т. е. въ походъ противъ Данин.

би лишеннымъ довѣрія, коимъ пользуются многіе мнѣ равныя. Что сказать послѣ всего этого, любезный мой господинъ? Что думаетъ общество? Я не способенъ быть употребленнымъ ни на какое дѣло, я недостойнъ благоволенія нашей матери! По теперешнему судятъ и о прошедшемъ. Можетъ быть скажутъ, что я дурно служилъ усопшей императрицѣ, что я дурно служилъ моему отечеству. Что дѣлать, любезный господинъ мой, скажите! ⁽¹⁹⁾.

XI.

Письмо къ И. И. Шувалову за границу.

Коломенское село 1767 г.
Августа 20 дня.

И брань ваша меня пользуетъ. Его сіятельство ⁽²⁰⁾, получа ваше письмо, къ спѣси и суевѣрію (вымышленнымъ для меня порокамъ) хотѣлъ было неблагодарность и другіе тому подобныя мнѣ въ добавокъ пожаловать; однако я тутъ имѣлъ случай изъяснить мою нѣмую жизнь, съ которою кто только изъ комнаты въ комнату въ одномъ домѣ переѣзжаетъ, и ни пріятелей, ни сродниковъ, ни города не видитъ, тотъ ничего новаго писать и видѣть не можетъ. Чего ради обѣщана мнѣ колесница и пегазы, и я буду имѣть способность познаться въ домѣ милостивой государыни княгини Прасковьи Ивановны ⁽²¹⁾; а даннаго мнѣ отъ васъ пашпорта ⁽²²⁾ о моей чести

⁽¹⁹⁾ Письмо ни къ чему не повело. Екатерина сердилась на Шувалова между прочимъ за то, что Шуваловъ писалъ къ Вольтеру, будто кн. Дашкова возвела се на престоль. Весною 1763 г. Шуваловъ уѣхалъ въ чужіе края и пробылъ тамъ 14 лѣтъ сряду.

⁽²⁰⁾ Гр. Кирилль Григ. Разумовскій.

⁽²¹⁾ Голицыной, любимой сестры И. И. Шувалова.

⁽²²⁾ Т. е. рекомендательнаго письма.

еще по сіе время не вручалъ: мы по сіе время почти все вояжируемъ, а княгиня въ деревнѣ ⁽²³⁾. А о препятствіяхъ, въ которомъ числѣ и худое мое здоровье, воспретившихъ мнѣ писать къ вамъ, не упоминаю, чтобы не подумали, что я хочу оправдаться передъ вами. Не хочу, браните меня, милостивый государь, и знайте, что брани ваши съ той стороны мнѣ чувствительны, съ которой лежитъ моя сонная благодарность. Его сіятельство часто на дежурствѣ ⁽²⁴⁾, каждый разъ черезъ недѣлю; и я при немъ, какъ всегда прежде, такъ и нынѣ, откуда сіе писать честь имѣю. Вотъ нечаянной придворной, а вы меня называете нелюдимкою. Однако не ошиблись: никого, кромѣ стѣнъ дежурной комнаты, не вижу. Какъ ни хладнокровенъ, совсѣмъ тѣмъ выхожу и выбѣгаю видѣть ея величество монархиню, которая къ моему благодѣтелю милостива, отъ котораго она ваши просьбы приѣмлетъ. По примѣчанію моему не надѣюсь я васъ видѣть въ Россіи, ибо вы еще и по сіе время въ Римѣ не были; а въ Римѣ быть да папы не видать, къ тому жъ въ Миланѣ жить да Тодескины не поцѣловать, не можно. Она отъ меня научена говорить: радость моя, душа моя. Его сіятельство, будучи крайне недоволенъ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ ⁽²⁵⁾ за молчанье, напротивъ того крайне доволенъ, что

⁽²³⁾ Подмосковномъ селѣ Петровскомъ, Звѣнигородскаго уѣзда, подлѣ царскаго помѣстья Ильинскаго. Нынѣ оно принадлежитъ внуку упоминаемой княгини, кн. Михаилу Федоровичу Голицину.

⁽²⁴⁾ Т. е. при особѣ императрицы.

⁽²⁵⁾ Старшимъ сыномъ гр. Разумовскаго, впоследствии министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ тогда учился въ чужихъ краяхъ подлѣ надзоромъ извѣстнаго мистика М. И. Ковалинскаго.

ваше превосходительство къ нему поближе подѣхали, и есть ли бы не сей случай, то бы поворотилъ, опасаясь всего что съ молодымъ человѣкомъ въ такой отдаленности случиться можетъ. На сихъ дняхъ Иванъ Перфильевичъ ²⁶⁾, отобѣдавъ въ Петровскомъ ²⁷⁾, отправился въ Петербургъ для строенія порученнаго ему города; повезъ съ собою и Дмитревскаго актера, для отправленія онаго въ Парижъ, сказываютъ, за новою труппою. А господинъ Тепловъ изъ Малой Россіи пріѣхалъ и устроивъ тамъ свою экономію, намѣреваетъ просить милости о высокомъ вспоможеніи въ приданномъ своей дочери. Его сіятельство былъ у него, ибо онъ пріѣхалъ крайне боленъ, а жена и фамилія въ деревнѣ ²⁸⁾. Князь Вяземскій пожалованъ сенатскимъ генераль-прокуроромъ и, кажется, онъ долженъ быть изъ первыхъ у сочиненія проекта новаго уложенія; ибо къ нему многие литературные люди требуются къ тому дѣлу ²⁹⁾. Прошлаго воскресенья была во дворцѣ благодарственная ея величеству церемонія отъ депутатовъ, въ которой, сказываютъ, просили депутаты принять титулъ премудрой, великой, матери отечества, на что отвѣтъ былъ достойный сей монархини слѣдующій: премудрость одному Богу; великая, о томъ разсуждать потомкамъ; мать же отечества, то я васъ люблю и любима быть желаю. Со-

жалѣю, что я не былъ на сей церемоніи ³⁰⁾. Сюда въ Коломенское пріѣхали Сибиряки, привезли въ подарокъ драгоцѣнности своей земли, черныхъ лисицъ и прочее. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ крайне опасно былъ боленъ, и нынѣ не гораздо здоровъ и не дежурить. Нашъ графъ ³¹⁾ того же имени слава Богу; я съ старикомъ, будучи въ гостиницѣ, много о васъ рассказывалъ, ибо онъ много меня и охотно слушалъ и спрашивалъ. Долгорукому, который былъ послѣдній въ Парижѣ, вашего имени не упоминай: какъ порохомъ его взорветъ! Случилось мнѣ его не однажды слушать во дворцѣ, когда онъ на караулъ прихаживалъ. Онъ и меня дѣлалъ своимъ стремленіемъ краснорѣчивымъ и сномъ отягощенныхъ караульныхъ офицеровъ любопытными. Онъ васъ какъ отца и благодѣтеля и наставника для молодыхъ вояжировъ проповѣдуетъ ³²⁾. Да и кто о томъ, милостивый государь, умолчитъ, кто только доходилъ до вашего знанія? Развѣ я, доброй человѣкъ, у котораго скорѣе сердце нежели языкъ поворотится! Знаете ли, ваше превосходительство, что я вздумалъ? Меня достойное. Вздумалъ проситься въ отставку, удержать славу копченыхъ предковъ моихъ въ винокурнѣ, и стараюсь поскорѣе то сдѣлать, чтобы до вашего пріѣзду не имѣть укорителя себѣ въ моей неблагодарности.

⁽²⁶⁾ Елагинъ?

⁽²⁷⁾ См. выше примѣч. 23.

⁽²⁸⁾ Стало быть, отношенія гр. Разумовскаго съ наста вникомъ его Г. Н. Тепловымъ не прерывались и послѣ огнѣны гетманства (1764) Имѣіе Теплова въ Орловской губерніи, село Молд овос, Карачевскаго уѣзда.

⁽²⁹⁾ Н. И. Новиковъ, ян. Козловскій, Майковъ, Бутузовъ (впослѣдствіи ян. Смоленскій) и др.

⁽³⁰⁾ Любопытно, что въ письмѣ не передается подробностей о засѣданіяхъ коммисіи объ уложеніи.

⁽³¹⁾ Т. е. старшій братъ гр. Разумовскаго, гр. Алексѣй Григорьевичъ, предшественникъ Шувалова въ милостяхъ имп. Елизаветы.

⁽³²⁾ Это напоминаетъ стихъ Державина о Шуваловѣ: „Фаросъ младыхъ вельможъ.“

Милостивый государь, кажется, доброе сердце имѣю, да не имѣю добраго великодушія. Убожество мое, и въ тому случившееся заарестованье вещей моихъ самыхъ нужныхъ въ таможднѣ, заставили меня попросить денегъ; мнѣ никогда еще не отказывано. Сія просьба, въ которой доступъ во зло употребленъ, такъ мнѣ безстыдною показалась, что я ея никакъ скончать не могъ, какъ сойдти и впрямъ въ бѣдную жизнь, чтобы оправдать просьбу состояніемъ. Ваше превосходительство простите мою фамилярность. Человѣкъ, который всегда въ свѣтѣ такъ обращался, какъ бы его оставить, когда къ большимъ господамъ, то говорить къ ихъ качествамъ больше, а не къ титуламъ; да и Англичане, которые прямо людей почитать знаютъ, во первыхъ почитаютъ ваши качества. Александра вашъ, любимый слуга его сіятельства, замучилъ меня своею отпускною; что его сіятельство въ Парижѣ общалъ милостиво, то здѣсь со гнѣвомъ слушаетъ. При семъ прилагаю письмо Натальи Кириловны⁽³³⁾ къ Алексѣю Кириловичу. Прошу и меня ему вспомнить: онъ меня любилъ въ старые годы. Ваше же превосходительство прошу бранить меня почаще.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

1.

Иванъ Ивановичъ. Увѣдомленія ваши о всемъ томъ, что вы въ путешествіи своемъ между двумя столицами нашли для себя пріятнаго, тѣмъ болѣе служатъ къ моему удовольствію, коль нимаю не сомнѣваюся объ истиннѣ оныхъ, зная свойственную вамъ искренность и похвальное къ добру общему усердіе⁽¹⁾. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ Петергофѣ
Юля 16 дня 1779 г.

2.

Иванъ Ивановичъ. Коммиссія объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ по дѣламъ ей ввѣренными на пользу и просвѣщеніе народное, имѣя надобность въ ученыхъ людяхъ, ни отъ кого въ томъ лучшаго пособія заимствовать не можетъ, какъ отъ нашихъ здѣшней академіи наукъ и Московскаго университета: почему воля наша непремѣнная есть, что, еслии кто изъ академиковъ, профессоровъ или адъюнктовъ употребленъ будетъ тою коммиссіею для дѣлъ ей порученныхъ, въ томъ не надлежитъ препятствовать или же затрудненія дѣлать; тѣмъ болѣе, что означенная коммиссія не оставитъ по мѣрѣ трудовъ каждаго доставлять зависящее отъ нея одобреніе; и ежели изъ таковыхъ академиковъ, профессоровъ или адъюнктовъ употребленъ будетъ отъ коммиссіи, оный мѣсто свое въ акаде-

⁽³³⁾ Дочь гр. Разумовскаго, впоследствии Загряжская.

⁽¹⁾ Шуваловъ, возвратившійся передъ тѣмъ изъ заграницы, ѣздилъ въ Москву обозрѣвать свой университетъ.

ми и университетъ со всѣми къ тому принадлежащими выгодами сохранять неотъемлемо долженствуетъ; о чемъ вамъ дая знать для слѣдующаго по тому исполненія, пребы-
ваемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Марта 4 дня 1784 года.

3.

Иванъ Ивановичъ. Изъ пожалованныхъ отъ насъ Московскому университету на надобности его пятнадцати тысячъ рублей, повелѣли мы нашему кабинету заплатить четырнадцать тысячъ пятьсотъ рублей генералу-порутчику князю Борятинскому, за домъ вами купленный у него для помѣщенія разнаго необходимаго къ университету принадлежащаго, а остальные пятьсотъ рублей вы можете приказать употребить на нужныя починки сего дома⁽²⁾. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Сентября 26 дня 1785 года.

4.

Иванъ Ивановичъ. Изъ приложенной при семь копій письма къ генералу Брюсу усмотрите распоряженія

(2) Это тотъ самый домъ, который нынѣ составляетъ главное зданіе Московскаго университета.

учиненныя нами относительно школъ, пенсіоновъ и другихъ тому подобныхъ училищъ, въ Москвѣ имѣющихся. Онадлежащемъ къ исполненію того пособія со стороны Московскаго университета, вы не оставите дать ваши предписанія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Октября 7 дня 1785 года.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА А. П. СУМАРОВА (*).

Я нижайше вашему сіятельству объ отцѣ, которой можетъ быть черезъ недѣлю отъѣдетъ въ деревни, а ея величества походъ скоро въ Ростовъ. Онъ одинъ во своемъ чинѣ оставленъ безъ прикрасы.—Фамилія моя можетъ показать знаки вѣрности Петру Великому, котораго отецъ мой крестникъ.—Я надѣюсь на ея величество, что и я въ разсужденіи того сколько меня обошли, а именно человекъ съ триста, нѣкоторыя поправки достоинствъ.—Я же и кромѣ поэзіи можетъ быть нѣкоторыя достоинства имѣю, и могъ бы перомъ моимъ кромѣ стиховъ много принести пользы, а особливо по рефлексіямъ на Россію.—О банковыхъ деньгахъ, которыя съ меня поруки правятъ, напамятуйте.

(*) Писано вѣроятно къ гр. Г. Г. Орлову въ 1763 году. Сообщено М. М. Евреимовичемъ.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКІЙ—МЕЛЕЦКІЙ.

Очерки его жизни, бумаги и переписка его ¹⁾.

1. Дѣтство и первоначальная обстановка.

Извѣстный писатель, статсъ-секретарь импер. Павла, дѣйствит. тайн. сов., сенаторъ и почетный опекунъ Воспитательнаго Дома, Юрій Александровичъ Нелединскій—Мелецкій род. въ Москвѣ 6 Сен. 1752 года. Онъ происходилъ отъ стариннаго боярскаго рода и связанъ былъ родствомъ съ богатыми и чиновными людьми того вѣка. Мать его, Татьяна Александровна, урожд. княжна Куракина, родная племянница гр. Паниныхъ, свояченица кн. Репнина, скончалась на 23 г. жизни ²⁾ оставивъ сына по третьему году. Отецъ его, Александръ Юрьевичъ, также потомокъ стариннаго и знатнаго рода, въ то время прапорщикъ лейбъ-гв. Семеновскаго полка, былъ еще весьма молодъ въ то время, какъ умерла жена его. Вскорѣ по смерти жены, красавецъ-вдовецъ уѣхалъ въ чужіе края, поступилъ волонтеромъ въ австрійскую армію, но въ время семилѣтней войны жилъ въ Парижѣ какъ бы въ отпуску, постоянно требуя денегъ отъ старухи-матери. Когда вступила на престолъ Екатерина

II, онъ уже числился отъ арміи полковникомъ, но вскорѣ (въ Москвѣ, 31 марта 1763) дали ему такъ называемый *апшидзъ* ³⁾: „жить ему вездѣ свободно, и къ дѣламъ никакимъ безъ особливаго нашего объ немъ указа не опредѣлять“. За тѣмъ Александръ Юрьевичъ уѣхалъ опять въ Парижъ, и снова началъ вытребовать вѣрющихъ писемъ и поручалъ закладывать и продавать свои вотчины. Въ письмахъ его, только въ одномъ упоминаетъ онъ о сынѣ: „всепокорѣйше прошу увѣдомить меня о сынѣ моемъ и позволить ему за меня ручку вашу поцѣловать“. Въ 1767 году отставной полковникъ возвратился въ Петербургъ, — отъявленнымъ поклонникомъ Вольтера. Это обстоятельство, соединенное съ природнымъ умомъ и съ приманкою парижской общежительности, а также родственныя связи, можетъ быть и близкое родство съ гр. А. П. Бестужевымъ, открыли Александру Юрьевичу доступъ въ частное общество самой императрицы. Вольтеръ назвалъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ: „un aimable Russe“. Александръ Юрьевичъ сдѣланъ въ 1768 дѣйств. камергеромъ. Званіе это давало право бывать на куртагахъ, въ эрмитажѣ, играть съ императрицею

¹⁾ Эти очерки подготовлены, а бумаги и переписка разобраны роднымъ внукомъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго *Н. О. Самаринимъ*.

²⁾ Родилась 3 іюля 1732 г., вышла за мужъ 6 ноября 1751, ум. 16 дек. 1754.

въ карты, и отъ этого то времени сохранились тщательно завернутыя *двойка червей* и *двойка бубенъ*; на первой написано карандашомъ: *кумъ здравствуй*, на второй: *прошу навѣрнуть ва всемъ. Екатерина*. Вѣроятно послѣдняя надпись служила роспискою въ уплатѣ денегъ, проигранныхъ императрицею Александрю Юрьевичу. Сынъ его отмѣтилъ: „найлены мною въ бумагахъ отца моего“. Не зная другой службы, кромѣ придворной, Александръ Юрьевичъ получалъ чины и ленты. 1 янв. 1795 г. онъ переименованъ изъ тайныхъ въ дѣйств. т. совѣтники. По этому случаю сынъ его, жившій тогда въ Москвѣ, въ отставкѣ, написалъ ему поздравительное письмо съ слѣдующими „незатѣйливыми“, по собственному его отзыву, стихами:

•Батька на службѣ, а сынъ на печи;
Батькѣ награда, а сыну ничто,
Онъ не участникъ... Анъ нѣтъ лихъ, не то,
Умственникъ-вральманъ, ты что ни ворчи,
Чувство душевно громчѣй говоритъ,
Гласомъ природы оно намъ твердитъ:
Сынъ у отца завсегда въ половинѣ;
Радость отцова отдастся и въ сынѣ.

Уже почти старикомъ, Алекс. Юрьевичъ вступилъ въ бракъ съ молодою причудницею, гр. Настасьею Никол. Головиною. Онъ умеръ въ глубокой старости, въ 1803 г. въ домѣ единственнаго своего сына, не покинувъ до конца своего вольтеріанства.... Жизнь его, отразившаяся въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ, наглядно обличаетъ гибельную сторону переворота, прозведеннаго Петромъ: дѣти тяжеловѣсныхъ бояръ вывѣтривались и всячески раззорялись. Крѣпость быта, залогъ будущаго преуспѣянія, сохранилась наиболѣе въ непокинувшей благочестія женской половинѣ общества.

Прекраснымъ характеромъ и отличными качествами сердца Ю. А. Нелединскій былъ обязанъ исключительно своимъ бабушкамъ.

Сироту-малютку взяла на свои руки мать отца его, Анна Ивановна, ур. Талызина. Она была родная тетка гр. Михаила и Алексѣя Петровичей Бестужевыхъ-Рюминыхъ, игравшихъ столь значительную роль во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Россіи въ теченіи полувѣка. Въ то время Анна Ивановна жила въ Москвѣ, вдовою послѣ Юрія Степановича Нелединскаго-Мелецкаго (начавшаго службу еще стольникомъ при царѣ Ѳеодорѣ, сидѣвшаго при Петрѣ въ конюшенномъ приказѣ товарищемъ боярина Тих. Никит. Стрѣшневъ и впослѣдствіи бывшаго оберъ-комендантомъ Ярославля и приписанныхъ къ нему городовъ, и сенаторомъ). Она окружена была почетомъ въ многочисленной роднѣ своей. Сохранившіяся послѣ нея семейныя бумаги довольно ярко изображаютъ намъ ту обстановку, въ которой жила она и въ которой воспитался внучекъ ея Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, этотъ „дорогой Юша“, какъ называли его. Старушка Анна Ивановна много видѣла на своемъ вѣку, была свидѣтельницею разныхъ превратностей въ судьбѣ близкихъ ей лицъ, а потому привыкла всего бояться и вздыхать о томъ, „какъ легко измѣняется фортуна“. Такъ, родная племянница ея, кн. Аграфена Петровна Волконская (ур. Бестужева-Рюмина) въ первые дни царствованія Петра II-го, за участіе въ придворныхъ смутахъ, была пытана и сослана въ Тихвинъ монастырь. Подпись мужа Анны Ивановны, Юрія Степановича, въ числѣ 47-ми, встрѣчается на го-

сударственномъ актѣ 1727 г., утвердившемъ подлинность завѣщанія имп. Екатерины 1 й. По какой именно причинѣ, неизвѣстно, только Анна Ивановна съ того времени боялась рукоприкладства ³⁾. Тихая, добрая, набожная женщина была запугана событіями, коихъ была свидѣтельницею. Однако дѣятельною перепискою съ Петербургомъ она, на старости лѣтъ, сохраняла родственныя и дружественныя связи со многими важными лицами, которымъ то улыбалось, то измѣняло счастье: такъ осталось послѣ нея нѣсколько писемъ къ ней гр. Петра Михайловича и Алексѣя Петровича Бестужевыхъ-Рюминыхъ, Ст. Фед. Апраксина, Ивана Лукьяновича Талызина и другихъ. Съ послѣднимъ, будучи сама изъ рода Талызиныхъ, она была въ близкомъ родствѣ, также какъ и съ гр. Бестужевыми, изъ коихъ всеильнаго при Елисаветѣ великаго канцлера Алексѣя Петровича, мужъ ся, въ 1708 году письмомъ изъ Москвы поручалъ милостивому призрѣнію князя Василя Лукича Долгорукаго (посла нашего въ Парижѣ). Изъ писемъ, которыя получала Анна Ивановна, нѣкоторыя приведены ниже въ приложеніяхъ, въ точности списанныя съ находящихся у насъ подлинниковъ, лишь съ перемѣною правописанія, для удобства чтенія.

Домъ Анны Ивановны Нелединской за Сухаревою башнею, въ приходѣ Адриана и Наталіи, былъ пріютомъ сиротъ и безпомощныхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ. Владѣтельница нѣсколькихъ тысячъ

душъ родоваго имѣнія Нелединскихъ-Мелецкихъ (въ Тверской губерніи) ей было чѣмъ кормить и безбѣдно содержать призрѣваемыхъ ею, и Юрій Александровичъ на старости лѣтъ, вспоминая про свое дѣтство говаривалъ, что онъ „воспитывался у бабушки своей въ компаніи многихъ сверстниковъ и сверстницъ“. Жила она въ полномъ изобиліи и по тому времени даже въ роскоши: такъ напр. изъ сохранившихся счетовъ, которые присылалъ ей ея петербургскій племянникъ извѣстный адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, видно, что она выписывала вина изъ чужихъ краевъ.

У этой-то Московской бабушки провелъ Ю. А. Нелединскій первые 12-ть лѣтъ своей жизни. Онъ вспоминалъ, что она старалась развивать въ немъ наблюдательную способность слѣдующимъ образомъ. Когда у нея бывали гости, она приказывала приводить въ гостиную маленькаго Юшу и въ теченіи короткаго времени заставляла молча и чинно сидѣть при гостяхъ; а на другой день спрашивала у него, кого онъ видѣлъ и что слышалъ. Ему было тогда уже около 9 лѣтъ, и въ это время онъ имѣлъ при себѣ наставникомъ иностранца Де Пексония (De Pexonne), который принялъ его отъ дядьки, крѣпостнаго человѣка и отъ мамокъ. Мы не знаемъ, какого рода человѣкъ былъ этотъ Французъ и чему именно училъ онъ мальчика Нелединскаго; но вотъ чему онъ подрядился учить по заключенному письменному условію, въ Москвѣ, Мая 5-го 1761 года. „Я нижеподписавшійся обязуюсь въ домѣ ея превосходительства Анны Ивановны Нелединской-Мелецкой обучать внука ея со вся-

³⁾ Сынъ пишетъ ей изъ Парижа, что послалъ вѣрующее письмо не на ея имя, такъ какъ чиселъ покойнаго батюшки она ни къ чему руки не прикладываетъ.

кимъ усердіемъ, а именно Французскому языку со основаніемъ и правописанію, ариметику и подобныя приличныя науки, какъ хронологію, исторію древнюю и временную, географію и познаніе сферы, Итальянской языкъ и Латинской языкъ, еслии будетъ требовано. Все мое наблюденіе должно простираться въ приготовленіи добронравія, для чего нравоученіе между первымъ попеченіемъ будетъ. Мнѣ же слѣдовать по деревнямъ и жить безспорно, сколько изволитъ ея превосходительство. За оное же мнѣ получать ежегодно по триста рублевъ денегъ, экипажъ, въ мою волю чай, сахаръ, кофе натурою, въ случаѣ моей болѣзни леченіе и лекарство. Оставляю о платьѣ и о прочемъ таковомъ удовольствіи на милость ея превосходительства, которая по усердію моему награждать не оставитъ. По окончаніи всякаго году имѣю просить, дабы порученной въ мое воспитаніе юноша былъ пріятелями дому въ своихъ пріобрѣтеніяхъ освидѣтельствовать, чрезъ что заслужить милость уповаю. Если паче чаянія съ обѣихъ сторонъ воспослѣдуетъ какое неудовольствіе и принудитъ къ разрыву сего контракта, то обѣимъ сторонамъ за три мѣсяца впередъ объявлять. Во свидѣтельство сохраненія по сему съ обѣихъ сторонъ равныя подписаны сего же числа. De Rexonne.“

Чрезъ три года условіе это должно было нарушиться само собою, такъ какъ въ 1764 году сенаторша Анна Ивановна Нелединская скончалась, въ глубокой старости. Вероятно сынъ ея пріѣзжалъ изъ чужихъ краевъ за наслѣдствомъ; тутъ нашъ Юрій Александровичъ могъ нѣсколько узнать отца своего, ко-

торый впрочемъ снова отправился во Францію. 12-ти лѣтній мальчикъ оставленъ былъ на попеченіе другой своей бабушки (уже съ материнской стороны) княгини Александры Ивановны Куракиной, которой тогда было 53 года и которая, сколько намъ извѣстно, жила постоянно въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ кончилось Московское воспитаніе Ю. А. Нелединскаго. Жизнь въ бабушкиныхъ деревняхъ и въ Москвѣ, которая тогда по всей бытовой обстановкѣ походила на обширную, привольную деревню, должна была имѣть вліяніе на привычки и характеръ Нелединскаго. Хотя и въ Петербургѣ въ то время жили несравненно шире и проще, чѣмъ впоследствии, тѣмъ не менѣе переѣздъ туда для мальчика Нелединскаго былъ важнымъ событіемъ. Если въ домѣ старшей своей бабки онъ много набрался старинной, благочестивой и задушевной простоты, и напитался вѣковѣчныхъ и общенародныхъ началъ Русской жизни, то въ Петербургѣ наступило для него образованіе во вѣшнихъ Европейскихъ формахъ. Князя Куракины, вслѣдствіе долгой службы въ заграничныхъ посольствахъ, одни изъ первыхъ Русскихъ семей усвоили себѣ пріемы и лоскъ Европейскаго, и преимущественно Французскаго просвѣщенія. Московскій мальчикъ Юша, до того времени обучавшійся одинъ, теперь очутился въ обществѣ и подъ одною кровлею съ цѣлою толпою двоюродныхъ своихъ братьевъ,—тоже сиротъ-мальчиковъ, князей Куракиныхъ, изъ которыхъ старшій, впоследствии канцлеръ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, кн. Александръ Борисовичъ былъ ровестникъ нашему Нелединскому.

Семеро этихъ князьковъ, осиротѣвъ послѣ смерти отца своего гофмейстера, князя Бориса Александровича (+1764) и матери, знаменитой красавицы Елены Степановны, ур. Апраксиной (+1768), воспитывались у той же бабушки кн. Александры Ивановны. Мы можемъ угадывать нѣкоторыя черты этого воспитанія: князья Куракины выросли честными людьми, но въ то же время совершенно въ родѣ великолѣпныхъ Французскихъ маркизовъ. Въ Петербургѣ жили тогда и воспитывались, если не въ одномъ домѣ, то почти вмѣстѣ, еще цѣлый рядъ двоюродныхъ братьевъ Нелединскаго, князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, дѣтей кн. Екатерины Александровны Куракиной, изъ коихъ одинъ, кн. Яковъ Ивановичъ былъ впоследствии обер-камергеромъ, а другой достойнѣйшій князь Дмитрій Ивановичъ министромъ юстиціи. Дѣтское общество разнообразилось немалымъ количествомъ двоюродныхъ сестрицъ, и Нелединскій жилъ и учился какъ бы въ нѣкотораго рода пансіонѣ.

Окруженная внучатами Александра Ивановна Куракина (1711—1786) пользовалась большимъ значеніемъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ особенности по братьямъ своимъ (коихъ она была много старше) графамъ Панинымъ, Никитѣ и Петрѣ Ивановичамъ. Графъ Никита, воспитатель великаго князя Павла Петровича и вице-канцлеръ, былъ на ту пору важнѣйшимъ государственнымъ лицомъ въ Россіи. Тутъ то молодой Нелединскій имѣлъ случай бывать въ обществѣ будущаго императора (который былъ двумя годами его моложе), и это дѣтское знакомство имѣло вліяніе на дальнѣйшую судьбу Юрія Александровича.

Около пяти лѣтъ воспитывался онъ въ домѣ у этой бабушки, подъ ближайшимъ надзоромъ ея дочери, своей незамужней тетки, княжны Аграфены Александровны (1734—1791).

Какъ и чему учился онъ въ Петербургѣ, мы въ подробностяхъ не знаемъ. Въ началѣ 1769 года его, вмѣстѣ съ двоюродными братьями, послали за границу, учиться въ Стразбургскій, тогда преимущественно посѣщаемый Русскими юношами университетъ; но ровно черезъ годъ онъ былъ выписанъ обратно въ Петербургъ, „по весьма справедливымъ жалобамъ приставленнаго къ нему гувернера,“ какъ самъ онъ выражается о себѣ ⁽⁴⁾.

Такимъ образомъ, первоначальное воспитаніе Нелединскаго прошло подъ вліяніемъ двухъ бабушекъ. Съ одной стороны это вліяніе, а съ другой сиротство безъ сомнѣнія подѣйствовали на его нѣжную отъ природы душу и отозвались заучивностью лучшихъ его пѣсней, которыя какъ долго распѣвала у насъ вся образованная Россія и которыя доселѣ не утратили своей прелести.

(Продолженіе впрѣдъ)

⁽⁴⁾ Въ автобіографической запискѣ, о которой будетъ говорено ниже. Вѣроятно, по причинѣ шалостей въ Стразбургѣ, кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ тоже былъ вызванъ въ Петербургъ и въ слѣдующемъ 1770 г. отправленъ доучиваться въ Лейденъ. Онъ оставилъ намъ любопытныя записки о томъ времени, въ Чертк. библиот. по печатному каталогу № 3016. Сличивъ въ этой книгѣ стр. 20.

Приложєвія.

1. Письмо Юрія Степановича Нелединскаго къ кн. В. Л. Долгорукому ⁽⁵⁾.

Государь мой и благонадежный другъ князь Василей Лукичъ. Здравіе ваше моего государя да сохранитъ вседержащая десница Божія на вѣки. Зѣло, мой государь, безсчастна себя быти выѣняю, еже не точію бы чрезъ многія числа, но и мѣсяцы не получаю къ себѣ отъ вашей милости желательнаго мнѣ вашего писанія: мню, что я у милости вашей забвенію преданъ есмь. Того ради покорнѣ прошу вашу милость, пожалуй, мой государь, прикажи ко мнѣ отписать о своемъ многолѣтнемъ здравіи, о немъ же истинно всегда слышать желаю. Въ домѣ вашемъ, моего государя, все даль Богъ здорово. Общее мое прошеніе было съ князь Лукою Ѳедоровичемъ ⁽⁶⁾ и прочими до твоей сожительницы, моей государыни, о племянникѣ моемъ Алексѣѣ Петровѣ сынѣ Бестужево-Рюминѣ ⁽⁷⁾, которому по имянному царского пресвѣтлаго величества указу велѣно быть въ Европскихъ государствахъ для науки, чтобъ его Алексѣя взять на корабль и отвезти при себѣ до вашей моего государя милости. И нынѣ по вашей милости и въ надѣяніи неотѣнной вашей ко мнѣ склонности его Алексѣя до твоего благородія съ сожительницею твоею моею государыней я отправилъ; и какъ онъ къ тебѣ моему государю прибудеть, прошу твоей милости, пожалуй, государь, будь къ нему милостивъ и во всемъ къ нему милостиво призри, дабы ему не тунѣ время препроводить, но всякую благодать на пользу по желанію на-

⁽⁵⁾ Знаменитый своимъ умомъ, коварствомъ и несчастною участію кн. В. Л. Долгорукій находился тогда послѣдомъ въ Даніи.

⁽⁶⁾ Отцемъ князя Василя Лукича, роднымъ братомъ славнаго кн. Якова Ѳедоровича; отъ обоихъ потомства не осталось.

⁽⁷⁾ Бестужеву (мать котораго Талызина, родная сестра жены этого Нелединскаго) было тогда 15 лѣтъ: онъ опредѣленъ учиться въ Берлинъ.

шему чрезъ твою милость получить. Паки прошеніе мое повторяю, пожалуй, батько мой, не презри о сей прозѣбѣ моей; а я въ той надеждѣ на милость твою власно такъ какъ бы на рождшаго своего всегдашній вашъ моихъ государей слуга Юрья Нелединской.

Москва. Мая 3 дня 1708.

2. Указъ Петра Великаго Ю. С. Нелединскому.

Ѣхать тебѣ къ Москвѣ и тамъ объявить губернатору, что ты присланъ съ мастерами для дѣланія кожъ (къ которому указъ о воспоможеніи вамъ отдать) и потомъ тѣхъ, которые кожи дѣлають, учить со всякимъ прилежаніемъ и размножать по крайней силѣ; также, которые стануть изъ всего государства для сего ученія пріѣзжать, и оныхъ равнымъ же образомъ обучать какъ и Москвичъ. Что же къ тому какихъ матеріаловъ и протчего надлежитъ, и то требовать отъ губернатора. „Сіе все исполнить съ прилежаніемъ, чтобъ въ указанное время было конечно исполнено, ибо вышется не легко на тебѣ. Петръ“ ⁽⁸⁾. Данъ въ Санктъ Питербурхъ

въ 3 день Ноября 1715 г.

3. Письмо гвардейца А. Ю. Нелединскаго къ матери своей въ Москву.

Милостивая государыня матушка. Милостивое ваше письмо отъ 11-го Октября исправно получилъ, гдѣ милостиво изволили напоминать, чтобъ я осторожно поступалъ и о которой невѣстѣ писалъ, чтобъ разсмотрѣлъ достоинства ея, ибо и другая въ ономъ домѣ есть. И я вамъ, милостивая государыня матушка, доношу: въ началѣ уповаю на Божескую милость, потомъ ваше мнѣ благословеніе, помянутая невѣста мнѣ нравна и уповаю, что вамъ не противна будеть.

⁽⁸⁾ Означеное кавычками писано собственноручно.

Всемирно бы желалъ съ вами увидѣться и болѣе бѣ свое мнѣніе словесно могъ донести, только Степанъ Ѳедоровичъ⁽⁹⁾ сказалъ, что до генваря отпустить нельзя никою изъ тѣхъ, кто въ докладѣ не писаны; а особливо не уповаю докладу быть, развѣ когда вы изволите дать мнѣ позволеніе, то будутъ государынѣ докладывать съ стороны княгини Куракиной⁽¹⁰⁾. А съ моей я уповаю, то надлежитъ отписать просительное письмо къ графу Алексѣю Петровичу⁽¹¹⁾, что вы намѣрены женить меня и чтобъ онъ съ моей стороны доложилъ. А ему оная женитба непротивна будетъ, и при томъ уповаю, что въ прапорщики войду, а уже по докладу полковому мнѣ будетъ слѣдовать въ подпорутчики. Я вижу, милостивая государыня матушка, что сватанья за меня много будетъ, да можетъ быть не на такъ пріятной, о которой я нынѣ вамъ изъясняю и сожалѣть буду, ежели мимо меня пройдетъ. А уже съ ихъ стороны и недовольство есть, что отъ Ивана Лукьяновича⁽¹²⁾ отвѣтъ ничево не значить. И тако, милостивая государыня матушка, покорно прошу отпустить мнѣ дерзновенное мое прошеніе и искреннее вамъ открытіе моихъ мнѣній; знаю, что ваша ко мнѣ матерная милость и любовь имѣетъ попеченіе къ моему лучшему. Во ожиданіи милостиваго вашего повелѣнія и благословенія, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня матушка, вашъ всепокорнѣйшій сынъ Александръ Нелединской Мелецкой.

Ст. Петербургъ.

Октября 18 день

1750 году.

⁽⁹⁾ Апраксинъ, будущій фельдмаршалъ, командовавшій тогда Семеновскимъ полкомъ.

⁽¹⁰⁾ Будущей тещи.

⁽¹¹⁾ Великому канцлеру Бестужеву, который былъ двоюроднымъ братомъ писавшему это письмо.

⁽¹²⁾ Талызина, другаго двоюр. брата.

4. Письмо С. Ѳ. Апраксина къ А. И. Нелединской.

Милостивая государыня моя Анна Ивановна. Я уповаю, что вы уже давно извѣстны, что сынъ вашъ сюда пріѣхалъ и хоти было его для свиданія съ вами и надлежало къ вамъ отпустить (въ чемъ, уповаю, я вамъ и услужу), только мое желаніе есть, чтобъ онъ къ вамъ поѣхалъ офицеромъ, а не сержантомъ, чего я ему сердечно желаю.

При томъ же я вамъ объявить имѣю, что я дочь свою помолвилъ за князь Бориса Александровича Куракина, о чемъ уповаю и вы уже не безъ извѣстны. И тако мы нынѣ съ княгинею Александрою Ивановною находимся въ сватовствѣ. Почему желаю и сына вашего въ томъ сватовствѣ видѣть, что, уповаю, и вамъ противно не будетъ, и для того прошу намъ съ Иваномъ Лукьяновичемъ дать позволеніе его сватать. А его на то желаніе есть, только онъ, какъ я знаю, всегда (когда еще былъ и за моремъ) изъ вашей воли не выступаетъ, то и теперь безъ вашего позволенія дѣйствительно въ то дѣло вступить не отважится. А мнѣ разсуждается, оное вамъ противно всеконечно не будетъ, что онъ у княгини Александры Ивановны дочь возметъ и намъ свать будетъ. Чего ради и прошу васъ дать въ томъ позволеніе, а мы помолвимъ. Также, ежели Богъ изволитъ, можетъ быть и офицеромъ будетъ, то его и къ вамъ отпустимъ. „Пожалуй, матушка тетушка, послушай племянника, оправъ; васъ всегда люблю и почитаю и съ тѣмъ остаюсь, милостивая государыня тетушка, вашъ вѣрный слуга и племянникъ Степанъ Апраксинъ“.

18 Октября 1750.

(Сиб.)

5. Письмо къ ней же княгини А. И. Куракиной.

Государыня моя Анна Ивановна, по воли всемогущаго Бога и всемилостивѣйшаго ея императорскаго величества

позволенію и въ надеждѣ, что оное и съ согласія вашего, четвертаго дня вечеру помолвила дочь свою княжну Татьяну за сына вашего. Уповаю, что вамъ удостоится своимъ почтеніемъ, которую препоручая о содержаніи въ вашей милости, остаюсь вамъ, государыня моя, „покорный слуга К. А. Куракина“.

Свѣтъ Петербурхъ 17 Декабря
1750.

6. Резстръ слововой свадьбы Александрис Юривича Нелединскаго.

А имянно,	Рубли.
Дано ему на покупку шорь. . .	350
Къ свадьбѣ на дѣланіе ему плати и уборъ лаврейной.	800
Человѣку его Гавриилъ дано на покупку дровъ, сѣна, овса, муки, крупъ, людемъ на указаное . .	200
Порученъ былъ свадебной расходъ гвардіе Семеновскаго полку порутчику Приклонскому; по его' щетамъ дано ему денегъ. . .	1487
въ которыхъ показано: поварь или метордотель Оуксъ для стола Ея Императорскаго Величества, гдѣ было 57 персонъ, по росписи его на всякіе съѣстные припасы, мясо, рыба и прочее что къ поваритъ надлежитъ 357 р. 60 к.	
Ему Оуксу за труды въ почесть 50 р.	
Мункоку и прочимъ поварамъ и поваревнымъ служителемъ 150 р.	
А достальныя	929 р. 40 коп.
въ расходъ, яко то приборъ дому всякимъ удобнымъ и пристойнымъ образомъ; починка, переправка, какъ наружъ такъ и внутри, вновь дѣланныя поварни, очаги, переправка очагамъ; для иллюминаціи шиты и 4000 болѣе плошекъ; музыканты на два дни дворцовые, которые стоятъ 120 р.; дача на конюшню за цуги дворцовые, гдѣ женихъ и невѣста ѣхали. Мушценки, тафель-декари, кофешенки и ихъ помощники, кто серебро привозилъ, чистилъ, кто съ бѣльемъ, я прочіе служители дворцовые; еще съ радною кто прѣз-	

жалъ, потомъ съ приданымъ на цуги, и на тѣхъ людей дачи; при свадьбѣ многіе взяты офиціанты, яко то изъ дому графа Алексія Петровича, Степана Оедоровича Аправсца, кнѣгини Александры Ивановны, не менѣе 20 человекъ солдатамъ гвардіи для караулу, и прежде свадьбы во услуженіе на полныхъ цолковъ солдатамъ съ ихъ ундеръ-офицерами, которыхъ не менѣе было 150 человекъ.

Руб. коп.

Потомъ другіе пять столовъ были отданы на подрядъ вольному повару, и съ рѣбою дано за два дни. . .	280
Конфектурщику на всѣ столы на оба дни дано	328
Вина разныхъ сортовъ къ свадьбѣ приготовлено на .	475 70
Еще куплено мною 1000 бутылокъ.	28
1000 пробокъ	2
Сахару 5 пудъ.	35
Кови три пуда.	30
Меду съ вареньемъ.	11
6-ть пудъ свѣчъ бѣлыхъ вошечныхъ.	90
4 фунта чаю	6
Чекулату 5-ть фунтовъ. . . .	4
Полотна на рубаху и батисту на галстуги.	6
По полушцику лимоновъ, яблокъ и грушъ	10
Уксусу анкерокъ	4
Попу на молебень.	1
За тѣмъ порутчику Приклонскому за его труды купленъ и подаренъ камзолъ серебряной.	35
При немъ при управленіи во все время приходовъ и расходовъ и всякихъ пріемовъ употреблены два сержанта Семеновскаго полку, куплено имъ сукна краснаго и зеленаго 14 аршинъ	28

ИТОГО. 4210 р. 70 к.

За тѣмъ у меня въ остаткѣ 289 р. 30 к.

7. *Письмо гр. А. И. Бестужева к
А. И. Мелединской.*

Государыня моя тетюшка Анна Ивановна. Прилагаю при семъ два письма отъ любезнаго вашего превосходительства сына, находящагося при командующемъ Аустриискою арміею генералъ-фельдмаршалъ графъ Дунавъ волонтиромъ, и имѣю честь васъ уведомить, что онъ не только въ совершенномъ здоровьѣ, но и во время своего тамъ пребыванія, я особливо въ послѣдовавшую недавно баталію и щастливо одержавшую Аустриичами надъ Прусаками побѣду, храбрыми своими поступками не малую похвалу себя приобрѣлъ. Я тѣмъ ваше превосходительство поздравляю, не сумнѣваясь, что приемлемое мною въ томъ участіе примите за знакъ моей къ вамъ дружбы, пребывая въ прочемъ съ неотънимымъ почтеніемъ, вашего превосходительства послушный слуга „Гр. А. Бестужевъ-Рюминъ“.

Въ Санктпетероурѣ

26-го Іюня

1757.

8. *Письмо къ А. И. Мелединской
ки. Б. А. Куракина.*

Милостивая государыня моя Анна Ивановна, я радуюся, что могу какъ вамъ въ утѣшеніе, такъ равноумно и по своему кровному обязательству нѣкоторое основаніе Юшѣ доставить⁽¹³⁾, съ чѣмъ васъ имѣю честь поздравить. Боже дай, чтобъ впредь продолженіе въ силѣ моей было, чего всегда стараться стану. Я, звачно слыша объ вамъ, радуюся, чтобъ онъ въ утѣшеніе ваше, которое происходитъ отъ вашего воспитанія, что ему конечно жизни своей предпочесть должно. Впрочемъ съ должнымъ почтеніемъ есмь, милостивая госуда-

(13) Вѣроятно рѣчь идетъ о записаніи въ служ. бу 6-ти лѣтняго Ю. А. Мелединскаго и о зачисленіи его фурьеромъ.

рыня моя, покорный слуга Куракинъ. Прошу фурьера отъ меня поцѣловать, поздравить.

С. П. Б. Октябри 29

1758 г.

9. *Письма къ ней же отъ сына.*

Милостивая государыня матушка! Милостивыя письма ваши до 10 № всѣ исправно получалъ и приложенный вексель на 1000, за которые всепокорнѣйше благодарствую. Виновать, милостивая государыня матушка, что давно не писалъ къ вамъ; причина тому, что за близость непріятельской арміи, которая нѣкогда и въ виду у васъ была, принуждены были не только мы, но и самъ фельдмаршалъ въ полѣ нѣсколько дней ночевать, гдѣ и досталъ флюсъ, отъ котораго зубы и голова такъ болѣли, что я ночи не спалъ. Теперь непріятель изъ Богеміи вошелъ въ Саксонію, и мы такъ же за нимъ вошли и стоимъ на одномъ мѣстѣ около двухъ недѣль покойно, кромѣ малыхъ отдѣленныхъ корпусовъ и аванпостовъ, которые нѣкогда съ непріятельскимъ въ сраженіи бывають, а армія по взятіи города Цитау стоитъ праздно. Пребываю съ наиглубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня матушка, вамъ всепокорнѣйшій сынъ Александръ Мелединской Мелецкой.

Въ Цитау.

Іюля 30 день.

1757.

Милостивая государыня матушка! Съ прошедшими почтами писемъ отъ васъ не получалъ, что я приписываю отъѣзду вашему въ деревню; предъ сѣмъ послалъ я по приказу вашему вексель, которой, думаю, уже дошелъ. Только и отвѣту отъ васъ, милостивая государыня, не имѣлъ. Вамъ смѣшно покажется, что въ немъ я титулованъ графомъ: да ужъ этова перемѣнить нельзя, я между этими людьми такъ затверженъ. Пребываю съ наиглубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня, вашъ все-

покорнѣйшій сынъ Александръ Мелединской Мелецкой.

Въ Вѣнѣ 7 Юли.
1758 г.

Милостивая государыня матушка! Милостивыя письма ваши по 60-е получилъ и вѣрющее подписавъ при семь посылаю. Знаю, что вы отъ меня давно оныхъ не получали и не изволите вѣдать, что я третей мѣсяцъ въ Парижѣ, куда меня князь Дмитрей Михайлычъ Голицынъ увезъ, общая за меня въ ономъ отвѣтствовать что уже и сдѣлалъ; только прошу, милостивая государыня, объ ономъ не говорить; чтожь до писемъ

моихъ касается, я прѣѣхавъ сюда по нещастью взялъ лакея плута, который письма на почтѣ не отдавалъ, а деньги за оныя пропивалъ; а нашлось оное такимъ образомъ, что онъ отъ глупости писемъ не сжогъ. Впредь буду осторожнѣе поступать. Поздравляю васъ, милостивая государыня матушка, съ сурьромъ; я думаю, что мнѣ надобно за оное благодарить князи Бориса Александровича. Пребываю съ наиглубочайшимъ почтеніемъ, милостивая государыня матушка, вашъ всепокорнѣйшій сынъ Александръ Мелединской Мелецкой.

30 Января
1759 г.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ П. А. ОСИПОВОЙ.

Эти письма Пушкина обязательно представлены въ наше распоряженіе Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ, сыномъ П. А. Осиповой (отъ перваго ея брака). Въ статьяхъ нашихъ „Прогулка въ Тригорское“, напечатанныхъ въ Сиб. Вѣдом. (1866 г. №№: 139, 146, 157, 163-168 и 175) мы отчасти познакомили публику съ содержаніемъ этихъ писемъ; но такъ какъ письма приведены были нами въ отрывкахъ и большею частью въ переводѣ, то, разумѣется, для читателей памяти поэта будетъ пріятно, а для будущихъ его біографовъ и необходимо, имѣть предъ собою эти письма вполнѣ и при томъ въ подлинникахъ.

Прасковья Александр. Осипова, ур. Вындомскли (род. въ 1780 г. умерла около 1859 г.) умная и литературно-образованная женщина, была владѣтельницею села Тригорскаго, въ полторѣ или двухъ верстахъ отъ селыца Михайловскаго, принадлежавшаго Пушкинымъ. Г-жа Осипова, съ давняго времени, была весьма близка къ семейству С. Л. Пушкина, но Александра Сергѣевича, кажется, узнала только съ перваго года по выходѣ его изъ Лицея. Молодой Пушкинъ скоро привязался къ другу его семейства, и эта привязанность обратилась въ чувство глубокой и искренней дружбы съ того времени, когда поэтъ

нашъ, лѣтомъ 1824-го года, водворенъ былъ на жительство въ „Михайловскомъ“ или (какъ онъ любилъ ошибаться, называя свое мѣстопробываніе) въ Тригорскомъ. Вместе съ привольемъ вполнѣ обеспеченной жизни, онъ находилъ въ семействѣ г-жи Осиповой людей вполнѣ ему сочувственныхъ, понимавшихъ изящное во всѣхъ его проявленіяхъ, добрыхъ, веселыхъ и умныхъ. Прасковья Александровна года за два передъ тѣмъ вторично овдовѣла и жила съ дѣвцами-дочерьми. Съ іюля 1824-го по сентябрь 1826-го года, Пушкинъ, какъ говорится, живши жилъ въ гостепріимномъ Тригорскомъ. Здѣсь и сама хозяйка, и ея дѣти любили Пушкина, какъ брата, какъ самаго дорогаго друга. Пушкинъ платилъ тѣмъ же чувствами любви и дружбы, и они прекрасно выражены имъ въ письмахъ къ Прасковьѣ Александровнѣ. Пушкинъ никогда ея не забывалъ: онъ обращался къ ней во всѣ переходы своей колоратной жизни, съ 1824-го года, и съ полнымъ чистосердечіемъ повѣрялъ ей, не задолго еще до своей кончины, всю горечь судьбы своей.... (*)

(*) Отношенія Пушкина къ П. А. Осиповой отчасти напоминаютъ собою отношенія Карамзина къ Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой. Благо-

Что до Алексѣя Николаевича Вульфа, письма къ которому также печатаются здѣсь, то сблизившись съ нимъ въ то время, когда Вульфъ прѣзжалъ къ матери своей въ Тригорское на вакаціи изъ Дерптскаго университета (1), Пушкинъ всегда считалъ его въ числѣ своихъ добрыхъ, искренно любившихъ его друзей и почитателей его таланта, и въ свою очередь отдавалъ справедливость уму и образованію своего друга (см. отзывъ Пушкина о Вульфѣ въ Матер. Анненковымъ, стр. 281) Письма Пушкина къ Вулфу—шутки, проказы поэта: онъ обращается къ нему какъ къ удачному, любившему въ часъ досуга пошутить и погулять, студенту.

М. Селенскій.

1.

Voici, madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et était incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres, vous serez arrivé à Riga gaiement et heureusement. Mes amis de Pétersbourg étaient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange: la décision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlüsselbourg où certes je n'aurai pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiemment de vos nouvelles; donnez m'en, je vous en supplie. Je ne vous parle par de ma respectu-

дарность потомства лицамъ, которыя, тонкимъ чувствомъ женскаго сердца, съумѣли раньше другихъ оцѣнить по достоинству высокихъ избранныхъ Ш. В.

(1) Прасковья Александровна была въ первомъ замужствѣ за Николаемъ Ивановичемъ Вульфомъ и отъ этого брака имѣла дѣтей: Анну, Евпраксию и Алексѣя.

euse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 Juillet (2)

Пер. Препровождаю къ вамъ, милостивая государыня, два письма на ваше имя. Одно отъ Плетнева: оно было вложено въ мой конвертъ. Я надѣюсь, что эти письма застанутъ васъ уже въ Ригѣ, весело и довольною путешествіемъ. Мои Петербургскіе друзья были увѣрены, что и васъ провожаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе Е. В. показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшились снова Ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ конечно не будетъ сосѣдства Тригорскаго,—которое, какъ бы пусто оно ни было въ эту минуту, доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти отъ васъ; пишете мнѣ, прошу васъ; умолю о моихъ чувствахъ дружбы и вѣчной благодарности къ вамъ и прошу принять мой душевный привѣтъ.

25 го Юля.

2.

Vous avez reçu, madame, de Pskow une lettre inutile que j'ai anéantie. Je vous envoie une autre de Batovo et une autre de ma mère: vous verrez quelle belle âme est ce Жуковскій. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire l'opération par Moer, je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskow. Je ne sais d'ou viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

(2) Письмо это отправлено изъ сельца Михайловскаго, 25 Юля 1825 г. въ г. Ригу, куда П. А. Осипова уважала въ это время съ дочерьми своими Анной и Евпраксией и племянницей своей Анной Петровною Кернъ (ур. Полторацкою) къ мужу послѣдней, генералу Ермаляку Федоровичу Кернъ, бывшему тогда комендантомъ въ г. Ригѣ.—Писано на осьмушкѣ, безъ адреса рукою П. А. О. отмѣчено: „1825“.

Rikotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au château de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poétique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir. Ses aimables hôtes devraient se hâter d'y retourner; mais ce souhait tient trop à mon égoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez vous et souvenez vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à d. de Michailovskiy): vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 Juillet.

Au nom du ciel, madame, n'écrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer, cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris (*).

Милостивая государыня. Вы получили из Пскова бесполезное письмо, которое и уничтожилъ, посылаю вамъ другое изъ Батова и отъ матушки. Вы увидите, какая чудная душа этотъ Жуковский. Но и рѣшительно не могу позволить Мойеру дѣлать мнѣ операцію и сей часъ писалъ ему, умоляя его не прѣзжать въ Псковъ. Не знаю, какъ можетъ еще матушка надѣяться; и уже давно утратилъ всякую надежду. Рокотовъ явился ко мнѣ на другой день вашего отъѣзда; было бы любезнѣе оставить меня одного ску-

(*) Письмо писано изъ Михайловскаго, на осьмушку; рукою П. А. О. отмѣчено „1825 годъ“. Пушкинъ хлопоталъ въ это время о дозволеніи съѣздить за границу, для чего сочтено было необходимымъ предварительно имѣть свидѣтельство о его нездоровьи отъ Дерптскаго профессора, знаменитаго оператора Мойера, человека, связаннаго дружбою съ В. А. Жуковскимъ. Все это дѣло и хлопоты по сему предмету друзей Пушкина не привели ни къ чему. У покойнаго Ивана Филиповича Мойера, какъ онъ самъ передавалъ намъ, хранилось письмо Пушкина съ просьбою не прѣзжать къ нему и увѣреніями, что болѣзнь его не нуждается въ операціи. П. В.

чать. Я посѣтилъ вчера Тригорскій замокъ, его садъ и бібліотеку. Тамошнее уединеніе полно поэзіи, потому что оно полно вами и воспоминаніями о насъ. Его любезные хозяева должны были бы поспѣшить возвращеніемъ; но это желаніе слишкомъ отзывается эгоистическимъ чувствомъ семьянина; если Рига вамъ нравится, веселитесь и вспоминайте иногда изгнанника Тригорскаго (т. е. Михайловскаго): вы видите, я смѣшиваю наши жилища, и все по привычкѣ.

29 Юли.

Бога ради не пишите матушкѣ объ отказѣ Мойеру; это поведетъ къ бесполезнымъ толкамъ; и уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ.

*

Прим. Обстоятельства жизни Пушкина за то время еще не совсемъ разъяснены. Видно, что П. А. Осипова писала въ Петербургъ къ Жуковскому о привезенномъ изъ Одессы поэтѣ, и получила отъ него слѣдующій отвѣтъ (Спб. Вид. 1866, № 146): „М. г. Прасковья Александровна, я имѣлъ честь получить письмо ваше, которое, признаюсь, привело меня въ совершенное замѣшательство: я не зналъ что дѣлать, кого просить и о чемъ. Слава Богу, что все само собою устроилось. Левъ Пушкинъ увѣрялъ меня, что письмо къ Адеркасу (4) остановлено, и что оно никакихъ слѣдствій имѣть не можетъ. И жаль мнѣ: ничего теперь дѣлать не нужно; и на этому сердечно радъ, ибо увѣренъ, что могъ бы скорее повредить, нежели принести пользу. Изъ письма Алек. П. заключаю, что печальное его положеніе сдѣлалось еще для него тягостнѣе отъ семейственнаго несогласія. И кажется мнѣ, что въ этомъ случаѣ всѣ виноваты. Я увижусь съ Сергѣемъ Львовичемъ и скажу ему искренно что думаю о его поступкахъ;

(4) Борисъ Антоновичъ фонъ Адеркасъ былъ въ то время Псковскимъ гражд. губернаторомъ. Очевидно, что Жуковский писалъ къ нему о смягченіи участи ссыльнаго поэта. П. В.

не знаю, поможетъ ли моя искренность. А ваша дружба пускай дѣйствуетъ благотворительно на нашего поэта. Примите мою благодарность за довѣренность, которой вы меня удостоили. Усерднѣйше прошу васъ увѣдомить меня о слѣдствіяхъ, которыя имѣло письмо къ Адеркасу; я не надѣюсь, чтобъ А. взялъ на себя этотъ трудъ: онъ слишкомъ для этого безпеченъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.⁴

3.

Я arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc: voici toutes les nouvelles que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.
1 Août (5).

Я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно. Погода у насъ стояла ужасная, вѣтеръ, бури и пр. Вотъ и всѣ новости, какія могу вамъ сообщить. Полагаю, что письма вашего управляющаго будутъ подробнѣе. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи моемъ и преданности. Прошу напомнить обо мнѣ всей любезной семьѣ вашей.

1 Августа.

4.

C'est hier que j'ai reçu, madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivée à Riga. Vous ne sauriez

(5) Изъ Михайловскаго, на осьмушкѣ, безъ адреса и означенія года. Письмо относится къ 1825-му году. Малютка, о которой упоминаетъ Пушкинъ, младшая дочь Прасковьи Александровны — Екатерина Ивановна.

vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible: elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. An. Богд. m'a dit qu'on vous attendait vers la mi-Août: je n'ose l'espérer.

Que vous disait donc m-r K. concernant la surveillance paternelle de m-r A. à mon égard? Sont-ce des ordres positifs? M-r K. y est-il pour quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics? Je suppose, madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles Européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg, je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne; mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenaitre (*sic*).

Adieu, madame; recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté: c'est vous qui m'avez fait apprécier le charme de la première. 8 Août (6).

Милостивая государыня. Вчера получилъ я ваше письмо отъ 31-го, писанное на другой день вашего приѣзда въ Ригу. Вы не можете себѣ представить, какъ тронуть я этимъ доказательствомъ вашей дружбы и вашего вниманія ко мнѣ; оно дошло до глубины души, и отъ души благодарю васъ. Ваше письмо застало меня въ Тригорскомъ. Анна Богд. сказала мнѣ, что васъ ждуть туда къ половинѣ Августа, я не смѣю надѣяться.

Что говорилъ вамъ К. относительно родительскаго надзора А. (?) надо мною?

(6) Изъ Михайловскаго, въ 1825 г.; писано на полудистѣ, изъ котораго сложенъ пакетъ съ надписью: „à Madame, Madame Ossipof, à Riga“.

(7) Адеркаса?

не Рѣшительныя ли это приказанія? Значить ли что нибудь К. въ этомъ дѣлѣ или это одни общественныя толки? Полагаю, что вамъ въ Ригѣ лучше извѣстно, что дѣлается въ Европѣ, чѣмъ мнѣ въ Михайловскомъ. Что же касается новостей Петербургскихъ, я ничего не знаю, что тамъ происходитъ. Мы ждемъ осени, однако пользуемся еще нѣсколькими хорошими днями, и благодаря вамъ, на моихъ окнахъ постоянно цвѣты.

Прощайте; примите увѣренія въ моей нѣжной и почтительной преданности. Вѣрьте, что на землѣ нѣтъ ничего лучшаго и болѣе вѣрнаго, какъ дружба и свобода. Вы научили меня цѣнить прелесть первой. 8-го Августа.

5.

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent, autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que devicendra mon avenir, mais ce que je sais, c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes. J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, madame, que les bruits qui sont venus à m-eur Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger: ces jours-ci j'ai été chez Pechtchouroff—l'avocat patelin, comme vous l'appellez. Il me croyait à Pskof (NB). Je compte voir encore mon vieux négre de grand-oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins, et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis, madame, votre tout dévoué. 11 Août (°).

(°) Изъ Михайловскаго, какъ надо думать, въ 1825 г. Письмо писано на осьмушкѣ, на конвертѣ адресъ: „Ея высокородію г-жѣ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой въ Островъ“. — Дня

Говорить ли о моей благодарности? Очень любезно съ вашей стороны, что не забываете вашего отшельника. Письма ваши приводятъ меня въ восторгъ, а великодушная забота обо мнѣ трогательна. Не знаю, что предстоитъ мнѣ въ будущемъ; знаю только, что мои чувства къ вамъ останутся всегда неизмѣнными. Еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Я согласенъ съ вами, что слухи, дошедшіе до г. К., не вѣрны; но вы правы, ими не слѣдуетъ пренебрегать. На дняхъ я былъ у Пещурова, лукаваго ходатая, какъ вы его называете; онъ думалъ, что я въ Псковѣ (NB). Я рассчитываю еще провѣдать моего стараго негра-дядю. Онъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка Свидѣтельствую почтеніе всему вашему милому семейству и остаюсь вамъ преданнымъ. 11-го Августа.

6.

Madame. Voici le nouveau poème de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiments: vous en serez enchantée.

Je présume, madame, que vous êtes maintenant à Twer; je souhaite que vous y passiez votre temps agréablement, mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky; où après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, madame, l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 Février.

Veillez, madame, présenter mes hommages à m-elle votre fille, ainsi qu'à m-elle Netty (°).

негръ, о которомъ упоминается здѣсь: генералъ-майоръ Петръ, Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ знаменитаго Арапа Петра Великаго.

(°) Писано письмо изъ с. Михайловскаго, на четвертушкѣ безъ означенія года; но, какъ надо

Вотъ новая поэма Баратынскаго, при-
сланная мнѣ Дельнигомъ. Это образецъ
граціи, изящества и чувства. Вы буде-
те въ восторгѣ отъ нея. Теперь вѣро-
ятно вы уже въ Твери. Желая вамъ
проводить время весело, но не на столь-
ко однако, чтобъ совсѣмъ забыть Три-
горское, гдѣ послѣ грусти о разлукѣ съ
вами мы начинаемъ уже поджидать васъ.
Примите и пр. 20 февр. Передайте мое
почтеніе вашей дочери, а также мамзель
Нетти.

7.

Je suppose, madame, que mon brus-
que départ avec un фельдъ-егерь vous
a surpris autant que moi. Voici le fait:
chez nous autres on ne peut rien faire
sans un фельдъ-егерь. On m'en donne
un, pour plus de sûreté. D'après une
lettre très aimable du baron Дибичъ il
ne tient qu'à moi d'en être tout fier.
Je vais tout droit à Moscou, où je
compte être le 8 du mois courant; dès
que je serai libre, je reviens en toute
hâte à Trigorsky où desormais mon coeur
est fixé pour toujours. Pskow, 4 Sept. (10).

Я полагаю, что мой внезапный отъ-
ездъ съ фельдъегеремъ удивилъ васъ
столько же сколько и меня. Вотъ въ
чемъ дѣло: у насъ ничего не дѣлается
безъ фельдъегеря, мнѣ дали его для боль-

думать, 1826 г., такъ какъ вначалѣ именно этого
года Прасковья Александровна, по возвращеніи
своемъ изъ Риги, отправилась въ Тверское
свое имѣнье, съ старшею дочерью Анной Ни-
колаевной.

(10) Письмо на четвертушкѣ, базъ означенія
года; письмо принадлежитъ къ 1826-му году: въ
ночь на 2-ое или на 3-е сентября 1826 г. въ
Михайловское пріѣхалъ изъ Москвы фельдъегерь
и почался обратно съ А. С. Пушкинымъ въ
Москву, къ величайшему испугу няни его и Три-
горскихъ друзей его. Императоръ Николай Пав-
ловичъ въ Москвѣ милостиво принялъ Пушкина
и даровалъ ему свободу.

5

шей надежности. Послѣ очень любезна-
го письма барона Дибича, мнѣ остается
только гордиться этимъ. Я ѣду прямо въ
Москву, куда думаю прибыть 8-го числа
текущаго мѣсяца. Какъ только буду
свободенъ, я поспѣшу возвращеніемъ
въ Тригорское, къ которому мое сердце
отнынѣ навсегда приковано. Псковъ, 4
Сентября.

8.

Voici 8 jours que je suis à Moscou
sans avoir eu encore le temps de vous
écrire; cela vous prouve, madame, com-
bien je suis affairé. L'Empereur m'a
reçu de la manière la plus aimable.
Moscou est bruyant et dans les fêtes, à
tel point que j'en suis déjà fatigué, et
que je commence à soupirer après Ми-
хайловское, c'est à dire après Trigors-
sky; je compte partir tout au plus dans
deux semaines. Aujourd'hui 15 Sept.
nous avons la grande fête populaire; il
y aura trois verstes de tables dressées
au Дѣвичье Поле; les pâtés ont été four-
nis à la сажень comme si c'était du
bois; comme il y a quelques semaines
que ces pâtés sont cuits, on aura de la
peine à les avaler et les digérer, mais
le respectable public aura des fontaines
de vin pour les humecter. Voici la nou-
velle du jour: demain il y a bal chez
la c-esse Orlof; un immense manège a
été converti en salle; elle en a emprun-
té pour 40000 r. de bronze et il y a
mille personnes d'invités. On parle beau-
coup de nouveaux réglemens, très sé-
vères concernant les duels, et d'un
nouveau code de censure; comme je ne
l'ai pas vu, je ne puis rien en dire.
Excusez le décousu de ma lettre, elle
vous peint tout à fait le décousu de ma
vie actuelle. Je suppose que m-lles
Annettes sont déjà à Trigorsky; je les
salue de loin et de tout mon coeur, ainsi
que toute votre charmante famille.
Agréez, madame, l'assurance de mon

Русскій Архивъ. 5

profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie.
Pouchkine.

Moscou.
13 Sept (11).

Вотъ уже 8 дней, какъ я въ Москвѣ, и не имѣю еще времени написать къ вамъ. Это доказываетъ вамъ какъ я занятъ. Государь принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Москва шумитъ и пируетъ до такой степени, что я уже усталъ и начинаю вздыхать по Михайловскомъ, т. е. по Тригорскомъ; я намѣренъ выѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Сегодня, 15 Сент., у насъ большой народный праздникъ. На Дѣвичьемъ Полѣ разставлены столы на разстояніи трехъ верстъ; пироги везутъ сажеными, какъ дрова; пироги эти печены уже нѣсколько недѣль тому назадъ; довольно трудно будетъ ихъ глотать и переваривать, но почтенная публика смочитъ ихъ фонтанами вина. Вотъ вамъ самая свѣжая новость: завтра балъ у графини Орловой. Огромный манежъ превращенъ въ залъ, графиня заняла бронзы на 40,000 руб. и пригласила 1000 человекъ. Говорятъ о новомъ, весьма строгомъ постановленіи относительно дуэли и о новомъ цензурномъ уставѣ, но не выдавъ его, не могу о немъ ничего сказать.

Простите непослѣдовательность письма; оно вполне передаетъ вамъ непослѣдовательность настоящей моей жизни. M-elles Annetes вѣроятно уже въ Тригорскомъ, посылаю имъ издадека сердечный привѣтъ, какъ и всему вашему прелестному семейству. Примите и пр. Москва 13 Сент.

(11) Письмо изъ Москвы (на четвертушкѣ, рукою П. А. О. отмѣчено: «1826 г.»). Письмо это не отъ 13-го сентября, какъ помянулъ Пушкинъ, а отъ 15-го, такъ какъ онъ самъ говоритъ въ началѣ письма, что онъ уже *восемь дней* въ Москвѣ, и за тѣмъ упоминаетъ, что пишетъ 15 сентября. Пушкинъ привезенъ въ Москву 8-го сентября (прямо въ Кремлевскій дворецъ).

9.

Je suis bien coupable envers vous, mais pas tant que vous pourrez le penser. Arrivé à Moscou, je vous ai tout de suite écrit en adressant mes lettres на ваше имя въ почтамтъ. Il se trouve que vous ne les avez pas reçues. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous intéresser encore à moi, que vous dirai-je, madame, de mon séjour à Moscou et de mon arrivée à P. B. L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurais choisi Trigorsk, à peu près comme arlequin, qui sur la question qu'aimerait-il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait. Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelque jours à Михайловское; je salue en attendant de tout mon coeur vous et tout ce qui tient à vous (12).

Я очень виноватъ передъ вами, но не столько однако, какъ вы можете подумать. По приѣздѣ въ Москву, я вамъ тотчасъ же написалъ, адресуя мои письма на ваше имя въ почтамтъ. Оказалось, что вы ихъ не получили. Это меня смутило, и я не бралъ болѣе пера въ руки. Но такъ какъ вы удостоиваете меня еще вашимъ участіемъ, то что же мнѣ сказать вамъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ Спб? Пошлость и глупость нашихъ обихъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали объ

(12) Письмо на полулистѣ, изъ котораго слыланъ пакетъ съ адресомъ: „Ея высокородію Прасковья Александровна Осипова въ Опочку“. Годъ и число не означены, но какъ надо полагать письмо относится въ веснѣ 1827, изъ Петерб.

выборъ, я бы выбралъ Тригорское, почти также, какъ арлекинъ, который на вопросъ, хочетъ ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: „Я предпочитаю молочный супъ“. Я здѣсь на отъѣздѣ и на вѣрно рассчитываю приѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское; покаместъ кланяюсь вамъ и всему вашему отъ всего моего сердца.

10.

Je suis si honteux, madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume: ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera éternellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig, qui abandonne ses fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre existence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette existence est assez sottе; et que je brule de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrais encore à Михайловское. Cependant c'eut été mon desir. Je vous avoue, madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg, m'est devenu tout à fait étranger—je les supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Соротъ. Vous voyez, madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon existence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poète.

Agréez, madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon coeur toute votre charmante famille. Comment se trouve m-elle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait elle beaucoup de conquêtes? А. Р.⁽¹⁵⁾

24 Janvier.

⁽¹⁵⁾ Писано на полулястѣ, изъ коего сдѣланъ пакетъ съ надписью: „à Madame Ossipof“. Рукою П. А. О. помѣчено: „année 1828 г.“ Письмо

Мнѣ такъ совѣстно моего долгаго молчанія, что я съ трудомъ берусь за перо. Только воспоминаніе о вашей дружбѣ, воспоминаніе, которое навсегда для меня будетъ дорого, и увѣренность, что я пользуюсь вашимъ добрымъ снохожденіемъ, придають мнѣ смѣлости сегодня. Дельвигъ, который мѣняетъ свои цвѣты на дипломатическія тернія, расскажетъ вамъ о нашемъ житѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житѣ довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, приѣду ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, и съ трудомъ ихъ переносу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на северную прозу моего настоящаго существованія. Правда, что мудрено вамъ писать и не быть поэтомъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и пр. Какъ понравилось мамзель Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ?

24 Января (1828)

11.

Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онѣгинъ, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation. J'y joins un exemplaire pour m-elle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'el-

было написано въ Тверскую губернію, гдѣ въ это время была Прасковья Александровна съ дочерьми, изъ которыхъ здѣсь упоминается о Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ. Дельвигъ отправлялся въ это время съ женою въ Харьковъ, по пути онъ предполагалъ посѣтить Прасковью Александровну, которую очень уважалъ (см. письма барона А. А. Дельвига къ г-жѣ Осиповой въ II-й, IV-й и V-й статьяхъ: „Прогулка въ Тригорское“ С. Петерб. Вѣд. 1866 г. №№ 146, 163 и 168).

le a daigné faire à ma question. Je ne sais, madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année; on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est il vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsky et de Зуево. Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'à la fin nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, madame, vous et toute votre famille l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets et de mon parfait dévouement ⁽¹⁴⁾.

Принимаю смѣлость послать вамъ три послѣднія пѣсни Онѣгина и желаю, чтобы онѣ заслужили ваше одобреніе. Прилагаю еще экземпляръ для мамзель Евпраксіи, причѣмъ благодарю ее за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила мой вопросъ. Не знаю, буду ли имѣть счастье видѣть васъ нынѣшній годъ; говорятъ, что вы хотѣли быть въ Петербургѣ. Правда ли это? И однако, я все же рассчитываю на сосѣдство Тригорскаго и Зуева. Какъ ни устройвай судьба, кончится тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти.

Примите, милостивая государыня, какъ вы, такъ и все ваше семейство, увѣреніе въ моемъ уваженіи, въ моей дружбѣ, въ моихъ сожалѣніяхъ, и въ моей совершенной преданности.

12.

C'est dans la solitude de Boldino, madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise

(14) Писано на осьмушкѣ; рукою П. А. О. помѣта: „recue le 13 de Mars 1829 г.“ Зуево есть другое названіе Пушкинскаго сельца Михайловскаго.

que mon père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de B. Л. Je craignais beaucoup, je vous l'avoue, sa santé et ses nerfs si affaiblis. Il m'a écrit plusieurs lettres où il paraît que la crainte de la (*sic*) choléra en a remplacé la douleur. Cette maudite choléra! Ne dirait-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une échelle de quarantaines et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après demain, et Dieu sait combien de mois je mettrai à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce qu'est le mot *toujours* qui se trouve dans une phrase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, madame. Mais en tout cas ce mot ne peut-être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis fâché si ma phrase présentait un sens inamical; et je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la sympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons avec les malheureux par une espèce d'égoïsme: nous voyons, que dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur..... c'est un grand *peut être*, comme le disait Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serais à Pétersbourg, vous recevrez, madame, tout ce que j'ai imprimé; mais ici je n'ai pas les moyens de rien vous envoyer. Je vous salue, madame, de mon coeur, vous et toute vo-

tre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement ⁽¹⁵⁾.

A. Pouchkine.

Въ уединеніи Болдина получилъ я разомъ ваши два письма, милостивая государыня. Надо быть совершенно одинокимъ, какъ я, чтобы вполне цѣнить голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начертанныхъ кѣмъ либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ. Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти В. Л. Признаться, я очень боялся за его здоровье и его ослабленные нервы. Онъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ; кажется, что боязнь холеры замѣнилась грустью. Эта проклятая холера! Не злая ли это шутка судьбы? При всѣхъ моихъ усиленіяхъ, я не могу добраться до Москвы; меня отбѣляютъ со всѣхъ сторонъ карантинны, такъ какъ Нижегородская губернія — средоточіе эпидеміи. Тѣмъ не менѣе, послѣ завтра я уѣзжаю, и Богъ знаетъ, сколько мѣсяцевъ я употреблю на проѣздъ 500 верстъ, которыя въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ. Вы спрашиваете у меня объясненія слова *seida*, встреченнаго вами въ одной изъ фразъ моего письма. Не могу припомнить этой фразы. Но во всякомъ случаѣ это слово не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ и знаменемъ тѣхъ чувствъ, какія и питаю къ вамъ и ко всему вашему семейству. Я сожалею, если эта фраза имѣетъ недружественный смыслъ и умоляю васъ исправить ее. То, что вы говорите о сочувствіи, весьма мѣтко и совершенно справедливо. Мы сочувст-

(15) Писано на полулистѣ, изъ котораго сдѣлавъ пакетъ съ адресомъ: „Ея высокородію м. г. Прасковья Александровна Осиповой въ Опочку“. Письмо исколото въ карантинѣ. В. Л., о смерти котораго говоритъ Пушкинъ, есть Василій Львовичъ Пушкинъ, дядя Александра Сергѣевича, и самъ извѣстный поэтъ (ум. въ Августѣ 1830-го года). Письмо писано изъ Нижегородскаго имѣнія С. Л. Пушкина (Болдина) въ 1830-мъ году, поздно осенью.

вуемъ несчастнымъ изъ нѣкотораго рода эгоизма: мы, въ сущности видимъ, что не мы одни страдаемъ. Сочувствовать счастью можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастье — это великое *можетъ быть*, какъ говорилъ Рабеле о раѣ или о вѣчности. Я атеистъ относительно счастья, я не вѣрю въ него и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немного скептикомъ. Лишь только приѣду въ Петербургъ, отправлю къ вамъ все, что я напечаталъ; отсюда же ничего не могу послать. Привѣтствую васъ и все ваше семейство. Прощайте, до свиданья. Вѣрьте моей совершенной преданности. А. Пушкинъ.

13.

Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à m-elle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. La peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: „Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — типина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади“. Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute a été apaisée; mais les désordres se sont renouvelés depuis.

Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoe Selo, qui jusqu'à pré-

sent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoe des sept plaies de l'Égypte; vivez heureuse et tranquille et puisse-je me retrouver un jour dans votre voisinage! Et à propos de celà, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quels en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites vous, madame, de mes châteaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchanté et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter ⁽¹⁶⁾.

Sarskoe-selo.

29 Juin 1830.

Я откладывалъ намѣреніе свое писать къ вамъ, ожидая вашего приѣзда каждую минуту. Но обстоятельства не таковы, чтобы можно было надѣяться видѣть васъ здѣсь. И такъ, письменно поздравляю васъ и желаю м-ль Евпраксіи всего счастья, какое только доступно намъ на землѣ, и котораго вполне заслуживаетъ такое благородное и кроткое созданіе. Времена чрезвычайно пе-

⁽¹⁶⁾ Писано на полулистѣ, изъ коего сдѣланъ пакетъ съ адресомъ: „Ея высочородію м. г. Прасковѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку“. Письмо исколото въ карантинѣ. Пушкинъ поздравляетъ своего друга Евпраксію Николаевну Вульфъ по случаю обрученія ея съ барономъ Борисомъ Александровичемъ Зревскимъ. Годъ на письмѣ выставленъ Пушкинымъ *ошибочно*: слѣдуетъ читать 1831-й годъ.

чальныя! Эпидемія сильно опустошаетъ Петербургъ; народъ нѣсколько разъ возмущался. Самые нелѣпые слухи было распространены: утверждали, что доктора отравляли жителей. Бѣшеная толпа умертвила двухъ изъ нихъ. Государь явился среди бунтующихъ. „Государь, пишутъ мнѣ, говорилъ съ народомъ, чернь слушала на колѣняхъ... тишина... одинъ царскій голосъ, *какъ звонъ святой* ⁽¹⁷⁾, раздавался на площади“. Мужества и дара слова ему не занимать. На этотъ разъ волненіе стихло, но въ слѣдствіи безпорядки возобновлялись. Быть можетъ, вынуждены будутъ прѣбывать къ картечи. Мы ожидаемъ дворъ въ Царское Село; сюда не проникла еще холера, но думаю, что это не замедлитъ случиться.

Да сохранитъ Господь Тригорское отъ семи язвъ Египта! Живите счастливо и спокойно. Какъ бы я желалъ вновь быть вашимъ сосѣдомъ! Ксати, еслибы я не боялся быть нескромнымъ, я бы попросилъ васъ, какъ добрую сосѣдку и дорогаго друга, извѣстить, не могу ли я приобрести Савкино и на какихъ именно условіяхъ; я бы выстроилъ себѣ тамъ хижину, помѣстилъ свои книги и проводилъ бы тамъ вблизи моихъ добрыхъ, старыхъ друзей, по нѣсколько мѣсцевъ въ году. Что скажете вы о моихъ воздушныхъ замкахъ и о моей хижинѣ въ Савкинѣ? Меня восхищаетъ эта мысль, и я постоянно къ ней возвращаюсь. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ чувствахъ глубокаго уваженія и совершенной преданности. Мой привѣтъ всему вашему семейству. Примите также привѣтствіе моей жены, пока я не буду имѣть счастье вамъ ее представить. Царское Село, 29 Іюня 1830.

14.

Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me

⁽¹⁷⁾ Стихъ изъ „Бориса Годунова.“

rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'O., la *quarantaine* etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrêts, le choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Novgorodъ dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde prétexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers, et les médecins ont été tous massacrés, avec un raffinement d'atrocité! L'Empereur y est allé, et a apaisé l'émeute avec un courage et un sang froid admirable; mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les émeutés à sa présence. Il paraît que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. Болъзнъ повальная, а не зараза, слѣдственно карантинны лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ. Si cette vérité était connue avant, nous eussions évité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement—avec de *l'huile et du lait chaud*, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remets en vos mains mes intérêts et mes projets. Je ne tiens ni à *Sukino* ni à tout autre lieu; je tiens à être votre voisin, et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances, à ce qui paraît, vont me retenir à Pétersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne chan-

ge rien à mon projet et mes espérances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma parfaite considération. Je salue toute la famille.

29 Juillet. Zarskœ-Selo (18).

Ваше молчаніе, дорогая и добрая Прасковья Александровна, начинало уже меня тревожить, и ваше письмо пришло очень кстати меня успокоить. Еще разъ поздравляю васъ и отъ всего сердца желаю всѣмъ вамъ благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ отвезъ ваши письма въ Павловскъ, при чемъ нетерпѣливо хотѣлось узнать ихъ содержаніе, но я не засталъ матушку дома. Вамъ извѣстно происшествіе, случившееся съ ними, шалости О., *карантинъ* и проч. Теперь, слава Богу, все кончилось. Родители уже болѣе не подъ арестомъ. Холеры уже боятся нечего; она скоро прекратится въ Петерб. Знаете ли вы, что въ Новгородскихъ поселеніяхъ произошли безпорядки? Солдаты, все подъ тѣмъ же нелѣпнымъ предлогомъ, будто ихъ отравляютъ, взбунтовались. Генералы, офицеры и доктора были умерщвлены съ самою утонченною жестокостію. Государь отправился туда и утушилъ мятежъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и бодростію; не слѣдуетъ однако, чтобы народъ привыкалъ къ возмущеніямъ, а бунтовщики къ присутствію Государя. Кажется, все кончилось. Вы судите о болъзни гораздо вѣрнѣе докторовъ и правительства. Болъзнъ повальная, а не зараза, слѣдственно карантинны — лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ. Будь эта истина извѣстна ранѣе, мы бы избѣгли многихъ золъ. Теперь лечуть отъ холеры, какъ отъ вся-

(18) Письмо на полуистѣ, изъ коего сложенъ пакетъ съ надписью: „Ея высок. и. г. Прасковья Александровна Осиповой въ Опочкѣ въ селѣ Тригорскомъ.“ Въ этомъ письмѣ (принадлежащемъ къ 1831 г.) есть приписка жены А. С. Пушкина, въ которой она изъясняетъ чувства уваженія къ П. А. Осиповой.

каго другого отравленія: *деревяннымъ масломъ и теплымъ молокомъ*, а также и баней. Дай Богъ, чтобы вы не встрѣтили въ Триг. необходимости обратиться къ этому указанію! Препоручаю вамъ мои интересы и мои планы. Я не стою ни за *Савкино*, ни за какое либо другое мѣсто, но я хочу быть вашимъ соседомъ и владѣльцемъ хорошенькой мѣстности. Извѣстите меня, пожалуйста, о цѣнѣ какого бы то ни было имѣнья. Обстоятельства, какъ кажется, задержать меня въ Петербургѣ долѣ чѣмъ бы я желалъ, — но это не измѣнитъ ничего ни въ моихъ планахъ, ни въ моихъ надеждахъ. Примите увѣреніе въ преданности и въ моемъ совершенномъ уваженіи. Привѣтъ всему вашему семейству. 29-го Іюля. Царское Село.

15.

Recevez, madame, mes bien sincères remerciements pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie, pour dernière grâce, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre, envoyé à la campagne, avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu'Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique (à présent celui de Léon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout à fait gâté.

Je vous envoie, madame, les Сѣверные Цвѣты dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach, et un tribut à la mémoire de notre ami dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins des contes à

dormir debout; je souhaite que cela vous amuse un moment.

Nous avons appris ici la grossesse de m-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et que sa santé se rétablisse tout à fait. On dit que les premières couches embellissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement. А. Р. (19)

Искренно благодарю васъ за ваши заботы о моихъ книгахъ. Хоть и чувствую, что злоупотребляю вашею добротой и временемъ, тѣмъ не менѣе убѣдительноше прошу васъ оказать мнѣ послѣднюю милость: прикажите узнать отъ нашихъ людей въ Михайловскомъ, вѣтъ ли тамъ еще одного сундука, посланнаго туда вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ были книги? Я подозреваю, что Архипъ или кто другой удержали сундукъ, по просьбѣ моего слуги Никиты (нынѣ состоящаго при Львѣ). Онъ (и разумно сундукъ, а не Никиту) долженъ выщипать въ себѣ, вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, мои вещи, а также некоторыя книги, которыхъ я не нахожу. Еще разъ умоляю васъ простить мою докучливость: ваша дружба и ваше снисхожденіе совершенно меня избавовали. Посылаю вамъ „Сѣверные Цвѣты, которыхъ я недостойный издатель. Это послѣдній годъ существованія альманаха и дань памяти нашему другу, утрату котораго мы будемъ долго чувствовать. Присоединяю къ сему нѣсколько усыпительныхъ сказокъ и желаю, чтобы онѣ заняли васъ хоть на минуту. Мы узнали здѣсь о беременности вашей дочери. Дай Богъ, чтобы все кончилось счастливо и здоровье ея вполне возстановилось. Говорятъ, что первые роды придаютъ прелесть молодой женщинѣ: дай

(19) Писано на полулистѣ. Письма П. А. О. «reçue le 14 de Janvier 1832».

Богъ, чтобы они были столько же благопріятны и для здоровья. Примите увѣреніе полного уваженія и неизмѣнной привязанности. А. П.

16.

М-г Алымовъ part cette nuit pour Pskow et Trigorsky, et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assistions tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême, j'en aurai bientôt un на Фурштатской въ домъ Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire. Je suppose que vous en êtes fatiguée, comme nous tous. Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux,—vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existence toute mondaine et toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été, c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, madame, je vous salue bien tendrement, vous et toute votre famille (20).

Г-нъ Алымсвъ уѣзжаетъ сегодня въ ночь въ Псковъ и въ Тригорское; онъ взялся доставить вамъ мое письмо, дорогая и уважаемая Прасковья Александровна. Я еще не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ, чтобы онъ и мать его были здоровы, и чтобы намъ удалось быть на его свадьбѣ, если не пришлось быть на крестинахъ. Кстати

(20) Писано на полуистѣ. Помѣта П. А. О.: „1834 г. числа 16-го“, каково мѣсяца нельзя рзвобратъ. Годъ помѣченъ ошибочно, письмо писано изъ С. Петербурга въ 1832-мъ году, такъ какъ Пушкинъ жилъ въ д. Алымова до Октября 1832 г.

о крестинахъ, скоро они будутъ у меня на Фурштатской, въ домъ Алымова. Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ словечко. Не сообщая вамъ никакихъ новостей, ни политическихъ, ни литературныхъ. Я думаю, что онъ вамъ надоѣли столько же, сколько и всѣмъ намъ. Нѣтъ ничего благоразумнѣе, какъ жить въ своей деревнѣ и поливать свою капусту. Это старая истина, которую я ежедневно повторяю среди свѣтской и беспорядочной жизни. Не знаю, увидимся ли мы нынѣшнимъ лѣтомъ? Это одно изъ моихъ мечтаній, дай Богъ, чтобы оно исполнилось.

Прощайте, посылаю вамъ и вашему семейству мой нѣжный привѣтъ.

17.

Pardon, mille fois pardon, chère Прасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre bien aimable lettre et pour son intéressante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement: ni mes goûts ni ma fortune ne peuvent s'en accommoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiétude pendant ces cinq ou six jours: je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrais bien être du voyage (21).

(21) Письмо на полуистѣ, изъ коего сдѣланъ пакетъ съ надписью: „Ея высок. мил. госуд. Прасковья Александровнѣ Осиповой въ Псковъ.“ Помѣта руки Пр. Алекс. „Recus le 20 de Mai 1833.“

Простите, тысячу раз простите, дорогая Прасковья Александровна, что я замедлил поблагодарить васъ за ваше любезное письмо и его интересную вѣнкетку. Всякаго рода препятствія мѣшали мнѣ. Не знаю, когда я буду имѣть счастье явиться въ Тригорскомъ, хотя и горячо этого желаю. Петербургъ не по мнѣ: ни мои наклонности, ни мое состояніе не соотвѣтствуютъ Петербургской жизни. Но надо потерпѣть года два-три. Жена моя кланяется дружески вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Послѣдніе пять-шесть дней насъ очень беспокоило здоровье нашей дочери,—вѣроятно, это прорываніе зубовъ; у нея еще нѣтъ ни одного. Сколько ни говори, что съ каждымъ тоже случалось, но созданія эти такъ слабы, что невозможно не содрогаться, глядя на ихъ страданія. Родители мои только что пріѣхали изъ Москвы. Они рассчитываютъ быть въ Михайловскомъ около Іюля мѣсяца. Какъ бы мнѣ хотѣлось имъ сопутствовать!

18.

Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même intérêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais honnête homme, et pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky vù que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complète; je veux seulement n'être pas volé, et payer les intérêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de

misère et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pese. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui, pour perspective, ont la mendicité ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciements et l'expression de mon respect et de mon inaltérable amitié. A. P.

29 Juin. SPB.

13 Juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Petersburg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte ⁽²²⁾.

Благодарю васъ отъ всего сердца, дорогая и добрая Прасковья Александровна, за ваше письмо. Я вижу, что вы неизмѣнно тѣже ко мнѣ въ чувствахъ дружбы и участія. Скажу вамъ отъ

(22) Писано на полуистѣ, сложенномъ пакетомъ. Адресъ и годъ не означенъ; надо полагать, письмо относится къ 1834 году.

кровенно все, что касается Рейхмана. Я его знаю, какъ чловѣка честнаго, и въ настоящую минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу довѣрить ни Михайлѣ, ни Пенковскому, потому что знаю перваго и не знаю послѣдняго. Не имѣя намѣренія поселиться въ Болдино, я не могу думать о возстановленіи имѣнія, дошедшаго, между нами будетъ сказано, до совершеннаго раззоренія; я лишь желаю, чтобы меня не обкрадывали, и быть въ состояніи платить проценты въ Ломбардъ. Улучшенія возможны только въ послѣдствіи. Но успокойтесь: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне въ такомъ нищенскомъ состояніи, и дѣла ведены такъ плохо, что онъ не рѣшился взять на себя управленіе Болдинымъ и въ настоящую минуту находится въ Малинникахъ. Вы не можете себѣ представить, какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, Болдино стоить спасти, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство или, по меньшей мѣрѣ, бѣдность. Но я не богатъ, имѣю собственное семейство, которое зависить отъ меня, и которое безъ меня подвергнется лишеніямъ. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, мнѣ ничего не принесетъ. Родители мои не знаютъ, что они въ двухъ шагахъ отъ полнаго раззоренія; если бы они могли рѣшиться прожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться; но этому никогда не бывать. Я рассчитываю видѣть васъ это лѣто и разумѣется остановиться въ Тригорскомъ. Передайте мое почтеніе всему вашему семейству и примите еще разъ мою благодарность и увѣреніе въ чувствахъ уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П.

29 Іюня Спб.

13 Іюля. Двѣ недѣли тому назадъ вы должны были получить это письмо. Не знаю, почему оно не было еще отправлено. Дѣла удержатъ меня еще нѣкоторое время въ Петерб., но я все-таки предполагаю явиться къ вамъ.

19.

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 Nov. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traîne, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки такъ же. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce de la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays; mais je le voudrais savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de m-me Glinka, sa soeur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées—ma situation etc. etc. En vérité il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille, que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

26 Dec.

Votre lettre de change est prête, et je vous l'enverrai la prochaine fois. (Тутъ рукою П. А. О. отмѣчено: «je ne l'ai jamais reçu») (23).

(23) Писано на осьмушкѣ, въ такую же осьмушку было запечатано съ адресомъ: „Ея вы-

Наконецъ то, милостивая государыня, и имѣлъ утѣшеніе получить письмо ваше отъ 27-го Ноября. Оно было въ дорогѣ около четырехъ недѣль. Мы не знали, что подумать объ вашемъ молчаніи. Я по чему то предполагаю, что вы въ настоящее время во Псковѣ и потому адресую туда свое письмо. Здоровье матушки лучше; но все же это еще не выздоровленіе,—она слаба, хотя болѣзнь утихла. Батюшка очень жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и препоручаетъ себя вашей дружбѣ. Ребятишки также. Желаю быть здоровыми и весело провести праздники,—не упоминаю о своей неизмѣнной преданности къ вамъ.

Государь даровалъ помилованіе большей части заговорщиковъ 1825 года,— между прочимъ и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Край прекрасный, но мнѣ бы хотѣлось имѣть его поближе къ намъ: быть можетъ, ему позволить удалиться въ пмѣніе его сестры — гжи Глинки. Правительство всегда было къ нему милостиво и снисходительно. Когда я подумаю, что уже десять лѣтъ прошло со времени этихъ несчастныхъ смуть, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ. Сколько событій, сколько переменъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ идей, моей обстановки и пр. пр. Въ самомъ дѣлѣ, только одна моя дружба къ вамъ и къ вашему семейству остается въ душѣ моей неизмѣнною, всегда полною и нераздѣльною. 26-го Декабря.

Вексель вашъ готовъ, я его пришлю въ слѣдующій разъ.

20.

Me voici, madame, arrivé à Pétersbourg; imaginez vous que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela

сокородию, кил государ. Прасковѣ Александровнѣ Осиповой“.

lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour faire dire au maitre de poste que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à l'extrémité, elle était venu de Pavlovsk pour chercher un logement, et elle est tombé subitement en faiblesse chez m-r Княжнинъ, où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Nathalie en but à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau père et sa belle mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1,200 paysans soit dans misère. C'est mon père qui a quelque chose, et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Nathalie n'a que faire dans tout cela, c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venu établir chez moi, Nathalie comme de raison l'aurait reçu; mais une maison froide, remplie de marmailles, et encombrée de monde, n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà déménagée, mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi je fais de la bile, et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute süße Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoûtante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur (24).

(24) Писано на полуистѣхъ, изъ котораго сдѣланъ пакетъ съ надписью: „Ея Высокородію милостивой государынѣ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой, во Псковѣ, оттолѣ въ село Тригорское“. Помѣчено А. Н. Вульфомъ: «1836 г.»

Ну, вотъ я и въ Петербургъ, милостивая государыня. Вообразите, молчаніе моей жены происходило отъ того, что ей вздумалось адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, почему она такъ распорядилась. Во всякомъ случаѣ я васъ умоляю послать одного изъ нашихъ людей къ почтмейстеру и сказать ему, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ и чтобы онъ выслалъ въ Петербургъ все, что у него есть. Я нашелъ бѣдную матушку въ ужасномъ положеніи. Она пріѣхала изъ Павловска искать квартиру, какъ вдругъ почувствовала ужасную слабость, которая ее застала у г. Княжнина, гдѣ она остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ ни малѣйшей надежды. Къ этому грустному положенію присоединяется для меня еще огорченіе видѣть, что моя бѣдная Nathalie служить цѣлью злыхъ нападокъ свѣта. Всюду говорятъ, какъ это ужасно, что она такъ наряжается, тогда какъ свекру и свекрови нечего ѣсть и свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете, въ чемъ дѣло. Конечно, нельзя сказать, что человекъ, имѣющій 1200 душъ крестьянъ, былъ бы въ нищетѣ. Мой отецъ все-таки имѣетъ что-нибудь, а я ничего. Во всякомъ случаѣ это до Nathalie не касается, я бы долженъ за все отвѣчать. Еслибы матушка поселилась у меня, Nathalie, конечно, приняла бы ее; но холодный, наполненный кучею дѣтей, и осаждаемый гостями домъ не представляетъ удобствъ для больной. Матушкѣ покойнѣе у себя. Я нашелъ ее уже на другой квартирѣ; батюшка въ очень жалкомъ положеніи,—я же захожусь въ желчномъ настроеніи духа и совершенно ошеломленъ.

Повѣрьте, дорогая Прасковья Александровна, хотя жизнь и „пріятная привычка“, но имѣетъ въ себѣ горечь, дѣлающую ее подъ конецъ отвратительною; свѣтъ—это гадкая лужа грязи. Я предпочитаю Тригорское. Привѣтствую васъ отъ всего сердца.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

1.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловской прикащикъ)
Привезетъ намъ, право кладь!
Что? — бутылочъ полный ящикъ.
Запируемъ — ужъ, молчи!
Чудо — жизнь Анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни — любви посвящены,
Ночью — царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отгверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей А. Н. До свиданія, мой милый. А. П. (25).

(25) Письмо писано на полуистѣ, сложено пакетомъ; адресъ: „Его благородію милостиному государю Алексію Николаевичу Вульфъ. Въ гор. Дерптѣ“. *Притиска сестры Алексія Николаевича Вульфа, Анны Николаевны: „Александръ Сергѣевичъ“* вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ; онъ давно собирается писать къ тебѣ и къ Языкову; но я думала, что это только будетъ на словахъ.— Пожалуста отдай тутъ вложенное письмо къ Языкову и ежели можешь употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покажься пожалуйста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много не могу. Пушкинымъ оба у насъ, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ они ушли въ баню. Я надѣюсь, что твое беспокойство на счетъ А.

2.

Любезный Алексѣй Николаевичъ — благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; посланіе его и чувствительная Элегія — прелесть. Въ посланіи послѣ *тобой хранимаго*, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его. А. П. (26).

3.

Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ ними и съ цензоромъ и съ наборщикомъ и съ *tutti quanti*: дѣло теперь не о томъ. — Друзья мои и родители вѣчно со мною проказать: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. — Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову; я написалъ на

П. кончилось. Пожалуста, моя душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ Я боюсь тебѣ надоѣсть съ этой просьбой, но такъ и быть, полагаюсь на твою братскую дружбу. Прощай, моя радость; съ нетерпѣніемъ будемъ мы ожидать твоего отвѣта; не забывай тебѣ душою преданную Анну Вульфъ.

Сентября 20, 1824 года.

Левъ тебя цѣлуетъ.

(26) На оборотѣ рукою П. А. Осиповой написано: „Очень хорошо бы было, когдабъ вы исполнили ваше предположеніе пріѣхать сюда. Алексѣй, намъ нужно бы было потолковать и о твоихъ путешествіяхъ; хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобы онъ оживилъ Тригорское своими присутствіемъ.“

Все письмо на доскуткѣ бумаги менѣ осмушки; писано, какъ надо полагать, весною 1825-го года.

дняхъ подражаніе Элегіи на *подите прочь* (27).

4.

Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца, вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, напавъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же (что также случается) денегъ нѣтъ — то напишите сколько ихъ будетъ нужно. На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились. Что скажу вамъ новаго? Вы, конечно, уже знаете все, что касается до проѣзда А. П.. Мужъ ея очень милый человекъ, мы познакомились и подружались. Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукой, вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко.
Нѣтъ, Бога ради...

Не написалъ-ли Яз. еще чего нибудь въ томъ же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ — мы будемъ очень благодарны (28).

5.

Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете — добро. Однако я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. — Неправда ли, что вы привезете къ

(27) Писано на четвертушкѣ, сложенной пакетомъ. Рукою А. Н. Вульфа приписано: „Сентяб. 825 года“.

намъ и вдохновеннаго? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покамѣстъ, скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ ли пройдетъ Жуковскій въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете-ли вы письма отъ Ан. Ник. (съ которой мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ Вавилонская блудница N. N.? Говорятъ, что Б. очень шастливо металъ противъ почтеннаго Е. Θ. Мое дѣло — сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: *Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant.* Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ: привезите же Языкова и съ его стихами⁽²⁹⁾.

6.

Тверской Ловеласъ С. Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ.

Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достоуважаемымъ почитаніемъ и благосклонностію. Утверждаютъ, что вы *гораздо хуже меня* (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. — Требуемая отъ меня поясненія, на счетъ вашего П. бургскаго поведенія, далъ я съ откровенностію и

(29) На полулистѣ, сложенномъ пакетомъ съ надписью: „Его благородію Алексѣю Николаевичу Вульфѣ, въ Дерптъ.“ Ручкою Вульфа помѣчено „10 Окт. 825 года Сел. Михайловское.“

(30) Ручкою А. Н. Вульфа приписано: „7 Мая, 1826 года“. Письмо на полулистѣ, сложенномъ пакетомъ съ надписью „Его благородію А. Н. В. въ Дерптъ.“

Замѣтка. А. Н.: Видѣлъ я въ Сенекѣ нѣкоторые нескромныя гексаметры и сердечно имъ позавидовалъ“.

простодушіемъ, отъ чего и потекли нѣкоторыя слѣзы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ на примѣръ: *какой мерзавецъ! какъ скверналъ душа!* но я притворился, что ихъ не слышу. При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Василевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынь, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукожатіе баронессѣ etc.

27 Окт. 1828 года (30).

7.

Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкой уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I) Въ *Малишикахъ* засталъ я одну Ан. Ник. съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію, и объявила мнѣ слѣдующее: а) Евпр. Ник. и Ал. Ив. отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ, б) N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а. с) Гретхенъ хорошеетъ и *часъ отъ часу дѣлается невиннѣ* (сей часъ А. Ник. объявила, что она того не находитъ).

II) Въ *Павловскомъ* Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ; Пав. Ив. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи

(30) Писано на четвертушкѣ, сложенной пакетомъ съ надписью: „Его благородію Алексѣю Николаевичу Вульфѣ.“

слѣдующимъ образомъ: подъѣзжая подъ Ижоры

*Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.*

Не правда-ли, что это очень мило?

III) Въ *Берковъ* я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то *Netty*, нѣжная, томная, истерическая, *потолстѣвшая Netty* здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV) *Разныя извѣстія*. Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. П. кто то прибилъ, и ему вѣрно подать въ отставку. Кн. Максюттовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. *Ив. Ив.* на строгомъ діэтѣ... Недавно узнали мы, что *Netty*, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю... Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

16 Окт. ⁽⁸¹⁾.

⁽⁸¹⁾ Письмо 1829 г. писано, на четвертушкѣ на почт. бумагѣ, запечатано оплаткой.

Чертковская библиотека открыта бесплатно для чтенія въ Понедѣльникъ, Середу и Субботу отъ 10 до 4 часовъ утра.

Отчетъ о Чертковской библиотекѣ за 1866 годъ будетъ напечатанъ въ одной изъ ближайшихъ тетрадей Русскаго Архива.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЫ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1864 ГОДА.

(Съ рисункомъ)

- Путеводитель по Чертковской библиотекѣ.
„Образъ Ангела-хранителя съ похождениями“
и „Вѣтеръ“, два отрывка изъ Русской символической гр. А. С. Уварова.
- Два доселѣ неизвѣстныхъ письма изъ переписки Вольтера съ гр. А. П. Шуваловымъ.
- Письмо Н. П. Надеждина къ Ю. Н. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ).
- Неизданные отрывки изъ письма Жуковского о кончинѣ Пушкина.
- Записки А. Т. Болотова.
- Воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ.
- Записка о масонствѣ, Н. П. Елагина.
- Письма А. С. Пушкина къ гр. А. Х. Бенкендорфу. 1830.
- Первые пособники Екатерины II.
- Письма гр. Воронцова къ И. И. Шувалову.
- Труды Е. Атерины II по составленію сравнительнаго словаря.
- Изъ переписки Але сандра I съ В. С. Поповымъ. Мѣсяцъ М. Л. Магницкаго.
- Обращенія рѣшеній Е. Атерины II на всеподданнѣйшія просьбы. 1788.
- Изъ письма В. С. Попова къ императору Александру I о Екатеринѣ II.
- Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковского. Письма его и А. П. Тургенева.
- О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святія Горы.
- Допросы, сдѣланные фельдмаршалу Миниху, гр. Остерману и гр. Головкину, и отвѣты ихъ при воцареніи Елизаветы Петровны.
- Материалы для исторіи Морейской экспедиціи. 1770. а) Два рескрипта Спиридову, б) Письмо гр. Орлова къ Спиридову, в) Письмо Спиридова къ Екатеринѣ II.
- Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой.
- О видахъ добра. (Заѣтки Е. Атерины II и гр. А. С. Строганова)
- Записка Е. Атерины II къ ея духовнику И. П. Павлову о графиняхъ Ефимовскихъ.
- Письмо Е. Атерины II къ кн. Потемкину о кн. Зубовѣ. 1789.
- Письмо Але сандра 1-го къ Г. П. Мясоедовичу о сектѣ Татаршиной.
- Письма Н. П. Павликова къ Будгакову.
- Изъ бумагахъ князя В. Ф. Одоевскаго. Письма Д. М. Веласкаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоедова, кн. В. Ф. Одоевскаго къ А. С. Пушкину, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. Ф. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. П. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Ростопчиной.
- О нападѣніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Пушкина, статья кн. В. Ф. Одоевскаго.
- Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. (1775—1812) съ биограф. предисловіемъ и примѣчаніями.
- Письма (104) имп. Екатерины II къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796), въ томъ числѣ инструкція, какъ обращаться съ цесар. Павломъ Петровичемъ и письмо къ нему по испушеніи его въ совершеннѣйшее, съ предисловіемъ и примѣчаніями.
- 24 Долбнскихихъ стихотвореній В. А. Жуковского (1814—1815).
- Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову.
- Два письма Пушкина къ кн. Н. Г. Репнину, и письмо къ Пушкину кн. Н. Г. Репнина.
- Два неизданныхъ стихотвореній Лермонтова.
- Письма Лермонтова.
- Записки Прусскаго пастора Тете.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ выходить и въ

1867 году,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкой на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ А. О. Базунова.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библиотечку.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотечку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію 7 р.; во Францію и Бельгію 7 р. 50 к.; въ Англію 8 р.; въ Швейцарію и Италію 9 р.*

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартевель.**

Типографія Гривина и К. у Пречистенскихъ воротъ въ Москвѣ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ.

2.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Царствованіе Іоанна VI Антоновича:
а) Правленіе герцога Курляндскаго,
б) Правленіе великой княгини Анны.
1740 и 1741. Изъ *Германа* Исторіи
Русскаго государства.
2. Черта нравовъ, сто лѣтъ назадъ (Че-
лобитная и письмо *Анны Ватазиной*)
1733.
3. Оправдательное письмо *С. А. Поро-
шина* (сочинителя *Записокъ*) къ гр.
Г. Г. Орлову. 1766.
4. 13 писемъ великаго князя *Павла
Петровича* къ гр. П. Г. Чернышеву
1769—1776.
5. Гробница князя Потемкина, статья
М. Θ. Шугурова.
6. Изъ *Записокъ графа Е. Θ. Комаров-
скаго*. 1796—1798.
7. Е. А. Баратыяскій и его сочиненія,
М. И. Лонгинова.
8. Письма *Е. А. Баратынскаго* къ Н. В.
Путятѣ.
9. Книжная рѣдкость, съ тремя новыми
стихотвореніями *В. А. Жуковскаго* (?).
10. Замѣтка *М. Θ. Шугурова* о днѣ
вступленія Французовъ въ Москву.
11. Письмо *Слафарія* къ Θ. А. Головинну
(о трехъ арапчикахъ).
12. Довсеніе гр. П. Г. Чернышева о
Маркизѣ Шетарди.
13. Шуточные гекзаметры *В. А. Жуков-
скаго*.
14. О книгнѣ З. А. Волконской.
15. О Чертковской библиотекѣ въ 1866
году.

МОСКВА

Въ Типографіи В. Грачева и Кома

1866.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНИЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (4 р., съ пер. 5 р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (4 р., съ пер. 5 р.) **1865** года 1550 стр. (5 р., съ пер. 6 р.) Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библиотечку. Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. О. Самарина:

І Е З У И Т Ы

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

Тамъ же стихотворенія **КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.**

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ РУССКОМЪ АРХИВЪ 1866 ГОДА.

- Ааронъ 531.
 Абдуль Гамидъ, 395, 1583, 1590.
 Абрамко, 607, 626.
 Аввакумъ, 74.
 Августинъ, 554, 706, 716—718, 721, 531.
 Августъ II, 26, 162.
 Августъ III, 28—34, 36, 37, 138, 285, 289, 298, 301, 303, 666, 1357, 1512, 1513, 1545.
 Аверкиевъ, Д. 566.
 Агубъ, 1229, 1230.
 Адамовъ, 1256, 1440.
 Аддингтонъ, 214.
 Адольфъ, герц. 22.
 Айтуганъ, 397.
 Аксаковъ, И. С. 55, 602, 605, 607, 610, 627, 644, 771.
 Аксаковъ. Н. Т. 1629.
 Аксаковъ, С. Т. 1661.
 Акчуриный, С. В. 601.
 Александра, Павловна, в. кн. 1317; супругъ ея 1317.
 Александра Феодоровна, имп. 346, 577, 1193, 1629.
 Александръ I, импер., 76, 80—83, 88, 89, 92—113, 119, 120, 126—128, 186, 198, 232, 268, 272, 354, 461—471, 474, 496, 497, 499, 539, 599, 696, 699, 700, 705, 708, 709, 712, 716, 724, 729, 733, 734, 750, 751, 772, 823, 825, 833, 836—838, 842, 83, 849, 878, 879, 880, 882—884, 886, 888, 893, 897, 899, 904, 905, 919, 920, 923—927, 966, 967, 1031, 1037, 1038, 1039, 1041—1046, 1047—1050, 1052, 1053, 1092, 1093, 1097, 1098, 1114, 1121, 1131, 1160, 1191, 1222, 1310, 1312, 1328, 1332, 1334, 1375, 1420, 1436, 1473, 1492, 1493, 1495, 1501, 1591, 1611, 1691, 1704, 1706, 1708, 1765.
 Александръ II, импер. 124, 563, 627, 1065, 1071, 1072, 1077.
 Александръ, сынъ Кара. Георгія, 1265, 1266.
 Александровъ, 726.
 Алексѣевъ, Петръ, 330, 530.
 Алексѣевъ, А. II. 1125, 1135, 1218, 1226, 1227, 1266, 1413—1416.
 Алексѣевъ, Н. С. 1125, 1133, 1140, 1157, 1166—1168, 1171, 1184, 1212, 1223—1225, 1227, 1238, 1251, 1266, 1417—1421, 1424, 1446, 1447, 1450, 1454, 1472, 1474, 1478, 1480, 1481.
 Алексѣй Михайловичъ, царь, 350,
 Алексѣй Петровичъ царев. 1287, 1258, 1547.
 Алексѣй, архіеп. Ряз. 748.
 Али паша, вел. виз., 141
 Али-паша, 977, 978, 1400, 1409,
 Али, Мавръ, 1471, 1472, 1477.
 Алларъ. 728.
 Алопеусъ (М. М.), 435, 444, 446, 955.
 Альбрехтина, 1246, 1422, 1423.
 Альбрехтъ, 175.
 Альтести, 109, 973, 976, 1025.
 Амвросій Орнадскій 44.
 Анастасевичъ, 206.
 Андреевскій 1442.
 Анживилье, гр. 450, 454
 Аничковъ, 759.
 Анисѣевъ, 726.
 Анкивицъ, 1026.
 Анке, Б., 697.
 Анна Іоанновна, импер., 1—38, 46—50, 59, 61, 137, 138—171, 174, 175, 268—270, 284, 285,

- 302, 353, 354, 362, 516, 523, 524, 661—674, 675, 677, 681, 1298, 1340, 1341, 1347, 1349 — 1374, 1508 — 1538, 1540, 1545, 1546, 1547, 1595, 1605.
- Анна, королева Англійская, 1650.
- Анна Павловна, в. кн., 1330.
- Анна Петровна, герц. Голштинская, 273.
- Анна Петровна, в. княжна 1771.
- Анна Леопольдовна, 173, 672, 1366, 1517 — 1524, 1527, 1528, 1532 — 1535, 1537, 1542, 1545, 1548.
- Анна Гонзаго, принц., 424, 428.
- Анненковъ, П. В., 1089, 1090, 1092, 1099, 1136, 1138, 1141, 1150, 1151, 1153, — 1155, 1171, 1175 — 1177, 1180, 1193, 1336, 1444, 1461, 1607.
- Анненковъ, 726.
- Анненскій, Ф. П. 129.
- Анрепъ, 952.
- Анстетъ, бар. 700, 1656.
- Антоній Зибелинъ еп. 56.
- Антонскій (Прокоповичъ, А. А.) 527, 558.
- Антонъ-Ульрихъ 22, 160, 378, 670, 672, 1366, 1517, 1518, 1519, 1520, 1521, 1522, 1528, 1530, 1532, 1533, 1548.
- Анюса 383.
- Аполонскій, 766.
- Апраксинъ, С. Ф. 460, 930.
- Апраксинъ 239, 725.
- Апраксинъ, ген. 1605.
- Апраксинъ, шутъ, 1537.
- Аракчеевъ, гр. А. А. 116, 122, 475, 700, 755, 756, 837, 904, 922 — 927, 1031 — 1034, 1036 — 1046, 1047 — 1052, 1304, 1305, 1325, 1327 — 1329.
- Аракчеева П. Ф. 926, 937.
- Араповъ (П. Н.), 765.
- Аратъ, 81.
- Аргунъ, 1032.
- Арина 606.
- Аристовъ, 281, 1432, 1433, 1435, 1436.
- Аркановъ, П. Г. 268,
- Арнольди, 1033.
- Арсеній Мацѣвичъ, 50 — 52, 133.
- Арсеньевъ П. Д. 955, 964, 986, 987, 1024.
- Арсеньевъ, 1191.
- Арсеньевъ, И., 575.
- Артуръ (д), гр., см. Карлъ X.
- Архаровъ П П, 115, 334, 335, 1310.
- Архаровъ И. П. 1310, 1311.
- Архаровы, 224, 242.
- Аршеневскій, (В. К.), 527.
- Ахматовъ, 602.
- Ашъ, бар., 382, 1221.
- *
- Багратионъ, кн. П. И., 702, 904, 914, 915, 916, 1034, 1036 — 1038, 1040, 1041, 1043, 1266.
- Базанкуръ, 774.
- Байковъ, 1248.
- Бакунинъ, П. В. 942, 943.
- Бакунинъ, 461.
- Балабинъ, 725.
- Балабинъ, 1328.
- Балакиревъ, шутъ, 1537.
- Балашовъ, А. Д., 567, 717, 921.
- Балкъ, 16.
- Баллингъ, 505, 508.
- Балши, 1226, 1227, 1243, 1423, 1427.
- Балшъ, М. 1167 — 1169, 1242, 1246, 1422.
- Балшъ, Т., 1167, 1168, 1226, 1242, 1421, 1422, 1424.
- Бальянъ, Б., 1243.
- Бантышъ-Каменскій, П. Н. 275.
- Баратаевъ, кн., 839, 846, 848.
- Барановъ Д. И., 762.
- Баратынскій, Е. А., 862, 1149, 1180, 1193, 1197, 1199, 1201, 1208, 1277, 1483, 1484, 1506, 1776.
- Баратынскій, Л. Е., 1506.
- Барбье, 216.
- Бардинъ, куп., 231.
- Барклай-де-Толли, кн. М. Б., 119, 120, 464, 468, 703, 731, 926, 1034, 1036 — 1041.
- Баро, 24.
- Бароци, А. И., 1247, 1254, 1459 — 1461, 1463 — 1466.
- Барсуковъ, П. П., 329.
- Бартенева, Ю. Н., 1640, 1642.
- Барчицкая, 383,
- Баршъ, 1125.
- Барыковъ, В. С. 346.
- Барятинскій, кн. И. Ф. 6, 10, 11, 15.
- Барятинскій, кн. Алексѣй, 20,
- Баскаковъ, А., 601,
- Бассевичъ, гр., 280, 282.
- Баташевъ, 527, 723.
- Батонди, 234, 236, 246, 248.
- Батыевъ, Я., 633.

- Батюшковъ, К. П., 222 — 226, 231, 235, 242, 475, 490, 494, 497, 498, 653, 761, 859, 861, 862, 886, 1102, 1108, 1116, 1197, 1202, 1207, 1348, 1642 — 1646, 1650.
 Бауверъ, 115, 1377.
 Баузе, О. Г., 753—755.
 Бахметевъ, А. Н., 242, 1121, 1220, 1264, 1265.
 Бахметевъ, 334.
 Башмакова, В. А., 1470, 1474.
 Безбождко, гр. А. А. 71, 115, 425, 449, 450, 777, 786, 794, 947, 986, 987, 1003—1005, 1025, 1026, 1374, 1575
 Безъ - Корниловичъ, 1442.
 Безсоновъ, П. А., 578, 836.
 Бей Заде, Георгій, 1241.
 Бекетовъ, П. А. 1717.
 Бекетовъ П. П. 1711.
 Беклемишевъ, 193, 194, 198.
 Беклешовъ, 539, 540.
 Бековичъ, А. 1605.
 Белла, 1408.
 Бенкендорфъ, гр. А. Х., 696, 704, 705, 710, 714, 735, 1339, 1487, 1488, 1753.
 Бенингсенъ, гр. (Л. Л.), 712, 1117, 1214, 1236.
 Бергхольцъ, 275.
 Бергъ, П. В., 1124, 1128.
 Бердяева, 1430.
 Бердяевъ, П. Н., 1430.
 Береври, 431, 432.
 Бернадотъ, 1033.
 Бернардї, ювел., 1566, 1567.
 Беррійскій, герц., 1092, 1097, 1654.
 Берръ 946.
 Берсеневъ, А. 1062.
 Бертье, 708, 711.
 Бестужевъ Рюминъ, гр. А. П. 133, 172—174, 176, 179—182, 185, 1516, 1526, 1527, 1529 — 1533, 1537.
 Бестужевъ-Рюминъ, гр. М. П. 665, 666, 668, 674.
 Бестужевъ-Рюминъ, гр. П.; 284, 1512, 1513.
 Бестужевъ-Рюминъ, 696, 698, 699.
 Бестужевъ, А. А. 507, 510, 580, 771, 1119, 1152, 1175, 1189, 1197, 1198 — 1200, 1206 — 1210, 1212, 1270. 1506.
 Бетанкуръ, 114.
 Бецкій, И. П., 111, 933, 1018, 1567—1569.
 Бибинова, 112, 393.
 Бибиновъ, А. И., 371, 377 — 398, 929, 1348.
 Бибиновъ В., 371.
 Бибиновъ, М. И., 111, 112.
 Бибиновъ, М. П., 132.
 Бибиновы, 242, 391.
 Билярскій, 304—306, 314, 316, 319, 325.
 Бимъ - баша, Савва, 1407, 1408.
 Бинкъ, Я. Ф., 49.
 Биронъ, гер-я 362, 363, 1519.
 Биронъ. герц. Е. I., 2, 16, 17, 18, 19, 21, 23, 27, 28, 37, 45, 48, 162, 163, 166, 167 — 169, 172, 173, 285, 293 — 298, 300 — 302, 346, 347, 353, 354, 361, 362, 363, 516, 524, 580 — 582, 661, 662, 668, 671 — 673, 1298, 1341, 1348, 1349, 1357 — 1360, 1362 — 1364, 1366, 1367, 1370, 1512, — 1524, 1535 — 1538, 1545, 1595.
 Бироны, 162, 362, 378, 1373, 1518—1520, в. д.
 Бисмаркъ, 162.
 Бистромъ, 1436.
 Бичичили, 1379.
 Благовѣщенскій, В. Т., 561.
 Бленингъ, 209, 210.
 Бломы, 1455, 1456.
 Блудова, гр. А. А., 1655, 1658, 1662.
 Блудовъ, гр. Д. Н., 225, 239, 242, 253, 254, 473, 491, 562 — 564, 761, 919, 1065, 1099, 1349, 1375, 1647 — 1690, 1693.
 Блудъ, 267.
 Блаументростъ, 179.
 Бобринскій, гр. А. Г., 933.
 Бобровъ, С., 1195.
 Богдановичъ, И. О. 1773.
 Богдановичъ, М. И., 1031 — 1046, 1214.
 Богдановъ, П. И., 692, 694.
 Богдановъ, 350, 1689.
 Богданъ, 1242—1244.
 Боговуть 1038.
 Бойодичъ 34, 35.
 Боковъ, 973, 975.
 Бологовской, Д. Н., 1150, 1221, 1236, 1238, 1239, 1248, 1249, 1254, 1257, 1258, 1260, 1396, 1402, 1426, 1438, 1470.
 Болотниковъ, 1567.
 Болотовъ, 460.
 Болтинъ, И., 751.
 Болтинъ, И. В., 601.
 Бомарше, 72, 820.
 Бомбель, 431, 432.

- Боржуа, И. Л., 697.
 Борисовъ, О., 334.
 Боровковъ, А. И., 740.
 Боровскій, О. А., 960.
 Бородинъ, В. Ю., 697.
 Бортиянскій, 888.
 Босвель, 568.
 Ботта (де), маркизь, 161,
 677, 682, 683, 1542,
 1543.
 Бракель, 1539.
 Браницкая, гр. А. В. 211.
 Браницкій, гр. Ф. К., 211,
 701.
 Браушвейгская фамилія,
 1542, 1543.
 Браушвейгскій, герцогъ,
 1003.
 Бревернъ, 1514, 1525,
 1533.
 Бредадь, 164.
 Бринья (де), 146.
 Бридель, 80.
 Бринкенъ, 16.
 Бріонъ, Ф., 648.
 Броневскій, 1112.
 Броунъ, 302.
 Бруниовъ, бар. Ф. И., 1472.
 Брунчюно, 1540.
 Брыкяны, 521, 523—528,
 542—543, 546—548,
 554 — 557, 560 —
 562.
 Брылкинъ, 1562.
 Брюловъ, К. П., 1177.
 Брюль, гр., 668. 1512,
 1517.
 Брюне, акт., 861.
 Брюсъ, гр. А. Р., 39, 43, 45.
 Брюсъ, гр. Я. А. 70, 329,
 1615.
 Брюсъ, Я. В., 43, 1291 —
 1293, 1295, 1297, 1298,
 1300.
 Брянцовъ, А. М., 527, 745.
 Бугегевденъ, гр. Ф. Ф.,
 956, 965, 1043, 1044.
 Будри, 131, 421, 1091.
 Булгакова, 701, 702.
 Булгаковъ, А. Я., 689,
 700—731, 1506, 1590,
 1691.
 Булгаковъ, К. Я, 710, 711,
 713, 716, 731, 1243,
 1590.
 Булгакова, Н. В., 703, 705,
 709, 710, 713, 715,
 720, 722, 731.
 Булгаковъ, Я. И., 713, 716,
 730, 1570—1590.
 Булгари, гр., 1479.
 Булгаринъ, О. В., 1173,
 1714, 1754.
 Булье, 436, 437, 446 — 448.
 Бунина, 886.
 Бурдоба, 1589.
 Буровичъ, гр., 1379.
 Бурцевъ, 1479.
 Бутеневъ, Н. О. 1049.
 Бутурлинъ, гр. А. Б., 62.
 Буть, 587.
 Бухольцъ, Л. Г., 990.
 Бычковъ, А. О., 933, 1569,
 Бышевскій, 1010.
 Бѣгидовъ, 1404.
 Бѣлинскій, В. Г., 1188.
 Бѣлосельская, кн. 1602.
 Бѣлосельскій, кн. 1602.
 Бѣлуга-Кохановская, П. Е.
 1225.
 Бѣлуга-Кохановскій, 1225,
 1244.
 Бѣльскій, 274.
 Бюллеръ, бар. О. А., 932.
 *
 Вавржецкій, 1013.
 Вадковскій, И. Ф., 356.
 Вакаръ, В. И., 1234.
 Валевскій, 1258.
 Валуевъ, Д. А., 1055.
 Вальтеръ, 666.
 Варлаамъ, М. К., 710.
 Варлаамъ, 1218, 1243.
 Варнгагенъ, Фонъ Энзе,
 504—512.
 Варроломей, 1125, 1156,
 1158, 1159, 1217, 1226,
 1227, 1234, 1236, 1238,
 1239, 1243, 1244, 1251,
 1254.
 Васильчиковъ, А. С. 271.
 Васильчиковъ, 700, 701,
 921.
 Ватекюти, 1223.
 Вахтенъ, 1257, 1437, 1470.
 Вахрушевъ, А., 823.
 Введенскій, 307—309.
 Вейнахтъ, 63.
 Вейнротеръ, 463.
 Вейсбахъ, гр. 30, 142.
 Вейхсельминде, 28.
 Вельсъ, В. 577.
 Вельтманъ, А. О., 1126,
 1246, 1250, 1251, 1255,
 1266, 1407, 1442, 1446,
 1447.
 Вельяминовъ, 211.
 Вельяшевъ, 896.
 Веневитиновъ, Д. В., 259,
 260.
 Вережкинъ, 955.
 Верещака, 1007.
 Вержейскій, 1432, 1433,
 1435.
 Верто, 823.
 Верхованцовъ, 392.
 Веселицкій, 1032.
 Вивьенъ, 1711.
 Вигандъ, 301.
 Вигель, Ф. Ф., 114, 218—
 221, 564, 932, 1129,
 1188, 1212, 1214—
 1216, 1231, 1247, 1263,
 1427, 1480, 1436.

- Викторъ Антонскій, архим. 747, 749.
 Вилемъ Христофоровичъ, 955.
 Вилларе де лаЖуазь, 1001, 1003.
 Виллие, Я. В. 691.
 Вильгельмъ I, кор. Прусскій, 1539, 1540.
 Вильдеманнъ, Е. Д. 1547.
 Вилеръ, 247, 249.
 Вильневъ, 140, 166, 168.
 Вильсонъ, Р. 462, 463, 465—469.
 Винниусъ, 1497, 1504.
 Винсперъ, 1032.
 Винценгероде, 707.
 Виртембергская принц. 1613, 1614.
 Виртембергскій принцъ, 1614.
 Висковатовъ, 765.
 Витгенштейнъ, (кн. П. Х.), 245, 254, 471, 700, 708, 718, 721, 881, 1038, 1126, 1127, 1250, 1467.
 Вихманъ, 1638.
 Вишневскій, 700.
 Виедлгорскій, гр. М. Ю., 1065.
 Виедлгорская, гр. А. М., 1069.
 Владиміреско, Т., 1150, 1394, 1396, 1398, 1407.
 Воейковъ, А. О., 490, 496, 647, 648, 651, 652, 760, 765, 1155, 1172, 1197, 1206, 1705.
 Воецкій, 34.
 Войновичъ, гр., 1381.
 Волковъ, А. А. 212, 703, 710, 714, 720, 727, 728, 1506.
 Волковъ, Д. В., 333, 334.
 Волконская, кн. З. А. 1602.
 Волконскій кн. М. Н., 1121, 1428, 1444, 1479.
 Волконскій, кн. Г. С., 957, 973, 976, 1020.
 Волконскій, кн. С. Г., 1428, 1444, 1479.
 Волконскій, кн. Д. П., 716.
 Волконскій, кн. М. Н., 338.
 Волконскій, кн. П. М., 461, 927, 1473, 1765.
 Волконскій, кн., шутъ, 1537.
 Водланъ (де) Ф. П., 973, 975, 977, 978, 980, 994, 996, 997, 1001, 1002, 1005 — 1007, 1010, 1027, 1029, 1030, 1579.
 Волоцкій, 333.
 Волинскіе 1367.
 Волинскій, А. П., 2, 137, 170, 352, 362, 372, 672—674, 680, 1349—1374, 1508, 1509, 1511, 1515, 1516, 1530, 1538.
 Волинская, 1351, 1352.
 Вольтеръ, 72, 567, 586, 1115, 1179, 1656, 1657, 1659, 1662, 1667.
 Вольтерсъ, Я., 49, 50.
 Вольфъ, Ф., 772.
 Вольцогенъ, 119.
 Вороненко, 689.
 Вороновскій, Д. А., 1127, 1263.
 Вороновы, 389, 521.
 Воронцова, гр., 1470, 1472, 1477.
 Воронцова гр., М. А. 1492,
 Воронцовъ, гр. А. Р. 271, 272.
 Воронцовъ, гр., М., 296, 298, 1556, 1563.
 Воронцовъ, гр. 704, 713, 715, 717, 719, 720, 731.
 Воронцовъ, гр. М. С. 881, 1123, 1159, 1211, 1213, 1222, 1445, 1455, 1460 — 1465, 1467, 1468, 1470 — 1472, 1474, 1475, 1477 — 1480, 1486, 1489.
 Воронцовъ гр., С. Р., 271.
 Востоковъ, А. Х. 564—566.
 Вревская барон. 1489.
 Вронченко, 124.
 Всеволожскій, П. В., 1174, 1175, 1193 — 1195, 1198.
 Всеволожскій, Н. С., 94.
 Вуйца, 1397.
 Вукъ, 1054.
 Вульфъ, 1231.
 Вучичъ, 1265, 1266.
 Виковскій, гр. 954.
 Вяземская, кн. В. О. 222, 224—227, 229, 230, 231, 233, 234, 241, 247, 249, 250, 494, 498, 505, 507, 508, 510, 887, 889, 892, 895, 897.
 Вяземская, кн. М. С., 1342, 1344.
 Вяземская, кн. П. П., 505, 508.
 Вяземскій, кн. А. А. 63, 68, 69, 657, 685, 686, 777, 787, 796, 947, 948, 1392, 1612, 1613.
 Вяземскій кн. А. И., 230, 887, 893.
 Вяземскій, кн. А. П., 230, 231, 233, 234.
 Вяземскій, кн. (И. А.) 1342.
 Вяземскій кн. П. А., 217—220, 473 — 511, 647, 761, 762, 859 — 903, 917, 1065—1088, 1171, 1207, 1209, 1342, 1481, 1482, 1485, 1506, 1639, 1691—1721.

- Вяземскій, кн. П. П., 1071.
 Вязмитиновъ (С. К.), 921.
 Гавердовскій, 1043.
 Гавриіаъ, митр., 58, 1317, 1318.
 Гавриіаъ, Бодои, экз., 1124, 1215.
 Гавриловъ, М. Г., 527, 742.
 Гавриловы, 359.
 Гагаринъ, кн. Н., 716.
 Гагаринъ, кн. О. О., 895.
 Гагарины, кн., 902.
 Гагринъ, 398.
 Гаевскій, 1255, 1433, 1435, 1436.
 Галлатинъ, Е. 1544.
 Галъ, Петръ, 307, 308.
 Гальбергъ, 134.
 Гальяни аб. 1695.
 Гамалей, И. П. 1280.
 Ганибалова, М. А., 1093.
 Ганибалъ, А. П., 278.
 Гарія, тип., 830.
 Гарнонкуртъ, гр., 955.
 Гасфертъ, 1250, 1442.
 Гатцфельдтъ, гр. 436, 437, 444, 445.
 Геденъ Криновъ, 533, 534, 536.
 Гедроиць, 1013.
 Геймъ, И. А., 527.
 Гейкинъ, 291, 293, 299, 300, 301.
 Гейманъ, 449.
 Гельбигъ, 264.
 Гельманъ, 696.
 Гельфридъ, 1589.
 Георгій пр. Ольденбургскій, 245.
 Генрихъ IV, 101, 223, 403—406.
 Генрихъ VIII, 458.
 Генрихъ, принцъ 433, 434.
 Генча, 1408.
 Георгіевскій, И., 1202.
 Георгъ I, 1516.
 Георгъ III, 1002.
 Георгъ Людвигъ, герц, Голштинскій 293, 294, 296—300, 302, 303.
 Георгій (Джавелла), 1403—1405, 1408.
 Герресь, 1097.
 Герье, 27.
 Гессе, И. К., 528.
 Гессенъ-Гомбургскій, ландграфъ, 273.
 Гибшъ, бар., 687.
 Гики, 169, 1233, 1243.
 Гильберъ Бокъ де Кашперъ, М. 49.
 Гилленборъ, 664, 668.
 Гильдебрандтъ, О. А., 556.
 Гилдешанцъ, 1223.
 Гильфердингъ, А. О., 1056.
 Гилянчевъ, 645.
 Гиоргаки, 1234.
 Глаголевъ, О. С., 961.
 Глазенапъ, 49.
 Глянка, М. И., 1065.
 Глинка, С. Н., 495, 526, 751, 763, 933, 1663.
 Глинка, О. И. 917, 922, 1155, 1205, 1206, 1208, 1209.
 Глухаревъ, 1201.
 Глуховъ, 1032.
 Глушковскій, 896, 900.
 Глѣбовъ, И. О., 62.
 Глѣбовъ, 765.
 Глѣбова - Стрѣшневъ, 732, 733.
 Гибѣдичъ, П. И., 491, 497, 498, 921, 1108, 1175—1177, 1207, 1209, 1650, 1711.
 Говс, гр. Р., 1001, 1003.
 Гогель, И. Г., 1033.
 Гоголь, П. В., 507, 509, 510, 575, 766, 769, 770, 1065, 1068, 1069, 1074, 1077—1082, 1083—1088, 1726—1747.
 Голенничева, кн. Е. И., 460, 461, 469.
 Голенничевъ Кутузовъ, кн. М. И. 245, 253, 460—474, 540, 708, 710, 711, 712, 721, 1043, 1266.
 Голенничевъ - Кутузовъ, П. И., 541, 764, 890.
 Голенничевъ, 462.
 Голиковъ, 275.
 Голицына, кн. А. П., 656.
 Голицына, кн. А. С., 1342, 1344.
 Голицына, кн. Е. Б., 272.
 Голицына, кн. Е. И., 1538.
 Голицыны, кн., 189, 901.
 Голицынъ, кн. Августинъ 268, 573.
 Голицынъ. кн. А. М. 63, 394, 901.
 Голицынъ кн. А. П., 601, 650, 822, 843, 1492.
 Голицынъ кн. А. Н., 897, 901, 902.
 Голицынъ, кн. Б. А. 728.
 Голицынъ, кн. Б. С. 272.
 Голицынъ, кн. Д. В., 316, 579, 913, 1038, 1520, 1718.
 Голицынъ кн. Д. М., 3, 9, 15, 670, 671.
 Голицынъ, кн. (Д. М.), 1383, 1388, 1586, 1587, 1589.
 Голицынъ, кн. М. М., 15, 901.
 Голицынъ, кн. М. П. 232.
 Голицынъ, кн. П. Н., 1538.
 Голицынъ, кн. П. М., 384, 387, 391, 398.
 Голицынъ кн. О. П., 727.
 Голицыны кн. 3, 6, 16, 48, 704, 1361, 1537, 1538.

- Головинъ, П. В., 550.
 Головинъ, гр., адмир. 1358,
 1515, 1530, 1554, 1555,
 Головкинъ, гр. А. Г., 674,
 683.
 Головкинъ, гр. Г. Н., 9, 14,
 15.
 Головкинъ, гр. М. Г., 15,
 19, 1530.
 Головкины, 6.
 Головинъ, И., 309, 310.
 Голохвастовъ, бояр., 1062.
 Голтяковъ, 748.
 Гольда, 1264, 1413.
 Гольцъ, бар. Б. В., 294,
 296.
 Гопа, банк., 687.
 Горбунчикъ, В., 615.
 Гордяинскій, В. И., 1127,
 1263.
 Горенскій, 718.
 Горихвостова, Е. И., 936.
 Горникъ, 1544.
 Горностаевъ, И. 1591.
 Горнь, 664.
 Городчаниновъ, 763.
 Горскій, бояр., 1058.
 Горчакова, кн. А. В., 934.
 Горчаковъ, кн. А. И., 1015.
 Горчаковъ, кн. А. М., 1237.
 Горчаковъ, В. П., 1095,
 и д.
 Горчаковъ, кн. Д. П., 761.
 Горчаковъ, кн. И. Р. 934,
 937.
 Горчаковъ, кн., 775, 934,
 1023.
 Горшковы, П. К., 360.
 Горюшкинъ. З. А., 552,
 553, 755—760.
 Гофенгольцъ, (фонъ), 677.
 Грабовская, ген., 383.
 Грамматинъ, Н. О., 240,
 241, 494, 763.
 Гратинскій, 690, 731—
 735.
 Грейгъ, адм., 658, 1374,
 1376 — 1379, 1383,
 1385, 1386, 1393.
 Гренъ, 1156, 1457.
 Гречь, Н. И., 497, 566,
 571, 653, 1108, 1112,
 1172, 1176, 1177, 1196,
 1209, 1210.
 Грибоѣдовъ, А. С., 910,
 1201, 1204, 1596.
 Грибко, 655.
 Григорьевъ, А. А., 566, 567.
 Гриммъ, бар., 80.
 Гроссъ, бар., 453, 457, 734.
 Гротъ, Я. К., 128, 388,
 519, 564, 566, 701, 766,
 823, 1505.
 Грузинцовъ, А. И., 763.
 Гуа, 726.
 Гудовичъ, гр., А. В., 296,
 297, 303, 581, 586,
 1579.
 Гулевичъ, артил., 1032.
 Гульковскій. М. К., 855.
 Гурьева, граф., 122.
 Гурьевъ, гр., А. Д., 1455.
 Гурьевъ, гр., Д. А., 122,
 837, 838.
 Густавъ IV., 100, 108,
 986, 988.
 Гюне, 839.
 *
 Давыдова, 1121, 1183.
 Давыдова, 1122, 1137,
 1183, 1485.
 Давыдовъ, А. Л., 1122,
 1137, 1183, 1205, 1258,
 1485.
 Давыдовъ, В. В., 951.
 Давыдовъ, В. Д., 904, 914,
 1394.
 Давыдовъ, В. Л., 1122,
 1258.
 Давыдовъ, Д. В., 762, 884,
 895—903, 904—916,
 1041, 1116, 1144, 1171,
 1193, 1207, 1485.
 Давыдовъ, Е. В., 913, 914.
 Давыдовъ, И. И., 740, 772.
 Давыдовъ, Н., 1566, 1567.
 Давыдовъ, 692.
 Давыдовы, 1131, 1137,
 1139, 1140, 1182, 1183,
 1258, 1260.
 Дадьянтъ, кн., 697.
 Даль, В. И., 1162, 1163,
 1166.
 Дандриа, 1590.
 Данзасъ, К. К., 1489.
 Данилъ, архіеп., 833.
 Даниенбергъ, 776.
 Дараганъ, Е. М., 1236.
 Дасье, 1498.
 Дахъ Деверень, 1400.
 Дашкова, кн., Е. Р., 271,
 537, 746, 1721.
 Дашковъ, Д. В., 223, 489—
 502, 652, 761, 1655,
 1658, 1662, 1666, 1690,
 1693.
 Декалонгъ, 397.
 Делаваль, 307.
 Делатонъ, С. И., 934—946.
 Делормъ, 729.
 Дельвигъ, бар., А. А., 127,
 1108, 1113, 1114, 1117,
 1120, 1144, 1145, 1149,
 1151, 1171, 1178, 1184,
 1193, 1194, 1196, 1197,
 1199, 1201, 1202, 1206,
 1207, 1208 — 1210,
 1484, 1722.
 Дель Турко, 1379.
 Демидовы, 171, 172, 181,
 559, 618, 716, 726.
 Денисовъ, Ф. П., 390, 956,
 997, 1009, 1016, 1017,
 1023, 1024, 1026.
 Дерезинскій, 1418.
 Державина, Д. А., 1189.
 Державинъ, Г. Р., 52, 55,

VIII

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

- 231, 395, 460, 494, 519,
701, 887, 953, 1180,
1201, 1334, 1335, 1537,
1635, 1636.
- Державинъ, I. С., 731.
- Дерфельденъ, О. И., 982,
983, 986, 996, 997,
1020, 1024.
- Десницкій, С. Е., 759.
- Дечесула, 1217, 1252.
- Джевоискіе, 965.
- Дибичъ, гр. И. И., 211, 906,
1437.
- Дидло, 1208.
- Диринъ. С. Н., 504.
- Дитериксъ, 1032.
- Дицъ, 110.
- Дмитріева, 849.
- Дмитріевъ, И. И., 240, 243,
258, 657, 740, 741, 746,
761, 762, 851, 884, 889,
894, 1132, 1331 —
1335, 1348, 1616 —
1730, 1766.
- Дмитріевъ, И., 1725.
- Дмитріевъ, М. А., 739, 835,
836, 837, 840, 841, 843,
846—853, 860, 1334,
1505, 1616, 1691, 1764.
- Дмитрій св. Ростовскій, 355,
619, 845.
- Дмитрій Сѣченовъ, митр.,
55, 88.
- Дмитрій, архіеп., 1264,
1265, 1435, 1436.
- Долгинцовъ, 968.
- Долгорукова, кн. А. И.,
1342, 1344.
- Долгорукова, кн. Г. А.,
1344, 1345.
- Долгорукова, кн. Е. А., 17,
38—46, 47, 48, 1341,
1347.
- Долгорукова, кн. Е. А., 43.
- Долгорукова, кн. М. И.,
1341.
- Долгорукова, кн. М. П.,
1341.
- Долгорукова, кн. Н. Б., 43,
45, 1348.
- Долгорукова, кн. 1342.
- Долгоруковъ, кн. А. И. 574.
- Долгоруковъ, кн. А. В., 3,
16, 17, 43, 46, 47.
- Долгоруковъ, кн. А. В.,
1343, 1345.
- Долгоруковъ, кн. А. Г.,
1341.
- Долгоруковъ, кн. В. В., 3,
6, 9, 10, 11, 14, 15,
20, 23, 43, 673.
- Долгоруковъ, кн. В. И., 1345.
- Долгоруковъ, кн. В. Л., 3,
9, 10, 11, 12, 15, 17,
48, 269, 673.
- Долгоруковъ, кн. В. С.,
1342, 1344.
- Долгоруковъ, кн. В. О.,
1344.
- Долгоруковъ, кн. Г. С.,
1342.
- Долгоруковъ, кн., Г. О.,
38, 1340.
- Долгоруковъ, кн. Д. И.,
1347, 1492, 1749.
- Долгоруковъ, кн. И. А., 16,
17, 43, 45, 352, 673,
1345, 1347, 1360, 1517,
- Долгоруковъ, И. Г., 673,
1341.
- Долгоруковъ, кн. И. М., 44,
738, 739.
- Долгоруковъ, кн. М. В., 43,
276—278, 280—282,
673.
- Долгоруковъ, кн. М. И.,
43, 45.
- Долгоруковъ, кн. Н. В., 43,
- Долгоруковъ, кн. Н. С.,
1342.
- Долгоруковъ, П. В., 272,
275, 1340, 1344—1346.
- Долгоруковъ, кн. П. В.,
1343, 1345, 1348.
- Долгоруковъ, кн. П. С.,
1342.
- Долгоруковъ, кн. С. В.,
1341, 1344, 1343, 1345,
- Долгоруковъ, кн. С. Г., 673,
1341, 1344.
- Долгоруковъ, кн. Ю. В., 688,
972—975, 979—981,
986, 988, 993, 1004,
1005, 1310, 1311.
- Долгоруковъ кн. Ю., 20.
- Долгоруковъ, кн. Ю. Ю., 43.
- Долгоруковъ, кн. Я. О. 1341.
- Долгоруковъ, кн. 1197.
- Долгоруковы, кн., 3, 6, 7,
17, 38, 41, 44, 45, 46,
48, 137, 138, 672, 673,
1340 — 1348, 1360,
1368, 1527.
- Домнандо, 1398.
- Дондовидъ, Х., 698.
- Дондукъ Омбо, 143, 159.
- Доничъ, 1128, 1264.
- Достоевскій, М. М. 567,
568.
- Достоевскій, О. М., 566,
567.
- Дохтуровъ, Д. С., 710—
712, 1413.
- Дроновъ, И. П., 698.
- Друганова, Т. М., 1252.
- Другановъ, И. М., 1126,
1133, 1235, 1249, 1251,
1252, 1257.
- Дружининъ, А. В., 568.
- Дружининъ, П. М., 554.
- Дубенская, 1074.
- Дука, К., 460, 1409, 1410.
- Дурасовъ, 718, 723.
- Дурасовъ, М. З., 751.
- Дурново, И., 1557, 1559,
1564.
- Дъевъ, куп., 367.
- Дюлонгъ, 699.

Дюпонъ, 1217.

Евгеній, митр., 231, 233,
234, 833, 1505.

Евгеній, архіеп., 531, 537,
546.

Еврейновъ, М. М., 133,
658.

Егидіусъ, Е. Х., 1551, 1552.
Екатерина I, имп. 2, 16, 26,
39, 137, 161, 273,
1355, 1516, 1547.

Екатерина II, 51—75, 80,
82, 86—92, 98, 101,
102, 105—109, 111,
112, 132—134, 186,
189, 200, 211, 240, 261,
263, 265, 267, 271, 285,
289, 302, 325, 330, 334,
347, 352, 354, 355, 381,
385, 386, 388—422,
424, 425, 429, 430, 431
—435, 437, 438, 440,
441, 447, 449—454,
456, 457, 469, 519, 526,
528, 530, 531, 584 —
592, 594 — 600, 644,
645, 657, 658, 659, 685,
686, 688, 725, 726, 755,
759, 772, 777 — 799,
807 — 814, 815, 816,
820, 894, 899, 930, 935,
939, 940, 944, 945, 947,
951, 952, 956, 965, 987,
994, 995, 1014—1016,
1117, 1304, 1308, 1313,
1314, 1315, 1334, 1348,
1350, 1373, 1374, 1376,
1394, 1454, 1492,
1546, 1567, 1568, 1569,
1570, 1572, 1573, 1574,
1577, 1579, 1582, 1583,
1590 — 1615, 1635,
1636.

Екатерина Іоанновна герц.
Мекленбургская, 2, 10, 13,
15, 175, 269.

Екатерина Павловна, в. кн.,
226, 709, 712, 1639.

Елагинъ, И. П., 57.

Елисавета Алексѣевна, имп.
101—106, 108—111,
1312, 1313, 1505.

Елисавета Петровна, импер.,
22, 39, 42, 43, 50—52,
59, 61, 133, 172, 174
—176, 179—181, 183
—185, 275, 285, 286,
289, 293, 303, 353,
354, 516—519, 523,
529, 534, 548, 580—
583, 669, 672, 772,
890, 1242, 1298, 1342,
1367, 1517, 1528, 1535,
1541 — 1543, 1546,
1547, 1548, 1560, 1566.

Елисавета, кор. Англ., 890.

Елисавета герц., 446, 447,
800, 807, 1026.

Ельгуть, 1013.

Ермоловъ, А. П., 906, 907,
910, 913, 914, 916,
1032, 1104, 1106, 1107.

Еропкинь, П. М., 140, 362,
1367, 1368, 1372.

Еропкинь, П. Д., 329—334,
336—338.

Ершовъ, В. С., 1295, 1296.

Ефремовъ, П. А., 512, 601.

Ефремъ, архим., 1248,
1249, 1258.

Желтухинъ, С. Ѳ., 1234,
1404, 1431.

Желѣзовъ, Я. 609, 610.

Желябужскій, 186.

Жене, Е. 439, 442.

Жеребцовы, 382, 1550.

Жибертъ, 751.

Живковичъ, 1266.

Жигаревъ, 527.

Жигулинъ, 960.

Жиларевъ, 490, 499, 764.

Жоржель, об., 1647, 1648.

Жуковский, В. А. 112, 218,
222, 225, 235, 242, 254,
256, 257, 339 — 346,
479, 490, 491, 499, 500,
501, 511, 563, 567, 569,
579, 651, 652, 656, 773,
861, 863—878, 880, 884,
897, 902, 916, 1065—
1077, 1108, 1139, 1154,
1161, 1162, 1172, 1177,
1184, 1191, 1192, 1193,
1197, 1201, 1202, 1207,
1212, 1348, 1449, 1475,
1628 — 1642, 1653,
1657, 1701, 1705, 1714,
1722, 1732, 1769, 1775.

Жуковская, Е. А. 1069,
1071.

Жуковъ, 1280.

Журавлевы, 1195.

Журданъ, 1001, 1002.

Жуфруа, 236, 237.

Заборовскій, И. А. 727,
1373—1394.

Завадовскій, гр. П. В. 947,
948.

Завиша, гр. 35.

Загоскинъ, М. Н., 500.

Загряжскій, 699.

Заіончикъ, 983.

Закревскій, гр. А. А. 711,
713, 720, 909, 1765.

Захаровъ, 478, 492.

Збіевскій, 1464, 1465.

Зеленецкій, 1127, 1159,
1180, 1262, 1263, 1424,

Земфираки, 1254.

- Зеничь, 1032.
 Зибель, Г. 774.
 Золотаревъ, Н. Ѳ. 647, 761.
 Золотухинъ, 945.
 Зонтагъ, А. П., 569, 1475.
 Зоричъ, 594.
 Зотовъ, 729.
 Зряловъ, 385.
 Зубова, гр. Е. В., 948.
 Зубова, гр. Н. А. 932—950, 951—954, 956, 957, 959—964, 967, 968, 1014, 1015, 1020.
 Зубовъ, гр., А. Н. 952, 962, 968.
 Зубовъ гр., В. А. 985, 986, 1024, 1309, 1343.
 Зубовъ, гр. Н. А., 949—966, 973, 975, 985, 1026, 1027.
 Зубовъ, гр. П. А., 109, 423, 425, 449, 450, 453, 455, 457, 458, 539, 951, 956, 957, 959, 965, 967, 972—975, 976, 979—981, 986, 987, 993, 994, 996, 1020, 1021, 1028, 1313, 1314, 1315, 1330, 1334.
 Зубовъ, гр., 450, 454, 972, 1019.
 Зыбелинъ, С., 820.
 Зыковъ, Д. П., 1155.
- Ибрагимъ-ага, 156.
 Иванова, 898, 899.
 Ивановъ, А., 334.
 Ивановъ П. И., 564, 569, 570.
 Иванчинъ-Писаревъ, И., 765.
 Иванчинъ-Писаревъ, Н. И., 762, 1375.
 Ивашевъ, 1022.
 Ивашкина, 705.
- Ивашкинъ, П., 705, 723, 728.
 Ивашковскій, 742.
 Ивеличь, гр., 1378, 1379.
 Игельстромъ, бар. О. А. 687, 972—975, 986, 988, 1004, 1005, 1606.
 Игнатьевъ, В., 979, 980.
 Извольская, 520.
 Извольскіе. Г. М., 516—521.
 Измайловъ, В. В., 762, 1661, 1663, 1712, 1719.
 Измайловъ, М. М., 196, 197.
 Измаиль-паша, 141, 1400.
 Иловайскій 4-й, 695, 699, 706, 715.
 Ильинскій, 927.
 Ильинскій, гр., 1308, 1309.
 Ильины, 715, 728, 875, 894.
 Илья-кучеръ, 837.
 Ильяшенко, 1540.
 Инзовъ, И. П., 920, 1090, 1100, 1102, 1103, 1121—1125, 1128—1130, 1140, 1151, 1163, 1168, 1169, 1180, 1185, 1211—1214, 1220, 1223, 1228, 1235, 1238, 1239, 1249, 1259, 1260, 1263, 1264, 1271, 1281, 1424—1427, 1435, 1444, 1479, 1480.
 Испиланти, кн. А., 1125, 1150, 1151, 1226, 1236—1238, 1262, 1393—1395, 1398, 1400, 1401, 1407, 1408, 1409.
 Испиланти, кн. Г., 1127, 1262.
 Испиланти, кн. Д., 1127, 1262.
 Испиланти, кн. П., 1127, 1262.
 Испилантьевы, 1240.
- Ираклій, царь Грузинскій, 1576.
 Исаевъ, И., 983, 984, 1010, 1011, 1026.
 Ибра, Н., 1459—1461, 1463, 1464.
 Ислепьевъ, П. А., 956, 983, 984, 1010, 1011, 1014.
 Ислепьевъ, 1249.
 Истомина, А. П., 1139, 1208, 1750.
- *
- Иоаннесь, 829.
 Иоаннъ Антоновичъ, 749, 1523, 1524, 1528, 1531, 1542, 1545.
 Иозефовичъ, А., 953.
 Йоргаки, 1397.
 Йоркъ, 254.
 Юсифъ II, импер., 939, 1387, 1388, 1390, 1582, 1583, 1589.
 Юсифъ, кор. Испанск., 1036.
- *
- Каверинъ, 1183, 1193.
 Кайсаровъ, 712.
 Казаковъ, 736.
 Казачковскій, г. л., 1429.
 Казначеева, В. Д. 1475.
 Казначеевъ, А. И. 1222, 1223, 1475.
 Калабинъ, П. И., 360.
 Калабины, 359.
 Калайдовичъ, К. Ѳ., 755, 1712.
 Калакуцкій, В. Ѳ., 1126, 1249, 1251, 1252, 1257.
 Калачовъ, П. В., 264, 578, 686, 690.
 Калашниковъ, С. Е. 370.
 Кайисо, 1187, 1188, 1246, 1247.
 Калоннъ, 401, 402, 405, 406, 449.

- Калашинъ, 1172.
 Кальмъ, 1436.
 Каменскій, гр. М. Ѡ., 1215, 1601.
 Каменскій, гр., Н. М., 1042, 1266.
 Каминскій, 1009.
 Камкинъ, И., 693.
 Каннигъ, 1001, 1002.
 Канкрианусъ, 114.
 Канкринъ, гр., Е. Ф., 113—126, 272.
 Канкринъ, Ф. А., 114—117.
 Кантакузина кн., Е. М., 1237, 1402.
 Кантакузинъ, кн. А. М., 1217, 1236, 1237, 1238, 1240, 1254, 1258.
 Кантакузинъ, кн. Г. М. 1217, 1236, 1237, 1238, 1240, 1254, 1401, 1402, 1409.
 Кантакузины, 1236, 1238, 1239.
 Кантемиръ, кн., А. Д. 269, 270, 772, 1282.
 Кантемиръ, кн. К., 671.
 Кантъ 818.
 Каньони, 166.
 Капелли, гр., 450, 453.
 Капланъ-гирей, 139, 141, 142, 144, 145, 149, 152, 154, 155, 157, 158, 164.
 Каподистрія, гр., 1098, 1100, 1123, 1492, 1648.
 Капцевичъ, артил., 1305, 1308, 1313, 1314.
 Карабановъ, 764.
 Каравій, Василій, 1409.
 Кара-Георгій, 1134, 1135, 1136, 1254, 1265, 1266, 1397, 1399.
 Караджи, 1233, 1242, 1397.
 Каразинъ, 746.
 Карамзина, А. К., 1073.
 Карамзина, Е. А., 224, 226, 494, 498, 501, 656, 657, 884, 892, 897, 1629, 1664, 1767, 1769.
 Карамзинъ, А. Н., 1703, 1722 и д 1770.
 Карамзинъ, Н. М., 112, 217, 218, 224, 226, 229—236, 238, 240, 348, 490, 494—496, 498, 501, 563, 650, 656, 657, 752, 753, 755, 760, 862, 875, 879, 880, 881, 884, 886, 887, 892, 895, 897, 921, 1059, 1060, 1090, 1097 — 1099, 1108, 1109, 1123, 1184, 1191, 1192, 1197, 1198, 1199, 1207, 1504 — 1507, 1541, 1629, 1630, 1631, 1635, 1637, 1638, 1639, 1640, 1645, 1649, 1653, 1657, 1658, 1660, 1661, 1664, 1692—1775.
 Карамзины, 222.
 Карасевскій, А. И., 602.
 Каратыгвинъ, 1338.
 Кара феязъ паша, 1400.
 Карелкинъ, Н., 565
 Карецкій, 746.
 Кариковъ, кн., 214, 215.
 Каріусъ Г., 1564,
 Карлиль, 506, 509.
 Карлъ II, 267.
 Карлъ VI, импер. 18, 26, 37, 38, 140, 145, 168, 1287.
 Карлъ X, 88, 105, 106, 436—438, 444—447.
 Карлъ XII, 582, 663, 1459, 1460, 1461, 1464.
 Карлъ-Викторъ Бонштетскій, 75, 76.
 Карлъ Бранденбургскій, 22.
 Карлъ, пр. Мекленбургскій, 928.
 Карлъ, сынъ Кор. Августа III, 285—293, 295—303.
 Карлъ - Леопольдъ, герц. 1527.
 Кармонтель, 210.
 Карчевскій, 1396.
 Кайсаровъ, П. С., 461.
 Касаткинъ, кн. Н. А., 693.
 Кассій, 1437.
 Кастріоты, 1239.
 Катакази, 1240.
 Катакази, 1125, 1127, 1159, 1226, 1235, 1236, 1262, 1411, 1412, 1465, 1466.
 Катакази Т., 1235, 1458.
 Каталани, 1705, 1706.
 Катаржи, 1235.
 Катарсоновъ, 1282.
 Катенинъ, П. А., 765, 1144, 1155, 1171, 1190, 1193, 1196, 1199.
 Каткартъ, лордъ 1154.
 Кауницъ, 433, 434.
 Каховскій, В. В., 974,
 Каховскій М. В., 972, 974, 1024.
 Кадики, 1248.
 Каченовскій, М. Т., 257, 258, 476, 492, 751—754, 762, 1171, 1196, 1649, 1692 — 1694, 1701, 1709, 1710.
 Кашкинъ, Н. Е., 239.
 Кашкины, 234.
 Кашинъ, 648, 649.
 Кегорнь, 996, 997.
 Кейзерлингъ, гр. А. 114.
 Кейзерлингъ, бар., 666 — 668, 1512, 1513.
 Кейзерлингъ, канц. 291, 1512.
 Кейтъ Я. ген., 37, 160, 1516.
 Кекъ, В. Т., 1126, 1188, 1250, 1442.

- Келлеръ, 1460.
 Келмеръ, 698.
 Кеневичъ, В. Ѳ., 259, 1340.
 Кентцингеръ, 457.
 Кеппенъ, П. И., 570, 572.
 Кернъ, Е. Е., 1490, 1491.
 Кетлеръ, Г., 284.
 Кешко, 1217, 1235, 1238, 1252.
 Кипренскій, 654.
 Киприановъ, В., 1291—1300.
 Кирджали, 1150, 1393, 1395, 1398, 1399—1401, 1403—1406.
 Кирѣвскій И. В., 1722.
 Киселева, С. С., 1470.
 Киселевъ, Д. И., 957, 1506.
 Киселевъ, Н. С., 689, 694, 1570.
 Киселевъ, гр. П. Д., 1035, 1127, 1198, 1256, 1266, 1431, 1459.
 Киселевъ, Ѳ. И. 1506.
 Кичеевъ, Гр., 740.
 Киари, П., 208.
 Клейнмихель, 915.
 Кленерцовъ, кн. 209, 210.
 Клерфе, 1001, 1002, 1026.
 Клечановскій, 748.
 Клинтонъ, 931.
 Клопманъ, 291—293.
 Ключаревъ, А. Ѳ., 693,
 Ключаревъ, Ѳ. П. 692, 693, 822, 1759.
 Кляузинъ, И., 617.
 Княжнинъ, Я. Б., 1773.
 Князевъ, 780, 786, 788, 789, 797, 799.
 Кноррингъ, 1024, 1037—1040.
 Кобенцель, 1596.
 Кобылянскій, 1284.
 Ковалевскій, Е. П., 268.
 Кожина Е. В., 1343.
 Кожинъ, 1343.
 Кожуховскій, А., 370.
 Кожуховскій, П., 370.
 Кожуховы, 359, 370.
 Козень, 1032,
 Козицкій, 310, 319, 320, 1602.
 Козловскій, А. Н., 190, 193.
 Козловскій, А. С., 601.
 Козловскій, Н. П., 190
 Козловскій, кн., П. Б., 1348, 1492—1504.
 Козловскій, кн., 763.
 Козловъ, В. И., 1196, 1197.
 Козловъ, И. К., 698.
 Козловъ, 315.
 Козодавлевъ, О. П., 116.
 Кокоскинъ Ѳ. Ѳ. 242, 762, 880.
 Колардо, 901.
 Коленкуръ, 699, 729.
 Колло-Гербоа, 1001, 1002.
 Колосова, 1133, 1144.
 Колугинъ, Г. Н., 698.
 Комаровъ, И. М., 513.
 Конарскій, 772.
 Конде, пр., 446, 447.
 Кондогони, 1396.
 Кондратьевы, 513, 515, 521, 522.
 Коновницынъ, гр. П. П. 461.
 Константинъ Павловичъ, в. к., 76, 80—83, 89, 92, 94, 106, 108, 110—112, 599, 889, 895, 896, 1310, 1437, 1596.
 Констанъ Б., 1698.
 Коняевъ, В. Ѳ., 693.
 Коперникъ, 1708.
 Коппъ, 1071.
 Кошьева, 111.
 Корберонъ, 593.
 Корженевскій. 980. 981.
 Корниловичъ, 1218, 1250, 1442, 1479, 1769.
 Корниловъ, 774, 775.
 Коробовъ, П. П., 698.
 Короваевъ, 1024.
 Корсакова, Н., 716.
 Корсаковъ, 106.
 Картаци, 1244.
 Корфъ, бар. А. Х., 800—816.
 Корфъ, бар. Ф., 800—801. 803—805.
 Корфъ, бар. Н. А., 800.
 Корфъ, курлянд., 16, 1516.
 Корчминъ, 1549, 1562.
 Косаткинъ, 726.
 Косовъ, 309.
 Коста-Панаитъ, 1404.
 Костровъ, Е. И., 1774.
 Костюшко. 948, 988, 989, 996, 997, 1006, 1007, 1009, 1013, 1024, 1026, 1027, 1029, 1032, 1091.
 Котельниковъ, 309.
 Котляревскій 1107.
 Коуферъ, 971.
 Кохановская, 260.
 Коцебу, А., 1092, 1097.
 Кочубей, В. П., 971.
 Коляловичъ, М. О., 564.
 Крайневъ, П., 614.
 Красилинъ, Гр., 215.
 Красинскіе, 288.
 Красицкій, 211.
 Краснощекоевъ, 159.
 Красовскій, А. И., 740.
 Крафтъ, 94.
 Кребильонъ, 490.
 Кречетниковъ, М. Н., 69.
 Кривой, И. Д., 1061.
 Криворотовъ, А. М., 368.
 Кригеръ, 210.
 Криницкій, С. С., 1220, 1222.
 Кройеръ, 34, 35.
 Крокъ, Н. Н., 698.
 Крузе, адм., 658.
 Крузенштернъ, 1334, 1335.
 Крупянскій, М. Е., 1124, 1156, 1168, 1216—

- 1219, 1226, 1227, 1236,
1238, 1239, 1243, 1254,
1265, 1422, 1440.
Крупянской, 1256.
Крупянская Е. Х., 1156,
1157, 1239, 1254, 1258,
1458.
Крутицкий, А., 697.
Крыловъ, А. А., 840, 841,
849.
Крыловъ, И. А., 255—259,
507, 510, 765, 1335—
1340, 1775.
Кудашевъ кн., 461, 462,
472.
Куза, 1242.
Кулишъ, П. А., 769.
Кулонъ, 183.
Кульманъ, И., 698.
Кульневъ, 1034, 1036,
1037, 1040—1042.
Куницына, А. П. 1090,
1091, 1191.
Куракина, кн. Н. И., 701,
703 — 705, 709, 713,
715, 719, 722, 731.
Куракинъ, кн. А.—ъ Б., 726,
962, 963, 964, 1319.
Куракинъ кн. А. Б. 16, 205,
1362, 1363, 1527, 1530,
1537.
Куракинъ, кн. Б. И., 205.
Куракины князя, 186.
Курбатовъ, 1661, 1662.
Курикъ, 1218.
Курисъ, И., 967, 1023.
Кутайсовъ, гр. 1325, 1326.
Кутайсовъ, гр. И. П., 1032,
1305, 1311, 1312, 1322,
1323, 1324, 1325, 1326,
1327.
Кутайсовъ, гр. П. И., 567.
Кутлеръ, 666.
Кутлубицкий, Н. О. 1301—
1331.
Кутузовъ, И. Л., 461.
Кутюръ, 666—668.
Курто, 1271, 1272, 1452,
1453.
Кюхельбекеръ, В., 762,
1161, 1162, 1171, 1197,
1201, 1202.
Лабзина, А. Е. 822, 830,
834—836, 838, 844,
845, 852—855.
Лабзинъ, А. Ѳ. 817—860.
Лаваль, 657.
Лавровский, П. А., 1285.
Лавтъ, 749.
Лагаръ, Ф. П., 70, 71, 75,
94, 107, 110, 271, 1097.
Ладженскій, А. Ѳ. 693.
Ладженскій Н. А., 693.
Лазаревичъ, 839.
Лажечниковъ, И. И. 117.
Лазаревъ, А. Л. 645, 646.
Лазаревъ, И. Л., 645, 646.
Лазаревы, 645, 1230, 1404.
Лайкевичъ, С. А., 836.
Лакоста, шутъ, 1537.
Лалли, 150.
Ламанскій, В. И. 47, 55,
319, 388.
Ламбро-Каццони, 977, 978,
1375.
Ламетри, 821.
Ланжеронъ, гр., 1123, 1229,
1474.
Лановъ, И. Н., 1227, 1228,
1425.
Лапотовскій И. 1562.
Ларинъ, 1407.
Лассій, П. П., 26, 27, 36,
37, 146, 158, 159, 160,
161, 164, 168, 1551.
Лассій, М. П., 1006, 1007,
1010, 1011.
Ласайетъ, 437, 438, 1600.
Лячягъ, 1581.
Ласфонтеъ, 481, 1333.
Лашеналь, 291.
Лашкаревъ, 1575, 1576.
Лебедевъ, П. С., 133, 396,
455.
Левашовъ, 144, 146.
Левашовъ, Ѳ. И., 982, 983,
984, 1026.
Левенвольдъ, 16, 18, 21, 22,
24, 29, 34, 159, 1366,
1527, 1529, 1530, 1547.
Левенгауптъ, 664.
Левендаль, 160.
Леви, герц. 423, 457.
Левицкий, 666.
Левшинъ, А. И., 1474.
Левшинъ, В., 933, 946, 948,
964.
Легкій, 316.
Легонинъ, Г. С., 551, 552.
Ледецкій, 285, 287, 288.
Лексъ, М. И., 1124, 1125,
1220 — 1223, 1395,
1400, 1406, 1471.
Леловель, 1748.
Леманъ, 776.
Ленць, 1760.
Леонардъ, П. С., 1127,
1263.
Леонтьевъ, 3, 6, 144, 158,
799.
Лепехинъ, 312, 315, 319,
321.
Лере, 737, 738.
Лермонтовъ, М. Ю., 261,
507, 510, 602, 1154.
Лесфортъ, 6, 7, 9—11, 12—
26, 29, 45, 139, 1517,
1519.
Ливень, бар., 1250, 1442.
Лидеръ, А. Н., 1432.
Линарь, гр. 29, 34, 35,
670.
Линде, 571, 1063.
Линкъ, И. В., 572.
Липманъ, 671.
Липранди, И. П. 1040, 1046,

- 1126, 1140, 1166, 1213
—1184, 1393—1491.
Лисицынъ, 703.
Лисянскій, 1334.
Лихонинъ, И. А., 649.
Лихонинъ, М. П., 573.
Лишина, М. Ф., 1235.
Лешинъ, П. С., 1233, 1235.
Лобановъ-Ростовскій, кн. А.
Я. 1174, 1175, 1751.
Лобановъ Ростовскій, кн. Д.
И., 700, 702, 725.
Лобановъ, М. 256 — 259,
1338, 1725.
Лобковичъ, кн., 166.
Лобковъ, И. П., 531, 578.
Ломбезъ, А. 829.
Ломоносовъ, 305 — 310,
312, 313, 316, 319—
321, 324, 329, 772,
1102, 1115, 1618, 1621,
1770.
Лонгиновъ, М. Н., 255, 272,
564, 568, 1504, 1538.
Лонгиновъ, П. М., 1222.
Лончковскій, 1218.
Лопухинъ, 16.
Лопухинъ, И. В., 833.
Лосевъ, К., 284.
Лошаковъ, С. Е., 1627.
Лубяновскій, 827.
Лувель, 1097.
Лугининъ, 1250, 1442.
Луиза, пр. Прусская, 339—
346.
Лукьяновичъ, П. А., 1035.
Лунина, А. И., 279.
Лунина, В. Н., 380.
Лунинъ, А. М., 226, 377—
388, 392, 397, 659.
Лунинъ, И. 379.
Лунинъ, И. А., 388.
Лунинъ, М. К., 377—380,
659.
Лунинъ, Н. А., 379, 891.
Львовъ, А. И., 601.
Львовъ, Д., 1552, 1553.
Львовъ кн. В. В., 1084.
Львовъ кн. В. С. 567.
Львовъ, П. Ю., 764.
Львовъ, С. Л. 1719.
Любомирскій, кн. М., 954.
Любрасъ, ген., 36.
Людвикъ XIV, 403, 404,
429, 1603.
Людвикъ XV, 26.
Людвикъ XVI, 261, 411
—414, 416, 423, 435,
436, 437, 438 — 448,
450, 451, 454, 458,
730, 800 — 804, 807,
812—816, 1327, 1591.
Людвикъ Филиппъ, 262.
Лягрене, 1074.
Ляпуновъ, П., 578.
Мабли, 83.
Мавринъ, С. А., 277, 278,
282.
Мавринъ, С. И., 384, 385.
Маврогени, 1227, 1243—
1245.
Маврокордато, 1576.
Мавроска, 1218.
Магницкій, 1191.
Мадатовъ, кн., 910, 911.
Маджюрлетти, 648.
Майе, 1218, 1238.
Майковъ, А. А., 897, 900,
1054.
Майковъ, В. Ш., 1209, 1210.
Майковъ, Л. Н., 325.
Майковъ Н. А., 897.
Мазепа, 1135, 1461, 1464,
1465, 1469.
Макдональдъ, 254, 708, 714.
Македонскіе, 1266.
Максимовичъ, И. Д. 278,
279, 282.
Малевинскій, 1223, 1263,
1281.
Маленькій, М., 617.
Малиновскій (А. Ф.), 560,
1709, 1764, 1766, 1770.
Малиновскій, 1184, 1193.
Мальмбюри (Джемсъ Гар-
рисъ) лордъ, 584—600.
Мамонова А. И., 71.
Мамоновъ, А. М., 70, 621,
1614, 1615.
Мамоновъ, П. И., 15, 19.
Мамоновъ, гр. М. А., 232
Мамоновъ, М. В., 71.
Мангенъ, В. Л., 879, 880.
Мано, 1158, 1232, 1243.
Мано, П. Е., 1158, 1232,
1243, 1254.
Мансуровъ, ген., 394, 395.
Мансуровъ, П. П. 1193,
1195, 1752.
Манукъ-бей, 1230, 1404.
Манчини, М., 1265.
Манштейнъ, 153, 154, 159,
163, 1534, 1546.
Маньянъ, фр. посл., 10.
Марать, 131, 421, 459,
707, 1091.
Мардефельдъ, бар. 1540.
Марини, П. Я., 1127, 1263.
Марія Антуанета, 261.
Марія Терезія, 166, 440,
443, 1285, 1542.
Марія Теодоровна, импер.,
81, 95, 101, 102, 108,
110, 380, 490, 595, 886
—888, 897, 921, 1098,
1308, 1313, 1314, 1321,
1324, 1591, 1614, 1664.
Марковы, 185—239.
Марковъ, гр. А. И. 109,
986, 987.
Мартосъ, 493.
Мартыновъ, А. А. 690.
Мартыновъ, И. И. 1763.
Массонъ, 1615.
Матіасъ, 992.
Маттеи, Х. Ф., 750.

- Матюшкинъ М. А., 7, 10, 1298.
 Матюшкинъ, О. О., 1141.
 Мацневъ, 1033.
 Медвѣдевъ, С., 578.
 Мейеръ, 1116, 1506.
 Мелесино, И. И., 601.
 Мелесино, П. И., 922, 927, 1304.
 Меллендорфъ, 1004, 1005,
 Меллеръ, 787.
 Мельгуновъ, А. П., 579.
 777—799.
 Мельгуновъ, С., 1485.
 Мельманъ, 580,
 Мельянъ С. 421—459.
 Менгденъ, Х, 1547.
 Менгденъ, бар. К. Л. 1373,
 1547, 1548.
 Менгденъ, Ю. 1547, 1548.
 Менингъ, 699.
 Менсдорфъ, гр., 905.
 Меньшиковъ, кн. А. Д.,
 137, 178, 273, 275—
 281, 283, 285, 352,
 1517.
 Меньшиковъ, кн., 342, 345,
 775, 776.
 Меньшиковъ, кн. 901.
 Мерзляковъ, А. О., 525,
 559, 647 — 649, 762,
 1650.
 Меркуловъ, 704, 722.
 Мерлинъ, 1032.
 Мерсье, 820.
 Местръ, гр. I., 1348, 1492
 —1504.
 Местръ, гр. К., 1492, 1498,
 1504.
 Местръ, гр. Р., 1497, 1503.
 Меттернихъ, 1092, 1160.
 Метлеркампфъ, М., 1231,
 1232, 1412.
 Мещерскій, кн. П. С., 601.
 Микулина, Н. О., 830.
- Микулиной, 1053.
 Миллеръ, П., 692, 694.
 Миллеръ, П. И., 895.
 Миллио, 734.
 Мило, 1217, 1225, 1246.
 Милоновъ, М., 765, 1155.
 Милорадовичъ, гр. М. А.,
 221, 227 — 229, 232,
 236, 715, 721, 838, 904,
 918—920, 1043, 1096,
 1098, 1205, 1227, 1403.
 Милютинъ, Д. А., 929.
 Мина Лазаревичъ, 384, 388.
 Мининъ, 218.
 Мишихъ, графиня, 23, 62,
 63, 185, 1544.
 Минихъ, гр-ня А. Д., 1545,
 1548, 1549, 1550, 1551,
 1552, 1553, 1555, 1556,
 1557, 1559—1567.
 Минихъ, гр. Б. X. 20, 21—
 28, 36, 37, 62, 142—
 147, 149, 150, 151, 153,
 154, 156—161, 164—
 169, 171—185, 352,
 662, 668, 672, 673, 683,
 763, 800, 1365, 1366,
 1373, 1514, 1515, 1527,
 1529, 1530, 3532, 1533,
 1542, 1544, 1545, 1547,
 1548, 1554.
 Минихъ, гр. Г. Э., 173, 185,
 1544—1567.
 Миниатъ, 1550, 1551, 1552.
 Михайловскій-Данилевскій,
 461, 1035, 1040, 1213.
 Михайловъ, М. М., 575.
 Михайлъ Павловичъ, в. к.,
 117, 931.
 Михайлъ Θεодоровичъ, ц.,
 358, 546, 607.
 Михельсонъ, 384, 1266.
 Мицкевичъ, 1734.
 Младенъ, сербъ, 1401, 1403.
 Мнишекъ, 32, 39.
- Модерахъ, 307, 311, 799.
 Модзелевскій, 954.
 Мозжечковъ, 1302.
 Мойеръ, И. Ф. 1629.
 Мойеръ, М. А. 1629.
 Моллендорфъ, фельдм., 1001,
 1003.
 Молоствовъ, 1193.
 Монгомери, 1035.
 Монморенъ, 801 — 805,
 1595.
 Монтегю, 1001, 1003.
 Монти, марк., 28.
 Монтрезоръ, 992.
 Мордвиновъ, А. С., 425, 429,
 430, 431, 432, 433, 1380.
 Мордвиновъ, И. Н., 1454.
 Мордвиновъ, Н. С., 973,
 975, 982, 983, 1024.
 Морицъ, гр. Саксонскій, 18,
 285, 668.
 Морозовъ, Е., 309, 310.
 Морозовск. С., 1297.
 Мортъе, 729.
 Морзизкняжна, 1233, 1242.
 Моружи, кн., 1233, 1242.
 Москалевы, 359.
 Мосоловъ, О. С., 198, 199.
 Мотонисъ, 310, 319, 320.
 Мотрей, путешествен., 1461,
 1464.
 Мудрова, С. А., 845, 846,
 852.
 Мудровъ, А. Я., 845.
 Мудровъ, М. Я., 836, 838,
 845, 846, 852, 854.
 Мулинень, 86.
 Муравьева, Е. З., 120.
 Муравьева, Е. О., 222.
 Муравьевъ-Апостоль, И. М.,
 120, 490, 493, 497, 763,
 1114.
 Муравьевъ, М. Н., 94, 112,
 113, 1775.
 Муравьевъ, Н., 1126.

- Муральтъ, паст., 116.
 Муръ, 1650.
 Мусе, гр., 953.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр. А. И., 601, 726.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр. И. А., 278, 279, 282, 283, 1293, 1294.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр. (П. И.), 362, 1359, 1361, 1368, 1374.
 Мучель, 390.
 Мухановъ, 1688.
 Мухановъ, П. А., 329, 1666.
 Мѣшковъ, Г. И., 265.
 Мюллеръ, Г., 75, 76.
 Мюфлингъ, 776.
 Мягковъ, 1554, 1555.
 Мятень, миссъ, 1103.
 Мятлева, П. И., 240.
 Мятлевъ, П. В., 239, 240.
 *
 Навроцкій, 1396.
 Надеждинъ, Н. И., 1124, 1163, 1274, 1275.
 Назарьева, 840.
 Наполеонъ I, 200, 230, 241 — 243, 247, 249, 251 — 253, 467, 468, 469, 471, 472, 511, 540, 546, 547, 655, 705, 707, 708, 709, 710, 712, 714 — 716, 721, 722, 729, 861, 863, 879, 881, 883, 900, 914, 1036, 1073, 1107, 1152, 1153, 1154, 1164, 1375, 1376, 1493, 1498, 1499, 1696 и д.
 Наполеонъ III, 220.
 Нарышкина, О. С., 1470.
 Нарышкинъ, А. Л., 672, 673.
 Нарышкинъ, И. Д., 727.
 Нарышкинъ, Л. А., 580, 581, 1474, 1596.
 Нарышкинъ, 1197, 1322—1324.
 Нарышкины, 948.
 Насилевскій, 1013.
 Насау Зигенъ, пр., 86, 435, 437, 439, 442, 1595, 1596.
 Наталія Алексѣевна, царевна, 354.
 Наумовъ, А. И., 601.
 Наумовъ, И. Н., 1480.
 Наумовъ, Н. И., 1263.
 Находкинъ, П. И., 696, 697.
 Находкинъ, П. П., 697.
 Нащокинъ, В. А., 930.
 Нащокинъ, В. В., 930, 931.
 Нащокинъ, П. В., 931, 1179, 1184, 1485.
 Невзоровъ, М., 763, 819, 831, 877.
 Невоструевъ, 1058.
 Невѣжинъ, Д., 284.
 Невѣровский, А. А., 573.
 Недоба, О. И., 1218, 1247, 1254, 1255.
 Ней, 710, 863.
 Нейбауеръ, 1509, 1512, 1516.
 Нейманъ, 1430.
 Нейпергъ, 166, 168.
 Нелядова, Е. И., 941.
 Нелединскіе, 234, 247, 249.
 Нелединскій-Мелецкій, А. Ю., 71.
 Нелединскій-Мелецкій, Ю. А., 226, 233, 240, 727, 761, 885—895, 1348, 1775.
 Ненадовичъ, воев., 1266.
 Непенина, 1437.
 Непенинъ, А. Г., 1271, 1272, 1273, 1436, 1437, 1452, 1453.
 Неплюевъ, И. И., 142, 378, 1357.
 Нессельроде, гр., 120, 126, 883, 1191.
 Нечаевъ, С. Д., 602, 1663.
 Неѣловъ, С. А., 1694.
 Никита, служ. Пушкина, 1099, 1103, 1129.
 Никитенко, А. В., 564, 770.
 Никитинъ, 1032, 1033.
 Никитины, 359.
 Николай I, 113, 114, 117, 121, 124, 125, 126, 261, 262, 341, 342, 344, 345, 360, 361, 563, 714, 769, 775, 906, 907, 909, 911, 913, 914, 919, 1049 — 1052, 1066 — 1068, 1075, 1302, 1339, 1340, 1349, 1635, 1639, 1665, 1722, 1732.
 Николаевъ, Ю. А., 962, 963.
 Никонъ, патр., 578, 611, 631.
 Нилусъ, 1179.
 Ничулеско, 1241.
 Новиловъ, Н. И., 74, 75, 271, 512, 649, 650, 692, 693, 744, 759, 821, 845, 1024, 1122, 1123, 1757 и д.
 Новиковъ, Н., 1485.
 Новосильцовъ, В. Я., 15.
 Нордбергъ, 1461, 1464.
 Норовъ, А. С., 565.
 Нумсенъ, О. М., 996, 997.
 Оберъ, 1581.
 Ободовскій, П. Г., 573.
 Оболенскій, кн. А. П., 1769.
 Оболенскій, кн. Е. П., 573.
 Оболенскій, кн. М. А., 459, 801.
 Оболенскій, кн. 1310.
 Оболенскій, кн. А. П., 1692.

- Обрѣзкова, Е. С. 889. Орловъ, гр. И. Г., 65, 271. 1183, 1249, 1251 —
 Обрѣзкова, П. В. 1506. Орловъ, М. Ѳ. 1125, 1126, 1253, 1255, 1257, 1259,
 Обрѣзкова, 1241. 1130 — 1134, 1140, 1268, 1284, 1413, 1434,
 Обрѣзковъ, В. А. 723, 728, 1150, 1155, 1165, 1168, 1443, 1447.
 1506. 1178, 1179, 1183, 1184, Очкинъ, пензоръ, 769.
 Обрѣзковъ, Н. В., 704, 706, 1193, 1197, 1218, 1219, *
 710, 723, 728, 1506. 1235 — 1239, 1244, Павель, арх. 514, 530. 皇
 Обрѣзковъ, П. А. 889. 1248, 1249, 1251 — Павель I, импер., 81, 91,
 Обрѣзковъ, 715. 1255, 1257 — 1260, 93, 98, 101, 102, 106,
 Оверъ, А. И., 573, 574. 1263, 1270, 1271 1413, 108, 110, 197, 200, 260,
 Овощникова, А. И., 1195. 1416, 1426, 1429 — 261, 516, 527, 537, 595,
 Огинскій, 210, 938, 939. 1431, — 1436, 1438 — 823, 887, 923, 926, 951,
 Огорелица, 1467. 1443, 1447, 1453, 1470, 963, 1052, 1301-1331,
 Одинцовъ, А. С. 658. 1480, 1481, 1484 Орловъ, Ѳ. Ѳ., 1131, 1237, 1343, 1348, 1350, 1375,
 Одоевскій, кн. В. Ѳ., 268, 769, 770, 1662, 1729. Орловъ, Ѳ. Ѳ., 1131, 1237, 1591, 1599, 1614, 1647.
 Ожье, 726. Орловы, 599. Павлищева, О. С., 1093,
 Озаровскій, 1026. Осиповъ, 1209, 1210. 1135, 1481, 1483.
 Озерецковскій, Я. Н., 574. Осляинъ, Д., 369. Павлищевъ, Н. И., 1135.
 Оксѣ, 593. Остейнъ, гр. 161. Павлова, К. К., 575.
 Окуневъ, 897, 901. Остенъ, бар. 889. Павловъ, Н. Ф., 574, 575.
 Оленковъ, 283. Остень-Сакень, гр. 120, Падеринъ, М. Г., 742.
 Оленина, В. А., 1338. 121. Палади, 1248.
 Оленинъ, А. Н., 134, 316, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.
 837, 838, 921, 1108, 1338, 1650. Остерманъ, гр. А. И., 2, 3, 6, 7, 10, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 28, 29, 35, 138, 166, 173, 352, 667, 668, 680, 1349, 1358—1360, 1366, 1367, 1512, 1513, 1514, 1515, 1516, 1520, 1524, 1525, 1526, 1528, 1529, 1530, 1531, 1532, 1533, 1536, 1552.
 Оленинъ, 695. Остерманъ, гр. И. А., 435, 436, 444, 703, 801, 815, 816.
 Олешева, М. В., 947. Остерманъ, бар. Мекленбург. посл., 15.
 Олизаръ, гр. 1258. Остолоповъ, Н. Ѳ., 218, 243—245.
 Олсуфьевъ, В., 1193. Отонъ, 1410, 1458, 1469, 1476.
 Олсуфьевъ, 315, 728. Офенбергъ, бар., 293.
 Оранскій, пр. 1001, 1002. Офросимовъ, А. М., 55.
 Орлеанскій, герц. 262. Охотникова, Н. Г., 1252.
 Орлова, гр. А. А., 1484. Охотниковъ, К. А., 1126,
 Орлова, Е. Н., 596. 1183, 1249, 1251 —
 Орлова, Е. Н. 1115, 1131, 1155, 1179, 1258, 1441. 1253, 1255, 1257, 1259,
 Орловъ, гр. А. Г. 66, 516, 595—599. 1268, 1284, 1413, 1434,
 Орловъ, кн. А. Ѳ., 914, 915, 1130, 1413. 1443, 1447.
 Орловъ, гр. В. Г., 322. Очкинъ, пензоръ, 769.
 Орловъ, гр. Г. Г. 65—67, 271, 337, 338, 586, 587, 595, 596, 644, 646, 930. *
 Орловъ, Г. Ѳ., 1413. Павель, арх. 514, 530. 皇

- Педрилло, шутъ, 1537, 1538.
 Пекарскій, П. П., 18, 1291, 1292, 1297, 1511.
 Пендадеки, 1409, 1410.
 Перелоговъ, 740.
 Перовскій, гр. Л. А., 605.
 Пестель, 1126, 1258, 1479.
 Пестель, И. Б., 1258.
 Петелинъ, 714.
 Петровъ, А. А., 1756 и д.
 Петровъ, В. П., 575.
 Петровъ, П. Н., 132.
 Петръ I, 13, 15, 21, 38, 43, 53, 56, 59, 61, 71, 137, 138, 139, 154, 165, 177 — 182, 184, 189, 273, 275, 284, 286, 340, 343, 347, 348, 349, 350, 351, 359, 426, 507, 510, 521, 523, 542, 548, 560, 569, 612, 613, 618 — 620, 628, 630, 631, 656, 661 — 671, 672, 753, 772, 996, 997, 1149, 1266, 1287, 1291, 1293, 1296 — 1298, 1351, 1353 — 1355, 1363, 1496, 1501, 1502, 1505, 1508, 1511, 1516, 1536, 1538, 1540, 1544, 1550, 1605, 1641.
 Петръ II, 1—3, 5, 17, 26, 38, 39, 44, 46, 47, 137, 275 — 277, 280 — 283, 353, 354, 378, 516, 523, 659, 673, 1341, 1347, 1360, 1517, 1527, 1529, 1550.
 Петръ III, 133, 181, 205, 206, 264, 284 — 304, 355, 522, 580 — 583, 659, 660, 773, 800, 1546.
 Пизани, 1590.
 Пирмонтъ, 312.
 Пирхъ, 116.
 Писаревъ, 1660.
 Писаренко, В. З., 1127, 1180, 1263, 1424.
 Писторъ, Я. М., 973, 976.
 Питтъ, 1001, 1002.
 Пиццали, 977, 978.
 Плавильщиковъ, 1716.
 Плагино, 1242.
 Платовъ, М. И., 708, 711, 712, 721, 899, 925, 973, 975.
 Платонъ, митр., 72, 527, 529 — 540, 545 — 547, 550, 554, 560, 846, 847, 1317.
 Платонъ Малиновскій, архіеписк., 52.
 Плетенбергъ, 291, 293, 300, 301.
 Плетневъ, П. А., 565, 766, 769, 771, 920, 1068, 1069, 1075, 1077, 1200, 1202, 1355.
 Плещеевъ, А. А., 490, 500, 653, 874, 875, 1171.
 Побѣдоносцевъ, П. В., 740.
 Погодинъ, М. П., 94, 564, 579, 580, 1054, 1056, 1085, 1114, 1129, 1766 — 1770.
 Подберезскій, М., 44.
 Поджіо, 1479.
 Подолинскій, 1475.
 Пожарскій, 218.
 Позняковъ, И. Г., 697, 728.
 Полевой, Н. А., 1718, 1724, 1753 и л.
 Полевые, 1199.
 Полетика, 1658.
 Поливановъ, 983, 984, 1010, 1011, 1025.
 Политковскій, 527.
 Политковскій, 1489.
 Полторацкій, А. П., 1126, 1165 — 1167, 1184, 1188, 1250, 1442, 1447.
 Полторацкій, Д. М., 496, 878, 885, 1768.
 Полторацкій, М. А., 1126, 1188, 1250, 1442.
 Полторацкій, С. Д., 1179, 1505, 1753.
 Полуденская, Е. А., 379.
 Полуденскій, М. П., 378.
 Полунинъ, А., 574.
 Поль, А. И., 576.
 Поль-Жонесъ, 1374.
 Полье, 85.
 Полѣновъ, А. Я., 304 — 306, 311 — 324.
 Полѣновъ, В. А. 1763.
 Полѣновъ, Д. В., 304, 311, 319, 1763.
 Пономаревъ, 820.
 Понсетъ, М. И., 1461.
 Понятовскій, гр., 28, 30, 34.
 Понятовскій, кн., 1708.
 Попандопуло, Н. В. 1156, 1457.
 Попе, 492, 1649, 1650.
 Поповъ, А. Н., 505, 507, 564, 1055.
 Поповъ, В. С., 386, 391, 392, 396, 398.
 Поповъ, Д. П., 576.
 Поповъ, М. 1296.
 Порошинъ, 268, 519, 1349.
 Постникова, М. И., 1139.
 Потемкинъ, Александръ 929.
 Потемкинъ, кн. Г. А., 53, 132 — 134, 211, 264, 271, 272, 389, 396, 398, 424, 584, 594, 595, 597, 598, 744, 929, 933, 1102, 1116, 1162, 1215, 1228, 1247, 1375, 1425, 1426, 1570 — 1590, 1593, 1594, 1599, 1604, 1605, 1606, 1635.
 Потемкинъ, П. С., 1605, 1606.

- Потоцкая, граф., 1477. 1089 — 1284, 1336, Радожидкій, 1457.
 Потоцкій, 26. 1348, 1393 — 1491, Раевская, Е. Н., 1115.
 Прадтъ, 1704, 1709. 1607, 1608, 1630, 1635, Раевская, С. А., 1115.
 Поццо ди Борго, 1492, 1647. 1641, 1642, 1715, Раевская, С. Н., 1103.
 Прасковья Иоанновна, царев- 1721—1753. Раевскіе, 1116, 1117, 1121,
 на, 19. Пушкинъ, В. Л., 224, 241— 1130, 1131, 1136, 1137,
 Прасковья Феодоровна, цар., 243, 493, 494, 497, 498 1139, 1140, 1151, 1258,
 284. 502, 764, 862, 863, 865, 1260, 1455.
 Пребстингъ, 1032. 876, 877, 879, 883, Раевскій, А. Н., 1101, 1104,
 Прево, А. М., 698. 897, 1452, 1453, 1646, 1105, 1106, 1115, 1117,
 Приклонскіе, 701. 1693, и д. , 1151, 1183, 1213, 1475.
 Приклонскій, 722, 729. Пушкинъ, Л. С., 1093, Раевскій, А. О., 1430.
 Прозоровскій, кн. А. А., 73, 1095, 1101, 1106, 1108, Раевскій, В. О., 1238,
 271, 759, 947, 1266. 1110, 1115, 1117, 1119, 1251 — 1253, 1255,
 Прозоровскій, кн. И. А., 1122, 1132, 1144, 1145. 1256, 1268, 1269, 1407,
 931, 932. 1155, 1164, 1169, 1172, 1427, 1429, 1430, 1437,
 Прозоровскій, кн., 1442. 1175, 1176, 1178, 1181, 1438, 1446, 1447, 1448,
 Прозоровская, кн. М. М., 932. 1190 — 1198, 1200, 1449, 1450, 1469, 1470.
 Протасовъ, 268. 1203, 1205, 1206, 1208, Раевскій, Н. Н., 712, 1101,
 Протасовъ, 316, 317, 319, 1211, 1403, 1481, 1482, 1102, 1103, 1104, 1105,
 320. 1483 — 1485, 1487, 1107, 1112, 1113, 1115,
 Протасовъ, гр. Н. А. 602. 1488, 1491. 1116, 1117, 1120, 1126,
 Прункуль, А. И., 1234. Пушкинъ, С. Л. 1093 — 1162, 1183, 1198, 1213,
 Прункуль, И. К., 1125, 1226, 1095, 1099, 1197, 1205, 1258, 1262, 1284, 1480,
 1227, 1235. 1481 — 1485, 1487 — 1506.
 Прункуль, П. И., 1234. 1491. Раевскій, Н. Н., 1101, 1102,
 Прункуль, С. И., 1234. Пушкинъ, 334. 1103, 1104, 1105, 1115,
 Прункулы, 1244. Пушина, 1474. 1120, 1139, 1151, 1178,
 Прыжовъ, И. Г., 1064. Пушинъ, И. И., 1096, 1098, 1193, 1210, 1213, 1506.
 Прялицынъ, А., 1049. 1099, 1184, 1193, 1247. Раевскій, Р., 601.
 Псаро, 1381. Пушинъ, П. С., 1126, 1127, Раевскій, О., 1430.
 Пугачевъ, 205 — 207, 385, 1140, 1168, 1179, 1180, Разинъ С. 1135.
 394, 522, 659, 931, 1236, 1248, 1249, 1258, Разумовская, гр. М. Г., 1252.
 1135, 1722, и д. 1260, 1263, 1424, 1425, Разумовскіе, гр., 316, 718.
 Пукиревъ, В. В., 134 1429, 1435, 1438, 1440, Разумовскій, гр. Ал. К. 315,
 Путята, Н. В., 917. 1441, 1474. 752, 1500.
 Пушкина, 1093, 4094. Пушинъ адм., 658. Разумовскій, гр. Ан. К., 315,
 Пушкина, Н. П., 1489. Пфуль, ген., 119. 813 — 816.
 Пушкинъ, А. М., 224, 242, Пхейзе, кн. 1224. Раумовскій, гр. Л. К., 901.
 502, 764, 862, 863, * Раумовскій, гр. К. Г., 315,
 884, 885, 1139, 1693. 319, 320, 581, 582.
 Пушкинъ, А. С., 131, 264, Равичъ, 1720. Раумовскій, гр. П. К., 315,
 390, 475, 504, 506, 507, Рагозинъ, И., 46, 47. 316.
 509, 510, 511, 654, 773, Радзивилъ, кн. А., 346. Раичъ, 1616, 1621, 1627,
 862, 863, 894, 917 — Радичъ, Л. И., 1440. 1628, 1720.
 922, 931, 1074, 1082, Радищевъ, 772, 1209, 1210. Ракетъ, 1590.

- Раковица, 1241.
 Рали, 1217, 1218, 1231, 1232, 1241.
 Рамазановъ, Н. А., 132.
 Расинъ, 765, 1621.
 Растопчина, гр. Е. П., 507, 510, 707, 1344.
 Растопчинъ, гр. А. О., 689.
 Растопчинъ, гр. О. В., 201, 221, 506, 509, 540, 541, 691, 692, 694, 695, 699, 700, 701, 702 — 707, 709 — 720, 722 — 724, 726 — 729, 731, 735, 851, 1043, 1308, 1322, 1506.
 Ратко, студ., 1127, 1263.
 Раухъ, Е. И., 576, 577.
 Рафаель, 1638.
 Радъ, 1455.
 Ребокъ, ген., 968.
 Ребокъ, Б., 968.
 Редласъ, 746.
 Рейнгагдъ, изд., 567.
 Рейгольмъ, 1688.
 Рейхель, 512.
 Реми, А. Ф., 577.
 Рено, О., 1477.
 Реньяръ, 493.
 Репнинъ младшій, 151.
 Репнинъ кн. Н. В., 832, 839, 955, 985, 986, 988, 996, 997, 1004, 1005, 1020, 1024, 1122, 1322.
 Репнинъ, кн. Н. И., 988, 989.
 Репнинъ, кн. 465.
 Рехенбергъ, 152.
 Рибасъ, Н. И., 933, 1018.
 Рибасъ, О. М., 933, 957 — 1030, 1279, 1506, 1575, 1579.
 Рибошьеръ И., 316.
 Ридигеръ, 346.
 Ризничъ, 1477.
 Ризо, Я., 1243, 1245.
 Римскій-Корсаковъ, 1485.
 Рипе, 1236.
 Рихтеръ, В., 227, 247, 249.
 Ришелье, 425, 428.
 Ришилье, 1114.
 Робертъ-Пьера, 1001, 1002.
 Робеспьеръ, 131, 421, 459.
 Рогальскій, 571.
 Роговскій, оф., 1250, 1442.
 Родзянко, А. Г., 1097, 1210.
 Родней, адм., 1001, 1003.
 Родофиникинъ, 1254.
 Розенбергъ, А., 973, 976.
 Розень, бар., 1233, 1484.
 Роллепъ, 77.
 Ролль, бар., 88, 436 — 438.
 Романовы, 1351.
 Ромеръ, 1258.
 Ромодановскій, кн. И. О., 6, 15, 276 — 283, 1343.
 Росляковъ, 766.
 Россель, 587.
 Россети, 1157, 1232.
 Россети, К., 1234.
 Россетъ, А. Г., 1233, 1242, 1243.
 Россетъ - Баланеско, 1233.
 Россетъ - Бибиакъ, 1233, 1242.
 Россетъ, Н. Г., 1233, 1242, 1244.
 Россетъ - Рознованъ, 1233, 1242, 1244, 1492.
 Россеты, 1232.
 Россихинъ, П. С., 351.
 Ростовцевъ, В., 370.
 Ростовцевъ, 371.
 Ростовцевъ, И., 370.
 Ростъ, 820.
 Рубини, 580.
 Руге, 1442.
 Рудаковскій, 1102 — 1105.
 Рукавишниковъ, Д., 609, 610.
 Румовскій, 320.
 Румянцовъ, гр. М. П., 727.
 Румянцовъ, гр. П. П., 106, 433 — 435, 447, 449, 565, 653, 654, 799, 837, 1310, 1323, 1634, 1768.
 Румянцовъ, гр. П. А., 398, 955, 982, 983, 985 — 989, 993, 995, 1003 — 1005, 1019, 1020, 1024, 1228, 1306 — 1308, 1445, 1576.
 Румянцовъ, гр. С. П., 1634.
 Руничъ, П. С., 850.
 Руссетъ, 137. Руссо, 1254.
 Рушицъ, 1007, 1008.
 Рыльевъ, 1615.
 Рыльевъ, К. О., 475, 1198 — 1200, 1205, — 1208, 1769.
 Ръдкинъ, 279, 282, 356.
 Ръншаловъ, Я. И., 1040.
 Рюльеръ, 289.
 Рябовъ, П. М., 650.
 Рязановъ, Н. П., 1331 — 1335.
 *
 Сабакинъ, В. П., 384, 385.
 Сабанъева, П. Я., 1463.
 Сабанъевъ, И. В., 1042, 1125, 1179, 1219, 1257, 1429 — 1431, 1436, 1438, 1439, 1440, 1441, 1449, 1463, 1466, 1467, 1469, 1470, 1472, 1473.
 Саблуковъ, А., 331, 335, 337, 338.
 Саблуковъ, А. А., 329 — 338.
 Сабуровъ, П. 49, 1233.
 Сазоновичъ, оф., 1462.
 Сакенъ, 163, 775.
 Сакенъ, гр., 121, 468.
 Саксъ-Кобургскій, пр., 938, 939, 941, 942, 1001, 1003, 1016, 1017.
 Салисъ, 828.
 Салтыковъ, А. И., 272.

- Салтыковъ, кн. А., 1495, 1501.
Салтыковъ, В. Ѳ., 16, 48, 269, 270.
Салтыковъ, гр. И. П., 240, 983, 986 — 989, 993, 996, 997, 1004, 1005.
Салтыковъ, Н. И., 76, 82, 89, 97, 110, 272, 986, 987, 1004—1006.
Салтыковъ, П. А., 100, 272.
Салтыковъ, гр. П. С., 16, 329.
Салтыковъ, гр. Н., 726.
Салтыковъ, С. А., 6, 11, 15, 16, 17, 46, 47, 1347
Салтыкова, кн. А. Г., 48.
Салтыкова, гр. 494.
Салтыковы, 272, 947, 948.
Салтычиха, 757.
Самойловъ, А. Н., 263, 685, 687, 1116, 1575.
Самохваловъ, 368.
Самуркашъ, 1246.
Самуркашъ, Р., 1246.
Сангленъ, Я. И., 567.
Сангутовъ, 386, 387, 397.
Сандерсъ, 1279.
Сандерсъ, 262.
Сандулаки, А. 1235.
Сандунова, 648.
Сандуновъ, 560.
Сандуновы, 746.
Санти, П. П. 274.
Сантн, гр. 121.
Сантн, гр. Ф. М. 274 — 284, 660.
Сапхедъ, 552, 1362.
Сапѣлкинъ, В. А. 577.
Сафоновъ, Д. В. 1220, 1222.
Сафоновы, 1471.
Сафразъ, 645, 646.
Сахацкій, П. А. 749.
Свиньинъ, П. П., 475, 1217, 1268, 1269, 1591.
Себастьяни, 1183.
Селивановскій, 826.
Семенова, П. П. 553.
Семенова, 1133, 1201.
Семеновъ, П. П. 57.
Сенъ Жерменъ, гр. 423.
Сентъ Арно, 775.
Сербиновичъ, К. С. 1770.
Сергіоти, 1450.
Серчевскій, Е. 504.
Сестринцевичъ, 654.
Сиверсъ, 175, 176.
Сиверсъ, Я. Е., 211, 973, 976, 986, 988.
Сиверсы, 175, 176.
Сивковъ, 738.
Сигнеусъ, 1035, 1456.
Сидней, 83.
Сикара, 1475, 1476.
Сильвіо Пелико, 502—504.
Симолнъ, И. М. 290, 801—805, 809, 812.
Симолнъ, К. М., 289 — 293, 296, 297—302.
Синклеръ Малькольмъ, 665 — 668, 674—685.
Сипягинъ, П., 820.
Сипягинъ, 1430.
Скобелевъ, И. Н., 461, 1348.
Скавропскій, 1383.
Скаловскій, 1375.
Скина, 1241, 1245, 1412.
Сковорода, Г. С., 832.
Скрипицына, 913.
Скуфо, 1410.
Славичъ, 1279, 1281.
Сленинъ, 1178, 1197.
Слѣпушкина, С. И., 1449.
Слѣпушкинъ, 1449.
Смирнова, А. О., 769.
Снегиревъ, И. М., 513—562, 735—760, 928.
Снегиревъ, М. М., 513, 516, 527, 529, 531, 540—543, 546, 548 — 551, 554, 557 — 560, 737, 738, 745, 747, 755.
Снядецкій, 1500.
Соболевскій, 1708.
Соболевскій, С. А., 260, 1108, 1194.
Соймоновъ, 45.
Соймоновъ, Ѳ., 1372.
Соймоновъ, 775.
Соковнина, С. В., 706.
Соковнинъ, П. Ѳ., 706.
Соколовскій, М. П., 425, 449.
Соколовъ, 732, 734, 735, 1711, 1723.
Сокольскій, И., 574.
Сокольскій, 765.
Соллогубъ, гр. В. А., 575, 1076.
Соллогубъ, гр., 1233.
Солнцевъ, 862, 863.
Соловая, П. М., 40.
Соловкина, Е. Ѳ., 1235, 1246.
Соловкинъ, 1433, 1435.
Соловой, А., 620, 621, 726, 728.
Сомовъ, 956.
Сопелниковъ, Г., 1300.
Сотири, 1379.
Софіано, 1395, 1396.
Софія царевна, 39.
Спенцеръ, 1650.
Сперанскій, М. М., 567, 894, 1112.
Спиридовъ, 728.
Срезневскій, И. И., 565, 566, 578.
Срезневскій, И. Е., 763.
Сталышны, 955.
Сталь, 1025, 1492.
Стамати, 1217, 1254.
Стамо, Е. З., 1159, 1231, 1411.
Стамо, А. К., 1231, 1254, 1411.
Станевичъ, 763.
Станиславъ Августъ Понятовскій, 211.

- Станиславъ Лещинскій, 26, 201, 377, 380, 383,
 27, 28, 30, 32, 33, 34. 929—1030, 1033, 1201,
 Старовъ, С. Н., 1165—1169. 1506, 1646.
 1416—1421, 1447, 1448.
 Статаки, 1242.
 Стевенъ, 570.
 Стельцеръ, 699.
 Стенвильдъ, 70.
 Стерлинговъ, 953.
 Стефанъ Душанъ, 1054.
 Стефанъ Кіевлянинъ, 545.
 Стефанъ Яворскій, 619, 748.
 Стиль, 1649.
 Стойковичъ 1267.
 Столѣтовъ, Е., 20.
 Страховъ, Н. Н., 566.
 Страховъ, П. И., 527, 736,
 741, 745, 746.
 Стрекаловъ, 101, 108.
 Стрешневъ, 16.
 Стрижевскій, 1217.
 Стрижескуло, И. Д., 1238.
 Стрижескуло, М. И., 1238.
 Стриттеръ, историкъ, 1450.
 Строганова граф., 725.
 Строгановъ, Г. А., 1748.
 Строгоновъ гр., 881.
 Стройновскій, еп., 254.
 Стромонтъ, лордъ, 599.
 Струве, 312.
 Струйскій, В. П., 265.
 Струйскій, Н. Е., 265, 1713.
 Струнина, М. А., 553.
 Струнинъ, И. С., 553.
 Стурдза, И. М., 1236.
 Стурдза, Г., 1243.
 Стурдза, М., 1227, 1243,
 1245.
 Стурдза, 1233.
 Субботинъ, 577.
 Суворова кн., В. И. 931, 932,
 962—964, 966, 967.
 Суворовъ, кн. Арк. А., 949,
 950, 956, 960—963,
 967.
 Суворовъ, кн. А. В., 52,
- 201, 377, 380, 383,
 929—1030, 1033, 1201,
 1506, 1646.
 Суда, секр., 1372.
 Сукинъ, С. И., 15.
 Сулковскій, кн., 953.
 Сумароковъ, 5, 6, 481, 1620.
 Сумбулъ, Я. А., 201.
 Сумскій, 1413.
 Супонева, А. П., 702.
 Суровцовъ, А., 1552, 1553.
 Суффолкъ, гер. 585, 592,
 595, 596, 598.
 Сухаревъ, 957, 960.
 Сухозанетъ, 1032, 1033.
 Сухтеленъ, П. К., 777, 779,
 786, 788—790, 793,
 797—799, 1035, 1038.
 Суцы, А., 1240—1244.
 Сушкова, А. П., 1344.
 Сушковъ, 1344.
 Сушковъ, Н. В., 55, 265,
 1088, 1218, 1344.
 Схендо-фанъ-деръ-Бехъ, М.
 1550.
 Сытинъ, 274.
 Сычуговъ, оф., 1234.
 Съверинъ, Д. П., 223, 237
 —239, 242, 250, 253,
 497, 501, 860, 861,
 1644, 1645, 1647, 1658,
 1707—1709.
 Съверинъ, К. И. 657, 658.
 Съраковскій, 1008, 1009.
 *
 Талдыкинъ, П. А., 361.
 Талызина, О. П., 931.
 Талызинъ, М. А., 931, 947,
 951.
 Тамаскулиханъ, 139, 140.
 Тамасипъ, 138, 139.
 Тамасинъ, 143.
 Танскій, 1217.
 Тавѣвъ, С. С. 125.
 Тараканова, кн. 271, 933.
- Тарданъ, 1272.
 Тардифъ, 1136, 1284,
 1458, 1459.
 Татариновъ, П. 274.
 Татищевъ, В. Н., 169, 170,
 269.
 Татищевъ, Д. П., 238.
 Татищевъ, 1063.
 Таубертъ, 312, 313, 317,
 319—322.
 Таушевъ, 763, 1255, 1448,
 1449, 1451.
 Тейльсъ, 71.
 Телепневъ, И., 563.
 Тепловъ, 315.
 Тепловъ, 582.
 Тепляковъ, В. Г., 1130,
 1148, 1149, 1164, 1247,
 1278.
 Тепперъ, 127.
 Тессинъ, гр. 664.
 Тетенборгъ, 904.
 Тимашевъ, 983, 984.
 Тимковскій, И., 1108.
 Тимковскій, Р. О., 741.
 Титовъ, В. П. 579, 1194.
 Тихменевъ, 1366.
 Тихоновскій, 962.
 Тихонравовъ, Н. С. 580,
 753.
 Тищенко, 1014, 1015.
 Тодлебенъ, 773, 774, 775,
 776.
 Толстая П. М., 460—462,
 464, 468, 471—474.
 Толстая, С. И. 573.
 Толстой, гр. А. П., 602.
 Толстой, гр. Д. А., 602.
 Толстой, гр. И. М., 460.
 Толстой, гр. Л. П., 1093.
 Толстой, М. О., 460, 472,
 473.
 Толстой, гр. П. А., 71, 273,
 276, 280, 281, 282,
 352.
 Толстой, гр. П. А., 714

- Толстой гр. О. А. 1768, 647 — 657, 713, 761, Ушаковъ, О. О, 979, 981,
Толстой гр. О. И. 1752. 878—885, 1192, 1247, 1375, 1384.
Толстой, Ю. В. 131, 267, 1505, 1634, 1652, 1695, Ушаковъ, 1442.
462, 674. и д.
- Толстой, Я. Н. 1174, 1175, Тургеневъ, И. П., 649, 650,
1190, 1193, 1205. 736, 839, 1757 и д.
Толстой, гр. 247, 249. Тургеневъ, И. С., 261, 568.
Толстой, 1028. Тургеневъ, Н. И., 10, 878,
Томъ, 1476, 1477. 879, 880, 881, 883.
Тончи, 701, 706. Тургеневъ, П. П., 836, 839,
Торвальдсенъ, 1707. 854.
Тормасовъ, 471, 709. Тургеневъ, С. И., 881.
Тоубъ, 50. Тургеневы, 1191.
Тоузаковъ, 941. Туркестанова, кн. А. А.,
Траверсе, марк. 114. 928.
Траутмансдорфъ, гр. 433, Туркестановъ, кн. Н. Н. 928.
434. Турцель, 800, 807.
Тредьяковский, В. К., 325, Турчаниновъ, П. И., 968.
525, 819, 1361, 1362. Турчиновъ, 1355—1357.
Трезинъ, 183. Туръ, Е. 1118.
Трейденъ, 1545. Туссенъ, 1581.
Третьяковъ, 1033. Тутолинъ, 707, 729.
Трефоловъ, Л. Н. 610, 611, Тутолинъ, В. 1559.
613 — 617, 625, 778, Тухачевская, 1485, 1486.
794, 799. Тухачевскій, 1486.
Троифъ, 1271. Тучковъ, С. А., 280, 281.
Тростинъ, 739. Тучковъ, 1038.
Трошинскій, 1495, 1501. Тютчевъ, О. И., 1074, 1154.
Трубецкая, А. Д., 1365. *
- Трубецкой, кн. И. Ю., 11, Уваровъ, гр. С. С., 652, 879,
15, 269, 270, 1530. 1066 — 1069, 1072,
Трубецкой, кн. Н. Н., 845, 1075, 1091, 1339.
1122. Уваровъ, О. П., 897, 899.
Трубецкой, кн. Н. Ю., 160, Улановъ, Е., 1549, 1550,
1365, 1373, 1527, 1530, 1554, 1560.
1549, 1553, 1556, 1563, Ульриха Екатерина, 663.
1564, 1566. Ундольскій, В. М., 577, 578.
Трубецкой, кн. Ю. Н., 845. Унковскій, 1298.
Трубецкой, кн. Ю. Ю., 15. Урусовъ, кн. Г. А., 15, 170,
Трубецкой, кн. 1365, 1373. 1362.
Туманскій, 324. Устряловъ, Н. Г., 1288.
Туманскій, В. И., 1410, Уткинъ, 828.
1474, 1475. Ушаковъ, А. А., 1047.
Тургенева, 657. Ушаковъ, А. И., 15, 40, 42,
Тургеневъ, А. И., 218, 1298, 1365, 1527, 1530.
250 — 254, 495, 501.
- Фавръ, 79.
Фадѣева, Е. П., 1340—1346,
1348.
Фадѣева, Н. А., 1348.
Фастъ, 701, 713, 727, 730.
Фе, 699.
Федоровичъ, 312—315.
Фенинъ, 174.
Фердинандъ, герц. курлянд-
скій, 162, 284.
Ферзенъ, гр. 448, 800, 807,
816.
Ферзенъ, бар. И. Е. 996,
997, 1016, 1017, 1024.
Ферстеръ, 1224.
Фикельмонъ, гр. 824.
Филаретъ, патр., 607.
Филинеско, А., 1227.
Филимоновъ, В. 1716.
Фицгербертъ, 82, 1614.
Фишеръ, 951, 1551.
Флейшеръ, А. С., 829.
Флери, кард. 1510.
Фогель, 75.
Фокъ, 950.
Фонтонъ-де-Верайонъ, 1250,
1442.
Фонъ-Визинъ, Д. И., 240,
388, 512, 819, 1711.
Фонъ-Визинъ, М. П. 514.
Фонъ-Визинъ, П. И., 514, 759.
Фохтъ, 261.
Фракманъ, 698.
Францъ II. имп. австр., 709,
808, 810, 811, 880, 959,
965, 966, 1016, 1017,
1020.
Францъ Лотарингскій, гер-
цогъ, 166.
Фридрихъ-Августъ, кн. Ан-
гальтъ Цербскій, 63.

- Фридрихъ II, кор. Прусскій, 286, 294 — 297, 299, 303, 584, 1348, 1539, — 1544, 1546.
 Фридрихъ Вильгельмъ II, кор. Прусскій, 952, 1006, 1007, 1012, 1013, 1016, 1017, 1021, 1024, 1029.
 Фридрихъ Вильгельмъ III, кор. Прусскій, 469, 880, 924.
 Фридрихъ Вильгельмъ IV, кор. Прусскій 1072, 1073.
 Фридрихъ Вильгельмъ герцогъ Курляндскій, 284.
 Фридрихъ, 63.
 Фразеръ 592.
 Фроловъ, И. В., 147.
 Фуксъ, 1265.
 Фундуклей, И. И. 1114.
 Фурманъ, 1218.
 Фурнье, 1480.
 Фуссъ, акад. 116.
 *
 Харламовъ, 786, 799.
 Харпочевскій, А. А. 693.
 Хастатовъ, 943.
 Хвостова, гр. А. И., 934.
 Хвостовъ, А. С. 970, 971, 1654.
 Хвостовъ, гр. Д. И. 473, 475, 478 — 480, 492, 601, 764, 862, 934, 950, 955, 956, 967—968, 972, 974, 993, 1023, 1206, 1654, 1705, 1723.
 Хемницеръ, И. И. 1716, 1773.
 Херасковъ, М. М., 820, 845, 1243, 1365.
 Хереско, Г., 1243.
 Хилковъ, кн. А. С., 889.
 Хладный, 817.
 Хлѣбниковъ, 726.
 Хмыровъ, М. Д., 1292.
 Хмѣльницкій, Б. 1206.
 Хованскій, кн. В. А., 601, 701.
 Ховены, бар. 1250, 1442.
 Ходзько, А., 771—773.
 Хозревъ-Мирза, 360.
 Холины, 359.
 Холмскій, кн. Д. Д., 1059.
 Хомутова, П. О., 923.
 Хомякова, Е. М., 1073.
 Хомяковъ, А. С. 259, 770, 771, 959, 1073, 1077, 1154.
 Хомяковъ, С. 726.
 Храповицкій, А. В., 55, 70, 72, 424, 435, 444, 519, 530, 938, 947, 951, 1373 — 1375, 1594, 1596, 1597.
 Хрипуновъ, И. Д. 356.
 Христіанъ, пр. Шведскій, 816.
 Хрущовъ, А. 1367, 1368, 1372.
 Хрущовъ, Н. 283.
 *
 Цвѣтаевъ, А. 1754.
 Цигенгорнъ, 293, 299, 301.
 Циммерманъ, 586.
 Циціановъ, кн., 1107.
 Цѣлыковскій, Т. О., 361.
 *
 Чаадаевъ, П. Я., 248, 772, 921, 1074, 1082—1088, 1098, 1100, 1109, 1120, 1131, 1136, 1140, 1142, 1164, 1171, 1172, 1193, 1197, 1247, 1277, 1481, 1482, 1485.
 Чарторижскіе князья, 30, 303.
 Чарторижскій, кн. Лнт канц-леръ, 289, 301.
 Числовскій, Василій, 548, 549.
 Чашниковъ, П., 1556, 1567.
 Чеботаревъ, Х. А. 655. 744. 745.
 Чебышевъ, П. П., 601.
 Чемесовъ, Е. П. 132.
 Черемисиновъ, Я. Я. 1217, 1239.
 Черкасовъ, бар., 1556, 1563.
 Черкасскій, кн. А. М. 6, 7, 10, 11, 12, 15, 17, 19, 29, 173, 270, 670, 680, 1365, 1373, 1526, 1527, 1529, 1530.
 Черкасскій, кн. губ., 670.
 Черноусовъ, М., 1560.
 Чернышева, Е. А., 1298, 1299, 1520.
 Чернышевъ, Г. П., 15, 1530.
 Чернышевъ, гр. З. Г., 65, 391.
 Чернышевъ, И., 390.
 Чернышевъ, гр. П. Г., 1299, 1520, 1539—1544.
 Чернышевъ, кн. А. И., 915.
 Чернышевъ, ген. 904, 947, 948.
 Чернышевъ, подп., 14.
 Чертковъ, А. Д., 725.
 Чертковъ, Г. А., 726.
 Четвертинскій, кн., 232, 895.
 Чижовъ, О. В., 1731.
 Чириковъ, 1177.
 Числовъ, О., 284.
 Чичаговъ, 471, 709, 710, 712, 716, 823, 1379.
 Чичеринъ, В. П., 960, 964.
 Чичеринъ, П. В., 132.
 Чичеринъ, 360.
 Чорба, И., 983, 984, 1026.
 Чулковъ, В. И., 519.
 Чховская, 383.
 *
 Шагинъ-гирей, х. Крымскій, 1571.

- Шаликовъ, кн. П. И., 491, 495, 751, 763, 894, 1649, 1712.
 Шальме, 704, 705, 709, 728, 729.
 Шапиловъ, 981.
 Шаппъ, абб., 1602.
 Шарлота, принц., 656.
 Шафировъ, бар. П. П., 71, 1341, 1351, 1357.
 Шаховская, кн. Н. Д., 694.
 Шаховской, кн. А. А., 495, 496, 706, 763.
 Шаховской, кн. А. И., 48, 50.
 Шаховской, Д. О., 674.
 Шаховской, 696.
 Шаховской, кн. Я. П., 601, 1595.
 Шаховской, кн., 1222.
 Шварценбергъ, 709, 905.
 Шварцъ, И. Е., 821.
 Швейковскій, 1258.
 Шевичъ, Г. И., 956, 983, 984, 1010, 1011, 1025.
 Шевыревъ, С. П., 220, 578—580, 1072.
 Шениы, 315, 316.
 Шекспиръ, 566, 568, 573, 575, 866, 1084, 1650.
 Шелеховъ, 1334.
 Шеметовъ, 697.
 Шепелевы, 723, 1220, 1222.
 Шереметева, граф., 722.
 Шереметевъ, гр., 12, 695.
 Шетарди 1511.
 Шешковская, А. П., 263.
 Шешковскій, С. И., 263, 264.
 Шиллеръ, 567, 579, 580.
 Шиловъ, М. Г., 358.
 Шипиловъ, 226.
 Шиповъ, А. П., 123, 124.
 Ширманъ, 1432, 1433.
 Сихматовъ, кн., 475, 478, 764, 1650, 1695.
 Шишкина, О. П., 40.
 Шишкинъ, I. И., 1349.
 Шишкинъ, П. П., 40.
 Шишковъ, А. С., 490, 493, 494, 501, 563, 765, 842, 877, 1616—1628, 1695, 1769.
 Шишковъ, Н. П., 460, 461, 462, 467, 470.
 Шишковъ, П. Г., 460.
 Шлецеръ, А. Л., 250, 315, 320, 322, 323, 742, 744, 751, 752.
 Шлецеръ, Х. А., 245—250, 527.
 Шмаковъ, Б. И., 574.
 Шмауссъ, 36.
 Шмидвинусъ, 1497, 1504.
 Шмидтъ, 14, 22, 27, 28, 162, 294.
 Шнаубертъ, 715, 728.
 Шоазель Гутье, 1573, 1577, 1578.
 Шоазель, герц., 1573.
 Шаррейтеръ, ген.-м. 146.
 Шредеръ, 753.
 Шрейберъ, М. П., 1234.
 Шрейберъ, П. И., 1234.
 Штакельбергъ, 380, 1589.
 Штакельбергъ, 1597.
 Шталь, Г. 982, 983, 984.
 Штегельманъ, 800, 802, 803, 805, 808—816.
 Штедигъ, 809, 812, 1596.
 Штейнъ, 444, 445.
 Штейнъ, бар., 879—881, 1492, 1502.
 Штелинь, 317, 322.
 Штенгель, 968.
 Штенгель, А., 968.
 Штоффель, 150, 151, 155, 161.
 Штукенбергъ, 789, 799.
 Шубинскій, С. П., 185, 660, 1546.
 Шувалова, граф., 101, 108.
 Шуваловъ, гр. А. П., 1602.
 Шуваловъ, гр., П. И. 580—583, 947, 948.
 Шуваловъ, гр. П. А., 1038—1041.
 Шугуровъ, М. О., 324, 776, 1507.
 Шуллеръ, 1248, 1433.
 Шульгинъ, И. П., 117.
 Шульгинъ, О., 1553.
 Шульманъ, 1032, 1236, 1458.
 Шумахеръ, А., 1564.
 Шумахеръ, 321.
 Шумилинъ, И. П., 546.
 *
 Щаповъ, 610, 621.
 Щебальскій, П. К., 2, 389,
 Щербатова, А. С., 1342, 1344.
 Щербатова, Д. О., 1614, 1615.
 Щербатова, кн., 1614.
 Щербатовъ, кн. А. Г., 1271, 1437.
 Щербатовъ, кн. Д. М., 246, 248.
 Щербатовъ, кн. И. А., 674, 683.
 Щербатовъ, кн. М. М., 248, 674.
 Щербатовъ, кн. 1314 — 1316.
 Щербачевъ, 1280.
 *
 Эверсъ, 1767.
 Эдвардъ, 260.
 Эдибъ-Оглу, 1215.
 Эйгнеръ, 1218.
 Эйхлеръ, 1360, 1366, 1367, 1370, 1371, 1372.
 Эйхфельдтъ, М. Е., 1157, 1224, 1225, 1232, 1235.
 Эйхфельдтъ, И. И., 1125, 1157, 1223, 1224.

- Эмунина, А. И., 1750.
 Эльшигъ, И. К., 383, 972, 975.
 Эльснеръ, 1091.
 Эмигъ, Н. О., 645.
 Эмиануиль, пр. Португ. 18.
 Энгельгардтъ, В. В., 986,
 987.
 Энгельгардтъ, Е. А., 1097,
 1098—1100, 1123.
 Эртель, 709.
 Эстергази, гр., 86.
 Эшрефъ, шахъ, 137.
- *
- Юминъ, 1436.
 Юнгеръ, 150.
 Юнгъ-Штиллинъ, 825, 827,
 828, 831.
 Юнкеръ, 227—229.
 Юнкеръ, 147.
 Юрьевъ, О. О., 1193, 1195,
 1751.
- Юсуповъ, кн. Г. Д., 12, 15,
 1298.
 Юсуповъ, кн. Н. Б., 316.
 Юсуповъ, кн. 16.
 Юшкова, 1533.
 Юшковъ, 726, 727.
 Юшневскій, 1443, 1479.
- *
- Ягужинскій, гр. 5, 6, 8—11,
 14, 15, 17, 19, 20, 21,
 1356, 1358, 1365.
 Языковъ, И., 49.
 Языковъ, Д. И., 764, 1639,
 1723 и д.
 Языковъ, Н. М., 507, 510,
 899, 1074, 1078, 1149.
 Якобій, И. В., 645.
 Яковлевъ, А. А., 601.
 Яковлевъ, А., 1359, 1525.
 Яковлевъ, И. В., 702.
 Яковлевъ, М. Л., 1099.
- Яковлевъ, 1590.
 Яковъ, служит. Жуковского,
 1162, 1192.
 Ямановскіе, 703.
 Ямановскій, 703, 705, 710,
 715.
 Яновскій, М. А., 1255.
 Ярышкинъ, В., 283, 284.
 Яценко, 764, 1701,
 Яшвилъ, кн., 1032.
- *
- Федоровъ Бор., 172 4.
 Федотовъ, 568.
 Федоръ Алексѣевичъ, царь,
 520.
 Феофанъ Прокоповичъ, 350.
 Феофанъ Чарнуцкій, еп. 56,
 57.
 Феофилактъ, еп. 833.
 Феофилактъ, архіеп. 925.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА 1866 ГОДА.

1. Чертковская бібліотека въ 1865 г.
2. Списокъ оберъ-прокуроровъ св. Синода со времени учрежденія онаго по нынѣ. 601.
3. Странники (изъ исторіи раскола) *А. Н. Трефолева* съ примѣчаніями *И. С. Аксакова* 602.
4. Записка о странникахъ 1851 г. *И. С. Аксакова* 627.
5. Корчма, историческій очеркъ *И. Г. Прижова* 1053.
6. Ссылка графа Санти въ Сибирь (1727). 273.
7. Государыня-невѣста, княжна *Е. А. Долгорукая*. *Р. Г. Ипатьева*. 38.
8. Царствованіе Анны Іоанновны (изъ Германа, 1, 137, 661, 1349, 1508).
9. Доцесеніе гр. *Салтыкова* имп. Аннѣ объ отобраніи драгоцѣнныхъ вещей у кн. Долгорукихъ. 46.
10. Докладъ имп. Аннѣ кн. *А. И. Шаховскаго* о замѣщеніи Русскими людьми должностей въ конной гвардіи, съ конфирмаціею императрицы. 48.
11. Бумаги по дѣлу объ убіеніи Шведскаго маіора Синклера (1739) 674.
12. Разказы Елецкихъ старожиловъ. *И. А. Ридинера*. 346.
13. Письмо фельдмаршала гр. *Миниха* изъ Сибири (къ вице-канцлеру графу Бестужеву-Рюмину) съ изложеніемъ своей дѣятельности. 171.
14. Для біографіи гр. *І. Э. Миниха*. 1544.
15. Русскіе солдаты въ Пруссіи 1539.
16. Совѣтъ Фридриха Великаго импер. Елисаветѣ Петровнѣ. 1541.
17. Два письма *Арсенія Мауѣвича* къ импер. Елисаветѣ. 50.
18. Письма великаго князя *Петра Ѳеодоровича* (императора Петра III) къ *И. И. Шувалову*. 580.
19. Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при императорѣ Петрѣ III-мъ. *П. К. Щербильскаго* 284.
20. Екатерина II-я, стихотвореніе *М. А. Дмитріева*. 52.
21. О портретѣ имп. Екатерины II, въ траурномъ одѣяніи, въ годъ ея восшествія на престолъ. 132.
22. Собственноручные письма, замѣтки, наброски мыслей импер. *Екатерины II*. 55.
23. Челобитная *И. И. Бецкаго*. 1566.
24. Москва въ 1771 г. (Письма *А. А. Саблукова* къ отцу своему) 329.
25. Письма *Екатерины II-й* къ *А. И. Бибикову* во время Пугачевского бунта. 388.
26. Письма *А. И. Бибикова* къ *А. М. Лунину*. 378.

27. Лордъ Мальмсбюри о Россіи (1778—1783). 584.
28. Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала для соединенія Бѣлаго моря съ Чернымъ (Переписка императрицы *Екатерины II-й* съ *А. П. Мельмуновымъ*). 777.
29. Инструкція императрицы *Екатерины II-й* генераль-поручику Заборовскому при отправленіи его въ Средиземное море съ войсками. 1373.
30. Два анекдота объ имп. *Екатеринѣ II-й* (изъ Записной Книжки *М. М. Евреинова*). 657.
31. О печатаніи Алькорана въ С.-Петербургѣ при *Екатеринѣ II*. 685.
32. О большомъ императорскомъ алмазѣ. 644.
33. О заплатахъ вышнихъ государственныхъ долговъ (1794). 687.
34. Письма *Я. И. Булакова* къ кн. Потемкину. 1569.
35. О Запискахъ графа Сегюра, *М. Θ. Шукурова*. 1590.
36. О С. И. Шешковскомъ. 263.
37. Сенакъ де Мельянъ, французскій эмигрантъ временъ революціи и его отношенія къ Россіи, кн. *М. А. Оболенскаго*. 421.
38. Баронесса Корфъ и ея содѣйствіе побѣгу Людовика XVI изъ Парижа. 1791. Подлинныя бумаги съ предисловіемъ кн. *М. А. Оболенскаго*. 800.
39. Записка *Екатерины II-й* о мѣрахъ къ восстановленію во Франціи королевскаго правительства (1792) 399.
40. А. В. Марковъ. Разсказъ *П. Г. Кичеева*. 185.
41. Письма и записки князя Италійскаго, графа *А. В. Суворова-Рымникскаго* (1787—1800). 929.
42. Воспоминанія *И. М. Снегирева*. 513 и 735.
43. Разказы генерала *Кутлубицкаго* о временахъ императора Павла Петровича. X. 1301.
44. Письмо принца Мекленбургскаго къ княгинѣ Туркестановой. 928.
45. Письмо *Н. П. Рязанова* къ И. И. Дмитріеву о своемъ отправленіи въ Японію 1803.
46. Дѣтство и юность имп. Александра Павловича. (Изъ Записокъ его воспитателя). 94.
47. Учебная тетрадь имп. Александра Павловича. 111.
48. Лагарпъ въ Россіи. (Изъ его Записокъ). 75.
49. Къ исторіи 1812 года.
- а) Распоряженія и переписка гр. *Θ. В. Растопчина*.
- б) Замятки и письма *А. Я. Булакова*. 689.
50. Воспоминаніе о князѣ Смоленскомъ Голенищевѣ-Кутузовѣ. *Н. П. Шишкова*. 460.
51. Письмо графа *Иосифа де Местра* къ кн. П. Б. Козловскому о Россіи въ 1815 году, съ переводомъ и примѣчаніями. 1492.
52. Удаленіе А. С. Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 году. Разсказъ *Θ. Н. Глинки*. 917.
53. Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ:
- а) Очеркъ его жизни и дѣятельности *П. А. Безсонова*.
- б) Воспоминанія объ А. Ѳ. Лабзинѣ (Изъ Записокъ *М. А. Дмитріева*).

- в) Къ женѣ моей. Незданное стихотвореніе *А. Ѳ. Лабзина*. 817.
54. Автобіографическія замѣтки *г-р. Аракчеева* на бѣлыхъ листкахъ принадлежавшей ему книги св. Евангелія. 922.
55. Письмо *г-р. Аракчеева* о пропажѣ у него денегъ (1802). 1047.
56. Историческія замѣчанія (о *г-р. Аракчеевѣ*) *И. П. Липранди*. 1031.
57. Письма *Аракчеева* къ императору Николаю Павловичу (1826). 1049.
58. *Гр. Е. Ф. Канкринъ*. 113.
59. О холерномъ возмущеніи на Сѣнной площади въ Спб. въ 1831 г. (письмо *В. А. Жуковскаго* къ принцессѣ Луизѣ Прусской). 339.
60. Письмо *г-р. А. Х. Бенкендорфа* къ *Н. А. Полевому*. 1753.
61. Свѣдѣнія о *В. Киприановѣ*, бібліотечкарѣ Московской гражданской типографіи при Петрѣ I-мъ. Современныя бумаги съ предисловіемъ *М. Д. Хмырова*. 1291.
62. Ученики и ученіе въ XVIII вѣкѣ *М. Ѳ. Шугурова*. 304.
63. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1864 году. *Г. Н. Геннади*. 561.
64. Матеріалы для полного собранія сочиненія славныхъ писателей. *М. Н. Лонгинова*. 1770.
65. Незданная грамматическая замѣтка *Ломоносова*, съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова* 324.
66. Псевдо-переводы съ Русскаго. 204.
67. Парнасскій адресъ-календарь, соч. *А. Ѳ. Воейкова*. 760.
68. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива:
- I. Письма 1812 года. 217.
- II. Наши Арзамасскія литературныя шалости. 473.
- III. Письма *Д. В. Дашкова*. 489.
- IV. Письма *Варнагена фонъ Энзе* и *Сильвіо Пеллико*. 502.
- V. Письмо *К. Н. Батюшкова*. 859.
- VI. Письма (въ стихахъ) *В. А. Жуковскаго*. 863.
- VII. Письма *А. И. Тургенева*. 878.
- VIII. Письма *Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго*, 885.
- IX. Письма *Д. В. Давыдова*. 895.
- X. *Г. С. С. Уварова* 1065.
- XI. *П. А. Плетнева* 1068.
- XII. *В. А. Жуковскаго* 1070.
- XIII. *Н. В. Гоголя* 1077.
- XIV. *Н. Я. Чадаева* 1082.
- съ объяснительными примѣчаніями кн. *П. А. Вяземскаго*.
69. Письма къ *А. И. Тургеневу*. 647.
- а) *А. Ѳ. Мерзлякова*.
- б) *Н. И. Новикова*.
- в) *Гр. П. П. Румянцева*.
- г) *В. А. Жуковскаго*.
- д) *К. Н. Батюшкова*.
- е) *А. С. Пушкина*.
- ж) *Н. М. Карамзина*.
70. Еще о годѣ рожденія *Н. М. Карамзина*. Замѣтка *М. Ѳ. Шугурова*. 1504.
71. Отрывки изъ писемъ *А. А. Петрова* къ *Карамзину*. 1756.
72. Письмо *В. А. Полюнова* къ *И. И. Мартынову*. 1763.
73. Записка *Н. М. Карамзина* къ неизвѣстному лицу. 1765.
74. Мое представленіе исторіографу (*Изъ Записокъ М. П. Погодина*). 1766.

75. Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву. 1608.
76. Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. 904.
77. Маскерадная стихотворенія И. А. Крылова Статья В. Θ. Кеневича. 1335.
78. О баснѣ Крылова «Прихожанинъ», В. Θ. Кеневича. 255.
79. Импровизація Д. В. Веневитинова. 259.
80. А. С. Пушкинъ въ Южной Россіи. Матеріалы для подробной біографіи Пушкина, собираемые П. Бартеневымъ. 1089.
81. Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди (Разказы о Пушкинѣ и объ его обстановкѣ). 1213 и 1393.
82. Замѣтки на статью «Пушкинъ въ Южной Россіи.» М. Н. Лонгинова. 1749.
83. Письмо А. С. Пушкина къ гр. Г. А. Строганову. 1748.
84. Письмо Гоголя къ П. А. Плетневу о пропускѣ въ печати «Мертвыхъ Душъ». 766.
85. Незданныя мѣста изъ переписки Гоголя 1730.
86. Незданное пятистишіе А. С. Хомякова. 770.
87. Воспоминаніе лицеиста. 131.
88. Лицейская годовщина въ 1865 г. 127.
89. Изъ путевыхъ замѣтокъ П. А. Лавровскаго (Отзывъ Чеха о Русскихъ въ 1748 г.) 1285.
90. Книжныя замѣтки М. Θ. Штурова:
а) Лекціи о Россіи въ Парижѣ.
б) О сочиненіи г. ад. Тодлебена. 771.
91. Замѣтки поправки и дополненія. (Ю. В. Толстаго, Ев. П. Ковалевскаго, М. Н. Лонгинова и др.). 265.
92. Замѣтка и поправки къ родословію князей Долгоруковыхъ. Статья Н. А. Фадъевой. 1340.
93. Замѣтка П. А. Ефремова. 512.
94. Книжныя заграничныя вѣсти. 260.
95. Поправки. 659 и 1506.
- Прилагаются: 1) Портретъ имп. Екатерины II-й и 2) Указатель къ повременнымъ изданіямъ императорскаго Московскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1815—1865 годы.

ЦАРСТВОВАНИЕ ІОАННА VI АНТОНОВИЧА.

*Изъ сочиненія Германа, Исторія
Русскаго Государства (*)*

1. Правленіе герцога Курляндскаго (съ 17 Октября по 9 Ноября 1740 г).

Только что скончалась императрица Анна, какъ на другое же утро собрались саповники, и имъ объявлено новое правленіе. Вице-канцлеръ Остерманъ передалъ завѣщательный манифестъ покойной государыни генераль-прокурору кн. Трубецкому; тотъ поцаловалъ подпись и прочелъ вслухъ манифестъ. Всѣ, бывшіе на лицо, отозвались, что они совершенно согласны съ содержаніемъ онаго. Остерманъ говорилъ первый въ эту торжественную минуту. Тутъ же находился и герцогъ Брауншвейгскій, поставленный въ невозможность что либо возразить. По ему не трудно было поддаться внушеніямъ. Нѣсколько молодыхъ, неопытныхъ людей успѣли натолковать ему, что постановленія, содержащіяся въ манифестѣ, ничего еще не значатъ; и тутъ то обнаружилось все его скудоуміе. Не сообразивъ нисколько, въ какую опасную игру заводить его, и какъ мало было залоговъ успѣха, Антонъ Ульрихъ тотчасъ же началъ дѣйствовать (112). Само собою разумѣт-

(*) См. въ Русскомъ Архивѣ 1866 года: Царствованіе Анны Іоанновны.

(112) Антонъ Ульрихъ не хотѣлъ понять, что ему говорилъ Остерманъ. „Когда императрица умер-

ся, что замыселъ его немедленно обнаружился; начато разслѣдованіе; обвинены адъютантъ принца Грамматинъ и камеръ-юнкеръ его Шеліамъ. Перваго арестовали, а второму, изъ уваженія къ иноземному его происхожденію, дозволено удалиться за границу, для чего и отправили его курьеромъ въ Брауншвейгъ. Вскорѣ за тѣмъ открылось, что главнымъ тутъ дѣйствующимъ лицомъ былъ кабинетсъ-секретарь Яковлевъ. Онъ зналъ все, что дѣлалось въ кабинетѣ и передавалъ Антону Ульриху черезъ Русскаго секретаря герцогини Анны; этимъ путемъ и увѣрили принца, будто завѣщательный манифестъ составленъ не совсѣмъ правильно. Отсюда также объяснилось, зачѣмъ герцогиня Анна, немедленно по кончинѣ императрицы, взяла къ себѣ въ службу камерфрау Юшкову: отъ нея думали развѣдать тайну составленія манифеста. Антонъ Ульрихъ возлагалъ на это обстоятельство большія надежды, и для того выхлопоталъ Юшковой, яко бы въ награду за ея вѣрную службу императрицѣ, шесть тысячъ рублей наличными деньгами, ежегодную пенсію въ тысячу рублей и пожизненное содержаніе. Герцогиня Анна скоро убѣдилась, что этимъ путемъ не возможно оспаривать у Бирона его регентство, и что ей нечего больше дѣ-

ла и герцогъ Курляндскій сдѣлался регентомъ—разсказывалъ онъ позднѣе графу Динару--то и обратился за совѣтомъ къ Остерману; но весь совѣтъ его состоялъ въ томъ, что кола скоро у меня есть уже приверженцы, то я долженъ открыто говорить и дѣйствовать; а впрочемъ всего лучше примкнуть къ остальнымъ“. Донесеніе Динара 12 Апрѣля 1741.

Русскій Архивъ. 6

лать, какъ жить смирно и принаравли- ваться къ новому порядку вещей; но мо- лодые люди, замыслившіе отстранить Би- рона, рѣшились испробовать счастья, не удастся ли имъ что либо сдѣлать черезъ Антона Ульриха. Бестужевъ говорилъ потомъ, что, если бы захотѣть, можно бы поступить съ симъ послѣднимъ гораздо строже. Онъ отецъ императора, но въ то же время и его подданный. Петръ I-й по- далъ примѣръ, что можетъ сдѣлать само- державный отецъ съ мятежнымъ сыномъ; въ обратномъ смыслѣ можно бы примѣнить самодержавное право и къ этому случаю. Супруга его это знала; она бросилась умолять герцога Курляндскаго, чтобы онъ замаялъ дѣло и увѣряла, что сама бу- детъ смотрѣть за своимъ мужемъ. И дѣй- ствительно, она не выпускала его изъ своихъ покоевъ и изъ подъ своего над- зора, чтобы кто нибудь опять не увлекъ его. И такъ ограничились тѣмъ, что Ан- тону Ульриху прочли выговоръ въ собра- нии сената и высшаго генералитета. Уша- ковъ обнаружилъ тутъ особенное усер- діе и обзывалъ принца *мальчикомъ* ⁽¹¹⁴⁾. Принцъ сознавался въ винѣ своей, со слезами просилъ прощенія, и чтобы на передъ не навлекать на себя подозрѣній, самъ письменно вызвался сложить всѣ военные чины, на что и изъявлено было согласіе подъ тѣмъ предлогомъ, что отцу императора не прилично состоять въ командѣ.

Кромѣ вышеназванныхъ лицъ было под- вѣргнуто розыску еще около десяти че- ловѣкъ; они обвинены въ совращеніи гер- цога Антона Ульриха, отвезены въ крѣ- постъ и наказаны кнутомъ. Такимъ обра- зомъ регентъ и правая рука его Бесту- жевъ торжествовали полную побѣду и полагали себя вполнѣ обезпеченными. Въ откровенной бесѣдѣ съ Пецольдомъ, Бес- тужевъ говорилъ: „Герцогъ Брауншвейгъ-

скій до сихъ поръ надѣялся на Вѣнскій дворъ, но теперь онъ долженъ убѣдиться, какъ обманчива такая надежда, потому что мы окончательно устранили людей, преданныхъ ему или его супругѣ и вооб- ще можно сказать, что наше дѣло твер- до. Что касается до меня лично, то я ста- вилъ на карту мою голову, и первые три дни по смерти императрицы провелъ въ немалой тревогѣ; но я знаю Русскій на- родъ: по первому толчку онъ способенъ взволноваться, но когда пройдутъ тревож- ныя минуты, можно быть увѣрену въ его полнѣйшемъ повиненіи. Поэтому мани- фестъ о регентствѣ я заготовилъ еще при жизни императрицы; его и форму прися- ги печатали въ ночь послѣ ея кончины, отъ чего и можно было привести всѣхъ къ присягѣ, прежде чѣмъ безпокойные люди успѣли бы что нибудь предпринять. Сообразивши всю важность этого собы- тія и принявъ во вниманіе многолюдство столицы, не найдемъ ничего мудренаго, что нашлись люди недовольные; удиви- тельнѣе, что ихъ еще такъ мало. Теперь, для достиженія полного единодушія, намъ остается только награждать благонамѣ- ренныхъ и примѣрно наказывать непо- корныхъ“.

И такъ Бестужевъ, знавшій, какъ не- многие, и внутреннія отношенія государ- ства и самый характеръ Русскаго наро- да, былъ твердо убѣжденъ въ непоколе- бимости новаго правительства. И дѣй- ствительно герцогъ Курляндскій обнару- живалъ умѣніе властвовать: онъ дѣйстви- тельно осторожно, разсудительно, хитро и строго. Но именно потому, что безправ- ный народъ Русскій не показывалъ ника- кого участія къ тому что происходило, и пребывалъ въ страдательномъ равноду- шии,—именно потому и являлась возмож- ность ночью передрагою свергать пре- держащія власти и сажать новыя. Тай- ные враги Бирона, подчиняясь силѣ об- стоятельствъ, не помѣшали ему быть ре-

(114) Антоуъ Ульрихъ род. 21 Авг. 1714 г.

гентомъ; но они ждали только случая, чтобы погубить его.

Прежде всѣхъ выступилъ впередъ честолюбивый Минихъ. Поводомъ ему послужило полное пренебреженіе, которое регентъ оказывалъ родителямъ младенца-императора, и безпрестанныя оскорбленія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. Двѣ недѣли герцогъ Брауншвейгскій не смѣлъ никуда показываться: Биронъ увѣрялъ, что публика раздражена противъ него, и потому онъ долженъ сидѣть дома, если не желаетъ подвергнуться личной опасности. А герцогиню Анну Биронъ явно, въ присутствіи кн. Черкаскаго, Миниха и другихъ высоко поставленныхъ людей, страдалъ тѣмъ, что онъ вызоветъ въ Петербургъ герцога Голштейнъ-Готторпскаго, дабы въ случаѣ надобности упразднить всякія притязанія ея, герцогини, и ея семейства на державную власть⁽¹¹⁵⁾. Биронъ намѣревался женить старшаго сына своего принца Петра на царевнѣ Елизаветѣ, а потомъ свою дочь выдать замужъ за герцога Голштейнъ-Готторпскаго, которому шелъ тогда всего тринадцатый годъ⁽¹¹⁶⁾.

7 Ноября Минихъ представлялъ герцогинѣ Аннѣ кадетъ, изъ которыхъ она хотѣла выбрать себѣ пажей. Оставшись съ нимъ одна, она заплакала и сказала ему: „Графъ Минихъ! Вы видите, какъ обращается со мною регентъ. Многіе надежные люди говорятъ, что онъ намѣренъ выслать меня за границу. Я готова и уѣду; но если вы можете, похлопочите, чтобы по крайней мѣрѣ отпустили со мною и моего ребенка.“ Герцогиня увѣряла Миниха, что она ни съ кѣмъ еще не говорила о томъ, что ей дѣлать; Минихъ взялъ съ нея клятву блюсти строжайшую тайну и далъ ей слово освободить

ее отъ тирана. На слѣдующее утро онъ опять былъ у нея и объявилъ, что намѣревается схватить регента. Герцогиня возразила, что онъ ставитъ на карту жизнь свою и всего своего семейства; но Минихъ настойчиво требовалъ ея согласія, и наконецъ она отвѣчала: „Быть такъ! Дѣлайте же поскорѣе что хотите дѣлать.“ Во время этого самаго разговора докладываютъ о пріѣздѣ герцога. Герцогиня Анна спѣшитъ къ нему на встрѣчу, а Минихъ уходитъ въ другую сторону. Черезъ нѣсколько времени Минихъ навѣщаетъ регента въ Лѣтнемъ дворцѣ; обѣдаетъ у него и остается до семи часовъ вечера⁽¹¹⁷⁾. Биронъ этотъ день былъ какъ то особенно тревоженъ и разсѣянъ. Онъ заговаривалъ то объ томъ, то объ другомъ предметѣ, и внезапно спросилъ Миниха: „А что, фельд-маршалъ, вамъ никогда не случалось во время вашихъ воинскихъ предпріятій производить что либо значительное ночью?“ Минихъ оторопѣлъ отъ такого вопроса, но скоро спохватился, такъ что регентъ ничего не замѣтилъ на лицѣ его, и отвѣчалъ: „Не припомню; но у меня правило не откладывать дѣла и пользоваться всякимъ благоприятнымъ случаемъ“⁽¹¹⁸⁾. Въ два часа по полуночи (9 Ноября), Минихъ отправляется въ Зимній дворецъ и приказываетъ фрейль-нѣ Юліи Менгденъ (на сестрѣ которой былъ женатъ сынъ его) разбудить герцогиню Анну. „Каждая минута дорога—говорить онъ ей—нынче же будетъ смѣненъ караулъ Преображенскаго полка, состоящаго въ моей командѣ; я жду отъ васъ рѣшительнаго повелѣнія; экипажъ для васъ готовъ и стоитъ на дворѣ.“ Герцогиня сначала колебалась, выѣзжать ли ей изъ Зимняго дворца; но когда она съѣла въ экипажѣ, Минихъ приказалъ

(115) Донесеніи Пецоляда и Нейбауера отъ 30 Ноября 1740 г.

(116) Записки Манштейна, стр. 355.

(117) Донесеніе Нейбауера, отъ 30 Ноября 1740.

(118) Записки Манштейна, стр. 351.

вхаты вслѣдъ за ротою солдатъ, которая маршировала изъ Зимняго въ Лѣтній дворець (потомъ въ этомъ самомъ экипажѣ перевезли схваченнаго регента въ Зимній дворець). Оба эти зданія находятся на берегу Невы въ разстояніи семи или восьми сотъ шаговъ одинъ отъ другаго. По направленію къ Лѣтнему надо переходить, шагахъ во ста до него, мостъ черезъ каналъ, и потомъ еще другой мостъ черезъ другой каналъ, находящійся у самаго дворца. У этого втораго моста стоялъ караулъ изъ того же Преображенскаго полка, солдаты котораго сторожили и Зимній дворець. Когда подошли къ первому мосту, фельдмаршалъ велѣлъ остановиться и послалъ полковника Манштейна и одного офицера изъ главнаго караула, оставившаго Зимній дворець, сказать офицерамъ, находившимся у Лѣтняго, что герцогиня Анна сидитъ въ экипажѣ у перваго моста и желаетъ съ ними говорить. Офицеры явились на этотъ зовъ. Фельдмаршалъ и находившіеся при немъ офицеры передали имъ приказанія герцогини: они должны были проводить Манштейна и съ нимъ 12 человекъ солдатъ къ Лѣтнему дворцу, дать имъ свободный пропускъ и позаботиться о томъ, чтобы тамошній караулъ (у втораго моста) стоялъ смирно и не дѣлалъ тревоги. Манштейнъ безпрепятственно достигаетъ спальни герцога Курляндскаго. Тотъ и не грезилъ ни объ какой опасности. У него сдѣлано было распоряженіе, чтобы караулъ, въ случаѣ если кто ночью явится вооруженный и потребуетъ пропусса, стрѣлялъ во всякаго, безъ дальнихъ рѣчей. Биронъ и супруга его спали глубокимъ сномъ. Овладевъ Бирономъ, Манштейнъ отвезъ его плѣнникомъ въ Зимній дворець ⁽¹¹⁹⁾ Туда же

⁽¹¹⁹⁾ Когда герцогъ совсѣмъ очнулся, то хотѣлъ освободиться отъ солдатъ и дрался кула-

вслѣдъ за тѣмъ онъ превозводилъ генерала Густава Бирона, занимавшаго должность подполковника въ Измайловскомъ полку. Другой адъютантъ фельдмаршала, капитанъ Кенигфельдъ захватилъ кабинетъ-министра гр. Бестужева. Прочіе члены Биронова семейства оставлены въ Лѣтнемъ дворцѣ. После всего этого держанъ былъ большой совѣтъ, а около двухъ часовъ по полудни огромная закрытая карета въ шесть лошадей повезла бывшаго регента въ Шлюссельбургъ; съ нимъ отпустили одного только камердинера, а въ видѣ стражи съ каретою поѣхало четыре гренадера, у которыхъ были ружья со штыками. Туда же въ Шлюссельбургъ послали герцогиню съ дочерью ея Гедвигою Елизаветою и младшимъ сыномъ Карломъ (старшій Петръ оставленъ подъ стражею въ Лѣтнемъ дворцѣ, такъ какъ онъ былъ боленъ и еще не совсѣмъ оправился отъ болезни). Министръ Бестужевъ и генералъ Густавъ Биронъ отвезены въ Иваньгородъ, старинную крѣпость, находящуюся противъ Нарвы. Въ Юні: слѣдующаго года Бирону и семь его

ками на право и на лѣво. Солдаты въ свою очередь били его прикладами ружей, повалили на землю, заткнули ротъ платкомъ, связали ему руки офицерскимъ шарфомъ и совсѣмъ раздѣтаго внесли къ караульнѣ; тамъ они покрыли его солдатскою шинелью и посадили въ ожидавшій его экипажъ фельдмаршала. Показавъ солдаты управляютъ съ герцогомъ, герцогиня въ рубашкѣ выбѣжала изъ дворца за мужемъ на улицу; тамъ одинъ солдатъ схватилъ ее за руку и потащилъ къ Манштейну, у котораго спрашивалъ что ему съ ней дѣлать. Манштейнъ приказалъ отвести ее назадъ во дворець, но солдатъ не захотѣлъ съ нею возиться, бросилъ ее въ свѣтъ и ушелъ. Въ этомъ жалкомъ состояніи нашелъ ее гвардейскій капитанъ, поднявъ ее, велѣлъ ей дать одежду и отвести въ ея комнаты. Записки Манштейна, стр. 362. Въ этомъ же родѣ рассказываютъ Нейбауеръ и Пецольдъ въ донесеніяхъ отъ 30 Ноября 1740.

назначено было ѣхать въ ссылку въ Сибирскій городъ Пелымъ, въ 600 верстахъ за Тобольскомъ; онъ прибылъ туда 6 (17) Полября 1741 г. и помѣстился въ простомъ деревянномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Еще раньше Бирона увезены въ Сибирь его зять, Рижскій вице-губернаторъ, генералъ Бисмаркъ, и Бироновы братья генералы Густавъ и Карлъ, хотя сей послѣдній (командовавшій войсками въ Москвѣ) ненавидѣлъ герцога Курляндскаго и вовсе не одобрялъ его поступковъ.

По удаленіи Бирона отъ регентства, мать императора приняла титулъ великой княгини, и обнародованный въ то же утро 10 (21) Ноября манифестъ провозгласилъ ее правительницею государства на время несовершеннолѣтія ея сына императора. Гвардія и всѣ остальные чины принесли ей присягу въ вѣрности, и этотъ новый правительственный переворотъ совершился «опять въ величайшемъ спокойствіи, ко всеобщему удовольствію и радости». Герцогъ Антонъ Ульрихъ назначенъ генералиссимусомъ, и вскорѣ за тѣмъ соправителемъ; фельдмаршалъ Минихъ первымъ министромъ; Остерманъ великимъ адмираломъ съ удержаніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ; кн. Черкасскій государственнымъ канцлеромъ, каковое мѣсто оставалось незапаятымъ со смерти великаго канцлера Головкина (21 Янв. 1734); сынъ сего послѣдняго гр. Михайлъ Головкинъ (братъ посланника въ Голландіи) сдѣланъ государственнымъ вице-канцлеромъ; баронъ Менгденъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Фельдмаршалъ Минихъ, съ согласія герцогини Анны, былъ единственнымъ виновникомъ этого благополучно совершившагося переворота. «Ни одна душа ничего не подозрѣвала, и самъ генералъ-адъютантъ Манштейнъ узналъ

въ чемъ дѣло лишь въ ту минуту, когда фельдмаршалъ отдалъ ему приказанія». Дѣйствительно, все уже начинало успокоиваться, и никто не могъ предугадывать столь внезапной перемѣны правленія. «Мы — пишеть Пецольдъ — все видѣвшіе и слышавшіе сами, толькожимаемъ плечами, когда теперь всякій старается кричать противъ Бирона и увѣрять, будто паденія его надо было ждать»⁽¹²⁰⁾. За день до переворота и въ самый день онаго, Пецольдъ былъ у Бирона и долго бесѣдовалъ съ нимъ въ его кабинетѣ. Биронъ снова завелъ рѣчь объ Антонѣ Ульрихѣ и объ его нескладныхъ замыслахъ, и рассказалъ между прочимъ, какъ тотъ привлекалъ къ себѣ въ соучастники одного Русскаго плясуна и лакея, служившаго у придворнаго шута Педрииллы, а когда Биронъ спросилъ, чего именно онъ добивался, то Антонъ Ульрихъ отвѣчалъ съ чрезвычайною наивностью, что ему хотѣлось немножко побунтовать» (*ein bißchen Rebellion gewollt*), такъ что онъ Биронъ не зналъ, шутка ли это, или сказано изъ непокинутаго злорадства. За тѣмъ Биронъ началъ говорить о тѣхъ распоряженіяхъ въ Русскомъ государствѣ, которыя онъ намѣревался сдѣлать; о томъ, что онъ потребовалъ къ себѣ изъ всѣхъ коллегій подписаннаго отчета за текущее время о входящихъ дѣлахъ, дабы впослѣдствіи, когда онъ сложитъ съ себя регентство, можно было показать, въ какомъ положеніи онъ засталъ государство и въ какомъ покидаетъ его. Отчеты военнаго и морскаго вѣдомства были уже получены; онъ досталъ ихъ, чтобы показать изъ нихъ кое что Пецольду; но отчетъ адмиралтейства молча отложилъ въ сторону, очевидно потому, что хвастаться было нечѣмъ. Биронъ несомнѣнно понималъ

(120) Донесеніе Пецольда, 1-го февр. 1741.

обязанности дѣльнаго правителя; но высокомеріе его было безпредѣльное, и онъ оскорблялъ въ самыхъ мелочахъ щекотливую суетность герцогини Анны. Въ печатномъ церемоніалѣ о траурѣ по умершей императрицѣ, герцогъ Брауншвейгскій поставленъ былъ выше регента, а герцогиня Анна и царица Елизавета выше герцогини Курляндской. Когда Бирону поднесли этотъ церемоніалъ еще въ рукописи, онъ сказалъ: «Ну теперь пусть будетъ такъ; впередъ же чортъ меня возми, если я уступлю имъ хоть одинъ шагъ». Герцогиня Курляндская соглашалась принять титулъ высочества лишь въ такомъ случаѣ, если дадутъ его и ея дѣтямъ. Биронъ предлагалъ офицеру, который везъ его въ Шлюссельбургъ, брилліантовъ, золота и серебра за то, чтобы онъ позволилъ ему броситься къ ногамъ великой княгини; онъ также умолялъ пощадить жену его. Но герцогиня Анна съ Минихомъ, свергнувъ Бирона, не достигли того, чего надѣялись.

2. Правленіе великой княгини Анны (съ 9-го Ноября 1740 по 25 Ноября 1741).

Еще 19 Ноября 1740 г. Пецольдъ писалъ: „Нѣтъ ничего мудренаго, что на фельдмаршалъ Минихъ подтвердится пословица *Proditionem amo, proditorem odi* т. е. люблю произведеніе, не терплю производителя. Последними дѣйствіями своими онъ показалъ, на что онъ способенъ, и потому пужна всяческая предосторожность, чтобы гвардейцы, и безъ того своенравные и вздорные, не вздумали, какъ скоро представится случай, повторить то, чему ихъ научили». Правительница чуждалась только тѣхъ, кто тяготилъ ее превосходствомъ силы; но она не хотѣла и думать о томъ, что ей грозила опасность, повидимому ничтожная, но не замѣтно принимавшая угрожаю-

щіе размѣры. Опасность эта происходила отъ собственного ея права, причудливаго и перфшительнаго: она не могла никому внушить полной къ себѣ приверженности. Между тѣмъ недовольство расло и овладѣвало всѣми, такъ что наконецъ, кому первому пришло бы въ голову произвести переворотъ, тотъ и могъ разсчитывать на успѣхъ. Она забывала принять мѣры, предписываемыя самымъ простымъ благоразуміемъ и обязательныя для нея по отношенію къ народу, надъ коимъ она хотѣла властвовать и коего любовь должна была снискывать. По своей вилости, она не занималась сама дѣлами правленія, и вмѣсто того чтобы передать ихъ кому нибудь, кто бы имѣлъ надежную опытность, познанія и силу, она во всемъ руководилась внушеніями любимицы своей, фрейльны Юліи Менгенъ, Лифляндской уроженки, которой дали обыкновенное въ ея сословіи деревенское воспитаніе, съ тѣмъ чтобы выдать ее за мужъ за какого нибудь благороднаго помѣщика и выучили ее заниматься хозяйствомъ, такъ что она не имѣла ни малѣйшей опытности въ придворной сферѣ, гдѣ все искусство состоитъ въ умѣніи заводить и распутывать политическія интриги. При всемъ этомъ она во все вмѣшивалась, и вмѣсто помощи только пугала и затрудняла. Правительница цѣлые дни сидѣла запершись съ нею въ ея комнатахъ, никого не видя и оставляя важнѣйшія бумаги неподписанными. Въ простомъ и небрежномъ нарядѣ, повязавъ голову посовымъ платкомъ, служившимъ ей вмѣсто ночнаго чепца, она проводила время съ друзьями и родственниками своей любимицы⁽¹²¹⁾, или иногда приглашала къ себѣ на кар-

(121) Записки Манштейна, стр. 382. Донесеніе Лянара отъ 10 Марта 1741: „Графъ Минихъ и все его семейство почти не выпускаютъ правительницу изъ своего общества.“

точную игру иностранныхъ министровъ; по государственнымъ сановникамъ къ ней не было доступа. Теперь она могла безпрепятственно и на свободѣ наслаждаться счастьемъ, котораго долго была лишена: съ нею опять находился другъ ея сердца, Саксонскій графъ Линаръ. Онъ занималъ прежде должность Саксонскаго посланника въ Петербургъ, но въ 1735 году, ради слишкомъ близкихъ отношений къ герцогинѣ, былъ отозванъ по настоятельному требованію императрицы Анны. Тотчасъ по смерти императрицы, употреблены были старанія о вторичномъ назначеніи его въ Петербургъ; а когда онъ пріѣхалъ, фрейльна Менгденъ изъ привязанности къ своей повелительницѣ, для прикрытія связи ея, прикинулась влюбленною въ графа Линара. Тотъ ничего лучшаго не желалъ, и пользовался близостью къ Юліи Менгденъ, чтобы обдѣлывать дѣла короля своего. Въ Августъ (1741) при дворѣ произошло торжественное обрученіе его съ фрейльною Менгденъ; сама правительница надѣла имъ на руки драгоценные перстни. Вскорѣ за тѣмъ женихъ уѣхалъ въ Саксонію по дѣламъ, съ тѣмъ чтобы въ непродолжительномъ времени возвратиться и, поступивъ въ Русскую службу, занявъ должность оберъ-камергера, такъ какъ Биронъ при покойной императрицѣ Аннѣ ⁽¹²²⁾.

Минихъ, въ качествѣ близкаго родственника фрейльны Менгденъ, тоже рассчитывалъ на ея поддержку. Однако не трудно было убѣдиться, что хотя она и пользовалась неограниченнымъ вліяніемъ на великую княгиню, но полагаться на нее не было возможности. По своему неровному характеру, она дѣйствовала какъ ей покажется, и иногда ни съ того ни съ сего пренебрегала и друзья-

⁽¹²²⁾ Донесенія Линара отъ 16 Марта и 26 Августа 1741.

ми и родными ⁽¹²³⁾. Фельдмаршалъ и первый министръ занемогъ и весь Декабрь пролежалъ въ постели. Это было какъ разъ на руку вице-канцлеру Головкину и великому адмиралу Остерману, котораго больше всѣхъ другихъ обидѣло назначеніе Миниха первымъ министромъ. Головкинъ подучалъ герцога Брауншвейгскаго, чтобы онъ добивался предсѣдательства въ дѣлахъ, и хотя заранѣе было извѣстно, что фрейльна Менгденъ не преминетъ внушать правительницѣ, чтобы не давать супругу перевѣса надъ собою; но Головкину и то уже было выгодно, чтобы герцогъ считалъ Миниха своимъ противникомъ, который стоитъ ему поперекъ дороги. Остерманъ съ своей стороны шепталъ герцогу тоже самое; по часту онъ являлся къ нему въ своихъ носилкахъ, и они бесѣдовали цѣлые часы. За одно съ Остерманомъ, обергофмаршалъ Левенвольде старался, чтобы герцогъ, въ званіи генералиссимуса, приближалъ къ себѣ офицеровъ, которые были имъ преданы и не любили Миниха. „Такимъ образомъ, пишетъ полковникъ Нейбауеръ 7 Января 1741 г., противъ Миниха у насъ теперь дѣйствуютъ три важнѣйшія особы“. Тотъ самъ подавалъ на себя оружіе своимъ непопулярнымъ честолюбіемъ. По низверженіи Бирона онъ отстранилъ отъ себя званіе генералиссимуса, конечно потому, что мѣсто перваго министра показалось ему важнѣе на ту пору. Въ бумагахъ, которую супругъ правительницы назначался генералиссимусомъ, онъ не преминулъ вставить слѣдующее выраженіе: „Хотя званіе это подобаешь фельдмаршалу Миниху за тѣ услуги, которыя онъ оказалъ государству, но онъ отказывается отъ онаго въ пользу императорскаго родителя, герцога Ангона Ульриха, и довольствуется мѣстомъ перваго мини-

⁽¹²³⁾ Донесеніе Пецольда отъ 30 Ноября 1740

стра.¹²⁴ Но за тѣмъ онъ уже не считалъ нужнымъ держаться установленнаго порядка въ перепискѣ, и во всѣхъ бумагахъ, посылаемыхъ къ генералиссимусу, относился къ нему безъ всякихъ формъ подчиненности. Важныя дѣла онъ рѣшалъ безъ его вѣдома, и докладывалъ ему только о мелочахъ, напр. о повышеніи чиномъ какого нибудь офицера. Съ Остерманомъ нельзя было такъ дѣйствовать. Онъ не пропускалъ подобной невѣжливости и нѣсколько разъ настоятельно докладывалъ правительницѣ, что Минихъ, не имѣя познаній въ дѣлахъ иностранныхъ, находившихся уже 20 лѣтъ въ вѣдѣніи у него Остермана, только пугаетъ и можетъ навлечь Русскому двору большія непріятности; что Минихъ опытенъ лишь въ управленіи воинскаго департамента, а въ дѣлахъ внутреннихъ тоже мало свѣдущъ, такъ что если главное завѣдываніе всѣми дѣлами останется у Миниха, то нечего будетъ дивиться, коль скоро усилится всеобщее недовольство¹²⁴). Общій ходъ управления былъ знакомъ Остерману лучше всѣхъ другихъ; но чтобы не подчиняться Миниху и поставить его въ затруднительное положеніе, онъ нарочно ничѣмъ не занимался, отговариваясь то болѣзнию, то слабостью. Бревернъ, разумѣется, во всемъ ему вторилъ и показывалъ, будто хочетъ проситься въ отставку. Между тѣмъ фельдмаршалъ замышлялъ прибрать въ свои руки и должность генералиссимуса, оставивъ Антону Ульриху одно только имя. Тогда правительница увидала наконецъ, что необходимо положить Миниху предѣлы. Она раздѣлила управление: Остерманъ снова получилъ въ исключительное вѣдѣніе иностранную часть; канцлеръ Черкасскій и Головкинъ внутреннія дѣла, а Минихъ дѣла военныя, удерживая названіе перваго миши-

⁽¹²⁴⁾ Записки Манштейна, стр. 369.

стра¹²⁵). Онъ не въ силахъ былъ скрывать досаду на таковое совмѣстничество. Остерманъ безпрестанно раздражалъ его, дѣйствуя чрезъ Антона Ульриха. Не было ничего твердаго и опредѣлительнаго. Въ это время (въ первые дни Марта 1741 г.) такъ отзывался о Русскихъ дѣлахъ Левендаль, впоследствии славный генераль Французской службы, стоявшій такъ высоко во мнѣніи Миниха, что во время своей болѣзни онъ указывалъ на него правительницѣ какъ на достойнѣйшаго себя преемника: „Сколько я могу предугадывать, говоритъ Левендаль, фельдмаршалъ не долго удержится. Съ тѣхъ поръ какъ произошло недавнее распределеніе въ управленіи дѣлами, онъ уже другой разъ выражалъ свое негодованіе и просилъ отставки; въ послѣдній разъ ему отвѣчали, чтобы онъ оставался; но отвѣтъ послѣдовалъ въ выраженіяхъ жесткихъ и вовсе не заискивающихъ. Надо опасаться еще худшаго. Я полагаю, что даже теперешнее регенство не устоитъ, и что Россія, дол-

⁽¹²⁵⁾ Донесеніе Ливара отъ 10 Марта 1741: „Графъ Остерманъ, лишенный выгоды бывать у правительницы, столь же часто какъ гр. Минихъ, старается привлечь на свою сторону генералиссимуса, дабы чрезъ него могли доходить его внушенія. Это ему удалось, такъ какъ этотъ принцъ самъ ему сочувствовалъ, видя пренебреженіе къ себѣ со стороны фельдмаршала и ненависти отъ всей души Миниховъ и Менгденовъ, которые пользуются чрезмѣрною милостью и до сихъ поръ, какъ говорятъ, злоупотребили довѣріемъ правительницы для своихъ личныхъ выгодъ и мѣшали добрымъ отношеніямъ ея съ супругомъ. Принцъ часто ѣздитъ къ гр. Остерману, остается у него по долгу, и во отзывамъ его для всѣхъ становится замѣтно, что онъ беретъ уроки общей политики: въ особенности разсуждаетъ онъ о томъ, какія нужны мѣры для того, чтобы настоящіе Европейскія обстоятельства прошли не безъ пользы для здѣшняго двора и народа.“

женствующая, но природнымъ своимъствамъ своихъ жителей, имѣть надъ собою вполне самодержавную главу, дѣлать порт не можетъ быть благополучно управляема, пока великая княгиня не объявитъ себя самодержавною. Въдѣ царствовали же здѣсь два брата вмѣстѣ: еще проще было бы, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, самодержавно царствовать матери вмѣстѣ съ сыномъ. Я не знаю только, черезъ кого бы передать эту мысль великой княгинѣ, а самъ я не имѣю возможности поговорить съ нею⁽¹²⁶⁾. Паденіе Миниха послѣдовало черезъ нѣсколько дней, и не одинъ Левендааль, но и многіе другіе, были увѣрены, что для существованія Россіи необходима единая самодержавная глава, хотя бы правительство и не принимало особенно въ расчетъ Русскую народность⁽¹²⁷⁾.

24 Марта, часомъ раньше до того, какъ обыкновенно садилась играть въ карты, великая княгиня правительница позвала къ себѣ гр. Динара и изложила ему причины, по которымъ она считаетъ себя вынужденною дать отставку фельдмаршалу Миниху. „Онъ не исправимъ въ своемъ доброхотствѣ къ Пруссіи— сказала Анна— тогда какъ я ему много разъ выражала рѣшительную мою волю помочь Маріи Терезіи. Кромѣ того я ему давала понять, чтобы все повелѣнія, приходящія къ нему отъ моего

мужа, исполнялись какъ мои собственныя; онъ какъ будто и знать не хочетъ и не только отказывается принимать ихъ, но не исполняетъ рѣшительно и моихъ собственныхъ приказаній, а вмѣсто того дѣлаетъ распоряженія противныя. Я не могу дальше откладывать его увольненіе, потому что нельзя быть спокойною, пока имѣешь дѣло съ этимъ человѣкомъ“. Родному сыну фельдмаршала (обергофмейстеру) и Левенвольде (обергофмаршалу) велѣно объявить ему это рѣшеніе. Боялись однако, что онъ сумѣетъ воспользоваться и нѣсколькими часами власти, до сложения оной; поэтому герцогъ Брауншвейгскій, въ качествѣ генералиссимуса, тотчасъ же оповѣстивъ, именемъ императора, всѣмъ находившимся въ Петербургѣ и окрестностяхъ гвардейскимъ и полевымъ полкамъ объ увольненіи фельдмаршала; а на другой день послѣдовало торжественное объявленіе о томъ сенатскимъ указомъ, который читался во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и по всему городу, съ барабаннымъ боемъ, что обыкновенно дѣлалось лишь при объявленіи о наказаніи уголовныхъ преступниковъ! Два полицейскіе чиновника приняли потомъ на себя вину, будто они сдѣлали такое распоряженіе по ошибкѣ. Нѣсколько болѣе замѣтныхъ лицъ отвезено въ крѣпость, потому что ихъ подозрѣвали въ приверженности къ фельдмаршалу⁽¹²⁸⁾. Почти все, отъ мала до велика, спѣшили высказать что либо

(126) Донесеніе Динара отъ 13 Марта 1741.

(127) Тоже, отъ 10 марта 1741: „Готовность народа примѣниться ко всему выразилась достаточно въ томъ, что онъ съ одинокою легкостью и призналъ и отвергъ регенство герцога Курляндскаго. Въ прежнее время народъ находилъ, что слишкомъ предпочитаютъ во всемъ Пѣццевъ; онъ боится, судя по тому, что видится, что этому конца не будетъ, и поэтому въ мысляхъ его все еще царица Елизавета, дочь императора Петра, и слѣдовательно женщина Русская“.

(128) Въ томъ числѣ генераль рекетмейстеръ Фенинъ и совѣтникъ юстиціи Масловъ, получившіе эти должности съ тѣхъ поръ, какъ Минихъ сталъ первымъ министромъ. „Въ гласную вину имѣнены имъ всякаго рода интриги и полученіе непозволительныхъ подарковъ; про перваго изъ нихъ говорятъ, что въ короткое время онъ набралъ слишкомъ сто тысячъ рублей“. Донесенія Динара 14 и 18 Марта 1741.

дурное на счетъ фельдмаршала; по никто такъ не злорадствовалъ его паде- нію, какъ Австрійскіе министры. Они предавались блестящимъ надеждамъ. Дѣло въ томъ, что Минихъ весьма сухо принялъ маркиза Ботту (отозван- наго въ Вѣну не задолго передъ кон- чиною императрицы Анны и прислан- наго обратно въ Январѣ 1741 г. тот- часъ, какъ только въ Вѣнѣ узнали о томъ, что правленіе перешло къ гер- цогинѣ Аннѣ). Одному изъ друзей Пе- цольда, Минихъ въ слѣдующихъ выра- женіяхъ отзывался объ отношеніяхъ къ Австріи: «Генераль Ботта съ пер- выхъ словъ предложилъ, чтобы Россія немедленно предоставила имъ въ рас- поряженіе свои 30 тысячъ человекъ, и при этомъ не упомянулъ ни словомъ, на что будутъ употреблены и какъ со- держаны эти войска. Вѣнскій дворъ и не думаетъ понижать своего прежняго высокомернаго тона; на каждомъ ша- гу обнаруживается черезъ чуръ далеко распространяемая система тамошняго министерства, которая всему мѣшала еще при покойномъ императорѣ Кар- лѣ VI, и по которой будто не одобро- вать Европѣ, коль скоро нарушится цѣлость Австрійскихъ владѣній, а отъ сохраненія ихъ будто окажется рано или поздно выгода для всѣхъ дворовъ. Я напоминалъ генералу Боттѣ, что въ послѣднюю Турецкую войну въ Вѣнѣ вовсе не спѣшили оказывать Россіи помощь, условленную въ трактатѣ; что мнѣ удивительно, неужели Австрія чув- ствуетъ себя въ крайности, между тѣмъ какъ противникъ ея король Прусскій дѣйствуетъ противъ нея всего съ 20 ю тысячами человекъ; что коль скоро они не готовы отразить и подобное напа- деніе, то не помогутъ имъ и 30 ты- сячъ Русскихъ; что наконецъ трудно вновь покорять своему владычеству страну, жители которой сами добро-

хотствуютъ неприятелю» (129). Тѣмъ временемъ Фридрихъ II не упустилъ подкрѣпить Миниха въ его нераспо- ложеніи къ Австріи и оказывалъ ему всякаго рода вниманіе.

Еще въ регентство Бирона начались переговоры о возобновленіи и усиленіи послѣдняго союзнаго трактата Пруссіи съ Россіею, заключеннаго въ 1734 г. На совѣщаніяхъ 16 (27) Дек. 1740 г. Прусскій посланникъ достигъ по край- ней мѣрѣ увѣренности, что Петербург- скій кабинетъ не будетъ дѣйствовать враждебно; и хотя гр. Линарь и мар- киизъ Ботта, помимо Миниха, соединен- ными усиліями склонили было прави- тельницу разрушить заключенный съ Пруссіею трактатъ, но вскорѣ они уви- дали, что это не такъ легко сдѣлать. Правда, Остерманъ былъ противъ Ми- ниха и пользовался его рѣзкими вы- ходками, чтобы погубить его при со- дѣйствіи Антона Ульриха, безусловно преданнаго Австріи; но въ сущности онъ тоже стоялъ за Пруссію, и будучи уроженцемъ этой страны, не могъ по- давать въ себѣ пристрастія къ ней. Къ тому же начинались неудовольствія съ Швеціею, и на этотъ разъ Россія не могла принять открытаго участія въ борьбѣ Пруссіи съ Австріею.

И такъ, паденіе Миниха, сверхъ чая- нія, не произвело рѣзкаго измѣненія во внѣшней политикѣ Россіи. Но и внутрен- няя дѣла тоже не измѣнялись къ чему либо лучшему и болѣе надежному. Не- медленно закипѣла ожесточенная враж- да между Остерманомъ и вице-канцле- ромъ гр. Головкинымъ. Сей послѣдній не отличался трудолюбіемъ и не имѣлъ вокругъ себя такихъ помощниковъ и совѣтниковъ, которые бы пополюжили его изъяны; тѣмъ не менѣе ему хо-

(129) Донесенія Пецольда и Нейбауера 19 Января 1741.

тлось, чтобы Остерманъ вѣдалъ исключительно одинъ иностранныя дѣла, тогда какъ тогъ вовсе не думалъ упускать изъ виду дѣла внутреннія, участіемъ въ коихъ открывался ему наилучшій способъ снискать себѣ значеніе и любовь Русскаго народа. Орудіемъ Остермана былъ Антонъ Ульрихъ, а Головкинъ дѣйствовалъ на правительницу, и устроивалъ такъ, что она почасту рѣшала важнѣйшія дѣла, не сказавъ ни слова ни супругу своему, ни Остерману. Парти и замыслы перепутывались. Прежде всего на очереди былъ вопросъ, кому достанется послѣ Бирона Курляндское герцогство. Россія предъявила притязаніе на многія тамошнія земли, которыя и были заняты Русскими войсками. Еще Петръ I выдалъ значительную сумму супругу своей племянницы, герцогу Фридриху Вильгельму подъ залогъ помѣстій. Къ этому присоединились другіе долги, которые были частію выплачены Бирономъ, частію прощены императрицею Анною; но теперь Петербургскій кабинетъ объявилъ, что Биронъ очищалъ долги на счетъ Русской казны, и что подобной уплаты признать не возможно. Стали дѣйствовать на Курляндское дворянство. Ему предложенъ въ герцоги, подъ покровительствомъ Россіи, одинъ изъ многихъ братьевъ Антона Ульриха, Эрнстъ Людвигъ. Графъ Морицъ Саксонскій, тогда находившійся въ Парижѣ генераломъ французской службы, также попытался заявить свои притязанія, однако безуспѣшно. 27 Іюня директоръ сейма Корфъ, во главѣ запуганнаго дворянства, объявилъ, что въ государи единодушно избранъ герцогъ Брауншвейгскій Эрнстъ Людвигъ. Но и сему послѣднему не суждено было властвовать въ Курляндіи; ибо Польская республика воспротивилась его утвержденію, а между тѣмъ въ Петербургѣ смѣнилось пра-

вительство, и новозбранный герцогъ очутился безо всякой поддержки. Онъ былъ красивъ собою и отваженъ духомъ; правительница Анна думала женить его на царевнѣ Елизаветѣ, которая конечно должна была бы поначиниться и этому, хотя въ то время у нея было совсѣмъ другое на умѣ: правительство съ каждымъ днемъ становилось слабѣе, и Елизаветѣ открывалась иная будущность.

Въ то время, какъ молодой герцогъ Людвигъ занималъ собою Петербургское высшее общество и особливо женщинъ,—остальное досужее народонаселеніе столицы развлекалось зрѣлищемъ великолѣпнымъ и чрезвычайнымъ: торжественнымъ вѣздомъ двухъ посольствъ изъ странъ восточныхъ. По Бѣлградскому миру было выговорено, чтобы Русскаго посла въ Царьградѣ встречали съ такимъ же торжествомъ, какъ и Римско-императорскаго; поэтому Петербургскій кабинетъ медлил принимать Турецкое посольство до тѣхъ поръ пока не узналъ о томъ, какъ былъ принятъ Русскій посолъ. Извѣстіе пришло удовлетворительное, и вѣзды Турецкаго посла былъ великолѣпный. Но еще необычайнѣе было другое посольство, изъ Персіи. Надиръ-шахъ (Тамасъ-кули-ханъ), послѣ громкихъ побѣдъ своихъ въ Индіи, отправилъ въ 1740 году посольство къ императорскому двору съ тѣмъ, чтобы ооувѣститъ свои подвиги. Посольство состояло ни мало, ни много какъ изъ 16 тысячъ человекъ, и при нихъ 20 пушекъ. Русское правительство, получивъ во время извѣстіе о такомъ посѣщеніи, выслало на встрѣчу Персамъ генерала Апраксина съ небольшимъ войскомъ и велѣло предупредить, что „на пространствѣ между Астраханью и Москвою лежатъ степи, гдѣ можетъ случиться недостатокъ въ продоволь-

ствіи для людей и скота, и что поэтому благоразуміе будетъ ограничить посольство 3-мя тысячами человекъ.⁽¹³⁰⁾ Это предупрежденіе озадачило Персидскаго посла; онъ отправилъ гонца къ своему повелителю и получилъ приказаніе уговориться съ Русскими чиновниками о числѣ посольской свиты (130). Онъ въѣхалъ въ Петербургъ 10 Окт. 1741 г. на конѣ, съ чрезвычайною пышностью и въ сопровожденіи 3-хъ тысячъ человекъ. Впереди шло 14 слоновъ, изъ коней 9, присланные въ подарокъ императору, отличались необыкновенною громадностью; изъ остальныхъ пяти получили по одному правительница, царица Елизавета, генерал-ссимусъ, графъ Остерманъ и обер-гофмаршалъ Левенвольде. На аудіенціи посоль представилъ богатѣйшіе дары, множество цѣнныхъ тканей, жемчужныя и алмазныя застежки, пояса, запястья, перстни, золотую сбрую, украшенные брилліантами, рубинами, смарагдами и другими дорогими камнями. По восточному обычаю — пишеть Пецольдъ — алмазы всѣ въ естественномъ видѣ, не грабенные; но многіе изъ нихъ весьма цѣнны, оправы же на нѣкоторыхъ такой прекрасной и искусной работы, что они обратили бы на себя вниманіе и въ Дрезденской Зеленой Палатѣ⁽¹³¹⁾. Посоль сказалъ правительницѣ что „повелитель его захотѣлъ подѣлиться отплатою у великаго Могола добычею съ такимъ добрымъ союзникомъ, каковъ Россійскій императоръ.“ Сначала опасались, не замышляетъ ли Надиръ-шахъ захватить подь

рукою Астраханское царство; но опасеніе оказалось напраснымъ. Вѣроятно, что шахъ отправилъ это великое посольство съ цѣлью жениться на царицѣ Елизаветѣ, и для того обѣщался ввести въ свои владѣнія христіанское вѣроисповѣданіе. Положительно то, что Персидскому послу приказано было лично переговорить съ царицею; но ей не позволили дать ему аудіенцію, и царица весьма негодовала на то. Тайный совѣтникъ Мишихъ (братъ фельдмаршала) и генераль-маіоръ Аираксинъ принималъ отъ Персіанъ привезенные для нея подарки, и она приказала имъ передать гр. Остерману слѣдующее. „Онъ воображаетъ, что никому не замѣтно его лицемерство; но я очень хорошо вижу, какъ онъ не пропускаетъ случая нанести мнѣ оскорбленіе и подаетъ такіе совѣты, которые бы не пришли и въ мысли добросердечной правительницѣ. Онъ забываетъ, кто я и кто онъ самъ. Пусть вспомнитъ, что если теперь онъ важенъ, то за это обязанъ моему отцу, который вывелъ его въ люди изъ писмоводителей. Я же никогда не забуду, какія права предоставлены мнѣ Богомъ и моимъ происхожденіемъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что ему ничего не будетъ прощено“⁽¹³²⁾.

Такимъ образомъ, отношенія лицъ при Петербургскомъ дворѣ были въ напряженномъ состояніи. Между тѣмъ въ Стокгольмѣ вѣлѣдствіе борьбы партій, происходили бурныя засѣданія чрезвычайнаго сейма, окончившіяся тѣмъ, что Швеція, вопреки очевидной несостоятельности средствъ своихъ, принуждена была объявить войну Россіи, этому, хотя и дремлющему, по все же великану. Въ Германіи шла война; чтобы отвлечь Россію отъ участія въ ней

(130) Манштейнъ, стр. 379. Бартольдъ, въ Раумеровой Исторической Карманной Книжкѣ, годъ 1837, стр. 65.

(131) Донесеніе Пецольда 14 Окт. 1741. Зеленая Палата въ Дрезденѣ нѣчто въ родѣ нашей Грановитой. II. Б.

(132) Пецольдъ, 21 Окт. 1741.

и тѣмъ самымъ нанести ущербъ Австріи, Версальскій кабинетъ находилъ выгоднымъ занять Россію войною на съверь. Впрочемъ и то правда, что новое, преданное Франціи Шведское министерство допущено было къ кормилу правленія лишь въ томъ предположеніи, что оно удовлетворитъ желанію народа помѣриться силами съ Россією. Начальство надъ войскомъ получилъ предсѣдатель сейма, графъ Карлъ Эмиль Левенгауптъ, человекъ вовсе не свѣдущій и не опытный въ военномъ дѣлѣ. Безумная отвага восторжествовала, и 14 Юля (4 Авг.) объявлена война. Шведы воображали, что имъ ничего не стоитъ раздвинуть свои границы, какъ онѣ были въ 1700 г., и взять обратно Прибалтійскій край, Выборгъ, Петербургъ, Шлюссельбургъ и Кронштадтъ. Въ одно время съ объявленіемъ войны затруднено было почтовое сообщеніе съ Петербургомъ, дабы Русское правительство не имѣло времени принять свои мѣры. Но Русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Бестужевъ находилъ множество путей для сообщенія въ Петербургъ обо всемъ, что происходило на сеймѣ: можно было подумать, что онъ самъ присутствовалъ на засѣданіяхъ тайнаго комитета. Еще въ исходѣ Юля генералы Кейтъ, Лассій и принцъ Гессенъ-Гомбургскій появились съ двумя войсками въ Финляндіи и расположились станомъ у Красной Горки, въ семи часахъ пути отъ Петербурга; третьему войску, подъ предводительствомъ Левендаля, велѣно стать въ Лифляндіи. Въ Шведскомъ манифестѣ причинами войны выставлены были: нарушеніе Ништатскаго договора, непрошенное вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи, обида Шведскихъ подданныхъ въ Русскихъ судебныхъ мѣстахъ, запрещеніе отпускать въ Швецію хлѣбъ въ противность договору и

накопещъ убійство Сиклера. 25 Августа Кейтъ вступилъ въ Шведскую Финляндію, а за два дня передъ тѣмъ, въ праздникъ рожденія императора, обнародованъ, при радостныхъ кликахъ солдатъ, Русскій манифестъ о войнѣ. Сентября 3-го уже произошло сраженіи при городкѣ Вильманштрадѣ. Шведы оборонялись упорно, но были разбиты, городъ занятъ и опустошенъ. Причиной пораженія была непредусмотрительность генерала Врангеля, который и поплатился за то тюремнымъ заключеніемъ; черезъ два года разыскано, что виноватъ былъ генерал-лейтенантъ Будденброкъ, опоздавшій явиться на помощь: его казнили смертію. Ему поручено было развѣдывать въ Финляндіи о силахъ непріятеля; но онъ доставлялъ свѣдѣнія неточныя и вымышленныя, существенно повредившія Шведскимъ войскамъ: вотъ настоящая причина казни, которой онъ подвергся. Послѣ побѣды своей Русскіе увели съ собою жителей Вильманштрада, расположились станомъ на прежнемъ мѣстѣ и посылали оттуда для нападенія небольшие отряды. Въ Петербургъ всячески ласкали Шведскихъ офицеровъ, и заскивали ихъ приверженности. Между тѣмъ, въ исходѣ Сентября, къ Русской границѣ приближался графъ Левенгауптъ съ 24-мя тысячами исправнаго во всѣхъ отношеніяхъ войска; но по видимому онъ не намѣревался предпринять что либо рѣшительное въ этомъ году, и потому Русскіе 8 Ноября расположились на зимнія квартиры.

Въ это время при Петербургскомъ дворѣ стали помышлять о необходимости упрочить и обезпечить преобладающую власть. Юля 26-го правительница разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериною. Вслѣдъ за тѣмъ, издано постановленіе, по которому право престолонаслѣдія, въ случаѣ кончины императора и не-

имѣнія другихъ дѣтей мужескаго пола, предоставлялось и дочерямъ отъ брака правительницы съ Антономъ Ульрихомъ. Вице-канцлеръ Головкинъ и нѣкоторые другія лица выразили даже желаніе, чтобы Анна сама вступила на императорскій престолъ, что и должно было совершиться 7 Декабря, въ день ея рожденія (133). Но принцесса, сама не замѣчая, готовила погибель себя и семьи своей медлительностью и нерѣшительностью. Министры тянули дѣла каждый на свою сторону, правительница продолжала ссориться съ супругомъ; и, при ненависти къ иноземному происхожденію преобладающихъ властей, постепенно росло неуваженіе къ нимъ. Поэтому неудивительно, что вмѣстѣ съ этимъ возрастала и народная приверженность къ дочери Петра Великаго, царевнѣ Елизаветѣ, любимой не только за ея происхожденіе, но и за то, что она жила по русски и была вѣрна простонароднымъ обычаямъ. Она рѣшилась воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ, свергнуть тяготѣвшее надъ нею иго зависимости и сама вступить на престолъ. Доселѣ она жила особнякомъ, забытая и пренебрегаемая. Никто изъ чиновныхъ людей не отваживался ѣздить къ ея двору. Приближенными къ ней лицами были люди незамѣтные, ея камеръ-юнкеръ Воронцовъ, ея лейбъ-хирургъ Лестока и нѣкто Шварцъ. Сей послѣдній, проходивецъ, родомъ изъ Саксоніи, за долго до того поступилъ на службу къ царевнѣ въ качествѣ музыканта, потомъ ѣздивъ въ Китай съ посольствомъ

и по возвращеніи оттуда определенъ въ Академію наукъ, въ географическій департаментъ, со скуднымъ жалованьемъ, котораго не доставало ему на прожитокъ. По старому знакомству онъ пользовался пособіями отъ двора Елизаветы и могъ навѣщать ее, когда хотѣлъ. Вмѣстѣ съ Лестокомъ, и отчасти съ Воронцовымъ, онъ уже давно дѣйствовалъ въ пользу Елизаветы какъ при большомъ дворѣ, такъ и между остальнымъ обществомъ. Французскій посоль, маркизь Де ла Шетарди снабжалъ ихъ значительными деньгами, такъ что они посредствомъ подкупа могли разубаждать что имъ было угодно. По главною опорою предпріятія служила приверженность нѣкоторыхъ гвардейскихъ гренадеровъ. Дворъ и правительство, какъ ни небрежно велись дѣла, напали однако на слѣды этого заговора, что и побудило царевну и ея сторонниковъ воспользоваться развязкою, которая иначе грозила имъ гибелью. Еще 24 Ноября, въ собраніи при дворѣ, правительница читала царевнѣ письмо, полученное будто изъ Бреслава и извѣщавшее о необходимости остерегаться царевны и немедленно предать заключенію ея лейбъ-хирурга Лестока. Прочитавъ письмо, правительница, по своему добродушію, неосторожно прибавила, что хотя она и не вѣритъ содержанію письма, но надѣется что царевна на нее не будетъ сердита, коль скоро Лестока арестуютъ за какія нибудь проказы.

Въ это самое время генераль Ле-венгауптъ вздумалъ воспользоваться колебаніемъ Петербургскаго двора и разослалъ объявленіе, что онъ съ Шведскою арміею вступаетъ въ предѣлы Россіи единственно за тѣмъ, чтобы потребовать удовлетворенія за обиды, нанесенныя Шведской коронѣ *иностранными правительственными лицами,*

(133) Аннѣ Леопольдовнѣ было тогда 23 года: она родилась въ Ростокѣ въ 1718 г. Не слѣдуетъ забывать, что большую часть времени своего правленія она была беременна, чѣмъ и объясняется вышеупомянутое нерасположеніе ея къ дѣламъ П. Е.

господствующими съ нѣкотораго времени въ Россіи, и въ то же время, чтобы „избавить Русскій народъ отъ неспоснаго ига и жестокости этихъ иностранцевъ.“ 24 Ноября отданъ въ Петербургъ приказъ гвардіи, въ числѣ 4 тысячъ человекъ, на другіе сутки идти въ походъ къ Выборгу. Рассказывали, что это распоряженіе сдѣлано было вслѣдствіе привезеннаго однимъ курьеромъ извѣстія о томъ, что генералъ Левенгауптъ выступилъ со всею Шведскою арміею и идетъ на Выборгъ. Но сторонники Елизаветы полагали, что извѣстіе было вымышлено, чтобы имѣть предлогъ къ удаленію изъ Петербурга гвардейцевъ, извѣстныхъ своею приверженностью къ царевнѣ; и кромѣ того, не безъ основанія опасались, что самой Елизаветѣ не долго оставаться на свободѣ. И такъ минуты были дороги; кто раньше приступитъ къ рѣшительному дѣйствію, тотъ и одолѣетъ. Надлежало уговорить царевну, и Лестокъ не отставалъ отъ нея до тѣхъ поръ, пока она согласилась, чтобы въ ту же ночь, съ 24 на 25 Ноября, произвести переворотъ.

ЧЕРТА ПРАВОВЪ, СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

I.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Елизавета Петровна, самодержица Всероссийская, государыня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ раба вашего императорскаго величества послѣдняго, лейбъ-гвардіи преображенскаго полку прапорщика Максима Михайловича Ватазина, чтобъ заслужбу его тридцать лѣтъ пожаловать коллежскимъ ассессоромъ-рангъ маіорской. А что мужъ мой изъ

гвардіи вышелъ, тому маіоръ Альбрехтъ (1) виновенъ: дважды билъ и объявилъ ему: «я-де жизнь твою скоротаю, или-де ты въ отставку или въ другіе полки проси, а то-де тебѣ живу отъ меня не быть! И мужъ мой, побоясь того, сталъ просить въ отставку. А нынѣ онъ въ Костромѣ воеводскимъ товарищемъ. А я просила господъ сенаторовъ, да все отходятъ смѣшками. У Александра Борисовича (2) дважды была и толку не нашла. У князя Никиты Юрьевича (3) была и онъ сказалъ: «какъ же сударыня быть: есть его стари (*sic*)?» А намъ что нужды: они не просятъ, мы просимъ. А князь Иванъ Васильевичъ (4) радъ душою, да одному нельзя. А вчерась Петра Ивановича (5) просила, только онъ гнѣвается, и я испужалась и прозбы своей не докончала. А мнѣ безъ ранга и мужу моему показатца нельзя. А Александра Борисовичъ еще затѣялъ новое, чтобъ я сама въ сенатъ пошла, а я и дверей не знаю, да и солдаты не пустятъ.

Умились, матушка, надо мною сиротою, прикажи указомъ. А я подведу вашему императорскому величеству лучшихъ собакъ четыре: Еполитъ да Жульку, Женету, Маркиза. Ей Богу, безъ милости не поѣду и буду жить у Мавры Егорьевны (6); а мужа моего знаетъ придворный человекъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ и свои деревни ему приказалъ, и Романъ Ларионовичъ (7), и Никита Андреевичъ,

(1) О немъ есть нѣкоторыя извѣстія въ книгѣ Маркиза де ла Шетарди.

(2) Куракина

(3) Грубецкаго.

(4) Долгорукой?

(5) Графа Шувалова.

(6) У супруги графа П. И. Шувалова; къ ней писано нижеслѣдующее письмо

(7) Воронцовъ

Анна Никитишна знаютъ мужа моего: дуракомъ не назовутъ, и Анна Ивановна и Веригинъ, зять Анны Никитишны. Прося съ умиленіемъ и слезами *Анна Данилова дочь Ватазина.*

II.

Сіятедьнѣйшая графиня милостивая, государыня моя мать Мавра Егоровна.

Прошу у васъ государыня милости, помилуй не забуди убогую до конца. Напомни, государыня, мое сиротство, доложи всемилостивѣйшей государынѣ обо мнѣ, бѣдной. Уже я, бѣдная, кромѣ сего не имѣю себѣ надежды никакой, а въ Кострому ѣхать, милостивая государыня матушка, не смѣю.

А что, государыня матушка, касается до собакъ, то истинно кой часть приѣду въ Кострому, Жулію вамъ пришлю; а Иполита, матушка, обѣщала я его превосходительству Василью Ивановичу Чулкову. Еще же, милостивая государыня матушка, мужъ мой пишетъ ко мнѣ: досталъ такого славнаго кобели, котораго по всей Костромѣ лучше нѣтъ, и тѣмъ вамъ услужу.

Пожалуй, сіятедьнѣйшая графиня, милостивая государыня матушка, не оставь бѣдной просьбы, чтобъ я бѣдная, приѣхала въ Кострому вашу высокою милостію въ славу, а не въ посмѣшище. Помилуй, матушка, истинно только надежду имѣю, что васъ, государыня, а кромѣ васъ ни на кого надежды не имѣю.

А ежели вы, государыня матушка, милости не покажите, то приѣхавши въ Кострому въѣхъ собакъ переведу и держать ихъ у себя не буду, коли они, проклятыя, бещасны. Вашего высокографскаго сіятельства всенижайшая раба *Анна Ватазина.*

Іюня 15 ч.
1753 году

ПИСЬМО С. А. ПОРОШИНА КЪ ГР. Г. Г. ОРЛОВУ.

Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь Григорій Григорьевичъ.

Имѣя нынѣ вѣрный случай писать, не могъ я преминуть, чтобъ не писать къ вашему сіятельству. Переменна моего состоянія, будучи мнѣ столь тягостна и чувствительна, безпрестанно побуждаетъ меня озираться на прошлыя дѣла свои и разбирать, какія бы между ими могли быть причиною сего несчастнаго въ жизни моей произшествія. Вижу, милостивый государь, и слышу, что о поступкахъ моихъ при государѣ цесаревичѣ сдѣлано такое описаніе, отъ коего теперь я стражду. Размышляя о нихъ, сужу себя безъ всякаго самолюбія и потворства и повторяя стократно грустное таковое упражненіе, не нахожу ничего, чтобъ могло служить къ моему предосужденію. Съ самаго моего вступленія ко двору его императорскаго высочества обратилъ и посвятилъ я на то все свои силы, чтобъ быть государю великому князю полезнымъ, и тѣмъ бы, сколько отъ меня зависѣло, споспѣшествовать высокоmaterнимъ намѣреніямъ ея императорскаго величества и сладчайшему упованію всего Россійскаго общества. При его высочествѣ служилъ я, милостивый государь, около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно и съ ущербомъ собственныхъ своихъ забавъ и удовольствій, на которыя влекли меня и лѣта мои и безчисленные случаи, старался не упустить изъ виду одного своего предмету. По сему побужденію испросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать государю великому князю нужныя для военнаго искусства математическія науки, писалъ для его высочества особый курсъ, въ которомъ за-

ключались: ариѳметика, геометрія, начальныя основанія механики и гидравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Ариѳметику государь великій князь всю почти съ доказательствомъ у меня окончилъ и въ геометріи сдѣлалъ начало. Оной курсъ намѣренъ я былъ вмѣстѣ съ учебными математическими тетрадьми руки его высочества поднести ея императорскому величеству. Кромѣ сего приготовилъ я, милостивый государь, сочиненіе, названное мною: *Государственной механики*. Въ ономъ хотѣлось мнѣ для его высочества вывести и показать разныя части, коими движется государство, изъяснить на примѣръ, сколько надобно солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч., и какъ кто долею поспѣшествуетъ всеобщему благоденствію; что не можетъ государство быть никакимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи. Расположеніе сего сочиненія было уже у меня и сдѣлано. Онымъ же главнымъ своимъ намѣреніемъ упражняясь, началъ я съ нѣкоторымъ человѣкомъ ⁽¹⁾, почтеннымъ отъ всѣхъ за его ученіе и преизящныя дарованія, переписку о разныхъ нравоучительныхъ и историческихъ матеріяхъ, которую собирались мы напечатать и поднести его высочеству. Сверхъ всего сего, вѣдая, что въ дѣтскихъ его высочества лѣтахъ не всегда пріятно и весело слушать формально предлагаемыя истины и знанія, старался вмѣшивать и доводить до него оныя, сколько смыслилъ, во всѣхъ моихъ повседневныхъ съ нимъ обращеніяхъ и разговорахъ иногда такъ, чтобъ и самому его высочеству то непримѣт-

но было, дабы не навелъ скуки и отвращенія. Въ таковыхъ случаяхъ кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ Россійскаго языка, которыя нечувствительно тщился я подавать государю цесаревичу, наблюдалъ, чтобъ въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью; чтобъ любить народъ Россійской, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ; чтобъ твердо и непоколебиму быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ его высочество должно. Во всѣхъ таковыхъ своихъ упражненіяхъ, тѣ, милостивый государь, имѣлъ за единственное себѣ одобреніе и утѣшеніе, чтобъ заслужить себѣ со временемъ высочайшее благоволеніе всемилостивѣйшей и премудрой самодержицы. Теперь истинно не могу удержать слезъ своихъ, что посредѣ такового тихаго и какъ бы казалось не непохвальнаго теченія вверженъ въ наилютѣйшее безпокойство, приведенъ подъ гнѣвъ у ея императорскаго величества. Ударъ сей тѣмъ мнѣ несноснѣе, что пораженъ имъ незапно и нечаянно. И по оному своему поведенію могъ ли ожидать того, примите, милостивый государь въ разсужденіе. Правда, что и прежде сего по онымъ всегдашнимъ моимъ съ государемъ цесаревичемъ обращеніямъ, будучи я отъ его высочества почтенъ особливою склонностью и милостью, видѣлъ, что то завистливому невѣжеству непріятно было и принужденъ былъ сносить иногда отъ оного нѣкоторыя притѣсненія, кои однакожъ презиралъ я и ни во что ставилъ. Случилось на примѣръ нѣкогда, что его высочество, увѣряя меня съ отѣвѣтною горячностью, что онъ меня жалуется,

(1) Кто это, мы не знаемъ. Не будущій ли митрополитъ Платонъ?

услышалъ, что я ему говорю, что тому невѣрю, потому что изволить говорить, что жалуется, а когда въ излишности его увеселеній или въ невниманіи при ученіи уговаривать станешь, такъ иногда и не изволить слушать. Симъ государь великій князь такъ былъ тронуть, что изволилъ дать мнѣ слово, чтобъ всегда меня слушатца. И подлинно долгое время отъ сего успѣхъ я видѣлъ: какъ скоро объ ономъ нашемъ договорѣ напомяну ему, то вѣрно изволить послушатца и отстать отъ той неприличности, въ коей его оговаривалъ. Сіе безвинное и почти шуточное, для его жъ высочества пользы положенное, условіе было перетолковано такъ, что будто я хочу, чтобъ только великій князь меня одново слушался и мнѣ бѣ только слѣдовалъ, и однимъ словомъ, чтобъ дѣлалъ все то только, чего я ни захочу; были тутъ прибавлены и другіе тому подобныя перетолки и низости, какіе только маленькой и темной духъ-пакостникъ вымыслить можетъ. Но о всемъ томъ тогда жъ изъяснялся я съ его высокопревосходительствомъ нашимъ главнокомандующимъ, ⁽²⁾ и онъ изволилъ мнѣ тогда дать знать, что входитъ въ мои изъясненія. А пинѣ что такое на меня изведено, ей, ей, милостивый государь, обстоятельно ни отъ кого не слыхалъ, и клянусь вашему сіятельству честью и всѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ, что ничего не знаю. Защитите меня, милостивой государь, многомошнымъ ходатайствомъ вашимъ. Лишенному всего ваше сіятельство можете все доставить, и тѣмъ обязать меня на вѣки. Невинность моя за меня будетъ вамъ поборствовать: на васъ, милостивой государь, единственная моя несомнѣнная надежда. Несчастьемъ своимъ гублю я своихъ родите-

(2) Гр. Н. И. Панинымъ.

лей ⁽³⁾, гублю сестеръ своихъ и брата, кои отъ меня только всей себѣ помощи ожидали. Войдите, милостивой государь, въ бѣдственное мое состояніе. На сихъ дняхъ поѣду я въ Ахтырку, но откуда бѣ не могла достать меня помощная рука ваша! Я пребываю по гробъ мой съ отличною преданностью и совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга С. Порошинъ.

Москва
Маія 3 дня
1766 года.

(Изъ рукописныхъ сборниковъ Чертовской бібліотеки).

Письмо это прибавляетъ новую черту къ біографіи Семена Андреевича Порошина (1741-1769) этого честнаго человѣка и добросовѣстнѣйшаго изъ наставниковъ. Въ то же время оно служитъ нѣкотораго рода продолженіемъ драгоценныхъ его дневныхъ Записокъ (Спб. 1844. 8^о), отражающихъ въ себѣ какъ въ зеркалѣ историческую картину нашего двора и Петербургскаго общества за 1764-1766 года. Причину внезапнаго своего удаленія отъ должности наставника при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, Порошинъ подозрѣвалъ въ темныхъ каверзахъ иностранцевъ (Записки, стр. 449, 526 и др.) соучастниковъ его въ дѣлѣ воспитанія; но едва ли самому ему былъ извѣстенъ одинъ изъ поводовъ, почему не взлюбилъ его гофмейстеръ 12 лѣтняго Павла Петровича, гр. Н. И. Панинъ. „Mr Porochine est congédié de la cour—пишетъ Фонвизинъ къ сестрѣ своей въ Москву въ Апрель 1766 года—pour les impertinences qu'il a fait par raport de mademoiselle Cheremeteff. “(Соч. Фонвизина, изд. 1866,

(3) Отецъ Порошина, генераль-поручикъ Андрей Ивановичъ, въ это время былъ главнымъ начальникомъ Кольвано-Воскресенскихъ заводовъ. Кто были его сестры, мы не знаемъ; отъ брата же его происходитъ издатель его Записокъ, извѣстный нашъ профессоръ и публицистъ Викторъ Степановичъ Порошинъ.

стр. 386). Подробности намъ неизвѣстны. Но эта Шереметева, гр. Анна Петровна, была невѣстою гр. Панина. Замѣчательно, что Порошинъ, обиженный Панинымъ, обращается къ защитѣ Орлова, который однако, при всей своей силѣ, не властенъ былъ возвратить его ко двору. Записки Порошина прерываются 13 числомъ Января 1766 года; въ Маѣ онъ въ Москвѣ, откуда пишетъ это письмо къ гр. Орлову и гдѣ находился проѣздомъ въ Малороссію къ тому полку, куда его назначили служить. Въ 1768 году ему данъ въ команду Старооскольскій пѣхотный полкъ, но 12 Сент. 1769 г. на походъ въ Турцію онъ скончался близъ Елизаветграда. Какое уваженіе вселялъ къ себѣ этотъ достойнѣйшій человекъ, видно между прочимъ изъ того, что фельдмаршалъ Румянцовъ, скупой на изъявленія пріязни, навѣщалъ его во время его болѣзни (Записки, предисловіе, стр. XVII). *И. Б.*

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву.

1769—1776.

За сообщеніе этихъ писемъ въ Русскій Архивъ мы одолжены князю Петру Андреевичу Вяземскому; они были ему сообщены (въ списокъ съ собственноручныхъ подлинниковъ) графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, сыномъ того гр. Чернышева, къ которому письма писаны. Это собственно, скорѣе не письма, а дѣловыя записки по должности генералъ-адмирала, занимаемой великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ въ царствованіе императрицы Екатерины II-й; гр. же Чернышевъ (родной прадѣдъ владѣльца нашей бібліотеки Г. А. Черткова) служилъ тогда вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи. Впрочемъ, великій князь, съ самаго дѣтства своего, близко зналъ гр. И. Г. Чернышева, весьма приближеннаго ко двору еще при имп. Елизаветѣ. По вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ Петровичъ далъ гр. Чернышеву необыкновенную должность (или, вѣрнѣе сказать, почетное названіе) *генералъ-фельдмаршала по флоту*.

Читатели обратятъ между прочимъ вниманіе на слогъ писемъ и сравнятъ оный съ письменнымъ слогомъ тогдашнихъ русскихъ людей: изъ этихъ писемъ, а рѣзко изъ приведенныхъ въ „Исторіи войны 1799 г.“, видно, что императоръ Павелъ отмѣнно правильно и выразительно писалъ по русски. *И. Б.*

I.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Я получилъ письмо ваше съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что нашель въ ономъ ту же искренность и любовь, которая всегда заставляла меня любить васъ столь много. Будьте увѣрены, что оно меня еще болѣе утвердило въ тѣхъ мысляхъ, которыя я вамъ всегда старался оказывать, и теперішня наша разлука тѣмъ для меня чувствительнѣе, что я не могу персонально вамъ того изъяснить. Извините, что я столь долгое время умедлилъ отвѣтствовать на письмо ваше, и будьте совершенно увѣрены, что я пребываю вамъ всегда благосклонный. Павелъ.

С. Петербургъ

Марта 12 дни, 1769 года.

II.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Повышеніе ваше въ чинъ нашего вице-президента сдѣлало мнѣ крайнее удовольствіе, зная ваше усердіе къ управленію флота и имѣя въ васъ себѣ такова помощника. Въ самое то время, какъ я упражнялся сею радостію, получилъ посылки ваши съ великимъ удовольствіемъ и благодарностію, а особливо эстампы, которые конечно будутъ изъ лучшихъ въ моемъ кабинетѣ. Большая часть изъ оныхъ представляютъ экспедицію на Гавану, которую велъ господинъ Элфинстонъ: и такъ теперь имѣю я копию и оригинала для того, что онъ живетъ у насъ съ своими двумя сыновьями. Онъ

кажется быть человекомъ весьма достойнымъ и разумнымъ, такъ какъ п пріѣхавшіе сюда недавно поручики графъ Разумовской (1) и Козляиновъ (2) которыхъ достоинства и знанія очевиднымъ образомъ прибавились послѣ ихъ вояжей. Я не сумнѣваюсь, чтобъ всѣ сіи новопрѣзжіе не принесли великой пользы нашему флоту. Теперь приступаю я къ вамъ съ просьбою о присылкѣ картъ графства Сомерсетъ и острова святаго Елены; можетъ быть, покажется вамъ сія просьба излишнею прихотью, но вспомните уговоръ нашъ, установленной при отъѣздѣ вашемъ о взаимномъ исполненіи комиссій. Я съ великимъ сожалѣніемъ увѣдомился отъ пріѣхавшихъ сюда изъ Англій, что вы отъ дурнаго Лондонскаго воздуха были больны. Желая, чтобъ вы отъ такихъ приключеній были впредь на всегда свободны и здоровы, остаюсь вамъ на всегда благосклонной. Павелъ.

Въ Петергофѣ Іюля 15 дня 1769 года

Р. S. Сѣдла ваши съ уборами и хлыстикъ весьма полюбились всѣмъ, а особливо мнѣ, и думаю, что ничѣмъ болѣе не могу вамъ доказать оное, какъ давъ вамъ знать, что я ихъ почти всякой день употребляю.

III.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Отсылаю обратно къ вамъ присланнаго

(1) Гр. Андрей Кириловичъ, старшій сынъ гетмана, въ послѣдствіи князь. Онъ началъ службу во флотѣ и сдѣлался весьма близокъ къ великому князю. Онъ находился на томъ кораблѣ, который высланъ былъ въ 1773 г. принять невесту великаго князя, впоследствии великую княгиню Наталію Алексѣевну. Сличи письмо XIII.

(2) Тимофѣй Гаврил. Козляиновъ, впоследствии контръ-адмиралъ, дѣйствовавшій противъ Шведовъ въ 1788 и 1789 годахъ.

ко мнѣ на ординарцы лейтенанта Сукина: думаю, что его ко мнѣ ошибкою Семень Ивановичъ (3) прислалъ; ибо онъ подъ судомъ. П.

(1776 Генварь).

IV.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Отсылаю назадъ присланнаго ко мнѣ на ординарцы поручика Васькова съ тѣмъ, чтобъ на его мѣсто прислали другаго, ибо и кромѣ его другіе есть офицеры артилерійскіе, которыхъ желаю узнать. Вашъ благосклонной П.

(Генвар. 1776).

V.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Сердечно сожалѣю, что васъ видѣть не могу и что болѣзни ваша тому причиною. При семъ прилагаю выписку изъ меморій касательно до тѣхъ пунктовъ, на которые имѣю примѣтить. Вашъ благосклонной П.

(Генвар. 1776).

VI.

Царское Село Мая 21 дня 1776 года.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Ея величество приказала мнѣ взять отъ коллегій извѣстія, какія есть, по случаю построения на Дону трехъ фрегатовъ, свѣдѣнія и приказала немедленно послать курьера въ Новопавловское адмиралтейство взять извѣстіе о успѣхѣ онаго построения и, если не начато, то о успѣхѣ подрядовъ и приуготовлений. Павелъ.

VII.

Царское Село, Мая 24 дн. 1776

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Съ симъ письмомъ отправляю предложеніе въ коллегію въ отвѣтъ на сдѣланной ею мнѣ вопросъ; сверхъ того

(3) Адмиралъ Мордвиновъ?

имѣю повелѣніе приватно отъ ея величества коллегіи сказать, чтобъ она исключила вовсе изъ кондицій капитана Тройницкаго осьмой пунктъ.

Павель.

VIII.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Полученной мною отъ коллегіи рапортъ въ слѣдствіе сообщенія господина Воронежскаго губернатора Потапова, я сего дня ея императорскому величеству представилъ; и на оной ея величество отозваться изволила, что повелѣно будетъ генераль-прокурору сдѣлать выправку, какимъ образомъ лѣса вырублены и на мѣсто доставлены были, для построенія домовъ колонистамъ Саратовскимъ. По письму же господина контръ-адмирала и кавалера Сенявина, коимъ онъ проситъ о увольненіи его на годъ отъ службы, имѣеть онъ ожидать имяннаго указа. Вашъ благосклонный Павель.

Маія 26-го дня 1776-го года.

IX.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Прошу васъ прислать ко мнѣ ту вѣдомость о караулахъ и тѣ планы, кои у меня за нѣсколько дней предъ симъ были, съ принадлежащимъ къ тому подробнымъ росписаніемъ. Вашъ благосклонный Павель.

Іюня 3-го дня 1776 года.

X.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Ея величество приказала спросить у коллегіи, для чего въ инструкцію капитана Козляинова не внесень пунктъ о проходѣ его и въ Черное море, и при томъ изволила мнѣ сказать, что сіе было ея главнымъ намѣреніемъ, безъ чего бы и вся сія посылка была безплодна. Вашъ благосклонный Павель.

Царское Село, Іюня 10 дня 1776 года.

XI.

Ордеръ господину вице-президенту и кавалеру графу Чернышеву. За отбытіемъ моимъ отсюда съ будущаго понедѣльника, то есть 13-го числа сего мѣсяца, имѣете вы принять главное начальство въ дѣлахъ касательныхъ до государственной адмиральтействъ-коллегіи, и производить оныя впредь до моего возвращенія.

Павель. (4)

Іюня 10 дня 1776 года.

XII.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Ея величество изволила указать, дать запечатанную инструкцію капитану Козляинову о проходѣ, по выгрузкѣ товаровъ въ Конетантинополь, въ Черное море, которую ему распечатать въ Константинополь же. Чтоже касается до приказа корреспондента барона Фридрикса, отъ котораго по вашему расположенію фрегатамъ зависѣть надлежало бы, то ея величество нашла сіе непристойнымъ, потому что онъ могъ ихъ услатъ куда хотѣлъ; а о секретѣ изволила сказать, что и безъ того уже знаютъ. Павель.

XIII.

Царское Село, Іюня 11 дня.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Я въ крайнемъ теперъ безпокойствѣ нахожусь о графѣ Разумовскомъ и не знаю что подумать о его замедленіи и чему оное приписать; и такъ прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе дать о немъ знать; а если и вы никакого извѣстія не имѣете, то если можно прошу васъ взять освѣдомленіе, какое вы сами заблагоразсудите, отъ капитановъ ли купеческихъ

(4) Павель Петровичъ уѣзжалъ въ Берлинъ для свиданія съ будущею второю своею супругою Марією Федоровною.

кораблей, или какъ нибудь непосредственно. Я увѣренъ, что вы не откажитесь чрезъ то меня одолжить и при томъ избавите отъ великаго безпокойства, особливо въ такіе дни, въ которые желалъ бы быть совсѣмъ спокоенъ и веселъ. Ожидаю съ нетерпѣливостію отвѣта и пребываю вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

Царское Село, Іюня 15 дня. (1776)

Подлинныя письма Павла Петровича къ графу И. Г. Чернышеву печатаны тремя различными печатами: 1) величиною въ полтинникъ, продолговатая съ государственнымъ гербомъ; 2) величиною въ двугривенный съ Голштинскимъ гербомъ; 3) такой величины, какъ и первая, съ слѣдующимъ изображеніемъ: по срединѣ щитъ, надъ нимъ корона, которую держитъ коронованный Геркулесъ, стоящій по правой сторонѣ щита; на лѣвой сторонѣ щита разныя знамена и сидящій орелъ, кусающій щитъ, у котораго правое крыло отщущено въ низъ; на срединѣ щита стоитъ буква Р.

ГРОБНИЦА КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Единый часть, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновение
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попирають!

Героевъ?—Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистають;
Негѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетають;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Нашищется Потемкинъ трудъ.

Державинъ въ одѣ „Водопадъ“.

Въ первомъ томѣ выходящаго теперь академическаго изданія *Сочиненій Державина*, между богатыми примѣчаніями, которыми г. Гротъ украсилъ это во всѣхъ отношеніяхъ превосходное изданіе, мы встрѣтили одно извѣстіе, кото-

рое стѣтъ того, чтобы его разъяснить и разобрать поближе. Извѣстіе это помѣщено въ обширномъ „Примѣчаніи къ одѣ Водопадъ“, гдѣ собраны любопытныя, отчасти заимствованныя изъ рукописей, свѣдѣнія о смерти князя Потемкина, память котораго нашъ поэтъ увѣковѣчилъ великолѣпными строфами своего *Водопада*.

Извѣстно, что Потемкину опротивѣли Ясы, гдѣ такъ долго жилъ онъ съ властію почти самовластнаго государя. Онъ называлъ ихъ своимъ гробомъ и уѣхавъ оттуда, неожиданно въ степяхъ бессарабскихъ скончался на пути въ Николаевъ, 5 октября 1791 года. Извѣстно также, что тѣло его, послѣ торжественнаго отпѣванія, совершеннаго 13 октября архіепископомъ Амвросіемъ¹⁾, было перевезено въ Херсонъ и 23 ноября положено въ крѣпостной соборной церкви св. Екатерины²⁾.

¹⁾ Амвросій (Серебрянниковъ) съ 1787 года архіепископъ Екатеринославскій и Херсонесо-Таврическій, а съ 1789 и мѣстоблюститель экзархіи Молдавлахійской. Этотъ святитель († 1792) былъ связанъ узами самой тѣсной дружбы съ покойнымъ княземъ А. И. Энгельгардтъ, присутствовавшій при отпѣваніи послѣдняго въ Яссахъ, рассказываетъ, что, по совершеніи литургіи, преосвященный Амвросій вышелъ было сказать надгробное слово, но за рыданіемъ не могъ выговорить ни слова и вошелъ обратно въ алтарь. По словамъ архіепа. Гавриила, отпѣваніе происходило въ монастырь Гоми (у Энгельгардта — Голлій), въ церкви Вознесенія Господня (Записки А. И. Энгельгардта. М. 1860, стр. 104 и 105. Очеркъ Новороссійскаго края— архіепа. Гавриила, въ Запискахъ Одес. общ. ист. и древн., т. V (1863), стр. 449 и 452).

²⁾ Трудно опредѣлить съ точностью время построенія этого замѣчательнаго по своей архитектурѣ и иконамъ храма. Есть извѣстіе, что онъ заложенъ былъ 30 августа 1781 года и что первымъ строителемъ его былъ Иванъ Абрамовичъ Ганинъ-баль (Зип. Одес. общ. ист. и древн., т. I, 1844 г., стр. 329). Въ письмѣ Екатерины изъ Херсона, отъ 14 мая 1787 на имя гр. Салтыкова, мы встрѣчаемъ упоминаніе, между прочимъ, и объ этомъ храмѣ. „Пять церквей каменныхъ я уже видѣла — лишьтъ

„Въ рукописи современника—говорить по этому поводу г. Гротъ—упомянуто, что сердце его перевезено и предано землѣ между гробницами его предковъ въ Смоленскѣ; какъ въ семь послѣднемъ мѣстѣ, такъ и въ Херсонѣ, воздвигнуты были ему великолѣпныя надгробія“. При этомъ г. Гротъ приводитъ въ выноскѣ слѣдующее извѣстіе изъ сочиненія Жизнь кн. Г. А. Потемкина-Т. (М. 1812, ч. III, стр. 68): „Но и гробъ не можетъ скрыть печальныхъ остатковъ отъ гнѣва и преслѣдованія сильныхъ! Черезъ пять или шесть лѣтъ тѣло Потемкина было вынута изъ гробницы и похоронено на обыкновенномъ кладбищѣ внѣ Херсона“³⁾. Этимъ по-

липератрица — архитектуры самой хорошей, одна посреди крепости“ (Руск. Арх. 1864, стр. 969). Но едва ли эта послѣдняя была уже тогда окончена. Архіеп. Гавриилъ полагаетъ ея построение между 1782 — 1806 годами (Зап. Одес. общ. ист. и древи., т. V, 1863, стр. 449). Мы не знаемъ, вачемъ основывается онъ это показаніе; но оно рѣшительно не согласно съ показаніемъ бывшей у насъ подъ руками подлинной „Описи имущества Херсонскаго крѣпостнаго Екатерининскаго собора“, составленной 21 октября 1852 года: по этому показанію, которое кажется наиболее достовернымъ, время построенія храма надо полагать между 1781—1796 годами. Заимствуемъ изъ этой „Описи“ довольно любопытное въ историческомъ отношеніи извѣстіе объ Екатерининскомъ храмѣ. Соборъ св. великомученицы Екатерины, говорится во введеніи, построенъ, какъ преданіе гласитъ и какъ значилось въ инженерномъ отчетѣ, между 1781 и 1796 годами, по повелѣнію всеавгустѣйшей императрицы Екатерины II, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго (который погребенъ въ семь соборѣ подъ спудомъ, у колоны, близъ праваго клироса), въ память присоединенія къ Россійской державѣ Новороссійскаго края и Таврическаго царства, что доказываетъ надпись при входѣ въ соборъ, съ западныхъ дверей, на фронтопѣ, литерами, вызолоченными чрезъ огонь: „Спасителю рода человѣческаго Екатерина посвятитъ“.

Эта знаменательная надпись блестятъ на храмѣ и до сихъ поръ.

3) Сочиненія Державина, т. I, стр. 454.

слѣднимъ извѣстіемъ, приведеннымъ безъ всякой оговорки, какъ бы подтверждается достоверность давно уже составившагося у насъ преданія, будто ненависть „сильныхъ“ къ памяти князя Потемкина не дала мира его праху въ Екатерининскомъ соборѣ, изъ котораго онъ безощадно былъ выброшенъ...

Есть ли какія нибудь историческія данныя, на которыхъ основывается это извѣстіе, или въ немъ надо видѣть не болѣе, какъ только порождение праздной фантазіи? До послѣдняго времени трудно было удовлетворительно отвѣчать на эти вопросы и положительно опредѣлить мѣсто, гдѣ покоится прахъ князя Потемкина. Только теперь, благодаря недавно произведеннымъ мѣстнымъ раскопкамъ и одновременно съ ними явившимся въ свѣтъ подлиннымъ бумагамъ, касающимся его погребенія, можно разъяснить себѣ это дѣло и возстановить истину.

Мы уже упоминали, что тѣло Потемкина положено было въ Екатерининскомъ соборѣ⁴⁾. Оно именно помѣщено было подъ церковью, въ особомъ склепѣ, куда велъ открывавшійся извнѣ храма, у западныхъ дверей, длинный ходъ: туда входили и служили тамъ панихиды. Въ такомъ видѣ гробъ Потемкина, открытый для публики, оставался въ склепу до царствованія императора Павла. Года черезъ полтора по возшествіи его на престолъ, въ одно прекрасное утро, посѣтители склепа увидали, что входъ въ него былъ закрытъ. Что случилось съ гробомъ Потемкина — никто не зналъ. „Секретное“ веденіе дѣла, при извѣстномъ нерасположеніи императора къ памяти Потемкина⁵⁾, пре-

4) Въ брошюрѣ „Князь Потемкинъ-Тавричскій (Спб. 1864, стр. 46)“ выдуманно, неизвестно зачѣмъ, что тѣло князя Потемкина погребено въ Херсонской соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы.

5) Впрочемъ нерасположеніе это, по замѣчанію г. Лебедева (Графы Никита и Петръ Панины. Спб. 1863, стр. 273), началось уже по воцареніи Павла, когда онъ прочиталъ бумаги своей матери и от-

доставляло широкое поле догадкамъ и толкамъ. Одни рассказывали, что гробъ князя былъ вынесенъ на общее кладбище; другіе—что ему не дано и тамъ мѣста, и что самый прахъ истребленъ⁽⁶⁾. Уже Щекатовъ, въ своемъ довольно подробномъ описаніи Херсона, въ 1808 году, ничего не могъ сказать о мѣстѣ погребенія Потемкина⁽⁷⁾. Правда, въ преданіяхъ немногихъ жителей этого города довольно долго хранилась вѣрная память о настоящемъ мѣстѣ его погребенія. Такъ еще въ 1841 году Херсонскіе старожилы рассказывали, что тѣло Потемкина покоится подъ церковнымъ поломъ, по правую сторону отъ амвона, что въ полу была сдѣлана подъемная дверь, чрезъ которую спускались въ сводъ, гдѣ стоялъ гробъ, а предъ нимъ святая икона съ горящею лампадою, но что съ давняго времени сходъ былъ уничтоженъ⁽⁸⁾. Въ приведенной выше „Описи“ 1852 года, какъ мы видѣли, прямо сказано, что Потемкинъ погребенъ въ соборѣ, подъ спудомъ у колонны близъ праваго клироса.

крылъ въ нихъ бывшее ему совершенно неизвѣстнымъ. Въ такомъ случаѣ распоряженія императора относительно памятника и гроба Потемкина должны быть приведены въ связь съ этимъ открытіемъ.

⁶⁾ Записки Одес. общ. ист. и древн., т. v (1863), стр. 1007.

⁷⁾ „Воздвигнутыя при соборѣ (Екатерининскомъ) пирамиды—говоритъ онъ—въ память опочивающихъ здѣсь мужей велеть съ почтеніемъ къ себѣ приближаться. Тутъ погребенъ *принцъ Александръ Виртембергскій*; тутъ лежитъ гремѣвшій храбростію генералъ *баронъ Меллеръ-Закомельскій* (Иванъ Ивановичъ), потерявшій животъ свой при взятіи Киіи, рядомъ съ сыномъ своимъ, раздѣлявшимъ съ нимъ его славу, и тутъ сокрыто тѣло *князя Волконскаго* (генералъ-майора, Сергія Абрамовича), съ неустрашимостью пожертвовавшаго жизнію своею при осадѣ Очакова“. О покорителѣ же Очакова, лежавшемъ въ самомъ соборѣ, а не въ оградѣ его, ни слова! (Словарь геогр. Рос. госуд. ч. VI, стр. 732—735. М. 1808)

⁸⁾ Записки Одес. общ. ист. и древн., т. i (1844), стр. 331.

Надо замѣтить впрочемъ, что это показаніе „Описи“ оставалось почему-то неизвѣстнымъ даже тѣмъ изъ служившихъ при соборѣ, которые писали о мѣстѣ погребенія Потемкина. Еще въ 1859 году нѣкоторые указывали на Екатерининскій соборъ, какъ на мѣсто его погребенія, но о существованіи склепа уже никто не зналъ. Только въ сентябрѣ этого года, совершенно случайно, при поднятіи пришедшаго въ ветхость пола, былъ открытъ этотъ склепъ, и въ немъ найденъ гробъ, который признали принадлежащимъ Потемкину.

Первое извѣстіе объ этомъ открытіи сообщено было въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ письмомъ изъ Херсона, отъ 12 октября 1859 года. „Прибывши въ Херсонъ на службу—писалъ корреспондентъ этой газеты—я старался было узнать что-нибудь о могилахъ Потемкина; но всѣ мои распросы ни къ чему не повели меня. Нѣкоторые, правда, говорили, что Потемкинъ погребенъ въ церкви, выстроенной Екатериною въ Херсонской крѣпости; но на чемъ основывался подобный слухъ, никто не могъ объяснить. Въ прошломъ мѣсяцѣ сняли въ означенной церкви полъ, пришедшій отъ времени въ ветхость, и тогда открылся входъ въ склепъ, находящійся подъ самою церковью и о существованіи котораго никто не зналъ. Склепъ большой и выстроенъ прекрасно. При осмотрѣ въ немъ найденъ только деревянный гробъ, отъ ветхости частію развалившійся, но все таки мѣстами сохранившій золотую бахрому, которою былъ обитъ; въ срединѣ же деревяннаго находился гробъ свинцовый, запаянный на глухо. Сообразивъ всѣ обстоятельства, нельзя не допустить, что въ немъ можетъ находиться только тѣло Потемкина.“⁽⁹⁾

Надо впрочемъ замѣтить, что это извѣстіе сообщено было лицомъ, которое, какъ въ послѣдствіи оказалось, писало не по собственному наблюденію, а со словъ рассказчиковъ, не издавшихъ въ пещерѣ

⁹⁾ С. Петербург. Вѣд. 13 января 1860 г., № 9.

ничего болѣе, кромѣ раскинутыхъ въ ней блестокъ отъ позумента.

Тѣмъ болѣе интереса имѣеть отчетъ объ этомъ открытіи, составленный уже впоследствии, года четыре спустя, самимъ очевидцемъ и участникомъ его, и вызванный, какъ видно, статьею „О мѣстѣ погребенія тѣла фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго“¹⁰⁾.

„Въ 1859 году—рассказываетъ составитель этого отчета¹¹⁾—перемещивались полы въ херсонскомъ Екатерининскомъ соборѣ, съ дозволенія епархіальнаго начальства, подъ ближайшимъ моимъ надзоромъ, при содѣйствіи церковнаго старосты, артиллеріи полковника, г. Павлова. Когда были вскрыты половныя доски по правую сторону (при обращеніи лицомъ къ олтарю) амвона, между среднимъ правымъ клиросомъ и мѣстомъ сидѣнія императрицы Екатерины II, то у подножія этого мѣста показался провалъ, который сверху накрытъ былъ досками, изъ которыхъ нѣкоторыя обрушились и образовали расщелины. Всѣ присутствовавшіе при этомъ въ одинъ голосъ заговорили, что это — мѣсто погребенія князя Потемкина... Я спускался внизъ по лѣстницѣ съ зажженною свѣчою, но гроба тамъ не видѣлъ, а только по догадкамъ, вмѣстѣ съ другими, предполагалъ, что тамъ долженъ быть гробъ, и всего вѣроятнѣе—князя Таврическаго. Достоверно только то, что отъ праваго клироса, мимо Екатерининскаго мѣста, чрезъ все протяженіе храма, до лѣваго угла, при входѣ въ храмъ, у западныхъ дверей, проведены своды изъ камня, въ родѣ погребовой мины. Все пространство въ этомъ сводѣ наполнено насыпною землею почти до самаго верха; начиная же отъ Екатерининскаго мѣста, къ правому клиросу, земли меньше на половину, а можетъ быть и того болѣе. Для

дознанія истины слѣдовало бы выбросить всю землю; но изъ опасенія могущихъ возникнуть неблагопріятныхъ послѣдствій мы не могли этого сдѣлать сами собою. Не смотря однако на то, врожденное всѣмъ любопытство взяло верхъ надъ опасеніями. Я¹²⁾ и сотоварищъ мой, священникъ Иваничій, въ одномъ мѣстѣ откопали землю, примѣрно на пол-аршина или четверти на три, и докопались до чего-то металлическаго. По ошупанію рукою, оказалось, что металлъ мягокъ и подается подъ ногтемъ, слѣдовательно свинецъ. Отсюда само собою выведено заключеніе, что подъ нимъ долженъ быть гробъ; а такъ какъ въ Екатерининскомъ соборѣ никого не погребено, кромѣ князя Таврическаго, то всѣ мы и заключили, что это гробъ свѣтлѣйшаго князя. Свинецъ представлялся нашему осязанію въ видѣ плиты, шириною въ аршинъ или болѣе; плита была отрѣзана съ двухъ сторонъ, съ правой и съ лѣвой. Съ той и другой стороны я опускалъ руки подъ свинецъ и тамъ внизу, кромѣ пустоты, ничего не встрѣтилъ“.

На основаніи этого осмотра составитель отчета пришелъ къ заключенію, согласному съ однимъ существующимъ въ Херсонѣ преданіемъ, что тѣло князя Потемкина, похороненное въ склепу Екатерининской церкви, впоследствии было изъ него вынесено и куда-то увезено. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ слѣдующія соображенія: 1) надъ гробомъ гораздо меньше земли, нежели по всему протяженію отъ Екатерининскаго мѣста до западныхъ дверей; 2) въ одномъ только мѣстѣ, именно надъ самымъ гробомъ, сдѣланъ проломъ вверху свода и заложены досками, слѣдовательно онъ не самъ собою образовался; 3) свинецъ обрубленъ съ двухъ сторонъ, всего вѣроятнѣе — сообразно ширинѣ гроба, слѣдовательно гробъ

¹⁰⁾ Записки Одес. общ. ист. и древн., т. V (1863) 1006—1010

¹¹⁾ Одесскій Вѣстн. за 1863 годъ, № 82 (27 іюля).

¹²⁾ Рассказъ принадлежитъ священнику Привозной Свято-Духовской церкви въ Херсонѣ, Ал. Мухину.

былъ вскрываемъ, и 4) подъ свинцомъ ничего не оказалось, слѣдовательно находившееся тамъ тѣло или превратилось въ прахъ (чего, впрочемъ, авторъ статьи не рѣшается допустить, потому что тѣло было набальзамировано¹³⁾), или кѣмъ-то вынуто въ послѣдствіи и перенесено куда-то въ другое мѣсто.

Что касается до упомянутого выше преданія, которое какъ бы подтверждаетъ вѣрность сдѣланнаго (на основаніи этихъ, впрочемъ далеко не полныхъ, мѣстныхъ изысканій) вывода, то оно очень любопытно „Извѣстно (Труды Киев. акад., м. мартъ 1863) — читаемъ мы въ той же статьѣ — что Іовъ, архіепископъ Екатеринославскій и Херсонесо-Таврическій¹⁴⁾, происходилъ изъ фамиліи Потемкиныхъ и, какъ говорятъ, приходился племянникомъ князю Таврическому (*). Естественно, что останки столь знаменитаго родственника, не могли не интересоваться Іова... Въ 1819 или 1820 году Іовъ, обзрѣвая епархію, прибылъ и въ Херсонъ. Въ субботу онъ служилъ панихиду въ Екатерининскомъ соборѣ, а въ воскресенье, прибывши къ коменданту Липгарду, вечеромъ, отправился съ нимъ въ соборъ, гдѣ они и пробыли до утра, а утромъ рано преосвященный прямо отъ собора отправился въ путь. Когда обучавшій у коменданта дѣтей,

¹³⁾ „Его (Потемкина) анатомили и бальзамировали на другой день по кончинѣ“— читаемъ въ современномъ письмѣ изъ Яссы (Сочин. Державина, т. I, стр. 455).

¹⁴⁾ На Екатеринославскую архіерейскую кафедру Іовъ переведенъ былъ съ архіепископства Минскаго высочайшимъ указомъ отъ 7 февраля 1812 года и оставался на ней до самой смерти, последовавшей въ 1823 году (Очеркъ Новор. края — архіеп. Гавриила въ ч. т. Записокъ, стр. 472 и 476).

*) Есть извѣстіе, что отецъ кн. Потемкина, хотя и старинный дворянинъ, былъ священникомъ. Связи кн. Потемкина съ духовенствомъ, по родству, по занятіямъ его въ св. Синодѣ и по личной склонности имѣли важнѣйшее значеніе во всей его дѣятельности. Іовъ не былъ ли прежде архіепископомъ Ниловской пустыни? См. Р. Арх. 1864, стр. 1164. *Н. Б.*

нѣкто Сѣриковъ (живущій и теперь), при былъ въ восемь часовъ на урокъ, то услышалъ отъ коменданта, что тѣло Потемкина увезено Іовомъ куда-то изъ собора. За обѣдомъ было высказано и то, что тѣло оказалось неповрежденнымъ, кромѣ одного большаго пальца на ногѣ. Преданіе прибавляетъ къ этому, что тѣло князя препровождено въ имѣніе Браницкихъ, именно въ Бѣлую Церковь?„

Преданіе это, въ достовѣрности котораго есть основаніе сомнѣваться¹⁵⁾, могло бы приобрести еще нѣкоторое значеніе, если бы на самомъ дѣлѣ не находилось въ противорѣчій съ дѣйствительными результатами мѣстныхъ изслѣдованій. Опускали руины въ гробъ Потемкина, ничего не встрѣтили тамъ, кромѣ пустоты — и заключили, что тѣло его вынесено оттуда, и ужъ конечно Іовомъ, о которомъ было извѣстно, что онъ, во время пребыванія въ Херсонѣ, сходилъ въ склепъ своего дяди. Но вотъ въ октябрѣ 1863 года вторично былъ открытъ этотъ склепъ, и надъ зарытымъ въ немъ гробомъ произведено новое, болѣе обстоятельное, хотя къ сожалѣнію также далеко не полное изслѣдованіе¹⁶⁾. По снятіи части земли и мусора, увидѣли деревянный, уже развалившійся гробъ, вмѣщавшій въ себѣ другой, свинцовый, съ сильно вдавленною внутрь крышкою, которую на первый взглядъ можно было принять за самое дно гроба; оказалось, что гробъ не былъ наглухо запаянъ, и когда приподняли и загнули съ обоихъ концовъ края крышки (отъ большаго количества наваленной на гробъ земли и мусора, трудно было поднять ее всю), то

¹⁵⁾ Владѣтельница Бѣлой Церкви, старшая изъ пяти племянницъ Потемкина, особенно любимая имъ, графиня Александра Васильевна Браницкая, на рукахъ которой онъ и умеръ, была еще жива въ это время (род. въ 1754, ум. въ 1838 году), и предполагаемое перенесеніе тѣла ея дяди въ Бѣлую Церковь могло произойти не иначе, какъ съ ея желанія.

¹⁶⁾ Объ немъ мы знаемъ отъ лицъ, принимавшихъ участіе въ произведенной раскопкѣ.

въ гробу открылись останки покойника. Впрочемъ, кромѣ костей да кожаныхъ, хорошо сохранившихся, довольно красивой отдѣлки туфель, въ немъ не нашлось ничего болѣе; попадались только остатки парчи или скорѣе, розоваго бархата и палеваго атласа, да въ лежащемъ на гробѣ мусоръ обрывки золотаго позумента, которыми онъ былъ обитъ¹⁷⁾.

Соображая эти мѣстные изслѣдованія съ преданіемъ объ Іовѣ, можно придти къ слѣдующему заключенію. Несомнѣнно, что Потемкинскій склепъ посѣщаемъ былъ гораздо раньше 1859 года: объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ сдѣланное въ сводѣ надъ самымъ гробомъ отверстіе, заложенное потомъ досками; а сравнительно малое количество земли надъ гробомъ показываетъ, что онъ былъ когда-то отрываемъ. Преданіе называетъ Іова, будто бы сходявшаго въ склепъ въ 1819 или 20 году. Но если онъ и былъ тамъ, то ужъ конечно не затѣмъ, чтобы уносить оттуда Потемкина, котораго останки до сихъ поръ покоятся въ гробу. За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, мы удерживаемся отъ всякихъ догадокъ о настоящихъ побужденіяхъ, которыми могъ руководствоваться Іовъ, вскрывая гробницу своего диди, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ пока вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства, что онъ дѣйствительно вскрывалъ ее. Замѣтимъ только, что въ ней не оказалось ничего¹⁸⁾, что могло бы напоминать о лицѣ покойнаго, того „ве-

ликолѣпнаго князя Тавриды“⁴⁾, котораго хоронили почти съ царскою пышностью...⁽¹⁹⁾.

Не смотря на это, едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что найденные въ склепу Екатерининской церкви останки принадлежать Потемкину. Въ этомъ отношеніи результаты, добытые мѣстными раскопками, находятъ себѣ полное подтвержденіе и оправданіе въ официальной перепискѣ по дѣлу о погребеніи Потемкина, хранящейся въ Херсонскомъ комендантскомъ управленіи. Изъ нея между прочимъ обнаруживается, что какъ ни велика была ненависть „сильныхъ“ къ памяти князя Таврическаго, все таки она не унижалась до того жестокаго и оскорбительнаго для челоуѣческаго достоинства поступка въ отношеніи его „печальныхъ остатковъ“, который приписываютъ ей вышеприведенныя извѣстіе и преданіе.

Самый ранній изъ принадлежащихъ сюда *секретныхъ* документовъ — это письмо графа Михаила Васильевича Каховскаго, отъ 27 апрѣля 1798 года, изъ Акмечети (Симферополя), на имя Новороссійскаго гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника, Ивана Яковлевича Селецкаго. Содержаніе письма слѣдующее: „Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ прокуроръ и кавалеръ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, отъ 10 минувшаго марта, сообщилъ мнѣ высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, на имя его данное, чтобы сооруженный въ Херсонѣ отъ казны въ память князю Потемкину памятникъ былъ уничтоженъ. Я потому предписавъ о точномъ и немедленномъ исполненіи сего высочайшаго соизволенія херсонскому коменданту (Тернеру), нужнымъ почитаю объ ономъ извѣститъ и ваше превосходительство“⁽²⁰⁾. Здѣсь конечно рѣчь идетъ

(17) У Энгельгарта мы находимъ слѣдующее описаніе этого гроба: „На срединѣ амвона—говоритъ онъ—сдѣлано было возвышеніе, покрытое богатою парчею, на коемъ поставленъ былъ гробъ, обитый розовымъ бархатомъ, выложенный богатымъ золотымъ позументомъ, съ серебряными скобами, на серебряныхъ подножіяхъ, и покрытый богатымъ парчевымъ покрываломъ“ (Записки, стр. 101).

(18) Преданіе говорить, между прочимъ, о драгоценномъ портретѣ императрицы, который Потемкинъ всегда носилъ на груди и который будто бы положенъ былъ съ нимъ въ гробъ.

(19) Въ *Запискахъ* Энгельгарта находится подробное описаніе похоронъ князя Потемкина (стр. 100—105).

(20) Письмо Каховскаго помѣчено, какъ мы ви-

объ уничтоженіи того „въликолѣпнаго надгробія“, которое, по рукописи современника, воздвигнуто было Потемкину въ Херсонѣ и которое въ пѣснѣ на смерть Потемкина называется „безцѣннымъ мавзолеемъ“ (21). Но этимъ не ограничились. Черезъ семнадцать дней князь Куракинъ, въ письмѣ отъ 27 марта, уже на имя Селецкого, имѣвшаго мѣстопробываніе въ Екатеринославѣ, сообщаетъ о новомъ повелѣніи. „Извѣстно государю императору — пишетъ онъ — что тѣло покойнаго князя Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особомъ сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо; а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей осласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало“. На другой же день по полученіи этого повелѣнія, 19 апрѣля, Селецкій отнесся ордеромъ на имя коменданта Тернера, который между 25—28 апрѣля (22) и исполнилъ высо-

дѣли, 27 апрѣля 1798 г., и потому рѣшительно не понятно, какъ покойный Андреевскій, сообщившій въ Одесское общество исторіи и древностей всю эту переписку, могъ сказать, что графъ Каховскій лишь предписаніе херсонскому коменданту объ уничтоженіи памятника 28 апрѣля 1798 года, и построить на этомъ свое опроверженіе официально показанія о существовавшемъ въ Херсонѣ памятникѣ Потемкину (Записки, т. V, стр. 1009).

(21) Гробъ въ яму опустили
Во храмъ, у дверей,
Въ минуту утвердили
Безцѣнный мавзолей.

(22) Тернеръ получилъ предписаніе 25 апрѣля, а объ исполненіи его донесъ 28-го: въ одинъ день 25 апрѣля, вопреки мнѣнію Андреевскаго, онъ конечно не могъ исполнить предписанія, ибо, кромѣ склепа, надо было засыпать еще длинный, тянувшійся по всему протяженію храма ходъ въ этотъ склепъ, на что, разумеется, потребовалось болѣе одного дня.

чайшее повелѣніе: тѣло въ ямѣ похоронилъ и мѣсто изгладилъ (23).

Такимъ образомъ въ Херсонѣ изглажена была, казалось, самая память о Потемкинѣ (24).

(23) Записки Одес. общ. ист. и древн.. т. V, стр. 1008 — 1009.

(24) Изглаживая память о князѣ Таврическомъ въ Херсонѣ, въ то же время старались увѣковѣчить память объ его соперникѣ, графѣ Румянцовѣ, въ Петербургѣ: ѿдѣли за два до повелѣнія, даннаго Куракину, объ уничтоженіи въ Херсонѣ памятника Потемкину, данъ былъ указъ государственному казначею объ отпускѣ 82,441 рубля на сооруженіе обелиска Румянцову на площади между Лѣвнымъ садомъ и Ломбардомъ (П. С. З. Именной указъ отъ 25 февраля 1798 г., № 18, 401). — Какъ сильно въ это время было раздраженіе противъ памяти Потемкина, лучше всего можно видѣть изъ разговора съ Энгельгардомъ, въ Казани, уже 6-го іюня 1797 года. Послѣ ученья, на которомъ только Энгельгардъ оказался, по словамъ императора, „мастеромъ своего дѣла“, онъ былъ приглашенъ къ столу. «Какъ скоро государь вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ — рассказываетъ Энгельгардъ — то прямо подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Изъ какихъ ты Энгельгардовъ, ливонскихъ или смоленскихъ?“ — Смоленскихъ, ваше величество. „Знаю ли я кого изъ твоихъ родныхъ?“ Когда ваше величество въ 1781 году изволили пробѣжать черезъ Могилевъ, отецъ мой тогда былъ тамъ губернаторомъ. „Помню; у тебя кажется, была сестра Варвара! гдѣ она теперь?“ — Она замужемъ за Наврозовымъ. „Давно ли она вышла замужъ?“ — Въ нынѣшнемъ году (тогда ей было тридцать три года.) „Не молодою же она вышла отроковицей; а ты гдѣ началъ служить?“ — Въ гвардіи. „То есть по обычаю всѣхъ вась, тунаядцевъ-дворянъ; а тамъ какъ?“ Я было хотѣлъ пропустить, что былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, и сказалъ: — А потомъ въ арміи. „Да какъ?“ — Взятъ былъ въ адъютанты къ князю Потемкину. „Тѣу. въ какіе ты попалъ знатные люди; да какъ ты не сдѣлался *негодяемъ*, какъ всѣ, при немъ бывшіе? Видно много въ тебѣ доброго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугою“ (Записки, стр. 194). Имп. Павелъ имѣлъ много основаній къ такому мнѣнію. Сама имп. Екатерина уже по смерти Потемкина отзывалась Храмовицкому, что въ новой Рос-

Мы видѣли, что сначала былъ уничтоженъ памятникъ, потомъ засыпанъ склепъ. Но авторъ статьи „О мѣстѣ погребенія тѣла фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго“ отвергаетъ существованіе въ Херсонѣ перваго. Онъ говоритъ: „Князь Потемкинъ, какъ извѣстно, скончался 4 октября 1791 года (25). Замѣчательно, что въ первомъ повелѣніи (отъ 10 марта, на имя Каховскаго) говорилось о памятникѣ, сооруженномъ князю Потемкину отъ казны. Недоразумѣніе, къ которому могло подать поводъ такое выраженіе, вѣроятно было причиною, что исполненіе по тому повелѣнію замедлилось. Графъ Каховскій далъ предписаніе херсонскому коменданту объ уничтоженіи памятника 28 апрѣля 1798 года (26), тогда, какъ по повелѣнію, полученному Селецкимъ (27) (о погребеніи Потемкина), исполненіе уже было сдѣлано. Самое изложеніе повелѣнія Селецкому какъ бы выказываетъ мысль о томъ, что въ сущности слѣдовало понимать подъ памятникомъ, сооруженномъ князю Потемкину, т. е. сдѣланный подъ церковью склепъ или погребъ, въ которомъ открыто хранился гробъ съ тѣломъ покойника“ (28).

Нечего и говорить, какъ произвольно и натянуто такое толкованіе словъ официального документа. Кромѣ послѣдняго, у насъ есть и другія свидѣтельства о существованіи въ Херсонѣ памятника надъ прахомъ Потемкина: объ

немъ упоминается, какъ мы видѣли, и въ пѣсни на смерть Потемкина, и въ рукописи современника. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10 марта 1798 года его приказано было уничтожить, о чемъ упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* и И. И. Дмитріевъ (29). Рассказывая о „крупныхъ переворотахъ“, послѣдовавшихъ въ Россіи съ возшествіемъ на престолъ преемника Екатерины, Дмитріевъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Многимъ городамъ въ Крыму и Екатеринославской губерніи, получившимъ подъ управленіемъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго древнія имена греческія или славянскія, какъ то: Эвпаторія, Севастополисъ, Григоріополясъ и пр., возвращены прежніи татарскія или русскія простонародныя: Кизикермень, Козловъ и пр.; всѣ воинскія и гражданскія постановленія сего столь сильнаго вельможи отброшены; даже самый *маззоль*, воздвигнутый надъ его прахомъ, приказано было разрушить“.

Но „злоба“ дня давно уже прошла и уступила мѣсто безпристрастной оцѣнкѣ великихъ дѣлъ Потемкина: надъ прахомъ его въ Екатерининскомъ соборѣ предполагается нынѣ соорудить памятникъ, на которомъ, по выраженію поэта, „напишется Потемкинъ трудъ“.

М. Шугуровъ.

Одесса, 31 октября 1866.

сіи набралось много негодныхъ людей (Зап. Крап. стр. 283)

(25) Потемкинъ скончался не 4, а 5 октября 1791 г.

(26) Мы видѣли, что это предписаніе не могло быть дано 28 апрѣля: оно должно было послѣдовать гораздо раньше, тотчасъ по полученіи высочайшаго повелѣнія отъ 10 марта.

(27) Селецкій получилъ повелѣніе 18 апрѣля 1798 года, а исполненіе, какъ мы видѣли, послѣдовало 25 — 28 апрѣля.

(28) Записки, т. V, стр. 1009

(29) Въ отрывкахъ изъ нихъ, приведенныхъ г. Леонасьевымъ въ „Дополненіи къ статьѣ г. Ломгинова: графъ Спераскій (Рус. Вѣстн. за 1860 г., № 1, стр. 27 Современной Лѣтописи)“.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛА-АДЮТАНТА ГРАФА Е. В. КОМАРОВСКАГО.

За сообщеніе этихъ Записокъ мы обязаны глубочайшею признательностію сыну автора, графу Павлу Евграфовичу Комаровскому, у котораго хранится подлинная рукопись. Генераль-адъютантъ графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій (род. 18 Нояб. 1769, скон. 13 Окт. 1843), происходилъ отъ стариннаго, издавна православнаго рода, переселившагося изъ Польши въ Россію въ XVII вѣкѣ. Предку его, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, пожаловано было помѣстье въ тогдашнемъ Новгородскомъ краю. Онъ получилъ прекрасное образованіе и учился между прочимъ въ извѣстномъ Петербургскомъ пансіонѣ Масона, гдѣ товарищемъ ему былъ племянникъ кн. Безбородки (впоследствии тоже князь) В. П. Кочубей. Французъ-Масонъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ учителей великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Состоя на службѣ при кн. Безбородкѣ, (гр.) Комаровскій участвовалъ въ извѣстномъ Таврическомъ путешествіи императрицы Екатерины, и изъ Кіева въ мартѣ 1787 г. посланъ былъ курьеромъ въ Парижъ съ подарками къ министрамъ французскаго двора. Осенью того же года ему поручено было съѣздить изъ Петербурга въ Лондонъ. Эти первыя поѣздки его за границу довольно подробно и очень живо описаны въ его Запискахъ. Позднѣе, еще нѣсколько разъ, ѣздилъ онъ въ чужіе края съ дипломатическими порученіями, и между прочимъ привезъ въ Петербургъ портретъ императрицы Елизаветы Алексеевны, что дало ему возможность сдѣлаться лично извѣстнымъ Александру Павловичу, милостию котораго онъ потомъ неизмѣнно пользовался. Съ 1794 г. начинается дѣятельная служба (гр.) Евграфа Федотовича въ Измаиловскомъ полку, въ который онъ былъ записанъ еще съ малолѣтства. Онъ управлялъ нормальною школою этого полка и былъ полковымъ адъютантомъ онаго. Отлично образованный, доброжелательный, распорядительный и дѣловой, онъ не могъ оставаться незамѣченъ. Высшее Петербургское общество отличало его въ кругу своемъ.

По вступленіи на престомъ императора Павла, молодой (гр.) Комаровскій особенно сдѣлался близокъ къ тогдашнему полковнику Измаиловскаго полка великому князю Константину Павловичу. Но тутъ уже слѣдуетъ собственный разсказъ его.

Записки графа Комаровскаго писаны въ старости, въ 1830 и 1831 г., въ сельскомъ уединеніи, въ Орловской деревнѣ его, селѣ Городищѣ. Нечего, кажется, прибавлять, что онъ писалъ ихъ не думая о публичности, единственно для любопытства и назиданія дѣтей своихъ; въ самомъ изложеніи отразился его кроткій, дѣятельно-ровный характеръ, и эта правдивость Записокъ гр. Комаровскаго составляетъ особенную ихъ цѣну для потомства. Всѣ любители нашей исторіи согласіе подѣлиться съ другими своимъ семейнымъ сокровищемъ. *И. Б.*

...Я все это лѣто⁽¹⁾ провелъ на дачѣ, по Петергофской дорогѣ, на 5-той верстѣ, у княг. Варвары Александровны Шаховской. Дача эта принадлежала тогда кн. Дашковой и выходила на взморье, гдѣ выстроены были два каменные домика. Намъ жило у княгини очень много: въ большемъ домѣ жила она съ m-me Paris (съ дочерью ея, теперешнюю Балабинною), m-me Breitkopf, также съ дочерью, которая вышла послѣ замужъ за Зиновьева. Дочь княгини Варвары Александровны была уже тогда за мужемъ за княземъ Шаховскимъ⁽²⁾; они жили на ихъ дачѣ,

(1) 1796 года.

(2) Во второмъ бракѣ. Она сначала вышла въ чужихъ краяхъ за Француза кн. Аренберга, который участвовалъ во Французской революціи. Ихъ развели, и кн. Елизавета Борисовна вышла за кн. Петра Федоровича Шаховскаго же, роднаго

принадлежавшей впоследствии графинѣ Завадовской. Княгиня Елисавета Борисовна съ мужемъ и съ сестрою его княжною Шаховскою, находившеюся за мужемъ за княземъ А. М. Голицынымъ, бывали всякій день у матери своей; въ одномъ изъ домиковъ на взморьѣ жили родные племянники княгини: князя Александръ и Сергій Михайловичи ⁽³⁾ Голицыны и я, а въ другомъ два Француза — эмигранты г. г. Брессоль и Бушера (*m-rs le chevalier de Bressolles et Boucherat*). Часто все общество ѣздило по окрестнымъ мѣстамъ; изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ самая приятная была въ Ропшу; по возвращеніи оттуда, всякій долженъ былъ выбрать статью изъ того что случилось въ теченіе двухъ дней, въ Ропшѣ проведенныхъ и ее описать; послѣ все это соединено было вмѣстѣ и составило довольно занимательное сочиненіе, подъ названіемъ: Поѣздка одного общества съ Ропшу (*Voyage d'une société à Ropcha*). Я не стану описывать причину плачевной кончины княгини Е. Б. Шаховской, дочери княгини Варвары Александровны, а скажу только, что извѣстно было всѣмъ, что она отравила себя ядомъ ⁽⁴⁾. Это происшествіе, особенно въ высшемъ обществѣ, столь необыкновенное, произвело много шума и различныхъ толковъ; но вскорѣ послѣдовавшая за тѣмъ кончина императрицы Екатерины прекратила всѣ тѣ разговоры, которые занимали тогдашнюю публику.

Въ минуту возшествія на престолъ императора Павла I-го, какъ слѣдуетъ, всѣмъ войскамъ приказано было

присягать на своихъ полковыхъ мѣстахъ, а роту гренадеръ послать во дворецъ за знаменами, гдѣ онѣ всегда находились. И тогда же намъ объявлено было, что императоръ принимаетъ на себя званіе полковника Преображенскаго полка; наследника, великаго князя Александра Павловича, назначаетъ полковникомъ Семеновскаго полка и военнымъ губернаторомъ Петербурга ⁽⁵⁾, а Аракчеева комендантомъ; великаго же князя Константина Павловича полковникомъ Измайловскаго полка. Полкъ нашъ собрался на большемъ проспектѣ, который идетъ мимо церкви. Первый посланный изъ дворца сказалъ, ошибкою, что полкъ долженъ идти на дворцовую площадь; мы уже прошли нѣсколько улицъ какъ бывший нашъ секундъ-маіоръ Кушелевъ (онъ женатъ былъ на сестрѣ Ланскаго, бывшего любимца и, съ тѣхъ поръ, имѣлъ позволеніе ѣздить на объѣздъ къ императрицѣ; онъ этимъ позволеніемъ пользовался каждый день, хотя императрица съ нимъ никогда почти не говорила) возвращаясь изъ дворца, встрѣтилъ насъ и воротилъ назадъ. Весь полкъ пустился бѣжать на парадное мѣсто; не доходя до онаго, хотя было и темно, но видно было ѣдущаго когото верхомъ, въ темномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Этотъ ѣдущій, поровнявшись съ головою колонны полка, спросилъ: «А гдѣ адъютантъ Комаровскій?» Я случился близко, тотчасъ подъѣхалъ и узналъ, что то былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество со мною поздо-

внука извѣстнаго своими Записками кн. Якова Петровича.

⁽³⁾ Столь памятный Москвѣ почетный опекунъ † 7 февр. 1859.

⁽⁴⁾ Ей было всего 23 года отъ роду.

⁽⁵⁾ Это было первое знакомство будущаго императора съ дѣлами управленія. Что онъ исполнялъ губернаторскую должность не именемъ только, а во всей силѣ, видно изъ его писемъ къ Н. П. Архарову, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 г. Это время произвело могущественное вліяніе на образованіе его характера.

ровался, приказалъ мнѣ находиться при его особѣ и спросилъ у меня: отъ чего полкъ давно не на парадномъ мѣстѣ? Я ему отвѣчалъ, что полку, ошибкою, приказано было идти ко дворцу. Это крайне его удивило. Во время присяги, великій князь, замѣтивъ, что полковой нашъ священникъ, отецъ Прохоръ, былъ въ нетрезвомъ видѣ, спросилъ у меня: «отчего отецъ Прохоръ пьянъ: отъ радости или отъ печали?» Я ему отвѣчалъ: «я думаю: ваше высочество, и отъ того и отъ другаго,» и онъ засмѣялся. Когда полкъ присягнулъ, его высочество приказалъ мнѣ взять взводъ гренадеръ, отнести знамена во дворецъ, отыскать тамъ наслѣдника, донести ему, что Измайловскій полкъ принялъ присягу, спросить куда прикажетъ поставить знамена и въ 5 часовъ утра быть у него. Подходя ко дворцу, я былъ въ большемъ затрудненіи, гдѣ мнѣ найдти наслѣдника; но къ счастью моему, когда я сошелъ съ лошади и подходилъ къ среднимъ воротамъ, я увидѣлъ кого-то въ такомъ же мундирѣ, въ какомъ былъ и великій князь Константинъ Павловичъ и въ голубой лентѣ (ибо они уже надѣли тѣ мундиры, которые даны были всѣмъ гвардейскимъ полкамъ) идущимъ съ графомъ Татищевымъ, подполковникомъ Преображенскаго полка. Я не усомнился, что это былъ наслѣдникъ и исполнилъ порученіе великаго князя. Знамена же онъ приказалъ мнѣ поставить въ кабинетъ императора. Входъ въ оный былъ по деревянной лѣстницѣ. Я вошелъ по лѣстницѣ и въ первой комнатѣ нашелъ спящаго истопника, который позвалъ камеръ-лакея, и мнѣ отворили кабинетъ. Я спросилъ, не знаетъ ли, куда поставить знамена? Онъ мнѣ сказалъ: «Поставьте ихъ въ уголь, тамъ уже много ихъ находит-

ся». Въ тотъ день, какъ императрица занемогла, въ караулѣ стоялъ Семёновскій полкъ, а въ день ея кончины Измайловскій, и капитанъ былъ П. А. Талызинъ; мнѣ хотѣлось съ нимъ видѣться, и я зашелъ въ караульную; мы обнялись, и оба заплакали, равно и и всѣ бывшіе въ караулѣ офицеры. Я увидѣлъ на столѣ Анненскій крестъ, на узкой лентѣ и спросилъ у него, что это значить? Онъ мнѣ отвѣчалъ: сейчасъ мнѣ принесли и сказали, что это второй классъ Анненскаго ордена, которымъ императоръ меня пожаловалъ, и что оный должно носить на шеѣ: прежде мы знали только ленту со звѣздою этого ордена.

На другой день былъ тоже караулъ Измайловскаго полка, и великому князю хотѣлось, чтобъ нѣкоторыя командныя слова были по Гатчински и чтобъ всѣ офицеры имѣли на парадѣ трости и съ раструбами перчатки. Когда я къ нему явился въ 5 часовъ утра, онъ мнѣ приказалъ тотчасъ отправиться искупить эти вещи, и чтобъ онъ находился на полковомъ дворѣ, а онъ туда прійдетъ въ 8 часовъ; разводъ же назначенъ былъ въ 11 часовъ. Порученность эта была самая затруднительная, ибо гдѣ пайти столько тростей и перчатокъ, и когда всѣ лавки еще заперты, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ разсвѣтаетъ въ 7 часовъ по полуночи! Я просилъ его высочество, чтобъ онъ пожаловалъ нѣсколько изъ своихъ ѣздовыхъ въ мое распоряженіе, на что онъ согласился, и я ихъ разослалъ по всѣмъ перчаточникамъ, а самъ поѣхалъ по гостинному двору. Къ счастью моему, лавочникамъ что-то въ эту ночь не спалось: всѣ лавки были открыты очень рано, и мнѣ удалось во время исполнить порученіе, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ. Правду сказать, офицеровъ при

полку на лицо было тогда не много: одни находились просто въ отпуску, другіе же, подавъ челобитныя въ отставку, уѣхали съ тѣмъ, чтобъ ужъ болѣе не возвращаться. Кое какъ великій князь сладилъ съ разводомъ, и мы пошли ко дворцу. Въ приказѣ полковомъ сказано было, чтобы подъ знамя нарядить подпрапорщика. Въ прежнюю службу было четыре унтеръ-офицерскихъ чина, а именно: фуріеръ, подпрапорщикъ, каптенармусъ и сержантъ, и еще былъ чинъ капрала, который на обшлагѣ имѣлъ одинъ позументъ а потому и не былъ въ числѣ унтеръ-офицеровъ; изъ прочихъ чиновъ трое имѣли по два, а сержантъ имѣлъ три позумента; въ первыхъ трехъ чинахъ дворянъ почти не было, а потому и наряженъ былъ изъ сдаточныхъ. Разводъ остановился у бывшаго Чичеринскаго дома. Великій князь приказалъ мнѣ взять подпрапорщика, идти во дворецъ и, остановясь предъ кабинетомъ императора, велѣтъ доложить его величеству, что разводъ отъ Измайловскаго полка готовъ и что адъютантъ пришелъ за знаменемъ. Я все это исполнилъ; съ докладомъ къ императору пошелъ И. П. Кутайсовъ, бывший тогда простымъ камердинеромъ. Кутайсовъ отворилъ дверь кабинета и показалъ мнѣ знакомъ войти. Императоръ, стоя, надѣвалъ перчатки, и графъ Безбородко выходилъ съ бумагами. Его величество, приказавъ уже мнѣ взять знамя, спросилъ у меня, увидя подпрапорщика большаго роста: «а что, онъ дворянинъ?» Я отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ». — «Знамя должно быть носимо дворяниномъ» сказалъ императоръ, а потому и приведите мнѣ унтеръ-офицера изъ дворянъ. Я тотчасъ пошелъ къ разводу, который уже строился противъ дворца. Великій князь, увидя меня, не могъ понять,

отъ чего я иду безъ знамени; а когда онъ узналъ, что подъ оное наряженъ былъ не дворянинъ, чрезвычайно огорчился и сказалъ мнѣ: «возьми хоть сержанта и поиди скорѣе, что я и сдѣлалъ. Императора уже въ кабинетѣ не было; онъ пошелъ къ императрицѣ и чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ разводу. Достоинно замѣчанія, что народа на площади было очень мало; и это небывалое зрѣлище, чтобъ самъ императоръ, едва вступившій на престолъ, присутствовалъ при разводѣ никакого примѣтнаго дѣйствія не произвело, какъ будто это всегда случилось. Императоръ былъ разводомъ нашимъ доволенъ и изъявилъ свое благоволеніе, что насъ очень ободрило, а радость великаго князя была неизреченна.

Образъ жизни нашъ; офицерскій, совершенно перемѣнился. При императрицѣ, мы думали только о томъ, чтобъ ѣздить въ театры, въ общества, ходили во фракахъ, а теперь съ утра до вечера на полковомъ дворѣ, и учили насъ всѣхъ какъ рекрутъ. Великому князю угодно было, чтобъ я первый надѣлъ мундиръ новаго покроя и обстригъ себѣ волосы, и это такъ перемѣнило меня, что когда я пріѣхалъ домой, сестра Анна Федотовна меня не узнала.

На четвертый день послѣ возшествія на престолъ императора Павла, мы видѣли зрѣлище совершенно новаго для насъ рода: то было вступленіе въ Петербургъ Павловскихъ и Гатчинскихъ баталіоновъ. Войска одѣты были совершенно по Пруски: въ короткихъ мундирахъ, съ лацканами, въ черныхъ щиблетахъ; на гренадерахъ были шапки, какъ нынѣ у Павловскаго полка, а на мушкетерахъ маленькія трехугольныя шляпы, безъ петлицы, а только съ одною

пуговкою. Офицеры всѣ одѣты были въ поношенныхъ мундирахъ, а такъ какъ цвѣтъ ихъ былъ темнозеленый, и вѣроятно перекрашенные изъ разноцвѣтныхъ суконъ, то всѣ они полиняли и представляли видъ пѣгій. Императоръ Павелъ, наслѣдникомъ, былъ генераль-адмираломъ и президентомъ адмиралтейской коллегіи; во флотъ были баталіоны, которые назывались морскими, они употреблялись на корабляхъ для десантовъ. Изъ сихъ-то войскъ составлены были въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ баталіоны. Офицеры поступали въ морскіе баталіоны изъ кадетъ Морскаго Корпуса, оказавшихся неспособными къ морской службѣ: они то и поступали въ Гатчинскіе и Павловскіе баталіоны. Едва войска пришли къ заставѣ, какъ присланъ съ донесеніемъ о томъ поручикъ Ратьковъ; императоръ самъ надѣлъ на него орденъ св. Анны второго класса, и назначилъ его адъютантомъ къ наслѣднику; приказавъ войскамъ идти, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Когда войска вошли въ *алиеи манг*, на дворцовой площади, императоръ имъ сказалъ: «Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную вашу мнѣ службу и, въ награду за оную, вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ.» Всѣхъ баталіоновъ было шесть, изъ коихъ назначены: императора и Аракчеева въ Преображенскій; наслѣдника и Недоброва — въ Семеновскій; великаго князя Константина Павловича и Малютина — въ Измайловскій полки, рота егерей—въ гвардейскій Егерскій баталіонъ. Прежде, при каждомъ гвардейскомъ полку была егерская команда, изъ которыхъ команды, при императорѣ Павлѣ, составленъ былъ баталіонъ. Кавалерія поступила въ Конную Гвардію.. Съ

какою печалью мы должны были считать ихъ своими товарищами! На всѣхъ напало какое то уныніе. Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою.

Въ Измайловскомъ полку было три адъютанта: Бахметевъ, Арбеневъ и я; великій князь обоихъ первыхъ написалъ въ роты, а меня оставилъ и назначилъ двухъ Гатчинскихъ, бывшихъ адъютантами въ его высочества и Малютина баталіонахъ: Черепанова и Шебуева. Прежде, въ каждомъ гвардейскомъ полку была полковая канцелярія, и одинъ изъ офицеровъ былъ секретаремъ. Это званіе было штатнос; въ этой канцеляріи производились всѣ письменныя дѣла, а адъютантъ завѣдывалъ только нарядами и рапортами, касающимися до строевой части. По новому образованію, канцелярія была уничтожена, и съ нею находившіеся въ лей писаря, и вся эта обуза пала на меня, какъ на полковаго адъютанта, такъ что я ни на минуту не имѣлъ отдыха, съ родными моими не видался даже по нѣсколькимъ днямъ.

30-го ноября былъ разводъ нашего полка. Въ 6-ть часовъ утра, я долженъ былъ ѣхать за нѣкоторыми приказаніями къ коменданту Аракчееву, который жилъ во дворцѣ. Выходя отъ него, я встрѣтилъ наслѣдника. Увидя меня, его высочество, съ свойственною ему прелестною улыбкою, сказалъ мнѣ: „поздравляю, Комаровской“. Я спросилъ: „съ чѣмъ, ваше высочество?“ „А развѣ тебѣ братъ ничего не сказалъ?“ продолжалъ онъ. Я ему отвѣчалъ: „ничего!“ Тогда онъ мнѣ сказалъ: „Прелез

comme si je ne vous ai rien dit" (положимъ, что я тебѣ ничего не говорилъ). Я поѣхалъ въ полкъ, гдѣ былъ уже великій князь, и не будучи въ состояніи скрыть моей радости, я сказалъ ему: „Наслѣдникъ съ чѣмъ то изволилъ меня поздравить.“ Его высочество отвѣчалъ мнѣ: „Поздравить? развѣ онъ знаетъ съ чѣмъ, а я ничего не знаю.“ Тогда приказы при паролѣ отдавались въ комнатѣ; всѣ адъютанты и дежурные по полкамъ и по карауламъ штабъ-офицеры записывали эти приказы въ записныхъ книжкахъ. Приказы диктовалъ наслѣдникъ, какъ военный губернаторъ, и самъ императоръ всегда при томъ находился. Цѣпь состояла изъ конногвардейскаго внутренняго караула. Мнѣ случилось стоять близъ государя; между прочими пунктами приказа одинъ изъ нихъ начинался: „Л. г. Семеновскаго полка капитанъ Путиловъ назначается адъютантомъ къ его императорскому высочеству наслѣднику; л. г. Измайловскаго полка полковникъ адъютантъ Комаровской назначается къ его императорскому высочеству Константину Павловичу адъютантомъ съ чиномъ капитанъ-поручика“. Меня это такъ удивило, что я не зналъ что дѣлать; я почувствовалъ только, что императоръ слегка ударилъ меня по плечу и сказалъ: „что же ты, братъ, стоишь? Дѣло то, кажется, идетъ не о чужомъ“. Я взглянулъ на наслѣдника, онъ мнѣ сдѣлалъ знакъ глазами, чтобъ я благодарилъ; я тотчасъ сталъ на одно колѣно, и государь подалъ мнѣ руку поцѣловать. Я не могу изъяснить моей радости, въ особенности, когда вспомнилъ, что избавляюсь отъ всѣхъ, столь несносныхъ для меня, хлопотъ.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ одной необыкновенной сцены: крѣ-

постный мальчикъ Семеновскаго полка подпоручика Лихачева донесъ Архарову, бывшему тогда вторымъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, что господинъ его и того же полка капитанъ И. И. Дмитріевъ посягаютъ на жизнь императора. Лихачева и Дмитріева посадили въ крѣпость, но по сдѣланному строгому изслѣдованію, доносъ оказался ложнымъ. Императоръ приказалъ ихъ обоихъ привести въ ту комнату, гдѣ отдавались приказы, въ то время какъ въ ней всѣ находились. Государь публично объявилъ, что Лихачевъ и Дмитріевъ невинны и обращаясь ко всѣмъ бывшимъ въ приказной комнатѣ сказалъ: „Неужели я имѣю, господа, между вами измѣнниковъ?“ Тогда мгновенно всѣ закричали: „нѣтъ, государь!“ и бросились цѣловать его руки. Императоръ, этимъ общимъ порывомъ и изъясненіемъ вѣрности, былъ тронутъ до слезъ. По окончаніи этой сцены, государь пошелъ къ императрицѣ Маріи Фёдоровнѣ и съ восторгомъ сказалъ ей: „теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ; я сей часъ получилъ новую присягу!“..... рассказалъ ей всѣ подробности того что происходило въ приказной комнатѣ (°).

Я узналъ, что наканунѣ того дня, въ который на разводѣ объявлено о моемъ производствѣ, въ комнатномъ собраніи государь подошелъ къ великимъ князьямъ и спросилъ у нихъ:

(°) Все это происшествіе подробнѣе изложено въ недавно изданныхъ Запискахъ И. И. Дмитріева, стр. 124—130; во Дмитріевъ и Лихачевъ содержались три дня не въ крѣпости, а въ домѣ воен. губернатора Архарова. Мальчикъ донесъ на нихъ въ надеждѣ получить за то увольненіе отъ крѣпостнаго состоянія. Последнихъ словъ императора, обращенныхъ къ имп. Маріи Фёдоровнѣ, И. И. Дмитріевъ не передаетъ.

„что вы, господа, не берете къ себѣ никого еще въ адъютанты?“ Они поклонились и ничего не отвѣчали. Лишь только государь отошелъ, наслѣдникъ спросилъ великаго князя Константина Павловича: «Ты доволенъ Комаровскимъ?» онъ отвѣчалъ: «доволенъ» --- «Сдѣлай же мнѣ одолженіе, продолжалъ наслѣдникъ, возьми его къ себѣ въ адъютанты, а я возьму Путилова.» Государь подошелъ къ нимъ и сказалъ: «Что вы, господа, надумались «ли?» Тогда великіе князья просили уже о назначеніи къ нимъ въ адъютанты: наслѣдникъ—Путилова, а великій князь Константинъ Павловичъ—меня и съ повышеніемъ чина, на что императоръ изъявивъ свое соизволеніе; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ видна была ко мнѣ милость наслѣдника. Это повышеніе въ чинъ было для меня весьма выгодно, но обидно для моихъ товарищей, ибо я былъ изъ младшихъ поручиковъ. А. Н. Бахметевъ (?) былъ настоящимъ полковымъ адъютантомъ: когда меня произвели въ прапорщики, онъ отдавалъ о томъ въ приказъ, а когда меня произвели въ капитанъ-поручики, онъ оставался въ прежнемъ чинѣ. Новая моя должность была гораздо покойнѣе прежней, а главное что ни за какія упущенія не подвергался отвѣтственности; мнѣ казалось, что императоръ Павелъ былъ ко мнѣ очень милостивъ.

Генваря 6-го 1797-го г., въ день Богоявленія Господня, былъ парадъ всѣмъ гвардейскимъ войскамъ для водосвятія и окропленія знаменъ и штандартовъ святою водою. Морозъ былъ въ 14 градусовъ при сильномъ вѣтрѣ. Іоарданъ устроена была противъ сената; императоръ и оба великіе князья были верхомъ при войскахъ,

а императрица, великія княгини и великія княжны шли пѣшкомъ изъ зимняго дворца на Іоарданъ и обратно, и многіе отъ сего занемогли. При императорѣ Павлѣ поздравленія дѣлались всегда наканунѣ придворныхъ праздничныхъ дней, а какъ на другой день было рожденіе великой княжны Анны Павловны, то и приказано было съѣзжаться во дворецъ ввечеру того же числа. Началось поздравленіе; императоръ обыкновенно всѣмъ мущинамъ давалъ цѣловать руку свою; когда же пришла моя очередь, и я подошелъ къ нему, его величество, придерживавъ мою руку, сказалъ съ веселымъ видомъ: „что, братъ, справился ли ты, все ли у тебя цѣло?“ Надобно было разумѣть: не отморозилъ ли ты чего; я отвѣчалъ: „я совершенно здоровъ“. Онъ это дѣлалъ съ немногими.

Наступило время приготовленія къ отъѣзду на коронацію; вся свита раздѣлена была на нѣсколько отрядовъ, но принадлежавшимъ къ великимъ князьямъ приказано было собраться въ Павловское, гдѣ находился и дворецъ Тутъ я нашелъ комендантомъ и шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка (полкъ этотъ составленъ былъ частью изъ Московскаго гренадерскаго и изъ другихъ полковъ) *Э. Э. Вадковскаго*, съ которымъ я былъ очень хорошо знакомъ, и котораго иначе не видалъ какъ сидѣвшаго цѣлые дни передъ каминомъ въ волтеровскихъ креслахъ: онъ служилъ камергеромъ при дворѣ (8), куда онъ никогда не ѣздилъ. Въ давнія времена онъ былъ любимцемъ императора Павла и былъ въ его свитѣ, когда его величество вояжировалъ подъ именемъ Сѣвернаго графа. *Э. Э.* самъ не могъ нади-

(7) Впоследствии известный генералъ.

(8) При дворѣ Екатерины II-й?

виться этой съ нимъ перемѣнѣ и сказалъ мнѣ: „я долженъ былъ принять что мнѣ предложили; я его давно знаю, онъ шутить не любитъ, хотя я двадцать лѣтъ какъ оставилъ военную службу.“ За нѣсколько мѣсяцевъ передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію императоръ купилъ у графа Безбородки преогромный его домъ противъ Головинскаго сада и назвалъ его Слободскимъ дворцомъ. Приказано было пристроить двѣ большія по бокамъ деревянныя залы; этотъ дворецъ сгорѣлъ во время Французовъ. Отрядъ, въ которомъ я находился, пріѣхалъ въ Москву прежде двора; свита великаго князя Константина Павловича помѣщена была противъ Слободскаго дворца, въ старомъ сенатѣ, гдѣ назначено было мѣстопребываніе и для го высочества. По принятому обыкзеновенію императоръ становился въ Петровскомъ дворцѣ. Вся гвадія на этотъ случай отправлена была въ Москву; это правда, что она была тогда не многочисленна. Назначенъ былъ день шествія въ Москву; въ церемонію наряжены были камергеры и камеръ-юнкеры; а такъ какъ было холодно, то и приказано было имъ имѣть супперроки, т. е. родъ широкихъ кафтановъ изъ пунцоваго бархата. Ничего не было смѣшнѣе какъ видѣть этихъ придворныхъ (привыкшихъ ходить по паркету, въ тонкихъ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ) верхомъ, Богъ знаетъ на какихъ лошадяхъ и на тѣхъ не умѣющихъ держаться и ими управлять: многихъ лошади завозили куда хотѣли, и отъ того эти царедворцы потеряли свои ряды и надѣлали большую конфузю. Въ особенности примѣчательнъ былъ графъ Хвостовъ, бывший тогда камергеромъ. Императоръ остановился въ Кремлѣ для того только, чтобъ приложиться

къ св. мощамъ и иконамъ, и, сѣвъ опять на лошадь, продолжалъ шествіе свое до Слободскаго дворца, куда прибыли уже какъ начало смеркаться. Мимо государя прошли церемоніальнымъ маршемъ всѣ войска, бывшія въ строю. Надобно было посмотрѣть на несчастныхъ придворныхъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были снимать съ лошадей, такъ сказать, окостенѣвшими отъ холода.

Великій князь поручилъ мнѣ купить лошадей для своего сѣдла; я ѣздилъ по Англичанамъ, но ничего не могъ найти порядочнаго; мнѣ сказывали, что есть хорошія верховыя лошади у г. Гончарова, имѣвшаго славныя парусинную и бумажную фабрики. Узнавъ, гдѣ онъ живетъ, я къ нему поѣхалъ, но не засталъ его дома; жена же г. Гончарова просила меня къ ней выдти, что я и исполнилъ; она меня приняла очень ласково, говорила мнѣ, что мужъ ея будетъ въ отчаяніи, что не случилось его дома, что онъ на другой день непременно самъ ко мнѣ пріѣдетъ; просила только, чтобъ я сказалъ, гдѣ я живу, и въ которомъ часу онъ можетъ со мною видѣться, изъявляя желаніе у себя меня видѣть, пока дворъ останется въ Москвѣ. На другой день, чѣмъ свѣтъ, г. Гончаровъ былъ уже у меня, и мы вмѣстѣ поѣхали къ нему смотрѣть лошадей. Я нашелъ у него двухъ, очень хорошихъ статей, и сказалъ ему, что я долженъ показать ихъ великому князю Константину Павловичу; что я по приказанію его высочества ищущу для него лошадей. Г. Гончаровъ обезпамятѣлъ отъ радости и сказалъ: „ахъ! какъ я былъ бы счастливъ, если бъ мои лошади понравились его высочеству, и удостоилъ меня великій князь принять ихъ!“ Я ему отвѣчалъ: „не думаю, чтобъ

великій князь принялъ лошадей вашихъ даромъ⁴. По возвращеніи во дворець я донесъ его высочеству, что я нашелъ двухъ лошадей, и спросилъ когда угодно будетъ ихъ видѣть, назвавъ и хозяина оныхъ. Великій князь приказалъ привести лошадей на другой день, но чтобъ отнюдь г. Гончарова тутъ не было. Я тотчасъ послалъ къ нему ѣздоваго съ запискою, прося его самому не беспокоиться: я узналъ послѣ, что Гончарова это очень огорчило. Одна изъ лошадей очень понравилась его высочеству, и онъ приказалъ мнѣ узнать о цѣнѣ; я ему доложилъ, что хозяинъ этой лошади денегъ не возьметъ, а если угодно будетъ сдѣлать ему подарокъ. Великій князь приказалъ мнѣ отвезти къ нему табакерку съ брилліантами, стоящую цѣну лошади. Гончаровъ былъ чрезвычайно радъ этому подарку и не переставалъ носить табакерку, хотя и не нюхалъ табаку, покуда всѣмъ знакомымъ оной не показалъ. Съ тѣхъ поръ Гончаровъ сдѣлался моимъ хорошимъ пріятелемъ.

Императоръ Павелъ назначилъ день своего коронаванія въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Вся императорская фамилія говѣла на страстной недѣли и въ великій четвергъ должна была пріобщиться святыхъ тайнъ (кромя императора) въ церкви Спаса за золотой рѣшеткой. Обѣдня совершена была митрополитомъ Платономъ; я былъ дежурнымъ, находился въ церкви и былъ свидѣтелемъ зрѣлица, которое на всегда останется у меня въ памяти: пусть представитъ себѣ императрицу Марію Ѳеодоровну въ цвѣтѣхъ лѣтъ, великихъ княгинь Елизавету Алексѣевну и Анну Ѳеодоровну, великихъ княженъ: Александру Павловну, Елену Павловну, Марію Павловну и Екатерину Павловну, всѣхъ

одѣтыхъ въ бѣлыхъ платьяхъ, и скажутъ, можно ли видѣть болѣе августѣйшихъ красавицъ вмѣстѣ соединенныхъ! Одинъ Платонъ умѣлъ достойно это изъяснить; когда растворились царскія двери и прежде нежели діаконъ вынесъ сосудъ, митрополитъ Платонъ вышелъ изъ алтаря и какъ будто пораженный блескомъ сихъ красавицъ, отступилъ назадъ, потомъ обратясь къ императору, сказалъ: „Всемиловѣйшій государь! воззри на вертоградъ сей“ и повелъ рукою, показывая на предстоявшихъ; у императора примѣтны были слезы на глазахъ.

Коронація происходила обыкновеннымъ порядкомъ: императоръ короновалъ императрицу Марію Ѳеодоровну; но что было замѣчательно, во время причастія вошелъ въ алтарь, взялъ сосудъ и, какъ глава церкви, самъ причащался святыхъ тайнъ⁽⁹⁾; потомъ, на тронѣ, прочелъ самъ фамильный актъ, имъ составленный, о порядкѣ наслѣдія на престолъ; актъ сей⁽¹⁰⁾ повелѣлъ хранить въ серебряномъ ковчегѣ въ Успенскомъ Соборѣ.

Примѣчательно было, что на балѣ въ Грановитой палатѣ дамы были одѣты въ робахъ чернаго бархата съ преогромными фижмами; балъ открыла императрица Марія Ѳеодоровна съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, минуэтомъ, и прочія дамы ей послѣдовали.

Скоро послѣ коронаціи, императоръ воспріялъ, съ обоими великими князьями, путешествіе въ Казань. Съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ поѣхалъ товарищъ мой Сафоновъ; онъ былъ капитаномъ Измай-

⁽⁹⁾ Съ самаго 1728 г. не было коронаванія государя.

⁽¹⁰⁾ Онъ составленъ былъ домашнимъ образомъ еще въ 1787 году.

ловскаго полка. Кстати о Сафоновѣ, любопытно будетъ знать, какимъ образомъ онъ попалъ въ адъютанты къ великому князю Константину Павловичу. Сафоновъ, до восшествія на престолъ императора Павла, уже подалъ челобитную въ отставку и отправилъ большую часть своихъ пожитковъ въ деревню, а остался дожидаться перваго пути, чтобъ самому съ матерью туда же отправиться. Какъ сдѣлалась перемѣна въ правленіи, онъ просилъ меня, чтобъ его высочество исходатайствовало ему отставку; великій князь отвѣчалъ, чтобъ Сафоновъ сходилъ хоть одинъ разъ въ караулъ и если удачно, тогда его высочество удовлетворитъ его желанію. Между тѣмъ императоръ, проходя одинъ разъ мимо нашихъ офицеровъ, во время развода, замѣтилъ Сафонова, вѣроятно потому что онъ всѣхъ офицеровъ лицомъ былъ старообразнѣе, спросилъ о немъ у маіора нашего полка Купелева и, когда узналъ его фамилію, еще разъ посмотрѣвъ на него пристально, пошелъ далѣе. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, приходитъ камердинеръ отъ государя къ великому князю съ повелѣніемъ, чтобъ капитану-поручику Сафонову приказано было пріѣхать къ его величеству. Тотчасъ посланъ былъ ѣздовой въ полкъ, и Сафоновъ полумертвый является къ императору. Государь спрашиваетъ у него, не тѣхъ ли онъ Сафоновыхъ, которые въ родствѣ съ Гендриковыми? ⁽¹¹⁾ Онъ отвѣчалъ: „Тѣхъ, государь“. — „Такъ стало быть мы свои, продолжалъ импе-

(11) Гр. Марья Симоновна Гендрикова (1727—1754), двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, была въ замужествѣ за камергеромъ Механломъ Иванов Сафоновымъ. — Великому князю Константину Павловичу было тогда 18 лѣтъ отъ роду.

раторъ, мнѣ нужно имѣть при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ человѣка, пожилыхъ лѣтъ въ родѣ дядьки, который бы мнѣ доносилъ о всѣхъ дѣйствіяхъ его высочества и ничего бы отъ меня не скрывалъ; мнѣ кажется, я въ тебѣ нашелъ этого человѣка; я тебя назначаю адъютантомъ къ великому князю, но только именовъ“. Сафоновъ не могъ опомниться отъ радости. Императоръ въ ту-жъ минуту послалъ за великимъ княземъ, который чрезвычайно удивился, увидя Сафонова въ кабинетѣ императора. Государь, взявъ за руку его высочество, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, которому я тебя поручаю, онъ хотя и адъютантъ твой, но ты долженъ видѣть въ немъ довѣренную мою особу.“ Потомъ всѣ вмѣстѣ пошли къ императрицѣ, и государь, входя къ ней съ веселымъ видомъ и держа Сафонова за руку, сказалъ: „J'ai trouvé l'homme que j'ai cherché pour Constantin (я нашелъ человѣка, котораго я искалъ для Константина Павловича). Императрица наговорила множество пріятныхъ вещей Сафонову. Я тогда былъ у великаго князя, и каково же было удивленіе мое, когда увидѣлъ его высочество идущаго съ Сафоновымъ, какъ съ равнымъ себѣ и обнявши его. Великій князь съ притворно-веселымъ лицомъ сказалъ мнѣ: „прошу имѣть почтеніе и уваженіе къ Павлу Андреевичу: онъ, хотя и имѣетъ званіе моего адъютанта, но онъ для меня гораздо болѣе этого званія!“ Не долго Сафоновъ пользовался своимъ преимуществомъ; великій князь взялъ надъ нимъ такую поверхность, что онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ его льстецовъ и ни одного раза не смѣлъ доносить государю о поступкахъ его высочества.

По возвращеніи изъ Казани въ Петербургъ, императоръ назначилъ ве-

ликаго князя Константина Павловича главнымъ начальникомъ надъ I-мъ Кадетскимъ корпусомъ, по тому примѣру, вѣроятно, что отецъ его величества, императоръ Петръ III, былъ директоромъ онаго, въ царствованіе Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина поручала сей корпусъ всегда начальству генерала, имѣвшаго военную репутацію, каковы были: графъ Ангальтъ, графъ де-Бальмень и т. п. Послѣдній былъ въ ея царствованіе М. Л. Кутузовъ⁽¹²⁾, котораго императоръ Павелъ назначилъ командиромъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, а на мѣсто его директоромъ Кадетскаго корпуса славнаго генерала графа Ферзена, который разбилъ и взялъ въ плѣнъ Костюшку. Великій князь поручилъ мнѣ письменныя дѣла, какъ по Кадетскому корпусу, такъ и по Измайловскому полку. Его высочество, всякій день, по утру въ 5 часовъ, ѣздилъ со мною въ корпусъ; ему пріятно было видѣть, какъ по барабану нѣсколько сотъ дѣтей вставали и одѣвались. Между тѣмъ поступало ко мнѣ множество бумагъ отъ графа Ферзена, по бывшимъ будто бы злоупотребленіямъ, генераломъ Кутузовымъ допущеннымъ: распродажи пустопорожныхъ мѣстъ, корпусу принадлежавшихъ и проч. Я замѣтилъ, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда, отъ зависти, можетъ быть, въ военномъ искусствѣ происходившая; мнѣ хотѣлось, чтобъ представленія графа Ферзена не сдѣлали вреда генералу Кутузову, ибо я зналъ строгость императора и, еслибъ сіи бумаги доведены были до свѣдѣнія его величества, то генералъ Кутузовъ непременно бы пострадалъ. Я много разъ ѣздилъ къ графу Фер-

зену и старался склонять его къ нѣ-которому снисхожденію, но успѣть въ томъ не былъ въ состояніи. Наконецъ, выбравъ веселую минуту великаго князя, объяснилъ все его высочеству; онъ меня поблагодарилъ и приказалъ поѣхать къ графу Ферзену и сказать ему: что все что было сдѣлано въ управленіе генерала Кутузова корпусомъ, происходило въ царствованіе августѣйшей его бабки, и что его высочеству не угодно, чтобъ генераль, служившій ся величеству съ честію, получилъ какую либо непріятность, а потому приказываетъ его превосходительству, чтобъ впредь на генерала Кутузова никакихъ представленій болѣе не дѣлать. Графу Ферзену это было очень не пріятно. Въ первый разъ, какъ я встрѣтился съ генераломъ Кутузовымъ во дворцѣ, онъ меня чрезвычайно благодарилъ: вѣроятно ему все было извѣстно.

Первый Кадетскій корпусъ былъ преобразованъ Бецкимъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II-й. По штату положено быть 5-ти возрастамъ и въ каждомъ возрастѣ по 100 кадетъ; выпуски были черезъ 15 лѣтъ; въ послѣдствіи сіе измѣнилось, и выпускали по успѣхамъ; но кадеты, во время нахождения ихъ въ корпусѣ, нигуда отпускаемы не были, и для того были казенныя лошади и кареты, въ которыхъ возили ихъ прогуливаться. Кадеты получали воспитаніе моральное и гимнастическое; для сего послѣдняго устроенъ былъ *jeu de rommes*, который и теперь существуетъ⁽¹³⁾ Кадетъ учили волтижировать, ѣздить верхомъ, фехтовать и танцовать. Императоръ Павелъ, желая увеличить число кадетъ, приказалъ составить новый штатъ и уничтожить всѣ гимна-

(12) Славный въ послѣдствіи князь Смоленскій.

(13) Писано въ 1830 г.

стическіе классы, даже и танцевальный, оставивъ фехтовальный и манежъ. Для составленія сего штата назначены были: генераль-маіоръ Андреевскій, служившій въ корпусѣ, экономя онаго, баронъ Ашъ и я. Мы нашли способъ прибавить 226 кадетъ, и такъ число оныхъ было 726, и вмѣсто возрастовъ, кадеты были раздѣлены на роты. Штатъ этотъ былъ конфирмованъ въ 1797 году, и я, 11-го августа того же года, произведенъ былъ въ гвардіи капитаны.

Изъ загородныхъ дворцовъ, доставшихся послѣ императрицы Екатерины императору Павлу, онъ любилъ Петергофъ, Царскаго же Села терпѣть не могъ. Проведя весенніе мѣсяцы въ 1798-мъ году въ Павловскѣ, императоръ, въ началѣ іюня, переѣхалъ со всѣмъ дворомъ въ Петергофъ, гдѣ квартировалъ кирасирскій ея величества полкъ; онымъ командовалъ Мих. Алексѣев. Обрѣзковъ. На время высочайшаго пребыванія въ Петергофѣ, великій князь Константинъ Павловичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ, Обрѣзковъ комендантомъ, я плацъ-маіоромъ, а Измайловскаго полка адъютантъ Черепановъ ⁽¹⁴⁾ плацъ-адъютантомъ. Время было пружинное. Однажды императоръ, встрѣтивъ меня, сказалъ. „Nous sommes ici comme en Afrique,“ (Здѣсь такъ жарко, какъ бываетъ въ Африкѣ). Тогда пріѣхали два брата императрицы Маріи, герцоги Фердинандъ и Александръ. Императоръ ѣзжалъ, всякое утро, верхомъ съ герцогами и съ обоими великими князьями; я бывалъ всегда въ свитѣ.

Скоро послѣ того постигло несча-

(14) Александръ Федоровичъ, бывший прежде въ морской службѣ (см. выше, 228) Сестра его, Александра Федоровна, мать поэта Баратынскаго.

стіе многихъ придворныхъ, а особенно тѣхъ, къ коимъ императрица Марія была милостива. Въ числѣ ихъ были: графъ Н. П. Румянцевъ, которому велѣно было ѣхать въ чужіе края; шталмейстеръ князь Голицынъ сосланъ былъ въ Москву; князь А. Б. Куракинъ, бывшій генераль-прокуроромъ, отставленъ, а на мѣсто его назначенъ Лопухинъ; генераль-адъютантъ А. И. Нелидовъ былъ любимцемъ и имѣлъ военный портфель — отставленъ, а на мѣсто его графъ Ливенъ; графъ Буксгевденъ, тестъ Нелидова, былъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ — отставленъ, а на мѣсто его графъ Паленъ; Нелединскій, былъ у принятія челобитенъ, отставленъ, а на мѣсто его Неплюевъ. Сіе несчастіе распространилось и на особъ, къ которымъ былъ милостивъ наследникъ: князь А. Н. Голицынъ, находившійся при его высочествѣ камергеромъ, отставленъ и высланъ въ Москву.... Лопухинъ скоро послѣ того выдалъ свою дочь за сына Кутайсова, и тѣмъ составила партія, которая не могла быть въ духѣ императрицы Маріи Федоровны.

Должность великаго князя, какъ военнаго губернатора, была находиться при вечернемъ рапортѣ караульнаго офицера, подаваемомъ императору. Всякое воскресенье были въ Петергофѣ балы, на которые приглашались иногда иностранные министры. Въ одно воскресенье послѣ такого бала, который продолжался довольно долго, когда вся императорская фамилія вошла во внутреннія комнаты, императоръ со всѣми распрощался, въ томъ числѣ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Его высочество, возвратясь къ себѣ, сказалъ мнѣ: «Государь меня отпустилъ, прикажи подать мой кабриолетъ, я поѣду

погулять въ нижній садъ.» Черезъ полчаса послѣ отъѣзда великаго князя приходитъ графъ Ливень и спрашиваетъ у меня: «гдѣ его высочество?» говоря при томъ, что государь дожидается его, чтобъ принять рапортъ отъ караульнаго офицера. Я ему отвѣчалъ, что великій князь поѣхалъ въ садъ и что его высочество считаетъ, что государь его отпустилъ, но я тотчасъ пошлю отыскать великаго князя. Не прошло получаса, какъ графъ Ливень опять приходитъ и говоритъ мнѣ: «Скажите его высочеству, что государь на него очень гнѣвается, что онъ не знаетъ своей должности.» Лишь только графъ Ливень ушелъ, какъ посланный мой нашелъ великаго князя, и онъ, прискакавъ домой, торопливо спрашиваетъ меня: «ну, что сдѣлалось?» Я ему пересказалъ все что случилось въ его отсутствіи. Его высочество чрезвычайно огорчился: «пожалуйста пойдѣ, узнай отъ караульнаго офицера.» Караульный офицеръ мнѣ сказалъ, что государь не принималъ его съ рапортомъ, ожидая все великаго князя, наконецъ приказалъ ему войти и принялъ рапортъ. На другой день рано по утру великій князь прислалъ за мной; я нашелъ его весьма встревоженнымъ. «Я цѣлую ночь почти не спалъ,» сказалъ мнѣ его высочество. Онъ тотчасъ рѣшился написать письмо къ государю, но оно возвращено было не распечатаннымъ. Послѣ того приходитъ Обрѣзковъ и говоритъ его высочеству: «государь знаетъ, что ваше высочество сегодня не здоровы, а потому приказалъ мнѣ подать при разводѣ рапортъ,» который великій князь принужденъ былъ ему отдать. Это довершило отчаяніе его высочества; но болѣе еще привело его въ затруднительное положеніе то, что импе-

ратрица присылаетъ къ нему записку, въ которой приглашаетъ его съ собою прогуливаться въ колясочкѣ. Я не знаю что онъ отвѣчалъ на эту записку императрицы. Ходя долго по комнатѣ взадъ и впередъ, наконецъ онъ бросился ко мнѣ на шею и сказалъ: «Мнѣ пришла мысль, исполни ее: пойдѣ сейчасъ къ И. П. Кутайсову, скажи ему все что со мною случилось, скажи ему въ какомъ я отчаяніи, и чтобъ онъ испросилъ у государя одной милости, чтобъ меня выслушать.» Кутайсовъ былъ боленъ и жилъ подъ самымъ государевымъ кабинетомъ, что у гауптвахты; лишь только я къ нему вошелъ, какъ онъ мнѣ говоритъ: «вы вѣрно пришли отъ великаго князя Константина Павловича? я все знаю. Какъ великому князю... не исполнять своей обязанности, и тѣмъ приводить въ гнѣвъ своего отца и государя!» Такая встрѣча меня удивила; я ему на сіе сказалъ: «еслибъ его высочество былъ виноватъ, онъ не сталъ бы себя оправдывать, а его высочество прислалъ меня просить васъ, чтобъ вы испросили у государя одной только милости — его выслушать.» «Хорошо, сударь, отвѣчалъ Кутайсовъ, я исполню волю его высочества.» Я пожалѣлъ великаго князя и не передалъ ему всего разговора, а сказалъ только, что И. П. обѣщалъ исполнить его волю. Черезъ нѣсколько минутъ опять великій князь послалъ меня къ Кутайсову; лишь только я поравнялся съ гауптвахтою, какъ государь выходитъ отъ Кутайсова; увидя меня, прямо идетъ ко мнѣ на встрѣчу и, вертя своею тростью, грозно мнѣ сказалъ: «а ты посломъ идешь?» Я тотчасъ сталъ на колѣно и говорю ему: «государь! великій князь передъ вами не виноватъ!» Его такъ это удивило, что онъ, взявъ меня подъ руку,

пошелъ со мною по аллеѣ верхняго сада. Я объяснилъ государю, какъ великому князю показалось, что онъ его отпустилъ, и увѣрялъ въ привязанности великаго князя къ его величеству, не только какъ къ отцу, но и какъ къ государю; что онъ вѣрнѣйшаго подданнаго какъ великаго князя у себя не имѣетъ, и что гнѣвъ государя довелъ его высочество до отчаянія. «Какъ! онъ точно огорченъ?» прервалъ государь; — «онъ такъ огорченъ, продолжалъ я, что если это состояніе продолжится, то онъ навѣрно сдѣлается больнымъ!» Тогда государь началъ мнѣ рассказывать, что онъ считалъ на привязанность одного только великаго князя Константина Павловича, но накануне сдѣланный имъ поступокъ заставилъ думать государя, что и онъ передался противной партіи... Наконецъ государь присококупилъ: «ну! если я его прощю; что, онъ этому обрадуется?» Я ему отвѣчалъ: «Его высочество будетъ безъ памяти отъ радости, государь!» Тутъ онъ, принявъ веселый видъ, сказалъ изъ италіанской оперы: «Dite, lo voi per me ¹⁵⁾», что я его прощаю, чтобъ онъ послалъ взять рапортъ у Обрѣзкова и подалъ бы мнѣ оный при разводѣ, подошелъ бы какъ обыкновенно, не показывая ни малѣйшей радости, чтобъ никто не догадался о томъ что между нами происходило,» и приказалъ мнѣ идти. Великій князь ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ и не могъ понять, отъ чего я такъ долго не возвращался; когда я ему рассказалъ что со мною случилось, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, но видя, что я ему говорю именемъ государя, какъ ему поступать должно во время развода, тутъ онъ бросился ко мнѣ на шею и началъ меня

цѣловать и такъ крѣпко обнимать меня, что я думалъ, что онъ меня задушитъ. Когда великій князь подошелъ съ рапортомъ къ государю, его величество сказалъ ему: «ты имѣешь прекраснаго посланника». Съ тѣхъ поръ государь всякій день что нибудь пріятное мнѣ говорилъ.

Я выше сказалъ, что лѣто было прежаркое. Наслѣдникъ, великій князь Константинъ Павловичъ, двое князей Чарторижскихъ, изъ коихъ одинъ былъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, а другой при Константинѣ Павловичѣ, графъ П. А. Строгановъ, князь Волконскій, адъютантъ наследника, и я, всякій день ходили купаться въ Петергофскую купальню, и великій князь Александръ Павловичъ училъ меня плавать. Одинъ разъ до того разшались, что у гавани стоялъ пре-высокій столбъ, на которомъ утверждёнъ былъ фонарь для мореплавателей и преузенная лѣстница вела къ фонарю: всякой долженъ былъ туда взлѣсть, чтобъ показать, что онъ нетрусь, а столбъ былъ такъ ветхъ, что весь шатался. Все это лѣто много дѣлали рѣзвостей подобнаго рода.

Осенью того же года (1798) назначены были маневры въ Гатчинѣ; войска были раздѣлены на двѣ арміи: одною командовалъ графъ Паленъ, а другою Кутузовъ. Великій князь Константинъ Павловичъ опять назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Гатчинѣ, генераль-маіоръ Чертковъ, командиръ Преображенскаго полка, комендантомъ; тогоже полка полковникъ Цызыревъ плацъ-маіоромъ, а я плацъ-адъютантомъ. Въ Гатчинѣ жизнь была довольно пріятная: по утру маневры, а ввечеру всякій день французскій спектакль, на придворномъ театрѣ. Я особенно находилъ удовольствіе въ Гатчинской жизни, потому что у обоихъ

⁽¹⁵⁾ Скажите, я вамъ позволяю.

великихъ князей была общая передняя, и я всякій день имѣлъ счастье видѣть наследника и съ нимъ говорить. Великій князь Константинъ Павловичъ также обходился со мною весьма милостиво. 18-го Сентября я произведенъ въ полковники. Когда войска возвращались въ Петербургъ, у Пудоской мельницы, 28-го Сентября, Государь пожаловалъ меня кавалеромъ Анненскаго ордена на шпагѣ, который былъ тогда третьяго класса. Я эту зиму былъ въ большой милости у великаго князя Константина Павловича, пользовался совершенною довѣренностію у его высочества, и обѣдалъ всякій день за столомъ съ нимъ и съ великою княгинею.

Между тѣмъ загорѣлась опять война у Австрійцевъ съ Французами, и на сей разъ Россія намѣрена была принять дѣятельное въ оной участіе. Императоръ Францъ, не находя видпо между своими полководцами достойнаго противостоятъ французскимъ предводителямъ арміи, обратился къ союзнику своему, императору Павлу 1-му съ просьбою дать ему въ главнокомандующіе его арміюю никогда не побѣжденнаго графа Суворова Рымникскаго, жившаго тогда въ Новгородской своей деревнѣ, подъ присмотромъ капитанъ-исправника. Императоръ Павелъ изъявилъ свое согласіе на просьбу Франца II-го, посланъ былъ курьеръ за графомъ Суворовымъ. Фельдмаршалъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ принятъ былъ публикою съ восторгомъ. Во второмъ свиданіи, императоръ, какъ уже грессмейстеръ, надѣлъ на графа Суворова крестъ великаго балъи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Фельдмаршалъ поклонился объ руку государю и сказалъ: «спаси, Господи, царя.» Императоръ, поднявъ его, обнялъ и отвѣчалъ: «Тебѣ царей спасать».

Чтобъ придать болѣе важности этой кампаніи и удовлетворить желанію великаго князя Константина Павловича, государю угодно было позволить его высочеству находиться волонтеромъ при графѣ Суворовѣ. Для сопровожденія великаго князя въ пути и для нахожденія въ арміи при его особѣ назначенъ былъ изъ лучшихъ генераловъ Екатерининскаго вѣка, генераль отъ кавалеріи графъ Дерфельденъ.

Между тѣмъ собирались три Россійскія арміи на границѣ: 1-я подъ командою генераль отъ инфантеріи Нумсена, долженствующая идти въ Италію; 2-я подъ командою генераль-лейтенанта Германа въ Голландію. Графъ Суворовъ, пробывъ въ Петербургѣ съ недѣлю, отправился въ Вѣну.

БАРАТЫНСКІЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился въ 1800 году, въ селѣ Марѣ, Кирсановскаго у. Тамбов. г. Отецъ его Абрамъ Андреевичъ былъ генераль-адъютантомъ Павла I., разсылавшаго его по инспекціямъ и разнымъ порученіямъ во все концы Россіи, куда то и дѣло скакали въ то время вѣстники изъ Петербурга съ разными приказами и отказами по части военныхъ формъ, строеваго устава и другихъ т. п. дѣлъ. Генераль Баратынскій имѣлъ впрочемъ и важныя порученія. Такъ напр. онъ былъ посланъ въ февраль 1797 года въ Тульчинъ къ Суворову, отставленному отъ службы. Разсказъ объ этой поездкѣ, написанный очевидцемъ, Александромъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ, адъютантомъ фельдмаршала, говоритъ много въ пользу Баратынскаго-отца. Изъ этого разсказа видно, что онъ не былъ изъ числа тѣхъ исполнителей, у которыхъ „усердіе все превозмогаетъ“, даже чувства самыя священныя. Онъ сожалѣлъ о судьбѣ, по-

стигшей героя, и не въ силахъ быть повидимому понять, что Суворовъ можетъ быть отставленъ отъ службы по наущничеству низкихъ интригановъ.

Поэтъ нашъ получилъ воспитаніе въ деревнѣ, въ домѣ родительскомъ, гдѣ за нимъ ходилъ долгое время дядьва-итальянецъ. Потомъ поступилъ онъ въ пажескій корпусъ. Тутъ, на 15 или 16 году возраста, испыталъ онъ тотъ ударъ судьбы, который рѣшилъ его будущую участь и наложилъ уже съ отроческихъ лѣтъ на его характеръ печать задумчивости и грусти, которыми проникнуты всѣ его произведенія, выражавшія такъ вѣрно внутреннее настроеніе его души. Баратынскій потерпѣлъ гоненіе жестокое. Онъ и нѣсколько другихъ пажей были исключены изъ корпуса съ запрещеніемъ опредѣлять ихъ въ службу. Причиною тому были сношенія ихъ съ однимъ товарищемъ Х., за которымъ они не замѣчали ничего дурнаго и не подозрѣвали, что этою юноша дѣлалъ самые низкіе поступки въ домѣ своего дяди, куда ходилъ по праздникамъ. Продѣлки этого негодяя открылись, и всѣ, бывшіе съ нимъ въ сношеніяхъ, пострадали изъ за мнимаго спасенія чести заведенія, гдѣ они воспитывались.

Баратынскій увѣхалъ въ Москву и пробылъ года два тамъ и отчасти въ Смоленской губерніи, у своего дяди. Его терзала мысль о тѣни нареканія, невольно падавшей на него. Онъ всячески старался найти средство заставить забыть постигшее его несчастіе, заслужить трудомъ то, что досталось бы ему такъ легко, если бы не поразилъ его неожиданный ударъ судьбы. Онъ искалъ возможности вступить въ службу и наконецъ добился этого. Но какъ? Послѣ долгихъ усилій онъ получилъ разрѣшеніе поступить въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ *рядовымъ*, и отправился на службу въ Петербургъ.

Литературныя наклонности повидимому уже были въ то время отличительнымъ признакомъ характера Баратынскаго. Живя въ казармахъ, неся солдатскую службу, онъ сталъ однако за-

ниматься стихотворствомъ. Но онъ писалъ тихонько, про себя и имѣлъ довольно долго только одного повѣреннаго своей тайны. Это былъ молодой поэтъ, лучшій и неизмѣнный до конца другъ его — баронъ Дельвицъ, къ которому онъ въ разное время написалъ столько превосходныхъ посланій, дѣлаясь съ нимъ сокровеннѣйшими своими мыслями и чувствами.

Въ Петербургѣ жили тогда всѣ эти юноши, начавшіе такъ славно свое литературное поприще, которое потомъ было прервано у большей части изъ нихъ раннею смертію или жизненными невзгодами. Пушкинъ уже рѣзко отдѣлялся отъ своихъ сверстниковъ; геній его порывался впередъ, и передъ взмахомъ его молодыхъ крыльевъ съ удивленіемъ останавливались старшіе поэты, съ недоумѣніемъ или негодованіемъ переглядывались литературные аристархи. Возлѣ Пушкина читатели уже замѣчали Дельвига, Кюхельбекера, Бестужева, Плетнева, къ которымъ скоро должны были присоединиться Рылѣевъ, Корниловичъ, Языковъ, Туманскіе и пр. Кромѣ того уже начинала дѣйствовать въ литературѣ меньшая ихъ братія: Сомовъ, Илличевскій, Креницынъ и др.

Это молодое поколѣніе не имѣло еще самостоятельности и согласно требованіямъ времени примыкало къ центру, имѣвшему за себя авторитетъ дѣятелей, уже пользовавшихся тогда извѣстностью. Это было Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, учрежденіе литературное и вмѣстѣ благотворительное. Тутъ главными лицами были нѣкоторые изъ стариковъ, какъ гр. С. П. Салтыковъ, гр. Д. И. Хвостовъ, Сергій Алексѣевичъ Тучковъ, и писатели болѣе молодые, но уже успѣвшіе приобрести вѣсь въ литературѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ: Крыловъ, Гнѣдичъ, Ѳ. Н. Глинка, Грець, Лобановъ, А. Е. Измайловъ, Воейковъ. Затѣмъ дѣятельными членами его были люди, которыхъ даже сама имена уже неизвѣстны теперь: Боровковъ, Никитинъ, братья Дуропы, Теряевъ и т. п., признанные быть до-

стойными спутниками свѣтилъ, если не первой величины, то по крайней мѣрѣ законной давности. Общество это, основанное 17 января 1816, стало съ 1818 года издавать свои „Труды“, въ которыхъ напечатано много первыхъ опытовъ названныхъ нами молодыхъ писателей, принятыхъ туда сперва въ качествѣ согрудниковъ, а потомъ и членовъ. Они же участвовали и въ другомъ обществѣ: Любителей словесности, наукъ и художествъ, основанномъ въ Петербургѣ 15 іюля 1801 года, въ которомъ въ то время дѣйствовали отчасти тѣ же лица и органомъ котораго былъ журналъ Измайлова „Благонамѣренный“.

Баратынскій вскорѣ познакомился черезъ Дельвига съ этими молодыми писателями, но не выступалъ самъ на авторское поприще. Недовѣрчивость ли къ своимъ силамъ, отвращеніе ли отъ выставки передъ публикой своего имени, которое онъ хотѣлъ заявить только тогда, когда минуетъ его невзгода, но достоверно то, что онъ былъ насильно записанъ въ цехъ тогдашнихъ литераторовъ. Баратынскій самъ говаривалъ, что Дельвигъ напечаталъ первые его стихи безъ его вѣдома. Странно, что поэтъ считалъ свое посланіе къ Дельвигу, явившееся въ Августѣ 1819 года, въ „Сынѣ Отечества“, первымъ своимъ напечатаннымъ стихотвореніемъ. Между тѣмъ, не только въ „Сынѣ“ же „Отечества, недѣлю раньше, напечатано его посланіе къ Креницыну, но первые его опыты появились за нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Благодаря тогдашнему обычаю выставлять въ концѣ каждой журнальной книжки число выхода ея, мы можемъ съ точностію опредѣлить день, въ который первый разъ явилось въ печати имя Баратынскаго. Это было 31 марта 1819 года, въ 6-ой книжкѣ „Благонамѣреннаго.“ Тамъ было оно выставлено подъ тремя пьесами: 1) „Къ Алинѣ“ 2) „Портретъ В.“ и 3) „Любовь и дружба.“ Заними уже слѣдуетъ по хронологическому порядку вышеупомянутое стихотвореніе въ „Сынѣ Отечества“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ по-

явленія первыхъ его стихотвореній, онъ создалъ въ 1820 году нѣсколько превосходнѣйшихъ пьесъ: „Финляндію“, „Дельвигу“, „Свиданіе“, „Элегію: повѣрь мей милый другъ, страданье нужно намъ“ пр.

Измѣнчивая судьба, игравшая жизнію поэтовъ новаго поколѣнія, почти на всѣхъ изъ нихъ успѣла положить осѣбу печать при самомъ началѣ ихъ поприща. Даже позднѣе, въ произведеніяхъ ихъ выходитъ наружу струя, когда-то постоянно вдохновлявшая ихъ и чрезъ много лѣтъ все таки не затерянная подъ приливами новыхъ обстоятельствъ и впечатлѣній. У всякаго изъ нихъ было своего рода изгнаніе, годы странствія, по большей части не добровольнаго, и мѣста этого изгнанія, съ особенностями ихъ природы и нравовъ, дѣлались для нихъ какъ бы новою, духовною родиной, о которой они всегда говорили послѣ съ какимъ то особымъ чувствомъ, не смотря на испытанныя тамъ невзгоды. Края эти невольно привлекали ихъ къ себѣ напоминаясь о томъ, что тамъ, далеко, стали они впервые жить самостоятельно и узнали жизнь на самомъ дѣлѣ, съ ея радостями и благотворными страданіями. Судьба этихъ поэтовъ служить однимъ изъ признаковъ, характеризующихъ нашъ тревожный вѣкъ, въ которомъ такъ рѣдки существованія ровныя, тихія, однообразныя. Эта нравственная тревога должна была выразиться преимущественно на избранныхъ натурахъ вѣка. Прежде почти не знали этой кочевой жизни, не вдохновлялись чужими небесами, подъ которыми проходили годы ссылки и странствій. Напр. симпатія Державина или Дмитріева, на сколько они проявлялись при условіяхъ тогдашней поэзіи, принадлежали Волгѣ и ея берегамъ, мѣсту, гая они вступили въ жизнь. Не отвергдѣ подобныхъ чувствъ въ новѣйшихъ поэтахъ, нельзя однако не сознаться, что у нихъ постоянно и безпрестанно прорываются мотивы, вдохновенные странническимъ періодомъ ихъ жизни, и что эти мотивы, эти края первые приходятъ вамъ на мысль, когда вы подумаете о ихъ поэтическомъ поприщѣ. У Пушкина

это степи Бессарабии и роскошный край Тавриды; у Языкова—Дерптскій университетъ; у Лермонтова—величественныя вершины Кавказа; у Баратынскаго—угрюмыя скалы Финляндіи. Безъ этихъ впечатлѣній поэзіи ихъ была бы лишена своей оригинальной физиономіи.

Баратынскій попалъ въ Финляндію по обязанностямъ своей солдатской службы. Осенью 1819 года его произвели въ унтеръ-офицеры, но не въ гвардію, а въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Фридрихсгамѣ. И вотъ поэтъ нашъ въ пустынномъ уголку сѣвера, окруженный дикими красотоми природы, поразившей еще за нѣсколько лѣтъ другаго поэта, когда край этотъ оглушался громомъ кровавой войны. Природа Финляндіи, мрачная и унылая, запечатлѣнная поэзіею своего рода, должна была имѣть тайную аналогію съ господствующимъ настроеніемъ души Баратынскаго, которой цвѣтъ такъ рано сталъ блекнуть отъ бурь, насланныхъ на нее враждебнымъ рокомъ. Онъ сроднился съ нею скоро и воспѣлъ ей этотъ поэтической гимнъ, гдѣ такъ чудно слились прелести описательной поэзіи съ выраженіемъ коренныхъ возрѣній и вѣрваній поэта.

Поэтъ въ Финляндіи не былъ однако совершенно одинъ съ своею поэтической грустію, питавшеюся созерцаніемъ окружающей его природы. Онъ сохранилъ сношенія съ избранными друзьями, особенно съ безцѣннымъ Дельвигомъ; встрѣтилъ и въ Финляндіи участіе умныхъ и добрыхъ людей. Посланіе его къ своему полковому командиру, храброму полковнику Лутковскому свидѣтельствуесть о томъ, что отношенія его къ нему были дружескія, что онъ нашелъ въ немъ и сочувствіе и привѣтъ. Другой сослуживецъ сталъ его другомъ на всю жизнь: это былъ ротный его командиръ Николай Михайл. Коншинъ, стихотворецъ и литераторъ. Такія связи не могли не улаживать тяжелыхъ минутъ, которыя ему приходилось переживать подъ гнетомъ грустныхъ обстоятельствъ жизни, вдали отъ прежнихъ друзей и близкихъ ему интересовъ.

Весною 1821 года Баратынскій прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, который пришелъ туда для занятія карауловъ на время пребыванія гвардіи въ лагерь. Поэтъ нашъ поселился вмѣстѣ съ Дельвигомъ; они жили въ кругу общихъ друзей: Эртеля, Плетнева, Коншина, кн. Эристова, Болтина, и пр. Жизнь ихъ была веселая, безпечная, оживленная дружескими бесѣдами, юношескими похождениями, поэтическими подробностями, сохраненными въ стихотвореніяхъ, по большей части рукописныхъ, въ которыхъ такъ ярко блещутъ радужныя цвѣта, облекающія собою и незначительныя событія, когда они порождены молодостію, искренностію и изяществомъ чувствъ и мыслей (1). Баратынскій считалъ это время едва ли не лучшимъ въ своей юности.

Осенью Баратынскій отправился съ полкомъ обратно въ Финляндію и сталъ жить въ Роченсальмѣ, гдѣ расположился Нейшлотскій полкъ. Литературная репутация его была окончательно установлена многими прелестными стихотвореніями, изъ которыхъ особенно прославились «Пиры», гдѣ капить такъ много жизни и силы, не исключаяющей однако общаго поэту чувства грусти, искренней и привлекательной для душъ, настроенныхъ на поэтической ладъ (2). Лѣтомъ 1822 года Баратынскаго посѣтили Петербургскіе друзья: Дельвигъ, Эртель и Павлицевъ (шуринъ Пушкина). Тутъ

(1) Сл. Р. Арх. 1863, изд. 2-е, стр. 983. П. Б.

(2) «Пиры» были читаны 28 Февраля 1821 года въ Вольномъ О. Д. Р. С., котораго вскорѣ Баратынскій и былъ избранъ членомъ, пробывши два года его сотрудникомъ. Они напечатаны въ Трудахъ Общества. Въ засѣданіи, «Пиры» были читаны Гявдичемъ, пользовавшимся репутаціей отличнаго декламатора. Онъ былъ, какъ извѣстно, кривъ, и произнесъ первые два стиха:

«Друзья мои, я видѣлъ свѣтъ,

На все взглянулъ и вѣрнымъ окомъ»,

Гявдичъ остановился и посмотрѣлъ вокругъ себя. При такомъ контрастѣ слушатели не могли не разсмѣяться.

припомнили они Петербургское житье. Затѣмъ жизнь поэта шла по прежнему. Съ 1823 года онъ сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ вкладчиковъ "Полярной Звѣзды", войдя въ сношенія по литературѣ съ Рылѣвымъ и Бестужевымъ. Имя его стояло однимъ изъ первыхъ въ спискѣ корифеевъ нашей поэзіи, и многіе читатели его пзанныхъ произведеній не могли себѣ представить, что они обязаны эстетическимъ наслажденіемъ Нейшлотскому унтеръ-офицеру, находящемуся на стоянкѣ въ Роченсальмѣ.

Въ 1824 году генераль губернаторомъ Финляндіи былъ назначенъ (гр.) А. А. Закревскій. Въ числѣ его адъютантовъ былъ Н. В. Путята, любитель литературы и пріятель многихъ друзей Баратынскаго, которые совѣтовали ему познакомиться ближе съ Баратынскимъ, когда онъ выѣдетъ съ своимъ генераломъ пріѣдетъ въ Финляндію. Н. В. Путята увидѣлъ въ первый разъ поэта стоящимъ въ строю, въ знаменномъ ряду, когда шелъ за А. А. Закревскимъ по фронту Нейшлотскаго полка, которому генераль дѣлалъ смотръ. Послѣ смотра онъ отыскалъ Баратынскаго, передалъ ему поклонны общихъ друзей и звалъ его къ себѣ. Поэтъ явился вскорѣ на это приглашеніе, не засталъ дома Н. В. Путяты и оставилъ ему записку, съ которой и начинаются ихъ письменныя сношенія. Въ самомъ скоромъ времени они уже были въ тѣсной дружбѣ, а много лѣтъ спустя въ родственныхъ связяхъ по женамъ ихъ, которыя родныя сестры.

А. А. Закревскій заинтересовался судьбой Баратынскаго, въ которомъ принимали теплое участіе адъютанты его Н. В. Путята и Александръ Алексѣевичъ Мухановъ. Онъ прикомандировалъ его къ штабу, что дало ему возможность жить въ Гельсингфорсѣ, гдѣ разумѣется было болѣе удобствъ къ жизни чѣмъ въ другихъ городахъ. Унтеръ-офицеръ сдѣлался вскорѣ близкимъ, своимъ въ оживленномъ и веселомъ домѣ генераль-губернатора; письма Баратынскаго свидѣтельствуютъ, что онъ всегда хранилъ

признательное воспоминаніе о покровительствѣ главнаго начальника края, которому былъ обязанъ переводомъ въ Гельсингфорсѣ, отпускомъ въ Москву въ 1825 году, наконецъ производствомъ въ томъ же году въ офицеры, которое стоило А. А. Закревскому большихъ хлопотъ. Наконецъ цѣль Баратынскаго, послѣ 8 лѣтней службы въ нижнихъ чинахъ, была достигнута. Онъ прислалъ изъ Москвы просьбу объ отставкѣ и былъ уволенъ отъ службы⁽³⁾.

Баратынскій поселился въ Москвѣ и въ 1826 году женился на старшей дочери Л. Н. Энгельгарда, котораго примодушныя, искреннія и любопытныя "Записки" конечно извѣстны читателямъ.

Литературная дѣятельность Баратынскаго не ослабѣвала. Онъ помѣщалъ много стихотвореній въ журналахъ и альманахахъ, особенно въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ друга своего Дельвига. Къ длинной эпохѣ жизни съ 1826 по 1843 годъ, проведенной въ Москвѣ и въ деревнѣ, относятся появленія: Эды (1826), 1 го изданія его стихотвореній (1827), Бала (1828) и всѣхъ прочихъ отдѣльныхъ изданій его произведеній. Тутъ достигъ онъ скоро апогея своей славы, при появленіи трехъ названныхъ книгъ. "Эда"—любимое чело его фантазіи, созданная еще въ Финляндіи, гдѣ происходитъ дѣйствіе поэмы, прежде всего приходитъ на память, когда слышится имя Баратынскаго. Почти у каждаго поэта есть такое произведеніе: у Байрона это Чайльдъ Гарольдъ; у Расина—Федра; у Лермонтова—Демонъ, у Корнеля—Сидъ, у Гете—Фаустъ. Недѣланъ никакихъ сравненій, можно сказать, что такую же роль играетъ у Баратынскаго Эда, живая картина невинной и обманутой любви, обставленная ландшафтами, такъ грустно, но обаятельно подѣйство-

(3) Покойный И. В. Кириѣвскій передавалъ намъ для прочтенія большое письмо Е. А. Баратынскаго къ В. А. Жуковскому съ изложеніемъ судьбы своей, и письмо В. А. Жуковскаго къ кн. А. Н. Голицыну съ просьбою исхodataйствовать помилованіе поэту. Цѣлы ли эти любопытныя и важныя письма? П. Б.

вавшими на поэта и оставившими въ немъ навсегда неизгладимое впечатлѣніе. Въ Эдѣ Баратынскій вполне въ своей смерти; онъ описываетъ Финляндію и предается своимъ завѣтнымъ думамъ по поводу событія, напоминающаго скоротечность земныхъ утѣхъ, заставляющихъ его душу невольно двоиться анализомъ испытываемаго чувства въ самую минуту когда ихъ вкушаютъ. Двѣ другія его большія поэмы «Баль», (1828) и «Наложница», (1831), къ которой было приложено прекрасное предисловіе о нравственности въ поэзіи, несравненно выше «Эды» по созданію характеровъ, глубинѣ мысли, жизненному опыту, наблюдательности и художественной отдѣлкѣ частей; но «Эда», все таки остается лучшимъ образцомъ поэзіи Баратынскаго.

Первое собраніе мелкихъ стихотвореній Баратынскаго дало его мѣрку какъ элегическаго поэта и вообще лирика. Оно представило возможность оцѣнить всю прелесть его цѣломудренной Музы. Онъ издалъ эту книжку на рубежѣ новой жизни, которая открылась ему съ его супружествомъ. Онъ нашелъ наконецъ послѣ бурь мирную пристань, вѣрное убѣжище; но не съ тѣмъ, чтобы предаться умою и душой бездѣйствію. Мысль и движенія сердца не могли перестать шевелить думы поэта и изливаться въ гармоніи его стиховъ. Но онъ чувствовалъ, что цѣлая сторона земной жизни имъ разгадана, что цѣль ея достигнута и встрѣтилъ хоть съ этой стороны успокоеніе, сознание котораго внушило ему торжественный гимнъ любви и умиленія: *Судьбой наложенны цѣпи*. (См. стих. его, изд. 1835, I, 189).

Изъ лирическихъ пьесъ Баратынскаго болѣе всего прославились его элегіи, эти болѣзненные откровенія души нѣжной, впечатлительной, способной анализировать самыя тонкіе оттѣнки даже мимолетнаго чувства и извлекать изъ такого анализа мысль, часто ведущую поэта къ глубокимъ и вдохновеннымъ соображеніямъ объ общей судьбѣ ума и души человѣка. Элегіи эти по большей части вылились у него въ формѣ исповѣди,

высказываемой любимой когда то женщиной или сочувствующему другу. Напомню здѣсь его «Разувѣреніе»; хотя есть у него и другія пьесы, заключающія въ себѣ мысль болѣе глубокую и общую, но эта элегія до того вѣрна натурѣ поэта, такъ сжато выражаетъ одно изъ господствующихъ въ немъ чувствъ, такъ типически воспроизводитъ процессъ его анализа и самую манеру его созданій, что она представляетъ какъ бы необходимый конспектъ его элегической поэзіи.

Не вникнувшій въ эту превосходную пьесу читатель увидитъ, можетъ быть, въ ней не болѣе какъ обыкновенную элегію, подобную множеству другихъ. Сотни поэтовъ перенѣли потомъ эту тему на всѣ лады. Но сравните ихъ серьезно и внимательно, и вы увидите, что мотивъ Баратынскаго полный и своеобразный, а подражатели его разрабатывали только тотъ или другой его канансъ. Это исторія Россіи и его учениковъ. Нашъ славный Глинка превосходно понялъ значеніе этой элегіи Баратынскаго, избравши именно ее, чтобы создать на ея слова гениальную музыку, которая такъ удивительно гармонируетъ со стихами.

Необходимой конецъ земныхъ страданій—смерть, внушаетъ поэту безпрестанно тѣ глубокія размышленія, которыя присущи пылливому духу. Одна сторона ихъ выражена Баратынскимъ въ знаменитомъ по справедливости стихотвореніи «Черепъ» (стр. 186).

Но поэтически-религіозной душѣ поэта было противно видѣть въ смерти одно лишь тлѣніе, одну мертвящую сердце мысль о концѣ концовъ для всего живущаго. Онъ видѣлъ въ ней необходимое условіе вѣчной, обновляющейся жизни духа и природы: „Тебя изъ тьмы не изведу я„ (стр. 76).

Одно изъ самыхъ основныхъ вѣрованій поэта было убѣжденіе, что безпрестанное мышленіе, которому предается современный человѣкъ, вредитъ наслажденію чувствами, искусствомъ, красотами природы. Оно двоитъ духъ въ минуты высочайшаго блаженства, заставляя одну половину его наблюдать за другою без-

прерывно, колеблетъ его вѣрованія и такимъ образомъ лишаетъ его того счастья, которымъ онъ такъ полно упивался въ золотой вѣкъ и въ эпохи болѣе непосредственнаго существованія человѣчества. „Примѣты“, „Послѣдній поэтъ“ и другія пьесы выражаютъ исключительно такое убѣжденіе, которое разлито и въ другихъ его твореніяхъ. Оно развилось потомъ вообще въ нашей поэзіи, но Баратынскій первый произнесъ его, покрайней мѣрѣ въ его полнотѣ и послѣдовательности. Нѣкоторые не призванные судьи находили на этомъ основаніи, что странно называть „поэтомъ мысли“, человѣка, сожалѣющаго о ея господствѣ въ нашемъ вѣкѣ. Одинъ изъ строгихъ цѣнителей Баратынскаго, Бѣлинскій самъ лучше всѣхъ опровергъ такое мнѣніе, сказавши, что одно такое убѣжденіе, хотя бы одностороннее, уже доказываетъ, что Баратынскій былъ мыслитель, и что мысль, хотя бы и для того чтобы вызвать себя противодѣйствіе, была ему неотступно присуща и вдохновляла звуки его лиры.

Посланія Баратынскаго иногда тѣ же элегіи и отличаются отъ нихъ тогда только нѣкоторыми частными подробностями. Другія изъ нихъ любезные комплименты, увлекательные прелестью стихотворства. Наконецъ третьи, какъ два посланія къ Гнѣдичу и эпистолы къ Богдановичу и дядкѣ-итальянцу, напоминаютъ блестящіе произведенія въ этомъ родѣ Вольтера, Л. Шенье, Делавиня и другихъ мастеровъ Французской школы «здраваго смысла». Но замѣтимъ, что эти полу-сатирическія, полу-философскія «рѣчи въ стихахъ» рѣже впадаютъ у Баратынскаго въ резонерство, столь несвойственное Русскому духу и что въ нихъ живѣе пробивается поэтическая струя, чѣмъ у его учителей.

Изъ антологическихъ стихотвореній Баратынскаго нѣкоторые также приближаются къ тону элегіи, другія же выказываютъ кромѣ того удивительное пониманіе древняго міросозерцанія. Стихи его иногда не уступаютъ строфамъ Жуковскаго въ его дивныхъ переложеніяхъ

античныхъ пьесъ Шиллера. Кто кромѣ него, казалось бы, могъ говорить такими звуками:

„Человѣку непокорно
 Море синее одно;
 „И свободно, и просторно,
 „И привѣтливо оно;
 „И лица не измѣнило
 „Съ дня, въ который Аполлонъ
 „Поднялъ вѣчное свѣтило
 „Въ первый разъ на небосклонъ.“

Эпиграммы Баратынскаго имѣютъ особенный, совершенно оригинальный характеръ. Это не палочки (какъ тогда говорили) эпиграммы ухарскихъ стихотворцевъ; въ нихъ видны не львиныя когти Пушкина, не желчь Писарева, не тонкая, быстрая насмѣшка кн. Вяземскаго. Читая ихъ, вы не присутствуете при мгновенномъ ужаленіи пчелы, а скорѣе наблюдаете за процессомъ высасыванія ею тончайшаго матеріала, смѣшаннаго или жалкаго, накопляемаго ею изъ существенности, если только такого рода существенность можно сравнить съ цвѣткомъ. Для усвоенія себя всей тонкости такой аттической насмѣшки нужно чрезвычайно развитое эстетическое чувство. Пушкинъ находилъ эпиграммы Баратынскаго самыми страшными. Обыкновенная эпиграмма, по его мнѣнію «скоро старѣетъ и живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго, сатирическая мысль приѣмлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ остроуму слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства.»

Говоря о мелкихъ пьесахъ Баратынскаго, нельзя не напомнить о той изъ нихъ, которая есть живой портретъ его оригинальной Музы.

Не ослѣпленъ я Музою моею:
 Красавицей ее не назовутъ,
 И юноши, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.

Приманивать изысканнымъ уборомъ,
 Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
 Но пораженъ бывасть мелкою свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженемъ,
 Ея рвчей спокойной простотой:
 И онъ, скорее чѣмъ ѣдимъ осужденемъ,
 Ее почитать небрежной похвалой.

Да, у этой Музы было въ лицѣ „необщее“ выраженіе, и потому она переживетъ въ потомствѣ многихъ, къ которымъ свѣтъ будетъ по временамъ выражать свою скоропреходящую благосклонность. Она уже испытала равнодушіе не только толпы, но и людей, достойныхъ быть ея цѣнителями. Но развѣ Муза Пушкина не испытала той же участи, именно въ то время, когда красота ея стала вполне ослѣпительна? Жизнь потребовала другаго, толчекъ былъ данъ въ иную сторону, и забылся вдохновеніи, плывавшія сердца еще такъ недавно. Въ тридцатыхъ годахъ Баратынскій уже былъ оставленъ публикой, хотя и написалъ великолѣпную оду „На смерть Гете.“ Сдавленные силы общества искали исхода и стремительно бросались на явленія, свѣдѣтельствовавшія о томъ, что жизненный духъ, когда то вѣявшій надъ нимъ вмѣстѣ съ поэтическими гнинами, не совсемъ подавленъ, а напротивъ занятъ внутренней работой, готовящей условія будущаго обновленія. Прозаическія литературныя формы сдѣлались господствующими, какъ болѣе удобныя для выраженія этихъ законныхъ стремленій. Гоголь сдѣлался представителемъ литературы. Прежніе дѣятеля, пережившіе другаго рода молодость, разочарованные въ ея надеждахъ, рѣдѣли со дня на день, удаляясь отъ литературныхъ торжищъ, основанныхъ тогда и наполненныхъ людьми, которымъ при новыхъ условіяхъ, какъ ни были они впрочемъ неблаготворны, сдѣлалось однако легче чѣмъ прежде поднять голову среди провозглашенной недавно литературной анархіи. Баратынскій по литературнымъ преданіямъ и убѣжде-

ніямъ своимъ не могъ не удалиться, какъ Ахиллъ въ свой шатеръ, въ тѣсный кругъ оставшихся друзей и въ мѣръ дорогихъ воспоминаній. Онъ оплакалъ Дельвига и Пушкина и допѣвалъ самыя гармоническія, самыя задушевныя пѣсни свои для немногихъ, чувствуя свое одиночество, грустно думая, что онъ „звѣзда разрозненной пледы“, какъ онъ называлъ себя, послан издалека братскій привѣтъ ветерану нашей поэзіи, князю Вяземскому. Стихамъ этимъ, принадлежащимъ къ тѣмъ, которыхъ тайна теперь потеряна, сочувствовали немногіе, сохранившіе преданіе прошлого, умѣвшіе не потерять чувства красоты поэзіи, не смотря на то что усвоили себѣ новые элементы духовнаго развитія общества. Когда въ 1842 года вышла книжка „Сумерекъ“ Баратынскаго, она произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ и недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она хочетъ отъ потомковъ!

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ времени жизни Баратынскаго. Въ 1843 году онъ уѣхалъ черезъ Петербургъ, давно имъ покинутый, за границу, отчасти для разсѣянія и знакомства съ чуждыми краями, отчасти для здоровья своей жены. Зиму провелъ онъ въ Парижѣ, гдѣ сошелся со многими изъ лучшихъ людей литературы и науки, для которыхъ самъ перевелъ на Французскій языкъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Заграничныя письма его очень замѣчательны. Когда наступала весна, непреодолимое влеченіе провести ее среди роскошной природы Италіи овладѣло Баратынскимъ. Онъ сѣлъ на парходъ въ Марсели и поплылъ въ Ливорно. Это плаваніе вдохновило его стихи, составляющіе по прелести описанія и по своей пластичности одинъ изъ лучшихъ перловъ Русской поэзіи („Пироскафъ“).

Баратынскій поселился близъ Неаполя и, переносясь мысленно въ край хо-

лодной родины изъ подъ лазореваго неба Италиа, написалъ тамъ безподобное посланіе къ дядькѣ-италиянцу, съ которымъ свела его судьба въ его младенчествѣ. "Дядькѣ-италиянцу," это были послѣдніе стихи, посланные имъ въ Россію для печати. Часъ его пробилъ. 28 Іюня 1844 вечеромъ, болѣзненный припадокъ жены такъ его встревожилъ, что онъ самъ слегъ въ постель. На

другой день, 29 Іюня, его уже не было въ живыхъ. Отлетѣла внезапно отъ здѣшняго міра душа возвышенная, и кончилось поприще поэтическаго таланта, истиннаго и глубокаго.

Прахъ Баратынскаго покоится въ Невской Лаврѣ.

Москва 5 го декабря 1860 г

Михаилъ Лопиновъ.

ПИСЬМА Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ Н. В. ПУТЯТЪ (*)

1824—1844.

I.

Весною 1824-го года, Финляндскій генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій дѣлалъ инспекторскій смотръ нѣкоторымъ войскамъ, расположеннымъ въ Финляндіа, и въ томъ числѣ Нейшлотскому пѣхотному полку, въ которомъ Е. А. Баратынскій служилъ въ это время унтеръ-офицеромъ. Смотръ происходилъ близъ г. Вильманстранда, на берегахъ пустыннаго озера. Я шелъ вдоль строя за генераломъ Закревскимъ (у коего былъ адъютантомъ) когда мнѣ указали Баратынскаго. Онъ стоялъ въ знаменныхъ рядахъ. Баратынскій родился съ

(*) Письма эти предназначены для полнаго собранія сочиненій и переписки Е. А. Баратынскаго, которое предпринято старшимъ его сыномъ Львомъ Евгеньевичемъ и появленіе котораго обрадуетъ всѣхъ любителей и изслѣдователей нашей изящной словесности. Приносимъ живѣйшую благодарность *Николаю Васильевичу Путятю* за дозволеніе предварительно помѣстить въ нашемъ изданіи письма къ нему Е. А. Баратынскаго къ письмамъ присоединены примѣчанія Н. В. Путяты, обозначающія время, мѣстность и обстоятельства, въ которыхъ письма писаны. Такимъ образомъ и письма, и примѣчанія представляютъ собою нѣсколько подлинныхъ чертъ для біографіи Баратынскаго. *П. Б.*

вѣкомъ, слѣдовательно ему было тогда 24 года. Онъ былъ худощавъ, блѣденъ, и черты его выражали глубокое уныніе. Въ продолженіи смотра и съ нимъ познакомилсѣ и разговаривалъ о его Петербургскихъ пріятеляхъ. Послѣ онъ заходилъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома и оставилъ прилагаемую записку.

25-го Мая 1824 г.

Баратынскій былъ у васъ, желая засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и благодарить за участіе, которое вы такъ благородно принимаете въ немъ и въ судьбѣ его. Когда лучшая участь дастъ ему право на болѣе короткое знакомство съ вами, чувство признательности послужитъ ему предлогомъ рѣшительно напрашиваться на ваше доброе расположеніе; а покуда онъ остается вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

II.

Нейшлотскій полкъ, по окончаніи смотра и ученій, возвратился въ укрѣпленіе Кюмень и окрестности, гдѣ имѣлъ постоянное квартированіе. Баратынскій жилъ тутъ вмѣстѣ съ своимъ полковымъ командиромъ Лутковскимъ, который очень его любилъ. Полковникъ Лутковскій былъ отлично храбрый офицеръ, доброй и простой души человѣкъ; онъ

убить или умерь, не помню на вѣрное, во время Польской войны. Въ сочиненіяхъ Баратынскаго находится къ нему посланіе. — Осенью 1824 г. я увѣдомилъ Баратынскаго, что генералъ Закревскій позволяетъ ему прѣхать въ Гельзингфорсъ и находится при корпусномъ штабѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашалъ его остановиться у меня. Слѣдующее письмо есть отвѣтъ на мое приглашеніе.

Получилъ я письмо ваше и не умѣю иначе благодарить васъ за благосклонное ваше предложеніе, какъ принимая его съ живѣйшею благодарностью. Меня точно бы пугала ваша столица, ежели бъ вы не подавали мнѣ надежды найти въ васъ наставника и защитника. Впрочемъ, что бы меня ни ожидало въ Гельзингфорсъ, случай, доставляющій мнѣ удовольствіе провести нѣсколько дней съ вами и утвердить столько же для меня лестное, сколько пріятное знакомство, я почитаю очень счастливымъ случасмъ въ моей жизни.

III и IV.

Скоро потомъ Баратынскій къ намъ прѣхалъ, прожилъ со мною въ Гельзингфорсѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы тѣсно подружались. Онъ написалъ въ это время Бурю, Черепъ (напечатанъ въ первый разъ подъ заглавіемъ Могила), Авроръ III..... (Авроръ Карловнъ Шериваль, бывшей за мужемъ за П. Н. Демидовымъ и потомъ за А. Н. Карамзинымъ), и нѣкоторые другія пьесы. Началъ тогда же писать Эду.

Въ началѣ Февраля 1825-го года, я уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, гдѣ и получилъ два слѣдующихъ письма отъ Баратынскаго, возвратившагося въ это время въ Кюмсь. Онъ послалъ со мною письмо къ В. К. Кюхельбекеру и нѣсколько стихотвореній для напечатанія.

Февраль 1825 го г.

Въ шумной Москвѣ ты не забылъ Финляндскаго отшельника, милый Пу-

тятя, спасибо тебѣ: да благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь на земли. Жаль мнѣ, что ты не засталъ Кюхельбекера: онъ человекъ занимательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно въ родѣ Руссо очень будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованьями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ Женевака: та же чувствительность и недоувѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей; и порою та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву; человекъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть и для славы) и для нещастія. Спасибо тебѣ за попеченіе твое о моихъ стихотворныхъ дѣткахъ: ты всѣхъ ихъ пристроилъ пристойнымъ образомъ. Очень меня обяжешь, ежели исполнишь свое обѣщаніе и пришлешь *Горе отъ ума*. Не понимаю, за что Москвичи сердятся на Грибоѣдова и на его комедію: титулъ ея очень для нихъ утѣшительнъ и содержаніе отрадно. Что сказать тебѣ о моей Кюменьской жизни? Гельзингфорскія воспоминанія наполняютъ пустоту ея. Съ удовольствіемъ привожу себѣ на память нѣкоторые откровенные часы, проведенные съ тобою и съ Мухановымъ (1) Вспоминаю и пр. Я заболтался, да не мудро заболтаться. Прощай, мой милый, кру-

(1) Александръ Алексѣевичъ Мухановъ служилъ въ это время адъютантомъ А. А. Закревскаго. Это былъ человекъ замѣчательныхъ дарованій. Онъ сконч. въ 1835 г. неожиданно, почти наканунѣ давно желаннаго брака, къ прискорбію друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ между прочимъ А. С. Хомяковъ, всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминавшій о немъ. П. Б.

жись въ вихрѣ большого свѣта Московскаго; но не забывай уединеннаго друга, которому твое воспоминанье очень дорого.

*

Получилъ второе письмо твое изъ Москвы, милый Путьята, спасибо тебѣ; съ живымъ участіемъ прочелъ я его первые строки. Ежели мое сравненіе удачно, то твое распространеніе трогательно^(*); но холодъ гробницы не со всѣмъ еще умертвилъ твою душу: она жива для дружбы и для всего добраго и прекраснаго. Заблужденія нераздѣльны съ челоуѣчествомъ, и иныя изъ нихъ дѣлаютъ больше чести нашему сердцу, нежели преждевременное понятіе о нѣкоторыхъ истинахъ.

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища.

За чѣмъ же раскаяваться въ сильномъ чувствѣ, которое ежели сильно потрясло душу, то можетъ быть развилось въ ней много способностей дотоуѣ дремавшихъ? Не хочешь ли видѣть предметы съ новой точки зрѣнія и вмѣсто нашей гробницы, не вспомнишь ли ты Шекспировъ плугъ, раздирающій и плодотворяющій землю?

Но не кончишь, когда дѣло пойдетъ на сравненія. Фея твоя возвратилась уже въ Гельсингфорсъ. Кн. Л. провожалъ ее. Въ Фридрихсгамѣ расписалась она въ почтовой книгѣ такимъ образомъ: *Le prince Chou-cheri héritier presomptif du royaume de la lune, avec une partie de sa cour et la moitié de son serail*⁽²⁾. Веселость природная

(*) Это относится къ одному выпущенному нами мѣсту предъидущаго письма.

(2) Въ Финляндіи путешественники сами записываютъ свои имена въ заведенныхъ для того книгахъ на станціяхъ.

или судорожная нигдѣ ея не оставляетъ.

Видѣлся я съ генераломъ⁽⁴⁾ при проѣздѣ его черезъ Фридрихсгамъ. Кажется, мнѣ мало надежды на производство; но такъ и быть! Мухановъ оставилъ Гельсингфорсъ, и корпусная квартира потеряла для меня половину своей приманчивости. Ты одинъ теперь у меня тамъ остаешься.

Не заѣдешь-ли ты ко мнѣ въ Кюмень? Я живу въ домѣ полковаго командира, имѣю особую комнату. То то бы ты меня обрадовалъ!

Пишу новую поэму. Вотъ тебѣ отрывокъ описанія бала въ Москвѣ:

Блещетъ тѣснью оней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Гудятъ смычки: толпа гостей,
Съ приличной важностію взоромъ;
Въ чепцахъ узорныхъ, распашныхъ,
Рядъ пестрый барынь пожилыхъ
Сидитъ. Причудницы отъ скуки
То поправляютъ свой нарядъ,
То на толпу, сложивши руки,
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ
Кружатся дамы молодыя,
Пылаютъ нѣгой взоры ихъ;
Огнемъ каменьевъ дорожишь
Блещать уборы головные.
По ихъ плечамъ полунатягъ
Златые доконы летаютъ;
Одежды легкія какъ дымъ
Ихъ легкой стани обозначаютъ;
Вокругъ пльвинельныхъ Харитъ
И суетится и кипитъ
Толпа поклонниковъ ревнивыхъ;
Съ волненіемъ ловятъ каждый шагъ.
Тутъ несчастливыхъ и щастливыхъ
Изъ нихъ волшебницы творятъ.
Въ движеніи все. Горя добиться
Вниманья лестнаго красы,
Кавалеристъ крутитъ усы,
Франтъ штатскій чопорно острится

(4) А. А. Закревскимъ. П. Б.

V.

29 Марта.

Я поклепалъ на тебя въ моемъ сердцѣ, милый Путята: думалъ, что ты проѣхалъ уже въ Гельсингфорсъ, не повидавшись со мною. Письмо твое много меня порадовало: пріѣзжай, пріѣзжай, обниму тебя съ пѣжнѣйшею дружбою.

По какому случаю ты ждешь письма отъ генерала, чтобъ возвратиться въ корпусную квартиру? Неужели и ты хочешь оставить Финляндію? На кого же ты меня оставишь? Сколько перемиръ произошло въ два мѣсяца!

Благодарю тебя за похвалы моему отрывку. Въ самой поэмѣ ты узнаешь Гельсингфорскія впечатлѣнія. Стиховъ 200 уже у меня написано. Пріѣзжай, посмотришь и посудишь, и мнѣ не найти лучшаго и законнѣйшаго критика.

Московская цензура либо невинна какъ пятилѣтняя дѣвочка, либо весела какъ пьяная сводня: можно-ли позволить напечатать такую непристойную поэму какъ Леда! (5) Неужели Одоевскій вытиснилъ подъ ней мое имя? Сохрани Боже! Мнѣ нельзя будетъ показать глазъ читающимъ дамамъ. Пиши послѣ этого! Леда моя публично цѣлуется со своимъ Лебедемъ, а Бурѣ шумѣть не позволено (6). Неисповѣдимы судьбы твои, цензура Русская!

На Руси много смѣшнаго, но я не расположенъ смѣяться. Во мнѣ веселость—усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимою и былъ угрюмъ,

(5) *Леда* была напечатана въ Мнемозинѣ, журналѣ, издававшемся княземъ Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ (1824, ч. 4-я, стр. 221), безъ имени; но не вошла въ собранія сочиненій Баратынскаго.

(6) Стихотвореніе Буря не было ни тогда, ни послѣ вполнѣ дозволено къ печати (изд. 1835, I, 10)

былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ свои руки. Все это служить пищею генію; но вотъ бѣда: я не геній. Для чего же все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ захохотали бы всѣ черти.

И этотъ смѣхъ служилъ бы отвѣтомъ вольнодумцу; но не мнѣ и не тебѣ. Мы вѣримъ чему то. Мы вѣримъ въ прекрасное и добродѣтель. Что то развитое въ моемъ понятіи для лучшей оцѣнки хорошаго, что то улучшенное во мнѣ самомъ, такія сокровища, которыя не купить ни богачъ за деньги, ни щастливецъ щастіемъ, ни самый геній худо направленный.

Прощай, милый Путята, обнимаю тебя отъ всей души.

*

VI.

Весной 1825 г. я возвратился въ Гельсингфорсъ и по пути посѣтилъ Баратынскаго въ Кюмени; привезъ ему приказъ о производствѣ его въ офицеры, что очень его обрадовало и оживило. Между тѣмъ Нейшлотскій полкъ долженъ былъ готовиться идти на лѣто въ Петербургъ, для содержанія тамъ карауловъ.

Кюмень 15 - го Мая 1825 г.

Спасибо, Путята, за пересланныя письма, а особенно за твое собственное. Ты въ немъ сказалъ почти все что могло мнѣ быть занимательнымъ. Чѣмъ отплачу тебѣ? Одною живою благодарностью. Получилъ я письмецо отъ Муханова: онъ остается въ Петербургѣ до 20-го Іюля, и такъ я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Заочно ты будешь съ нами. Порадуемся и погорюемъ вмѣстѣ. Скажу тебѣ между прочимъ, что я уже щеголяю въ Нейшлотскомъ мундирѣ: это довольно пріятно; но вотъ что мнѣ не по нутру—хожу всякій день на ученье и чрезъ два дни въ карауль. Не рож-

день я для службы царской. Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясеть лихорадка. Нѣтъ худа безъ добра и нѣтъ добра безъ худа. Скажи, ежели можешь, N. что я сердечно признателенъ за ея участіе. Она не покидаетъ моего воображенія. Напиши мнѣ, какую ролю играетъ Мефистофель. Я часто переношусь мысленно въ вашъ кругъ; но, можетъ быть, онъ уже не похожъ на кругъ мнѣ прежде знакомый. Мы скоро выступаемъ въ походъ: адресуй мнѣ свои письма на имя и проч. Прощай, душа моя, обнимаю тебя отъ всего сердца.

VII.

*Изъ Петербурга, идѣ Баратынскій на-
ходился съ полкомъ.*

Виновать, милый Путята, виновать, но не сердцемъ истинно къ тебѣ привязаннымъ, а нравомъ безпечнымъ и лѣнивымъ. Давно не писалъ къ тебѣ, но не переставалъ вспоминать о нашей Гельзингфорской жизни и о дружескомъ твоёмъ появленіи въ Кюмени.

Ты можешь себѣ вообразить, какъ меня изумило и обрадовало неожиданное свиданіе съ N. N., съ K. A., которая все было вышла изъ моей памяти. Я уже два раза ихъ видѣлъ. Въ Сентябрѣ думаю побывать въ Гельзингфорсѣ, чтобы поблагодарить генерала за мое воскрешеніе и пожить съ тобою.

Многія подробности оставляю до первой почты.

Проводилъ я M. въ Москву: онъ поѣхалъ безпокойный и грустный и будетъ таковымъ повсюду. Какой несчастный даръ, воображеніе слишкомъ превышающее разсудокъ! Какой несчастный плодъ преждевременной опытности, сердце жадное щастія, но уже неспособное предаться одной постоян-

ной страсти и теряющееся въ толпѣ безпредѣльныхъ желаній! Таково положеніе M. и мос и большей части молодыхъ людей нашего времени.

Черезъ нѣсколько дней мы возвращаемся въ Финляндію, и этому почти радъ: мнѣ надоѣло постоянное разсѣяннѣ, мнѣ нужно войти въ себя, а вошедъ въ себя я навѣрно встрѣчусь съ тобою и чаще стану къ тебѣ писать. Ты, я думаю, видишь по слогу этого письма, въ какомъ безпорядкѣ мои мысли. Прощай, милый Путята, до досуга, до здраваго смысла, и наконецъ до свиданья. Спѣшу къ ней. Ты будешь по дозрѣвать, что я нѣсколько увлеченъ; нѣсколько, правда; но я надѣюсь, что первые часы уединенья возвратятъ мнѣ разсудокъ. Напишу нѣсколько элегій и засну спокойно. Поэзія чудесный талисманъ: очаровывая сама, она обезсиливаетъ чужіе вредныя чары. Прощай, обнимаю тебя.

По возвращеніи съ полкомъ изъ Петербурга въ Кюмень, Баратынскій поѣхалъ Гельзингфорсъ и оттуда поѣхалъ въ отпускъ въ Москву.

Изъ Москвы

VIII.

Ежели съ пріѣзда въ Москву я къ тебѣ не писалъ, милый Путята, я виновать не душой, а браннымъ моимъ тѣломъ, заболѣвшимъ черезъ недѣлю послѣ. Я теперъ еще не вызъжаю; однакожъ въ первые дни успѣлъ пови-ваться съ твоимъ батюшкой, съ P., и съ M. Странно, что проживши почти два мѣсяца въ Москвѣ, я принужденъ писать къ тебѣ какъ будто изъ Кюмени, ибо не знаю ничего новаго, ничего не могъ замѣтить, почти ни съ кѣмъ не познакомился и сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ съ вѣтхимъ моимъ сердцемъ и съ вѣтхими

его воспоминаніями. Я отдалъ письмо твое N. N..... Что скажу тебѣ про него? Онъ живетъ домкомъ, много читаетъ, жалуется на хандру и оживляется одними Финдляндскими воспоминаніями; однакожь признается, что страсть къ А..... очень поуспокоилась. Все проходитъ!

За неимѣніемъ занимательнѣйшаго предмета буду говорить о себѣ. Я напелъ семью свою въ Москвѣ. Свиданіе было радостно и горестно. Я думаю просить перевода въ одинъ изъ подковъ, квартирующихъ въ Москвѣ. Не говори куда объ этомъ генералу: къ нему напишутъ отсюда. Я слышалъ, что ты будешь скоро къ намъ въ бѣлокаменную. Приѣзжай, милый Путята, поговоримъ еще о Финляндіи, гдѣ я пережилъ все что было живаго въ моемъ сердцѣ. Ея живописныя, хотя угрюмыя, горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но по крайней мѣрѣ довольно обильную въ отличительныхъ краскахъ. Судьба, которую я предвижу, будетъ подобна Русскимъ однообразнымъ равнинамъ, какъ теперь, покрытымъ снѣгомъ и представляющимъ одну вѣчно унылую картину. Прощай, мой милый. Я отослалъ письмо твое къ Ознобишину; но за нездоровьемъ съ нимъ еще не видѣлся. Преданный тебѣ.

IX

Въ Январѣ 1826 г.

Спасибо тебѣ, милый Путята за твои письма. Одно изъ нихъ принесло двойную пользу: доставило мнѣ большое удовольствіе и успокоило твою матушку, которая нѣкоторое время не получала о тебѣ извѣстія и нѣсколько горевала.

Не мудрено, что отъ тебя ускользнуло описаніе Финляндіи. Оно писано не въ Гельсингфорсѣ, а въ Москвѣ.

На дняхъ выдетъ моя Эда, и я тотчасъ пришлю къ тебѣ экземпляръ. Любезнаго В...ва, нѣжнаго обожателя Ѳ. В. В.....на, благодарю за замѣчаніе; но прибавлю свое. Въ поэзіи говорятъ не то что есть, а то что кажется. На краю горизонта скалы касаются неба, слѣдственно всходятъ до небесъ. Въ прозѣ я виноватъ, а въ стихахъ едва-ли не правъ. Между тѣмъ вотъ ему на потѣху маленькое посланьице къ его приятелю.

Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь,
Уродуешь и мнѣнья и сказанья;
Пріятельски дурачеству кадишь,
Завистливо поносишь дарованья;
Дурной твоей нравъ дурной приноситъ плодъ.
Срамецъ, срамецъ! все шепчуть. Вотъ
извѣстье!

— Эхъ не тужи, ужъ это мой расчетъ:
Подписчики мнѣ платятъ за безчестье.

Я скучаю въ Москвѣ. Мнѣ несносно новыя знакомства. Сердце мое требуетъ дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположенья рождаетъ во мнѣ тяжелое чувство. — Гляжу на окружающихъ меня людей съ холодною ироніею. Плачу за привѣтствія привѣтствіями и страдаю.

Часто думаю о друзьяхъ испытанныхъ, о прежнихъ товарищахъ моей жизни. Все они далеко! И когда увидимся! Москва для меня новое изгнаніе. Для чего мы грустимъ въ чужбинѣ? Ничто не говоритъ въ ней о прошедшей нашей жизни. Москва для меня не та же ли чужбина? Извини мнѣ мое малодушіе, но въ скучной Финляндіи, можетъ быть, ты съ нѣкоторымъ удовольствіемъ узнаешь, что и въ Москвѣ скучаютъ добрые люди. Прощай, мой милый, обнимаю тебя.

X.

Милый Путята, вотъ письмо къ А. А. Закревскому объ моей отставкѣ;

я прошу тебя, милый другъ, или просто отдать письмо мое А. А. или объяснить ему почему я такъ поздно прошу его ходатайствовать объ увольнении меня отъ службы. Окажи мнѣ это одолженіе, да еще одно. Я право не знаю, живъ-ли мой Лутковскій или нѣтъ: онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Извини, что я беспокою тебя моими препорученіями, но ты чувствуешь, что на тебѣ одномъ всѣ мои надежды.

Я довольно часто вижу NN..... Кажется, что любовь его къ А. очень успокоилась. На дняхъ познакомился я съ Толстымъ, Американцемъ. Очень занимательный человекъ. Смотритъ добрякомъ, и всякій, кто не слыхалъ про него, ошибется.

Стихи у меня что то не пишутся, и я почти ничѣмъ не занятъ. Когда рѣшится судьба моя, болѣе спокойный духомъ, снова примусь за перо. Вотъ тебѣ покуда эпиграмма на поэтовъ прекраснаго пола:

Не трогайте Парнаскаго пера,
 Не трогайте, смазливныя вострушки.
 Красавицамъ не много въ немъ добра,
 И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
 Любовь ли вамъ оставить въ забыты
 Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣются!
 Уносятъ ихъ Детійскія струи.....
 На пальчикахъ чернила остаются.

Обнимаю тебя.

*

Оставаясь въ Москвѣ, Баратынскій. по просьбѣ, былъ уволенъ отъ службы. Въ Іюнь 1826-го года, онъ женился на дочери: генераль-маіора Льва Николаевича Энгельгардта, Настасьѣ Львовнѣ. Во время коронаціи я видѣлся съ нимъ, въ его семейномъ кругу. Вскорѣ послѣ коронаціи, я возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ слѣд. письмо осенью 1826-го года.

ХІ.

Какъ мнѣ жаль, милый Путята, что мнѣ не удалось съ тобой проститься при отъѣздѣ твоёмъ изъ Москвы; а съ тѣхъ поръ отъ тебя ни слуху ни духу: что съ тобою? Я узналъ отъ твоей матушки, что ты еще въ Петербургѣ и по Московскимъ слухамъ, что ты не поѣдешь далѣе. Здѣсь говорятъ что З. будетъ министромъ юстиціи. Дай Богъ! Я думаю тебѣ и ему равно надоѣла Финляндія. Одинъ изъ моихъ братьевъ пріѣхалъ изъ Тульчина и привезъ извѣстія о М.....: въ новомъ положеніи онъ скучаетъ по прежнему. Въ Тульчинѣ еще скучише чѣмъ въ Гельзингфорсѣ. Братъ мнѣ рассказывалъ подробности тамошней жизни. В. живетъ въ своей деревнѣ и ходитъ за своими виноградниками, а штатъ его въ городѣ Онъ добрый нѣмецъ, счастливый въ своемъ семействѣ, экономъ, ни въ чемъ не похожій на нашего герцога: у него не за кѣмъ волочиться, не о чемъ хлопотать, не съ кѣмъ мириться и ссориться, однимъ словомъ нѣтъ двора. Доставилъ-ли ты письмо мое Дельвигу? Я не получаю отъ него ни строчки. Сдѣлай милость, попеняй ему и узнай, печатаются-ли мои сочиненія или нѣтъ. Скажи Дельвигу, что я на него очень сердитъ. Три письма мои къ нему остались безъ отвѣта. Писать къ человеку, который намъ не отвѣчаетъ, все равно что яриться на облако, подобно какому то баснословному герою. Будь милѣе Дельвига, милый Путята, не забывай меня и пиши ко мнѣ.

Я живу по тихоньку, какъ слѣдуетъ женатому человеку, но очень радъ, что промѣнялъ беспокойные сны страстей на тихій сонъ тихаго счастья: изъ дѣйствующаго лица я сдѣлался зрителемъ и, укрытый отъ ненастья въ

моемъ углу, иногда посматриваю, какова погода въ свѣтѣ. Прощай, мой милый, люби меня, если не хочешь быть у меня въ долгу и вѣрь, что у меня въ сердцѣ всегда готово участіе для радостей твоихъ и печалей.

*

Е. А. Баратынскій опредѣлился въ Москвѣ на службу въ Межевую Канцелярію (откуда вышелъ опять въ отставку 1831 года). Слѣд. письмо написано въ 1827 году, въ которомъ появилось въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній.

ХІІ.

Я предъ тобою совершенно виновать, мой милый Путята: отвѣчаю на письмо твое черезъ три вѣка; но лучше поздно нежели никогда. Не думай однакожь, чтобы я имѣлъ неблагодарное сердце: мнѣ мила и дорога твоя дружба, но что ты станешь дѣлать съ природною неаккуратностію!

Прости, мой милый, такъ создатъ
 Меня умѣла власть Господни;
 Люблю до завтра отлагать
 Что сдѣлать надобно сегодня.

Негожусь я ни въ какую Канцелярію, хотя недавно вступилъ въ Межевую, но слава Богу, мнѣ дѣла мало; а то было бы худо моему начальнику.

Благодарю тебя за твою дружескую критику. Замѣчанія твои справедливы въ частности; но ежели бы мы были вмѣстѣ, я, можетъ быть, доказалъ бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ перемѣнъ хороши для цѣлаго. Впрочемъ я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты большею частью дурные судьи своихъ произведеній. Тому причиной чрезвычайно сложныя отношенія между ними и ихъ сочиненіями. Гордость ума и права сердца въ борьбѣ безпрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанію чув-

ства, съ которымъ она писана — переправкой гордишься потому, что побѣдилъ умомъ сердечное чувство. Чему же вѣрить? Однимъ я недоволенъ въ письмѣ твоемъ: оно не совсѣмъ дружеское. Ты пишешь ко мнѣ какъ къ постороннему, которому боишься наскучить, говоришь много обо мнѣ, а о себѣ ни слова. Что твоя.....? Къ стати я слышалъ, что А. А. сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; отасшься-ли ты при немъ? Думаешь-ли побывать въ красной Москвѣ? Я теперь постоянный Московскій житель. Живу тихо, мирно, щастливъ моею семейственною жизнью; но признаюсь, Москва мнѣ не по сердцу. Вообрази, что я не имѣю ни одного товарища, ни одного человѣка, которому могъ-бы сказать: помнишь? съ кѣмъ бы могъ потолковать на распашку. Это тягостно. Жду тебя какъ дождя майскаго. Здѣшняя атмосфера суха, пыльна неимовѣрно. Женатые люди имѣютъ болѣе нужды въ дружбѣ нежели холостые. Волокитство доставляетъ молодому свободному человѣку почти всегда небольшое разсѣяніе, онъ переливаетъ изъ пустаго въ порожнее съ какой нибудь пригожей дурой, и горя ему мало. Человѣкъ же семейный уже неспособенъ къ этой ребяческой забавѣ: ему нужна лучшая пища, ему необходимъ бодрый товарищъ, равносильный ему умомъ и сердцемъ, любезный самъ по себѣ, а не по мелочнымъ отношеніямъ мелочнаго самолюбія. Пріѣзжай къ намъ, мой милый Путята, ты подарить меня истинно счастливыми минутами. Прощай, прости великодушно мою лѣнь и прости мои недостатки. Люби меня за то, что я люблю тебя душевно. Твой.

Доставилъ-ли тебѣ Дельвигъ экземпляръ отъ меня?

XIII.

1830 г.

Переписка наша, милый Путята, прервалась просто потому, что ты уѣхалъ въ армію, и я не зналъ куда адресовать тебѣ мои письма. Благодарю тебя за твое дружеское воспоминаніе. Ты меня имъ истинно порадовалъ. Письмо твое мнѣ показываетъ, что есть еще люди, съ которыми можно вспомнить старину и подышать ею. Я тоже не переставалъ помнить и любить тебя. Милый мой Путята, мы съ тобою рѣдкіе люди! Какъ бы я хотѣлъ тебя видѣть и поговорить вдоволь души. Знаю твои теперешнія огорченія и принимаю въ нихъ самое живое участіе. Утѣшать тебя нечего; но мы бы погоревали вмѣстѣ. Ты познакомилъ меня съ Адрианополемъ. Письмо твое живо и занимательно: ты бы отдалъ его въ Лит. Газету. Съ тѣхъ поръ какъ мы расстались, въ жизни моей не было никакой перемены, и слава Богу. Ты все еще при А. А. Напиши мнѣ, что у васъ подѣлывается, вѣдь я *de la famille*. Какъ я живо помню Гельсингфорскую жизнь! Ты по обязанности часто посѣщаешь Финляндію. Повѣришь-ли, что я бы съ большимъ удовольствіемъ теперь навѣстилъ ее? Я думаю о ней съ признательностью: въ этой странѣ я нашелъ много добрыхъ людей лучшихъ нежели тѣ, которыхъ узналъ въ отечествѣ, нашелъ тебя; этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе поэты. Прощай, милый Путята, пиши ко мнѣ: я не буду лѣнливъ на отвѣты. Обнимаю тебя отъ всей души.

*

Письмо за сямъ слѣдующее написано во время первой холеры въ Россіи.

Баратынскій былъ въ это время въ Казани съ семействомъ его жены и прожилъ тамъ болѣе года; около этого времени въ 1831 г. появилась *Наложница* съ замѣчательнымъ предисловіемъ о нравственности литературныхъ произведеній. Во второмъ изданіи стихотвореній Баратынскаго, вышедшемъ въ 1835 году, Наложница напечатана подъ заглавіемъ *Цыганка*, и безъ предисловія.

XIV.

Поздно отвѣчаю на письмо твое, милый Путята; но ты со мною помирись, когда узнаешь, что я получилъ его весьма недавно, что оно мнѣ было переслано изъ Москвы въ Казань, гдѣ я теперь нахожусь со всѣмъ моимъ семействомъ. Благодарю тебя за доставленіе Наложницы по адресу и за твои замѣчанія. Не спорю, что въ Наложницѣ есть нѣсколько стиховъ небрежныхъ, но повѣрь мнѣ, что вообще авторъ Эды сдѣлалъ большіе успѣхи слога въ своей послѣдней поэмѣ, не говоря уже о побѣжденныхъ трудностяхъ, о самомъ родѣ поэмы, исполненной движенія какъ романъ въ прозѣ; сравни безпристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговоръ въ Наложницѣ непринужденнѣе, естественнѣе, описанія точнѣе, проще. Обыкновенно мнѣ мое послѣднее сочиненіе кажется хуже прежнихъ, но перечитывая Наложницу, меня всегда поражаетъ легкость и вѣрность ея слога въ сравненіи съ прежними моими поэмами. Ежели въ Наложницѣ видна нѣкоторая небрежность, за то уже совсѣмъ незамѣтенъ трудъ; и это то и нужно было въ поэмѣ, исполненной затруднительныхъ подробностей, изъ которыхъ должно было выдти совершеннымъ побѣдителемъ или не братья за дѣло. Я заболтался, мой милый..... Желалъ бы сказать тебѣ что нибудь

занимательное, но я живу въ совершенномъ уединеніи и ничѣмъ не могу съ тобою дѣлиться кромѣ своими мыслями. Вижу по газетамъ, что у васъ не прекращается холера, но знаю по опыту, что умѣренностью въ пищѣ и стараніемъ не простудиться навѣрно можно ея избѣгнуть. Надѣюсь, что ты не будешь ея жертвою и что Богъ дозволить намъ еще разъ обнять другъ друга. Прощай, адресъ мой на имя мое въ *Казань*.

XV.

Н. В. Путята женился въ 1838 г. на родной сестрѣ Настасьи Львовны Баратынской. Переписка его съ Е. А. Баратынскимъ не прекращалась, но съ этого времени она касается уже большею частью хозяйственныхъ и семейныхъ ихъ дѣлъ. Поэтому мы помѣщаемъ здѣсь немногіе отрывки изъ писемъ 1842 и 1843 года, показывающіе образъ жизни и любимыя ежедневныя занятія Е. А. Баратынскаго въ его семейномъ, сельскомъ быту. *И. Б.*

Въ 1842 и 43-мъ г. Е. А. Баратынскій жилъ постоянно въ подмосковной, занимался хозяйствомъ, сводомъ рощи, постройкою дома въ селѣ Мурановѣ^(?). Онъ любилъ архитектуру, имѣлъ въ ней вкусъ, дѣлалъ самъ планы строеніямъ и приводилъ ихъ въ исполненіе подъ своимъ надзоромъ. Окончательныя слова въ первомъ письмѣ 1842 г. относятся къ вышедшему тогда манифесту объ обязанностяхъ крестьянахъ. Они свидѣтельствуютъ о сочувствіи, которое онъ питалъ къ освобожденію крестьянъ и о надеждахъ его на это. Уничтоженіе крѣпостнаго права постоянно занимало его мысли. Въ разговорахъ со мною объ этомъ предметѣ онъ выражалъ мнѣніе, что освобожденіе не должно совершиться иначе, какъ съ надѣломъ земли въ собственность крестьянъ, при вознагражде-

(?) Въ 6 верстахъ отъ Талицкой станціи по желѣзной дорогѣ въ Троицкую лавру. *И. Б.*

ніи помѣщиковъ финансовою операціею, но какую—прибавляя онъ—этого я не берусь указывать: финансы не мое дѣло.

1842.

Христосъ воскресъ! Желаю вамъ веселаго праздника, который мы, съ своей стороны, начали удовлетворительно. Въ 3 часа утромъ были у обѣдни въ сосѣдней деревнѣ, разговѣлись, выспались! Пишу вамъ въ самый день Свѣтлаго Воскресенья. Послѣ минуты нерѣшимости, мы положили остаться на мѣстѣ, и мнѣ въ случаѣ (который право мудро предвидѣть) всегда убѣжище въ Москвѣ, а еще ближе въ Троицѣ, гдѣ между прочимъ находится и нашъ станъ, слѣдственно наше мѣстное правленіе, которому безъ сомнѣнія даны нужныя пособія въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Редакція неподобна. Нельзя было приступить къ дѣлу умнѣе и осторожнѣе. Благословенъ грядый во имя Господне! У меня солнце въ сердцѣ, когда думаю о будущемъ. Вижу, осезаю возможность исполненія великаго дѣла и скоро и спокойно. Прощайте, обнимаю васъ и малютокъ вашихъ отъ всей души.

XVI

Того же года.

Дѣти ваши, слава Богу, здоровы^(*) По письму твоему, любезный другъ, все будетъ исполнено въ точности.....

Мы нашли себѣ рисовальнаго учителя, настоящаго артиста. Всѣ мы, слава Богу, здоровы. Я на хозяйствѣ. Домъ подымается; дрова торгуютъ. Осенью буду

(*) Отправляясь за границу, мы оставили младшихъ дѣтей вашихъ у Баратынскихъ. Нѣкоторыя части имѣній у насъ были общія, и Баратынскій ими управлялъ. При отъѣздѣ за границу я поручилъ ему и собственное имѣніе моей жены.

садить деревья. На возвратномъ пути побъжайте на Москву и навѣстите наше и свое новоселье. Мнѣ весело будетъ вамъ похвастать плодами моея дѣятельности, если Богъ благословитъ ее. Прощайте, обнимаю васъ за себя, за Настю, за вашихъ и за моихъ дѣтей. Пейте здоровье въ водахъ Маріенбадскихъ и пользуйтесь весело Европейскимъ воздухомъ.

XVII.

Того же года.

..... Лѣсной матерьялъ начинать сходить съ рукъ. Домъ отстраивается. Недѣли черезъ три мы перейдемъ въ верхній этажъ. Я получилъ очень милое письмо отъ Карамзиной въ отвѣтъ на мои стихи ⁽⁹⁾. Нѣжно обнимаю васъ и Настиньку.

XVIII.

Того же года.

..... Дѣти ваши, слава Богу, здоровы. Съ Олинкой я въ ссорѣ. Ужасная кокетка: тянется ко мнѣ на руки, а только я подойду, отвернется съ презрѣніемъ..... Я былъ очень доволенъ моею деревенскою жизнью, если бы не частыя поѣздки въ Москву. Дома дни текутъ незамѣтно. Старшія дѣти начинаютъ уже жить за одно съ нами. Учителя добрые ребята, болѣе просвѣщенные, чѣмъ большая часть Русскихъ помѣщиковъ. Каждое утро ѣзжу одинъ въ Мураново ⁽¹⁰⁾ а вечеромъ послѣ чаю

(9) Софья Николаевна Карамзиной, при посылкѣ Сумерекъ (*«Свиданьемъ съ нами на мгновенье.»*)

(10) Пока отстроивался домъ въ Мурановѣ, Е.А. Баратынскій жилъ съ семействомъ въ 3 хъ верстахъ оттуда, въ селѣцѣ Артемовѣ, гдѣ занималъ домъ г-жи Пальчиковой, которой принадлежало Артемово.

отправляемся туда пѣшкомъ съ дѣтьми и возвращаемся прямо къ ужину. Много мѣшаютъ намъ особенно частые дожди. Это все обѣщаетъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ имѣніяхъ, обильный урожай. Прощайте, обнимаю обоихъ васъ отъ всей души

XIX.

Въ концѣ 1842 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья мои, съ наступающимъ новымъ годомъ. Долго не писалъ за хлопотами всякаго рода, сверхъ того хотѣлось дождаться положительныхъ результатовъ отъ свода роши и постройки дома. Слава Богу, домъ хорошъ, очень теплый. Были большіе морозы и сильныя вѣтры: мы не чувствовали ни тѣхъ, ни другихъ и что въ особенности рѣдко въ деревенскихъ домахъ, никогда не знали, съ которой стороны непогода. Продажа лѣса идетъ успешно.... Домъ отдѣланъ вполне, въ два полныхъ этажа, стѣны обшукатурены, полы выкрашены, крыть желѣзомъ. Насъ посѣтила въ Мурановѣ А... В..... вѣроятно она вамъ объ насъ кое что писала. Нашъ бытъ противъ Артемовскаго измѣнился тѣмъ, что мы порѣжъ ѣздимъ въ Москву. Прошлаго года столько было дѣлъ, что изъ 52 недѣль, мы вѣрно 25 провели въ городѣ. Тенерь, слава Богу, мы постоянно бываемъ дома. Малютки ваши здоровы. Обнимаю васъ обоихъ и Настиньку.

XX.

1843 года.

Благодарю тебя, любезный другъ, за твои подробныя и занимательныя письма. Радъ, что вы такъ полно наслаждаетесь Италіей и что воображеніе, предупрежденное столькими описа-

нiями, нашло на ея древней почвѣ впечатлѣнія новыя и свѣжiя. Все можно передать довольно точно, кромѣ мѣстной физиономiи и вообще природы, и слава Богу. Не все удовлетворяетъ печать, и что нибудь еще возможно чувствовать по своему. Теперь вѣсти изъ отечества: дѣти ваши здоровы. Всѣ мы также живемъ по добру, по здорову. Наше уединенiе чрезвычайно полезно дѣтскимъ урокамъ.

Прощайте, мои милые и добрые друзья. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, желая всякаго счастья, въ особенности продолженiя отпуска, чтобы вы могли вмѣстѣ долечиться въ Мариенбадѣ. Крѣпко васъ обнимаю.

XXI.

Осенью 1843 г. Баратынскiй приступилъ къ исполненiю давнишняго желанiя своего — собрался за границу. Онъ прiѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, оставилъ намъ младшихъ дѣтей своихъ, а съ женою и старшими дѣтьми отправился сухимъ путемъ въ Берлинъ, оттуда въ Дрезденъ и чрезъ Франкфуртъ на Майнъ въ Парижъ. Вотъ письма его изъ за границы.

Изъ Лейпцига 1843 года (осенью)

Настинька писала вамъ въ Дрезденъ, и я приписываю въ Лейпцигъ, куда мы по вашему совѣту воротились. Переночевали, а теперь ѣдемъ въ Франкфуртъ, на нѣмецкихъ длинныхъ т. е. съ лонъ-кучеромъ. Будемъ останавливаться на ночь и въ пятый день должны быть на мѣстѣ. Я очень наслаждаюсь путешествiемъ и быстрой смѣною впечатлѣнiй. Желѣзныя дороги чудная вещь. Это апопоеоза разсѣянiя. Когда онѣ обогнутъ всю землю, на свѣтѣ не будетъ меланхолии. Обнимаю тебя, Соничку и дѣтей вашихъ и нашихъ. Когда буду на мѣстѣ, можетъ, передамъ вамъ нѣсколько впечатлѣнiй

и замѣчанiй, доставленныхъ мнѣ путешествiемъ. Прощайте до Франкфурта.

XXII

Изъ Парижа, того же года.

Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ! ⁽¹¹⁾ и благодаря Соболевскому, которому я вскорѣ буду писать особю, благодаря его за полезную его дружбу, вижу въ немъ не одни зданiя и бульвары, хотя первый матерьяльный взглядъ на Парижъ вознаграждаетъ съ избыткомъ труды дальнаго путешествiя. Я уже заглянулъ въ Faubourg St.—Germain и видѣлъ нѣкоторыхъ литераторовъ, но по моему, всего замѣчательнѣе во Францiи самъ народъ, прiвѣтливый, умный, веселый и полный покорности закону, котораго онъ понимаетъ всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся въ Берлинѣ городскому порядку, точности и безспорности отношенiй. Какъ же я изумился найти то же самое, но въ высшей степени, въ многолюдномъ Парижѣ, въ его тѣсныхъ улицахъ, въ его безчисленныхъ сдѣлкахъ. Въ Германiи чувствителейъ еще нѣкоторый ропотъ на законы общественнаго устройства, которымъ повинуются; здѣсь ими гордятся люди, принадлежащiе послѣдней черни. Нѣсколько ясныхъ мыслей общегитiя сдѣлались достоянiемъ каждаго и составляютъ такую массу здраваго смысла, что мудрено подумать, чтобы можно было совратить народъ съ пути истиннаго его благосостоянiя. Между тѣмъ партiи волнуются ⁽¹²⁾. Я много слушаю и много чи-

⁽¹¹⁾ *Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ!*—начало шуточного посланiя И. И. Дмитрiева, будто бы написаннаго В. Л. Пушкинымъ изъ Парижа, къ своимъ друзьямъ.

⁽¹²⁾ Эта фраза служитъ противорѣчiемъ всего вышесказаннаго и отчасти объясняетъ послѣдовавшiя событiя. Впрочемъ—*егаге hша-*

таю. Люди, вышедшіе изъ рядовъ и наполняющіе газеты и салоны, не тверды въ своихъ мнѣніяхъ. Здѣсь переметчики менѣе подлы чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и многіе изъ нихъ принимаютъ мнѣніе противоположное прежде выраженному съ совершенно искреннею вѣтренностью. Теперь всѣхъ занимаетъ вопросъ воспитанія: кто долженъ имъ завѣдывать, духовенство или университетъ? Вопросъ отъѣнно важный, слитый съ видами легитимизма. Ламартинъ напечаталъ вздорную діа трибу, которую я принужденъ хвалить въ обществѣ, съ которымъ началъ знакомство. Отвѣты противоположной партіи, почтительные къ таланту поэта, очень забавны. Профессоры начали свои курсы и о чемъ бы ни говорили, объ анатоміи или химіи, умѣютъ коснуться всѣхъ занимающаго вопроса. Мы живемъ въ самомъ центрѣ города. Вотъ нашъ адресъ: Rue Duphot, près le boulevard de la Madeleine, N° 8. Сегодня я буду у M-me d'Aguesseau, завтра у Nodier, послѣ завтра у Thierry. Всѣмъ этимъ знакомымъ я обязанъ Сиркурамъ. Прощайте, обнимаю васъ и дѣтей. Кланяюсь очень Соболевскому, Плетневу. Я вижу почти всякій день А. И. Тургенева, который теперь нѣсколько нездоровъ. Онъ пѣняетъ Вяземскому за то, что онъ къ нему не пишетъ. Напомните ему обо мнѣ. Вижу съ Балабинымъ, человѣкомъ очень умнымъ, очень свѣдущимъ, съ которымъ всякая встрѣча меня болѣе и болѣе сближаетъ.

XXIII.

Того же года.

Хорошо, что я въ Парижѣ проведу одну только зиму, а то изъ человѣка

num est. Примѣч. И. С. Тургенева, въ рукахъ у котораго эти письма находились нѣкоторое время.

съ нѣкоторымъ смысломъ, я бысдѣлался совершеннымъ зѣвакой, а что хуже свѣтскимъ человѣкомъ. Не я одинъ, всѣ Парижане съ одинадцати часовъ утра до двѣнадцати вечера на ногахъ и проводятъ часы въ визитахъ. Для настоящихъ Парижанъ, имѣющихъ свои виды, то дѣловые, то политическіе, посѣщающихъ каждое лице съ извѣстною цѣлью, эта жизнь не совсѣмъ убійственна; но для заѣзжаго, не смотря на любопытство, она утомительна до крайности: не смотря на привѣтливость лицъ, на новость явленій, чувствуешь недостатокъ прямыхъ отношеній, и если бъ я былъ въ Парижѣ безъ семейства, не знаю вынесъ ли бы я подобное существованіе. Первые мои знакомства повлекли меня въ Faubourg St. Germain къ M-me d'A,..... къ T..... Тутъ собираются акадѣмики и католическіе прозелитисты обоихъ половъ. Все это работаетъ вертограду Господню въ смыслѣ абатовъ. По довольно уединеннымъ улицамъ славнаго предмѣстья бѣгають съ озабоченнымъ видомъ Латинскіе попы въ такомъ множествѣ, что еслибы по Русскому обычаю отъ всѣхъ отплевываться, можно получить чаютку. Сиркуръ познакомилъ меня съ Виньи, съ двумя Тъери, Нодье, Сентъ-Беномъ; Соболевскій съ Мериме и Мне Ancelot; случай—съ прежнимъ издателемъ одного изъ крайнихъ республиканскихъ журналовъ, черезъ котораго я надѣюсь добратъся до Ж. Зандъ. Познакомился или возобновилъ знакомство съ нѣкоторыми земляками. Русскіе ищутъ Русскихъ въ Парижѣ и вообще въ чужихъ краяхъ. Самые вѣтренные изъ нихъ догадываются, что у насъ есть сердце и готовы на сентиментальность. Общества, съ точки зрѣнія политической, представляютъ самый печальный фактъ. Легитимисты, умные безъ надежды, безразсудные, по не-

исправимой привычекъ, преслѣдуютъ идею своей партіи и отслужили ей въ Лондонѣ трогательную панихиду ⁽¹²⁾. Республиканцы теряются въ теоріяхъ, безъ единого практическаго понятія. Партія охранительная почти ненавидитъ ея настоящаго представителя, избраннаго ею короля. Всюду элементы раздоровъ. Движеніе поповъ, воскресшихъ для надеждъ бѣдственныхъ, ибо подъ личиною мистицизма, они преслѣдуютъ мысль возврата прежняго своего владычества: вотъ Франція!— а въ Парижскихъ салонахъ, конституція Французской учтивости мирно собираетъ умныхъ, сильныхъ, страстныхъ представителей всѣхъ этихъ разнородныхъ стремленій. Обнимаю васъ обоихъ и всѣхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ. Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ подробности о всѣхъ названныхъ мною лицахъ ⁽¹⁴⁾.

XXIV.

1-го Января 1844 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья, съ новымъ годомъ, обнимаю васъ, вашихъ и нашихъ ребятишекъ, желаю вамъ его лучше Парижскаго, который ничто иное какъ привидѣніе прошлаго, въ морщинахъ и праздничномъ платьѣ. Поздравляю васъ съ будущимъ, ибо у насъ его больше чѣмъ гдѣ либо; поздравляю васъ съ нашими степями, ибо это просторъ, который никакъ не за-

⁽¹²⁾ Здѣсь говорится о посольствѣ 5-ти легитимистовъ въ Лондонъ въ графу Шамбору, для поздравленія его со вступленіемъ въ совершеннолѣтіе, въ слѣдствіе чего они, какъ извѣстно, подверглись парламентскому порицанію (Pctrisure.)

⁽¹⁴⁾ Къ сожалѣнію, этихъ подробностей, въ сообщеніи которыхъ конечно сказанъ бы мѣткій и наблюдательный умъ высоко-талантливаго путешественника, мы не имѣемъ. *П. Б.*

мѣнимъ здѣшней наукой; поздравляю васъ съ нашей зимой, ибо она бодрѣе и блистательнѣе и краснорѣчїемъ мороза зоветъ насъ къ движенію лучше здѣшнихъ ораторовъ; поздравляю васъ съ тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ моложе двѣнадцатью днями другихъ народовъ и поему переживемъ ихъ, можетъ быть, двѣнадцатью столѣтіями. Каждую изъ этихъ фразъ я могу доказать ученымъ образомъ; но теперь не время, оставимъ это до дня свиданія, ибо изъ Русскихъ писателей нѣтъ ни одного, который менѣе бы любилъ писать того, который васъ такъ нѣжно любитъ. Поклонъ мой Соболевскому и Плетневу, которымъ собираюсь писать не знаю о чемъ, отъ многосложности предметовъ; но полагаюсь что нибудь выразить со всею правдой, которая отъ меня зависитъ.

XXV.

Того же года.

Послѣднее письмо Сонички принесло намъ вѣсть о вашей общей великой потерѣ. Ты не можешь сомнѣваться въ полнотѣ участія, которое мы въ ней принимаемъ. Память твоего почтеннаго отца принадлежитъ не одной твоей сыновней скорби, но всѣмъ, которые его знали и цѣнили: она принадлежитъ исторіи, въ гражданской исторіи двѣнадцатаго года ⁽¹⁵⁾. Ты проводишь тяжес-

⁽¹⁵⁾ Извѣстно, что эта гражданская исторія 1812 года еще не писана. Баратынскій говоритъ здѣсь о кончинѣ отца Николая Васильевича Пугача, послѣдовавшей 4 Декабря 1843 года. Василій Ивановичъ Пугача, служа въ военномъ министерствѣ, въ 1812 году слѣдовалъ за армією изъ Смоленска, препровождая раненыхъ съ Бородинскаго поля въ Москву и потомъ вывезъ ихъ въ городъ Касимовъ, гдѣ устраивалъ госпитали. Когда началось бѣгство непріятеля, В. И. Пугачъ поручено было учредить военные госпитали въ нѣсколькихъ западныхъ губерніяхъ. Онъ завѣдывалъ эгиліи учрежденіями, и въ то же время, въ качествѣ управляющаго Виленскою

лую зиму: столько сердечных потрясеній и столько заботъ положительныхъ! Моя здѣшняя жизнь также не восхитительна. Буду доволенъ Парижемъ, когда его оставлю. Для чужеземца, не принимающаго ни въ чемъ страстнаго участія, для холоднаго наблюдателя, свѣтскія обязанности, дающія пищу одному любопытству, часто обманутому въ своихъ ожиданіяхъ, отъменно тяжелы. Бываю вездѣ, гдѣ, требуется, какъ ученикъ въ своихъ классахъ. Масса свѣдѣній и впечатлѣній конечно вознаградитъ меня за трудъ, но все таки это трудъ, а рѣдко, рѣдко наслажденіе. Въ одномъ изъ писемъ Вяземскаго Тургеневу помѣщено нѣсколько строкъ для меня особенно благоволительныхъ. Скажи ему прислуцаѣ, что я былъ ими очень тронутъ и что они сохраняются въ томъ чувствѣ, которое такъ хорошо назвали сердечною памятью. Бѣдный Тургеневъ боленъ почти съ моего приѣзда въ Парижъ: по словамъ его, онъ обязанъ своими недугами тому, что гдѣ то въ Германіи, отыскивая Жуковскаго, упалъ въ ручей, продрогъ и съ тѣхъ поръ не можетъ оправиться. Онъ не оставляетъ кресель, а для человѣка такого дѣятельнаго, какъ онъ, это хуже самой болѣзни⁽¹⁶⁾. Мы разъѣзжаемъ по F. St. Germain, вѣрные покуда что Православной Греко-россійской церкви. Католическій прозелитизмъ здѣсь не-

Коммисариатскою комиссіею, снабжалъ обмундированіемъ резервы и всѣ проходившія, а потомъ возвращавшіяся изъ заграничнаго похода войска. Въ послѣдствіи В. И. Путята былъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ арміи. Намъ случалось слышать отъ современниковъ 1812 года и сотрудниковъ В. И. Путята самые теплые отзывы о высокихъ качествахъ этого человѣка. *П. Б.*

⁽¹⁶⁾ А. И. Тургеневъ жилъ въ Парижѣ, издавна имѣя порученіе отъ нашего правительства собирать въ иностранныхъ архивахъ историческіе документы, относящіеся до Россіи. *П. Б.*

сносень. Меня заставили прочесть кучу скучныхъ книгъ, и теперь у меня лежить на столѣ Institut des Jésuites отца Равиньяна⁽¹⁷⁾. Какъ ты думаешь, что это такое? Изложеніе статутовъ ордена, писанное съ простотою младенца или невинностью старика, потерявшаго память, человѣкомъ лѣтъ сорока, замѣчательнымъ своею ученостью и дарованьями. Вотъ мое опредѣленіе этого произведенія: *livre niais écrit pour les niais, par un homme qui n'est pas niais*. Вижу здѣсь почти всѣхъ авторовъ. Завтра буду у Ламартина. Тьери общалъ меня представить Гизоту. Съ тѣхъ поръ какъ онъ министръ, доступъ къ нему довольно труденъ. У меня начаты письма къ Плетневу и Соболевскому и не окончены за Парижской суматохой. Кланяюсь имъ обоимъ. Вчера съ Настинькой были мы на балѣ de l'ancienne liste civile и видѣли въ полномъ блескѣ всю Французскую аристократію. Будьте здоровы, обнимаю васъ и дѣтей.

XXVI.

Того же года.

(въ началѣ весны.)

Благодарю тебя за желаніе моего портрета. Жаль, что получилъ твое письмо передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ въ Италію, однакожь постараюсь удовлетворить твоей дружеской прихоти въ Парижѣ, гдѣ по твоему совѣту можно литографировать нѣсколько экземпляровъ. Если не успѣю (ибо время нудитъ) то оставлю это до Рима⁽¹⁸⁾. Мы

⁽¹⁷⁾ О дѣятельности отца Равиньяна можно прочитать подробности въ книгѣ Ю. О. Самарина: „*Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи*“ М. 1866, стр. 145. Книга Равиньяна называется: *De l'existence et de l'institut des Jésuites*. Paris. 1844. *П. Б.*

⁽¹⁸⁾ Мы знаемъ только одинъ портретъ Е. А. Баратынскаго, приложенный къ собранію его стихотвореній 1835 г.; но этотъ портретъ, говорятъ, не отличается сходствомъ. *П. Б.*

ѣдемъ изъ Парижа съ впечатлѣніями самыми пріятными. Наши здѣшніе знакомые намъ показали столько благоволенности, столько дружества, что залечили старыя раны. Здѣсь намъ дали рекомендательныя письма въ Неаполь, Римъ и Флоренцію. Тамъ, какъ здѣсь, мы можемъ, если захотимъ, познакомиться съ обществомъ; но, кажется, мы на это не найдемъ досуга. Есть лица въ Парижѣ, которыхъ мы покидаемъ даже съ грустью. Путешественникъ долженъ быть путешественникомъ; ему не слѣдуетъ нигдѣ заживаться, если хочетъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться своимъ мизантропическимъ счастьемъ. Мы ѣдемъ на Марсель; оттуда моремъ прямо въ Неаполь, а потомъ сухимъ путемъ въ Римъ и проч. и воротимся въ Россію черезъ Вѣну. Я съ вами увижусь, богатый воспоминаньями великаго рода. Я уставалъ отъ Парижской жизни, но теперь, прощаясь съ нею, доволенъ прошедшимъ, пересталъ къ вамъ писать собственно о Парижѣ, потому что всякій день мнѣніе мое измѣнялось. Къ тому жъ надобно родиться въ Парижѣ, чтобъ посреди его требованій и разбѣяній находить досугъ для мысли и для письменнаго упражненія⁽¹⁹⁾. Русскій видитъ и не вѣритъ, что эту самую жизнь ведутъ здѣшніе ученые, безпрестанно усовершенствуясь въ наукѣ и каждый годъ печатая какую нибудь книгу. Обнимаю васъ, мои милые, равно вашихъ и нашихъ дѣтей. Хотя хорошо за границей, я жажду возвращенія на родину. Хочется васъ видѣть и по Русски поболтать о чужеземцахъ. Балабинъ вамъ кланяется. Умный, добрый, просвѣщенный и любезный.

(19) Слѣди выше, стр. 286, примѣч. 12-е. Н. В.

XXVII.

Изъ Неаполя 1844 года.

Пятнадцать дней какъ мы въ Неаполь, а кажется такъ давно, отъ полноты однообразныхъ и вѣчно-новыхъ впечатлѣній. Въ три дня, какъ на крыльяхъ, перенеслись мы изъ сложной общественной жизни Европы въ роскошно-вегетативную жизнь Италіи; Италіи, которую за всѣ ея заслуги должно бы на картѣ означить особой частью свѣта, ибо она въ самомъ дѣлѣ, ни Африка, ни Азія, ни Европа. Наше трехдневное мореплаваніе останется мнѣ однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Морская болѣзнь меня миновала. Въ досугѣ здоровья, я не сходилъ съ палубы, глядѣлъ днемъ и ночью на волны. Не было бури, но какъ это называли наши французскіе матросы: *très gros temps*, слѣдственно живость безъ опасности. Въ нашемъ отдѣленіи было нестраждущихъ одинъ очень любезный Англичанинъ, двое или трое пезначущихъ лицъ, Неаполитанскій *maestro* музыки, Николинъка и я. Мы коротали время въ непринужденности военнаго товарищества. На морѣ страхъ чего то грознаго, хотя вседневнаго, взаимныя страданія, или ихъ присутствіе, на минуту связываетъ людей, какъ будто бы не было, не только Московскаго, Парижскаго свѣта. На кораблѣ, ночью, я написалъ нѣсколько стиховъ, которые, немного переправивъ, вамъ пришлю, а васъ прошу передать Плетневу для его журнала⁽²⁰⁾.

(20) Современника (1844, т. XXXV, стр. 215). Здѣсь конечно говорится о стихотвореніи *Пироскафъ*:

Дикою, грозною ласкою полны,
Вьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны ...
Съ дѣтства вслепа меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога;

Вотъ Неаполь! Я встаю рано. Спѣшу открыть окно и упиваюсь животворительнымъ воздухомъ. Мы поселились въ Villa Reale, надъ заливомъ, между двухъ садовъ. Вы знаете, что Италия не богата деревьями, но гдѣ они есть, тамъ они чудно прекрасны. Какъ наши сѣверные лѣса въ своей романтической красотѣ, въ своихъ задумчивыхъ зыбяхъ, выражаютъ всѣ оттѣнки меланхоліи; такъ, яркозеленый, рѣзко отдѣляющійся листъ здѣшнихъ деревьевъ живописуетъ всѣ степени счастья. Вотъ проснулся городъ: на ослѣ, въ свѣжей зелени Итальянскаго сѣна, испещреннаго малиновыми цвѣтами, шажкомъ ѣдетъ Неаполитанецъ полуголый, но въ красной шапкѣ: это не всадникъ, а блаженный. Лице его весело и гордо. Онъ вѣруетъ въ свое солнце, которое никогда не оставитъ его безъ призраній.

Каждый день два раза, утромъ и поздно вечеромъ, мы ходимъ на чудный заливъ, глядимъ и не наглядимся. На бульварѣ Chiaja, котораго подражаніе мы видимъ въ нашемъ Московскомъ, нѣсколько статуй, которыя освѣщаетъ для насъ то Итальянская луна, то Итальянское солнце. Понимаю художниковъ, которымъ нужна Италия. Это освѣщеніе, которое безъ рѣзкости лампы выдаетъ всѣ оттѣнки, весь рисунокъ человѣческаго образа, во всей точности, легкости, мечтаемой артистомъ, находится только здѣсь, подъ этимъ дивнымъ небомъ. Здѣсь, только здѣсь, можетъ образоваться и рисовальщикъ и живописецъ.

Мы осмотрѣли нѣкоторыя изъ здѣшнихъ окрестностей. Видѣли, что можно

Жадныя длани я къ ней простираю.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротою шадитъ меня немочь морская:
Пяною здравія брызжетъ мнѣ вагъ!

видѣть въ Геркуланумѣ, были въ Пуццолѣ, видѣли храмъ Серапійскій; но что здѣсь упоительно, это то внутреннее существованіе, которое даруетъ небо и воздухъ. Если небо, подъ которымъ Филемонъ и Бавкида превратились въ деревья, не уступаетъ здѣшнему, Юпитеръ былъ щедро-благодатен, а они присно-блаженны ⁽²¹⁾.

Мы остаемся здѣсь на два или три мѣсяца. Въ продолженіи нашего морскаго путешествія у Настиньки возобновлялись ея нервическіе рюматизмы съ постоянной болью въ желудкѣ. Одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ докторовъ, котораго намъ рекомендовала К. Волхонская ⁽²²⁾, настоятельно ей предписалъ морскія ванны и здѣшнюю желѣзную воду. Все это у насъ черезъ улицу и ни по чемъ. Съ Хлюстинымъ, котораго внезапная болѣзнь удержала въ Кенигсбергѣ, я полагалъ получить отъ тебя письмо. Нѣжно васъ обнимаю,

(21) Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнать
виллы,

Пріюты отдохновъ и Маріа и Силлы.

И кто, безчувственный среди твоихъ красотъ,
Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсь или
гротъ,

Гдѣ бъ скрылся, не на часъ какъ эти полу-
боги,

Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги;
Но чтобъ незримо слить въ безмыслии златомъ
Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ
сномъ!

(Дядькѣ-итальянцу, Современн. 1844, томъ XXXV, стр. 220). Въ стихахъ этихъ слышится предчувствіе той участи, которая такъ скоро постигла поэта. И удивительнымъ образомъ предчувствіе это въ предсмертномъ стихотвореніи соединяется съ воспоминаніемъ Тамбовской деревни и первыхъ лѣтъ жизни. Быть можетъ, быстрая смена полноты вѣшняго счастья наступавшей грозой внутренней тревоги, и была причиною внезапной и рановой современной кончины поэта. П. Б.

(22) Кн. З. А. Волхонская. См. о ней ниже, стр. 311. П. Б.

равно какъ всѣхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ.

XXVIII.

Изъ Неаполя, того же года.

.....Съ нетерпѣньемъ ждемъ отъ васъ письма, еще болѣе успокоительнаго на счетъ Насти и васъ самихъ. Не смотря на то, что горькое время для васъ миновалось, мы не могли прочесть предпоследняго вашего письма безъ содроганія, думая о томъ, что вы претерпѣли. Отдыхаемъ вмѣстѣ съ вами, полагаюсь на милость Божию, уже такъ явную. Мы живемъ въ Неаполѣ какъ въ деревнѣ: дни наши монотонны, но небо, но воздухъ, но море, но югъ вообще не даютъ времени ни скучать, ни задумываться; каждый день наслаждаюсь однимъ и тѣмъ же и всегда съ новымъ упоеніемъ. Жары не несомы. Въ Россіи иногда бываетъ душище. Веселый нравъ Неаполитанцевъ, ихъ необыкновенная живость, безпрестанныя катанья, процессіи, приходскіе праздники съ ферверками, все это такъ ярморочно, такъ безусловно-весело, что нельзя не увлечься, не отдаться дѣтски преглупому и пресчастливому разсѣянью. Мнѣ эта жизнь отмѣнно по сердцу: гуляемъ, купаемся, и ни о чемъ не думаемъ, по крайней мѣрѣ не останавливаемся долго на одной мысли. Это не въ здѣшнемъ климатѣ. Обнимаю васъ, милую Настю и остальныхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ. Въ другой разъ буду писать подробнѣе, а теперь спѣшу, чтобы не упустить почты. Богъ васъ береги всѣхъ!

XXIX.

Оттуда же.

Мы получили разомъ нѣсколько вашихъ писемъ, потому что догадались

написать въ Римъ и Флоренцію, чтобы намъ ихъ переслали въ Неаполь. Посылаю вамъ два стихотворенія, отдайте ихъ Плетневу для его журнала. На дняхъ я вамъ адресую письма къ нему, Соболевскому и Вяземскому. Пожалуйста перешлите. Мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь. Мы уже видѣли всѣ здѣшнія чудесныя окрестности: Пуццолі, Байю, Каstellамаре, Соренту, Амальфи, Салерну, Пестумъ, Геркуланумъ, Помпею. Теперь недѣля наша проходитъ для дѣтей въ урокахъ, а каждое воскресенье мы дѣлаемъ une partie de plaisir, осматриваемъ здѣшніе церкви, дворцы и замки, или просто ѣдемъ за городъ въ какую нибудь деревню. Цѣлую, обнимаю васъ обоихъ, нашихъ и вашихъ дѣтей.

*

Два стихотворенія, присланныя съ этимъ письмомъ, были: *Пироскафъ* и *Дядькѣ Италіянцу*. Они тогдаже напечатаны П. А. Плетневымъ въ его Современникѣ. Письмо это, въ которомъ Баратынскій говоритъ „мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь“, писано имъ за нѣсколько дней до его кончины, послѣдовавшей ^{29 Июня} _{11 Июля} 1844 г. Жена его была больна, и наканунѣ докторъ настаивалъ на необходимости пустить ей кровь. Это такъ встревожило Баратынскаго, что къ ночи онъ самъ занемогъ, а на другой день рано утромъ его не стало. Лѣтомъ 1845 г. тѣло поэта, въ кипарисовомъ гробѣ, привезено моремъ изъ Неаполя въ С. Петербургъ. Оно предано землѣ на новомъ кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря, близъ гробницы Гнѣдича, въ присутствіи семейства покойнаго и нѣсколькихъ его пріятелей: кн. П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, кн. В. Ѳ. Одоевскаго и др. На памятникѣ, воздвигнутомъ его вдовою, изображены въ

медальонъ черты его съ слѣдующею надписью изъ его стихотворенія *Отрывокъ*:

Въ смиренія сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

КНИЖНАЯ РѢДКОСТЬ.

Намъ случилось имѣть въ рукахъ книжку, не упомянутую ни въ одной росписи и по всему вѣроятію немногимъ извѣстную. Она озаглавлена такъ: *Муравейникъ, литературные листы, издаваемые неизвѣстнымъ обществомъ ученыхъ людей 1831* (безъ означенія мѣста печатанія и типографіи, въ малую 8-ю долю л.). На заглавномъ листѣ эпиграфомъ знаменитый завѣтъ Шиллера:

Beschäftigung die nie ermattet,
Die langsam schafft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn nur für Sandkorn reicht,
Doch von der grossen Schuld der Zeiten
Minuten, Tage, Jahre streicht.

Schiller (1).

Книжка раздѣлена на пять номеровъ, изъ коихъ въ первомъ 32 стр., во второмъ 31, въ третьемъ 32, въ четвертомъ 23, въ пятомъ 22 стр. Читая эти страницы, поминутно встрѣчаешься съ старыми знакомцами, а именно съ прекраснѣйшими, неувидаемыми, всегда зовущими въ чему-то лучшему произведеніями В. А. Жуковскаго, хотя имени его нигдѣ не означено.

Перечислимъ содержаніе „Муравейника“.

(1) Т. е. въ подражаніи В. А. Жуковскаго (соч. его, изд. 1835, II, 74) въ стихотвореніи „Мечты“:

Другъ вѣрный, Трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И силу въ сердца водворяя,
Бережь въ немъ ясность и покой.

Номеръ I стр. 1—9. *Взглядъ на землю съ неба*, подписано буквами W. Z. Прозаическая статья эта помѣщена въ сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 1835, VII, 276—283 стр. (2); но безъ слѣдующаго эпиграфа, выражающаго ея прекрасное содержаніе, которое въ свою очередь выражаетъ собою основную мысль всей жизни Жуковскаго: Gott hat Seelen in Staub gesenkt, damit sie durch Irrthümer zur Wahrheit hindurch brächen, und durch Fehler zur Tugend, und durch Leiden zur Glückseligkeit. Engel (3). Въ собраніи своихъ сочиненій Жуковскій помѣтилъ статью эту 1831 годомъ, изъ чего можно заключать, что онъ написалъ ее именно для *Муравейника*, и можетъ быть лѣтомъ 1831 г., во время ужасовъ первой холеры, опустошавшей тогда Россію.

стр. 9—21. *Цидъ. Излеченіе изъ древнихъ романсовъ Испанскихъ*. Предисловіе въ прозѣ, и за тѣмъ стихи. То и другіе находимъ съ легкими измѣненіями въ собраніи сочиненій Жуковскаго, IV, 189—215, съ тою разницею, что въ *Муравейникѣ* вездѣ *Цидъ* вмѣсто *Сидъ*. Окончаніе помѣщено на стр. 11—19 *Муравейника*, номера II-го. Оба раза подпись W. Z. Но въ первомъ номерѣ означено: „продолженіе въ слѣдующихъ №4“, изъ чего можно заключать, не было ли у Жуковскаго переведено изъ *Сиды* болѣе того, что мы теперь имѣемъ.

стр. 22—23. Французская статья въ прозѣ: *Le sort commun des hommes*. Подпись: «Traduit de l'Anglais de Montgoutheru. N».

стр. 23—24. *Обращеніе Нортумберландіи въ Христіанство. Изъ древней хроники*. Подпись: «Съ англ. Р.»

стр. 24. *Изображеніе Аравитянъ. Изъ Фирдузи*. Подпись: „Р.“

стр. 25. *Разговоръ Магометова праотца съ непріятельскимъ военачальникомъ*. Подпись: „Р.“

(2) Мы вездѣ ссылаемся на это изданіе.

(3) Т. е. Богъ обрекъ души на брренное бытіе, дабы онѣ въ заблужденіяхъ помогались истинны, и въ недостаткахъ достигали добродѣтели, и въ страданіяхъ обрѣтали счастье.

стр. 25—26. *Le langage des oiseaux*. Въ прозѣ. Подпись: „Съ Англійскаго №“.

стр. 26—30. *Насъ сежеро*. Съ Англійскаго, изъ Вортсворта. Въ примѣчаніи сказано: „Издатель получилъ два перевода сей статьи. Онъ рѣшился напечатать тотъ и другой, дабы доставить читателямъ своимъ удовольствіе сравненія“. Подъ первымъ подпись „N“, подъ вторымъ „M.“

стр. 30. *Фридрихъ II*. Подпись: „А.“

стр. 30—32. *Разговоръ дѣда со внукомъ*. Подпись: „M.“ Это прозаическое изложеніе извѣстнаго стихотворенія „Тлвнность“ (соч. Жуков. VI, 128—133), написаннаго лѣтъ за 15 до изданія Муравейникова.

Номеръ II. стр. 1—11. *Письмо къ издателю*. Подпись: «Село Покровское. 1829 іюня 12. NN». Это описаніе одной Новгородской деревни и ея владѣльцевъ, какъ надо думать, не вымышленное.

стр. 19—20. *Смерть Адама*. Подпись: «R. M.»

стр. 20—22. *Le lever du soleil au sommet de l'Etna. Fragments d'un voyage en Sicile*. Подписано двумя звѣздочками.

стр. 22—23. *Суворовъ на Сен-Готаръ*. Подпись: „Съ Франц. О.“

стр. 23. *Голодный Аравитянинъ*. Подпись: „А.“

стр. 24—25. *Les saintes images*. Подп.: «Trad. de l'Allemand. I. O.»

стр. 25—31. *Пери и Ангелъ*. Подпись: „R. M.“ Это весьма точное изложеніе въ прозѣ извѣстной, переведенной Жуковскимъ, поэмы.

Номеръ III. стр. 1—12. *Способъ обратить добродѣтель въ привычку. Отрывокъ изъ записокъ Франклина*. Безъ подписи.

стр. 13—14. *Перчатка*. Безъ подписи. Извѣстная баллада. (Соч. Жук. V, 207).

стр. 15—17. *L'Etna. Fragments d'un voyage en Sicile (continuation)*.

стр. 17. *Любовь къ отечеству*. Подпись: „I. O.“

стр. 17—19. *Les catacombes de Rome*. Подпись: „R. M.“

стр. 19—22. *Описаніе Аламбры въ древней Гренадѣ*. Подпись: „I. O.“

стр. 22—24. *Les Arabes*. Подпись: „R. M.“

стр. 24—28. *Неожиданное свиданіе*. *Быль*. Безъ измѣненій помѣщено въ собраніи соч. Жуковскаго. V, 73—77.

стр. 28—30. *Надиробная пьсьь Регнера Лодброга*. Подпись: „N“. Это изложеніе въ прозѣ, чтó Н. М. Языковъ написалъ въ стихахъ. (Стих. его, изд. 1858, I, 12) въ альбомѣ племянницъ Жуковскаго А. А. Воейковой.

стр. 31—32. *Дѣвъ загадки*. Стихи.

Номеръ IV. Стр. 1—16. *Дѣвъ были*. Помѣщено въ собр. стих. Жуковскаго V, 24—44, подъ заглавіемъ „Дѣвъ были и еще одна“.

стр. 17—21. *О Петрѣ Великому (Извлечено изъ чтенія Руской старины)*. Подпись: „O. P.“

стр. 21—22. *Споръ*. Подпись: „P. O.“

стр. 22. *Замокъ на берегу моря*. Извѣстные стихи Жуковскаго. II, 58—59, но съ нѣкоторыми измѣненіями.

стр. 23. *Два явленія*. Тоже, чтó предъидущіе стихи, только въ прозѣ.

Номеръ V. Стр. 1—2. *Александръ Невскій*. Подпись: „A. P.“

стр. 3—12. *Сраженіе съ змѣемъ*. Извѣстная баллада, въ соч. Жуковскаго V, 47—57.

стр. 12—14. *Аристоклемъ*. Подпись: „П.“

стр. 14—15. *Наставленіе Ментора Телеману*. Подпись: „П.“

стр. 16—17. *Островъ*. Стихи.

стр. 17—19. *Каннифферштанъ*. *Быль*. Подпись „P. П.“ Изложеніе въ прозѣ вышепомѣщенныхъ стиховъ (Дѣвъ были).

стр. 19—22. *Пьсьь Регнера Лодброга*. Подпись: „B.“ Стихотворное переложеніе вышепомѣщеннаго.

Произведенія Жуковскаго, помѣщенные въ „Муравейникъ“, равно какъ и содержаніе остальныхъ статей онаго, все проникнутое высокою нравственною чистотою, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что книжка эта издана, если не имъ, то при его ближайшемъ участіи. Не было ли это изданіе въ родѣ тѣхъ шести тетрадокъ, которыя напечаталъ Жуковскій въ 1818 г. въ Москвѣ, подъ названіемъ *Для немногихъ (Für Wenige)*, и которые, какъ извѣстно, служили руководствомъ для покойной императ-

рицы Александры Федоровны при изученія Русскаго языка? Но въ семь послѣднемъ изданіи помѣщены вообще образцы Германской поэзіи съ прекрасными переводами Жуковскаго; въ статьяхъ же Муравейника мы замѣчаемъ цѣль наставительную, дѣтски образовательную.

Извлекаемъ изъ этой рѣдчайшей книжки слѣдующія стихотворенія, которыя, сколько намъ извѣстно, нигдѣ больше не были помѣщены, и которыя, по всему вѣроятію, принадлежатъ Жуковскому.

ДВѢ ЗАГАДКИ.

I.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мость
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ! Огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумяща,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ!
Идешь къ нему — онъ прочь стремится,
И въ то же время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

II.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неизчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожекъ серебряный играетъ
Пастухъ, приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поить вода живая,
И умирать имъ не дано.
Онъ одной дорогой бродитъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь — *овенъ* прекрасный;
Ихъ сторожитъ огромный *песъ*;
Есть *левъ* межъ ними неопасный
И *дѣва*, чудо изъ чудесъ.

ОСТРОВЪ.

Цвѣтетъ и разцвѣтаетъ
Мой милый островокъ;
Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листьями
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ дровесъ
Глядятъ, какъ будто очю
Блестища небесъ.

Плѣнительно сквозь сѣни
Луна сіяетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ Геніи крылаты
Играютъ при лунѣ,
Пьютъ листьевъ ароматы,
И плещутся въ волиъ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ Радость;
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша *Младость*
Играетъ съ нами тамъ.

Не относится ли послѣднее стихотвореніе къ прекрасному Царскому Селу, гдѣ В. А. Жуковскій провелъ часть лѣта 1831 года, занятый своею высокою, свято-исполненною должностію? П. Б.

ЗАМѢТКА.

2 СЕНТЯБРЯ 1812 г.

Покойный графъ В. А. Перовскій, въ своихъ любопытныхъ Запискахъ, недавно изданныхъ въ Русскомъ Архивѣ (1865 г., изд. 2-е стр. 1031—1058), рассказывая объ обстоятельствахъ, сопровож-

давшихъ задержаніе его въ плѣну у Французовъ, сообщаетъ между прочимъ извѣстіе объ одномъ случаѣ, которымъ заключился вѣчно-памятный день 2 сентября 1812 года. Именно подъ вечеръ этого дня, часу въ пятомъ, Перовскій, въ сопровожденіи двоихъ казаковъ, выѣхалъ верхомъ изъ Москвы чрезъ Леофортовскую заставу. „Отѣхавъ съ версту отъ города въ право — рассказываетъ онъ — увидѣли мы конницу, и хотя отъ насъ еще довольно далеко, но можно было различить, что тутъ была и наша и непріятельская. Подѣхавъ еще ближе, велѣлъ я казакамъ подождать меня, а самъ поскакалъ къ стоящимъ верхомъ офицерамъ. То были нашъ генераль-маіоръ Па...евъ и французскій ген. Себастьяни, съ своими адъютантами: у одного изъ послѣднихъ спросилъ я о предметѣ разговора обоихъ генераловъ. „Они уговариваются о томъ, чтобы пропустили полки наши, отвѣчалъ онъ мнѣ; наша бригада отрѣзана, но насъ пропустятъ, и на сегодняшний день заключено перемиріе“. Въ то же время, по командѣ, раздалась французская конница, и нашъ драгунскій и казацкій полки пошли въ интервалы. Начинало смеркаться. Я поскакалъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ двухъ казаковъ своихъ. Приѣхавъ, искалъ и вликалъ ихъ, но, не находя, побѣхалъ весьма скоро обратно. Не прошло пяти минутъ, какъ я говорилъ съ адъютантомъ генерала П. Не смотря на сумерки, видны были еще мнѣ войска наши, но французы протянули уже ночную цѣпь свою, и когда я подѣхалъ къ ней, меня окликнули“. Перовскій былъ задержанъ и отведенъ къ генералу Себастьяни.

При этомъ рассказѣ Перовскаго объ освобожденіи двухъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ, состоявшихъ подъ командою генераль-маіора Па...ева, нельзя не вспомнить рассказа Михайловскаго-Данилевскаго ⁽¹⁾ объ освобожденіи Ми-

лорадовичемъ двухъ задержанныхъ французами эскадроновъ полка генерала Панчулидзева: оба разсказа относятся къ одному и тому же времени, и генераль-маіоръ Па...евъ есть, безъ сомнѣнія, Панчулидзевъ ⁽²⁾.

Когда арріергардъ и обозы отошли отъ города версты четыре, и Милорадовичъ, начальствовавшій 2 сентября арріергардомъ, расположился въ ближней деревнѣ, къ нему (рассказываетъ Михайловскій-Данилевскій) внезапно „явился генераль-маіоръ Панчулидзевъ съ донесеніемъ, что два эскадрона его полка, или запоздавъ или заблудясь въ Москвѣ, не успѣли присоединиться къ арріергарду и остановлены позади непріятельской цѣпи. Милорадовичъ послалъ требовать возвращенія ихъ, но почитая дѣло слишкомъ важнымъ, сѣлъ верхомъ, опередилъ адъютанта, проскакалъ одинъ, безъ трубача, чрезъ непріятельскіе посты, сказалъ привѣтствіе Себастьяни и, не ожидая его отвѣта, скомандовалъ нашимъ двумъ эскадронамъ: по три направо, заѣзжай! вывелъ ихъ изъ непріятельской цѣпи и съ ними вмѣстѣ освободилъ множество подѣхавшихъ изъ Москвы экипажей“.

Какъ ни характеристиченъ этотъ разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго, живо обрисовывающій блестящую, рыцарственную личность Милорадовича, но мы позволяемъ себѣ усумниться въ его

⁽²⁾ Неизвѣстно только, который Панчулидзевъ. Въ „Росписаніи войскъ 1-ой Западной арміи“, помѣщенномъ въ приложеніяхъ къ Запискамъ Ермолова (Чтенія въ Москов. общ. ист. и др. за 1865 г., кн. 4, стр. 239 и 240) Панчулидзевыхъ показано двое. Оба были генераль-маіоры и бригадные командиры. Въ бригадѣ Панчулидзева 2-го находились Ингерманландскій и Баргопольскій полки (2-го кавалерійскаго корпуса генераль-адъютанта барона Корфа), а въ бригадѣ Панчулидзева 1-го были полки Харьковской и Черниговской (4-го кавалерійскаго корпуса генераль-маіора графа Сиверса). Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ обоихъ разсказахъ рѣчь идетъ о Панчулидзевѣ 1-мъ.

⁽¹⁾ Исторія Отечественной войны (т. II, стр. 370—371).

достоверности. Какіе это были два эскадрона полка генерала Панчулидзева? Изъ разсказа Перовскаго видно, что Себастиани пропустилъ оба его полка, не задерживая ни одного эскадрона, пропустилъ въ силу перемирія, которое Милорадовичъ, прикрывавшій отступление русской арміи, заключилъ съ королемъ неаполитанскимъ (до семи часовъ слѣдующаго утра). Если бы это дѣйствительно были—какъ доносилъ Милорадовичу Панчулидзевъ—оставшіе отъ его полка два эскадрона, которые, *или запоздавъ, или заблудясь въ Москву*, не успѣли присоединиться къ арріергарду³ и, будучи остановлены позади непріятельской цѣпи, были выведены потомъ изъ нея Милорадовичемъ, вмѣстѣ со множествомъ подѣхавшихъ изъ Москвы экипажей: то Перовскій конечно не могъ бы не знать всего этого. Тотчасъ послѣ освобожденія Панчулидзева съ его бригадой, Перовскій былъ представленъ генералу Себастиани и принужденъ былъ остаться *при немъ* до слѣдующаго утра, когда отправленъ былъ въ Москву къ королю неаполитанскому. Проведя вечеръ и ночь у Себастиани, даже въ его собственной квартирѣ, могъ ли онъ ничего не знать о подвигѣ Милорадовича, даже не видѣть послѣдняго, когда онъ говорилъ привѣтствіе Себастиани? Но у Перовскаго, довольно обстоятельно описавшаго свое пребываніе у Себастиани, нѣтъ даже намека, который бы могъ хоть сколько нибудь оправдать извѣстіе, приводимое Михайловскимъ-Данилевскимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это извѣстіе³ есть не болѣе, какъ анекдотъ, достоверность котораго мы можемъ рѣшительно отвергнуть теперь, благодаря Запискамъ Перовскаго⁴. *М. Шууровъ.*

³) Оно приводится и послѣднимъ историкомъ «Отечественной войны 1812 года», ген.-маіор. Богдановичемъ, въ прим. 45 къ XXV гл. II-го тома.

⁴) Кстати сообщимъ здѣсь то что дошло до нашего свѣдѣнія уже по отпечатаніи Записокъ

ПИСЬМО СПАФАРІЯ КЪ БОЯРИНУ ГОЛОВИНУ (*)

Милостивый мой государь бояринъ Федоръ Алексѣевичъ. Предъ поѣздомъ своимъ изъ Царя-Града Іюля 21 дня, господинъ Сава Рагузинскій писалъ ко мнѣ, что онъ, по приказу великоможности вашей, промыслилъ съ великимъ страхомъ и опасеніемъ житія своего отъ турковъ двухъ арапчиковъ, а третіе послу Петру Андреевичю, и тѣхъ арапчиковъ послалъ съ человѣкомъ своимъ сухимъ путемъ черезъ Мултянскую и Волоскую земли для опасенія. И нынѣ, государь, Ноября въ 13 день, тотъ человѣкъ Савинъ пріѣхалъ съ тѣми арапчиками къ Москвѣ въ цѣлости, и я изъ тѣхъ трехъ выбралъ двухъ, которые лучше и искуснѣе, родныхъ братьевъ, и отдалъ ихъ въ пречестномъ домѣ нашемъ пречестной госпожѣ матушкѣ вашей, и дѣтемъ нашимъ благороднѣйшимъ, а третіе, который поплошѣе, оставилъ Петру Андреевичю, потому что такъ писалъ ко мнѣ и господинъ Сава, да и человѣкъ его сказалъ, что тотъ негоденъ. Меншей изъ нихъ именемъ Аврамъ крещенъ отъ племянника господара Мултянскаго, а большой еще въ бесурманствѣ.

гр. В. А. Перовскаго: упоминаемый имъ С., товарищъ его плѣна во Франціи, есть Петръ Николаевичъ Семеновъ (сочинитель довольно извѣстнаго Митюхи Валдайскаго). *П. Б.*

(*) За сообщеніе письма этого мы обязаны князю М. А. Оболенскому. Читатели сличать оное со статью М. Н. Лонгинова: «А. П. Ганибалъ» въ Русскомъ Архивѣ 1864 года. Впрочемъ упоминаемый въ письмѣ Аврамъ, кажется, не могъ быть предкомъ А. С. Пушкина. Ф. А. Головинъ управлялъ тогда посольскимъ приказомъ, а Петръ Андреевичъ Толстой—нашъ посолъ въ Царьградѣ. *П. Б.*

Давно уже послалъ я къ велможности вашей переводы армянскіе за рукою моею, а по сию пору вѣдомости еще нѣтъ, приняты въ цѣлости, или нѣтъ, прошу униженнѣ отповѣдь.

А Вартапетъ граматы, что належатъ къ Цесарю и Курфирстру, хотѣлъ послати ко Орію, а я не велѣлъ ему до вашего указа, и о томъ какъ государь изволишь, и прикажи.

А въ Азовъ всѣ товары Савины пришли въ цѣлости съ племянникомъ его маленькимъ, а какъ будутъ сюда, что належитъ къ велможности вашей выберемъ и отдадимъ паки въ благородномъ домѣ вашемъ. За симъ десница Божія до сохранитъ велможность вашу и душевно и тѣлесно превыше всякаго искушенія. Велможности вашей низайшій рабъ Николай Спафари.

Писано на Москвѣ
Ноября въ 15 день
1704.

Выписано изъ писемъ разныхъ лицъ (на Русскомъ языкѣ) 1704 г. №. 11. св. 14. Письма къ боярину Федору Головину отъ переводчика Николая Спафарія съ приложеніями.

О МАРКИЗЪ ДЕ ЛА ШЕТАРДИ.

Изъ донесенія императрицы Елизаветы Петровны гр. П. Г. Чернышева, отъ 23 окт. 1742, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Марки де ла Шетарди еще здѣсь ⁽¹⁾ дней съ пять пробить намѣренъ, а потомъ путь восприметъ чрезъ Дрезденъ и Франкфуртъ во Францію. Въ быт-

⁽¹⁾ Т. е. въ Берлинѣ, гдѣ гр. Чернышевъ былъ нашимъ посланникомъ. Изчисленіе подарковъ полученныхъ маркизомъ отъ императрицы Елизаветы см. въ книгѣ П. П. Пекарскаго: „Маркизъ де-ла-Шетарди“ Спб. 1862, стр. XVI.

пость его здѣсь онъ во всѣхъ оказіяхъ, говоря съ королемъ, съ королевами и съ прочими здѣсь первыми персонами, тщательно вездѣ вседолжно прославлялъ какъ всевысочайшее имя вашего императорскаго величества, такъ и благополучіе, которое нынѣ чувствуютъ въ богохранимомъ, благословенно счастливомъ государствованіи вашего императорскаго величества всѣ вѣрно-подданные; о силѣ имперіи, о безпримѣрно порядочной дисциплинѣ военной, о хорошемъ состояніи флота, о огромности и магнифиценціи двора; такожде, сверхъ того, о премудрости, милости, великодушіи и щедрости вашего императорскаго величества ко всѣмъ. При чемъ здѣсь всѣмъ, какъ вышепому-тымъ, такъ и кто токмо у него смотрѣтъ хотѣлъ, казалъ всѣ вашего императорскаго величества ему при отъѣздѣ его всемилостивѣше пожалованные пребогатые подарки, которые здѣсь всѣ съ неописанною адмиращіею смотрятъ, и при томъ единогласно, даже до королевы, сказали, что подобные въ свѣтѣ токмо сдѣлать тщивость имѣетъ и въ состояніи находится одна императрица Всероссійская. *Король же* ⁽²⁾, *которой не всегда съ охотою слышитъ, что въ свѣтѣ есть государи, которые всѣми качествами его превосходятъ, хотя ему Дешетарди, какъ онъ съ нимъ о вышесказанномъ говорилъ, ни въ чемъ не поперечилъ, однакожъ заочно сказалъ, говоря съ королевою своею матерью, что де съ нимъ объ Россіи говорить нельзя, ибо онъ ей совсѣмъ предалъ.*

Означенное курсивомъ въ подлинникѣ писано цифирью.

⁽²⁾ Т. е. Фридрихъ Великій.

ШУТОЧНАЯ ЗАПИСКА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ. (1)

(Съ автографа).

Сладостно было принять мнѣ табакъ твой, о выспренній Гнѣдичъ!
 Буду усердно, пріявши перстами, къ предверіямъ жаднаго носа
 Прахъ сей носить благовоный и, сладко чихая, сморкаться!
 Будетъ платкамъ отъ него помаранье, а носу великая слава!
 Гдѣ ты сегодня? Что Алексѣй Николаевичъ? (2) Лучшель
 Стало ему? Постараюсь нынѣ съ нимъ видѣться утромъ.
 Еслибъ ты, Николай, взгомозился зайти по дорогѣ за мною:
 Виѣстъ бѣ пошли мы, дорогой вѣщая крылатая рѣчи другъ другу!

О КНЯГИНИ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

ŒUVRES choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Beloselsky. Paris et Carlsruhe, typ. de W. Hasper, 1865. 8°. XV u 558 стр.

СОЧИНЕНІЯ княгини Зинаиды Александровны Волконской, урожденной княжны Бѣлосельской. Парижъ и Карlsruэ. Печатано въ придворной тип. В. Гаспера въ Карlsruэ 1865 8°. 6 нел и 175 стр.

Книги эти обязательно доставлены въ Чертков. библиотеку сыномъ покойной кн. З. А. Волконской, нашимъ чрезвыч. посланникомъ и полном. министромъ при Испанскомъ дворѣ, кн. А. Н. Волконскимъ. Она составляютъ библиографическую рѣдкость, такъ какъ изданы не для продажи, а только въ воспоминаніе о женщинѣ необыкновенной по уму, красотѣ, разнообразнымъ талантамъ и душевной энергіи, женщины, оставившей довольно яркій слѣдъ въ исторіи нашего общества и въ нашихъ литературныхъ преданіяхъ. Къ сожалѣнію издатель, въ предисловіи къ собранію французскихъ произведеній кн. Волконской, воздерживается отъ сообщенія біографическихъ о ней подробностей; между тѣмъ какъ жизнь ея возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Она была дочь оберъ-шенка кн. Александри Мих. Бѣлосельскаго (1752—1809), роднаго по матери племянника гр. Чернышевыхъ, столь извѣстныхъ въ Елизаветинское и Екатерининское царствованія. Кн. Бѣлосельскій былъ страстнымъ любителемъ словесности, и французскіе стихи его, къ которымъ съ большою похвалою относились Вольтеръ и Дежидъ, доставили ему громкую извѣстность. Онъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Мать кн. Волконской была Варв. Яковл. Татищева († въ 1792 въ Туринѣ, гдѣ мужъ ея былъ посланникомъ), по своей матери племянница славнаго П. Д. Еропкина (*). Съ малолѣтства кн. Волконская окружена была

памятниками ума и произведеніями искусства. Она вышла за мужъ за егермейстера кн. Никиту Григорьевича Волконскаго († 1844, роднаго внука фельдм. кн. Репнина) и принадлежала къ самому высшему кругу Петербургскаго двора. Императоръ Александръ любилъ бывать въ еи обществѣ, въ Теплицѣ и Прагѣ въ 1813 г., потомъ въ Парижѣ, и на конгрессахъ Вѣнскомъ и Веронскомъ. Блестящимъ періодомъ жизни ея были года 1813—1831. Она находилась въ сношеніяхъ съ литературными, художественными и политическими знаменитостями какъ Россіи, такъ и всей Европы. Громкую славу пріобрѣла она своими успѣхами въ музыкѣ, исполняя новыя произведенія Россіи, также въ сценическомъ искусствѣ и филологіи: она знала даже по гречески и по латинѣ. Въ филологіи наставникомъ ея былъ членъ нашей академіи Андрей Меріанъ; и она находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ ученымъ Гульяновымъ.

Съ 1824 по 1829 г. кн. Волконская жила въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, который она умѣла обратить въ настоящую академію наукъ и искусствъ. У нея часто бывали музыкально-литературные вечера, на которые собирались все художественные таланты. Она страстно занималась Русскою словесностію, изученіемъ Русскихъ древностей и народнаго быта, и готова была даже составить особое Русское общество для обнаруженія памятниковъ старины и народности. Однимъ изъ плодовъ этихъ занятій остался археологическій романъ ея *Ольга*, на русскомъ и французскомъ языкахъ, удѣльшіе отрывки котораго теперь напечатаны. Все что было лучшаго въ Русской словесности, съ почтеніемъ окружало высокоталантливую княги-

(*) Въ Р. Архивѣ 1865 г. изд. 2-е стр. 1407, ошибочно сказано, что мать кн. Волконской была урожд. Козицкая: эта была ея мачиха.

(1) Сообщено М. Н. Лонгиновымъ. Читатели наши знаютъ, что Н. И. Гнѣдичъ, переводившій *Иліаду*, былъ очень степененъ въ обращеніи, и весь преданный своему труду, любилъ говорить о немъ и приводить свои важныя гексаметры *И. Б.*

(2) Оленинъ.

но. Въ приложеніи къ Русскимъ ея сочиненіямъ собраны стихи, ей посвященные, и тутъ, кромѣ известныхъ посланій Пушкина (*Среди разсыпанной Москвы*) и Баратынскаго (*Изъ царства виста и зимы*) между прочимъ встрѣчаемъ стихи И. В. Кирѣевскаго,—единственный, сколько извѣстно въ печати, такого рода опытъ этого замѣчательнаго писателя. Жившій тогда въ Москвѣ Мицкевичъ находилъ себя восторженное сочувствіе въ кн. Волконской, а молодой Веневитиновъ, привязанъ былъ къ ней всѣми силами души. С. П. Шевыревъ былъ у нея домашнимъ человѣкомъ. Словомъ, кн. Волконская была центромъ Московской умственной жизни.

И все это соединеніе благопріятныхъ условий, какъ часто бываетъ у насъ, пропало для Россіи быстро и безвозвратно. Вслѣдствіе ли частныхъ или общественныхъ причинъ, Богъ вѣсть, кн. Волконская въ 1829 г. уѣхала въ свою издавна любимую Италію, и съ тѣхъ поръ, кажется, не возвращалась домой. Она поселилась въ Римѣ, посвятила себя дѣламъ милосердія и скончалась въ 1862 г. строгою подвижницею иного закона. (См. Русскій Инвалидъ 1866 г. № 289, и также Правосл. Обзорніе 1866 года). Съ глубокою скорбью будущій историкъ отмѣтитъ, что всѣ высокіе дары, коими столь щедро надѣлена была покойная княгиня, не принесли для Россіи той пользы, какой можно было ожидать.

Въ собраніи Русскихъ ея сочиненій, кромѣ повѣсти Ольга, находятся путевыя ея замѣтки и нѣсколько стихотвореній, изъ коихъ для пристра выписываемъ слѣдующее:

КНЯЗЮ П. А. В.

на смерть его дочери.

Въ стѣнахъ святыхъ она страдала,
Какъ мученица древнихъ лѣтъ;
Страдать и жить она устала;
Ужъ все утихло... дѣвы нѣтъ!

И кипарисъ неперемѣнной
Стоитъ надъ дѣвственной главой...
Свидѣтель тайны подземельной,
И образъ горести родной!

Ты ѣдешь... но ея могилу
Оставишь мнѣ не сиротой:
Такъ солнца замѣняетъ силу
Лучъ мѣсяца въ ночи святой!

Римъ 1835.

Гравированной портретъ кн. З. А. Волконской съ подлинника (работы К. П. Брюлова) приложенъ къ изданію написанной ею и положенной ею же на музыку кантаты въ память императора Александра Павловича.

И. Б.

О ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ ВЪ 1866 ГОДУ.

Библиотека, собранная покойнымъ председателемъ императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ и предводителемъ Московскаго дворянства *Александромъ Дмитриевичемъ Чертковымъ*, принадлежащая нынѣ сыну его *Григорію Александровичу* и приспособленная имъ къ общественному бесплатному пользованію, находится въ домѣ Г. А. Черткова, въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7-й (первый, малый подъездъ, со стороны Китая-города). Она открыта для чтенія бесплатно, отъ одиннадцати до трехъ часовъ, каждый день, кромѣ общихъ праздниковъ. Число читателей въ Чертковской библиотекѣ въ 1866 году не превышало (среднею цифрою) 14 человѣкъ въ день, т. е. на 2 человѣка болѣе сравнительно съ 1865 годомъ. Ближайшія подробности объ ея составѣ и устройствѣ можно найти въ 1863 и 1864-мъ годахъ издаваемаго при Чертковской библиотекѣ Русскаго Архива.

Въ 1866 году въ Чертковскую библиотеку поступило новыхъ приобретений: 1960 сочиненій въ 2075 томахъ, такъ что къ 1-му генварю 1867 въ библиотекѣ состояло 13,412 сочиненій въ 21,349 частяхъ, въ томъ числѣ 333 рукописи и 3027 брошюръ. Полные каталоги, азбучный, перечневой и предметный, облегчаютъ пользованіе библиотекой, тѣмъ болѣе что книги получаютъ въ самое короткое время. Кромѣ того подробный предметный каталогъ 4105-ти сочиненій отпечатанъ.

Въ 1866 году въ Чертковскую библиотеку съ признательностью приняты слѣдующія приношенія отъ просвѣщенныхъ ревнителей общественнаго знанія:

Отъ **А. Н. Андреева**. Альбомъ фотограф. снимковъ съ барельефовъ Сенатской залы въ Москвѣ; также книги его сочиненія.

Отъ **Н. О. Баляснаго**. Фотограф. портреты Г. С. Сковороды, В. Н. Каразина и Г. О. Квитки-Основьяненка.

Отъ **И. А. Безсонова**. Нѣсколько печатныхъ листовъ и брошюръ, относящихся до послѣдняго Польскаго мятежа; рукописныя свѣдѣнія о погребеніи останковъ короля Станислава Лещинскаго; біографическія бумаги объ епископѣ Адамѣ Станиславѣ Красинскомъ и его руки Польское переложеніе Плача Ярославны.

Отъ **Г. Болдырева** изъ Кадома (Тамб. г.) Печатный листъ церковно-славянскаго типа, содержащій въ себѣ „Молитву въ нашествіи враговъ“, которую, по распоряженію Кошута, въ 1849 г. униатскіе священники принуждены были читать каждую обѣдню передъ херувимскою пѣснью для возбужденія негодованія противъ Русскихъ войскъ. Извѣстно, что эта мѣра Венгерскаго революціоннаго правительства не удалась вполнѣ: не только Русняки-униаты, но и Венгерцы-кальвинисты дружески принимали войска наши.

Отъ **кн. А. Н. Волконскаго** изъ Мадрита, сочиненія кн. З. А. Волхонской на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, изд. въ Карлсруэ 1865 г., также грав. портретъ ея при ея кантатѣ и письмо къ ней славной писательницы Сталь въ сентябрѣ 1812 г.

Отъ **В. И. Даля**. Нѣсколько рукописей новѣйшаго времени, большею частію относящихся до Оренбургскаго края.

Отъ барона **А. И. Дельвига**. Описаніе памятника Петру Великому въ Спб. на франц. языкѣ.

Отъ профессора Московскаго Уни-

верситета **О. М. Димитріева** собственноручная переплетенная рукопись (109 листовъ въ продольную 8-ку) дѣда дяди его Ивана Ивановича Димитріева, заключающая въ себѣ его „Апологи въ четверостишіяхъ 1823“. См. о нихъ Русскій Архивъ 1866, стр. 1633.

Отъ **Г. И. Геннади** 159 не имѣвшихъ въ библиотекѣ брошюръ разнаго содержанія.

Отъ **М. М. Евреинова**: 1) Портретъ масляными красками импер. Маріи Терезіи.—2) Портретъ кн. Александра Борисовича Куракина, гравюра.—3) Портретъ гр. А. Х. Бенкендорфа, нарисованъ перомъ А. Д. Одицовъ 1847—4) Собственноручное письмо А. И. Сумарокова къ гр. Г. Г. Орлову (напечатано въ Р. Арх. 1867, стр. 100).—5) Письма къ А. П. Сумарокову, одно отъ зятя его Аркадія Иван. Бутурлина, изъ Москвы 20 мая 1756 (оказывается, что жену Сумарокова звали Іоганна Крестьяновна), другое безъ числа, на фр. языкѣ, отъ куратора Моск. университета И. И. Мелиссино.—6) Письмо гр. Н. П. Румянцева къ гр. О. В. Ростовчину изъ Новела, 5 іюля 1812 (о поѣздкѣ барона Штейна въ Москву).—7) Письма къ Ивану Андр. Евреинову одно гр. А. Р. Воронцова 18 мая 1799 г. и три графа Гр. Влад. Орлова 1814 - 1815. — 8) Собственноручная записка имп. Елизаветы Алексѣевны къ госп. Кожиной, безъ года.—9) Письмо гр. Д. Н. Блудова къ И. И. Мартынову 22 дек. 1827. — 10) Собственноручное письмо императора Павла въ Кіевъ генералъ-лейтенанту кн. П. М. Дашкову, изъ Спб. 24 окт. 1798.

Отъ **И. А. Елагина**. Экземпляръ рѣдкой брошюры „О Военныхъ поселеніяхъ. Спб. 1825“, сочиненіе Сперанскаго (см. его Жизнь, соч. барона М. А. Корфа, II, стр. 282).

Отъ **И. И. Живарева**. Объявленія

вольнаго эконома общества XVIII в. и двѣ печатныя оды: кн. Потемкину и Е. В. Щербинину.

Отд **С. Д. Кожухова**. Рукописное собраніе писемъ Петра Великаго къ гр. **Ф. М. Апраксину**.

Отъ **С. П. Колошина** нѣсколько записокъ, черновыхъ набросковъ и рисунковъ **А. С. Пушкина**, въ томъ числѣ шуточное шестистишіе:

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ,
Люби то-то-то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.

Прощай, мой прекрасный.

Всѣ эти листки принадлежали **В. П. Зубкову**. Изъ стихотвореній тутъ черновые автографы: „Отвѣтъ X + V. Нѣтъ не Черкшенка она» и «За чѣмъ безвременную скуку», подписано: «1 Ноября 1826. Москва». Въ рисункахъ находимъ силуеты Веневитина, князя **П. А. Вяземскаго** и супруги его и другихъ.

Отъ барона **М. А. Корфа**. Полнаго Собранія Законовъ Россійской имперіи, перваго собранія томы XVII и XVIII, втораго, томъ XX въ двухъ отдѣленіяхъ.

Отъ **Ф. В. Кривцова**, подлинный дипломъ на латинскомъ языкѣ, выданный орденомъ Мальтійскихъ рыцарей славному сподвижнику Петра Великаго **Якову Георгу Гордону**, 29 апрѣля 1706.

Отъ **Х. I. Лазарева** 17 литографированныхъ и гравированныхъ портретовъ Русскихъ людей.

Отъ **И. П. Липранди**. Нѣсколько важныхъ рукописей, большею частію новѣйшаго времени, въ томъ числѣ Записки оберпрокурора св. Синода **А. А. Яковлева** (1803); а также книги, сочиненія **И. П. Липранди**.

Отъ г. чиновника Московской удѣль-

ной конторы **А. П. Медвѣдева**: два собственноручныхъ письма императрицы **Анны**, когда она была еще Курляндскою герцогинею, къ сестрѣ ея царевнѣ **Прасковьи Ивановнѣ**, изъ Митавы 2 мая и 22 августа 1727 г.

Отъ покойнаго генер.-адъютанта **П. П. Муравьева-Карскаго**. Поясной портретъ (масляными красками) дѣда его, генераль-инженера и сочинителя первой алгебры по русски (1732) **Николая Ерофѣевича Муравьева**, бывшаго при импер. **Екатеринѣ Рижскимъ генераль-губернаторомъ** (изображенъ въ тогдашнемъ инженерномъ мундирѣ, въ правой рукѣ чертежъ Кенигсбергской крѣпости, въ которой онъ вѣроятно находился во время семилѣтней войны, когда восточная Пруссія принадлежала намъ).

Отъ графа **А. В. Мусина-Пушкина**, 16 старинныхъ рукописей, принадлежавшихъ дѣду его извѣстному археологу гр. **А. И. Мусину-Пушкину**: 1) Статейный списокъ Петра Потемкина и Семена Румянцова, ѣздившихъ въ 1678 г. въ Испанію и Францію - 2) Сказаніе о Донскомъ бою. — 3) Лѣтопись Симона-попа, бывшаго на Флорентинскомъ соборѣ. — 4) Книга разумнѣя о познаніи сошнаго и вытнаго письма и хлѣбной клади. — 5) Барона Фоншредера царское сокровище. — 6) Хроника Славянорусская о панствахъ Русскихъ, Польскихъ и Литовскихъ — 7) Кардинала Баронія Разное дѣяніе церковное. — 8) Лѣтопись келейный св. **Димитрія Ростовскаго**. — 9) Хронографъ и въ немъ Русская Лѣтопись до 1680 г. 2 части. — 10) Сказаніе о началѣ царства Казанскаго. — 11) Лѣтописецъ царствованіе **Василія Іоанновича**. — 12) Исторія Россійская съ избранія **Шуйскаго** до 1610 г. — 13) Повѣсти времянь и лѣтъ, до царя **Алѣксѣя Михайловича**. — 14) Догматическое богословіе новаго

письма. — 15) Сборникъ безъ начала и конца (объ Александрѣ Невскомъ.) — 16) О Пруссахъ старыхъ и о землѣ ихъ, отъ иѣмцевъ нареченной Пруйстенъ.

Отъ **О. З. Олсуфьевой**. На столбцахъ: 1) Грамота ц. Алексѣя Михайловича въ Кашинъ И. Р. Арцыбашеву; 1666 г. — 2) Запись на продажу людей стольника Аѳ. Ив. Зиновьева 1693 г. 3) Указъ патріарха Іоакима въ Кашинскія его деревни 1684 г. 4) Печатные современные листы, изъ коихъ замѣчательны первый манифестъ Екатерины II, 28 іюня 1762, и манифестъ 5 іюля 1762 г. о кончинѣ Петра III; 12 дек. 1777 о рожденіи имп. Александра Павловича; 16 авг. 1782 объ открытіи памятника Петру Великому. 5) Бѣлая гербов. бумага 4 копѣечнаго достоинства 1777 г.

Отъ **М. П. ПОЛУДЕНСКАГО**. Рукописное описаніе Полоцкаго намѣстничества, составленное дѣдомъ его А. М. Дунинымъ.

Отъ **В. А. Рачинскаго** *Oude en nieuwe staat van't Russische of Moskovische Keizerryck*. Utrecht 1744, съ пред. I. F. Reitz. 4°. 2 ч. въ одномъ переплетѣ съ рисунк.

Отъ **С. А. Рачинскаго**. Лилипутное изданіе статьи С. А. Усова: Обезьяна въ 1812 году. М. 1855.

Отъ **В. Д. Яковлева**: *Le Livre des Enfants*. Дѣтская книга. На русск. и франц. языкахъ. Рукопись эта въ 4-ку, въ золотобръзномъ тисненномъ переплетѣ, посвящена Иваномъ Кудрявцевымъ И. И. Вецкому 26 марта 1768 г. Принадлежала «придворнаго театра актеру Алексѣю Яковлеву».

Отъ барона **Д. О. Шенпинга**. Столистая карта Россіи, и два большія лавровыя дерева для украшенія библіотеки.

Приобрѣтено отъ разныхъ лицъ: Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину о Турецкомъ мирѣ, отъ 10 іюня 1774 г. изъ Браилова (напеч. въ Р. Арх. 1865).

Собственноручное письмо гр. Н. И. Панина къ имп. Екатеринѣ изъ Ульяновки, 10 іюля 1778 о движеніи Прусскихъ войскъ въ Австрійскія владѣнія.

Собственноручная тетрадь Я. Б. Княжнина, на 45 стр. въ 4-ку, содержащая въ себѣ шуточную неизданную поэму его въ двухъ пѣсняхъ: «Бой стихотворцевъ»; начало:

Пою сраженіе героевъ я бумажныхъ,
Книгопродавцевъ брань, наборщиковъ отважныхъ,

Которые за честь имъ авторовъ драгихъ
Не пощадилъ зубъ, ушей, носовъ своихъ.

Въ той же тетради, его же отрывокъ изъ Посланія къ тремъ граціямъ (напеч. въ сочиненіяхъ Княжнина, Спб. 1818, изд. 3-е. V, 47).

Подорожная съ черною печатію, отъ 29 дек. 1797, выданная до города Оренбурга отст. прапорщ. Соколову за подписаніемъ императора Александра (въ то время С.-Петербур. военнаго губернатора) и генераль-квартирмистра, С.-Петербургскаго коменданта и кавалера барона Аракчеева.

Подорожная отъ имени *государя императора* Константина Павловича, выданная 19 дек. 1825 отъ города Державы до С.-Петербурга студенту Эдуарду Фирсу.

Черновое письмо гр. О. В. Растопчина на франц. языкѣ въ Петерб. 19 марта 1800, къ генералу Дюмурье съ приглашеніемъ удалиться изъ Россіи.

Собственноручная записка гр. Сперанскаго къ М. А. Балугьянскому, безъ года.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУСКОМЪ АРХИВѢ 1864 ГОДА.

(Съ рисункомъ)

- Путеводитель по Чертковской библіотекѣ.
„Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями“ и „Втеръ“, два отрывка изъ Русской сим-волики гр. *А. С. Уварова*.
- Два доселѣ неизвѣстныхъ письма изъ переписки *Вольтера съ гр. А. И. Шуваловымъ*.
- Письмо *Н. П. Надеждина* къ Ю. Н. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ).
- Неизданные отрывки изъ письма Жуковского о кончинѣ Пушкина.
- Записки *А. Т. Болотова*.
- Воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ.
- Записка о масонствѣ, *Н. П. Елагина*.
- Письма *А. С. Пушкина* къ гр. *А. Х. Бенкендорфу*. 1830.
- Первые пособники Екатерины II.
- Письма гр. *Воронцова* къ *И. И. Шувалову*.
- Труды *Екатерины II* по составленію сравнительнаго словаря.
- Изъ переписки *Александра I* съ *В. С. Поповымъ*. Мнѣнія *М. Л. Магницкаго*.
- Обращики рѣшеній *Екатерины II* на всеподаннѣйшія просьбы. 1788.
- Изъ письма *В. С. Попова* къ императору *Александру I* о *Екатеринѣ II*.
- Подлинныя черты изъ жизни *В. А. Жуковского*. Письма *его* и *А. П. Тургенева*.
- О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святая Горы.
- Допросы, слѣданные фельдмаршалу *Миниху*, гр. *Остерману* и гр. *Головкину*, и отвѣты ихъ при воцареніи *Елизаветы Петровны*.
- Матеріалы для исторіи *Морейской экспедиціи*. 1770. а) Два рескрипта *Спиридову*, б) Письмо гр. *Орлова* къ *Спиридову*, в) Письмо *Спиридова* къ *Екатеринѣ II*.
- Черты изъ жизни кн. *Е. Р. Дашковой*.
- О видахъ добра. (Замѣтки. *Екатерины II* и гр. *А. С. Строгонова*).
- Записка *Екатерины II* къ ея духовнику *И. И. Панфилову* о графиняхъ *Ефимовскихъ*.
- Письмо *Екатерины II* къ кн. *Потемкину* о кн. *Зубовѣ*. 1789.
- Письмо *Александра I-го* къ *Г. П. Милорадовичу* о сектѣ *Татариновой*.
- Письма *Н. П. Новикова* къ *Булгакову*.
- Изъ бумагахъ князя *В. Ѳ. Одоевскаго*. Письма *Д. М. Веланскаго*, кн. *А. А. Шаховскаго*, *А. С. Грибобдова*, кн. *В. Ѳ. Одоевскаго* къ *А. С. Пушкину*, *А. С. Пушкина*, *В. А. Жуковского*, *А. Ѳ. Воейкова*, *А. В. Кольцова*, *Н. В. Гоголя*, *М. П. Глинки*, *В. А. Каратыгина*, гр. *Е. П. Ростопчиной*.
- О нападеніяхъ *Петербургскихъ* журналовъ на *Пушкина*, статья кн. *В. Ѳ. Одоевскаго*.
- Изъ бумагъ *Николая Петровича Архарова* (1775—1812) съ биограф. предисловіемъ и примѣчаніями.
- Письма (104) имп. *Екатерины II* къ кн. *Н. И. Салтыкову* (1763—1796), въ томъ числѣ инструкція, какъ обращаться съ *цесар. Павломъ Петровичемъ* и письмо къ нему по вступленіи его въ совершеннѣе, съ предисловіемъ и примѣчаніями.
- 24 *Долбинскихъ* стихотворенія *В. А. Жуковского* (1814—1815).
- Два письма *Пушкина* къ *Н. И. Кривцову*.
- Два письма *Пушкина* къ кн. *Н. Г. Репнину*, и письмо къ *Пушкину* кн. *Н. Г. Репнина*.
- Два неизданные стихотворенія *Лермонтова*.
- Письма *Лермонтова*.
- Записки *Русскаго пастора Теге*.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ выходить и въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ *Базунова*).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ *Чертковскую библиотеку*.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія въ *Германію* 7 р.; въ *Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; въ *Англію* 8 р.; въ *Швейцарію и Италію* 9 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: *Петръ Бартевевъ*.

Типографія Грачева и К. у Црениотскихъ воротъ д. Малюковъ.

ГОДЪ

ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ 1721 и 1727 годовъ.
2. Диспозиція и церемоніаль въѣзда императрицы Анны въ С. Петербургъ въ 1732 году.
3. 23 письма императрицы *Екатерины II* къ И. О. Глѣбову, съ приложеніями. 1767.
4. О говѣніи чиновниковъ въ великій постъ (1789).
5. Собственноручные замѣтки *А. П. Ермолова* объ его молодости.
6. Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина, статья гр. *М. Д. Бутурлина*.
7. Нежданная басня *И. А. Крылова*: Пестрыя Овцы.
8. Изъ записной книжки *П. М. Языкова* (огр. *Е. Ф. Канкринъ*).
9. Сыскное дѣло о походѣ въ Хиву, 1697 г.
10. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года, *В. И. Даля*.
11. Изъ бумагъ о графѣ Сперанскомъ (сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*.)
12. Письма *Н. М. Карамзина* къ *Е. О. Муравьевой*.
13. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ *М. Н. Лоннинова*.
14. Новыя бумаги для біографіи герцога Бирона (сообщено *С. М. Соловьевымъ*.)
15. Шуточное письмо *Н. В. Гоголя*.
16. Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ, г. *Дмоховскаго*.
17. Два слова о бібліотекѣ гр. Д. П. Бутурлина, *С. А. Соболевскаго*.

МОСКВА.

Въ типографіи Т. Ризъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1867.

**ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЧЫ ЕКАТЕРИНЫ П-Й И
СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ
ИЗДАНІЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВ-
НОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВ-
КОЮ 6 Р.**

Вторыя изданія Русскаго Архива большими тодами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. 1863 года VI и 1066 стр. (4 р., съ пер. 5 р.) 1864 года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (4 р., съ пер. 5 р.) 1865 года 1550 стр., (5 р., съ пер. 6 р. (Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *въ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. 20 рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

И Е З У И Т Ы

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

Тамъ же стихотворенія Кн. П. А. Вяземскаго.

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°, 420 стр.)

МИНИХОВЫ КОНДИЦИИ СЪ РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

1721 и 1727 гг.

О гр. Минихѣ написаны цѣлыя книги. Имя его, само по себѣ не Русское, звучитъ Русскому уху всѣми воспоминаніями кроваво-блестящей эпохи «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма», — въ самомъ буквальномъ и ужасающемъ смыслѣ этого славнаго Грибоѣдовскаго стиха. При имени Миниха, въ воображеніи читателя, знакомаго съ Русской исторіей XVIII вѣка, такъ и встаютъ тѣни Анны, кровожаднаго Бирона, страшнаго Ушакова, бездушнаго кн. Трубецкаго, хатраго Волынскаго, блестящаго, но ничтожнаго гр. Левенвольда, низкопоклоннаго кн. Черкаскаго, и всей плеяды этихъ, теперь забытыхъ, значеній того времени, среди которыхъ, благодаря и себѣ и обстоятельствамъ, рельефно рисуется высокая, сухощавая фигура знаменитаго фельдмаршала, грозы Турковъ и Татаръ, жесткаго себелюбца на верху придворныхъ честей, мудреца и философа въ ссылкѣ.

Уроженецъ одного изъ безчисленныхъ уголковъ Германіи, Минихъ, уже въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, пріѣхалъ въ Россію и, дѣйствительно полезный Петру, какъ инженеръ-гидрографъ, сумѣлъ казаться необходимымъ ближайшимъ преемникамъ Петра, которые, осыпая Миниха громкими титулами и щедрыми дааніями, послѣдовательно дѣлали его то администраторомъ, то полководцемъ, то наконецъ первымъ министромъ. Но Минихъ-администраторъ, Минихъ-полководецъ и Минихъ первый министръ—стоятъ гораздо ниже Миниха-инженера, услужившаго Россіи, по крайней мѣрѣ, Ладожскимъ каналомъ. Дѣло въ томъ, что Минихъ, подобно огромному большинству всѣхъ другихъ пришлецовъ въ гостеприимную Русскую землю, не родился съ новымъ отечествомъ, искалъ только матеріальныхъ выгодъ, ловилъ всюду съ искусствомъ, дѣйствительно нѣмецкимъ, а какъ человекъ, къ несчастію Россіи, славолюбивый, прикрывалъ громомъ побѣдъ собствен-

ныя предпріятія, которыя, порождаясь придворными интригами, въ сущности, бесполезно истощали Русскія деньги и обильно поливались Русскою кровью (1). Прослуживъ въ Россіи цѣлыя 20 лѣтъ и, осыпанный благодареніями пяти послѣдовательно смѣнявшихся Русскихъ правительствъ, Минихъ все-таки былъ и оставался Нѣмцемъ, даже рѣдко удостоивалъ подписывать имя свое по-русски и всегда питалъ намѣреніе удалиться изъ Россіи.

Эта послѣдняя черта Миниха, общая всѣмъ наемникамъ-авантюристамъ того времени, вызывается въ «кондиціяхъ», двукратно заключаемыхъ Минихомъ съ Русскимъ правительствомъ и до сихъ поръ не извѣстныхъ печатно. Первые изъ этихъ кондицій относятся къ 1721 году, когда Минихъ, являсь къ Петру для «инженерства», не могъ, да и не смѣлъ бы, выговаривать себѣ условій, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствительно требовались его спеціальною, а потому и не выходила изъ предѣловъ приличія. Совсѣмъ другое представляютъ кондиціи 1727, когда Минихъ, уже возгордившись вниманіемъ къ нему Петра и Екатерины, увидѣлъ возможность попользоваться счастіемъ съ тою безцеремонностію, которая, напримѣръ, доходила до того, что Минихъ, нѣкогда писавшій Петру: «по артиллеріи не могу служить, не зная ее въ подробности, и умѣя распоряжаться ею только при атакахъ и оборонѣ крѣпостей и въ сраженіяхъ» (2), тотъ же Минихъ теперь, въ 1727 году, выпрашивалъ себѣ званіе генералъ-фельдцейгмейсте-

(1) Намъ кажется такіа выраженія не совсѣмъ вѣрными даже по отношенію къ полезности, а сравнительное обозрѣніе тогдашней Европейской исторіи и еще болѣе учить смислительности въ приговорахъ. Сличн Р. Архивъ 1865, стр. 1418—1446 и Р. Арх. 1866, стр. 171—185.

(2) Записка, пзданная Минихомъ предъ вступленіемъ въ Русскую службу. См. Русск. Вѣст. 1841. № 1, стр. 137.

ра, съ прерогативами, которыми въ этомъ званіи пользовался гр. Брюсъ.

Предлагаемая здѣсь «кондиція» Миниха, извлечены нами изъ дѣлъ Государственнаго и Артиллерійскаго Архивовъ.

М. Д. Хмыровъ.

1.

Всеподданнѣйшіе вопросы Миниха въ 1721 году ⁽³⁾.

(Дѣла Госуд. Арх., Кабин. Петра Великаго, Отд. II. № 56. л. 234).

1.

Позволено ли мнѣ, чтобъ я сей зимы проэктъ сдѣлалъ, какъ фортификаціи города и цитадели Риги въ совершенное оборонительное состояніе привести?

2.

Чтобъ при томъ предуготовленія учинены быть могли и предбудущее лѣто одну полигону у города или у цитадели укрѣпить и въ томъ пробу моего манера строенія сдѣлать.

3.

Чтобъ мнѣ къ тому строенію въ матеріалахъ, въ работникахъ и въ деньгахъ остановки не было.

4.

Чтобъ для подряда и уплаты за матеріалы и работникамъ одинъ комисаръ опредѣленъ былъ и онымъ деньгамъ расходъ держалъ.

5.

Чтобъ ко мнѣ одинъ кондукторъ и два человѣка ординарныхъ инженеровъ для надзираія у работы опредѣлены были.

⁽³⁾ Резолюцій на эти вопросы въ дѣлахъ не сохранилось, и мы не знаемъ, на все ли послѣдовало согласіе.

6.

Также нѣсколько минировъ, плотниковъ, мастеровъ свайныхъ, каменщиковъ и кузнецовъ опредѣлить.

7.

Чтобъ мнѣ позволено было одного искуснаго мастера водянаго строенія, а особливо которой слюзное дѣло совершенно знаетъ, изъ Фрисландіи выписать.

8.

Когда мнѣ притомъ повелѣно будетъ проэктъ сдѣлать о укрѣпленіи Кроншлота, или какого инаго при Балтійскомъ морѣ лежащаго мѣста, и мнѣ повелѣно будетъ у той работы быть, чтобъ тогда въ переѣздахъ издержанныя деньги, также за квартиры и дрова, заплачены были.

9.

Чтобъ для рисунковъ или оныхъ переписывать, по меньшей мѣрѣ, за одного или за два человѣка рисователей, или такихъ инженеровъ, которые знаютъ рисовать, (деньги) заплачены.

10.

Чтобъ дѣло, къ которому я опредѣленъ буду, токмо въ провинціяхъ при Балтійскомъ морѣ лежащихъ распространилось.

11.

Чтобъ мнѣ позволено было въ другомъ или въ третьемъ году, на нѣсколько мѣсяцевъ въ свои маестности въ Германію ѣхать.

12.

Притомъ я обѣщаю нѣсколькихъ инженеровъ и молодыхъ офицеровъ, которые обяжутся изъ службы его императорскаго величества не выходить, моему манеру строенія обучить

и онимъ въ пользу къ службѣ его величества ничего не скрывать, что я знаю.

13.

И когда я въ 5 или 6 лѣтъ мое искусство довольно въ практикѣ показать и его величества инженеровъ въ томъ обучилъ, то домашнія мои нужды мнѣ не позволяютъ нынѣ болѣе какъ на 5 или на 6 лѣтъ обязаться.

14.

Зѣло потребно, чтобъ ко мнѣ добрый переводчикъ опредѣленъ былъ, который бы могъ мои письменные проэскты изъ Нѣмецкаго языка на Россійской переводить, ибо въ рисункахъ причины показать не можно, для чего такъ, а не иначе, надлежитъ строить.

15.

Чтобъ для вспоможенія въ томъ строеніи потребная полная мочь и указы къ надлежащимъ генераль-губернаторамъ и комендантамъ даны были.

16.

И понеже я того его императорскому величеству съ вѣрностію и ревностію служить истинно себѣ обязую, того ради уповаю, что его величество, по извѣстной и въ свѣтѣ славной милости, за мою работу и искусство, или поденныхъ денегъ, или годовой окладъ, въ равенство тому, что я въ иной службѣ, для ревности къ службѣ его величества, оставилъ, мнѣ опредѣлитъ и высочайшею своею цесарскою милостию и протекціею меня не оставитъ.

(Собственноручно): *B. C. de Münnich.*

Въ Санктъ-Петербургѣ
въ 31 день Октября 1721 году.

II.

Кондиціи Миниха въ 1727 г. ⁽⁴⁾.

(Дѣла Артилл. Арх. Кн. № 79., л. 44—46).

Переводъ.

Всепокорнѣйшія кондиціи.

Понеже Ея Императорское Величество мнѣ всемилостивѣйше объявить повелѣла, что ея всемилостивѣйшее намѣреніе есть меня въ службѣ содержать и притомъ о всякой милости снабдежить соизволила:

Того ради Ея Императорскаго величества всемилостивѣйшей воли я себя предаю, отрекаюсь отъ всякой иной службы и обязуюсь ея Императорскому Величеству и Ея Императорской высокой фамиліи десять лѣтъ, а именно до 1 Января 1737 года вѣрно, честно, по крайней силѣ и мочи служить во всякихъ ея Императорскому Величеству и Ея Высокому Императорскому дому угодныхъ случаяхъ и не щадя тѣла и живота моего.

И дабы чрезъ Ея Императорскаго Величества высокую милость я въ состояніе приведенъ былъ тѣ службы, которыя отъ меня требуются, съ покойной мыслию и той вящшею пользою отпрavitъ, то я, по данному мнѣ всемилостивѣйшему позволенію, чрезъ сіе всенкорнныя мои кондиціи представляю, а именно Ея Императорское Величество я униженно прошу:

⁽⁴⁾ Заготовлены для представленія императрицѣ Екатерины I, за кончиною которой утверждался императоромъ Петромъ II, почему и въ самой редакціи кондицій смѣшиваются то Его, то Ея Императорскія Величества.

1.

Что когда въ вышеозначенные годы я переживу, чтобъ мнѣ позволено было послѣдующія лѣта старости, въ которыхъ обычно мочь убавляется, на волю всевышняго Бога до скончания моей жизни предать и къ моему (и) фамилии моей утѣшенію жизнь свою въ моемъ отечествѣ скончать, однакожь съ такимъ изъясненіемъ, что я съ того времени иному какому государю наименше противъ Ея Императорскаго Величества служить не буду.

Ею Императорскаго Величества всемилостивѣйшая резолюція.

На 1-е.

По окончаніи десятилѣтняго времени, ежели оной господинъ фонъ Минихъ пожелаетъ въ свое отечество отѣхать, на то Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволяетъ, по такому изъясненію, что по отпускѣ изъ службы Его Императорскаго Величества иному какому государю и противъ Его Императорскаго Величества въ службѣ ему не быть.

2.

Чтобъ мнѣ позволено было моихъ дѣтей, которыя иногда высокою Ея Императорскаго Величества милостію здѣсь снабдены не будутъ, въ нынѣшнемъ 1727 году или ежели Ея Императорскаго Величества служба въ нынѣшнемъ году не допустить, въ предбудущемъ 1728 году, самому вывезти и въ надежное надзираніе отдать, чтобъ я въ ихъ христіанскомъ воспитаніи впредь увѣренъ и спокоенъ быть могъ

На 2-е.

Его Императорское Величество соизволяетъ, что когда служба здѣшняя допустить, тогда на то позволеніе ему дано будетъ.

3.

Когда Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшая воля есть мнѣ чинъ генерала-фельцейхъ-мейстера поручить, то приѣмлю оной въ покорнѣйшемъ надѣяніи, что оной знатный чинъ безъ умаленія власти и надлежащаго преимущества мнѣ данъ будетъ, дабы я оной къ высокому Ея Императорскаго Величества интересу толь безпрепятственно отправлять могъ.

На 3-е.

Его Императорское Величество жалуетъ его господина фонъ Миниха въ полные генералы и при томъ соизволяетъ имѣть ему чинъ надъ фортификаціями всей Россійской имперіи оберъ-директора, и для того въ его командѣ содержаны быть имѣютъ всѣ инженеры и быть ему подъ вѣденіемъ военной коллегіи.

4.

Чтобъ мнѣ къ сему чину надлежащее жалованье и дусеры (doucesurs), и инья чести, и различности, какъ господинъ графъ Брусь оныя имѣлъ и въ Ея Императорскаго Величества регламентѣ и военномъ штатѣ опредѣлено, во всемъ даны были.

На 4-е.

Жалованье ему давано быть имѣеть противъ другихъ генераловъ-иноземцовъ.

5.

Чтобъ въ старшинствѣ или рангѣ съ того времени, какъ я честь имѣлъ Ея Императорскому Величеству служить и пока въ Ея службѣ пребуду, я уничтоженъ не былъ.

На 5-е.

Старшинство имѣть съ того времени, какъ онъ въ полные генералы отъ Ея Императорскаго Величества пожалованъ.

6.

И понеже на Ладогѣ канальную работу, которая есть важнѣйшее предвоспріятіе въ Европѣ, я до сего времени счастливо производилъ, и я готовъ впредь въ томъ попеченіе имѣть; чтобъ когда Ея Императорское Величество по моимъ всеподданнымъ представленіямъ мнѣ помогать всемилостивѣйше повелитъ, оная работа къ счастливому окончанію приведена была, дабы мнѣ то въ награжденіе дано было, что подрядчикамъ на каналѣ прежде моего времени, по высокому Ея Императорскаго Величества опредѣленію, изъ сената дѣйствительно и дано и обѣцано, а именно: прибыли съ вина, табаку, кабаковъ и прочее, и по пяти копѣекъ съ кубической сажени земли, которая изъ канала вывезена быть имѣеть; наградительныя, особливо прибыточныя деньги, которыя по большой мѣрѣ чрезъ мое попеченіе сбережены, съ того времени какъ я управленіе имѣлъ и до того времени, что я оное впредь имѣть буду.

На 6-е.

За трудъ Ладожскаго канала отъ Ея Императорскаго Величества бла-

женной и вѣчно достойной памяти ему пожаловано пять тысячъ рублей, да сверхъ того по сту рублей на мѣсяцъ, а нынѣ по Ея Императорскаго Величества милости дано ему будетъ въ нынѣшнемъ 1727 году пять тысячъ рублей, въ томъ числѣ нынѣ три тысячи, а достальныя двѣ тысячи при окончаніи года.

7.

Доказать могу, что мои маетности въ графствѣ Олденъ-Бургъ въ моемъ отсутствіи болѣе разорены, нежели въ доброе состояніе приведены; и съ нихъ за такую дальностію ничего не получаю, а здѣсь деревень не имѣю, чтобы я по своему характеру жить могъ, и въ разсужденіе, что я отъ всякаго въ иныхъ краяхъ уповаемаго счастья отрѣшился, чтобъ мнѣ довольные доходы въ Лифляндіи всемилостивѣйше пожалованы были.

8.

Когда до войны и какъ видится до генералнаго разрыву въ Европѣ дойдетъ и мои маетности ленныя и алодіальныя подъ Великобританскимъ и Датскимъ самовластнымъ владѣніемъ у меня отняты будутъ, чтобъ Ея Императорское Величество оныя мнѣ гарантировать или эквивалентомъ награждать всемилостивѣйше соизволила.

На 7-й и 8-й.

Покаместъ оной господинъ генералъ въ службѣ Ея Императорскаго Величества будетъ, до того времени дано ему будетъ во владѣніе въ Лифляндіи или Эстляндіи маетности отъ пятнадцати до двадцати гаковъ, а ежели оной господинъ генералъ въ

службѣ Его Императорскаго Величества вѣчно останется, то оная мыза оставлена быть имѣетъ при немъ вѣчно и наслѣдственно.

9.

Чтобъ для лучшаго приему тѣхъ господъ, которые впредь приѣзжать будутъ каналъ смотрѣти, малой островъ на рѣкѣ Невѣ при Шлисселбургѣ (съ котораго никакихъ доходовъ не имѣется) и деревенька Леднова, которая посреди канала лежитъ и старой дворецъ въ Ладогѣ на концѣ канала, пока ту работу я управлять буду, для строенія и для житья мнѣ отданы были.

На 9-е.

Малой островъ на Невѣ рѣкѣ при Шлюсселбургѣ и деревенька Леднова, которая лежитъ посреди канала, которой дворецъ въ Ладогѣ, на концѣ канала, для строенія и для житья ему, покамѣстъ оной господинъ генералъ при дѣлѣ того канала будетъ, ему отдается.

10.

Я готовъ къ славѣ и высокому интересу Ея Императорскаго Величества такой проектъ какъ городъ Санктъ Питербурхъ отъ высокой воды въ безопасность приведець быть можетъ, всепокорно подать и помогать оной проектъ въ дѣйство производить, когда Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйше угодно будетъ. Противъ того отъ высокой милости прошу, что понеже я въ Питербурхѣ безъ квартиры быть не могу, чтобъ пристойная квартира мнѣ дана была или какъ скоро можно построена и къ вѣчной памяти мнѣ и моимъ потомкамъ отдана была.

Ея Императорскаго Величества высокою милости все предавъ, всемогущаго Бога молю, чтобъ Опъ Ея Величеству многолѣтное благословенное государство даровать, Ея же высокоую Императорскую фамилію безчисленными скипетрами и коронами на многіе вѣка благословить изволилъ. Въ Санктъ Питербурхѣ, 12 Февраля 1727 года.

На 10-й.

Отдать отписной дворъ Петра Толстова, которой въ Никольской улицѣ.

Подлинная резолюція за подписаніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта присутствующихъ особъ. Мая 23 дня 1727 года.

ДИСПОЗИЦІЯ И ЦЕРЕМОНИАЛЬ

торжественнаго вѣзда императрицы Анны Ивановны въ С. Петербургъ, 16 Генваря 1732 года.

Хотя такія церемоніи, какъ торжественные вѣзды государей въ ихъ столицы, происходятъ всюду болѣе или менѣе одинаково и совершаются по извѣстнымъ, въ главныхъ чертахъ общепринятымъ, правиламъ придворнаго этикета, но каждая изъ нихъ необходимо носить на себѣ отбѣнки и своей страны, и своего времени. Съ этой точки, описанія подобныхъ церемоній, не смотря на всю ихъ кажущуюся сухость и, повидимому, однообразіе, восполняютъ рельефъ эпохи, обнаруживая его оффиціальныя, такъ сказать, казенныя стороны. Прялагаемые здѣсь «Диспозицію» и «Церемоніаль» мы не встрѣчали въ печати, а нашли ихъ въ дѣлахъ Артиллерійскаго Архива, и охотно дѣлимся найденнымъ съ любителями Русской старины.

М. Д. Хмыровъ.

Переѣздъ императрицы Анны Іоанновны изъ Москвы, гдѣ она воцарилась, въ Петербургъ, гдѣ

протекла вся остальная жизнь ея, особенно важнѣ въ общей нашей исторіи того времени. Тутъ собственно началась страшная Бироновщина (см. Р. Арх. 1866, стр. 1510). До того времени жить въ Петербургѣ было почти невозможно отъ всякаго рода неудобствъ и чрезвычайной дороговизны, такъ какъ, по свидѣтельству Миниха, возъ сѣна стоялъ тамъ до 6 р., т. е. по крайней мѣрѣ до 60-ти нынѣшнихъ (см. Р. Арх. 1866, стр. 179). Лишь съ устраненіемъ этихъ неудобствъ явилась возможность прочно основаться тамъ. Анна Іоанновна переселилась въ Петербургъ, какъ скоро окопченъ былъ Ладожскій каналъ и новая столица обезпечилась продовольствіемъ. Вотъ одна изъ причинъ, кромѣ соображеній общихъ, почему дворъ такъ долго жилъ въ Москвѣ, именно съ Генваря 1728 г. по Генварь 1732: долѣе этого срока Петербургъ, съ самаго основанія своего, не оставался безъ государя. Анна Ивановна почти два года по воцареніи оставалась въ Москвѣ. Всякаго рода сооруженія продолжали быть возводимы въ Петербургѣ даже и при Петрѣ II-мъ, когда промелькнула было мысль повернуть дѣла къ старинѣ допетровской.

II. Б.

Диспозиція къ пришествію Ея Императорскаго Величества въ Санктъ-Петербургъ Генваря 16 дня 1732 года.

1. Во дворецъ Ея Императорскаго Величества, за день предъ пришествіемъ, послать надлежитъ 1 роту, съ знаменемъ, Лейбъ Гвардіи Преображенскаго Полку, на караулъ; такожъ караулъ Гвардіи и въ Брюсовъ домъ, гдѣ Ея Императорское Величество ночевать изволитъ.

2. Въ день пришествія Ея Императорскаго Величества, по утру, въ 6-мъ часу, отъ Императорскихъ палатъ, кругомъ Адмиралтейства, ко Исакіевской церкви (въ которой Ея Императорское Величество прежде изволитъ быть къ слушанію Божествен-

ной службы), а оттуда, мимо двора бывшаго генераль-лейтенанта Дупрея ⁽¹⁾ до Адмиралтейскихъ первыхъ воротъ и далѣе по прешпективѣ, съ одной стороны—Лейбъ Гвардіи Преображенскаго, а съ другой—Семеновскаго, а потомъ по обоемъ сторонамъ Измайловскаго полковъ, въ двѣ шеренги, быть въ парадѣ.

3. Потомъ будутъ стоять гардемарины и отъ флота гренадеры по тому же, въ двѣ шеренги по обоемъ сторонамъ улицы.

4. За тѣмъ будутъ стоять вдоль по прешпективѣ же, даже до послѣднихъ триумфальныхъ воротъ и далѣе, Ладожскаго, Новгородскаго, Володимірскаго, Астраханскаго, Ингерманландскаго полковъ, каждаго полку баталіонъ противъ баталіона, въ двѣ жъ шеренги.

5. И дабы означенныхъ полковъ въ парадѣ болѣе было, то будутъ всѣ стоящіе тѣхъ полковъ на караулѣхъ съ здѣшними четырьмя гарнизонными полками, сколько возможно, смѣнены.

6. Всю ту дистанцію, на которой полки будутъ стоять, за нѣсколько дней ровнять каждому полку до тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ (онъ) стоять, къ чему будетъ способствовать и полиція. Чего для каждому полку, гардемаринномъ и гренадеромъ отъ флота мѣста свои вымѣрять заранѣе, а для приключившагося не порядку ⁽²⁾ надлежитъ всѣмъ полкамъ, предъ пришествіемъ Ея Величества, за нѣсколько

(1) Онъ выбылъ изъ нашей службы въ 1726 г. см. Богданова описаніе С.-Петербурга изд. 1779, стр. 79.

II. Б.

(2) Т. е. чтобы не приключилось безпорядка.

дней, на свою дистанцію на малое время выступить, дабы всякой свою дистанцію могъ знать.

7. Обрѣтающійся при здѣшной командѣ генералитетъ встрѣтятъ Ея Императорское Величество на лѣвомъ крылѣ Ингерманландскаго полку и отдадутъ надлежащую честь; а штабъ и оберъ-офицеры въ своихъ полкахъ по своимъ мѣстамъ. Генералитетъ же, штабъ и оберъ офицеры Артиллерійскіе и Инженерные, находятся будутъ внѣ первыхъ триумфальныхъ воротъ, по обѣ стороны оныхъ; а литаврички, трубачи и музыканты отъ артиллеріи на верху воротъ; и начатъ онымъ играть тогда, когда близъ стоящій оныхъ воротъ полкъ будетъ честь отдавать.

8. Когда Ея Императорское Величество предъ которой полкъ за тридцать шаговъ пріѣхать изволить, тогда всѣмъ тѣмъ полкомъ отдадутъ честь и будутъ бить маршъ и музыка играть, и въ шествіе Ея Величества мимо полка офицеры-жъ протазанами и знамены уклоняютъ; а когда изволить Ея Императорское Величество весь тотъ полкъ миновать и въ дистанцію другаго полка вступить, тогда первому полку сказано будетъ: на плечо! и перестанутъ барабаны бить и музыка играть.

9. Когда Ея Императорское Величество изволить приблизиться къ Ингерманландскому полку, тогда первый сигналъ тремя ракетами дастся, — изъ которыхъ первая при первыхъ триумфальныхъ воротахъ, вторая — у адмиралтейскихъ, а третья у адмиралтейской пристани имѣютъ быть разставлены, и потомъ вышелятъ изъ пушекъ съ крѣпостей: С. Петербург-

ской — изъ семидесяти одной, а съ Адмиралтейской — изъ семидесяти. И какъ Ея Императорское Величество, по окончаніи божественной службы, изъ Исакиевской церкви во дворецъ шествовать изволить, тогда дастся другой сигналъ тремя ракетами жъ (которыя у оной церкви поставлены имѣютъ быть), а изъ Санктъ Питербургской крѣпости вышелятъ изъ восьмидесяти пяти, а съ Адмиралтейской изъ восьмидесяти четырехъ пушекъ. А какъ она стрѣльба кончится и Ея Императорское Величество изволить въ палаты свои прибыть, тогда дастся третій сигналъ, тремя жъ ракетами (которыя имѣютъ быть поставлены при Адмиралтейской пристани), и по ономъ сигналѣ налить съ крѣпостей: Санктъ Питербургской — изо ста одной, а съ Адмиралтейской — изо ста пушекъ.

10. Противъ дворца, на рѣкѣ, поставить всѣ полковья имѣющіяся здѣсь пушки и которыя при артиллеріи находятся и къ каждой по три патрона, къ которымъ опредѣлить надлежащее число канонировъ (а именно: правое крыло будетъ противъ императорскихъ палатъ, а лѣвое противъ строящагося мосту, на которомъ имѣетъ быть фейерверкъ), съ надлежащимъ числомъ артиллерійскихъ оберъ и унтеръ-офицеровъ. Да при оныхъ полковыхъ пушкахъ командовать (sic) четыре гранодерскія роты здѣшняго гарнизона и быть всѣмъ подъ командою подполковника фонъ Фукса.

11. Четвертый сигналъ тремя жъ ракетами дастся (которыя поставлены будутъ у полковыхъ пушекъ) и потомъ изо всѣхъ оныхъ, сколько ихъ

будеть, палить, токмо по Россійскому лозонгу, не въ равномъ числѣ. А по окончаніи оной пальбы, зачнется генеральной залпъ бѣглымъ огнемъ всѣми, въ парадѣ будущими, а именно: отъ праваго крыла лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку и слѣдуетъ оной до лѣваго крыла полевыхъ полковъ, а именно до Ингерманландскаго, двѣмя шеренги, по правой сторонѣ улицы, а потомъ — отъ лѣваго крыла, двѣмя жъ шеренгами, по лѣвой сторонѣ улицы возвратно, даже до конца лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку; а на послѣдокъ четыре гранодерскія, при пушкахъ обрѣтающіяся, роты. И оныя генеральные залпы трижды будутъ. А по послѣднемъ залпѣ, всѣ полки вдругъ на караулъ поставятъ и походъ въ барабаны ударятъ и, на-примѣръ, десять минутъ продолжать. Тогда сказать: на плечо! а потомъ всѣ офицеры и рядовые, поднявъ шляпы вверхъ, (будутъ) махать и трижды вскричать: вивать Анна, великая Императрица, вивать, вивать, вивать! И тако всѣ полки въ строю будутъ стоять, пока генералитетъ, по отда-ніи своего подданнѣйшаго поздравленія, указъ о роспускѣ полковъ получить. И по полученіи онаго, полки къ своимъ квартирамъ маршировать будутъ, а именно: гвардія напередъ, а потомъ полевые полки, мимо Ея Императорскаго Величества палатъ. Тогда генералитету, штабъ и оберъ-офицеромъ знаменами честь предъ окнами отдавать. И по окончаніи полки порядочно въ квартиры свои пойдутъ; токмо, прежде прибытія къ штабъ-офицерскимъ квартирамъ, не имѣютъ быть распущены.

12. Отъ начала пушечной стрѣльбы, даже до роспущенія полковъ, надлежитъ во всѣхъ церквахъ въ Санктъ Петербургѣ въ колокола звонить и на часахъ играть.

13. Съ вечера даже до полуночи во всемъ Петербургѣ наилучшимъ образомъ иллюминація будетъ, которая продолжится восемь дней.

14. Ежели Ея Императорское Величество на другой день, или спустя нѣсколько дней, изволитъ первой разъ въ Санктъ Петербургской крѣпости въ церковь Петропавловскую быть (которая въ тожъ время можетъ быть и освящена), то имѣютъ, какъ гвардія, полевые такъ и гарнизонные полки, отъ Ея Императорскаго Величества дворца, чрезъ рѣку Неву, даже до крѣпостныхъ воротъ и до той церкви по тому жъ, въ двѣ шеренги, въ парадѣ поставлены быть. И, по окончаніи божественной службы (или литургіи) съ Санктъ Петербургской и Адмиралтейской крѣпостей изъ пушекъ обыкновенно стрѣляютъ, а на-послѣдокъ изъ полковыхъ пушекъ и изъ ружья трижды выпалить, и полки, какъ вышеупомянуто, мимо дворца Ея Императорскаго Величества вестъ.

V. C. de Münnich.

* * *

Церемонія.

Шествіе Ея Императорскаго Величества имѣетъ быть слѣдующимъ порядкомъ:

Ея Императорское Величество соизволитъ въ вечеръ предъ шествіемъ своимъ, въ домъ, что бывалъ гр. Брюс-

са, у Литейнаго двора, войти и тамо почевать, а поутру къ шествію убираться. А близь того показаннымъ дворамъ для свиты и гофштату Ея Величества ко убору быть выгощеннымъ и вычищеннымъ. И на оной улицѣ, за часъ дни, Ея Величества и другія кареты и возки и протчая, что къ той церемоніи принадлежитъ, такъ же драгуномъ и гвардіи солдатамъ, кои на лошадяхъ, и иностраннымъ купцамъ, собраться, и по большой Артиллерійской улицѣ порядкомъ поставленнымъ быть. А потомъ вся оная церемонія мимо вышеннаго Брюсова двора пройдетъ. Церемонія жъ имѣетъ быть слѣдующимъ порядкомъ:

1. Почтъ-директоръ съ почтмейстерами и почтальонами поѣдутъ верхами, которымъ на почтовыхъ рогахъ трубить.
2. За ними капральство драгунское верхами.
3. Потомъ иностранное купечество каждой націи, въ равномъ мундирѣ, по два человѣка въ шеренгѣ, предъ которыми предводители изъ нихъ же.
4. Литаврщики и трубачи.
5. Поручикъ съ тридцатью драгунами.
6. Кареты господъ министровъ и генералитета и протчихъ знатныхъ особъ, цуками.
7. Дворцовые литаврщики и трубачи.
8. Офицеръ и двѣнадцать гранодировъ отъ гвардіи верхами.
9. Ея Императорскаго Величества конюшенные служители верхами.
10. Фуріеръ и Ея Императорскаго Величества лакеи верхами.
11. Ея Императорскаго Величества

пажи, съ ихъ гофмейстеромъ, верхами.

12. Офицеръ съ двадцатью гранодирами отъ гвардіи верхами.

13. Два гофъ Фуріера верхами.

14. Ея Императорскаго Величества придворные кавалеры, въ каретахъ цуками.

15. Его сіятельства господина оберъ-камергера (Бирена) карета.

16. Шестъкамеръ-юнкеровъ и шесть камергеровъ, верхами, по два человѣка.

17. Ея Императорское Величество, въ каретѣ, запряженной осьми лошадьми. По сторонамъ оной имѣютъ ѣхать верхами ихъ сіятельства господа: оберъ-камергеръ и оберъ-гофмаршалъ (гр. Левенвольдъ), ея величества генераль-адъютанты и подлѣ кареты пойдутъ пѣшкомъ Ея Величества гайдуки.

18. Ея Императорскаго Величества придворныя дамы въ каретахъ цуками.

19. Одинъ капитанъ съ пятьюдесяти, человѣки отъ кавалеріи въ замкѣ.

А когда Ея Императорское Величество изволитъ прибыть ко Исакіевской церкви, то у дверей оной встрѣтятъ Синодъ и протчіе духовные.

20. За Ея Императорскаго Величества фамиліей слѣдуютъ всѣ знатныя дамы, статскіе министры и гражданскіе служители; а Академія Наукъ принимаютъ Ея Императорское Величество на первой ступени нижняго крыльца.

21. Командованные вышеномянутые отъ гвардіи на лошадяхъ и драгуны, тако жъ иностранное купечество, имѣютъ быть поставлены во первыхъ предъ Исакіевскою церковью тако, чтобъ мимо оныхъ Ея Императорскому Величеству шествовать. А

по окончаніи божественной службы— на Адмиралтейскую эспланаду, противъ Ея Императорскаго Величества палатъ, и сидѣть отъ гвардіи гранодеромъ и драгуномъ на лошадяхъ, пока пѣхота роспущена будетъ; потомъ поставить два человѣка на караулъ, верхомъ, у первыхъ воротъ Ея Императорскаго Величества палатъ, которой караулъ быть имѣетъ впредь тамо порядочно содержать и смѣненъ, чего для надлежитъ оберъ-офицера съ тридцатью человѣки командовать, которой отъ Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантовъ получать будетъ приказы. Купечество же, какъ скоро Ея Императорское Величество въ свои палаты вступить изволитъ, то съ лошадей сядутъ и придутъ въ императорскія палаты, для отданія нижайшаго своего поздравленія.

22. На Адмиралтейской башнѣ надлежитъ на литаврахъ бить и на трубахъ трубить отъ начала Ея Императорскаго Величества пріѣзда даже до роспущенія полковъ.

23. Онымъ департаментомъ, которые Ея Императорское Величество всепокорнѣйше поздравлять имѣютъ, надлежитъ быть въ палатахъ Ея Величества, дабы въ шестви, въ нынѣшнюю стужу, тѣмъ Ея Величество не утрудить.

V. C. de Münnich.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КАТЕРИНЫ II-Й КЪ И. О. ГЛѢБОВУ (1).

I.

Иванъ Федоровичъ! Когда вы по отъѣздѣ нашемъ команду здѣсь возьмете, то пошлите въ полицію и во всѣ команды приказы для объявленія во всемъ городѣ нижеслѣдующаго содержанія:

1. Что какъ по именному нашему указу поручено вамъ главное надзираніе надъ симъ городомъ, то за первыи долгъ почитаете вы имѣть бдѣніе надъ всякою безопасностію жителей, а особливо отъ воровъ и разбойниковъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и по близъ лежащимъ къ оному дорогамъ, чего ради полиція имѣла бы всевозможное стараніе о недопущеніи до подобныхъ сему неистовствъ.

2. Чтобъ оберъ-полицеймейстеръ всѣмъ хозяевамъ подтвердилъ, дабы въ ночное время всякій изъ нихъ ворота запираетъ, и кому возможно, ночныхъ на дворѣ сторожей и собакъ имѣлъ; не менѣе того смотрѣлъ бы, чтобъ ночные патрули неослабно по предписанному имъ разстоянію разъѣзжали и сами никакихъ шалостей не чинили, а еще менѣе время имъ для ѣзды предписанное проводили на

(1) За сообщеніе этихъ писемъ (въ точныхъ копіяхъ) мы обязаны академикъ М. П. Погодину, а за дозволеніе обнародовать ихъ — князю М. В. Глѣбову-Стрѣшневу-Шаховскому, которому принадлежатъ самые подлинники.

И. О. Глѣбовъ начальствовалъ въ Петербургѣ во время пребыванія императрицы въ Москвѣ и путешествія ея по Волгѣ въ 1767 году. Государыня покидала Петербургъ на цѣлый годъ.

И. Б.

кабакахъ, или въ иномъ какомъ непристойномъ мѣстѣ.

3. Въ случаѣ надобности имѣете вы какъ отъ остающагося здѣсь надъ гвардіею командира требовать, такъ и армейскому приказать ⁽²⁾, чтобъ въ пристойныхъ мѣстахъ поставлены были пикеты, а когда нужда потребуетъ, тобъ и пѣшіе патрули посыланы были по улицамъ.

Внизу: получено 5 февраля 1767. № 2.

II.

Секретно.

Указъ нашему генералу Гльбову.

Въ отсутствіе наше въ Москву, слушающіяся здѣсь по бывшей тайной канцеляріи дѣла ввѣряемъ въ единственное ваше вѣдѣніе.

Екатерина.

Имя императрицы, равно какъ надпись вверху: «секретно» писаны ея собственной рукою.

Внизу: февраля 1767 года. С. Петербургъ.

III.

Указъ нашему генералу-аншефу и сенатору Гльбову.

Чрезъ сіе препоручаемъ вамъ, какъ старшему въ остающихся здѣсь Сената департаментахъ, во время отсутствія нашего въ Москву, главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка въ здѣшнемъ столичномъ городѣ, всевысочайше притомъ повелѣвая, чтобъ вы о всѣхъ оставшихся въ Санктпетербургѣ разныхъ командахъ имѣли свѣдѣніе и, принимая отъ нихъ ре-

⁽²⁾ Съ боку приписано: также и адмиралтейскому.

порты, командирамъ ихъ на всякіе случаи и происшествія давали свои наставленія; почему вы кромѣ обыкновенныхъ сенатскихъ репортовъ можете доносить прямо на имя наше реляціями какъ о состояніи города, такъ и о добромъ во всѣхъ мѣстахъ порядкѣ. Но чтобъ вы, будучи главнымъ въ городѣ командиромъ, не имѣли недостатка въ содержаніи по характеру своему благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней и для какихъ либо знатныхъ проѣзжающихъ чужестранныхъ, которые нерѣдко у васъ случиться могутъ, повелѣваемъ вамъ получать изъ статсъ-канторы на столъ, пока мы въ отсутствіи пробудемъ, по пяти сотъ рублей на мѣсяць и оное время жить вамъ въ домѣ нашемъ, въ которомъ и пристойной караулъ гвардіи подъ вѣдомствомъ вашимъ находится будетъ.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: февраля 7 дня 1767 года. Въ Санктпетербургѣ.—Полученъ февраля 7. № 5.

IV.

Иванъ Федоровичъ! Реляціи ваши отъ 12 и 19 чиселъ сего мѣсяца я получила и читала съ удовольствіемъ, особливо послѣднюю, приписывая все порядочное состояніе ввѣренныхъ вамъ мѣстъ вашему хорошему распоряженію и старанію, въ чемъ и пріѣзжающіе сюда изъ Петербурга мнѣ свидѣтельствуютъ, что вашимъ похвальнымъ учрежденіемъ все находится у васъ въ тишинѣ и спокойствіи. Я, ожидая и впредь по извѣстному мнѣ

усердію вашему и попеченію такихъ пріятныхъ вѣдомостей, пребываю вамъ какъ и всегда доброжелательною.

Екатерина.

За проздравленіи ваши съ моимъ сюда пріѣздомъ благодарствую.

Имя императрицы и слѣдующія за симъ строки писаны ея собственной рукою.

Внизу: 26 февраля 1767. Москва.—Получено марта 4 числа. № 6.

V.

Иванъ Ѳедоровичъ! Приложенной пакетъ прикажите отослать къ архитектору Риналдію. Слышу я отъ Н. И. Чичерина, что восемьдесятъ тысячъ четвертей хлѣба, кои мы оставили въ лабазахъ въ Питербурхѣ, почти въ расходъ; со мною же великое число людей убыло изъ города, а при мнѣ болѣе четырехъ тысячъ четвертей въ недѣлю рѣдко расходилось: какъ же сдѣлалось, что въ четыре недѣли оберъ-полицеймейстеръ, такъ сказать, промоталъ по двадцати тысячъ на недѣли четвертей? Прикажите ему, чтобъ онъ оглянулся; у него, подъ видомъ тѣмъ что въ уѣздъ требуютъ, таскаютъ въ Новгородъ, гдѣ нынѣ по четыре рубли за четверть, и скажите ему, что не все положиться на одномъ приказномъ порядкѣ и на томъ и заснуть. У Н. И. Чичерина бывало съ каждымъ почти цѣлая негоціяція, какъ придутъ требовать ерлыки для выпуска въ уѣздъ, и наконецъ добромъ уговорить, что иногда на третьей долѣ согласятся. Пожалуй, прикажите прислать ко мнѣ, куда сколько и кому въ уѣздъ съ моего отъѣзда отпущено по полицейскимъ ерлыкамъ; а естли въ круглой годъ по двадцати тысячъ

на недѣли будутъ продавать, то не менѣе осмисотъ тысячъ въ годъ надобно будетъ, а столько въ Питербурхѣ и рѣдко привозятъ. Сверхъ того, что болѣе хлѣба изъ Питербурха отпущать въ уѣздъ, то болѣе въ упадокъ придетъ хлѣбонашество, и то, что нынѣ заведено, пропадетъ; ибо пашутъ, боясь запрещенія, что изъ города къ нимъ отпущено ничего не будетъ что недавно предъ моимъ отъѣздомъ подтверждено. А какъ увидятъ, что господинъ графъ Толстой столь къ нимъ снисходителенъ, что отпускаетъ всякому по его требованію, то не скоро можно будетъ, чтобъ ихъ паки довести до такого пункта, какъ Н. И. ихъ оставилъ. Пожалуй, Иванъ Ѳедоровичъ, смотрите за нимъ, чтобъ онъ и магазинъ въ мѣсяцъ не промоталъ, ибо ни откуда взять будетъ. Въ прочемъ, желая вамъ здравствовать, остаюсь навсегда къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Марта 25 ч. 1767.

Всѣ пріѣзжіе изъ Питербурха весьма хвалятъ тишину и безопасность, съ которою живутъ подъ вашимъ начальствомъ, чему весьма радуюсь.

Все письмо писано рукою императрицы.

VI.

Указъ нашему генералу Глѣбову.

Въ обыкновенной подарокъ возвращающемуся изъ Санктпетербурга въ Варшаву Польскаго двора посольства секретарю Глеру повелѣваемъ отпустить изъ Петербургской статсъ-конторы въ контору коллегіи иностран-

ныхъ дѣлъ шесть сотъ рублевъ серебромъ монетою. *Екатерина.*

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: въ Москвѣ 2-го Апрѣля 1767-го. — № 8. Полученъ Апрѣля 14 числа 1767.

VII.

1767 г. Апрѣля 30 число изъ Твери.

Иванъ Ѳедоровичъ! Чрезъ сіе увѣдомляю васъ, что я третьева дни выѣхала изъ Москвы, а вчерашній день въ девять часовъ ввечеру сюда благополучно пріѣхала. Сегодня здѣсь остаюсь, а завтра день означу для отъѣзда; суда всѣ въ готовности, и мая эскадра украшаетъ здѣшняго города; погода же такъ хороша, какъ лутче и пріятнѣе быть не можетъ. Я почаще къ вамъ съ дороги писать буду или сама или чрезъ другихъ, дабы вы знать могли, гдѣ я, и такъ же удовольствовать любопытныхъ, кои у васъ навѣдываться будутъ; а еслии иногда заблагоразсудите и для напечатанья въ Санктпетербургскихъ газетъ; а при семъ краткой журналъ нашего пути сообщаю, желая вамъ здравствовать и быть такъ здорову и веселу, какъ я и всѣ при мнѣ находящіеся.

Екатерина.

Чужестранные почти всѣ министры поѣхали меня встрѣтить въ Ярославль. Ваши же письма можете адресовать къ графу Солтыкову въ Москву, который ко мнѣ оныя перешлетъ съ ежедневными куріерами.

Все письмо писано рукою императрицы.

VIII.

Иванъ Ѳедоровичъ! На письмо ваше отъ 23 Апрѣля симъ отвѣтствую, что

о недостаткѣ у васъ въ хлѣбѣ я приказала ген: полицеймейстеру Чичерину къ вамъ писать, какія ему о томъ отъ меня велѣно взять мѣры. А что купецъ Кирило Поповъ проситъ, чтобы ему дозволено было хлѣбъ возить изъ Гданска и Кенигсберга, то, хотя его челобитье еще и не дошло, но то весьма убыточное дѣло, а лутче бы ему закупать въ нашихъ Остзейскихъ городахъ и возить въ Питербургъ, и въ такомъ случаѣ я съ радостію его облегчу отъ тамошней на вывозимой хлѣбъ таможни; ибо сіе не есть вывозъ изъ государства, но внутренняя коммерція; и подъ сими кондиціями можно было и Лифлянцовъ и Естлянцовъ склонить на привозъ нѣкотораго числа хлѣба нынѣшнимъ лѣтомъ въ Питербургъ. Посмотрите, не можете ли на сіе сыскать охотниковъ, о чемъ предоставляю вамъ взять приличныхъ мѣръ, и тѣмъ наипаче легко будетъ, еслии цѣны сходятствуютъ. Въ прочемъ желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Маія 1 ч. изъ Твери.

Завтра поѣду отсель и чрезъ четыре дней буду въ Ярославль.

Приложенное письмо пошлите пожалуйста къ архитектору Ринальдю.

Все письмо писано рукою императрицы.

IX.

Изъ Углича 6 ч. Маія 1767.

Иванъ Ѳедоровичъ! Видѣла я у Н. И. Чичерина челобитную Попова о дозволениі изъ Гданска и Кенигсберга привозить хлѣбъ въ Питербургъ. Сіе есть дѣло страшное, ибо онъ тамо будетъ покупать нашъ же

Остзейской хлѣбъ, а лутче обратите его мысли на наши Лифляндскіе города и ищите охотниковъ оттуда привозить вмѣсто того, что они отпускаютъ за море; а я въ томъ обещаю облегченіе въ пошлинѣ такое, чтобы цѣны сходственны могли быть съ Питербургскими, о чемъ можете снестись съ г. Броуномъ и съ Ревельскимъ оберъ-коменд: Тизенгаузенемъ, дабы потрудились сыскать охотниковъ. А сверхъ того обещаю прейзавъ награжденіе за первую четверть, кто отудова привезетъ; и на сихъ прейзахъ можно бы тысячи до три рублей потерять, лишь бы хлѣбъ навезли. Отъ сихъ мѣстъ начали возить, и Тверскіе и Торжскіе обѣщались довести до Питербурга, а Чичеринъ со мною ѣдитъ съ тѣмъ, чтобъ всѣхъ поощрять и уговаривать къ привозу хлѣба въ Питербургъ, и надѣюсь сыты будете. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. Мы всѣ здоровы.

Екатерина.

Все письмо писано рукою императрицы.

X.

Изъ Улицы 6 ч. Маія 1767.

Иванъ Ѳедоровичъ! Я сегодня, хотя къ вамъ и писала о обѣщаніи за привозъ хлѣба въ Питербургъ прейзовъ; но какіе оныя поставлены не предписано: при семъ онымъ краткое примѣрное⁽³⁾ росписаніе прилагаю, по которому какъ Питербургскимъ, такъ и чрезъ господъ Броуна и Тизенгаузена тамошнимъ хлѣбнымъ промышленникамъ извольте сообщить и что еще

⁽³⁾ Слово: «примѣрное» писано надъ строкою, равно какъ внизу имя императрицы, ея собственной рукою.

сверхъ всего золотыми медалями величиною по приличности награждены будутъ.

Екатерина.

Росписаніе прейзамъ.

Кто въ Маѣ привезетъ прежде всѣхъ, тому наградить шесть сотъ рублей. Кто въ Маѣ жъ, хотя и послѣ, но больше всѣхъ, тому тысячу рублей.

Кто въ Іюнѣ прежде привезетъ, тому выдано будетъ четьреста рублей.

Кто же въ Іюнѣ больше привезетъ, тому семь сотъ рублей.

Кто въ Іюлѣ прежде привезетъ, тому триста рублей.

А кто больше, тому пятьсотъ рублей.

А кто во всѣ тѣ мѣсяцы привезетъ больше всѣхъ, тому тысячу рублей.

Что императрицу весьма озабочивала дороговизна хлѣба, оказавшаяся въ одну изъ торжественныхъ эпохъ ея царствованія, во время съѣзда въ Москву депутатовъ,—видно также изъ весьма замѣчательнаго *секретнаго* указа отъ 5 Іюля 1767 г., посланнаго воеводѣ города Балахны Крапивину и напечатаннаго въ Чтеніяхъ Общ. Ист. 1847—1848, кн. I-я. Указъ этотъ свидѣтельствуетъ, что хлѣбъ дорожалъ въ Россіи съ 1762 г.

XI.

На галерѣ Тверь, проѣхавъ Кострому, Маія 16 ч. 1767.

Иванъ Ѳедоровичъ! При отъѣздѣ моемъ изъ Ипатского монастыря, гдѣ вчерась цѣлой день проводила и угощена была Костромскимъ дворянствомъ во всемъ отличнымъ образомъ, получила ваше письмо отъ 7 ч. сего мѣсяца. Мы всѣ здоровы окромѣ Захара Григорьевича⁽⁴⁾, которой ушибъ больно ногу; и продолжали путь изъ

⁽⁴⁾ Чернышова.

Ярославля съ пятью иностранными министрами, кои изъ Москвы въ Ярославль выѣхали мнѣ на встрѣчу, а именно Цесарской, Датской, Прусской, Шпанской и Саксонской. И они всѣ приписываютъ честь господамъ Костромичамъ, что у нихъ все происходило съ такимъ порядкомъ, усердіемъ, благопристойностью, какъ лутче видить нигдѣ не можно, и удивились множеству дворянъ съ ихъ женами, кои мы тамо нашли. Я надѣюсь, естьли Богъ велитъ, Троицынъ братъ въ Казани. Весьма хорошо, что вы сдѣлали съ тамошнымъ долгомъ покойнаго Боссета, кажется, публичной характеръ консула не дозволить солгать въ подпискѣ. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. *Екатерина.*

Все письмо писано рукою императрицы.

XII.

Иванъ Ѳеодоровичъ! Реляцію вашу касательно привоза изъ Лифляндіи и Эстляндіи въ Питербургъ хлѣба я получила и сдѣланное отъ васъ о томъ распоряженіе апробую; а между тѣмъ, пока вы на сообщенія ваши отъ генерала-губернатора Броуна и оберъ-коменданта Тизенгаузена получите отвѣтъ, прикажите обѣщанныя медали на монетномъ дворѣ заготовить на счетъ кабинета, дабы оныя, кому надлежитъ, безъ задержанія даны быть могли, такъ же и обѣщанныя деньги велите всякой разъ въ срокъ выдать безостановочно⁽²⁾. Я сегодня отсюда возвращаюсь въ Москву. Впро-

(2) Слова: «такъ же и обѣщанныя деньги велите всякой разъ въ срокъ выдать безостановочно» приписаны съ боку рукою императрицы, равно какъ ея имя и приписка внизу.

чемъ пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

P. S. Принцу Голштейнъ Беку сообщите такъ же то, что уже Тизенгаузену сообщено, не упоминая о прежнемъ сообщеніи, и дайте мнѣ отчасти знать, какъ продажа Эстляндскаго хлѣба въ Питербургъ съ рукъ идетъ.

8 Юня 1767. Сибирскъ. — Получено 16. № 14.

XIII.

Иванъ Ѳеодоровичъ! Письмо ваше, отправленное 18 Юня, я получила, изъ котораго усмотрѣла съ удовольствіемъ, что изъ Ревеля и Риги близь пяти тысячъ четвертей ржи въ Петербургъ прибыло. Что же вы произвести преізы остановились, усумнясь почитать ли за дѣйствительной привозъ хлѣба въ тѣхъ судахъ, которыя, хотя въ Петербургъ и не вступятъ, но остановятся при Кронштатскомъ портѣ; то отвѣтствую, что какъ Петербургомъ кормится Кронштатъ, то и слѣдуетъ выдать преізы перваго привоза тому кораблю, которой прежде прибылъ, хотя присталъ въ Кронштатъ; естли же онъ первой прибылъ въ Петербургъ, не остановясь въ Кронштатѣ, то не менѣе первый за привозъ хлѣба преізы сему кораблю принадлежитъ. А понеже изъ письма вашего видно, что Ревельскіе жители День и Эбергардъ только одни въ Маіѣ мѣсяцѣ рожъ въ Кронштатъ доставили, то оба преіза имъ и принадлежатъ, ибо они первые привезли хлѣбъ, и болѣе всѣхъ привезли, потому что никто не привезъ кромѣ

ихъ. И хотя бы право ихъ къ получению сихъ преизовъ не такъ ясно было, какъ оно дѣйствительно есть, то они уже и за то одно достойны награжденія, что они сего привоза нуть открыли. Награжденіе же сіе прикажите произвести изъ соляной конторы на счетъ будущей полицейской суммы; а медали можно выдать двѣ. по одной при каждомъ преизѣ, въ пятнадцать и въ дватцать червонныхъ на первой случай, хотя съ коронаціоннымъ штепелемъ; а для переду прикажите профессору Штелину сдѣлать рисунокъ для сего случая съ коронаціоннымъ же штепелемъ: можетъ быть, готовыя есть у моего бібліотекаря Константинова ⁽⁶⁾; естли же нѣтъ, то прикажите сдѣлать изъ Кольванскаго золота на монетномъ дворѣ. Что касается до принятыхъ вами мѣръ о продажѣ Ревельскаго хлѣба, то оныя довольно показываютъ, сколько вы имѣете о семъ дѣлѣ попеченія, за что я вамъ весьма благодарю; а изъ нескорой распродажи онаго довольно видно, что въ Петербургѣ не такой недостатокъ въ хлѣбѣ, какъ наши корыстолюбивые въ семъ торгѣ промышленники разгласить стараются. Естли оной привозной хлѣбъ пнако продать не можно будетъ, то генералъ-полицеймейстеръ, буде цѣны чуть сходны будутъ, купить оной въ свой магазинъ; а кажется можетъ и то распродажѣ оной ржи споспѣшествовать, что промышленники намѣрились оную перемолоть въ муку. Однако и сіе показываетъ, что большаго недостатка нѣтъ, въ чемъ и при-

(6) Зятя Ломоносову.

ложенная отъ васъ вѣдомость о привозѣ Россійскаго хлѣба, кажется, подаетъ надежду. И удивительно только, что уѣздные жители сію рожь на сѣмена не раскупаютъ; а мнѣ извѣстно, что и въ Ямбургѣ для новой колоніи искали такой ржи для посѣву, о чемъ вы можете приказать тамошнему ассесору Старкову, или къ Барклановскому ⁽⁷⁾ дать знать, дабы они, естли у нихъ еще настоить нужда и способность къ перевозкѣ имѣютъ, оною рожью снабдиться могли. Въ прочемъ все вами прилагаемое стараніе о сей роскупкѣ мнѣ весьма пріятно, не меньше и то, что во всѣхъ вамъ ввѣренныхъ мѣстахъ находится все благополучно. Послѣднее ваше письмо отъ 21-го Іюня я получила, и пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

29 Іюня 1767.

Москва.

Получено 3 Іюлія по нарочной эстафетѣ. № 17.

XIV.

Иванъ Ѳедоровичъ! Каковъ отъ меня на реляцію вашу отъ 4-го Іюня, данъ Эстляндскому генералу губернатору принцу фонъ Голштейнъ-Бекъ указъ, о беззадержательномъ изъ Ревеля въ Петербургъ пропускѣ съ рожью судовъ, со онаго при семъ посылаю къ вамъ точную копію, пребывая, какъ и всегда, вамъ доброжелательною.

Екатерина.

6 Іюля 1767. Москва.

(7) Слова: «или къ Барклановскому», вверху строки, равно какъ внизу имя императрицы, писаны ея собственною рукою.

Русскій Архивъ. 12.

Письмо же ваше 11 Юня я сегодня получила, а третьею дни я сюда возвратилась изъ похода. А сей часъ слышу отъ С. М. Кузмина⁽⁸⁾, что вы желаете ѣхать въ Ораніенбаумъ и Кронштатъ, на чтò я весьма согласна: пожалуй, побывайте и въ Царскомъ Селѣ и посмотрите, каково тамъ землю распахали и каковъ хлѣбъ, ибо я сама тамо веду нѣкоторымъ образомъ экономію.

Имя императрицы и приписка внизу писаны ея собственной рукою.

XV.

Иванъ Ѳедоровичъ! На реляцію вашу отъ 9-го числа сего мѣсяца отвѣтствую. 1-е) Хотя безъ сомнѣнія соляная контора по сообщенію вашему назначенные за привозъ ржи преізы выдаетъ безъ задержанія, однако жъ для избѣжанія всѣхъ канцелярскихъ формалитетовъ потрудитесь впредь такія выдачи истребовавъ отдавать сами или кому вы особливо оную выдачу поручите, дабы ни малѣйшаго задержанія не было. 2-е) Что хлѣбные промышленники просятъ медали со особливымъ на сей случай изображеніемъ, оное я приписывая ихъ усердію, посылаю при семъ апробованной мною рисунокъ медали, по которому прикажите сдѣлать и имъ роздайте. 3-е) Что касается до купцовъ Аренбургскаго Деллингсгорзена, да Ревельскаго Дуберга, то, хотя и они по усердію своему заслуживаютъ награжденіе, но какъ имъ по учиненному о преізахъ учрежденію оное не слѣдуетъ, назначенные же на Іюль мѣсяць преізы должны даны быть

(8) Статсъ-секретаря.

тѣмъ, кои въ семь мѣсяцѣ оныя заслужать: того ради милосердуя объ нихъ, чтобъ и они въ убыткѣ не остались, объявите моимъ именемъ адмиралитетской коллегіи, чтобъ она по извѣстной мнѣ ей въ хлѣбѣ надобности оную привезенную ими рожь отъ нихъ приняла и деньги за оную выдала, естли не свыше трехъ рублевъ четверть оную продадутъ; естли же они по увѣщанію вашему за оную цѣну не отдадутъ, то излишнее сверхъ трехъ рублевъ за четверть прикажите добавить имъ изъ соляной конторы. Впрочемъ сдѣланныя вами по сему дѣлу распоряженія я пріемлю съ благоволеніемъ, пребывая вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: 16 Іюля 1767. Село Коломенское. Получено Іюля 22 ч. 1767. № 16.

XVI.

Иванъ Ѳедоровичъ! Я не хотѣла васъ безъ увѣдомленія оставить, что вчерашняго дня учинено открытіе комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, а какимъ образомъ оное происходило, о томъ приказала васъ при семъ обстоятельно увѣдомить посылая при томъ къ вамъ копію⁽⁹⁾ съ присяги депутатской и съ той рѣчи, которую отъ меня депутатамъ читаль вице-канцлеръ.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: 31 Іюля 1767. Москва.

(9) Копій у насъ не имѣется, а подробности см. ниже на стр. 361—364.

XVII.

Иванъ Ѳедоровичь!

На сихъ дняхъ получили мы по Петербургской почтѣ пакетъ, подписанный о великоважномъ государственномъ секретномъ дѣлѣ на имя наше, по разсмотрѣннн жъ онаго нашли мы въ томъ пакетѣ экстрактъ и экспликацію отъ Устюжскаго купца Бабкина, кое мы разсматривали; по разсмотрѣнню жъ, во оныхъ экстрактѣ и названной экспликаціи никакихъ важныхъ секретныхъ дѣлъ нами не усмотрено, а увидѣли мы онаго Бабкина человѣка совсѣмъ въ разумѣ или, лучше сказать, и въ жизни развращеннаго, почему уже больше бъ и нужды не было объяснять его заблужденія, а только бъ наказать его по законамъ должно, какъ вряя и дерзкаго человѣка. Но мы, снисходя по челоѣколюбію нашему, сей его дерзкой поступокъ оставляемъ ему нынѣ безъ наказанія, а чтобъ онъ впредъ такихъ ложныхъ мыслей о себѣ, что какъ бы онъ свѣдущій государственныя положенія, отнюдь не имѣлъ, то мы, желая его отъ такого заблужденія отвратить, повелѣваемъ вамъ, призвавъ его къ себѣ, объявить: 1-е, Что касается до укрѣпленія границъ, то совсѣмъ сіе никогда на него возлагаемо не было, да и возложено быть не можетъ. 2-е О учрежденіи коммерціи дѣло есть не его попеченія и смысла. 3-е О учрежденіи жъ Государственнаго Банка и о дѣлѣ мѣдной монеты отнюдь мысли его не только не нужны, но и совсѣмъ не надобны, потому что о благосостояннн и пользѣ государственной довольно есть попе-

ченія (кромѣ его самыхъ слабыхъ и съ разумомъ несходныхъ прожектовъ). 4-е приписываетъ онъ Бабкинъ себѣ въ выслугу то, что будто бъ таможенные сборы умножены и на откупъ не отданы по его представленіямъ, то и на сіе ему сказать, что таможни на откупъ не отданы отнюдь не по его представленіямъ, слѣдовательно и выслуги его въ томъ нѣтъ. 5-е Наконецъ подпискою его обязать, чтобъ онъ отъ сихъ ложныхъ мыслей себя старался конечно изцѣлить, а пользовался бъ по званію своему торговымъ промысломъ, впредъ же никакихъ своихъ прожектовъ и доношеній подавать не осмѣливался, ибо и прежде сего ему отъ комиссіи о комерціи о неподачѣ челобитенъ и прожектовъ, такъ какъ и о томъ, чтобъ онъ жилъ въ Устюгѣ, по нашему указу уже объявлено было, но онъ и за тѣмъ нынѣ еще насъ утруждать отважился. А естли и за симъ онъ Бабкинъ дерзнетъ подачею какихъ доношеній впредъ насъ или наши правительства утруждать, то тогда повелимъ мы поступить съ нимъ какъ съ неспокойнымъ челоѣкомъ по законамъ. По объявленнн жъ сего нашего повелѣннн отправить его въ Устюгъ, какъ того града гражданина, откуда уже его въ наши резиденціи отпускать не велѣтъ.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукой.

Внизу: въ Москвѣ. 10 Августа 1767.—Получ. 16 ч. № 18.

XVIII.

Иванъ Ѳедоровичь! Извольте дать Елагину надежнаго гвардіи офицера

12*

для посылки ко мнѣ съ большою моею короною, которая мнѣ здѣсь надобна для аудіенціи Дисидентскаго Посольства.

Екатерина ⁽¹⁰⁾.

Внизу: получено Августа 19, 1767. № 18.

XIX.

Иванъ Ѳедоровичь! Пришлите ко мнѣ планъ той аванзалы, которая предъ тронною залою на Неву рѣку, гдѣ вольные маскарады были. Я думаю, что планъ сей залы въ гофъ-интендантской или въ конторѣ отъ строенія зимняго дворца; господинъ Козминъ извѣститъ васъ о вчерашномъ производствіи.

Екатерина ⁽¹¹⁾.

Внизу: 13 Августа 1767. Москва. — Получено Августа 19 ч. № 21.

XX.

Иванъ Ѳедоровичь! Въ слѣдствіе того, что Никита Ивановичъ Панинъ пишетъ теперь по волѣ моей къ прибывшему въ Санктпетербургъ Мартинискому интенданту Де ла Ривіеру, извольте вы съ своей стороны сказать ему что вы имѣете отъ меня повелѣніе: 1-е нанять для него пристойный домъ, употребляя на наемъ помѣсячно сто рублей или же тѣ сто рублей выдавать каждой мѣсяцъ ему, дабы онъ самъ себѣ квартиру пріискалъ и нанялъ, 2-е на уборъ нанимаемой квартиры выдать ему нынѣ въ одинъ разъ

⁽¹⁰⁾ Слова: «для аудіенціи Дисидентскаго Посольства», равно какъ внизу имя императрицы писаны ея собственной рукою.

⁽¹¹⁾ Слова: «Я думаю, что планъ сей» и пр., равно какъ имя императрицы писаны ея собственной рукою.

тысячу рублей, а напослѣдокъ 3-е производить ему на содержаніе дома по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, считая со дня пріѣзда его въ Санктпетербургъ. Выдачу денегъ имѣете вы производить по сему моему повелѣнію изъ статсъ-конторы, а впрочемъ пребываю я вамъ благосклонна.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: въ Москвѣ, 9 Октября 1767 года. — Получено Октября 15 ч. 1767. № 23.

XXI.

Иванъ Ѳедоровичь! Фельдмаршала Миниха сынъ графъ Минихъ сказывалъ мнѣ вчера, что отецъ его крайне болѣнъ; но какъ ему туда ѣхать никакъ не можно, ибо онъ самъ болѣнъ, то прикажите въ случаѣ смерти фельдмаршала вдовѣ его сказать, что вы имѣете уже повелѣніе отъ меня, чтобъ при погребеніи его ему приличная военная почестъ отдана была, чего ради прилагается при семъ то, что о томъ учреждено было при похоронахъ графа Бутурлина ⁽¹²⁾. При томъ велите у фельдмаршалши спросить, не надобенъ ли ей кто для отправленія сихъ печальныхъ учреждений и придайте ей кого вы изберете, ибо пасынокъ ея боится, что она не будетъ имѣть на кого бы въ семъ случаѣ положиться можно было.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: 21 Октября 1767. Москва. — Получено Окт. 26 ч. въ 9 часу полуночи.

⁽¹²⁾ См. ниже стр. 376.

XXII.

Иванъ Ѳедоровичь! Господинъ Ларивьеръ представляетъ, что сверхъ полученныхъ имъ изъ моей казны на дорогу денегъ, издержалъ онъ своихъ собственныхъ на путевыя издержки семь тысячъ восемь сотъ французскихъ ливровъ. Я не хочу, чтобъ его къ моему двору прїѣздъ ему что либо стоилъ. Извольте взять изъ статсъ-конторы столько денегъ, сколько по курсу произведетъ означенная сумма ливровъ и вручите оныя господину Ларивьеру. Я пребываю вама благоклонна.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: Въ Москвѣ, 7-го Ноября 1767 г.

XXIII.

Иванъ Ѳедоровичь! Нынѣшняго мѣсяца 19 или 20-го числа намѣрена я, если Богъ изволитъ, отсюда ѣхать въ Петербургъ и уповаю въ дорогѣ пробыть не болѣе пяти дней, о чемъ не хотѣла оставить васъ безъ увѣдомленія, пребывая вамъ, какъ и всегда, доброжелательна.

Екатерина.

Имя императрицы подписано ея собственной рукою.

Внизу: 6 Генваря. 1768. Москва.

Приложеніе.

I.

Письмо къ И. Ѳ. Гльбову статсъ-секретаря Козмина.

Милостивый государь мой Иванъ Ѳедоровичь! Вчера учинено открытіе комисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія слѣдующимъ порядкомъ. По высочайшему ея

императорскаго величества повелѣнію объявлено отъ Сената господамъ депутатамъ, чтобъ они по утру собрались въ Чудовъ монастырь. Ея величество того утра въ десятомъ часу, въ коронѣ и мантии, изволила шествовать изъ Головинскаго дворца, въ провожаніи его императорскаго высочества, всѣхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ и за эскортомъ кавалергардскаго корпуса, въ Успенской соборъ. По прибытіи ея величества въ церковь генераль-прокуроръ съ жезломъ повелъ господъ депутатовъ по два въ рядъ въ оной соборъ, по чемъ началась литургія, а по окончаніи оной молебень съ колѣнопреклонною молитвою. Послѣ того чтена присяга, по прочтеніи которой ея величество изволила итти въ Кремлевской дворецъ, а господа депутаты между тѣмъ подписывались къ присягѣ. По окончаніи оной генераль-прокуроръ повелъ ихъ прежнимъ порядкомъ въ Кремлевскую аудіенцъ-залу, гдѣ ея величество ихъ на тронѣ ожидать изволила. Генераль-прокуроръ представилъ ихъ ея величеству, при чемъ преосвященный митрополиту Новгородскій, яко депутатъ святѣйшаго Синода, говорилъ ея величеству рѣчь, на которую именемъ ея императорскаго величества господинъ вице-канцлеръ приложенною рѣчью отвѣтствовалъ. По окончаніи оной ея императорское величество изволила всѣхъ депутатовъ жаловать къ рукѣ, по окончаніи чего тою же церемоніею изволила возвратиться въ Головинской дворецъ уже въ четвертомъ часу по полудни. Сегодня по утру господа депутаты собрались въ Грановитую палату, гдѣ всегдашнее ихъ собраніе будетъ, и выбирали кандидатовъ въ депутатскіе предводители. Ея императорское величество изволила изъ сдѣланнаго надъ Грановитою палатою стариннаго такъ называемаго тайника инкогнито смотрѣть сей выборъ, и не можно было довольно надивиться, съ какою тишиною и благоговѣніемъ все въ семь толь многочисленномъ собраніи происходило, ибо однихъ депутатовъ было тутъ четыреста тридцать человекъ. Все сіе по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію донеся, имѣю честь быть

съ должнымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Сергѣй Козмищъ.

31 Іюля 1767.

Москва.

II.

Вице-канцлерова рѣчь къ депутатамъ, послѣ присяги представшимъ лицу Ея Императорскаго Величества ⁽¹³⁾.

Господа депутаты!

Ея императорское величество съ удовольствіемъ видитъ здѣсь нынѣ предъ престоломъ своимъ собранныхъ депутатовъ правительствъ ея имперіи и всѣхъ скипетру ея подвластныхъ народовъ, въ слѣдствіе созвавшаго васъ ея манифеста отъ 14 Декабря 1766 года.

Ея императорскаго величества матернему, нѣжному ко своему народу, сердцу весьма пріятно было усмотрѣть, съ какимъ усердіемъ принято сіе ея повелѣніе во всякомъ родѣ людей и что всѣхъ души соединились въ томъ, чтобы своими представленіями споспѣшествовать великому тому дѣлу, для котораго имъ велѣно прислать васъ въ сію древнюю столицу. Со стороны ея императорскаго величества въ вышеназаченномъ достопамятномъ манифестѣ сказано уже, что ея желаніе есть видѣти свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе простираться можетъ на сей землѣ: слова, кои ея императорскому величеству ото двя возшествія ея до сего дня во всѣхъ ея предпріятіяхъ служили правиломъ, которому, подъ благословіемъ Божиимъ и всѣ ея успѣхи приписать должно, и возбудили ту довѣренность и дѣтскую любовь къ ея особѣ, которую не только во всякомъ изъ предстоящихъ здѣсь нынѣ легко примѣтить можно, но которая наипаче ясно оказывается изъ составовъ многихъ вашихъ наказовъ. И такъ не осталось ея импера-

торскому величеству инаго ничего желать и вамъ повелѣвать, какъ только то, чтобы съ помощію всѣхъ благъ Подателя, истинну любящаго, всемогущаго Бога, предъ лицемъ Его, принесши мольбы и призвавъ Его въ помощь и обязавшія предъ Нимъ, вы сюда сего дни предстали нынѣ приступить къ такому великому дѣлу, къ которому вы призваны и для котораго въ правило вамъ вручается отъ рукъ ея императорскаго величества наказъ и обрядъ управленія комисіи о составленіи проекта новаго уложенія для поднесенія ея императорскому величеству на высочайшую ея конфирмацію.

Начинайте сіе великое дѣло и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское доброправія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и о блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

Вы имѣете случай прославить себя и вашу вѣкъ и пріобрѣсти себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ.

Отъ васъ ожидаютъ примѣра всяя подсолнечныя народы: очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и нуть къ оной вамъ открыть; отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныхъ.

Наконецъ ея императорское величество, будучи совершенно увѣрена, что каждый изъ васъ впечатлѣтъ въ сердце своемъ все сіе и къ исполненію приступить съ такимъ радѣніемъ, прилежаніемъ и любовію къ отечеству, какъ сама ея императорское величество тому примѣръ подала, составляя наказъ для сей важной комисіи, уполномочиваетъ васъ нынѣ приступить къ начатію вамъ повѣреннаго дѣла.

Идите къ сему съ миромъ!

⁽¹³⁾ Вице-канцлеромъ былъ тогда кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ.

КАНЦЕЛЯРІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

Приказъ. 1789 г. Февраля 16 д. О говѣніи въ великій постъ всѣмъ служителямъ канцелярїи Правительствующаго Сената съ раздѣленіемъ онаго на девъ недѣли, на первую и послѣднюю.

Въ наступающую нынѣ четырехдесятницу надлежитъ непремѣнно всѣмъ служителямъ канцелярїи Сената говѣть. А потому о семъ не только каждому подтверждается, но рекомендуется особливо гг. оберъ-секретарямъ и экзекуторамъ, дабы они, по прошествіи поста, за всѣхъ своихъ подчиненныхъ подали списки, кто изъ нихъ говѣлъ или гѣтъ и за чѣмъ именно, расположа впрочемъ такъ, чтобъ одни исполнили сей христіанскій долгъ на первой недѣлѣ поста, а другіе на послѣдней, дабы и въ дѣлахъ не было остановки, что самое исполнить должно въ Сенатскомъ Архивѣ, въ Герольдмейстерской и Рекетмейстерской конторахъ, а равно и въ типографїи. Подлинный подписалъ: *Гилъ А. Вяземской.*

Февраля 16 дня
1789.

Подобныя распоряженія не рѣдко повторялись и прежде и послѣ, какъ видно по бумагамъ. Они конечно въ связи съ частыми паціонаніями императрицы Екатерины Храповицкому о говѣніи (См. Записки Храповицкаго).

Выписано изъ Архива Министерства Юстиціи. Сообщено Н. В. Калачовымъ.

ЗАМѢТКИ А. П. ЕРМОЛОВА ОБЪ ЕГО МОЛОДОСТИ.

Замѣтки эти служатъ важнымъ дополненіемъ къ недавно изданному (М. 1865 бол. 8^о) подлиннымъ Запискамъ Алексѣя Петровича Ермолова (1). Онѣ содержатъ въ себѣ показанія и подробности о первыхъ годахъ его жизни и службы въ царствованіе императора Павла, опущенныя, либо переданныя сокращенно и въ Запискахъ (начинающихся съ 1801 года) и въ богатомъ сборникѣ матеріаловъ для біографіи Ермолова, изданіи М. П. Погодина (М. 1863. мал. 8^о), которому помѣщаемыя здѣсь Замѣтки и одолжены своимъ происхожденіемъ. Еще около 1845 года, не рѣдко бесѣдуя съ Ермоловымъ, М. П. Погодинъ просилъ его записывать рассказы свои и для удобства записыванія составилъ обзоръ его жизни на большихъ листахъ, перегнутыхъ вдвое, такъ чтобы Ермоловъ по вопросамъ и намекамъ могъ наполнять оставленные нарочно пробѣлы. Въ позднѣйшихъ свиданіяхъ маститый старецъ нѣсколько разъ говорилъ пытливому ученому, что тетрадь наполняется, показывалъ ее, но не отдавалъ, какъ неоплаченную. По смерти Ермолова, тетрадь не была отыскана; и лишь прошлымъ лѣтомъ, послѣ умершаго его деньщика, нашлось, къ сожалѣнію, только три листа этой тетради, исписанныхъ Ермоловымъ. Передаемъ ихъ здѣсь вполнѣ, и вмѣстѣ со всѣми любителями старины и почитателями Ермолова приносимъ благодарность М. П. Погодину.

Нужно прибавить, что эти автобіографическія Замѣтки дополняются любопытнѣйшими рассказами, записанными со словъ Ермолова и помѣщенными въ Читаніяхъ Общ. Ист. и др. 1863, кн. 4-я.—Ермоловъ, 22-хъ лѣтъ отъ роду, уже въ чинѣ подполковника, командуя артилл. ротой, жилъ въ Несвижѣ (Минской губ.), когда его арестовали за одно съ братомъ его (но матери) бо-

1) Это суть единственно-подлинныя Записки Ермолова, напечатанныя съ собственноручныхъ тетрадей двоюроднымъ племянникомъ его и наследникомъ его рукописей, М. П. Ермоловымъ. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми Записками о 1812 г., которыя, подъ его именемъ, ходили по рукамъ еще при жизни А. П. Ермолова, по которымъ онъ не признавалъ. Они тоже издавы, М. 1863 мал. 8^о.

гатымъ Смоленскимъ помѣщикомъ А. М. Каховскимъ, по извѣту Смоленскаго губернатора Льва Вас. Тредьяковскаго (сынъ извѣстнаго профессора элоквенціи) и отвезли судить въ Калугу; Государь нашелъ его невиннымъ. Съ этого начинаются нижеслѣдующія Замѣтки.

II. Б.

Всѣмъ обязанъ онъ ⁽¹⁾ единственно милосердію Государя. Спрашиванъ о многихъ обстоятельствахъ, относившихся до его брата ⁽²⁾, но какъ они совершенно не были извѣстны Ермолову и были даже вымышлены, то отвѣты его заключались въ однихъ отрицаніяхъ. Генер. Л. ⁽³⁾, призвавъ къ себѣ офицера, сопровождавшаго Ермолова, объявилъ ему о дарованной ему свободѣ и чтобы онъ отправился обратно, если Ермоловъ пожелаетъ возвратиться одинъ. Ласково простясь съ Ермоловымъ, онъ сказалъ, что посланному на встрѣчу ему офицеру приказано отдать бумаги Смоленскому коменданту генер. майору князю Долгорукову, въ случаѣ если еще онъ не препровожденъ изъ Несвижа. Сказалъ, что между возвращенными бумагами недостаетъ журналовъ и нѣсколькихъ чертежей, составленныхъ во время пребыванія въ Австрійской арміи въ Альпійскихъ го-

рахъ ⁽⁴⁾, которые Государь изволить разсматривать. Проѣзжая обратно Смоленскъ, Ермоловъ получилъ бумаги, доставленные разлѣхавшимся, вѣроятно, въ ночное время офицеромъ и привезъ въ Несвижъ данное шефу баталіона повелѣніе.

Прошло не много болѣе двухъ недѣль, какъ исполненный чувствъ благодарности, прославляющій великодушіе Монарха, Ермоловъ, призванный къ своему шефу, получаетъ приказаніе отправиться въ Петербургъ съ фельдъ-егеремъ, нарочно за нимъ присланнымъ. Я не былъ отставленъ отъ службы, не былъ выключенъ, ниже арестованъ, и объявлено, что Государь желаетъ меня видѣть.

Безъ затрудненія дано мнѣ два дни на приуготовленіе къ дорогѣ; до отъѣзда не учреждено за мною никакого присмотра; прощаюсь съ знакомы-

⁽⁴⁾ Ермоловъ въ 1795 году, состоя при австрійскомъ генералѣ Девисѣ, находился въ Италіи и принималъ участіе въ войнѣ противъ Французовъ. Служебному возвышенію Ермолова, кромѣ отлѣнныхъ дарованій и храбрости, вѣроятно содѣйствовало и влияніе отца его статек. совѣти. Петра Алексѣевича (1742—1833), который занималъ хотя не особенно-видную, но чрезвычайно важную должность: въ Мѣсяцословіи на 1793 г. (стр. 21) онъ значится «у исправленія порученныхъ дѣлъ генераль-прокурору». Онъ былъ человѣкъ необыкновенно умный и дѣловой. Преданіе рассказываетъ, что онъ собственно и былъ генераль-прокуроромъ, а гр. Самойловъ только назывался. Екатерина удивила современниковъ, отыскавъ себѣ такого дѣльца въ малозвѣстномъ до того предсѣдателѣ Орловской гражд. палаты. Къ тому же П. А. Ермоловъ приходился роднею ген. прокурору по женѣ своей Маріѣ Денисовнѣ, братъ которой Левъ Денисовичъ Давыдовъ женатъ былъ на сестрѣ гр. Самойлова, Екатериѣ Николаевнѣ.

⁽¹⁾ Ермоловъ говоритъ о себѣ то въ третьемъ, то въ первомъ лицѣ.

⁽²⁾ Каховскій былъ заключенъ въ Динаминдскую крѣпость. См. Записки Пассека въ Р. Арх. 1863, изд. 2-е, стр. 772.

⁽³⁾ Ф. И. Линденеръ, о коемъ см. статью А. А. Кононова въ Русской Бесѣдѣ 1860, кн. I. Покойный Ермоловъ передавалъ намъ, что настоящая фамилія Линденера была Липинскій, и что онъ былъ Полякъ, принявшій изъ своихъ видовъ нѣмецкую фамилію. Онъ много надблалъ зла Русскимъ людямъ.

ми въ Несвижѣ и окрестности и от-
правляюсь.

Въ жизни моей нерѣдко весьма удо-
влялъ я себя въ недостаткѣ преду-
смотрительности; но въ 22 года, при
свойствахъ и воображеніи, отъ при-
роды довольно пылкихъ, удостоен-
ный всемилостивѣйшаго прощенья, вы-
зываемый по желанію Государя меня
видѣть, питающій чувства совершен-
нѣйшей преданности, я допускалъ
самыя обольщающія мечтанія и ви-
дѣлъ предъ собою блистательную бу-
дущность. Предъ глазами было бы-
строе возвышеніе людей неизвѣст-
ныхъ и даже многихъ, оправдавшихъ
свое ничтожество, и меня увлекали
адежды!

Въ дорогѣ фельдъ-егерь оказывалъ
мнѣ угодливость; на послѣдней къ
П-бургу станціи, куда пріѣхали мы
до обѣда, совѣтовалъ дожидаться ве-
чера, говоря, что могу быть встрѣ-
ченъ знакомыми, и неприятно будетъ
мнѣ дать поводъ къ невыгоднымъ о
себѣ заключеніямъ. Тутъ началъ мнѣ
представляться положеніе мое совсѣмъ
въ другомъ видѣ. Въ П-бургѣ при-
везли меня прямо въ домъ генераль-
прокурора Петра Васил. Лопухина.
Долго спрашиваемый въ его кан-
целярии, фельдъ-егерь получилъ при-
казаніе отвезти меня къ начальнику
тайной экспедиціи. Оттуда препрово-
дили меня въ С-П.бургскую крѣпость
и въ Алексѣевскомъ равелинѣ поса-
дили въ казематъ. Въ продолженіи
двухъ мѣсячнаго тамъ пребыванія
одинъ разъ требованъ я былъ гене-
раль-прокуроромъ: взяты отъ меня
объясненія начальникомъ тайной экс-
педиціи, въ которомъ неожиданно

встрѣтилъ я г. Макарова, благород-
нѣйшаго и великодушнаго человѣка,
который, служа при графѣ Самойло-
вѣ, зналъ меня въ моей юности и на-
конецъ его адъютантомъ. Ему извѣ-
стно было о дарованномъ мнѣ про-
щеньи, о взятіи же меня въ другой
разъ онъ только то узналъ, что по при-
казанію Государя отправленъ былъ
дежурный во дворцѣ фельдъ-егерь,
и причина отсутствія его покрыта
тайною. Объясненія мои изложилъ я
на бумагѣ; ихъ поправилъ Макаровъ,
конечно не прельщенный слогомъ мо-
имъ, котораго не смягчало чувство
правоты, несправедливаго преслѣдо-
ванія и заточенія въ казематѣ. Я пе-
реписалъ ихъ и возвратился въ преж-
нее мѣсто.

Не скоро однако же послѣ того
присланъ фельдъ-егерь принять аре-
станта изъ 9 нумера и отправиться въ
назначенный путь. Мнѣ приказано
одѣваться теплѣе въ дорогу. Изъ
убійственной тюрьмы я съ радостью
готовъ былъ въ Сибирь. Въ равелинѣ
ничего не происходитъ подобнаго
описываемымъ ужасамъ инквизиціи,
но конечно многое заимствовано изъ
сего благодѣтельнаго и человѣколю-
биваго установленія. Спокойствіе ог-
ражается могильною тишиною, со-
вершеннымъ безмолвіемъ двухъ не-
дремлющихъ сторожей, почти не раз-
лучныхъ. Охраненіе здоровья заклю-
чается въ постоянной заботливости
не обременять желудка ни лакомствомъ
пищи, ни излишнимъ ея количествомъ.
Жилища освѣщаются неугасаемою
сальною свѣчкою, опущенною въ же-
стяную съ водою трубкою. Различ-
ный бой барабана, при утренней и

вечерней зарѣ, служить исчисленіемъ времени; но когда бываетъ онъ не довольно внятнѣмъ, повѣрка производится въ коридорѣ, который освѣщенъ дневнымъ свѣтомъ и солнцемъ, незнакомыми въ преисподней.

Въ дорогѣ фельдъ-егерь сообщилъ мнѣ, что долженъ сдать меня Костромскому губернатору, но что весьма нерѣдко поручается имъ отправлять несчастныхъ далѣе и даже въ Сибирь ⁽⁵⁾.

По прибытіи въ Кострому, мнѣ объявлено назначеніе вѣчнаго пребыванія въ губерніи, по извѣстному собственно государю императору преступленію. По счастью моему при губернаторѣ ⁽⁶⁾ находился сынъ его, съ которыми въ молодости моей учились мы вмѣстѣ. По убѣжденію его онъ донесъ генералъ-прокурору, что находитъ нужнымъ оставить меня подъ собственнымъ надзоромъ для строжайшаго наблюденія за моимъ поведеніемъ, и мнѣ назначено жить въ Костромѣ.

Нѣкоторое время жилъ я въ домѣ губернскаго прокурора Новикова, человѣка отлично добраго и благороднѣйшихъ свойствъ и вскорѣ вмѣстѣ войска Донскаго съ генералъ-маіоромъ Платовымъ, въ послѣдствіи знаменитымъ войсковымъ атаманомъ, кото-

⁽⁵⁾ У императора Павла Ермоловъ могъ найдти на дурномъ счету по отношенію къ отцу своему, который за разныя злоупотребленія былъ, немедленно по воцареніи государя, удаленъ отъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ, преданъ заключенію и потомъ уже доживалъ долгій вѣкъ свой въ Орлѣ (см. Записки Болотова, Р. Арх. 1864, изд. 2-е, стр. 768—770). Родственники же его, Каховскіе, были близки къ кн. Потемкину.

⁽⁶⁾ Н. И. Кочетовъ.

рому по волѣ Императора назначена также Кострома мѣстопробываніемъ. Полтора года продолжалось мое пребываніе; жители города оказывали мнѣ великодушное расположеніе, не находя въ свойствахъ моихъ, ни въ образѣ поведенія, ничего обнаруживающаго преступника. Я возвратился къ изученію латинскаго языка, упражнялся въ переводѣ лучшихъ авторовъ, и время протекало почти непримѣтно, почти не омрачая веселости моей. Судьба, не благопріятствующая мнѣ, возбуждала сѣтованія мои въ одномъ только случаѣ, когда воспоминалъ я, что баталіонъ артиллерійской, которому я принадлежалъ, находился въ Италіи, въ арміи, предводимой славнымъ Суворовымъ, что товарищи мои участвуютъ въ незабвенныхъ подвигахъ непобѣдимой нашей арміи. Въ чинѣ подполковника я былъ 22-хъ лѣтъ и въ царствованіе Екатерины имѣлъ ордена Св. Георгія и Св. Владимира. Многимъ Суворовъ открылъ быструю каррьеру: неужели бы укрылись отъ него добрая воля, кипящая, пламенная, рѣшительность, не знавшая тогда опасностей?

Въ Костромѣ получилъ я увѣдомленіе отъ одного лучшаго изъ пріятелей, сослуживца, который по супружеству своему былъ въ тѣсныхъ связяхъ родства съ любимцемъ императора графомъ Кутайсовымъ, что, склонивъ вниманіе его къ несчастному положенію моему, имѣетъ отъ него порученіе дать мнѣ знать, чтобы, изобразивъ его въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, я обратился къ нему съ письмомъ моимъ и что онъ надѣется испросить мнѣ прощеніе. Конечно

неблагоразуміемъ назову я твердую волю мою въ семь случаевъ, но не дорожилъ я свободою, подобнымъ путемъ списанною, и не отвѣчалъ на письмо пріятеля моего.

Не задолго до кончины Павла присланъ къ Платову фельдъ-егерь съ приказаніемъ прибыть въ П-бургъ. Чрезвычайно милостиво былъ принятъ императоромъ, взятъ на службу, пожалованъ орденомъ и назначенъ начальникомъ войскъ, отправляемыхъ для покоренія Бухаріи.

Съ горестію простился я съ Платовымъ, но завидовать счастью не могъ, ибо оно обращалось къ человѣку, извѣстному отличною храбростію и способностями.

Скончался имп. Павелъ, и на другой день восшествія на престолъ Александръ I освободилъ Каховскаго и меня въ числѣ прочихъ соучастниковъ вымышленнаго на него преступленія. Ему извѣстны были понесенныя нами наказанія. Въ числѣ не одной тысячи ищущихъ службы, которымъ ненавистное именованіе исключенныхъ изъ службы замѣнено названіемъ уволенныхъ, явился я въ Петербургъ.

Тогда Военною Коллегіею управлялъ генералъ Ламбъ (?), бывшій въ царствованіе Екатерины генер. маіоромъ и Костромскимъ губернаторомъ. По выѣздѣ его изъ Костромы остались тамъ двѣ дочери, въ семействахъ которыхъ принимаемъ я былъ благоклонно. Пріѣзжая для свиданія съ

отцомъ, онѣ тронули его описаніемъ участи молодаго изгнанника, и достойный старикъ желалъ случая оказать мнѣ благотвореніе. Не долго являлся я просителемъ незамѣчаемымъ, наконецъ позвалъ меня въ кабинетъ и, показавъ изготовленную докладную записку, сказалъ: «я не спѣшу изыскивать благопріятную минуту, желая, чтобы ты принятъ былъ съ вознагражденіемъ чиномъ, котораго ты лишился». Вскорѣ лично изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что не успѣлъ въ желаніи своемъ и что я принятъ въ артиллерию, въ прежнемъ чинѣ подполковника. Не долго былъ я празднымъ, и мнѣ дана конно-артиллерійская рота: назначеніе для молодаго офицера чрезвычайно лестное, ибо въ Россіи тогда былъ одинъ конной баталіонъ, состоявшій изъ пяти ротъ. Этому способствовалъ пріятель мой, заботившійся о свободѣ моей посредствомъ гр. Кутайсова (который легко могъ имѣть въ томъ успѣхъ; но мнѣ надлежало обратиться къ нему съ письмомъ, въ которомъ было бы изображено положеніе мое самымъ трогательнымъ. Онъ говорилъ, что избретъ благопріятную минуту доложить ему о томъ и можетъ напередъ поздравить меня съ свободою. Неблагоразсудительность молодости истолковала мнѣ поступокъ низкимъ, и я даже не отвѣчалъ пріятелю на письмо. Я просидѣлъ въ Костромѣ лишній годъ до кончины императора!).

Когда графъ Аракчеевъ назначенъ былъ инспекторомъ всей артиллеріи, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, подпалъ я полной его немилости и преслѣдованію. Въ самомъ производствѣ

(?) Вице-президентъ военной коллегіи. Ср. Записки Пассека, въ Р. Ар. 1863, изд. 2-е, стр. 685 и 686.

въ чинъ сдѣлана была мнѣ преграда и на которую не могъ я жаловаться, ибо когда по старшинству надлежало дать мнѣ чинъ, онъ приглашалъ изъ отставки и въ списокъ ставилъ впереди меня. Я помышлялъ уже оставить службу и конечно не встрѣтилъ бы затрудненій въ томъ, но дабы при отставкѣ обратить на себя вниманіе и можетъ быть найти возможность объяснить причину, понуждающую меня къ тому, я прибѣгнулъ къ странному способу: по осмотрѣ роты моей инспекторомъ конной артиллеріи генер. маіоромъ Богдановымъ, я подалъ ему рапортъ, что отецъ мой, будучи не молодыхъ лѣтъ, имѣя меня единственнаго сына и состояніе разстроенное, желаетъ, чтобы я находился при немъ; что ускоряя нѣсколькими мѣсяцами подаіе прошенія вопреки установленнаго на то время, я не только не почитаю себя въ правѣ воспользоваться при увольненіи чиномъ, но, будучи семь лѣтъ подполковникомъ, прошу отставить меня маіоромъ. Инспекторъ, хороший мнѣ пріятель, склонялъ меня взять обратно рапортъ, справедливо называя его безумнымъ; но я не согласился, и онъ долженъ былъ представить его графу Аракчеву. Рота моя расположена была тогда въ Вильнѣ, гдѣ военный губернаторъ баронъ Беннингсенъ былъ въ тоже время начальникомъ Литовской инспекціи, которой я принадлежалъ; зная меня съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ, онъ оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе, и я увѣренъ былъ въ благопріятномъ отзывѣ его, если бы поручено ему было освидѣтельствовать, въ полномъ ли я

разумѣ? Этого я долженъ былъ ожидать непременно, но графъ Аракчевъ написалъ мнѣ собственноручно весьма благосклонное письмо, изъявляя желаніе, чтобы я остался служить. Я исполнилъ волю его и не разъ имѣлъ причину раскаяваться....

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ГРАФА Д. П. БУТУРЛИНА.

Гр. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, какъ глубокою и разностороннею своею ученостію, такъ и библиографическими трудами, извѣстными всей Европѣ, принадлежитъ къ замѣчательнымъ лицамъ Русскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Онъ былъ внукъ фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина (1694—1767) получившаго графское, Россійской имперіи, достоинство за взятіе Берлина въ семилѣтнюю войну, и сынъ графа Петра Александровича (1734—1787) отъ брака его съ гр. Маріею Романовною Воронцовой (р. 1738). И Бутурлины, и Воронцовы пользовались особенною милостію императрицы Елизаветы Петровны. Гр. Д. П. Бутурлинъ родился 14 Дек. 1763 г. Воспріемницею при крещеніи присутствовала императрица Екатерина 2-я, и при купели пожаловала младенца Сержантомъ Гвардіи (1). Молодые супруги вскорѣ уѣхали въ Испанію, куда около 1765 г. гр. П. А. Бутурлинъ назна-

(1) Имя Дмитрій вѣроятно дано ему было въ память св. Дмитрія Ростовскаго, друга Воронцовыхъ, въ семействѣ которыхъ хранилась, какъ мнѣ извѣстно, переписка ихъ съ этимъ святителемъ; но пропала ли она, или гдѣ находится, мнѣ неизвѣстно.

чень нашимъ посланникомъ⁽²⁾. Гр. Дмитрій Петровичъ былъ еще ребенкомъ, когда скончалась мать его, и онъ воспитывался подъ попечительнымъ надзоромъ роднаго своего дяди-холостяка, графа Александра Романовича Воронцова (1741—1805), въ послѣдствіи государственнаго канцлера имперіи, славнаго своими обширными познаніями и независимымъ образомъ мыслей. Молодой графъ Бутурлинъ поступилъ въ Петербургъ въ Кадетскій корпусъ, и, припоминая то время, неоднократно рассказывалъ, что тѣлесныхъ наказаній для кадетъ тамъ не существовало, а только арестъ за чернымъ столомъ. Графъ Воронцовъ замѣнилъ ему мѣсто отца и умеръ на рукахъ любимаго имъ племянника въ своемъ имѣніи, Владимірск. губ., Покровскаго уѣзда, селѣ Андреевскомъ.

По выпускѣ изъ Кадетскаго корпуса, гр. Бутурлинъ опредѣлился въ адъютанта къ кн. Потемкину; но не имѣя никакой склонности, а напротивъ даже чувствуя отвращеніе къ военной службѣ (которую онъ называлъ хомуть) пробылъ въ этой должности не болѣе, кажется, шести недѣль, и перешелъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Будучи въ отставкѣ, въ 1793 г., онъ женился на троюродной своей сестрѣ, граф. Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой (дочери дѣйствительнаго камергера Артемія Ивановича) и поселился въ Москвѣ въ своемъ домѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, на берегу Яузы. Здѣсь-то онъ ревностно занимался составленіемъ знаменитой своей библіотеки, погибшей отъ пожара въ 1812 году.

(2) См. Р. Арх. 1865 г., стр. 1468. П. Б.

Указомъ отъ 31 мая 1803 г. онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ во вновь учрежденномъ посольствѣ при Римскомъ дворѣ; къ нему опредѣленъ былъ и совѣтникъ посольства графъ Кассини; но отправленіе не состоялось по случаю разрыва дипломатическихъ сношеній съ Римомъ⁽³⁾. Это произошло отъ того, что Папское правительство (вынужденное обстоятельствами), по настоятельному требованію Наполеона, выдало Французскимъ властямъ одного эмигранта Француза Шевалье де Вернегъ (Chevalier de Vernégues), находившагося въ то время въ Русскомъ подданствѣ, служившаго секретаремъ при нашей Римской миссіи и позволившаго себѣ неуважительно отзываться о первомъ консулѣ⁽⁴⁾. Въ 1809 г. канцлеръ гр. Н. П. Румяновъ предлагалъ гр. Бутурлину, отъ имени императора Александра Павловича, мѣсто начальника миссіи въ Штутгардѣ, «такъ какъ въ то время (сказано было въ письмѣ канцлера), другаго почти не имѣлось. Я вамъ совѣтую не отказываться. Его императорское величество изъявляетъ свое желаніе, чтобы вы его приняли»⁽⁵⁾:

(3) По прошествіи многихъ лѣтъ, и въ моемъ дѣтствѣ, гр. Дмитрій Петровичъ ѣздилъ въ Римъ со всѣмъ семействомъ въ 1822 г., и я помню, что кардиналъ статсъ-секретарь Консальви пріѣзжалъ къ нему съ привѣтствіемъ отъ имени папа Пія VII, и съ изъявленіемъ сожалѣнія, что назначеніе его посланникомъ въ 1803 г. въ Римъ (гдѣ даже домъ былъ нанятъ) не осуществилось.

(4) Обстоятельство это подробно изложено во 2-мъ томѣ «Histoire du Catholicisme Romain en Russie», par le Cte Tolstoy. Paris. 1863.

(5) «Je vous conseille de ne pas rejeter ce poste que S. M. l'Empereur persiste dans l'intention de vous confier», письмо отъ 4 Апр. 1809.

но гр. Бутурлинъ отклонился отъ пріятія этой должности, не желая вѣроятно покидать любимыхъ своихъ ученыхъ занятій. Позднѣе онъ былъ назначенъ директоромъ Императорскаго Эрмитажа, и на этомъ мѣстѣ оставался до 1817 г., когда по разстроенному здоровью выѣхалъ за границу и окончательно поселился съ семействомъ во Флоренціи, гдѣ купилъ себѣ палаццо Николини и сталъ неутомимо собирать вторую библіотеку, не менѣе замѣчательную первой. Онъ скончался во Флоренціи 7/19 Ноября 1829 года, въ чинѣ тайн. совѣтника, дѣйств. камергера и сенатора, и погребенъ въ Ливорно, въ трапезѣ Греческой церкви, гдѣ также похоронены Италійскій, бывшій посланникъ въ Римѣ, Хитровъ, повѣренный въ 1817—1819 г. при Тосканскомъ герцогѣ, и многіе другіе Русскіе. Хотя въ Флорентинскомъ домѣ гр. Бутурлина устроена была домашняя церковь, но постоянного священника не имѣлось; почему, опредѣлительно сказать не могу, но конечно не отъ скупости. Для службы и для говнїя (что онъ исполнялъ 4 раза въ годъ) прїѣзжалъ Греческій священникъ изъ Ливорно, отецъ Іохимъ Валламонте (Vallamonte), уроженецъ Іоническихъ острововъ, который, желая намъ угодить, выучился служить литургію по славянски, не понимая впрочемъ ни одного слова; и что было страннѣе всего, гр. Бутурлинъ, его дѣти и Русская прислуга, послѣдовавшая за нимъ въ Италію, употребляли Италійскій языкъ, исповѣдываясь у православнаго священника.

Гр. Дмитрій Петровичъ былъ, я думаю, единственный сановникъ, дослу-

жившійся до 3-го класса и не имѣвшій никакого кавалерскаго ордена: онъ любилъ указывать на единственный крестъ, висѣвшій на его груди и возложенный при св. купели руками августѣйшей его крестной матери. Когда вѣсть о Московскомъ пожарѣ и уничтоженіи его библіотеки, картинной галлерей и экзотическихъ замѣчательныхъ теплицъ (онъ страстно также любилъ садоводство) достигла до него въ его слободѣ Бутурлиновкѣ (Воронежск. губ.), куда онъ съ семействомъ укрылся зимою и гдѣ прожилъ съ 1812 по 1813 годъ, то онъ только сказалъ: «Всевышній далъ, Онъ же и отнялъ: — да будетъ Святая Его воля»; и повѣривъ, какъ всѣ тогдашніе наши соотечественники⁽⁶⁾, что Французы сожгли Бѣлокаменную, помѣстилъ въ тогдашнемъ Вѣстникѣ Европы статью размышленій на текстъ: «на рѣкахъ Вавилонскихъ», примѣняя слова Пророка къ печальнымъ событіямъ той эпохи. Искренній христіанинъ и ревностный сынъ православія, онъ не заразился Волтеріанскимъ духомъ, распространеннымъ въ высшихъ кругахъ общества во время его молодости, не предавался нѣмецкой, религіозной метафизикѣ и мистицизму, которые заняли мѣста прежняго скептицизма и индиферентизма, но ставилъ догматы церкви выше обрядовъ и принятыхъ обычаевъ. Іезуитовъ онъ не жаловалъ, какъ они ни были въ ходу въ то время у насъ. Замѣтивъ необыкновенныя

⁽⁶⁾ Какъ-же было не повѣрять, когда Москва дѣйствительно сгорѣла вслѣдствіе нашествія Французовъ, а не чего другаго? Статья въ Вѣстн. Европы мы не могли отыскать. П. Б.

дарованія въ домашнемъ учителѣ старшаго своего сына, семинаристѣ Ефиміи Болховитиновѣ, который предавался неутѣшной скорби по кончинѣ молодой жены, графъ Бутурлинъ совѣтовалъ и убѣдилъ его вступить въ черное духовенство и, благодаря короткимъ своимъ отношеніямъ съ кн. Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ и съ другими вліятельными лицами, открылъ путь въ церковной іерархіи человѣку, прославившемуся въ послѣдствіи глубокой ученостію: это былъ преосв. Евгений, въ позднѣйшее время Кіевскій митрополитъ.

При разностороннихъ познаніяхъ, графъ Дмитрій Петровичъ былъ одаренъ столь рѣдкой памятью, что когда упоминалась при немъ какая нибудь необыкновенная мысль или историческое происшествіе, то онъ немедленно указывалъ на имя автора, описывалъ изданіе соответствующаго сочиненія, обозначалъ мѣсто (залу и шкафъ) гдѣ находилась та книга. Мало того: встрѣтившись однажды въ обществѣ съ какимъ-то французскимъ поэтомъ, читавшимъ свои только что сочиненныя стихи, графъ, по выслушаніи ихъ, серьезно замѣтилъ автору, что не честно выдавать чужое добро за свое, въ доказательство чего и къ изумленію бѣднаго поэта и всѣхъ присутствующихъ, прочелъ на память всю только что выслушанную піесу. Онъ говаривалъ, что съ ранней молодости до старости никогда не ложился спать безъ того, чтобы не приобрести какого нибудь новаго познанія въ теченіи дня. Онъ чуждался всякой насильственной мѣры и несправедливости, и его политическіе принципы

и убѣжденія скорѣе клонились къ либерализму. Когда начались Греческія событія 1820 и 1821 г., онъ горячо принялъ сторону угнетенныхъ нашихъ единовѣрцевъ, былъ въ перепискѣ по сему предмету съ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Каподистрією и написалъ въ защиту Грековъ довольно пространную брошюру подъ заглавіемъ: «Des Grecs et des Turcs et de l'esprit public Europeen», которую однако же издалъ только въ 1828 г. (?). Потому можно сказать, что онъ былъ изъ первыхъ, поднявшихъ полемику по нерѣшенному доселѣ восточному вопросу. Графъ Каподистрія, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ покинувшій Россію, которому гр. Бутурлинъ посылалъ, въ рукописи, свою статью, отвѣчалъ ему между прочимъ (изъ Женевы отъ 16/28 Февр. 1823): «Je ne vous ai pas parlé dans le temps de votre écrit par ce que vous ne doutiez nullement de mon opinion personnelle, et par ce que celle qu'il importait d'éclairer, ne voulait alors et ne veut pas même aujourd'hui admettre que deux et deux font quatre. En traitant la question dont vous vous êtes occupé en Juillet 1821, votre raison a compulsé l'histoire et votre plume s'est laissé guider par les sentiments purs de votre coeur. Or, je pose en fait que pour certains hommes l'histoire n'existe que depuis 1814 et que pour eux le coeur n'a pas de palpitation à moins qu'il ne s'agisse des choses matériellement personnelles. Je vous le demande, monsieur le comte, avez vous de langage pour cette espèce d'hommes et pouvez

(?) Она напечатана въ Парижѣ (у Ренуара въ немногихъ экземплярахъ, и потому теперь очень рѣдка.

vous éesperer qu'ils daignent d'un regard votre écrit? Votre travail cependant n'est pas perdu. Il demeure là où il doit avoir sa place. Il est *protocole* dans nos archives avec la lettre dont vous avez bien voulu l'accompagner. C'est tout ce que je pouvais et je devais faire pour remplir les devoirs de serviteur et d'ami. Comte J. Capod'istia⁽⁸⁾.

Я помню, что когда онъ во Флоренціи узналъ объ основаніи гр. Аракчеевымъ военныхъ поселеній, то заранѣе не одобрялъ эту систему и сказалъ, что изъ этаго можетъ произойти то же самое, что преторіанская гвардія въ послѣднихъ періодахъ Римской имперіи

Касательно его двухъ библиотекъ трудно рѣшить, которой изъ нихъ дать преимущество. Конечно, въ первой были невозвратныя драгоценности, напр. автографическая переписка короля Генриха IV съ его министромъ Сюлли⁽⁹⁾; но во второй имѣ-

(8) Гр. Каподьястріа въ это время только что поселился въ Женевѣ, въ Августѣ предшествовавшаго года (1822) выѣхавъ изъ Петербурга (см. жизнь гр. Блудова, соч. Е. П. Ковалевскаго, стр. 139).

(9) Общій каталогъ этой библиотеки напечатанъ въ Парижѣ in 8° въ 1805 году, пересмотрѣнный извѣстными библиографами Barbier et Rougens. Ему предшествовалъ другой общій каталогъ, изданный въ Санктпетербургѣ въ 1794 г. подъ заглавіемъ: Catalogue de la Bibliothèque de M-r le Comte D. Boutourlin, première partie, contenant les livres imprimés en langue française, quelques manuscrits etc. etc. 149 страницъ in 4°. Сверхъ того существуетъ описаніе 379 ликунабуловъ первой библиотеки Бутурлина на 467 страницахъ, in 4°, напечатанное, чуть-ли, не въ Лейпцигѣ. Все изданіе было переслано въ Москву для окончанія и также все сгорѣло, за исключеніемъ весьма немногихъ экземпляровъ, розданныхъ

лось въ полномъ почти составѣ всё, что было издаваемо первыми основателями типографическаго искусства. отъ 1470 г. до конца 16-го столѣтія извѣстными Альдами, Джюнти, Ельзевирами и позднѣйшими усовершенствователями онаго, во 2-й половинѣ прошлаго 18-го столѣтія: Бодони въ Пармѣ и братьями Дидотами въ Парижѣ. Въ числѣ рукописей была «Божественная Комедія», современная Данту, принадлежавшая фамиліи покровителя его Маласпина (Malaspina, какъ о томъ свидѣтельствовалъ ихъ гербъ, вытѣсенный на бокахъ переплета) съ поправками современной руки, но не той, которою писанъ былъ текстъ, изъ чего можно было допустить правдоподобіе, что поправки эти были рукою самаго Данта. Были также и палимпсесты⁽¹⁰⁾ но не представлявшіе никакого особеннаго интереса. Вообще обстоятельства края были весьма благоприятны для пріобрѣтенія библиографическихъ рѣдкостей. Въ рукахъ

графомъ и кои всѣ безъ заглавнаго листа, предисловія и оглавленія, которыя, кажется, не были опечатаны.

Второй библиотеки два каталога печатныхъ; одинъ изданъ во Флоренціи господиномъ Audin въ 1831 году; другой въ Парижѣ для аукціонной продажи въ 1839, 1840 и 1841 годахъ; оба in 8°. (Смотри: Литературу Русской библиографіи, Геннади, стр. 123, 124, 182, 183). *Прим. С. А. Соболевскаго.*

(10) Палимпсестами зовутъ старинныя рукописи, въ которыхъ первоначальныя начертанія были почти выскоблены или вытравлены для позднѣйшаго написанія на этихъ же листахъ другаго текста; однако можно иногда возстановить оригинальный текстъ разными химическими средствами. Такимъ образомъ Ватиканскій библиотекаръ г. Май, открылъ около 1820 г. потерянное сочиненіе Цицерона «De republica».

мелких и несвѣдущихъ торговцевъ и на уличныхъ прилавкахъ продавались книги и рукописи, разграбленные изъ монастырей во время французскаго занятія Италіи; кромѣ того италіянскія древнія фамиліи дешево, по нуждѣ, разставались съ книгами и художественными вещами полу-опустѣвшихъ своихъ палацовъ. Вся бібліотека гр. Бутурлина составляла болѣе 33 тысячъ томовъ и рукописей, но какъ она представляла болѣе искусственно-библиографическій чѣмъ научный интересъ, то по смерти графа, наслѣдники его долго не могли найти покупателя въ полномъ ея составѣ; и въ теченіи только нѣсколькихъ лѣтъ могли сбыть ее въ Парижѣ съ аукціона, и то не вдругъ, а отдѣльными частями. Выручено около 300 тысячъ франковъ, тогда какъ собрать ее стоило конечно три или четыре раза дороже.

Семейное преданіе говоритъ, что будто бы родная, по матери, тетка гр. Бутурлина кн. Екат. Романовна Дашкова первоначально предлагала ему свое наслѣдство съ условіемъ прибавленія фамиліи Дашковыхъ къ Бутурлинымъ, но что онъ отказался, будучи доволенъ своимъ состояніемъ и не желая допустить какое нибудь измѣненіе въ его фамильномъ имени, въ слѣдствіе чего княгиня Дашкова обратилась, какъ утверждаютъ, къ родному своему брату графу Семену

Романовичу Воронцову, который также отказался по тѣмъ же причинамъ, и потому она должна была обратиться къ графамъ Воронцовымъ, состоявшимъ съ нею въ родствѣ уже въ третьемъ колѣнѣ, каковыя и приняли наслѣдство съ прибавленіемъ фамиліи Дашковыхъ.

Графъ Михаилъ Бутурлинъ.

28-го Октября 1866 г.

С. Пгатовское.

НЕИЗДАННАЯ БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА.

Пестрыя Овцы.

Въ примѣчаніи къ моей статьѣ: *Хронологія басенъ Крылова*, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 годъ (стр. 1328 изд. 2-е), г. Бартенева объявилъ, что онъ слышалъ отъ покойнаго П. А. Плетнева, будто въ семействѣ г-жи Савельевой, наслѣдницы баснописца, сохранилась цѣлая корзина бумагъ, писанныхъ его рукою. По этому указанію я обратился къ проживающему въ Петербургѣ К. С. Савельеву и дѣйствительно нашелъ у него хотя и не цѣлую корзину, но во всякомъ случаѣ богатую коллекцію рукописей, которыя, какъ рассказываетъ г. Савельевъ, Крыловъ передалъ ему за нѣсколько лѣтъ до смерти. Въ этихъ рукописяхъ я нашелъ между прочимъ составленный Крыловымъ списокъ 24 басенъ, вошедшихъ въ составъ седьмой книги изданія 1825 г., и тутъ же сложенные почти въ томъ же порядкѣ, переписанные на чисто, на отдѣльныхъ перенумерованныхъ листахъ, 19 басенъ изъ означенныхъ въ списокѣ 24-хъ. Среди этихъ рукописей попала еще одна басня, которая никогда еще не являлась въ печати и о которой никто никогда не упоминалъ, подъ заглавіемъ: *Пестрыя Овцы*. Она переписана такъ же чисто и четко, на такой же бумагѣ и тѣмъ же почеркомъ, какъ

Русскій Архивъ. 13

(11) Кстати два слова о княгинѣ Дашковой. Она, во время пребыванія въ Москвѣ, всегда обѣдала по Воскреснымъ днямъ у графа Бутурлина, а какъ много употребляла въ кушанья лимоннаго сока, то ставили цѣлый лимонъ передъ ея приборомъ, остатки коего она клала себѣ въ карманъ по выходѣ изъ за стола.

остальные 19, и повидимому, виѣстѣ съ другими назначалась къ печати. При разборѣ черновыхъ листовъ я открылъ еще три редакціи этой басни, значительно различающихся другъ отъ друга. Предлагаю всѣ эти редакціи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдовали одна за другою, чтобы дать читателю возможность прослѣдить самый процессъ созданія и всѣ перемѣны, которымъ подверглась основная мысль произведенія.

Первая редакція, на отдѣльномъ листѣ, безъ заглавія, написана такъ неразборчиво, что нѣсколькихъ словъ вовсе нельзя прочесть; эти слова означаютъ точки. На одной сторонѣ листа слѣдующія строки:

Левъ не взлюбилъ овецъ.
И просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы не правосудно.
Чтожь левъ придумалъ наконецъ (1)
Онъ не за тѣмъ носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать
расправу;
Притомъ сберечь свою онъ хочетъ славу.
. . . придумалъ наконецъ . . .

На оборотѣ того же листа находимъ продолженіе:

Придумалъ — и звѣрей сзываетъ на совѣтъ.
Друзья, онъ говоритъ, —
.
Съ прискорбіемъ давно я примѣчалъ,
Что кто у насъ и слабъ и малъ,
Тому съ трудомъ есть гдѣ и пріютиться,
Не только что кормиться;
А это не годится.
Кому жъ за слабаго и гдѣ . . . вступиться?
Я
И для того хочу, чтобъ бѣдненькихъ овецъ,
Которыхъ между насъ житье бываетъ тошно,
И прокормить и . . . какъ можно,
И для того луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, попрыгать для агнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь
недостатокъ,

(1) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

То наряжать волковъ, чтобъ ихъ п—
То волки могутъ ихъ пасти . . .

Вторая редакція, написанная на одномъ листѣ съ черною б. Мельникъ, уже гораздо полнѣе, но все еще съ значительными помарками, и также безъ заглавія:

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ *(истребить ему)* прямо перевести ему не
трудно;

Но это было бы не правосудно.
А онъ былъ милостивъ и подданныхъ отецъ.
(И наблюдалъ свою онъ славу).
Такіе бы ему поступки не по праву,
При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу;
А видѣть пеструю овцу *(ему льда)* терпѣнья
нѣтъ.

Въ такой кручинѣ и печали
Медвѣдя и лису зоветъ онъ на совѣтъ.
Пришли и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
Всесильный левъ! сказалъ медвѣдь:
На что тутъ много разговоровъ?
Вели *(ты ихъ)* безъ дальнихъ сборовъ
Ихъ всѣхъ передуть *(кто станетъ ихъ*
жалеть); кому о нихъ жалѣть?
(Лишь ты бы былъ у насъ въ покое).

Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
(Вертя хвостомъ, смиренно говоритъ)
Смиренно говорить: о царь! нашъ добрый царь!
Ты вѣрно гнать не станешь эту тварь
И не прольешь невинной крови.
Напротивъ: поведи луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ разгулъ и пища какъ для матокъ.
Такъ и для агнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь
недостатокъ,

То ихъ вели волкамъ пасти.
Пускай невинныхъ родъ овецъ
Пускай блаженствуютъ онѣ,
А тамъ, что съ ними ни случится,
Ты будешь въ сторонѣ.

Третья редакція, такъ же не вполне законченная, на одномъ листѣ съ черною б. *Змья и Овца*:

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы не правосудно.

(А онъ былъ милостивъ)
 (На что же онъ въ лѣсахъ носилъ вѣнецъ)
 (Чтобъ подданныхъ душить)
 (На то ли онъ) Онъ не на то носилъ вѣнецъ,
 Чтобъ подданныхъ душить, (а) но имъ давать
 расправу,
 При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу,—
 А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ.

Въ такой кручинѣ и печали
 Медвѣдя и лису онъ призвалъ на совѣтъ.
 Пришли—и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
 Веселый левъ! сказалъ насупяся медвѣдь:

На что тутъ много разговоровъ?
 Вели безъ дальнихъ сборовъ
 Ихъ всѣхъ перетерзать—кому о нихъ жалѣть?
 Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
 Смирно говоритъ: о царь! нашъ добрый царь!
 Ты, вѣрно, запретишь гнать эту бѣдную тварь
 И не прольешь невинной крови.

Осмѣлюсь я совѣтъ другой произнести:
 (Вели имъ)
 Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
 Гдѣбъ былъ обильный кормъ для матокъ,
 И гдѣ бы поскакать (попрыгать), побѣгать для
 агнятокъ;
 А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь
 недостатокъ,

То прикажи ты ихъ волкамъ пасти.
 Не знаю, какъ-то мнѣ сдается (?),
 (Быть можетъ) Что родъ ихъ самъ собой
 переведется;

А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ,
 И чтобъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.
 Прозкъ свой
 (И наконецъ не только)
 (Не только пестрыхъ тамъ овецъ)
 (И гладкихъ стало мало).

И такъ удаченъ былъ, что наконецъ,
 Не только пестрыхъ тамъ овецъ,
 И гладкихъ (стало) видно мало.

На оборотѣ этого листа находимъ свидѣ-
 тельство того, какого труда стоили Кры-
 лову его стихи, поражающіе читателя сво-
 ею простотою и легкостію. Вверху стра-
 ницы—рядъ знаковъ, доказывающихъ, что
 онъ скандировалъ свои стихи: α: / ∪ //(*)
 / ∪ // .в. / ∪ //б. / ∪ //р: ∪

(*) Этотъ стихъ вписанъ послѣ.

// п ∪ //~ / † / =/. За тѣмъ слѣ-
 дуютъ стихи изъ предшествующей редакціи:
 расправу.
 А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ.
 (Какъ сдѣлать?—чтобъ свою сберечь)

Слѣдуютъ два зачеркнутые стиха, въ ко-
 торыхъ возможно разобрать только три
 слова:

Придумалъ, медвѣдя, на совѣтъ.
 И вотъ зоветъ
 Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ . . .

Слѣдуютъ пять стиховъ совершенно сход-
 ныхъ съ слѣдующею, четвертою редакціею.
 О четвертой редакціи, совершенно
 законченной, упомянуто выше; слѣдуетъ
 прибавить только то, что на томъ же листѣ
 написана карандашемъ черновая накидка б.
 Свиныя подъ дубомъ, весьма неразборчиво,
 съ большими помарками. Такъ какъ въ этой
 рукописи всѣ слова выписаны и поставле-
 ны нѣкоторые знаки препинанія, обыкно-
 венно пропускаемые Крыловымъ, то при-
 вожу эту редакцію съ соблюденіемъ его
 ореографіи и пунктуациі.

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ
 Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
 Но это было бы несправедливо—
 Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
 Чтобъ подданныхъ душить но имъ давать
 расправу—

А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ—
 Какъ сбыть ихъ и сберечь свою на свѣтѣ славу.
 И вотъ къ себѣ зоветъ
 Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ—

И имъ за тайну открываетъ,
 Что вида пеструю овцу онъ всякій разъ
 Глазами цѣлой день страдаетъ,
 И что придетъ ему совсѣмъ лишится (sic) глазъ—
 И какъ такой бѣдѣ помочь совсѣмъ не знаетъ.
 Всесильный левъ сказалъ пасупившись медвѣдь
 На что тутъ много разговоровъ—
 Вели безъ дальнихъ сборовъ
 Овецъ передушить—кому о нихъ жалѣть.—
 Лиса увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови—

Смиренно говорить — о царь! пашъ добрый
 царь —
 Ты вѣрно запретишь гнать эту бѣдную тварь
 И пепрольешь певниной крови.
 Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести—
 Дай повелѣніе ты луга нмѣ отвести—
 Гдѣбъ, былъ обильный кормъ для матокъ,
 И гдѣ бы поскакать побѣгать для лгпятокъ,
 А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь
 недостатокъ

То прикажи овецъ волкамъ пасти.

Не знаю какъ то мнѣ сдается

Что родъ ихъ самъ собой переведется
 А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ
 И чтобы ни сдѣлалось ты будешь въ сторонѣ—
 Лисиды (и) мнѣніе (лисы) въ совѣте силу взяло,—
 (Провѣсть свой вытолкнуть)

И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ

Не только пестрыхъ тамъ овецъ

И гладкихъ стало мало—

(Какіежъ вышли) Какіе жъ у зверей пошли на
 его толки—

Что левъ бы (былъ) хорошъ, да все злодѣи волки.

Время сочиненія этой басни можно определить только приблизительно. Находя черновые ея списки на однихъ листахъ съ черновыми басенъ: *Мельникъ и Змья* и *Овца*, мы можемъ заключить, что сюжеты всѣхъ трехъ басенъ занимали автора одновременно. *Мельникъ* первый разъ явился въ печати въ *Полярной Звѣздѣ* Бестужева и Рыльева на 1825 годъ, которая была подписана цензоромъ 20 Марта 1825 г.; *Змья и овца* въ первый разъ напечатана въ изданіи 1825 года, которое процензуровано 30 Августа 1824 года; на этомъ основаніи, а главное, на основаніи нумераціи листовъ, составляющихъ этотъ отдѣлъ его рукописей, можно совершенно достовѣрно сказать, что *Пестрыя Овцы* занимаютъ средину въ группѣ басенъ, сочиненныхъ Крыловымъ въ промежутокъ времени отъ 1819 года, когда онъ объявилъ, что болѣе писать не будетъ, до 1825 года, когда появилось 5-е издание его басенъ.

Что касается до историческаго значенія этого произведенія, то безъ достаточно основательныхъ данныхъ разрѣшить нельзя этого вопроса; высказывать же свои пред-

положенія, неоснованныя на очевидныхъ доводахъ, нахожу неумѣстнымъ.

В. Кеневичъ.

1866 года, 12-го Мая.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ П. М. ЯЗЫКОВА (1).

I. О графѣ Е. Ф. Канкринѣ.

25 Июля 1840 г. На террасѣ замка на лавочкѣ сидѣлъ старецъ высокаго роста, Пф-мецкой наружности, въ изношенномъ сюртукѣ и въ военной Россійской фуражкѣ, съ краснымъ широкимъ околышемъ; онъ сидѣлъ рядомъ съ какимъ-то толстякомъ, украшеннымъ Прусскимъ крестомъ. Я прошелъ мимо, спросилъ, гдѣ живетъ графъ; мнѣ указали— я постучался, вышелъ молодой человѣкъ и сказалъ, что графъ на террасѣ. Я подошелъ къ нему, отрекомендовался.— «Садитесь! Объ васъ мнѣ писалъ изъ Парижа баронъ Мейендорфъ, а потому я желалъ васъ видѣть; вы не долго служили подъ моимъ начальствомъ, извините меня, что я васъ тогда не зналъ лично. У насъ въ Россіи горная часть въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ очень подвинулась. До меня не посылали учиться въ чужія края; сперва я отправлялъ молодыхъ людей; но они учились больше въ трактирахъ и напитки-вались пустымъ либерализмомъ; теперь я посылаю чиновниковъ зрѣлыхъ лѣтъ, коихъ поведеніе надежно, что гораздо выгоднѣе для службы. Ч. неученый, но много приобрѣлъ свѣдѣній и для переписки и сношеній иностранныхъ очень хорошъ; Ковалевъ

(1) Послѣ покойнаго Петра Михайловича Языкова (извѣстнаго геолога, собравшаго въ Симбирскѣ большой минералогическій кабинетъ), остался любопытный дневникъ путешествія его въ чужіе края въ 1840 году. Въ дневникъ этотъ, вмѣстѣ съ впечатлѣніями чужихъ краевъ, занесены рассказы и замѣчанія о людяхъ Русскихъ. Нижеслѣдующія выписки обязательно сообщены намъ братомъ автора, Александромъ Михайловичемъ Языковымъ.

И. Б.

скій имѣть большую опытность по управленію и хозяйственной части; К-въ былъ слишкомъ лѣнивъ; С-ій съ большими познаніями, по великій прожекторъ, и ему рѣдко что удается — теперь онъ запутался по иллатинному производству, и на немъ оказался пачеть. До меня въ корпусѣ былъ одинъ Соколовъ.» Потомъ графъ разспрашивалъ о пѣли моего путешествія; я ему сказалъ, что ѣзжу съ большимъ братомъ⁽²⁾ и по возможности осматриваю собранія окаменѣлостей для изученія оныхъ въ геогностическомъ отношеніи. — «Я не занимался геогнозіей какъ наукой, сказалъ графъ, но кое-что читалъ, и мнѣ кажется, что окаменѣлости не составляютъ отличительные признаки образованій, и вообще эта теорія слишкомъ запутана и невѣрна». — Оно дѣйствительно такъ кажется, возразилъ я, для тѣхъ, которые въ частности не изучали окаменѣлостей; но никакъ невозможно отвергать, чтобъ оныя не служили отличительнымъ признакомъ образованій и наипаче ярусовъ оныхъ. Можно вообще сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ зоологію приложили къ геогнозіи, началась блистательная эпоха сей послѣдней науки. — «Вы меня извините, сказалъ графъ, теперь я долженъ заняться дѣломъ съ этимъ господиномъ; приходите утромъ или вечеромъ, я буду радъ вашему посѣщенію». Я всталъ и раскланялся. Графъ проводилъ меня до лѣстницы.

25 *Юля*. Передъ концемъ обѣда вошелъ въ залу министръ нашъ и обошелъ столъ, раскланиваясь и привѣтствуя своихъ знакомыхъ; замѣчательно, что для бритья министръ выбралъ не хирурга, брѣющаго самого эрцгерцога, а его подмастерью, здоровую и краснощекую дѣвицу, что должно быть довольно каррикатурно. Въ залѣ министръ меня не замѣтилъ, но когда встали изъ-за стола и вышли на дворъ подъ холщевый навѣсъ, гдѣ на столѣ находились газеты, онъ узналъ меня, когда я поклонился. — «Здравствуйте,» сказалъ онъ нѣмецкимъ выговоромъ. Онъ такъ дурно

одѣтъ, сюртукъ его такъ заношенъ и брюки сѣрые безъ штрипокъ такъ измараны, что не отличишь по одеждѣ отъ прочихъ Нѣмцевъ. Этотъ разъ онъ былъ въ старой круглой шляпѣ. — Ваше сіятельство вчерашній день прогуливались? — «Да, я ѣздилъ и очень усталъ — дорога прескверная». Онъ остался просматривать газеты, я ушелъ.

26 *Юля*. Въ серединѣ обѣда явился въ залу министръ въ длинномъ сюртукѣ, никому не поклонился, не обратилъ никакого вниманія на эрцгерцога, подошелъ прямо ко мнѣ, говоря: «А я васъ ищу — послѣ завтра я ѣду. Зайдите ко мнѣ. Это возлѣ васъ вашъ братъ?» «Нѣтъ, в. с., это г. медикъ, находящійся при больномъ.» Графъ повернулся и пошелъ вонъ изъ залы. Такая странная выходка нашего министра обратила на него и на меня все вниманіе нѣмецкой публики.

27 *Юля*. Докторъ Кине рассказывалъ: Министръ вашъ очень брюзгливъ; ему здѣсь скучно; что ему ни скажешь — все не въ попадь. Оно такъ и должно быть; при томъ супруга министра, какъ гордая Новгородка, не захотѣла представиться, наравнѣ съ прочими, Нѣмкѣ, женѣ эрцгерцога, умолченной въ календарѣ Готы: отозвалась болѣзнию и должна по необходимости сидѣть дома, что она и выполняетъ со всеѣмъ своимъ семействомъ. Гуляя пѣлый день, здѣсь скучно; что же должно быть, сидя дома? Просто смерть! Я не пошелъ проститься съ министромъ; онъ вообще непріятенъ въ обращеніи — *guide comme un rustre*; бесѣда его не обворожаетъ любовью свѣтскаго чловѣка; онъ грубъ, неуклюжъ какъ старый Нѣмецъ, говорить по русски тяжело, нескладно, по французски тоже съ разстановкой. Очень видно, что онъ всю жизнь болѣе дѣлалъ, нежели говорилъ. Все время здѣсь онъ былъ не въ привычной сферѣ, былъ сердитъ и брюзгливъ отъ нечего дѣлать.

5 *Августа*. Сенаторша Багрѣва рассказывала: Передъ отѣздомъ въ чужіе края, графъ Канкринъ поссорился съ докторомъ Арендтомъ, который, прописавши ему колхикумъ, назначилъ и пріемъ; но министръ началъ принимать втрое больше.

(2) Славнымъ поэтомъ, Николаемъ Михайловичемъ Языковымъ.

«Это вамъ сдѣлаеть вредъ», сказалъ Арендтъ. — «Полноте, я самъ лучше васъ знаю медицину и что мнѣ вредно и что полезно.» «Позвольте вамъ замѣтить, графъ, прервалъ Арендтъ, что я хорошо знаю, что вы хорошій министр, но дурной медикъ и архитекторъ. — «Меня ужасно раздосадовалъ Арендтъ—говорилъ графъ женѣ—пусть бы еще называлъ плохимъ докторомъ, а дурнымъ архитекторомъ—это просто грубость!» Канкринъ почитаетъ себя отличнымъ архитекторомъ. Онъ старъ, по поклонникъ прекраснаго пола.

СЫСНОЕ ДѢЛО 1697 ГОДА О ДОРОГѢ ВЪ ХИВУ.

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣвичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, холопи твои Андрюшка Нарышкинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, великій государь, въ 205-мъ году, Февраля въ 14 день, въ твоей, великаго государя, грамотѣ писано къ намъ, холопямъ твоимъ, въ Тобольскъ. Указалъ ты, великій государь, которые были въ Казачьей ордѣ у Тевкихана Тобольскія дѣти боярскія Ѳедора Скибица съ товарищи допросить: сколь далеко отъ Тобольска до Казачьей орды и какимъ путемъ ходъ бываетъ и много ль дней идти будетъ сухимъ путемъ; горы каменные есть ли, и лѣтнимъ путемъ ратнымъ людямъ какимъ въ кормахъ скудости не будетъ ли, и сколь рѣкъ, и тѣ рѣки велики ль и переправы какія черезъ тѣ рѣки; отъ Тевкиханова города до Бухаріи сколько пути, и сухой ли путь или водяной, и буде сухимъ путемъ, можно ль ѣхать, и въ сколько дней поспѣть можно, также отъ Бухарин до Яика, куда ближе въ Хиву или въ Астрахань и какимъ путемъ сухимъ или водянымъ; горы или камень въ тѣхъ мѣстахъ есть ли. Тому всему учинить чертежъ по три аршина, и на томъ чертежѣ написать все подлинно и подписать именно, и о томъ

къ тебѣ, великому государю, писать и тотъ чертежъ прислать къ Москвѣ, незамотчавъ⁽¹⁾.

И по твоему, великаго государя, указу и по грамотѣ, Тобольскія дѣти боярскія: Ѳедоръ Скибинъ, Василий Кобяковъ; конные козаки: Александръ Алемасовъ, Матюшка Трошинъ, Потапко Михайловъ, Ѳомка Мосеевъ, Ларька Серебряковъ, толмачъ Богдашка Неустроевъ, приставъ Ѳедька Ленева, полоненникъ Алешка Щепоткинъ, Якушко Уфинецъ; колмыки новокрещенные: Климко Алексѣевъ, Ивашко Григорьевъ, Бухаретинъ Тюлюкъ-бай; Тобольскіе жъ татары: Юлюкъ Шамапаевъ, Таушко Мерчепъ, Аникъ Чичиревъ, въ Приказную Палату сысканы и допрашиваны, а въ допросѣ сказали:

Отъ Тобольска до въ Колмыки и въ Бухарію и въ Казачью орду дорога: изъ Тобольска вверхъ по Иртышу—рѣкѣ до Колмыцкаго перевоза до Шаншинскихъ юртъ тридцать верстъ, и переправяся Иртышь на правый берегъ лугами черезъ многія грязныя рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ, дубравами и борами чрезъ заставный Адабашскій острогъ ходу четыре дни и до перевоза чрезъ Вагай до Канкаинскія волости ходу два дни до переправы; а переправяся Вагай рѣку, суземья⁽²⁾ чрезъ топкія и зыбучія и мелкія болота, минуя озеро Якишуль и вышедъ на Ишимскіе пади на рѣчку Карасунъ выше и ниже ходу четыре дни; и ѣдучи подлѣ Ишимъ до урочища бору Шанши-карагаю десять дней, и переправяся Ишимъ рѣку идти бездорожицею по правой сторонѣ по знакамъ, переправляяся съ урочища на урочище на послѣдніе степные броды, на вершину Ишима-рѣки на Каменный бродъ, ходу дней съ десять; а ходъ де бываетъ коньми и верблюды нужный, а тѣлегами тѣмъ путемъ и идти не возможно, потому что де та дорога околична и многіе по ней сгорки и объѣзды и рѣчки круто-берегія и грязныя и лѣсныя и водою глубокія и болота зыбучія и грязи топкія и безъ мостовъ де перебродить не возможно. И по той де Ишимской околичной дорогѣ

(1) Т. е. немедля.

(2) Т. е. топкая почва.

до самаго Каменнаго брода людямъ и скоту рыбою и птицею и травою кормиться можно. А съ вершины Ишима рѣки, перебрѣвши Каменный бродъ до Казачьей орды до Тевкиханова Туркестана-города, дорога лежитъ прямо на зимній полдень, подлѣ рѣчекъ для воды и для конского корму, чрезъ рѣчку Терсазерь Сарысу, въ лѣвъ камень Улугау до рѣчки Чиганамана, ходу четыре дня; а съ Чиганамана степью чрезъ Тарганскую вершину до Тныркуля-озера, а надъ тѣмъ озеромъ камень частохолмъ не высокъ, и многія де съ него въ Тургай рѣчку пада, а ходу де три дня; и у того де озера воровскіе воинскіе люди, воевавши по слободамъ, покидаютъ тѣлеги, арбы и кошевую посуду дальняго похода. А отъ Тныркуля-озера по камню чрезъ рѣчку Кынырю подлѣ нея до большой рѣчки Кынырбая ходу полтора дня, а Кынырбай де рѣчка течетъ съ Востока изъ подъ камня отъ Норъ-Ишимскихъ озеръ, мѣстами быстра, а видѣ тиха, а устьемъ де пала съ лѣвой стороны въ Сарысу-рѣку; а на устьи въ мысѣ Чудской кирпичный городъ Сургана развалился, а осталось де еще три палаты иблыхъ; да въ Кынырбай же съ лѣвую сторону отъ Торганскихъ вершинъ рѣчка Кындыръ пала устьемъ выше Буюганы, ходу на три дни. А переѣхавъ Кынырбай-рѣку каменемъ, а подлѣ рынь-пески до мечети Каменной Палаты, ходу три дни; а отъ мечети до устья наволоками до Буюганы ходу три дни; а въ наволокахъ конскій кормъ тамъ мелкій и камышь и воды желтыя, людямъ и скоту не здоровы и трава колюча, больше шипшвику, называютъ цюнга и тиканъ, и отъ той де травы бываетъ мыто и отъ солонцевъ скотъ умираетъ; а по пескамъ и по камню во всей де ордѣ растеть древо Соксоунъ, подобно сандалу, а большаго лѣса никакого нѣтъ. А отъ Бурганы перейти Сарысу рѣку въ низъ по ней наволоками, минуя кладбище и три мыса, урочище Кашаунъ до урочища Кручинъ-кушъ ходу шесть дней. И въ томъ де мѣстѣ сошелся малопреходный съ обѣихъ сторонъ камень подлѣ рѣки Сарысу, а тѣмъ де нужнымъ ходомъ вѣти два дни. а миновать де того мѣста

невозможно. А проходъ де промежъ тѣхъ камней въ одинъ человекъ, а шерингою и телѣгами идти невозможно. И къ тому мѣсту со всѣхъ сторонъ со степи отъ городовъ и отъ кочевья и Тобольской дороги сошлись въ одно мѣсто до Туркестана за шесть дней; и на томъ де мѣстѣ воровскіе люди ждутъ каравановъ, и, сождавъ, разбиваютъ и грабятъ. И прошедъ камень и камышь до урочища Тюмень-Карагай, до пятнадцати деревъ, день ходу; отъ того послѣдняго кормовища берутъ изъ Сарысырѣки воду въ запасъ на три дня, и отъ того де Туркестанская дорога раздѣлилась на двое: одна въ право, а другая въ лѣво. А Сарысъ де рѣка противъ тѣхъ пятнадцати деревъ, отшедъ отъ дороги, съ полднища, пала устьемъ подъ землю въ озеро Тиникуль. Да отъ пятнадцати де деревъ, по правую сторону дорога песками до камня, а къ Сумя ходу полтора дни; и отъ того де камени дорога въ Каракалпаки, а на верху того камени башня и карауль, и по степи де видѣтъ всякихъ людей далече; а ходу де подлѣ того камени два дни; а на выходѣ де того камени казачій городъ Юзугантъ, а отъ Юзуганта ходу козацкими городами до Туркестана три дни; а отъ Туркестана до Сырта-рѣки ходу полдня, а по лѣвую сторону отъ пятнадцати жъ деревъ по Калмыцкой дорогѣ, минуя три Чойскія озера, и въ тѣ озера пала устьемъ Чойрѣка, не дошедъ до Сырысу за полднища и ушла озеромъ подъ землю. А подлѣ Чоя Калмыцкою дорогою, мимо трехъ Чойскихъ озеръ, до камня Улугау ходу день, а съ камня до Туркестана камнями ходу два дни. Всего чрезъ Ишимъ рѣку вышеписанными дорогами отъ Тобольска до Тевкиханова города Туркестана среднимъ ходомъ два мѣсяца, а скорымъ ходомъ тридцать дней, а тихимъ ходомъ девять недѣль. И тѣ де обѣ дороги отъ пятнадцати деревъ нужны людямъ и скоту безкормны, а по камню и въ городѣ въ близости лѣсу никакого нѣтъ, а ѣсть де варять, вмѣсто дровъ, конскимъ каломъ, а привозные де дрова таль и вѣтельникъ изъ наволоковъ отъ Сырта-рѣки продаютъ въ городахъ вьюкъ прутнику мелочи полтину. А города де Казачь-

ей орды отъ Туркестана все въ близости, городъ отъ города въ виду, а и дальніе де города, подъ каменемъ; ходу до нихъ дни по три, и по степи де, а отъ Сырта-рѣки въ дальномъ разстояніи, а при рѣкахъ де въ близости не живутъ, а дѣланы де въ городахъ ихъ многіе колодцы, а городовъ де ихъ всехъ и считаютъ двадцать. А крѣпости де въ Туркестанѣ и въ городахъ валены, валы земляные и по валу кладены стѣны кирпича необожженаго, а вышиною и съ валомъ стѣна сажени въ полтрети, а шириною мѣстами въ сажень, а въ иныхъ мѣстахъ больше и меньше, а къ верху аршина по полутора и по два; а больше де у нихъ въ городахъ валены одни земляные валы безъ кирпича, а земля плотна и не сыпуча, а ровъ де копаныхъ нѣтъ. И во всехъ тѣхъ городѣхъ живутъ Бухарцы, а казаковъ мало, а казаки де все живутъ для пашенныхъ земель по кочевьямъ, а пахоти де ихъ скудны, коней и овецъ много, а коровъ мало; кормятся мясомъ и молокомъ. А къ бою де удачливы, волшебству де учены отъ Донскихъ бѣглецовъ, а по смѣтѣ де всехъ ихъ казаковъ будетъ тысячь съ двадцать и больше. А бой де у нихъ дупшой и копейный, а пушекъ де нѣтъ и мелкаго, длиннаго, огненнаго ружья мало, а кузнецвъ де у нихъ не сказываютъ, а огненное де ружье и порохъ и свинець и луки привозятъ изъ большой Бухаріи: а сказываютъ де, что берутъ селитру по ксылымъ озерамъ и варятъ въ котлахъ, а сѣра де топится и изъ камени близко Еркенскихъ городовъ, а свинець де плавятъ изъ руды въ городѣ Карнакѣ и порохъ де чипятъ пріѣзжіе Бухарцы-полоненники; а руду де красной мѣди плавятъ на Тобольской дорогѣ. А рѣкъ де большихъ въ землѣ ихъ нѣтъ, а три де рѣки изъ подъ камени пали и тѣ среднія, а Сыртъ де рѣка течетъ изъ подъ камени, отъ городовъ ихъ не въ близости, а рыбы де въ ней мало, да и не ловятъ, а пала де устьемъ въ море Хивинское или Аральское, течетъ съ обѣдника ⁽³⁾ въ ночь, а ходу де до устья ея дней на двадцать; а полнымъ де рѣкамъ

ходу дней по пяти и по десяти, и тѣ де рѣки не широки, и перевозовъ по нимъ нѣтъ, броды въ нихъ мелкіе, а степь голая. А по всей де степи, по рѣкамъ и по рѣчкамъ, кругъ озеръ и болотинъ, большаго лѣсу нѣтъ, растетъ бѣлый и черный мелкій таль, мѣстами и вѣтельдикъ, а инога нѣтъ; а по пескамъ и по камнямъ растетъ небольшое дерево Соксоусъ, а походитъ листемъ на жимолость, а корою на сандалъ, а уголемъ жарокъ и не гаснетъ, часто уголья дни три и больше, а въ кочевьяхъ де ѣсть варятъ конскимъ каломъ и камышемъ. А отъ Туркестана де земля въ низъ по Сырту-рѣкѣ на три дни до города Юзуганту, и въ томъ де городѣ Тевкиханъ въ прошломъ въ 203 году поступился Каракалпакомъ для сбора половиною городовъ и пахутъ пашню съ казаками живучи сообща. И отъ Юзуганту въ низъ же по Сырту по обѣ стороны кочуютъ Каракалпаки на десяти днищахъ до мечети ихъ Курчутъ. А городовъ де особыхъ нѣтъ, а къ воинскому де дѣлу съ казаками одного ученья и кормятся воровствомъ, а будетъ де челоуѣкъ ихъ тысячь съ шесть и больше, а ружье де казачье, пушекъ нѣтъ же; а владѣлецъ де ихъ Тобурчакъ-султанъ. А пріѣздъ де къ нимъ изъ Тобольска тою жь одною дорогою чрезъ камень, а вверхъ по Сырту отъ Туркестана до города Сайрану ходу три дни, а смеженъ съ Юркенскими городами; а въ третью де сторону на западъ къ Бухаріи за Сыртъ-рѣку кочевья до четвертаго колодца на четыре днища, а въ четвертую де сторону отъ Туркестана на востокъ по Талаші-рѣкѣ все кочевья казакія; а городовъ нѣтъ, ходу де до нихъ шесть дней, смежны съ калмыцкимъ Арапаномъ. Да отъ Туркестана жь въ Бухарію до Сырта-рѣки конямъ ходу полдня и переправся до колодца названіе Дертъ-Кутука, ходу три дня; а отъ Кутука чрезъ три колодца ходу степью пять дней до Ашты; а отъ колодца Ашты малозимовья до города въ Бухарію на верблюдахъ ходу шесть дней топкими и безводными степями, а воду де везутъ на верблюдахъ. А градъ де Бухарія строеніемъ и вышиною что Туркестанъ, а входу де въ него двѣнадцать

(3) Съ полудня, съ юга.

башень, а владѣлецъ де ихъ Самангульханъ; города де и уѣзды подь нимъ многіе, а воинскихъ людей у него тысячь съ четыреста и слывуть де они Кокутаны, люди де руководѣльные, торговые, а не воисты; и мелкаго огненнаго оружія много, зелье де и свинець дѣлають сами, а боевыхъ пушекъ, по сажени, будетъ съ пятьдесять; а воздухъ и воды у нихъ не здоровы, тлетворны, вѣтры часто бываютъ. Отъ Большой Бухаріи переправяся Аму-Дарья рѣку, коя подь Бухарією и подь Хивинскими жилищами до города Хивы, Хивипскими городами и кочевьями ходу пятнадцать дней, а межъ городовъ степь песчаная и водъ много, да не здоровы. А городъ Хива меньше Бухаріи, а строеніемъ такого же, а въ подданствѣ де къ Хивѣ постороннихъ городовъ много, а люди де невоисты, руководѣльны; ружье и зелье дѣлають сами, а пушекъ де у нихъ не видали, а бояръ де называютъ они Атаьсками, служилыхъ людей Узбеками, крестьянъ Райатами, а родъ де ихъ Аральцы, Гурленцы, Трухменцы. Да отъ Тобольска жъ де по допросамъ слободскихъ жителей многихъ вѣдомцевъ и бывальцевъ пристойная де дорога вешняго пути въ Казачью орду слободами въ верхъ по Тоболу рѣкѣ, чрезъ многія рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ до Торханскаго острогу 100 верстъ, отъ Торханскаго острога до Ялуторовской слободы 30 верстъ, отъ Ялуторовской до Суерской слободы 30 верстъ, отъ Суерской до Усть-Суерской 20 верстъ, отъ Усть-Суерской до Бѣлозерской 25 верстъ, отъ Бѣлозерской до Иковской 15 верстъ, отъ Иковской до Царева Городища 20 верстъ, съ Городища до Утяцкой 20 верстъ, отъ Утяцкой до Камыцкой 40 верстъ. И отъ тѣхъ верхнихъ Тобольскихъ слободъ съ Царева Городища и изъ Утяцкой и Камыцкой черезъ степь до Ишима ходу приходвою Ордынскою дорогою 5 дней и степь равная, горъ нѣтъ, людямъ и скоту кормно. И переправяся Ишимъ-рѣку ходу большою лукою, прозваніемъ Улутагой, ходу до Каменнаго Брода 3 дней, и перебрѣвши по тѣмъ же вышесказаннымъ урочищамъ до Туркестана ходу по дорогѣ Туркестанской, что писано выше сего.

И по тѣмъ ихъ сказкамъ велѣли мы, холопи твои, сдѣлать чертежъ на Бухарской бязи⁽⁴⁾ и рѣки урочища и дороги и города на томъ чертежѣ подписаны именно, и тотъ чертежъ послали къ тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, Тобольскаго уѣзда слободскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ съ сотникомъ съ Фодотомъ Матигоровымъ, да съ татаринкомъ Стеушкомъ Мерченемъ; а приѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явиться и отписку и чертежъ подать въ Сибирскомъ Приказѣ болрицу князю Ивану Борисовичу Репнину съ товарищи.

(Выписано изъ Архива Минпстерства Юстиціи. Сообщено П. В. Калачовымъ).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ

изъ похода въ Хиву.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 и 1840 годахъ, по мысли и подь предводительствомъ Оренбургскаго военнаго генералъ-губернатора (гр.) Василія Алексѣевича Черовскаго, для обузданія хищныхъ Хивинцевъ, безпокоившихъ тамошніе предѣлы Россіи, — почти вовсе у насъ не извѣстель. О немъ долго ходили темные слухи, и не упоминалось ни единымъ словомъ въ Русской, всѣмъ доступной, печати. Только въ 1860 году, въ Читеніяхъ общ. ист. и др. при имп. Моск. унив. (кн. I, стр. 147—166), появилось, сколько мы знаемъ, первое печатное извѣстіе объ этомъ достопамятномъ походѣ, въ статьѣ подь заглавіемъ *Военное предпріятіе противу Хивы*. Статья эта очевидно составлена по бумагамъ подлиннымъ и содержать въ себѣ сжатое, но точное и дѣльное изложение всего хода дѣль. Цѣлью предпріятія, начатаго подь видомъ посылки ученой экспедиціи къ Аральскому морю, было «снѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать полную свободу торговлѣ нашей» На издержки

(4) Бязь—бумажная ткань, бумажный холстъ.

отпущено 1,698,000 асс. и 12 т. червонныхъ. Въ походѣ участвовало 4 генерала, 14 штаб-офицеровъ, и около 5,000 низшихъ чиновъ. Всѣ приготавительныя распоряженія отличались предусмотрительностью и надежностью, и однако шестимѣсячный походъ этотъ не удался въ томъ смыслѣ, что войска не достигли самой Хивы и принуждены были двинуться обратно вслѣдствіе чрезвычайныхъ снѣговъ и стужи, которая господствовала ту зиму: видно, замѣчано, что Русскіе всюду съ собою приносятъ холодъ, и тутъ оправдалось. Тѣмъ не менѣе цѣль предпріятія была достигнута: напуганный рѣшительными мѣрами нашего правительства Хивинскій ханъ Аллакулъ, въ Августѣ того же 1840 г. выслалъ въ Оренбургъ долгое время томившихся у него въ плѣну и теперь одаренныхъ имъ около 500 человекъ Русскихъ; мало того, онъ разослалъ фирмавъ съ строгимъ за-прещеніемъ брать или покупать Русскихъ и вредить чѣмъ либо Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ Русскій купецъ Деевъ возобновилъ безпрепятственную торговлю съ Хивою. Такимъ образомъ не представлялось болѣе нужды предпринимать вторичный поискъ на Хиву, къ коему было готовились въ Оренбургѣ.

Мужество въ перенесеніи тяжкихъ лишеній и бѣдствій, коими ознаменовался Хивинскій походъ, составляетъ славу Русскаго имени, и мы искренно радуемся, что счастливый случай далъ намъ возможность познакомиться читателей Русскаго Архива съ живыми подробностями этого смѣлаго и необыкновеннаго, по всей обстановкѣ своей, предпріятія. У одного изъ участниковъ похода, нашего извѣстнаго писателя (бывшаго въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при В. А. Перовскомъ), *Владимира Ивановича Даля*, отыскалась снимочная тетрадь тонкой Китайской бумаги, на которой (по способу, дающему два подлинника вдругъ) сухими чернилами отпечатлѣлись письма, посылаемая имъ съ похода, къ роднымъ и знакомымъ. Приносимъ нашу благодарность многоуважаемому В. И. Далю за дозволеніе напечатать нижеслѣдующія выдержки изъ этой тетради.

И. Б.

1.

*Рѣка Илекъ, въ Зауральской степи,
1839 г. Ноября 25-го.*

Не ждали вы отъ меня письма, и всего менѣе, можетъ, думали вечеромъ 25-го Ноября, что я сижу почти на открытомъ воздухѣ, въ кошмоной кибиткѣ, при маленькомъ огонькѣ, въ кругу шести добрыхъ товарищей, на морозѣ, и пишу къ вамъ. Мы вышли въ походъ, идемъ войной и грозою на Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку, какъ названа она была въ приказѣ по корпусу. Путь далекъ, 1500 верстъ, идемъ зимою, и третьяго дня было 29^о морозу; весь отрядъ верхомъ, всѣ на коняхъ, вьюки на верблюдахъ, ихъ до 12 тысячъ. Метемъ бураномъ по степямъ и въ Генварѣ должны быть на мѣстѣ. А когда воротитесь, спросите вы, по сродному вамъ добродушію и состраданію? — Знаемъ, когда вышли, а именно 17 Ноября, а воротившись скажемъ вамъ, когда воротились. Холоду мы не боимся; говоримъ это не изъ хвастовства, а по опыту; взгляните только на насъ, и вы убѣдитесь, что мы не хвастаемъ. Стеганные, на верблюжей шерсти, куртки и архалуки, платье разнаго рода на лебжьемъ пуху, верхнее платье изъ шкуръ молодыхъ жеребятъ, или оленей, сибирскіе совикі, киргизскіе дахи и ергакки; рукавицы и чулки козьяго пуху, изъ коего порядочные люди ткуть столь извѣстныя вамъ кашемирскія шали, — словомъ, все запасено, привасено, и несчастные стужа, холодъ, морозъ, словомъ, вся зима, не знаетъ, съ котораго краю приступить. Не удивляйтесь этимъ кривымъ строкамъ: сердце пишетъ прямо, но морозъ-снѣговичъ беретъ свое, шаршавитъ по своему, а онъ у насъ, какъ видите, толмачемъ. Сидимъ на корточкахъ, въ теплыхъ кофточкахъ и совикахъ; писать не совсѣмъ ловко. Нужды нѣтъ: когданибудь па досугѣ разберете. Вы скажете: Ахъ, Боже мой, какія страсти! за 1500 верстъ, верхомъ, зимой — и прочее, и прочее. Ну, изволите видѣть, сыромъ въ маслѣ мы конечно не катаемся, равнымъ образомъ не лезя чтобы не было въ такомъ

огромномъ отрядѣ безъ разныхъ беспорядковъ, недостатка, нужды — ну придемъ домой и отдохнемъ, будемъ рассказывать ребятишкамъ своимъ и добрымъ пріятелямъ о походе своихъ и примѣчаніяхъ. Начинаютъ сей часъ разливать чай, а у насъ сегодня дневка — позвольте мнѣ сперва *намится водой*, какъ говорятъ моряки, а потомъ стану продолжать.

Пепель отъ пылающаго костра завалилъ до того писаніе мое, что у меня едва достало духу (т. е. *Аthen*) отдуться отъ этой неумѣстной присылки. Зорю пробили, все улеглось, потому что все устало, только часовые переключаются вокругъ нашего стана, и верблюды изрѣдка протяжно рычатъ. Опишу вамъ, отъ нечего дѣлать, артель нашу, нашъ *кошиг*, какъ его технически называютъ. Насъ въ одной кибиткѣ, по четыре шага во всѣ четыре стороны (размѣръ вѣренъ, но кибитка кругла) насъ лежатъ, на одномъ и томъ же войлокѣ, семь человекъ. Былъ осьмой, академистъ *Штернбергъ*, художникъ душой и тѣломъ, милый малый, о которомъ мы всѣ очень жалѣемъ — но онъ, присоединившись къ нашему походу волонтеромъ, побылъ съ нами только три дня, и, раздумавъ дѣло еще во время, воротился. Онъ ѣдетъ въ Питеръ и потомъ вѣроятно въ Италію, гдѣ, говорятъ, нѣсколько теплѣе... Позвольте отогрѣть пальцы на огнѣ... Первый товарищъ нашъ и сожигатель *Чихачевъ*, путешественникъ по званію и призванію, *ein Reisender von Profession*, молодецъ, красавецъ, говоритъ на всѣхъ языкахъ какъ на своемъ, бывалъ въ Германіи и въ Испаніи, въ Алжирѣ, въ Мексикѣ, но не бывалъ еще въ Хивѣ и потому отправляется туда съ нами при сей *вѣрной оказіи*. Онъ говоритъ и распѣваетъ весь день Персидскіе стихи и прозу съ мулой нашимъ и съ переводчикомъ и этимъ бѣситъ втораго нашего товарища, естествоиспытателя *Лемана*. Докторъ *Мобицъ*, который только по временамъ пытается войти въ число избранныхъ и пріютиться въ братскомъ и веселомъ теремѣ нашемъ, докторъ обыкновенно беретъ опять подъ мышку одинокую постель свою, состоящую изъ одной плохой кошомки или войлока, и отправляетъ

ся въ одинокую кибитченку, гдѣ аптечная ступка съ пестикомъ обязаны принять на себя временно должность его товарища. Какъ быть, дѣло походное! Последній товарищъ нашъ такой же чиновникъ какъ и я, съ тѣмъ только различіемъ, что у него совики (Самоѣдская оленья рубаха) изъ стараго, лѣтнаго оленя, а у меня изъ лучшаго зимняго молодого сосунка, и еще подбитъ лисой! Не повѣрите, что за раздолье такой кафтанъ, или салопъ, что ваши печи... Позвольте только правую руку отогрѣть, на лѣвой славная рукавица... Вотъ такъ... Пепель этотъ мнѣ очень надоѣдаетъ... Вообразите теперь палаточку, въ которой съ трудомъ только помѣщаются три человека, посадите туда или натолкайте ее биткомъ семью человекъ, живыми, вотъ какъ мы съ вами, одѣньте эти семь человекъ самымъ причудливымъ образомъ, Лапландцами, Самоѣдами, Алеутами, Киргизами, полу-Черкесами, полу-Калмыками, полу-Башкирами, полу-все что угодно, право всякаго рода и наряду найдется въ одеждѣ нашей по клочку... — вообразите все это, и вы видѣте насъ. Прислушайтесь, и вы услышите Англійскій, Испанскій, Нѣмецкій и Французскій языки, Малоросійскія, Персидскія и Русскія пѣсни, Татарскій говоръ, а подлѣ, въ двухъ шагахъ, рычатъ скучные и жалкіе верблюды. Загляните, и вы увидите на рѣшеткѣ кибитки Черкесскую шашку, Испанскій, Толеданскій палаши, казачью саблю, Персидскій, Индѣйскій, Турецкій кинжалъ; увидите сотню предметовъ скомканныхъ какъ въ мѣшкѣ, которымъ, для васъ, нѣтъ названья, потому что вы ихъ не видывали и не знаете, хотя мы здѣсь не можемъ безъ нихъ обойтись. Положимъ, вы поймете, если я скажу, что тутъ стоитъ котелокъ, таганъ, баклашка, но что вамъ въ томъ, если я скажу, что тутъ навалены торсуки, сабы, треноги, курджуны⁽¹⁾, и проч.? А между тѣмъ это наше хозяйство... Позвольте мнѣ теперь повернуться на другой бокъ; у меня спереди Покровъ, а сзади Рождество, т. е. тутъ огонь, а тамъ морозъ... Хотите ли теперь взгля-

(1) Переметная сума.

нута среди дня на караванъ нашъ? Вообразите снѣжную степь, по которой видимо-невидимо, сколько глазъ займетъ во всѣ стороны, все верблюды съ огромными выюками, гора горой, все выюки и верблюды, а по сторонамъ прикрытіе: казаки, артиллерія и пѣхота... На этомъ словѣ вчера остановился. Сегодня, 26-е, въ воскресенье опять дневка; мы сошлись тутъ, всѣ четыре отряда вмѣстѣ, и теперь пойдемъ въ полномъ составѣ, дружно и густо, чтобы никто не могъ обидѣть, чтобы быть сильнѣе всякой силы кромѣ Божьей, на которую душой и сердцемъ уповаемъ. Онъ выведетъ насъ отселѣ черезъ 7, 8 мѣсяцевъ, или скорѣе, коли Ему угодно, и мы заживемъ опять новою жизнью, вдвое оцѣнимъ домашній бытъ и домашнее благо свое.

II.

5 Декабря 1859. Биштамакъ.

Сегодня 6 Дек., большой и благодатный праздникъ: мы справляемъ его па Биштамакъ, верстахъ въ 270 отъ Оренбурга; слѣдов. шестую долю пути своего кончили, прошли, и прошли благополучно. Скажу вамъ, милые мои, съ тѣмъ чтобы это осталось между нами, что у насъ нынѣ 31½ градусовъ, и что порядочный морозецъ, какъ говорятъ Уральцы, прохватываетъ ровно огнемъ. Впрочемъ, по совѣсти, мы еще ни разу не зябли, и въ цѣломъ отрядѣ нѣтъ ни одного человѣка съ ознобами, за исключеніемъ одного старика Киргиза. Больныхъ, коихъ болѣзнь можно бы приписать походу, также нѣтъ; простудныя и другія случайныя болѣзни и нѣсколько вновь открывшихся хроническихъ. Сажу и пишу теперь въ кибиткѣ, въ общей нашей такъ называемой каютѣ-компани, и пишу при 30° слишкомъ морозу, безъ перчатокъ, и руки ничуть не зябнутъ: у насъ желѣзная печь. Путемъ доселѣ всегда было сѣно и дрова. Сѣно покупали у Кайсаковъ, которые по Илеку удивительно много накосили сѣна; дрова мѣстами тальникъ и другой кустарникъ, а въ помощь ему и кизечекъ, коими насъ также иногда снабжали аулы. Виро-

чемъ, въ такую бѣду, какъ сегодня, горитъ все, даже снѣжій навозъ изъ подъ верблюдовъ; этому въ городѣ трудно повѣрить. Посадили бы я еще прихотливаго жителя городского въ нашу кибитку, такого, которому дуетъ и несетъ изъ всякаго угла и окна, и прихотп бы исчезли. Спасительное дѣло для насъ, что В. А. (2) завелъ на свой счетъ общественную трапезу и большую кибитку, въ которой всегда огонекъ: безъ этого мы бы замерзали каждый по одиночкѣ въ своемъ углу, потому что невозможно на каждаго отдѣльно заготовить дровами, и нельзя было бы даже ставить для каждаго по одиночкѣ чай. Кайсаки въ походахъ и поѣздкахъ своихъ всегда раздѣваются на ночь до пага: они увѣряютъ, что это гораздо теплѣе, если только хорошо завернуться и укрыться. Я доселѣ, въ продолженіи 19-ти ночей, только два раза не раздѣвался; я нахожу, что дѣйствительно раздѣвшись гораздо теплѣе, и сегодня напр., при этой стужѣ, я спалъ въ мѣшкѣ своемъ, накрывшись тулупомъ и кошмой, какъ у Бога за пазухой. Конечно тамъ, гдѣ по ночамъ могутъ быть внезапныя тревоги, это не удобно: тамъ раздѣваться нельзя. Признаюсь, я никогда не думалъ, что, одѣвшись хорошо, можно до такой степени хорошо переносить такую стужу; я, увѣряю васъ, не зябъ еще ни разу. Ночью въ ютламахъ (кибиткѣ нашей) никогда не горитъ огонь, а шесть человѣкъ грѣютъ другъ друга прекрасно. Вотъ вамъ нѣблая страница о холодѣ, о морозѣ, о теплѣ, объ огнѣ и прочее. Поговоримъ о другой, не менѣе важной, статьѣ: это обѣдъ, чай и проч. Мы выступаемъ каждый день съ разсвѣтомъ, иногда немножко прежде; становимся въ 2 часа, потому что дни коротки, а скотинѣ, и въ особенности верблюдамъ, которые ночью не ѣдятъ, надо покушать. Такимъ образомъ, прошедши 13—25 верстъ, распускаемъ верблюдовъ и лошадей на тебелевку; верблюды наѣдаются въ 1½, 2 часа, потомъ ихъ пригоняютъ и укладываютъ на кошмы, расчистивъ напередъ снѣгъ; коны

(2) Эти буквы (здѣсь и вездѣ ниже) означаютъ (гр.) В. А. Церковского.

остаются на всю ночь въ полѣ: лошадь не жуется жвачки и потому не можетъ пасть въ такое короткое время. Между тѣмъ, какъ только пришли мы на мѣсто, раскидываютъ живо двѣ кибитки, генеральскую и вертепъ, какъ мы его называемъ, каютъ-компанию, или общественную: ставятъ самоваръ, паливаютъ чай и завариваютъ сбитень; мы грѣмся и пьемъ, между тѣмъ, часамъ къ семи или восьми, поспѣваетъ обѣдъ: щи, супъ и другое блюдо—каша, или капуста, селянка, баранина, говядина, а иногда, какъ вчера и третьяго дня, жеребятинка, которая, мимоходомъ сказать, очень хороша, какъ самая лучшая, кормленная мягкая говядина. Пообѣдавши принимаемся опять за чай да за сбитень; у кого есть дѣло, бѣгаетъ, хлопочетъ по отряду и прибѣжавши въ сборную нашу хлопываетъ рукавицами и кричитъ: чаю, сбитню! Часовъ въ 8, а много въ 9, все залегло уже спать. Встаютъ въ 3 часа: весь лагерь просыпается, начинается крикъ; шумъ, бѣготня, кови ржутъ, верблюды рычатъ; это бываетъ вслѣдъ за генераль-маршемъ, въ 3 часа; въ 6 барабанъ бьетъ сборъ, вьютать, сымаютъ кибитки и выходятъ, напившись разумѣется чаю, и нахлебавшись жиденькой кашницы. Такъ тянемъ мы день за день, время уходитъ, — и скоро, скоро пролетятъ не только эти полгода, но и много другихъ полугодовъ и годовъ....

Надобно вамъ однако же рассказать плачевную и неприятную продѣлку: на дняхъ у насъ одного солдата разстрѣляли. Какъ быть! онъ ушелъ съ часовъ, покинувъ ружье, потомъ бѣжалъ, укралъ другое ружье, и пр. Время военное, опасное, пѣхота чрезмѣрно избалована, необходимо было показать примѣръ, для острастки. Къ счастью, такъ по крайней мѣрѣ я сужу по своимъ чувствамъ, казенный бѣднякъ былъ дотога глушъ и тунъ, что по видимому вся ужасная церемонія эта, приращеніе и отвѣчаніе за-живо, не сдѣлала на него никакого впечатлѣнія; — а смерть всякая одинакова, и скорая смерть лучше медленной и томительной. Во всякомъ случаѣ не лзя было не наказать виноватаго тѣлесно, и такъ, что онъ бы можетъ быть на всегда былъ калѣкою, а можетъ быть и

умеръ бы; по этому—спокойной ему ночи и благодатнаго утра!

Маркитантъ нашъ, Зайчиковъ, или Деевъ взялъ съ собою пару добрыхъ собакъ, и мы уже затравили шесть лисицъ и волка. Для пережѣлы и это забава. Леманъ очень прилежно ловить мышей. Ханьковъ спитъ отлично хорошо и занялъ постоянное мѣсто въ каютъ-компаніи противъ печки; одѣтъ онъ въ огромный, мохнатый совикъ свой и лѣтнюю легонькую шапочку на кожѣ: онъ не можетъ одѣвать тепло голову. Я постоянно одѣваюсь въ стеганную куртку и шаровары, или въ лебяжью, а сверху совикъ Штерберга и шапку, столь извѣстную, изъ бѣляка (тюленя), которая, помните? — надѣвается отъ маковки и по самыя плеча. Говоря о болѣзняхъ, забылъ я упомянуть, что у насъ было уже человекъ шесть большихъ Сибирской язвой, не смотря на морозъ; человекъ два умерли. Страшная, неопытная болѣзнь, и странно, что она открылась теперь, въ такую жестокую стужу! Всѣ тѣ, которые пришли во время и можно было хорошо вырѣзать язву, остались живы.

Сей часъ всѣ пошла на молебствіе, 10 часовъ утра, а я остался, потому что надобно еще написать кой какія бумаги... Сижу въ теплой кибиткѣ В. А., гдѣ стоитъ большая кухонная печь, и сижу тепло: въ кибиткѣ этой теперь на полу 15°, на столѣ 4°, а на вышнюю головы 22°. В. А. теперь здоровъ; у него было разболѣлись глаза, и признаюсь, я за него боялся: какая возможность пользоваться ихъ при такихъ обстоятельствахъ? Теперь, отъ стужи виѣ и жару внутри кибитки, у него высыпало и обметало лицо, и вслѣдъ за тѣмъ глазамъ стало гораздо легче. Было у насъ нѣсколько человекъ больныхъ жабою, *angina tonsillaris*, по омеопатіи, приемъ белладоны, устраняла болѣзнь каждый разъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Сегодня у насъ походный обѣдъ великолѣпный—четыре кушанья, шампанское и проч. Между тѣмъ все таки обѣдаемъ, какъ и прежде, стоя и походя, въ деревянныхъ чашкахъ, кто гдѣ и какъ умудрится. Къ вечеру будетъ обильная либация и уиншация, по русски: благородная по-

пойка, въ общемъ собраніи, за здравіе Царя, за котораго идемъ драться. Прощайте.

III.

Декабря 8-го 1839 г. 12 верстъ отъ Биштамака.

Здравствуйте еще разъ. Пишу на скучной и невольпой дневкѣ, послѣ жестокой стужи, которую всѣ мы перенесли удивительно хорошо, потому что право даже почти не зябли; принуждены были сегодня остановиться и простояли сложа руки цѣлый день: бурань; мететъ такъ, что свѣту Божьяго не видно, и притомъ — 22°, слѣдовательно идти невозможно; а я, стоя на колѣняхъ, какъ провинившійся школьникъ, пишу въ теплой кибиткѣ В. А. и могу писать не отогрѣвая рукъ, потому что висящій предо мною теплоѣръ показываетъ 3. Это уже такъ тепло, что изъ рукъ вонь! Небо пасмурное, солнце плаваетъ въ какомъ-то полупрозрачномъ сумракѣ, блѣдное, не окраенное; кони стоятъ въ мерзлыхъ кожаныхъ пополахъ какъ въ латахъ, повѣсили головы и ждутъ овсеца, гривы сбиты въ ледяныя сосульки, ключья свѣгу покрываютъ хребетъ; верблюды лежатъ какъ мертвые на подстилкахъ своихъ, одинъ подлѣ одного, какъ тюки, какъ огромныя связки или чемоданы, жуютъ и пережевываютъ вчерашнее, а сегодня Богъ дастъ! Нельзя было даже выгнать ихъ на тебеневку: бурань, того и гляди, загонитъ ихъ Богъ вѣсть куда, да и вѣсть не стануть, а столпятся въ кучу и пойдутъ по вѣтру. Все поле укрыто шатрами, запорошенными бѣлымъ снѣгомъ; дымокъ вырывается тутъ и тамъ изъ боковой шелки между кошмъ, и вихорь уноситъ его и мгновенно развѣваетъ, какъ глотокъ табачнаго дыму, пущенный на вѣтеръ. Тутъ и тамъ поднимаютъ верблюда со спокойнаго ложа его; мохнатый Кайсакъ взгроможивается самъ-другъ на четвероногій горбъ этотъ и отправляется за кустарникомъ, за бурьяномъ;—верблюдъ жалобно рычитъ и просится въ свою спаленку, т. е. на кошму; казаки и солдаты, должностные, бѣгають закутанные съ ногъ до головы, мелькаютъ между кибитокъ и похлопываютъ

махнушками своими, рука объ руку. Уралецъ глядитъ молодцомъ, отвѣчаетъ, если спросите холодно ли, «небольно морозно, ваше бл-діе, терпѣть можно». Жалкій служивый линейныхъ баталіоновъ глядитъ, съ позволенія сказать, бабой: наушники, налобникъ и наличникъ его обмерзли кругомъ цѣлою бахромою сосулекъ. Въ двухъ мѣстахъ въ эту минуту раздаются пѣсни; вплоть у кибитки, гдѣ я пишу, поютъ штабные господа наши въ буфетѣ или каютъ-кампаніи, поютъ разладицей и каждый свое, —а тамъ подалше, человекъ двѣнадцать Уральцевъ затягиваютъ согласно: «Охъ ты милый мой, милъ сердечный другъ». Вотъ вамъ весь бытъ нашъ: пусть Штернбергъ, измѣнникъ, его нарисуетъ. Чтобы согрѣть маленько воображеніе ваше, скажу еще, что вчера прибыли на Биштамакъ къ намъ 50 дровней съ дровами изъ Орска, а сегодня часть дровянаго транспорта, посланнаго въ догонку изъ Илецка. Всего ихъ до 500 верблюдовъ; но караванъ подѣ командой извѣстнаго Грозненскаго батыря, Оренбургскаго войска хорунжаго Петрова. Это тотъ самый, который сидѣлъ педѣли двѣ на гауптвахтѣ за то, что неловко или неосторожно, какъ самъ онъ говоритъ, неосторожно снялъ съ лошади одного строптиваго Киргизскаго старшину, сломивъ ему руку и ногу. Но караванъ, сказалъ я, сбился и запутался ночью, когда его захватилъ бурань, и прибываетъ сегодня по частямъ. На Биштамакъ было сѣна довольно; здѣсь также, и мы уже запасаемся дней на 12—14, до Эмбскаго укрѣпленія. Невыгода наша, въ сравненіи съ купеческими караванами, велика: въ караванѣ всякій хозяинъ идетъ съ верблюдами своими, бережетъ ихъ, холить, разгребаетъ подъ ними свѣгъ, подстиляетъ имъ кошмы; всякій выходитъ какъ успѣлъ навьючить, не дожидаясь никого; а у насъ солдаты говорятъ: чортъ дери верблюда, былъ бы живъ я! И не смотря ни на какой присмотръ, верблюды иногда терпятъ безъ нужды горе, колѣютъ и гибнутъ. У насъ идутъ военнымъ порядкомъ: правая колонна, лѣвая колонна, въ срединѣ паркъ, артиллерія, штабъ, авангардъ, арьергардъ, который подбираетъ отсталыхъ, и все это

должно сняться вдругъ, а вычотится исподволь: верблюды лежатъ завьюченные часа по три и ожидаютъ неготовыхъ, а это тяжело. Сверхъ того, караваны мѣняють усталыхъ верблюдовъ на пути и размѣиваютъ ихъ на обратномъ слѣдованіи. Всего этого намъ нельзя дѣлать, и не смотря на все это, мы придемъ благополучно, сдѣлаемъ что приказано и воротимся къ своимъ. Всякій изъ насъ убѣжденъ въ необходимости и въ пользѣ этой мѣры, что крайность заставила правительство наше поднять на этихъ воровъ копье и штыкъ; всякій идетъ охотно, не только по долгу, но и по убѣжденію.

Шесть часовъ. Бьютъ зорю. Свѣтъ хруститъ за кибиткой. Буранъ стихаетъ. Я выглянулъ за двери и велѣлъ ставить чай, и пожалѣлъ, что Штернберга нѣтъ съ нами. Лунный свѣтъ сверху, зарево огней снизу, а въ срединѣ лазоревая тьма. На землѣ кипитъ еще кровь наша, выше земли тьма, для насъ непроницаемая, еще выше свѣтъ, а какой, можно только иногда догадываться, когда душа безотчетно къ нему стремится и его пугается. Но какая это догадка? Догадка слѣпаго о цвѣтѣ молока, по рассказу поводатаря, что оно походитъ цвѣтомъ на гуся, котораго слѣпой также знаетъ только ошупавъ руку поводатаря, согнутую клюкой для изображенія гуся!... Хозяйство мое не слишкомъ озабочиваетъ и беспокоитъ меня... Вообще слава Богу, все идетъ довольно дружно, живутъ большею частію по людски, а это, ей Богу, не бездѣлица. Мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и грызться, коситься и огилевываться тѣсно. Заканчиваю на сегодня, въ другой разъ болѣе; тѣсно, и генералъ *Молоствовъ* пришелъ, совѣстно занимать у него мѣсто, а я пишу на его кровати.

Продолжаю 9 Дек. Сидимъ вкругъ огонька. Чихачевъ рассказываетъ, какъ онъ, близъ Квито, въ Коломби, долженъ былъ проходить каждый разъ черезъ экваторъ, чтобы спросить стаканъ воды, т. е. черезъ черту, которую *Lacondamine* ⁽³⁾ провелъ. В. А. также вошелъ сей часъ и забавлялся долго, слушая громкіе споры веселой братіи, ко-

торая его не замѣчала. Благородный, душевно уважаемый мною Молоствовъ, который теперь командуетъ нашей колонной, сидитъ, насунувъ мягкую казачью шапку на брови и дремлетъ, сей часъ спѣлъ онъ намъ солдатскую пѣсню и затихъ: онъ сердечный усталъ, проработавъ весь день. Чихачевъ сдѣланъ попечителемъ госпиталя. Я по крайней мѣрѣ числюсь секретаремъ и гофмаршаломъ. Одинъ Ханыковъ благоденствуетъ въ бездѣйствіи, постоянно засѣдаетъ въ огромномъ совикѣ своемъ и въ лѣтней фураженкѣ предъ огонькомъ, на стулѣ, на первомъ мѣстѣ, и не встаетъ ни въ какомъ случаѣ съ мѣста, чтобы его не заняли, а зоветъ Курумбая, который въ цѣломъ отрядѣ вошелъ уже въ пословицу. Разговоръ идетъ объ акцизѣ, откупѣ, налогахъ, монополіи.

10-го Декабря. Сегодня вышли въ $\frac{1}{2}$ 5-го и пришли на мѣсто рано, въ $\frac{1}{2}$ 11-го, на рѣчку Таласъ-бай, которая течетъ омутами, пропадаетъ подъ землей и снова выходитъ. Это одинъ изъ пяти притоковъ р. Илека, который составляетъ у Бишь-тамака пять рѣчекъ. Бишь-тамакъ значитъ *пять устьевъ*. Сегодня утромъ было болѣе 30°, теперь 28°; при всемъ томъ, слава Богу, мы не зябнемъ. Сажу теперь у желѣзной печи въ каютѣ-кампаніи, пишу на стулѣ, стоя на колѣняхъ. До Эмбы осталось памъ 6—8 дней ходу, потомъ до Усть-Урта двѣ недѣли, по Теть-Урту столько же — и пришли! Надобно же надѣяться, что жестокіе морозы прекратятся, и погода установится потеплѣе. Я, откровенно говоря, самъ удивляюсь, что все это намъ такъ хорошо съ рукъ сходить и что мы живемъ припѣваючи при постоянной стужѣ въ 20—30 градусовъ. Ночь довольно тихая; бьютъ зорю—слышны только оклики часовыхъ и позывы того или другаго къ корпусному командиру. Знаете ли что? Въ лагерѣ трудно иногда донскаться того или другаго, — этотъ полевой и подвижной таборъ становится каждый день на новое мѣсто, улицы и переулковъ нѣтъ, по этому заведено разъ навсегда, во всѣхъ походахъ, что начальникъ зоветъ подчиненнаго просто во весь голосъ изъ своей кибитки, и кричить: пе-

(3) Извѣстный ученый путешественникъ.

редавай! Въ одну минуту весь лагерь оглашается именемъ того, кого ищутъ, съ прибавленіемъ къ кому—и всякого легко отыскать. Больныхъ у насъ много; все лихорадки и горячки, 3—4 озноба, не значительныхъ впрочемъ; поносы, нѣсколько возобновившихся хроническихъ болѣзней. Старикъ Молоствовъ захворалъ, говорятъ, что худо переноситъ сильную стужу; у В. А. глаза совсѣмъ поправились, слава Богу. Изъ насъ нѣтъ ни одного больного, только Иваншихъ захворалъ, потому что хотѣлъ непременно поставить на своемъ и вытерпѣть весь походъ въ одномъ тепломъ сюртукѣ и *холодной* шинели верблюжьяго сукна; я его много уговаривалъ, но онъ увѣрялъ, что ему тепло. Дѣлаютъ чай: еслибъ вы увидѣли этотъ сбродъ пестрыхъ, цвѣтныхъ, полосатыхъ, одноцвѣтныхъ и всякаго калибра халаты, куртки, шпенсеры, сертуки, черкески, казакины, чекмени и чекменьки, увѣрю васъ, что это стоитъ кисти Штернберга, особенно если бы онъ не упустилъ разнообразныя шапки, кушаки, пояса, платки, шали, косынки и пр. «Оселъ въ квадратъ» восклицаетъ въ эту минуту Ханьковъ «что я не взялъ съ собою перины!» Надо вамъ сказать, что ему Курумбай стелеть каждый день семь ковровъ, семнадцать кошмъ и постей, подушки, тулупы, шубы, но ему, Сардананальской душѣ, всего этого мало! Онъ и теперь, какъ обыкновенно, занимаетъ мѣсто предсѣдателя передъ топкой желѣзной печки и курить изъ черешневаго чубука своего талежника въ оглоблю. Да, у Волжепцова, молодого казака, который взять нами для съемки шкуръ и проч., у него сѣла на подбородокъ Сибирская язва; вырѣзали, присыпали во время, и все прошло благополучно; онъ здоровъ. Добрая ночь.

21-го Дек. на Эмбѣ, въ укрѣпленіи нашемъ Аты-Янши, что значитъ по Русски: *доброе имя*. Ура! 500 вер. прошли; не усиѣмъ оглянуться какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту—и пришли. Зима жестокая; 16° у насъ ни почемъ, что называется тепло, если только нѣтъ вѣтру. Только два дня было у насъ 10° и въ полдень еще меньше,

теперь снова наладилъ морозъ—свѣговичъ 16, 18, 20, 25. Благодаря Бога, все удивительно благополучно, всего не болѣе челоуѣкъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что по всей вѣроятности она еще будетъ цѣла. Вы заботитесь обо мнѣ: говоря по совѣсти, положивъ руку на сердце, я со времени выхода изъ Оренбурга не *зябъ*, не только не подвергался опасности отморозить руку или ногу. Многие познобили себѣ носы, щеки, это правда, и у многихъ нарастаетъ на лицѣ другая и третія шкура; но я невредимъ доселѣ и приписываю это осторожности своей. Многие чрезвычайно легко одѣты; увѣряютъ, что теплѣе одѣваться тяжело и пр. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ; я одѣтъ очень тепло и притомъ легко сажусь на лошадь, двигаю руки и ноги безъ затрудненія. Не заботьтесь также объ утратѣ знаменитаго совика моего, которому нѣтъ подобнаго во всей поднебесной, или по крайней мѣрѣ въ нашемъ отрядѣ. Совикъ Штернберга также довольно одолжителемъ, и лебяжья куртка, которую я еще покрылъ верблюжьимъ сукномъ и не спускаю съ плечъ, грѣетъ какъ печь. Вы все хотите подробностей, велите избѣгать общихъ мѣстъ и замѣчаній! Вотъ они вамъ, не скучайте, сами на нихъ напросились. Ханьковъ, получивъ имя Сардананаль-наши, съ минуты прибытія нашего на Эмбу, переселился въ укрѣпленіе къ астроному Васильеву, и мы его больше не видимъ. Сегодня несчастный Курумбай его потащилъ туда на плечахъ своихъ семисаженную кошму, ковры, подушки и всю спальную сбрую. Верблюдовъ угнали верстъ за 10 на тебеневку; поэтому Курумбай долженъ былъ взять на себя ихъ обязанность, а постель Ханькова право составлять хорошей выюкъ. Васильевъ опредѣлилъ широту и долготу Аты-якши: 3 $\frac{1}{2}$ градуса южнѣе Оренбурга и 2 $\frac{1}{20}$ восточнѣе. Это стало быть широта винограда, кипариса и почти даже вишневыхъ ягодъ и оливки,—а у насъ спѣгъ завалилъ все, буранъ свистеть, и трескучій морозъ погоняетъ рьяныхъ коней, коней своихъ во всю Ивановскую и

собрался, кажется, гнать насъ до самаго нельзя. Боялись, что мало будетъ снѣгу: что впередъ Богъ дастъ, а именно на Усть-уртѣ и здѣсь небесной манны этой въ волю. Она насъ питаетъ: уже много разъ почевали мы безъ воды. Далѣе: Леманъ усердно распарываетъ мышей и въ Самоѣдской ермолкѣ своей много ходитъ на папу Пія VII-го. Чихачевъ, какъ попечитель больницы, много хлопочетъ и до того заботится о лошадяхъ своихъ, что идетъ всегда $\frac{3}{4}$ перехода пѣшкомъ и не спитъ ночь, навѣдываясь по часту, хорошо ли ихъ кормятъ. Теперь мы опять у сѣна, а нѣсколько дней кони голодали и отрывали бѣдный кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ. Сегодня считали и пересчитывали всѣхъ верблюдовъ, осматривали, много ли плохихъ, негодныхъ вовсе и хорошихъ: почти пятая часть оказываются негодными и должны быть выписаны въ инвалиды. Это досадно: подновить ихъ нечѣмъ! Далѣе: Мулла будетъ скоро разстриженъ, постукаетъ въ войско, съ чиномъ урядника и черезъ дватри дня произведенъ будетъ въ хорунжаго: честолюбіе морозитъ и убиваетъ насъ, а дивизіонъ 1-го казачьяго полка портитъ кровь, взвариваетъ желчь и заставляетъ говорить печенкой вмѣсто легкаго. Мулла ретивый и честный, надежный парень. Смѣшитъ онъ насъ, когда завернувшись вечеромъ въ огромную кошму свою, занимаетъ мѣсто за троихъ, и если кто начинаетъ ссориться съ нимъ и требовать, чтобъ онъ легъ поубористѣе, поумѣстительнѣе, то крахтитъ, стонетъ и притворяется больнымъ. За это ему столько достается, что онъ увѣряетъ и божится, что дѣлаетъ это во снѣ и самъ того не помнитъ. Мы впрочемъ раздѣлились на двѣ юллы: шестерымъ тѣсно, нельзя разводитъ огня. Теперь мы стоимъ въ одной три, въ другой четыре человѣка, лежимъ просторно и разводимъ огонекъ. При томъ нѣкоторые изъ сотоварищей нашихъ негодовали на беззаботность другихъ, которые отнюдь не хотятъ хлопотать даже за себя и предоставляютъ это занятіе любителямъ. Мулла, Ивановъ, Чихачевъ и я въ одной юллѣ, а въ двухъ шагахъ отъ насъ Леманъ, Ханьковъ и кор-

нетъ Шоттъ, ординарецъ В. А. Впрочемъ артель наша не раздѣлилась: кони, люди и верблюды остались подъ вѣденіемъ Иванова, а мулла произведенъ въ чай-баши, и разливаетъ въ кибитченкѣ нашей чай. Знаете ли, какъ хорошо посидѣть вокругъ огонька и пить чаекъ!

Въ укрѣпленіи гарнизонъ живетъ въ довольно опрятныхъ и удобныхъ землянкахъ, но воздухъ въ нихъ спертый, нездоровый и ничѣмъ не можетъ быть исправленъ. В. А. покупаетъ у здѣшнихъ Кайсаковъ нѣсколько кибитокъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ нихъ часть больныхъ и здоровыхъ. Я также согласенъ, что въ кибиткахъ, съ огоньками, жить гораздо здоровѣе. Кайсаки всѣ кочуютъ спокойно на своихъ мѣстахъ, ничего не боятся, и доселѣ ихъ никто не тронулъ волоскомъ. Старый хрѣнъ Юсупъ Кулановъ явился съ просьбою, чтобы камышъ на зимовѣ его, верстахъ въ 8 отсюда, былъ пощаженъ. Вѣроятно просьбу его исполнятъ, хотя для насъ это очень неудобно.

IV.

Аты-Якши, на р. Эмбѣ, 23 Декабря.

Вчера мы было уговорились съ удалымъ уральскимъ есауломъ Назаровымъ (Максимомъ) ѣхать сегодня до свѣту на кабановъ, которыхъ здѣсь въ камышахъ много. Я всталъ сегодня часа за полтора до свѣту, вышелъ съ холода на холодъ, потому что въ юллѣ нашей также не было еще огня, — снѣгъ сильно захрустѣлъ подъ ногами, дыханіе мгновенно мерзло на длинныхъ усахъ и на бородѣ: я не брился уже болѣе мѣсяца, со дня выступленія изъ Оренбурга. Окинувъ взглядомъ воротникъ тулупа, подъ которымъ провелъ ночь, я встрѣтилъ нѣсколько длинныхъ сосуллекъ: видно холодно. Подошедши съ фонаремъ къ термометру Чихачева, висящему постоянно подъ часами, у кибитки В. А., я узналъ, что и сегодня опять 26°. Воздухъ тихъ, небо ясно, звѣзды сверкаютъ. Подумавъ хорошенько, рассудилъ, что лучше остаться дома, особенно еще послѣ бани, или лучше выразиться по польски: *мовни*, потому что я съ Ивано-

Русскій Архивъ. 14.

вымъ вымылся вчера вечеромъ у Зайчикова въ землянкѣ. И такъ я пошелъ въ юламу Назарова, который занимался разливкою чая, и объявилъ, что я на сегодня отщепенецъ. Ханьковъ, который, на все время нашего здѣсь пребыванія, перебрался въ укрѣпленіе къ Васильеву, снарядился однакоже и поѣхалъ на кабановъ. Онъ былъ замѣчательно уродливъ въ огромномъ, толстомъ совиѣ своемъ, съ ружьемъ (въ чехлѣ) за плечами, особенно, когда сердился въ это время и подбиралъ пули и патроны по калибру. Я совѣтовалъ ему дружески оставить воинственныхъ, предприимчивыхъ затѣи свои и ѣхать просто зрителемъ, потому что кабанъ иногда не любитъ шутить, а испуганная выстрѣломъ и нападениемъ кабана лошадь не рѣдко скидываетъ подобныхъ ѣздоковъ. Онъ однакоже пребылъ твердъ и не поколебимъ; пошли ему Господь на этотъ разъ побольше равновѣсія. Напившись чаю, вышелъ я взглянуть на восходящее солнышко, мутное, блѣдное, сонное, — и увидѣлъ вмѣсто одного солнца три. При ныѣшней стужѣ мы уже частенько видѣли эти побочные облики Аполлона, но ни разу еще обликъ не былъ такъ хорошъ, какъ сегодня. Рѣшительно нельзя было сказать, которое изъ трехъ видимыхъ свѣтилъ настоящее солнце; можно было только догадываться, что это, какъ обыкновенно, среднее. Я забылъ сказать, что передъ самымъ восходомъ, надъ солнцемъ поднялся высокій столпъ яркаго свѣта, потомъ уже явились три солнца, потомъ вскорѣ начали тускнѣть, два изъ нихъ приняли радужные цвѣта и растянулись нѣсколько по виртикалу, края ихъ занулили, и ярче разгорѣвшееся солнце разогнало остатки своего подобія. День ясный, тихій, почти теплый — а 26°!! Въ землянкахъ укрѣпленія 8°—10° тепла, а между тѣмъ тамъ жарко и душно; дыханіе видно, какъ въ холодной комнатѣ, а намъ, окостенѣвшимъ уже на морозѣ, жарко. Свѣтлыя искры льются по воздуху, переливая фіалковые, радужные цвѣта; блескъ снѣга на землѣ невыносимъ безъ наглазниковъ, и большымъ, которыхъ въ одномъ нашемъ т. е. 4-мъ отрядѣ болѣе 70 человекъ, не хорошо: тутъ никакое лѣкарство не помогаетъ, коли самъ

не подымешься. Болѣзни большею частію простудныя, въ укрѣпленіи напротивъ до сотни человекъ горячешныхъ, цыготныхъ и проч. Землянки ихъ хороши, но землянка всегда землянка: будь она опратна и свѣтла, все она подъ землею! Вотъ почему, кажется, очень хорошо дѣлають, что хотять вывести большую часть гарнизона въ кибитки. Вѣрте мнѣ, въ кибиткѣ и при 30° хорошо и тепло, былъ бы только днемъ огонекъ, хоть маленький, чтобы можно погрѣться глазами и воображеніемъ, — и былъ бы на ночь хорошій тулупъ да кошма. И такъ, морозу мы не боимся, не шутя: пишу это при 26°, въ такое время, когда впродолженіи мѣсяца два только раза термометръ показывалъ менѣе 10°, шесть разъ болѣе 28-ми, двѣнадцать дней болѣе 20-ти. Мы простоиимъ здѣсь съ недѣлю или болѣе; можетъ статься, морозы спадутъ. Это было бы желательно для нижнихъ чиновъ, которые не могутъ раскладывать бивачныхъ костровъ, а иногда съ нуждою только сварятъ свою кашку. Ихъ кормятъ очень хорошо, теперь даютъ по цѣлому фунту мяса въ день. Здѣсь вблизи кочуютъ Назаровцы (Чиклишцы) и начинаютъ уже садиться на зимовье. Отрядъ нашъ проходилъ мѣстами вплоть мимо ауловъ ихъ, и къ чести отряда должно сказать, что никто не тронулъ Кайсаковъ пальцемъ, не смѣлъ взять волоска, или клока шерсти, не говоря уже о барабѣ. Я не думалъ, что все это обойдется и можетъ обойтись такъ чинно. Извѣстный батыръ — въ старые годы наѣздникъ и воръ — Юсупъ Кулановъ получилъ вчера хорошіе подарки, между прочимъ сипій кафтанъ, двуствольное ружье и золотой перстень съ арабскою надписью. Старикъ, лѣтъ 80, былъ очень доволенъ и обѣщалъ стараться о пополненіи недостающихъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Для этого черезъ недѣлю будетъ у насъ туй, т. е. пиръ, на который должны собраться всѣ ближніе Назаровцы и вести съ собою скотъ, что у кого лишнее есть, и за каждую голову будутъ платиться деньги.

Написавъ это, я отправился въ столицу нашу, въ укрѣпленіе, самъ не зная, за чѣмъ

и къ кому, такъ прогулялся. Вдругъ входитъ Ханьковъ, мерзлый, отчаянный; онъ воротился съ неудачной охоты, и говоритъ: «идите скорѣе въ лагерь, вась ищутъ: гонцы прибыли съ Акъ-Булака (со втораго укрѣпленія) съ извѣстіемъ, что тамъ дерутся съ Хивинцами». . . Вотъ, рассказъ посланныхъ: 13-го Декабря отправлены были отселѣ 130 человекъ пѣхоты и сотня казаковъ въ Акъ-Булакъ, чтобы привести отголѣ всѣхъ больныхъ, до сотни. Команда эта, ничего не чая, остановилась для послѣдняго ночлега 18 Дек. верстъ за 10 недоходя укрѣпленія, и ночью вдругъ Хивинцы съ крикомъ и визгомъ напали, кинувшись напередъ всего на лошадей. Лошади были стреножены, по до 30 тревогъ лопнуло, и кони шарахнулись безъ удержу; 40 верблюдовъ поскакали за ними вслѣдъ. Между тѣмъ отрядецъ справился, собралъ остальныхъ лошадей и верблюдовъ, окружилъ себя заваломъ изъ телегъ и вьюковъ и благополучно выдержалъ 1½ дневную осаду 2-хъ до 3-хъ тысячъ Туркменъ, Каракалпакковъ и Хивинцевъ. Казаки и солдаты отстрѣливались славно, кидались нѣсколько разъ изъ засады своею на непріятеля, который наконецъ принужденъ былъ удалиться. Съ нашей стороны убиты: три солдата и два казака; ранено 11. У Хивинцевъ потеря не извѣстна, потому что они утаскивали убитыхъ и раненыхъ съ собою; но сами посланные, бывшіе жокаками при отрядѣ, видѣли 8 человекъ, свалившихся съ лошадей. Трое убиты были такъ близко, что тѣла ихъ Хивинцы не успѣли выхватить и покинули. На одномъ изъ посланныхъ была завоеванная сабля, которыхъ взято 5. Прибывъ за тѣмъ благополучно въ укрѣпленіе, молодцы наши услышали здѣсь, что тотъ же Хивинскій отрядъ осаждалъ его три дня, но не могли нанести ему никакого вреда и потерявъ нѣсколько человекъ отъ гранатъ и картечи, прошелъ мимо, вѣроятно для развѣдокъ;—и на этомъ то розыскъ встрѣтилъ конвой, посланный для больныхъ. Вся слава разбойниковъ и трусовъ состоитъ въ томъ, что они звѣрски замучили и разрѣзали по частямъ одного Кайсака, посланнаго, охотой, съ увѣщательными грамотами къ Хивинскому

народу, къ Каракалпакамъ и проч., дабы, по возможности, предупредить напрасное кровопролитіе. Прибывшіе сюда гонцы нашли остатки тѣла его на дорогѣ, верстъ не болѣе какъ въ 5—6 отъ самого укрѣпленія. Это озлобило вообще всѣхъ Кайсаковъ до того, что они называютъ Хивинцевъ кяфырами, не мусульманами и кланутся въ мести. Тѣмъ вѣрише будутъ они намъ служить, тѣмъ менѣе можно ожидать побѣговъ, хотя, правду сказать, и теперь изъ отряда нашего бѣжало Кайсаковъ 3 или 4 человека, и только изъ числа высланныхъ за нами Бай-Мохамедомъ, при 350 верблюдахъ, прибывшихъ вовсе отдѣльно и по себѣ, бѣжало 12 человекъ Кайсаковъ. И такъ, первая побѣда надъ непріятелемъ одержана, а главное—Хивинцы вышли изъ гнѣзда своего и должны теперь драться. Пора спать: до завтраго. Двое Кайсаковъ прибывшихъ съ этою вѣстію вызвались для опасной посылки, а другихъ охотниковъ не было. Это тѣ же самые, которые были отсюда посланы жокаками съ командой, ушедшей въ Акъ-Булакъ за больными. Одинъ изъ нихъ человекъ бывалый, видѣлъ войну между Кайсаками, видѣлъ войну Хивинцевъ съ Персіанами, съ Бохарцами,—но эдакой войны, говоритъ, какъ бой 200 человекъ, этой горсти, за тюками и телѣгами, не видалъ. Онъ не можетъ надивиться хладнокровію солдатъ нашихъ, которые почти двои сутки отстрѣливались, пѣли при этомъ пѣсни, какъ именно Кайсаки замѣчаютъ въ рассказѣ своемъ, даже курили трубки. У Хивинцевъ было два трубача, огромныя, саженныя трубы съ широкимъ раструбомъ; трубачи эти сзывали правовѣрное воинство на бой; всѣ около нихъ собирались, но, какъ трубачамъ нельзя было подѣзжать близко къ заваламъ нашимъ, потому что-де стрѣляли оттуда, то и наѣздники вмѣстѣ съ трубачами давали тылъ. Причина весьма удовлетворительная: у трубача, какъ у всякаго другаго молодца того же калибра, лобъ не за каменной стѣной. Очень хвалятъ поручика Ерофѣева, командира роты, за хладнокровіе и распорядительность его. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что въ первый разъ попалъ въ огонь и войны не видалъ. Сол-

дать было съ нимъ, какъ я узналъ теперь вѣрнѣе, 170 челов., а казаковъ сотня, изъ коихъ 40 верхами, а лошади изъ подъ остальныхъ были заложены въ сани и телѣги, подъ больныхъ. Все это прекрасно. Остаются только неодолимая хлопота съ больными, эту вѣчно мукою всѣхъ военныхъ отрядовъ: за ними сто разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ за убитыми. У насъ, въ 4-й колоннѣ, ихъ уже до 90 человекъ.

У насъ идетъ повѣрка и пересмотръ верблюдовъ: ихъ должно бы быть 10 т.; но выйдеть менѣе, такъ, что за выключкой негодныхъ едва наберется 8 т. Запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя будетъ взять болѣе чѣмъ на мѣсяць; прежде не рассчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвозу. Впрочемъ, у насъ есть еще порядочный запасъ въ Новоалександровѣ, это ближе, и туда можно будетъ послать съ мѣста: туда всего отъ Хивы двѣ недѣли ходу. Солдатъ кормить очень хорошо, даютъ имъ теперь по полному фунту мяса на день; не смотря на это, они болѣютъ. Сначала выступленія В. А. былъ очень озабоченъ неисправностью цѣпи нашей; не умѣли опрашивать проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ; поэтому всѣ наличные при штабѣ офицеры стали обходить (ночью) цѣпь и повѣрять часовыхъ. Нынѣ дошли до того, что можемъ быть спокойны; часовые стоятъ хорошо и понимаютъ обязанность свою. В. А. вчера ночью хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь; часовой уставилъ ему штыкъ въ грудь и побожился, что заколетъ, если не остановится на мѣстѣ до прихода ефрейтора, котораго звалъ отчаяннымъ голосомъ. Мы также боялись частыхъ побѣговъ Кайсаковъ съ верблюдами, но доселѣ было только два или много три случая, остальные служатъ хорошо и стали даже сами (т. е. не верблюды, а Кайсаки) вьючить ихъ къ крайнему облегченію войска. Бай-Мохамедъ прислалъ 380 верблюдовъ, изъ числа этого ушло дорогою 42 верблюда, т. е. 12 челов. съ ними бѣжали. Удивительно,

что доселѣ нѣтъ здѣсь самого Бай-Мохамеда. ему срокомъ назначено было 15-е число, и онъ хотѣлъ прибыть съ 400 Кайсаковъ.

Насчитать ли вамъ, хотя ради небольшого самохвальства, всѣ неудобства нашего необыкновеннаго похода? Начинаю тѣмъ, что еслибы идти намъ по утвержденнымъ и установленнымъ на этотъ предметъ общимъ постановленіемъ, то мы бы доселѣ не дошли далѣе Илецкой Защиты. Напримѣръ: предписывается посылать квартиргеровъ, занимать биваки всегда по близости селеній, разводять бивачные огни, стоять на мѣстѣ, ждать, если морозъ превышаетъ 15°. Хороши бы мы были! Долго бы намъ пришлось дожидаться пятнадцати градусовъ, и дожидаться, покалѣтъ выростугъ на пути лѣса и выстроится селенія. Мы идемъ глубокимъ снѣгомъ, пѣликомъ, безъ дороги,—и это тяжело; верблюды безпрестанно развьючиваются, за ними хлопотъ много, и много остановки; нѣсколько верблюдовъ пристають вовсе, на каждомъ переходѣ,—надобно скакать по отряду, искать порожняго верблюда, чтобы не покинуть вьюка; а между тѣмъ Кайсаки рѣжутъ отслужившаго горбуна и дѣлятъ между собою мясо. Рассчитывали, что на верблюда могутъ садиться попеременно по два солдата, оно справедливо, и верблюдъ несетъ двухъ человекъ легко; но оказывается, что жесткая сума солдатская занимаетъ много мѣста и сверхъ того набиваетъ верблуду задній горбъ, а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подъ ножъ. Число верблюдовъ сравнительно съ числомъ войскъ, очень велико; верблюдъ, избалованное животное, которое требуетъ—не корму, не воды, а присмотру. Не хорошо навьючить, не выровнить тюки, пустить веревку черезъ горбъ—значитъ лишиться верблюда, онъ уже не служака и изъ счету вонъ; каждый день надобно разгребать снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюды укладываются и даже, гдѣ только можно, срывать землю, до талой земли—работы много. Надобно также подстилать подъ скотину эту кошмы или камышъ; а солдаты гораздо охотвѣе укрываются кошмами сами и жгутъ камышъ, а верблюды болѣютъ и дохнутъ.

В. А. уѣхалъ въ укрѣпленіе, отъ котораго мы въ полуверстѣ—заботиться о больныхъ; папа Пій VII-й поймалъ Menonites Tamariscina и очень доволенъ; онъ ходитъ по сугробамъ снѣга въ мѣховыхъ сапогахъ, нагольномъ тулупѣ и самоѣдской скуфѣ, закрываясь локтемъ отъ жестокаго бурану. Сарданапаль-царевичъ возвратился съ охоты благополучно и очень удачно, т. е. къ счастью не видалъ кабана и остался пѣль и невредимъ. Ивановъ варитъ пельмени, разъ по семи на день и ѣсть, увѣряя, что это грѣшетъ. Мулла, нынѣ чиновникъ, урядникъ, взявъ у меня ружье, послышавъ о близости Хивинцевъ и пригоняетъ пули. Сабли онъ не снимаетъ съ себя даже ночью, потому что теперь онъ военный человекъ. Чихачевъ таки дохолодился на морозѣ до того, что его вчера маленько встряхнуло—нынѣ онъ здоровъ. Бодиско стоитъ отъ насъ саженьяхъ во ста, за штабомъ, въ обозѣ; мы видимъ его только за обѣдомъ, да изрѣдка навѣщаемъ; ему вчера выдернули зубъ, который его нѣсколько дней сильно мучилъ.

Я помянулъ пельмени: скажите пожалуйста тому, до кого это можетъ касаться,—что пельмени наши нигде не годятся; въ Оренбургѣ, какъ вы чай помните, была оттепель; заботливый поваръ нашъ пересыпалъ ихъ въ это время мукой, чтобы не слились всѣ въ одинъ пельмень—теперь, какъ сварятъ ихъ, точно клейстеръ, мука сваренная въ водѣ. Между тѣмъ ѣдимъ ихъ очень прилежно, потому что французскій самоучитель, М-г l'Arpetit, даетъ намъ полезныя уроки. Вчера вся честная ніющая братія возстала на меня дружнымъ и шумливымъ оплотомъ, за то, что я не умѣю достать вина для нихъ, которое замерзло въ боченкѣ. Я просилъ наставленія, какъ это сдѣлать,—потому что боченокъ на морозѣ не отойдетъ, а рубить его не приходится; водяныя части вина разумѣется замерзли напередъ, а послѣ уже спиртовья, и потому надобно бы оттопить все. Велегласное совѣщаніе кончилось тѣмъ, что нельзя ничего сдѣлать, и трое ретивыхъ спорщиковъ, которые хвалились, что распорядились бы гораздо лучше, еслибы дѣло было поручено

имъ, замолчали. Имъ однакоже очень прискорбно, что мы завтра, первый праздникъ, будемъ безъ вина. И такъ сегодня сочельникъ; походная церковь наша поставлена въ укрѣпленіи; зеленая кровля шатромъ видѣется издали. Въ Оренбургѣ храмикъ нашъ исчезалъ среди высокихъ зданій,—здѣсь, между курныхъ и дымныхъ кибитокъ, между рыхлыхъ землянокъ, занесенныхъ сугробами снѣга, между будками спитыми на живую нитку изъ лубковъ и рогожъ, походная церковь составляетъ самое великолѣпное зданіе. Тридцать два заряда приготовлены, колокольъ сзываетъ на всенощную—здѣсь конечно отъ созданія міра впервые раздается звонъ христіанскаго колокола. Для сочельника вѣтеръ стихъ; погода прекрасная, мы ходимъ въ однихъ курткахъ и сертучкахъ—и не можемъ надивиться, что термометръ докладываетъ намъ о 14 градусахъ. Это, право, оптическій обманъ. Земля нырнула уже въ глубокую тьму—вокругъ поднимаются искристые столбы туманнаго свѣту, это огни наши; вблизи на всѣхъ кибиткахъ, по своду кровли, широкія огненные прорѣхи, изъ которыхъ вылетаетъ дымъ, паръ, и тутъ и тамъ искры; часовые опять затаили уже круговую зѣвоту свою, верблюды угнаны на далекое пастбище, и потому унылыхъ пѣней ихъ не слышать. Все тихо;—«солдатъ стой, убью—солдатъ стой, что отрылъ?» раздается тутъ и тамъ—и благодать Господня почіетъ на христіанскимъ войнствѣ.

Командиръ колоннъ перемѣняется по случаю назначенія Толмачева командующимъ пѣхотой, Цюлковскаго кавалеріей, Кузминскаго артиллеріей. Первой колонной командуетъ полковникъ Бизяновъ, славный, почтенный старецъ и знакомецъ мой, уралецъ, ходившій еще при Павлѣ I въ аломъ кафтанѣ и синей шапкѣ, воевавшій еще съ Суворовымъ—и первая колонна идетъ впередъ, чуть ли не на второй день праздника. Счастливый и завидный путь!

V.

27 Дек. Четыре колонны наши пойдутъ отсюда эшелонами, съ тѣмъ, чтобы 1-я колонна приняла въ одномъ или двухъ пере-

ходахъ отъ Акъ-Булака высланныхъ оттуда, подъ прикрытіемъ Чижева, больныхъ, передала ихъ за переходъ во 2-ю, тамъ въ 3-ю, 4-ю, и такимъ образомъ будутъ они доставлены благополучно сюда, и мы не лишимся конвоя своего, который въ иномъ случаѣ долженъ бы проводить больныхъ и съ ними остаться. Чихачевъ еще открылъ, что термометръ его вралъ на $1\frac{1}{4}^{\circ}$, а именно показывалъ меньше, потому что висѣлъ на кибиткѣ В. А., въ которой бывало до 20° и болѣе тепла. Стало быть 6-го Дек. у насъ было до 34° морозу, что и согласно съ наблюденіемъ въ другихъ колоннахъ. Странная болѣзнь появляется здѣсь изрѣдка. Скажите мнѣ, что это такое: начинается прямо безпамятствомъ и сумашествіемъ, между тѣмъ какъ по всему нельзя предполагать тутъ воспаления мозгу; человѣкъ до пяти заболѣвали, и двое умерли.

Отъ Оренбурга шли мы все въ гору, вверхъ по Илеку; перешли Сыртъ, т. е. раздѣленіе водъ, возвышеніе Буссага, которое на картахъ изображаютъ огромными, небывальными горами; тамъ спустились внизъ по Эмбѣ и теперь пойдемъ низменною степью до самаго Чинта. До Эмбы земля довольно плодородна, растутъ ковыль, а гдѣ ковыль, тамъ можетъ расти и хлѣбъ; отселѣ далѣе почва илистая, песчаная, солонцеватая, глинистая, словомъ, дно морское: растутъ одни тонкія соляники и мелко-травчатая полынь, да мѣстами бурьянъ и помочка, словомъ земля голодная, лѣтомъ почти непроходимая. По Илеку сидѣли аулы Ташипцевъ; здѣсь Чиглипы, и именно Назаровцы; это народъ довольно дикій, многіе изъ нихъ не видали отъ роду Русскихъ;— между тѣмъ аулы ихъ сидятъ спокойно кругомъ, не уходятъ, потому что зимою имъ бѣжать нельзя, и приводятъ даже скотъ на продажу; имъ велѣно поставить намъ сколько можно верблюдовъ и лошадей. Нѣсколько ауловъ вѣденія Куль-Джани не дали вовсе верблюдовъ, когда собирали ихъ для экспедиціи и платили найму по 10 руб. серебр. за каждый. Этимъ молодцамъ задана теперь задача—поставить двѣ сотни горбуповъ. По случаю ссоры Назаровцевъ съ Хивинцами никакихъ вѣстей о войскѣ ихъ нѣтъ;

не знаемъ что и какъ будетъ, а надѣемся встрѣтить ихъ.

28 Дек. Кто скажетъ намъ, какіе это Хивинцы съ нами дрались? Передовой ли отрядъ, или просто команда Менембая (Джангиза), которая вышла встрѣчать караванъ и сорвать съ него что можетъ, и вздумала прислужиться хану нападеніемъ на Акъ-Булакъ? Статься можетъ, что мы ихъ и не удивимъ больше, и знаменитую вылазкою двѣнадцати солдатъ и 4-хъ Грозненскихъ казаковъ кровопролитіе кончится! Но человѣчеству—прекрасно; но, соображая цѣль многотрудной и дорогой экспедиціи вашей, дурно. Если все обойдется по христіански, чинно, смиренно, тихо — тогда не узнаютъ страха, и нельзя поручиться, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ Хива не сдѣлалась опять тѣмъ же вертепомъ. Если напротивъ придется побить ихъ путемъ, разбить какой нибудь глиняный валъ или стѣну ядрами или подорвать его миной, поднять на штыкъ ихнее ополченіе, размести, какъ говорится, пепель хвостомъ конскимъ: тогда бы помнили Русскихъ долго. Первая угроза имъ легла бы смерчемъ на безпутное ханство, и каждое требованіе было бы свято исполняемо.

— Вчера В. А. въ первый разъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ: колонны въ сборѣ, и потому всѣ могли наблюдать ихъ хорошо. Впрочемъ, никогда употребленіе этого средства на сухомъ пути не можетъ сдѣлаться до такой степени общимъ, какъ на морѣ (*): тамъ ничего не мѣшаетъ наблюдать огни, тамъ часовой закричитъ: сигналы — и вахтенный, не сходя съ мѣста направляетъ глаза или трубу въ ту сторону, гдѣ флагманъ; здѣсь иному придется бѣжать съ версту, покуда найдетъ того, кому надо наблюдать, и этому опять искать чистаго мѣста, откуда сигналы видны.

Мы обстрѣливаемъ коней своихъ: мои, мухортый и карій, ничего не боятся, словно знали, что подъ такого богатыря пойдутъ. Для охоты это очень пріятно. Леманъ вчера

(*). Передъ назначеніемъ въ Оренбургъ гр. Перовскій служилъ нѣкоторое время въ морскомъ вѣдомствѣ, П. Б.

ѣздилъ версть за десять, видѣлъ горы морскихъ ракушекъ и животныхъ, далъ нѣсколько промаховъ изъ ружья и щедро наградилъ казаковъ, которые убили ему пятокъ куропатокъ и два жаворонка. Онъ тѣшился ими. Чихачевъ, выбривши и вымывши всю прислугу нашу, сжегъ рукавъ совика, обрѣзалъ огромные бахилы и работалъ потомъ съ астрономомъ Васильевымъ. Онъ, Чихачевъ, постоянный метеорологъ нашъ, беретъ высоты, наблюдаетъ барометръ, термометръ и даже баро-термометръ: машинка, по которой черезъ кипяченіе перегонной воды узнается возвышеніе мѣста отъ поверхности моря, потому что вода, какъ извѣстно, кипитъ при различной температурѣ, смотря по возвышенію мѣста или тяжести воздушнаго надъ нею столба. Мнѣ поручено строить койки, о которыхъ я говорилъ, и это занятіе яраво больше идетъ ко мнѣ, чѣмъ быть очень неисправнымъ буфетчикомъ. Но, что всего лучше, у насъ теперь прекрасныхъ, сухихъ, березовыхъ щень вдоволь: въ юлламѣ пылаетъ неугасимый огонь, и Весталка наша, знаменитый Бай-сенъ Чихачева, не можетъ нахвалиться щедротами Аллаха. У Байсена этого рожа право самая неблагопристойная, разсудка нѣтъ, кажется, ни на волосъ, а между тѣмъ онъ насетъ прекрасно верблюдовъ, день и ночь караулитъ лошадей и стѣбитъ намъ теперь дороже трехъ исправныхъ деньщиковъ. Мы позвали вчера вечеромъ моего Саната въ юлламу, сѣли вокругъ огня, затопили чайникъ, произвели Муллу-Нура въ чайбаши и заставили Саната рассказывать сказку, услышавъ случайно, что онъ большой мастеръ этого дѣла. Чтоже вы думаете? Право мы изумились; ждали какого нибудь вздору, а Санатъ мой высыпалъ вамъ цѣлую поэму о Чурь-батырѣ, Ногайцѣ, въ презамысловатыхъ стихахъ, съ безконечнымъ ожерельемъ прибаутокъ, съ рвѣнами, съ пѣснями, съ прииѣвами, складно, ладно и причудливо. Это большая рѣдкость между Кайсаками; у нихъ обыкновенно не найдете, въ народной поэзіи, воспоминаній былевыхъ, а пѣснопѣвцы слагаютъ стишки свои, по четыре въ строчѣ,

на обумъ, помня немногіе изъ нихъ наизусть. Чурь-батыръ непременно будетъ переписанъ, отъ слова до слова, и переведенъ на Русскій языкъ. Я далеко не все понималъ, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самаго разсказа съ Русскими богатырскими сказками. Что такое народная поэзія? Откуда берется это безотчетное стремленіе нѣсколькихъ поколѣній къ одному призраку, и какимъ образомъ наконецъ то, что думали и чувствовали въ продолженіи десятковъ или сотенъ лѣтъ цѣлые народы, племена и поколѣнія, оживаетъ въ словѣ, воплощается въ словѣ одного, и снова развѣивается въ толпѣ и дѣлается общимъ достояніемъ народа? Это загадка. Сто устъ глаголятъ одними устами—это хоръ древнихъ Грековъ, и значеніе хора ихъ можетъ понять только тотъ, кто способенъ постигнуть душою, что такое народная, созданная народомъ поэма: это дума вслухъ цѣлаго народа, цѣлыхъ поколѣній народа. Для меня, это первый залогъ нашего безсмертія. Говорятъ: гласъ народа, гласъ Божій; что же сказать о гласѣ цѣлаго поколѣнія? Этотъ залогъ—долженъ найти свой отголосокъ, онъ не замретъ въ простотѣ и силѣ своей, а отголоска ему въ этомъ мірѣ нѣтъ. Такъ-то мы читаемъ въ каждой книгѣ не то что написано, а то, что можемъ понять и постигнуть, что тронетъ и займетъ насъ; такъ-то народныя преданія для иныхъ—бабья сплетня, для иныхъ совсѣмъ иное.

Такъ колоратно все на свѣтѣ! Не болѣе трехъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончилъ эту страницу письма, и погода измѣнилась, сдѣлалось гораздо теплѣе, вѣтеръ затихъ, а у насъ въ отрядѣ двухъ Кайсаковъ разстрѣляли. Ночью бѣжало шесть человѣкъ съ 18-ю верблюдами, а потомъ всѣ верблюдчики въ колоніи Толмачева объявили, что далѣе идти не намѣрены, а хотятъ воротиться. Причины раздумья ихъ были очень просты: верблюды-де у насъ плохи, устанутъ, не дойдутъ, непріятель впереди, время опасное—такъ зачѣмъ мы туда поидемъ? В. А. выѣхалъ къ нимъ тотчасъ самъ, велѣлъ ихъ собрать и окружить карауломъ, человѣкъ до 200. За тѣмъ

Ивановъ растолковалъ имъ, что мы всё идемъ не по своей волѣ, а по волѣ Государевой, что всякій, кто теперь смѣетъ сказать: «я не иду далѣе» ослушникъ и преступникъ и долженъ быть строго наказанъ; что Кайсаковъ у насъ кормятъ хорошо, даютъ имъ мяса и крупъ болѣе чѣмъ солдату; что непріятели имъ бояться не для чего, какъ могутъ заключить изъ первой стычки нашей съ нимъ: тамъ Кайсаки лежали, по распоряженію офицера, за пулями, а солдаты и казаки отстрѣливались; солдаты же и казаки ранены и убиты, а Киргизы всё цѣлы и пр. За тѣмъ спросили всю толпу, кто повялъ рѣчь эту, образумился и хочетъ идти, и кто нѣтъ. Нѣкоторые увидали, что мимо ихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками, а другіе съ ружьями за ними, и спѣшили бѣгомъ перебраться на правую сторону; другіе послѣдовали ихъ примѣру, а семь человѣкъ, и въ томъ числѣ знаменитый ораторъ, который кричалъ за всѣхъ, что мы де не пойдемъ, переплы на лѣвую сторону. Послѣднихъ тотчасъ же окружили казаки съ пиками, и В. А. указалъ на одного изъ нихъ (кажется на перваго встрѣчнаго, на кого упала рука). Его вывели, раздѣли, завязали глаза, и залпъ раздался. Вслѣдъ за тѣмъ та же судьба постигла другаго, остальные пять взывали о милосердіи и отдавали души свои въ поруки, что готовы идти на край свѣта. В. А. сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ во уваженіе просьбы султана-правителя Бай-Мохамеда, который присутствовалъ тутъ же. и образумившіеся глупыши, бѣгомъ, кувыкомъ и прыжкомъ, пробрались между лошадьми и пиками на правую сторону, къ праведнымъ. Примѣръ этотъ необходимъ. Подкрѣпи только Господь здоровье В. А. (*) и душевную силу его! Онъ иногда бываетъ очень разстроенъ отъ безпрестанныхъ непріятностей и трудовъ, отъ заботъ, которыя нельзя устранить и не всегда можно увѣнчать успѣхомъ.

(Окончаніе будетъ.)

(*) Сравни Р. Ахр. 1865. Записки гр. Перовскаго.

ИЗЪ БУМАГЪ О ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ, ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЕГО „ЖИЗНИ“, ИЗ- ДАННОЙ ВЪ 1861 ГОДУ. (*)

I.

Къ стр. 22-й (примѣч.) тома II-го.

Здѣсь упоминается о собственноручномъ письмѣ графа Павла Александровича Шувалова. Оно было отъ 27-го Августа 1815-го года, во время заточенія Сперанскаго въ селѣ Великопольѣ. Вотъ что писалъ ему графъ:

„Je sais avec le plus vif empressement l'occasion du départ de Mr Mohiliansky pour me rappeler à votre souvenir. Je serais déjà à Novgorod pour avoir l'honneur et le plaisir de vous voir; mais l'Empereur n'étant pas ici, je ne puis quitter Pétersbourg; dès qu'il sera arrivé, je lui en demanderai la permission. Je vous réitère par écrit la prière que je vous ai déjà faite par quelques personnes; je vous la fais avec les plus vives instances: employez-moi si je puis vous être utile; donnez-moi les moyens de l'être; la voix d'un honnête homme peut se faire en entendre auprès d'un Souverain comme le notre. Il peut être abusé quelquefois, mais ne se refusera pas à l'évidence. Employez-moi, je vous en supplie, toujours et comme vous le croirez le mieux; vous prouverez par là que vous conservez quelque amitié à celui qui vous a voué pour la vie l'attachement le plus sincère et la reconnaissance la plus vraie.“

Т. е. „Пользуюсь съ живѣйшею готовностію отъѣздомъ г. Могилянскаго, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Я уже непременно былъ бы въ Новгородѣ, чтобы имѣть честь и удовольствіе свидѣться съ вами, если бы отсутствіе Государя не удерживало меня въ Петербургѣ; но тотчасъ по его возвращеніи я буду просить дозволенія васъ посѣтить. Между тѣмъ возобновляю письменно, и притомъ самымъ настойчивымъ образомъ, прось-

(*) Сообщеніемъ этихъ бумагъ почтилъ наше изданіе высокоуважаемый авторъ «Жизни графа Сперанскаго», баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. П. Б.

бу, уже переданную вамъ отъ меня чрезъ посредство нѣсколькихъ лицъ, а именно употребить меня, если я могу вамъ быть на что либо пригоденъ. Дайте мнѣ къ тому случай. Голосъ честнаго человѣка будетъ услышанъ такимъ Государемъ каковъ нашъ. Его можно иногда ввести въ заблужденіе, но онъ не будетъ упорствовать передъ очевидностію. Употребляйте же меня, прошу васъ о томъ, вездѣ и всегда, какъ вамъ представится полезнѣйшимъ; этимъ вы докажете, что не охладѣли въ дружбѣ къ тому, который съ своей стороны на всю жизнь привязанъ къ вамъ искреннѣйшею признанію и живѣйшею благодарностію.“

II.

Къ стр. 90-й тома II-го.

Какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы, прилагаемъ здѣсь письма Сперанскаго къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ изложена исторія его перевода книги „О Подражаніи Христу“, вмѣстѣ съ подробностями, относящимися какъ къ этому переводу, такъ и къ его изданію. Изъ числа этихъ писемъ донынѣ было извѣстно публикѣ, сколько мы знаемъ, только одно — 28-го Января 1818 г., къ Лабзину. Прочія мы нашли въ черновыхъ отпускахъ, между бумагами писавшаго ихъ. Бывъ напечатанъ, по Высочайшему повелѣнію на казенный счетъ и пожертвованъ Сперанскимъ въ пользу Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, упомянутый переводъ его (*) принесъ послѣдному 6371 р. 28 к. асс., изъ которыхъ воспользовались побобіемъ болѣе 500 семействъ.

Умершій протоіерей Казанскаго Собора Петръ Николаевичъ Мысловскій, бывший нѣкогда духовникомъ участникомъ 14-го Декабря 1825-го года, рассказывалъ намъ, что одинъ изъ нихъ, зараженный совершеннымъ безвѣріемъ, испыталъ на себѣ, еще во время содержанія въ крѣпости, благотѣльное влі-

(*) Впослѣдствіи онъ былъ еще нѣсколько разъ напечатанъ.

яніе „Подражанія Христу.“ Прочитавъ, по указанію Мыловскаго, эту книгу въ переводѣ Сперанскаго, онъ обратился въ истиннаго христіанина, исповѣдывался и приобщился Св. Тайнъ, съ самымъ чистосердечнымъ раскаяніемъ въ прежнихъ заблужденіяхъ.

Скажемъ, впрочемъ, что, въ отношеніи собственно литературномъ, переводъ Сперанскаго скорѣе можно назвать посредственнымъ; видно, что переводчикъ, какъ и самъ онъ говоритъ, жертвовалъ изящностію рѣчи для буквальной почти передачи подлинника. Но слогъ помѣщенныхъ въ той же книгѣ „Избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ твореній Омы Кемпійскаго“ не лишенъ достоинствъ, разумѣется по отношенію ко времени его появленія. Тутъ Сперанскій, уже не придерживаясь рабски оригинала, извлекъ только его духъ и сущность и передалъ все это свободно творческимъ своимъ языкомъ.

1817 г. Января, 9-го къ князю А. Н. Голицыну, какъ предсѣдателю Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Не въ качествѣ переводчика, но въ точной увѣренности въ истинной пользѣ книги *О Подражаніи*, весьма обрадованъ я былъ, что сіе малое приношеніе, какъ лепта вдовицы, принято вами благосклонно. Г. Цейеръ донесетъ вашему сіятельству, гдѣ и чрезъ кого я желалъ бы ее напечатать; я съ нимъ говорилъ о семъ подробно.

1818 г. Января 28, къ А. О. Лабзину.

Еще болѣе благодаренъ вамъ за предложеніе ваше объ изданіи перевода моего *О Подражаніи*. Я началъ переводъ сей еще въ 1805 году, переводивъ по листочку въ день, среди великихъ хлопотъ, по утрамъ, вмѣсто молитвы. Изъ сихъ листочковъ соста-

вились три первыя части. Легко можно представить, что переводъ и неровенъ и негладокъ. Въ Перми окончилъ я четвертую. При отъздѣ въ Пензу, я просилъ князя А. Н. Голицына (*), не угодно ли ему будетъ приказать первыя три части, въ бумагахъ моихъ (въ Петербургѣ, въ 1812 г.) оставшіяся, отыскать и сложить вмѣстѣ съ четвертою, приказавъ напечатать въ пользу бѣдныхъ. Послѣдовало Высочайшее соизволеніе — напечатать на счетъ кабинета. Изданіе намѣренъ я былъ поручить одному моему пріятелю, статскому совѣтнику Цейеру. Между тѣмъ, при перепискѣ и проченіи, замѣчены были, людьми свѣдущими, въ переводѣ первыхъ трехъ частей разныя неровности и недостатокъ единообразія въ слогѣ. Я истребовалъ сюда (въ Пензу), чтобы пересмотрѣть и исправить. Вмѣстѣ съ тѣмъ прислали ко мнѣ и Латинское Парижское изданіе 1810 г., прекраснѣйшій стереотипъ, несравненно лучший нежели тотъ экземпляръ, съ коего я переводилъ. Такимъ образомъ работа удвоилась; но я близокъ уже къ концу. Какъ скоро окончу, то и доставлю все къ вамъ и, вмѣстѣ, буду просить князя Александра Николаевича, чтобы деньги, на сіе назначенныя, отпущены были въ ваше распоряженіе; за то все изданіе должно поступить, по первому моему обѣщанію, въ пользу Человѣколюбиваго Общества. Я помню переводъ „Подражанія“ въ *Избранной библіотекѣ* и недавно имѣлъ его въ рукахъ.

(*) Разумѣется — письменно, такъ какъ въ то время они не видѣлись; но письма этого не отыскаво.

Онъ весьма неисправенъ; послѣднее изданіе 1816 г. несравненно лучше. Вообще я не желалъ бы, чтобъ „Подражаніе“ слагалось съ чѣмъ нибудь другимъ. Эта книга — классическая и должна идти сама по себѣ. Присоедините къ сему, что маленькія книжки и расходятся скорѣе и проникаютъ далѣе. Дробите насущный намъ хлѣбъ: онъ скорѣе до насъ дойдетъ.

Того же числа, къ князю А. Н. Голицыну.

Я долженъ еще вашему сіятельству дать отчетъ въ книгѣ *Подражанія*, которая и по сіе время еще не въ печати. При чтеніи первыхъ трехъ частей нѣкоторымъ знатокамъ въ Петербургѣ показалось, что переводъ не довольно гладокъ; я истребовалъ его сюда и нашелъ мнѣніе ихъ справедливымъ. Принялся поправлять, а между тѣмъ доставили ко мнѣ новое Латинское изданіе сей книги, въ 1810 г. напечатанное, исправнѣйшее нежели всѣ доселѣ бывшія; сіе заставило меня все вновь пересмотрѣть и теперь надѣюсь, что переводъ, дѣйствительно, будетъ лучше. Какъ скоро окончу, то и доставлю его по прежнему назначенію. А. Θ. Лабзинъ вызывается самъ смотрѣть за изданіемъ; по малой опытности въ сихъ дѣлахъ г. Цейера и по болѣзненному его состоянію, сіе предложеніе я считаю весьма обязательнымъ и нынѣ же о семъ къ нему пишу.

1818 Марта 26-го, къ А. Н. Тургеневу.

Дозвольте мнѣ, милой мой Александръ Ивановичъ, принести вамъ искреннюю мою благодарность за участіе ваше въ изданіи *Подражанія*.

Вѣсть сія дошла ко мнѣ поздно, но, по счастью, я ни съ кѣмъ никакихъ не сдѣлалъ обязательствъ и чрезъ недѣлю или двѣ доставлю къ вамъ мой переводъ. Никто лучше васъ не можетъ содѣйствовать его успѣху, а успѣхъ состоитъ въ томъ, чтобъ книгу сію какъ можно болѣе читали и любили.

Того же числа, къ Ф. И. Цейеру.

Изъ письма моего къ Аркадію Алексѣвичу (Столыпину) (*) вы вѣрно видѣли причину, по коей я думалъ поручить *Подражаніе* Лабзину, — *думалъ*, но теперь уже не думаю, потому что страхъ быть предупреждену его изданіемъ миновался, а остались токмо одни неудобства. Посему и рѣшился я нынѣ же обратиться на прежнее и начинаю тѣмъ, что пишу къ А. И. Тургеневу и благодаря его за участие, утверждаю въ добромъ намѣреніи. Тебѣ извѣстно, что я съ Лабзинымъ никогда не имѣлъ никакой связи, а терпѣлъ за него очень много. Впрочемъ и его гонять, мнѣ кажется, безъ всякой причины, развѣ за самолюбіе и нѣкоторую рѣзкость въ словахъ. Говоря о *Подражаніи*, я не сдѣлалъ съ нимъ никакого обязательства, а на предложеніе его отвѣчалъ учтивымъ предложеніемъ. И онъ замолчалъ, вѣроятно, потому что изъ письма моего увидѣлъ, что весь доходъ сей книги обреченъ уже на другое употребленіе. Богъ съ нимъ! Дѣло сіе кончено, и никогда вы болѣе отъ меня объ немъ не услышите. Примѣтите въ заключеніе, что когда я

къ нему писалъ, то ничего еще не зналъ о вызовѣ А. И. Тургенева.

1818 Іюня 11, къ Ф. И. Цейеру.

Наконецъ, послѣ столь многихъ отлагательствъ, представляю вамъ, любезный мой Францъ Ивановичъ, двѣ книги *Подражанія*. По первому взгляду вы примѣтите, что переводъ не переправленъ, а почти весь передѣланъ. Причины сего состоятъ, кратко, въ томъ, что я перемѣнилъ самое правило и образъ перевода. Смѣю думать, что ни на какомъ европейскомъ языкѣ нѣтъ перевода столь близкаго и буквального, какъ настоящій. Я переводилъ прежде, подражая другимъ и изыскивая выраженія, кои казались мнѣ удобнѣе и изящнѣе, т. е. одѣвалъ мысли автора въ мое платье. Поправлялъ же или, лучше сказать, передѣлывалъ переводъ точно съ тою же вѣрностію, какъ бы я переводилъ текстъ Св. Писанія. По счастью, переводъ ничего отъ сего не потерялъ ни въ ясности, ни въ слогѣ, но онъ получилъ точно ту физіономію, которую имѣетъ въ подлинникѣ, т. е. простоту и краткость. Всю внѣшность изданія оставляю въ полную волю издателя (*), ибо я не знатокъ ни въ форматѣ, ни въ шрифтѣ; требую только, чтобъ бумага и буквы были лучшія, не гоняясь за дешевизною. Желалъ бы крайне избавить васъ отъ переписки на чисто; но здѣсь пособить некому; предлагаю вамъ одно средство: приискать себѣ помощника и поставить на мой счетъ всѣ издержки, чтобъ переписано только было

(*) Не отыскано.

(*) Т. е., какъ видно изъ предъидущаго, А. И. Тургенева.

подъ вашимъ надзоромъ. Ошибки правописанія, если бы и встрѣтились, поправить издатель при корректурѣ: онъ совершенный дѣла сего знатокъ. Третья часть придетъ въ слѣдъ за симъ, и не дожидаясь отдавайте издателю; за нею не будетъ остановки, еслибъ и чрезъ недѣлю по полученіи начали печатать. Четвертая и „Избранныя мѣста“ у васъ, и слѣдственно все въ порядкѣ.

По разнымъ соображеніямъ *весьма нужно*, чтобъ, на другой день по полученіи сего письма съ приложеніемъ, увѣдомили бы вы издателя и довели до свѣдѣнія князя Голицына такимъ путемъ, какъ найдете лучше. Последній, кажется, начинаетъ сомнѣваться въ окончаніи сего дѣла; объяснять же ему трудности перевода, мое мелочное, но терзательное многодѣліе (*) припадки моей лѣности и гѣвеніе, отъ коихъ не могу никакъ избавиться, было бы и скучно и неприлично.

1818 Іюня 26, къ тому же.

Я бы желалъ, чтобъ вы приостановились вручить Лабзину рукопись моего перевода (**). По крайней мѣрѣ должно испросить на сіе точное приказаніе князя Александра Николаевича. Осторожность сія нужна, чтобъ не подать повода къ какимъ либо новымъ сплетнямъ.

1818 Іюля 9, къ тому же.

Je reçois dans l'instant votre lettre du 28 juin. Charmé, parfaitement content de la

(*) Сперанскій былъ уже тогда Пензенскимъ губернаторомъ.

(**) Вѣроятно, что со стороны Лабзина были какія-нибудь настоянія на прежнемъ его предложеніи—быть издателемъ.

tournure que l'édition de l'imitation avait prise. Mille grâces à Mr Tourgeneff et pour la lettre que je viens d'ouvrir et pour ses soins vraiment amicals (*). Я оканчиваю послѣднія двѣ тетради 3-й книги, и съ будущею почтою вы вѣрно все получите. вмѣстѣ съ тѣмъ пришлю вамъ и самый экземпляръ Латинскаго стереотипа, который, впрочемъ, думаю, для 4-й книги будетъ вамъ не нуженъ, потому что книгу сію въ Перми я переводилъ съ Латинскаго изданія О. Соммаля, съ котораго и сей стереотипъ снятъ, а потому думаю что à l'inec стиховъ будутъ одинаковы. Не худо, однако же, слегка просмотрѣть и сообразить.

Со временемъ напишу я и рецензію на сію книгу, для помѣщенія въ газетахъ. О переводѣ сказать нечего, кромѣ что онъ исправенъ; но о самой книгѣ еще можно сдѣлать нѣсколько полезныхъ примѣчаній, для возбужденія спящаго у насъ вниманія,—примѣчаній, коихъ не могъ я помѣстить въ предисловіи.

1818 Іюля 23, къ тому же.

На другой день по отправленіи къ вамъ, мой любезный, послѣднихъ тетрадей *Подражанія*, пришло мнѣ въ мысль перемѣнить одно слово и, хотя перемѣна сія не существенна, для чего ее не сдѣлать, когда есть еще время? Слово сіе есть: монахъ, монашествующій, монашескій. Оно встрѣчается наипаче въ XVII и XIX главахъ первой книги. Въ подлинникѣ сто-

(*) Т. е. «Я получилъ сію минуту ваше письмо и совершенно доволенъ тѣмъ направленіемъ, которое приняло дѣло объ изданіи въ свѣтъ *Подражанія*. Очень благодаренъ Гурганеву и за письмо, только что мною распечатанное, и за его истинно дружескія хлопоты.»

ить точно монахъ; но, къ несчастію, слово сіе, въ употребленіи его на Русскомъ языкѣ, такъ обвѣтшало и сдѣлалось такъ близко и смежно съ разными предразсудками, что можетъ быть неприятно покажется для щекотливаго уха. Есть другое слово болѣе Славянское, но менѣе простонародное, а именно слово *инокъ*. Вездѣ, гдѣ стоитъ *монахъ*, или *монашествующій*, я бы желалъ поставить *инокъ*, а гдѣ стоитъ *монашескій*, напримѣръ: монашеская жизнь, или монашеское состояніе, тамъ поставить бы *инокескій*. Слово сіе наше, въ церковныхъ книгахъ употребительнѣе, а потому и благороднѣе. По корню своему оно значить человекъ, *иный* образъ приняшаго и соотвѣтствуетъ нѣсколько Французскому *réformé*, *comme p. ex. Carme réformé*.

1819 Декабря 10, къ дочери.

Съ послѣдними двумя почтами получилъ я мое *Подражаніе*. Тургеневъ пишетъ, что онъ и къ тебѣ послалъ экземпляръ. Мое намѣреніе было издать сей переводъ такъ, чтобы никто не зналъ и не подозрѣвалъ моего имени, ибо дѣла сего рода должны быть учреждаемы также, какъ подаваніе милостыни. Судьба расположила иначе, и дѣло сіе стало гласнымъ. И сколько гласность сія ни противна моимъ правиламъ и предположеніямъ, но я не могъ поступить иначе. Во время гоненія, между прочими несправедливостями, меня обвиняли и въ безбожій, или по крайней мѣрѣ деизмъ. Въ отвѣтъ я указалъ на сей переводъ, который взятъ былъ и хранимъ вмѣстѣ съ моими бумагами. Онъ начатъ

былъ еще въ 1805 году и продолжался отрывками, но почти ежедневно. Вотъ исторія сего изданія. Книга прекрасная, а переводъ отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что онъ отменно близокъ и почти буквальный. Со всѣмъ тѣмъ, мнѣ жаль, что все это огласилось. Я не люблю пустаго шуму: ибо по опыту знаю, что шумъ, кромѣ зависти, ничего не производитъ.

1820 Мая 20, къ князю А. Н. Голицыну.

Мнѣ писали, что переводъ *Подражанія* расходится съ успѣхомъ. Если благотворительное общество, коему принадлежитъ сія книга, расположится сдѣлать второе изданіе, то я желалъ бы перемѣнить нѣсколько словъ и выраженій, не для красоты слога, но для ясности и большей еще точности.

Вотъ еще одно письмо о „Подражаніи.“ Оно писано изъ Перми, именно 6-го Августа 1813-го, и говоритъ не о переводѣ Сперанскаго, а о самой книгѣ. Это письмо къ П. А. Словцову:

Я рекомендовалъ вамъ Оуму Кемпійскаго и теперь еще рекомендую. Право, вы найдете тутъ сокровище; но еще повторяю: читать его надобно не предъ чувствіемъ, но послѣ чувствія. Одно покаяніе, или лучше сказать, сердечное сокрушеніе, можетъ возбудить чувствіе, а чтеніе потомъ укрѣпитъ его и усилить. Книги о подражаніи Иисусу Христу не что другое суть, какъ избранныя мѣста изъ Св. Писанія, по двумъ главнымъ путямъ расположенныя. Первыя двѣ книги относятся къ покаянію; третія—къ обращенію со Христомъ и предъ

ставляетъ самыя разительныя и, такъ сказать, съ натуры снятыя примѣры, какъ бесѣдуетъ Христосъ съ душою. Вы увѣритесь въ сихъ бесѣдахъ нѣкогда и будете жалѣть, что поздно увѣрились: *je l'ai connu trop tard, vérité ancienne et nouvelle* (*), восклицалъ долго блуждавшій, нѣкогда къ плоти привязанный, гордою платоническою мудростию преисполненный и наконецъ раскаявшійся, обратившійся, смиренный Августинъ. Четвертая книга Омы Кемпійскаго изображаетъ таинство Евхаристіи.

III.

Къ стр. 98 и 99-й тома II-ю.

Въ то время, когда Сперанскій томился въ Великопольскомъ своемъ заточеніи и весь былъ погруженъ въ аскетическія размышленія, до него внезапно донеслась вѣсть о событіи, обратившемъ на себя вниманіе всего міра, — тотъ актъ, въ которомъ три разновѣрные монарха, три первенствующіе самодержца Европы, неразрывно соединились вѣчнымъ союзомъ, какъ бы въ одной совокупной исповѣди, не только втайнѣ передъ лицомъ Божиимъ, но и гласно передъ лицомъ цѣлаго христіанства. Мысль объ этомъ актѣ родилась, какъ извѣстно, во дни битвъ при Люценѣ, Дрезденѣ и Бауценѣ, когда союзныя войска, не смотря на все ихъ мужество, принуждены были постоянно отступать передъ непріятелемъ. „Если Богъ—сказалъ тогда Фридрихъ Вильгельмъ III Александру I-му—благословить, какъ я уповаю, общія наши усилія, то будемъ вмѣстѣ исповѣдывать передъ цѣлымъ свѣтомъ наше убѣжденіе, что *вся слава этого дѣла принадлежитъ единственно*

Богу (*). Когда эти надежды, казавшіяся сначала столь шаткими, осуществились, императоры Австрійскій и Русскій, вмѣстѣ съ королемъ Прусскимъ, подписали 25-го Декабря 1815-го года, въ день Рождества Христова, манифестъ, за которымъ исторія сохранила названіе *акта священнаго союза*.

На Сперанскаго, при религіозно-мечтательномъ настроеніи его духа, еще болѣе созрѣвшемъ въ несчастіи и уединеніи, это событіе произвело особенно-глубокое впечатлѣніе. Не останавливаясь своею опалою, онъ успѣшилъ высказать императору Александру нѣсколько мыслей, возбужденныхъ означеннымъ актомъ. Доказательствомъ тому, что тутъ былъ не одинъ ловкій привѣтъ идеѣ, возобладавшей въ ту эпоху Государемъ, а плодъ истиннаго, задушевнаго убѣжденія, могутъ служить два другія, современныя письма Сперанскаго къ повѣренному всѣхъ его думъ, Цейеру (**), переписка съ которымъ всегда оставалась завѣтною между ними тайною. Богъ, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ три письма: одно къ Цейеру, другое—къ императору Александру, съ приложеніемъ мыслей по случаю манифеста о священномъ союзѣ, и третье—опять къ Цейеру. Они примѣчательны для характеристики и лица и духа времени.

Письмо къ Цейеру отъ 31 Декабря 1815.

Enfin un grand trait de lumière m'éclaire et décide toutes mes incertitudes: c'est le manifeste du 25 décembre (упомянутый актъ о священномъ союзѣ). Je puis donc me livrer à tout l'entraînement de mes idées, j'ose dire de mon inspiration, et entretenir l'Empereur sur le seul sujet digne de Son attention. Malheur à moi si je me tais maintenant! Et puisqu'il a plu à notre Seigneur de me délivrer de toutes mes incertitudes,

(*) *Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III. von K. Fr. Eylert. Th. II. Abtheil. 2. S. 42—237.*

(**) Объ отношеніяхъ къ Цейеру говорится въ «Жизни графа Сперанскаго». Т. I. стр. 83—84.

(*) Я узналъ тебя слишкомъ поздно, истина древняя и новая.

je remets entre Ses mains le succès de ma lettre. Il s'agit des interets de Son règne et comment pourrais-je, sans être parjure à ma grâce, y placer un seul mot, qui me regarde personnellement. Faites, Seigneur, venez, époux chéri de cette épouse si longtemps abandonnée, méconnue, maltraitée; venez, et que la *désolée* s'appelle désormais *mariée* (Issaie dans un des derniers chapitres).

Vous rappelez-vous d'une conversation que nous avons eu l'été passé au jardin de Velikopolié sur l'esprit qui aurait du diriger les Souverains dans leurs transactions au congrés de Vienne? J'eus la lacheté de désespérer, et le manifeste actuel me reproche vivement mon peu de foi.

Mais n'est-ce pas une illusion? Suis-je sûr du sens qu'on y attache? Malheur à ceux qui se joueraient ainsi des mots et des choses les plus sacrées! Non; l'esprit des ténèbres peut étouffer dans la suite cette explosion de la grâce, comme il l'a déjà fait tant de fois; mais cette lumière est encore pure et active maintenant; et après tout, comprimée ou propagée, elle doit l'emporter à la fin.

Heureusement, la lettre que je comptais écrire à l'Empereur le jour du nouvel an n'est pas partie. Celle que j'écris maintenant ne partira que jeudi prochain.

Je me propose d'envoyer à l'Empereur un livre qui contient une prophétie complete du manifeste, avec des maximes étendues sur ce qu'on doit faire en vertu de cette union. Oh, union sacrée! Que toutes les bénédictions du Ciel descendent et s'attachent à toi.

Т. е. Наконецъ лучъ свѣта озарилъ мой духъ и разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія: я разумѣю манифестъ 25-го Декабря. Мнѣ можно, наконецъ, отдаться вполнѣ стремленію моихъ мыслей, смѣю сказать моего вдохновенія, и бесѣдовать съ Государемъ о предметѣ, единственно достоинномъ Его вниманія. Горе мнѣ если и буду теперь молчать! И такъ какъ Господу угодно было освободить меня отъ всѣхъ моихъ недоумѣній, то въ Его же руки предаю судьбу моего письма. Можно ли мнѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о преуспѣиини царствія Божія, намекнуть, безъ страха за вѣчное мое спасеніе,

хоть словомъ о томъ, что касается собственно моего лица! Соверши, Господи, прииди супругъ возлюбленной жены, столь долго покинутой, непризнанной, оскорбленной, прииди и да наречется *съ презрѣніемъ отвергнутая* вновь *привзвальною* (пророчество Исаяино въ одной изъ послѣднихъ его главъ) (*).

Помните ли разговоръ нашъ прошлымъ лѣтомъ въ Великопольскомъ саду, когда, разсуждая о духѣ, который долженствовалъ бы руководить Монарховъ при ихъ дѣйствіяхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, я имѣлъ малодушіе отчаяваться? Настоящій манифестъ сильно упрекаетъ меня въ моемъ маловѣрїи.

Но не призракъ-ли это? Такъ ли я понималъ истинный смыслъ, придаваемый этому акту? Горе тѣмъ, которые отважились бы такъ играть именами и предметами самыми священнѣйшими. Нѣтъ; духъ тьмы можетъ вполсѣдствїи опять погасить это проявленіе благодати, какъ не разъ уже бывало; но теперь—этотъ свѣтъ еще и чистъ и дѣйствуетъ во всей полнотѣ; сверхъ того, стѣсненный или распространенный, все же онъ наконецъ долженъ взять верхъ.

Къ счастью, письмо, которое я хотѣлъ послать Государю въ день новаго года, еще не отправлено. То, которое пишу теперь, пойдетъ только въ будущій четвергъ.

Я думаю послать Его Величеству книгу, въ которой находится полное пророчество о нынѣшнемъ манифестѣ, съ пространнымъ изложеніемъ правилъ, какъ поступать вслѣдствіе этого союза. О союзъ святой! Да снизойдутъ на тебя, да будутъ тебѣ присущи всѣ благословенія Неба.

(*) Въ церковно-славянскомъ переводѣ Библии соответствующій этому текстъ находится въ 6 стихѣ 34 главы, гдѣ онъ читается такъ: «не яко жену оставлену и малодушну призва ти Господь, ниже яко жену изъ юности возненавидѣну, рече Богъ твой.» Въ Вулгатѣ это мѣсто переведено вѣскольکو иначе: «Nam ut uxorem derelictam et dolentem animo revocasset Jehova, et uxorem adolescentiam, quamvis spreta sit, appellat deus tuum.» (т. е. «Господь снова призоветъ тебя, хотя ты и была женою оставленною и скорбящею сердцемъ, и Богъ твой назоветъ тебя женою юности или женою возлюбленною, хотя и была презрѣна»). Сперанскій очевидно придерживался здѣсь смысла, а не текста.

**Письмо къ Императору Александру отъ
6 Января 1816.**

Ваше Императорское Величество не отвергли всеподданнѣйшихъ изъясненій, кои имѣлъ я счастье представить изъ Перми. Могу ли и нынѣ надѣяться того же снисхожденія?

Истины, въ манифестѣ 25-го Декабря и въ актѣ союза изображенныя, налагаютъ на всѣхъ подданныхъ Вашихъ новую обязанность неограниченнаго довѣрія и откровенности.

Болѣе нежели многіе другіе я долженъ чувствовать и исполнять сію обязанность. На пути, коимъ вело меня Провидѣніе въ вѣрѣ, пытливость разума часто ввергала меня въ изысканія болѣе тонкія, нежели основательныя; изысканія сіи были въ свое время предметомъ бесѣдъ, коихъ Вы меня удостоивали. Могу ли и долженъ ли я теперь молчать, когда вижу несомнѣнные признаки истинной, сердечной, а не умственной, благодати, сердце Ваше озарившей? Да не оскорбится скромность Ваша симъ выраженіемъ! Благодать Христова дается безъ заслугъ и можетъ быть признаваема безъ лести.

Примите, всемилостивѣйшій Государь, какъ ленту вдовицы, прилагаемую при семъ книжку. Она содержитъ нѣкоторыя предчувствія, довольно ясныя, чуднаго союза, нынѣ совершившагося, и нѣкоторые виды его послѣдствій. Сочинитель ея мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ; но, кажется, не безъ особеннаго дара благодати она написана.

Къ сему осмѣливаюсь присоединить мысли, при первомъ прочтеніи

манифеста у меня излившіяся. Да будетъ приношеніе сіе слабымъ свидѣтельствомъ того общенія въ духѣ, къ коему слово и примѣръ Вашъ всѣхъ призываютъ (*).

**Мысли Сперанскаго, представленныя при
этомъ письмѣ.**

Союзъ, манифестомъ 25-го Декабря (1815 г.) возвѣщенный, есть величайшій актъ, какой только отъ самого перваго введенія Христіанской вѣры былъ постановленъ. Его можно хвалить безъ пристрастія, потому что онъ произошелъ не изъ самолюбія. Государи, его заключившіе, измѣнили бы собственному своему чувству, если бы признали его личнымъ ихъ дѣяніемъ. Онъ есть чистое изліяніе преизбыточествующей Христіанской благодати, коей удостоились они быть органами.

Война, непрестанно возраждающаяся; внутреннія потрясенія, часто возникающія; растлѣніе нравовъ, постепенно расширяющееся, давно уже указывали слабость тѣхъ основаній, на коихъ стоятъ общества. Но строители государственнаго порядка считали себя въ необходимости держаться сихъ основаній потому, что не находили лучшихъ. Они не примѣтили, или пренебрегли то коренное начало, коему все должно быть подчинено въ государствахъ, исповѣдующихъ единое крещеніе, едину вѣру, единого Господа.

*Камень, его же небрегоша зиждующіе,
сей бысть во главу угла.*

Внезапный свѣтъ проникъ въ самое

(*). Былъ ли на это письмо отвѣтъ отъ Государя? Не думаю. По крайней мѣрѣ ни въ бумагахъ Сперанскаго такого не нашлось, ни самъ онъ не упоминаетъ о томъ въ послѣдующихъ письмахъ къ Цейзеру, чего бы конечно не оставилъ сдѣлать.

средоточіе дѣйствующихъ силъ, въ душу Государей, и возбудилъ ихъ основать въ Европѣ, вмѣсто *дряхлыхъ и худородныхъ* стихій, новое политическое право, коего твердости и *врата ада* не одолѣютъ: ибо оно лежитъ на *краеугольномъ камени Господа силъ*.

Двѣ главныя истины составляютъ существо сего права:

I. Истинная цѣль человѣческихъ обществъ состоитъ въ томъ, чтобъ образую нравы и приучая людей къ общенію и любви, руководствовать ихъ къ соединенію во Христъ.

II. Иисусъ Христосъ есть и долженъ быть главою всѣхъ Христіанскихъ обществъ. Истинныя правила ихъ управленія не могутъ ни откуда быть почерпаемы, какъ изъ правилъ и ученія Его.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь тьмы воздвигнетъ противъ сихъ правилъ и священнаго союза Государей всѣ свои усилія. Но тотъ, который *видѣлъ Сатану яко молнію съ небесе спадше*, разсыплетъ ихъ яко прахъ, вѣтромъ возметаемый.

Побѣда сія несомнительна, если Государя, союзъ заключившіе:

1) *Пребудутъ вѣрны благодати въ нихъ дѣйствующей*. Самое существо и цѣль сего союза обязуютъ ихъ съ сего времени освящать себя въ дѣлѣ ихъ служенія непрерывною молитвою. Здѣсь, въ молитвѣ и въ прилежномъ чтеніи Св. Писанія, могутъ они почерпать силу и свѣтъ, толико имъ нужныя. II сія сила и свѣтъ проліются имъ обильно: ибо пользы царствъ ихъ будутъ тогда пользами самого царствія Христова.

2) *Если не будутъ они соблазнятсѧ*

клеветами и нарѣканіями, коимъ съ сего времени болѣе, нежели когда либо, всѣ дѣла ихъ будутъ подвержены. Съ сего времени они твердо должны помнить и часто повторять, *что нѣсть брань ихъ къ крови и къ плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержателемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ*.

3) *Если будутъ они остерегаться другаго врага, еще опаснѣйшаго: собственной мудрости*. Нѣтъ сомнѣнія, что Тотъ, предъ Кѡимъ они столь торжественно повергли вѣнцы свои, увѣнчаетъ со вѣты и дѣла ихъ великими успѣхами. Люди будутъ превозносить ихъ мудрость и добродѣтель, а здѣсь-то и начало идолопоклонства, въ которое могутъ они впасть сами и ввергнуть своихъ подданныхъ. Смиреніе и самоотверженіе суть печать, которую они должны прилагать ко всѣмъ ихъ дѣламъ и мыслямъ, чтобъ врагъ ихъ не обезобразилъ.

Когда тако будутъ они ходить предъ Богомъ: тогда союзъ ихъ скоро восприметъ силы неожиданная и окажетъ дѣйствія неимовѣрныя.

Не дерзая предварять внушеній собственной ихъ благодати, не излишнимъ признается здѣсь означить нѣкоторые предметы, на кои въ нашемъ отечествѣ прежде другихъ можно бы было обратить вниманіе:

1) Всѣ благомыслящіе люди давно уже признавали составъ такъ называемаго у насъ народнаго просвѣщенія весьма недостаточнымъ. При внутреннемъ свѣтѣ, озаряющемъ душу Государя, Его Величество нынѣ яснѣе еще, нежели прежде, узритъ сіи недостатки. Если правила общественнаго Русскіяго Архивъ. 15.

наго порядка должны быть почерпаемы изъ ученія Христова, то кольми паче правила воспитанія. Въ государствахъ, гдѣ ученые предразсудки укоренились вѣками, можетъ быть труднѣе преобразовать сію часть, нежели у насъ,—гдѣ, по счастью, она не имѣетъ еще ничего твердаго и непреступнаго. Между тѣмъ

2) весьма было бы полезно сколь можно болѣе сѣять сѣмя слова Божія, не смотря гдѣ и на какую землю оно падаетъ. Сверхъ Библии, яко главной силы питательной, можно было бы издавать небольшія отборныя сочиненія, подобныя тѣмъ, какія издаются въ Англіи отъ извѣстнаго общества и изъ коихъ нѣкоторыя съ успѣхомъ переведены уже и на русскій языкъ. но, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны въ провинціяхъ, а тамъ-то можетъ они были бы и плодovitѣе. Журналъ, посвященный сему предмету (и уже возвыщенный) можетъ также принести великую пользу (*). Но въ Россіи главное дѣло устроить мѣры распространенія сихъ книгъ: ибо большая часть затрудненій происходитъ отъ нашихъ разстояній и недостатка сообщеній (**).

3) законы уголовные въ Россіи довольно умѣренны; но полиція сихъ законовъ весьма жестока: подъ симъ разумѣется образъ содержанія колодниковъ, устройство темничное, смѣшеніе людей подозрѣваемыхъ, обвиняемыхъ и обвиненныхъ, сліяніе разныхъ

степеней самого преступленія, поведеніе низшихъ правительствъ съ преступниками, уже наказанными и долгу своей правосудію уже заплатившими. наипаче же совершенное пренебреженіе и отчужденіе Христіанскихъ утѣшній (*) въ такомъ состояніи и въ такія минуты, когда, изринутые челоувѣческими законами. люди сіи скорѣе другихъ могли бы отверзть сердца свои покаянію и, слѣдовательно, всѣмъ дарамъ благодати и, можетъ быть, скорѣе и лучше многихъ другихъ воспріять Того, Который призванъ не праведникамъ, но грѣшникамъ ко спасенію. Кто можетъ съ достовѣрностію утвердить, чтобъ въ числѣ сихъ осужденныхъ не было и невинныхъ, а это сущіе братіе Христовы: „Елика сотвористе одному отъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“. Много есть учрежденій важнѣйшихъ, нежели сіе, но трудно найти другое, болѣе нужное и съ духомъ любви Евангельской болѣе сообразное.

4) Уравнительное распредѣленіе государственныхъ податей и тяжестей требуетъ также скорого разсмотрѣнія. Здѣсь корень большей части злоупотребленій. Тщетно будутъ искать его въ одномъ свойствѣ управляющихъ лицъ, хотя и въ нихъ не безъ грѣха. Здѣсь не время распространяться о семъ подробно; но нельзя умолчать, что есть подати, коихъ и простая языческаая нравственность едва ли бы потерпѣла. Таковы суть винныя от-

(*) Можетъ быть не безъ успѣха можно бы пользоваться подобнымъ журналомъ, въ Англіи издаваемымъ, подъ именемъ: *The Bible Magazine and theological review*. *Примѣч. Сперанскаго.*

(**) Для чего бы, напримѣръ, не дать въ почтовыхъ конторахъ предписаній принимать требованія на сіи книги и ихъ выписывать? *Примѣч. Сперанскаго.*

(*) Нигдѣ почти у насъ нѣтъ въ темницахъ ни церква, ни службы, ни молитвъ, и никогда утѣшительный гласъ вѣры не раздавался въ сихъ пещерахъ плача, порока и страданія, кромѣ развѣ при послѣднихъ минутахъ жизни. да и то весьма нечрежно. *Примѣч. Сперанскаго.*

купы. Изъ всѣхъ софизмъ самая нелѣпая есть та, что замѣнить ихъ нечѣмъ.

Предметы, здѣсь означенные, не суть, конечно, самые высшіе; но они встрѣчаются первые при начальномъ обозрѣніи. Впрочемъ благодать Господа нашего Иисуса Христа одна можетъ наставить и указать, когда и какими удобнѣйшими средствами дѣла Ему угодныя могутъ быть совершаемы и начинаемы.

Въ селѣцѣ Великопольѣ.
6 Января 1816 г.

Письмо къ Цейсеру отъ 11-го января 1816.

Ma lettre est partie Jeudi passé, le 6. Le livre qui y est annexé est une traduction russe d'un ouvrage allemand dont l'auteur m'est absolument inconnu. Je le suppose assez vieux, puisque notre édition est de 1784. C'est une sorte d'instruction, en forme de lettre adressée à tous les Souverains de l'Europe. Il les engage à faire un pacte d'union, afin d'avancer le règne de J. C.; il leur montre les moyens, prédit l'événement, en trace le caractère et l'influence sur les gouvernements, sur les mœurs et sur tous le rapports civils et politiques. Longtemps ce livre a fait le fond de mes rêveries sur la perfectibilité des gouvernements et sur l'application de la doctrine de notre Seigneur aux affaires publiques. Je conviens cependant, que je croyais l'époque de cette application bien éloignée; aussi n'ai je pas ouvert ce petit livre de cinq ou six ans. A la lecture de ce Manifeste, toutes ces idées se retracèrent dans mon esprit, et avec tant de vivacité, que je courus vite consulter mon visionnaire et le trouvant encore plus précis que je ne pensais, je me crus dès-lors obligé d'en faire l'usage que je fis. J'ai ajouté à ma lettre, en forme de mémoire, quelques réflexions de la même teneur, en me restreignant à la règle que je m'étais faite de ne pas parler de moi. Il me semble que mon intention pour

cette fois-ci était simple et pure. Le reste n'est pas à moi.

Т. е. Письмо мое отправилось въ прошлый четвергъ, 6-го. Приложенная къ нему книга есть русскій переводъ одного нѣмецкаго сочиненія, котораго авторъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ, но долженъ, я полагаю, быть довольно старъ, такъ какъ и находящееся въ моихъ рукахъ изданіе напечатано еще въ 1784 году. Это родъ наставленія, въ видѣ письма, обращеннаго ко всѣмъ Монархамъ Европы. Оно приглашаетъ ихъ къ заключенію союза, съ цѣлью приблизить царствіе Спасителя, исчисляетъ средства, предсказываетъ совершеніе, обрисовываетъ его характеръ и вліяніе на правительства, на нравы и на всѣ отношенія гражданскія и политическія. Уже давно эта книга пробуждала во мнѣ мечтанія о возможномъ усовершенствованіи правительствъ и о приложеніи ученія Богочеловѣка къ дѣламъ общественнымъ. Сознаюсъ однако, что эпоха такого приложенія представлялась мнѣ еще всегда отдаленною, такъ что я уже лѣтъ пять или шесть какъ не раскрывалъ моей книжки. При чтеніи настоящаго Манифеста всѣ эти мысли опять возобновились въ моемъ умѣ и съ такою силою, что я поспѣшилъ снова обратиться къ моему прорицателю и, найдя въ немъ еще болѣе точности нежели прежде, рѣшился дать ему извѣстное вамъ назначеніе. Къ письму моему я приложилъ нѣсколько собственныхъ размышленій того же содержанія, строго впрочемъ держась правила — не говорить о самомъ себѣ. Кажется, что намѣреніе мое въ этомъ случаѣ было просто и чисто. Остальное не въ моихъ рукахъ.

IV.

Къ стр. 223-й тома II-го.

Знаменитый въ свое время Джонъ Кохрэнъ въ напечатанномъ (на англійскомъ языкѣ) описаніи своего мнимо-пѣшеходнаго путешествія, утверждалъ что онъ, въ продолженіи странствованія по Си-

бири, переписывался съ Сперанскимъ и, по временамъ, давалъ ему отчетъ въ своихъ поѣздкахъ. Это, кажется, было только маленькимъ хвостомъ съ его стороны: по крайней мѣрѣ между бумагами Сперанскаго не сохранилось никакихъ слѣдовъ такой переписки. Кн. (тогда еще графъ) Кочубей, видѣвшій передъ тѣмъ Кохрэна въ Петербургѣ, былъ о немъ такого же мнѣнія, какъ и Сперанскій (см. во II томѣ нашей книги, стр. 224) и сверхъ того подозривалъ въ немъ нѣчто въ родѣ тайнаго политическаго агента. 8-го ноября 1820 онъ писалъ Сибирскому генералъ-губернатору:

„Я получилъ отъ *сзумашедшаго* Кохрэна два письма. Таковымъ называю его при всемъ умѣ его, ибо ничто не можетъ быть вѣтреннѣе его путешествія. Онъ ни о чемъ, до Россіи относящемся, и понятія не имѣлъ и какъ вы удостовѣрились, о Сибирской географіи еще менѣе что либо зналъ. Я надѣюсь, что вы приказали, однако жъ, имѣть за нимъ нѣкоторое наблюденіе. Господа англичане не безъ зависти смотрятъ на наши заведенія на американскихъ берегахъ и приписываютъ имъ болѣе важности, нежели доселѣ они того заслуживаютъ; а Кохрэнъ можетъ весьма легко сопричисленъ быть къ тѣмъ почетнымъ бродягамъ, коими Англія изобилуетъ и отличающимся подъ общимъ названіемъ *adventurers*.“

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ Н. М. КАРАМЗИНА КЪ Е. Θ. МУРАВЬЕВОЙ.

Эти письма и записки обязательно доставлены намъ М. А. Бибиковымъ. Печатаемъ ихъ, какъ памятникъ письменныхъ сношеній между достойнѣйшими людьми прошедшаго и нашего вѣка. Знаменитая политическими и другими несчастьями родной семьи своей, Екатерина Федоровна Муравьева (урожденная баронесса Колокольцова), въ то

время, когда писаны эти письма, жила въ Петербургѣ съ двумя сыновьями, Никитою и Александромъ, идвою послѣ извѣстнаго писателя и царскаго наставника, Михаила Никитича Муравьева. Извѣстно, что сему послѣднему Карамзинъ обязанъ былъ исходатайствованіемъ исторіографскаго званія (см. его письма къ Муравьеву въ Москвит. 1845, № 1). Онъ помнилъ эту услугу, и воспользовался случаемъ заплатить долгъ благодарнаго сердца. По смерти Муравьева, когда вдова его задумала издать собраніе его сочиненій, Карамзинъ, не смотря на множество занятій по сочиненію исторіи, принялъ на себя трудъ печатанія сочиненій, Муравьева. Въ Чертовской библиотекѣ хранится корректурный экземпляръ оныхъ, со многими исправленіями въ слогѣ, сдѣланными Карамзинымъ, весьма любопытными, такъ что, эта книга представляетъ собою наглядно два слога, XVIII и XIX столѣтій. Въ 1816 году, когда Карамзинъ прѣѣзжалъ въ Петербургъ для представленія Исторіи Государю, Е. Θ. Муравьева отвела ему помѣщеніе въ своемъ домѣ. Благодарностью за это гостепримство и начинаются нижеслѣдующія письма. П. К.

1.

Москва, 29 Марта 1816 г.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Федоровна! Послѣднимъ словомъ моимъ въ Петербургѣ было изъявленіе мое сердечной къ вамъ благодарности, и первымъ въ Москвѣ да будетъ тоже! Ваша милость и дружба составляютъ одно изъ главныхъ благъ моей жизни. Зная чистоту вашей души, радуюсь вашей любовію, которая даетъ болѣе достоинства моему нравственному существу. — Съ нѣжностію цѣлую вашу руку.

Я счастливъ свиданіемъ съ милымъ семействомъ, но сынъ Андрей не здоровъ: это беспокоитъ меня, хоть и не вижу еще опасности. У него идутъ, кажется, зубы; а можетъ быть есть и простуда. Помолитесь за насъ: мы же будемъ за васъ молиться.

Дай Богъ, что къ концѣ Мая мы увидѣлись или въ Царскомъ Селѣ или въ Петербургѣ, благополучно! Хорошо жить въ одномъ мѣстѣ съ вами.

Обнимаю молодыхъ друзей моихъ, любезнаго Никиту Михайловича и ве-

селаго братца его; всёмъ, кто ѣздитъ въ вашъ благословенной домъ и вспомнить обо мнѣ, отъ добраго сердца кланяюсь.

Простите, почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна. Я еще не совсѣмъ отдохнулъ отъ худой дороги; но если Богъ сохранить мое остальное семейство, то я готовъ веселиться и прыгать.

Любите насъ всегда, какъ мы васъ любить будемъ. Богъ съ вами и съ ними! Душею преданный вамъ на вѣки Н. Карамзинъ.

2.

Царское Село, 22 Июля 1817 г.

Беремъ сердечное участіе въ вашихъ заботахъ, почтеннѣйшая Екатерина Ѳедоровна. Знаемъ, что вамъ не легко будетъ разстаться съ любезнымъ Никитою Михайловичемъ и на короткое время. Дай Богъ, чтобы онъ возвратился къ вамъ благополучно.

Въ разсужденіи дома, мы уже не думаемъ о перемѣнѣ: остаемся у Баженовой. Состояніе Катерины Андр. не позволяло мнѣ ѣздить въ городъ, чтобы искать удобнѣйшаго дома; а между тѣмъ срокъ приближился, и намъ должно было рѣшиться.

Жена все еще не родила: жду этой минуты съ безпокойствомъ и съ надеждою на милость Божию.

Цѣлую вашу ручку съ почтеніемъ и съ любовію. Жена и дѣти мои увѣряютъ васъ въ томъ же искреннемъ къ вамъ чувствѣ. Богъ съ вами и съ нами! Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

3.

Какъ намъ грустно, что мы такъ давно не видали васъ, любезнѣйшая

и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Жена моя всякую минуту ждетъ родить: отъ того не могу оставить ее; иначе былъ бы у васъ. — А. И. Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что вы желали бы отдать намъ вашъ верхній этажъ; это было бы для насъ прекрасно, но боюсь вашей излишней *деликатности*. Съ 1-го Авг. намъ должно или переѣхать въ другой домъ или остаться въ занимаемомъ нами. Мы платимъ 4000 руб.; можемъ дать и болѣе. Скажите слово, но ради Бога безъ малѣйшаго принужденія. Цѣлую вашу ручку, душею и сердцемъ преданный вамъ. Н. Карамзинъ.

(1818 г.)

На этой запискѣ не означено времени, но она должна быть писана въ 1818 г. такъ какъ осенью этого года Карамзинъ поселился въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, у Анчикова моста. (Письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 246).

4.

Царское Село, 27 Июня 1819 г.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Напрасно ждали мы отъ васъ письма изъ Москвы: вы не хотѣли написать къ намъ ни строки, и это намъ очень грустно, тѣмъ болѣе, что мы въ своей уединенной жизни ничего объ васъ не слышимъ. Богъ далъ намъ сына Владиміра. Катерина Андр. оправляется, но какъ-то медленно, и теперь все еще слаба, хотя и начинаетъ бродить по саду. Все еще надѣмся, что вы хотя изъ Нижняго дадите намъ добрую вѣсть о вашемъ здоровьѣ. Время, кажется, хорошо для путешествующихъ. Я давно не помню такого прекраснаго лѣта. Мы живемъ въ единообразіи, а вы безпрестанно видите новые предметы. Намъ покойнѣе, а вамъ веселѣе. Ниж-

ній съ своею блестящею ярморкою представится вашимъ глазамъ не въ томъ видѣ, въ какомъ мы его въ 1812 году видѣли. Всего болѣе желаемъ вамъ здоровья; сто разъ цѣлую вашу ручку. обнимаю любезныхъ братьевъ, Никиту и Александра Михайловичей. Усердно кланяюсь г. Гедике. Когда ждать васъ назадъ? въ Октябрѣ? Какъ еще долго! Навѣки вашъ Карамзинъ.

5.

Царское Село, 14 Юня 1820 г.

Здравствуйте, любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна. Мы думали нынѣшній день ѡхвать въ городъ, слѣдственно и къ вамъ; но остаемся дома отъ того, что чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ. Пишу къ вамъ съ А. И. Тургеневымъ.

Книги Государю я отдалъ. Онъ говорилъ о незабвенномъ Михайлѣ Никитичѣ съ истиннымъ чувствомъ; сказалъ, что знаетъ достоинства Никиты Михайловича, его умъ, свѣдѣнія, ревность къ добру и къ чести; что радъ снова открыть ему путь по службѣ, когда Никита Михайловичъ пожелаетъ того. Это отъ слова до слова. Я былъ совершенно доволенъ отзывомъ.

На той недѣлѣ авось явимся у васъ. Цѣлую вашу ручку, обнимаю любезныхъ Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

6.

Царское Село, 5 Сент. 1821.

Сердечно благодаримъ васъ, почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна, за ваше дружеское поздравленіе. Это былъ для насъ имянинной

сюрпризъ: мы болѣе удивились, нежели обрадовались.

Передъ отъѣздомъ Имянинника я напомнилъ ему о нашемъ любезномъ Никитѣ Михайловичѣ, и даже опять упомянулъ объ немъ въ письмѣ 1 Сент. Отчего это длится, не знаю: не отъ начальника ли? Увидимъ.

Мы, слава Богу! здоровы, но безпокоились о Лизѣ: ея кормилица за-немогла.

Нѣжно цѣлую вашу ручку, обнимаю любезнаго Никиту Михайловича. Жена и дочери у обѣдни. Богъ съ вами и съ нами! Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

7.

Царское Село, 14 Сент. 1821.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Отъ всего сердца поздравляемъ васъ и любезнаго Никиту Михайловича со днемъ его Ангела, желая дорогому имяниннику всего, чего себя желаемъ.

Отдано ли въ приказѣ? Увѣдомьте насъ, когда вы переѣдете въ городъ: мы тотчасъ отправимся къ вамъ въ гости, если не ночевать, то обѣдать.

Повторяю просьбу, чтобы вы приказали на счетъ нашъ нанять работника и вставить двойныя окончины въ нашихъ комнатахъ хорошенько. Цѣлую вашу ручку. Душею вамъ преданный Н. Карамзинъ.

8.

Ц. С. 7 Окт. 1821.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Всею душею радѣ-ляемъ ваши чувства: радуемся, что любезный Никита Михайловичъ снова

въ службѣ, и грустимъ, что вы съ нимъ должны разстаться! Дай Богъ, чтобы не надолго, и съ пользою для его службы! Самъ Государь сказалъ мнѣ о вашемъ къ нему письмѣ, прибавивъ къ тому весьма хорошее слово о достоинствѣ Никиты Михайловича, который, надѣюсь, не уѣдетъ до нашего переѣзда въ городъ. Думаемъ скоро послѣ 20-го Октября быть подъ вашимъ кровомъ. Мы, слава Богу! здоровы. Всѣ мои свидѣтельствуютъ вамъ свою любовь и почтеніе, а я съ нѣжностію цѣлую вашу ручку. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

9.

Царское Село, 28 Июля 1822.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Вы и мы были въ Петергофѣ, а не съѣхались. Графъ Каподистрія помѣшалъ и моеѣ бесѣдѣ съ любезнымъ Никитою Михайловичемъ, къ моему сердечному сожалѣнію. Мы собирались къ вамъ, но теперь думаемъ отложить до 19 Августа, чтобы праздновать у васъ любезные именины. Позволите ли пріѣхать намъ и съ сыновьями? то есть, можете ли помѣстить всѣхъ насъ дня на два въ вашемъ обновленномъ домѣ! Думаю завтра, если не будетъ дождя, сѣздить часа на три въ городъ для свиданія съ Иван. Иван. Дмитріевымъ. Полагаю, что вы еще въ Петергофѣ, и не имѣю надежды видѣть васъ; послѣ засухи льютъ дожди, такъ что грустно. Впрочемъ мы здоровы, слава Богу, и живемъ въ тишинѣ; мало дѣлаемъ, но много читаемъ. Въ Петергофѣ всего пріятнѣе была прогулка въ шлюпкѣ по морю, а прекрасной

иллюминаціи мы почти не видали. Цѣлую вашу ручку, обнимая вашихъ милыхъ, и свидѣтельствую мое душевное почтеніе Александрѣ Николаевнѣ (*). Катерина Андр. будетъ писать къ вамъ завтра. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

10.

Всѣмъ семействомъ поздравляемъ милаго именинника, васъ, почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна и любезнаго Никиту Михайловича. Всего, что можетъ назваться добромъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, сердечно желаемъ ему и вамъ. Будемъ пить за его здоровье, жалѣя, что не въ вашемъ присутствіи. Благодаримъ за дружеское угощеніе и за прекрасную прогулку, о которой еще съ удовольствіемъ воспоминаю. Мы, слава Богу! здоровы. Авось еще побываемъ у васъ въ гостяхъ, если осень будетъ также хороша, какъ лѣто. Цѣлую вашу ручку, обнимаю вашихъ милыхъ. Навѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Царское Село, 28 Авг. 1822.

11.

Царское Село, 26 Сент. 1822.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Еще ли вы за городомъ, или уже въ городѣ? И мы помышляемъ о вашемъ городскомъ кровѣ. Сдѣлайте милость, узнайте, вставлены ли у насъ двойныя окончины нашими платерами, которымъ я послалъ за то и деньги? Да еще просимъ сдѣлать второе одолженіе, приказать, чтобы въ людскихъ комнатахъ задѣ-

(* Батюшкова, сестрѣ поэта, которая гостила у Е. Ѳ. Муравьевой?

лали щель надъ дверью, въ которую очень несетъ. Здоровы ли вы съ вашими милыми? У насъ все хорошо, слава Богу! Нѣжно цѣлую вашу ручку, обнимая любезныхъ Никиту Михайловича и Александра Михайловича. Навѣки душою и сердцемъ преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Если принесутъ на мое имя цибикъ чаю, то прикажите дворецкому взять его.

12.

Царское Село, 15 Авг. 1823 г.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Мы наняли извѣстный вамъ домъ купца Мижужева на Моховой. Я долженъ самъ прѣхать, чтобы перенести туда книги и фортепiano; но скоро быть не могу, будучи въ грусти и безпокойствѣ о дѣтяхъ. Между тѣмъ можно отослать туда наши не важныя мѣбели и адресоваться къ прикащику хозяина, который отопретъ комнаты и укажетъ, гдѣ что поставить: для чего прошу васъ приказать вашему управителю нанять на нашъ щетъ трехъ или четырехъ носильщиковъ и посмотрѣть за ними, чтобы все было цѣло. — Всѣ мои свидѣтельствуютъ вамъ и вашимъ, вмѣстѣ со мною, свое дружеское почтеніе. А мы живемъ теперь въ совершенномъ уединеніи, ибо всѣ насъ бѣгаютъ какъ чумныхъ, боясь коклюша нашихъ дѣтей. Нѣжно цѣлую вашу ручку. Навѣки душою преданный вамъ Н. Карамзинъ.

13.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Всѣмъ семействомъ

усердно васъ поздравляемъ съ завтрашнимъ праздникомъ, столь любезнымъ для вашего сердца нѣжнаго; поздравляемъ почтеннаго Никиту Михайловича, милостивую государыню Александру Григорьевну (*) и Александра Михайловича; желаю, чтобы вы весело провели не только этотъ день, но и весь годъ. Если бы не болѣзнь дѣтей, которая насъ очень безпокоитъ, особливо Андрушина, то мы поздравили бы васъ лично; будьте всѣ здоровы со всѣми вашими милыми. Цѣлую вашу ручку. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Царское Село,
18 Авг. 1823.

14.

Царское Село, 6 Сент. 1823 г.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Давно не имѣемъ объ васъ извѣстія: надѣмся, что вы здоровы и благополучны со всѣмъ милымъ семействомъ. Мы все еще слышимъ жестокой кашель нашихъ дѣтей и все еще безпокоимся, хотя, слава Богу! и менѣе прежняго.

Не имѣя охоты отъ больныхъ ѣхать въ городъ, и боясь, чтобы мои книги не мѣшали отдѣлкѣ вашихъ комнатъ, прошу васъ приказать, чтобы ихъ вынули изъ шкаповъ и въ какихъ нибудь коробахъ или въ рогожахъ перенесли въ новую нашу квартиру, вмѣстѣ съ фортепiano; но какъ это нужно сдѣлать бережно, то я пишу къ А. И. Тургеневу, чтобы онъ далъ, для сей операціи, своего чиновника надежнаго, который бы далъ себѣ

(*) Супругу Никиты Михайловича Муравьева, урожд. графиню Чернышеву.

трудъ за всѣмъ посмотрѣть, положилъ бы книги въ той комнатѣ, пятой отъ входа, гдѣ будетъ мой кабинетъ, и закрылъ бы ихъ на полу рогожами; впрочемъ даю вамъ и Александру Ивановичу *carte blanche*: сдѣлайте милость, устройте такъ, чтобы книги были цѣлы, ибо нѣкоторыя изъ нихъ казенныя, императрицины, рѣдкія и проч. Надобно также для переноски выбрать не дождливый день. Утруждаю васъ этою просьбою въ надеждѣ на вашу дружескую къ намъ милость. Нѣжно цѣлую вашу ручку, свидѣтельствуя душевное почтеніе всѣмъ вашимъ. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Когда перенесутъ книги и всѣ наши вещи къ Мижуеву, то ихъ запечатать и отдать ключи его прикащику.

15.

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая Катерина Ѳедоровна! Отъ всего сердца и всѣмъ семействомъ поздравляемъ васъ со днемъ вашего рожденія. Намъ грустно, что не будемъ праздновать его съ вами: мы не можемъ переѣхать въ городъ прежде 10-го Ноября. Лишенные великаго удовольствія жить подъ вашимъ кровомъ, желаемъ замѣнить его частыми свиданіями съ вами; по крайней мѣрѣ остаемся вашими сосѣдями. Дѣти наши, слава Богу! уже не мучаютъ насъ своимъ кашлемъ. Дай Богъ, чтобы мы всѣхъ васъ нашли совершенно здоровыми. Свидѣтельствуемъ душевное почтеніе милостивой государынѣ Александрѣ Григорьевнѣ. Мысленно обнимаю любезныхъ Никиту Михайловича и Але-

ксандра Михайловича. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Царское Село,
1 Ноября 1823 г.

16.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Мы объ васъ безпокоились: не испугало ли васъ страшное наводненіе? Здоровы ли вы со всѣми вашими? Мы не рады тому, что Богъ не далъ намъ видѣть этого общаго бѣдствія. Нездоровье мое задержало насъ въ Царскомъ Селѣ. Надѣемся переѣхать къ вамъ въ Субботу и найти васъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ. Между тѣмъ цѣлую вашу ручку. Душею и сердцемъ вамъ преданный Н. Карамзинъ.

Получили ли вы наше письмо 1-го Ноября?

(Ноябрь 1824. Ц. Село.)

17.

Царское Село, 19 Авг. 1825.

Любезнѣйшая и почтеннѣйшая Катерина Ѳедоровна! Всѣмъ семействомъ поздравляемъ васъ со днемъ рожденія любезнаго Никиты Михайловича; поздравляемъ и всѣхъ вашихъ, начиная съ него самаго. Будьте всѣ здоровы, спокойны и веселы! Какъ жаль, что мы лично не празднуемъ съ вами! Я все хилѣю, и дней шесть былъ опять очень нездоровъ. Дайте намъ о себѣ вѣсть. Уже нѣтъ Тургенева, черезъ котораго мы знали все, что у васъ дѣлается! Теперь живемъ въ глуши. Не лѣнитесь ли? дѣлаете ли движеніе? Между тѣмъ цѣлую вашу ручку съ нѣжностію. Богъ съ вами и съ нами! Навѣки вамъ преданный Н. Карамзинъ.

ОТГОЛОСОКЪ КАРАМЗИНСКАГО ЮБИЛЕЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Karamzine. Lettres d'un voyageur Russe en France, en Allemagne et en Suisse (1789—1790). Traduites du Russe; accompagnées de notes et d'une notice biographique sur l'auteur. Paris. Emile Mellier. 1867, in-18. XXIV et 364 pages.

Юбилей Карамзина былъ праздникомъ всѣхъ просвѣщенныхъ Русскихъ людей, гдѣ бы они ни находились въ то время, когда онъ торжествовалъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ книга, заглавіе которой сейчасъ выписано и изданная въ Парижѣ къ дню 1 Декабря 1866 года. Этотъ переводъ избранныхъ „Писемъ Русскаго путешественника“, сдѣланъ извѣстнымъ нашимъ ученымъ В. С. Порошинымъ, проживающимъ близъ Парижа, и имъ же составлено біографическое извѣстіе о Карамзинѣ.

Переводчикъ сдѣлалъ чрезвычайно удачный выборъ изъ сочиненій Карамзина, когда рѣшился перевести именно его заграничныя письма. Едва ли могло другое произведеніе славнаго нашего писателя болѣе заинтересовать иностранныхъ читателей, нежели эти живыя, до сихъ поръ увлекательныя страницы, на которыхъ такъ живописно высказались впечатлѣнія, произведенныя на него природой, такъ ярко отразились чувства и мысли, порожденныя въ немъ нравами чуждыхъ странъ, знакомствомъ съ знаменитыми людьми и созерцаніемъ событій въ эпоху, о которой никогда не наговоришься и не наслушаешься.

Г. Порошинъ перевелъ и напечаталъ лишь нѣкоторыя письма Карамзина, именно такія, которые по достоинству и особенно по содержанію своему могутъ болѣе заинтересовать иностранцевъ. Такъ какъ книга его издана во Франціи, то естественнымъ образомъ значительная часть ея занята письмами изъ Парижа. Мы не сомнѣваемся, что Французы прочтутъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ выраженіе впечатлѣній и взгля-

довъ, порожденныхъ въ молодомъ Русскомъ путникѣ Парижемъ въ началѣ революціи. Современныя свидѣтельства объ этой эпохѣ лоятся во Франціи съ жадностію въ наше страстное до изслѣдованій время. Особенно занимательны будутъ поэтому рассказы о ней Русскаго; такихъ оригинальныхъ документовъ не много. Подлинность и правдивость показаній Карамзина удостовѣряется г. Порошинымъ для иностранной публики въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ имъ къ тексту. Въ нихъ выставлены справки, точно указывающія на самые дни, когда происходило то, что описываетъ Карамзинъ, напр. новый дебютъ Ларива въ „Эдипъ“, представленія „Сиды“ и „Медеи“ или „Монастыря“ и „Петра Великаго“, и т. п. Все это придаетъ письмамъ Карамзина, колоритъ достовѣрности, важный для иностранцевъ.

Кромѣ этого г. Порошинъ помѣстилъ въ своихъ примѣчаніяхъ много извѣстій о прошедшей и позднѣйшей судьбѣ людей, зданій и пр., видѣнныхъ Карамзинымъ, характеристики знаменитѣйшихъ лицъ, которыхъ онъ посѣтилъ и т. п. Словомъ сказать переводчикъ оставилъ часть писемъ Карамзина на французскомъ языкѣ тѣми условіями, которыя блистаютъ, къ стыду нашему, своимъ отсутствіемъ во всѣхъ изданіяхъ оригинала одной изъ превосходнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ книгъ, когда либо писанныхъ на Русскомъ языкѣ.

Во введеніи, предпосланномъ тексту, переводчикъ очень рельефно выставилъ литературныя и моральныя достоинства „Писемъ Русскаго путешественника“ и заслуги писавшаго ихъ. Въ заключеніи этого введенія онъ весьма справедливо представляетъ характеристическую черту Карамзина, состоящую въ томъ, что онъ первый изъ соотечественниковъ своихъ былъ провозвѣстникомъ реакціи противъ грубости или равнодушія ихъ къ физическому и нравственному злу, уменьшать которое по возможности есть долгъ чловѣка, такъ что содѣйствовать укорененію такого убѣжденія, подобно Ка-

рамзину, есть служба, сослуженная всему человечеству.

Извѣстно, какъ усвоилъ себѣ г. Порошинъ французскій языкъ. Поэтому мы и не станемъ распространяться о достоинствахъ его перевода, которому конечно отдадутъ справедливость знатоки дѣла. Ко всему сказанному прибавимъ, что изданіе его книги не только изящно, но и роскошно.

Мы не можемъ кончить нашей статьи, не выразивши отраднаго чувства, которое производитъ появленіе книги г. Порошина и раздѣляется конечно всѣми истинно Русскими. Намъ дорогá такая

заботливость о томъ, чтобы познакомиться просвѣщенныхъ иностранцевъ съ избранными произведеніями глубоко чтимаго и горячо любимаго отечественнаго писателя. Намъ любезно это стремленіе Русскаго—и на чужбинѣ присоединиться мыслию и дѣломъ къ общему Русскому торжеству, особенно когда оно посвящено драгоценной памяти славнаго дѣятеля на поприщѣ цивилизаціи и добра.

Михаилъ Ломиновъ.

Москва.

7 Февраля 1867.

ДЛЯ БИОГРАФИИ ГЕРЦОГА БИРОНА.

I.

УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I—Й ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ БЕСТУЖЕВУ О БИРОНѢ.

Немедленно отправь въ Бреславль оберъ-камеръ-юнкера Бирона или другаго, который бы зналъ силу въ лошадяхъ и охотникъ къ тому былъ и доброй человѣкъ, для смотрѣнія и покупки лошадей, которыхъ для насъ сыскалъ князь Василій Долгорукой въ Бреславлѣ.

II.

ПИСЬМО ОБЕРЪ-КАММЕРГЕРА БИРОНА КЪ КАММЕРГЕРУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ ЧЕРКАССКОМУ.

Сіятельный князь и благородный господинъ камер-геръ. Ея императорское величество указала, чтобъ вы во всѣ деревни послали указы, дабы

половина надлежащаго отъ нихъ сѣна была къ отдачѣ во всякой готовности: понеже ея величество уповаетъ, что изъ Нѣмецкихъ краевъ нѣсколько лошадей приведено будетъ въ Митаву въ скоромъ времени, которымъ надобно тамо нѣкоторое время для отдыху пробить и ваше сіятельство того ради по оному ея величества указу извольте помянутую сѣна надлежащую со всѣхъ деревень половину всю сполна отобрать и беречь его въ удобныхъ мѣстахъ; а какъ будете извѣстны, что тѣ лошади будутъ не въ дальней отъ Митавы дистанціи, о томъ сюда немедленно извольте репортовать. Впрочемъ остаюсь вашего сіятельства доброжелательный.

E. I. G. Biron.

P. S. А помянутыя лошади будутъ Гишпанскія, а не тѣ, которыя подъ лейбъ-гвардію конной полкъ куплены.

Въ Москвѣ, Авг. 26 дня 1731 году.

(Подлинникъ за собственоручнымъ подписомъ Бирона хранится въ Моск. Главн. Архивѣ М. И. Д. между Курляндскихъ дѣлъ).

III.

ПИСЬМО БИРОНА КЪ ГР. А. П. БЕСТУ-ЖЕВУ-РЮМИНУ

изъ ярославля отъ 16 Іюня 1743 года.

Во всемъ моемъ несчастіи съ самого отъѣзду изъ Шлюссельбурга я отъ тяжкихъ болѣзней освобожденъ былъ, но тому 18 дней, какъ тяжкая болѣзнь у меня оказалась, которой уже я въ 38 году болѣнь былъ; однакожь какъ меня тогдашній архіатеръ Фишеръ и докторъ Лестенію нѣсколько недѣль полѣчили, то я отъ оной освобожденъ былъ; а здѣсь кромѣ Бога никакого врача употребить не могу, хотя болѣзнь, кую я чувствую, ежедневно умножается, печаль же въ моемъ продолжающемся несчастіи мнѣ толь наименьше облегченія подать можетъ. И такъ я ваше сіятельство прошу, по природному своему праводушію, меня не оставитъ, но паче къ стопамъ ея величества подвергнуть и ее для правосудія и для самого пострадавшаго Христа о моемъ освобожденіи попросить. Я готовъ во всемъ, съ самого того перваго часа, какъ я въ Россію пріѣхалъ, не токмо въ важныхъ дѣлахъ, но и что каждой портикулярной на меня доносить имѣетъ, отвѣтъ дать. Ваше сіятельство тогда въ чужестранныхъ земляхъ были, и тако вамъ неизвѣстны тѣ услуги, которыя я многимъ показывалъ, что такіе люди бы-

ли и, можетъ быть, теперъ есть, которые мнѣ злое за благое воздавали. Оное я горе довольно чувствовалъ и то признаніе, которое они мнѣ показали, имѣетъ каждый отъ такихъ людей ожидать, котораго они о своей дружбѣ такъ весьма обнадеживаютъ. Да можетъ быть такіе люди еще и нынѣ есть, о сохраненіи которыхъ, ежелибы я не постарался, они уже предъ нѣсколькими годами принуждены были бы изъ Россіи выѣхать: письма бывшего фельдмаршала Миниха послѣ Очаковскаго штурма о томъ свидѣтельство подать могутъ. А нынѣ, какъ я въ несчастіи, всякъ меня можетъ письменно и словесно злословить, понеже я съ Давыдомъ сказать принужденъ: есмь человекъ не имѣяй помощи, ни прекословія въ устѣхъ моихъ. При многихъ вашего сіятельства трудахъ я не смѣю васъ болѣе утруждать; я ваше сіятельство, а вы меня знаете, и какъ мало я и домашніе мои любовь вашу во всю жизнь позабыть можемъ, такъ мало и вы меня въ моемъ невинномъ страданіи оставите.

(Сообщено профессоромъ С. М. Соловьевымъ.)

IV.

ЭПИГРАММА.

(на герцога Бирона?)

Для чего природа въ свѣтъ умныхъ посылаетъ?—
Тѣмъ рожденіемъ она землю украшаетъ,
Ими чтобъ владѣль ихъ умъ, пропадали страсти,
А они-бъ держать могли дураковъ во власти.

Для чегожъ и дураковъ въ свѣтъ та являетъ?—
Для того, ва сей вопросъ разумъ отвѣчаетъ:
Когда бъ въ свѣтъ не была оная шитчина,
О четырехъ бы ногахъ вся была скотина.

А скотину для чего счастье возвышает?—
Ими, золота рога, оное играет;
Но какъ золотомъ своимъ скотъ тотъ возгордится,
То съ рогами и краса съ головы свалится.

Часто видя быкъ свои золотые рога,
Поднимаетъ къ небесамъ безразсудно ноги,
И не зная на небо никакой дороги,
Хочетъ счастья, чтобъ его поверстали въ боги.

Пробу vediamo мы теперь надъ регентомъ строгимъ,
Видимъ онаго быкомъ, но уже безрогимъ.
Бывши золоторогій прежь, тотъ сталъ вывъ голой,
А бодливой нашъ регентъ вывъ быкъ камолой. (*)
(Сообщено П. А. Ефремовымъ.)

ШУТОЧНОЕ ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ ОДНОЙ РУССКОЙ ДАМЪ.

Вѣна, Юня 22.

Странная вещь! Какъ только напьюсь чаю, въ ту же минуту кто-то невидимкой толкаетъ меня подъ руку писать къ вамъ, и Елисавета Григорьевна не сходитъ ни на минуту съ мыслей. И отъ чего бы это? Пусть бы еще эта потребность являлась во время кофю, тогда, по крайней мѣрѣ понятно. Кофій клеится въ моей памяти съ вами: вы сами мнѣ клали сахаръ и наливали; но во время чаю вы не брали на себя никакой должности. Отъ чего же это? Я теряюсь и становлюсь похожимъ на того почтеннаго гражданина и дворянина, который всю жизнь свою задавалъ вопросъ: почему онъ Хрисанфій, а не Иванъ, и не Максимъ, и не Онуфрій, и даже не Кондратъ, и не Прокофій.— Вы вѣрно знаете, отъ чего вы живѣе въ моихъ мысляхъ послѣ чаю. Вѣрно вы одинъ разъ, пивши его, вообразили, что льете мнѣ его на голову и вылили вашу чашку на полъ.

(*) Камолый быкъ — съ обломленными рогами.

Или хотѣвши свырнуть блюдечкомъ мнѣ въ лобъ, попали имъ въ верхнюю губу и передній зубъ вашего доктора, который только что успѣлъ вамъ рассказать, какъ весь городъ удивляется терпѣнью вашего Гриши, или можетъ быть ваша Лиза, взявши чашку съ чаемъ и приготовляясь пить, закричала во весь голосъ: „ахъ мама, вообрази въ чашкѣ сидитъ Гоголь!“ Вы бросились съ мѣста и вскрикнули: „гдѣ Гоголь?“ Лиза принялась ловить ложечкой въ стаканъ и закричала вновь: „ахъ это не Гоголь, это муха!“ И вы увидѣли, что это была точно муха и можетъ быть въ эту минуту сказали: „ахъ, зачѣмъ эта муха, которая такъ надоѣдала мнѣ, уже далеко отъ меня!“ Словомъ, что нибудь вѣрно случилось, иначе мнѣ бы не было такого сильнаго желанія писать къ вамъ именно послѣ чаю. Вы мнѣ обыкновенно представляетесь сидящею въ креслахъ, въ вашихъ креслахъ. Но послѣ чаю вы стоите возлѣ меня живо, опершись на спинку стула и какъ будто что-то говорите. Почти такъ, какъ помните одинъ разъ вы сказали или можетъ даже подумали такъ, что сосѣдъ вашъ вовсе не слыхалъ, а услышалъ я. Вы сидѣли у окна, ваши губы едва шевельнулись, или почти не шевельнулись. Вы мнѣ лучше и чаще представляетесь въ эту минуту. Словомъ, хотя мнѣ чай вреденъ, но я буду его пить чаще, чтобы имѣть подобныя минуты. Знаете ли, что это письмо пишется къ вамъ изъ Вѣны? Я могъ бы сію минуту сходить въ *Poste restante* и взять ваше письмо и написать на него отвѣтъ, но я не хотѣлъ этого сдѣлать

для того, чтобы до завтра быть въ сладкой увѣренности, что тамъ лежитъ точно ваше письмо ко мнѣ. Если жъ тамъ нѣтъ его—Боже! сколько злости прольется, всѣмъ достанется: и нѣмцамъ, и Вѣнѣ и шляпѣ, и перчаткамъ, и мостовой, и собственному носу, о чемъ какъ кажется было уже писано. И ни одному нѣмцу, который будетъ сидѣть со мною въ дилижансѣ, не позволю выкурить ни одной сигары, пусть онъ треснетъ проклятый. Прощайте, цѣлую ваши ручки.

Гоголь.

ЗАМѢТКА О РОДѢ ШЕПЕЛЕВЫХЪ.

Въ Русскомъ Архивѣ за 1865 г. изд. 2, стр. 438—440, помѣщена статья Гельбига въ переводѣ М. Н. Лонгинова съ примѣчаниями и добавленіями сего послѣдняго: „Случайные люди въ Россіи.“⁴ Въ число этихъ случайныхъ людей включенъ оберъ-гофмаршалъ *Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ*.

Занимаясь дѣлами Николая Дмитриевича Шепелева, я получилъ отъ него порученіе напечатать возраженіе противу статьи Гельбига и Лонгинова. Собравъ нынѣ достаточныя свѣдѣнія, я исполняю сдѣланное мнѣ порученіе. Гельбигъ говоритъ, что Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ сынъ Русскаго простолюдина, находился при смазкѣ колесъ у придворныхъ каретъ при Петрѣ I; по мнѣнію слѣдовательно Гельбига Шепелевы ведутъ свое дворянство отъ времени Петра I-го. Между тѣмъ по полученной мною изъ Правительствующаго Сената по департаменту Герольдіи, формальной копіи съ родословной рода Шепелевыхъ и копіи съ Книги Родословной, родъ Шепелевыхъ ведетъ свое начало въ Россіи отъ Шеля, о которомъ сказано слѣдующее: „Въ лѣто ⁶⁴⁸⁴/₁₃₇₆ пріѣхалъ изъ Нѣмцевъ изъ Свейскаго королевства въ Польшу къ

королю Ольгерду мужъ честенъ именемъ Шель, съ вотчиною Ермоливальскою, и въ Польшѣ крестился, и въ крещеніи имя ему Георгій, по прозванію Юрій, и изъ Польши пріѣхалъ къ великому князю Дмитрію Іоанновичу Донскому; а у Юрія дѣти: 1-й Петръ прозвище Шенель, и отъ него повелись мы, Шепелевы, 2-й сынъ Нестеръ, и отъ Нестера повелись Нестеровы.“⁴

Внесеніе Шеля въ Родословную доказываетъ, что и онъ не былъ причисленъ къ простолюдинамъ. Къ нимъ не причислялись и его потомки. Въ Родословную внесено 18 поколѣній Шепелевыхъ, и по ней, какъ равно и по книгѣ, видно слѣдующее: Дмитрій Андреевичъ принадлежитъ къ 15-му колѣну потомства Шеля, и изъ предковъ его многіе Шепелевы жалованы были грамотами на разныя вотчины въ нынѣшней Калужской губерніи, несли важныя государственныя, гражданскія и военныя должности, и многіе изъ нихъ убиты въ сраженіяхъ противъ непріятеля. Такъ: пожалованы грамотами, въ 10-мъ колѣнѣ Неведій, въ 11-мъ Григорій (по прозванію Лыка) и Воинъ, въ 12-мъ Алексѣй; упоминаемые Григорій и Воинъ были, 1-й полковымъ воеводою, а 2-й при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ Мценскимъ воеводою; изъ 12-го колѣна Тимофѣй былъ у Московскихъ стрѣльцовъ головою при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ; изъ 13-го Савва былъ въ Темниковѣ воеводою, Иванъ у рейтаръ полковникомъ, умершій отъ ранъ; Агей генералъ, думной и воевода. Убитыхъ въ сраженіяхъ: Андрей подъ Муромомъ, какъ приходилъ Лисовскій, Петръ въ Нѣмецкомъ походѣ при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, Василій подъ Ригою, Андрей и Михаилъ на службѣ, Семень подъ Торонцомъ, Иванъ, Прохоръ и Петръ подъ Конотопомъ.

Хотя ни объ отцѣ, ни о родномъ дѣдѣ Дмитрія Шепелева ничего особаго въ Родословной не сказано, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ происходилъ изъ простолюдиновъ. Всѣ вышепомяну-

тыя лица были ему родные, имѣвшіе по состоянію и по служебной іерархіи вѣсъ и значеніе. Гельбигъ говоритъ, что сынъ Дмитрія Петръ Шепелевъ женился на племянницѣ князя Потемкина-Таврическаго, рожденной Энгельгардтъ. Лонгиновъ, исправляя ошибку Гельбига указаніемъ, что Петръ былъ сынъ генераль-поручика Амплей и что дѣдъ его Степанъ былъ вѣроятно роднымъ братомъ Дмитрія Андреевича (это справедливо), заключаетъ однако, что отецъ Петра былъ выведенъ въ люди Дмитриемъ Андреевичемъ. Заключение это было бы вѣроятнымъ, если бы родоначальникомъ Шепелевыхъ былъ Дмитрій Андреевичъ, по свѣдѣніямъ Гельбига, простолудинъ (такъ какъ таланты людей при переходѣ ихъ изъ низшаго въ высшее сословіе не бываютъ часты), но Амплей Степановичъ имѣлъ своихъ предковъ, пользовавшихся и знатностью и качествами, достаточными для того, чтобы дать ему ходъ на службѣ и значеніе въ обществѣ. Наконецъ равнымъ образомъ нельзя относить и супружество Мавры Шепелевой (будто бы родной сестры гофмаршала) съ графомъ Шуваловымъ вліянію лишь того же Д. А. Шепелева, какъ указываетъ Гельбигъ; ибо Мавра Егоровна Шепелева была не сестра, а дальняя по 8-му только колѣну племянница Д. А. Шепелева: она имѣла роднаго прадѣда, упомянутого выше Агея, генерала, думнаго воеводу, и слѣдовательно вышла за мужъ за графа Шувалова по своему собственному положенію въ свѣтѣ. Надобно здѣсь еще прибавить, что Шепелевы входили въ широкія связи черезъ супружество: такъ Амплей Степановичъ Шепелевъ, отецъ Петра Амплеевича, женившася на Энгельгардтъ, былъ самъ женатъ на графинѣ Матвѣевой, принадлежавшей, какъ извѣстно, къ знаменитому роду.

Опровергнувъ выводы Гельбига и согласившагося съ нимъ Лонгинова, что Шепелевы принадлежатъ будто бы къ случайнымъ людямъ (выводы сдѣланные и вопреки даже Россійской Родословной

книгъ князя Долгорукова, по которой фамилія Шепелевыхъ показана существующею прежде 1600 года), я перехожу къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній, переданныхъ Гельбигомъ. Онъ говоритъ, что Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ сдѣлался ненавистенъ своею грубостью. Откуда взялъ Гельбигъ эту аттестацію для Д. А. Шепелева, мнѣ неизвѣстно; но я позволю себѣ усомниться въ правильности оной, на томъ основаніи, что Д. А. Шепелевъ служилъ при пяти государяхъ и удостоивался отъ нихъ постоянныхъ повышений: такъ, при Петрѣ I, онъ служилъ въ гвардіи и находился при государѣ, сопутствуя ему, въ 1716 и 1717 годахъ, во второмъ его путешествіи по Европѣ, былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Даниі, Голландіи и во Франціи исправлялъ должность гофмаршала. Императоръ Петръ II произвелъ Шепелева обер-гофмаршаломъ и возложилъ на него орденъ Св. Александра Невскаго; Елисавета Петровна пожаловала его генерал-аншефомъ и кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, служившій столько времени и пользовавшійся благосклонностью пяти государей, могъ содѣлаться ненавистенъ своею грубостью; трудно, повторяю, повѣрить, чтобы человѣкъ грубаго характера могъ удержаться на службѣ при пяти государяхъ и достигнуть высшихъ почестей. Въ семейныхъ преданіяхъ нѣтъ ничего такого, что бы подтверждало правильность аттестаціи Д. А., сдѣланной ему Гельбигомъ; но самое достовѣрное опроверженіе я нахожу въ Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли Дмитрія Бантышъ-Каменскаго. Онъ говоритъ о Д. А. Шепелевѣ: „къ чести сего почтеннаго современника великому монарху, слѣдуетъ упомянуть здѣсь, что онъ устранилъ себя отъ произнесенія роковаго приговора надъ царевичемъ Алексіемъ Петровичемъ.“⁴ Такая черта характера говоритъ многое и не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

О Петрѣ Амплеевичѣ Шепелевѣ г. Лонгиновъ рассказываетъ, что „свѣтлѣйшій Потемкинъ, позавидовавъ успѣхамъ кн. Петра Голицына, рѣшился во что бы то ни стало отдѣлаться отъ него, и нашелъ человѣка, готоваго на злодѣйство ради разныхъ выгодъ и покровительства: это былъ Петръ Амплеевичъ Шепелевъ, который какъ-то придрался къ кн. Петру Голицыну, вышелъ съ нимъ на поединокъ и убилъ его измѣнническимъ образомъ. Послѣ этого онъ получилъ въ награду руку племянницы Потемкина Надежды Васильевны Энгельгардтъ, а за тѣмъ и открылся ему путь къ повышеніямъ и богатству.“ Лонгиновъ называетъ этотъ рассказъ преданіемъ, не указывая его источника. Я имѣю основаніе предполагать, что если это преданіе и существуетъ, то лишь въ тѣсномъ кругу фамиліи кн. Голицыныхъ, и что это преданіе составилось въ кругу этой фамиліи по страсти и потому не заслуживаетъ вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы допустить

даже, что Потемкину могъ не понравиться князь Голицынъ, что ему хотѣлось отъ него отдѣлаться, что онъ нашелъ въ лицѣ Петра Шепелева руку исполнителя и что сей послѣдній убилъ кн. Голицына измѣннически: то въ такомъ случаѣ никто, понимающій истинное благородство, не допуститъ, чтобы злодѣю (измѣнническое убійство есть злодѣйство), дана была такая награда, какую далъ ему кн. Потемкинъ, выдавъ за него за мужъ свою племянницу. Есть люди, которые могутъ находить полезнымъ злодѣйство какъ и доносы, и награждать деньгами злодѣя и доносчика, но никто изъ благородныхъ не приметъ къ себѣ въ семью того или другаго. Этотъ же Петръ Шепелевъ достигнулъ въ послѣдствіи первокласнаго чина и званія сенатора. Развѣ правительство могло бы возвысить на столько человѣка, опозореннаго злодѣйскимъ поступкомъ?

Дмоховскій.

ЗАМѢТКА О БИБЛИОТЕКѢ ГР. Д. П. БУТУРЛИНА.

(См. выше, стр. 383—385.)

Не могу раздѣлить мнѣнія гр. М. Д. Бутурлина о сравнительномъ достоинствѣ библіотекъ его отца. Первая была *составлена* со тщаніемъ изъ книгъ, разнесенныхъ Французскою революціею; вторая *собрана*, пользуясь безъ разбора всякимъ случаемъ. Отъ этого проданная съ аукціона книги не имѣютъ особеннаго уваженія между библіофилами, и замѣтка въ каталогѣ: *Exemplaire du Comte Boutourlin*—

не есть безспорная рекомендація въ торговлѣ. Многіе экземпляры были худо сбережены, худо переплетены, обрѣзаны, неполны, замазаны, исписаны неизвѣстными, и такъ далѣе. По этому не думаю, чтобы это собраніе стоило графу (какъ пишетъ его сынъ) вдвое или втрое вырученной цѣны.—Во всемъ этомъ со мною согласенъ Brunet.

С. Соболевскій.

Чертковская библіотека (въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7) открыта бесплатно для чтенія ежедневно отъ 11 до 3 часовъ утра, кромѣ дней праздничныхъ.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1867 ГОДА ИЗДАЕТСЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА:

„НАРОДНЫЙ ГОЛОСЪ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки . . .	5 р.	На полгода безъ доставки .	3 р.
„ „ съ доставкою. . .	6 „	„ „ съ доставкою. 3 „	50 к.
„ „ съ пересылкою . .	7 „	„ „ съ пересылк.	4 „

Для Петербургскихъ подписчиковъ допускается и по мѣсячно.

ЦѢНА НА 1 МѢСЯЦЪ СЪ ДОСТАВКОЮ 60 К.

Подписка принимается: **Въ С.-Петербургѣ**, въ главной Конторѣ Редакціи, на Невскомъ просп., противъ Алекс. театра, д. Демидова № 54 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.—**Въ Москвѣ**, въ конторѣ Оленина.

Редакторъ-издатель **П. А. Юревичъ-Литвиновъ**.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Дѣ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга: *«Новиковъ и Московскіе Мартинисты, изслѣдованіе М. Лонгинова.»* Текстъ ея состоитъ изъ 25 главъ и къ нему присоединены: болѣе 1500 примѣчаній и 43 приложенія. Объемъ книги составляетъ болѣе 30 печатныхъ листовъ, въ большую осьмушку.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ выходить и въ

1867 году,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотеки (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ *Чертковскую библіотеку*.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія въ *Германію 7 р.*; во *Францію и Бельгію 7 р. 50 к.*; въ *Анлію 8 р.*; въ *Швейцарію и Італію 9 р.*

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартенева.**

Типографія Т. Риска у Мясницкаго у воротъ д. Воейковой № 2.

ГОДЪ ПЯТЫЙ
РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ.

4.

П Р И

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Конная гвардія въ юнѣ мѣсяцѣ 1762 года, *М. Н. Лоникова*.
2. Письма къ Я. И. Бугакову: *Суворова* и кн. *М. Н. Волконскаго*. 1770—1773.
3. Письмо *А. И. Бибикова* къ кн. *М. Н. Волконскому*. 1774.
4. Письма гр. *И. И. Панина* и лорда *Мальмсбюри* къ гр. *Нессельроду-отцу*. 1779 и 1780.
5. Два письма *Екатерины II* къ *Якобію* и бар. *Игельштрому*. 1782 и 1786.
6. Семейство *Робеспьеровъ*, *М. Ѳ. Шугурова*.
7. Изъ записокъ гр. *Е. Ѳ. Комаровскаго*. 1799—1802.
8. Жизнь и дѣянія кн. *Потемкина Таврическаго*, сочиненіе графа *А. Н. Самойлова*. Главы I и II.
9. Письма къ друзьямъ изъ похода въ *Хиву*. 1840 (окончаніе) *В. И. Даля*.
10. Письма *А. И. Тургенева* къ *И. И. Дмитріеву*. 1818—1825.
11. Письмо *А. С. Пушкина* къ *А. И. Тургеневу*. 1819.
12. Дополненія и поправки.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Мизяковой.

1867.

**ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУ-
ДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ
УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНИЯМЪ МОСКОВСК.
ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И
134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.**

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами,
въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени.
1863 года VI и 1066 стр. (4 р., съ пер. 5 р.) **1864** года
154 и 1182 стр. съ рисунк. (4 р., съ пер. 5 р.) **1865** года
1550 стр. (5 р., съ пер. 6 р.) Иногородные за Русскимъ
Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ
Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *всѣ*
четыре года вмѣстѣ прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

І Е З У И Т Ы

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія
въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

Тамъ же стихотворенія **КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.**

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

СВѢДѢНІЯ ОБЪ ОФИЦЕРАХЪ КОННОЙ ГВАРДІИ

въ іюль мѣсяцъ 1762 года.

Все, относящееся къ столь важному историческому событію, какъ восшествіе на престолъ Екатерины II, должно быть изслѣдовано съ возможною подробностью. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года помѣщено свѣдѣніе о первыхъ пособникахъ Екатерины. Извѣстно, какое участіе принимала въ этомъ дѣлѣ любимшая ее гвардія. Конно гвардейскій полкъ выказалъ въ этомъ случаѣ особенную привязанность къ государынѣ, которую возбуждали въ немъ особенно поручикъ Ѳедоръ Хитровъ и вахмистръ Потемкинъ. Конная гвардія выѣхала поголовно, со всѣми офицерами передъ фрунтомъ. Когда она присоединилась къ шествію Екатерины между нынѣшнимъ Аничковскимъ дворцомъ и Казанскимъ соборомъ, полкъ этотъ былъ въ какомъ то чаду восторга и энтузіазма. Солдаты плакали и величали Екатерину своею спасительницею. Поэтому любопытно познакомиться съ тогдашними гвардейскими офицерами вообще. Представляемъ здѣсь списокъ офицеровъ, состоявшихъ на лицо въ конной гвардіи въ знаменательный день 28 іюня 1762 года. Извлекаемъ его изъ полковыхъ списковъ и присовокупляемъ къ нему нѣкоторыя примѣчанія.

Въ конной гвардіи былъ тогда подполковникомъ баронъ Юрій Григорьевичъ Ливенъ⁽¹⁾. Званіе это было лишь почетное, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Ли-

вень имѣлъ вліяніе на офицеровъ полка, котораго онъ былъ прежде дѣйствительнымъ командиромъ, а именно съ 1740 по 1744 годъ.

Полкомъ командовалъ тогда съ 1761 года премьеръ-маіоръ Яковъ Бергеръ⁽²⁾.

Секундъ-маіорами подъ нимъ были съ 9 іюня 1762 года князь Петръ Петровичъ Черкасскій⁽³⁾, и съ 24 февраля 1762 князь Петръ Яковлевичъ Голицынъ.

кою княгинею, была уже въ немилости у императрицы Елизаветы, Ливенъ, котораго хотѣли замѣнить въ свѣдственное дѣло о фельдмаршалѣ Апраксинѣ, сказалъ кн. Понятовскому, глядя на Екатерину, на балѣ у Австрійскаго посла Эстергази: «вотъ женщина, въ пользу которой честный человекъ не задумается вынести нѣсколько ударовъ плутомъ».

(2) Бергеръ сдѣлалъ карьеру доносомъ на несчастную Наталью Ѳедоровну Лопухину и ея родныхъ и друзей, обвиненныхъ въ заговорѣ противъ императрицы Елизаветы Петровны. Бергеръ былъ переведенъ 22 окт. 1743 изъ Кирасирскихъ поручиковъ въ секундъ-ротмистры конной гвардіи, «за вѣрную службу, что онъ донесъ о зломъ умыслѣ Степана Лопухина». Въ 1749 году пожалованъ онъ былъ въ ротмистры, а 28 дек. 1761 въ секундъ-маіоры конной гвардіи. Видно, онъ былъ 28 іюня на сторонѣ Екатерины, ибо она произвела его 9 іюля въ подполковники этого полка. Но вѣроятно новая императрица скоро увидѣла его дурныя свойства, ибо 24 іюля того же года уволила его отъ службы и отдала полкъ въ команду секундъ-маіора князя П. А. Черкаскаго. Бергеръ прожил потомъ не долго и умеръ въ самыхъ жалкихъ обстоятельствахъ.

(3) Сынъ генералъ аншефа и бывшаго при Елизаветѣ командира конной гвардіи кн. Петра Борисовича. Конной гвардіей командовалъ съ 1 января

(1) Род. 10 сент. 1696. ум. 15 мар. 1763, въ чинѣ генералъ-аншефа и александровскимъ кавалеромъ. Онъ былъ издавна сторонникомъ Екатерины. Въ концѣ 1757 года, когда Екатерина, вели-

Вотъ списокъ тогдашнихъ оберъ-офицеровъ конной гвардіи по старшинству:

Ротмистры: князь Михайлъ Александровичъ Черкасскій (4), Илья Мухановъ, князь Александръ Яковлевичъ Голицинъ (5), Тихонъ Яминской, Александръ Яковлевичъ Мансуровъ, Иванъ Дарагановъ, Григорій Дарагановъ.

Секундъ-ротмистры: князь Юрій Васильевичъ Хованскій (6), Христофоръ Христофоровичъ фонъ Дерфельденъ, Левъ Разваринъ, Николай Прончищевъ, князь Сергій Петровичъ Черкасскій (7).

Поручики: Александръ Ильиль Ржевскій (8), баронъ Густавъ фонъ деръ Паленъ, Николай Аванасьевичъ Бахтинъ, Платонъ Абалдуевъ, Ѳеодоръ Хитрово (9), графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (10), князь Петръ Михайловичъ Голицинъ (11).

1764 по 8 сент. 1767, второй секундъ-майоръ 1762 года князь Петръ Яковлевичъ Голицинъ (род. 13 мая 1719, ум. 8 сент. 1767) носившій званіе премьеръ-майора и о которомъ тутъ же мы говоримъ.

(4) Братъ упоминаемаго въ прим. 2-мъ.

(5) Род. 1729, мая 30. Ум. полковникомъ въ отставкѣ.

(6) Внуку по своей матери знаменитаго Шафировъ и братъ фрейлины Екатерины II княжны Марьи Васильевны, вышедшей въ 1769 году за князя Ѳеодора Сергѣевича Борятинскаго, игравшаго большую роль въ событіяхъ 1762 года. Князь Хованскій былъ въ это время за границей.

(7) Сынъ князя Петра Борисовича, умершаго въ 1768 г. генералъ-аншефомъ и александровскимъ кавалеромъ и командовавшаго конною гвардіей передъ Бергеромъ, съ 1744 по 1761 годъ, послѣ барона Ливена (1740—1744).

(8) Род. 13 авг. 1726, ум. 11 окт. 1809. Въ юль 1762 получилъ слѣдующій чинъ, камеръ-юнкерство и 18,000 рублей. Потомъ былъ камергеромъ.

(9) Въ юль 1762 получилъ слѣдующій чинъ, камеръ-юнкерство и 800 душъ.

(10) Въ юль 1762 получилъ слѣдующій чинъ камеръ-юнкерство и 600 душъ. Онъ род. 6 дек. 1735, ум. 8 юля 1804, въ чинъ фельдмаршала. Отецъ его сенаторъ графъ Платонъ Ивановичъ пострадалъ въ 1740 году по дѣлу Волинскаго.

(11) Род. 15 дек. 1738, ум. 11 ноября 1775, бу-уци генералъ-поручикомъ и александровскимъ ка-

Подпоручики: Баронъ Сергій Николаевичъ Строгановъ (12), Иванъ Игнатьевичъ Поливановъ, Андрей Петровичъ Мельгуновъ, князь Борисъ Григорьевичъ Шаховской (13), князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій (14).

Корнеты: Александръ Щепотьевъ (15), баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ (16), Вильгельмъ-Христофоровичъ фонъ-Дерфельденъ (17), Ѳеодоръ Дубянский, князь Алексѣй Платоновичъ Мещерскій (18), Иванъ Наумовъ, князь Петръ Ивановичъ Одоевскій, Ѳеодоръ Елгозинъ (полковой секретарь), Павелъ Ивановичъ Голохвастовъ (19) Ѳеодоръ Александровичъ Суворовъ (20), Александръ Наумовъ, Николай Васильевичъ Толстой (21), графъ Иванъ Ивановичъ Гендриковъ,

валеромъ. Ему первому удалось поразить Пугачева. Онъ былъ убитъ Шепелевымъ на дуэли.

(12) Род. 16 апр. 1738, ум. 29 авг. 1777, бригадиромъ въ отставкѣ.

(13) Ум. въ апр. 1813 генералъ-лейтенантомъ въ отставкѣ. Онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ разными странностями.

(14) Въ юль 1762 получилъ слѣдующій чинъ, камеръ-юнкерство и 600 душъ. Ум. 15 апр. 1806 оберъ-шенкомъ и андреевскимъ кавалеромъ.

(15) Въ февралѣ 1764 года Екатерина отдала ему въ управленіе казенный фарфоровый заводъ, «въ разсужденіе особливой его къ химическимъ наукамъ склонности и приобретенныхъ имъ, во время пребыванія его въ чужихъ краяхъ, знаний въ сихъ наукахъ», какъ сказано въ указѣ ея.

(16) Ум. 13 марта 1789 дѣйств. тайн. совѣтникомъ. Это родной дядь графовъ Сергѣя и Александра Григорьевичей Строгановыхъ.

(17) Род. 1735. Ум. 9 сент. 1819, генераломъ отъ кавалеріи. Это знаменитый сподвижникъ Суворова.

(18) Это былъ второй сынъ извѣстнаго генералъ-аншефа князя Платона Степановича (р. 1713, ум. 23 дек. 1799).

(19) Онъ былъ потомъ депутатомъ въ славной комиссіи 1767 года и умеръ 1812 г. дѣйств. ст. совѣтникомъ.

(20) Двоюродный братъ славнаго фельдмаршала.

(21) Род. 1737; 10 юля 1774 умерщвленъ въ Казани Пугачевымъ.

графъ Андрей Ивановичъ Гендриковъ⁽²²⁾, князь Алексѣй Александровичъ Черкасскій⁽²³⁾, Николай Ладыженскій, князь Иванъ Ивановичъ Одоевскій⁽²⁴⁾, Алексѣй Ртищевъ, князь Иванъ Еягалычевъ. И того 19. Всѣхъ оберъ-офицеровъ 43.

Конечно, нѣкоторые изъ поименованныхъ офицеровъ не были во фронтѣ 28 июня 1762 года, но это были лишь исключенія по болѣзни или отлучкѣ ихъ изъ столицы. Мы не внесли въ этотъ списокъ нѣсколько офицеровъ, обозначенныхъ малолѣтними, а также бывшихъ тогда при управленіи Починковскимъ конскимъ заводомъ полка.

По вошествіи на престолъ Екатерина назначила сподвижника своего генераль-аншефа князя Михаила Никитича Волхонскаго⁽²⁵⁾ подполковникомъ конной гвардіи (30 июня) и затѣмъ поручила командованіе его, вмѣсто Бергера, князю Петру Александровичу Черкасскому (24 июля.) Тогда же многіе офицеры пожалованы слѣдующими чинами.

Въ июль 1762 года былъ представленъ отъ полка докладъ и о томъ, чтобы были произведены въ корнеты слѣдующіе вахмистры конной гвардіи (вѣроятно они всѣ отличились 28 июня): Григорій Александровичъ Потемкинъ⁽²⁶⁾, Андреянъ Ивановичъ Дивовъ⁽²⁷⁾, Алексѣй Сабуровъ, Григорій Осиповъ, Николай Овцынъ и Александръ Жеребцовъ⁽²⁸⁾. Но

(22) Это были вучатные братья Петра III, очень молодые люди, ничѣмъ не примѣчательные въ послѣдствіи.

(23) Извѣстный въ послѣдствіи мистикъ и сподвижникъ Новикова во всѣхъ его предпріятіяхъ.

(24) Род. 5 апр. 1742, ум. 11 дек. 1806, генераль-поручикомъ.

(25) Род. 9 окт. 1713, ум. 8 дек. 1789. Онъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ съ 1771 по 1780 годы.

(26) Род. съ сентябрь 1739, ум. 5 окт. 1791, въ чинѣ фельдмаршала и съ титуломъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго.

(27) Ум. 8 мая 1814, въ званіи сенатора.

(28) Кажется, это былъ Александръ Алексѣевичъ, бывший потомъ тайн. совѣтникомъ и женатый на

императрица собственноручно написала противъ имени Потемкина: „быть поручикомъ“, а прочіихъ пожаловала корнетами. Потомъ 30 ноября 1762 Потемкинъ получилъ камеръ-юнкерство, но остался въ полку, такъ же какъ и прочіе конно гвардейцы камеръ-юнкеры, пожалованные въ июль: Ржевскій, Хитрово, графъ Мусинъ-Пушкинъ и князь Несвицкій.

Въ слѣдъ за симъ было еще 3 августа 1762 производство въ корнеты вахмистровъ конной гвардіи, вѣроятно дополнительное къ первому. Тогда произведены: Александръ Григорьевичъ Каринъ⁽²⁹⁾, Петръ Ивановичъ Бабарыкинъ⁽³⁰⁾, Василій Елагинъ и Георгій Фонъ-Ренцъ; а въ ноябрь 1762 произведены еще въ корнеты: Василій Алексѣевичъ Аргаматовъ⁽³¹⁾ и графъ Иванъ Сиверсъ.

Желательно, чтобы были обнародованы подобныя же списки по полкамъ Преображенскому, Семеновскому и особенно Измайловскому, который первый и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ счастливому воцаренію Екатерины⁽³²⁾.

Михаилъ Ломиковъ.

Село Красное, 3 Августа 1866.

Ольга Александровна Зубовой (р. 1766, ум. 1 марта 1849), сестра извѣстныхъ временщиковъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

(29) Переводчикъ и авторъ равныхъ театральныхъ пьесъ.

(30) Родной братъ матери извѣстнаго потомъ временщика графа Мамонова, Анянъ Ивановичъ, командовавшій въ послѣдствіи конною гвардіею со 2 июня 1788 по 17 мая 1789 и съ 18 июля 1789 по 5 марта 1790 въ званіи премьеръ-маіора оной.

(31) Въ послѣдствіи зять славнаго Фонъ-Визина, бывшій тогда камеръ-пажемъ и кавалеромъ посольства въ Варшавѣ при графѣ Кейзерлингъ.

(32) Имена тѣхъ нѣкоторыхъ оберъ-офицеровъ этихъ полковъ, которые особенно содѣйствовали успѣху дѣла 28 июня, напечатаны были въ № 64. С. П. бургскихъ Вѣдомостей. По этотъ номеръ вышелъ уже 9 августа, а потому эти офицеры показаны въ чинахъ, полученныхъ ими уже послѣ 28

ПИСЬМА КЪ Я. И. БУЛГАКОВУ (*).

I. СУВОРОВА (†)

1.

Люблинъ. 10¹⁰/₂₁ января 1770 года.

Милостивый государь мой, Яковъ Ивановичъ (†). Удивляюсь, что бригадиръ г. Игельстромъ, по сіе время, еще здѣсь сквозь не проѣхалъ; правда есть дорога прямѣе съ Коцка (†) на

юня за отличіе, вмѣстѣ съ другими наградами, о которыхъ говорятъ Вѣдомости. Въ нихъ названы: Преображенскаго полка, капитанъ-поручики Петръ Богдановичъ Пассекъ, Сергій Александровичъ Бредихинъ, Михаилъ Баскаковъ; поручики Григорій Протасовъ, князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій; Евграфъ Васильевичъ Чертковъ, Захаръ Дубяпскій и Иванъ Васильевичъ Ступишинъ; Семеновскаго полка, капитанъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ; Измайловскаго полка, капитаны Михаилъ Поквисневъ, Александръ Рославлевъ, Михаилъ Ласунскій, князь Петръ Алексѣевичъ Голицинъ; капитанъ поручики Петръ Вырубовъ, Иванъ Обуховъ, прапорщики Сергій и Илья Всеволожскіе. Намъ вообще такъ мало извѣстны тогдашнія дѣла, что мы не знаемъ навѣрно, гдѣ именно служили въ гвардіи, до 28 июня 1762, Алексій и Федоръ Орловы.

*) Письма эти, въ подлинникахъ, принадлежатъ Н. С. Киселеву, который и сообщил ихъ вмѣстѣ съ составленными имъ примѣчаніями. Имъ же доставлено (съ примѣчаніями) и нижеслѣдующее письмо Бибикова. П. Б.

(†) Съ 1768 г., Суворовъ, въ чинѣ бригадира, участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ конфедератовъ; въ 1770 г., за свои подвиги въ Польшѣ и Литвѣ онъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-майора.

(†) Булгаковъ, въ это время, находился въ Варшавѣ, гдѣ, съ 1764 г., онъ состоялъ при посольствѣ, сначала въ качествѣ секретаря, а съ 1768 г., со времени назначенія посломъ кн. М. Н. Волконскаго, въ должности совѣтника.

(†) Мѣстечко въ нынѣшней Люблинской губерніи.

Красноставъ; паче чаянія, поѣхалъ тою (†)! О чемъ, какъ скоро свѣдаю, депешъ къ нему полученный, при письмѣ вашемъ отъ 7⁷/₁₈ сего мѣсяца, немедленно въ слѣдъ отправлю. Не прогнѣвайся, батюшка, что я васъ по долгу, въ надлежащее время, не поздравилъ съ симъ новымъ годомъ, а сіе нынѣ чиню. Свидѣтель Богъ! не до того; — здоровьемъ поослабъ; хлопотъ пропасть, почти непреодолимыхъ; трудности, въ ихъ будущемъ, умножаются; во всѣ стороны наблюденіе дистанціи почти безмѣрной; неуспѣваемый перелетъ съ одного мѣста на другое; неожиданное, въ необходимой нуждѣ, подкрѣпленіе; слабость силъ: — (100 на 3-хъ); горы, Висла; (въ 40 м.) (†) Варшава. Колика бы мнѣ то была милость, если бы дали отдохнуть, хотя на 1 мѣсяць, то есть — выпустили бы въ поле! Съ Божьею помощію, на свою бы руку я охулки не положилъ!

Сію минуту слышу, что б. Игельстромъ прямо изъ Коцка на Красноставъ проѣхалъ: чего ради спѣшно посылаю съ ставетою за нимъ вашъ депешъ. Препоручаю себя вашей дружбѣ и остаюсь, съ искреннимъ и отличнымъ почитаніемъ, милостивой государь мой! вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

(†) Вѣроятно бар. Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, покинувъ тогда дипломатическое поприще, отправлялся на югъ, въ армию, дѣйствовавшую противъ Турокъ; здѣсь ознаменовалъ онъ себя участіемъ въ покореніи Килии и взятіемъ Аккермана.

(†) Слова, заключенныя въ скобки, написаны очень наразборчиво; почему нельзя ручаться за вѣрность ихъ передачи

2.

26 сентября 1770 года, Люблинъ.

Милостивой государь мой, Яковъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ Веймаритъ ⁽⁶⁾ писалъ къ г. Захару Григорьевичу ⁽⁷⁾ о переводѣ меня въ главную армію. Тако наконецъ избавляюсь здѣшнихъ хлопотъ! Князь Михайла Никитичъ ⁽⁸⁾ сіе мнѣ во зло поставить не изволить, ибо у его сіятельства насъ много, — я же прямо подъ нимъ состоять не могъ..... Препоручая себя въ вашу дружбу, остаюсь, съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой! вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

II. КНЯЗЯ М. Н. ВОЛКОНСКАГО. (1770 — 1773)

Первыя десять писемъ относятся къ тому времени, когда Волконскій, тяготясь своимъ положеніемъ въ Варшавѣ и тщетно повторяя просьбу объ отозваніи отъ труднаго поста, получилъ наконецъ позволеніе ѣхать, дѣломъ 1770 г., за границу возстановлять разстроенное здоровье. Булгаковъ былъ тогда совѣтникомъ посольства и, какъ видно изъ писемъ Волконскаго, увѣдомлялъ его о происшествіяхъ въ Польшѣ и извѣстіяхъ, приходившихъ въ Варшаву изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ разыгрывались русскіе интересы. — Одиннадцатое письмо писано на пути изъ Варшавы въ Петербургъ, когда уже посломъ въ Польшѣ былъ баронъ Сальденъ; двенадцатое — изъ Петербурга, передъ отъѣздомъ въ Москву, куда Волконскій былъ назначенъ главнокомандующимъ, на смѣну гр. Г. Г. Орлова на мѣсто гр. П. С. Солтыкова; послѣднія два письма писаны изъ Москвы, гдѣ Михаилъ Никитичъ окончилъ свою долговременную служебную дѣятельность въ 1780 году.

⁽⁶⁾ Главнокомандующій расположенныхъ въ Польшѣ войскъ.

⁽⁷⁾ Чернышеву, въ то время вице-президенту военной коллегіи.

⁽⁸⁾ Волконскій.

1.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! На письмо ваше я прежде отвѣтствовать не могъ, какъ по прибытіи въ Познань, куда вчерась благополучно прибылъ. Сегодня здѣсь пробуду; завтра въ 5 часовъ по утру въ путь свой вступлю. Я сношу дорогу, слава Богу, нарочито. Прошу отъ меня поклониться всѣмъ друзьямъ, particulièrement à monsieur le comte Poninski ⁽¹⁾. J'ai couché sur sa terre: il a un fortjoli jardin et deux trèsbelles petites soeurs^(*). Съ нетерпѣливостью желаю вѣдать что въ Молдавіи воспослѣдовало, о чемъ прошу меня увѣдомить и мнѣ вѣрить о моей истинной къ вамъ дружбѣ, съ которою завсегда пребыть честь имѣю, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

Познань.

²/₁₃ іюня 1770.

2.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Два письма ваши, № 1 и 3, получилъ; на первое изъ Познани отвѣтствовалъ: да знать оно пропало или по почтѣ вояжируетъ; по прежнему благодарствую за письма ваши и прошу продолжать.

⁽¹⁾ Великаго короннаго кухмястра Понинскаго Волконскій считалъ однимъ изъ сторонниковъ русскаго вліянія въ Польшѣ; дѣйствительно, вмѣстѣ съ гр. Браницкимъ, онъ предлагалъ противодѣйствовать Барской конфедераціи образованіемъ генеральной конфедераціи, для успокоенія Польши, при содѣйствіи Россіи; но планъ этотъ не состоялся. Иначе смотрѣлъ на Понинскаго преемникъ умнаго, но слишкомъ довѣрчиваго Волконскаго, Сальденъ: дѣлая оцѣнку главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Польшѣ, онъ включилъ Понинскаго въ число *милыхъ друзей Россіи* (Ист. паден. Польши, Соловьева, стр. 117) и, при случаѣ, назвалъ его въ лицо *негоднымъ человекомъ* (тамъ же, стр. 125).

^(*) Т. е. въ особенности графу Понинскому: я ночевалъ въ его имѣніи. У него превосходный садъ и двѣ красавицы-сестрицы.

Я вчера въ Прагу пріѣхалъ, а сейчасъ ѣду въ Карлсбадъ; принужденъ путь мой взять на здѣшнее мѣсто, ибо, какъ чрезъ Дрезденъ, такъ и на другой трактъ, мнѣ бѣ съ каретою моею не проѣхать въ горахъ и ущеліяхъ. Правда и этимъ путемъ, въ Лаузаціи, отъ Цитау и межъ Габеля и Брендзена, на силу съ каретою могъ протащиться. Послѣ, письмо № 3 вчера, при пріѣздѣ моемъ сюда, получилъ. Весьма я одолженъ за цареградскія и триестскія вѣдомости и за исходатайствованіе рекомендаціи Исаеву; покорно прошу протезировать на респонденцію вашу, а мнѣ вѣрить, что я съ истинной и усердной преданностью завсегда пребуду покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

Прага.

12/23 іюня 1770.

3.

Карлсбадъ.

17/28 іюня 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Письмо ваше, отъ 5/11 сего, № 4 вчера получилъ; покорно благодарствую за оное, также что и деньги по векселю приняли, прошу ихъ у себя содержать до моего возвращенія. Я сюда пріѣхалъ 13/24 сего; вчера зачалъ воды пить и думаю къ августу кончить. Здѣсь не много знатныхъ, однако компанія изрядная. Прошу увѣдомлять почаству что до васъ дойдетъ изъ Молдавіи, Мореи и Царяграда; здѣсь разныя разглашенія, не знаю чему вѣрить. Впрочемъ пребываю съ искреннею преданностью покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

4.

Карлсбадъ.

3/18 іюля 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Письмо ваше № 9 получилъ вчера;

покорно благодарствую. Здѣсь слухи носятя, что будто наша армія побита, генераль-аншефъ (2) убитъ и к. Николай Васильевичъ (3) въ полонъ взятъ и тому подобныя враки. Здѣсь также много лгутъ, какъ и въ Варшавѣ. Ваше письмо мнѣ служило къ доказательству, что это все неправда. Я кончу свои воды пить чрезъ 6 дней, да послѣ окончанія еще здѣсь недѣлю мѣста пробуду; вы, пожалуйста, не переставайте ко мнѣ писать; я, какъ точныя мѣры возьму о своемъ отсюда отъѣздѣ и которою дорогою поѣду, то и васъ увѣдомлю обстоятельно. Здѣсь, сказываютъ же, что конфедераты умножаются, и что одного нашего офицера съ 60 человекъ въ Сандомирскомъ порубили; прошу увѣдомить, правда ли. Впрочемъ пребываю съ истинною, дружескою преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконскій.

5.

Карлсбадъ.

8/19 іюля 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Письмо ваше подъ № 10, я вчера исправно получилъ. Приложенный экстрактъ изъ письма графа Румянцева привелъ меня въ состояніе опровергнуть разныя газетныя враки и пустыя отъ конфедератовъ разглашенія (4). Графъ Унруге, окончивъ свой курсъ, поѣхалъ отсюда въ Дрезденъ; я, чрезъ три дня, свой курсъ окончу же; одна-

(2). Румянцевъ.

(3). Репнинъ, командовавшій, подъ главнымъ начальствомъ Румянцева, отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи.

(4). И всѣ эти ложныя разглашенія дѣлались въ то самое время, когда побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ, взятіе Измаила, Киіи и Браилова подчинили Россіи весь лѣвый берегъ Дуная. Видно, благопріятствующая намъ Европа слѣдуетъ, въ этомъ отношеніи, давнишнимъ преданіямъ.

ко нѣсколько дней еще здѣсь побуду. Впредь къ вамъ писать буду, которою дорогой поѣду и куда вамъ ко мнѣ писать; а теперь только скажу, что я, съ неперемѣнною преданностью, пребываю, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

6.

11/22 июля 1770.

Прага.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Я вчера съ сюда пріѣхалъ, для свиданія съ князь Дмитріемъ Михайловичемъ, и письмо ваше, подъ № 11, получилъ, за что благодарствую. Завтра, послѣ обѣда, князь Дмитрій Михайловичъ поѣдетъ въ Вѣну⁽⁵⁾, а я въ Карлсбадъ, гдѣ до 8 августа новаго штиля пробуду; и тако уже ко мнѣ симъ каналомъ больше не пишете, а съ полученія сего, на первой почтѣ адресуйте ко мнѣ письма къ князь Володиміру Сергіевичу, въ Берлинъ⁽⁶⁾ въ тѣмъ, коли письмо прежде меня придетъ, чтобы до меня удержали; на третьей же почтѣ, послѣ полученія сего письма, адресуйте письма во Гданскъ, съ тѣмъ-же. Я положилъ тако, ежели что не помѣшаетъ: 8 августа поѣду изъ Карлсбада, 11 пріѣду въ Дрезденъ; на другой день выѣду оттуда и въ Берлинъ пріѣду 15; тамъ дня два пробуду и поѣду чрезъ Гданскъ и Кенигсбергъ; сіи числа по нов. штилю. Во Гданскѣ одинъ день, а въ Кенигсбергѣ два дня пробуду; и такъ надѣюсь въ Варшаву быть около 12 сентября и. ш. Между

(5). Вѣроятно здѣсь рѣчь идетъ о кн. Дмитріѣ Михайловичѣ Голицинѣ, нашемъ послѣ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ занималъ эту должность въ продолженіе 30-ти лѣтъ (известномъ учредителѣ одной изъ лучшихъ московскихъ больницъ).

(6). Въ это время русскимъ посланникомъ въ Берлинъ былъ кн. Владиміръ Сергіевичъ Долгоруковъ, 24 года находившійся въ этомъ званіи при дворѣ Фридриха Великаго.

тѣмъ прошу продолжать вашу корреспонденцію, а мнѣ вѣрить, что съ истинною преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконскій.

7.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Письмо ваше, подъ № 14, отъ 7/18 сего, я получилъ; № 12 и 13 не получилъ: можетъ быть завтра, на ординарной почтѣ,—одно, а другое, чрезъ штафетъ, что съ Лангомъ послано, получу; покорно благодарствую за увѣдомленія. Я карлсбадскія теплыя воды уже пить кончилъ; теперь пью кислыя здѣшнія же и на сей недѣли кончу и поѣду, какъ изъ Праги я прежде къ вамъ писалъ, развѣ (*има не разобрано*) меня здѣсь не задержитъ ли, котораго сюда ожидаю. Я гораздо сталъ здоровѣе и свѣжѣе, не знаю что впередъ будетъ. Каstellанъ Познанскій и Гуровскій⁽⁷⁾ сюда пріѣхали: послѣдній употребляетъ воды. Бутурлинъ пріѣхалъ въ Дрезденъ и теперь въ Прагѣ; меня онъ тамъ не засталъ; ѣдитъ (*название не разобрано*), конечно отъ должниковъ. Пребываю, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

17/28 июля 1770.

Карлсбадъ.

8.

Карлсбадъ 24 июля
4 августа 1770.

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Вчерась я получилъ отъ васъ два письма № 16 и 17, отъ 14/25 и 17/28, за которыя покорно благодарствую. Я весьма обрадовался, что Петръ Александро-

(7). Маршалъ литовскій, о которомъ Сальдернъ отзывался какъ о человѣкѣ хитромъ и умномъ, но безъ искры честности, и котораго онъ считалъ нужнымъ, для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей (Ист. паден. Польши Соловьева, стр. 117).

вичь побилъ Турковъ (*): здѣсь были разглашенія тому все противныя. Ивану Ивановичу (†) прошу мое почтение засвидѣтельствовать, и покорно его благодарю за приписаніе въ нашемъ постъ-скриптѣ и сердечно его поздравляю съ побѣдою. Завтра, въ 10 часовъ поутру, я отсюда поѣду на Дрезденъ, Берлинъ, Гданскъ и Кенигсбергъ. Въ Дрезденѣ больше сутокъ не буду; въ Берлинѣ дня три пробуду, съ тамошними доктурами (*sic*) посоветовать о моей фистулѣ и глухотѣ; также и его в. короля Прусскаго буду имѣть честь видѣть, ежели его застану: онъ $\frac{4}{12}$ августа поѣдетъ въ Моравію. Во Гданскѣ больше дня не буду, а въ Кенигсбергѣ дня два, и стану нарочить, чтобы мнѣ въ Варшаву $\frac{1}{12}$ сентября прибыть. Я весьма чувствую вашу ко мнѣ дружбу, что вы ко мнѣ намѣрены выѣхать на встрѣчу во Гданскъ, но это далеко: ежели и въ Кенигсбергѣ увидимся, то довольно вашего мнѣ одолженія. Mes compliments à notre cher ami, le comte Poninski; je suis fort sensible de son amitié et je souhaite de tout mon coeur d'être en quelque chose utile pour lui (*). Я позабылъ: вы получили мое письмо изъ Праги, отъ $\frac{11}{22}$ іюля, гдѣ я писалъ объ моемъ отсюда отъѣздѣ. Штафету, что съ Лангомъ послана, я еще не получалъ; ежели она послѣ меня сюда придетъ, велѣлъ вслѣдъ меня послать. Здѣсь разглашаютъ и въ газетахъ нѣмецкихъ, намъ недоброжелательныхъ пишутъ, что въ Моревѣ уже нашихъ ни

(*) Побѣда при Ларгвѣ была одержана 7-го іюля.

(†) Т. е. Веймарну, командовавшему расположенными въ Польшѣ русскими войсками и, въ отсутствіи Волконскаго, исправлявшему его должность.

(*) Т. е. поклонъ мой нашему любезному другу графу Понинскому; весьма цѣню признаніе его, и ото в сего сердца желаю въ чемъ либо быть ему полезну.

однаго человѣка нѣтъ (10). Прости, другъ сердечный; до свиданія! Между тѣмъ непремѣнно пребуду съ истинною преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

9.

$\frac{11}{22}$ августа 1770. Гданскъ

Государь мой Яковъ Ивановичъ! Два ваши письма въ Берлинѣ получилъ. Вчера пріѣхалъ въ Гданскъ. Я считалъ отъ васъ два письма получить, но не получилъ; думаю — или пропали, какъ сказываютъ, что три варшавскія почты сюда не бывали, или вы послали чрезъ Кенигсбергъ, то долго сюда не доходятъ. Напротивъ того, при пріѣздѣ моемъ сюда, получилъ я отъ васъ посланный съ Лангомъ штафетъ, который вслѣдъ меня ѣхалъ. Завтра я отсюда поѣду; въ три дня въ Кенигсбергъ пріѣду; тамъ два или три дня пробуду; и тако надѣюсь около 25 августа с. ш. въ Варшаву прибыть. О другой побѣдѣ графомъ Петромъ Александровичемъ (11) я, при пріѣздѣ моемъ сюда, свѣдалъ чрезъ письмо отъ вице-канцлера (12); и Ребиндеръ получилъ о томъ отъ двора; съ чѣмъ васъ, друга моего, поздравляю. До свиданія! Пребываю съ истинною преданностью, вѣрный слуга к. М. Волконской.

Приложенное письмо, пожалуй, какъ скоро можно сошли.

(10). Не можете опять не припомнить, что въ это самое время, постоянные успѣхи Орлова, Спиридова и Ельфинстона увязчались при Чесивѣ (24-го іюля) совершеннымъ истребленіемъ непріятельскаго флота.

(11). 21-го іюля Румянцевъ одержалъ побѣду при Кагулѣ.

(12). Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, впоследствии оберъ-камергеръ.

10.

19/25 августа 1770. Кенигсбергъ.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Сейчасъ прѣхалъ я сюда и, при прѣздѣ моемъ, письмо ваше отъ Лицина (*) получилъ; покорно за оное благодарствую. Я здѣсь завтра и послѣ-завтра пробуду; а 17/28 сего отсюда поѣду; чрезъ три дня прѣйду въ Виленбергъ, а оттуда дня въ четыре — въ Варшаву; и тако надѣюсь ^{25 августа} _{3 сент.} къ вамъ прибыть. Я, слава Богу, здоровъ. До свиданья! Пребываю вѣрный вашъ слуга к. М. Волконской.

Сіе посылаю чрезъ штафетъ.—Штафету вашу наконецъ во Гданскъ получилъ: ѣхала все вслѣдъ меня; и откуда къ вамъ писалъ; надѣюсь, уже получили.

11.

Рига 19/30 іюня 1771.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Дружеское письмо ваше, по прѣздѣ моемъ сюда, на другой день, то есть вчера, получилъ; благодарствую за оное. Желая сердечно вамъ по вашимъ меритамъ лучшаго состоянія; сожалѣю же о неудовольствіяхъ: надѣюсь, не продолжатся. Что касается до кондуиты Гагенмейстера, жаль, что я прежде не вѣдалъ; а теперь такія мѣры всюду сходныя съ его кондуитою. Письмо Приклонскому (12) отдалъ. Я, слава Богу, здоровъ, завтра рано путь мою продолжать буду и надѣюсь, какъ вы это письмо получите, то я въ то время въ Петербургъ прѣйду. Я васъ не хочу много увѣрять о моей истинной дружбѣ, а желаю только случая

(*) Вѣроятно одинъ изъ незаконныхъ дѣтей какого нибудь князя Голицина. Н. Б.

(12). Приклонскіе были въ свойствѣ съ Я. И. Булгаковымъ, сестра котораго была за мужемъ за Приклонскимъ.

дѣйствіемъ оную засвидѣтельствовать. О моей дискреціи не сомнѣвайтесь; а мнѣ вѣрьте, что съ искренностью всегда пребуду вашъ, государь мой, покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

12.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше я сейчасъ получилъ при отъздѣ моимъ въ Москву, куда сего дня ѣду съ язвою драться и главную команду тамъ имѣть. Покорно благодарствую какъ за дружеское ваше письмо, да и за присылку бритвъ; я ихъ не видалъ: онѣ еще въ таможи; послѣ меня, Алексѣй Ивановичъ возьметъ. Пожалуй, отпиши, сколько за нихъ денегъ и кому отдать. О моей истинной дружбѣ будьте увѣрены; дай Боже, чтобъ я случай имѣлъ ее дѣйствомъ вамъ доказать. Ваши достоинства я не преминулъ всѣмъ и вездѣ, гдѣ случай дошелъ, изъяснить; хотя еще сіе дѣйства своего не имѣло, но я должность свою сдѣлалъ. Вы увидитесь съ князь Николаемъ Васильевичемъ (14); прошу ему мое искреннее почтеніе засвидѣтельствовать. Удивляюсь нахальству конфедератовъ и оплошности нашей въ укражѣ короля (15): развѣ пикеты сведены, которые при мнѣ были, и патрулей кирасирскихъ больше нѣтъ? Пребываю съ истинною преданностью, государь мой, вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

9/17 октября 1771

С. Петербургъ

P. S. Прошу всѣмъ поклониться, кто обо мнѣ вспомнить.

(14). Репнинъ, котораго Румянцевъ упрекалъ за независѣвшую отъ него потерю Журжи, испросилъ увольненіе въ чужіе края и вѣроятно долженъ былъ проѣхать черезъ Варшаву.

(15). Извѣстнымъ конфедератомъ Пулавскимъ.

13.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Дружеское письмо ваше получилъ, за которое покорно благодарствую. Сердечно желаю, чтобъ, по желанію вашему, васъ Богъ избавилъ. Деньги по векселю заплатилъ, который при семъ возвратно прилагаю. У насъ здѣсь, на Москвѣ, слава Богу, все хорошо: болѣзнь совсѣмъ утихла; уже восьмой день сегодня, что ни одинъ человекъ не умиралъ и не заболѣлъ. Упражняюсь теперь всѣ мѣры взять ко отвращенію, чтобъ весной, какъ здѣсь, такъ и въ уѣздѣ, не отрыгнула. Я попесъ не малый убытокъ: у меня въ деревнѣ, въ 35 верстахъ отсюда, гдѣ было 3350 душъ муж. и жен., изъ онаго числа умерло 865 душъ (*). Покой и время все награждать. Долго ль я здѣсь пробуду еще, не знаю: мнѣ кажется, что я здѣсь не гвоздемъ прибитъ; вѣдь вы знаете, что мнѣ нигдѣ двухъ годовъ не опредѣлено на одномъ мѣстѣ прожить (16). Я слава Богу, здоровъ; я бы радъ былъ на коня: не знаю что будетъ. Прости, другъ сердечный: князь Николаю Васильевичу сердечно кланяюсь. Отецъ вашъ (17) у меня былъ; я ему сказывалъ, что онъ имѣетъ причину вами радоваться и просилъ его, чтобъ онъ почаще у меня бывалъ и сказывалъ,

(*) К. Волховскій говоритъ здѣсь, по всему вѣроятію, о своемъ большомъ подмосковномъ имѣніи (гдѣ онъ почасту живалъ) селѣ Раменскомъ, находящемся нынѣ близъ Рязанской жѣлезной дороги и принадлежащемъ его родному правнуку кн. А. Ѳ. Голицину Прозоровскому. П. Б.

(16). Предположенія Волконскаго не сбывлись: онъ девять лѣтъ управлялъ Москвою, самъ просилъ объ увольненіи и умеръ въ отставкѣ въ 1788 г.

(17). Иванъ Михайловичъ Булгаковъ жилъ въ отставкѣ, въ Москвѣ; при Петрѣ Великомъ онъ былъ секретаремъ преображенскаго полка.

валъ, ежели я въ чемъ могу служить. Въ другой разъ прости и вѣрь, что я съ истинною преданностью, государь мой, вашъ покорно вѣрный слуга к. М. Волконской.

Москва.

12/23 января 1772.

14.

Государь мой Яковъ Ивановичь! Письмо ваше я получилъ, за которое благодарствую. О чемъ вы ко мнѣ писали, на оное отвѣтствую: одно уже сдѣлано, касающее до отца вашего; а по другому я бы сердечно радъ, но знаю, что письма мои не помогутъ; а ежели бы мнѣ случилось въ Петербургѣ быть (куда однакомъ не вижу еще дороги, развѣ зимою), то бы все употребилъ, что бы мнѣ только можно, дабы вы, по вашему желанію, получить могли. Конечно вы больше заслужили какъ Козловъ. Прошу Александру Ильичу (18) мое почтеніе засвидѣтельствовать и его поздравить въ генералахъ полныхъ; я ему истинно порадовался: достойное достойному! Прости другъ мой, и вѣрь, что я всегда съ истиннымъ усердіемъ вашъ вѣрный слуга к. М. Волконской.

13 мая 1773.

Москва.

ПИСЬМО А. И. БИБИКОВА КЪ КН. М. И. ВОЛКОНСКОМУ (1)

Милостивый государь, князь Михайло Никитичъ! Принося, по должности, покорную благодарность за почтен-

(18). А. И. Бибииковъ, въ 1771 году, замѣнилъ генерала Веймарна, въ командованіи войсками въ Польшѣ и въ апрѣлѣ 1773 года былъ произведенъ въ генералъ-аншефы.

(1) Письмо это печатается не съ подлинника, а съ копіи, писанной рукою Ивана Михайловича Булгакова, отца известнаго дипломата Як. Ив.

нѣйшее письмо ваше, отъ 10 марта, и за увѣдомленіе объ отправленной артилеріи, изъ которой въ Казань уже три пушки прибыли, поспѣшаю васъ, милостивый государь, увѣдомить, что патриотическое желаніе совершилось: я отъ сердца васъ поздравляю, что, преодолевъ всѣ трудности, одержали, 22 дня марта, при крѣпости Татищевой, въ 52 верстахъ отъ Оренбурга, совершенную и полную побѣду надъ самымъ самозванцемъ⁽²⁾. Сей злодѣй имѣлъ сонмищесвое проклятое въ 9000 измѣнниковъ, которое, по шестичасовомъ огнѣ, разбито, — и крѣпость взята съ 36-ю большими орудіями. На мѣстѣ побито измѣнниковъ около 2000, полонено 3000 слишкомъ, въ томъ числѣ болѣе 600 яицкихъ воровъ казаковъ; и послѣднихъ еще приводятъ непрерывно, не считая солдатъ, взятыхъ ими у Чернышева⁽³⁾, и гренадеръ, потерянныхъ Каромъ⁽⁴⁾. Неизвѣстно еще,

Булгакова. Изъ переписки кн. М. Н. Волконскаго съ Яковомъ Ивановичемъ видно, что Волконскій, бывши главнокомандующимъ въ Москвѣ, оказывалъ особое вниманіе старика Булгакову, по дружбѣ къ сыну. Это обстоятельство достаточно объяснить, почему письмо, полученное съ театра грознаго мятежа, особенно съ первыми утѣшительными извѣстіями, къ тому же сообщаемыми лицомъ, на котораго возлагались всѣ надежды на подавленіе возмущившагося края, — оказалось въ копіи между бумагами Ив. Мих. Булгакова.

(2) Честь этой побѣды принадлежитъ, какъ извѣстно, кн. Петру Михайловичу Голицыну, уже отличившемуся передъ симъ въ дѣлахъ противъ польскихъ конфедератовъ.

(3) Полковникъ Петръ Матвѣевичъ Чернышевъ, вышедшій изъ Симбирска, гдѣ занималъ должность коменданта, съ отрядомъ изъ 1200 человекъ, на помощь осажденному Оренбургу, — вслѣдствіе измѣны, былъ 13-го ноября 1773 г., разбитъ Пугачевымъ и повешенъ вмѣстѣ съ 34-мя офицерами, съ нимъ бывшими.

(4) Генераль-маіоръ Каръ, подъ предлогомъ

живъ ли самъ злодѣй или нѣтъ; но если онъ живъ остался, то побѣжалъ онъ къ Илецкому городку, ибо отовсюду путь ему пресѣченъ. Теперь первое извѣстіе получите, ваше сіятельство, что корпусъ съ провіантомъ и фуражемъ вступилъ въ Оренбургъ, по столь долго бѣдственному его страданію; къ счастію дороги степныя еще изрядныя. А Яицкій городокъ, по многократнымъ покушеніямъ злодѣевъ, уцѣлѣлъ; Симоновъ⁽⁵⁾ недавно, въ отсутствіе изверга, сдѣлалъ на измѣнниковъ удачную вылазку и чуть не захватилъ онаго измѣнника. А жену его, на которой онъ женился, взяли. Теперь уповаю, не будетъ затрудненія съ толпою: достальныя хлопоты. Жаль только, что робкіе сибирскіе военные начальники допустили сему злу распространиться, а паче недѣйствіемъ своимъ господинъ Декулонгъ⁽⁶⁾. Вотъ, милостивой государь, вѣсти, которыя васъ, по любви вашей къ отечеству и

болѣзни, самовольно покинулъ вѣренное ему войско и предалъ его совершенному пораженію. Впрочемъ вопросъ о поведеніи Кара не вполне разъясненъ; см. о томъ Матер. для ист. Пугачевск. бунта, Я. К. Грота, стр. 8 и 9.

(5) Подполковникъ Симоновъ держался въ Яицкомъ городкѣ съ двумя легкими командами и не переставалъ тревожить шайки самозванца вылазками и нечаянными нападеніями.

(6) Генераль-поручикъ Де-Калонгъ, начальникъ сибирской линіи, не смотря на всѣ требованія оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, не оказалъ ни малѣйшей помощи Оренбургу и, подъ предлогомъ наблюденія за сибирскими кочевниками, оставался во все время осады въ Верхне-Уральскѣ.

(7) Письмо это писано Бибиковымъ изъ Бугульмы, гдѣ онъ, по пріѣздѣ, получилъ отъ кн. Голицына донесеніе о пораженіи Пугачева, при Татищевой крѣпости, и объ освобожденіи Оренбурга. — 9-го апрѣля того же года, смерть прекратила полезную и многообразную дѣятельность Александра Ильича,

..... особливой ко мнѣ, утѣшать, а я, поспѣшая сего отправить, окончу мое письмо, подтверждая то истинное и нелицемѣрное почтеніе, съ которымъ навсегда остаюсь, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Бибииковъ.

26 марта 1774 г. (?).

*

Приложеніе

Въ числѣ бумагъ И. М. Булгакова, относящихся къ пребыванію А. И. Бибиикова въ Казани и къ дѣятельности его, во время Пугачевщины, есть между прочимъ краткая записка о движеніяхъ войскъ, дѣйствующихъ или назначенныхъ для дѣйствій противъ мятежниковъ. Къясъ, для кого, когда эта записка, составлена, — на ней не значится; но очевидно она писана въ началѣ февраля 1774 года, т. е. вскорѣ по пріѣздѣ Бибиикова въ Казань. Весьма вѣроятно, что свѣдѣнія, въ ней заключающіяся, почерпнуты изъ переписки Александра Ильича съ кн. Волковскимъ, оказавшимъ своими распоряженіями столь дѣятельное пособіе въ подавленіи мятежа.

Изъ Казани войска слѣдуютъ къ Оренбургу:

1. Корпусъ изъ Самары, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Мансурова (8), состоящій въ 3500 человекъ регулярныхъ людей; а потомъ вскорѣ въ Самару ожидается донскихъ вѣрныхъ казаковъ 2500 человекъ, и оныя тудажъ пойдутъ.

2. Корпусы изъ Бугульмы, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Голицына (9) и Фреймана (10), будутъ

(8) Послѣ освобожденія Самары маіоромъ Муфослемъ, 29-го января 1774 г., генералъ Мансуровъ былъ назначенъ для защиты самарской линіи; онъ освободилъ Уральскъ и, 14-го февраля, разбилъ мятежниковъ при Бузулуцкой крѣпости; послѣ пораженія Пугачева подъ Татищевой, Мансуровъ былъ отряженъ къ Илецкому городку.

(9) Корпусъ кн. Петра Голицына долженъ былъ дѣйствовать между Казанью и Оренбургомъ и охранять дорогу къ Москвѣ. Победы Голицына

слѣдовать къ Оренбургу жъ; и оба сіи корпуса должны сойтись въ Бузулуцкой крѣпости и, по соединеніи, пойдутъ подъ Оренбургъ на злодѣйскую толпу; и надѣются не ранѣе быть дѣлу, какъ 28-го февраля.

3. Еще корпусъ пошлется по бугульминской дорогѣ, въ запасъ, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Ларионова, числомъ въ 1500 человекъ (11).

4. Партія послана въ Кунгуръ, въ 250 человекъ, коя уже знатное дѣло имѣла (12).

5. Въ Мензелинскъ и въ Занскъ; и тамъ много возмущившихся обращено (13).

подъ Татищевой и подъ Каргаломъ, на Сакмарѣ (1-го апрѣля), нанесли рѣшительный ударъ мятежу; дальнѣйшія дѣйствія нашихъ войскъ были преимущественно направлены къ поимкѣ самаго самозванца.

(10) Генералъ Фрейманъ, еще до появленія Пугачева, усмирялъ яицкихъ казаковъ, взбунтовавшихся по поводу раздоровъ между атаманомъ и старшинами, и убившихъ присланнаго для прещенія смугъ генерала Траубенберга. Впослѣдствіи Фрейманъ былъ посланъ Голицынымъ для усмиренія Башкирцевъ.

(11) Казанское дворянство, одушевленное рѣчами Бибиикова, постановивъ образованіе на свой счетъ коннаго корпуса, выбрало въ начальники этого корпуса ген.-м. Александра Леонтьевича Ларионова, своднаго брата Александра Ильича. Ему поручена была оборона дороги отъ Оренбурга и Уфы; но, вслѣдствіе своего бездѣйствія, онъ долженъ былъ сдать команду полковнику Михельсону.

(12) Въ Кунгуръ была послана партія регрутъ съ секундъ-маіоромъ Поповымъ, который своими распоряженіями сумѣлъ отстоять этотъ городъ противъ неоднократныхъ нападений мятежниковъ.

(13) Отрядъ этотъ состоялъ изъ 4-хъ ротъ пѣхоты и 3-хъ ротъ гусаръ, подъ начальствомъ полковника Бибиикова; онъ освободилъ Злинскъ и крѣпость Бакалы (11-го февраля). Въ сраженіи подъ Татищевой, Бибииковъ командовалъ лыжниками; въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, онъ

6. Вверхъ по Камѣ.

7. Со стороны Екатеринбургa, збонителъ — генералъ-поручикъ Декалонгъ⁽¹⁴⁾, который городъ Челябинъ охранилъ и къ Екатеринбургу ожидался, въ двухъ полевыхъ командахъ.

8. Генералъ-маіоръ Станиславскій — въ Орской крѣпости, съ одной полевой командой; а оттоль куда слѣдовать неизвѣстно; а думать надлежитъ, что и онъ къ Екатеринбургу возвратится; а къ Оренбургу съ одной командой идти не можно⁽¹⁵⁾.

Подъ Кунгуромъ, въ селѣ Ардѣ, была стычка съ толпой, состоящей въ 2000 человекъ: побито 400, въ полонъ взято 200 человекъ, пушекъ 18, пороху 12 пудовъ; а прочіе злодѣи конные убѣжали⁽¹⁶⁾.

Въ Заинскѣ сраженіе, подъ предводительствомъ подполковника Бибикова; а побито злодѣевъ очень знатное число⁽¹⁷⁾. А наконецъ уже 42 деревни жителей съ повиновеніемъ явились; а впредь и того больше въ повиновенію ожидаютъ.

нѣсколько разъ имѣлъ случай отличиться, начальствуя авангардомъ корпуса Голицына.

⁽¹⁴⁾ См. прим. 6-е.

⁽¹⁵⁾ Станиславскій былъ командированъ Де-Калонгомъ въ Оренбургскій край, еще въ ноябрь 1773 г.; но эта единственная попытка Де-Калонга оказать помощь Оренбургу не принесла ни малѣйшей пользы, ибо, по малочисленности ле отряда, или по другимъ причинамъ, Станиславскій оставался въ Орской крѣпости, во все время осады Оренбурга.

⁽¹⁶⁾ Побѣду эту одержалъ съ небольшою командой нарвскаго пѣхотнаго полка премьеръ-маіоръ Гагаринъ.

⁽¹⁷⁾ См. примѣч. 13-е.

Къ прим. 8-му А не 29-го дек. 1773 г., какъ значится въ Исторіи Пугачевскаго бунта, ибо Пугачевъ занялъ Самару 28-го декабря, а Муфель посланъ былъ, для освобожденія Самары, по распоряженію Бибикова (Зап. о жизни А. И. Бибикова, изд. 2-е, стр. 135), пріѣхавшаго въ Ка-

ПИСЬМО ГР. Н. И. ПАНИНА КЪ ГР. НЕССЕЛЬРОДУ-ОТЦУ.

St. Pétersbourg ce 1 du Novembre 1779.

J'ai bien du plaisir à vous annoncer, monsieur, l'approbation que l'impératrice a daigné accorder à votre mariage avec m-lle Gontard. Prenant de l'intérêt au bonheur auquel vous vous attendés, monsieur, je ne saurais me refuser la satisfaction de vous faire compliment sur cette union, et de vous offrir tous més voeux, pour qu' elle devienne une source de prospérité pour vous et pour celle qui va unir son sort au votre.

Le chevalier de Horta se trouvant ici depuis quelques semaines, l'intention de l'impératrice est que vous mettiés de la diligence, monsieur, à vous rendre à votre poste dès que vous aurés terminé les arrangements qui vont maintenant précéder votre départ. Aussi n'aurés vous point à vous attendre à des prescriptions ultérieures à Londres, mais vous voudrés bien poursuivre votre route vers l'endroit de votre destination, sans donner d'autre relache à votre voyage, que celui que peuvent exiger les fatigues, qui en sont inséparables.

J'ai l'honneur d'être avec une parfaite considération, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur
C. N. Panin.

à mr. le cte de Nesselrode.

Переводъ. Спб. 1 Ноября 1779. Мнѣ пріятно увѣдомить васъ, милостивый государь, что императрица изволила из-

завъ 25 декабря: полученіе въ Казани извѣстія о взятіи Самары самозванцемъ и приведеніе въ исполненіе приказа, отданнаго въ Казани, никакъ не могли потребовать однихъ только сутокъ. Неточность эта повторяется въ примѣчаніи г-на Щебальскаго, на 390-мъ столбцѣ Русск. Арх. 1866 г.

явить свое согласіе на бракъ вашъ съ дѣвицею Гонтаръ. Приемля участіе въ ожидаемомъ вами благополучіи, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ этимъ союзомъ и принести вамъ мои пожеланія, чтобы оный содѣлался источникомъ благъ какъ для васъ, такъ и для той, которая соединяетъ судьбу свою съ вашею. Такъ какъ кавалеръ Горта (¹) уже нѣсколько недѣль находится здѣсь, то императрица желаетъ, чтобы и вы, милостивый государь, окончивъ нынѣшнія ваши приготовления къ отъѣзду, не медлили далѣе отправленіемъ къ вашей должности. Посему вамъ нечего ждать предписаній кромѣ тѣхъ, которые вы получили въ Лондонѣ, а благоволите продолжать путь вашъ къ мѣсту назначенія, останавливаясь только въ тѣхъ случаяхъ, когда найдете нужнымъ оправиться отъ неразлучной съ плаваніемъ усталости. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ и низжайшимъ слугою гр. Н. Панинь. Господину гр. Нессельроду.

Гр. Вильгельмъ Нессельродъ (1724 — 1810) отецъ покойнаго канцлера гр. Карла Васильевича, былъ тогда нашимъ дѣйствительнымъ камергеромъ и назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Португалію. Онъ женился на дочери франкфуртскаго купца Еврея, Луизѣ Гонтаръ (ум. 1785). См. Записки сына его въ Русскомъ Вѣстникѣ 1865 г. X, стр. 520. Письмо это, а равно и слѣдующее за нимъ письмо Гарриса, списаны съ подлинниковъ и обязательно сообщены намъ А. А. Половцовымъ. П. Б.

ПИСЬМО ГАРРИСА (ЛОРДА МАЛЬМСБЮРИ) КЪ ГР. НЕССЕЛЬРОДУ-ОТЦУ.

Je suis trop intéressé, mon cher comte, à la naissance de votre fils pour ne pas

(¹) Шевалие д'Орта-Машадо, Португальскій полномочный министръ при нашемъ дворѣ

repondre tout de suite à votre lettre de 2 janvier par la quelle vous m'annoncez cet evenement; je vous fais ainsi qu'à ma-me la comtesse mes très sinceres compliments, en vous priant d'y ajouter ceux de ma femme. J'approuve, comme vous pensez bien, la religion que vous avez choisi pour votre enfant, et je me flatte que ses dogmes politiques seront aussi sains, quand il est d'un age à en comprendre la valenr. Ce terme est très difficile à deviner, attendu que sur cette matière, l'esprit humain devient tous les jours plus sublime et moins comprehensilbe.

A tout prendre, mon cher comte, je ne pense pas que le beau climat de Lisbonne vous dedommage d'autres inconveniens. Le tableau que vous me faites de vos collegues n'est pas infiniment touchant, et par ce que je connois des allures de votre société, elle ne doit point être de plus aimables.

Ici, de ce coté, nous gagnions à vue d'oeil, et quoique je trouve que nous autres ministres etrangers avons etabli entre nous un certain ton de gamins que je désapprouve fort, cependant cela va mieux que par le passé. Verac, quoique mon ennemi, est parfait honnete homme. Cobenzl grand amateur de diners et soupers et il repand des largesses paretles à pleines mains. Votre pendant le cheur Horta est le meilleur enfant du monde, mais enfant au pied de la lettre et qui à la suite d'une education metaphysique de Coimre, soutient des paradoxes avec une facilité merveilleuse; malheureusement il les croit lui-même sans pouvoir les faire croire aux autres, et de là il resulte que dans les operations de la vie, il est sujet de prendre l'expection à la place de la regle. Le comte Göertz et les Hollandois, ambassadeurs et resident, forment un phalang formidable: comme la boite de Pandore

ils distribuent des maladies, et entre autres ils m'ont destinés *la jaunisse*. Je ne doute nullement que leur boîte en contient bien d'autres, mais je me flatte qu'ils ne trouveront pas l'esperance au fond. Nolcken ne varie point, et tous ses efforts ne font pas varier sa femme. Sacken a reçu l'ordre de l'aigle blanc sans être pour cela plus aigle. Quand à notre Neapolitain, nous avons des nouvelles plus fraîches de l'Amerique que de lui: il s'eufirme l'hiver comme une marmotte, et jusque'à son suisse personne est à la maison.

Ayant passé en revue tous mes dignes camarades, il ne me reste qu'à vous parler de moi même et sur cet article, je ne puis que vous dire que mon séjour ici m'est infiniment agréable et intéressant, et que ni la mort recente de mon père, ni nuls autres motifs domestiques m'engageront à le changer. Adieu, non cher comte, racommodez votre cheminée, priez Dieu contre des tremblemens de terre, et acceptez les assurances de l'amitié de votre serviteur. Harris.

Pétersbourg ce 19 février v. s. 1780.

Переводъ. Любезный графъ. Отвѣчаю на письмо ваше отъ 2 января, извѣщающее о томъ, что у васъ родился сынъ, — (1) событие, которому я слишкомъ радуюсь, чтобы не послѣдить моимъ отзывомъ. Я и жена моя посылаемъ наши искреннія привѣтствія вамъ и графинѣ. Само собою разумѣется, что я одобряю религію, которую вы избрали для вашего ребенка (2), и ласкаюсь надеждою,

(1) Гр. К. В. Нессельродъ въ Запискахъ своихъ (Р. Вѣст. 1865, X, стр. 519) говоритъ, что онъ родился $\frac{2}{13}$ декабря 1780 г., что противорѣчитъ этому подлинному письму. Онъ писалъ свои Записки въ глубокой старости и могъ ошибиться; либо Гаррисъ ошибся въ письмѣ своемъ.

(2). Отецъ мой—говоритъ гр. К. В. Нессельродъ—согласился на желаніе матери моей окрестить и воспитать меня по обрядамъ той вѣры,

что столь же святы будутъ и его политическіе догматы, когда онъ достигнетъ возраста, чтобы понять значеніе оныхъ; предѣлъ этотъ весьма трудно обозначить, такъ какъ относительно этого предмета умъ человѣчскій съ каждымъ днемъ становится возвышеннѣе и неудовимѣе.

Суди по всему, любезный графъ, я не думаю, чтобы тяжесть Лиссабонской жизни могла быть для васъ искупаема тамошнимъ прекраснымъ климатомъ. Начертанное вами изображеніе вашихъ со товарищей отнюдь не привлекательно, и приемы того общества, въ которомъ вы обрѣтаетесь, сколько мнѣ извѣстно, не должны быть очень любезны. Въ этомъ отношеніи, мы здѣсь счастливы, и хотя мнѣ сдается, къ великой моей досадѣ, что мы, здѣшніе иностранные министры, дѣйствуемъ какъ мальчишки, не менѣе того все же у насъ теперь лучше, чѣмъ было прежде. Веракъ (3), хотя и врагъ мой, но человѣкъ превосходный. Кобенцель (4), великій охотникъ до обѣдовъ и ужиновъ, и въ этомъ отношеніи держитъ себя на славу. Вашъ противень кавалеръ Горта—лучшее дитя сего міра, но дитя въ буквальномъ смыслѣ слова: вслѣдствіе метафизическаго воспитанія, полученнаго имъ въ Коимбрѣ, онъ съ удивительнымъ искусствомъ защищаетъ свои парадоксы; къ несчастію онъ вѣруеть въ нихъ, и не можетъ вселить эту вѣру въ другихъ, отъ чего и происходитъ, что въ житей-

которую она сама исповѣдывала. Въ Лиссабонѣ не оказалось инаго протестантскаго храма кромѣ домашней церкви Англійскаго посольства; въ ней совершилось мое крещеніе, и такимъ образомъ я на всю жизнь принялъ Англиканское вѣроисповѣданіе. — Знаменитый Гаррисъ и гр. Нессельродъ-отецъ могли сблизиться между собою въ Берлинѣ, гдѣ первый изъ нихъ былъ Великобританскимъ посланникомъ, а второй камергеромъ при Фридрихѣ Великомъ.

(3) Марки де Веракъ, полномочный министръ Французскій.

(4) Графъ Луи Кобенцель, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Австрійскій.

(5) Португальскій полномочный министръ.

скихъ дѣлахъ онъ нерѣдко беретъ исключеніе за правило. Графъ Горцъ ⁽⁶⁾ и Голландцы, посолъ и резидентъ ⁽⁷⁾ образуютъ изъ себя грозную фалангу; точно изъ ящика Пандоры, отъ нихъ только и слуховъ, что о болѣзняхъ, и меня между прочимъ они провозгласили въ *жестуэль*. Нисколько не сомнѣваюсь, что у нихъ въ ящикѣ много еще и другихъ золъ, но мнѣ пріятно думать, что на днѣ онаго они не снѣдутъ надежды. Нолькенъ ⁽⁸⁾ не измѣняется, и всѣ его усилія не заставляютъ измѣниться его супругу. Сакенъ ⁽⁹⁾ получилъ блага орла, отъ чего не прибавилось ему прозорливости. Что касается до нашего Неаполитанца ⁽¹⁰⁾, то мы скорѣе получаемъ извѣстія изъ Америки, нежели объ немъ; онъ заперся на зиму какъ сурокъ, и у него всегда никого нѣтъ дома, кромѣ его швейцара.—Перебравъ всѣхъ моихъ достойныхъ товарищей, долженъ напоследокъ сказать вамъ что нибудь и о себѣ, и на этотъ предметъ сообщу, что здѣшнее мое пребываніе для меня чрезвычайно пріятно и интересно, и что ни недавняя кончина батюшки, ни какія другія домашнія обстоятельства не пугаютъ меня оставить это мѣсто ⁽¹¹⁾. Простите, любезный графъ, почините у себя каминъ, молитесь Богу, чтобы не

(6) Чрезвычайный посланникъ и полн. и. Прусскій.

(7) Баронъ Вассенаеръ де Старенбургъ, чрезв. и полном. посолъ и господинъ де Свартъ, резидентъ.

(8) Баронъ Нолькенъ, чрезв. посолъ Шведскій.

(9) Баронъ Остенъ-Сакенъ, послан. и полн. министръ Саксонскій.

(10) Дюкъ де Санъ Никола, полном. мия. Неаполитанскій.

(11) Вскорѣ обстоятельства переѣнились: настойчивость имп. Екатерины и гр. Панина заставили Гарриса покинуть званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, и позднѣе, въ 1788 году онъ много повредилъ намъ въ Берлинѣ и Лондонѣ (См. Зап. Храповицкаго, стр. 114, 120 и 129.) Его депеши за время пребыванія его у насъ см. въ Русскомъ Архивѣ 1866 г. стр. 584.

было землетрясенія и примите увѣренія въ дружбѣ вашего слуги Гарриса. Петербургъ 19 февраля ст. ст. 1780.

ДВА СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

На имя Уфимскихъ намѣстниковъ Якобія и барона Игельштрома.

I.

Господинъ генераль-поручикъ Якоби! Здѣсь дошелъ слухъ партикулярнымъ образомъ изъ дому assessора Твердышева, будто бы между Башкирцами Уфимской губерніи происходятъ разныя болтанія и разсѣваются и между крестьянами, подавая причины къ замѣшательству. Извѣстія сіи тѣмъ менѣе намъ кажутся вѣроятными, что мы имѣли недавно донесеніе ваше о совершенной тишинѣ и благополучіи въ краѣ; даже увѣрены, что ежели бы что либо подобное открылось въ краѣ, главному началству вашему ввѣренномъ, вы конечно не упустили бы по должности своей донести намъ тотчасъ о томъ. Страненъ намъ показался приказъ, находящагося въ Зѣлоярской крѣпости ⁽¹⁾ секунда-майора Тимашева къ прикащику Твердышева Евдокимову (въ копіи при семъ прилагаемый) въ которомъ сей офицеръ говоритъ о намѣреніи Башкирцевъ къ бунту въ нынѣшнее лѣто и поручаетъ прикащику о томъ развѣдать и примѣчать. Вы не оставите исправить таковыхъ начальниковъ, чтобы они не такъ легко слово *бунтъ* употребляли тамъ, гдѣ его признаковъ нѣтъ, и подобныя развѣдыванія и примѣчанія не возлагали на людей, отъ коихъ только излишняя тревога и всякое злоупотребленіе происходитъ могутъ. Впрочемъ,

(1) Нынѣ казначья станица Оренбургскаго уѣзда.

дабы мы были по возможности извѣстны о состояніи тогопограничнаго края, повелѣваемъ вамъ, получая еженедѣльные увѣдомленія отъ всѣхъ уѣздовъ губерній вамъ ввѣренныхъ ⁽²⁾ и отъ крѣпостей, въ нихъ находящихся, доносить намъ всякую недѣлю на обыкновенной почтѣ, однажды, о спокойствіи и благосостояніи всѣхъ оныхъ мѣстъ, изясняя при томъ, естли случатся, всякія приключенія, вниманіе наше заслуживающія. Не сомнѣваемся мы, что вы стараетесь о безопасности того края и не упустите благовременно брать мѣры къ упрежденію неустойчивъ и къ обузданію продерзости. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. Екатерина.

Царское Село.

Іюля 9. 1782.

Приложеніе.

Секретно.

Отъ находящагося въ Зѣлоярской крѣпости коменданта, секундъ-маіора Тимашева г. коллежскаго ассесора Якова Твердышева Преображенскаго его завода ⁽³⁾ прикацику Аѳонасію Евдокимову

Приказъ.

Нѣкоторою частію извѣстно мнѣ, что сосѣдствующіе около здѣшнихъ мѣстъ и лежащіе далѣе Башкирцы, въ разсужденіи ихъ легкомыслія, намѣренія свои предпринимаютъ къ нарушенію общаго спокойствія, клонящіяся въ вынѣшнее лѣто и къ бунту, о чемъ я чрезъ многіе случаи секретно изслѣдовалъ, да и въ губернскую ⁽⁴⁾ о томъ рапортовалъ; почему тебѣ въ предо-

сторожность опредѣляю съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ о семъ ихъ Башкирскомъ зломъ намѣреніи не открыто, а пристойнымъ образомъ чрезъ надежныхъ людей развѣдывать секретно и непримѣтными имъ способами, и примѣчать при томъ, не приготовляютъ ли при томъ стрѣль, ружей и прочаго и по развѣдываніи меня со обстоятельствомъ увѣдомить. Марта дня 1782 года. Маіоръ Козьма Тимашевъ.

II.

Секретно.

Господинъ генераль-поручикъ баронъ Игельштромъ! Донесеніе Сибирскаго драгунскаго полка прапорщика Мешикова о развѣданномъ имъ между крестьянами Каминской волости ⁽⁵⁾ касательномъ до появленія будтобы самозванца, тѣмъ менѣе заслуживаетъ вниманіе, что упоминаемое тутъ о регулярныхъ войскахъ и артиллеріи въ степи собранныхъ и вовсе вѣрваннымъ быть не можетъ; напротивъ того подаетъ поводъ къ сомнѣнію, что сей прапорщикъ, какъ самъ говоритъ, простоявъ въ деревнѣ Ялымской за незначею лошадей трое сутки, принялъ разсказы за дѣло. Но для чего онъ не увѣдомилъ тогда же и не предостерегъ о семъ исправника того уѣзда, а равно мѣрно и сей послѣдній былъ обязанъ должностію своею наблюдать порядокъ и спокойствіе въ уѣздѣ ему ввѣренномъ и симъ образомъ могъ не вѣдать въ немъ происходящее, и особливо таковыя разглашенія надлежитъ не оставить безъ изслѣдованія и взысканія. За симъ, хотя и всякая осторожность не только не излишняя, но и нужна есть, но дол-

(2) Къ Уѣймскому намѣстничеству принадлежала и Симбирская губернія.

(3) Оренбургскаго уѣзда.

(4) Губернскую канцелярію или намѣстническое правленіе.

(5) Нынѣ Оренбургской губерніи Челябинскаго уѣзда; сюда принадлежитъ дер. Ялымская, гдѣ былъ задержанъ крестьянами прапорщикъ Мешиковъ.

жно всемѣрно остерегаться въ подобныхъ случаяхъ, чтобъ не показать ни малѣйшаго вида опасности или тревоги, ибо сіе послужило бы къ вѣщему смущенію и безпокойствію жителей. Когда же исправники, нижніе земскіе суды и прочіе, до кого относится сохраненіе сельскаго устройства и благочинія, болѣе стануть бдѣть о должности своей, не упуская ничего въ самомъ вачалѣ исправленія требующаго, охраняя округу, каждому ввѣренную отъ обидъ и притѣсненій и о всемъ благо- временно доноси начальству: то нѣтъ сомнѣнія, что не только безпокойныя какія либо происшествія, но и самыя разглашенія мѣста имѣть не будутъ. На семъ основаніи, взявъ отъ означенныхъ прапорщика и исправника объясненія, вы не оставите насъ увѣдомить обстоятельно. Пребываемъ впро- чемъ намъ благосклонны. Екатерина.

Царское Село

Мая 8, 1786 года.

Эти оба письма на полубѣлой бума- гѣ, въ размѣрѣ почтоваго листа большаго формата, хранятся переплетенными въ особую книгу вмѣстѣ съ многими письмами и рескриптами императрицы Еватеривы II, императоровъ Павла I, Александра I и Николая I и многихъ вы- сокихъ особъ въ Уфимскомъ губер- нскомъ правленіи. Нужно ли говорить, что чрезъ 11 лѣтъ послѣ казни Пугачева въ народѣ еще ходили слухи о самозван- цахъ и его еще волновало имя Петра III(*)

(*) Пугачевщина въ тѣхъ мѣстахъ оставила глубокіе слѣды. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ въ провадѣ по тамошнему краю одного изъ Го- сударей Великихъ Князей, сопровождавшій чиновникъ, въ одной станицѣ, пока перекладывали лошадей (близъ Оренбурга), забѣжалъ въ казачью избу выпить молока и обратился къ по- дававшей молоку старухѣ со словами: «Что, вѣдь давно не видали вы царскаго корени? — Какъ же родимый — добродушно отвѣчала ему старая казачка — съ самого государя Петра Федоровича не видали.» П. Б.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію членовъ Уфимскаго Губернскаго Стати- стическаго комитета, и предсѣдателя она- го, г-на начальника губерніи Г. С. Ак- сакова, обратившихъ полное вниманіе на памятники старины, я имѣлъ случай разбирать архивы города Уфы; къ сожалѣнію тамъ не оказалось въ числѣ старыхъ намѣстническихъ дѣлъ ника- кихъ бумагъ по этимъ двумъ письмамъ Екатерины II; впрочемъ г. Уфа не разъ выгорала, особенно въ 1816 году, и изъ старыхъ архивскихъ дѣлъ не мно- го уцѣлѣло отъ этихъ пожаровъ.

Руфа Платъевъ.

Семейство Робесьеровъ.

Въ «Мелочахъ изъ прошлаго» помѣ- щенныхъ въ двѣнадцатой книжкѣ Рус- скаго Архива за 1865 годъ (стр. 1537- 1538) передается разсказъ о *пріятно- стяхъ* жизни Петербургскаго общества при Павлѣ Петровичѣ, разсказъ прожи- вавшаго будто бы въ Россіи брата Ро- бесьерова. Упомянувъ въ началѣ ста- тейки о братѣ другаго революціонера, Марата, принявшемъ фамилію Будри и служившемъ, какъ оказывается ¹⁾, про- фессоромъ французскаго языка въ Цар- скосельскомъ лицѣѣ, авторъ нашъ сооб- щаетъ слѣдующее извѣстіе о братѣ Ро- бесьера: «Едва ли многіе знаютъ — го- ворить онъ — что братъ Робесьера также бѣжалъ изъ Франціи въ Россію, въ царствованіе Павла Петровича про- живалъ въ Петербургѣ, а потомъ пере- селился въ Кіевъ, гдѣ жилъ еще въ по- слѣднее десятилѣтіе и гдѣ, кажется, и умеръ весьма недавно. Онъ также какъ Маратъ перемѣнилъ свою фамилію и назывался M-r de Meilhan, по имени сво- его роднаго селенія».

Достоверность этого извѣстія о *треть- емъ* Робесьерѣ, главнымъ образомъ по

¹⁾ Изъ „Воспоминаній лиценста“ въ Рус. Арх. 1866 г., кн. 1, стр. 131. См. также „Библия Залъ“ 1859 г., т. II, стр. 136.

отношенію къ принятой имъ фамиліи, справедливо заподозрѣна кн. М. А. Оболенскимъ, который, сообщивъ нѣсколько данныхъ объ извѣстномъ французскомъ эмигрантѣ, носившемъ у насъ въ Россіи фамилію де Мельянъ, высказываетъ предположеніе, не принявъ ли этого эмигранта временъ Екатерины II, по какимъ нибудь догадкамъ, за брата Робеспьера, смѣшавши неясные слухи о немъ, какъ объ эмигрантѣ временъ революціи, съ такими же слухами о дѣйствительно жившемъ въ Россіи братѣ другаго главнаго дѣятеля революціи, Марата, и не перенесены ли въ послѣдствіи эти слухи на сына де Мельяна, который дѣйствительно жилъ одно время въ Россіи (1795), а можетъ быть и постоянно въ ней оставался. „Притомъ же — продолжаетъ авторъ — на сколько намъ извѣстна біографія этого послѣдняго (Робеспьера), мы не можемъ утвердительно сказать, имѣлъ ли онъ еще какого нибудь брата, кромѣ того младшаго Робеспьера (Augustin-Bon-Joseph), котораго онъ такъ любилъ и который, какъ извѣстно, подвергся одной съ нимъ участи. Любопытно было бы заглянуть въ Записки сестры ихъ, Шарлотты Робеспьеръ (умершей въ 1835 году), которыхъ пока мы не имѣемъ еще подъ рукою; не найдется ли развѣ тамъ какихъ нибудь указаній для разъясненія этого вопроса?“. „Вѣрно тутъ пока одно — заключаетъ кн. Оболенскій — что если и былъ у Робеспьера какой-нибудь малоизвѣстный братъ, бѣжавшій въ Россію и принявшій фамилію де Мельянъ, то фамиліи этой никакъ не могъ онъ производить отъ мѣста своего рожденія, какъ это дѣлалъ г. де Мельянъ въ Кіевѣ, потому что семейство Робеспьеровъ было не изъ Мельяна, а изъ Арраса, чего, разумѣется, нельзя было не знать подлинному брату Робеспьера“²⁾.

²⁾ „Сенакъ де Мельянъ, французскій эмигрантъ XVIII вѣка и его отношенія къ Россіи. — статья кн. М. А. Оболенскаго въ Рус. Арх. 1866 г., стр. 459.

Въ видахъ дальнѣйшаго разъясненія этого вопроса считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ извѣстныхъ намъ членахъ семейства Робеспьеровъ, руководствуясь интересною и теперь довольно рѣдкою брошюрою³⁾, подъ заглавіемъ: «Les Robespierre, monographie bibliographique», par J. M. Quégard. Paris. Mars. 1863. Этотъ въ высшей степени добросовѣстно и отчетливо составленный бібліографическій трудъ Керара представляетъ, въ систематическомъ порядкѣ и замѣчательной полнотѣ, не только дѣльныя указанія на литературныя пособія, необходимыя для всякаго, желающаго обстоятельно познакомиться съ Робеспьерами, или съ эпохой ихъ жизни и дѣятельности, но нерѣдко и любопытныя выдержки изъ малоизвѣстныхъ и далеко не всѣмъ доступныхъ и въ самой Франціи сочиненій. Монографія Керара даетъ возможность прослѣдить литературную и политическую дѣятельность троихъ Робеспьеровъ: Максимилиана Maximilien-Marie-Isidore⁴⁾, его сестры, Шарлотты (Marie-Marguerite-Charlotte de⁵⁾, и брата ихъ, Августина (Augustin-Bon-Joseph⁶⁾, или Робеспьера младшаго (Robespierre le jeune, le cadet); впрочемъ большую часть монографіи занимаетъ личность старшаго Робеспьера (стр. 5—43), и только послѣднія страницы (43—44) посвящены его сестрѣ и брату.

Мы не будемъ распространяться здѣсь о тѣхъ новыхъ или малоизвѣстныхъ данныхъ, которыя предлагаетъ брошюра для біографіи обоихъ братьевъ-террори-

³⁾ Она выпущена была всего въ количества ста экземпляровъ.

⁴⁾ Род. въ Аррасѣ 6 мая 1758 (а не 1759 г., какъ ошибочно показывали всѣ его біографы), погибъ въ Парижѣ на гильотинѣ 10 термидора II года (28 іюля 1794 г.).

⁵⁾ Род. въ Аррасѣ 21 января 1760 г., ум. въ Парижѣ 1 августа 1834 (а не 1835 г., какъ по ошибкѣ замѣчено у кн. Оболенскаго).

⁶⁾ Род. въ Аррасѣ 21 января 1763 г., погибъ въ Парижѣ на гильотинѣ вмѣстѣ съ братомъ.

ство и сестры ихъ Шарлотты, дѣвушки возвышеннаго, благороднаго характера, умной и благочестивой, не только не раздѣлявшей политическихъ увлеченій Максимилиана и Августина, но даже становившейся поперекъ имъ на дорогѣ и навлекшей за это на себя сильнѣйшую ненависть младшаго брата⁷⁾. Замѣтимъ только, что у Керара нигдѣ нѣтъ и помину о существованіи третьяго брата Шарлотты, жившаго будто бы въ Россіи. Мы не знаемъ, на сколько *Записки* ея,⁸⁾ которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, также нѣтъ теперь подъ рукою, могутъ разъяснить этотъ вопросъ; думаемъ впрочемъ, и что въ нихъ не найдется никакихъ указаній на Робеспьера-де Мельяна. Мы рѣшаемся утверждать это на основаніи одного достовѣрнаго извѣстія о положеніи семьи Робеспьеровъ по смерти ихъ отца⁹⁾. Извѣстіе это взято

(⁷⁾ Вотъ отзывъ его о сестрѣ въ письмѣ къ Максимилиану: «*Ma soeur n'a pas une seule goutte de sang qui ressemble au notre. J'ai appris et vu tant de choses d'elle, que je la regarde comme notre plus grande ennemie. Elle abuse de notre réputation sans tache, pour nous faire la loi et pour nous menacer de faire une démarche scandaleuse, afin de nous compromettre. Il faut prendre un parti décidé contre elle. Il faut la faire partir pour Arras, et éloigner de nous une femme qui fait notre désespoir commun...*»

(⁸⁾ Онѣ были изданы уже по смерти ея въ IV томѣ *Mémoires de tous* (1835 г.) и отдѣльно, подъ заглавіемъ: *Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères*, précédés d'une Introduction et suivis de Pièces justificatives, par Laponneraye. Paris. 1835 in-8 de 152 pag. Впоследствии онѣ вошли во 2-й томъ *Oeuvres de Maximilien Robespierre*, изданныхъ тѣмъ же Лапоньеромъ въ Парижѣ (1840—1842) въ 3-хъ томахъ.

(⁹⁾ Максимилиана *Деробеспьера* (Maximilien-Barthelemy-Francois); мать ихъ (Jacqueline —

Кераромъ у *Лодье* (Lodieu), автора біографіи «Максимилиана Робеспьера», напечатанной въ Аррасѣ въ 1850 году. Лодье лучше, чѣмъ кому нибудь, извѣстны всѣ данныя касательно семейства Робеспьеровъ: служа помощникомъ комиссара Аррасскаго округа, онъ имѣлъ возможность, кромѣ изданныхъ въ свѣтъ сочиненій о своемъ героѣ, перебрать и мѣстные архивы на самой родинѣ Робеспьеровъ. Изъ сообщаемаго Лодье извѣстія видно, что семья Робеспьеровъ, по смерти ихъ отца (въ 1767 г.), состояла изъ четырехъ лицъ; только четвертымъ лицомъ былъ не искомый братъ Максимилиана Робеспьера, а *другая сестра* его, имени которой мы впрочемъ не знаемъ. Вотъ самое извѣстое: «Едва Максимилиану—говоритъ Лодье—исполнилось девять лѣтъ, какъ онъ, потерявъ отца, остался круглымъ сиротою съ меньшими *братомъ* и *двумя сестрами* (avec un frère et deux soeurs). Надо было кому нибудь пріютить беспомощныхъ дѣтей, и двѣ тетки по отцу призрѣли обѣихъ дѣвочекъ, а дѣдъ и бабка по матери взяли на себя заботы о воспитаніи Максимилиана и его брата Августина.»

М. Шугуровъ.

Marguerite), какъ видно, умерла раньше его. Предки извѣстнаго Максимилиана, переселившіеся изъ Ирландіи во Францію въ половинѣ XVII вѣка, писались и *Robespierre* и *Derobespierre*; любопытно, что онъ первый, будучи еще адвокатомъ въ Аррасѣ, сталъ отдѣлять почетную частицу *de* и писался *de Robespierre*; во время революціи онъ ее отбросилъ. Отецъ и дѣдъ Максимилиана были также адвокатами въ провинціальномъ Арраскомъ совѣтѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА ГРАФА Е. Θ. КОМАРОВСКАГО (*).

Великій князь Константинъ Павловичъ изволилъ выѣхать изъ Петербурга въ началѣ Марта 1799-го года. Въ свитѣ его высочества находились: генераль-графъ Дерфельденъ, генераль-майоръ Сафоновъ, великаго князя адъютанты-полковники: я и Лангъ, Измайловскаго полка поручикъ Озеровъ и адъютантъ графа Дерфельдена кадетскаго корпуса поручикъ Перскій, двора его высочества докторъ Вельценъ, лейбъ-хирургъ Линстремъ, два пажа: Храповицкій и кн. Гагаринъ и берейторъ Штраубе. Въ каретѣ съ великимъ княземъ сидѣли гр. Дерфельденъ, Сафоновъ и я. Сафонову поручена была экономическая часть, а я занимался всегда письменною. Императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ

(*) См. выше стр. 219 и слѣд. Въ помѣщаемомъ здѣсь отрывкѣ гр. Е. Θ. Комаровскій передаетъ между прочимъ свои воспоминанія о знаменитомъ Итальянскомъ походѣ 1799 года. Но кромѣ того, военныя событія этого похода, преимущественно тѣ, въ коихъ принималъ участіе великій князь Константинъ Павловичъ, описаны имъ подробно въ особыхъ Запискахъ, которыя напечатаны, безъ имени, отрывками, въ Военномъ Журналѣ 1810 года, изд. Рохманова кн. II. стр. 56—74; кн. III, стр. 33—69; кн. IV. стр. 44 — 77; кн. V, стр. 13 — 58; кн. VI. стр. 27—64; кн. VII. стр. 32 — 94, и вполнѣ хранятся въ Архивѣ военно-топограф. депю, № 41. 992. Этими дѣловыми, чисто-военными записками гр. Комаровскаго пользовался Д. А. Милотичъ въ своей „Исторіи войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I“ (см. между прочимъ, т. IV, стр. 419); то же, что теперь печатается, было ему неизвѣстно. Слича главы XX-ю Исторіи, по 2-й части. П. Б.

угодно было поручить мнѣ привезть для ея величества изъ Италіи разныхъ шелковъ и сыра-пармезана, до котораго императрица была охотница.

Императоръ Павелъ оказывалъ тогда большое покровительство французскимъ принцамъ. Когда принцъ Конде былъ въ Петербургѣ, его величество пожаловалъ ему домъ у Синяго моста, бывшій гр. Чернышева и на комъ написано было: *Hôtel Condé*, Королю Людовику XVIII-му далъ убѣжище въ Митавѣ, гдѣ находится дворецъ бывшихъ герцоговъ Курляндскихъ. Этотъ дворецъ назначенъ былъ для жительства короля. Въ проѣздѣ чрезъ Митаву, великій князь послалъ меня навѣдаться о здоровьѣ Людовика XVIII-го и просить позволенія его навѣстить. Король мнѣ сказалъ, что онъ счастливъ будетъ увидѣть сына своего благодѣтеля. Его высочество приказалъ и намъ всѣмъ идти къ королю. Его величество встрѣтилъ великаго князя въ первой комнатѣ, въ коей стояли въ два ряда его *gardes de corps*: ихъ оставалось еще нѣсколько челоувѣкъ. Дворъ короля былъ тогда довольно многочисленъ. Людовикъ XVIII-й взялъ великаго князя за руку, привелъ его въ гостинную, куда и мы вошли, и показавъ его высочеству портретъ императора Павла, висѣвшій надъ канапе, сказалъ: *Voici mon bienfaiteur* (вотъ мой благодѣтель). Потомъ великій князь представилъ насъ королю. Его величество пригласилъ его высочество, и со всѣми нами, къ обѣ-

денному столу; насъ сидѣло особъ пять-десять. Первый камеръ-юнкеръ короля былъ duc de Dugas (герцогъ Дюрасъ). Я видѣлъ тутъ многихъ другихъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Франціи.

На самой Австрійской границѣ, ожидалъ уже его высочество присланный отъ императора Франца II-го, для встрѣчи и для сопровожденія великаго князя до Вѣны, сынъ и наслѣдникъ того князя Эстергази, который былъ посломъ при коронаціи во Франкфуртѣ на Майнѣ⁽¹⁾. Во время путешествія его высочества чрезъ владѣнія императора Римскаго, отдаваемы были великому князю всѣ возможныя военныя почести. Не доѣзжая до Вѣны, на послѣднюю станцію, выѣхалъ на встрѣчу дядя его высочества герцогъ Фердинандъ Виртембергскій, бывший тогда военнымъ губернаторомъ Вѣнскимъ⁽²⁾.

Я долженъ теперь обратиться нѣсколько назадъ. Лѣтомъ 1798-го года, пріѣхалъ съ письмомъ къ великому князю Константину Павловичу отъ герцогини Кобургской (матери великой княгини Анны Ѳеодоровны) находившейся въ службѣ герцога Кобургскаго, подполковникъ баронъ Винценгероде, который, по просьбѣ великаго князя Константина Павловича, былъ принятъ въ нашу службу маіорскимъ чиномъ и назначенъ адъютантомъ къ великому князю. Когда начались слухи о войнѣ у Австрійцевъ съ Французами и еще не извѣстно было, что Россія будетъ въ оной участво-

вать. Винценгероде просился служить волонтеромъ въ Австрійской арміи; но императоръ Павелъ ему отказалъ, подѣлъ предлогомъ, что его величеству не угодно, чтобъ служащіе въ его войскахъ чиновники находились волонтерами въ чужихъ арміяхъ; а какъ иностранца, вѣроятно, императору не угодно было назначить Винценгероде быть при великомъ князѣ, во время кампаніи. Онъ однакоже упросилъ наслѣдника написать письмо къ герцогу Фердинанду Виртембергскому, что такъ какъ Винценгероде началъ свою службу въ Австрійской арміи, то чтобы герцогъ исходатайствовалъ у императора Франца принять его опять въ свою службу, а онъ, подѣлъ предлогомъ фамильныхъ дѣлъ, отпросится за границу. Когда великій князь Константинъ Павловичъ сѣлъ въ карету Фердинанда, чтобъ вмѣстѣ доѣхать до Вѣны, герцогъ просилъ позволенія у его высочества прочитатъ письмо наслѣдника, врученное ему великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, говоря, что вѣроятно великій князь Александръ Павловичъ не пишетъ къ нему никакихъ секретовъ. Каково же было удивленіе обоихъ, когда они увидѣли, что Винценгероде все это дѣлалъ скрытно отъ великаго князя Константина Павловича, у котораго онъ былъ адъютантомъ... Этотъ поступокъ Винценгероде очень прогнѣвалъ его высочество, равно и соучастіе въ немъ наслѣдника его огорчило; я все это слышалъ отъ самаго великаго князя.

Мы пріѣхали прямо въ Бургъ: такъ называютъ въ Вѣнѣ императорскій дворецъ. Великій князь переодѣлся и пошелъ къ императору. Для всей свиты его величества отведены были во дворцѣ комнаты, назначены прислуга, экипажъ и верховыя лошади. На другой день великій князь представилъ

(1) Т. е. при коронаціи императора Франца II-го въ 1792-мъ году, на которой гр. Е. Ѳ. Комаровскому случилось присутствовать, что и описано въ его Запискахъ.

(2) Великій князь ѣхалъ подѣъ именемъ графа Романова (Милютинъ, II, 22); но, кажется, это инкогнито скоро было оставлено. Великому князю тогда было всего 20 лѣтъ отъ роду.

всѣхъ насъ императору. Мы всякій день приглашаемы были къ гофмаршалскому столу, а великій князь обѣдалъ съ императоромъ. Мы вообще мало приглашаемы были Вѣнскими вельможами; только одинъ посолъ нашъ, гр. А. К. Разумовскій старался угощать его высочество и всю его свиту: онъ давалъ большіе обѣды, завтраки и нѣсколько баловъ въ домѣ своемъ, въ Пратерѣ, который тогда не былъ такъ великолѣпенъ, какъ теперь.

Между тѣмъ лишь только графъ Суворовъ пріѣхалъ къ арміи, какъ начались побѣды; всякій день бюлетеньъ объявлялъ о какомъ нибудь выигранномъ сраженіи, такъ что графъ Дерфельденъ сказалъ мнѣ: «надобно просить великаго князя ѣхать поскорѣе къ арміи, а то мы ничего не застанемъ; я знаю графа Суворова, теперь уже онъ не останется.»

Въ Вѣнѣ только и было тогда разговоръ, что о графѣ Суворовѣ. Когда онъ выѣзжалъ изъ своей квартиры, весь народъ бѣжалъ за нимъ и кричалъ: «вивать, Суворовъ!» и провожалъ его до того мѣста, гдѣ онъ останавливался. Выходя изъ кареты, фельдмаршалъ обращался къ народу и кричалъ: «вивать, Францъ!» Сказывали, что однажды онъ былъ приглашенъ въ гоф-крюгеръ-ратъ, и просили графа Суворова привезти съ собою планъ кампаніи. Фельдмаршалъ пріѣзжаетъ, садится на назначенное ему мѣсто. Начались между тѣмъ разныя сужденія; потомъ графъ Тугутъ, первый того времени министръ, обращается къ графу Суворову и говоритъ: «Вы, господинъ фельдмаршалъ, изволили вѣроятно уже сдѣлать и привести съ собою вашъ планъ кампаніи?» Графъ Суворовъ встаетъ съ своего мѣста, вынимаетъ изъ подъ мундира большой листъ бумаги, развертываетъ и кладетъ на

столъ; всѣ съ удивленіемъ увидѣли, что то былъ листъ бѣлой бумаги, и потомъ сказалъ присутствующимъ: «я другихъ плановъ кампаніи никогда не дѣлалъ,» поклонился всѣмъ и уѣхалъ.

Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда нашего изъ Вѣны къ арміи ⁽³⁾. За нѣсколько дней предъ выѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, великій князь послалъ меня, по волѣ императора, спросить у графа Безбороки, кому и какіе должно будетъ дѣлать подарки, при Вѣнскомъ дворѣ. Я не могу не отдать, и при семъ случаѣ, полной справедливости необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ рассказывать, какъ будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ Вѣнскихъ вельможъ, кто изъ нихъ чѣмъ примѣчательнъ, кто и въ какое время наиболѣе оказалъ услугъ двору нашему; такъ что я, около часа, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ: онъ познакомилъ меня почти со всѣми вельможами, которыхъ я увижу въ Вѣнѣ. Потомъ онъ сѣлъ и написалъ своею рукою списокъ всѣмъ, которымъ должно дать подарки и какіе именно. «Табакерку съ портретомъ его высочества, осыпанную брилліантами, назначивъ въ какую цѣну,» сказалъ онъ, «должно подарить тому, кто будетъ присланъ на встрѣчу великаго князя; вѣроятно это будетъ или кн. Эстергази, или кн. Лихтенштейнъ, ибо сіи суть двѣ знатнѣйшія фамиліи въ Австріи». Графъ, конечно, и о прочихъ дворахъ имѣлъ такія же свѣдѣнія. Когда я получилъ приказаніе отъ великаго князя дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать списокъ, данный мнѣ графомъ

⁽³⁾ Великій князь пробылъ въ Вѣнѣ съ 15 по 19 апрѣля (Милютинъ II, 21 — 23).

Безбородкою, послу нашему графу Разумовскому; тотъ, прочитавъ, сказалъ: «графъ Безбородко совершенный геній! Онъ лучше это знаетъ, никогда не выѣзжавъ изъ Россіи, нежели я, который 15 лѣтъ слишкомъ живу здѣсь.»

Князю Эстергази приказано было отъ императора сопровождать великаго князя до главной квартиры фельдмаршала. Его высочеству угодно было возложить на меня вести журналъ пребыванія его въ арміи; въ немъ описаны всѣ баталіи, военныя движенія и дѣйствія, при коихъ великій князь находился. Этотъ журналъ помѣщенъ былъ отрывками въ Военномъ Журналѣ, издаваемомъ свиты его величества капитаномъ Рахмановымъ, и у меня находится оный въ спискѣ; а потому и упоминать здѣсь о происшествіяхъ этой достопамятной компаніи, которая впрочемъ извѣстна всему ученому свѣту, изъ сочиненій различныхъ классическихкихъ авторовъ, я нахожу излишнимъ, а ограничусь только изложеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не относящихся собственно до военныхъ дѣйствій.

По приѣздѣ въ армію, мы нашли фельдмаршала въ Вогерѣ; это было поздно вечеромъ. Лишь только онъ узналъ, что великій князь къ нему пришелъ, графъ Суворовъ выскочилъ изъ другой комнаты, подошелъ къ его высочеству, поклонился ему объ руку и сказалъ: «Сынъ природнаго нашего государя!» Фельдмаршалъ былъ одѣтъ въ короткомъ бѣломъ кителѣ, на головѣ родъ каски, на которой былъ вензель П. I., на шеѣ Мальтійскій крестъ, на широкой черной лентѣ, и глазъ завязанъ чернымъ платкомъ. Онъ не снялъ каски, вѣроятно, потому что она придерживала завязку. Его высочество обнялъ фельдмаршала и спросилъ: „что это у васъ, графъ Алек-

сандръ Васильевичъ, глазъ завязанъ?« — «Ахъ, ваше высочество, отвѣчалъ фельдмаршалъ, вчерашній день проклятые не-могу-знайки меня опрокинули въ ровъ и чуть косточекъ моихъ всѣхъ не разбили!» (Казаки взяли въ реквизицію гдѣ-то небольшую, синяго цвѣта, карету; графъ Суворовъ увидѣлъ ее и приказалъ купить; въ этой каретѣ, запряженной парюю лошадей, которыхъ брали изъ ближнихъ деревень, онъ всегда ѣздилъ съ кучеромъ изъ мужиковъ, а кривой поваръ его стоялъ всегда лакеемъ на запяткахъ). Потомъ, подходя къ Дерфельдену, сказалъ: «не вижу.» Великій князь назвалъ ему генерала. «Старинный пріятель и сослуживецъ, Вильгельмъ Христоворовичъ!» сказалъ фельдмаршалъ перекрестясь, и поцѣловалъ крестъ, который находился на андреевской звѣздѣ. «Намъ должно,» продолжалъ онъ, «его высочество, сына природнаго нашего государя», и опять поклонился объ руку, «беречь болѣе нежели глазъ своихъ; у насъ ихъ два, а великій князь у насъ здѣсь одинъ.» Его высочество подвелъ ему и всѣхъ насъ. Графъ Суворовъ, между прочимъ, сказалъ великому князю: «ваше высочество! говорить, что трудно служить будто бы двумъ государямъ, а мы служимъ же трехъ-ипостасной Троицѣ!»^(*) На другой день фельдмаршалъ пришелъ къ великому князю въ полномъ фельдмаршальскомъ Австрійскомъ мундирѣ (ибо онъ принять былъ симъ чиномъ въ Австрійскую службу) и долго находился въ кабинетѣ его высочества; вышедъ оттуда, великій князь назвалъ ему князя

(*) Суворовъ писалъ въ Вѣну гр. А. К. Разумовскому: „Я служу двумъ государямъ въ одномъ лицѣ, и въ трехъ лицахъ Богу: послѣдній насъ такъ да благословляетъ. На что эгоизмъ! Онъ вреденъ.“ (Военн. Журналъ 1810, кн. III, стр. 65).

Эстергази, который был одѣтъ въ богатѣйшемъ своемъ, Венгерской гвардіи, мундирѣ, которою онъ тогда командовалъ. Графъ Суворовъ сказалъ ему по нѣмецки: «прошу васъ донести императору, что я войсками его величества очень доволенъ, они дерутся почти также хорошо какъ и Русскія.» Это послѣднее, казалось, было не очень пріятно слышать надменному князю Эстергази.

Въ тотъ же самый день великій князь, по совѣту фельдмаршала, отправился къ корпусу Россійскихъ войскъ, а князь Эстергази въ Вѣну.

Послѣ неудачнаго сраженія 1-го маія подъ Бассиніаною ⁽⁵⁾ великій князь послалъ меня къ фельдмаршалу, ибо онъ требовалъ, чтобъ его высочество самъ и войска бывшія въ сраженіи пришли въ его главную квартиру. Его высочество отговорился тѣмъ, что находится при войскахъ и съ ними придетъ. Графъ Суворовъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ съ грознымъ видомъ: «я сейчасъ велю васъ и всѣхъ вашихъ товарищей сковать и пошлю къ императору Павлу съ фельдъегеремъ; какъ вы смѣли допустить великаго князя подвергать себя такой опасности? Если бъ его высочество, чего Боже сохрани! взять былъ въ плѣнъ, какой бы стыдъ былъ для всей арміи, для всей Россіи! Какой ударъ для августѣйшаго его родителя, и какое торжество для республиканцевъ; тогда принуждены бъ мы были заключить самый постыдный миръ, словомъ такой, какой предписали бъ намъ наши непріатели!»

(5) Милютинъ, II, 48, 52, 64, 65. Въ этомъ дѣлѣ, стоившемъ довольно дорого, великій князь Константинъ Павловичъ обнаружилъ личную отвагу и два раза подвергался большой опасности. Императоръ Павелъ приказалъ выдать нижнимъ чинамъ, находившимся при этомъ подъ командою великаго князя, по два рубли на человѣка.

(извѣстно, что когда графъ Суворовъ находился съ кѣмъ либо на единѣ, то онъ говорилъ съ большимъ краснорѣчіемъ и умомъ) Во все это время онъ ходилъ по комнатѣ, а я молчалъ. Потомъ спросилъ онъ у меня: «какъ великъ конвой изъ казаковъ при его высочествѣ?» Я отвѣчалъ: «20 человѣкъ при одномъ оберъ-офицерѣ.» Фельдмаршалъ, уже нѣсколько успокоясь, продолжалъ: «Мало!» Тотчасъ позвалъ адъютанта и приказалъ изъ своего конвоя отрядить еще казаковъ, при самомъ исправномъ штабъ-офицерѣ и внушить имъ, что они должны быть тѣлохранителями сына ихъ императора. Потомъ Суворовъ отпустилъ меня и приказалъ отправиться съ симъ конвоемъ къ великому князю. Я передалъ весь разговоръ фельдмаршала его высочеству. «Такъ онъ очень сердитъ?» сказалъ великій князь и задумался. На другой день войска выступили, и его высочество поѣхалъ въ главную квартиру. Едва великій князь вошелъ къ графу Суворову, какъ онъ, встрѣтивъ его въ передней, просилъ войти въ свою комнату, гдѣ они заперлись; бесѣда продолжалась очень долго, и великій князь вышелъ изъ оной очень красенъ. Фельдмаршалъ хотѣлъ было отдать приказъ по арміи и отнести всю неудачу сраженія 1-го маія къ неопытности и лишней запальчивости юности; но тогда бы всѣ узнали, что сіе относится до великаго князя. Дѣйствительно его высочество весьма погорячился. Когда открытъ былъ непріатель на высотахъ противулежащаго берега, подъ крѣпостью Валенцою, и когда нѣсколько батальоновъ нашихъ переправились черезъ рѣку По, на островъ, съ котораго можно было перейти въ бродъ на другой берегъ, то великій князь сказалъ генералу Розенбергу: «Нечего мѣшкать, ваше превосходительство, прикажите

людямъ идти впередъ». Генералъ отвѣчалъ его высочеству: «Мы еще слишкомъ слабы; не дожидаться ли намъ подкрѣпленія?» Великій князь возразилъ: «Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить въ Крыму; тамъ было покойнѣе и непріятеля въ глаза не видали.» (Генералъ Розенбергъ точно нѣсколько лѣтъ командовалъ войсками въ Крыму и оттуда назначенъ былъ въ Итальянскую армію). Генералъ Розенбергъ отвѣчалъ: «я докажу, что я не трусъ,» вынулъ шпагу, закричалъ солдатамъ: «за мной», и самъ первый пошелъ въ бродъ. Эта поспѣшность имѣла самыя дурныя послѣдствія. (По пріѣздѣ въ Вѣну, сего высоч-во приказалъ берейтору своему Штраубе купить для его сѣдла лошадей, и всякій изъ насъ далъ ему такую же комиссію. Хотя Штраубе и искупилъ всѣхъ нужныхъ лошадей для великаго князя и для его свиты, но онѣ не могли поспѣть къ дѣлу 1-го мая. Генералъ графъ Милорадовичъ, великолѣпный во всѣхъ его дѣяніяхъ, по прибытіи его высочества къ корпусу генер. Розенберга, въ которомъ Милорадовичъ служилъ, подвѣлъ великому князю прекрасную Англійскую лошадь; Сафонова и меня, какъ бывшихъ съ нимъ однополчанъ, ссудилъ также Англійскими лошадьми. Изъ этихъ лошадей, въ дѣлѣ при Бассиніанѣ, одна только лошадь его высочества уцѣлѣла, а моя и Сафонова пропали). Генералъ Розенбергъ во всю кампанію служилъ съ отличною храбростію. Послѣ сего несчастнаго сраженія, мы были свидѣтелями только однихъ побѣдъ.

Въ прекраснѣйшей странѣ всей Европы (а такъ какъ военныя дѣйствія происходили въ сѣверной части Италіи, то и отъ жаровъ мы не страдали) во всемъ мы находили большое изобиліе, великое множество всякаго рода

фруктовъ, а сверхъ того за нами слѣдовала повсюду очень изрядная труппа актеровъ, между которыми были отличные прыгуны. Лишь только останавливались въ какомъ нибудь городкѣ (ибо во всякомъ изъ нихъ есть театръ) мы ходили проводить вечера наши въ Итальянской оперѣ. Словомъ, вся эта кампанія была не что иное какъ самая пріятная прогулка: въ самомъ дѣлѣ, мы пріѣхали въ Верону, въ концѣ апрѣля, а 6-го августа была славная баталія при городѣ Нови, на границѣ Генуэзской республики. И такъ съ небольшимъ въ три мѣсяца, мы прошли и очистили отъ непріятеля всѣ владѣнія Венеціанской республики, всю Ломбардію и Піемонтъ. Въ теченіе этого времени армія возвращалась отъ Турина назадъ до Піаченцы, гдѣ три дня продолжалась знаменитая баталія, на трехъ рѣкахъ: Тидонѣ, Требіи и Нурѣ, и опять пришла къ Турину.

Походъ черезъ Альпійскія горы не представлялъ намъ такихъ выгодъ, ни такого изобилія въ продовольствіи какъ въ Италіи; напротивъ того, въ осеннее время, съ безпрестанными дождями, а часто и съ снѣгомъ, армія безъ барака, которыхъ не изъ чего было сдѣлать, находилась подъ открытымъ небомъ и питалась однимъ картофелемъ и сыромъ, отчего сдѣлались болѣзни. Пріятно однако же было видѣть, съ какимъ радушіемъ встрѣчали насъ добрые Швейцарцы: они выносили нашимъ солдатамъ на встрѣчу вино, хлѣбъ, сыръ и фрукты.

Когда мы перешли черезъ Сентъ-Готардъ, великій князь послалъ меня поздравить фельдмаршала съ совершеніемъ столь многотруднаго и знаменитаго похода и что имя его приобрѣло тѣмъ незабвенную славу въ исторіи. Графъ Суворовъ принялъ поздравленіе со всеподданническою признательно-

стію, какъ отъ сына природнаго его государя: это были его слова При семь я отъ себя прибавилъ ему комплементъ, но фельдмаршалъ мнѣ отвѣчалъ: «А Аннибалъ? Онъ первый тоже сдѣлалъ!»

Когда окончилась и самая Швейцарская экспедиція, и армія слѣдовала на свои кантониры-квартиры въ Аугсбургъ, великій князь, находясь всегда при ней, въ одномъ небольшомъ городкѣ, на берегу Рейна, нашелъ дядю своего герцога Александра Виртембергскаго, который служилъ тогда въ Австрійской арміи генераломъ и командовалъ отрядомъ арміи эрцъ-герцога Карла. Герцогъ былъ очень радъ увидѣться съ его высочествомъ; всѣхъ насъ принялъ очень ласково и угостилъ обѣдомъ. Во время отступленія Австрійской арміи, герцогъ долженъ былъ защищать одинъ мостъ; къ нему присланъ былъ, отъ корпуса генерала Корсакова, генераль-маіоръ Шеншинъ, съ нѣсколькими баталіонами въ подкрѣпленіе; герцогъ отзывался съ великою похвалою о личной генерала Шеншина храбрости и бывшихъ подъ командою его войскъ⁽⁶⁾.

Я почти въ это же время получилъ письмо отъ Винценгероде, въ которомъ онъ съ какою-то боязливостію рѣшается о себѣ мнѣ напомнить, какъ о бывшемъ своемъ сотоварищѣ, а просить меня повергнуть его, какъ онъ пишетъ въ письмѣ своемъ, къ стопамъ великаго князя никакъ не осмѣливается. Я однакоже, выбравъ удобную минуту, показалъ великому князю это письмо; я примѣтилъ, что его высочество перемѣнился въ лицѣ; онъ сказалъ мнѣ: «никогда не говори мнѣ о немъ!»

Наконецъ главная квартира фельд-

маршала, который получилъ тогда уже отъ императора Павла титулъ генераллисимуса и князя Италійскаго, пришла въ Аугсбургъ, а великій князь остановился въ небольшомъ разстояніи, въ одномъ городкѣ.

Черезъ нѣсколько дней его высочество послалъ меня къ князю Суворову испросить позволеніе, пока не рѣшено будетъ объ участи нашей арміи, съѣздить въ Кобургъ, для свиданія съ родителями его супруги великой княгини Анны Ѳеодоровны. Едва доложили генераллиссимусу, что я присланъ отъ его высочества, какъ онъ приказалъ мнѣ войти къ себѣ. Я исполнилъ данное мнѣ отъ великаго князя порученіе. Князь Суворовъ сказалъ мнѣ: «доложите великому князю, сыну природнаго моего государя, что я самъ въ повелѣніяхъ его высочества и чтобы изволилъ дѣлать что ему угодно.» Между тѣмъ, онъ спросилъ прежде вѣроятно о моемъ имени и отчествѣ, назвавъ меня оными и показавъ мнѣ стулъ, стоящій подлѣ стола, а самъ сѣлъ на канане, противъ меня и, облокотясь обоими локтями на столъ, закрылъ глаза и сказалъ мнѣ: «садись, слушай и перескажи его высочеству что я буду говорить.» Князь началъ свой разговоръ о тогдашней политикѣ всѣхъ дворовъ. Говоря объ Англіи, онъ сказалъ: «сія держава старается поддерживать только вражду противъ Франціи всѣхъ прочихъ государствъ, дабы не дать ей усилиться, ибо одна Франція можетъ соперничать съ Англіею на моряхъ; политика ея лукава.» Въ доказательство тому князь Суворовъ привелъ, что Англійское министерство, завидуя успѣхамъ нашей арміи въ Италіи, домогалось и интриговало, чтобы она послана была въ Швейцарію, гдѣ, по малолѣдству своему, армія наша должна была погиб-

⁽⁶⁾ Если не ошибаемся, это былъ Василій Никандровичъ, отецъ Н. В. Шеншина, о коемъ см. Р. Архивъ 1864 г. изд. 2, стр. 868 и далѣе.

нуть; сверхъ того Англійскій флотъ, блокировавшій Геную, допустилъ Французскому гарнизону, тамъ находящемуся, моремъ получить и секуресъ и продовольствіе. «Австрійская политика, продолжалъ онъ, самая вѣроломная и управляема врагомъ своего отечества, Тугутомъ, который вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать на защиту лишенныхъ престола королей, своихъ союзниковъ, вздумалъ дѣлать пріобрѣтенія изъ завоеванныхъ нами у непріятели городовъ и провинцій. Гофкригс-ратъ, мой злѣйшій врагъ, предписалъ, мимо меня, генералу Меласу, во всякомъ взятомъ нами у непріятели городѣ выставлять Австрійскій императорскій гербъ, но я сему воспротивился. Австрійцы дорого заплатятъ за ихъ вѣроломство! Одинъ нашъ императоръ поступаетъ какъ прилично высокому союзнику, безо всякихъ видовъ корысти, а изъ одинаго похвальнаго подвига, чтобъ возстановитъ храмы Божіи и престолы царей! Сію монаршую волю мы, кажется, сколько могли, исполнили; я сдѣлался старъ и слабъ, присовокупилъ онъ, и одной прошу милости у всемилостивѣйшаго государя моего, чтобъ отпустилъ меня домой. Мы увидимъ что будетъ съ Австрійцами, когда бичъ ихъ, Бонапарте, возвратится въ Европу!» (Бонапарте былъ тогда въ Египтѣ). Генералиссимусъ еще со мною нѣсколько времени говорилъ, но что я могъ теперь припомнить, кажется было самое интересное. Великій князь былъ очень доволенъ отданнымъ мною отчетомъ его высокочеству о сужденіяхъ кн. Суворова.

Австрійскій кабинетъ, увидя, но поздно, что кн. Суворовъ, огорченный дѣйствіями онаго, рѣшительно желаетъ оставить армію, а тѣмъ уничтожиться можетъ и коалиція съ Россією, вознамѣрился прислать въ главную

квартиру, въ Аугсбургъ, князя Эстергази, какъ особу, которой великій князь оказывалъ милости. Инструкція кн. Эстергази состояла въ томъ, чтобъ склонить его высочество быть посредникомъ между двумя императорами; что недоумѣніе происходило отъ того, что министры, во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ, не всегда соблюдали строго интересы обѣихъ державъ. Князь Эстергази привезъ отъ императора Франца двѣ ленты военнаго ордена Маріи Терезіи: одну великому князю, а другую кн. Суворову; два ордена на шею: кн. Багратиону и Милорадовичу и нѣсколько орденовъ въ петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить, по его усмотрѣнію, на тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ болѣе отличившимися, при освобожденіи Италіи отъ непріятели. Нельзя было показать болѣе уваженія къ заслугамъ кн. Суворова и къ нему самому. Въ то же почти время и король Сардинскій прислалъ генералиссимусу: цѣпь военнаго ордена св. Лазаря и Маврикія, нѣсколько орденовъ на шею и въ петлицу; изъ сихъ послѣднихъ и я получилъ. Удостоеніе сими орденами предоставлено было также на произволь кн. Суворова, за освобожденіе отъ непріятели Пиемонта, какъ провинціи, принадлежащей королю Сардинскому. Цѣпь носится на шеѣ, и тотъ, кто получаетъ ее называется двоюроднымъ братомъ короля (*le cousin du roi*) Кн. Суворовъ, при раздачѣ орденовъ, поступилъ болѣе пристрастно, нежели справедливо, ибо получили оные или родственники его, бывшіе въ арміи, или находившіеся при немъ чиновники; изъ отличившихся же дѣйствительно въ арміи, никто почти оныхъ не былъ удостоенъ.

Князь Эстергази открылся перво-му мнѣ о данномъ ему порученіи каса-

тельно великаго князя. Я ему сказалъ, что не могу взять на себя довести до свѣдѣнія его высочества; а чтобъ онъ испросилъ аудіенцію, и самъ бы объяснился съ великимъ княземъ. Для испрошенія сей аудіенціи онъ отнесся ко мнѣ официально. Его высочество отвѣчалъ ему письменно, что онъ въ арміи находится волонтеромъ, что дипломатическія отношенія между союзными дворами ему вовсе не извѣстны, что онъ не можетъ войти ни въ какое посредничество безъ высочайшей воли императора, его родителя, и что онъ, видя теперь въ князѣ Эстергази дипломатическое лицо, долженъ перемѣнить образъ своего съ нимъ обращенія. (Я сохранилъ у себя всю бывшую по сему предмету переписку). Сей отзывъ его высочества огорчилъ князя Эстергази; ибо Тугутъ увѣренъ былъ, что посланные ордена великому князю, генералиссимусу и прочимъ чиновникамъ Россійской арміи произведутъ желаемое имъ дѣйствіе и что кн. Эстергази несомнѣнно успѣетъ въ своей миссіи. Сіе подтвердилось тѣмъ, что кн. Эстергази опять обратился ко мнѣ, и въ отчаяніи своемъ, сказалъ: «я нахожусь въ такомъ положеніи, что мнѣ нельзя почти возвратиться въ Вѣну; министръ требовалъ отъ меня, чтобъ я непременно привезъ согласіе великаго князя на сдѣланное его высочеству предложеніе.» Я ему совѣтывалъ стараться испросить свиданіе съ кн. Суворовымъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «какъ можно говорить съ такимъ человекомъ, отъ котораго нельзя добиться толка!»—«Вы его не знаете, возразилъ я, и если князь приметъ васъ наединѣ, то вы совсѣмъ другихъ будете о немъ мыслей.» Долго кн. Эстергази не получалъ удовлетворительнаго отвѣта; наконецъ кн. Суворовъ назначилъ ему часъ свиданія, и мнѣ случилось

встрѣтиться съ Эстергази, какъ онъ выходилъ отъ генералиссимуса. Увидя меня, онъ сказалъ: «ваша правда! что за человекъ! онъ столько же уменъ и свѣдущъ, сколько великъ, какъ полководецъ! Но я ничего не могъ у него успѣть. («C'est vrai, c'est un diable d'homme! il a tant d'esprit et de connaissances qu'il est grand général, mais je n'ai rien pu obtenir de lui»), и скоро послѣ того уѣхалъ въ Вѣну. Такимъ образомъ окончилась и война для Россіи, и дружескія ея отношенія къ Австрійской державѣ. Начало сего разрыва ознаменовалось тѣмъ, что великій князь, на возвратномъ своемъ пути въ Россію, поѣхалъ уже не на Вѣну, а на Прагу.

Я въ этомъ городѣ получилъ приказъ, отданный при паролѣ отъ 4-го ноября въ Петербургѣ, что я, по старшинству, произведенъ въ генераль-маіоры, съ оставленіемъ при прежней должности. И такъ я съ небольшимъ въ 7 лѣтъ, изъ сержантовъ гвардіи, получилъ генераль-маіорскій чинъ! Это могло случиться въ царствованіе императора Павла, гдѣ безпрестанныя были выключки, отставки, а потому и большія производства. Здѣсь можно привести въ примѣръ Аркадія Ивановича Нелидова: при восшествіи императора Павла на престолъ, т. е. 6-го ноября 1796-го г., онъ только что выпущенъ былъ изъ камеръ-пажей въ поручики гвардіи; въ мартѣ мѣсяцѣ 1797-го онъ былъ генераль-маіоромъ и генераль-адъютантомъ, а въ день коронаціи получилъ Анненскую ленту и 1000 душъ. Я забылъ сказать выше, что, въ тотъ же самый день, всѣ служившіе въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ штабъ и оберъ-офицеры получили деревни отъ 100 до 250 душъ, по чинамъ, а нѣкоторые какъ: графъ Аракчеевъ, Кологривовъ, Донауровъ, Кущелевъ и прочіе, по 2000 душъ. Я

выѣхалъ изъ Италіи въ Анненскомъ крестѣ на шеѣ, брилліантами украшенномъ, съ командорскимъ крестомъ Іоанна Іерусалимскаго, съ пенсіономъ по 300 рублей въ годъ изъ почтовыхъ доходовъ, и съ орденомъ въ петлицѣ св. Лазаря и Маврікія.

Мы пріѣхали въ Петербургъ 27-го декабря 1799-го года. Императоръ Павелъ принялъ великаго князя съ большою радостію; на другой день его высочество представлялъ всѣхъ насъ государю. По тогдашнему обыкновению, должно было стать на колѣно тому, кто за что нибудь благодаритъ; а какъ всякій изъ насъ долженъ былъ благодарить: или за чинъ, или за полученные во время кампаніи знаки отличія, то императоръ, не допуская становиться на колѣно, всякаго изъ насъ обнималъ, говоря при томъ: «не вы, а я долженъ васъ благодарить за службу вашу мнѣ и цесаревичу»; а ко мнѣ оборотясь, сказалъ: «ты сверхъ того еще отличилъ себя въ сраженіяхъ, команду баталіономъ». Товарищъ мой, его высочества адъютантъ, полковникъ Лангъ, также командовалъ баталіономъ, но умеръ отъ раны, полученной имъ въ сраженіи.

Одинъ разъ государь спросилъ у великаго князя, покойна ли теперешняя одежда для солдатъ, во время походовъ? Императоръ зналъ, что во всю компанію солдаты щиблетъ не надѣвали, а унтеръ-офицерскія галлебарды, которыя вышиною были въ 4 аршина, всѣ изрублены были на дрова, когда проходили снѣжныя Альпійскія горы. «Я готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи, ибо удобность познается опытомъ». Тогда его высочество отвѣчалъ, что башмаки, щиблеты, а особливо унтеръ-офицерскія галлебарды вовсе неудобны въ походѣ. На сіе императоръ ему сказалъ: «Прикажи одѣть

рядоваго и унтеръ-офицера во всей аммуниціи и вооруженіи и представь мнѣ для образца.» Великій князь чрезъ нѣсколько дней представилъ императору образцовыхъ; такъ какъ форма немного походила на бывшую при императрицѣ Екатеринѣ, государь съ гнѣвомъ сказалъ его высочеству: «Я вижу, что ты хочешь ввести Потемкинскую одежду въ мою армію; чтобъ они шли съ глазъ моихъ долой!» и самъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ находились образцовые....

Полкъ конной гвардіи, съ давняго времени, имѣлъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ императора. Генваря 6-го 1800 года, въ день Богоявленія Господня, былъ обыкновенный парадъ, для освященія знаменъ и штандартовъ; полкъ сей въ числѣ прочихъ войскъ бывшихъ въ парадѣ, проходилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя и такъ его прогнѣвалъ, что множество офицеровъ, въ томъ числѣ четыре брата Васильчиковы, были посажены подъ арестъ и выключены изъ службы; одинъ Иларіонъ Васильевичъ остался при дворѣ камеръ-геромъ, которымъ онъ былъ прежде. С. И. Мухановъ, командиръ полка, былъ выключенъ изъ службы и лишенъ Анненскаго креста 2-го класса, котораго онъ былъ кавалеръ. Отдано было въ приказъ, чтобъ конногвардейскій полкъ выступилъ въ томъ же самый день въ Царское Село; великому князю Константину Павловичу поручено было принять сей полкъ подъ свое начальство... Его высочеству приказано было жить въ своемъ домѣ, въ Царскомъ Селѣ, который былъ купленъ для него императрицею Екатериною у Ланскаго. Я въ тотъ самый день занемогъ и потому не поѣхалъ съ великимъ княземъ въ Царское Село. Его высочество нашелъ дворецъ свой во всю зиму нетопленнымъ, и потому

холодъ въ ономъ былъ ужасный. Я пріѣхалъ на третій день и нашель, что всѣ мои товарищи сидятъ въ комнатахъ въ шинеляхъ на мѣху. Великая княгиня Анна Феодоровна такъ сильно простудилась въ этомъ домѣ, что едва не умерла отъ жестокой горячки.

Не за долго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ Дибичъ, отецъ фельд-маршала. Онъ служилъ адъютантомъ при Фридрихѣ Великомъ. Императоръ принялъ его въ нашу службу и опредѣлилъ къ своей особѣ... Великій князь взялъ съ собою въ Царское Село двухъ офицеровъ Измайловскаго полка: Олсуфьева и Опочинина, которые потомъ были его адъютантами. Императоръ прикомандировалъ къ его высочеству двухъ своихъ генераль-адъютантовъ: Кожина и князя А. О. Щербатова. Бѣдная конная гвардія должна была всякій день, по колѣно въ снѣгу, дѣлать ученіе, не смотря на жестокость морозовъ!.... Великому князю позволено было только по Воскресеніямъ пріѣзжать въ Петербургъ съ Сафоновымъ. Его высочество, наслѣдникъ, когда я отъѣзжалъ въ Царское Село, изволилъ мнѣ сказать: «Если тебѣ нужно будетъ пріѣзжать въ Петербургъ, то отнюдь не «прописывайся на заставахъ своимъ именемъ, а чужимъ или Ахта или «Линдстрема, а то тебѣ будетъ худо!» Первый былъ камердинеръ, а другой лейбъ-хирургъ при его высочествѣ. Я во всякомъ случаѣ находилъ неопцѣненное для меня участіе, которое наслѣдникъ принималъ во мнѣ.

Однажды великій князь, въ зимнемъ дворцѣ, послалъ меня съ порученіемъ къ его высочеству Александру Павловичу. По окончаніи онаго, ему угодно было завести со мной какой то разговоръ, и мы подошли къ окну. Этобыло въ большомъ его высочества каби-

нетѣ, что на углу, противъ адмиралтейства; мы не чувствовали, что народъ, увидя наслѣдника, началъ собираться толпой. Его высочество, взглянувъ нечаянно въ окно и примѣтя сію толпу, сказалъ мнѣ: «Прощай, братъ, убирайся поскорѣе, а то обоемъ намъ будетъ «бѣда!» и самъ поспѣшно ушелъ въ другую комнату. Какъ видна была и тогда уже любовь народа къ сему милосерднѣйшему изъ государей!

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Царское Село генераль-адъютантъ Уваровъ, съ повелѣніемъ выбрать изъ полка конной гвардіи лучшихъ людей и лошадей для сформированія кавалергардскаго полка, котораго Уваровъ назначенъ былъ шефомъ. Великому князю кавалерійская служба начала очень нравиться. Во время Италіанской компаніи, его высочество имѣлъ при себѣ Австрійскій Лобковица драгунскій полкъ, которымъ онъ очень занимался; а сверхъ того и въ полку конной гвардіи его высочество принималъ уже большое участіе. Пріѣздъ Уварова великому князю былъ очень непріятенъ, тѣмъ болѣе, что его высочеству извѣстно было, что кавалергардскій полкъ формировался по предложенію Уварова, который былъ тогда въ большой милости у императора, по связямъ сего генерала съ княгинею Л. При выборѣ людей и лошадей Уваровъ встрѣтилъ большія затрудненія, такъ что онъ ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ высочайшее повелѣніе допустить его безпрепятственно производить выборъ. Отъ сего времени родилось въ великомъ князѣ неудовольствіе противъ кавалергардскаго полка и противъ шефа онаго.

Всякій день я посылалъ ѣздоваго въ Петербургъ за приказомъ. 2-го маія полученъ былъ приказъ, при паролѣ отданный, въ которомъ сказано: «адъ-

ютантамъ его императорскаго высочества Константина Павловича, генераль-майорамъ Сафонову и Комаровскому и полковнику гр. Шувалову (онъ находился тогда въ Италиі, за раною) состоятъ по арміи и носить общій армейскій мундирь!» (Сафоновъ и я послали мундирь Измайловскаго полка) Прочтя сей приказъ, я тотъ часъ понесъ оный къ великому князю. Его высочество, въ первую минуту, не могъ ничего сказать и примѣтно перемѣнился въ лицѣ, потомъ говорить: «Ну что же? Это значитъ, что вы должны носить обще-армейскій мундирь, а все остаетесь при мнѣ.» Я ему возразилъ: тогда бы сказано было *составленіема при презисней должности*. Великій князь всталъ съ своего мѣста... и приказалъ мнѣ написать къ гр. Ливену и спросить у него, остаемся ли мы при его высочествѣ или нѣтъ, и въ такомъ случаѣ что намъ дѣлать? а самъ написалъ къ наслѣднику и тотъ часъ велѣлъ отправить ѣздоваго съ письмами въ городъ. Возвратившійся нашъ посланный привезъ отвѣты вовсе неудовлетворительные. Графъ Ливень пишетъ, что государь потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ въ 6 часовъ утра, приказалъ ему сѣсть и самъ продиктовалъ первый пунктъ приказа; что ему кажется, что мы уже болѣе не стоимъ при великомъ князѣ и совѣтуетъ намъ тотчасъ пріѣхать въ городъ и завтра же при разводѣ представиться государю въ обще-армейскихъ мундирахъ. Наслѣдника письмо было почти такого же содержанія. Великій князь былъ тронутъ симъ до слезъ, благодарилъ насъ за вѣрную къ нему службу и прощаясь нѣсколько разъ обнималъ насъ, написалъ письмо къ своему гофмаршалу князю Вяземскому^(?), чтобъ въ

случаѣ нашего отъѣзда изъ Петербурга снабдилъ насъ экипажемъ и всѣмъ нужнымъ на дорогу, а сверхъ того приказалъ производить Сафонову и мнѣ по три тысячи рублей въ годъ пенсіона по смерти.

Мы тотчасъ оба отправились въ Петербургъ. Въ ночь, кое какъ намъ сдѣлали обще-армейскіе мундиры, и мы въ назначенный часъ пріѣхали къ разводѣ. Намъ сказано, что государю представляются въ комнатѣ, что подлѣ фонарика. Дежурнымъ генераль-адъютантомъ былъ тогда князь П. Г. Гагаринъ, уже женившійся на княж. Лопухиной. Государь вышелъ къ намъ съ грознымъ видомъ, и когда представляли ему Сафопова, онъ сказалъ: «Aussitôt pris, aussitôt pendu» (какъ скоро взять—такъ скоро и повѣшанъ), а мнѣ: «и вы, сударь, не заживетесь!» Я подумалъ: «какая разница въ пріемѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ мы возвратились изъ Италиі! Сафоновъ не зналъ ни слова по французски и отвѣчалъ одною улыбкою, потомъ спросилъ меня, что государь ему сказалъ! Я ему перевелъ слово въ слово: онъ весь поблѣднѣлъ... Я тотчасъ его успокоилъ, сказавъ ему, что это французская поговорка, которая значитъ, что онъ вѣроятно имѣетъ уже мѣсто. На другой день Сафоновъ назначенъ былъ шефомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, квартировавшаго въ Ригѣ, на мѣсто выключеннаго изъ службы князя Бориса Владиміровича Голицына. Любопытно знать, за что князь Голицинъ былъ такъ строго наказанъ. Разводъ его полка, въ обыкновенное время, шелъ по одной улицѣ, и поравняясъ съ домомъ, гдѣ находилась въ родахъ женщина, барабанщики ударили походъ, отъ чего та женщина вѣроятно испугалась и имѣла несчастные роды: донесено было о семъ происшествіи, и

(?) Князю Николаю Григорьевичу (1747-1846)

шефъ подка выключенъ изъ службы!

Послѣ представленія государю, я пошелъ къ наслѣднику. Его высочество принялъ меня чрезвычайно милостиво и сказалъ мнѣ: «Я жалѣю о братѣ, что онъ тебя лишился; я знаю, что онъ тебя любитъ», вошелъ во всѣ домашнія обстоятельства и когда я ему объяснилъ, что отъ меня нѣкоторымъ образомъ зависятъ: зять, сестра, племянникъ и племянница, его высочество, подумавъ не много, сказалъ: «такъ надобно стараться, чтобъ ты остался здѣсь.» Походя нѣсколько по комнатѣ, «не теряя времени, продолжалъ онъ, поѣзжай къ Оболянинову онъбылътогда генералъ-провіантмейстеромъ и генералъ-прокуроромъ) скажи ему, что онъ никогда столько ни меня, ни брата одолжить не будетъ въ состояніи, какъ теперь, если ты причисленъ быть можешь къ провіантскому департаменту и назначенъ тѣмъ чиновникомъ, который долженъ быть посланъ на границу, для сведенія счетовъ съ Австрійскимъ правительствомъ, по случаю продовольствія нашихъ войскъ, во время кампаніи. Сіе тѣмъ удобнѣе для тебя, что ты служилъ въ этой кампаніи и можешь объясняться на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.» Я тотчасъ поѣхалъ къ Оболянинову. Онъ пользовался тогда большею довѣренностію императора, и потому у него всѣ комнаты наполнены были гостями. Лишь только онъ меня увидѣлъ, какъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу. Я ему сказалъ, что пріѣхалъ отъ его императорскаго высочества наслѣдника; онъ меня взялъ за руку и отвелъ въ сторону. Я ему объяснилъ все что приказалъ великій князь Александръ Павловичъ ему сказать, и съ своей стороны просилъ его оказать мнѣ сіе благодѣяніе. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что и для меня готовъ все сдѣлать, а исполнить волю государя на-

слѣдника и великаго князя Константина Павловича есть священная для него обязанность, и что онъ, при первомъ удобномъ случаѣ, непременно доложить императору. Къ несчастію моему, построены былъ тогда въ адмиралтействѣ корабль, названный «Благодать»; онъ имѣлъ 120 пушекъ и былъ первый такой величины; корабельный мастеръ видно ошибся въ конструкціи, ибо когда надобно было оный спускать на воду, то корабль съ мѣста не тронулся. Государь былъ такъ этимъ занятъ, что почти цѣлые дни проводилъ въ адмиралтействѣ; наконецъ придумали устроить какія то машины на противулежащемъ берегу и помощію канатовъ на силу стацили его съ мѣста. По сей причинѣ, Оболяниновъ не нашелъ случая обо мнѣ доложить.

Между тѣмъ получено было донесеніе отъ Подольскаго военнаго губернатора графа Гудовича, что Каменецъ-Подольская крѣпость остается безъ коменданта, и меня назначили въ сіе званіе. Маія 5-го 1800-года я чувствовалъ себя уже нездоровымъ, а сіе назначеніе болѣе еще разстроило мое здоровье; собравшись съ силами, однако, я поѣхалъ къ наслѣднику просить его высочество позволить мнѣ нѣсколько дней остаться въ Петербургѣ.

Я признаюсь, что я былъ въ такомъ положеніи, что мнѣ и выѣхать было не съ чѣмъ, ибо нѣсколько денегъ, которыя я имѣлъ, должно было оставить на прожитокъ моимъ домашнимъ. Великій князь Александръ Павловичъ мнѣ сказалъ: «ты знаешь порядокъ, что тотъ, кто назначенъ въ какую нибудь должность, непременно выѣхать обязанъ на другой день, хотя полумертвый; но я прикажу тебя прописать завтра на заставѣ выѣхавшимъ, а ты можешь остаться три дни, но съ тѣмъ, что никому не показывайся, особливо чтобъ Паленъ

русскій архивъ. 18

(графъ Паленъ былъ тогда вторымъ военнымъ Петербургскимъ губернаторомъ) не зналъ, что ты здѣсь.» Я бросился со слезами благодарить его высочество за такую милость, чувствуя, какъ много великій князь себя этимъ подвергалъ. Едва я воротился домой, какъ наслѣдникъ, съ своимъ камердинеромъ, прислалъ мнѣ тысячу рублей на дорогу. Я не нахожу словъ, чтобъ изъяснить то что я испытывалъ при полученіи сего благодаренія, оказаннаго мнѣ въ самую крайнюю, можно сказать, минуту. Я симъ завѣщаю моимъ дѣтямъ чтить память Александра Благословеннаго, не только какъ бывшего ихъ императора, но и какъ высокаго и единственнаго благодѣтеля отца ихъ! Въ теченіи тѣхъ трехъ дней наслѣдникъ присылалъ ко мнѣ адъютанта своего князя П. М. Волконскаго навѣдываться о моемъ здоровьи и предложилъ мнѣ пробыть еще день или два, если бѣ здоровье мое того требовало. Но я, хотя и не совсемъ выздоровѣлъ, выѣхалъ однако въ назначенное время, чтобъ не употребить во зло столь драгоценнаго для меня довѣренности его высочества, подъ именемъ отставнаго полковника Муромцева, ѣдущаго въ деревню, на своихъ лошадяхъ; а такъ какъ была полночь, меня пропустили безъ затрудненія. При выѣздѣ, я чувствовалъ довольно сильныя геморроидальныя припадки, но оныя, видно отъ движенія и отъ начинающихся жаровъ, усилились до самой высшей степени боли; остановиться же мнѣ никакъ было не возможно, ибо пробывъ уже три дня въ Петербургѣ, послѣ рапорта о выѣздѣ моемъ изъ онаго, и еслибъ я еще нѣсколько дней замедлилъ прибыть къ мѣсту моего назначенія, то непременно былъ бы выключенъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своей должности. Я могъ бы взять свидѣтельство о бо-

лѣзни, но пока оно дошло бы по порядку, куда слѣдуетъ, дѣло было бы сдѣлано; тѣмъ болѣе, что я опредѣленъ былъ на мѣсто инженеръ-генераль-майора Глухова, который находился въ экспедиціи, посланной въ Корфу и когда она не состоялась, то Глуховъ назначенъ былъ комендантомъ въ Каменецъ. По представленію военнаго губернатора, что крѣпость остается долгое время безъ коменданта, генераль-майоръ Глуховъ былъ выключенъ изъ службы за долгое неприбытіе къ своему мѣсту, хотя послѣ и объяснилось, что онъ физически не могъ скорѣе пріѣхать изъ такой отдаленности, и Глуховъ былъ принятъ въ службу, но ударъ былъ ужъ нанесенъ.

Военный Подольскій губернаторъ графъ Гудовичъ, братъ перваго любимаго Петра III-го, былъ чрезмѣрно гордый, стариннаго вѣка вельможа, особливо противъ Поляковъ, но ко мнѣ онъ былъ весьма ласковъ. Тогда жилъ въ Подольской губерніи изгнанный и заточенный въ свои деревни, графъ А. И. Морковъ; онъ въ послѣднее время, при императрицѣ Екатеринѣ, особенно когда князю Zubову поручена была дипломатическая часть, игралъ большую роль и былъ въ оной главное лице. Его упрекали въ неблагодарности противъ графа Безбородки, который составилъ его счастье, а Морковъ передался князю Zubову; онъ дорого заплатилъ за это. Поляки старались оказывать ему всевозможное презрѣніе, считая его изъ главныхъ виновниковъ послѣдняго раздѣла Польши. Графъ Гудовичъ, по связямъ своимъ съ графомъ Безбородкою, обходился съ графомъ Марковымъ весьма надменно; во всѣхъ процессахъ его съ Поляками, по имѣнію (ибо въ Польшѣ ихъ великое множество) рѣдко находилъ онъ защиту. Графъ Морковъ часто, по дѣламъ своимъ, пріѣзжалъ въ

Каменецъ и проводилъ все свое время у меня, особливо когда пріѣхали ко мнѣ въ Каменецъ Алексѣй Николаевичъ, сестрица Анна Федотовна и племянница моя Александра Алексѣевна (6).

Я видѣлъ за столомъ однажды у графа Гудовича то что только можно видѣть въ одной Польшѣ: жену, сидящую между двумя мужьями. Это была графиня Потоцкая; по одну сторону у нея сидѣлъ графъ Потоцкій, а по другую графъ Виттъ, прежній ея мужъ, а чтобъ довершить сію картину, напротивъ графини сидѣлъ бискупъ Сѣраковскій, который дѣлалъ ея разводъ и совершалъ второй бракъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, графъ Гудовичъ былъ отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ въ Подольскіе военные губернаторы Андрей Григорьевичъ Розенбергъ, тотъ самый, который служилъ въ Италіанской компани. Мнѣ еще пріятнѣе было служить съ симъ новымъ начальникомъ, который имѣлъ ко мнѣ полную довѣренность.

Графу Моркову вздумалось было женить меня на одной изъ дочерей графа Потоцкаго, бывшей потомъ за графомъ Шоазель и умершей женою А. Н. Бахметева; дѣло кончилось одною только корреспонденціею между графомъ Морковымъ и графинею Потоцкою. Фамиліи, кажется, не хотѣлось, чтобъ дѣвица вышла за мужъ не за католика, — да и я не очень желалъ быть женатымъ на Польшѣ, имѣя предъ глазами множество примѣровъ ихъ непостоянства.

Генералъ Розенбергъ поѣхалъ объѣзжать вѣрныя ему губерніи: Подольскую, Волынскую и Минскую. Около сего времени, великій князь Константинъ Павловичъ посланъ былъ императоромъ Павломъ инспектировать

войска легкой кавалеріи, находившіяся подъ начальствомъ генерала Баура и расположенныя по Австрійской границѣ. Его высочество находился не въ дальнемъ разстояніи отъ Каменца. Ему угодно было посѣтить меня въ новомъ моемъ мѣстопробываніи. Узнавъ, что великій князь уже близко отъ города, я выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ. Онъ обошелся со мною весьма милостиво и изволилъ мнѣ сказать, что онъ нарочно пріѣхалъ въ Каменецъ, чтобъ со мною видѣться. Для его высочества была приготовлена квартира въ домѣ военнаго губернатора и приличный карауль. Великій князь удержалъ меня весь вечеръ у себя. Откланиваясь, я испросилъ у него позволеніе имѣть честь представиться его высочеству, на другой день, всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, находящимся въ Каменцѣ, удостоить своимъ присутствіемъ балъ, который будетъ имѣть честь дать его высочеству дворянство Подольской губерніи, и принялъ приказаніе на счетъ развода. Возвратясь домой, я нашелъ у себя графа Моркова; лишь только онъ меня увидѣлъ: „Спасите меня, любезный генералъ, сказала онъ мнѣ, вы знаете, какъ поступаютъ со мною Поляки и если великій князь обойдется со мною немилостиво и принять изволитъ меня въ числѣ прочихъ, то я пропаду! Злодѣи мои умножатъ еще свои на меня притязанія.“ Я старался, сколько могъ, его успокоить и объѣхалъ все объяснить великому князю. Принцъ Нассау былъ въ отставкѣ и жилъ на второй станціи отъ Каменца, въ имѣніи жены его; я иногда бывалъ у него въ гостяхъ, тотчасъ послалъ ему сказать, что великій князь на другой день желаетъ его видѣть. Я пришелъ къ его высочеству очень рано по утру, началъ изъ далека говорить о графѣ Мор-

(6) Астафьевы, мужъ, жена и дочь.

ковѣ, потомъ объяснилъ положеніе, въ которомъ онъ тогда находился. Въ первую минуту великій князь мнѣ сказалъ: „какъ ты хочешь, чтобъ я его принялъ? — онъ у государя подѣ гнѣвомъ!“ Я осмѣлился просить его высочество, чтобъ онъ уважилъ службу его императрицѣ, а болѣе еще, чтобъ не дать восторжествовать Полякамъ. Наконецъ великій князь согласился и приказалъ мнѣ, прежде общаго представленія, ввести къ нему въ кабинетъ принца Нассау, а потомъ графа Моркова. Я вышелъ отъ великаго князя, чтобъ посмотреть, начали ли собираться въ приемной комнатѣ. Увидя графа Моркова, я подошелъ къ нему и сказалъ въ пол-голоса. „Le grand duc vous verra dans son cabinet“ (Великій князь васъ приметъ въ своемъ кабинетѣ). Онъ схватилъ мою руку и такъ крѣпко ее сжалъ отъ радости, что я едва не закричалъ. Его высочество говорилъ съ графомъ Морковымъ довольно долго, и надобно было видѣть его передъ Поляками, по выходѣ его изъ кабинета великаго князя. Верхъ его счастья было, когда онъ получилъ приглашеніе вмѣстѣ съ принцемъ Нассау къ обѣденному столу его высочества; сверхъ того во время бала, великій князь разговаривалъ съ графомъ Морковымъ. Я долженъ отдать справедливость ему: онъ всегда за оказанную мною сію ему услугу былъ мнѣ признателенъ. Его высочество былъ вообще весьма любезенъ въ Каменцѣ, и всѣ его милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ были довольны; со мною же онъ обходился какъ съ своимъ домашнимъ. На другой день, рано по утру, великій князь изволилъ выѣхать изъ Каменца.

Въ мое время было получено въ Каменцѣ новое постановленіе, чтобъ въ крѣпостяхъ и губернскихъ городахъ были полицеймейстеры; я въ затруд-

неніи находился, кого представить въ сію должность. Однажды является ко мнѣ выключенный изъ службы полковникъ Удомъ (братъ Ивана Ѳедоровича, который былъ женатъ на двоюродной моею племянницѣ Акининой.) Онъ служилъ въ Таврическомъ грендерскомъ полку и въ капитанскомъ чинѣ, въ Варшавскую революцію, получилъ Георгіевскій крестъ. Мнѣ показалось неизлишнимъ объяснить здѣсь все случившееся съ Удомомъ, чтобъ показать, за что самые заслуженные и отличнаго поведенія чиновники подвергались иногда выключкѣ. Во всякомъ армейскомъ полку были двѣ флигельроты, т. е. фланговія грендерскія, которыя, соединясь съ двумя ротами другаго полка, составляли сводный грендерскій баталіонъ, и они дѣйствовали всегда отдѣльно отъ своихъ полковъ. По случаю предполагаемой тогда войны противъ Турокъ, нѣсколько сводныхъ грендерскихъ баталіоновъ, для составленія особыхъ отрядовъ, должны были собраться на границѣ. Полковникъ Удомъ, отъ полка, назначенъ былъ командиромъ флигель-роты. Шефъ Таврическаго грендерскаго полка, генераль-маіоръ Ляпуновъ не отправилъ съ нимъ всего положеннаго по штату обоза. На рапортъ о семъ полковника Удома, шефъ далъ ему предписаніе, чтобъ онъ съ командою своею слѣдовалъ непремѣнно и что вслѣдъ за нимъ выслано будетъ все что должно, чтобъ укомплектировать обозъ по штату; но генераль-маіоръ Ляпуновъ сего не исполнилъ. Полковникъ Удомъ приходитъ съ своими двумя флигель-ротами на сборное мѣсто; отрядный начальникъ дѣлаетъ смотръ, при которомъ полковникъ Удомъ представляетъ ему копию съ его рапорта шефу Таврическаго грендерскаго полка и предписаніе сего послѣдняго, по которому онъ

не смѣлъ не выступить, хотя и не имѣлъ положеннаго по штату обоза. Отрядный начальникъ донесъ, что приведенныя полковникомъ Удомомъ флигель-роты Таврическаго гренадерскаго полка онъ нашелъ во всей исправности, но не имѣютъ при себѣ всего положеннаго по штату обоза. Приказано полковника Удома выключить изъ службы. Вотъ все его преступленіе! Видя несчастное положеніе сего заслуженнаго штабъ-офицера и совершенную его невинность, и желая ему быть полезнымъ, я предложилъ полковнику Удому полицеймейстерскую должность въ Каменцѣ. Онъ принялъ предложеніе мое съ великою признательностію. «Но я выключенный изъ службы! отвѣчалъ онъ, а насъ не велѣно нигуда опредѣлять на службу!» И дѣйствительно сіе повелѣніе на счетъ сихъ несчастныхъ существовало, и сверхъ того имъ запрещенъ былъ въѣздъ въ столицу. Я рѣшился однакоже представить Удома генералу Розенбергу. Онъ ему очень понравился; узнавъ, что я прошу его высокопревосходительство представить Удома въ полицеймейстеры: «помилюте генералъ, сказали мнѣ военный губернаторъ, вы хотите погубить насъ всѣхъ троихъ!» На сіе я ему отвѣчалъ: «я прошу васъ только сдѣлать представленіе объ Удомѣ, а я оно отправлю, при партикулярномъ своемъ письмѣ къ генералъ-прокурору Оболянинову, который, я надѣюсь, мнѣ не откажетъ». Черезъ нѣсколько времени мы получили самый удовлетворительный отзывъ отъ Оболянинова, и Удомъ опредѣленъ былъ въ полицеймейстеры въ Каменецъ. Это самый тотъ, который служить теперь генералъ-лейтенантомъ и тонулъ въ рѣкѣ Рымникѣ съ кн. Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ.

Мы въ Каменцѣ жили довольно ве-

село; у насъ бывали иногда балы. Я могу сказать, что меня Поляки любили, но все я не увѣренъ былъ, чтобъ кто нибудь не сдѣлалъ на меня доноса, и каждую почту ожидалъ я съ нѣкоторымъ страхомъ. Начальникъ мой былъ въ великомъ безпокойствѣ: онъ зналъ, что одинъ Жидъ, за то что открыли у него большую контрабанду на границѣ, въ которой замѣшаны были многіе изъ купцевъ Австрійскихъ и нашихъ, послалъ на него доносъ въ Петербургъ. Я нѣсколько дней не выходилъ изъ дома, отъ сильнаго ревматизма въ правой рукѣ.

Въ теченіе сего времени, въ одно послѣобѣда, приходитъ ко мнѣ полицеймейстеръ Удомъ, съ встревоженнымъ лицомъ, и держитъ въ рукѣ бумагу. Я сидѣлъ съ моими родными; онъ мнѣ дѣлалъ знакъ рукою, чтобъ я къ нему вышелъ; я, видя его въ такомъ положеніи, спрашиваю у него: что сдѣлалось? Онъ мнѣ, прерывающимся голосомъ, отвѣчаетъ: «я, право самъ не знаю», и подаетъ мнѣ бумагу, я ее беру и въ первую минуту не повѣрилъ глазамъ своимъ — то была подорожная присланнаго изъ Кіевского провіантскаго депо куріера въ Каменецъ-Подольское коммисіонерство. Подорожная начиналась: „По указу его императорскаго величества императора Александра Павловича и проч.“ Я прочитавъ нѣсколько разъ, наконецъ вскрикнулъ: „Боже мой, какое счастье!“ Сестрица и всѣ мои родные не могли понять что со мною сдѣлалось, и въ ту самую минуту я пересталъ чувствовать боль отъ ревматизма. Прежде нежели сестрица успѣла на восклицаніе придти, я бросился къ нимъ въ комнату и началъ ихъ всѣхъ обнимать и поздравлять, показывая имъ подорожную. Удомъ за мной идетъ и все мнѣ говорить: «Ваше превосходительство, не

подлогъ ли это—тогда мы все пропадемъ!» Я приказалъ тотчасъ позвать къ себѣ присланнаго, который мнѣ сказалъ, что наканунѣ рано пріѣхалъ курьеръ изъ комиссаріатскаго департамента въ Кіевъ съ объявленіемъ, что императоръ Павелъ скончался и императоръ Александръ воцарился, и что какъ онъ выѣзжалъ, то весь Кіевскій гарнизонъ собирался къ присягѣ. Я поспѣшно одѣлся, взялъ курьера съ собою и пошелъ къ военному губернатору. Онъ тогда отдыхалъ; лишь только я стукнулъ дверью, онъ спросилъ: кто тутъ? и тотчасъ вскочилъ съ кровати. «Что случилось, ваше превосходительство? спросилъ онъ, нѣтъ ли изъ Петербурга курьера?» Видя, что онъ чрезвычайно встревоженъ, я отвѣчалъ ему: «Успокойтесь, ваше высокопревосходительство.» — «Да что у васъ за бумага?» — Я ему говорю: подорожная! и рассказалъ ему все что случилось. Генераль Розенбергъ долго не могъ опомниться, наконецъ сказалъ мнѣ: «Да правда ли?» Тогда я позвалъ курьера, и онъ все подтвердилъ. Радость Андрея Григорьевича была чрезмѣрная, и мы машинально бросились другъ друга обнимать и поздравлять. Тутъ онъ мнѣ признался о томъ безпокойствѣ, въ которомъ находился и что ежеминутно ожидалъ себѣ бѣды. «Что же намъ дѣлать?» спросилъ онъ у меня, «мы еще ничего не имѣемъ офиціальнаго». Гарнизонъ Каменецкій состоялъ изъ двухъ полковъ армейскихъ, изъ нѣсколькихъ пушекъ артиллеріи и инженерной команды; одинъ изъ полковъ помѣщенъ былъ въ казармахъ, а другой расположенъ по окрестнымъ деревнямъ. Я предложилъ генералу Розенбергу послать въ тотъ полкъ, который стоитъ по деревнямъ, чтобъ былъ готовъ къ выступленію въ крѣпость, и что я дамъ знать войскамъ, стоящимъ внутри го-

рода, быть тоже готовыми. На другой день пріѣхалъ къ намъ курьеръ изъ Петербурга съ манифестомъ о возшествіи на престолъ императора Александра I-го, и съ присяжнымъ листомъ. Войска были немедленно собраны, и я съ несказаннымъ восторгомъ приводилъ ихъ къ присягѣ обожаемому мною императору!

Едва сія счастливая новость разнеслась, какъ я получилъ два письма, одно отъ принца Нассау, а другое отъ гр. Моркова; оба они требовали отъ меня подтвержденія сей новости и спрашивали моего совѣта: ѣхать ли имъ въ Петербургъ? Обоихъ я удостовѣрилъ, пославъ къ нимъ копию съ манифеста, и совѣтывалъ тому и другому представиться новому императору, а графа Моркова просилъ доставить отъ меня письмо государю, чрезъ кого онъ почтетъ приличнымъ.

Я получилъ 10-го маія 1801-года, изъ Петербурга, высочайшій приказъ, отданный при паролѣ апрѣля 17, въ которомъ на мѣсто мое назначается генераль майоръ Ганъ, а мнѣ повелѣно состоять по арміи; а отъ 22-го того же мѣсяца предписано отъ великаго князя Константина Павловича, чтобъ я сдалъ крѣпость назначенному на мое мѣсто комендантомъ генераль-майору Гану, а по сдачѣ рапортовать его высочеству и государственной военной коллегіи. Я тогда удостовѣрился, что письмо мое дошло до его величества, въ которомъ я только писалъ, что повергая себя къ стопамъ государя и благодѣтеля, изъявляю неизрѣченную мою радость, что могу наименоваться наивѣрнѣйшимъ изъ его подданныхъ, и чтобъ письмо мое напомнило обо мнѣ императору. Я предложилъ Алексѣю Николаевичу и сестрицѣ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ надѣялся скоро съ ними соединиться. Я прожилъ въ Каменцѣ около трехъ

ведѣлъ въ ожиданіи моего преемника. По приѣздѣ генералъ-маіора Гана, я сдалъ ему крѣпость въ три дни и, распротясь съ моимъ добрымъ начальникомъ Андреемъ Григорьевичемъ Розенбергомъ, полетѣлъ въ Петербургъ, взявъ съ собою просьбу полицеймейстера Удома объ опредѣленіи его въ армію. Удомъ, чрезъ мѣсяць послѣ моего приѣзда въ Петербургъ, опредѣленъ былъ полковникомъ въ тотъ же Таврическій полкъ, изъ котораго онъ былъ выключенъ. Сколько сія перемѣна сдѣлала счастливыхъ подобно Удому!

Я приѣхалъ въ Петербургъ послѣ обѣда. Одѣвшись отправился къ Михайлу Ларионовичу Кутузову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ, на мѣсто графа Палея. Проѣзжая по улицамъ, на лицахъ всѣхъ встрѣчавшихся со мною людей я примѣчалъ изображеніе какого то душевнаго удовольствія. Являсь къ военному губернатору, который принялъ меня очень ласково, я просилъ его высокопревосходительство представить меня императору. Онъ мнѣ на сіе сказалъ: „Я знаю, что государь васъ всегда жаловалъ, и потому я вамъ совѣтую завтра, въ половинѣ перваго часа, поѣхать прямо на Каменный Островъ, вызвать дежурнаго камердинера и приказать доложить о себѣ его величеству: въ это время государь возвращается отъ развода и бываетъ одинъ.“ Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ другаго дня и назначеннаго часа ѣхать на Каменный Островъ. Наконецъ часъ наступилъ, я во дворецѣ, вызываю камердинера, который мнѣ сказалъ: „тотъ часъ доложу“ и черезъ десять минутъ отворяетъ дверь и говоритъ: „пожалуйте къ государю“. Я не въ состояніи описать той минуты, когда я увидѣлъ моимъ императоромъ того, который съ небольшимъ за годъ предъ тѣмъ, какъ наслѣдникъ престо-

ла, оказалъ мнѣ милости и благодѣянія, которымъ нѣтъ примѣра. Я не заплакалъ, а зарыдалъ и только что могъ сказать: „Простите, государь! это слезы радости и неизъяснимой благодарности.“ Императоръ меня обнялъ. Я хотѣлъ поймать его руку, чтобъ поцѣловать ее, но онъ ее отнял, и я поцѣловалъ его въ плечо. Государь мнѣ сказалъ: „Я радъ, что тебя вижу; теперь, я надѣюсь, мы будемъ жить вмѣстѣ“; продолжать изволилъ: „Каково ты жилъ въ Каменцѣ? И ты не въ претензіи, что выѣхалъ оттуда?“ Я отвѣчалъ его величеству: „не въ претензіи, потому что выѣздъ оттуда доставляетъ мнѣ счастье теперь видѣть моего государя.“ — Потомъ императоръ изволилъ спросить у меня: „былъ ли ты у брата?“ Я отвѣчалъ: „Нѣтъ еще, ваше величество“. „Такъ съѣзди же къ нему“, присовокупилъ государь. Я откланялся и поѣхалъ въ большомъ восторгѣ отъ милостиваго приѣма императора. Въ тотъ же день я отправился въ Стрѣльну, гдѣ находился великій князь Константинъ Павловичъ. Его высочество обласкалъ меня какъ нельзя болѣе и сказалъ: „Ну, Комаровской, я надѣюсь опять ко мнѣ“. Я отвѣчалъ, что я почти за великое счастье находиться, по прежнему, при особѣ его высочества. „Такъ я доложу государю, продолжалъ великій князь, теперь Богъ съ тобою!“ Я пошелъ повидаться съ бывшими моими товарищами и нашелъ только одного Озерова; впрочемъ я увидѣлъ множество новыхъ для меня лицъ: Баура, Н. О. Хитрова, который былъ тогда въ большой милости, Витовтова, Олсуфьева и Опочинина, которыхъ я оставилъ офицерами Измайловскаго полка, адъютантами его высочества, и тонъ ихъ вообще мнѣ очень не понравился. Черезъ годъ я нашелся у великаго князя въ кругу совсѣмъ почти незнако-

момъ. Возвратясь домой, я думалъ, какъ бы мнѣ еще встрѣтиться съ государемъ и если возможно избавиться отъ предлагаемаго мнѣ великимъ княземъ. Я узналъ, что императоръ всякій день послѣ развода, въ 12-мъ часу, прогуливается изволить съ Уваровымъ^(*) въ Лѣтнемъ саду. Я туда поѣхалъ и къ счастью моему тотчасъ встрѣтилъ государя. Его величество мнѣ сказалъ: „здравствуй, Комаровской, что тебя давно не видать?“ Я доложилъ государю, что я не смѣю беспокоить его величество. „Вздоръ какой! прѣзжай ко мнѣ, когда хочешь“, присовокупилъ императоръ. Получивъ такое позволеніе, я рѣшился въ тотъ же день поѣхать на Каменный Островъ и тотчасъ былъ принятъ императоромъ. Государь изволилъ у меня спросить: „ты видѣлся съ братомъ, и онъ, я увѣренъ, тебѣ обрадовался?“ Я отвѣчалъ его величеству, что великій князь меня принялъ очень милостиво, и что его высочеству угодно, чтобъ я по прежнему находилъ ся при его особѣ. Сказавъ сіе, я замолчалъ, и послѣднія слова я выговорилъ съ нѣкоторою разстановкою. Государь, взглянувъ на меня пристально, продолжалъ: „А ты что думаешь?“ Я молчалъ. Потомъ изволилъ сказать: „Говори откровенно“. Тогда я объяснилъ государю, что, будучи слишкомъ годъ въ отсутствіи отъ великаго князя, я нашелъ при его особѣ много людей мнѣ вовсе не знакомыхъ, которые вѣроятно уже удостоены довѣренности его высочества, а я, въ моемъ чинѣ, буду только составлять число чиновниковъ, при великомъ князѣ находящихся; что я не желалъ бы вести жизнь праздную и что тѣ занятія, которыя я имѣлъ при его высочествѣ, конечно возложены на дру-

гія лица. Императоръ слушалъ меня съ примѣтнымъ вниманіемъ. Помолчавъ немного, государь сказалъ: „Развѣ ты хочешь быть моимъ генераль-адъютантомъ?“ Я не опомнися отъ радости и отвѣчалъ: „Это было бы верхъ моего счастья!“ и бросился благодарить государя. Его высочество меня обнялъ и изволилъ сказать: „Ну теперь никому ни слова. Мнѣ надобно уладить это съ братомъ,“ и отпустилъ меня.

Хотя назначеніе мое казалось вѣрнымъ; но я опасался, чтобъ великій князь сему не воспрепятствовалъ. Чрезъ нѣсколько дней я читаю однажды въ высочайшемъ приказѣ, отъ 1-го іюля 1801-го года: „состоящій по арміи генераль-маіоръ Комаровской назначается генераль-адъютантомъ къ его императорскому величеству.“ Всякій можетъ вообразить себѣ, что я почувствовалъ при прочтеніи этого приказа! Сіе назначеніе тѣмъ для меня было лестнѣе, что я первый удостоился получить сіе званіе при императорѣ Александрѣ 1-мъ. Послѣ императора Павла остались генераль-адъютанты: Уваровъ, графъ Ливенъ, князь Долгорукій (сіи два послѣдніе имѣли военный портфель) и князь Гагаринъ, который находился министромъ во Флоренціи. Я узналъ потомъ, что въ первое свиданіе императора съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, государь, между прочимъ, спросилъ у великаго князя: „у тебя былъ Комаровской?“— „Былъ, государь!“ отвѣчалъ великій князь. „Я надѣюсь, что ваше величество пожелаете его мнѣ по прежнему?“ продолжалъ его высочество. Государь изволилъ сказать: „охотно, но у меня только одинъ генераль-адъютантъ Уваровъ; Ливенъ и Долгорукій имѣютъ свою часть; мнѣ не хотѣлось бы взять, кого я не знаю; при тебѣ же будутъ два: Хитровъ и Комаровской, они оба

(*) Федоровъ Петровичемъ, о которомъ см. выше, стр. 542.

миѣ извѣстны, уступи миѣ одного изъ нихъ". Императоръ уже зналъ, что отъ меня великій князь уже отвыкъ, а Хитрова ояъ очень любить. Его высочество, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ: „Если вашему величеству уже непременно угодно имѣть одного изъ двухъ, то извольте взять Комаровскаго, а Хитрову позвольте носить конно-гвардейскій мундиръ.“ Государь изволилъ сказать. „Очень радъ“. Возвратясь въ Стрѣльну, великій князь обнимаетъ Хитрова и поздравляетъ. Наконецъ объясняется, что ояъ выпросилъ Николаю Федоровичу позволеніе носить конно-гвардейскій мундиръ и что меня уступилъ государю. Хитровъ миѣ никогда не могъ простить, что не ояъ сдѣлать былъ генераль-адъютантомъ, а я: ояъ считалъ, что при семъ случаѣ мною употреблена была какая нибудь интрига ибо и его императоръ очень жаловалъ. Вѣроятно Хитровъ былъ причиною, что съ тѣхъ поръ великій князь ко миѣ перемѣнился до того, что приказалъ своей конторѣ не производить миѣ тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которые пожалованы въ пенсіонъ миѣ были по смерти.

Я всякій день, послѣ обѣда, былъ водворцѣ на Каменномъ Островѣ. Обѣдовъ тогда съ гостями у государя не было. Уваровъ выѣзжалъ съ императоромъ по утру верхомъ или гулялъ пѣшкомъ съ его величествомъ въ Лѣтнемъ саду, а я сопровождалъ государя послѣ вечернихъ его величества занятій, въ кабриолетѣ паркою, которою государь самъ правилъ.

Въ одно время были съ докладомъ у императора вмѣстѣ: Беклешовъ и Троциевскій. Первый былъ генераль-прокуроромъ, на мѣсто Обольянинова. второй первымъ статсъ-секретаремъ. Я видѣлъ, что они вышли изъ государева кабинета оба чрезвычайно раскрас-

нѣвшись, какъ будто послѣ жаркаго прѣнія или спора и, казалось, въ великомъ негодованіи другъ на друга. Лишь только я сѣлъ подлѣ государя въ кабриолетѣ, его величество изволилъ у меня спросить: „ты видѣлъ, каковы были лица на Беклешовѣ и Троциевскомъ, когда они вышли отъ меня?“ Я отвѣчалъ: „видѣлъ, государь“— „Не правда ли, что они похожи были на вареныхъ раковъ?“ продолжалъ императоръ. „Они, безъ сомнѣнія, по опытности своей въ дѣлахъ, знаютъ всехъ прочихъ государственныхъ чиновниковъ, но между ними есть зависть. Я примѣтилъ это, потому что, когда одинъ изъ нихъ объясняетъ какое либо дѣло, кажется нельзя лучше; лишь только оно коснется для приведенія въ исполненіе до другаго, тотъ совершенно опровергаетъ миѣніе первого, тоже, кажется, на самыхъ ясныхъ доказательствахъ. По неопытности моей въ дѣлахъ, я находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, кому изъ нихъ отдать справедливость; я приказалъ, чтобъ по генераль-прокурорскимъ дѣламъ они приходили съ докладомъ ко миѣ оба вмѣстѣ и позволяю имъ спорить при себѣ, сколько угодно, а изъ сего извлекаю для себя пользу“. Я нашелъ, что государь очень благоразумно дѣлаетъ, ибо это былъ одинъ способъ его величеству ознакомиться скорѣе съ дѣлами.

Мое положеніе становилось болѣе и болѣе для меня пріятнымъ, особливо, когда миѣ извѣстны сдѣлались все происшествія, которыя сопровождали возшествіе на престолъ императора Александра, отчасти разсказанныя миѣ самимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Императоръ Павелъ, за нѣсколько недѣль до сего происшествія, повелѣлъ Обольянинову, бывшему тогда генераль-прокуроромъ,

привести обоихъ великихъ князей къ присягѣ. (Провидѣніе очевидно спасло меня тѣмъ, что я удаленъ былъ въ Каменецъ.... Я не перестаю возсылать благодаренія ко Всевышнему Создателю что сохранилъ мою совѣсть чистою отъ всякаго упрека!)

По возшествіи императора Александра на престолъ, графу Н. П. Румянцеву немедленно позволено было возвратиться въ Россію, и онъ, по приѣздѣ своемъ, назначенъ былъ министромъ коммерціи. Я думаю, это нѣсколько способствовало къ назначенію меня въ генераль-адъютанты, ибо государь былъ къ нему очень милостивъ, и я графу сообщилъ мои мысли, что мнѣ очень было бы непріятно находиться между тѣми, которые окружали великаго князя, по возвращеніи моемъ изъ Каменца. Я бывалъ у графа Н. П. очень часто, и онъ обращался со мною какъ съ близкимъ своимъ родственникомъ.

Я долженъ здѣсь сказать къ славіи императора Александра, чѣмъ началъ его величество свое царствованіе: государь повелѣлъ учредить комиссію, которая должна была разсмотрѣть всѣ дѣла и поступки, по коимъ сослано было множество. Невинные были возвращены; нѣкоторые получили прежнія свои должности; другіе вознаграждены были единовременно выданными пособіями, или по смерти пенсіонами....

День коронаціи назначенъ былъ 15-го сентября. Насъ поѣхало четверомѣстъ на коронацію: я, какъ старшій генераль-адъютантъ, генераль-маіоръ Репнинскій, князь Петръ Михайловичъ Волконскій (бывшій тогда флигель-адъютантомъ и полковникомъ) и капитанъ 2-го ранга Клокачевъ: онъ былъ тогда начальникомъ императорской флотилии. Вояжъ нашъ былъ преселый: насъ чрезвычайно

забавлялъ Клокачевъ, который никогда почти не ѣздилъ по твердой землѣ, а все плавалъ по морямъ, и онъ испытывалъ отъ движенія экипажа по землѣ ту же болѣзнь, которую имѣютъ на морѣ, и мы прозвали Клокачева страдальцемъ отъ земляной болѣзни. Онъ всѣ вещи называлъ морскими именами; напримѣръ, ему нужна была веревка, онъ говорилъ: подайте мнѣ шкотъ. Я имѣлъ случай рассказать это государю, и его величество очень смѣялся.

День торжественнаго вѣзда императора Александра въ Москву былъ какъ праздникъ отличается отъ будней, такъ онъ не походилъ на бывшій четыре года и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ! Тогда всѣ чиновники, военные и статскіе, въ карикатурныхъ мундирахъ, ѣхали по два въ рядъ, младшіе впереди, что составляло претлинную линію, въ видѣ протянутой веревки, императоръ Павелъ ѣхалъ одинъ, а нѣсколько позади два великіе князя. Теперь же молодой императоръ, въ красѣ лѣтъ, богоподобной наружности, ѣхалъ окруженный многочисленною и блестящею свитою; все было величественно, а не карикатурно. Передъ императоромъ ѣхало одно только Московское дворянство, по два въ рядъ, на отличнѣйшихъ лошадяхъ, на коихъ были богатѣйшіе уборы; послѣ церемоніи всѣ эти лошади подведены были государю. Стеченіе народа было неимовѣрное; радостные клики сопровождали императора отъ самаго Петровскаго дворца до Кремлевскаго. Дома были украшены разноцвѣтными дорогими тканями; дамы во всѣхъ окошкахъ привѣтствовали вождедѣннаго гостя, махая бѣлыми платками своими, развѣвающимися по воздуху; погода была прекрасная, какъ посреди лѣта. Я въ жизни моей не выды-

валъ ни торжественнѣе, ни восхитительнѣе сего достопамятнаго дня! ...

Священный обрядъ коронаціи происходилъ, какъ обыкновенно, въ Успенскомъ Соборѣ. Зрѣлище было восхитительное и трогательное, когда императоръ возлагалъ корону на августѣйшую свою супругу, и видѣть потомъ молодую императорскую чету, плѣнительной красоты и въ царскихъ облаченіяхъ, шествующую при пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и восклицаніяхъ многочисленнаго народа, подъ золото-глазетовыми балдахинами, вокругъ древняго Кремля. По сему случаю праздники были превеликолѣпныя, особливо у графа Шереметева, въ Останкинѣ, гдѣ даны были: спектакль, балъ, фейверкъ и ужинъ; вся дорога отъ Москвы до Останкина на разстояніи шести верстъ была иллюминирована.

Его величество, всякій день, послѣ развода, изволилъ прогуливаться верхомъ, по Московскимъ улицамъ, въ сопровожденіи бывшего тогда въ Москвѣ главнокомандующимъ графа Салтыкова и генераль-адъютанта. Однажды я имѣлъ счастье сопровождать императора; множество народа окружало государя и безпрестанно кричали: ура! Одинъ мужикъ долго шелъ подлѣ стремени императора, все любуясь на него, вдругъ обтеръ пылъ съ сапога его величества, перекрестился и поцѣловалъ его въ ногу; это было какъ сигналомъ для толпы, которая, такимъ же образомъ, начала цѣловать съ обѣихъ сторонъ ноги императора ...

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ (10) случилось происшествіе, которое сдѣлало тогда много шуму Въ Семенов-

(10) Передъ тѣмъ гр. Е. О. Комаровскій рассказываетъ о женитьбѣ своей на Елизаветѣ Егоровнѣ Цуриковой, въ Москвѣ, 8 января 1802 года.

скомъ полку служилъ поручикомъ Шубинъ. Онъ очень друженъ былъ съ К. М. Полторацкимъ, бывшимъ тогда полковымъ адъютантомъ Семеновскаго полка. Шубинъ однажды открылся ему, что какой то Григорій Ивановъ, находившійся прежде при дворѣ великаго князя Константина Павловича, предлагаетъ ему пойти въ заговоръ противъ императора Александра, что Шубинъ никакъ на сіе не соглашается, а открывается Полторацкому съ тѣмъ, что нельзя ли Григорья Иванова схватить, ибо у нихъ свиданія бывають въ Лѣтнемъ саду, когда смеркнется. Полторацкій на сіе согласился и въ назначенный день и часъ поѣхалъ съ Шубинымъ въ Лѣтній садъ. Идя вмѣстѣ по большой аллеи, Шубинъ сказалъ: «слышишь, кто то идетъ. Это вѣрно онъ! ты постой, а я пойду къ нему на встрѣчу!» Полторацкій послѣ показалъ, что онъ точно слышалъ будто шаги и видѣлъ даже, что кто-то мелькнулъ между деревьями; сіе вѣроятно ему просто показалось. Черезъ пять минутъ Полторацкій слышитъ пистолетный выстрѣлъ, бѣжитъ на оный и видитъ друга своего Шубина лежащаго на земли, который говоритъ: «Ахъ! злодѣй меня застрѣлилъ!» Полторацкій не зналъ, что съ нимъ дѣлать, поднимаетъ его и примѣчаетъ, что у него идетъ кровь изъ лѣвой руки; къ счастью, увидя огонь въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго замка, Полторацкій ведетъ Шубина туда; этотъ огонь былъ въ комнатахъ, занимаемыхъ бывшимъ кастеляномъ того замка. Полторацкій разсматриваетъ рану своего друга и видитъ, что она не смертельна, а только прострѣлена рука выше локтя. Послали за лѣкаремъ, а Полторацкій поѣхалъ тотчасъ на Каменный Островъ, чтобъ немедленно довести до свѣдѣнія императора такое важное происшествіе. На Каменномъ Ос-

тровъ все спало; Полторацкій идетъ въ комнаты, гдѣ жилъ оберъ-гофмаршалъ Никол. Александровичъ Толстой, приказываетъ его разбудить и рассказываетъ ему о случившемся въ Лѣтнемъ саду. Графъ Толстой рѣшается идти къ государю и сообщаетъ его величеству о слышанномъ отъ Полторацкаго. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ тогда М. Л. Кутузовъ За нѣсколько дней предъ симъ случились еще два происшествія въ столицѣ. Одна карета, ѣхавшая съ Васильевского Острова, смяла одного Англичанина У Михайловскаго замка, послѣ постройки онаго, оставались шалаши, въ которыхъ жили рабочіе люди; братъ кавалера великихъ кн. Николая и Михаила Павловичей Ушакова, возвращаясь ночью домой въ Михайловскій замокъ, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, выскочившими изъ тѣхъ шалашей людьми былъ ограбленъ и жестоко избитъ. Государь дѣйствіями Петербургской полиціи былъ уже весьма не доволенъ, ибо и то и другое изъ сихъ происшествій остались не раскрытыми; происшествіе же, случившееся въ Лѣтнемъ саду, довершило прогнѣвать государя на полицію. Михаилъ Ларіоновичъ казался больнымъ. На другой день послѣ Шубинской исторіи назначена была комиссія изъ генераль-адъютантовъ Уварова, князя Волконскаго и сенатора Макарова, чтобъ произвести строгое по сему дѣлу розысканіе. Случившійся тогда въ Петербургѣ фельдмаршалъ графъ Каменской названъ былъ главнокомандующимъ въ столицѣ, а я назначенъ къ нему въ помощники и начальникомъ Петербургской полиціи. Фельдмаршалъ и я случились тогда во дворцѣ, когда государю угодно было позвать графа Каменскаго и меня въ свой кабинетъ и объявить намъ сію высочайшую свою волю. Вы-

шедши изъ государева кабинета, я предложилъ фельдмаршалу навѣстить М. Л. Кутузова. Графъ Каменской на сіе согласился. Мы нашли Кутузова очень разстроеннымъ, особливо Шубинскою исторією. Говоря о ней, я сказалъ: *Il me semble que ce prétendu Григорій Ивановъ n'est qu'un fantôme* (мнѣ кажется, что Григорій Ивановъ ничто иное какъ призракъ). Михаилъ Ларіоновичъ съ восклицаніемъ отвѣчалъ: *«Vous avez raison, mon général, ce n'est qu'un fantôme.»* (Я съ вами согласенъ, ваше превосходительство, это лишь призракъ.) На другой день пріѣхалъ ко мнѣ оберъ-полицеймейстеръ Овсовъ съ полицеймейстерами Зайцовыми и Еврейновымъ и со всѣми частными приставами. Изъ поданныхъ мнѣ рапортовъ я усмотрѣлъ, что при многихъ буткахъ не было вовсе буточниковъ. Это меня крайне удивило; я, спросивъ о причинѣ, сказалъ: «мудрено ли, что по улицамъ дѣлаются грабежи и драки, когда не кому ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся!» Частные пристава мнѣ отвѣчали, что въ буточки посылаютъ обыватели людей своихъ, кого хотятъ; а тѣмъ, которые не пожелаютъ человѣка прислать натурою, дозволяется взнестъ девять рублей въ мѣсяцъ деньгами, и что на сію сумму никакой нѣтъ возможности нанять человѣка, который согласился бы безсмѣнно стоять на часахъ, а особливо зимою на морозѣ (тогда въ будкахъ не было печей). Между частными приставами я замѣтилъ одного, который мнѣ показался расторопнѣе другихъ, фамилія его была Гейде. Я приказалъ ему явиться къ себѣ послѣ обѣда⁽¹⁾. Я спросилъ у него, знаетъ

(1) Обо всѣхъ этихъ полицейскихъ чиновникахъ см. въ Русскомъ Архивѣ 1863 г. (изд. 2 е стр. 705 и др.). Зависки В. В. Пассека.

ли онъ о двухъ происшествіяхъ, случившихся нѣсколько дней тому назадъ съ Англичаниномъ и съ ограбленнымъ г-мъ Ушаковымъ? Гейде мнѣ отвѣчалъ, что онъ о томъ слышалъ. Я ему приказалъ непременно найти, кому принадлежала карета, ѣхавшая съ Васильевскаго Острова и отыскать тѣхъ людей, которые ограбили Ушакова, и что его ожидаетъ награда, если онъ все это раскроетъ. Гейде испросилъ у меня позволеніе дѣйствовать въ партикулярномъ платьѣ, что я ему позволилъ. Черезъ нѣсколько дней найдено было, кому принадлежала карета и кто въ ней ѣхалъ; лошади были ямскія. Ограбившіе Ушакова были бѣглые солдаты, которые также отысканы. Гейде за сіе произведенъ былъ въ слѣдующій чинъ.

Я занимался раскрытіемъ и Шубинской исторіи. Полиція открыла, что на третій день послѣ выстрѣла, истопникъ Михайловскаго замка, ловя рыбу въ поперечной канавѣ, которая идетъ изъ Фонтанки въ Екатерининскій каналъ, вытащилъ пистолетъ, который тотчасъ былъ ко мнѣ представленъ. Я увидѣлъ, что онъ долженъ быть изъ воснаго сѣдла. Призвавъ къ себѣ Шубинскаго камердинера, я спросилъ у него, нѣтъ ли у господина его форменнаго сѣдла? «Есть, отвѣчалъ онъ мнѣ, баринъ мой нѣсколько времени исправлялъ въ полку адъютантскую должность». Я приказалъ принести пистолеты, а камердинеръ принесъ мнѣ только одинъ, который совершенно былъ пара найденному. Между тѣмъ я узналъ, что къ Шубину допускается Полторацкій; я сообщилъ комиссіи, что мнѣ кажется не должно позволять имъ имѣть свиданья, ибо они могутъ сговориться, и тогда нельзя будетъ дойти до истины. Комиссія уважила сіе обстоятельство, и къ Пол-

торацкому приставленъ былъ полицейскій офицеръ. Шубинъ представилъ примѣты Григорія Иванова. Тотчасъ по всѣмъ трактамъ посланы были фельдъегеря его отыскивать. (Примѣты эти чрезвычайно были похожи на П. В. Кутузова, которому показалось это очень обидно) Узнавъ, что у Шубина, не за долго предъ тѣмъ, бѣжалъ одинъ изъ его лакеевъ, я послалъ за его камердинеромъ, который мнѣ сіе подтвердилъ. Я спросилъ у него, не подавалъ ли баринъ его о томъ объявленіе въ часть и въ которую? Камердинеръ отвѣчалъ, что онъ самъ носилъ объявленіе въ 3-ю Адмиралтейскую часть. Я приказалъ оное принести къ себѣ; открылось, что въ немъ написаны примѣты тѣ же самыя, какіе имѣлъ мнимый Григорій Ивановъ. Я отправилъ въ комиссію и найденный пистолетъ и копию съ объявленія о бѣжавшемъ лакеѣ. Сии двѣ улики не мало способствовали къ доведенію Шубина до признанія, что вся эта исторія была имъ выдумана; что Григорія Иванова никогда не существовало, что онъ выстрѣлилъ въ свою руку самъ и бросилъ пистолетъ въ канаву; что, надѣлавъ много долговъ, которые отецъ его отказался за него платить, онъ рѣшился все это сдѣлать, надѣясь, что государь его наградитъ. Шубина лишили чиновъ и сослали въ Сибирь; Полторацкому, какъ говорится, вымыли голову за его легковѣріе⁽¹²⁾.

Государь скоро примѣтилъ, что графъ Каменской былъ слишкомъ торопливъ,

(12) Этотъ Шубинъ, Алексѣй Петровичъ, былъ однимъ изъ потомковъ того Шубина, который пользовался расположеніемъ императрицы Елизаветы Петровны. Императоръ Александръ даровалъ ему помилованіе съ 1815 году, во время извѣстнаго смотра войскъ при Вертю, и онъ былъ возвращенъ изъ Иркутска (Слышано отъ одного изъ родственниковъ Шубина). П. Б.

чрезмѣрно вспылчивъ и переимчивъ иногда даже приказанія, его величествомъ ему даваемыя. Въ отвращеніе сего послѣдняго, государь повелѣлъ мнѣ всякіе послѣ обѣда пріѣзжать къ нему за полученіемъ приказаній, а отъ фельдмаршала по утрамъ принимать позволилъ только рапортъ, а когда онъ о чемъ докладывалъ, то его величество ему отвѣчалъ: «Я послѣ вамъ дамъ знать что сдѣлать должно.» Мое положеніе было самое затруднительное: иногда фельдмаршалъ вздумаетъ самъ собою сдѣлать какое нибудь распоряженіе, а я знаю, что не угодно будетъ государю, или я уже получилъ совсѣмъ противное тому повелѣніе; то я долженъ былъ ему представлять, какъ будто отъ самаго себя, что не лучше ли будетъ сдѣлать иначе; ибо государю не угодно было, по сродной его величеству деликатности, огорчить фельдмаршала тѣмъ, что будто онъ не имѣетъ къ нему полной довѣренности. Я, пользуясь позволеніемъ всякій день послѣ обѣда пріѣзжать къ его величеству, представилъ государю однажды записку о положеніи, въ которомъ находилась тогда полиція и что кромѣ того что буточниковъ при всѣхъ будняхъ не находится, но что когда бываетъ пожаръ, то буточники ходятъ по улицамъ, вертятъ трещотками и сзываютъ съ обывательскихъ дворовъ людей, назначенныхъ хозяевами для сей повинности, что весьма не удобно; сверхъ того драгунская полицейская команда раздѣлена по частямъ, и что у старательнаго только частнаго пристава она находится въ порядкѣ. Его величество, прочитавъ мою записку, удивился и сказалъ изволилъ: «Какъ! здѣшняя полиція находится въ такомъ положеніи, и мнѣ никто объ этомъ по сіе время не говоритъ!» Поблагодаривъ меня за мою до-

гадку, приказать мнѣ изволилъ представить ему мысли мои на счетъ улучшения полиціи.

Проектъ мой состоялъ въ томъ, чтобъ хозяева домовъ не посылали людей натурою въ полицейскія должности, а платили бы по 9 рублей въ мѣсяцъ за каждого, на что, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, хозяева домовъ всѣ были согласны. Въ буточники и пожарные служители опредѣлять изъ армейскихъ полковъ менѣе способныхъ къ фронтальной службѣ, которые поступали въ гарнизонные полки, гдѣ не отправляли никакой службы. Присовокупивъ собираемую съ хозяевъ домовъ сумму къ положенному по штату жалованію и провіанту, можно улучшить состояніе каждого полицейскаго служителя. Драгунскія полицейскія команды, для единообразія, должны соединены быть въ одну команду, и поручить ея исправному штабъ-офицеру. Государь во всѣхъ частяхъ изволилъ утвердить мой проектъ и приказалъ тотчасъ учредить изъ полицейскихъ драгунъ одну команду, начальникомъ которой я назначилъ подполковника Гейде. Теперь всѣ буточники и служители въ пожарныхъ командахъ комплектуются, по тогдашнему моему проекту, изъ внутренней стражи, не только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но и во всѣхъ губернскихъ городахъ.

Скоро потомъ назначены были маневры всѣмъ гвардейскимъ войскамъ, при Красномъ Селѣ, а равно и армейскимъ полкамъ, въ окрестностяхъ Петербурга расположеннымъ. Всѣ войска поручены были начальству фельдмаршала графа Каменскаго. Государю угодно было видѣть искусство въ военномъ ремеслѣ сего состарѣвшагося въ ономъ генерала, но, кажется, онъ не

вполнѣ оправдалъ ожиданія его величества.

На время отсутствія графа Каменскаго изъ столицы, я остался единственнымъ оной начальникомъ. Я долженъ признаться, что настоящая моя должность часу отъ часу была для меня тягостнѣе: дурное устройство полиціи, о которомъ я выше упоминалъ, безтолковость моего ближайшаго начальника, противъ которой я долженъ былъ почти безпрестанно дѣйствовать, вовлекали меня въ большія непріятности, а сверхъ того и безпрестанныя хлопоты, сопряженныя съ исправляемою мною должностію, изнуряли мои силы.

По возвращеніи императора изъ Краснаго Села, хотя его величество и изволилъ изъяснить мнѣ свое удовольствіе за управленіе мною столицею, но я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ просить государя уволить меня отъ возложенной на меня обязанности. Однажды я былъ приглашенъ на обѣдъ къ императору. Во время стола, государь публично отзываясь изволилъ, что онъ моею службою очень доволенъ и, глядя на меня, сказалъ: «но ты, братъ, не потолстѣлъ: видно, полицейскіе хлѣбы тебѣ не въ прокъ!» Я только что поклонился, не отвѣчая ничего. Послѣ обѣда я долженъ былъ принять, по обыкновенію, приказанія отъ государя. Получивъ оныя, я осмѣлился представить его величеству, что физическія мои силы отказываются продолжать служеніе въ настоящей моей должности и что я прошу одной милости — меня отъ оной уволить. Государь, помолчавъ немного, сказалъ мнѣ изволилъ: «на кого же ты меня оставляешь? Ты знаешь, каковъ фельдмаршалъ». Я продолжалъ: здѣшняя полиція въ самомъ дурномъ положеніи, какъ вашему величеству извѣстно; я

со всѣмъ моимъ желаніемъ и усердіемъ не въ состояннн ея исправить, ибо не имѣю ни малѣйшей опытности, ни познаній по полицейской части; одинъ, по моему мнѣнію, генераль-маіоръ Эртель, бывшій оберъ-полицеймейстеромъ почти во все время царствованія покойнаго государя, въ Москвѣ, можетъ привести здѣшнюю полицію въ порядокъ.—«Да ты знаешь-ли, возразилъ государь, каковы были поступки Эртеля въ Москвѣ? Я долженъ былъ перваго его удалить отъ должности и дать ему полкъ!» Я на сіе отвѣчалъ: «вашему величеству докладывалъ графъ Салтыковъ, что Эртель дѣйствовалъ самовластно; можетъ быть, онъ имѣлъ на то высочайшее повелѣніе, но здѣсь, и въ присутствіи вашего величества, онъ конечно не осмѣлится выдти изъ границъ своей должности; впрочемъ я могу засвидѣтельствовать предъ вашимъ величествомъ что Московскіе жители вообще были Эртелемъ очень довольны.» Государь, подумавъ не много, изволилъ сказать: «Хорошо, я согласенъ, но съ тѣмъ, что ты останешься теперь начальникомъ полиціи». Я осмѣлился возразить: «отъ сего потерпѣть служба вашего величества, ибо генераль-маіоръ Эртель, будучи гораздо старѣе меня въ чинѣ, не охотно мнѣ будетъ повиноваться». Императоръ изволилъ отвѣчать: «Но ты мой генераль-адъютантъ!»—«Все равно, государь, продолжалъ я, старшему быть въ командѣ у младшаго очень обидно». Наконецъ его величество согласился и приказалъ мнѣ послать фельдгегеря за Эртелемъ, который былъ тогда шефомъ Бутырскаго пѣхотнаго полка. Я несказанно былъ радъ пріѣзду Эртеля, который тотчасъ назначенъ былъ Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а Овсовъ получилъ другую должность.

Когда генералъ-маіоръ Эртель принялъ должность Петербургскаго оберъ-полицеймейстера, государь, въ высочайшемъ приказѣ, изволилъ объявить мнѣ свое удовольствіе за хорошее мною исправленіе порученной мнѣ должности и въ знакъ всемилостивѣйшаго благоволенія пожаловалъ мнѣ перстень съ брилліантами и съ вензелевымъ его величества именемъ.

Я долженъ сказать, что во все время нахождения моего подъ начальствомъ графа Каменскаго, онъ обращался со мною, не взирая на его крутой нравъ, весьма снисходительно. Фельдмаршалъ такъ, можно сказать, надѣлъ императору, что его величество мнѣ однажды сказалъ изволилъ: «Не хочетъ ли графъ Каменской проситься прочь? Еслибъ сіе случилось, я поставилъ бы свѣчу Казанской Божіей Матери!» Съ одной стороны государь не хотѣлъ огорчить фельдмаршала увольненіемъ его отъ должности, а съ другой графъ Каменской привыкъ служить тамъ, куда государи его опредѣляли, хотя фельдмаршалъ мнѣ также говорилъ: «Я пріѣхалъ сюда огурчикомъ, а теперь сталъ похожъ на явлюю рѣпу.»

(Продолженіе будетъ.)

ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ

генерала - фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго.

СОЧИНЕНІЕ ГРАФА А. Н. САМОЙЛОВА.

Сочиненіе это писано роднымъ племянникомъ кн. Потемкина, извѣстнымъ генералъ-прокуроромъ (въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія) Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ. Подлинная рукопись не его руки, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть дополненія и поправки, сдѣланныя гр. Самойловымъ собственноручно

(они напечатаны у насъ вурзивомъ), а въ одномъ мѣстѣ онъ самъ называетъ себя „сочинителемъ исторіи сей.“ Нечего, кажется, прибавлять, какъ важны для историка показанія лица, столь близкаго къ кн. Потемкину и занимавшаго столь важное служебное мѣсто. Рукопись обязательно сообщена вышъ роднымъ внукомъ гр. Самойлову, гр. Александромъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ. Изъ примѣчанія 3-го видно, что сочиненіе это писано послѣ 1812 года; гр. Самойловъ жилъ тогда въ нѣмнѣ своемъ Кіевской губерніи, гдѣ и скончался 1 ноября 1814 года. Особой біографіи его мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, кромѣ краткаго очерка въ книгѣ П. И. Иванова: „Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи“ Сиб. 1863, стр. 57-64; тамъ находится и портретъ его. Съ 1776 г. онъ былъ правителемъ дѣлъ тогдашняго государственнаго совѣта. При взятіи Очакова (6 дек. 1788), онъ первый взомелъ въ него, и получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени; онъ бралъ Измаилъ, заключалъ миръ съ Турціею, за что ему данъ орденъ св. Андрея Червознавца; въ сентябрѣ 1792 г. назначенъ, по завѣту кн. Потемкина, генералъ-прокуроромъ и занималъ эту должность до 4 дек. 1796 г. (См. Записки Храповицкаго стр. 147, 260, 265 и 275) П. Б.

ГЛАВА I-я

Вступленіе.

Исполненный благоговѣніемъ къ памяти покойнаго фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, которому были обязаны многими оказанными мнѣ благодѣяніями, какъ то одобреніемъ службы моей, возвышеніемъ моимъ, а наконецъ пріобрѣтеніемъ въ послѣдствіи отъ государыни премудрой, проницательной и благосердой, той довѣренности, коей имѣлъ счастье удостоиться: не могу читать безъ душевнаго негодованія напечатанныхъ въ разныхъ книгахъ недостойныхъ лжей, злословія и клеветъ на цѣль его вымышленныхъ,

и вмѣсто признательности за заслуги отечеству, за добро содѣянное, за благотворенія явленныя всѣмъ вообще и каждому имѣвшему въ защитѣ и покровительствѣ его нужду, съ прискорбіемъ вижу въ разныхъ изданіяхъ, что сколько злоба, зависть и невѣжество могли въ хулу ему излить яда, ничего не было оставлено. Однакожь, вопреки неблагонамѣреннымъ тѣмъ порицателямъ, отдавая справедливость памяти великихъ людей, совершившихъ со славою поприще служенія престолу и отечеству, каждый здравомыслящій Россіянинъ, всякой прямой сынъ отечества, не отвергнетъ сего, что князь Потемкинъ Таврическій принадлежитъ къ сословію тѣхъ великихъ мужей, коихъ возвышенный духъ проложилъ имъ путь къ безсмертію, что имя его останется въ потомствахъ незабвеннымъ и что дѣянія его навсегда пребудутъ извѣстны, не по преданіямъ, но по памятникамъ заслугъ его и подвиговъ.

Къ утвержденію сей истины довольно сказать, что онъ, бывъ избранъ императрицею великою, которой немерцающая слава во вѣки вѣковъ громкою останется, приобрѣлъ отъ мудрой законодательницы сей полную довѣренность, парилъ какъ нѣкій творческій геній ко исполненію ея намѣреній, достигъ совершенія оныхъ путями новыми и необыкновенными, успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ, не останавливаясь на малостяхъ; но, страстно любя все великое, возвышенное, огромное, истинно и обще полезное, умѣлъ всѣ препятствія преодолѣвать съ легкостью, и явилъ отечеству заслуги великаго вождя, мудраго градоправителя, проницательнаго и дальновиднаго политика и приверженнаго къ престолу вѣрноподданнаго.

Съ самаго возвышенія своего по кончину, въ продолженіе 18-ти лѣтъ, онъ былъ ближайшій при своей монархинѣ, и имѣя полную довѣренность ея, приобрѣтенною поверхностью надъ всѣми частями государственнаго управленія, не омрачилъ жизни своей ни любостыжаніемъ, ни ненавистію, ни губительствомъ завистниковъ своихъ, ни мщеніемъ тѣхъ, кои ему вредить старались; но, воспаряя къ славѣ по стезѣ, указанной ему отъ премудрой государыни, бывъ выше всѣхъ другихъ страстей, оправдалъ выборъ ея въ полную мѣрѣ.

Многіе завистники и пристрастные толкователи относятъ всѣ успѣхи дѣяній сего великаго мужа къ счастью его⁽¹⁾ и могуществу у двора; и мнятъ помрачить славу, по справедливости ему принадлежащую. Но степи южныя, подъ руководствомъ его преобразованныя изъ дикихъ въ цвѣтущія и населенныя страны, на пространствахъ 200 т. квадратныхъ верстѣ; многочисленность воздвигнутыхъ городовъ на мѣстахъ, до того почитаемыхъ не удобонаселяемыми; устроенныя гавани для расширенія внѣшней торговли и заведенія военныхъ флотовъ и крѣпостей для обузданія дерзости черкесовъ, татаръ и турокъ; все сіе произведенное, такъ сказать, по великости своей, во мгновение, съ издержками, не истощившими государственныхъ финансовъ, подъ непосредственною его администраціею — ознаменовало въ князѣ Потемкинѣ великія дарованія мужа государственнаго. Покоренныя безъ вой-

(1) Сіе мнѣніе къ стати опровергнуть здѣсь законическимъ изреченіемъ, которое присвоиваютъ герою Италійскому, сказавшему въ отвѣтъ одному генералу на счетъ счастья людей слѣдующее: „Одинъ разъ счастье! два раза, три раза, шесть, десять разъ счастье! право надобно нѣсколько и ума!“

ны области, Кавказъ, Кубань, Тамань и царство Тавриды; и Татарскія орды: Крымская, Ногайская и Вѣлгородская *т. е.* Вуджадская, бывшія ужасомъ южнаго края, превращенныя въ мирныхъ подданныхъ доказываютъ въ князѣ Потемкинѣ сколь предприимчиваго, столь и дальновиднаго политика ⁽²⁾.

(2) Въ 1781-мъ году Черноморскій флотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ малаго размѣра фрегатовъ и другихъ судовъ, но ни одного линейнаго корабля не было; къ окончанію же войны простиралось ихъ за 20. Въ послѣднюю морскую баталію вице-адмиралъ Ушаковъ начальствовалъ надъ 16-ю линейными кораблями окромѣ употребленныхъ въ другихъ мѣстахъ; при началѣ же войны было только 6 линейныхъ кораблей, изъ коихъ три находившіеся въ Днѣпровскомъ лиманѣ, не были даже въ дѣйствиіи; а дѣйствовали только 3 корабля Севастопольской эскадры, и изъ оныхъ одинъ занесенъ бурей въ Царь-Градъ. И такъ сооруженіе Черноморскаго флота производилось въ самую войну, а гребной флотъ, истребившій въ виду Очакова Турецкую эскадру не токмо гребную, но и парусную, изъ 10 линейныхъ кораблей состоявшую, подъ начальствомъ самого капитанъ-паши, построенъ въ одинъ годъ, состоя изъ галеръ, батарей, шлюпъ, бриговъ и канонерскихъ лодокъ, числомъ до 100, кои вооружены были для войны частію изъ судовъ тѣхъ, что построены были для путешествія государыни изъ Кіева до Екатеринослава.

(3) Что князь Потемкинъ зналъ какъ и къ чему употребить способныхъ людей и дать имъ поприще по дарованіямъ, сообразное личнымъ достоинствамъ каждаго, и что въ отличіи такихъ людей онъ чуждъ былъ всякаго пристрастія и руководствовался истиннымъ патриотизмомъ: то сіе оправдываютъ какъ событія, такъ и послѣдствія. Умалчивая о другихъ, только замѣтимъ, что въ военачальствѣ предпочтены имъ были князь Репнинъ и герой Италійскій на сухомъ пути, а Ушаковъ на морѣ, которыхъ удостоивалъ у престола всѣхъ высочайшихъ милостей и награды. Для образованія Новодонскаго войска имъ былъ избранъ и поставленъ на степень отличія М. И. Платовъ. А спаситель отечества,

Сооруженіе Черноморскаго флота, подъ начальствомъ его въ семь лѣтъ построенаго, владычествовавшего на Черномъ морѣ и наводившаго страхъ Константинополю и берегамъ Азійскимъ, являются въ князѣ Потемкинѣ рѣдкое дарованіе знать пользоваться мѣстными удобствами къ произведенію великихъ предприятий и употребить съ пользою для отечества дарованія способныхъ людей ⁽³⁾. Онъ искалъ ихъ, стараясь вырывать отовсюду, и они, такъ сказать, ройлись вокругъ его. Наконецъ война съ Портою Оттоманскою, начавшаяся въ 1787-мъ году, продолжавшаяся подъ верховнымъ его полководствомъ *слишкомъ четыре года*, со славою на сушѣ и на морѣ, въ Европѣ и Азіи, на восточныхъ и западныхъ берегахъ Чернаго моря, въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Булгаріи, въ неприступномъ до сего Кавказѣ и въ Абазіи, даже въ самой Морѣ; и послѣ всеобщихъ надъ невѣрными

незабвенной во вѣки князь Михаилъ Ларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, отъ полковничьяго чина бывъ подъ начальствомъ князя Потемкина, былъ употребляемъ имъ во многія обстоятельства предпочтительно другимъ и при жизни еще князя Потемкина получилъ чинъ генералъ-поручика. Истинна обязываетъ меня не оставить въ молчаніи о чиновникѣ, которой имѣлъ полную отъ князя Григорія Александровича довѣренность, употребленъ бывъ отъ него для руководства письменными его дѣлами военными, гражданскими, кабинетскими и всѣми секретными самоважнѣйшими; но по умѣренности, свойственной характеру его, сей одаренной способностями чиновникъ взялъ отъ меня слово, чтобы я его оставить въ молчаніи; почему хотя не именуя его, но заслуги, имъ оказанныя и нынѣ продолжаемое похвальное его служеніе дѣлаеть его публикѣ извѣстнымъ. *Примчаніе гр. Самойлова.*

Здѣсь конечно говорится о Василіѣ Степановичѣ Поповѣ. *П. Б.*

побѣдъ, доведенная къ вождѣльному миру—доказываетъ въ немъ дарованія великаго полководца. И хотя смерть, пресѣкая жизнь сего вождя при окончаніи войны, среди самыхъ успѣховъ, не допустила его довершить подвигъ сей славнымъ миромъ; но низложенныя стѣны важной крѣпости Очакова, покоренныя и завоеванныя Бендеры, Измаиль, Анапа, Аккерманъ, Килія и Гаджибей, истребленныя непріятельскіе флоты, и господство Россійскаго флага на Понтѣ и на Дунаѣ, такъ же благоуспѣшно крейсировавшая эскадра въ Архипелагѣ (*), безпрепятственныя успѣхи Россійскаго оружія и повсемѣстное сокрушеніе непріятельскихъ усилій, оправдали его предъ свѣтомъ въ томъ, что онъ достоинъ тѣхъ почестей и лавровъ, которыми былъ увѣнчанъ и награжденъ. Реформа, учиненная имъ въ войскахъ, для выгоды и удобства одѣянія войновъ, для сбереженія здоровья ихъ и соблюденія по сей части какъ въ быту солдатскомъ излишнихъ издержекъ на щегольство, такъ и для сбереженія казенныхъ расходовъ; вниманіе его о искорененіи жестокихъ наказаній, не менѣе того вкравшихся отъ наблюденія въ полкахъ бесполезнаго, прихотливаго и неприличнаго солдату щегольства и отъ педантизма службы, которымъ и большіе военные начальники были заняты (*солдаты Рускіе никогда не забудутъ тою, что князь Григор. Алекс. остриженіемъ волосъ избавилъ ихъ отъ иловныхъ болѣзней, отъ лишнихъ и на-*

(*) Ламбро-Качіони изъ Албанцовъ, поселившіеся въ Россіи, былъ избранъ княземъ Потемкинымъ и отправленъ въ Архипелагъ командовать эскадрою, составленною изъ корсеровъ; сія эскадра нападала на берега Мореи и Азіи съ успѣхомъ.

прасныхъ издержекъ для мазанія пудреной головы) попеченіе его о обогащеніи артелей солдатскихъ и о устроеніи мѣстныхъ лазаретовъ и гошпиталей; не менѣе того произведенное имъ умноженіе и самое одушевленіе иррегулярныхъ войскъ казачьихъ, которыхъ заслуги отечество ощущаетъ и монархъ признаетъ (3), что исполнено безъ отягощенія народа и государства, — являютъ въ князѣ Потемкинѣ благоразумнаго военачальника. Словомъ сказать, что бы злословіе и клевета ни вымышляли, но памятники вѣчно живущіе дѣяній сего мужа скажутъ о немъ потомствамъ, что онъ былъ великій человекъ; и что достоинъ признательнаго воспоминанія отъ истинныхъ сыновъ отечества (4). Но вопреки справедливости и благомыслію,

(3) Всѣмъ служившимъ въ тѣ времена извѣстно, что казацкія войска прежде были въ пренебреженіи и въ военное время употреблялись по большей части для сопровожденія транспортовъ и были такъ сказать служакми у начальниковъ при обозахъ и конюшняхъ, а лошади ихъ для разгоновъ и партикулярныхъ разсылокъ; но князь Потемкинъ одушевилъ сія войска и началъ употреблять ихъ въ войнѣ съ выгодою; при немъ составились Еватеринославскіе, Новодонскіе, Терскіе, Бугскіе и Черноморскіе козаки, а Чугуевскіе умножены.

(4) Графъ Сегюръ въ сочиненіи своемъ о князѣ Потемкинѣ рѣшительно говоритъ, что онъ не былъ великій, но чрезвычайный человекъ. Французамъ свойственно утверждать рѣшенія о всемъ; нѣкоторые изъ нихъ и въ Петра Великомъ не признали генія образователя, но подражателя!! Однако, благодаря событіямъ, опредѣленія французскихъ умовъ не признаетъ болѣе свѣтъ законодательными. Графъ Сегюръ не остановился однакожъ провозглашать великимъ самаго лютейшаго изверга природы, котораго благословенный отъ Бога помазанникъ караетъ нмѣтъ достойнымъ образомъ и всю Европу спасаетъ отъ ига.

по кончинѣ сего великаго мужа, появились о немъ исторіи, отъ издателей отечественныхъ и иностранныхъ, изъ которыхъ не было ни одной вѣрной; всѣ сіи біографы не вникали въ существо истины, а можетъ быть не имѣли и источниковъ, откуда оную почерпнуть; но, слѣдую преданіямъ, рассказамъ и злословію, разсѣянному отъ враговъ и завистниковъ князя Потемкина, описывали жизнь его невѣрно и оскорбительно (?). Нѣкто иностранный писатель, по наущенію ли недоброжелателей или по собственному ожесточенію, старался изобразить князя Потемкина Таврическаго такими чертами, по которымъ бы и самыя важныя его заслуги казались событіями случайности его и слѣпаго счастья; наполнилъ повѣствованіе свое лживыми сплетеніями и нелѣпостями, которыя здравымъ разсудкомъ и соображеніемъ съ законами и обыкновеніями Россійскими сами собою опровергаются. Но къ сожалѣнію такіе лживые вымыслы многими нравились, и то сочиненіе переложено на отечественный языкъ безъ всякаго исправленія. Умалчивая о многихъ выдуманныхъ разсказахъ того автора, пропуская вредныя для славы сего великаго мужа вымышленныя изображенія характеристики его; почитая счисленіе и опроверженіе всѣхъ нелѣпостей тѣхъ трудомъ бесполезнымъ, представляю здѣсь одинъ примѣръ невѣрности одного злонамѣреннаго автора. Онъ выдаетъ за истину, будто въ первыхъ годахъ возвышенія князя Потемкина, императрица подарила ему

Новгородское намѣстничество!! Но всякой Россіянинъ познаетъ изъ сего, что авторъ сей былъ изъ числа иностранныхъ невѣждъ, что онъ вѣрилъ площаднымъ рассказамъ и не зналъ ни законовъ ни обычаевъ Русскихъ. Однакожь и переводчикъ его, не запинаясь ни на одномъ лживомъ преткновеніи, коими каждый періодъ того сочиненія исполненъ, перевелъ все раболѣпно и выдалъ въ свѣтъ, содѣлавшись хулителемъ того, котораго многочисленныя Россійскія племена память благословляютъ, и о коемъ не изваянные, но созиженные имъ памятники будутъ вѣщать. А къ удивленію, цензура, разбирая буквальную вѣрность перевода съ текстомъ, позволила такія бредни печатать, не разсудя, что лживыя преданія, составляющія оное сочиненіе, наносили оскорбленіе для памяти законодательницы Россійской, которую современны и потомство единогласно признали великою государынею, и дворянство Россійское, спустя послѣ кончины ея 14 лѣтъ, воздвигло ей памятникъ въ Москвѣ! Дѣянія великихъ заслугами мужей, должно бы почерпать изъ государственныхъ бумагъ или изъ собственныхъ ихъ записокъ, и для изданія въ свѣтъ довлѣло бы отдавать подъ разсмотрѣніе цензуры, составленной изъ современниковъ и сослуживцевъ ихъ, а особливо такихъ, коимъ причины поступковъ ихъ и дѣйствій, по свѣдѣнію государственныхъ тайнъ, могутъ быть извѣстны. Тогда бы каждая біографія имѣла свое достоинство и вѣрность, тогда бы и память заслуженныхъ мужей не оскорблялась клеветою и ненавистію; а сіе тѣмъ паче кажется полезнымъ, что злоба и лесть, оставшись безсильными, не производили бы вреднаго вліянія въ мнѣніяхъ порицательныхъ о самомъ правительствѣ.

(?) Нѣкто (думать должно, что *насланный писакъ*) сочинилъ пасквиль подъ заглавіемъ *Князь Тьма*; сіе по слогу, по нелѣпости и по глупостямъ презрительное и нетерпимое вигдѣ сочиненіе было напечатано.

Для опроверженія преданій, невыгодныхъ и несправедливыхъ, о происхожденіи, возвышеніи, служеніи и о характеристивѣ князя Потемкина Таврическаго, не будучи ни писателемъ, ни историкомъ, но по изысканнымъ при началѣ сего сочиненія побудительнымъ причинамъ, бывъ современникомъ его и приближеннымъ къ нему отъ самаго юношества, потомъ сослуживцемъ ему подчиненнымъ при покореніи Таврическаго полуострова и въ войнѣ съ Портою Оттоманскою, имѣя разныя препорученія важныя, довѣренность его доказывающія, какъ то на Кубанѣ, въ Кавказскихъ горахъ и за оными, въ Грузіи и селеніяхъ Лезгиновъ; въ уполномочіи на заключеніе мира съ Турками, за что удостоясь отъ императрицы высочайшихъ наградъ и отличій, былъ наконецъ участвованъ всемилостивѣйшею полною довѣренностію по службѣ гражданской, которую я не проискамы пріобрѣлъ, но по самому великой монархини избранію и по волѣ ея удостоясь, не токмо по блаженнуюея кончину сохранилъ, но продолжалъ нѣсколько времени и при государѣ императорѣ Павлѣ 1-мъ, отъ коего я благодѣтельствованъ,—въ теченіе же сей послѣдней какъ и прежней службы мей, не помышлялъ я о выгодахъ своихъ, ничего не пріобрѣлъ самому себѣ; ничего государственнаго не упустилъ, а умножилъ доходы имперіи безъ народнаго отягощенія. Власть монаршаго самодержавія дѣйствовала въ кротости, безъ принужденія и ужаса: никого не обидѣлъ, никого не притѣспилъ; государственное же все было въ сохранности и не нарушено. Доказательствомъ сему послужить то, что уже истекло 17 лѣтъ, какъ оставилъ служеніе, но по сіе время ни одна жалоба не вступила на меня къ монаршему престолу по всѣмъ

важнымъ мѣстамъ, которыя я предъ окончаніемъ служенія моего занималъ. Сіе обстоятельство успокоиваетъ душу мою и приближеніе разрушенія моего дѣлаетъ безмятежнымъ.

И такъ, зная болѣе многихъ всѣ подробности жизни сего достойнаго славы мужа, наперсника и, осмѣливаюсь сказать, друга великой монархини (ибо таковое ему названіе я удостоился слышать изъ собственныхъ устъ ея величества) имѣя достовѣрные источники, изъ коихъ почерпаю сіе описаніе, рѣшился я издать въ свѣтъ исторію о жизни и дѣяніяхъ князя Потемкина Таврическаго. Привязанность къ нему и благодарность, хотя бы и наклоняли меня пропустить въ немъ слабости человѣческаго, но въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ не простительно мнѣ быть раболѣпнымъ и льстецомъ. Издаю сіе для потомства и для тѣхъ современниковъ моихъ, которые будутъ умѣть различить истину отъ вымысла; предаю сіе для тѣхъ умовъ, которые, разсматривая общепользное въ цѣломъ, испытываютъ великія дѣянія посвершеннымъ подвигамъ, по пользамъ отъ оныхъ произшедшимъ и по средствамъ, каковыми оныя произведены: на сихъ основаніяхъ приступаю къ повѣствованію.

ГЛАВА 2-я

Происхожденіе, юношество, воспитаніе и начало службы князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго.

Родъ дворянъ Потемкиныхъ знаменитъ отъ давнихъ временъ былъ: сіе подтверждается тѣмъ, что предокъ князя Григорія Александровича, Петръ Ивановичъ Потемкинъ, при вступленіи

на престолъ царя Федора Алексѣевича, въ 1676-мъ году, былъ уже бояриномъ и при дворѣ царскомъ по отличному своему уму и по рѣдкой въ тогдашнее время просвѣщенности уважаемъ, почему и былъ отправленъ посломъ въ Вѣну, въ Мадритъ, въ Парижъ и въ Лондонъ. Въ семь столичномъ городѣ Англіи списанъ былъ съ него портретъ, на коемъ изображенъ онъ въ тогдашнемъ боярѣ Россійскихъ одѣяніи, и съ подлинника того сгравированъ и отпечатанъ былъ эстампъ для знаменованія сей новой между двумя державами дружественной связи ⁽⁸⁾,

Александръ Васильевичъ Потемкинъ ⁽⁹⁾ отецъ Григорія Александровича, служилъ долгое время въ армейскихъ полкахъ, былъ во многихъ сраженіяхъ и понесъ многія и тяжкія ра-

⁽⁸⁾ Какъ оригинальной, такъ и гравированныхъ портреты во время знаменитости князя Григорія Александровича Потемкина присланы къ нему были отъ извѣстнаго г. Фокса, бывшаго въ то время Великобританскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, при письмѣ, въ коемъ между прочимъ онъ изъясняетъ: что „какъ предокъ „его былъ нѣкогда орудіемъ согласія между „двумя монархіями, то поможь вице оное согласіе утвердить“. Оригинальный портретъ этотъ находится въ Эрмитажѣ; а гравированный у графа Самойлова. *Примѣч. гр. Самойлова.* Портретъ этотъ—работы Кнеллера. Превосходная гравюра съ него, работы Вайта, недавно издана въ фотографическомъ (одинаковомъ по величинѣ) снимкѣ, см. Русскіе портреты изъ собранія Г. Н. Геннади. М. 1866. II. Б.

⁽⁹⁾ По Родословной Книгѣ, ч. 2-я стр. 169, Александръ Васильевичъ Потемкинъ, подполковникъ, небогатый помѣщикъ Смоленскій и Тульскій, род. въ 1673 г., ум. въ 1746. Составитель Родосл. Книги пользовался неизданною тетрадюю записокъ о кн. Потемкинѣ, составленныхъ его дальнимъ родственникомъ, извѣстнымъ археологомъ П. Θ. Кырабановымъ (см. Списки замѣч. клицъ Русскихъ въ Читеніяхъ общ. ист. и др. 1860, кн. 1). Гдѣ теперь эта тетрадь? II. Б.

ны, ради коихъ былъ уволенъ отъ службы въ отставку подполковникомъ. Чтобъ изобразить благородство духа его, помѣщая о немъ слѣдующій анекдотъ. Не безъизвѣстно, что, по прежнимъ узаконеніямъ, дворянство, не имѣя существующихъ нынѣ преимуществъ, не могло оставлять военной службы ни по какимъ другимъ причинамъ, какъ по болѣзни и по увѣчью отъ ранъ; въ первомъ обстоятельстве должно было имѣть отъ врачей несомнительныя свидѣтельства, а въ послѣднемъ надлежало предъ начальствомъ дать освидѣтельствовать свои раны. Александръ Васильевичъ, просившій увольненія отъ службы по причинѣ тяжкихъ ранъ, являсь въ государственную военную коллегію для предъявленія оныхъ, по обыкновенію началъ было скидывать свой мундиръ, какъ познавъ въ числѣ членовъ коллегіи одного, служившаго у него въ ротѣ унтеръ-офицеромъ, тогда когда уже онъ былъ капитаномъ, и не могши снести такого для себя униженія, сказалъ, указывая на того члена: «Какъ? и онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я сего не перенесу и останусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки «мои раны.» И дѣйствительно послѣ сего произшествія прослужилъ еще два года.

Григорій Александровичъ Потемкинъ родился 1742-го года, въ помѣстьѣ отца своего, селѣ, называемомъ Чижево ⁽¹⁰⁾, а не въ Москвѣ, какъ нѣ-

⁽¹⁰⁾ О мѣстѣ рожденія кн. Потемкина см. Записки С. Н. Глинки въ Русскомъ Вѣстникѣ 1866 кн. I-я. стр. 230 и 244. Мы не знаемъ, кому теперь принадлежитъ село Чижево, находящееся въ Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда. С. Н. Глинка родился въ 7-ми верстахъ отсюда. Въ то время тамошніе края были еще окраиною Россіи. Въ духовной борьбѣ съ чужеродными стихіями крѣпли тамъ Русскіе люди и порож-

которые написали ⁽¹¹⁾. Никогда отецъ его не назначалъ въ иночество. Каждому Россіянину извѣстно, что въ нынѣшнія времена сего обыкновенія у дворянъ нѣтъ, да и законы обязывали дворянство дѣтей, при достиженіи совершеннолѣтія ихъ, представлять въ герольдію и записывать въ государственную службу. Оное неосновательное мнѣніе о предназначеніи Григорія Александровича въ духовное званіе опровергается и фамильными обстоятельствами, ибо несвойственно и съ разсудкомъ несогласно, чтобы родители, при пяти дочеряхъ, имѣя единственнаго сына, положили бы посвятить онаго въ монашество ⁽¹²⁾.

дали горячихъ и высокихъ народолюбцевъ. Годъ рожденія кн. Потемкина обыкновенно показываютъ 1736 или 1739, а не 1742-й, какъ пишетъ гр. Самойловъ, коего показаніе слѣдуетъ принять къ соображенію. *П. Б.*

⁽¹¹⁾ Оное село нынѣ принадлежитъ дѣйстви- тельному тайному совѣтнику Энгельгардту, одному изъ родныхъ племянниковъ князя Григорія Александровича.

⁽¹²⁾ У князя Потемкина родныхъ братьевъ не было, но имѣлъ пять сестеръ:

1-я старшая его сестра, Марья Александровна, выдана была въ замужство за дворянина Николая Борисовича Самойлова, служившаго въ арміи капитаномъ, которой въ послѣдствіи дослужился въ чинъ тайнаго совѣтника, былъ сенаторомъ и ордена Святыя Анны кавалеромъ. Отъ нихъ родились: сынъ Александръ, получившій за службу графское достоинство, въ военныхъ чинахъ служилъ до генералъ поручика, былъ въ двухъ войнахъ противъ Турокъ и въ разныхъ заграничныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, наконецъ въ послѣдніе годы царствованія великія Екатерины произведенъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, генералъ прокуроромъ, государственнымъ казначеемъ и членомъ верховнаго совѣта, и въ продолженіе службы получилъ за отличіе знаки всѣхъ Россійскихъ орденовъ, и вышелъ въ отставку. Дочь Н. Б. Самойлова Екатерина была въ замужствѣ въ

Опровергнувъ сіе несправедливое мнѣніе сочинителей, о первыхъ лѣтахъ Григорія Александровича, объявляю, что онаы привелъ онъ въ домъ

первомъ бракъ за Раевскимъ, а во второмъ за Давыдовымъ, имѣеть четырехъ сыновей, которые въ военной службѣ и нынѣ служатъ противу французовъ; изъ нихъ старшій, рожденный отъ перваго брака, генералъ отъ кавалеріи Раевскій, оказалъ въ сраженіи при Дашковкѣ рѣдкій примѣръ патриотизма: чтобы убѣдить солдатъ болѣе къ мужеству, онъ поставилъ по обѣимъ сторонамъ себя двухъ сыновей, изъ коихъ меньшему было только одиннадцать лѣтъ, сказалъ: „робята, вотъ я и оба сына мои при мнѣ, впередъ!“ *Онъ много отличилъ себя и въ дѣль близъ Смоленска, гдѣ съ однимъ корпусомъ своимъ удержалъ на цѣлый день напряженіе всей французской арміи* и въ теченіе сей войны заслужилъ отъ государя императора много отличій и наградъ.

2 я сестра князя Потемкина, Марья Александровна, была въ замужствѣ за дворяниномъ Васильемъ Энгельгардтомъ, котораго родъ происходитъ отъ рыцарей Тевтоническаго ордена и отъ древнихъ временъ въ сословіи дворянъ Смоленской губерніи; отъ нихъ дѣти: сынъ Василій въ отставкѣ дѣйст. тайн. совѣт.; онъ служилъ въ войскѣ противу Турковъ, а въ гражданской службѣ былъ сенаторомъ. Дочери: *первая, Александра Васильевна* за графомъ Браницкимъ, бывшимъ въ Польшѣ великимъ гетманомъ, статсъ-дама и ордена святыя Екатерины 1-го класса кавалеръ. *Вторая, Варвара Васильевна*, кавалерственная дама ордена святыя Екатерины, была въ замужствѣ за генераломъ отъ инфантеріи княземъ Голицынымъ. *Третья, Екатерина Васильевна*, статсъ дама, кавалеръ орденовъ святыя Екатерины 1-го класса и Иоанна Іерусалимскаго, была въ первомъ бракѣ за графомъ Скавронскимъ, а нынѣ за оберъ-гофмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта графомъ Литта; а дочь ея отъ перваго брака была въ замужствѣ за генераломъ отъ инфантеріи знаменитымъ храбростію и воинскими подвигами княземъ Багратиономъ. *Четвертая, Надежда Васильевна* въ замужствѣ за дѣйст. тай. совѣт. и сенаторомъ Шепелевымъ. *Пятая, Татьяна*

отеческомъ, по обыкновенію дворянъ обучаясь дома; потомъ для лучшаго образованія первоначально отвезенъ былъ въ Москву къ свойственнику матери его генераль-порутчику Александру Артемьевичу Загряжскому⁽¹³⁾; потомъ, записанъ будучи въ конную гвардію рейтаромъ и для дальнѣйшаго приобрѣтенія въ наукахъ, вступилъ пансіонеромъ въ университетъ Московскій. Тутъ раскрывшаяся въ немъ врожденная привязанность къ познаніямъ и стремленіе къ изящности влекли его искать связей съ людьми, исполненными дарованій; въ числѣ оныхъ нашедъ въ іеродіаконъ Греческаго монастыря Дорофея⁽¹⁴⁾ великія дарованія и совершенное свѣдѣніе въ церковной исторіи и въ Еллино-греческомъ языкѣ, прилѣпился онъ къ сему просвѣщенному иноку, почерпая отъ наставленій его все то, что только пылкой его постижимости и острой памяти предлагалось; такъ что онъ не только приобрѣлъ склонность, но и самую страсть къ изученію исторіи церковной и Еллиногреческаго

Васильевна за дѣйст. тай. совѣт. княземъ Юсуповымъ.

3-я сестра князя Потемкина, Пелагея Александровна, была въ замужствѣ за Высоцкимъ, отъ коей сынъ Николай генераль-майоръ въ отставкѣ, и дочь Екатерина, бывшая въ замужствѣ за бригадиромъ Павловымъ.

4-я сестра князя Потемкина, Надежда Александровна, скончалась дѣвцею.

5-я меньшая Дарья была замужемъ за дворяниномъ Лихачевымъ и умерла бездѣтна.

(13) Въ признательность ему князь Григорій Александровичъ, при возвышеніи своемъ, исходатайствовалъ орденъ Польскій Бѣлаго Орла.

(14) Отличныя достоинства сего іеродіакона, при представствѣ князя Потемкина, возвели его въ послѣдствіи въ санъ архіепископа Херсониса Таврическаго.

языка⁽¹⁵⁾, и чрезъ наставленія Дорофея могъ разумѣть Гомера, постигать красоты его, могъ дѣлать изъ оныхъ сравненія съ древними и новыми стихотворцами и отдавать ему предпочтеніе; въ исторіи же духовной приобрѣлъ онъ такое познаніе, что никто изъ современниковъ его не могъ въ томъ съ нимъ сравняться⁽¹⁶⁾. Можетъ быть, мнѣніе сіе, что Григорій Александровичъ Потемкинъ родителями предназначенъ былъ въ монашество взято и отъ того, что онъ, будучи въ университетѣ, наиболѣе сими предметами занимался, а притомъ не рѣдко предъ сверстниками своими отзывался «что естьли онъ не будетъ «полководцемъ, то по крайней мѣрѣ «архіереемъ».

Чтобъ юношество сего знаменитаго мужа не замѣчательно было острою и отличностію ума, какъ въ некоторый сочинитель его исторіи пишетъ, то сего онъ знать не могши ошибается; но тѣ, кои близки къ нему были, замѣчали въ образѣ обращенія его и ученія великую пылкость ума, понятіе всеобъемлющее, память необыкновенную, стремленіе сильное къ отличію себя отъ другихъ, большую смѣлость духа и непреодолимую твердость, которая наиболѣе оказывалась противу вышшихъ, когда власть ихъ по мнѣнію его простиралась за предѣлы справед-

(15) Сіе познаніе его, будучи извѣстно императрицѣ Екатеринѣ II., было поводомъ помыщенія его, когда уже онъ былъ камеръ-юнкромъ, за оберъ-прокурорской столъ въ свѣтѣйшій синодъ; и потому же государыня, во время архіерейскаго служенія въ придворной церкви, призывала его къ своему мѣсту, спрашивала изъясненій о таинствахъ литургіи и о обрядѣ облаченія архіепископскаго.

(16) Сіе племянникъ его графъ Самойловъ и протчіе посторонніе подтверждаютъ

ливости. Доводомъ сему послужить то, что онъ, бывши только рейтаромъ конной гвардіи и пансіонеромъ университета, не поколебался идти противъ одного изъ вышнихъ начальниковъ университетскихъ⁽¹⁷⁾.

Дарованія и успѣхи въ ученіи юнаго Потемкина доставили ему слѣдующее отличіе: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, учредитель Московскаго университета, желая ознаменовать плоды сего установленія предъ дворомъ и предъ просвѣщенною публикою, приказалъ выбрать двѣнадцать достойнѣйшихъ учениковъ и на казенномъ иждивеніи доставить ихъ въ Санктпетербургъ. Большая часть учениковъ избраны были по причинамъ постороннимъ, а меньшее число, между коими былъ и Григорій Александровичъ, по отличію и успѣхамъ въ наукахъ. Никто столько какъ онъ, изъ всѣхъ привезенныхъ учениковъ, не соотвѣтствовалъ намѣренію Шувалова: онъ познаніями своими, остроуміемъ и изреченіями наиболѣе замѣченъ былъ въ домахъ иностранныхъ министровъ и другихъ знатныхъ, куда ихъ возили⁽¹⁸⁾; на послѣдокъ они представлены были госуда-

рымъ Елизаветѣ Петровнѣ, и свѣдѣнія Григорія Александровича въ Еллиногреческомъ языкѣ и въ церковной исторіи обратили сей монархини⁽¹⁹⁾ вниманіе, во изъявленіе чего изволила она его пожаловать капраломъ конной гвардіи⁽²⁰⁾.

⁽¹⁷⁾ Набожность императрицы Елизаветы внушала ей живую любознательность ко всему относящемуся до церкви. Она не могла не остановиться милостивымъ вниманіемъ на мальчикѣ *дворникаго происхожденія*, который былъ не только начетчикомъ церковныхъ книгъ, но и зналъ по гречески. *П. Б.*

⁽²⁰⁾ Вотъ числовыя данныя о первоначальномъ служебномъ поприщѣ кн. Потемкина, извлеченныя М. Н. Лонгиновымъ изъ разныхъ печатныхъ книгъ, а также изъ рукописей: 30 Мая 1755 записанъ онъ въ конной гвардіи рейтаромъ, 15 Августа 1757 произведенъ съ капралы, 31 Дек. 1758 въ ефрейтъ-капралы, 19 Іюня 1759 въ каптенармусы. Все это время онъ пользовался общими тогда дозволеніемъ не являться на службу до окончанія наукъ и числился въ Московскомъ университетѣ. Въ 1761 онъ произведенъ въ вахмистры и явился на службу въ конную гвардію въ Петербургъ (Въ Іюль 1757 г. директоръ Московскаго университета возилъ его и его университетскихъ товарищей въ Петербургъ для представленія императрицѣ Елизаветѣ, но въ 1760 г. онъ выѣхалъ съ Н. И. Новиковымъ исключенъ изъ университета за лѣность и нехождение въ классы). Въ Іюль 1762 г. представленъ въ корнеты, но импер. Екатерина написала „быть подпоручикомъ“; 30 Ноября 1762 пожалованъ въ камерьонеры; 19 Апрѣля 1765 произведенъ въ поручики, въ этомъ же году правилъ казначейскую должность и надзиралъ за шитьемъ новыхъ мундировъ 19 Іюня 1766 получилъ командованіе 9-й ротой. Въ 1767 г. съ двумя ротами своего полка командированъ въ Москву во время комиссіи о уложеніи; 22 Сент. 1768 пожалованъ въ действительные камергеры (Кромъ того въ 1766 году видимъ его за оберпрокурорскимъ столомъ св. синода „для бытія при текущихъ дѣлахъ“). 11 Ноября 1768 отчисленъ отъ конной гвардіи по волю императрицы, какъ состоящій при дворѣ. Въ 1769 года былъ волонтеромъ въ арміи

⁽¹⁷⁾ При семъ случаѣ раскрылась въ Григорій Александровичъ способность къ стихотворенію; но онъ сего дарованія не поддержалъ въ теченіе жизни своей, не надвѣясь достигнуть превосходства въ ономъ.

⁽¹⁸⁾ Эта повѣдка описана товарищемъ кн. Потемкина, Фонъ-Визинымъ (см. его сочиненія, Спб. 1866, стр. 537--539). Тутъ 15-ти лѣтній Потемкинъ въ первый разъ могъ обратить на себя вниманіе занимавшейся науками и находившейся тогда въ опалѣ великой княгини, т. е. Екатерины II-й. Ея выдающееся положеніе при дворѣ могло также быть предметомъ размышленій геніальнаго отрока. Повѣдку университетскихъ питомцевъ ко двору относятъ одни къ началу 1758 г., т. е. именно ко времени подозрѣній на канцлера Бестужева и его ареста; другіе къ іюню 1757 г.; послѣднее вѣроятнѣе. *П. Б.*

Пребываніе маловременное юнаго Потемкина въ Петербургѣ открыло ему нѣсколько и познаніе свѣта; онъ почувствовалъ, что для возвышенія, къ ко-ему духъ его стремился, недостаточны были свѣдѣнія, имъ пріобрѣтенныя въ Еллиногреческомъ языкѣ и въ церковной исторіи и что нужно достигать обширнѣйшихъ познаній. И такъ по возвращеніи съ прочими университетамъ въ Москву углубился онъ въ важнѣйшія науки и въ чтеніе жизней великихъ и славныхъ мужей и другихъ военныхъ и политическихъ книгъ; при чемъ, имѣя сильное влеченіе и любопытство къ наукамъ, положи въ мысли достигнуть знаменитости, предался ученію всего, чрезъ что могъ пріобрѣсти (универсальность) *генеральность свѣдѣній* ⁽²¹⁾, которой въ послѣдствіи самые просвѣщенные люди въ немъ удивлялись ⁽²²⁾,

Наконецъ пребываніе въ университетѣ утомило занятый достиженіемъ

по службѣ возвышеній, пылкой духъ Григорія Александровича. Онъ уже мысленно искалъ другаго поприща и для того просилъ мать свою Дарью Васильевну ⁽²³⁾ позволить ему отправиться въ Петербургъ на службу, на что она по нѣкоторомъ сопротивленіи согласилась.

Явясъ въ полкъ ефрейтъ-капраломъ, прилѣпился онъ къ познанію конной строевой службы и столько къ оной

⁽²³⁾ Мать Потемкина (р. 170, 4 ум. въ іюль 1780) была родомъ Скуратова. Потемкинъ происходилъ отъ втораго ея брака; въ первомъ же она была за Кондыревымъ и имѣла ли отъ него дѣтей, не знаемъ. Л. Н. Энгельгардтъ въ Запискахъ своихъ говоритъ, что бракъ родителей кн. Потемкина былъ однимъ изъ первыхъ примѣровъ того, что Смоленскій дворянинъ Русскаго происхожденія женился на Русской же дворянкѣ: до того времени они женились обыкновенно на Полькахъ. Овдовѣвъ и послѣ втораго мужа, она отдала единственнаго сына своего въ Москву въ домъ къ родственнику его (по отцу) тайн. совѣтнику и президенту камерсъ-коллегии Григорію Матавѣвичу Кясловскому для воспитанія съ сыновьями его (См. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1860, кн. I, въ предисловіи къ Спискамъ замѣчательныхъ лицъ Русскихъ). Къ этому можно еще прибавить, что изъ имѣвшейся въ нашихъ рукахъ записки о Потемкинѣ, составленной Александромъ Дмитріевичемъ Боборыкинымъ (кого отецъ былъ товарищемъ Потемкина) видно, что будущій князь Таврическій ходилъ учиться въ Москвѣ въ Нѣмецкую слободу въ учебное заведеніе какого-то Литкена. Бобарыкины были въ родствѣ съ Потемкиными. Анна Ивановна Бобарыкина была матерью извѣстнаго гр. А. М. Мамонова, кого отецъ Матвѣй Васильевичъ еще съ Елизаветинскихъ временъ служилъ въ придворномъ вѣдомствѣ и могъ содѣйствовать успѣхамъ какъ Потемкина, такъ и другаго родственника своего, славнаго Фонъ-Визина (Сличъ Записки Храповицкаго подъ 20 Іюля 1786) Мать кн. Потемкина въ послѣдствіи была пожалована штатсъ-дамою. Мы ничего не знаемъ, жила ли она въ Петербургѣ и въ какихъ отношеніяхъ находился къ ней ея сынъ. *И. Б.*

гр. Румянцова; 21 Апрѣля 1773 изъ генер.-маіора произведенъ въ генераль-поручики; 15 Марта 1774 въ преображенскій полкъ подполковникомъ; 30 Мая того же года въ генераль-аншефы. *И. Б.*

⁽²¹⁾ Курсивомъ означена поправка руки гр. Самойлова. Прежде было: «общность познаній.» *И. Б.*

⁽²²⁾ Императоръ Римскій Іосифъ II., бывшій въ Россіи во время возвышенія князя Потемкина и въ построенномъ имъ среди степей Херсонѣ, имѣлъ случай познать его и отзывался о немъ, что въ универсальности свѣдѣній онъ равнаго не знаетъ. Сочинитель сей исторіи, будучи въ Вѣнѣ, удостоился слышать оное изъ устъ сего великаго государя. Князь Кауницъ, будучи тоже славенъ универсальностію свѣдѣній въ свѣтѣ и въ семъ къ самому себѣ пристрастенъ, подтверждалъ, что онъ отъ императора своего слышалъ многіе анекдоты о князѣ Потемкинѣ, по коимъ могъ заключать о свѣдѣніяхъ его подробнѣйшихъ не токмо въ изящныхъ искусствахъ, но даже и въ самыхъ ремеслахъ.

прилежалъ, что оставилъ всё занятія и всякую разсѣянность. Вскорѣ произведенъ былъ вице-вахмистромъ, взятъ былъ на ординарцы къ принцу Жоржу ⁽²⁴⁾ и въ тоже время правилъ ротою, въ коей служилъ. Въ семь-то чинѣ былъ онъ при восшествіи на престолъ ⁽²⁵⁾ Великія Екатерины; и вскорѣ послѣ того, пожалованъ Григорій Александровичъ подпоручикомъ конной гвардіи, и не по старшинству; а чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ тогоже 1762-го года камеръ-юнкеромъ, а за симъ, какъ выше въ 15-мъ примѣчаніи сей главы сказано, въ святѣйшій Синодъ за оберъ-прокурорскій столъ.

При семь первомъ появленіи его, такъ сказать, на сценѣ придворной, будучи 22-хъ лѣтъ ⁽²⁶⁾ имѣлъ онъ случай показать смѣлость свою, присутствіе духа и остроту ума. Однажды, по должности дежурнаго камеръ-юнкера во время стола, сидя напротивъ самой государыни, ея величеству угодно было отозваться къ нему на французскомъ языкѣ, на что онъ отвѣтствовалъ на русскомъ. Тогда нѣкто знатнѣйшій чиновникъ, не пропуская сего обстоятельства и въ порицаніе ему, сказалъ, что на какомъ языкѣ государь предлагаетъ рѣчь подданному, на томъ самомъ онъ долженъ отвѣтствовать; но Григорій Александро-

вичъ, нимало не смущаясь, отвѣтствовалъ ему слѣдующее: «А я напротивъ того думаю, что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю «на томъ языкѣ, на которомъ можетъ «вѣрнѣе мысли свои объяснить; русской же языкъ учу я слишкомъ 22 «года.» Но при первоначальномъ служеніи Григорія Александровича при дворѣ, когда столь лестныя надежды приготовляли его къ скорому возвышенію, постигло его несчастіе, производшее сильное вліяніе на первой періодъ его жизни: ему приключился болѣзненный припадокъ, отъ котораго онъ лишился праваго глаза. И какъ о семь приключеніи описывавшіе жизнь его выдаютъ басни и даже не согласны о времени, когда оное случилось; то, зная достовѣрно о семь обстоятельстве, бывъ тому очевидцемъ (какъ и о всѣхъ протчихъ), подробно объ ономъ поясняю.

Въ 1763-мъ году, по возвращеніи высочайшаго двора изъ Москвы, Григорій Александровичъ занемогъ, и бывши отъ природы крѣпкаго сложенія, отъ самого дѣтства никакими припадками не страдая, болѣзнь сія въ немъ ознаменовалась пружестостою горячкою; а какъ онъ не токмо тогда, но и во все теченіе жизни своей, не имѣлъ большой довѣренности къ врачебной наукѣ и къ медикамъ, сверхъ того хотѣлъ быть и былъ во всемъ оригинальнымъ; то, отложивъ при семь случаѣ всё пособія, обыкновенно употребляемыя, не ввѣривъ никакому доктору, велѣлъ отыскать нѣкоего крестьянина, прослышшаго весьма искуснымъ въ излеченіи отъ горячекъ, и по рѣшимости, которая была въ его характерѣ всегда замѣчательна, ввѣрилъ себя тому обманщику ⁽²⁷⁾. Сей,

⁽²⁴⁾ Голштинскому, любимому дядѣ императора Петра III-го, который 3 марта 1762 передалъ ему званіе полковника конной гвардіи. *И. Б.*

⁽²⁵⁾ При семь происшествіи Григорій Александровичъ, будучи еще унтеръ-офицеромъ, не могъ поднести своего темляка государынѣ, велику оный былъ не офицерскій; и потому сіе преданіе, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ напечатанное, не вѣрно и неосновательно.

⁽²⁶⁾ Это нѣсколько противорѣчитъ вышеприведенному показанію о годѣ рожденія кн. Потемкина. *И. Б.*

⁽²⁷⁾ Поправка рукою [гр. Самойлова; было:

приготовя невѣдомо какую припарку, велѣлъ оною ему голову и глаза обвязать. Григорій Александровичъ, повинуюсь мнимому цѣлителю, не позволилъ однакожь обвязать себѣ обоихъ глазъ припаркою, чтобъ не лишиться удовольствія смотрѣть на свѣтъ, но голова и правый глазъ оною были обвязаны. По крайней мѣрѣ сіе сопротивление было спасительно, что онъ вовсе зрѣнія не лишился; ибо припарка притянула пресильный жаръ къ головѣ, а болѣе къ обвязанному глазу, отъ чего болѣзнь усилилась до нестерпимости. Тогда сорвалъ онъ припарку и почувствовалъ, что тѣмъ глазомъ не видитъ, при чемъ замѣтилъ на страждущемъ глазѣ родъ нарости, которую въ первомъ движеніи душевной скорби поспѣшилъ снять булавкою, но послѣ сей операціи усмотрѣлъ онъ, что на зрачкѣ того глаза бѣльмо.

Не можно изобразить всѣхъ горестныхъ ощущеній, которыя тогда омрачали сердце Григорія Александровича, который, бывъ прекраснѣйшимъ муциною, исполненный склонностями къ ибжанію полу, обольщенный надеждами счастья и возвышенія, отличный дарованіями и качествами при виѣшнихъ своихъ достоинствѣхъ, вдругъ пораженъ былъ сею внезапностію⁽²⁸⁾. Горесть о потерѣ глаза возродила въ душѣ его мысли мрачныя и отчаян-

„шарлатану.“ Тогда былъ въ славѣ крестьянинъ Ерофѣичъ, о которомъ Державинъ въ своихъ Запискахъ (стр. 44) говоритъ, что онъ вылѣчилъ отъ тяжелой болѣзни гр. А. Г. Орлова, и которая имя увѣковѣчилось въ названіи извѣстной водочной настойки. *И. Б.*

(28) Не въ оскорбленіе памяти сего великаго мужа объявлю, что тогдашніе остроумы сравнивали его съ аинейскимъ Альцибидомъ, прославившимся душевными качествами и отличною наружностію.

ныя; имъ овладѣла сильная меланхолія. Онъ отказался отъ наслажденія дневнымъ свѣтомъ, заперся въ своей спальнѣ, въ коей чрезъ цѣлые 18-ть мѣсяцовъ окна закрыты были ставнями; не одѣвался, рѣдко съ постели вставалъ, допустилъ отростить свою бороду, и не принималъ къ себѣ никого во все время, кромѣ самыхъ ближнихъ и искренно къ нему приверженныхъ. Съ начала затворничества положилъ онъ за непремѣнное постричься въ монахи, чтобъ достигнуть архіерейства; но съ облегченіемъ болѣзни и сердечнаго прискорбія исчезло сіе несообразное съ склонностями его желаніе. Вскорѣ мечтанія о достиженіи возвышенной степени въ немъ возобновились, и пролагая мысленный путь къ знаменитости, прилѣпился онъ къ чтенію классическихъ и другихъ ученыхъ авторовъ, усугубилъ прилежаніе къ просвѣщенію себя всѣми познаніями, чтобы имѣть способность быть военнымъ и государственнымъ челоѣкомъ и достойнымъ всякой степени, сколь бы она знаменита ни была. Сіе уединенное прилежаніе⁽²⁹⁾ при чрезвычайной памяти, коей онъ одаренъ былъ отъ природы, здравое соображеніе, не рабственное понятіе о томъ что прочитывалъ⁽³⁰⁾, замѣчательное разсмотрѣ-

(29) Въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ селѣ Татевѣ (принадлежащемъ нынѣ В. А. Рачинскому) часто находили молодого Потемкина позднимъ утромъ спящаго въ библиотекѣ, на стоявшемъ тамъ и доселѣ уцѣлѣвшемъ бильярдѣ: онъ просиживалъ за книгами цѣлыя ночи, пріѣзжая гостить въ Татеву къ роднымъ. *И. Б.*

(30) Это выраженіе виолнѣ характеризуетъ не только Потемкина, но и многихъ другихъ дѣятелей Екатерининскаго вѣка. Рабственное отношеніе ко всему печатному и особливо печатному на языкахъ иностранныхъ бывало не рѣдко плачевнымъ удѣломъ поколѣній позднѣйшихъ. *И. Б.*

ніе въ познаніи истинъ и родъ жизни, къ которой, такъ сказать, онъ себя осудилъ, исполнили его просвѣщеніемъ и глубокомысліемъ и расширили въ умѣ его науку всеобщихъ познаний, въ коей пріобрѣлъ онъ столь великое превосходство. Естественное, что сей образъ жизни былъ ничто иное, какъ слѣдствіе приключенія и родъ припадка, который съ возстановленіемъ здоровья и съ теченіемъ времени долженствовалъ прекратиться. И такъ, утомясь уединенными своими занятіями, послѣ полутора-годоваго заключенія, началъ онъ выѣзжать за городъ, удаляясь однакожь и общества и свѣта, но пребывалъ мрачнымъ и скучнымъ, и приверженные къ нему отчаявались, чтобы онъ когда либо возвратился къ прежней жизни. Между тѣмъ слѣдующее событіе сдѣлало съ нимъ переворотъ.

Нѣкоторая знатнаго происхожденія молодая, прекрасная и всѣми добродѣтелями украшенная дѣвица (о имени коей не позволяю себѣ объявить), которую онъ прежде несчастнаго припадка отличалъ въ сердцѣ своемъ, бывши сама къ нему не равнодушною⁽³¹⁾, безпокоясь о странности положенія его и извѣля къ нему соболѣзнованіе, отозвалась къ извѣстнымъ ей искреннимъ друзьямъ его такимъ образомъ: «Весьма жаль, что человекъ толь рѣдкихъ достоинствъ пропадаетъ для свѣта, для отечества и для тѣхъ, которые умѣютъ его цѣнить и искренно къ нему расположены.» Друзья Григорія Александровича, пользуясь случаемъ, пересказали ему о семъ и не упустили украшеніями возбудить въ немъ лестныхъ для каждаго молодого чело-

(31) Не графиня ли Прасковья Александровна Румянцова, вышедшая потомъ за графа Брюса?
И. Б.

вѣка надеждъ, а онъ, по врожденной наклонности къ полу и по скугѣ, истощившей его въ уединеніи, почувствовавъ сильнѣе прежняго къ оной дѣвицѣ влеченіе, рѣшился перемѣнить жизнь и явиться въ общество. Она же, узнавши о томъ, ускоряя довершить свое надъ нимъ торжество, начала проѣзжаться мимоокошекъ дома, въ которомъ онъ жилъ; а сіе понудило отшельца обрить отроченную чрезъ 18 мѣсяцевъ бороду, и появляясь къ окну искать взглядами проѣзжающуюся побѣдительницу свою. Впослѣдствіи чрезъ друзей произошли между ими объясненія, и приглашенія его въ домъ ея родителя, который и прежде его любилъ, ласкалъ всегда какъ сына, и можетъ быть имѣлъ искренно такое къ нему расположеніе. Но одичавшій отъ общества чрезъ долгое уединеніе Григорій Александровичъ не могъ на приглашеніе еще рѣшиться и написалъ къ ней: «что онъ хочетъ явиться въ свѣтъ, не для свѣта, но для нея одной, то и не иначе согласится на сіе, какъ получа на то отъ собственной руки ея приказаніе.» За симъ остановки не послѣдовало. Григорій Александровичъ наконецъ представился въ тотъ домъ, но и предъ дѣвицею, къ которой сердце его стремилось, не хотѣлъ иначе одѣтымъ быть, какъ въ форменномъ сертукѣ, съ повязаннымъ по глазу бѣлымъ платкомъ. Такимъ образомъ Григорій Александровичъ проводилъ жизнь свою нѣсколько мѣсяцевъ.

Между тѣмъ государыня императрица неоднократно желала о немъ освѣдомиться; но враги его, имѣвшіе у двора великую силу, разсѣвала клевету, отзывались двусмысленно, останавливали высочайшее соизволеніе о появленіи его ко двору. Наконецъ князь Григорій Григоріевичъ Орловъ, коего

честность и возвышеніе духа всеѣмъ извѣстны, испросилъ дозволеніе у императрицы поѣхать съ братомъ его графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и представить ея величеству уединившагося Потемкина. И такъ сіи извѣстные великодушіемъ, заслугами, приверженностію и вѣрностію къ государынѣ два брата пріѣхали къ нему неожиданно, и для предупрежденія, чтобъ не допустить его скрыться отъ нихъ, вошли въ его спальню разными дверьми. Первое слово князя Орлова было: «Тезка (32), государыня приказала мнѣ глазъ твой посмотрѣть.» Но при всемъ благоговѣніи своемъ къ монархинѣ, Григорій Александровичъ не желалъ сему повиноваться. Между тѣмъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, предъусмотря сіе прежде и условясь съ братомъ заблаговременно, имѣя, какъ всеѣмъ извѣстно, отъ природы силу чрезвычайную, зашедь сзади Григорія Александровича, схватилъ его поперегъ, и какъ онъ не могъ сопротивляться, то князь Григорій Григорьевичъ, снявъ съ глаза платокъ и видѣвъ на ономъ бѣльмо, сказалъ: «Ну, тезка, мнѣ не такъ про тебя говорили, и все сказывали, что ты проказничаешь; изволь одѣться: государыня приказала привезти тебя къ себѣ.»

На сіе Григорій Александровичъ отговаривался, что для появленія у двора не имѣетъ пристойнаго платья; но одинъ изъ нихъ пошелъ въ его гардеробъ, нашелъ старой фракъ, которой принудили его надѣть и отправились съ нимъ во дворецъ.

Императрица, познавши причину несчастнаго его приключенія, странность, которую онъ предпринималъ, и желая способностямъ его дать при-

(32) Названіе сіе давалъ ему князь Орловъ потому, что имена ихъ были одинаковы.

стойное поприще, приняла его съ большою милостію, соизволила допустить его во все малыя собранія и внутреннія бесѣды, во дворѣ бываемыя, въ которыхъ имѣлъ онъ случай оказывать познанія, приобрѣтенныя имъ отъ уединенныхъ его занятій, природное остроуміе и непринужденную ловкость въ обращеніи. Всеобъемлющій умъ государыни, проицательность и великія свѣдѣнія во всехъ частяхъ учености, среди попеченій о управленіи обширнѣйшей имперіи, при занятіи превыспреннихъ думъ ея о изложеніи законодательства, искалъ отдохновенія въ бесѣдахъ, составленныхъ изъ сословія просвѣщеннѣйшихъ ея подданныхъ, въ коихъ каждый могъ свободно раскрывать предъ нею свои дарованія.

Тутъ Григорій Александровичъ имѣлъ всегда случай оказывать возвышенность своихъ понятій и способность ко всему великому. Съ сего времени онъ сталъ ближайшимъ при ея величествѣ, и сдѣлавшись непринужденнымъ въ присутствіи ея, увеселялъ остроумными своими изреченіями; а государыня находила великое удовольствіе собесѣдовать съ человѣкомъ, который въ состояніи былъ постигать высочайшій разумъ ея и съ пріятностію отвѣтствовать на утонченные разговоры ея величества: — словомъ сказать, императрица оказывала къ нему всевысочайшее свое благоволеніе. Тогда завистники, души низкія и недалъные умы, начали почитать его опаснымъ, затверживали неумышленные слова его и толкуя всякую рѣчь его во вредъ ему, и всякой поступокъ въ злоумышленіе, старались очернить его предъ тѣми, которые имѣли силу вредить ему. Сверхъ сего Григорій Александровичъ, достигнувъ въ уединеніи многихъ познаній,

не могъ преодолѣть врожденнаго свойства пылкости: въ характерѣ его не доставало умѣренности, безъ коей при дворѣ трудно существовать, и хотя онъ былъ почтителенъ и вѣжливъ къ достойнымъ людямъ, но не могъ по молодости удержаться, чтобы не осмѣивать тѣхъ, кои заслуживали порицаніе и тонкую сатиру. Сія черта свойствъ его возбудила противъ него сильныхъ, и онъ не возмогъ долго удержаться при вторичномъ и счастливымъ своемъ появленіи ко двору: чрезъ нѣсколько времени⁽³³⁾ послѣдовало неожиданное имъ удаленіе; такъ что въ вечеру, отбывши изъ дворца съ милостію императрицы и съ привѣтствіями отъ всѣхъ придворныхъ, на другой же день поутру получаетъ повелѣніе отправиться немедленно въ Швецію съ препорученіемъ весьма маловажнымъ; противъ желанія, оставляя лѣтвившія его надежды, уѣхалъ⁽³⁴⁾. Хотя же нѣкоторый писатель увѣряетъ, что при семъ удаленіи получилъ онъ выгодное жалованіе, но это несправедливо; ибо онъ получалъ 1000 р. жалованія, какъ камеръ-юнкеръ, да 1000 р. пансіону, который имѣли всѣ бывшіе при восшествіи ея величества на престолъ на ряду съ другими и пожалованъ помѣстьемъ 400 душъ крестьянъ. Сверхъ сего получилъ обыкновенную сумму денегъ, которая въ подобныхъ случаяхъ давалась на проѣздъ.

По возвращеніи Григорія Александровича изъ Швеціи онъ не имѣлъ болѣе удвора той пріятности, какою поль-

⁽³³⁾ Было написано прежде „мѣсяцовъ“. П. Б.

⁽³⁴⁾ Въ другихъ извѣстіяхъ о кн. Потемкинѣ обыкновенно говорится, что онъ былъ посланъ курьеромъ въ Швецію еще въ 1762 году съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II-й. П. Б.

зовался до отбытія своего, но однакожъ всегда былъ уважаемъ. Привязанность его къ военной службѣ при семъ случаѣ не была больше развлеченною: онъ не пропускалъ ни одного полковаго строя, чтобы на ономъ не быть и вникалъ въ практику тактики съ прилежаніемъ; между тѣмъ получилъ онъ по старшинству чинъ камеръ-гера, и особенная къ нему милость монархини ознаменована при семъ, ибо въ сей чинъ поступилъ онъ послѣднимъ⁽³⁵⁾.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ ИЗЪ ПОХОДА ВЪ ХИВУ (*).

VI.

1-го Генв. 1840. Сѣновымъ годомъ! День славный; вчера я сегодня градусовъ 10—15, тепло; снѣгъ не идетъ, вѣтру нѣтъ. Снѣгъ однакоже ужасно глубокъ: Богъ вѣсть, какъ протащимся съ орудіями, большими и ящиками. Дай Богъ, чтобы мы могли сдѣлать по 10 верстъ въ день. Вѣроятно выступимъ дня черезъ три. Вчера опять ушло у насъ четыре Кайсака, Семиродца, это всего выходитъ 24 человекъ; поймать ни одного не удалось доселѣ; хотъ бы разстрѣлять какого набудь бѣглеца, такъ бы можетъ быть стали трусить. В. А. сегодня очень разстроены, не спалъ всю ночь и много беспокоится. Я все говорю алахъ-керимъ, Богъ милостивъ, и Русскій Богъ великъ; дойдемъ хорошо, сдѣлаемъ дѣло и воротимся благополучно. Мы доселѣ сдѣлали нѣсколько менѣе 500 верстъ въ 32 дня, а отсюда пойдѣмъ еще вдвое медленнѣе. Бизяновъ, который выступилъ четвертаго дня съ своей колонной, проходилъ первые два дня по пяти и по семи верстъ. Пѣхота пашетъ по колѣна въ снѣгу. Всѣ Кайсаки говорятъ, что отъ роду такого снѣгу

⁽³⁵⁾ ? П. Б.

(*) См. выше, стр. 400—431.

здѣсь не запомнятъ; обыкновенно по сю сторону Сырта Буссага, который раздѣляетъ вершины Илека и Эмбы, зима бываетъ несравненно мягче и снѣгу бываетъ гораздо меньше, чѣмъ у васъ; теперь на оборотъ. Вы ждете снѣгу, а мы отрываемся лопатами. Наша колонна шла въ походъ такимъ порядкомъ: лѣвый флангъ верблюдовъ въ десять рядовъ или нитокъ; впереди, для порядку, по одному казаку на каждый рядъ, а иногда и на каждые два ряда. Правая колонна пли флангъ также; въ срединѣ паркъ, за нею штабъ; за нимъ лодки, церковь, аріергардъ; впереди парка артиллерія, впереди ея авангардъ 1-го полка. Нельзя впрочемъ не признаться, что иногда, особенно въ началѣ, было много путаницы, и долго не могли привыкнуть останавливаться тѣмъ же порядкомъ и выступать также. Теперь всякій знаетъ свое мѣсто; кибитка корпуснаго командира становится въ самой срединѣ за паркомъ и выдвигается впередъ; за нею каютъ кампанія и кухня: по обѣ стороны: влѣво стоятъ дежурный штабъ офицеръ, дежурство и прочее, вправо мы. Теперь прибыли къ намъ въ палатку еще два генерала: командиръ пѣхотой Толмачевъ, и кавалеріей Цюлковскій. Они, кажется, станутъ на правомъ флангѣ, подлѣ дежурства. Скажу вамъ еще частное и собственное мнѣніе мое: мы весною воротиться не можемъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ обратный путь будетъ по моему безъ всякаго сравненія легче и удобнѣе; мы можемъ идти порознь, разными дорогами и малыми частями. Мнѣ кажется, что мы, вопреки всякому расчету, отвѣдаемъ Хивинскихъ дынь, а можетъ быть и винограду. Вы видите, что я говорю откровенно, что думаю, поэтому и вѣрьте, что я вообще отъ васъ ничего не скрываю; В. А. позволялъ писать мнѣ *все*, и письма эти почти тоже, что дневникъ мой.

4-го *Генв.* Довольно холодно; 22°, но ясный, солнечный день. Изготовилъ до 150 коекъ для больныхъ, которыхъ будутъ подвѣшивать на верблюдовъ; пересмот-

рѣлъ стьянки и банки по должности дворецкаго — все полопалось, вино, трюфли, морсь, прощай! Даже портвейнъ и мадера высадили въ боченкахъ дно. Говорятъ, если правда, что у Цюлковскаго все цѣло: вотъ что значить хозяйинъ, и вотъ какая разница въ хозяйствѣ хозяина и бурлака. Впрочемъ, все у насъ было обшито кошмами: не знаю, въ чемъ сила. В. А. уѣхалъ вчера еще въ укрѣпленіе къ Геку, и пишетъ письма; Никифоровъ и Ханниковъ живутъ тамъ постоянно, Артюховъ являлся туда ежедневно, чтобы поевъ свѣжаго хлѣба и напиться квасу; я въ теченіе двухъ недѣль навѣдывался туда, по дѣлу, раза два-три. Мулду произвели заурядъ въ хорунжій, онъ ходитъ съ темлякомъ; Чихачевъ вздумалъ чистоцлотничать сегодня, вытереться спиртомъ, да хотѣлъ погрѣть огромное полотенце, съ простынсю, обмакнувши его въ спиртъ — огонь вспыхнулъ, и мы едва не сожгли юламу свою, насилу выкинули тряпку въ снѣгъ.

5-*Генв.* На дняхъ отданъ приказъ, чтобы всѣ офицеры покидали здѣсь въ укрѣпленіи всѣ излишнія тяжести, все безъ чего только можно обойтись, потому что иначе, быть можетъ, принуждены будутъ по недостатку верблюдовъ кинуть добро свое путемъ на распустьѣ. Почему же и не такъ? Въ Турціи гевальдигеры жгли, по приказанію главнокомандующаго, всякую лишнюю, т. е. всякую повозку, когда строго велѣно было вѣзмъ итти на вьюкахъ, но не могли истребить всего обоза: много телѣгъ перешло за Балканъ — и виновать, въ томъ числѣ и наша. Двѣ вещи своихъ мнѣ было некуда, и чѣмъ жечь ихъ самому, я рѣшился тогда предоставить дѣло это судьбѣ и обергевальдигеру. Кто изъ нихъ былъ милостивѣе, не знаю; но мы съ Зейдлицемъ сохранили телѣгу свою. Здѣсь пное дѣло; мы поднялись съ мѣста на вьюкахъ, всѣ знали, что лишняго брать нельзя, и всѣ мы знали кромѣ того, что насъ будутъ кормить готовымъ. У меня бросать нечего; на шт. офицера полагалось при выступленіи два верблюда, а я занялъ своими вещами одного. Но тулушь, та-

ганъ, котелокъ, ведро, топоръ, лопата, чайникъ, треноги, арканъ и всякая, неизчислимая, но необходимая дрянь накопляется и—смотришь—выходить тотъ же व्यюкъ. Тутъ еще овса выдадутъ вдругъ на нѣсколько сутокъ, да сухарей людямъ, да наберешь сѣнца, да дровецъ—и бѣдный верблюдъ кряхтитъ и рычитъ подъ ношей, а убавить нечего. Удивительно, какъ дрянь эта накопляется въ походѣ, и какъ она необходима. Напримѣръ, у человѣка излишняя кошомка, дрянная, узодранная, но она грѣеть, если ея укроешься въ 25° морозу, и грѣтъ, если ее подстилать подъ себя; и кто рѣшится ее кинуть? Вотъ какъ поидемъ, завоевавши ханство, домой, тогда облегчимся: тулуповъ и теплыхъ сапогъ не надо, кинемъ ихъ; овса лошадямъ не нужно, сѣна не нужно, муки верблюдамъ не нужно, дровъ таскать не нужно, ни теплыхъ постелей и покрываль, и прочее и прочее.

6-го Генв. Погрузили крестъ въ Эмбу, освятили буеурманскія воды, цалили изъ пушекъ. Священникъ нашъ молодой вдовецъ, лѣтъ двадцати не съ большимъ, благочестивый, доброжелательный и всѣми уважаемый. Онъ стоялъ въ бѣлой какъ снѣгъ ризѣ, на бѣломъ снѣгу. и солнце генварское ярко играло на золотыхъ галунахъ. День ясный и теплый, 10°. На дняхъ генер. Молоствовъ стрѣлялъ въ цѣль, Уральцы изъ винтовокъ своихъ били также не совсѣмъ плохо: на 100 и 150 шаговъ. Скоро и я буду походить на Уралца: я не брился со дня выступленія изъ Оренбурга и не намѣренъ бриться до возвращенія: на походѣ, да еще зимой, заниматься этимъ скучно. Скоро напишу вамъ, къ какому разряду изъ всѣхъ бородъ принадлежитъ борода моя: длиннѣе ли она, лопатой ли, вѣшникомъ, вѣромъ или хохолкомъ. Верблюды наши худѣютъ — перенеси Богъ; но иначе и быть не можетъ; зимняя тебеневка можетъ по нуждѣ поддерживать скотину, кой-какъ, но откормиться на ней скотина не можетъ. При выступленіи отсюда, верблюды по необходимости бу-

дутъ сутки полторы не ѣвши; они ходятъ верстѣ за 20, ближе нѣтъ кормовъ; ихъ пригоняютъ сюда съ утра, здѣсь они переночуютъ, на другой день навьюченные должны они еще сдѣлать хоть небольшой переходъ и удовольствоваться потому неимовѣрно-тощимъ кормомъ, потому что снѣгъ завалилъ все. Лошадямъ идетъ по 5 ф. сѣна, и по 4 и 5 гарнцевъ овса. Этого довольно. Я не ковалъ лошадей своихъ вовсе и очень этимъ доволенъ: снѣгъ не набивается подъ копыта, и лошади, непривычной къ ковкѣ, легче. О Хивинцахъ никакого слуху: словно сгинули. Тяжело будетъ намъ пройти еще верстѣ 200, т. е. до Усть - Урта; тамъ, поднявшись, найдемъ много дровъ, найдемъ и корму для верблюдовъ и, вѣроятно, поменѣе снѣгу. Бывалые люди увѣряютъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не найдемъ въ Хивѣ, въ цѣломъ ханствѣ, достаточное для себя продовольствіе, а что необходимо будетъ требовать подвозу изъ Бохары. Я тоже такъ думаю, и думаю, что изъ Бохары, если просить объ этомъ не застѣнчиво, могутъ доставить довольно. Каракалпаки могутъ снабдить насъ говядиной, а Туркмены верблюдами. Мы придемъ въ Хиву къ веснѣ; вѣроятно хозяевамъ не много удастся посѣять, и гости еще менѣе того пожнутъ. Пора не земледѣльческая, година брани. Я говорилъ уже вамъ, что на дняхъ попытались сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ огнями, по условленному порядку. Такъ какъ это случилось въ первый разъ, то В. А. послалъ увѣдомить о томъ всѣхъ начальниковъ, чтобы они не прозѣвали ракеты. На другой день одинъ подалъ мнѣніе свое, что было бы необходимо имѣть какой нибудь сигналъ, означающій: „больше сигналовъ въ эту ночь не будетъ“, чтобы избавить людей отъ труда караулить ихъ. Это очень походитъ на извѣстный анекдотъ о какомъ-то городничемъ или губернаторѣ, который отдалъ приказъ, чтобы пожарныя трубы всегда были запряжены за полчаса до пожара.

8-10 Гелв. Скука начинается одол-
вать насъ: все еще стоимъ на мѣстѣ,
стоимъ еще оттого, что намъ, для уни-
чтоженія укрѣпленія при Акъ-Булакѣ,
надобно поднять оттуда все и въ осо-
бенности больныхъ и препроводить ихъ
безопасно сюда, на Эмбу; и будутъ
передавать, по пересылкѣ, одинъ от-
рядъ другому, и потому надобно ра-
считать время такъ, чтобы каждый вы-
ступилъ въ пору. Между тѣмъ непо-
мѣрно глубокіе снѣга замедляютъ ходъ,
Чижевъ пришелъ въ Акъ-Булакъ въ-
роятно только 3-го или 4-го. Скажу
вамъ правду, В. А. заботами, безсон-
ницей и тьмою хлопотъ и затрудненій,
а пуще всего именно заботами о буду-
щемъ, очень разстроены. Тутъ, кажет-
ся, немножко не правы тѣ, которые
старались убѣждать его всегда, что за-
трудненій и препятствій быть не мо-
жетъ, и что весь походъ этотъ будетъ
прогулкой. Нѣтъ; я не велика спица
въ колесницѣ, и не мнѣ бы объ этомъ
судить, но я всегда былъ вовсе про-
тивнаго мнѣнія и доселѣ все еще уди-
вляюсь, какъ все идетъ хорошо, и какъ
мало встрѣчаемъ мы препятствій. Раз-
вѣ доселѣ подобный походъ не счи-
тался почти несбыточнымъ? Развѣ не
одно только крайнее предусмотрѣніе и
необыкновенные средства и способы
могли дать возможность предпринять его?
Развѣ ктонибудь изъ насъ не зналъ,
что мы должны пройти болѣе десятой
доли четверти круга земнаго по бура-
намъ, необитаемымъ пустынямъ, покры-
тымъ снѣгомъ, ограничиваясь собствен-
ными средствами и не ожидая ни отъ
кого почти никакой помощи? Развѣ не
знаемъ и не видали мы, какъ люди го-
лодаютъ, болѣютъ, гибнутъ, какъ по-
стигаетъ всякая военная невзгода вой-
ска, среди земель Европейскихъ, гдѣ
казалось бы есть всѣ средства избѣ-
гнуть всякой подобной бѣды? А между
тѣмъ настоящій походъ не можетъ ра-
вняться ни съ какимъ другимъ по-
ходомъ — это иное дѣло. Стало быть, мы
все это знали, на все это готовились и
не должны удивляться теперь ничему.

Говорятъ: да теперь, можетъ быть, всѣ
верблюды падутъ, мы останемся безъ
подъемныхъ средствъ, у насъ выйдетъ
продовольствіе, мы его всего беремъ
на шесть недѣль; въ Хивѣ мы его
не найдемъ, люди всѣ переболѣютъ, и
прочее, и прочее. Отвѣчаю опять тоже:
все это можно и должно было предви-
дѣть; противъ всего этого взяты заблу-
говременно всѣ возможные мѣры, — а
чего предупредить нельзя, то во вла-
сти Господней. Насъ можетъ поглотить
и землетрясеніе; но вѣроятно ли это,
хоть скольконибудь? Нѣтъ. Такъ и то;
трудностей будетъ много, но мы ихъ,
дастъ Богъ, одолѣемъ. Верблюды не мо-
гутъ никогда пасть вдругъ; потеряемъ
въ теченіи пути треть, ну половину —
и дойдемъ на остальныхъ; оставимъ
часть людей и сложимъ часть продо-
вольствія, котораго не въ силахъ под-
нять, пойдемъ дальше и сдѣлаемъ свое.
А чтобы можно было кончить все это
и воротиться весною въ Оренбургъ —
этому я никогда не вѣрилъ, и молчалъ,
чтобы не быть зловѣщимъ пѣтухомъ.
У насъ здѣсь о сю пору надѣются и самъ
В. А. не вѣритъ, чтобы мы не воро-
тились весной — а я остаюсь при сво-
емъ. Надо приготовить продовольствія,
которое можемъ получить только изъ
Бохары — чему также не чужать вѣ-
рить; надобно достать верблюдовъ у
Туркменъ и Кайсаковъ (у Каракалпа-
ковъ ихъ нѣтъ), а на нашихъ верблю-
дахъ мы воротиться не можемъ: весной
скотина тоща, особенно послѣ зимняго
похода. Надобно кончить политическія
дѣла, не только въ Хивѣ, но вѣроятно
и съ Туркменами — словомъ, это не
игрушка. Но все это, я увѣренъ, сдѣ-
лается; только на это нужно время. Ес-
либы я былъ здѣсь нуженъ, или въ осо-
бенности полезенъ — я бы не жалѣлъ
о томъ, что покинулъ престарѣлую мать
и малолѣтнихъ дѣтенышей; а какъ я
считаю себя почти излишнимъ, потому
что каждый грамотный человѣкъ могъ
бы написать 12 или 15 номеровъ бу-
магъ, которыя у меня о сю пору вышли,
то по одному только этому иногда не-

вольно вздыхаю по своимъ. Вотъ почему я отнюдь не хотѣлъ быть въ числѣ *охотниковъ*, хотя и пошелъ охотно, когда сказано было: иди. Личная привязанность и благодарность моя за много добра заставляли меня почти желать, чтобы я при назначеніи этомъ не былъ обойденъ; а увѣренность, что во мнѣ не можетъ быть никакой нужды, побуждала отвѣчать на вопросъ: хотите ли идти? — Какъ прикажете, какъ угодно.

Посланные впередъ для развѣдокъ Кайсами привезли отъ Бизянова, изъ передоваго отряда, хорошія вѣсти: глубокой снѣгъ лежитъ только на четыре перехода отсель, а тамъ его меньше, и тебеневка изрядная. Кузминскій, слѣдующій за Бизяновымъ, вопіетъ еще отчаяннымъ гласомъ, но вѣроятно и онъ вскорѣ выберется изъ сугробовъ и оправится. Здѣсь всѣ бросили излишнюю поклажу свою; все укрѣпленіе завалено. Мнѣ остается только бросить ящики, которые вѣсятъ до 3-хъ пудовъ и переложить бѣлье и платье въ шшокъ — поклажи лишней нѣтъ. Иные оставляютъ здѣсь даже бѣлье, берутъ съ собою дюжину и даже менѣ рубахъ — на это я не рѣшаюсь; кинуть, такъ кину на дорогѣ, гдѣ придетъ раздорожница, а бѣлья здѣсь не брошу. Судьба хранила меня досель отъ всякихъ плотоядныхъ вабѣговъ шестиногой пѣхоты, но у многихъ изъ товарищей моихъ большой и указательный персты правой руки исправляли должность удочекъ и таскали по вечерамъ бѣлорыбицу изъ подъ воротника рубахи.... Я увѣренъ, по опыту, что никогда и ни въ одномъ походѣ Русскій солдатъ не ѣлъ такъ хорошо и сытно, какъ нынѣ здѣсь; между тѣмъ имъ все мало. Ёдятъ какъ акулы, а работаютъ какъ мухи; они походятъ на какихъ-то институтокъ, не видавшихъ отроду ничего и не умѣющихъ заботиться ни о чемъ. Все имъ въ диковину; вѣрите ли, не умѣютъ разложить огня и сварить каши, не умѣютъ сладить съ камышемъ и вязякомъ, не умѣютъ зарѣзать коровы, заколоть барана. Кто ихъ нянчилъ и лелѣялъ, кто началъ ихъ и прибаюки-

валъ? Уральцы молодцы; ихъ суютъ всюду, и всюду они успѣваютъ, и вездѣ ими довольны. Отборные Башкиры Цюлковскаго также молодцы; дивизионъ 1-го полка воюетъ съ Кайсаками, отбиваетъ въ отрядъ верблюдовъ, гдѣ можетъ, и говорить, что покажетъ себя въ дѣлѣ. Впрочемъ, майоръ Давыдовскій, командующій имъ, прекрасный, благородный, заботливый человекъ; жаль только, что онъ самохваловъ не оставилъ въ Уфѣ. — Уральцы не съѣдаютъ казенной дачи, а линейные баталіоны, стоя 3 недѣли здѣсь на мѣстѣ, не могутъ утолить голода никакими средствами; чтоже будетъ, когда пойдемъ на половиной дачѣ? Впрочемъ, надобно сказать правду, отъ безпорядку при раздачѣ и по другимъ причинамъ, всякое стараніе, всякая забота главнаго начальника дѣйствуетъ не рѣдко въ превратномъ смыслѣ или видѣ, и никакой глазъ не можетъ усмотрѣть тутъ за порядкомъ во всѣхъ частностяхъ.

Завтра, 10-го, идемъ непременно. В. А. остается еще здѣсь на нѣсколько дней и догонитъ насъ; колонна Гека также еще остается. Морозы опять поправились; дня три все по 25°, но въ полдень солнце удивительно грѣетъ. Спасибо, нѣтъ вѣтру. Только бы до Усть-Урта, какихъ нибудь 250 верствъ, а тамъ не боялся ничего. Да, если бъ послушали меня глупаго, говорила нянька Соломонида, были бы разумны; зимою надобно было идти на Гурьевъ или Сарайчикъ; только весной или осенью эта дорога предпочтительна. *Madry liach poŝcodzie*. Слава Богу, добрыя вѣсти отъ Бизянова, изъ передовой колонны, развеселили нѣсколько и В. А.; въ самомъ дѣлѣ, не бездѣлица вести на свой отвѣтъ столько народу!

Вечеромъ. Былъ въ укрѣпленіи, въ этой Капуѣ, и наглядѣлся всякой всячины. Примите къ свѣдѣнію, что при этой массѣ движущихся силъ, никогда не можетъ дѣло обойтись безъ всякихъ безпорядковъ, сколько начальникъ ни хлопочи, хоть онъ разорвись. Тутъ не только виноваты виноватые, но иногда и не виноватые; виноватъ случай и сплетеніе обстоятельствъ, наприимѣр:

при новомъ разчетѣ верблюдовъ койкого забыли вовсе. Тутъ съ большимъ ожесточеніемъ и настойчивостію требуютъ изъ укрѣпленія въ отрядъ 30 пудовъ сала, комендантъ плачетъ и отдаетъ послѣдніе 25 пудовъ; вѣшаютъ его, казакъ отмораживаетъ себѣ при этомъ палець, и лишь только сало это, взятое почти съ бою, привозится въ колонну, какъ уже возвращается назадъ, потому что въ колоннѣ отыскалось 100 пудовъ сала, о которыхъ по видимому позабыли. Не одно сало впрочемъ, и сухожильное мясо съ костями отыскивается иногда такимъ же образомъ: въ какомъ-то невѣдомомъ углу укрѣпленія, въ темной землянкѣ, нашлись сегодня 22 человѣка слабыхъ 1-го баталіона, о которыхъ также историческихъ, статистическихъ и географическихъ свѣдѣній не отыскалось. Ктожь васъ продовольствовалъ? спросилъ я. — Да мы посылали каждый день человѣкъ трехъ, которые по крѣпче, и имъ отпускали, по маленьку, всего.... — — Жаль, что въ отрядѣ недостаетъ многихъ лицъ и мѣстъ, къ которымъ привыкли на походѣ всегда по разнымъ дѣламъ обращаться, зная уже, гдѣ и у кого чего искать. Нѣтъ начальника-штаба, оберъ-квартирмейстера, оберъ-провіантмейстера и многихъ другихъ. Кромѣ того — позвольте сказать между нами правду — вромѣ немногихъ, людей нѣтъ....

11-го. Вчера, поздневно, сдѣлано было окончательное распоряженіе о непремѣнномъ выступленіи. У укрѣпленія осталось много сѣна; можно бы было прокормить ночью верблюдовъ и выступить сегодня въ порядкѣ, но сборъ пробилъ въ часъ и вскорѣ начали выступать. Всего приходилось пройти намъ до ночлегу версты двѣ, но давно уже смеркось, какъ, отъ безпорядку и излишняго порядка (то и другое одинаково неудобно) сотни выюковъ и верблюдовъ лежали еще на мѣстѣ и сотни валялись растянувшись на цѣломъ пути. Такимъ образомъ мы нынѣ по-вѣряемъ и считаемъ верблюдовъ и держимъ ихъ — со времени пригона съ

пастбища — двое сутокъ тошачомъ. Если такъ будемъ идти, то не дойдемъ; въ этой печальной истинѣ я вчера только, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ убѣдиться. Но въ этомъ случаѣ погубить насъ не морозы, не снѣга, не трудность пути, а погубить двѣ крайности: одна лежитъ по одну сторону, другая по другую сторону порядка, этой души всякаго дѣла. Надобно во всемъ этомъ винить случай, трудность и новизну дѣла, трудность управления частями и цѣлымъ и сотни неустраняемыхъ помѣхъ. Довели, на примѣръ, главнаго начальника до того, что онъ хочетъ кинуть все, весь обозъ свой и, по собственнымъ словамъ его, записаться въ солдатскую артель: такой недостатокъ, говорятъ, въ верблюдахъ; а между тѣмъ вдругъ оказываются ихъ сотни лишнихъ подъ юлламами и разною дрянью возчиковъ-Кайсаковъ. Ну, полно объ этомъ; много будете знать, скоро состарѣетесь... Поговоримъ о другомъ. Папа Пій VII-й вздумалъ угостить Эверсмана и другихъ спутниковъ кофеемъ и сказалъ своимъ языкомъ казаку: тамъ слышь, лежитъ въ бутылкѣ кофе, сдѣлай. Казакъ сварилъ кофе, принесъ его, гости стали наливать, положили и сахару, прибавили сливокъ — вкусъ, говорятъ, довольно странный и совсѣмъ не кофейный; нюхаютъ, прихлебываютъ — наконецъ приказываютъ принести бутылку, и оказывается, что козакъ сварилъ кофе изъ сухой ваксы....

Да, безначаліе худо, а многоначаліе мало лучше. Это то же многоженство. В. А. остался еще на время въ укрѣпленіи. Начальники колоннъ были при выступленіи: Цюлковскій, Кузминскій, Толмачевъ и Мансуровъ; на мѣсто послѣдняго поступилъ давно уже Молоствовъ; къ Кузминскому въ колонну отправился, еще съ Эмбы, генер. Толмачевъ. У насъ въ колоннѣ междуцарствіе. Ушли колонны: Бизянова и Кузминскаго, и за нами выступаетъ Геке. Снѣгъ глубокъ, почти по колѣни, кормы покрыты, а верблюдъ кормится только тѣмъ, что сверхъ снѣгу; онъ не можетъ

разгребать снѣгъ мягкими перстами своими и пяткой, какъ лошадь копытомъ. Я нѣсколько разъ говорилъ, еще во время стоянки нашей на Эмбѣ, что по нынѣшнему состоянію верблюдовъ необходимо уменьшить вьюки; теперь, кажется, опытъ заставить приступить къ пересыпкѣ провіанта для уменьшенія тяжести. Не дай только Богъ оттепели— тогда бѣда; морозы снова пріударятъ, и снѣга покроются черепомъ: вся скотина пропала; ноги верблюдамъ подрѣжетъ, а корму нѣтъ тогда вовсе. Теперь идемъ рядами, нитками, рядовъ въ пять, глубокими тропинками, протоптанными передовыми верблюдами; какъ верблюдъ ступится въ глубокой снѣгъ, съ жесткой тропы, такъ и полетитъ и уже рѣдко встаетъ. Вьюки пригнанные здѣсь, въ укрѣпленіи, сдѣланы дурно, не впору, ни по сѣдлу, ни по верблюду, сваливаются, душатъ верблюда: очень естественно, этотъ родъ вьюченья съ кляпами, очень хорошъ, если пригнать тщательно каждый вьюкъ отдѣльно; въ противномъ случаѣ не годится, а гораздо лучше вьючить по киргизски, съ завязкой. Объ этомъ докладывалъ я, когда только узналъ, что дѣлаются въ укрѣпленіи вьюки; дѣло кончилось бесѣдою, а теперь бѣда. О Хивинцахъ ни слуху, ни духу. Лошади всѣ въ отличномъ тѣлѣ, какъ были выкормлены въ Оренбургѣ. Вынеси Господь насъ на Усть-Урть; тамъ дойдемъ, дастъ Богъ; снѣга не могутъ быть тамъ глубоки, какъ здѣсь. Но сю пору офицеры у насъ всѣ здоровы, что будетъ впередъ!

Въ укрѣпленіи жгли мы, и гарнизонъ частью, башкирскія тѣлѣги, ихъ остались тутъ тысячи; а если бъ вы видѣли, сколько тутъ брошено желѣза, шинъ, равней, право страхъ сказать: вся степь плывѣе весь лагерь заваленъ. Вчера, 13-го, послѣдовалъ приказъ о назначеніи Цюлковскаго командующимъ колонной вмѣсто захворавшаго Молостова. Сегодня опять считали верблюдовъ, двѣва; такъ считали, никакъ, сыновъ Израилевыхъ въ пустынѣ. Кули, благодаря Бога, пересыпаютъ. Вчера я было со-

всѣмъ разклепался, сегодня мнѣ хорошо, только поясница болитъ; но это болѣзнь на походъ скучная, да не опасная. Вчера сдѣлали мы всѣ пятеро въ юламѣ своей вокругъ огонька, и Л. насъ ужасно насмѣшилъ и распотѣшилъ. Въ чайникѣ нашемъ была водка; выливши ее, мы положили въ него снѣгу, чтобы выполоскать, и поставили на огонь. Л. ничего этого не зная взвылъ по верблюжьи и зарычалъ львомъ, когда голубое пламя внутри чайника стало пробѣгать по снѣгу. Мы съ своей стороны отвѣчали преспокойно, что это не диво и что здѣшній снѣгъ всегда горитъ. *Ist es möglich? Wäre es möglich? Das wäre doch des Teufels* — словомъ, у нашего ученаго умъ за разумъ зашелъ; онъ началъ доказывать, что въ снѣгу могутъ находиться горючія частицы щелока, и тому подобное, выскочилъ сломя голову изъ юламы, ухватилъ, какъ вдохновенно бѣснующійся, комъ снѣгу и поднесъ его къ огню — но снѣгъ не загорался; рѣшено было, въ общемъ собраніи, что снѣгомъ топить нельзя, а надо запасаться дровами. Смѣшной случай этотъ напомнилъ мнѣ другой, подобной анекдотъ, видѣнный и слышанный мною у старика Паррота; онъ показывалъ намъ какой-то физическій опытъ и указывалъ всѣмъ на желѣзную трубочку, изъ которой вода должна ударить; началъ качать, качаетъ, качаетъ — воздухъ шипитъ, а воды ни капли. Старикъ обошелъ насосъ со всѣхъ сторонъ, осмотрѣлъ его, удивлялся, но счелъ наконецъ обязанностію объяснить ожидающимъ развязки ученикамъ причину неожиданнаго явленія, и прочелъ очень ученое слово о барометрическихъ, термометрическихъ и игрометрическихъ влѣніяхъ на насосы. Не успѣлъ однакоже кончить его, когда рабой и кривой прислужникъ его, знаменитый Кристьянъ, перебилъ его преспокойно, замѣтивъ, что вода еще не налита. На дневкѣ сегодня поиграли мы съ Коваленскимъ и Сафоновымъ немного въ шахматы, но они оба слабые. Между тѣмъ другіе поднесли Л. баранью башку, увѣряя его, что это голова диваго осла, найденная на древ-

немъ полѣ сраженія. Хорунжій Мулла-Нуръ между тѣмъ препоясывалъ чресла своею мечемъ — кладенцемъ, чтобы явиться къ новому начальнику, отцу и командиру своему.

VII.

18 *Гисв* На вчерашнемъ переходѣ встрѣтили мы больныхъ нашихъ съ Акъ-Булака. У меня сильно болятъ поясница, и я не могу еще сѣсть верхомъ, и лежалъ въ койкѣ на верблюдѣ; поэтому я не могъ самъ видѣть больныхъ, но, говорятъ, было страшно. Изъ Акъ-Булака отправлено ихъ 232 человѣка, а на дорогѣ, въ шесть дней, умерло изъ нихъ 46. Все цынга. Разумѣется, что тѣ, которые скончались дорогою, не долго прожили бы и въ цынготныхъ землянкахъ своихъ, въ Акъ - Булакѣ; а кто вынесетъ переходъ этотъ, можетъ надѣяться выздороветь. На Эмбѣ имъ будетъ лучше, они будутъ жить въ кибиткахъ. Дай Богъ скорѣе дотащиться. На Усть - Уртѣ — бывало столь страшномъ — мы отдохнемъ. Не можетъ же быть, чтобы тамъ былъ такой снѣгъ. Здѣсь верблюдовъ посылаютъ на тебевку съ лопатами, расчищаютъ напередъ снѣгъ. Коваленскій, о которомъ у васъ разнеслись какіе то нелѣпые слухи, ждетъ насъ въ Акъ Булакѣ, но, говорятъ, самъ боленъ. Моей болѣзни не пугайтесь; она мнѣ крайне надобна, это правда, но звѣстный Drachenschuss, столь страшный по прозванію, какъ сами вы знаете, никогда не бываетъ опасенъ.—У насъ появилась дойная верблюдица; молоко очень хорошо, густо какъ сливки и солоно.

22-го. Прошли знаменитыя горы Бакыръ и Алл; до Акъ-Булака осталось намъ не болѣе 45 верстѣ. Что за пустынный печальный край! Здѣсь лѣтомъ одно только сухое море. Мысль цѣпнетъ, когда глазъ обнимаетъ на безконечное пространство сухую, чахлую, безводную и бесплодную почву. А злой! Въ продолженіи двѣнадцати дней, съ самаго выступленія съ Эмбы, мы два только раза могли напоить лошадей;

одинъ разъ въ дурномъ, солонгорькомъ озерѣ и вчера, у подошвы горы Али изъ родника, бѣднаго, но прѣснаго, хоти и нащитаинаго гипсомъ. Верблюдовъ водятъ пасти съ лопатами, разгребаютъ для нихъ снѣгъ; но силъ человеческихъ не достаеъ на то, чтобы разгresti достаточное для нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ пространство; снѣгъ глубокъ, жестокъ, смерзъ и окрѣпъ, и притомъ спросите, что подъ снѣгомъ эямъ?—обвѣтрившійся мергель, гипсъ, сѣрая вака, желѣзистая, разсыпная, и еще солонватый илъ; чернозему ни зерна. Ковыль (stipa) по сю сторону Эмбы является только изрѣдка на сопкахъ пригорковъ, а въ полѣ горькія полыни, бѣдныя, мелкотравчатыя, да уродливыя солянки, разсыпаны тутъ и тамъ щедрою рукою, не могутъ покрыть собою ни одного фута земли. Это край, который лежитъ въ пустѣ цѣлыя столѣтія, вѣроятно тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ обнажился отъ морскихъ волнъ. Кочевой Ордынецъ раннею весною торопливо и боязливо прогоняетъ по этимъ мѣстамъ тощія стада и табуны свои, поспѣвая на Эмбу, въ Барсуки или въ Каракумъ, и считаетъ сыпучіе пески отряднымъ убѣжищемъ въ сравненіи съ этой могилей... О Хивинцахъ ничего положительнаго не слышно; говорятъ, будто они выжидаютъ насъ у Каратамака, у Дивлетъ-Гирей. Я этому не вѣрю; они не могутъ держаться столько времени на одномъ мѣстѣ, не могутъ заpastись продовольствіемъ. Говорить, у Акъ-Булака появляются по высотамъ конники и высматриваютъ чтѣ дѣлается; это можетъ быть. Для этого непріятель могъ оставить по дорогѣ полсотни двуконныхъ набѣдниковъ. Конечно надобно быть болѣе нежели скотомъ, чтобы не сдѣлать даже и этого; и журавли, и гуси, и олень ставятъ сторожей по высотамъ, чтобы не поддаться распаху. Десять дней уже, какъ мы разлучены съ В. А.; сегодня онъ долженъ прибыть къ намъ, слава Богу. Онъ обрадуется: мы идемъ довольно хорошо, кидаемъ въ одной нашей колоннѣ—ежедневно отъ 8 до 20

верблюдовъ, это правда; но благодаря Бога, подвигаемся впередъ. Весь путь усѣянъ падшими подъ ношей своей животными двухъ передовыхъ колоннъ. Въ Агъ-Булакѣ есть сѣно, изъ Агъ-Булака близко, не съ большимъ 400 верстѣ, до спуска съ Усть-Урта, и на этотъ путь намъ достаточно половины верблюдовъ, съ которыми вышли. Сей часъ закричали, что В. А. ѣдетъ; молодцы наши глядѣли въ зрительныя трубы и увидали, какъ онъ спускался съ горы. Кругомъ въ лагерѣ козакъ и солдатъ заплѣли пѣсни. Онъ выѣхалъ изъ укрѣпленія съ Бай-Мохамедомъ, надѣясь нагнать насъ дня въ два; между тѣмъ мы ушли благополучно впередъ, и онъ былъ нѣсколько дней въ крайней нуждѣ: кромѣ черныхъ сухарей не было ничего. Вчера мы послали ему на встрѣчу мяса, вина и нѣсколько полнѣй дровъ. О себѣ онъ всегда подумаетъ послѣ вѣхъ!...

28 *Агъ-Булакъ*. Какая огромная, неизомѣрная разница въ теплѣ, и въ вѣтромъ или безъ вѣтру на свѣтѣ жить! Три дня жили мы здѣсь, по 19°, 20°, 22°, морозу и сильный NO вѣтеръ, безъ вьюги; нельзя было вынести этого холоду, и никакой огонь не спасалъ; продувало всѣ шубы и всѣ кибитки. Сегодня тѣже 19°, но ясно, тихо — и мы ходимъ въ однихъ курточкахъ, и маленький огонекъ, на который искололи нѣсколько опорожнившихся ящичковъ, грѣетъ какъ нельзя лучше. 10-го мы наконецъ вышли изъ Агъ-Якши, между тѣмъ какъ Бияяповъ съ колонной своей выступилъ 2-го, а Геке послѣ насъ, кажется 16-го. Переходъ былъ труденъ: какихъ нибудь 170 верстѣ или меньше, мы насилу прошли въ 15 дней и прибыли сюда 25-го. Всѣ колонны шли также медленно...

На полути отъ Эмбѣ прошли мы препорядочную гору Бакырѣ — мѣдь, по Русси, потому что тутъ есть и мѣдная руда. За тѣмъ протащались съ большимъ трудомъ чрезъ гору Али, въ сѣвѣру по колѣна. Орудія опять поставлены на колеса: на санихъ тяжело, потому что въ такомъ непомятомъ сѣвѣру они орутъ, какъ плугъ, а колеса идутъ накатомъ, и

передъ ними не накопляются горы сѣвѣру. 12-ти фунтовые идутъ въ 8 лошадей, и не рѣдко люди помогаютъ. Въ ящичкахъ идутъ верблюды и лошади; но вообще верблюдъ везетъ хорошо только по ровному, не топкому мѣсту. Одну Крымскую арбу оставили мы на Эмбѣ (Агъ-Якши), другую изрубили дорогою на дрова; верблюды стали, а въ саняхъ плутъ изрядно, если сани легки. Погрѣлись мы около арбы этой и жгли рѣдкѣй издѣсь небывалый лѣсъ, какъ простую чапугу: яворъ, грабъ, букъ, вязиль, карапчъ. Первые три недѣли мы, по глупости своей и по избытку совѣсти, жили безъ огня, безъ всякаго удобства; нынѣ все это измѣнилось къ лучшему: мы воруетъ дрова и уголь не хуже всякаго. Взгляните на примѣръ въ эту минуту въ юллану нашу: на дворѣ еще свѣтлый день, а у насъ темная ночь, все кругомъ закутано и закрыто, ни щелки, ни дырочки; по срединѣ лежитъ желѣзная шина: это чувствъ нашъ или камины; среди шины глѣбеть изрядная кучка угольевъ, рядомъ лежитъ визанка сухихъ дровецъ, изъ окрашенныхъ ящичковъ и номерованныхъ броекъ, которыми хотѣли было отмѣчать верблюдовъ; по скоты эти всѣ захотѣли быть рядовыми, безъ отличія, и хзяева ихъ, будучи тогоже мнѣнія, оборвали съ нихъ въ первые два перехода всѣ знаки безпорочной службы...

Я писалъ вамъ, что укрѣпленіе на Эмбѣ довольно благовидно, землянокъ много, и они довольно опрятны; кровли и будки лубочныя, есть магазины, амунничники. Акбулацкое совѣмъ въ другомъ вкусѣ: большой, бастионированный редутъ разгороженъ валомъ и вромъ и $\frac{3}{4}$ его покинуты; землянки бѣдныя, по стѣнамъ цвѣтеть селитра и магнезія; половина ихъ разломаны уже по недостатку дровъ и сожжены; словомъ, не грѣхъ покинуть укрѣпленіе это... Между тѣмъ дунулъ и потянулъ ночной вѣтерокъ отъ NO; это произвело небольшое разстройство въ угоду и раздолѣе нашему. Юлламейка вдругъ остыла, и термометръ, показывавшій прежде на ящичкѣ моемъ 7°, стоятъ на -3°. Поки-

нужь писаніе, напились мы въ буфетѣ чаю и наслушались жаркихъ преній, споровъ о родствѣ и свойствахъ и происхожденіи знаменитѣйшихъ вельможъ нашихъ и столбовыхъ, столичныхъ дворянъ и гвардейскихъ разсказовъ объ актрисахъ. Сказать ли вамъ, между нами, что бы я сдѣлалъ теперь на мѣстѣ нашего старшаго? Намъ дорогъ каждый кусокъ хлѣба и каждый верблюдъ, который можетъ поднять какую нибудь ношу; больныхъ, какъ излишнюю тягость, на этомъ трудномъ походѣ отправляютъ обратно; съ ними-то выѣхать, и отправилъ бы и всякую иную лишноту. Пересчитайте хорошенько, и вы согласитесь, что ея довольно; тогда бы много штабъ и оберъ-офицерскихъ и деньщичьихъ пайковъ пошли бы на строевыхъ, много верблюдовъ подъ сухари и крупу, облегчилось бы и сердце начальника также; заботою меньше. Мысль эта, можетъ быть, нѣсколько себялюбива, потому что я и себя считаю въ числѣ этой лишноты; но право, я говорю болѣе изъ любви къ пользѣ общей. Теперь слово о другомъ: нѣсколько нижнихъ чиновъ (изъ пѣхоты) умерли почти скоропостижно; ихъ схватываетъ подъ ложкой, дыханіе съ минуты на минуту болѣе затрудняется, иногда еще присоединяются корчи и — аминь. Арорехіа pulmonum? Кровопусканія временно облегчаютъ. Впрочемъ, я только видѣлъ ихъ мимоходомъ—пользуютъ другіе. Но и волей и неволей очень плачевнымъ образомъ попалъ во врачѣ. В. А. пріѣхалъ съ Эмбы очень нездоровый. Загадочная болѣзнь его возобновилась⁽³⁾. Что тутъ дѣлать, на походѣ, когда и на мѣстѣ ничего не помогало?

VIII.

3-го Февр. В. А. не уѣдетъ прежде чѣмъ не успокоится на счетъ общаго отправленія. Тутъ по крайней мѣрѣ у насъ есть хлѣбъ, и есть кой какія средства

⁽³⁾ Болѣзнь легкихъ, слѣдствіе тяжелыхъ физическихъ лишеній и ранъ, и отчаянная тоска. Гр Перовскій и умеръ отъ этой болѣзни. Слич. Р. Арх. 1865, Изд. 2-е, стр. 1031.

и пособія въ рукахъ; напередѣ—одна гибель. У насъ теперь падаетъ до 150 и не менѣе 100 верблюдовъ въ сутки; это на мѣстѣ, безъ работы, что же было бы на походѣ? Долго мы обманывали сами себя, никто не смѣлъ думать, не только говорить о возвратѣ; я записалъ однакоже, самую мелкою и нечетвою рукой, въ записной книжкѣ своей, 10 го Генваря: въ первый разъ сомнѣваюсь положительно въ нашемъ успѣхѣ; верблюды такъ плохи, что не дойдешь. В. А. сильно колебался, сомнѣвался, допрашивалъ всѣхъ, допытывалъ всякаго; всѣ полагали, что идти надобно, что возвратиться никакъ и ни въ какомъ случаѣ нельзя, если бы даже положить головы; эту справедливость надобно отдать по крайней мѣрѣ большей части офицеровъ—и на этомъ основаніи отвѣчали всегда только увѣреніями и убѣжденіями; даже тѣ, которые сами были увѣрены въ невозможности, говорили безотчетно противное. Наконецъ, когда дѣло дошло до того, что надобно было двгаться впередъ, когда сосчитала верблюдовъ, сочли убыль и разочли, что надобно поднять—тогда горестная истина обнажилась и несбыточность заняла мѣсто надежды. Съ Эмбы пало у насъ 2000 верблюдовъ; скажу вамъ, не отвѣчая за истину этого, что говорятъ сами Кайсаки: до 1000 верблюдицъ между прочимъ ожеребялись на походѣ, и естественно, что они уже изъ счету вонъ. Эти верблюдицы, равно и много плохихъ верблюдовъ, говорятъ Кайсаки, были подмѣнены послѣ того, какъ вы ихъ изволили осматривать; это, говорятъ они, случилось почти со всѣми верблюдами, которые съ наемщиками, а не съ хозяевами. Впрочемъ, повторяю, и лучшіе верблюды не выдержали, и къ веснѣ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ еще слабѣть и худѣть до новаго подножнаго корму...—Убитые у Акъ-Булака Хивинцы доказываютъ собою, что сборы у нихъ были большіе; во 1-хъ, это не Кайсаки, а Хивинцы, Туркмены и Каракалпаки—ихъ отличаютъ по одеждѣ и въ особенности по шапкамъ; во 2-хъ, всѣ были одѣты необык-

новенно тепло, на всякомъ по шести и семи халатовъ, рубаха или нижній стеганный халатъ, стеганные наушники и портянки. Назадники дѣйствительно сидѣли на армагакахъ, изъ нихъ также одинъ остался на полѣ битвы. Больныхъ у насъ — въ особенности въ укрѣпленіяхъ — много; всего до 600 челов. Изъ 1500 казаковъ, включая туда и артиллерию и дивизионъ 1 го полка, которые совсѣмъ не казаки, убыло больными и умершими около 60; а изъ 2750 чел. пѣхоты слишкомъ 600. Люди 1 го полка также очень болѣютъ и увеличиваютъ въ кавалеріи число больныхъ. Уральцевъ, кромѣ пяти, шести человекъ съ отмороженными перстами и съ ознобами, больныхъ нѣтъ. Доселѣ замерзъ у насъ одинъ только солдатъ, и то здѣсь, на Акбулакѣ, ушедши въ буранъ за дровами. Я удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переноситъ стужу эту и недостатокъ топлива; у насъ сегодня, 3 го Февр. опять — 29°, и уже около двухъ недѣль все 22 и 24. Дровъ нѣтъ. Сожгли лодки, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно не только одѣть и обуть, но и завернуть, окутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варить на камышѣ кашу, какъ ставить котелки въ одинъ рядъ и отгребать золу и прочее. Не смотря на все это, надобно сказать правду: даже и пѣхота наша повѣсила носъ, когда объявили приказъ о томъ, чтобы поворотить оглобли; казаки просились убѣдительно, чтобы ихъ пустить однихъ, и старикъ Бизиновъ даже самъ увлекся неумѣстнымъ пыломъ этимъ и хотѣлъ кончить походъ двумя полками Уральцевъ; только убѣдившись, что верблюды наши не донесутъ до Хивы продовольствіе даже и для двухъ полковъ и что вся остальная часть отряда была бы не въ состояніи дойти до Эмбы, еслибы отобрать всѣхъ лучшихъ верблюдовъ, онъ увидѣлъ несбыточность своихъ предположеній и вспомнилъ атамана Нечая и думнаго дьяка его, котораго, какъ извѣстно, повѣ-

силы на Дьяковыхъ горахъ, противъ Рубежнаго, за то, что онъ не хотѣлъ идти на Хиву, а впоследствии отрядъ погибъ тамъ до послѣдняго человека, на обратномъ пути. Теперь тоже: дойти двумъ полкамъ можно — но назадъ какъ? Набѣгъ можно сдѣлать за три, четыре перехода отъ операціонной точки своей, но не за полторы тысячи. Чихачевъ у насъ одинъ изъ полезнѣйшихъ людей въ отрядѣ; онъ взялъ на себя самую тяжелую, въ военное время и самую неблагодарную часть: попечительство о больныхъ. Онъ возится съ ними день и ночь, не ѣсть, не спитъ, и успѣлъ многихъ накормить, которые безъ него вѣроятно остались бы голодны, и обогрѣть такихъ, которые бы замерзли. Намъ жаловаться не на что; въ сравненіи съ рядовыми, мы знаемъ всѣ трудности похода своего только по наслышкѣ. Бай Мохамедъ, когда требовали чтобы онъ сказалъ положительно мнѣніе свое о верблюдахъ нашихъ, по прибытіи на Акъ Булакъ, отвѣчалъ: „надежнаго на весь путь верблюда я не видалъ ни одного.“ Къ этому онъ прибавилъ, что въ такую жестокую зиму, верблюдыдохнутъ сами по себѣ, на мѣстѣ, безъ работы, не только на походѣ и подѣ вьюкомъ. Мы покидаемъ на Акъ Булакѣ болѣе 1000 четвертей, частью и розданныя, кому было угодно, не въ зачетъ. Еслибы у насъ не было на Эмбѣ продовольствія, а въ Оренбургѣ помощи, то ве знаю какъ бы мы дошли домой; кажется, не дошли бы вовсе. Я во всю жизнь свою, сколько помню, видѣлъ только разъ или два побочныя солнца, которыя всегда предвѣщаютъ жестокія стужи; нынѣ явленіе это было во всю зиму такъ обыкновенно, что подѣ конецъ не обращало на себя почти никакого вниманія. Нѣсколько разъ, при самомъ восходѣ солнца, являлось въ одну секунду три солнца на горизонтѣ.

14-го Февр. Въ Дебатахъ (*Journal des Debats*) и другихъ газетахъ, которыя до насъ доходятъ, пишутъ всякую всячину. Общаго только то, во всѣхъ разсужденіяхъ этихъ, что называютъ от-

рядишко нашъ *армію*, не вѣрятъ, чтобы онъ состоялъ только изъ 20-т. человекъ; говорятъ, что резервная армія идетъ еще сзади и что вся степь съѣла на коня, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нами набѣгъ на среднюю Азію. Газетчики не догадываются вовсе, что у насъ всего на все, съ деньщиками, съ фурлейтами, не было полныхъ *пяти* тысячъ человекъ; что весь Оренбургскій корпусъ, хотя и называется корпусомъ, по составу своему отвѣчаетъ только одной слабой армейской дивизіи; что вся помощь, которую въ крайнемъ случаѣ, можно бы еще получить съ линіи въ пѣхотѣ, состоитъ, по *вѣрнѣйшимъ* расчетамъ, изъ *ста* человекъ, и то съ тѣмъ, чтобы замѣнить еще нѣсколько карауловъ Башкирами и прикомандировать часть инвалидовъ въ баталіоны...

Какъ различны обнаруживающіеся на разныхъ лицахъ впечатлѣнія, отъ неудачи настоящаго Хивинскаго похода! Насъ всѣхъ можно, въ этомъ отношеніи подвести подъ три главные разряда. Одни горюютъ, понимая всю важность неудачи при нынѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ: ударъ на Хиву въ самомъ дѣлѣ былъ бы теперь, когда Англичане заняли Кабуль, очень во время и у мѣста; намъ бы придало дѣло это много вѣсу, въ Азіи и въ Европѣ. Другіе—человѣка два, не болѣе,—соболѣзываютъ, собственно по привязанности своей къ главному начальнику, о немъ; также о необыкновенныхъ условіяхъ края, о потерѣ людей, а нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что все предпріятіе это, считая и Башкировъ, возившихъ лѣтомъ продовольствіе, будетъ стоить почти 1000 человекъ. Третіи наконецъ, и этотъ разрядъ самый обильный, не могутъ скрыть негодованія своего на счетъ обманутой надежды своей—не надежды увидѣть Россію первенствующею въ Средней Азіи державою, какъ политическое положеніе и достоинство ея требуютъ; не надежды увидѣть смѣлый и славный ударъ благополучно исполненнымъ—а надежды на чинъ и крестъ. „Чортъ меня понесъ, зачѣмъ я пошелъ!“

эти восклицанія можете услышать частенько; потомъ разсужденія, что, не смотря на неудачу, труды и лишенія были у насъ все тѣже, что это де заслуживаетъ уваженія, и что вообще весьма несправедливо принято у насъ награждать за одну удачу, хотя бы трудовъ было не много, а оставлять безъ вниманія неудачныя предпріятія, хотя бы они были труднѣе кампаніи 12-го года.

20-го Февраля 1840. Сидимъ на Эмбѣ и надѣмся, со дня надень, увидѣть весну; между тѣмъ вчера по сегодня — 25°. Я сдѣлалъ сегодня расчетъ, взявъ среднее состояніе тепла во время экспедиціи Берха, и нынѣшней зимою. У Берха за 79 дней (16 Дек. по 4 Март.) среднее 15½-о; у насъ, за 94 дня, съ 19 ноября по 20-е Февр. круглымъ числомъ приходится почти по 19° на день. Какъ у Берха, такъ и у насъ, бралъ я изъ ежедневныхъ наблюденій только одно, самое большее число. Слишкомъ три мѣсяца сряду, по 19° кругомъ на день! Вчера начали мы праздновать масленицу: блины, по недостатку здѣсь сковороды, пеклись на жестянныхъ тарелочкахъ, собственно по моему изобрѣтенію и предложенію, и мы выслушали при этомъ всѣ подробности родословной тарелокъ этихъ и узнали, какъ это сказано было намъ утвердительно и подтвердительно, что тарелки англійской жести, настоящей англійской двойной. Почтенный сожитель нашъ Молодцовъ вчера отправился въ колонну: онъ идетъ на линію, вмѣстѣ съ прочими отпущенниками. Чихачевъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и отказался. Ему конечно все равно, гдѣ зимовать и лѣтовать. Путнику по *званію* съ чужбины домой ѣхать не за чѣмъ...

5—6 дней провели мы въ укрѣпленіи тепло и, можно сказать, приятно. Много было шутокъ и смѣху; В. А. спокоенъ и иногда довольно веселъ... Не по моему вусу только то, что мы ложимся не прежде часу, а спимъ по *исволу* долго послѣ обѣда. По неволѣ, говорю, чтобы не мѣшать другимъ; ляжешь, лежишь

часа два, три тихохонько и уснешь. Препратная жизнь эта непременно разстраиваетъ здоровье; сидѣть за полночь обращается въ привычку; человѣкъ уже не можетъ заснуть ранѣе, тревожное веселье, готовность сидѣть и любезничать ночью, является у насъ на счетъ утренняго здоровья, и мы встаемъ въ десятомъ часу съ тяжелой головой и тусклыми очами; человѣкъ дѣлается, послѣ ночнаго отдыха, смутнымъ, невеселымъ; и только къ ночи состояніе его дѣлается опять сноснымъ, чувства его въ своей тарелкѣ, и онъ здоровъ. Это состояніе обманчивое, лживое, разстроенное; человѣкъ здоровый душой и тѣломъ чувствуетъ себя утромъ, послѣ законнаго отдыха, въ естественномъ веселомъ расположеніи и въ силахъ. Ночное здоровье есть только слѣдствіе прерванной жизни нашей и большинства духовной жизни, перевѣсу ея надъ тѣлесною. А этого быть не должно: одно равновѣсіе спасительно.

Вчера, до поздней ночи, шла рѣчь о плачевныхъ опытахъ нашихъ при неудачномъ предпріятіи и о томъ, кто, какъ, чѣмъ и на сколько отъ этого поумнѣлъ. Всѣ видѣли огромное затрудненіе пройти съ войскомъ 1500 верстъ по безпріютному пространству и нести немощное количество продовольствія съ собою. Хотѣли избѣгнуть большей части неудобствъ, пустивъ войска впередъ, а продовольственные караваны отдѣльно. Изъ этого однакоже возникаетъ тоже самое затрудненіе, еще въ болѣеишей степени: для конвоя и для навьючки необходимо тогда отряжать новыя силы а для нихъ также свое продовольствіе, свои обозы и караваны. Говорили также, что отрядъ должно пустить, для облегченія хода и добычки фуража, не одною, а двумя различными дорогами—на Сарайчикъ и на Сыръ. Кажется, при этомъ не разчитали, что тогда необходимо дѣлать два склада, одинъ вовсе отдѣльно отъ другаго, особыми средствами, и что что все это будетъ стоить двухъ экспедицій вмѣсто одной. Я думаю такъ: главнѣйшія затрудненія: 1. снабженіе от-

ряда продовольствіемъ и 2. разный маршъ, передвиженіе войска въ отдаленный край. Все остальное, какъ то: охраненіе каравана, побѣда надъ неприятелемъ, и прочее, все это обстоятельства второстепенныя, потому что представляютъ несравненно менѣе затрудненій. Основываясь на помянутыхъ двухъ главнѣйшихъ началахъ, должно ограничиться возможно меньшимъ количествомъ войскъ, а слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не увеличивать числа его, помнить, что каждый человѣкъ требуетъ, для шестинедѣльнаго продовольствія здороваго, сильнаго верблюда; и второе, устроить все такъ, чтобы не стоять по двѣ и по три недѣли на одномъ мѣстѣ, а идти ходко, спѣшно, до самаго мѣста; не строить дорогою колонны, которыя очень красивы въ чертежной, на бумажѣ, но неисполнимы на дѣлѣ, замедляютъ до невозможности ходъ, изнуряютъ людей и верблюдовъ и не ведутъ ни къ чему; а наконецъ, коли найдутся способы доставить все необходимое въ Сарайчикъ, то привести и все войско туда; оно выиграетъ этимъ путемъ—предполагая, что пойдутъ зимою (а это необходимо, для воды) верстъ 200 или 300 степной дороги, хоть и пройдетъ столькоже лишней въ своемъ краю. Но 300 вер., выпарнивая въ первомъ случаѣ, дороже 400 домашнихъ. Если же 3-т. человѣкъ здоровые придутъ въ ханство съ продовольствіемъ на шесть недѣль, то дѣло наше выиграно, и зная неприятеля и всѣ обстоятельства, нельзя опасаться неудачи. Вооруженій можно сдѣлать много; отвѣчаю на все это, что нѣтъ войны безъ *авасы*, и здѣсь оно также занимаетъ свое обычное мѣсто; но соображаясь со всѣми данными, ограничиваясь возможнымъ и истиннымъ, придерживаясь не *строй* теорій, не зеленыхъ предположеній и умозрѣній, а опыту, надобно, при новомъ предпріятіи признать основными началами: 1, какъ можно менѣе людей; 2, ускорить ходъ, идти во всѣ лопатки, покуда верблюды держатся, зная, что они отъ отдыха зимой не

поправляются, а худѣютъ; 3, уменьшить по возможности то пространство, которое должно пройти съ продовольствіемъ на плечахъ; 4, уменьшить (и это относится уже къ 1-му пункту) уменьшить или уничтожить вовсе сословіе г. г. бездѣльниковъ, т. е. всѣхъ, которые безъ вреда отряду могутъ быть оставлены, оставить дома, а лучше дать имъ крестъ за доброе сидѣнье на мѣстѣ. Кромѣ неудобствъ матеріальныхъ, происходящихъ отъ присутствія этой лишноты, есть еще вредъ нравственный, и онъ опаснѣе перваго. Еще важнѣйшее правило на будущее время, выведенное къ несчастію также изъ опыта: помнить день и ночь, что верблюдъ не деревянная кобылка, которой нѣтъ износу ни изводу, а тоже живое созданіе, хоть и скотина. Несчастный предрасудокъ, бѣдственное мнѣніе, что верблюду ничего не значитъ пробыть сутки или двое безъ пищи, надѣлалъ намъ много вреда. Верблюдъ индюшка, животное кволое, нѣжное, любить тепло, гибнетъ отъ стужи; онъ выручить изъ бѣды и пробудетъ три, четыре дня безъ пищи тамъ, гдѣ настоитъ дѣйствительная крайность, если его беречь и холить и кормить напередъ и удержать въ тѣлѣ до этой критической минуты... Очень знаю всѣ немощныя трудности присмотрѣть надлежащимъ образомъ за такимъ огромнымъ количествомъ скота, и еще на походъ, гдѣ всякій по неволѣ заботится о себѣ, старается отогрѣться, наѣсться и отдохнуть; но тѣмъ менѣе можно пренебрегать этимъ, тѣмъ болѣе должно стараться за скотомъ смотрѣть хозяйскимъ, а не казеннымъ глазомъ. Къ несчастію намъ теперь, когда мы въ дѣйствительной крайности, нельзя уже беречь верблюдовъ, а остается почти только дованать ихъ въ конецъ. Переноска продовольствія, доставка топлива, все это прогулка въ оба конца верстъ въ 40, 50, 60—двой сутки усиленнаго перехода, безъ всякаго корму, потому что его близъ укрѣпленія нѣтъ ни зерна, ни былинки, это свалить съ ногъ здороваго и заморить сытаго, а тощаго

уложить на дорожкѣ и свернетъ ему, на послѣдушкѣ, голову подъ крыло. Нынѣшній походъ сталъ казнь съ небольшимъ 1½ милліона; а если оцѣнить все что сдѣлано мѣстными средствами на деньги, то нельзя изворотиться 15 ю милліонами. Одни верблюды, которыхъ по доброй волѣ нельзя купить за деньги, одни верблюды по оцѣнкѣ стоятъ полтора милліона; а доставка продовольствія Башкирами, если бы произведена была наймомъ, должна стать шесть милліоновъ, но и тутъ опять нѣтъ сомнѣнія, что деньгами сдѣлать этого нельзя; нѣтъ возможности отправить изъ Оренбурга 12-т. наемныхъ телѣгъ, если ихъ не выписать изъ Русскихъ губерній, и тогда они обойдутся еще вдвое дороже: я клалъ по 500 р. на ящика...

IX.

21-го. Празднуемъ масляницу блинами, и блины ѣдимъ съ яйцами, съ лукомъ, съ масломъ, съ свѣжей икрой. Впродолженіе недѣли что стоимъ теперь на Эмбѣ, въ землянкѣ нашей ночь и день не слышать почти другаго слова, какъ расчеты четвертей, гарницевъ, пудовъ и фунтовъ. В. А. перечитываетъ между тѣмъ, лежа подлѣ, Пугачева и Арабески, единственные книги, которые кто завезъ на Аты-Якши. У меня взято книгъ съ пятокъ, которые могутъ быть перечитаны по нѣскольку разъ, напр. Шекспиръ, Фаустъ; но п чтеніе надѣдаетъ, недостаетъ терпѣнія: какое-то безотчетное безпокойство отвлекаетъ мысли и иногда, схвативши ружье, съ особеннымъ удовольствіемъ бѣжишь пострѣлять черныхъ жаворонковъ и подорожниковъ, которыхъ вокругъ укрѣпленія множество. Расчеты эти вслухъ, впродолженіе цѣлаго дня, наводятъ въ тѣсной землянкѣ тоску. Въ десятый разъ рассчитали сейчасъ, что у насъ продовольствія станетъ мѣсяца на три—очень утѣшительно; хоть бы его не было вовсе. такъ поспорѣ бы ушли!

Кто-то замѣтилъ сегодня въ разговорѣ, что у многихъ казаковъ на лицѣ перемѣнилась третья и четвертая шку-

ра; В. А. на это замѣтилъ: „да, удивительно; всѣ мы, не смотря на безпримѣрные, жестокіе морозы, возвращаемся съ *мосомъ*.... Завтра ѣдемъ съ В. А. въ отрядъ, верстъ за 30, провозать отправляющійся во свои дивизионъ; тамъ опять воротимся, и тогда уже предположено заняться по вечерамъ пятьюдесятью двумя разбойниками. Прибѣжище конечно жалкое, но дѣлать нечего; гарнизы, четвериви и четверти хуже и несноснѣе картъ.... Расчетъ за 101 день нашего похода, даетъ равно 18° холоду на день. Морозы все продолжаютъ 26°, 18°, 16°, а между тѣмъ соки во всѣхъ кустарникахъ уже ударили изъ корней въ стволы и сучья; дрова наши такъ сыры, что почти не горять, одинъ только дымъ и паръ; на дняхъ поймали тушканчика, который видно проснулся не по погодѣ, а по члсамъ, надѣялся встрѣтить въ концѣ Февраля весну. Леманъ нашелъ уже 3-хъ 4-хъ живыхъ жуковъ; словомъ, по всему весна, еслибы только не морозъ, не снѣгъ по колѣно, да не буранъ, который теперь ежедневно разыгрывается и бушуетъ съ ужасной силой. Я сегодня также сдѣлалъ расчетъ больныхъ и умершихъ; вотъ что выходитъ: пѣхоты выступило изъ Оренбурга: 2,928 челов., казаковъ Уральскихъ 1,204; дивизионъ 1-го поля 219 чел.; Башкировъ и Оренбург. казаковъ, по поламъ, 345 чел., конныхъ артиллер. (казаковъ) 141, гарниз. артилл. 112. Больныхъ было: 1,308; выздоров. 909; отправлено въ Оренб. и Защиту 56, умерло 139, состоитъ 304. Въ укрѣпленіи былъ кромѣ того свой гарнизонъ, были обозы Башкировъ и свои госпитали; въ Эмбенскомъ пѣхоты перебѣгло 830 чел. (слѣдов. каждый обратился по нѣскольку разъ въ госпиталь), умерло 154; умерло еще разной команды, частію переданной изъ отряду — всего: состояло 1,450; выздоров. 750; умерло 247. Поэтому въ отрядъ изъ пѣхоты, болѣлъ второй человекъ, изъ дивизиона 1-го полка второй, изъ Башкировъ 10-й, изъ Уральскихъ казаковъ 52-й!! Объ Оренбургскихъ каза-

кахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго расчета, потому что они же были и въ укрѣпленіи, и свѣдѣнія перемѣшаны; но болѣлъ, видно, около 10-го. Умерло: въ пѣхотѣ 24 й изъ здоровыхъ, въ дивизиіи 24-й, въ Башкирахъ, всего 170 челов., умершихъ нѣтъ; у Уральцевъ умеръ двухъсотый! Если къ этому еще пояснить, что 170 Башкировъ были выбраны молодые, здоровые ребята изъ лучшихъ кантоновъ, что даже пѣхота была пересортирована въ Оренбургъ и много слабыхъ и ненадежныхъ оставлено, а что Уральцевъ напротивъ выставили сюда поскребышей, безъ всякаго разбора, стараго и малаго, потому что у нихъ уже 3 полка ушли на службу, кромѣ команды въ Москвѣ, линейцевъ, и пр. пр.: то нельзя не удивиться этой необыкновенной породѣ, которая вырастаетъ среди тяжелыхъ трудовъ своего промысла и свыкается заранѣе съ тугой, съ голодомъ и холодомъ. Да, храбрѣйшая сторона нашего несчастнаго похода (или горемычнаго лучше сказать, потому что горе мыкали всѣ, а бѣды не видали) храбрѣйшая часть, это бодрый духъ и пѣсни Уральцевъ во всякое время, во всякую погоду въ 20 и въ 32 градуса, въ ведро и въ ненастье, въ буранъ, который заноситъ снѣгомъ горло и глотку. Посмотрѣли бѣ вы, какъ они проводили масляницу; было 16° и сильный буранъ; а у нихъ съ утра до ночи пѣсни и весь день, воскресенье, шла по лагерю такая гульба, будто дома, подъ качелями. Трое сѣли на одну лошадь, одинъ задомъ, одинъ передомъ, одинъ бовомъ, объѣхали съ пѣснями лагерь и прощались съ масляной, раскланиваясь всѣ во всѣ стороны. Потомъ явился медвѣдь въ поводитаремъ; тотъ плясалъ, а этотъ приговаривалъ и лупилъ его хворостиной по бокамъ, такъ что и медвѣдь обругался наконецъ вслухъ по Русски. Тамъ возили другъ друга въ саняхъ, съ пѣснями, и воображали, что катаются, наряжались, боролись, и раздѣвались для этого до рубахи. Передъ пьянымъ было у нихъ положено снимать шапку, и тверезый долженъ ему гово-

рить: ваше благородіе... Ждемъ, не дождемся, будетъ ли нѣтъ ли нынѣ весна? Жучьки оживаютъ, тушканчики просыпаются, овцы—по словамъ Кайсаковъ—дней черезъ 10 должны ягниться, а сегодня 18^о, снѣгъ лежатъ въ аршпнѣ, крѣпокъ, жестокъ, рѣки промерзли до дна, рыба во льду окаменѣла. Уральцы предсказываютъ, что зима будетъ стоять здѣсь до 25-го марта; у нихъ на это свои примѣты; пасха поздняя, февральское свѣтло (луна), свѣтитъ въ Мартъ и пр; но обстоятельство заслуживающее вниманіе: они говорятъ, когда рога луны круги, непременно строгая и поздняя зима. Крутыми рогами называютъ они обращенные нѣсколько вверхъ; нынѣ было полное лунное затмѣніе, лупа, если я не ошибаюсь, была въ узлѣ, и—кажется—рога ея именно тогда и должны быть обращены къ верху, потому что она восходитъ по орбитѣ своей вверхъ. Можетъ быть, дѣйствительно при такомъ положеніи луны зима всегда строгая, надобно бы справиться за нѣсколько лѣтъ назадъ. Такимъ образомъ нерѣдко народное повѣрье основано на какомъ нибудь смыслѣ, хотя и кажется съ перваго взгляда суевѣріемъ, безсмыслицею. Если невѣжественная чернь неистовствуетъ бессмысленно какъ звѣрь, разъяренный великимъ сопротивленіемъ и препоною, если толпа, повторяя слѣпо и глухо восклицанія глашатаевъ, которые кричатъ для того только чтобы ихъ слышали, требуетъ безсмыслицы, то я не вѣрю поговоркѣ: гласъ народа, гласъ Божій; а держусь тогда другою: мужикъ умненъ, да мѣръ дуракъ. Тоже сказалъ, помнится, гдѣ-то Шиллеръ: *Einzelne ist jeder der Herrn leidlich gescheidt und vernünftig; sind sie beisammen, gleich wird auch ein Dumkopf daraus!* Но я вѣрю преданіямъ, повѣряямъ, обычаямъ, иногда и суевѣріямъ; я вѣрю имъ столько, что не рѣшусь оцѣнить ни одного, не изслѣдовавши его, не дошедши, по крайнему разумнію своему, до начала и корня, до смысла и значенія его. Не вѣрьте, если вамъ кто скажетъ, что въ народныхъ бредняхъ

нѣтъ смысла и значенія; по крайней мѣрѣ изъ ста повѣрьевъ найдется, на первый случай, не болѣе пяти, шести, въ которыхъ мы не въ состояніи добиться до смысла, да и тутъ еще спрашивается, гдѣ вина: искажено ли повѣрье временемъ и случаемъ, такъ что его нельзя узнать въ лицо, основано ли на утраченныхъ обычаяхъ и забытыхъ обстоятельствахъ, или просто мы слишкомъ удалены отъ понятій того состоянія, которое держится повѣрья. Всѣ другія заключаютъ въ себѣ толкъ, индифференциальны, или прямой; даже обычай не класть хлѣба на круглую корку, грѣшно, означаетъ, другими словами вѣроятно вотъ что: положи свѣжій хлѣбъ на круглую корку, то она отстанетъ, а потомъ плѣсень вскорѣ сядетъ и угнѣздится между мякишемъ и коркой. Объ этомъ предметѣ шелъ у насъ (В. А. NN и я) напередъ предлинный разговоръ и бесѣда. Съ отбытіемъ Молодцова, В. А. взялъ насъ обоихъ къ себѣ въ кибитку и какъ онъ поздно ложится, то есть время побесѣдовать вечеромъ, когда воображеніе разыгрывается и охотно беретъ верхъ надъ сухимъ и холоднымъ разсудкомъ. Мы рѣшили между прочимъ, что сонъ самая загадочная вещь въ природѣ челоука, а бдѣніе, бодрость души во время сна, неистижима; но все это вы знаете также, какъ и мы, и ждете вѣроятно отъ меня не метафизическихъ разсужденій съ береговъ пустынной Эмбы, а дѣла. Скажу жъ вамъ, что Бай-Мохаммедъ на дняхъ отправляется съ тремя сотнями Уральцевъ и горнымъ единорогомъ собирать верблюдовъ, потому что мы сидимъ на мели, подняться не чѣмъ, едва смогли перетаскать изъ укрѣпленія большую часть продовольствія въ отрядъ, и то болѣею частью на казачьихъ лошадяхъ, да переморили при этомъ послѣднихъ верблюдовъ, на разстояніи 30 верстъ. Уджрайцы и нѣкоторые другія племена къ счастью не дали верблюдовъ, когда былъ общій сборъ; теперь есть придирка, и ихъ одерутъ—если только захватятъ, какъ надѣмся, на зимовьяхъ. У насъ едва

осталось 700 годныхъ верблюдовъ, да и тѣ вѣроятно скоро откажутся, хотя и оставлены, по необходимости, при отрядѣ, для подвозки дровъ; остальные, все инвалиды на голо, отосланы на дальнія пастбища, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ поправятся къ веснѣ. Много верблюдовъ отморозили себѣ лапы; многихъ обули въ кенги и полусапожки, но врядъ ли это поможетъ: уже поздно. По прибытіи нашемъ въ Оренбургъ, вы увидѣте у Житкова въ альбомѣ, какими мы уродами здѣсь ходимъ... Разсчетъ мой относительно смертности въ пѣхотѣ не вѣренъ; гарнизоны обоихъ укрѣпленій состояли въ числѣ 2930 человекъ пѣхоты, а всего умершихъ до 400, слѣдов, умеръ почти *седьмой* изъ здоровыхъ, въ 3 мѣсяца, а изъ Уральцевъ двухсотый....

1 Марта 1840. Градусовъ не много, 8; но сильный буранъ. Третьяго дня добрый, почтенный священникъ нашъ поѣхалъ, по зову, изъ отряда въ укрѣпленіе, вдвоемъ съ казакомъ. Ихъ также захватилъ на дорогѣ буранъ, они сбились съ пути и принуждены были ночевать въ чистомъ полѣ, между сугробами. Утромъ пріѣхалъ онъ, бѣднякъ, и насилу здѣсь отогрѣлся. Верблюды наши послѣ послѣднихъ бурановъ отказались вовсе; ихъ я думаю всего на все не осталось одной тысячи; да и тѣ не походятъ на живыхъ. Для перевозки пѣз укрѣпленія осталася одна надежда,—на казачьихъ лошадяхъ. В. А. говоритъ, что можно раздѣлить верблюдовъ нашихъ (вмѣсто того что дѣлили ихъ доселѣ на *годныхъ* и *негодныхъ*) на такихъ, которые окрѣпаютъ по собственному усмотрѣнію и на свободѣ, и такихъ, которые окрѣпаютъ на службѣ государству. Я думаю можно раздѣлить ихъ просто на дохлахъ и на издыхающихъ.

Х.

8 Марта 1840. На Эмбѣ.

Всѣ письма Оренбургскіи доказываютъ, что и тамъ даже не понимаютъ какъ должно настоящаго нашего поло-

женія. Что же послѣ этого можно ожидать отъ Петербурга? Хвалить насъ за то, что мы воротились, что благоразуміе взяло верхъ надъ славолубіемъ и другими страстишками. Я былъ свидѣтелемъ и знаю, чего стоила неудача эта тому, въ чью руку была положена и власть и отвѣтственность; но тутъ нельзя было не покориться необходимости. Выбору не было, противъ математической невозможности идти нельзя; а коли можно было сосчитать по пальцамъ, что даже и наличное число верблюдовъ не подыметъ необходимѣйшаго продовольствія для пути, не говоря уже о неминувшей убыли ихъ во время самаго похода, когда, поднявшись въ обратный путь на Эмбу бросили до 3000 четвертей и множество другихъ тяжестей—лодки, канаты, гвозди, кожи, соль, сало, кошмы и пр.: то дѣло было, кажется, довольно очевидно. Хвалить за рѣшимость, за самоотверженіе, значитъ въ этомъ случаѣ допускать еще какуюнибудь возможность идти впередъ, а ея не было... Утромъ и вечеромъ не менѣе 13°—18°, а 4 Марта солнышко опять взошло самъ-третей; вскорѣ изъ побочныхъ солнцевъ образовались радужныя дуги и стояли почти до полудня. Мы стоимъ въ оврагѣ, на берегу Темира, закрыты, по видимому, отъ всѣхъ бурановъ; но окаанный поддувала не щадитъ насъ и здѣсь: на дняхъ были сильныя, докучливыя бураны. Изъ укрѣпленія почти все перевезено, послѣднихъ верблюдовъ переморили, досталось и лошадямъ, а между тѣмъ перевозка эта была необходима. Бай-Мохамедъ ушелъ съ тремя сотнями за верблюдами, къ Уджрайцамъ; сотъ шесть ожидаемъ отъ васъ, да коли Богъ милостивъ, то около тысячи останется живыхъ изъ нашихъ десяти тысячъ; тогда мы можемъ весною подняться и дней въ 20 дойдемъ до Оренбурга, или по крайней мѣрѣ до Илецкой. Дни тогда будутъ по длиннѣе и кормъ хорошей....

Этимъ оканчиваются письма. Весна не по нашему быстро наступила, верб-

люды прибыли, отрядъ снялся по частямъ, поднявъ лишь путевые харчи и покинувъ все лишнее невольнымъ хозяевамъ своимъ, Киргизамъ; вся степь ярко зеленѣла избыткомъ корма, лишь мѣстами бѣлѣлись песчаная прогалины. Вода стояла еще всюду въ ложбинахъ, понадалась и дичь, и рыба. Уцѣлѣвшіе радостно встрѣтились съ семьями и друзьями своими, а принешіе въ себѣ неисцѣлимую немочь цыганки отправились помирать по больницамъ.....

В. Даль.

ПИСЬМА

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА КЪ И. И. ДМИТРИЕВУ (*)

1.

23 Декабря (годъ неизвѣстенъ).

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Поспѣшаю препроводить къ вашему высокопревосходительству стихи, пѣтые въ здѣшней гимназій, и другіе того же автора,

(*) Письма эти обязательно сообщены намъ профессоромъ Московскаго университета Ф. М. Дмитриевымъ, но не въ подлинникахъ, а въ спискахъ. Они составляютъ продолженіе писемъ къ И. И. Дмитриеву отъ разныхъ лицъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1866 года, стр. 1616—1730. Письма Тургенева писаны изъ Петербурга, гдѣ А. И. Тургеневъ служилъ директоромъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ своему министру, царскому любимцу, кн. Александру Николаевичу Голицыну. По должности, по общественному положенію и литературнымъ связямъ, Тургеневъ находился у самыхъ источниковъ всякаго рода новостей. И. И. Дмитриевъ жилъ въ Москвѣ въ отставкѣ. Къ сожалѣнію на письмахъ не помѣчены числа. Мы располагаемъ порядкомъ ихъ приблизительно, означая годъ въ скобкахъ. За нѣкоторыя поясненія относительно этихъ писемъ мы одолжены кн. П. А. Вяземскому и С. Д. Полторацкому. Тамъ не менѣе нѣкоторыя мѣста остаются не объясненными. П. Б.

и пѣтые въ масонской ложѣ. Къ симъ послѣднимъ присовокупляю одну строфу для вашего токмо свѣдѣнія. Она неизвѣстна даже и масонамъ, а только нѣкоторымъ. Вчера проповѣдывалъ митрополитъ въ Невскомъ монастырѣ при стеченіи многочисленной публики. Если слово его, не сочиненное на бумагѣ, но свободно говоренное, будетъ напечатано, я не премину вамъ его доставить. Гр. Хвостовъ пріѣхалъ туда съ кучею стиховъ своихъ, и въ самую минуту, когда я съ умиленіемъ внималъ пѣнію Херувимской, онъ втеръ мнѣ въ руки перепечатанные стихи свои. Вѣроятно не я одинъ изъ предстоящихъ былъ жертвою его нахальной Музы.

24 Декабря.

Вчера прибылъ Государь въ Царское Село; обѣдалъ тамъ и ввечеру пріѣхалъ сюда къ чаю Великой Княгини. Завтра парадъ. Г. Кокошкинъ привезъ мнѣ отъ А. А. А. (1) двѣ послѣднія части Трудовъ Общества Любителей Рос. Сл. Всего любопытнѣе переписка. Неутомимый Гр. Х. вездѣ оставилъ памятникъ своего генія. Графъ по скромности (на стр. 23) упоминаетъ только о пользѣ, которую сочиненія его должны принести обществу, а о удовольствіи читателей и рецензентовъ ни слова.

2.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Зная, что прокуроръ Евренновъ иногда бываетъ у вашего высокопревосходительства и пользуется вашимъ благорасположеніемъ, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою, которая состоитъ въ слѣдующемъ. По прошенію штатсъ-дамы княгини Волконской (2),

(1) Антона Антоновича Прокоповича Антоискаго.

(2) Александры Николаевны, супруги кн. Григорія Семеновича Волконскаго.

въ св. Синодъ поданному, о позволеніи перенести гробъ покойнаго отца ея генералъ-фельдмаршала князя Репнина съ одного мѣста на другое, къ первому прилежащее, св. Синодъ опредѣлилъ спросить о семъ мнѣніе настоятеля Донскаго монастыря и Московскую синодальную канцеларію и, если нужно вытребовать и планъ церкви, дабы легче можно было судить, не стѣснить ли переносъ надгробнаго камня внутренности церкви. Требованіе о семъ послано уже въ канцеларію. Опасаясь, чтобъ настоятель Донскаго монастыря, усмотрѣвъ, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ одинъ изъ его предшественниковъ, архимандритъ Викторъ ⁽³⁾, и нынѣ еще въ семъ монастырѣ живущій, отказалъ въ удовольствованіи сей просьбы княгини Волконской, не вздумалъ поступить по пражному примѣру, я желалъ бы, чтобы г. Евреиновъ обратилъ на сіе дѣло особенное вниманіе и принялъ бы въ соображеніе то, что послѣ того Донской монастырь поставилъ памятникъ Н. Н. Бантышъ-Каменскому точно на томъ мѣстѣ, котораго испрашиваетъ нынѣ дочь фельдмаршала для памятника отцу своему, столь славно отечеству послужившему. Уваженіе мое къ памяти незабвеннаго мужа и дружеская связь его съ отцомъ моимъ, заставляеть меня принимать участіе въ просьбѣ его дочери, по мнѣнію моему весьма справедливой; ибо я въ бытность мою въ Москвѣ самъ осматривалъ въ монастырѣ мѣсто сіе и вмѣстѣ съ тогдашнимъ архимандритомъ нашель, что для симметріи весьма бы лучше было перенести памятникъ Репнина и устроить его на просимомъ мѣстѣ ⁽⁴⁾.

⁽³⁾ Антонскій, братъ известнаго Антона Антоновича.

⁽⁴⁾ Желаніе кн. Волконской было исполнено: прахъ ея фельдмаршала кн. Н. В. Репнина покоит-

Почитая, что по занимаемой мной должности неприлично мнѣ просить о семъ г. Евреинова, я осмѣлился обременять васъ, м. г., съ тѣмъ, чтобы вы приняли на себя трудъ внушить ему, сколь пріятно было бы мнѣ доказать чѣмъ либо благоговѣйное усердіе мое къ памяти князя Репнина. Я увѣренъ, что вы простите мнѣ сію дерзость, ибо она основана на чувствѣ, для васъ не чуждомъ. Сіе самое извинить меня и въ глазахъ г. Евреинова, которому я извѣстенъ только по официальнымъ сношеніямъ.

Вчера Н. М. Карамзинъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ П.-бургъ, въ домъ Е. О. Муравьевой, у которой мы и обѣдали вмѣстѣ, а сегодня будемъ у канцлера ⁽⁵⁾. По субботамъ проводимъ мы вечера у В. А. Жуковскаго, гдѣ собираются литераторы всѣхъ расколовъ и всѣхъ націй. Братъ мой свидѣтельствуеть вамъ истинное свое почтеніе, съ каковымъ и пр.

7 Октября (1818).

P. S. Сей часъ имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 30 Сентября, и первымъ движеніемъ моимъ было отобрать два портрета Руссо и Вольтера для немедленнаго ихъ отправленія къ вамъ; но къ крайнему моему сожалѣнію увидѣлъ я, что въ числѣ шести портретовъ, которые еще до отъѣзда моего въ Москву назначалъ я для вашего кабинета, именно Вольтера и Руссо нѣтъ, а есть Мольеръ, Расинъ, Корнель, Буало, Даламберъ и Лабрюеръ. Всѣ они къ вашимъ услугамъ, если вы ихъ не имѣете. Между тѣмъ постараюсь отыскать

ся въ такъ называемой трапезной церкви Донскаго монастыря, насупротивъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго; на гробницѣ лежитъ фельдмаршальскій жезлъ.

⁽⁵⁾ Гр. Н. П. Румянцева.

Вольтера и Руссо; но желалъ бы знать, въ какомъ форматѣ они быть должны.

Вяземскій ⁽⁶⁾ давалъ объѣдъ Полякамъ, которые проводили цесаревича въ Ахенъ, откуда онъ побѣдетъ осматривать Русскія войска во Францію. Если получу недавно вышедшую переписку Абата Гальяни съ разными особами того времени, то буду имѣть честь вамъ доставить. Ожидаю съ нетерпѣніемъ торжественнаго собранія университета, въ которое Вас. Львовичъ будетъ сказывать сказку. Если бы собраніе прибѣгло къ другому роду его таланта, то оно могло бы содѣлаться баснословнымъ.

3.

16 Декабря (1818)

М. Г. Иванъ Ивановичъ Кн. Вяземскій доставилъ мнѣ прилагаемыя у сего книги: 2 части Лафонтена, брошюру Констана и Польскіе акты для перепроводенія къ вашему высокопревосходительству. Онъ утѣшаетъ и забавляетъ меня исправною и оригинальною перепискою. Ежедневно получаемъ мы другъ отъ друга письма, въ которыхъ, какъ говоритъ поэтъ, вся душа слышна. Ни съ кѣмъ такъ охотно не предаешься искренности, какъ съ нимъ. Онъ возбуждаетъ мысли и угадываетъ ихъ, или лучше сказать: ловить на лету. Умъ его обратился теперь, кажется, къ предметамъ важнымъ. Сознаніе партій о дѣлахъ государственныхъ во Франціи питаетъ его и заставляетъ дѣлать наблюденія, отъ которыхъ, можетъ быть, и Гальяни бы не отрекся. Даже и въ стихотвореніяхъ его примѣтно то же направленіе ума, которое можетъ погасить обыкновенный талантъ, по обра-

зывать человѣка для государства. Впрочемъ онъ, кажется, скучаетъ прозою Варшавской жизни; но гдѣ же поэзія въ жизни, послѣ первыхъ лѣтъ молодости, если она не сохранилась въ душѣ поэта? Я не разумѣю подъ поэтомъ только того, кто пишетъ стихи. Могутъ быть поэты въ душѣ и въ жизни, но не въ книгахъ. Вы конечно уже знаете изъ газетъ о новѣйшемъ произведеніи Стурдзы: *Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne*. Оно напечатано только въ числѣ 50 №№, изъ коихъ большая часть роздана министрамъ иностраннымъ. Въ П.бургѣ только три экз., изъ коихъ одинъ у меня. Я прочелъ эту книжку съ негодованіемъ и съ досадою на автора, котораго люблю. Онъ доказалъ только, что и съ талантомъ нельзя писать о предметахъ, коихъ не изслѣдовалъ. Но Нѣмцы сами за себя стали и уже во всѣхъ частяхъ гнѣвъ ихъ проявляется ⁽⁷⁾. Стурдза и Сѣверинъ остаются въ Германіи почти на годъ, а гр. Каподистрія уѣзжаетъ въ свое теплое отечество и прежде Юня сюда не будетъ. Сегодня пріѣхалъ сюда первый курьеръ отъ Государя изъ Вѣны. Братъ Государыни Ел. А., герцогъ Баденскій скончался. Чтобы не кончить только тѣмъ, чѣмъ все насвѣтъ кончается, скажу вамъ, что сей часъ получилъ еще письмо отъ кн. Вяземскаго и гостиницы: и какой же? Лафонтена Лафонтену, а мнѣ Стразбургской пироги. Книги вѣроятно вы получите позже письма сего, ибо я посылаю ихъ съ тяжелою почтою. Извините нестроту письма; не хотѣлось пропустить почты, а мысли собрать не въ силахъ за хлопотами.

⁽⁶⁾ Кн. П. А. Вяземскій служилъ тогда въ Варшавѣ. См. письма его оттуда къ И. И. Дмитріеву въ Р. Архивѣ 1866 года.

⁽⁷⁾ См. о происхожденіи этой записки ривскій самаго А. С. Стурдзы въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1864, кн. 2-я.

4.

20 Декабря (1818)

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 8 Декабря и поспѣшаю васъ увѣдомить, что я не получалъ отъ Батюшкова портрета Шатобріана. Тотъ, который былъ у него, подарилъ ему я; мнѣ подарила его С. П. Свѣчина, а ей далъ самъ Шатобріанъ. Еслибъ Батюшковъ оставилъ его здѣсь, то я за него сдержалъ бы слово. Портретъ Суворова вы конечно уже получили. Книги отъ кн. Вяземскаго отправилъ я по тяжелой почтѣ. Статью о письмѣ Екатерины (*) къ Сумарокову и предисловіе къ оному прислалъ Вяземской въ С. О-ва. Рѣчь Н. Мих. (**) не скоро еще, кажется, выдетъ въ печать. Я предлагалъ ему списать для васъ копию, но онъ мнѣ не довѣряетъ; попытаюсь еще. Почтенный наставникъ мой (10), въ первый разъ, сказалъ рѣчь, которую нельзя назвать неважною. Объявляя намъ о недостаткахъ въ примѣрахъ историческому слогу, онъ вѣроятно не на Елагина мѣтилъ. Недостатокъ въ Россійской грамматикѣ давно чувствовалъ я, читая иногда его письма. Но мы вышлемъ на него богатыря Соколова. Открытія Московскихъ газетчиковъ въ области Русской литературы были и для меня совершенно новыми; постараюсь познакомиться съ нимъ любопытнымъ незнакомцемъ, съ помощію Украинскаго Вѣстника и Тру-

(*) Эта статья кн. Петра Андреевича Вяземскаго напечатана, безъ его подписи въ *Сынъ Отечества* 1818, № 49, ч. 50, стр. 166—173. С. II.

(**) Рѣчь Н. М. Карамзина, читанная въ заведеніи Росс. Академіи 5 Дек. 1818, напечатана въ *Сынъ Отечества*, 1819, № 1, ч. 51, стр. 3—22. См. Письма Карамзина къ Дмитріеву Сиб. 1866, стр. 250 252. С. II.

(10) ?

довъ Казанскаго Общества Любителей Отчественной словесности, коихъ 1-ю часть сей часъ получаю. Какъ удивитъ ся Шильдъ сосѣдству соученика моего Кириченки-Остромова! Вчера и мы были въ торжественномъ собраніи Академіи Художествъ. Президентъ прочелъ отчетъ о занятіяхъ не столько самой Академіи, сколько правленія оной; сопутствовалъ оставляющихъ Академію воспитанниковъ добрыми совѣтами. Профессоръ Щедринъ, на основаніи статутовъ, избранъ другимъ ректоромъ, ибо Мартосъ остается. Нѣкоторыхъ произвели въ академики; а ученикамъ розданы золотыя и серебряныя медали; но золотыя только изъ втораго разряда, ибо къ первому Академія никого не нашла достойнымъ. Въ заключеніе былъ прекрасный завтракъ, послѣ коего мы пошли въ естественный классъ, гдѣ видѣли человечество во всей наготѣ его. Выставка была не самая блистательная. Живописецъ Московскій Аргуновъ написалъ намъ сенатора Рунича и выбранъ за то въ академики. Примѣчательно то, что графа Дмитрія Ив. (11) не было въ семъ собраніи. Скажите Василью Львовичу, что кн. Вяземскій почти еженедѣльно воспоминаетъ объ немъ въ письмахъ его ко мнѣ съ самою вѣжною заботливостію. Первою свободною минутою воспользуюсь, чтобы передать ему и свои и его чувства.

5.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить вчера письмо вашего высокопревосходительства отъ 25 апрѣля и жалѣю, что Сынъ Отечества не могъ еще порадовать васъ прозою Вяземскаго. Ценсура, т. е. грозный Яценко вооружился противъ Вольтера, котораго не бранить Вяземскій за терпи-

(11) Хвостова.

мость, похвалая Русское правительство за сію коренную добродѣтель его. Дѣло пошло на разсмотрѣніе высшаго начальства. Не знаю еще, чѣмъ кончится, и одержитъ ли побѣду здравый разумъ надъ мнѣніемъ цензора. Будемъ надѣяться. Но между тѣмъ Вяземскій скоро, можетъ быть, заслужитъ другимъ опытомъ лестное одобреніе ваше. Вы первый объ ономъ узнаете, разумѣется, однакоже послѣ меня, литературнаго лазутчика. Братъ Николай приметъ съ чувствительною признательностію участіе ваше въ намѣреніи его издавать журналъ. Вѣроятно оно состоится въ исполненіи, ибо много уже матеріаловъ заготовлено, и онъ обыкновенно преслѣдуетъ свои предпріятія. Но сотрудники еще весьма зелены, исключая молодого Муравьева⁽¹²⁾, который подаетъ прекрасную надежду. Я опасаюсь однакоже, чтобы новое мѣсто брата Николая не заняло всей его дѣятельности. Онъ сдѣланъ управляющимъ III отдѣленіемъ Министерства Финансовъ, которое давно желало имѣть его, но братъ долго не соглашался вступать снова въ оное и убѣжденъ былъ только счастливымъ негоціаторомъ, графомъ Нессельроде и благороднымъ характеромъ министра. Онъ съ нимъ будетъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Часть сія дѣлается теперь весьма важною; ибо къ ней относятся всѣ кредитныя установленія, банки, сношенія по займамъ и по переводамъ суммъ въ чужихъ краяхъ и долги внутренніе. Занимавшій сіе мѣсто д. с. с. Жерве уволенъ отъ онаго съ позволеніемъ ѣхать въ чужіе края и съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ. Другой награды не желалъ бы за службу; жаль, если надобно для полученія оной потерять прежде здоровье. Братъ остается и въ Совѣтъ, но

оставляетъ Коммисію Законовъ. Вы справедливо укоряете меня въ нечитаніи Русскихъ журналовъ; но справедливо ли и не жестоко ль самое требованіе ваше? Принужденный по обстоятельствамъ читать и слушать такъ называемыя государственныя пренія⁽¹³⁾, я вяну умомъ и душою и рѣдко, весьма рѣдко, освѣжаю умственные силы мои чтеніемъ изящнаго, и то бываетъ урывками, безъ плана, безъ постоянного направленія къ одному предмету. Что же будетъ, если вмѣсто того, чтобы въ часы безмятежнаго досуга, въ забвеніи утреннихъ занятій, читать Минерву⁽¹⁴⁾, я стану возмущать желчь свою азиатскимъ Вѣстникомъ⁽¹⁵⁾. Избѣгая надзора за журналомъ, котораго вы мнѣ желаете, я лучше пойду въ квартальные надзиратели. Тамъ я имѣю будтошниковъ и Городовое Положеніе, а Уставъ о ценсурѣ, прекрасный памятникъ перваго пятилѣтія государствованія Александра, давно разрушенъ, если не закономъ, то силою и духомъ времени, къ которому сила обыкновенно прибѣгаетъ для извиненія дѣйствій своихъ. Нѣтъ, я готовъ приносить себя на жертву тамъ, гдѣ требуетъ сего польза пріятелей или общественная; но желаю оставаться эгоистомъ по части просвѣщенія и дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда, безъ насилія своимъ правиламъ, позволяется мнѣ участвовать въ общей мѣрѣ; а раздѣлять мелкія состязанія мелкихъ умовъ не хочу, сберегая малый мой капиталъ на лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Если бъ я одаренъ былъ

(12) Кромѣ мѣста своего въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, А. И. Тургеневъ исправлялъ еще должность статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, въ департаментѣ законовъ.

(13) Французскій политическій журналъ оппозиціоннаго направленія.

(14) Т. е. Вѣстникомъ Европы.

(15) Никиты Михайловича?

талантомъ, то званіе писателя имѣло бы для меня величайшую прелесть, но и тогда не унизился бы я до журналиста мелкой литературы; а развѣ участвовалъ бы только въ такомъ изданіи, котораго цѣль благо политическое и высшая нравственность, поспѣшествованію которой можетъ много содѣйствовать и поэзія, и вся изящная, высшая словесность. Теперь же избираю лучшихъ и умнѣйшихъ между современниками, и, читая мертвыхъ, стараюсь не прерывать бесѣды съ первыми; заслуживать любовь ихъ любовію всего изящнаго въ нихъ (16). Я не теряю однако жъ надежды обратитъ на себя и ихъ вниманіе; но для этаго нужно время и исполненіе тѣхъ надеждъ, которыя теперь уже прельщаютъ мое воображеніе. Къ стати о воображеніи: я получилъ недавно прелестное письмо отъ нашего Батюшкова изъ Неаполя. По всему видно, что онъ въ полномъ наслажденіи. Наблюденія и замѣчанія его описаны въ прекрасномъ слогѣ. Онъ точно имѣетъ умъ наблюдательный, который возвышается его воображеніемъ. Любовь къ отдаленному отечеству заставляетъ его иногда мечтать о немъ, и не безъ пользы для силы чувства. Онъ получилъ письмо отъ Дашкова (17), который также вздыхаетъ по отечествѣ. Батюшковъ уже встрѣтилъ давно весну. Она тамъ въ полномъ цвѣтѣ: миндалевое дерево покрыто цвѣтами, розы уже отцвѣтають, а зрѣлыя апельсины падаютъ на землю. Желая, по возможности, утѣшить себя, я поѣду на биржу. И тамъ лежатъ уже апельсины, но только не на землѣ, благоухающей цвѣтами. Батюшковъ проситъ произведеній Рус-

ской словесности, но что мнѣ послать ему? Молодой Пушкинъ еще въ рукописи, а Жуковский весь въ грамматикѣ. На одного Вяземскаго вся моя надежда на сей разъ. О Сѣверинѣ я уже писалъ къ вамъ. Стурдза выѣхалъ изъ Варшавы, гдѣ стерегла его полиція отъ замысловъ какихъ то студентовъ, товарищей Занда. Фанатикъ сей живъ еще, страдаетъ отъ раны и операци и не показываетъ раскаянія въ преступленіи. Я сію минуту получилъ о немъ извѣстіе изъ Германіи. Противъ воли оканчиваю бесѣду съ вами, въ которой непрерывно былъ прерываемъ. Примите увѣреніе въ душевномъ почтеніи и пр.

6 Мая (1819)

6.

7 Августа 1819.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 30 Іюля и просилъ исполнить порученіе ваше къ А. П. Козодавлевой кн. Александра Николаевича, при удобномъ случаѣ. Онъ отправился сего дня къ ней на дачу обѣдать. Здѣсь ни одного изъ вашихъ кандидатовъ не назначаютъ преемникомъ усопшему (18); но часто Московскія предчувствія вѣрныѣ. Порученіе о вашемъ портретѣ скажу завтра Николаю Михайловичу, хотя и удивляюсь, что вы такъ довольны грознымъ изображеніемъ исторіографа. Онъ и самъ и даже Кат. Андр. довольны портретомъ, но я захожу въ немъ черты Ивана Васильевича во второй ужасной эпохѣ его жизни. Исторіографъ грозитъ намъ, кажется, вторымъ пришествіемъ любимаго своего героя. Но конечно работы Ут-

(18) Т. е. О. П. Козодавлеву, умершему министр. внутреннихъ дѣлъ; мѣсто его заступилъ гр. В. П. Кочубей, вновь занявшій эту должность, изъ которой вышелъ въ 1807 г. А. П. Козодавлева, ур. кн. Голицына была внучатною сестрою кн. А. Н. Голицына.

(16) Въ этихъ словахъ все высокое общественное значеніе А. И. Тургенева.

(17) Изъ Царьграда, гдѣ А. В. Дашковъ находилъ совѣтникомъ посольства.

кина сравнить нельзя съ лучшими произведениями другихъ художниковъ. — Пушкина (19) здѣсь пѣтъ; онъ въ деревнѣ на все лѣто и отдыхаетъ отъ Парнасскихъ своихъ подвиговъ. Поэма у него почти вся въ головѣ. Есть, вѣроятно, и на бумагѣ, но врядь ли для чтенія. Я сообщу ему ваше желаніе. Между тѣмъ посылаю послѣднее произведеніе Варшавскаго поэта, писанное на Краковской площади:

Куда бѣжитъ народъ нетерпѣливый?
Стѣснились улицы кругомъ;
Восторга гласъ краснорѣчивый,
Веселыхъ плесковъ грянулъ громъ.
Кого земля въ сей день вѣнчаетъ торжествомъ,
Какой герой на бранной колесницѣ
Является въ вѣнкъ признательной столицѣ?
Какой защитникъ правъ народныхъ предъ ца-

ремъ

Идетъ, сопроводя усердною молвою?
Какой мудрецъ, свой край прославившій собою,
Съ согражданъ живо собираетъ дань труда? —
Медвѣдь, управляемый корыстною рукою,
Вертится на дыбахъ, подъ палкою Жида.
Народъ! Вотъ почестей твоихъ образчикъ сла-

вный,

Народъ! всѣхъ дѣлъ людскихъ и цѣль и судія,
То деспотъ съ палицею, то съ кнутою дитя!
Все пища для твоей забавы своевравной.
Великій мужъ, со злобою въ борьбѣ,
Позорный блескъ счастливаго разврата,
Медвѣжья пляска, казнь Сократа,
Равно есть зрѣлище, потѣшное тебѣ.
А ты глославья рабъ, за славою гоняйся
И, послѣ утомая въ мучительной гонѣбѣ,
Соперничества ты съ медвѣдемъ добивайся!

Завтра въ 4 часа утра отправляюсь въ Ц. Село и въ Павловскъ къ молебствію и пробуду три дни въ любезномъ обществѣ; въ 10 часовъ будетъ литургія и молебствіе, всѣмъ Св. Синодомъ совершаемое. Рескриптъ государыни императрицы Маріи Федоровны о рожденіи великой княжны Маріи къ князю А. Н. Голицину увидите въ Сѣверной Почтѣ.

(19) Молодаго Александра Сергѣевича.

7.

6 Января (1820).

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу искреннюю благодарность мою за письмо ваше отъ 28 Декабря. Постараюсь отыскать и запрещенную піесу Вяземскаго и вамъ доставить; но съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего мнѣнія о его стихахъ, особливо о *Первоизъ Сильнѣ* и объ *Умнѣнѣ* (20). Последисе называется онъ *битіемъ своего сердца*; ибо мысли и чувства черпалъ оттуда; но самъ не весьма доволенъ стихосложеніемъ. Вчера я получилъ отъ него только одну старую эпитафію, написанную по случаю извѣстія о мнимой смерти Давыдова. Вотъ она:

Жизнь ночь, а смерть есть день; иль ночь могилы снѣгъ,
А жизнь есть день для насъ; но къ цѣли безопасной
Равно вести должна послѣдняя ступень.
Прохожій, гость земли! Отвергни страхъ напрасной,
Или по бурномъ днѣ насъ сонъ постигнетъ ясной,
Иль бурной ночи въ снѣгъ проглянетъ ясный день.

Отрывокъ Инк. Мих., который онъ прочитаетъ послѣ завтра въ Р. Академіи, не напечатается въ книжкѣ Академической; а стихи Жуковскаго я пришлю къ вамъ, если и они не будутъ напечатаны, чего однакожъ не думаю. Академія взялась за умъ, и вы услышите благоую вѣсть о семъ засѣданіи. Вчера былъ для меня счастливый день: вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ получилъ я изъ Неаполя отъ Батюшкова, изъ Парижа отъ брата и кн. Гагарина, изъ Варшавы отъ Вяземскаго и даже изъ Иркутска отъ Сперанскаго, любопытныя письма, каждое въ своемъ родѣ. Первый далъ наконецъ знакъ жизни и описалъ мнѣ образъ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои занятія. Ничто ему не чуждо. Онъ отвѣчаетъ мнѣ на нѣкоторые вопросы,

(20) См. Сынъ Отеч. 1820, ч. 60, стр. 265.

по части наукъ политическихъ и юридическихъ, и въ то же время увѣдомлеть, что теперь въ сѣверной Италіи пишутъ болѣе и подражаютъ Нѣмцамъ. Меланхолія и романтическій вкусъ начинаютъ нравиться внукамъ Аріоста. Старикъ гнѣваются, и Академія Круска старается всѣми силами выгонять новыя слова и выраженія, кои вторгаются въ святилище языка Тосканскаго. Но талантовъ, какъ увѣряетъ Батюшковъ, мало. Монти старѣется. Итальянцы переводятъ поэмы Байрона и читаютъ ихъ съ жадностію; слѣдовательно тоже явленіе, что и у насъ на Невѣ, гдѣ Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, и на Вислѣ, гдѣ Вяземскій бредитъ о Байронѣ. Но Итальянцы имѣютъ болѣе права восхищаться имъ: Байронъ говоритъ имъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, мечтанія его надъ Римскими развалинами прелестны, и я бы взялъ только одни стихи его въ Римъ съ собою, и развѣ еще письмо Шатобриана. Къ стати о немъ: изъ Парижа одна дама (граф. Разумовская) шлетъ мнѣ нѣкоторыя литературныя новости. Письмо ея заставляетъ меня ожидать ихъ съ живымъ нетерпѣніемъ. Пріѣздъ брата (который 3 числа сего мѣсяца опредѣленъ совѣтникомъ въ Царь-градъ) обогатитъ меня французскою словесностію, но вся его бібліотека, довольно богатая, придетъ ко мнѣ не прежде весны, моремъ. Мы ожидаемъ сюда новаго сенатора а съ нимъ и стараго поэта⁽²¹⁾. Сердца и объятія наши ему отверсты. Онъ найдетъ насъ неизмѣнными Арзамасцами и по привязанности къ нему и по любви нашей. Покровитель А. - Ф. Малиновскаго⁽²²⁾ очень старѣетъ и хилѣетъ. Я видѣлъ

(21) Алексія Федоровича Малиновскаго и В. А. Пушкина?

(22) Канцлеръ гр. Н. П. Румянцовъ.

его вчера. Угасающая съ часу на часъ жизнь его тетки А. Н. Парышкиной⁽²³⁾, сильно на него дѣйствуетъ, но онъ сохраняетъ необыкновенную твердость духа въ своемъ положеніи, которое отдала ему отъ общества.

8.

9 Января (1820)

М. г. Иванъ Ивановичъ. Не смотря на недосугъ мой, поспѣшаю увѣдомить васъ о вчерашнемъ засѣданіи Академіи: оно было точно торжествомъ истиннаго таланта и прекрасной дѣятельности. Послѣ рѣчи президента⁽²⁴⁾, который старался намъ доказать преимущество академическихъ трудовъ предъ частными авторскими занятіями, маленькой секретарь Академіи⁽²⁵⁾ прочелъ исторію оной прошедшаго года; потомъ Гнѣдичъ, хотя и нѣсколько гробовымъ голосомъ, но весьма ясно и съ чувствомъ читалъ стихи Жуковскаго; за нимъ снова Соколовъ—переводъ изъ Тита-Ливія о Регулѣ, и наконецъ Исторіографъ, въ нѣсколькихъ словахъ объяснивъ намъ точку, съ которой начиналось чтеніе Исторіи Ивана Васильевича, приводилъ слушателей попеременно то въ ужасъ, то въ восхищеніе. Невольнымъ и неизъяснимымъ образомъ при нѣкоторыхъ мѣстахъ слушатели взглядывали другъ на друга, и дѣлался какой-то шумъ одобренія; а повѣствованіе объ Адашевѣ, Филиппѣ и отвѣтъ гр. Шереметева тирану тронули многихъ до слезъ. Дѣйствіе чтенія было магическое, и надъ кѣмъ же? Даже надъ тѣмъ, коихъ долговременное отсутствіе изъ Россіи, казалось, охладило ко всему тому, отъ чего бѣется и трепещетъ

(23) Жена его роднаго дяди, Анна Никитична Парышкина, урожд. кн. Трубецкая.

(24) П. И. Соколовъ.

(25) А. С. Шишкова Ся Письма Каравзина къ Дмитріеву, стр. 0129.

Русское сердце: князь Разумовскій слушалъ съ Арзамасскимъ вниманіемъ, и у всѣхъ было одно чувство. Исторіографъ пощадилъ оное и остановился на самыхъ ужасныхъ злодѣйствахъ великаго тирана. Первымъ движеніемъ, по окончаніи чтенія, было всеобщее рукоплесканіе. Затѣмъ послѣдовало предложеніе президента о поднесеніи отъ имени Академіи большой золотой медали исторіографу. Министръ Дух. Д. и Народ. просвѣщенія (²⁶) яко членъ Академіи, первый подписалъ оное, потомъ и другіе. На эту минуту П. М. удалился въ другую комнату. Духовенство съ искреннимъ чувствомъ благодарило его за Филиппа, честь и славу Россійскихъ іерарховъ. Замѣчательно что весь 1-й департаментъ Сената, собирающійся обыкновенно въ 12 часовъ въ присутствіе, собрался на этотъ разъ въ 9 часовъ утра, чтобъ въ 12 быть въ Академіи. Собраніе было многочисленное, и зала едва вмѣщала посѣтителей. Наканунѣ академическаго торжества былъ я въ минералогическомъ обществѣ, гдѣ сидѣлъ цѣлый часъ и ничего не слышалъ о минералогіи; ибо президентъ бар. Фиттенгофъ читалъ похвальное слово *великому* Козодавлеву на французскомъ языкѣ, а секретарь общества изчислялъ переписку свою съ заграничными и здѣшними членами. Я потерялъ терпѣніе и вышелъ изъ собранія. Провидѣніе явно мнѣ благопріятствовало, ибо вскорѣ потомъ прочтено посланіе гр. Хвостова къ Ломоносову о рудословіи. Вы конечно уже имѣете и оригиналъ и переводъ гр. Салтыкова.

9.

Письмо вашего высокопревосходительства получилъ вчера и послалъ уже

(²⁶) Начальникъ Тургенева, кн. А. Н. Голицынъ.

за второй книжкой Академическаго собранія для доставленія оной къ вамъ. Я не зналъ о ея появленіи. Найденную здѣсь французскую книгу также пришло. Письмо ваше къ Стверину доставлено ему въ свое время исправно. Онъ теперь въ деревнѣ у Стурдзы, а потому поѣдетъ въ Варшаву. Еще не извѣстно, здѣсь ли онъ останется или получить назначеніе въ чужихъ краяхъ. Къ счастью матушка и сама получила отъ Сергѣя извѣстіе изъ Царя-Града и успокоилась. Теперь и кн. Долгорукій (²⁷) уже отлисался. На сихъ дняхъ явится въ свѣтъ поэма молодого Пушкина. Не смѣю послать вамъ ее; ибо вы, какъ слышу, осудили ее, по отрывкамъ, почти на ничтожество. Но порадоюсь вашимъ отзывомъ о Бородинской ночи Павловскаго лунатика (²⁸), который и самъ обрадовался воскресшему въ немъ Генію. Кстати объ отчетахъ: я, кажется, освободилъ себя на сей годъ и вѣроятно на всѣ будущія отъ представленія отчета въ библ. общества, и черезъ недѣлю будутъ ораторствовать мои два товарища. Слышали ли о произшествіи въ Неаполѣ? Одинъ баталіонъ рѣшилъ участь государства, и военная сила, которая доселѣ была всегда орудіемъ единовластія, дѣлается въ другой разъ виновницею конституціоннаго правленія. Вѣроятно и въ Сардиніи примѣръ сей не останется безъ подражанія. Въ Ав-

(²⁷) Кн. Дмитрій Ивановичъ Долгорукій, нынѣ сенаторъ въ Москвѣ, бывший тогда однимъ изъ чиновниковъ Цареградскаго нашего посольства, а впоследствии по случаю возникшихъ тогда неприятностей съ Турціею, корабль, на которомъ вхалъ въ Царьградъ кн. Д. И. Долгорукій, достигъ Босфора послѣ долгихъ выжиданій, нашимъ посланникомъ въ Персіи.

(²⁸) Отчетъ о Лунѣ, извѣстное стихотвореніе В. А. Жуковскаго, напис. въ Іюнь 1820.

стрийской Италиі Босняки и Сербы, вѣроятно, не захотятъ быть Квиругами. Но давно уже новѣйшая исторія избрала своимъ эпитафюмъ два стиха Шиллера:

„И границы всѣхъ земель измѣняются,
„И старыя формы разрушаются“.

Посылаю вамъ привѣтствіе государю Тверскаго архипастыря Филарета.

23 Юля 1820. С П.бургъ.

10

С.-П.-бургъ, Августа 24-го 1820.

Сейчасъ имѣлъ честь получить письмо вашего высокопревосходительства отъ 18 Августа и спѣшу увѣдомить васъ, что по извѣстіямъ, которыя я имѣлъ дни два тому назадъ, Николаю Михайловичу и дочери его гораздо лучше, и они почти совершенно выздоровѣли. Царско-сельская почта еще не пришла сего дня. Надежды и желанія ваши сообщу Жуковскому и Воейкову. Вчера обѣдалъ у новорожденнаго, которому минуло 90 лѣтъ—митрополита Сестренцевича. На канунъ былъ онъ въ Экономическомъ Обществѣ и принимаетъ по сю пору живое участіе въ садахъ и въ Исторіи, слѣдовательно въ природѣ и человѣчествѣ. Изъ Варшавы мы еще не имѣемъ никакого извѣстія; слышно только, что наши дипломаты выписываютъ отсюда въ Краковъ двухъ или трехъ писцовъ.

Поэтъ Пушкинъ на Кавказѣ.

По приказанію вашему поспѣшаю увѣдомить васъ, что Николай Михайловичъ почти совсѣмъ выздоровѣлъ, и вчера получилъ я отъ него письмо, первое, писанное больною рукою. Вотъ извѣстія о Парижѣ, чрезъ Варшаву полученныя (сюда также пріѣхалъ курьеръ французской). „Въ Парижѣ открытъ заговоръ противъ королевской фамилии. Правительство уже съ нѣкотораго времени о немъ знало и хотѣло ему дать созрѣть,

чтобы нанести ударъ рѣшительный и полный! Парижскія войска въ немъ участвовали, даже частію и королевская гвардія. Ночью захватили 32-хъ заговорщиковъ, которые пришли въ казармы и хотѣли вестъ полки овладѣть замкомъ, а оттуда Тюльерійскимъ дворцомъ, все перерѣзать и провозгласить сына Наполеона, а Евгения Богарне правителемъ. Впрочемъ по отъѣздѣ курьера, который пріѣхалъ въ Варшаву въ 8-й день, все уже было въ Парижѣ покойно“. Крейтонъ, по желанію государыни Маріи Ѳеодоровны пріѣхавшій изъ Парижа сюда, привезъ мнѣ двѣ запрещенныя тамъ книги, изъ коихъ одна: *Portraits pittoresques des députés*, сего года, забавляетъ меня чрезвычайно. Есть описанія прелестныя и анекдоты любопытныя. Кологривовъ, который долго жилъ въ Парижѣ, многія лица вспомнилъ по портретамъ. Другая *Les deux cloches*, исполнена политическихъ распрей. Сейчасъ выгрузилъ ящикъ съ новыми Парижскими книгами, но къ сожалѣнію, кажется, не мнѣ принадлежащими, а кн. Сергѣю Ив. Гагарину.

Франкъ вашъ, чтó у меня въ департаментѣ, произведенъ въ столоначальники, и слѣдовательно получилъ 500 р. прибавки къ жалованью.

11

7 Октября (1820).

Письмо вашего высокопревосходительства отъ 1 Сент. получилъ и спѣшу увѣдомить васъ, что на дняхъ вы должны получить или уже теперь, можетъ быть, и получили письмо и книгу въ двухъ частяхъ отъ кн. Вяземскаго, чрезъ Н. М. Карамзина, которому, кажется, она доставлена была для прочтенія. — Въ концѣ прошедшей недѣли я навѣщалъ исторіографа и въ доказательство его выздоровленія скажу только, что онъ обѣдалъ въ Павловскомъ; возвращаться сюда еще не

скоро намѣренъ. Назначенныя вами книги выпишу чрезъ кн. Вяз.; но та, которую онъ къ вамъ посылаетъ, любопытнѣ всѣхъ другихъ въ семь родѣ, по мнѣнію Ник. Мих. — Если онъ не прислалъ еще къ вамъ: *Mémoires pour servir à l'histoire de France en 1815—1820*, то я напишу къ нему о доставленіи; ибо по словамъ брата, который читалъ ее, вѣроятно, что самъ Наполеонъ составлялъ ее. Въ предисловіи сказано, что ее хотѣли назвать продолженіемъ: *du Manuscrit de S-te Hélène*.

И здѣсь вышла примѣчательная новость. Это *Урывки времени, соч. г. Козлянинова*, усерднаго члена Англійскаго нашего клуба. Онъ увѣряетъ, что онъ писалъ стихами и что въ критико-философическомъ словарѣ его много глубокомыслия. Вотъ нѣкоторые примѣры:

Восторгъ, прыжокъ жи и лести.

Желанія, коклюшки, коими плетутъ кружева жизни.

Краснорычіе—опухоль здраваго смысла.

Но нѣкоторыя есть и не безъ смысла; напр.

Балъ: подрывъ свахамъ.

Авторъ пишетъ для того, чтобы объдать въ клубѣ, и члены онаго самые усердные его читатели. Я посылаю сегодня книгу его къ Батюшкову и даю ему краткій отчетъ въ пріятеляхъ его и въ словесности; ибо вижу, что другіе, которые лучше моего могли бы это сдѣлать, одинаго мя оставили служить отсутствующимъ! И подѣ Неапольскимъ небомъ можетъ быть грустно по отечеству, а вдали и смрадь отечества пріятенъ. Вотъ почему я и рѣшился послать Козлянинова и послалъ бы даже Графово новое произведеніе. — Читали ли вы письмо Блудова къ Гречу въ послѣднемъ № С.-Отеч. объ эпитафіи Батюшкова. Винавать? Воейковъ. Винавать онъ и предъ Пушкинымъ. Что за

разборъ поэмы! Доказываетъ, что она шуточная, а не библейская. Да кто же въ этомъ сомнѣвался? — Братъ Сергѣй изъ Царьграда просилъ Батюшкова сочинить другую эпитафію матери того младенца, Малышевой, милой женщинѣ, о которой знавшіе ее вспоминаютъ со слезами. Я бы напечаталъ письмо брата о ея характерѣ, если бы братство не принуждало меня къ скромности. Изъ Варшавы нѣтъ еще ничего новаго примѣчательнаго. Простите, что заболтался. Если прикажите, то впредь не буду, а если промолчите, то приму за разрѣшеніе въ пражнословіи. При свиданіи поблагодарите милую Елену Григорьевну Пушкину за письмо ко мнѣ и къ брату въ Царьградъ. Послѣднее опоздало часомъ; но пошлется, въ утѣшеніе слезъ его, съ слѣдующимъ курьеромъ.

12.

4 Февраля (1821)

М. г. Иванъ Ивановичъ. Приношу чувствительнѣйшую благодарность за участіе, пріемлемое въ моей болѣзни. Вотъ уже 3-й мѣсяцъ, какъ я затворникомъ и смотрю на Божій свѣтъ только въ окно. Начиналъ выѣзжать; но хирагра въ лѣвой рукѣ въ первый разъ напомнила мнѣ, что я уже не прежній я, цвѣтущей жизни полный. — Романъ, самъ страждущій, борется съ мопми тремя недугами и кажется, начинаетъ преодолевать ихъ. Скоро надѣюсь справиться и снова войду въ кругъ моихъ пріятелей, которые не оставляли меня одного съ мрачными мыслями, съ копми врядъ ли не въ первый разъ познакомился. Прошу васъ не говорить о семь матушкѣ. Она ничего не знаетъ о моей болѣзни. Впрочемъ все къ лучшему, я имѣлъ время надуматься, прочесть со вниманіемъ многое, что прежде читалъ въ разсѣяннн свѣта. Если глумленія Мо-

сковскихъ пачкуновъ выживуть васъ наконецъ изъ Москвы, то я опять скажу: все къ лучшему, ибо конечно увидимъ васъ тогда въ Петербургъ. Ожидая съ нетерпѣніемъ В. Европы, а между тѣмъ завтра собираюсь, если Ремавъ позволитъ, въ Рос. Академію, гдѣ почтенный исторіографъ огласитъ насъ словомъ истинны о тиранѣ, лучшее и самое краснорѣчивое опроверженіе всѣхъ Вѣстниковъ⁽²⁹⁾—Вы говорите о воспитаніи: прочтите Казанскія инструкціи. Я такъ полонъ негодованіемъ къ тому что происходитъ, и мыслями о томъ, что могло бы быть, что въ одномъ только оптимизмъ долженъ искать утѣшенія. Въстѣть съ отрывкомъ изъ Рос. Ист. въ Академіи будутъ читать только переводы. Утѣшаться ли тѣмъ, что и во Французской Академіи двухъ переводчиковъ за одиѣ переводы, Деллиа и Сегюра, предлагали въ члены? Но по первому предложенію и переводчику Георгикъ тамъ отказали въ стулѣ, а Исторіи Карла V го и подавно. — При свиданіи прочту я вамъ новое произведеніе Варшавскаго поэта которое, по моему мнѣнію, въ силѣ мысли, чувствъ и выраженій превосходитъ все его прежде въ семь родѣ. Ежедневно ожидаютъ разрѣшенія отъ бремени Екат. Андревны. О возвращеніи Государя ничего не слышно. Прежде апрѣля я не полагаю сего возможнымъ. — Желаю слышать о блистательныхъ подвигахъ Вас. Льв. на сценѣ міра и домашнихъ театровъ. Между тѣмъ пле-

(29) Мы не знаемъ, читалъ ли Карамзинъ въ Россійской Академіи и въ этомъ году, какъ въ предшествовавшемъ и 1823: по крайней мѣрѣ о томъ ничего не говорится въ письмахъ его къ Дмитріеву. Это же письмо А. И. Тургенева писано несомнѣнно въ 1821 году (Слич. письмо Карамзина къ Дмитріеву, отъ 25 генв. 1821, въ академическомъ изданіи. № 265).

мянникъ его невинно исключенъ изъ Пансіона⁽³⁰⁾, а другой написалъ другую поэмю, но пріятелей своихъ забылъ.

Perdu pour ses amis, il vit pour l'univers:

Nous pleurons son sort, en repetant ses vers.

можно сказать и о Батюшковѣ: онъ, тоже по послѣднимъ извѣстіямъ, не выдворяется и въ Неаполь.

13.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Сію минуту получилъ письмо вашего высокопревосходительства и надѣюсь, что кн. Вяземскій, по одолженію своему, скоро доставитъ вамъ брошюру подъ заглавіемъ: Histoire de la fille d'un Roi. Прекрасная аллегорія о французской конституціи. Въ ней можно угадать разныя лица, о которыхъ намекаетъ авторъ, и сочиненія или дѣйствія коихъ имѣли вліяніе на участь конституціоннаго порядка во Франціи. Я получилъ еще и другія новости изъ Франціи, но не слишкомъ замѣчательныя.

Мнѣ самому, по старой памяти, стало жаль старика Хераскова, но не надѣюсь убавокать авторское самолюбіе, ибо это лучший стихъ во всей піесѣ⁽³¹⁾. Новыхъ писачекъ скорѣе старыхъ забудутъ. Вреда большаго они принести не могутъ. Менѣе ли экземпляровъ разойдется исторіи Карамзина въ имперіи отъ сборника Каченовскаго? Воейковъ, кажется, готовитъ отвѣтъ: пусть воюютъ крохоборы за свои крохи. По замѣчаніямъ кн. Вяземскаго, К. точно каплунъ въ словесности. Какъ силился онъ уязвить и автора и издателя! И

(30) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ въ генварѣ 1821 г. принужденъ былъ оставить благородный Пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ.

(31) Кажется рѣчь идетъ о стихѣ кн. П. А. Вяземскаго: „Державинъ рвется въ стихъ, а втащвъся Херасковъ“.

только былъ въ силахъ выставить такое жало, а водяной ядъ вылился на него самого. Вяземской сердится на меня, что я не послалъ къ вамъ его предпоследней пьесы: *Негодование*, но я сдѣлалъ сіе изъ осторожности. При удобномъ случаѣ доставлю. Поблагодарите добраго Пушкина за письмо; отвѣчать теперь не имѣю времени. Болѣзнь моя проходить, но слѣды ея могутъ продолжиться. Къ счастью, я могу уже вѣзжать, и въ понедѣльникъ въ первый разъ буду въ Совѣтъ. Вотъ доказательство, что Московскіе слухи, и до васъ дошедшіе, несправедливы; впрочемъ: *Fais ce que dois, advienne ce qui pourra*. Вчера видѣлъ Екатерину Андреевну. На сихъ дня крестилъ новорожденную кн. А. П. Оболенскій и Е. Ѳ. Муравьева. Государя ожидаютъ прежде св. недѣли. — Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

12 апрѣля 1821.

14.

13 Мая (1821).

Препровождаю къ вашему превосходительству переводъ изъ Лалла-Рукъ Жуковского. Вы увидите тоже и въ первомъ № Сына Отечества; Вяземскому не посылаю, чтобы заманить его скорѣе сюда. Дашкова оставилъ баронъ Строгановъ въ Царѣ-Градѣ на время смутныхъ обстоятельствъ. Я скрываю страхъ свой за брата отъ матушки; но самъ не имѣю минуты покойной. Мы ожидаемъ Государя къ 17-му, хотя, по увѣдомленію его, время пріѣзда не вѣрно; но Государыня начинаетъ ждать съ 16-го. Бар. Штакельбергъ посылается съ великолѣпной свитой посломъ въ Лондонъ съ поздравленіемъ⁽³²⁾; при немъ будутъ флигель-адъ-

⁽³²⁾ По случаю возшествія на престолъ Георга IV-го.

ютанты и иные дипломаты. Пушкинъ написалъ другую поэму: Кавказскій Пльникъ; но въ поведеніи не исправился: хочетъ непременно не однимъ талантомъ походить на Байрона. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. и пр. Девятый томъ Исторіи посылается въ продажу.

15.

25 Мая (1821).

Чувствительно благодарю ваше высокопревосходительство за письмо отъ 17 Маія писанное. Пospѣшаю, по порученію Николая Михайловича, препроводить IX томъ его исторіи. Къ достопримѣчательностямъ вѣка нашего принадлежить и то, что цензура не позволила журналисту перепечатать статью объ опричныхъ. Я получилъ письмо отъ Серези⁽³³⁾ отъ 1 Маія. Дашковъ еще тамъ, но собирается къ себѣ въ деревню; слѣдовательно вы прежде насъ его увидите. Вотъ выписка изъ письма брата моего, которую прошу не показывать матушкѣ. Вяземскихъ еще не видѣлъ, а завтра увижу ихъ здѣсь. Въ Ц. Село урваться еще не могъ, слѣдовательно и Василій Львовичъ еще въ портфель. Отвѣчать буду ему послѣ. Примите на себя трудъ доставить ему Пери. Вчера Государь обѣдалъ въ Гатчинѣ, а ночевалъ въ Ц. Селѣ. Вотъ и италіянская игрушка.

Выписка изъ писемъ С. И. Тургенева изъ Константинополя отъ 16 апрѣля и 1-го маія (1821).

Вы знаете уже конечно о происшествіяхъ, возмущившихъ нѣкоторыя Христіанскія владѣнія Порты. Они подали поводъ къ гоненіямъ ея противъ Грековъ; и какъ бунтовщики въ прокламаціяхъ своихъ говорили о низверженіи нагометанства, то Турки кровожадное свое ищеніе обращаютъ осо-

⁽³³⁾ Сергѣя Ивановича Тургенева, служившаго вѣсть съ Дашковымъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополь.

бенно на духовныхъ. Отрубивъ прежде головы драгоману Порты, князю Мурузи и другимъ знатымъ фанарскимъ Грекамъ, Турки избрали день Святаго Христова Воскресенья, чтобы казнить патріарха Константинопольскаго и трехъ важнѣйшихъ митрополитовъ. Но чтобы еще усилить жестокость ругательствомъ, они выбрали для нихъ родъ казни самой постыдной, предоставленной самымъ низкимъ преступникамъ, и который никогда не былъ употребляемъ противъ патріарховъ. Григорій, патріархъ Константинопольскій, большой, семидесятилѣтній старикъ, вообще всеми почитаемой, былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ тремя митрополитами, между обѣденою, которую онъ самъ служилъ, и вечернею, въ Христово Воскресенье, 10 Апрѣля. Во время казни и послѣ оной, курилъ возлѣ тѣла ихъ свою трубку верховный визирь въ продолженіи цѣлаго часа. Тѣла ихъ были выставлены до вторника Святой Недѣли, когда наконецъ приказало правительство снять ихъ Жидамъ, которые нѣсколько часовъ таскали по улицамъ, сопровождая эту варварскую церемонію криками, прыганьемъ, пѣснями; послѣ чего они тѣла несчастныхъ бросили въ море. Жидовъ тутъ было около двухъ тысячъ.

Идучи на казнь, патріархъ встрѣтилъ нѣсколько Грековъ, просящихъ его благословенія. Не будучи въ состояніи поднять рукъ своихъ связанныхъ, онъ словесно благословилъ ихъ, укрѣплялъ ихъ въ терпѣніи и увѣщевалъ не покидать святой вѣры, за которую онъ шелъ на смерть мученика.

На его мѣсто тотчасъ же приказала Порта синову выбрать Евгенія, архіепископа Писидійскаго, который принялъ свое назначеніе и вступилъ въ должность.

Кромѣ патріарха и митрополитовъ, казнено множество другихъ духовныхъ, столь же невинныхъ, какъ и они, между прочими одинъ Греческій священникъ 112-ти лѣтъ, и котораго старость была уже дѣтство, казненъ былъ за то, что забылъ отдать два пистолета, которые нашлись между его вещами, послѣ приказанія обезоружить всѣхъ Христіанъ, поданныхъ Порты.

О такихъ проишествіяхъ слышимъ мы безпрестанно. Они тѣмъ болѣе раздражаютъ сердце, что мы ни помочь имъ, ни удалиться отъ нихъ не можемъ, ни даже получить какое либо развлеченіе отъ личной намъ опасности, ибо для насъ ея нѣтъ. Намъ не тревожатъ, и матеріально мы спокойны. Не знаю, чѣмъ все это кончится.

Въ Константинополѣ казни правительства и без-

порядки народные продолжаютъ. Но вы можете быть на шестъ мой совершенно спокойны. У васъ разнесшіеся слухи вовсе несправедливы. Въ Моревъ Греки дерутся съ Турками, но это отъ сюда далеко, и до насъ не дойдетъ.

На этихъ дняхъ Турецкіе студенты, Жиды и прочія каналы разграбили патріархію Константинопольскую. Нѣкоторыя Христіанскія церкви также были разорены, но не ограблены.

Мы скоро опять перевѣжаемъ въ Букъ-Дере.

16.

Вотъ выписка изъ письма брата изъ Царь-Града отъ 15 іюня, стараго стила.

„Здѣсь время стоитъ прелестное и еще не жарко. Босфоръ и берега его во всей красотѣ природной; но опустѣли отъ гоненія и душегубства Турецкаго. Сады въ полномъ цвѣтѣ, но не кому пользоваться ихъ прохладою и ароматомъ цвѣтовъ. Дома закрыты, окна выбиты. Въ домахъ еще скрываются жертвы варварства, бѣдные христіане, но набережныя и улицы пусты какъ въ Геркуланумѣ или Помпеѣ. По каналу еще ходятъ корабли, но они уже не товарами, а спасающимися семействами наполнены; и вмѣсто гуляющихъ по каналу шлюбокъ видны только развѣвующіе Турецкіе караулы. Тишина царствуетъ, какъ на кладбищѣ.“

Курьеръ поѣхалъ 16-го оттуда. Братъ, прочитавъ уже IX томъ Рос. Исторіи и Пери, далъ ихъ читать Дашкову. Такимъ образомъ повторяются предъ глазами ихъ ужасы нашего тирана. Я скрываю отъ матушки мое безпокойство; но положеніе брата не завидное. Онъ думаетъ не о себѣ, а объ общемъ дѣлѣ и пишетъ ко мнѣ: «Царства рушатся — до насъ ли?» Третьяго дни видѣлъ въ Ц. Селѣ Карамзиныхъ и Н. Я. Плюскову. Извините меня предъ Вас. Львов., не отвѣчаю ему: хлопотно.

17.

3 Марта 1825. С.-П.-бургъ.

Приношу искреннѣйшую благодарность за письмо отъ 24 Февраля. По-

кажу его сего дня и Карамзинъ, ибо вчерашнее ваше письмо къ нимъ не упоминаетъ о болѣзни Вяземскаго, о которой вчера узнали они и вмѣстѣ о его выздоровленіи. Мы были въ мучительной неизвѣстности, съ которой можно сравнить только сладость вчерашней минуты, въ которую получилъ я два письма вдругъ о выздоровленіи друга. По представленію кн. Ю. новаго ничего еще нѣтъ, о г. Сонцовѣ просилъ и напоминаю при каждомъ свиданіи. — Пожалуйте обо мнѣ, но не гнѣвайтесь: сего дня первую мыслью было желаніе послать вамъ, въ память выздоровленія Вяземскаго, портретъ Вольтера. Бросился искать его въ портфель и не нашелъ его; ибо у меня его и не было; а въ числѣ шести: Лабрюйеръ, Корнель, Даламберъ, Мольеръ, Расинъ и Буало. Побѣду всюду искать Вольтера, того же изданія, и авось успѣхъ увѣнчаетъ мои поиски. Новоприбжій въ первый разъ видѣлъ государя третьяго дня и бесѣдовалъ долго; но я не былъ у него и безъ особеннаго приглашенія не побѣду. М. ⁽³⁴⁾ удерживается оставленіемъ кроткаго Московскаго куратора ⁽³⁵⁾ на прежнемъ мѣстѣ. Давыдовъ ⁽³⁶⁾ имѣлъ уже послѣ сего аудіенцію, продолжавшуюся 2 часа съ 1/2, у министра, и Логика его т. е. Дав. уже не столь опасна ни для него, ни для вѣреннаго ему юношества. Въ главномъ правл. у. сильный перевѣсъ на сторонѣ здраваго разсудка, и даже Лаваль встрепенулся и почти либеральничаетъ. К. А. Б. Кур. сдѣланъ вице-президентомъ Совѣта на мѣсто гр. Кочубея, уволеннаго

по его желанію отъ министерства и вице-президенства, и получившаго $\frac{16}{т.}$ пенсіи, яко первый учредитель мин. внутреннихъ дѣлъ. Предо мной прелестная литографія, съ головы до ногъ, кн. Козловскаго, сдѣланная въ Берлинѣ; но не моя, а принадлежащая одной возвратившейся оттуда фрейлинѣ, и Жуковскаго album, присланный ему съ дружескою надписью отъ Прусскаго кронъ-принца. Желалъ бы передать вамъ разговоръ мой съ великой княгиней Марьей Павловной, который обворожилъ меня. Отъ Россіи перешли мы къ Германіи и ея ученымъ, отъ Гетингена къ Енѣ, отъ Гете къ Карамзину и съ нимъ опять возвратились въ Россію. И я желалъ бы вѣчно слушать эту порфиноносную Музу. В. К. Анна Павловна говорила съ чувствомъ о Москвѣ и о пѣвцѣ въ станѣ Русскихъ воиновъ.

18.

30 Марта (1825)

Христосъ воскресе! М. Г. Иванъ Ивановичъ, спѣшу принести вашему высокопревосходительству усердное поздравленіе съ наступившимъ праздникомъ и съ исполненіемъ желанія вашего: вчерась подписанъ указъ о камергерѣ Сонцовѣ ⁽³⁷⁾. Можетъ быть, и до васъ дошелъ слухъ о затрудненіяхъ, кои возникли съ начала по представленію князя И. Б. Юсупова о Матвѣѣ Михайловичѣ. Государь остановился на немъ одномъ, полагая, что чинъ его не соотвѣтствуетъ званію, которое для него испрашиваютъ. Князь А. Н. ⁽³⁸⁾ на другой же день сказалъ мнѣ о семъ, прибавивъ, что Государь готовъ пожаловать его въ званіе камеръюнкера и велѣлъ

⁽³⁴⁾ Магницкій.⁽³⁵⁾ Князя Андрея Петровича Оболенскаго.⁽³⁶⁾ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, тогдашній молодой профессоръ Москов. университета терпѣлъ неприятели отъ Магницкаго за свою книгу: Начальныя основанія логики. М. 1821. Сличъ въ Р. Ар. 1864: „Два мнѣнія Магницкаго“.⁽³⁷⁾ Матвей Михайловичъ Солнцовъ женатъ былъ на сестрѣ Сергѣя и Василія Львовичей Пушкиныхъ, Елизаветѣ Львовнѣ. См. Р. Арх 1866, стр. 862.⁽³⁸⁾ Кн. А. Н. Голицынъ

взять справку. Я умолялъ князя отвѣсть сей ударъ отъ г. Сонцова, представляя, что ни лѣта его, ни семейственныя отношенія, какъ отца семейства, съ дочерью-невѣстами, ни даже наружность его, не позволяютъ ему желать сего званія. На другой день я опять былъ у князя и просилъ его, а передъ докладомъ писалъ къ нему и рѣшительно объявилъ, что Матвѣй Михайловичъ лучше не желаетъ никакой награды, нежели камеръюнкерства. Князь повезъ, кажется, два прозкта указовъ и вывезъ ключъ; а вчера я поѣхалъ къ нему, не смотря на мое нездоровье, и онъ обрадовалъ меня тотчасъ, показавъ указъ о Сонцовѣ. Къ сожалѣнію и всѣ другіе указы подписаны, и NN съ первою Анною! — Примите па себя трудъ поздравить отъ меня моего новаго соклучника. Желаю ему болѣе успѣховъ на скользкомъ паркѣтѣ двора, нежели имѣлъ хворый его товарищъ. — Г. Франкъ увѣдомилъ меня, что представленіе о Пинскомъ⁽³⁹⁾ пойдетъ въ Сенатъ въ первые дни Оминой недѣли. Николай Мих. получилъ вчера отъ Государыни Маріи Федоровны перстень съ ея портретомъ. Петръ Ивановичъ Полетика пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы, съ оставленіемъ и коллежскихъ складовъ. Графъ Воронцовъ — генералъ отъ инфантерій. Я встрѣтилъ Свѣтлый праздникъ мрачнымъ лицомъ, ибо хвораю уже другую недѣлю, и братъ также. Читалъ Звѣзду и, благодаря издателей за подарокъ, увѣрялъ ихъ, что за успѣхъ изданія ручается намъ немерцающая слава трехъ звѣздочекъ⁽⁴⁰⁾. Соцѣстно было похвалить

⁽³⁹⁾ Недавно умершемъ въ Спб. тайномъ совѣтникѣ М. М. Карніолинѣ-Пинскомъ, который первоначально жилъ учителемъ въ Сибирскѣ и пользовался покровительствомъ Дмитріевыхъ.

⁽⁴⁰⁾ Въ письмѣ Тургеневъ пишетъ: „не мерцающая слава трехъ звѣздочекъ“. Тургеневъ

обозрѣніе. И въ нашихъ журналахъ рѣдко встрѣчаешь такую нелѣпицу. Бестужевъ перещеголялъ Мольеровыхъ барынь! И какое наглое, безстыдное самохвальство патриотизма! Мы превзошли Нѣмцевъ и Французовъ журналами! Нѣмцы отнимаютъ суму у Ольдекопа! У Французовъ одинъ журналъ *сносный*! И которой же? Самый несносный своею мелочною литературою! Дашковъ, вѣроятно, уже съ вами. Примите на себя трудъ сказать ему о повышеніи Полетика и что *другое неправда*. Онъ угадаетъ смыслъ сихъ словъ. Братъ мой свидѣтельствуетъ вамъ также свое истинное почтеніе, съ коимъ, равно какъ и съ совершенною преданностію, честь имѣю быть и проч. Государь послѣ завтра уѣзжаетъ въ Ц. Село, а въ субботу въ Варшаву. Алексѣй Перовскій сдѣланъ исправляющимъ должность Харьковскаго попечителя.

разумѣть здѣсь три звѣздочки подъ которыми означены два стихотворенія, находящіяся въ *Полярной Звѣздѣ* 1825 года, а именно: 1) стр. 183, *Спялецъ, Собака его и Школьникъ* (Баснь), и 2) стран. 277, *Надѣробіе отъ супруга супругѣ*. Если не ошибаюсь, эти два стихотворенія принадлежатъ Ивану Ивановичу Дмитріеву, къ которому и пишетъ Тургеневъ это письмо. Еще есть другое стихотвореніе въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 годъ, помѣченное тремя звѣздочками, стр. 278—286, подъ заглавіемъ: *Цвѣты изъ Греческой Аитологіи*. Это стихотвореніе принадлежитъ Батюшкову.

Вслѣдъ за словами о трехъ звѣздочкахъ Тургеневъ пишетъ въ этомъ письмѣ, приводя слова А. Бестужева: „У Французовъ одинъ журналъ *сносный*“. Въ статьѣ Бестужева: *Взглядъ на Русскую Словоесность въ теченіи 1824 и началъ 1825 годовъ*, помѣщенной въ 1825 году въ *Полярной Звѣздѣ*, стр. 1—24* сказано стр. 23: „Назовите мнѣ хоть одинъ *сносный* Литературный „Журналъ во Франціи кромѣ *Revue Encyclopedique*.“ С. П.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Очень мнѣ жаль, что я не простился (1) ни съ вами ни съ обоими Мирабо (2). Вотъ вамъ на память посланіе Орлову (3), примите его въ вашъ отеческій карманъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину (4). Къ

(1) Передъ отъездомъ въ Псковскую деревню на лѣто.

(2) ?.

(3) Говорится объ извѣстномъ посланіи къ Орлову, только не къ Михаилу Федоровичу, какъ обыкновенно думаютъ, а къ тогдашнему конногвардейцу, впоследствии князю, Алексѣю Федоровичу:

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
Хотя и Русскій генералъ,
Любезность, разумъ просвѣщенный и пр.

(4) Питомецъ пламенной Беллоны,

У трона вѣрный гражданинъ,—
стяхи изъ Посланія Пушкина къ А. Ф. Орлову.

статѣ о Беллонѣ: когда вы увидите бѣлоглазаго К-на, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за С—скаго, воспитанника Унив. Панс. К-нъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодаго человѣка вытѣсняетъ изъ Пансіона, оставляя его въ нижнемъ класѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ С.-каго, вспомните объ немъ и, какъ кардиналь-племянникъ (5) зажмите родъ доктору Теологіи К-ну, который добивается въ инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile (6) забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца.

Пушкинъ.

1819.

9 Іюля.

(5) Соль этой остроты заключается въ томъ, что Тургеневъ былъ тогда главнымъ дѣльцомъ при министрѣ *духовныхъ дѣлъ*, кн. А. Н. Голицына.

(6) Кто это—намъ неизвѣстно.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

стр. 280, Первую холеру 1830—1831 года Баратынскій прожилъ сначала въ Москвѣ и уже потомъ перѣхалъ въ Казань.

Стр. 296, въ примѣчаніи 22-мъ, вмѣсто кн. З. А. Волконская, слѣдуетъ читать *свѣтлѣйшая княгиня Софья Григорьевна Волконская.*

Стр. 432, графа Шувалова звали не Павломъ Александровичемъ, а Павломъ Андреевичемъ.

Чертковская библіотека открыта для общаго бесплатнаго чтенія ежедневно отъ 11 до 3 часовъ, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Увѣдомляемъ читателей Р. Архива о выходѣ въ свѣтъ новой книгѣ: *Новиковъ и Московскіе Мартинисты, изслѣдованіе М. Лонгинова*. Текстъ ея состоитъ изъ 25 главъ. Къ нему присоединены: 1., До 1500 ссылокъ на источники, примѣчаній библиографическихъ, біографическихъ и пр., 2., Приложенія въ числѣ 50 нумеровъ и 3., Алфавитный указатель именъ. Объемъ книги 35 печатн. листовъ, въ осьмую долю.

Цѣна *три рубля серебромъ*.

Въ книгѣ этой собраны и расположены въ систематическомъ и хронологическомъ порядкѣ всѣ доселѣ извѣстныя, а также многіе еще неизданные свѣдѣнія и документы о Новиковѣ (1744—1818), о Русскомъ Масонствѣ 18 вѣка, о Русскихъ Розенкрейцерахъ (1782—1792) и о дѣятельности Московскихъ Мартинистовъ (1779—1791), сосредоточивавшейся въ „Дружескомъ Ученомъ Обществѣ“ (1782—1784) и „Типографической компаніи“ (1784—1791) а также о судьбѣ ихъ послѣ 1792 года. Кромѣ того нѣкоторыя главы этого изслѣдованія посвящены краткому изложенію сущности ученія Герметической философіи и повѣствованію объ исторіи Теософовъ, Алхимистовъ, древнихъ Вольныхъ Каменьщиковъ, новѣйшихъ Масоновъ разныхъ системъ, Розенкрейцеровъ и Иллюминатовъ.

Гг. Книгопродавцы обращаются за этою книгою въ Москву, на Мясницкую, въ домъ Кудрявцева, № 57 къ Петру Ивановичу Бартеневу и пользуются обыкновенною уступкою.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ, но въ большемъ противъ прежняго объемѣ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4-хъ листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С.Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С.Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѡ. Базунова*.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ *Чертковскую библиотеку*.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія въ *Германію 7 р.*; въ *Францію и Бельгію 7 р. 50 к.*; въ *Англію 8 р.*; въ *Швейцарію и Италію 9 р.*

Составитель и издатель Русскаго Архива: *Петръ Бартевель.*

ГОДЪ

ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

5 и 6.

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Потемкинскій праздникъ 1791 года. (Письмо въ Москву).
2. Забѣтки о Польскомъ возстаніи 1830 года *И. С. Ульянова*.
3. Н. М. Языковъ (новые стихи его и письма), статья *М. И. Семевского*.
4. Пзъ записокъ *г-р. Е. Ѳ. Комаровскаго*. 1802—1812.
5. Письма В. А. Жуковскаго
 - а) къ А. И. Тургеневу (1810—1817).
 - б) къ И. И. Козлову (1825—1839).
 - в) къ А. Ѳ. Фовъ-дербъ-Бриггену (1845—1849).
6. Черты Русской политики въ 1819 году. Статья *М. Ѳ. Шугурова* съ приложеніемъ дипломатическихъ бумагъ на Французскомъ языкѣ и Русскаго перевода ихъ.
7. Бисмаркъ на Русской службѣ. Статья *кн. А. П. Голицына*.
8. Письмо контрадмирала *Истомина* къ Англійскому вице-адмиралу Лайонсу.
9. Объ юбилейномъ изданіи Московской Синодальной типографіи, *П. А. Безсонова*.
10. Объ изданіи Памятныхъ Записокъ Храповицкаго. Забѣтки *Д. В. Польнова*.
11. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ ученыхъ и писателяхъ, умершихъ въ 1863 году. *Г. Н. Геннади*.
12. Незданныя шуточные стихотворенія *И. И. Дмитріева*, съ объясненіями *М. Н. Лонгинова*.
13. Дополненія и поправки.

МОСКВА.

Типографія Т. Ризъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.

1867.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНИЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. ВЪ ОДНОМЪ ТОМѢ. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. 1863 года VI и 1066 стр. (4 р., съ пер. 5 р.) 1864 года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (4 р., съ пер. 5 р.) 1865 года 1550 стр. (5 р., съ пер. 6 р.). Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую бібліотеку. Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. 20 рублей.

Тамъ же изданія „Русскаго Архива“:

І. І Е З У И Т Ы

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ.

(ПИСЬМА Ю. Ф. САМАРИНА КЪ ОTCУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаніе ихъ дѣйствія въ Россіи.
М. 1866. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

II. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Исслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. 8°. IV°, 384 и 176 стр.
Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

Тамъ же стихотворенія Кн. П. А. Вяземскаго:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°, 420 стр.)

ПОТЕМКИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ 1791 ГОДА ⁽¹⁾.

(Письмо въ Москву.)

Петербургъ 1791-го года Мая 6-го дня.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой князь Иванъ Михайловичъ! Милостивое и благосклонное письмо, коимъ вы съ любезнѣйшею вашею супругою удостоить меня изводили, удостовѣряя меня о вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, сугубить въ сердцѣ моемъ чувствительнѣйшую мою къ вамъ привязанность и искреннее почтеніе. На сіе письмо я вамъ долженъ отвѣтомъ. Давно намѣревался я исполнить сей мой долгъ предъ вами; но что могъ я сказать достойнаго вашего вниманія? Мнѣ бы надлежало изъяснить вамъ, сколь много чувствую вашу ко мнѣ благосклонность и пріязнь; но какъ все, что бы я ни сказалъ, не можетъ сравниться съ чувствованіями моими, то, заключивъ оныя въ мое сердце, напишу вамъ лучше о здѣшнихъ новостяхъ,

(1) За сообщеніе этого письма (въ подлинникѣ) мы обязаны князю Александру Ивановичу Долгорукому, къ отцу котораго (известному нашему литератору) князю Ивану Михайловичу письмо писано. Писавшій, Тимофей Прокофьевичъ Кирьякъ, служилъ тогда инспекторомъ классовъ въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда поситывалась супруга кн. П. М. Долгорукаго. Въ Росписи Смирдина, подл. №№ 3082 и 6309 означены наданные Кирьякомъ переводы сочиненій Фридриха Великаго, именно «Исторія моего времени», Спб. 1793, 8°, 2 ч. и «Оставшіяся творенія». Спб. 1789—1791. 8° 8 ч. Хотя свѣдѣнія о Потемкинскомъ праздникѣ собраны Я. К. Гротомъ въ значительной полнотѣ (Соч. Державина, т. I. стр. 377 и д.): но это письмо представляетъ нѣсколько новыхъ подробностей. П. Б.

хотя впрочемъ и оныя ничего уже новаго для васъ въ себѣ не заключаютъ. Важнѣйшая изъ нихъ, и можетъ быть пріятнѣйшая, есть празднество, данное 28-го Апрѣля свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ въ домѣ его близъ Конной Гвардіи. Первая мысль, которая, кажется, встрѣтится при семъ вашему сіятельству, есть сія: гдѣ было дать благородной публикѣ и народу великолѣпное угощеніе, когда домъ не только вовсе не убранъ, но ниже достроенъ, а что больше всего, когда для народа нѣтъ никакой площади, никакого мѣста кромѣ улицы. Не дивитесь сему! Обыкновенному человѣку трудно отвратить такія препятствія; но свѣтлѣйшему князю ничто ни въ чемъ преграды не полагаетъ. Извините, ваше сіятельство, что я обременю васъ нѣсколько подробностями. Вамъ извѣстно, въ какое движеніе приведена была наша столица прибытіемъ въ нее преславнаго нашего Ироя ⁽²⁾. Вся знатность, богатые частные люди, даже богатые мѣщане, все съ рвеніемъ другъ предъ другомъ старались угостить его, вмѣняя себѣ за славу пріятіе толь знаменитаго гостя. Всякъ

(2) Это былъ послѣдній пріѣздъ Потемкина въ Петербургъ. Онъ прибылъ 28 Февраля 1791 г., въ Пятницу, на первой недѣли великаго поста (Зап. Христовскаго, стр. 239). Россія находилась въ войнѣ съ Турціею и въ самыхъ напряженныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи и Англіи. Можетъ быть, праздникъ былъ данъ между прочимъ и для того, чтобы развлечь умы.

Русскій Архивъ. 22.

выискивалъ возможныхъ для вкуса рѣдкостей, и, кажется, презиралъ наилучшія вещи, если только они были всѣмъ общи и обыкновенны. Покупали стерлядей, одну по 100, 200, 300 р. и выше. Главнѣйшимъ у всѣхъ предметомъ при угощеніи была уха. Наперерывъ старались сдѣлать ее дороже, и, чтобы придать важности угощенію, разглашали цѣну оныя до 5, 6 сотъ рублей и выше. Забавы и веселія соотвѣтствовали рѣдкости случая. Рѣдкой день проходилъ, чтобы кто не далъ великолѣпнаго пира. Великой постъ превратился въ масляничные праздники. Нарушеніе святости поражало умы людей благочестивыхъ; но мудрые и просвѣщенные міра сего посмѣвались благочестію, считая оное грубымъ суевѣріемъ и заржавѣлою древностію.—Свѣтлѣйшій князь, изъ признательности ли къ почестямъ, ему оказываемымъ, или дабы мысли людскія заняты скольконибудь пріятнѣйшими предметами, или что всего вѣроятнѣе, по свойству своему производить дѣла чрезвычайныя и чудесныя, восхотѣлъ и у себя сдѣлать праздникъ. Для онаго назначенъ былъ преждеупомянутый не совсѣмъ достроенный домъ его въ сосѣдствѣ нашемъ (3). Никто тутъ не предполагалъ ничего особеннаго; ибо не было никакой причины къ чрезвычайному торжеству. Но вдругъ появилось въ домѣ множество всякихъ художниковъ и работниковъ. Стали съ поспѣшностію отдѣлывать недодѣланные покои, и оконченные украшать. Начали рас-

пространяться слухи о употребляемыхъ на украшенія издержкахъ. Въ городѣ заказано было мастерамъ множество разныхъ домашнихъ уборовъ. Изъ лавокъ взято на прокатъ до двухъ сотъ люстръ и не мало большихъ зеркалъ, кромѣ премногихъ, привезенныхъ изъ его собственныхъ заводовъ. Отъ придворной конторы принято триста пудъ воску заимобразно, къ коему потомъ еще прибавлено слишкомъ сто; не считая девяти или десяти тысячъ свѣчъ, приготавлиемо было больше двадцати тысячъ шкаликовъ или стаканчиковъ съ воскомъ. Заводъ стеклянной занятии былъ дѣланіемъ разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ стеклянныхъ фонарей, всякихъ древесныхъ плодовъ, бусъ и прочихъ фигуръ. Видѣли предъ домомъ строящуюся иллюминацію; слышали о угощеніи народномъ; знали о богатой ливреи, приготавлиемой слишкомъ на сто человѣкъ. Цвѣтущая юность дворянства начала учить кадрили. Сколь все сіе ни велико, но молва все еще несравненно увеличивала: ибо говорили, что въ Петербургѣ и воску уже столько не нашлось, сколько для князя потребно, и что по почтѣ послали за нимъ въ Москву, увеличивая цѣну онаго до 70 тысячъ руб. и проч. и проч., что и вы безъ сомнѣнія слышали и, можетъ быть, въ гораздо еще чудобразнѣйшемъ видѣ. По теченію дѣла видно, что великолѣпіе и пышность раждались по мѣрѣ успѣха въ оныхъ; ибо расположеніе украшеній совсѣмъ видъ свой перемѣнило, пока доведено до окончанія. Все сіе однакоже предвозвѣщало необыкновенное празднество,

(3) Т. е. въ сосѣдствѣ съ Смольнымъ монастыремъ.

и тѣмъ болѣе поразительное, что никто не зналъ цѣли онаго; да какъ и знать, когда никакой особенной не было? Всепроницающіе народные политики на вѣрное полагали, что оно готовится для торжественія мира; но они, по обыкновенію своему, обманулись. Послѣ многихъ догадокъ и заключеній услышали, на послѣдней недѣли поста, что князь даетъ празднество въ теченіе святаго недѣли и что народныя забавы къ оному присовокуплены будутъ. Никто не могъ сему вѣрить, потому что вовсе не было способнаго для оныхъ мѣста. Но скоро сдѣлалось сіе вѣроятнымъ. Ваше сіятельство изволите припомнить, что по улицѣ къ нашему обществу (4), противу самаго княжескаго дома, на лѣвой рукѣ, ѣдучи къ намъ, находилось вѣтхое деревянное строеніе, послѣ котораго вдоль же улицы продолжался заборъ до маіорскаго конно-гвардейскаго дома, въ коемъ жилъ Михельсонъ. Сей заборъ загромождалъ развалины стараго строенія. Предъ самымъ праздникомъ, когда все уже къ окончанію приходило, повелѣлъ князь сдѣлать площадь для народа. Повелѣнію тотчасъ слѣдовало исполненіе. Тотчасъ домъ срытъ до основанія, заборъ отнятъ, и немалое за онымъ пространство расчищено такъ, что можно было построить качели. Въ три дня увидѣли предъ княжескимъ домомъ довольно пространную площадь, въ концѣ коея построена деревянная стѣна, дабы скрыть низкія и топкія мѣста, простирающіяся къ рѣкѣ и забросанныя щебнемъ и

(4) Смольный монастырь долго назывался Обществомъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ.

бревнами стараго строенія. Средину стѣны составлялъ небольшой полуциркуль. Предъ нею сдѣлано нѣсколько ступеней, по коимъ восходили на большую площадку, простирающуюся чрезъ всю ея длину. Вся сія стѣна раздѣлена была расписанными столбами на многія ворота, изъ коихъ на крайнихъ представлены были живописью занавѣсы, а прочіе убиты ельникомъ, коего верхушки и изъ за стѣны видны по всей ея длинѣ, что представляетъ въ дали лѣсъ. По сторонамъ площади поставлены были качели отъ стѣны до дороги, отъ которой отдѣлялись рогатками. Все было готово, и празднества непременно ожидали на святой недѣлѣ въ четвергъ. Наступилъ и четвергъ; но сколь странно всѣмъ показалось, когда вмѣсто празднества увидѣли совсѣмъ новыя работы. Хорошій видъ стѣны и площади закрывался отъ самой середины княжескаго дома деревяннымъ домомъ, находившимся между двумя каменными флигелями въ самомъ дворѣ. При томъ же сараи, конюшни, людскія избы и проч. представляли въ дворѣ непріятныя виды. Князь повелѣлъ ничему не быть. Въ три дни все исчезло, и такъ изглажено было, что и слѣдовъ ничему не осталось. Тогда обнаружилась вся огромность зданія. Дворъ явился чистый и пространной; изъ всего фасада видна была площадь, уготованная для народа; на мѣстѣ бывшаго деревяннаго дома, воздвигнуты противу самаго главнаго входа триумфальныя ворота, украшенныя изображеніями разныхъ побѣдоносныхъ знаковъ и оружій; по обѣимъ сторонамъ флиге-

лей, вмѣсто рѣшетки, которой тутъ по плану быть должно, сдѣлана небольшая стѣна или ограда, убитая ельникомъ. На ней выведены изъ дерева фигуры для иллюминаціи. Между тѣмъ какъ все сіе приготовлялось снаружи, внутри дома прибавлены многія украшенія. Такимъ образомъ послѣдніе дни святыхъ недѣли протекли въ приготовленіяхъ. Общее было мнѣніе, что празднество будетъ въ день рожденія императрицы, т. е. въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣли; потомъ сказали во вторникъ и въ пятницу; но въ оба сіи дни было только повтореніе кадрили и небольшіе балы, какіе обыкновенно въ такіе дни бывали, т. е. такіе, въ кои столъ бывалъ на сто восемьдесятъ и никогда не меньше какъ на сто курвертовъ; въ кои одна уха стоила свыше тысячи рублей, ибо ея наполняли преогромную семи или осьми пудовую серебряную чашу: два человѣка стоя раздавали всему столу, и по раздачѣ оставалось ея еще для толикаго же числа гостей, словомъ, такіе балы, кои всякой разъ стоили до четырнадцати тысячъ. Все сіе однакоже пишу по слухамъ и увѣреніямъ другихъ.

Наконецъ для сего безпредметнаго торжества назначено 28-го Апрѣля. По причинѣ многократныхъ отлагательствъ никто сему не вѣрилъ до полученія билета, кои большею частію были раздаваемы въ тотъ самый день по утру. По билетамъ приглашены были только первые пять классовъ и изъ низшихъ лучшія фамиліи; однакоже и безъ приглашенія многіе нашли способъ веселиться и пиршествовать въ семь маскарадъ. Утро

сего дня, послѣ продолжавшейся холодной и отчасти снѣжной и дождливой погоды, предвѣщало хорошее время; но скоро погода перемѣнилась. Во весь день шелъ дождь, и холодъ былъ чувствительной. Съ утра на площадкѣ, сдѣланной у стѣны, расположены были для народа съѣстные припасы; но для питья никакого вина не было, а только медовой квасъ и простывшій сбитень разставленъ былъ въ небольшихъ кадкахъ. Стѣна же вся увѣшана была разными, къ мужскому одѣянію служащими, вещами; какъ то: сапогами, котами, онучами, лаптями, шляпами, кушаками и проч. всего куплено на три тысячи рублей, но и сему цѣну несравненно возвышаютъ. Время для маскарада назначено было въ 5 часовъ; однакоже народъ началъ собираться почти съ утра. Разнесшійся въ черни слухъ, что стануть хватать въ солдаты тѣхъ, которые что возмутъ изъ выставленныхъ вещей, худая погода, работный день, и самая тѣснота мѣста, всѣ сіи обстоятельства стеченіе народа уменьшили. Съѣздъ господъ начался въ три часа. Сперва кареты ѣхали какъ обыкновенно, въ одинъ рядъ; потомъ мало по малу до того умножились, что въ четыре и пять рядовъ предъ княжескимъ домомъ стѣснялись, и въ 7-мъ еще часу вся улица, отъ княжескаго до Литейнаго дома, занята была ѣдущими каретами. Базалось, что весь городъ стекался видѣть сіе позорище. О множествѣ ѣхавшихъ изъ того заключить можете, что вся императорская фамилія принуждена была останавливаться на дорогѣ. Многіе, проѣхавъ мимо, возвращались домой

посторонними дорогами, а прочіе оставались дожидать народнаго угощенія, не включая сюда приглашенныхъ въ маскарадъ. Между тѣмъ какъ зрители ожидали народнаго угощенія, произошелъ довольно забавной случай. Для начатія онаго опредѣлено было дать знакъ играніемъ на трубахъ и не прежде какъ по прибытіи императрицы. Прибытія ея ожидали въ 5 часовъ, но уже проходилъ и седьмой, а она еще быть не изволила. Чернь, ожидавшая цѣлой день на дождливой погодѣ своего пира, съ великимъ вниманіемъ и нетерпѣливостію ожидала знака. Не много уже ждать оставалось, какъ вдругъ собака, выбѣжавшая изъ промежду народа на площадь, все дѣло испортила. Не успѣла она появиться, въ ту минуту стоявшіе близъ того мѣста, гдѣ она показалась, закричали на нее и затопали. Сіе было знакомъ къ начатію пира. Всѣ со стремленіемъ кинулись хватать, что было представлено. Прежде лежали опредѣленная стража опаматовалась отъ изумленія, все во мгновение ока было разорвано. Но многіе дорого за сію ошибку заплатили. Каравульные, наступивши на нихъ всею силою, обратили въ бѣгство. Солдаты прикладами, казаки плѣтьми, полицейскія трубами заливыми въ такой страхъ привели чернь, что она опрометью бросилась назадъ, давая другъ друга. Вскорѣ опять все утихло; но какъ не чѣмъ уже было испорченнаго поправить, то и повелѣно было окончить начатое прежде прибытія императрицы. Она изволила прибыть со всѣмъ царскому сану приличнымъ великолѣпіемъ послѣ семи часовъ, и при

входѣ, бывъ встрѣчена свѣтлѣйшимъ княземъ, препровождена въ галерею.

Здѣсь естественно слѣдуетъ описаніе всѣхъ украшеній, какія око внимательнаго зрителя могло замѣтить въ семъ зданіи; но мнѣ показалось сего не довольно. Не зная, извѣстно ли вашему сіятельству самое расположеніе онаго, рѣшился я отчасти и о семъ упомянуть. Я предположилъ, что вы въ немъ никогда не бывали. Простите моей дерзости, и вооружитесь на нѣсколько минутъ терпѣніемъ прочесть слабое начертаніе того, что однимъ токмо разсматриваніемъ ясно понять можно. Первой покой отъ главнаго входа, надъ коимъ находится надпись: *Отъ щедротъ Великія Екатерины*, такъ какъ преддверіе всего зданія, долгое время оставался безъ всякаго украшенія. Въ немъ находится трое дверей: по сторонамъ обыкновенные (сими входятъ въ покои главнаго фасада, простирающіеся прямою линією по обѣ стороны, до боковыхъ флигелей); а противу самаго входа, великія, сводомъ выведенныя и столбами поддерживаемыя (на подобіе царскихъ вратъ въ большой придворной церкви, если отнять самыя двери). Сіи ведутъ въ залъ съ куполомъ, представляющій нѣкій родъ храма. Дабы придать великолѣпія какъ храму, такъ и самому преддверію онаго, князь далъ повелѣніе, на послѣдней уже недѣлѣ, воздвигнуть предъ сказанными вратами два огромные столба подъ красной мраморъ. Сіе сдѣлалось какъ-бы нѣкимъ творческимъ духомъ. Въ самое короткое время воздвигнуты столбы въ діаметръ около двухъ аршинъ, вышиною несравнен-

но врата превосходящія, съ позлащенными капителями, и вверху соединенные карнизомъ изъ такого же мрамора. На карнизѣ златыми буквами написано: *Екатеринъ Великой*. Самой храмъ или пантеонъ имѣетъ фигуру квадрата съ обрѣзанными углами, и только двѣ главныя стѣны по правую и лѣвую руку; другія же двѣ стороны занимаются колоннами, поддерживающими небольшіе хоры сводомъ. Какъ колонны, такъ и стѣны идутъ вверхъ только до половины высоты храма и оканчиваются широкимъ вокругъ карнизомъ. Далѣе возвышается оной сводомъ и самымъ куполомъ, который также отдѣляется отъ сводовъ большимъ карнизомъ. Въ сводахъ и въ куполѣ окна. Стѣны сего пантеона и куполъ расписаны перспективною живописью, представляющею внутренность чертоговъ, и увѣшаны гирляндами, къ первому карнизу прикрѣпленными. Печки, по всѣмъ угламъ стоящія, убраны китайскими сосудами и фигурами. Всѣ карнизы и окна уставлены различной величины и цвѣта стеклянными фонарями. На хорахъ, поддерживаемыхъ первымъ рядомъ столбовъ отъ входа, устроенъ органъ; а на противоположной сторонѣ для симетріи поставленъ китайской комодъ, имѣющій видъ органа. Весь сей храмъ, бывъ освѣщенъ множествомъ разноцвѣтныхъ огней, представлялъ прекрасное зрѣлище. Отсюда чрезъ промежутки столбовъ, идущихъ въ параллель первому ряду на противной сторонѣ, входятъ въ преогромную галерею. Вшедшему представляется она въ поперегъ по самой срединѣ. Въ ширину кажется

небольше имѣетъ какъ 7 сажень, длина же ея простирается не меньше какъ на 30, и съ обѣихъ сторонъ оканчивается овално. По обоимъ симъ концамъ находится по восьми большихъ и сверху по толикому же числу малыхъ круглыхъ оконъ⁽⁵⁾. Какъ на томъ, такъ и на другомъ концѣ сдѣлано по небольшому возвышенію отъ полу чрезъ всю ширину галереи; оба сіи возвышенія загорожены балюстрадамъ. На лѣвой рукѣ отъ входа, все пространство за оградой убито зеленымъ сукномъ, и вокругъ стѣны подъ окнами лавки съ подушками, покрытыми тонкимъ ситцомъ. Сей пространный, но непышный диванъ опредѣленъ былъ для царской фамиліи и первостепенной знатности. Противоположенное же возвышеніе на другомъ концѣ галереи, сдѣланное амфитеатромъ, для пѣвчихъ и музыкантовъ. Вся сія галерея поддерживается двумя огромными колонадами, простирающимися чрезъ всю ея длину съ обѣихъ сторонъ до оконъ. Каждая заключаетъ въ себѣ тридцать шесть столбовъ, имѣющихъ въ діаметрѣ 2 аршина и стоящихъ по два такъ, что чрезъ всю длину галереи можно идти между ими въ рядъ двумъ челоуѣкамъ. Вверху соединяются они повѣшенными на голубыхъ лентахъ гирляндами, сплетенными изъ зелени и цвѣтовъ. Для освѣщенія сего пространнаго портика, кромѣ множества разноцвѣтныхъ съ воскомъ стаканчиковъ, разставленныхъ по карнизамъ и при гирляндахъ, повѣшено еще подлѣ колоннъ, параллельно съ оными, трид-

(5) См. рисунокъ, прилагаемый къ стр. 382-й 1-го тома сочиненій Державина, изд. Я. К. Грота.

цать два люстра и по обоимъ концамъ галереи по одному отъѣннаго искусства и величины, съ органами внутри. Сіи послѣдніе принадлежали вѣкогда герцогинѣ Кингстонъ. Сверхъ того между самыми колоннами находится тридцать два большихъ фонаря. Простѣнки между окнами снизу до верху покрыты большими стѣнными подсвѣчниками, сдѣланными, для большаго блеску, изъ бѣлой жести на подобіе солдатскихъ султанчиковъ, если раздѣлить ихъ на двѣ половинки. На каждомъ перѣ сверху, гдѣ оносъ маленько къ нему загибается, придѣлана для свѣчи трубочка; весь же вѣнчикъ увѣшанъ гранеными хрустальями, какіе обыкновенно бываютъ на люстрахъ; а подлѣ оныхъ большіе стеклянные сосуды разныхъ цвѣтовъ. Все сіе при освященіи издавало блескъ, глаза ослѣпляющій. Въ первой колоннадѣ, по обѣимъ сторонамъ отъ входа изъ пантеона, сдѣлано между колоннами по три ложи, кои снаружи убраны подзорами изъ бѣлой и зеленой тафты съ отъѣннымъ вкусомъ; отъ подзоровъ внизъ по столбамъ опускаются завѣсы изъ такой же тафты, такъ что каждая ложа представляетъ съ низу, если стать между столбами, прекрасный балдахинъ. Оныя опредѣлены были для знатныхъ особъ, болѣе женскаго пола. Противолежащая же колоннада отдѣляетъ отъ галереи садъ, коего украшенія еще блистательнѣе, ибо большая часть оныхъ состоитъ изъ зеркалъ. По обоимъ концамъ сей колоннады, между послѣдними двумя столбами, поставлены превеликія зеркала, увитыя зеленью и цвѣтами. Въ нихъ представляется троякая длина

оныя. Въ саду, противу самой средины галереи, близъ колоннады, воздвигнутъ родъ жертвенника обѣ 8-ми вокругъ стоящихъ столбахъ, имѣющихъ въ діаметръ больше аршина и высотой своею равняющихся колоннамъ галереи. Верхъ онаго сведенъ куполомъ, полъ высланъ сѣрымъ мраморомъ. Среди сего олтаря, на подножій изъ краснаго мрамора, стоитъ образъ Екатерины, изсѣченный изъ чистѣйшаго бѣлаго мрамора въ ростъ человѣческій, во образъ божества, въ длинномъ Римскомъ одѣяніи. Видъ ея обращенъ къ галереи; въ одной рукѣ держитъ скипетръ, а другая, простертая положена на раскрытую книгу, лежащую на усѣченномъ столбѣ. У ногъ ея рогъ изобилія, изъ коего сыплются ордены и деньги. На подножій золотыми буквами начертана надпись: *Матери отечества и мнѣ премолюсердой* (Разбирая по граматикѣ сіи слова, не можно найти въ нихъ яснаго смысла, или можетъ быть я одинъ ихъ не ясно понимаю). Столбы сего жертвенника также украшены вверху гирляндами, висящими на голубыхъ лентахъ. Отъ оныхъ спускаются, до половины высоты столбовъ, вѣнки, сплетенные изъ цвѣтовъ, въ срединѣ коихъ повѣшены изъ разноцвѣтнаго стекла сдѣланныя, граненыя и хрустальями унизанныя, лампадки. Столбы, по самой срединѣ, также препоясаны цвѣтами; и отъ пояса опускаются вокругъ цѣпи изъ цвѣтовъ.

Садъ, въ разсужденіи своего пространства, не великъ, примѣрно можно положить въ длину сажень 25, а въ ширину 20; раздѣляется на десять куртинъ разной фигуры и величины.

Сверхъ того вокругъ всей оранжереи посажены деревья. Всѣ сіи куртины отдѣляются одна отъ другой искривленными дорожками, начинающимися отъ жертвенника. Всѣ они къ срединѣ сада возвышены, а къ окнамъ и жертвеннику покаты, и вообще весь садъ состоитъ изъ небольшихъ пригорковъ, густо усаженныхъ цитронными, померанцовыми и другими подобными деревьями, изъ коихъ нѣкоторыя и плоды имѣютъ; но на большей части деревьевъ плоды поддѣланы были изъ стекла, какъ-то: сливы, вишни и разныхъ цвѣтовъ виноградъ, коего цѣлыя гроздія представлены сдѣланными изъ стекла, на подобіе оныхъ, фонарями. Изъ среди сихъ куртинъ возвышаются поддѣланные кедры, кои многочисленными своими верхами поддерживаютъ потолокъ; а безъ того опой, судя по пространству зданія, не могъ бы, кажется, держаться. Дорожки, устланныя по краямъ дерномъ, также обращали на себѣ зрѣніе. Всѣ они усажены ананасами, арбузами и дынями натурального цвѣта, величины и вида. Листья ихъ и стебли сдѣланы изъ жести, а самый плодъ изъ стекла; всѣ сіи плоды имѣли въ срединѣ огонь. За жертвенникомъ простирается къ окнамъ оранжерейнымъ устланная дерномъ площадка, имѣющая видъ трапеціи, и раздѣляющая садъ на двѣ половины. Окна противу оныхъ вовсе задѣланы съ низу до верха зеркалами, изъ коихъ составленъ гротъ. Сіе произведеніе воображенія весьма удачно. Представьте себѣ тронъ, у стѣны стоящій и открытый спереди. Видъ сея блестящія пещеры имѣетъ великое сходство съ

онимъ; вся внутренность его убрана зеленью и пятью зеркалами, изъ коихъ три идутъ снизу вверхъ около трехъ сажень, съужаясь къ верху (сіи наставныя); а двое боковыя возвышаются до половины высоты другихъ зеркалъ. Сіи послѣднія, какъ сверху такъ и по краямъ, густо обложены ельникомъ и другою зеленью, и всѣ соединенія зеркалъ зеленью же задѣланы; вмѣсто шнуровъ и бахрамы, коими обыкновенно украшаются занавѣсы, здѣсь висятъ гирлянды изъ цвѣтовъ и плодовъ многообразныхъ. Внутри сея бесѣдки поставленъ сосудъ изъ бѣлаго мрамора; вокругъ лавки изъ зеленаго сафьяну, и полъ убитъ зеленымъ сукномъ. Противу самаго входа въ сей гротъ, въ концѣ прежде упомянутой площадки, и по одной линіи съ мраморнымъ образомъ императрицы, воздвигнута небольшая пирамида изъ желтаго мрамора; но мраморъ виденъ токмо по краямъ, самая же середина, какъ на подножіи, такъ и на пирамидѣ, состоитъ изъ зеркалъ, такъ что мраморъ составляетъ токмо рамы оныхъ. Къ сей пирамидѣ восходятъ тремя ступенками, отъ коихъ подножіе возвышается кубомъ, аршина въ полтора; вставленные во всѣ бока зеркала обложены по краямъ хрустальною гранью; а въ вернемъ краю повѣшены разнымъ узоромъ, такъ какъ ожерелья, хрустальные различной величины граненые камни. Самая пирамида стоитъ на четырехъ по угламъ шарикахъ, и пространство, отдѣляющее ее отъ подножія, также увѣшано граненымъ хрусталемъ. Къ верху оныя, на каждой сторонѣ, сдѣланы на зеркалѣ про-

долговатые изъ разноцвѣтныхъ фольгъ вѣнцы, а на самой верхушкѣ поставленъ изъ разноцвѣтныхъ же, драгоценныхъ или поддѣльныхъ, камней, точно не знаю, довольно великой вѣнзель Екатерины. Въ нѣсколькихъ шагахъ по сторонамъ грота, дивана, бесѣдки, какъ вамъ угодно, противу коего находится пирамида, стоятъ въ концѣ дорожекъ превеликія зеркала, увитыя цвѣтами, зеленью и бусами отмѣнной величины, кои повѣшены какъ шнуры на занавѣсахъ. Какъ сія зеркала, такъ и зеркала бесѣдки и пирамиды, удвоя и утроя всѣ предметы сада, представляли оной необозримо-пространнымъ.

Теперь обозримъ, вапе сіятельство, хотя мимоходомъ покои, приготовленные для маскарада. Они раздѣляются на двѣ половины и находятся за колоннадою, противоположенною саду. Въ первую входъ отъ дивана, а во вторую отъ оркестра между столбами. Половина, отъ дивана начинающаяся, приуготовлена для принятія императорской фамилии. Первой покой убранъ картинами живописными, о коихъ работѣ судить не умѣю. Для человѣка, не знающаго цѣны оныхъ, наиболѣе поразительно расположеніе; видно, что поспѣшая ихъ разставлять, смотрѣли больше на форму, нежели на содержаніе. На стѣнѣ, противоположенной первымъ дверямъ, видны картины мифологическаго содержанія. Изображенія на нихъ прелестны. Съ одной стороны Леда, лежащая въ страстномъ положеніи съ Юпитеромъ во образѣ лебедя; съ другой нагая, красотою и стройностію тѣла ослѣпляющая дочь ея Діана; вверху Нимфы

или другія прекрасныя божества, купающіяся въ источникѣ. Занявшись толь плѣнительными предметами, не можно не удивиться, увидѣвъ образъ Рождества Спасителя среди оныхъ. На мраморномъ подзеркальномъ столѣ сего покоя, стоятъ пребогатые, нѣкогда герцогини Кингстонъ принадлежавшіе часы на золотомъ или бронзовомъ вызолоченномъ слонѣ, который при игрانی курантовъ движетъ глазами, ушами и хвостомъ. Украшенія оныхъ вообще драгоценны. Говорятъ, что цѣна ихъ 15 тысячъ. Другой послѣ сего покой убить предорогими обойными картинами священнаго содержанія; всѣхъ ихъ только три, по одной на каждой стѣнѣ. Сколь они ни велики, но не покрываютъ всѣхъ стѣнъ; все пространство съ боковъ, не занятое картинами, покрыто зеленою тафтою, сложеною мелкими складками съ выпуклостію; складки имѣютъ видъ раздвоенной въ длину палки. Пространство же между картинами и потолкомъ, въ ширину съ аршинъ, убрано вокругъ всего покоя подзоромъ изъ зеленой и бѣлой тафты съ рѣдкимъ вкусомъ. Полъ убить пребогатымъ ковромъ, сдѣланнымъ à l'arabesque. Изъ сего покоя входятъ въ тотъ рядъ покоевъ, которой составляетъ первой и главной фасадъ. Въ первомъ покоѣ, отъ оркестра, сдѣланъ пышной диванъ, занимающій большую половину онаго, изъ малиноваго штофа съ бѣлымъ подзоромъ. Стѣны сего горницы выкрашены малиновою же краскою, и убраны хорошими и худыми эстампами, коихъ рамы обложены гирляндами и вѣнками изъ цвѣтовъ; другой покой ничего особли-

ваго не заключаетъ, убранъ живописными картинами и стариннаго вкуса штофными, малиновыми мебелями. Изъ онаго входятъ въ прежде объявленной рядъ покоевъ; всѣхъ ихъ отъ флигеля до флигеля десять. Самую средину составляетъ первой покой отъ главнаго входа. Длина же ихъ всѣхъ вмѣстѣ около 250 обыкновенныхъ шаговъ. Лѣвой рядъ оныхъ, разумѣя отъ входа, кончается театромъ, которой принадлежитъ уже къ боковому флигелю на лѣвой рукѣ. Всѣ сіи главнаго фасада покои убраны на скорую руку живописными картинами и эстампами по раскрашеннымъ стѣнамъ. Всѣ двери и окна уставлены стаканчиками въ два ряда. Подъ карнизами къ потолку и въ простѣнкахъ оконъ выведены разные изъ дерева узоры, по которымъ также разставлены были разноцвѣтные огни. Всѣ покои, бывъ освѣщены, производили обворожительное дѣйствіе. Самые же флигели не убраны; правой заключаетъ кухни, а лѣвой вовсе внутри не отдѣланъ.

Остается упомянуть о самомъ мажорандѣ. Императрица первѣе всего изволила прійти въ галерею. Тутъ встрѣчена кадрилию, выходящую изъ саду. Съ музыкою оныя соединялся громогласной хоръ. Кадриль одѣта была блистательнѣйшимъ образомъ. Каждый платя дѣлалъ отъ себя. Кавалеры одѣты были въ испанскую одежду, а дамы въ греческую. У дамъ какъ чалмы, такъ и платя богато вышиты золотомъ; пояса и ожерелья блистали драгоценными каменьями. Кадриль состояла изъ 24-хъ паръ и раздѣлялася на двѣ колонны. Первую т. е. лѣвую велъ принцъ Виртемберг-

скій съ фрелиной Екаториною Петровою Протасовою (6), а за ними слѣдовалъ великій князь Александръ Павловичъ съ старшею Салтыковою (7); другую князь Голицынъ конной гвардіи съ графинею Врюшею. А вторую пару составлялъ великій князь Константинъ Павловичъ со старшею Голицыною. Танецъ начинается маршомъ, потомъ превращается въ греческой, и весь продолжается не больше четверти часа. Въ 8-мъ часовъ началось театральное представленіе. Между тѣмъ, какъ оно продолжалось, зажигали иллюминацію. Для сего, по увѣренію офицеровъ, бывшихъ при сей должности, употреблено 300 человѣкъ, и едва въ полтора часа все зажечь успѣли. По окончаніи представленія, при которомъ я не былъ, императрица со всею свитою и публикою опять изволила прійти въ галерею, и ходить по саду и по всѣмъ покоямъ. Послѣ еще разъ танцовали кадрили, а потомъ обыкновенные контръ-дансы. Въ 11 часовъ начался ужинъ, столъ былъ накрытъ болѣе нежели на пять сотъ приборовъ, и только для дамъ; а кавалеры, не сядя, должны были дамамъ прислуживать. Лучшая часть онаго расположена въ театрѣ. На мѣстѣ самыхъ явленій столъ накрытъ для кадрили. Для прочей публикѣ въ партерѣ, а императорская фамилія со свитою своею изволила кушать между партерною и сценою, на особливо приуготовленномъ столѣ, лицомъ къ партерѣ. Столъ сей имѣлъ такой же видъ, какъ и са-

(6) Впоследствии супругою гр. Ф. В. Растопчина.

(7) Вѣроятно съ гр. Прасковьею Ивановною, впоследствии Мятлевою, которой было тогда 19 лѣтъ отъ роду.

мая партера, т. е. амфитеатромъ; ибо оный сдѣланъ былъ на самыхъ лавкахъ, партеру составляющихъ, такъ что двѣ лавки поставивъ ровно, покрывали доскою, которая и составляла столъ. Такимъ образомъ, вся партера превратилась въ узкія длинныя столики, за коими сидѣли такъ, какъ во время зрѣлища. Для освѣщенія стола, поставлены были съ огнемъ великія стеклянныя братины или чаши, расписанныя разными красками, отъ которыхъ свѣтъ издавался всякихъ цвѣтовъ. Изъ кавалеровъ сидѣли только принцы. Прочіе должны были прислуживать дамамъ; но какъ многіе утомлены были танцами, то, забывъ и оставивъ своихъ дамъ, думали только объ отдохновеніи, почему дамы весьма худо были угощаемы. Кромѣ стола въ театральномъ залѣ, находилось множество малыхъ столовъ въ ближайшихъ отъ онаго покояхъ, такъ что даже и кушанья для всѣхъ не достало. При столѣ не было наблюдаемо никакого порядка; одни вставали, другіе садились; иные ѣли ходя, и сіе продолжалось. Для услуги хотя множество было придворныхъ служителей, но во все болѣе употреблялись ливрейные княжескіе слуги, коими наряжены были гвардейскіе солдаты. Однихъ лакеевъ было 80; кромѣ оныхъ 12 гусаръ, двѣнадцать старей и четыре преогромныхъ гайдукъ. У всѣхъ ливрея палевая съ голубымъ, съ серебряннымъ позументомъ. Отмѣнны были гусарскія платья. У гайдукъ длинное польское или черкесское. Столъ продолжался за пол-

ночь; послѣ стола проигралъ органъ, и была вокальная и инструментальная музыка. Императрица, послушавъ мало, изволила отбыть со своею фамиліею, а публика веселилась до совершеннаго разсвѣта. По отбытіи ея еще продолжалась музыка. Между прочимъ пѣли со всѣми инструментами одну любимую княземъ и нынѣ всѣмъ городомъ Малороссійскую пѣсню. Въ самомъ дѣлѣ напѣвъ оныя весьма пріятенъ. Я хотѣлъ было сообщить оную вашему сіятельству, но не могши достать музыки, оставилъ и самую пѣсню; ибо слова оныя для неразумяющаго языка не весьма пріятны. Въ саду на прудѣ приуготовлена была китайская шлюбка, и нѣсколько другихъ съ тѣмъ, чтобы гребцы подъ начальствомъ какого-то г-на надворнаго совѣтника Митрофанова, пѣли гребецкія пѣсни; но худая погода быть сему не дозволила.—Примите же, ваше сіятельство, сіе наскладное, но искренностію сопровождаемое начертаніе толь великолѣпнаго праздника за знакъ того глубокаго и непремѣннаго почтенія, съ каковымъ за честь поставляю себѣ быть всегда, ваше сіятельство, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Тимофей Курьякъ.

1791-го года
Мая 8-го дня.

Цѣлуя съ глубокимъ подобострастіемъ руки любезнѣйшей вашей супруги, приношу ей тѣмъ жертву моего искреннаго и вѣчно непремѣннаго почтенія. И любезнаго друга моего Павлушу стократно цѣлую.

ЗАМѢТКИ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1830 ГОДА.

Въ 1863—1864 г. напечатанъ переводъ съ нѣмецкаго языка „Исторіи польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 г.“, написанной *Ф. Смитомъ*. По всему замѣтно, авторъ поставленъ былъ въ благопріятныя обстоятельства къ источникамъ, чтобы написать замѣчательно-дѣльную книгу, отличающуюся всеми качествами добросовѣстности и такимъ непристрастіемъ, какое только возможно для чиновника Русской службы. Въ изложеніи военныхъ дѣлъ авторъ, конечно, наиболее зависѣлъ отъ реліцій, слѣдственно, обмолвки и недостатки по этой части—вещи неизбѣжныя и, прибавимъ, покажутся терпимыя, а потому не вредящія общему достоинству книги. Но что въ ней особенно привлекаетъ вниманіе читателя, такъ это полнота и, такъ сказать, подноготность извѣстій о польскихъ дѣлахъ. Кто жилъ въ Польшѣ до возстанія 1830 г., того книга невольно располагаетъ въ свою пользу: у каждаго осталось на столько своихъ воспоминаній, чтобы проверить обстоятельства извѣстныхъ, а за тѣмъ, сопоставивъ ихъ съ тѣми, которые прежде не вѣдѣны были извѣстны и которые выводятся теперь на свѣтъ, убѣдиться въ достовѣрности послѣднихъ. Еще, важная заслуга книги состоитъ въ томъ, что послѣ войны, когда разбредшіеся по всему свѣту герои и не-герои польскаго возстанія вызывали повсюду сочувствіе и состраданіе своимъ положеніемъ и перьями, которыми водила изгарь мести и озлобленія, историкъ предъявилъ противъ нихъ свой протестъ, рассказавъ на общезвѣстномъ европейскомъ языкѣ происшествія такъ, какъ онѣ были.

Возстаніе въ Варшавѣ описывается подробно и обстоятельно. Бывши однимъ изъ захваченныхъ тамъ въ плѣнъ русскихъ офицеровъ, я записывалъ для памяти то, что зналъ, видѣлъ и слышалъ,

и находя у историка нѣкоторыя мѣста изъ варшавскихъ событій не вѣрными или не полными, рѣшаюсь представить на ихъ небольшой замѣтки, въ надеждѣ, что кто нибудь изъ тогдашнихъ современниковъ моихъ по службѣ въ Польшѣ подтвердитъ, либо опровергнетъ ихъ. Замѣтки мои ограничиваются предметами, содержащимися въ первомъ томѣ исторіи.

1. Послѣ общаго очерка польскаго заговора, съ объясненіемъ, въ какой мѣрѣ участвовали въ немъ всѣ сословія (особенно военное) и когда собралась въ Бельведеръ русская кавалерія, а также приведены туда польскими гвардейскими конно-егерями съ Александровской площади шесть польскихъ же гренадерскихъ ротъ съ 4 орудіями, шедшихъ въ Лазенки на помощь къ заговорщикамъ,— авторъ замѣчаетъ странность случая, что эти роты, назначенныя взять въ плѣнъ русскую кавалерію, сдѣлались „лучшею, единственною“ защитою ея и Бельведера, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и въ два послѣдующіе дни. Затѣмъ дѣлается такой выводъ: „къ несчастію, теперь пропустили удобный моментъ для дѣйствія. Въ эту первую минуту, когда заговорщики еще дѣйствовали робко и не рѣшительно, легко было подавить возстаніе; но давъ имъ время усилиться чернью и солдатами, въ началѣ медленно приближавшимся, дозволивъ имъ безъ сопротивленія распорядиться въ городѣ и умертвить всѣхъ тѣхъ, которые старались позвратить солдатъ къ ихъ долгу, допустили такимъ образомъ развитіе безпорядка, который въ слѣдующіе дни превратился въ настоящую революцію (стр. 140).“

Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ заслужили упомянутыя роты названіе „лучшихъ защитниковъ“ Бельведера и собранной при немъ кавалеріи. Хотя выстрѣлами ихъ на Александровской площади (сдѣланными по приказанію русскаго генерала) ранены двое подвѣзжавшихъ и хорошо одѣтыхъ подго-

воршиковъ, но самъ историкъ замѣчаетъ при этомъ, что роты „остались вѣрными своему долгу единственно благодаря твердости генерала Даненберга“; а сохранили ли бы онѣ вѣрность при серьезномъ столкновеніи съ военными мятежниками, это еще неизвѣстно, или просто сомнительно. Вспомнимъ также о покушеніи изъ тѣхъ же защитниковъ подпоручика Волосчанскаго на жизнь великаго князя Константина Павловича, что не удалось только по причинѣ осѣчки ружья. Мы не отвергаемъ, конечно, нравственнаго вліянія на другихъ отъ пребыванія въ Бельведерѣ польской пѣхоты; но едва ли не столько же дѣйствовало на ея вѣрность и присутствіе четырехъ кавалерійскихъ полковъ, считая въ томъ числѣ польскій конно-егерскій, показавшій на самомъ дѣлѣ много уваженія къ чувству долга. Во всякомъ случаѣ, гренадерскія роты могли быть „единственными“ развѣ только въ первые сутки, а на другой день передъ вечеромъ присоединились уже къ отряду Цесаревича оба русскіе пѣхотные полки, Литовскій и Волинскій, а также польскій гвардейскихъ гренадеровъ (кромѣ отдѣлившейся изъ него части къ мятежникамъ).

Что касается до возможности подавленія мятежа на первый день или, правильнѣе, ночь, то мы далеко не раздѣляемъ этого мнѣнія по слѣдующимъ соображеніямъ. Изъ Исторіи видно, что заговорщики въ Лазенкахъ начали заряжать ружья въ 6¹/₂ ч.; за тѣмъ послѣдовали одно за другимъ — нападеніе на Бельведеръ, двукратное нападеніе на наши кавалерійскія казармы, съ отступленіями, тревога, сборъ и прибытіе къ Бельведеру русской кавалеріи, такая же тревога, сборъ и прибытіе изъ среды города конныхъ егерей и приводъ ими съ Александровской площади гренадерскихъ ротъ съ артиллерією. Все это, какъ бы ни было поспѣшно сдѣлано, не могло совершиться безъ потери довольно значительнаго времени. Между тѣмъ, подпираторщики, послѣ не-

удачныхъ нападеній, бросились въ городъ и по прибытіи къ арсеналу, застали тамъ полное возстаніе. То же нашли и двое посланныхъ отъ великаго князя, какъ увидимъ въ концѣ нашихъ замѣтокъ. Казармы конныхъ егерей находились сади Саксонскаго сада, и выступленіе этого полка сдѣлано, конечно, не по поводу происшествій въ Бельведерѣ, отъ котораго онъ былъ слишкомъ далеко, а всего вѣроятнѣе вслѣдствіе уже арсенальскихъ и уличныхъ беспорядковъ. Я даже припоминаю разсказъ, что когда лазенковскіе заговорщики напали на казармы уланъ, въ другихъ сосѣднихъ казармахъ поднята тревога по распоряженію командира конныхъ егерей, генерала Курнатовскаго. Далѣе. Хотя, по Смиту, Заливскій поджегъ два еврейскіе дома и приступилъ къ открытому мятежу возлѣ арсенала послѣ 7 часовъ, но это показаніе принадлежитъ Заливскому, а онъ въ то время бѣсновался на лазенковскаго зачинщика, Высоцкаго, не видя пожарнаго сигнала на Сольцу, что по условію должно было появиться въ 6 час.; и такъ какъ Заливскій не успѣлъ нечаянно обезоружить Волинскій полкъ (что входило въ планъ заговорщиковъ) то естественно было желаніе оправдать себя долгимъ ожиданіемъ знака съ Солца. Наконецъ, въ моихъ запискахъ отмѣчено, что первое извѣстіе о мятежѣ сообщено мнѣ хозяиномъ квартиры „часовъ въ 7¹/₂.“ По уходѣ хозяина я вышелъ на дворъ къ воротамъ посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Въ воротахъ возлѣ находившагося тутъ шинка собралась толпа, и въ средѣ ея шли горячіе разсказы. На вопросъ мой одного глашатая, у котораго уже гремяла сабля при боку, что дѣлается у арсенала, онъ отвѣчалъ, что 4 полкъ дерется съ Волинцами, и что изъ арсенала выбрасываютъ разное оружіе и приказываютъ народу вооружаться, а кто не дѣлаетъ этого, того убиваютъ (1). Въ то время въ сторонѣ

(1) Показаніе, что ворота арсенальскія отбиты чернью, въ числѣ которой были женщины, не заслуживаетъ вѣро-

арсенала видно было большое зарево. Если возьмемъ все это въ соображеніе и добавимъ къ тому, что войска Заливскаго выведены въ 5 ч. и офицеры нетерпѣливо домогались у него начатія дѣйствій, угрожая, въ противномъ случаѣ, роспускомъ ротъ, — то будемъ имѣть достаточное основаніе къ заключенію, что возстаніе при арсеналѣ начато едва ли позже нападеній лазенковскихъ, запозданныхъ на полчаса противу того, какъ было условлено. А потому время, которое Смитъ признавалъ благоприятнымъ для подавленія мятежа, основываясь на нерѣшительности первыхъ дѣйствій въ Лазенкахъ, представляяло городскія дѣла совѣтъ въ другомъ видѣ; даже лазенковскіе нерѣшительные заговорщики успѣли уже полизать крови, совершивъ нѣсколько злодѣйствъ во время шествія своего по улицамъ города; изъ начальниковъ многіе убиты, и за тѣмъ мятежъ перешелъ окончательно въ руки заговорщиковъ. Между тѣмъ буйная варшавская чернь съ выпущенными колодниками успѣла, во славу вольности, разбить шинки и напиться. Но главнѣе всего представляется вопросъ: кѣмъ подавлять мятежъ? Самъ авторъ говоритъ, что русская пѣхота удалена была отъ кавалеріи почти на цѣлую милю и, въ добавокъ, находилась она за арсеналомъ и другими серединными частями города, кинѣвшими мятежомъ, прекратившимъ всякое сообщеніе между русскими. Не считалъ ли историкъ достаточнымъ для того собравшагося у великаго князя кавалерійскаго отряда съ приведенными къ нему противъ воли гренадерскими ротами? Слишкомъ было бы простовато вѣрить, что послѣднія, за часъ тому шедшія на помощь заговорщиковъ, теперь станутъ усмирять ихъ; скорѣе всего, вступивъ въ улицы, онѣ воспользовались бы первымъ удобнымъ мѣстомъ, чтобы сыпнуть пулями въ своихъ сопутниковъ-усмирителей. А

ити. Мятежъ поднятъ не народомъ, а войскомъ и въ началѣ не войско шло за народомъ, а народъ за войскомъ, и онъ дѣлалъ то, что оно дѣлало или приказывало.

одной кавалеріи въ такомъ городѣ, какъ Варшава, нечего дѣлать противъ строевой мятежной пѣхоты.

2. На стр. 149 повторяется мнѣніе о возможности прекращенія возстанія. „Быстрая атака нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи въ различныхъ улицахъ легко могла разогнать еще слабыя толпы народа, и не дозволить заговорщикамъ утвердиться на открытомъ пунктѣ. Большая часть войска, увлеченная нѣсколькими офицерами, бывшими въ заговорѣ и покинутая народомъ, возвратилась бы къ своему долгу; болѣе упорные были бы доведены до сего силою; такимъ образомъ все возмущеніе было бы подавлено тѣмъ легче, что для поддержанія кавалеріи можно было употребить большую часть пѣхоты.“

Какъ-то не хочется вѣрить, чтобы это легковѣсное и такъ мало отвѣчающее важности событій мнѣніе написано было авторомъ Исторіи польскаго возстанія. Самая толпа далеко не была слаба, по крайней мѣрѣ численностію; она, конечно, сначала буйствовала около арсенала и ближайшихъ глухихъ мѣстъ, но снабженная оружіемъ и за тѣмъ боевыми снарядами, скоро разлилась густыми волнами по всѣмъ улицамъ, установила свои опросы и отзывы для незнакомыхъ, вкусила сладость грабежа, и веселая и вольная въ польскомъ духѣ, въ 9 часу (какъ у меня отмѣчено) начала стрѣльбу. Слова нѣтъ, еслибы возмутилась только эта чернь, ее можно бы разгонять и одною кавалеріею, потому именно, что у варшавской черни, говоря вообще, не было въ то время ни особенной цѣли, ни даже особенной ненависти къ русскимъ; ею управляло одно желаніе *zazusc wolnoscі* „попользоваться свободою“, т. е. пображничать и побуйствовать на счетъ кого бы-то ни было. Но о томъ-то и рѣчь, что возстаніе сдѣлано и управлялось не толпою черни, а горячими головами военной молодежи, и не по поводу какой нибудь случайной вспышки, но на основаніи заговора, давно задуман-

наго и широко распространеннаго, особенно между польскими войсками. И когда мы за тѣмъ видимъ во главѣ мятежа, при самомъ его началѣ, любимые Цесаревичемъ 4-й полкъ и саперный батальонъ, а также разныя части изъ многихъ другихъ полковъ, школу подпрапорщиковъ съ воспитанниками другихъ военныхъ заведеній, артиллерійстовъ и т. п.; когда возьмемъ во вниманіе, что всѣ начальники, старавшіеся отвлечь эти войска отъ мятежа, были грубо оттолкнуты или побиты: то едва ли можно утверждать, что подобные люди вернулись бы къ своему долгу, при оставленіи ихъ народною толпою, разогнанною кавалеріею. Самъ историкъ, если логически выводить заключеніе непосредственно изъ сущности совершившихся предъ тѣмъ дѣлъ, подтверждаетъ наше сомнѣніе; напр. „но зачинщики революціи всего менѣе думали о томъ, чтобы сойти съ пути, на которомъ они стояли, и пр.“⁴ Это сказано по поводу прокламаціи Административнаго Совѣта, написанной въ умѣренномъ духѣ. О пѣхотѣ, которая, по мнѣнію автора, должна была поддерживать кавалерію, мы уже говорили прежде и повторять здѣсь считаемъ лишнимъ. Смитъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что „таково было мнѣніе почти всѣхъ генераловъ.“ Охотно этому вѣримъ, но, полагаясь, оно относится не къ первому дню, а къ тому времени, когда русская пѣхота присоединилась уже къ великому князю, между тѣмъ какъ разлитый въ польскихъ войскахъ враждебный духъ еще не вполне обнаружился. Даже во время самыхъ событій слышно было, что извѣстный своею храбростію генералъ Герштенцевейгъ особенно настаивалъ у великаго князя послать войска противъ мятежниковъ, брался самъ за исполненіе и ручался за успѣхъ. На это надобно сказать одно, что русскимъ и всѣмъ вообще начальникамъ не было тогда извѣстно о размѣрахъ и общей связи заговора, а потому они смотрѣли на начало возстанія какъ на актъ частный.

О томъ, чему у Смита приписывается отказъ на это великаго князя, мы вспомнимъ послѣ, а теперь пойдѣмъ за историкомъ. „Было только (говорить онъ далѣе) дозволено генералу Курнатовскому въ сопровожденіи русскихъ генераловъ Даненберга и Фансгаге⁽²⁾, съ гвардейскимъ конно-егерскимъ полкомъ, сдѣлать попытку къ утишенію возстанія. Они пробрались по Краковскому предмѣстью до Замка, а одинъ эскадронъ даже до арсенала, разогнали собирающійся народъ и арестовали нѣсколько человѣкъ; но не подкрѣпленные пѣхотою, они не отважились предпринять что либо противъ арсенала, гдѣ въ настоящее время былъ главный пунктъ возстанія.“

Прежде всего, не доказываетъ ли эта попытка, что безъ пѣхоты и при началѣ мятежа нельзя было сдѣлать ничего важнаго. Потому нужно замѣтить, что Краковское предмѣстье съ Новымъ Свѣтомъ — одна изъ широкихъ и прямыхъ улицъ, способныхъ для движенія кавалеріи, кромѣ небольшого пространства около поворота въ Козью улочку; что Краковское предмѣстье удалено отъ арсенала, кругомъ котораго сначала толпился народъ, а потому полку не трудно было дойти до Замка и оттолкнуть эскадрону пробраться до арсенала, конечно, по Медовой и Долгой, тоже широкимъ улицамъ. Но важнѣе всего въ этой попыткѣ то, что конные егеря — поляки; народъ не могъ еще ясно сознавать, къ какой цѣли направлены ихъ дѣйствія. И вообще появленіе на улицахъ конныхъ егерей, какъ родичей, не могло возбуждать того озлобленія, къ какому подалъ бы поводъ мундиръ русскаго улана, гусара или кирасира⁽³⁾: въ послѣднемъ случаѣ народъ и въ

(2) Генерала съ такимъ прозваніемъ не было. Не Феньш ли это?

(3) Въ выносѣхъ на 123 ст. переводчикъ поправляетъ автора, утверждая, что Подольскій кирасирскій полкъ не былъ гвардейскимъ. Г. переводчику, какъ гвардейскому офицеру, слѣдовало бы знать, что Подольскіе кирасиры и уланы Цесаревича принадлежали къ старой, а Гродненскіе гусары къ молодой гвардіи.

правду повѣрилъ бы всѣмъ возгласамъ заговорщиковъ, которые, призывая его къ оружію, кричали, что москали нападаютъ, москали рѣжутъ.

3. Описавъ разрозненность русскихъ казармъ и смѣшеніе пѣхотныхъ съ польскими, отчего сообщеніе русскихъ войскъ чрезъ городъ было невозможно, историкъ говоритъ (стр. 129): „въслѣдствіе чего со времени брюссельскихъ происшествій, первоначальныя приказанія по этому предмету были измѣнены. Прежде, въ случаѣ тревоги, пѣхота должна была двинуться къ арсеналу и оборонять его; но въ послѣдствіи мысль объ оборонѣ города была совершенно оставлена, и командиры русскихъ полковъ получили тайный приказъ, на случай народнаго возстанія, тотчасъ покинуть городъ и идти на открытое поле къ Бельведеру.“

Автору, значить, не были извѣстны подробности касательно послѣднихъ приказаній и ихъ исполненія. Мы однако, прежде поясненія этого предмета, не лишнимъ полагаемъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ предшествовавшихъ. Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ во второмъ супружествѣ, какъ извѣстно, польскую княжну Ловичъ; велъ онъ съ нею жизнь самую скромную, въ полномъ смыслѣ семейную. Главное занятіе и вмѣстѣ развлеченіе его состояли въ совершенствованіи строевой службы войскъ русскихъ и польскихъ. Расположеніе и способность поляковъ къ военному дѣлу всѣмъ извѣстны. Не говоря о конницѣ, для которой, повидимому, наиболее пригодны свойства ихъ, самая пѣхота не оставляла ничего желать лучшаго. Особенно пользовались извѣстностью и вниманіемъ великаго князя 4 линейный полкъ и батальонъ саперовъ. Слышно было, что въ 4-й полкъ переподили изъ другихъ все, что оказывалось дурнаго въ нравственномъ отношеніи. Это были польскіе архаронцы. За то всѣ строевыя выдумки и улучшенія начинались и испытывались въ 4-мъ полку; за то

на царскихъ смотрахъ и ученьяхъ этотъ полкъ всегда получалъ по нѣсколько рублениковъ на солдата больше противъ всѣхъ другихъ полковъ польскихъ и русскихъ. Вообще короткій, срокъ службы для нижнихъ чиновъ, хорошіе оклады жалованья офицеровъ, служба въ своемъ краю, любовь Цесаревича и вниманіе коронованныхъ особъ, не рѣдко пріѣзжавшихъ въ Варшаву и всегда любовавшихся военнымъ устройствомъ, что питало тщеславіе поляковъ, готовыхъ всегда порисоваться своимъ молодечествомъ,—все это вмѣстѣ служило къ тому, что въ польскихъ войскахъ былъ почти двойной составъ офицеровъ, и очередь къ производству считалась рѣдкою, потому что старшіе не хотѣли оставлять службы и затирали дорогу къ повышеніямъ для младшихъ. Какъ ни маловажно, повидимому, это обстоятельство въ ходѣ послѣдующихъ событій, а оно имѣло на нихъ большое вліяніе, настраивая честолюбивую шестилетнюю молодежь къ недовольству, всегда порождающему дурныя страсти. Самъ зачинщикъ мятежа Высоцкій (какъ передавалъ товарищъ его по службѣ въ школѣ подпрапорщиковъ, офицеръ Литовскаго полка Барановскій) едва ли не большую долю чувствъ своихъ зачерпнулъ не въ патріотизмъ, а въ досаду, что онъ оставался около десяти лѣтъ въ одномъ чинѣ и не видѣлъ надежды къ выходу изъ подпорутческаго положенія, между тѣмъ сверстники его, поступившіе въ русскую гвардію, имѣли уже значеніе штабъ-офицеровъ. Приведенныя Смитомъ замѣчанія кн. Любецкаго, что „революція была произведена адвокатами безъ кліентовъ, докторами безъ пациентовъ и молодыми субалтеръ-офицерами, не хотѣвшими болѣе оставаться субалтерами“, заключаетъ въ себѣ не одну остроту, но и самую вѣрную мысль. Историкъ говоритъ (ст. 103): „дѣйствовалъ ли онъ (Высоцкій) въ этомъ случаѣ по собственному влеченію, или, что вѣроятнѣе, по побужденію свыше,—остается не извѣстнымъ.“ Этой вѣ-

роятности ничто не подтверждаетъ. Намъ кажется, ходъ разсматриваемаго дѣла былъ такой. Когда въ 1815 г. великій князь Цесаревичъ принялъ во вновь созданномъ Царствѣ Польскомъ верховное управленіе, онъ сразу повелъ дѣло къ опредѣленной цѣли, безъ уступокъ, даже круто, чего, повидимому, требовали самыя обстоятельства: поляки слишкомъ долго находились въ безначальномъ или, что одно и то же, въ многоначальномъ состояніи, чтобы могли скоро подчиниться строгому порядку, особенно военные люди, которые, въ качествѣ сподвижниковъ Наполеона, столько времени топтали и ломали чужія права, столько времени пользовались военнымъ самоуправствомъ, обыкновенно называемымъ необходимостію. Кромѣ того, ничто предшествовавшее не внушало полякамъ увѣренности въ возможность развитія того общественнаго благосостоянія, которое ожидало ихъ вслѣдствіе порядка вещей, созданнаго Александромъ первымъ. И поляки взяли за тайныя общества, вели ихъ со всею дѣятельностію неугомонныхъ свойствъ своихъ, со всѣмъ пыломъ исторической ненависти къ русскимъ. Такимъ образомъ Польша отравлена заговорами съ начала учрежденія Царства; эта отравка, проникая повсюду, испортила наконецъ цѣлый организмъ народа—до того, что самый воздухъ въ Польшѣ зараженъ былъ революціею. Подъ самое основаніе новаго порядка подведена была мина, какъ о томъ и другомъ свидѣтельствуется одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ возстанія, Морицъ Мохнацкій. Москва загорѣлась отъ грошевой свѣчки. Высоцкій былъ этою свѣчкою для Польши: онъ поджогъ и взорвалъ уже готовую мину.

Великій князь, породившись съ Польшею посредствомъ своего брака и любя искренно поляковъ, не переставалъ быть русскимъ (въ чемъ, кажется, многіе сомнѣвались, толкуя превратно привязанность великаго князя къ народу, усыновленному его добрымъ сердцемъ). Въ

силу этого чувства не могъ онъ ограничивать своихъ желаній однимъ водвореніемъ въ Польшѣ порядка и общаго довольства: у него замѣтна была другая высшая цѣль. Все показывало, что эта цѣль, назовемъ ее, пожалуй, мечтою (достойною, впрочемъ, самыхъ благородныхъ стремленій) состояла въ надеждѣ, а можетъ быть и въ увѣренности, что имя его будетъ навсегда нераздѣльно съ памятью примиренія вѣковыхъ раздоровъ между Русью и Польшею. Отсюда покровительство князя и княгини бракамъ русскихъ съ поляками, отсюда учрежденіе своднаго корпуса, въ которомъ и полки и начальники русскіе перемѣшаны съ польскими. Такая мечта о сліянніи не представляла тогда ничего несбыточнаго, чему служить доказательствомъ и то, что изъ высшихъ польскихъ офицеровъ до капитана включительно очень немногіе участвовали въ заговорѣ. То же можно сказать и о большей части гражданъ, развившихъ врое благосостояніе въ теченіи 15 лѣтъ въ такихъ размѣрахъ, какихъ оно никогда не достигало. Это, впрочемъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что говорилось выше о нравственной порчѣ: ею заражена была преимущественно та среда, которая во время покоя не имѣла общественнаго голоса, но которая, подъ вліяніемъ тогдашняго духа времени и смутъ европейскихъ, сразу дала заговорщикамъ и силу и господство. Стало быть, увѣренность князя въ благонадежности польскихъ войскъ была не безъ основаній, и эта увѣренность въ связи съ добрымъ расположеніемъ къ полякамъ пустила въ его сердцѣ самыя глубокіе корни, такъ что онъ первымъ открытіямъ заговора не придавалъ никакой важности, а первымъ извѣстіямъ объ измѣнѣй войскъ не хотѣлъ вѣрить, какъ объясняютъ между прочимъ и слѣдующіе случаи. Великій князь послалъ въ городъ фельдегеря Рейзера узнать, что тамъ дѣлается. Рейзеръ по возвращеніи донесъ, что 4-й полкъ за одно съ мятежною толпою

и роздаетъ изъ арсенала оружіе народу. „Не можетъ быть! живо отвѣчалъ князь; ты побоялся близко подѣхать, не разсмотрѣлъ хорошо и ошибся. Поѣзжай опять и узнай какъ можно лучше“. Рейзеръ поѣхалъ — и былъ взятъ въ плѣнъ. Та же исторія повторилась съ адъютантомъ (4) Цесаревича, капитаномъ Грессеромъ. Когда онъ послѣ первой удачной поѣздки сказалъ объ участіи въ мятежѣ 4-го полка, великій князь до того былъ проникнутъ изумленіемъ, что, казалось, не довѣрялъ своимъ ушамъ и обратился къ другому адъютанту, польскому полковнику Турно, съ вопросомъ — слышалъ ли онъ Грессера? И не смотря на утвердительный отвѣтъ Турно, все еще не хотѣлъ вѣрить словамъ перваго, все еще сомнѣвался въ измѣнѣ 4-го полка, приписывая извѣстіе какомунибудь недоразумѣнію; онъ снова приказалъ Грессеру ѣхать къ арсеналу и какъ можно вѣрнѣе узнать дѣло. Замѣчанія о невозможности уже добраться до арсенала не помогли и были дѣйствительно ошибочны: Грессеръ доѣхалъ до арсенала, но тамъ получилъ много ранъ и отбитъ только знакомымъ офицеромъ 4-го полка. Все это рассказывали сами Рейзеръ и Грессеръ въ Замкѣ, куда собраны были русскіе плѣнные офицеры. Въ то время у Грессера голова была обвязана бинтами, и хотя ему дано до десяти ранъ, но, повидимому, не было очень тяжелыхъ, потому что Грессеръ не обнаруживалъ особенныхъ страданій.

Не смотря однако на такую увѣренность Цесаревича въ польскихъ войскахъ, онъ нисколько не отвергалъ возможности безпорядка частнаго, и для того, за долго до возстанія, были удвоены караулы, усилены патрули и т. п. Этихъ мѣръ, при вѣрности польскихъ войскъ, было очень достаточно. Что касается до русской пѣхоты, располо-

женной въ казармахъ на сѣверной сторонѣ города, то великій князь въ то же время отдалъ чрезъ полковыхъ адъютантовъ такого рода приказаніе: въ случаѣ какихъ либо смятеній въ городѣ, русскія войска должны выдти изъ казармъ, соединиться на плацъ-парадной площади и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній; оружіе употреблять въ крайности и только для собственной обороны — чтобы не сказали, что мы нападаемъ. „Пусть, прибавилъ князь, поляки сами себя усмиряютъ“, разумѣя, конечно, подъ усмирителями польскія войска. Это не разъ рассказывалъ во время плѣна одинъ изъ посредниковъ въ передачѣ приказанія, адъютантъ Волынскаго полка Круссеръ. Но съ приказаніемъ вышла такая исторія: командиръ Литовскаго полка, генераль Энгельманъ, сообщилъ волю Цесаревича своимъ батальоннымъ командирамъ, а командиръ Волынскаго полка, генераль Есаковъ, почему-то не счелъ нужнымъ сдѣлать подобное довѣріе своимъ помощникамъ. И случилось такъ: когда вспыхнулъ мятежъ, Энгельманъ и Есаковъ, бывшіе въ гостяхъ у директора походной канцеляріи Данилова, въ Брюлевскомъ дворцѣ, сѣли на дрожки и по скакали сломя голову къ своимъ полкамъ, т. е. по Вержбовой улицѣ и за тѣмъ, повернувъ къ арсеналу, вдругъ очутились среди бунтующейся толпы, которая и схватила ихъ. Между тѣмъ и дивизионный генераль Рихтеръ задержанъ въ какомъ-то публичномъ увеселеніи (по Смитѣ, въ концертѣ на Медовой улицѣ). Полки остались безъ начальниковъ. Старшіе офицеры Литовскаго полка, зная волю великаго князя, отправились тотчасъ на плацъ-парадъ, а батальонные командиры Волынскаго, не имѣя никакого приказанія, сочли обязанностію идти на защиту арсенала въ помощь оберегавшей его польской пѣхотѣ; 1-й батальонъ сталъ занимать ближайшія улицы для очищенія ихъ отъ народа, и тамъ подвергся выстрѣламъ, о которыхъ говоритъ Смитъ, а

(4) А не флигель-адъютантомъ, какъ ошибочно показано у Смита. Во флигель-адъютанты приняты всѣ адъютанты великаго князя послѣ его смерти.

2 батальонъ направился прямо къ арсеналу. Увидѣвъ возлѣ его 4-й полкъ, солдаты весело заговорили: а вотъ и четвертаки наши!— Кто идетъ? окликнули поляки.— Волинцы! былъ отвѣтъ.— Волинцы, бросай оружіе (*rzucaj bron!*)! И вслѣдъ за тѣмъ сыпнули залпъ... Эта неожиданная измѣна произвела въ батальонѣ замѣшательство, и онъ началъ отступать. Едва отделились Волинцы отъ арсенала, какъ передъ ними сталъ выдвигаться изъ поперечной улицы батальонъ польскихъ саперовъ. Русскій батальонный командиръ, полковникъ Албертовъ, отозвался къ польскому (полуплѣнному) батальонному командиру подполковнику Майковскому, отодвинуться назадъ. Тотъ скомандовалъ, саперы послушались, конечно въ послѣдній разъ; а лишь минули Волинцы, саперы направились къ арсеналу на соединеніе съ мятежниками. Когда сошлись оба батальона Волинскаго полка, они послали узнать, гдѣ же находится Литовскій полкъ—и только послѣ этого разъяснилось дѣло, и Волинскій полкъ отправился къ Литовскому на плацъ-парадъ.

Теперь мы видимъ, что мысль не употреблять русскія войска на подавленіе мятежа вовсе не принадлежитъ наущеніямъ, хотя бы и лукавымъ, какого нибудь адъютанта Замойскаго, какъ о томъ говорятъ у Смита, а обсужена и принята она великимъ княземъ гораздо раньше событій. Но правильна ли въ основаніяхъ самая мысль невмѣшательства? Чтобы яснѣе былъ отвѣтъ на эту задачу, нужно хоть слегка коснуться того, представлялась ли удобная пора для подавленія варшавскаго возстанія? Что нельзя было приступить къ тому на первый день, это мы уже доказывали. Лучшее время, повидимому, наступило по прибытіи на другой день „въ вечеру“ къ русскому отряду (стоявшему уже за Варшавою у Мокатова) русскихъ пѣхотныхъ полковъ, двухъ артиллерійскихъ батарей, а также польскихъ гвардейскихъ гренадеровъ. Тог-

да, значить, въ распоряженіи великаго князя составилось пять русскихъ полковъ съ двумя батареями, два гвардейскихъ полка (пѣхотный не полный) и нѣсколько ротъ и командъ другихъ полковъ, съ 4 орудіями. Кромѣ того, приказано генералу Шембеку привести свою бригаду, приблизившуюся къ Блонѣ. Не извѣстно лишь, было ли въ русскомъ отрядѣ достаточно боевыхъ снарядовъ. Между тѣмъ обстоятельства быстро стали измѣняться: надъ польскими войсками принялъ главное начальство Хлопицкій, пользовавшійся общео народною любовью, славившійся высокими талантами и качествами воина, обладавшій энергіею и непоколебимою твердостью духа и воли, наконецъ обнаружившій свое направленіе заявленіемъ, что онъ будетъ дѣйствовать отъ имени Царя. Это подало надежду на успокоительный исходъ совершавшихся въ Варшавѣ беспорядковъ. Но при отъѣздѣ Шембека, даващаго великому князю слово привести свою бригаду, къ нему подходитъ гвардейскихъ егерей (до сихъ поръ самыхъ вѣрныхъ) поручикъ Крушевскій, и требуетъ инструкцій, а Крушевскій это сдѣлалъ конечно не отъ одного своего лица. Шембекъ идетъ изъ Блони не къ русскому отряду, а въ Варшаву, и въ то же время посылаетъ приказаніе Крушевскому, чтобы находящіяся у великаго князя польскія войска послѣдовали примѣру Шембека; въ самыхъ же войскахъ этихъ духъ отложенія до того созрѣлъ и развился, что Цесаревичъ рѣшился уволить всѣхъ поляковъ, желая, по выраженію историка, избавить ихъ отъ позора добровольной измѣны.

И такъ, обращаясь къ заданному вопросу: правильна ли мысль о недопущеніи русскихъ къ усмирению возстанія? мы рѣшаемся сказать *да* — не потому только, что она согласна съ примирительными чувствами великаго князя, а что находимъ ее согласною и съ самыми очевидными соображеніями. До прибытія къ нему русской пѣхоты и

артиллеріи нечего было думать о возможности подавленія возстанія, а по прибытіи той и другой, когда Даненбергъ и Герштенцвейгъ настоятельно требовали идти на Варшаву, покорность въ польскихъ войскахъ окончательно уже рушилась, и вмѣшательство русскихъ могло бы произвести только новое замѣшательство, которое прежде всего лишило бы Хлопицкаго возможности облегчить отступленіе великаго князя въ Россію. Возстаніе, скажемъ еще разъ, поднято не толпою или партіею недовольныхъ, а войскомъ, и не подъ предлогомъ частнаго озлобленія, а во имя національныхъ интересовъ. Зачинщики съ перваго же шагу сдѣлали столько преступленій, что разомъ отдѣлили себя пропастью, чрезъ которую нельзя уже было проложить къ нимъ дорогу угрозою и воззваніями, а нужно проходить по мосту изъ труповъ человѣческихъ. Конечно, для того было бы достаточно однихъ русскихъ войскъ, если бы дѣло шло собственно о мятежникахъ перваго дня; но за этими застрѣльщиками готовы были десятки тысячъ отлично устроеннаго войска, вполнѣ имъ сочувствовавшаго. И неужели тѣ же гвардейскіе егеря и гренадеры, которые сначала оставались вѣрными порядку благодаря дисциплинѣ и остатку покорности въ постоянномъ присутствіи начальниковъ, стали бы помогать, даже равнодушно смотрѣть на истребленіе ихъ собратьевъ „москалями“? Допустить это, значитъ, сильно увлекаться. Если многіе еще колебались приставать къ зачинщикамъ, такъ потому только, что у послѣднихъ не было еще знамени, всѣмъ извѣстнаго и уважаемаго. Когда выставлено это знамя въ лицѣ Хлопицкаго, тогда нечего уже было и говорить о вѣрности и признательности къ русскому правительству. Правда, поляки скоро начали щипать и рвать это знамя, покуда оно не упало; но таково свойство всѣхъ революцій. Однимъ словомъ, посылка въ Варшаву русскаго отряда была бы равносильна вызову на

смертельный бой 32 тысячнаго войска, кромѣ народа, противъ 7 тысячъ. Теперь, когда многія, въ то время темныя, обстоятельства разъяснились, отгадать послѣдствія не трудно.

24 Января 1867 г. *И. Ульяновъ.*

Посел. Усадьба-Миражъ
Міускаго округа В. Д.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

1803—1846.

(Новые стихи его и письма).

Почти во всѣхъ замѣткахъ и статьяхъ о Языковѣ высказываются сѣтованія на скудость біографическихъ о немъ извѣстій. Правда, жизнь Языкова бѣдна внѣшними событіями, тѣмъ не менѣе для пониманія его произведеній, необходимо болѣе короткое знакомство съ его житейскою обстановкою, и средствомъ къ такому знакомству служатъ ниже помѣщаемыя письма Языкова къ лучшему его другу *Алексію Николаевичу Вульффу*. Писемъ этихъ 37-мъ: онѣ относятся ко времени съ 1825-го по 1846-й годъ, т. е. по годъ смерти Языкова; писаны и стихами и прозой, и до сихъ поръ, кромѣ небольшихъ отрывковъ, приведенныхъ въ статьяхъ нашихъ: „Прогулка въ Тригорское“⁽¹⁾ не были напечатаны. А. Н. Вульфъ обязательно предоставилъ ихъ въ наше распоряженіе. Письма писаны изъ разныхъ мѣстъ: изъ Дерпта, Москвы, изъ Симбирской деревни и изъ чужихъ краевъ. Кромѣ этихъ писемъ въ нашемъ распоряженіи рукописный сборникъ стихотво-

⁽¹⁾ Санктпетербургскія Вѣдомости 1866 г. № 163, 168 и 175.

реній Языкова. Сюда, рукою А. Н. Вульфа и его матери П. А. Осиповой, при жизни еще Языкова внесено 72 стихотворенія (рукопись въ 4—ку, 134 стр. съ общимъ эпиграфомъ ко всему сборнику: „Идѣже духъ Господень, ту свобода“ (*) къ Коринѣ. 2, гл. 4 стих. 16). По тщательномъ сличеніи этого сборника съ послѣднимъ, безспорно полнѣйшимъ и лучшимъ изданіемъ стихотвореній Языкова (1858 г. 8°. 2 ч.) мы, кромѣ множества мелкихъ разнорѣчій нашли 20 стихотвореній, до сихъ поръ не напечатанныхъ, за исключеніемъ впрочемъ семи небольшихъ отрывковъ, приведенныхъ изъ нихъ въ нашихъ замѣткахъ: „Прогулка въ Тригорское.“

Николай Михайловичъ Языковъ род. 4-го Марта 1803-го года, въ Симбирскѣ. Отецъ Языкова, Михаилъ Петровичъ, зажиточный помѣщикъ и гвардіи прапорщикъ въ отставку, умеръ 52 лѣтъ, въ 1819 году; мать поэта, Екатерина Александровна, урожденная Ермолова, умерла въ 1831 г. Въ 1820 году Н. М. Языковъ кончилъ курсъ въ С.-Петербургѣ, въ институтъ Горныхъ Инженеровъ, гдѣ воспитывалися и старшіе братья его Александръ Михайловичъ и извѣстный минералогъ Петръ Михайловичъ (1798—1851); въ этотъ же институтъ почти одно временно съ Языковымъ отданъ былъ и Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, который однако пробылъ здѣсь не долго: мать Вульфа перевела его въ концѣ 1822 г. въ Дерптъ, гдѣ онъ и отданъ былъ къ одному изъ профессоровъ для приготовленія

въ университетъ. Въ первой половинѣ 1823-го года Языковъ поступилъ въ Дерптскій университетъ, уже испробовавши свои литературные силы: стихотворенія его уже появились въ „Новостяхъ Литературы“ журналѣ 1822-го г., гдѣ подъ однимъ изъ нихъ: („Къ А. М. Языкову,“) издатель предсказывалъ блистательный успѣхъ молодому поэту. Въ 1823-мъ году Языковъ сошелся съ А. Н. Вульфомъ, который былъ студентомъ Дерптскаго Университета, и между молодыми людьми завязалась тѣсная дружба. Вообще нужно сказать, что Языковъ одаренъ былъ самымъ добрымъ и привязчивымъ сердцемъ. Онъ сходилъ съ людьми туго, но, разъ полюбивъ кого нибудь, навсегда оставался вѣренъ. Письма Языкова къ Вульфу наполнены извѣстіями объ ихъ общихъ друзьяхъ и со товарищахъ по университету. Пельцеръ, А. Н. Шепелевъ, А. И. Тютчевъ, А. Д. Хрипковъ (впослѣдствіи ландшафтный живописецъ), А. В. Тихвинскій (лекторъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ), Вронченко и Ортенбергъ (свитскіе офицеры, слушавшіе въ 1823—25 г. лекціи астрономіи у Дерптскаго профессора Струве, Вронченко впослѣдствіи времени сдѣлался извѣстенъ своимъ переводомъ Гамлета и другими литературными трудами), А. Н. Татариновъ, А. Н. Степановъ, А. Н. Очкинъ и нѣкоторые другіе: вотъ тѣ лица, которыя составляли дружескій кружокъ студента-Языкова, тѣ лица, которымъ онъ посвящалъ свои бойкія посланія, облетавшія еще въ рукописи многія тысячи грамотнаго люда на Руси... Но изъ всего этого кружка наиболѣе тѣсною дружбою связанъ

(*) У Н. М. Языкова была печать въ вырѣзавшемъ на ней этия текстомъ по гречески. Ц. Б.

былъ Языковъ съ Шепелевымъ, Тютчевымъ и Вульфомъ. Последнему посвящено до 12-ти посланій Языкова.

1823—1826 года самые поэтическіе въ жизни Языкова: свѣжій, румяный, русокудрый, голубоокой и молодой человекъ, дышавшій полнотою жизненныхъ и избыткомъ нравственныхъ силъ, онъ занялъ видное мѣсто въ ряду отечественныхъ талантовъ. Восторженные хвалы жадно читавшей, заучивавшей и пѣвшей его стихи молодежи встрѣчали каждое новое его произведеніе. Жуковский, Пушкинъ, Баратынский, Дельвигъ спѣшили привѣтствовать новаго пѣвца. На немъ останавливались лучшія надежды, его, таланту совершенно искренно сулили блестящую будущность. Стихотворенія: „Чужбина“, „Элегія: не улетай, не улетай“, „Муза“, „къ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой“, „Катинъкъ Моиръ“, „Элегія: она меня очаровала“, „Евпатій“, „Молитва“, „Ала“, „Ливонія“, „Разбойники“, „Поэтъ“, „Двѣ картины“, „Тригорское“, „Вечеръ“, „Къ нянѣ А. С. Пушкина“ и многія другія изъ *шестидесяти* посланій, элегій, пѣсенъ и лирическихъ произведеній Языкова, явившихся въ альманахахъ и журналахъ того времени, совершенно оправдываютъ тѣ надежды, какія возлагались въ то время на него.

Языковъ восторженно отзывается о Дерптѣ:

Гдѣ мнѣ юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентовъ шумные пиры.
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнѣнй, удалъ рубъ,
Умовъ небрежное волненье
На полѣ славы и наукъ и т. д.

Альбомные стихи, которыми Язы-

ковъ не мало платилъ дань современной модѣ, не все и не всегда гласили у него о любви и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ, напротивъ, выражаютъ чувства и мысли поэта по поводу различныхъ жизненныхъ вопросовъ. Предъ нами напр. весьма замѣчательное рукописное его стихотвореніе: „Извиненье“, написанное имъ въ альбомъ М. П. Дириной „20 Декабря 1825 г.“. Къ сожалѣнію мы можемъ привести только начало этого стихотворенія:

Я не исполнилъ обѣщанья:
Не все я плохо написалъ;
Но я прекраснаго желалъ,
Но я имѣю оправданье
Во глубинѣ моей души.
Овѣ довольно хороши:
Я жажду славы и свободы.
На что пророчуть мнѣ мечты?
—Предвижу царство пустоты
И прозаическіе годы.

Вотъ еще такого рода стихотвореніе, также изъ альбома М. П. Дириной, бывшей потомъ замужемъ за Рейцомъ, професоромъ Римскаго права въ Дерптскомъ университетѣ:

Клятвенное обѣщаніе.

Потупя очи, къ небесамъ
Мою десницу подымаю,
Стою какъ вкопанный, и вамъ
Благоговѣнно присяганъ:
Я нижепозванный клянусь
Тѣмъ горнымъ промысломъ, тѣмъ богомъ,
Который правитъ нашу Русь,
И помогаетъ ей во многомъ,
Что я хочу и долженъ я,
На всѣхъ дорогахъ бытія,
Лишь вамъ одной повиноваться,
Что будетъ кровь моя за васъ
Во всякой день, во всякой часъ.
Какъ повелите, волноваться;
Что ваши мнѣны права....
Желанья, прихоти, указы,
Мнѣ будутъ пуще божества,
Святѣя всякаго закона,

И вамъ живая оборона
 Моя рука и голова.
 Когда узнаю стороною,
 Что вамъ на поприщѣ суетъ
 Грозить убытокъ или вредъ,
 Я охраню и успокою
 Мой поэтический предметъ;
 Когда таинственное дѣло
 Вы мнѣ повѣрите — я вамъ
 Уберегу его такъ цѣло,
 Что будетъ любо небесамъ.
 Клянусь — и долженъ сей присягъ
 Ни на словахъ, ни на бумагѣ,
 И вообще не измѣнять;
 Но правомѣрно и повсюду
 Душой и тѣломъ помнить буду
 Мой долгъ и вашу благодать.
 И такъ подѣ вашу державу
 Я дни подданства проведу,
 Что даже страшному суду.
 Не перепуганный и правый,
 Отвѣты умные найду. (2)

Вотъ въ дополненіе къ извѣстнымъ уже
 многочисленнымъ посланіямъ Языкова,
 извлекаемая нами изъ рукописнаго
 сборника А. Н. Вульфа:

Къ В—му.

Не робко пей, товарищъ мой:
 Такъ наши прадѣды пивали,
 Въ бояхъ, за чашой круговой
 Они и вѣмцовъ побѣждали.
 Счастливы, кто вѣруеть въ вино
 Сердечно, слѣпо и надежно;
 Какъ утѣшительно, какъ вѣжно,
 Какъ уповательно оно!
 Что краше, слаще наслажденья,
 Когда играетъ голова,
 Отважны, пламенны движенья,
 Отважны, пламенны слова!
 Такъ умъ кипитъ въ гражданской смутѣ,
 Такъ жажда вольности пыла,
 О рай тому, кто pro virtute
 Достойнъ Вакхова вѣнка! (3)

(2) Рук. сб. стр. 46—48. Въ другомъ сборникѣ, принадлежащемъ М. П. О—вой, стихотв. это помѣчено: «7 Авг. 1823 г.»

(3) Рук. сб. стр. 119—120. По замѣчанью А. Н. Вульфа — стихи относятся къ 1827 году.

Къ А. Н. Тютчеву.

Какимъ восторгомъ ты пылаешь,
 Какъ радостны твои мечты,
 Когда подарокъ красоты,
 Устами жадными лобзаешь!
 Твоя душа озарена
 Живой надеждой наслажденья,
 И ей доступны вдохновенья,
 И возвышается она.
 А я — напрасно я Киприду
 Моей богиней называлъ:
 Одну печаль, одну обиду
 Мнѣ подарилъ мой идеалъ.
 Дай руку — съ гордостью спокойной
 На побѣдителя смотрю
 И, стиснувъ зубы, говорю
 Обѣтъ, измѣнницы достойный. (4)

Петру Николаевичу Шепелеву на-
 писано было Языковымъ нѣсколько
 посланій, три изъ нихъ вошли въ изд.
 1858 года; приводимъ еще одно, и при-
 томъ изъ раннихъ:

П. Н. Шепелеву.

Ты мой пріятель задушевный;
 Мы поэтически живемъ,
 Мы вольно учимся и пьемъ;
 Мы разсуждаемъ ежедневно
 Объ идеальномъ и благомъ;
 Однакожъ дѣло не объ томъ.
 Спани: кого порою ночи
 Твои пріиѣтствуютъ мечты,
 Чьи возмутительныя очи
 Звѣздами называешь ты?
 Она мила, она далеко,
 Она измѣнить! Такъ не разъ
 Тебя встревожить сердца гласъ
 Въ часы печали одинокой.
 Откройся мнѣ: какъ ты, мой другъ,
 Любви я знаю самовластье;
 Пусть охладитъ мое участіе
 Твой соблазнительный недугъ;
 Знакомый съ дѣвами и свѣтомъ,
 Тебя угѣшу я вполнѣ
 Или поэтическомъ совѣтомъ,
 Или посланьемъ о винѣ! (5)

13 Февраля 1820 г.

(4) Рук. сб. стр. 22—23. Стихотвореніе принадлежитъ къ 1825—26 гг. по замѣчанью А. Н. Вульфа.

(5) Рук. сб. стр. 51—52. По словамъ А. Н. Вульфа, у П. Н. Шепелева (нынѣ мирового посредника въ Рязанской губ.) должно быть нѣсколько неизданныхъ стихотвореній Языкова.

А вотъ одно изъ обѣщанныхъ Языковымъ тому же другу утѣшительныхъ посланій; посланіе, также не попавшее до сихъ поръ въ печать:

II. П. Шепелеву.

Счастливъ, кому дала природа
 Не политическую грудь,
 Кто совершаетъ какъ вѣбуть
 Труды земнаго перехода;
 Мірскимъ допольствуется онъ!
 Слегка печаль его печалитъ,
 Подувлюбленъ—когда влюбленъ,
 Онъ вѣчно радъ—и Бога хвалитъ!
 Ты, другъ, иначе сотворишь:
 Черезъ долину испытанья
 Твоя дорога; съ юныхъ дней
 Душѣ недремлющей твоей
 Знакомы жгучія желанья;
 Ты любишь сильно. Знаю я,
 Тобою избранная дѣва
 Мила, какъ радостная Ева
 При первомъ блескѣ бытія:
 Еще въ цѣй ясны выраженья
 Вилкой мысли божества,
 Взоръ полонъ свѣжести творенья,
 Въ устахъ гармонія жива...
 И чтожъ, о другъ, какое чувство
 Во мнѣ кипитъ и бѣситъ кровь,
 Когда возмется за любовь
 Мое священное искусство,
 Мнѣ странно: что я ни пачу
 Въ Цитерской области Парнаса—
 Всегда летучаго Пегаса
 Съ дороги въ сторону сверну;
 Играю, вольничая, гѣшусь,
 И вдругъ направо перебѣшусь
 Я знаменитую жену
 Стихомъ за щеку ущипну.
 И здѣсь готовилъ я сравненье
 На зло красавицѣ моей—
 Да пѣтъ, твое воображенье
 Не терпитъ палостей.—Богъ съ ней!
 Постигнуть холодомъ измѣны
 П я, какъ ты, мой милый другъ;
 Люблю глаза моей Елены,
 Люблю мой пагубный недугъ.
 Мы оба пламенны до выпѣ,
 Въ пастъ вѣрны мысли и мечты:
 Такъ на лазоревой пучинѣ,
 Подъ океаномъ темноты,
 Пловца порою путеводитъ
 Звѣзда пустынная; на

Вдали чуть, чуть ему видна,
 А онъ очей къ нея не сводитъ.

6 Августа 1826 г. (4)

Вотъ еще одно стихотвореніе Языкова; это изъ рода альбомныхъ, но весьма прочувствованныхъ и недурныхъ его элегическихъ стихотвореній.

ЭПИЛОГЪ.

Смотрю умильными глазами
 На эти скромные листы,
 Гдѣ я небрежными стихами
 Вамъ рисовалъ мои мечты,
 Мнѣ драгоценны когда то.
 Когда то милая, онѣ
 Съ моею надеждою крылатой
 Въ одной живали сторонѣ.
 Въ тѣ дни—свѣтла, какъ житель рай.
 Сильна, какъ мысли божества,
 Свѣжа, какъ роза молодая,
 Какъ пѣсня вольности жива.
 Любовь свободно покоряла
 Всѣ силы сердца моего,
 И, ей подвластная, его
 Восторги Муза воспѣвала.
 Они прошли какъ сонъ! И вновь
 Ни словомъ ласковымъ, ни взоромъ
 Не подружить меня со вздоромъ
 Моя почтенная любовь.
 Ее вы знаете.—Едва ли
 Опять во мнѣ... Сія листы
 Храпятъ,—какъ выше мы сказали,
 Мои давнѣшнія мечты:
 Онѣ, я знаю, недостойны.
 Воспоминанья: порой
 Не ясны; дышать суетой,
 И многословны, и нестройны
 И говорятъ о старинѣ,
 И часто бредить... не читайте,

(4) Рук. собр. стр. 66—69. Звѣзда, съ которой не сводилъ очей Языковъ, была супруга Воейкова—Александра Андреевна, урожденная Протасова; па сестрѣ ея былъ женатъ профессоръ Дерптскаго университета И. Ф. Моіеръ. У Моіера собирався время отъ времени небольшой кружокъ Русской молодежи, находившейся въ Дерптѣ. Бывало, какъ рассказываетъ А. И. Вульфъ, недѣли къ двѣ придетъ разъ и нашъ дикарь Языковъ, заберется въ уголокъ, промолчитъ весь вечеръ, полюбуется Воейковой, вынетъ стаканъ чаю, а потомъ въ стихахъ и изливаетъ пламенную страсть свою къ красавицѣ, съ которой и слова-то бывало не промолвить. А. А. Воейкова скончалась въ 1829 г. въ Ливурно.

Забудьте ихъ—и обо мнѣ
Не по стихамъ воспоминайте.

29 Мая 1826 г. (?)

Лѣто того года, къ которому относится большая часть приведенныхъ нами стиховъ Языкова, было счастливѣйшее въ жизни нашего поэта: оно проведено было имъ вмѣстѣ съ Вульфомъ въ Тригорскомъ, въ обществѣ его обитательницъ, въ постоянныхъ ежедневныхъ свиданіяхъ съ Пушкинымъ, для котораго въ то время ежедневно посѣщать Тригорское было потребностью. Мы не станемъ повторять извѣстныхъ подробностей объ этомъ благодатномъ времени въ жизни обоихъ поэтовъ. Языковъ, обыкновенно застѣнчивый и угрюмый въ обществѣ дамъ и дѣвицъ, въ Тригорскомъ мало по малу оживился. „А то, по замѣчанію одной изъ тогдашнихъ обитательницъ Тригорскаго, первое время по прїѣздѣ въ деревню, Языковъ былъ удивительно застѣнчивъ: бывало разговариваетъ онъ съ братомъ моимъ (А. Н. В.), войдемъ къ нимъ, Языковъ тотчасъ замолчитъ, сконфузится и выйдетъ изъ комнаты“. Дочери П. А. Осиповой (владѣлицы Тригорскаго), отличаясь красотой, граціей, прекраснымъ образованіемъ, и одна изъ нихъ высокимъ музыкальнымъ талантомъ,—совершенно очаровали молодого Языкова. Николай Михайловичъ въ бытность свою въ Тригорскомъ по цѣлымъ часамъ декламировалъ оживленные, дышущія силой и поэзіей стихотворенія. Пушкинъ съ наслажденіемъ, безмолвно, внималъ юному пѣвцу свободы, вина и грацій. Кто не знаетъ, какимъ неизсякаемымъ

источникомъ высокої поэзіи послужило для Языкова шестинедѣльное пребываніе его въ Тригорскомъ? Лучшіе стихи его, по приговору самыхъ придирчивыхъ его критиковъ, связаны съ этимъ временемъ. Началомъ этого цикла стихотвореній Языкова было небольшое посланіе его къ А. С. Пушкину, отрывки изъ котораго были напечатаны нами въ статьѣ: „Прогулка въ Тригорское“ (8). Приводимъ это замѣчательное, въ автобіографическомъ отношеніи, стихотвореніе вполнѣ:

Къ Пушкину.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Мнѣ дѣвицы прагожей,
Святѣ всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознамену
Тѣ достохвалныя края
И ту годову золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я—
Два сына Руси православной—
Постановили своенравно
Нашъ поэтический союзъ.
Пророкъ изыщнаго, забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ
Восторговъ пламенная удаля,
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ—
Лился въ бакалы-исполины;
Какъ мы, бывало, пьемъ, да пьемъ,
Творямъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь—
И я на вѣчѣ, я на небѣ!
И славою прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ весело вспоминать
Сю поэзію во хмѣлѣ,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнасса воды
Хвостовы черпаютъ на оды,
И добродушная Москва,

(8) Рук. сборн. стр. 62—64. Посланіе это относится къ М. П. Дериной.

(9) Спб. Вѣдом. 1866 г., № 163.

Полна святаго упованья,
 Приготавливаетъ торжества
 На свѣтлый день царевнчанья,—
 Съ челомъ возвышеннымъ стю,
 Передъ скрижалю вдохновеній,
 И вольность нашихъ наслажденій,
 И берегъ Сорота ^(*) пою.

19 Августа 1826 г. ⁽¹⁰⁾

Въ Декабрѣ 1826 года Языковъ разстался съ Вульфомъ. Задушевный другъ нашего поэта, окончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, отправился въ одно изъ своихъ имѣній, въ Тверскую губ., а потомъ въ Петербургъ, гдѣ проводилъ время въ обществѣ Пушкина, Дельвига и другихъ знаменитостей литературнаго круга того времени. Весной 1827 г. Вульфъ прѣзжалъ въ Дерптъ на короткое время за своимъ аттестатомъ и засталъ Языкова уже только числящимся при университетѣ въ числѣ вольныхъ слушателей. Въ этомъ званіи поэтъ нашъ еще болѣе двухъ лѣтъ жилъ въ Дерптѣ. Въ теченіи этаго-то времени онъ велъ постоянную переписку съ Вульфомъ, при чемъ въ письмахъ своихъ на ряду съ толками о Русской литературѣ вообще и о Пушкинѣ въ особенности, Языковъ сообщалъ извѣстія о своемъ житьѣ-бытьѣ, своихъ занятіяхъ, планахъ и предположеніяхъ. Приведемъ изъ этихъ писемъ болѣе интересные отрывки:

„Благодарю тебя за письмо твое, (такъ начинается, 27 Января 1827 г. первое изъ имѣющихся у насъ писемъ Языкова) почтеннѣйшій собратъ,—судьба и доселѣ позволяетъ мнѣ носить это достохвальное имя: зане я уже не студентъ, слѣдственно состою теперь

опять въ одномъ сословіи съ тобою „и я филистимлянинъ.“ Затѣмъ, сообщивъ о томъ, что Пушкинъ приглашаетъ его участвовать въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, Языковъ пишетъ, что большая часть его друзей поразѣхались изъ Дерпта, наконецъ переходить къ явленіямъ общественной жизни этого городка:

„Вчера я видѣлъ знаменитаго актера Вурма на сценѣ: имъ восхищаются какъ божествомъ, и должно сознаться, что онъ очень хорошо играетъ свои роли; но все таки не диво, потому что гибкій голосъ, развертливость на сценѣ, совершенное понятіе лица представляемаго—суть условія всякаго хорошаго актера, но еще не составляютъ необыкновеннаго явленія. Доказательствомъ этому служитъ между прочимъ и то, что въ Россіи можно начесть челоуѣкъ пять такихъ актеровъ какъ Вурмъ въ комическомъ, слѣдственно легчайшемъ родѣ, а они все таки не чудеса!“

„Мои дѣла идутъ довольно хорошо, головныя боли какъ то присмирѣли, и я могу отъ сердца благодарить судьбу за эту пріятную новость моего житья-бытья. Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ моей работы: самые свѣжіе:

Къ Музѣ:

«Мой ангелъ милый и прекрасной, и проч. ⁽¹¹⁾

„Мое приготовленіе къ экзамену началось этими стихами, или лучше сказать моя литература въ Дерптѣ кончилась ими. Прощай, весь твой Н. Языковъ.“

(*) Соротъ рѣка, надъ которой стоитъ село Тригорское.

⁽¹⁰⁾ Рук. сбор., стр. 95—97.

⁽¹¹⁾ Стихотвореніе это напечатано въ изд. 1858 г. на стр. 71—72 въ 1-й части, въ числѣ стихотвореній 1826 г.

„Кланяйся и свидѣтельствуй почтенія въ мое воспоминаніе тамъ, гдѣ живешь теперь“ (т. е. въ Тригорскомъ).

Нелзя не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о состояніи Дерптскаго университета въ ту эпоху, когда въ числѣ его питомцевъ находился Языковъ.

Дерптскій университетъ въ это время раздѣлялся на четыре отдѣленія или факультета: 1) философскій, на которомъ кромѣ философіи, слушались науки филологическія, науки математическія, камеральныя и естественныя; Исторія и Статистика слушались вмѣстѣ съ другими факультетами.; 2) богословскій; 3) юридическій и 4) медицинскій. На всѣхъ факультетахъ въ числѣ профессоровъ было нѣсколько человѣкъ, пользовавшихся Европейскою извѣстностью. Таковы были: *Эверсъ*, профессоръ Исторіи и ректоръ университета, человѣкъ громадной учености и пользовавшійся большимъ уваженіемъ. Молодежь Дерптская росла на свободѣ, дѣло образованія не было стѣсняемо никакими формальностями; такъ по крайней мѣрѣ было въ первые 20-ть лѣтъ существованія Дерптскаго университета. Въ концѣ 1823 г. старикъ Эверсъ чуть не со слезами прочелъ студентамъ распоряженіе, что отнынѣ студенты должны ходить въ мундирахъ. Ничего не имѣя, кромѣ долговъ, которые обыкновенно уже уплачивались по выходѣ изъ университета или при поступленіи на службу, студенты долго и долго не могли исполнить этого распоряженія начальства.... Другой *Эверсъ*, однофамилецъ первому, былъ профессоръ богословія. Это былъ бодрый и свѣжій 80 лѣтній

старикъ, весь погруженный въ науку. Онъ обыкновенно ходилъ въ костюмѣ 18-го вѣка: носилъ чулки, башмаки и проч. *Моіеръ*, славный операторъ своего времени, былъ гордостью медицинскаго факультета вмѣстѣ съ *Эрманомъ*, физиологомъ, знаменитостью своего времени. *Пейманъ*, юристъ, въ самое короткое время прекрасно изучилъ Русскій языкъ и на Русскомъ языкѣ объяснялъ Русскую правду и проч. Это былъ человѣкъ очень ученый и въ то же время съ большими странностями. Онъ каждый день напр., не смотря ни на какой морозъ, въ одномъ сюртукѣ, послѣ лекцій, отправлялся пѣшкомъ верстъ за 15-ть отъ города, къ женѣ. Старикъ умеръ лѣтъ 70-ти, прекрасно воздѣлавъ доставшійся ему кусокъ плохой земли близъ Гатчины. Академикъ *Парротъ*, французъ, другъ Императора Александра 1-го, человѣкъ славный своимъ умомъ, честностью и прямою своего характера, читалъ физику. Знаменитый *Струве* занималъ катедру астрономіи. Военныя науки читалъ *Адеркасъ*, майоръ Прусской службы, воевавшій въ 1799 г. противъ Дюмуре; этотъ Адеркасъ явился въ Россію вмѣстѣ съ Дибичемъ; послѣдній поступилъ въ гвардію и сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру, первый же, мирно прослуживъ въ университетѣ 25 лѣтъ, сдѣлался гернгутеромъ и удалился на родину.... Русскую литературу преподавалъ въ Дерптскомъ университетѣ, въ описываемое нами время В. М. Перевощиковъ, братъ Московскаго математика. Онъ читалъ не особенно живо, впрочемъ среди Нѣмцовъ и трудно было оживиться профессору Русской словесности.

Какъ бы то ни было, но въ Дерптѣ, въ 1823—1828 гг., было кого послушать, было у кого поучиться. Въ ряду профессоровъ университета сіяло, если можно такъ выразиться, нѣскольکو звѣздъ первой величины. И такъ была бы охота, была бы энергія и любовь къ наукѣ, и каждый изъ Дерптскихъ студентовъ могъ многое и многое вынести изъ университетскихъ лекцій. И молодежь приобрѣтала знанія,—мало только выпадало ихъ на долю Языкова, челоуѣка лѣниваго, въ этомъ отношеніи лишеннаго всякой энергіи къ труду усидчивому и постоянному....

Занятія его науками дѣйствительно шли и вяло, и плохо. Въ этомъ онъ самъ сознавался.... „Мое приготовленіе къ экзамену, пишетъ между прочимъ Языковъ 17-го Февраля 1827 г., идетъ очень плохо; только было началъ я кое-что дѣлать по части наукъ камералистическихъ, какъ наперекоръ сему занятію (сказано между нами) мнѣ явилось удовольствіе служить моею обителью Пельцеру.... Не знаю, когда возмогу снова заняться какъ бы хотѣлось, какъ ты занимался. Что будетъ—будетъ! а будетъ то, что Богъ дастъ“. Письмо заканчивается прочувствованными строками о томъ высоко наслажденіи, съ какимъ воспоминаетъ поэтъ о пребываніи своемъ въ Тригорскомъ—лѣтомъ 1826 года. Годовщину этого времени Языковъ проводилъ въ селеніи Камби, близъ Дерпта, въ тихомъ уединеніи, куда перебрался изъ города съ раннею весною.

„Третьяго дня, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 19 Апрѣля 1827 г. получилъ я письмо твое, мой почтѣннѣйшій и

любезнѣйшій Аяксъ, и отвѣчаю на него вотъ какъ:

Теперь я въ Камби, милый мой.
Для поэтическихъ занятій,
Для жизни дѣльной и простой,
Покавулъ я хмѣльныхъ собратій и проч. (12)

Уединеніе благопріятствовало поэтической дѣятельности Языкова, такъ что онъ въ одномъ этомъ письмѣ помѣстилъ еще другое посланіе къ „А. Н. Вульфѣ“, въ которомъ весьма мило вспоминаетъ о лѣтѣ 1826 года, проведенномъ въ обществѣ Пушкина:

Повѣрь, товарищъ, сладко мнѣ
О мирной думать сторонѣ,
Гдѣ я, разгульный и свободный,
Завѣтнымъ преданный мечтамъ,
Бродилъ рѣки голубоводной
По величавымъ берегамъ....
Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ, и проч. (13)

Впрочемъ П. А. Осипова весьма убѣдительно и на это лѣто просила Языкова погостить у нея; нетерпѣливо ждали его и дочери г-жи Осиповой.... Но Языковъ по своей застѣнчивости и мало-подвижности не исполнилъ ни ихъ, ни собственнаго желанія.

„.... Я тяжело виноватъ передъ Праксовею Александровною, — пишетъ Языковъ въ томъ же письмѣ отъ 19-го Апрѣля—моя многогрѣшная (добро) за-

(12) Въ изд. стих. Яз. 1858 г. т. I. стр. 105—106: «къ Вульфѣ.» Языковъ называлъ своего друга «Аяксомъ»: прозвище данное Вульфѣ его сотоварищами во «буршеншафтѣ» Студенты Дерптскіе раздѣлялись и тогда на нѣсколько корпорацій. Членовъ чистаго буршеншафта, мечтавшихъ объ единствѣ Германіи—было всего только семь. Въ числѣ ихъ былъ и Вульфъ. Остальные студенты распадались на отдѣльные коры: Эстляндцы, Курляндцы—составляли отдѣльные кружки, земля Рижская и земля Дерптская въ лицѣ своихъ представителей студентовъ тоже составляли особые кружки. Языковъ не принадлежалъ ни къ буршеншафту, ни къ ландсманшафтамъ,—его числили, въ разрядѣ дичихъ т. е. лицъ, стоявшихъ внѣ законовъ корпорацій, а потому и не охраняемыхъ сими законами.

(13) Тамъ-же стр. 105—106 «къ Вульфѣ.»

стѣнчивость принудила меня не отвѣчать на почтенное письмо: зане стыдилась отвѣчать отрицательно. Хриповъ.... живетъ теперь также въ Камби, возлѣ шума колесъ мѣльницы, а я въ темной и возвышенной каморкѣ ткача, въ лѣсу, на горѣ. Ежели ты бывалъ здѣсь, то вообрази все это и соображай какъ и что?⁴

„Я совершенно на своей волѣ: желаніе писать стихи уединило меня въ обитель тихую; не знаю, когда опять начну приготовляться къ Иисусу, а теперь покуда ни краемъ уха не слушаю совѣтовъ честолюбія ученическаго! Мнѣ-же, слава Богу, ей Богу не куда торопиться.... Теперь, разбѣга ради, воспѣваю здѣшнія урочища; а послѣ и скоро примусь за что нибудь знаменитѣйшее; впрочемъ не бѣда, какъ во ржи лебеда, а то бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды! Стиховъ для Дельвига доставлю въ свое время, еще успѣю“.

Нельзя однако сказать, чтобъ дѣятельность Языкова и на поэтическомъ поприщѣ за это время была особенно велика; по крайней мѣрѣ отъ 1827-го г. мы имѣемъ въ печати едва десятокъ его стихотвореній, да нѣсколько нравоучительныхъ четверостишіи. Намѣренія приняты за что нибудь, какъ выражается Языковъ: „знаменитѣйшее“—начинаютъ зачастую заявляться имъ какъ въ стихахъ, такъ и въ письмахъ поэта.... Но, увы! намѣренія оставались намѣреніями, и результаты дѣятельности пѣвца свободы, вина и грацій—все еще далеко не соответствовало его замѣчательному дарованью. Разгадку этого надо искать въ характерѣ Языкова: лѣнь была при-

суща ему; онъ не пріобыкъ къ труду усидчивому, постоянному, энергическому. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ онъ не имѣлъ большихъ способностей къ наукамъ или языкамъ. Онъ напр., какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ лицъ близко его знавшихъ, хорошо изучилъ языкъ греческій, прекрасно владѣлъ языкомъ нѣмецкимъ и былъ близко знакомъ съ нѣмецкою литературою.

Притомъ Языковъ вполне сознавалъ всю необходимость серьезныхъ занятій и смотрѣлъ на поэтическую свою дѣятельность только какъ на развлечение и отдыхъ...

.... „Жизнь моя, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 27-го Апрѣля 1827 г. сдѣлалась (по отъѣздѣ одного изъ друзей его) гораздо благообразнѣе, благопрістойнѣе и занимательнѣе прежней: началась и работа въ нѣкоторомъ, впрочемъ благородномъ, смыслѣ; но все еще я не вовсе впился въ занятія сухія, скучныя, прозаическія, но необходимыя; тѣмъ болѣе что чувствую себя въ необходимости написать кое что стихотворное прежде, нежели предамся вполне труду вышеназванному. Ежели богъ Поэзіи благословитъ меня въ сіе время, ежели онъ возвыситъ до прекраснаго мою поэтическую дѣятельность, то, мой почтеннѣйшій Аякъс, и давно обѣщанное, разгульное посланіе къ тебѣ выдетъ изъ головы моей во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Зевеса! Дай Богъ. Вотъ тебѣ моя литературная новость: говорятъ, и сильно, что скоро сюда будетъ моя Муза, мое солнце—жду съ нетерпѣніемъ. Этотъ случай, многозначительный для стиховъ моихъ, ко-

нечно возвратитъ мнѣ ревность Парнасскую, воспламенитъ мою душу.... Тогда все прозаическое къ черту: меня всего наполнить поэзія жизни и жизнь поэзіи!... Жителямъ Тригорскаго мои почтенія, поклонны—и будутъ *стихи* можетъ быть скоро, ежели Богъ дастъ здоровье“....

„1-го Мая. 1827 г. Поздравляю тебя съ праздникомъ весны, мой любезнѣйшій и почтеннѣйшій Аякъ! Сегодня вечеромъ господа студенты или вѣрнѣе часть студентовъ, несутъ здравствованіе профессорамъ отходящимъ, Еше и Штиксу и вотъ и все, что здѣсь есть новаго!—Хрипковъ согласенъ совокупно съ Тихвинскимъ и мною предпринять въ началѣ каникулъ почтенное путешествіе въ Тригорское, любезное, славное. Онъ поѣдетъ и пріѣдетъ съ кистию въ рукѣ: ему уже знакомы страны православнаго Пскова: какая пища для кисти, пера и лиры! А въ Тригорскомъ и того болѣе. И такъ все славу Богу“....

Друзья Языкова не все были „хмѣльные собратья“, отъ которыхъ человѣку, желающему заняться, надо было бѣжать: мы видѣли выше, что самъ Языковъ свидѣтельствуетъ о томъ прилежаніи, съ какимъ занимался Вульфъ, Теперь въ томъ же письмѣ поэтъ говоритъ о другомъ своемъ другѣ, Тютчевѣ (14). „Онъ съ утра до ночи въ работѣ, скоро хочетъ предстать на страшное судище, и теперь такъ отошталъ, такъ обросъ волосами, что его

(14) А. Н. Тютчевъ молодой человѣкъ, весьма много обшавшій, скончался въ 1831-мъ году. Ему принадлежатъ нѣсколько весьма не дурныхъ стихотвореній, оставшихся впрочемъ въ рукописи. Языковъ почтилъ его смерть особымъ стихотвореніемъ. Соч. Языкова изд. 1858 г. II ч. стр. 35.

едва узнать можно—особливо вблизи. Вотъ что значить трудъ прозаическій!...“

Самому только Языкову не давался этотъ трудъ, такъ что онъ самъ писалъ нѣсколько дней спустя (18 Мая 1827) „Въ моемъ положеніи внѣшнемъ и внутреннемъ все идетъ прежнимъ порядкомъ, а вѣрнѣе сказать безпорядкомъ; приготовленія къ экзамену, должно признаться, не начались, потому что мнѣ совѣстно назвать симъ почтеннымъ именемъ обыкновенное чтеніе, справки и исправки учебныя безъ системы, какъ въ голову придетъ, безъ цѣли близкой. Тютчевъ же работаетъ сильно....“ За то при этомъ же письмѣ, проливающимъ столь неблагоприятный свѣтъ на университетскія занятія Языкова, уже пятый годъ считавшаго себя въ числѣ подвижниковъ Дерптскаго университета,—приложено было предестное стихотвореніе: „Къ нянѣ А. С. Пушкина“ (15).

Экзамены были отодвинуты въ сторону; Языковъ объяснилъ своему любезному Аяксу почему и какъ это случилось!

....„Ежели всякіе стихи, пишетъ онъ къ нему отъ 6-го Іюня 1827-го г., ежели всякіе стихи, какіе бы они ни были—поэзія, то во мнѣ сильно дѣйствуетъ теперь Парнасская дѣятельность: она обратилась не къ небу и къ поприщу славы, а къ родственникамъ и родинѣ. Замѣтъ мимоходомъ странность: до сихъ поръ я не писалъ ни одного посланія семейственнаго, не смотря на то, что сей родъ стихотвореній составляетъ главное народо-

(15) См. въ изд. 1858 г. ч. I. стр. 89.

населеніе въ жилищѣ моей славы литературной. Не знаю, что сдѣлается съ моимъ орломъ (*), о которомъ ты столь часто вспоминаешь. Прощай до слѣдующей почты. Prore et longe tuus Н. Языковъ. Кланяюсь и почтеніе свидѣтельству почтеннымъ обитателямъ дома на горѣ, среди лощинъ, передъ серебряннымъ прудомъ“.

1-го Мая 1827 г. онъ помянулъ время, проведенное въ этомъ дорогомъ для него убѣжищѣ—большимъ посланьемъ къ „П. А. Осиповой.“ Начало его было уже напечатано нами (16); здѣсь считаемъ не лишнимъ привести его вполнѣ:

Къ П. А. Осиповой.

Благодарю васъ за цвѣты,
Они священны мнѣ: порою
На нихъ задумчиво покою
Мои любимыя мечты;
Они лѣтнательно и живо
Тѣ дни напоминаютъ мнѣ,
Когда на волѣ въ тишинѣ,
Съ моей Каменою лѣтнвой
Я своенравно отдыхалъ
Вдали удушливаго свѣта,
И вдохновеннаго поэта
Къ груди кипучей прижималъ!
И нынѣ съ грустью безутѣшной,
Мои желанія летятъ
Въ тотъ край возвышенныхъ отрадь
Свободы милой и безгрѣшной.
И часто вижу я во снѣ:
И три горы, и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златаго мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь нвы—
Пріютъ прохлады въ лѣтній зной,
Наяды пологъ продувной;

(*) Не разумѣетъ ли здѣсь Языковъ два свои неизданные стиха:

Дай мнѣ очи, дай мнѣ крылья Олимпійскаго орла.
Въ волны воздуха я брошусь, покупаюсь въ небесахъ.

(16) «Прогулка въ Тригорское» ст. IV-я С. П. Вѣд. 1866 г. № 163.

И тѣ отлгогости, тѣ нвы,
Изъ за которыхъ, вдалекѣ,
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Слѣша въ Тригорское, одинъ—
Вольтеръ и Гёте и Расинъ—
Являлся Пушкинъ знаменитый;
И ту площадку, гдѣ въ тиши
Насъ въжила, насъ веселила
Вина чарующая сила—
Оселокъ сердца и души;
И все божественное лѣто,
Которое изъ рода въ родъ,
Какъ драгоцѣнность, перейдетъ,
Зане Языковымъ воспыто!
Златые дни! златые дни!
Взываю къ вамъ, и гдѣ-жъ они?
Теперь не то: съ утра до ночи
Миръ политическихъ суетъ
Мнѣ утомляетъ умъ и очи,
А пользы нѣтъ, и славы нѣтъ!
Скучаю горько, и едвали
Къ норѣ, ко времени, пройдутъ
Мои учебныя печали
И прозаическій мой трудъ.
Но чтобы ни было, оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетныхъ наукъ,
И, другъ природы, лѣтн другъ,
Безпечной жизнью позабавлю
Давно ожидаанный досугъ.
И такъ, впередъ! молюся Богу,
Да Овъ меня благословитъ,
Во имя Феба и Харитъ,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взоръ
Увидитъ вновь, восторга полный,
Верхи и скаты вашихъ горъ,
И темный садъ, и докъ, и волны.

1 Мая 1827 г. (17)

Что касается до посланій къ „роднымъ“, къ которымъ обратился Языковъ въ это время и о которыхъ онъ упоминаетъ въ вышеприведенной выпискѣ изъ его письма, то, какъ кажется, къ этому времени и къ этому именно разряду относится посланіе его къ брату Александру Михайловичу, всегда имъ особенно любимому

(17) Рук. сборн. А. Н. Вульфа стр. 91—94.

и уважаемому ⁽¹⁸⁾. Посланіе это не было до сихъ поръ напечатано, по крайней мѣрѣ мы его не находимъ въ собраніяхъ сочиненій Языкова, а между тѣмъ оно не лишено ни интереса содержанія, ни силы и выразительности стиха, ни значенія автобіографическаго. Приводимъ его вполнѣ:

Къ А. М. Языкову.

Теперь, когда пророчественный даръ
Чуждается моихъ уединенныхъ Зарь,
Когда чудесный міръ мечтательныхъ созданій
На многотрудныя затѣи мудрованій
О ходѣ дарствъ земныхъ, о суетѣ суетъ,
На скуку поминать событія нашихъ лѣтъ,
Работать для молвы и почести неславной,
Я тихо промѣнялъ, поэтъ несвоенравной, —
Мои желанія оградныя летать
Къ твоей обители, мой задушевный братъ!
Любезный мыслитель и цепзоръ благодатный
Монихъ Парнассскихъ дѣлъ и жизни коловратной.

Такъ, я досадаю на самого себя,
Что, рано вольности прохладу полюбя
И рано предъ судомъ обычая крамольнымъ,
Я приучилъ свой умъ къ дѣятельности вольной,
Къ трудамъ поэзіи. Она же, — знаешь ты —
Богиня милая убранствомъ простоты,
Богиня странныхъ думъ и жизни самобытной;
Она не блестками заслуги челоубитной,
Не звономъ золота, не брэнною молвой
Насъ вызываетъ въ путь свободный и святой.
И юноша, кого небесъ благословенье
Избрало совершить ея богослуженье,
Всю свѣжесть, весь огонь, весь пылъ души своей,
Всѣ силы бытія онъ обрекаетъ ей.
За то отъ раннихъ лѣтъ замѣченному славой,
Ему даровано властительное право
Предъ гордостью царей не уклонять чела
И проповѣдывать великія дѣла.
Удѣлъ божественный! Но свѣтъ неугомонный,
Невѣрный суди и часто беззаконный,
Въ безсмертныхъ доблестяхъ на попрѣцѣ Камень
Онъ видитъ не добро, а суету и тлѣнь.

⁽¹⁸⁾ Такъ одно изъ самыхъ первыхъ стихотвореній его (1822 г.) было написано имъ А. М. Языкову. См. въ изд. 1858 г. ч. I. стр. 3.

Я знаю, можетъ быть, усердіемъ напраснымъ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ.
Самолюбавая пылаетъ грудь моя,
И славнаго вѣнка не удостоюсь я.
Но что бы ни было, когда успѣхъ недалкой
Меня вознаградитъ наградою похвальной
За прозу моего почтеннаго труда
И возвратитъ пѣвца въ родину — тогда,
Плѣнительные дни! душой и тѣломъ вольный
Не стану я носить ни шляпы трехъугольной,
Ни грубаго ярма приличій городскихъ,
По милости богинь-хранительницъ моихъ:
Природу и любовь и тишину златую
Я словословіемъ стиховъ ознаменую,
И свѣтозарныя, благословятъ онѣ
Мои сказанія о Русской старинѣ.

Я жду, пройдетъ оно, томительное время,
Чужбину и заботу однообразныхъ брѣмя
Оставлю скоро я. Родительской Пенатъ
Соединитъ меня съ тобою, милый братъ;
Тамъ безопасныя часы уединенія
Мы станемъ украшать богатствомъ просвѣщенія
И сладострастіемъ возвышенныхъ трудовъ;
Ни вялой праздности, ни скуки, ни долговъ!
Тогда въ поэзіи свободу мы возыснимъ.
Тамъ бодро выполню, — счастливъ и независимъ —
И замыслы моей фантазіи молодой,
Теперь до лучшихъ лѣтъ покинутые мной,
И дружеской совѣтъ премудрости врачебной:
Бережись бахуса и вѣги непотребной.
Мнѣ улыбнется жизнь, и вѣчный скороходъ
Ее прекрасную покойно понесетъ.

Предыдущее посланіе, равно какъ тогда же присланное въ Тригорское стихотвореніе Языкова „Къ нянѣ А. С. Пушкина“ привело въ восторгъ друзей поэта. А. Н. Вульфъ разсыпался въ похвалахъ.

„Благодарю тебя за похвалы моему посланію стихотворному, — отвѣчалъ ему, 13-го Октября 1827 г., Языковъ: — жаль только, что въ немъ выраженныя мои желанія и надежды все еще не сбылись и кромѣ плановъ или, вѣрнѣе скажу, заглавій для будущихъ подвиговъ моей Музы, я не сочинилъ почти, ровно ничего! Такова судьба человѣческая! Не знаю, что будетъ

дальше. Теперь же, какъ мнѣ кажется, во мнѣ снова пробуждается охота писать элегіи: предметъ для сего рода сочиненій есть, и какой! „Чувствительная душа и въ чужѣ веселится“—сказаль Дмитриевъ,—ликуй же и веселись нынѣ ты, нѣкогда добрый и усердный товарищъ моихъ подвиговъ, набѣговъ и преслѣдованій скромно-любовныхъ. Я вполнѣ согласенъ съ тобою, что отъ моего облеченія въ бѣлую одежду зависитъ много и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; но дѣло въ томъ, что мой характеръ весь составленъ изъ какой то беззаботности, и я даже теперь не могу сказать рѣшительно: когда кончится мое скучное и уже излишнее въ нѣкоторомъ смыслѣ пребываніе въ Дерптѣ; потому что оно зависитъ единственно отъ меня. Элегія: „Теперь не то, что былъ я встарь“ — не моя, ее сочинилъ Вр—о (19), и я не знаю, почему она, гдѣ бы то ни было, существуетъ подъ моимъ именемъ...“

18-го Января 1828 г. Дерптъ... „Вчера отправились отсюда въ Питеръ князья Циціановы, твои знакомцы; они могутъ сказать тебѣ много новаго о нашемъ Дерптѣ, о рефракторѣ, о лужѣ, нравахъ и повѣрьяхъ нынѣшнихъ п т. п. Мое знакомство съ ними есть одно изъ пріятнѣйшихъ душъ моей. Старшій—романистъ перомъ и романтикъ мнѣніями — покинулъ бранной славы пустой и гибельный призракъ и, кажется, хочеть водвориться на одномъ изъ пустопорожнихъ мѣстъ

(19) Упоминаемая здѣсь элегія Вронченки, по ошибкѣ попала въ сочиненія Языкова: изд. 1838 г. ч. I, стр. 93: «Ужь я не то, что былъ я встарь.»

нашего Парнасса. Дай Богъ ему славу трисолнечную! Я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, или лучше положеніи, что мнѣ очень непріятно отвѣчать на твои вопросы, чтó я дѣлаю, буду дѣлать и долго ли останусь въ Дерптѣ? Не знаю, не знаю, не знаю!!! Что касается до моей Музы, то все теперь въ сторонѣ, не смотря на то, что на большой дорогѣ нѣтъ ничего, а вдали туманъ, мракъ, неизвѣстность. Деньги потерялъ—ничего не потерялъ, время потерялъ—много потерялъ, мужество потерялъ—все потерялъ, говариваль Суворовъ. Что же, если все это потеряно?? Не встрѣтишь ли ты на поприщѣ жизни Петербургской, на Невскомъ проспектѣ, легкую и нѣкогда насъ увлекавшую М. В.?.... Кланяйся Пушкину и Дельвигу...“

Грустное сознаніе въ растратѣ времени, которое никогда уже не пришлось ему наверстать, постоянно высказывалось у Языкова.

Стихотворнымъ посланіемъ начинается письмо Языкова къ А. Н. Вульффу отъ 27 Апрѣля 1828 г., все изъ того же Дерпта, съ которымъ никакъ не могъ онъ разстаться:

Помнишь ли, мой другъ застольной.
Какъ въ лѣсу, порою тьмы,
Праздникъ молодости вольной
Вмѣстѣ праздновали мы? и пр. (20)

„Вотъ тебѣ стихи, мой почтеннѣйшій, это первые въ теперешней эпохѣ моей жизни, которая начинается моимъ переѣздомъ на квартиру, по-

(20) Стихотвореніе это напечатано въ изд. 1838 г. ч. I, стр. 116—117: «А. В. Вульффу.»

чти загородную... Критики и пророки говорятъ, что Тютчевъ приступить къ экзамену со мною вмѣстѣ; я же о своемъ ничего не пророчю: боюсь солгать и себѣ и людямъ... Кланяйся Тригорскому!"

Владѣлица Тригорскаго не за долго предъ симъ прислала своему пріятелю поэту „плоды воспитанаго имъ сада". Языковъ, пользовавшійся каждымъ новымъ случаемъ написать нѣсколько теплыхъ строкъ о Тригорскомъ, благодарилъ П. А. Осипову слѣдующимъ, доселѣ неизданнымъ посланіемъ:

Къ П. А. Осиповой.

Плоды воспитанаго мной сада,
Благословенные плоды,
Они души моей отрада,
Какъ славы свѣтлая награда,
Какъ вдохновенные труды.
Прекрасныхъ радъ воспоминаній,
Они возобновляютъ мнѣ,
И волны прежнихъ упованій
Встаютъ въ сердечной глубинѣ!
Скучаю здѣсь; моя Камена
Оковы умственаго плѣна
Еще носить осуждена;
Мнѣ жизнь горька и холодна,
Какъ вялый стихъ, какъ Мельпомена
Ростовцева ⁽²¹⁾ иль Княжнина;
Съ утра до вечера я занятъ
Мірскимъ и тягостнымъ трудомъ
И богъ поэтовъ не помянетъ
Его во царствіи своемъ.
И долго сонному забвенью
Мой не потухаетъ вниманіе;
Но я покоренъ Провидѣнью
И жду чего?.. не знаю самъ...
Я утѣшаюсь горделиво
Мечтой, что въ вашей сторонѣ
Самостоятельное живо
Воспоминанье обо мнѣ.
И благодаренъ вамъ душою
За вашъ подарокъ, и въ отвѣтъ

⁽²¹⁾ Трагедія Я. И. Ростовцова (впоследствии графа) Персей появилась въ печати въ Спб. въ 1823 г.

Изъ края скуки и суеты,
Вы благосклонною рукою
Мои убогіе дары
Примите—пару книжекъ модныхъ
Произведеній ежегодныхъ
Словоохотной вѣмчурѣ.
Мои жъ стихи да будутъ знакомъ
Что скоро и легко для васъ
Мои пробуждается Парнасъ,
И что поэтъ Языковъ лакомъ
Вездѣ, всегда вспоминать
Свой раи и вашу благодать.

Декабря 8, 1827 г. ²²⁾

Друзья были героями пѣснопѣній Языкова, о друзьяхъ бесѣдуетъ онъ преимущественно и въ письмахъ своихъ: всякая вѣсточка о житьѣ-бытьѣ друга, уѣхавшаго почему либо изъ Дерпта, живо принималась поэтомъ нашимъ. Такъ напр. нѣсколько писемъ его къ А. Н. Вульфѣ весною 1828-го года заняты распросами и толками объ одномъ общемъ ихъ другѣ П. Н. Шепелевѣ, неожиданно-негаданно для всѣхъ его пріятелей смѣнившимъ Дерптъ на деревню, гдѣ то въ глуши и на проекты удалиться еще дальше, въ Персію....

„...Жаль,—пишетъ, между прочимъ, Языковъ отъ 22-го Мая 1828 г., что я только теперь узналъ объ его Персидской повѣздкѣ: я бѣ снабдилъ его посланіемъ, не смотря на то, что въ семъ случаѣ, кажется, нельзя бы мнѣ было въ свое оправданіе привести слова Магомета: Die Tinte des Gelehrten und das Blut der Martyrer haben im Angesichte des Himmels gleichen Werth!...

.... „Мнѣнія о законности любви, замѣчаетъ Языковъ въ другомъ письмѣ къ Вульфѣ (отъ 7-го Іюня 1828 г.) по поводу того же общаго пріятеля,

⁽²²⁾ Рук. Сборн. стр. 102—104.

по существу своему, должны быть различны; оставимъ споръ объ этомъ, да не разгорячимся подобно тѣмъ двумъ рыцарямъ, которые сражались за щитъ, одному изъ нихъ казавшійся серебрянымъ, а другому золотымъ; они видѣли его съ разныхъ сторонъ, одинъ была точно золотой, а другой серебрянный.... Здѣсь прилагается къ тебѣ посланіе. На сихъ дняхъ привелъ меня Богъ увидѣть, какъ ничтожилъ издатель Телеграфа еще въ началѣ текущаго года мою Музочку. Поэты раздражительны вообще, а мнѣ надобно же хоть чѣмъ нибудь ознаменовать первую грозную выходку на мои стихи студентскіе. Молва гласитъ, что Полевой ополчился на меня, Дмитріева старца ради, за апологи! ⁽²³⁾ Да будетъ это посланіе только изліяньемъ души моей, по части полемики, не пускай его по рукамъ, — все это будъ сказано между нами! Клянись Пушкину и небожителямъ Тригорскаго.... Къ тебѣ явится Аладьинъ отъ моего имени: отдай ему мое посланіе о праздникѣ 21 Апрелья, онъ напечатаетъ его въ Невскомъ Альманахѣ, безъ прозванія сочинителя. ⁽²⁴⁾

Рѣзкая статейка Полеваго въ „Московскомъ Телеграфѣ“ была первымъ щелчкомъ, нанесеннымъ бойкою рукою авторскому самолюбію нашего поэта; онъ задѣтъ былъ за живое и написалъ

⁽²³⁾ См. въ изд. стихотвореній Н. М. Языкова. «Нравочательныя четверостишія» (ч. I, стр. 108—110) пародіи на извѣстныя четверостишія И. И. Дмитріева. По свидѣтельству А. Н. Вульфа, пародіи эти сочинены были среди шутокъ Языковымъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, въ бытность ихъ обоихъ гѣтомъ 1826 г. въ Тригорскомъ.

⁽²⁴⁾ Дѣло идетъ о посланіи къ «А. Н. Вульфу»: «Помнишь ли, мой другъ застольный», напечатанномъ въ Невскомъ Альманахѣ Аладьина 1829 г., вмѣсто имени автора поставлены были три звѣздочки.

„Посланіе къ журналистамъ“, которое и послалъ къ своему другу въ приведенномъ выше письмѣ. Но по самому характеру своему Языковъ не былъ способенъ къ сатиры: посланіе его вышло игриво, забавно, но не особенно сильно и далеко не зло. Тѣмъ не менѣе тоже добродушіе заставило его просить Вульфа не только не отдавать въ печать, но даже и не пускать по рукамъ это стихотвореніе. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно было уже напечатано (Рус. Бесѣда 1859 г. кн. IV, стр. 7. и С. Петерб. Вѣдом. 1866 г. № 168).

Скоро Языкову, столь живо хватавшемуся за каждый поводъ написать посланіе, — представился прекрасный къ тому случай: А. Н. Вульфъ поступилъ въ гусары и спѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій. Не зная еще навѣрное, ѣдетъ ли его другъ въ армію, Языковъ препровождалъ къ нему „на всякой“ случай посланіе: ⁽²⁵⁾

Прощай, неси на поле чести
Отваги юношескій жаръ.
Сердечный гласъ вражды и мести
И неизбежный твой ударъ! ⁽²⁶⁾

„Объ моихъ дѣлахъ текущихъ, приписываетъ въ томъ же письмѣ Языковъ (отъ 25-го Сентября 1828 г.), — и надеждѣ оставить Дерптъ: все въ руцѣ Божіей.... что будетъ — будетъ! Что дѣлается въ литературѣ? Я вовсе отсталъ отъ ея успѣховъ и исторіи современной. Такова судьба человѣческая! Здѣшній профессоръ Парротъ junior ⁽²⁶⁾ отправляется, будущей зимю, на свой щетъ, съ нѣсколькими

⁽²⁵⁾ Соч. Языкова изд. 1858, ч. I, стр. 117—118: «къ А. Н. Вульфу.»

⁽²⁶⁾ Сынъ профессора Физики.

студентами, на Араратъ!! Съ нимъ хочеть ѣхать и твой учитель математики, теперешній мой, Федоровъ. Торопится предупредить Гумбольта, зане слышно, что онъ уже велѣлъ лошадей запрягать для поѣздки въ Азію!..“

Начало 1829-го года застало еще Языкова въ Дерптѣ. 26-ти лѣтъ молодой человѣкъ, онъ по прежнему принималъ живое участие въ университетской жизни, и въ Февралѣ сего года отъ всей души радовался, что судьба и усилія какъ его, такъ и его товарищей-студентовъ, спасли университетъ отъ страшнаго несчастья: Дерпскій университетъ едва было не сгорѣлъ.

„.... Здѣсь все славу Богу,—пишетъ по этому случаю Языковъ 3-го Февраля 1829-го г. къ А. Н. Вульфъ: Богъ, кажется, особенно благоволитъ граду, насъ воспитавшему. За четыре дня до настоящаго числа, въ первомъ часу ночи, загорѣлся было университетъ: все смутилось, возстало, бросилось спасать главную славу, важнѣйшее богатство и единственную красоту Дерпта: и успѣхъ увѣнчалъ старанья пылкихъ юношей и добрыхъ гражданъ; въ числѣ первыхъ особенно отличился и на вѣки вѣковъ воспролавился нашъ Тютчевъ, сокрушившій нѣсколько половицъ и шкаповъ огромнымъ желѣзнымъ ломомъ, и такимъ подвигомъ открывшій вѣрный путь потушенію пожара! Потеря не велика, какъ слышно; кабинетъ Адеркаса потерпѣлъ всего болѣе, потомъ кабинетъ натур. ист., гдѣ, между прочимъ, сгорѣлъ досъ. Профессора дѣйствовали сильно, Брокеръ ⁽²⁷⁾ особенно голо-

сомъ, и до того, что, говорятъ, отморозилъ себѣ языкъ. Дѣло статочное: стужа была въ 18 градусовъ Р.“

Узнавъ, что Вульфъ поступилъ въ военную службу и самъ собираясь протиститься съ Дерптомъ, Языковъ писалъ своему другу отъ 9-го Февраля 1829-го г.: „.... Поздравляю тебя съ ментикомъ и гусарскій полкъ принца Оранскаго и самого принца Оранскаго съ тобою; дай мнѣ обѣщаніе писать ко мнѣ изъ подъ знаменъ войны православной, да вѣдаетъ твой пѣвецъ современный все подробности новой судьбы твоей, необходимыя мнѣ для многихъ собраний и предпріятій въ ономъ званіи. Вотъ тебѣ нѣчто объ состояніи моего духа: черезъ мѣсяць, много черезъ два, покину я Дерптъ на вѣки—сяду въ деревнѣ Симбирской, буду пѣть жизнь партіаршескую, Волгу, тебя и еще кое-кого и кое-что.... и вотъ все мои надежды на совершеніе давно желанныхъ подвиговъ. Дерптъ мнѣ такъ надоѣлъ, что я бы бѣжалъ отсюда пѣшкомъ, еслибы не стыдился оставить здѣсь мое прозваніе на позоръ заимодавцамъ. Долго ли ты пробудешь въ Торжкѣ? Напиши мнѣ, можетъ быть судьба хочеть дать намъ прекраснѣйшій праздникъ, представляя возможность обнять другъ друга передъ развѣздомъ въ страны совершенно противоположныя, на подвиги равно достославные и разнохарактерныя!... Прощай покуда:

Еще тебя благословляю,

Мой добрый другъ, воспѣтый мною, и проч. ⁽²⁸⁾

⁽²⁷⁾ Профессоръ юридическаго факультета, онъ былъ горбатъ и хроменъ.

⁽²⁸⁾ Последующее восьмистишье напечатано въ соч. Языкова изд. 1858 г. ч. I, стр. 128—129 въ стихотвореніи: «Отвѣздъ.»

„Пиши изъ Турціи о нашихъ здѣшнихъ пріятеляхъ.... Кланяйся отъ меня всѣмъ вашимъ и той *толпѣ красавицъ*, которой ты приносишь одуревающій виміамъ похвалъ и лести.“

Большая часть друзей Языкова давно бы давно пооставляли Дерптъ, болѣе или менѣе удачно окончивъ курсъ въ университетѣ. Всѣ они разбрелись по разнымъ концамъ Россіи, при чемъ либо поступили на разныя поприща служебныя государству, либо удалились въ помѣстья, гдѣ посвятили себя мирнымъ занятіямъ хозяйственнымъ... Языковъ все еще надѣялся превозмочь свою поэтическую лѣнь и беззаботность; но наконецъ, не собравшись втеченіи цѣлыхъ шести лѣтъ выдержать экзаменъ, въ концѣ 1829-го г. оставилъ Дерптъ. Онъ не получилъ атестата въ окончаніи курса; но за то литературная извѣстность его была твердо упрочена, и хотя въ печати уже слышались голоса строгой критики, требовавшей отъ него произведеній, болѣе соотвѣтствующихъ тѣмъ надеждамъ, какія возлагались на его талантъ, тѣмъ не менѣе стихотворенія его, полныя жизни и огня, съ жадностью читались и въ печатной, и въ рукописной литературѣ... Последняя, какъ извѣстно, встарь была довольно обширна, и нашъ поэтъ былъ тѣмъ усерднѣйшимъ ея вкладчикомъ, что писалъ не для гонорарія, печаталъ, какъ и жилъ, спустя рукава, т. е. какъ придется. Очень можетъ быть, что, не имѣй Языковъ обезпеченнаго состоянія, волею не волею онъ работалъ бы усерднѣе и обогащалъ бы чаще нашу словесность произведеніями своей гульливой Музы.

А муза была гульлива и страстна! Что напр. за раскошное, полное необузданной страстности стихотвореніе его къ

Аделаидѣ (29).

Я твой, я твой Аделаида,
Тобой узналъ я, какъ сильна,
Какъ восхитительна Киприда,
И какъ торжественна она.
Ланитъ и персей жаръ и нѣга,
Живыя груди, блескъ очей,
И волны вѣтренныхъ кудрей...
Съ минуты перваго свиданья
Мои кипучія желанья,
Мои пророческіе сны,
Всѣ на тебя устремлены;
Предался мнѣ: любви забавы
Я пѣсню грочкой воспую
И окружу лучами славы
Младую голову твою!
А ты, а ты, кого доселѣ
Душою страстной я любилъ,
Кому поэзіи прекрасной
Я пѣсни первыя дарилъ,
Я отрекаюсь отъ закона
Твоихъ очей и томныхъ устъ,
И отдаю тебя на хлысть
Учебной ротѣ Геликона.

Приведемъ въ заключеніе еще стихотворенія Языкова — лучшаго т. е. Дерптскаго періода его жизни; стихотворенія эти мы нашли въ рукописныхъ сборникахъ А. Н. Вульфа и не находимъ ни въ одномъ изъ четырехъ изданій сочиненій Языкова:

Одну минуту, много двѣ,
Любви живыя упованья
Кипятъ, лижутъ въ головѣ
Богоподобнаго созданья:
Разгоряченна мечта
Прогонитъ сонъ души усталой,
Напомнитъ время и мѣста,

(29) Приводимъ съ руж. списка: въ печати (изд. 1838 г. ч. I. стр. 63.) есть также стихи Языкова: «Аделаидѣ»; но они вдвое короче рукописныхъ и значительно противъ нихъ разнятся.

Гдѣ небывало; бывало.
Но сей чувствительный соборъ
Надеждъ, восторговъ и загадокъ
Завоситъ въ душу безпорядокъ,
Или мѣняющійся вздоръ,
Хоть самъ плѣнительнъ и сладокъ.
Хоть самъ блестятъ какъ метеоръ⁽³⁰⁾.

А. А. В.

Мечты любви, мечты пустыя!
Я вѣрно знаю ихъ: онѣ
Не разъ побѣды удаляли
И рай предсказывали мнѣ.
Я вѣлъ се и ждалъ чего-то.
Стихамъ внимала красота,
А отвѣчали мнѣ зѣмотой
Ея пурпурныя уста;
Я провнесъ любви признание —
И скученъ былъ нашъ разговоръ!
Все суета! улыбка, взоръ,
Прекрасно ваше предвѣщанье;
Но вы, почтеннѣйшія, вздоръ!
Мечты любви не стоятъ горя:
Прельстятъ, обманутъ хуже сва, —
И что любовь? одна волна
Большаго жизненнаго моря!⁽³¹⁾

Съ конца 1829-го по 1832-й годъ включительно мы видимъ нашего поэта въ Москвѣ. Онъ занимается Русскою исторіей, по прежнему живо интересуется современною литературою, болѣе и болѣе вдумывается въ планы сочиненій, зараждающихся въ его фантазіи, пишетъ нѣсколько десятковъ весьма поэтическихъ произведеній, собирается написать нѣчто высоко замѣчательное и, увы! на приготовленіяхъ дѣло останавливается.... А между тѣмъ, разгулъ, сдѣланнѣйшій уже потребностью нашего пѣвца, увлекаетъ его и въ Москвѣ.... Но онъ уже болѣзнъ. Болѣзнъ рано, слишкомъ рано захватываетъ въ свои страшныя объ-

⁽³⁰⁾ Рук. сбор. стр. 39—40.

⁽³¹⁾ Рук. сбор. стр. 42—43.

ятія пѣвца „свободы, веселья и грацій“ и начинаетъ постепенно душить несчастнаго.... Второй періодъ кратковременной жизни Языкова, періодъ начинающійся съ переезда его въ Москву, представляетъ грустную картину страданій, среди которыхъ только изрѣдка творческая и сильная фантазія поэта создаетъ высоко художественныя лирическія произведенія....

М. Селевскій.

Село Голубово,
1866 г. Августа 7.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА ГРАФА Е. В. КОМАРОВСКАГО (*).

Въ царствованіе императрицы Екатерины, солдаты гвардейскихъ полковъ жили въ такъ называемыхъ свѣтлицахъ; свѣтлицы выстроены были по обѣимъ сторонамъ улицы, въ линію, и въ каждой изъ нихъ квартировала одна рота, а потому и теперь называютъ еще улицы по померамъ жившихъ тогда въ нихъ ротъ. Офицеры жили въ большихъ деревянныхъ снѣзяхъ: у богатыхъ и у женатыхъ они были прекрасно убраны. Императору Александру, еще наслѣдникомъ престола, угодно было, на свой счетъ, для своего Семеновскаго полка выстроить: каменный полковый дворъ (для помѣщенія церкви и лазарета), три флигеля для офицеровъ и казармы для солдатъ всего полка. Производство сихъ строеній поручено было полковнику Путилову (бывшему тогда

(*). См. выше, стр. 219 и 521.

адъютантомъ при его высочествѣ на-слѣдникѣ) и архитектору Волкову, а по выходѣ Путилова въ отставку, на его мѣсто опредѣленъ гардеробмейстеръ Геслеръ. Дабы скорѣе окончено было строеніе, отдали оное на подрядъ. Архитекторъ Волковъ вскорѣ умеръ. Послѣ восшествія императора Александра на престолъ, черезъ два года, казармы Семеновскаго полка оказались, отъ сырости, къ жительству почти совсѣмъ неспособными. Однажды государь мнѣ изволилъ разсказывать, какой капиталъ употребленъ на построеніе казармъ и въ то время, когда онъ самъ нуждался въ деньгахъ; а теперь онѣ обратились ко вреду тѣмъ, которымъ его величество желалъ доставить покой и выгоды! Императоръ находился въ большомъ затрудненіи, какимъ бы образомъ сдѣлать казармы къ жительству удобными. Наконецъ государь изволилъ мнѣ сказать: „Не возьмешься ли ты за это дѣло?“ Я отвѣчалъ: „Вашему величеству извѣстно и мое усердіе, и моя ревность; я готовъ исполнить все что приказать изволите,“ и тотчасъ предложилъ средство, которое государю очень понравилось. „Мнѣ кажется, сказалъ я, что должно созвать всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ архитекторовъ и каменныхъ мастеровъ, осмотрѣть съ ними казармы и потребовать ихъ мнѣнія о приведеніи оныхъ въ такое состояніе, чтобы безвредно можно было въ нихъ жить.“ Это было сдѣлано, и нашли, что должно пристроить особливныя кухни и прачешни. Потомъ государю было угодно возложить на меня построеніе Кавалергардскихъ, Конно-гвардейскихъ, Измайловскихъ

и построить вновь нѣсколько Семеновскихъ казармъ.

—
Въ началѣ 1803 года, эрцъ-герцогъ Палатинъ изъявилъ желаніе видѣться съ императоромъ и съ вдовствующею императрицею, послѣ кончины его супруги великой княгини и эрцъ-герцогини Александры Павловны. Государю угодно было послать меня на встрѣчу его императорскаго высочества. Я дождался эрцъ-герцога Палатина въ Вильнѣ. Какъ это было въ Мартѣ мѣсяцѣ, то дороги такъ испортились, что его императорское высочество принужденъ былъ оставить свои тяжелые экипажи и ѣхать на перекладныхъ повозкахъ. Я предлагалъ эрцъ-герцогу остановиться въ Нарвѣ и послать курьера въ Петербургъ, чтобъ высланы были легкіе экипажи, но на сіе онъ не согласился. Подъѣзжая къ Петербургу, въ саняхъ не было возможности ѣхать, и мы сѣли въ двѣ тѣлеги: въ одной эрцъ-герцогъ со мною, а въ другой одинъ изъ его адъютантовъ съ камердинеромъ его императорскаго высочества. Я боялся, что привезу эрцъ-герцога полумертвымъ, и дѣйствительно онъ на силу на ногахъ могъ держаться, когда мы пріѣхали въ зимній дворецъ. Его императорское высочество ввели въ приготовленныя для него комнаты. Немедленно пришли къ нему императоръ и вдовствующая императрица; всѣ пѣняли эрцъ-герцогу, что онъ такъ много рисковалъ; но онъ тотчасъ же однако сказалъ, что я просилъ его остановиться въ Нарвѣ и послать за экипажами, но его нетерпѣніе увидѣться съ ихъ

императорскими величествами было такъ велико, что онъ ни минуты не хотѣлъ промедлить. Я долженъ былъ всякое утро приходиться къ государю и принимать приказанія на цѣлый день для эрцъ-герцога; иногда императоръ мнѣ говорилъ: „Поди къ матушкѣ и спроси, какъ ей угодно, чтобъ Палатинъ провелъ день.“ Я безпрестанно находился съ эрцъ-герцогомъ, кромѣ только когда онъ обѣдалъ или проводилъ вечеръ съ императорскою фамиліею. Свита его высочества состояла изъ гофмейстера его, графа Сапари, двухъ камергеровъ, двухъ адъютантовъ и одного медика.

Эрцъ-герцогъ обходился со мною весьма милостиво, а графъ Сапари полюбилъ меня какъ невозможно болѣе. Онъ пользовался совершенною довѣренностію его высочества. Однажды графъ Сапари мнѣ сказалъ: „Вы, генераль, примѣчаете, я думаю, какъ эрцъ-герцогъ васъ любитъ; ему хотѣлось бы сдѣлать что нибудь для васъ пріятное: скажите мнѣ откровенно что вы желали-бъ?“ Я ему отвѣчалъ: „Для меня очень лестно слышать, что его императорское высочество имѣетъ столько ко мнѣ милостей; я этимъ очень доволенъ и болѣе ничего не желаю!“ — „Вы мнѣ сказывали, генераль, продолжалъ графъ Сапари, что вы недавно женаты; развѣ вамъ и молодой вашей супругѣ не было бы пріятно получить графское достоинство? Этотъ титулъ вы оставили-бъ въ наслѣдство вашему потомству.“ Это предложеніе меня очень удивило и, признаюсь, обрадовало. „Я почелъ бы это большимъ для меня счастіемъ,“ отвѣчалъ я; но безъ воли

императора, не могу принять милости, которую угодно его высочеству оказать мнѣ, а между тѣмъ прошу ваше сіятельство повергнуть мою признательность къ стопамъ эрцъ-герцога“. На другой день, по утру рано, я пришелъ къ государю, и къ счастію моему, никого не было у его величества. Я тотчасъ передалъ императору разговоръ мой съ графомъ Сапари, слово отъ слова. Государю, примѣтно, это было очень пріятно, и онъ изволилъ сказать мнѣ, съ обыкновенною его милостію: „Я этому очень радъ, и какъ ты думаешь, продолжалъ государь, если и я примолвлю за тебя слово эрцъ-герцогу, не испорчу дѣла?“ Я началъ его величество благодарить; государь меня обнялъ и продолжать изволилъ: „Не ужели ты думалъ, что я когда нибудь помѣшаю твоему счастію? Я всегда, напротивъ, готовъ тому способствовать!“ Въ этотъ день былъ обѣдъ у императора, и я видѣлъ, что, послѣ стола, государь отвелъ эрцъ-герцога къ окну и довольно долго съ нимъ разговаривалъ, чего я прежде не замѣчалъ; въ тотъ же вечеръ эрцъ-герцогъ отправилъ курьера въ Вѣну. Мнѣ странно было, что графъ Сапари не спрашивалъ у меня послѣ, просилъ ли я у государя позволенія принять предложенное мнѣ имъ отъ имени эрцъ-герцога достоинство и получилъ ли я или нѣтъ высочайшее на то соизволеніе. Спустя нѣсколько недѣль, прихожу я въ одно утро, по обыкновенію, къ эрцъ-герцогу; вдругъ вижу, что отворяются обѣ половинки двери изъ его кабинета, и онъ несетъ на обѣихъ рукахъ какую-то широкую, въ малиновомъ

бархатъ, переплетенную книгу, и идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Подошедъ ко мнѣ, его императорское высочество сказалъ: „*Je vous felicite, monsieur le comte du St. Empire Romain.*“ (Поздравляю васъ, графъ Святой Римской Имперіи): я догадался, что та книга должна быть дипломъ на графское достоинство, принялъ книгу и, принеся благодарность мою эрцъ-герцогу, просилъ позволенія отнестъ ее къ государю. Императоръ изволилъ меня поздравить графомъ и повелѣлъ мнѣ дипломъ мой оставить у его величества, который препровожденъ былъ потомъ, чрезъ бывшаго тогда министромъ юстиціи Г. Р. Державина, при высочайшемъ указѣ, въ правительствующій сенатъ, для республикованія повсемѣстно. (Австрійскому курьеру, привезшему мой дипломъ на графское достоинство, я подарилъ 100 червонцевъ.) Мнѣ сказывалъ послѣ графъ Сапари, что когда императоръ Францъ извѣстился о желаніи государя, чтобъ я получилъ графское достоинство, и что эрцъ-герцогу хотѣлось, прежде отъѣзда своего изъ Россіи, лично вручить мнѣ дипломъ, его величество приказалъ канцлеру своему графу Кобенцелю оставить всѣ прочія дѣла и заняться скорѣйшимъ отправленіемъ диплома въ Петербургъ. Я забылъ сказать, что предварительно изъ герольдіи вытребована была моя родословная. Государь довершилъ милостивое свое ко мнѣ участіе тѣмъ, что когда я получилъ графское достоинство, его величество повелѣлъ своему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, испросить особую аудіенцію у императора Франца и изъявить его вели-

честву, отъ имени государя, признательность за возведеніе меня въ достоинство графа Св. Римской Имперіи.—Эрцъ-герцогъ собирался къ отъѣзду изъ Россіи. Мнѣ хотѣлось дать прощальный обѣдъ свитѣ его императорскаго высочества, и для того я позвалъ оную къ себѣ. По случаю возложеннаго на меня государемъ порученія о построеніи для гвардейскихъ полковъ казармъ (о чемъ я говорилъ выше), я не могъ сопровождать эрцъ-герцога Палатина, на возвратномъ его пути до границы; это возложено было на генераль-адъютанта Иларіона Васильевича Васильчикова. Прощаясь со мною, его высочество подарилъ мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилліантами съ его вензелемъ, которую цѣнили тогда въ 7000 рублей.

Когда государь собирался ѣхать въ Аустерлицкую кампанію, приказать мнѣ изволилъ явиться къ себѣ. „Я ѣду въ армію, сказалъ мнѣ императоръ, но тебя не беру съ собой, потому что ты гораздо нужнѣе будешь для меня здѣсь; впрочемъ ты пороха нанюхался уже (1) и видѣлъ близко неприятели, продолжалъ государь. Я поручаю столицу Визмитинову (бывшему тогда Истербургскимъ военнымъ губернаторомъ), а тебя назначаю къ нему въ помощники. Сверхъ того я желаю, чтобъ учреждена была *la haute police* (высшая полиція), которой мы еще не имѣемъ, и которая необходима въ теперешнихъ обстоятельствахъ; для составленія правилъ оной, назначенъ будетъ комитетъ изъ князя Лопухина (министра юстиціи), графа Кочубея

(1) Въ Итальянскомъ походѣ 1799 г.

(министра внутреннихъ дѣлъ) и тебя. Ты видишь, что тебѣ нечѣмъ обижаться, что не будешь находиться въ кампаніи; я знаю твою голову и усердіе твое; прощай, Богъ съ тобой.“ По отъѣздѣ государя къ арміи, я былъ у благодѣтеля моего, графа Николая Петровича Румянцева и сообщилъ ему о комитетѣ. Онъ мнѣ сказалъ: „У меня есть много книгъ касательно этой полиціи, и мы вмѣстѣ, если хочешь, станемъ дѣлать выписки объ образованіи оной; когда ты пріѣдешь въ комитетъ, ты будешь имѣть понятіе о предметѣ онаго, и сообщишь свѣдѣнія, которыя прочимъ членамъ комитета, можетъ быть, вовсе неизвѣстны.“ Мы дѣйствительно этими выписками нѣсколько времени занимались. Комитетъ сей однако не состоялся, и мнѣ никогда не была извѣстна сего причина.

Во время отсутствія государя, которое продолжалось, какъ извѣстно, не очень долго, я исполнялъ нѣкоторыя порученія генерала Вязмитинова и занимался казенными строеніями.

По возвращеніи императора въ Петербургъ, его величество съ удовольствіемъ увидѣть изволилъ хорошій успѣхъ въ строеніяхъ, подъ моимъ распоряженіемъ бывшихъ, и по донесенію Петербургскаго военнаго губернатора объ исправномъ исполненіи дѣлаемыхъ имъ мнѣ порученій, его величеству угодно было, 16 Марта 1806 г., наградить меня орденомъ Св. Анны 1-го класса, при весьма милостивомъ рескриптѣ.

Во время еще служенія моего въ Измайловскомъ полку, я весьма дру-

женъ былъ съ А. Д. Балашовымъ. Онъ выпущенъ былъ изъ камеръ-пажей поручикомъ въ нашъ полкъ, вышелъ въ армію подполковникомъ, а въ царствованіе императора Павла, какъ и всѣ тѣ, которые не подверглись выключкѣ изъ службы, скоро достигъ до генераль-маіорскаго чина. Когда объявлена была война Англии, Балашовъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Ревель. Адмиралъ Нельсонъ пришелъ, съ ввѣренною ему эскадрою, въ Балтійское море, съ тѣмъ чтобъ истребить нашъ флотъ. Императоръ Павелъ тогда скончался; государь Александръ Павловичъ, по возшествіи своемъ на престолъ, послалъ въ Англію Новосильцева, а Балашову поручено было трактовать съ Нельсономъ, бывшимъ уже съ своею эскадрою въ виду Ревеля. Какъ извѣстно, миръ съ Англіею скоро былъ заключенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилось и Ревельское военное губернаторство; Балашову повелѣно было состоять по арміи. Потомъ онъ назначенъ былъ шефомъ Троицкаго пѣхотнаго полка, и я его потерялъ совсѣмъ изъ вида. Въ одно воскресенье, во время спектакля въ Эрмитажѣ, графъ Кочубей говоритъ мнѣ: „Государь поручилъ мнѣ спросить у васъ, не знаете ли вы когонибудь изъ вашихъ сослуживцевъ, котораго бы можно было назначить въ Московскіе оберъ-полицеймейстеры?“ Я ему отвѣчалъ, что въ эту минуту никого не имѣю, но чтобы графъ позволилъ мнѣ подумать. На другой день мы званы были на музыкальный вечеръ къ А. Н. Гончарову, который переселился въ

Петербургъ; сынъ его ⁽²⁾ учился тогда у славнаго Роде играть на скрипкѣ. Каково же было удивленіе мое встрѣтить тамъ А. Д. Балашова! (Балашовъ, по первой женѣ своей, былъ въ родствѣ съ женою Гончарова). Не видавшись столько лѣтъ, мы другъ другу очень обрадовались. Я началъ у него спрашивать, почему онъ во фракѣ, оставилъ службу военную и давно ли въ Петербургѣ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Въ Петербургѣ я только пріѣхалъ и не по своей надобности; я имѣлъ дѣло около Вышняго-Волочка, гдѣ нашелъ одного изъ моихъ пріятелей, который былъ въ затрудненіи доставить сына своего въ Петербургъ, для опредѣленія въ корпусъ; я, какъ человѣкъ свободный, продолжалъ Александръ Дмитріевичъ, и бывъ на половинѣ дороги, вызвался оказать моему пріятелю эту услугу, а вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ повидаться съ моими знакомыми; а что оставилъ службу, то потому, что мени имѣть въ оной болѣе не желаютъ!“ Я возразилъ: „Какъ не желаютъ! Этого, кажется, быть не можетъ?“ Онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ: „Выслушай, что со мною случилось. Я былъ, какъ тебѣ извѣстно, Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ и имѣлъ тамъ весьма важное порученіе, которое, кажется исполнилъ какъ нельзя лучше: вмѣсто награды я лишился мѣста и состоялъ по арміи! Вдругъ получаю приказъ, что Преображенскаго полка полковникъ Запольскій назначается шефомъ перваго по арміи полка, Екатеринославскаго гренадер-

²⁾ Николай Аонасьевичъ, тестъ А. С. Пушкина.

скаго, а я вмѣстѣ съ нимъ получаю Троицкій полкъ, который расположенъ по Кавказской линіи! Я однако поѣхалъ къ полку и, дождавшись 1 Сентября, подалъ въ отставку. После сего желаютъ ли меня имѣть на службѣ, и какъ бы ты на моемъ мѣстѣ поступилъ?“ Я долженъ былъ согласиться, что ему не оставалось ничего другаго дѣлать. „Но, продолжалъ я, неужели ты рѣшишься, въ твои лѣта, никогда болѣе уже не служить? Есть должности, въ которыхъ можно быть полезнымъ отечеству, и кромѣ военной службы.“ — „Я живу съ моею матушкою, съ женою, съ сестрами, отвѣчалъ онъ, и въ кругу моего семейства я чрезвычайно счастливъ.“ — „А если можно соединить и семейную жизнь и службу вмѣстѣ,—не будетъ ли это пріятнѣе?“ Тогда я сообщилъ Балашову о сдѣланномъ мнѣ порученіи. Онъ, подумавъ не много, отвѣчалъ мнѣ: „Хотя и трудно рѣшиться быть разжалованнымъ изъ поповъ въ діаконы, ибо, какъ военный губернаторъ, я имѣлъ въ командѣ у себя полицеймейстера и всю полицію и ни отъ кого не зависилъ, а тутъ я самъ буду подъ командой; но я бы эту должность принялъ, только увѣренъ, что меня не опредѣлятъ.“ Въ слѣдующій день, по утру, я донесъ государю, что, по сдѣланному мнѣ порученію графомъ Кочубеемъ, по волѣ его величества, я осмѣлился бы рекомендовать въ Московскіе оберъ-полицеймейстеры Балашова, но онъ полагаетъ, что имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ его величества; потомъ рассказъ государю все мною слышанное отъ Александра Дмитріевича. Его ве-

личество изволилъ слушать съ большимъ вниманіемъ, наконецъ сказалъ: „Я помню Балашова съ того времени, какъ онъ былъ еще камеръ-пажемъ при бабушкѣ; послѣ я видѣлъ его въ Казани комендантомъ, и зналъ его, когда онъ былъ Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ; это мѣсто, послѣ мира съ Англіею, само собой уничтожилось. Назначеніе же полковника Запольскаго шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка произошло отъ того, что я въ этомъ полку беру большое участіе: ты знаешь, что шефомъ онаго я назначенъ былъ покойною бабушкою (императрица Екатерина не за долго до ея кончины назначила шефами полковъ гренадерскихъ: Екатеринославскаго — великаго князя Александра Павловича и С.-Петербургскаго — великаго князя Константина Павловича). Полкъэтотъ приведенъ былъ въ большое разстройство Палицынымъ; мнѣ надобно было поручить оный такому начальнику, котораго бы я лично зналъ по службѣ и который бы былъ въ состояніи полкъ исправить; Балашовъ, кажется, отъ фронтовой службы нѣсколько отвыкъ, а какъ онъ состоялъ по арміи, то и назначенъ былъ шефомъ перваго вакантнаго полка. Изъ сего ты видишь причины, по коимъ сдѣланъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка Запольскій, а не другой кто. Ты можешь увѣрить Балашова, что я вовсе не хотѣлъ его обидѣть и ничего кромѣ хорошаго противъ него не имѣю; если онъ желаетъ быть Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, то я охотно его въ эту должность опредѣляю. Прикажи ему явиться къ Кочубею.“ Уви-

дѣвшись съ Александромъ Дмитриевичемъ, я ему передалъ разговоръ мой съ государемъ. Это было началомъ послѣдующей его фортуны по службѣ и всѣхъ почестей, имъ въ оной прибрѣтенныхъ. Я долженъ отдать А. Д. Балашову справедливость, что онъ всегда старался болѣе и болѣе оказывать мнѣ знаки своей дружбы и откровенности.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1806 года я весьма сильно зенемогъ и по причинѣ жестокой болѣзни моей, продолжавшейся около года, я не могъ участвовать въ Фридландской компаніи. Государь изволилъ принимать самое милостивое и живѣйшее участіе въ отчаянномъ почти положеніи, въ которомъ я находился, прислать изволилъ лѣчить меня собственнаго своего медика Крейтона, который обязанъ былъ всякій день доносить императору о состояніи моего здоровья. Его величество полагать изволилъ, что эта жестокая болѣзнь моя приключилась отъ простуды, которую я получилъ, ѣздивъ безпрестанно по казеннымъ строеніямъ, въ самую ненастную погоду; тѣмъ болѣе государь желалъ моего выздоровленія. Наконецъ болѣзнь моя кончилась, но осталось сильное расслабленіе въ нервахъ; лечившіе меня медики признали необходимымъ, чтобъ я поѣхалъ къ минеральнымъ водамъ въ чужіе края. Лишь только я послалъ о семъ просьбу государю, какъ его величество соизволилъ на мой отъѣздъ, не отдавая о томъ въ приказъ, дабы я не лишился, во время путешествія, моего трактамента. Мы все это лѣто прожили по Петербургской дорогѣ, на 6-й

верстѣ, на дачѣ, принадлежавшей княгинѣ Дашковой ⁽³⁾.

....Государь изволилъ меня принять весьма милостиво и долго со мной разговаривалъ, входя во всѣ подробности моего лѣченія, пребыванія въ чужихъ краяхъ и семейнаго моего положенія. Въ мое отсутствіе, для окончанія начатыхъ подъ моимъ распоряженіемъ казенныхъ строеній, учреждена была комиссія, которою управлялъ В. А. Пашковъ, бывший тогда членомъ военной комиссіи.

Образъ жизни моей былъ единообразенъ до 1811 года Іюля 7, когда я былъ, по высочайшему приказу, инспекторомъ вновь учреждаемой Внутренней Стражи и помощникомъ, по сей части, военнаго министра, которымъ былъ тогда Барклай де Толли. Государь, прежде назначенія моего, приказалъ мнѣ рассмотреть постановленіе о Внутренней Стражѣ и, съ моими замѣчаніями передать военному министру. Потомъ все это внесено было въ Государственный Совѣтъ и получило высочайшее утвержденіе. Барклай де Толли хотѣлъ, чтобъ я носилъ званіе дежурнаго при немъ генерала по Внутренней Стражѣ; но государь на это не согласился, сказавъ: „Графъ Комаровскій мой генераль-адъютантъ, и я хочу, чтобъ онъ былъ между мною и вами.“

Сначала послѣдняго образованія Государственнаго Совѣта и учрежденія Комитета Министровъ, государь самъ

⁽³⁾ Далѣе гр. Е. Θ. Комаровскій рассказываетъ о своемъ путешествіи въ чужихъ краяхъ, которое было предпринято для возстановленія здоровья, и откуда онъ возвратился въ Петербургъ осенью 1809 г.

предсѣдательствовалъ всегда какъ въ Совѣтѣ, такъ и въ Комитетѣ Министровъ. Когда внесено было въ Совѣтъ положеніе о Внутренней Стражѣ, императоръ приказалъ прочесть оное, и самъ объяснялъ выгоды сего учрежденія, опорочивая прежнее постановленіе о губернскихъ и уѣздныхъ штатныхъ командахъ, тѣмъ что онѣ, будучи составлены изъ воинскихъ нижнихъ чиновъ, подчиняются штатнымъ чиновникамъ, какъ-то губернаторамъ и городничимъ, и что тѣ нижніе чины безпрестанно употребляются на партикулярныя работы, вмѣсто отправленія ихъ служебныхъ обязанностей; что въ команды сіи офицеры опредѣляются Сенатомъ, съ гражданскими чинами; что вообще въ командахъ тѣхъ нижніе чины имѣютъ только званіе солдата; а потому чтобы команды сіи, войдя въ составъ Внутренней Стражи, получили образованіе, соотвѣтствующее ихъ предназначенію, онѣ должны висѣть отъ военнаго министерства. На это Балашевъ, бывший уже министромъ полиціи, просилъ и получилъ позволеніе объяснить свое мнѣніе. Онъ старался доказать, что мѣстное гражданское начальство, лишась способа дѣйствовать по своему усмотрѣнію, часто не пропуская ни мало времени, военною силою, не будетъ въ состояніи отвратить могущіе возникнуть важныя безпорядки и сохранить спокойствіе и тишину между обывателями, столь необходимыя въ благоустроенномъ государствѣ; что, по мнѣнію его, Внутренняя Стража должна быть подъ непосредственнымъ распоряженіемъ мѣстнаго гражданскаго начальства. Это мнѣніе министра

полиціи, какъ извѣстно, не было принято; однакоже прѣвнѣе, по сему предмету, между государемъ и Балашевымъ, какъ говорили, продолжалось довольно долго, и засѣданіе это имѣло что то конституціонное.

Главный же предметъ учрежденія Внутренней Стражи состоялъ въ томъ, чтобы при баталіонахъ оной формируемы были рекруты, чтобъ посредствомъ оной препровождались, въ случаѣ войны, плѣнные; чтобъ конвоированы были рекрутскія партіи съ мѣста набора въ назначенные рекрутскія депо, куда прикомандированы должны быть офицеры Внутренней Стражи. На эту потребность отряжались команды при офицерахъ изъ дѣйствующихъ войскъ; при самыхъ рекрутскихъ наборахъ находились прежде штабъ-офицеры изъ армейскихъ полковъ, которые должны были быть замѣнены штабъ-офицерами изъ Внутренней Стражи. Пересылка арестантовъ всякаго рода прежде возлагаема была на обывателей—повинность самая отяготительная, особенно въ рабочую пору; а сверхъ того, за упуски на пути арестанта, несчастные эти подвергались тюремному заключенію и часто незаслуженному наказанію; также и эта обязанность вошла въ число обязанностей Внутренней Стражи. Эта огромная инспекція сначала раздѣлена была на 8 округовъ (каждымъ командовалъ генераль-маіоръ на правахъ дивизионнаго командира), на бригады и на полубаталіоны, ибо они состояли тогда только изъ трехъ ротъ. Округъ составляли нѣсколько бригадъ, а бригаду два или три полубаталіона. Въ послѣдствіи времени число округъ,

по представленію моему, увеличилось до 11, и прибавлено по одной ротѣ къ каждому полубаталіону, которые переименованы были въ баталіоны. Въ каждомъ губернскомъ городѣ назначено находится одному баталіону и называться именемъ того города; въ каждомъ уѣздномъ городѣ учреждена служащая инвалидная команда. Принято было за правило, чтобъ въ губернскіе баталіоны поступали изъ арміи нижніе чины, опредѣленные на службу изъ самой той губерніи, а въ уѣздные команды изъ тѣхъ самыхъ уѣздовъ. Это соблюдалось, сколько было возможно. Для удобнѣйшаго препровожденія арестантовъ и пересыльныхъ, учреждены, по большимъ трактамъ, этапныя команды. По назначеніи меня инспекторомъ Внутренней Стражи, я часто имѣлъ счастье быть призванъ въ кабинетъ государя. Его величество весьма много занимался сею вновь учрежденною имъ частію. Когда я представилъ императору первый мѣсячный рапортъ о ввѣренной мнѣ сей обширной и по всей Россіи (кромѣ Сибири) разбросанной инспекціи, государь былъ чрезвычайно доволенъ. Какъ инспекторъ Внутренней Стражи, я имѣлъ при себѣ канцелярію, состоящую изъ одного секретаря, двухъ чиновниковъ, оберъ-аудитора и нѣсколькихъ писцовъ. По званію моему, я могъ имѣть четырехъ адъютантовъ, но сначала находились при мнѣ только три: л.-г. Преображенскаго полка баронъ Швахеймъ, Семеновскаго Дохтуровъ и Измайловскаго Храповицкій. Насталъ для Россіи роковой 1812 годъ! Государь, въ Мартъ мѣсяцъ,

отправиться изволилъ въ Вильну, куда приказалъ и мнѣ ѣхать. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ, у императора былъ обѣденный столъ, на которомъ, въ числѣ многихъ военныхъ чиновниковъ, и я находился. Послѣ обѣда, государь подошелъ къ намъ и сказать изволилъ: „Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили, какъ слѣдовало; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнить свою обязанность и что мы не помрачимъ военную славу, нами приобрѣтенную!“

Я взялъ съ собою въ Вильну двухъ моихъ адъютантовъ: Швахейма и Дохтурова и оберъ-аудитора Кулакова, а адъютанта Храповицкаго оставилъ въ Петербургѣ управлять моею канцелярією.

Кому неизвѣстны военныя и политическія событія сей знаменитѣйшей эпохи въ лѣтописяхъ нашей имперіи! Судьбѣ не угодно было, какъ въ послѣдствіи будетъ видно, чтобъ я и въ этой войнѣ дѣятельнымъ образомъ на полѣ брани участвовалъ; свѣдѣнія, которыя о ней имѣю, я почерпнулъ изъ реляцій и изъ другихъ источниковъ, и потому и говорить здѣсь о сей войнѣ я не намѣренъ.

Въ Вильну, противу всякаго чаянія, пріѣхалъ адъютантъ Наполеона графъ Нарбонъ съ собственноручнымъ письмомъ своего государя къ нашему императору; содержаніе письма тогда никому не было извѣстно. Въ Вильнѣ и окрестностяхъ сего города стояла

3-я дивизія, которою командовалъ графъ Коновницынъ; государю угодно было показать пріѣзжему гостю какъ наши войска маневрируютъ; для сего собрана была вся 3-я дивизія, и всѣ движенія производила она превосходно.

Не задолго предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, извѣстный Шведскій уроженецъ генералъ графъ Армфельдъ назначенъ былъ состоять въ свитѣ его величества; онъ находился тоже въ Вильнѣ. Всѣ военные чиновники, бывшіе тогда при государѣ, какъ-то: генералъ и флигель-адъютанты и проч. вознамѣрились дать императору праздникъ. Для сего назначенъ былъ замокъ недалеко отъ Вильны, называвшійся Закретъ; собрали деньги, и распорядителемъ этого праздника избранъ былъ графъ Армфельдъ. Замокъ былъ назначенъ для бала, а для ужина положили выстроить деревянную галлерею, что поручено было лучшему архитектору изъ поляковъ, находившемуся въ Вильнѣ. Наканунъ того дня, въ который назначенъ былъ праздникъ, вся построенная галлерея обрушилась; къ счастью, что въ ней тогда никто не случился, а болѣе, еще, что не тогда, когда она наполнена была гостями! Архитекторъ, строившій сію галлерею, послѣ несчастнаго этого происшествія, безъ вѣсти пропалъ; сказываютъ, что нашли его шляпу на берегу рѣки Вилии, и изъ сего заключили, что онъ бросился въ воду. Праздникъ однако данъ и удостоенъ былъ присутствія императора.

Окрестности Вильны прелестны. Государь всякій день изволилъ ѣздить

верхомъ съ дежурнымъ генераль-адъютантомъ. Мнѣ случилось показывать императору загородный домъ, называемый Верке, принадлежащій одному изъ графовъ Потоцкихъ, гдѣ я былъ прежде съ Балашовымъ. Мѣстоположеніе Верке единственное: на превысокой горѣ, у подошвы которой извиается рѣка Вилія, окруженная зелеными лугами, съ разбросанными по онымъ кустарниками по обоимъ ея берегамъ, представляла видъ очаровательный! Этою прогулкою государь былъ очень доволенъ. (Въ Вильнѣ князь В. С. Трубецкой жилъ вмѣстѣ съ П. В. Кутузовымъ. Виленскій полиціймейстеръ г. Вейсъ служилъ прежде подъ командою Кутузова, въ бытность сего послѣдняго оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ; Вейсъ приглашаетъ однажды къ себѣ на чай Кутузова и Трубецкаго, который, увидѣвъ прекрасную дочь хозяина, влюбился въ нее и потомъ съ нею обвѣнчался).

По принятому тогда плану кампаніи, когда извѣстно сдѣлалось, что Наполеонъ перешелъ черезъ рѣку Нѣманъ, съ многочисленною своею арміею, составленною изъ войскъ почти всѣхъ Европейскихъ націй, приказано было нашимъ корпусамъ, расположеннымъ по Прусской границѣ, отступать къ Дриссѣ. Часть главной квартиры, находившейся въ Вильнѣ, отправлена уже была по тому же направленію. Государь расудилъ послать съ отвѣтомъ къ Наполеону и избрать для сего извоилъ А. Д. Балашова. Поздно ввечеру наканунѣ нашего оттуда отъѣзда, приказываетъ ему явиться къ себѣ, отдавая письмо

и приказываетъ тотчасъ отправиться къ Наполеону. Балашовъ доноситъ императору, что онъ уже обозъ свой съ прочими отправилъ, и что у него нѣтъ ни генеральскаго мундира, ни ленты; государь приказываетъ ему у кого нибудь достать для себя мундиръ и все что ему нужно и чтобъ непремѣнно онъ черезъ часъ выѣхалъ, назначивъ находиться при Балашовѣ полковника М. Θ. Орлова, который былъ тогда причисленъ къ князю П. М. Волконскому. Я жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ. Онъ приходитъ домой, въ отчаяніи, рассказываетъ мнѣ все что съ нимъ случилось, говоря, что александровскою лентою его ссудилъ гр. П. А. Толстой; къ счастію мой обозъ еще не уѣхалъ, и я ему предложилъ мой генеральскій мундиръ. Надобно было оный примѣрять; на-силу мундиръ мой влѣзъ на Балашова, но нечего было дѣлать; онъ рѣшился его взять и обѣщаль во все время сколь можно менѣ ѣсть, чтобъ похудѣть. На другой день государь и вся его величества свита оставили Вильну. Извѣстно, что нашъ аріергардъ, состоявшій изъ однихъ гвардейскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Орлова-Денисова, былъ атакованъ французами въ Виленскихъ улицахъ. Этотъ генераль такъ славно защищался, что не только отретировался въ совершенномъ порядкѣ, но даже ранилъ и взял въ плѣнъ начальника непріятельскаго отряда графа Сегюра; а полковникъ Ефремовъ самъ своею пикою нанесъ почти смертельный ударъ принцу Гогенлоу, бывшему впослѣдствіи, при нашемъ дворѣ, министромъ короля

Виртембергскаго. Главная квартира императора пришла въ мѣстечко Видзы, сдѣлавъ 6 переходовъ; а о Балашовѣ еще слуху не было! Начали уже на счетъ его беспокоиться: не оставилъ ли его Наполеонъ военно-плѣннымъ? Наконецъ, предъ выходомъ изъ сего мѣстечка, посланный отъ государя возвратился и привезъ собственноручное письмо къ его величеству отъ Наполеона. Всѣ обступили Александра Дмитриевича и начали спрашивать, что съ нимъ случилось, во время его отсутствія. Вотъ что онъ рассказывалъ: Оставя Вильну, на другой день, онъ пріѣхалъ на французскіе аванъ-посты; когда трубачъ его протрубилъ три раза и Балашовъ объявилъ, что онъ Россійской арміи генераль, присланный къ императору Наполеону, то непріятельскій офицеръ его остановилъ, а самъ послалъ получить приказанія. Черезъ нѣсколько времени посланный возвратился; Балашову и Орлову завязали глаза и вели ихъ такимъ образомъ до главной квартиры маршала Даву; тутъ имъ развязали глаза, и Балашова одного ввели къ маршалу, которому онъ объявилъ причину своего пріѣзда и просилъ отправить его къ императору французовъ. Давустъ ему отвѣчалъ, что онъ не знаетъ точно, гдѣ находится теперь его величество; но если генераль Балашовъ желаетъ, то онъ пошлетъ письмо отъ Россійскаго императора съ своимъ адъютантомъ къ императору Наполеону; на что Балашовъ возразилъ: что ему отъ государя своего повелѣно отдать письмо лично, и потому онъ никому онаго поручить не можетъ. Маршалъ сказалъ ему,

что онъ тотчасъ пошлетъ извѣстить Наполеона о пріѣздѣ къ нему генерала отъ императора Александра. Посланный не возвращался четыре дни; между тѣмъ Балашовъ видѣлъ, что за всѣми его движеніями примѣчали; онъ наконецъ рѣшился спросить маршала Давуста, не считаетъ ли онъ его своимъ плѣннымъ? въ такомъ случаѣ онъ проситъ его дать ему способъ донести о томъ своему государю, ибо онъ не постигаетъ, какимъ образомъ, когда извѣстно, что императоръ Наполеонъ перешелъ черезъ наши границы, посланный его адъютантъ не привозитъ по сію пору никакого отвѣта! Маршалъ ему отвѣчалъ: „Помилуйте, генераль, не ужели намъ неизвѣстны права военныя и что особа парламентаря, по всѣмъ законамъ, неприкосновенна и даже священна; замедленіе же сіе, продолжалъ маршалъ, происходитъ вѣроятно отъ того, что императоръ объѣзжаетъ многочисленныя корпуса своей арміи, расположенной на большомъ пространствѣ, и адъютантъ мой не успѣлъ его догнать.“ Наконецъ посланный возвратился съ повелѣніемъ къ Давусту: препроводить Русскаго генерала, подъ приличнымъ конвоемъ, въ настоящее мѣстопробываніе императора Наполеона. Каково же было удивленіе Балашова, когда его привезли въ Вильну, въ тотъ дворецъ, гдѣ жилъ государь, и Наполеонъ принялъ его въ той самой комнатѣ, изъ которой, нѣсколько дней тому назадъ, отправлялъ его императоръ Александръ! Это Александръ Дмитриевичъ рассказывалъ всѣмъ любопытнымъ; мнѣ же, какъ мы жили вмѣстѣ, онъ

Русскій Архивъ. 25.

сообщилъ всѣ подробности его пребыванія въ Вильнѣ. Когда его ввели къ Наполеону и онъ подалъ письмо отъ нашего государя, императоръ французовъ, прочитавши оное, сказалъ: „Насъ Англичане поссорили! Я удивляюсь, продолжалъ онъ, что вашъ императоръ находится самъ при войскахъ; что ему тутъ дѣлать? Онъ природный государь, ему должно царствовать, а не воевать! Мое дѣло другое: я солдатъ, и это мое ремесло! Я не могу согласиться на требованія вашего императора: когда я что занялъ, то считаю своимъ. Вамъ мудро защищать вашу границу, столь обширную, съ такимъ малымъ числомъ людей!“ Во все время онъ ходилъ по комнатѣ, потомъ подумавъ немного, прибавилъ: „Увидимъ чѣмъ все это кончится!“ Наполеонъ много еще говорилъ, но это составляло почти всю сущность разговора. Балашовъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу, за которымъ находились кромѣ его: Наполеонъ, Бертъ, Дюрокъ, Бессіеръ и Коленкуръ. За обѣдомъ Наполеонъ обращается къ Балашову и говоритъ: „Вы думаете, генералъ, что эти господа (показывая на Бертъ и Бессіера) что нибудь у меня значуть—ничего не бывало: они только исполнители моихъ приказаній!“ Потомъ продолжалъ: „Вы были, кажется, начальникомъ Московской полиціи?“ и не давъ времени Балашову отвѣчать, спросилъ у Коленкура: „Вы знаете Москву? Большая деревня, гдѣ видно множество церквей!“ и продолжая говорить: „къ чему онъ? Въ теперешнемъ вѣкѣ перестали быть набожными!“ На это Балашовъ

отвѣчалъ: „Я не знаю, ваше величество, набожны ли во Франціи, но въ Испаніи и въ Россіи много еще есть набожныхъ!“ Послѣ обѣда, который продолжался съ небольшимъ полчаса, Коленкуръ подошелъ осторожно къ Балашову и сказалъ: „Зайдите, генералъ, ко мнѣ.“ Александръ Дмитріевичъ это исполнилъ. Коленкуръ много говорилъ о милостяхъ, императоромъ Александромъ ему оказанныхъ во время пребыванія его посломъ въ Петербургъ, и о привязанности его къ нашему государю. Въ разговорахъ своихъ онъ былъ очень откровененъ и даже совѣтовалъ быть твердымъ въ предпріятіяхъ своихъ. Балашовъ сказывалъ, что тогда уже французская кавалерія очень много пострадала: вся дорога усѣяна была палыми лошадьми.

Черезъ нѣсколько переходовъ пришли мы въ знаменитый укрѣпленный лагерь, на правомъ берегу рѣки Десны, генераломъ Фулемъ устроенный. Я поѣхалъ впередъ съ барономъ Толемъ, бывшимъ тогда оберъ-квартирмейстеромъ нашей арміи, чтобъ онъ, какъ мастеръ этого дѣла, показалъ мнѣ укрѣпленіе и объяснилъ мнѣ выгоды и невыгоды его. Баронъ Толь математически доказалъ мнѣ, что если мы дождемся Наполеона въ этомъ лагерѣ, то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, живьемъ возьметъ. Лагерь устроенъ былъ на высокомъ берегу, въ утесъ, а къ рѣкѣ внизу большая отмель. Для отступленія всей арміи находились три моста на рѣкѣ Деснѣ. Еслибъ мы атакованы были во фронтъ лагеря, и въ то самое время непріятель послалъ отрядъ внизу утеса отмелью, который легко могъ бы овла-

дѣтъ хотя первымъ мостомъ, тогда бы никакъ отступленія имѣть мы не могли (Никто такъ не надоѣдалъ генералу Фулю своими дерзкими насмѣшками, на счетъ укрѣпленнаго его лагеря, какъ маркизь Паулуччи. Мы всѣ ходили обѣдать за гофмаршальскій столъ, но бѣдный Фуль пересталъ ходить съ нами, чтобъ не быть предметомъ насмѣшекъ). Къ счастью Наполеонъ видно не зналъ, въ какомъ невыгодномъ положеніи находилась наша армія. Между тѣмъ мы не имѣли никакого свѣдѣнія о непріятелѣ. Корпуса, приходившіе въ соединеніе, не были имъ обезпечиваемы. При нашей арміи, казаковъ, кромѣ гвардейскихъ, почти вовсе не было. Рѣшились командировать генерала Корфа съ регулярною кавалеріею сдѣлать сильное рекогносцированіе, чтобъ открыть непріятели, но онъ возвратился безъ успѣха. Графъ Мишо, служившій тогда полковникомъ въ свитѣ его величества, составилъ записку о бѣдственномъ положеніи нашей арміи и предлагалъ, оставя немедленно лагерь, идти по лѣвому берегу рѣки Десны къ Полоцку. Эта записка, чрезъ князя Волконскаго, представлена была государю. Учрежденъ былъ совѣтъ для разсмотрѣнія мнѣнія графа Мишо. При государѣ находился комитетъ для отправленія государственныхъ дѣлъ, состоявшій изъ графа Аракчеева, Шишкова (государственнаго секретаря) и Балашова. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ гр. Мишо, и отступленіе арміи было рѣшено. Графъ Витгенштейнъ оставленъ былъ съ своимъ корпусомъ для обезпеченія отступленія арміи.

Шишковъ и Балашовъ, съ которыми я жилъ вмѣстѣ, сказывали мнѣ, что рѣшено сдѣлать воззваніе къ Москвѣ и ко всей Россіи, чтобы собрать добровольное ополченіе, что они на-силу могли убѣдить гр. Аракчеева, чтобъ онъ упросилъ государя оставить армію, и самому императору ѣхать въ Москву, гдѣ присутствіе его величества произведетъ большое дѣйствіе въ эту критическую минуту. Когда Шишковъ и Балашовъ представляли гр. Аракчееву, что необходимо государю ѣхать въ Москву, и что это единственное средство спасти отечество, гр. Аракчеевъ возразилъ: „Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?“ Они ему отвѣчали: „Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика!“ Это заставило Аракчеева идти къ государю и упросить его величество на отъѣздъ изъ арміи. Можно сказать, что душа и чувства гр. Аракчеева были совершеннаго царедворца и чужды любви къ отечеству.

Съ нами жилъ также генераль-адъютантъ Винцингероде; онъ просился сдѣлать, съ нѣсколькими гусарами, поиски на непріятели, но никого не открылъ. Императоръ слѣдовалъ съ арміею до Полоцка, но еще изъ лагеря подъ Дриссой посланъ былъ генераль-адъютантъ князь Трубецкой съ воззваніемъ въ Москву.

Государь, на другой день по прибытіи въ Полоцкъ, изволилъ отправиться въ Москву. Въ свитѣ его ве-

личества находились: оберъ-гофмаршалъ гр. Толстой, гр. Аракчеевъ, кн. П. М. Волконскій, А. С. Шишковъ, А. Д. Балашовъ и я. Главную квартиру свою императоръ поручилъ генераль-адъютанту П. В. Кутузову.

Тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ гр. Ѳ. В. Растопчинъ. Государь повелѣлъ ему, чтобъ никакой встрѣчи для его величества дѣлано не было и нарочно пріѣхалъ въ Москву ночью; но отъ послѣдней станицы къ Москвѣ, вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что, отъ бывшихъ у этихъ желающихъ видѣть своего государя фонарей, было свѣтло, почти какъ днемъ. Въ слѣдующій день, по утру, императоръ назначить изволилъ быть молебну въ Успенскомъ соборѣ. Стеченіе народа на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при государѣ генераль-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довести императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гаубтвахты и оттуда уже кое какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное ура заглушало почти колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время. На другой день, приказано было сдѣлать мостки съ перилами отъ Краснаго крыльца до собора. Архіепископъ Августинъ встрѣтилъ государя съ крестомъ и св. водою и про-

изнесъ весьма трогательное и краснорѣчивое слово.

Въ пространныхъ залахъ Слободскаго дворца назначены были собранія для дворянства и купечества. Императоръ самъ поѣхалъ въ Слободской дворецъ. Войдя въ залу, гдѣ собрано было все Московское дворянство, губернскимъ предводителемъ ко его былъ В. Д. Арсеньевъ, государь сказалъ: „Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего сюда пріѣзда. Императоръ французовъ, вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ поработенныхъ имъ народовъ, вторгся въ нашу границу; всѣ средства истощены были, сохраняя однако достоинство имперіи, къ отвращенію бѣдствія; но властолюбивый духъ Наполеона, не знающій предѣловъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ. Настало время для Россіи показать свѣту ея могущество и силу! Я въ полной увѣренности, взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите нга чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ; — сего ожидаетъ отъ васъ отечество ваше и государь!“ Вся зала огласилась словами: „Готовы умереть скорѣе, государь, нежели покориться врагу. Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первый случай, назначаемъ десятаго человѣка со ста душъ крестьянъ нашихъ на службу.“ Всѣ, бывшіе въ залѣ, не могли воздержаться отъ слезъ. Государь самъ былъ чрезмѣрно тронутъ и прибавилъ: „Я многого ожидалъ отъ Московскаго дворянства, но оно превзошло мое ожиданіе.“ (И весь этотъ

разговоръ остался у меня въ совершенной памяти). Потомъ императоръ изволилъ войти въ залу, гдѣ находилось Московское купечество. Государь встрѣченъ былъ радостнымъ восклицаніемъ. Купцы объявили его величеству, что на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству, уже сдѣланы подписки. Императоръ, окруженный толпою народа, который отсюду стремился навстрѣчу его величества, съ безпрестаннымъ крикомъ ура, возвратился въ Кремлевскій дворецъ. Многіе изъ первѣйшихъ Московскихъ чиновниковъ, и мы всѣ, въ этотъ день, приглашены были къ обѣденному столу государя. Императоръ нѣсколько разъ изволилъ повторять, что онъ этаго дня никогда не забудетъ. Послѣ обѣда посланъ былъ орденъ св. Анны 1-го класса Московскому губернскому предводителю В. Д. Арсеньеву. Многіе изъ моихъ знакомыхъ, Московскихъ дворянъ, мнѣ говорили: одни, что отдадутъ всѣхъ своихъ музыкантовъ, другіе актеровъ, третіи дворовыхъ людей, псарей въ ратники, ибо ихъ скорѣе образовать можно для военнаго ремесла нежели крестьянъ.

Начальникомъ Московскаго ополченія избранъ былъ дворянствомъ М. Л. Кутузовъ и въ помощь ему графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ. Въ Москвѣ уже получено было извѣстіе о занятіи Смоленска французами; съ этимъ извѣстіемъ пріѣхалъ великій князь цесаревичъ. Государь вскорѣ послѣ того изволилъ отъѣхать въ Петербургъ. Въ этой столицѣ собирало Петербургское дворянство также ополченіе, и это дворянство подчинило

ратниковъ своихъ также М. Л. Кутузову. Въ этомъ качествѣ онъ пріѣхалъ явиться государю. Это было въ Таврическомъ дворцѣ. Я, увидѣвъ этаго славнаго генерала, подхожу къ нему и говорю: „Стало быть, дворянство обѣихъ столицъ нарекло ваше высокопревосходительство защитникомъ своимъ и отечества!“ Михаилу Ларіоновичу еще не извѣстно было, что Московское дворянство избрало его также начальникомъ своего ополченія. Когда онъ узналъ отъ меня объ этомъ назначеніи, съ полными глазами слезъ сказалъ: „Вотъ лучшая награда для меня, въ моей жизни!“ и благодарилъ меня за это извѣстіе. Хотя Барклай де-Толли и названъ былъ главнокомандующимъ 1-ю западною арміею, онъ не переставалъ быть военнымъ министромъ; въ отсутствіе же его военнымъ министерствомъ управлялъ князь А. И. Горчаковъ. Однажды я былъ дежурнымъ при государѣ, на Каменномъ Острову. Князь Горчаковъ, бывший ко мнѣ всегда чрезвычайно хорошо расположенъ, пріѣзжаетъ съ докладомъ къ императору и говоритъ мнѣ: „Ахъ, любезный другъ, какую я имѣю ужасную комиссію къ государю: я избранъ ходатаемъ отъ всего Комитета гг. министровъ, чтобъ просить его величество перемѣнить главнокомандующаго арміею, и вмѣсто Барклая де-Толли назначить Кутузова. Ты знаешь, какъ государь жалуетъ Барклая, и что это собственный выборъ его величества.“ Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда кн. Горчаковъ выдетъ изъ кабинета императора. Дѣйствительно случай былъ рѣдкій, чтобъ ка-

кое либо мѣсто, хотя составленное впрочемъ изъ первѣйшихъ государственныхъ членовъ, предложило государю нашему, противу воли его, перемѣнить лице, и какое же? главнокомандующаго армію! Тѣмъ болѣе, что императоръ, какъ извѣстно было, не весьма благоволилъ тогда къ генералу Кутузову. Наконецъ я увидѣлъ кн. Горчакова, выходящаго изъ кабинета государя; видно было, что у нихъ былъ продолжительный и жаркій разговоръ, ибо князь имѣлъ лице какъ пламя. Онъ мнѣ сказалъ: „Слава Богу, я успѣлъ. Нельзя не дивиться кротости и милосердію государя; представь себѣ, что я осмѣлился наконецъ сказать его величеству, что вся Россія желаетъ назначенія генерала Кутузова, что въ отечественную войну приличнѣе быть настоящему Русскому главнокомандующимъ.“ Государь приказалъ кн. Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобъ на другой день, по утру, онъ пріѣхалъ къ его величеству. Мое дежурство еще продолжалось, когда генералъ Кутузовъ пріѣхалъ на Каменный Островъ. Я съ нимъ былъ одинъ. „Мнѣ предстоитъ великое и весьма трудное поприще, сказалъ Кутузовъ. Я противъ Наполеона почти не служилъ; онъ все шелъ впередъ, а мы ретировались; можетъ быть, по обстоятельствамъ, нельзя было иначе! Скажите мнѣ, продолжалъ онъ, кто находится въ главной квартирѣ Барклая, изъ чиновниковъ, занимающихъ мѣста по штабу? Я никого не знаю.“ Я ему назвалъ всѣхъ, и когда онъ услышалъ, что оберъ-квартирмейстерскую должность управляетъ баронъ Толь, онъ мнѣ

сказалъ: „Я этому очень радъ, онъ выпущенъ изъ перваго Кадетскаго Корпуса, когда я онымъ командовалъ.“ Послѣ сего позвали его къ государю. Выходя изъ кабинета его величества, генералъ Кутузовъ мнѣ сказалъ: „Дѣло рѣшено,—я назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій; но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ ни полушки на дорогу; я воротился и сказалъ: „*Mon maître, je n'ai pas un sou d'argent pour partir.*“ Государь мнѣ пожаловалъ 10 тысячъ рублей. Простясь со мною, генералъ Кутузовъ уѣхалъ, и мнѣ болѣе съ нимъ не случилось уже видѣться никогда....

Положено было учредить, для скорѣйшаго образованія рекрутъ, пѣхотные и кавалерійскіе резервы. Первые поручены были генералу отъ пѣхоты кн. Лобанову-Ростовскому, а вторые генералу отъ кавалеріи Кологривову. Государь изволилъ призвать меня однажды къ себѣ въ кабинетъ и объясняя всю важность учрежденія этихъ резервовъ и что отъ нихъ зависѣтъ долженъ впредь весь успѣхъ дѣйствующихъ армій, сказалъ мнѣ изволилъ: „Я хочу возложить на тебя весьма важное порученіе; я имѣю донесеніе, что нѣкоторые повѣты Волынской губерніи заняты уже непріятелемъ; ты знаешь какъ расположены къ намъ поляки! Хотя и обнародованъ указъ, чтобъ съ тѣхъ губерній, которыя не даютъ ополченій, взимать рекрутъ, и въ томъ указѣ сказано также, чтобъ помѣщикамъ Подольской и Волынской губерній, вмѣсто рекрутъ, предоставить на волю ставить лошадей; но я не надѣюсь,

чтобъ мѣстнымъ начальствомъ это было исполнено. Тебѣ извѣстно, что эти двѣ губерніи изобилуютъ лошадьми и чтобъ оными не воспользовался непріятель, то я посылаю тебя съ повелѣніемъ собрать съ тѣхъ губерній, вмѣсто рекрутъ, по сдѣланному расчету, до 20 тысячъ лошадей, которыхъ и отправлять въ кавалерійскіе резервы, къ Кологривову; ибо и мы и непріятель болѣе имѣемъ нужды въ лошадяхъ, нежели въ людяхъ. Ты бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, и духъ жителей тебѣ извѣстенъ. У тебя, во Внутренней Стражѣ, вѣроятно много есть штабъ-офицеровъ, служившихъ прежде въ кавалеріи, возьми ихъ къ себѣ, сколько хочешь. Изъ этого ты видишь, что я никого кромѣ тебя не могу употребить въ этомъ государственномъ дѣлѣ, а въ успѣхъ я не сомнѣваюсь. Пойди къ гр. Аракчееву, ты получишь отъ него всѣ нужныя бумаги. Пиши обо всемъ прямо ко мнѣ.“ Это порученіе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, дѣйствительно было весьма важно. Получивъ бумаги отъ гр. Аракчеева послѣ обѣда, на другой день, по утру, я пріѣхалъ къ государю откланяться и получить послѣднія приказанія. Когда я вошелъ въ кабинетъ государя, я нашелъ его величество въ чрезвычайномъ смущеніи. На большомъ столѣ лежала развернутая секретная, маршрутная карта Россіи; императоръ ее разсматривалъ и нѣсколько времени не примѣчалъ, что я былъ въ комнатѣ; увидѣвъ меня, сказать изволилъ: „Здравствуй, что все-ли получилъ?“ Я отвѣчалъ, что я совсѣмъ готовъ къ отъѣзду и пришелъ получить послѣднія

приказанія и спросить, какую дорогою мнѣ ѣхать, ибо на Смоленскъ не возможно, развѣ на Москву? Государь, посмотря на меня и помолчавъ немного, сказать изволилъ: „Ну... конечно, на Москву; впрочемъ поѣзжай какъ Богъ тебя пронесетъ!“ и обнявъ меня, прибавилъ: „Прощай, Богъ съ тобою!“ Съ Каменнаго Острова я поѣхалъ откланяться цесаревичу. У его высочества я нашелъ П. И. Озерова, только что пріѣхавшаго изъ Москвы. Я спрашиваю у него, можно ли поѣхать чрезъ Москву? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Не знаю, когда я выѣхалъ оттуда, Французы уже были на Воробьевыхъ горахъ!“ Я тотчасъ догадался, по смущенному виду государя, что получено было извѣстіе о занятіи Москвы непріателемъ; и точно, въ тотъ самый день, рано по утру, пріѣхалъ курьеръ отъ Кутузова съ этою ужасною новостью; но въ публикѣ она не была еще извѣстна.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 8 Сентября 1812 года, взявъ съ собою аудитора Кулакова, адъютанта моего барона Швахейма и придворнаго берейтора Вольгеборна. Адъютанту моему Дохтурову я позволилъ служить при дядѣ его, генералѣ Дохтуровѣ, а адъютанта Храповицкаго оставилъ управлять дѣлами моей канцеляріи; кн. Горчаковъ позволилъ ему, въ отсутствіе мое, ходить къ себѣ съ докладомъ. Я назначилъ изъ баталіоновъ Внутренней Стражи, для пріема лошадей, полковника Куликовскаго, подполковника Вевера, маіора Фюрстенау и рекомендованнаго мнѣ кн. А. И. Горчаковымъ подполковника Макарова; впоследствии я опредѣлилъ

также для приѣма лошадей маіора Дезюписа, который находился тогда въ отставкѣ и послѣ былъ моимъ адъютантомъ.

Приѣхавъ въ Новгородъ, я нашелъ въ трактирѣ кн. С. Н. Долгорукова, который спрашивалъ у меня объ участи Москвы. Я, видя, что онъ о взятіи ея ничего не знаетъ, не хотѣлъ вдругъ ему открыться; между тѣмъ слышимъ, что у почтоваго двора кто-то остановился съ колокольчикомъ; князь самъ побѣждалъ узнать, не курьеръ ли ѣдетъ изъ арміи? Вскорѣ потомъ возвращается и приводитъ съ собою унтеръ-офицера, ѣдущаго курьеромъ къ государю отъ генераль-адъютанта Винцингероде; мы спрашиваемъ у него: кто въ Москвѣ? Курьеръ отвѣчалъ: два дни были тамъ Французы, а послѣ изъ оной вышли. Князь Долгорукій догадался, что Москва уже въ рукахъ непріятеля, и это извѣстіе ужасно его поразило.

Въ Вышнемъ Волочкѣ я увидался съ П. О. Лабою, бывшимъ тогда генераль-провіантмейстеромъ; я съ нимъ былъ очень друженъ со времени пребыванія моего комендантомъ въ Каменцѣ - Подольскѣ. Лаба имѣлъ порученіе заготовлять провіантъ для Петербурга и другихъ мѣстъ, куда изъ Вышняго Волочка удобнѣе доставить. Я нашелъ его въ большомъ затрудненіи, особенно, когда онъ узналъ, что въ Москвѣ непріятель; ибо если Французы пойдутъ Московскимъ трактомъ въ Петербургъ, то непременно должно провіантъ истребить, а его находилось на нѣсколько милліоновъ рублей; разрѣшенія онъ ни откуда не получалъ, хоть послалъ курьеромъ

и въ Петербургъ и къ главнокомандующему арміею, и я бѣднаго Лабу оставилъ въ этой ужасной неизвѣстности.

Въ Твери тогда былъ губернаторомъ Л. С. Кологривой, съ которымъ я былъ знакомъ прежде; по женѣ своей онъ нѣсколько родня матушкѣ. Кологривой тотчасъ ко мнѣ приѣхалъ и рассказалъ о всемъ, что съ Москвою случилось, что онъ отправилъ все семейство свое въ Ярославль и всѣ дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ, что тамъ находится принцъ Ольденбургскій и великая княгиня, что между Москвою и Тверью расположеннымъ отрядомъ войскъ командуетъ генераль-адъютантъ Винцингероде. Я тотчасъ послалъ курьера къ этому генералу, увѣдомляя его о моемъ приѣздѣ, и что какъ я имѣю важное порученіе отъ государя, то прошу его извѣстить меня, какимъ образомъ я могу продолжать путь мой до мѣста моего назначенія? Винцингероде предложилъ мнѣ приѣхать въ г. Клинь, гдѣ онъ будетъ имѣть со мною свиданіе. По приѣздѣ моемъ въ этотъ городъ я нашелъ тамъ князя С. Г. Волконскаго⁽¹⁾, который, именемъ Винцингероде, просилъ меня одного поѣхать въ деревню Давыдовку, куда генераль, по обстоятельствамъ, долженъ былъ перевезть свою квартиру. Наше свиданіе было весьма трогательно; мы долго обнявшись оплакивали участь Москвы, и всѣ тутъ бывшіе тоже дѣлали. Винцингероде развернулъ карту и показалъ мнѣ тѣ пункты, ко-

(1) Впослѣдствіи Декабриста, умершаго въ 1866 году. П. Б.

торые занимають его форпосты; въ одной Московской, до границы сосѣдственныхъ губерній, они всѣ расположены были на растояніи отъ Москвы не болѣе 30 верстъ; хотя отъ начальниковъ форпостовъ онъ получалъ часто донесенія, но ручаться не могъ однако, чтобъ они пробыли долго въ томъ же положеніи. Я вмѣстѣ съ Винцингероде (у этого генерала было правило: имѣть при себѣ особъ, принадлежащихъ первымъ фамиліямъ, какъ-то князя Волконскаго, Нарышкина, Бенкендорфа и проч., и онъ старался доставлять имъ чины и награды) составилъ для себя маршрутъ до г. Тулы, и съ нимъ растаялъ.

Я поѣхалъ изъ Клина на города: Дмитровъ, Покровъ, Егорьевскъ, Зарайскъ, Коломну, Веневъ и Тулу; такимъ образомъ я сѣдаль три четверти круга Москвы. Выѣзжая изъ Клина ввечеру, я вижу вдали большое зарево, спрашиваю у ямщика, что это значитъ? Онъ со вздохомъ мнѣ отвѣчалъ: „Москва горитъ ужъ пятый день!“ У меня невольно полился слезы изъ глазъ; такъ эта столица-мать для всякаго Русскаго драгоцѣнна! Во все время какъ я объѣзжалъ Москву, я видѣлъ бѣдныхъ жителей, укладывавшихъ свои пожитки на телѣги; я спрашивалъ: „куда же вы хотите ѣхать?“ „А куда глаза глядятъ, баринъ; теперь покуда въ лѣса, а тамъ куда Богъ приведетъ!“—“Когда я просилъ для своихъ экипажей лошадей, даже за двойные прогоны, они мнѣ въ нихъ не отказывали, но говорили: „пожалуйста не загоняй лошадей далеко, баринъ, чтобъ намъ было съ чѣмъ уѣхать!“

Въ г. Покровѣ была квартира начальника Владимірскаго ополченія, которымъ тогда командовалъ князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ; онъ былъ всегда друженъ съ княземъ П. И. Багратиономъ. Князь Голицынъ мнѣ рассказывалъ, съ большимъ прискорбіемъ, какъ привезли, въ его деревню, недалеко отъ г. Покрова, сего изъ славнѣйшихъ героевъ Россійской арміи раненаго. Съ какимъ духомъ, свойственнымъ неустрашимому князю Багратиону, онъ перенесъ отнятіе ноги! Последнія его слова были: „Спаси Господи Россію!“ Богъ внялъ молитвѣ героя. Я весьма любилъ князя Багратиона; онъ имѣлъ отличныя свойства и въ особенности необыкновенную доброту сердца, и тронуть былъ до глубины души извѣстіемъ о его смерти, о которой я прежде не слышалъ. Богъ случайно привелъ меня въ знаменитую въ нашихъ лѣтописяхъ обитель св. Сергія Радонежскаго чудотворца; нынѣшнее лѣто (это писано въ 1830 году) мы были въ этой обители и узнали, что только одна ризница, драгоцѣннѣйшая во всей Россіи, была вывезена изъ Лавры, во время нашествія Французовъ, а что всѣ богатые оклады на иконахъ оставались на своихъ мѣстахъ, и что непріятель не доходилъ только 20-ти верстъ до монастыря.

Въ Тулѣ, бывший тогда губернаторомъ, Богдановъ показывалъ мнѣ конныхъ ратниковъ Тульскаго ополченія: я нашелъ ихъ въ отличномъ устройствѣ. Проѣзжая по Московской дорогѣ, я на всѣхъ ямахъ слышалъ отъ ямщиковъ родъ негодованія, что государь собираетъ со всѣхъ помѣщичьихъ

крестьянъ ратниковъ на службу, а съ нихъ никого не берутъ, что они охотно бы дали изъ двухъ сыновей одного и снарядили бы ихъ молодцами и не пожалѣли бы дать имъ своихъ лучшихъ лошадей. Я счелъ обязанностью донести изъ Тулы государю какъ о Тульскомъ полкѣ конныхъ ратниковъ, такъ и объ изъявленномъ мнѣ желаніи отъ ямщиковъ Московской дороги служить противъ общаго врага Россіи. Вѣроятно вслѣдствіе сего моего допесенія, генераль-адъютантъ Кутузовъ назначенъ былъ, вскорѣ потомъ, сформировать нѣсколько полковъ изъ ямщиковъ, выше мною упомянутыхъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Житомиръ, и объявилъ высочайшее повелѣніе и указъ изъ правительствующаго Сена-та, чтобъ вмѣсто рекрутъ собирать лошадей въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Въ первой былъ губернаторомъ М. И. Комбурлей, во второй же графъ Сенпри. Я требовалъ отъ рекрутскихъ присутствій обѣихъ губерній, чтобъ доставлены были ко мнѣ вѣдомости о числѣ принятыхъ уже рекрутъ и сколько еще ихъ поступить должно. За всякаго рекрута положено было взимать или трехъ кирасирскихъ, или четырехъ драгунскихъ, или пять уланскихъ, или гусарскихъ лошадей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что до моего пріѣзда въ обѣихъ губерніяхъ уже около половины рекрутъ собрано было натурою. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Подольской губерніи оказалась чума; эти мѣста были оцѣплены, а потому ни рекрутъ, ни лошадей собирать съ нихъ было невозможно.

Съ графомъ Сенпри я имѣлъ свиданіе на границѣ его губерніи. Назначенные мною для пріема лошадей чиновники пріѣхали. Чтобы удостовѣриться, сколько есть на лице годныхъ къ фронтовой службѣ лошадей, и подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобы не водили напрасно въ опредѣленные мѣста для пріема лошадей, негодныхъ къ употребленію, я отнесся къ обоимъ губернаторамъ, что отъ меня посланы будутъ во всѣ повѣтны чиновники, прося содѣйствія земской полиціи, которые на мѣстахъ назначать лошадей, могущихъ быть принятыми. Между тѣмъ однако же пріемъ лошадей, на назначенныхъ пунктахъ, восиріялъ свое начало. Я немедленно отнесся къ князю Горчакову, чтобы повелѣно мнѣ было, для провода лошадей, употреблять находящихся на мѣстѣ рекрутъ, которые тамъ поступятъ на службу; иначе это должно бы дѣлаться чрезъ обывателей. Въ Волынской и Подольской губерніяхъ оставались на неперемѣнныхъ квартирахъ запасные эскадроны квартировавшихъ тамъ кавалерійскихъ полковъ. Я представлялъ также, чтобъ я могъ и ихъ употребить для препровожденія партій лошадей; это имѣло ту выгоду, что служащіе въ кавалеріи офицеры и нижніе чины умѣютъ лучше обращаться съ лошадьми и сберечь ихъ въ пути. Оба мои представленія съ похвалою были утверждены.

(Окончаніе будетъ.)

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Письма эти (въ точныхъ спискахъ, обязательно снятыхъ профессоромъ В. С. Порошинымъ) получены въ Русскій Архивъ изъ Парижа, отъ *Николая Ивановича Тургенева*, у котораго хранятся самые подлинники. Приносимъ глубокую нашу благодарность многоуважаемому дѣятелю Русской мысли за вниманіе къ изданію нашему, выраженное присылкою этихъ писемъ, коихъ важность безъ сомнѣнія оцѣнятъ наши читатели. Это новыя и дорогія данныя для біографіи Жуковскаго. Ихъ слѣдуетъ сопоставить съ другими бумагами Жуковскаго, напечатанными въ Русскомъ Архивѣ, а именно. Въ 1863 г. письмо къ П. И. Голубкову (Бѣлевъ, 25 Мая 1809); въ 1864-мъ: письмо къ А. И. Тургеневу, (Муратово, 4 Авг. 1814) (*), три письма къ роднымъ (изъ Спб. и Дерпта 1815 и 1816), письмо А. И. Тургенева о первомъ чтеніи стиховъ Жуковскаго у импер. Маріи Федоровны (Спб. 1 Январ. 1815), Долбинскія стихотворенія біографическаго содержанія, и письмо о кончинѣ Пушкина, въ полномъ видѣ. Въ 1865 г.: письмо къ роднымъ о первомъ свиданіи съ импер. Марією Федоровною (Спб. 11 Іюня) и два письма къ И. В. Попову о хозяйственныхъ дѣлахъ (Спб. 1835). Въ 1866 г.: письмо къ принц. Луизѣ о холерномъ возмущеніи (Петергофъ, 3 іюля 1831); къ А. И. Тургеневу (Муратово, 1814); три письма къ кн. П. А. Вяземскому, въ стихахъ (1814); къ нему же (Эмсъ, 2 іюля 1847); семь писемъ къ И. И. Дмитріеву (Спб. и Дерптъ 1816—1837). Мы увѣрены, что собраніе писемъ Жуковскаго было бы книгою чрезвычайно важною, не только по отношенію къ словесности и педагогич., но и въ смыслѣ историческомъ. Жуковскій есть одно изъ лучшихъ до-

стояній нашей исторической жизни. Какъ разнообразны и плодотворны были сношенія этого человѣка! Чѣмъ ближе знакомишься съ подробностями его біографіи, тѣмъ больше выступаетъ наружу несмѣтная сумма добра, сдѣланнаго имъ въ теченіи слишкомъ полу-вѣка и на пространствахъ отъ Бѣлевской деревни до береговъ Рейна. А. И. Тургеневъ долго былъ ему ревностнымъ сподвижникомъ и пособникомъ. Дружба ихъ началась еще въ прошломъ вѣкѣ, когда они вмѣстѣ учились въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ (Жуковскій былъ годомъ старше Тургенева). Общее горе, кончина Андрея Ивановича Тургенева, о которой такъ поэтически говоритъ Жуковскій въ стихахъ своихъ, еще тѣснѣе ихъ сблизила. Впослѣдствіи Тургеневъ съумѣлъ показать въ Петербургѣ, что за человѣкъ Жуковскій, и много содѣйствовалъ въ его опредѣленіи къ Высочайшему двору. То что печатается здѣсь изъ переписки ихъ, безъ сомнѣнія составляетъ лишь весьма малую часть. Сколько намъ извѣстно, и другія письма тоже сохранились. На письмахъ, которыя здѣсь теперь печатаются, къ сожалѣнію не означено годовъ, но по соображенію обстоятельствъ, первое изъ нихъ должно относиться къ концу 1810 года и писано въ Петербургѣ изъ Бѣлева. Другія писаны туда же въ исходѣ 1816 года и въ началѣ 1817 года, изъ Дерпта. Нѣкоторыя при-мѣчанія принадлежатъ В. С. Порошину.

П. Б.

1.

7 Ноября (1810).

Письмо твое отъ 31 Октября получилъ, мой милый Миллеръ⁽¹⁾; благодарю

(1) Вѣроятно Жуковскій въ шутку называетъ Тургенева именемъ знаменитаго историка Іоанна Миллера, разумѣя дружбу и переписку сего

(*) Ошибкой означено: (Спб. 1815.).

тебя за присылку книгъ, которыхъ еще у меня нѣтъ, и еще разъ повторяю просьбу мою доставить мнѣ всѣ остальные, а чтобы узнать какія онѣ, перечитай всѣ прежнія письма мои, и отложи свою обыкновенную, досадную безпечность, которая одна мѣшаетъ лишь *вз полноту* восхищаться тобою.

Ты спрашиваешь на что мнѣ нуженъ Геренъ и въ какомъ отношеніи? Я уже написалъ къ тебѣ объ этомъ въ моемъ послѣднемъ нѣсколько сердитомъ письмѣ, но написалъ коротко. Теперь напишу по пространнѣе. Но въ предисловіе объясню, для чего не писалъ къ тебѣ такъ долго, и отъ чего могутъ и впередъ случаться нѣкоторые промежутки въ нашей перепискѣ. Причиною этому Миллеръ, или лучше сказать одно изъ его прекраснѣйшихъ правилъ: *Constantiam et Gravitationem werden sie nicht eher erlangen bis alle ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind*. Этому правилу стараюсь послѣдовать со всею точностію трудолюбиваго Нѣмца. Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть часъ и для писемъ. Обыкновенно въ вечеру, наканунѣ почты, пишу письма, и такихъ эпохъ у меня двѣ въ недѣль. Но я долженъ часто писать въ типографію; два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру моего собранія стихотворцевъ, котораго еще ни одинъ томъ не отпечатанъ⁽²⁾; первый готовъ, но еще

послѣдняго съ славнымъ писателемъ Бонстеттенномъ. Тургеневъ находился тогда на службѣ въ Петербургѣ. Онъ съ дѣтства былъ страстнымъ любителемъ отечественной исторіи, и въ началѣ столѣтія въ журналахъ встрѣчаются статьи его по этому предмету.

(2) Собрание Рускихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ, изданное Василемъ Жуковскимъ. М. 1810—11. 8°. 5 частей и 6-я (дополненіе), М. 1815. Это собраніе нынѣ весьма рѣдко. Оно напечатано на плохой бумагѣ и было предпринято по всему вѣроятію съ книгопродавческою цѣлью: Жуковский жилъ тогда исключительно трудомъ литературнымъ.

нѣтъ предисловія (слѣд. ты и не могъ получить его); наконецъ случаются и другія письма. Всѣ эти дѣла положено исправлять у меня въ понедѣльникъ и пятницу, по вечерамъ; отъ чего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; а въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ: въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ не основательно. Прибавь еще къ тому и то, что иногда въ часъ опредѣленный для переписки, въ головѣ моей сидитъ геморой, отъ котораго душа какъ мертвая, а я хочу угощать тебя живою душою; хочу, что бы *рука писала отъ сердца*. Но какъ писать, когда голова въ спорѣ съ сердцемъ!

И такъ, поговоримъ о Геренѣ и братіи. *Entre nous soit dit*, я совершенный невѣжда въ исторіи. Неправда ли, что въ этомъ отношеніи наша переписка нѣсколько далека отъ Миллеровой съ Бонстеттенномъ? Онъ въ двадцать лѣтъ предвидѣлъ политическія перемѣны міра. Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаюсь писать исторію, но приобрѣсть философическій взглядъ на происшествія въ связи. Исторія изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, то есть практическая, слѣдовательно полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣ всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное. Я хочу прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ; но для того, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу и чтобы идея объ исторіи была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себѣ общій планъ всѣхъ произшествій въ связи. Для этого и начинаю Гатгереромъ и Геренномъ. Вотъ моя метода,—нѣсколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая.

Прочитавъ статью въ Гаттерерѣ, имѣя передъ глазами Габлеровы таблицы, откладывая книгу и потомъ составляя нѣсколько картъ (à la Schlötzer fils) того времени, о которомъ читалъ, на картахъ, въ хронологическомъ и вмѣстѣ синхронистическомъ порядкѣ, изображаю главнѣйшія происшествія, — это оставляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, пишу изъ головы общее обзорнѣе произшествій прочитаннаго періода. Такъ составитъ у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробностей знать не буду; но теперь онѣ мнѣ еще и не нужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не написалъ обо всемъ, а избралъ для себя какую нибудь важнѣйшую часть. Эти важнѣйшія части будутъ мнѣ извѣстны подробно, а связь между ими сохранить мое предварительное чтеніе Гаттерера и Герена. Русская исторія однако будетъ другаго рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ. Но и для Русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная Русская исторійка. Не знаешь ли чего нибудь въ этомъ родѣ? Владиміръ будетъ моимъ фаросомъ; но чтобы плыть прямо и безопасно при свѣтѣ этого фароса, надобно научиться искусству мореплаванія. Вотъ-что я теперь и дѣлаю. Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. При-

чина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служить мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхою. Если романическая любовь можетъ спасти душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ какъ царь сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время. Но теперешняя моя дѣятельность, наполнивъ мою душу (или лучше сказать *начиная* наполнять), избавляетъ ее отъ вреднаго постояльца. Если бы онъ ушелъ самъ, *не уступивши* мѣста своего другому, то душа моглабы угаснуть; но теперь она только перемѣнила свое направленіе и, признаться, къ совершенной своей выгодѣ. Эту выгоду я очень чувствую, и ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня *Посланіе о дѣятельности*, о благодѣтельности этого святаго генія, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое щастіе. Не забудь однако, что этотъ геній всегда рука въ руку съ геніемъ дружбы. Пускай же они будутъ моими ангелами-хранителями. Въ эту минуту желалъ бы имѣть тебя передъ собою, чтобы подать тебѣ руку, прижать тебя къ сердцу, не сказать можетъ быть ни слова, но за то все выразить своимъ молчаніемъ. Не подумай однако, чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была *общею* мыслию, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства; она справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и *деуш* тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали⁽³⁾. Объ этомъ

(3) Т. е. отца и мать. Перваго Жуковскій мало зналъ, ибо лишился его лѣтъ 6 отъ роду.

хорошо говорить на словахъ, и я надѣюсь говорить объ этомъ съ тобою въ какомъ нибудь Московскомъ уголку, въ которомъ мы будемъ двое вспоминать о прошедшемъ и располагать будущее, возобновляя душевной объѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ щастіи и нещастіи. Такъ, братъ, и въ нещастіи! Види какъ все рушится, иногда приходитъ мнѣ въ голову мысль, что можетъ быть впереди готовить для насъ судьба что нибудь ужасное. Я часто хотѣлъ писать къ тебѣ объ этомъ. Милый другъ! никогда не теряй изъ головы мысли, что намъ надобно помогать другъ другу переносить бурю; что нещастіе должно соединить насъ, что намъ непремѣнно должно быть вмѣстѣ, когда начнется это испытаніе. Какое оно—не знаю. Но подумай о томъ, что были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то, что происходитъ около насъ, и вообрази возможности. И эти-то возможные времена должны соединить насъ, естли они настанутъ. Для двухъ нещастіе не ужасно; двое могутъ имѣть одну общую непоколебимую твердость, которой каждый изъ нихъ *одинъ* можетъ быть имѣть не способенъ; въ глазахъ и въ рукѣ друга — надежда и сила. Признаюсь тебѣ, иногда мысль о будущемъ приводитъ меня въ уныніе. Что естли предпринятая мною дѣятельность будетъ бесплодна? Но въ этомъ случаѣ надобно забывать будущее невѣрное, а только возмож-

Мать Жуковскаго, женщина прекрасныхъ нравственныхъ качествъ, но не получившая вовсе умственнаго образованія, была плѣнная (принявшая наше вѣроисповѣданіе) Турчанка. Она скончалась лѣтомъ 1811 года. Объ отцѣ своемъ Жуковскій никогда не говаривалъ. Разъ только помянуть, что въ дружеской бесѣдѣ кто то, жалуюсь на своего отца, случайно сказалъ Жуковскому: «тебѣ хорошо, у тебя нѣтъ такого отца!»—Ah! воскликнулъ Жуковскій, мгновенно смутясь и закрывъ лицо руками, «si j'avais un père!»

ное; и я всегда говорю себѣ: *настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный*. Такъ, милый другъ, *опытельность и предметъ ея польза* — вотъ что меня теперь одушевляетъ. Первая же моя недѣятельность происходила, можетъ быть, и отъ мысли, что я *не могу* быть дѣятельнымъ. Теперь начинаю вѣрить противному, ибо я нахожу удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса, воображая, что со временемъ буду читать *Виргилія* и *Тацита*. Теперь главныя занятія мои составляютъ: *Исторія* всеобщая, какъ приготовленіе къ Руской и къ классикамъ, и языки, пока латинской, а черезъ нѣсколько времени и греческой. Въ *Вѣстникѣ* ⁽⁴⁾ буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тѣмъ, чтобы не раззнакомиться съ Музами, буду дѣлать минутныя набѣги на Парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ Храму Славы. Три года будутъ посвящены труду *приготовительному*, необходимому, тяжелому, но улаждаемому высокою мыслию быть прямо тѣмъ, что должно. Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промезутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя надѣяться достигнуть до перваго. И такъ лучше поздно, нежели никогда. Тебѣ, какъ доброму другу моему, надобно желать одного: чтобы обстоятельства, по крайней мѣрѣ въ эти приготовительные годы были благопріятны мнѣ, и не столкнули меня съ дороги. А трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ, часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь,

(4) Т. е. въ *Вѣстникѣ* Европы, который былъ въ 1808 г. издаваемъ Жуковскимъ, но въ это время уже принадлежалъ Каченовскому.

что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ. Вотъ мысль Горація, которая привела меня въ восхищеніе; ибо теперь съ отмѣнною живостію чувствую истину, въ ней заключенную:

Et nī
Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendes animum studiis et rebus honestis,
Invidia vel amore vigil torquere.

Не подумай однако, чтобы я хотѣлъ хвастать знаніемъ своимъ латинскаго языка. Я прочиталъ это въ переводѣ, а для тебя, какъ для латинуса, выписываю въ оригиналъ⁽⁵⁾.

Переписанныхъ моихъ сочиненій нельзя тебѣ скоро имѣть: милая переписчица⁽⁶⁾ улетѣла въ Москву плѣнять все, что ей ни встрѣтится, слѣдовательно и переписывать ей некогда. А переписчика здѣсь нѣтъ. Терпѣніе, милый другъ. Что нибудь подоспѣетъ новое, тогда вдругъ все получишь. Между тѣмъ мое *Посланіе* очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, естли бы не былъ рабомъ моего нѣмецкаго порядка, — и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволить ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобы поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо діаволь, которая вдвое длиннѣе *Людмилы*, и гораздо ея лучше. И этотъ *діаволь* посвященъ будетъ милой переписчицѣ,

которая сама нѣкоторымъ образомъ по своей обольстительности—діаволь.

Но пора кончить. Надобно еще написать письмо къ Блудову, который зоветъ и напрасно, къ сожалѣнію моему, зоветъ меня въ Москву. Я буду въ Москвѣ не прежде какъ въ концѣ Декабря, и то на короткое время, и ты непременно въ ней быть долженъ. Въ противномъ случаѣ, милый мой Миллеръ, мы можемъ опять не увидѣться, а это будетъ для меня очень грустно. Постарайся расположить дѣла свои такъ, чтобы тебѣ непременно пріѣхать въ Москву около новаго года.

Въ заключеніе письма двѣ просьбы: первая, непременно увидѣться съ Сѣверинымъ, и попросить его для меня самымъ усерднымъ образомъ объ отвѣтѣ на мое письмо. Онъ жалуется на мое молчаніе, а самъ пренебрегаетъ отвѣчать мнѣ тогда, когда бы надобно было тотчасъ, безо всякаго замедленія, отвѣчать; ибо я, по прежней моей съ нимъ пріятельской связи, просилъ его объ услугѣ, въ точномъ увѣреніи, что ему пріятно будетъ для меня ее сдѣлать. Его молчаніе для меня непостижимо и признаюсь, нѣсколько обидно. Можно ли такимъ образомъ перемѣняться? Покажи ему эти строки и попроси его, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, что я долженъ подумать о его молчаніи?— Антонскій⁽⁷⁾ совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, и пользоваться случаемъ нашего министра юстиціи⁽⁸⁾! Нѣтъ, я не поѣду; не сдѣлаю той глупости, которую вздумалъ было въ началѣ послѣдняго года сдѣлать!⁽⁹⁾ Все

⁽⁵⁾ Это мѣсто находится у Горація во 2-й его епистола (къ Леллію), стихи 35 и д. книги 1-й. «Если ты до разсвѣта дневнаго, съ возженною свѣчею, не будешь ощущать потребности въ книгѣ; если не будешь упражнять душу умственными и честными трудами, то, въ безсонницѣ, одолѣетъ тебя зависть или любовный жаръ.»

⁽⁶⁾ Одна изъ племянницъ Жуковскаго.

⁽⁷⁾ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, подъ надзоромъ котораго Жуковскій воспитывался въ Универс. Благор. Пансіонѣ и у котораго нѣкоторое время онъ жилъ въ предъидущемъ (1809) году.

⁽⁸⁾ Т. е. И. И. Дмитріева; въ Январѣ 1810 г. онъ принялъ министерство юстиціи.

⁽⁹⁾ Въ началѣ 1809 г. Жуковскій ѣздилъ въ Петербургъ на короткое время.

увѣряетъ меня, что нашъ министръ и для своихъ пріятелей министръ! Онъ не имѣетъ того расположенія въ душѣ, чтобы воспользоваться силою для добра тѣхъ, которыхъ онъ ласкалъ и называлъ *своими* во время оно, и сдѣлать это, избавивъ ихъ отъ жестокаго труда, или лучше сказать отъ мученія выплакивать себѣ выгоду, и предупредивъ ихъ своимъ добрымъ желаніемъ, и принаровивъ свое объ нихъ попеченіе къ ихъ собственнымъ желаніямъ и способностямъ. Онъ не Муравьевъ⁽¹⁰⁾, который два раза, не зная меня совсѣмъ въ лице, присылалъ у меня спрашивать, не можетъ ли онъ мнѣ быть полезенъ, и котораго я не могу вспомнить безъ благодарнаго чувства... Но *basta!*

Зная теперъ, какъ мнѣ время дорого, ты долженъ безъ всякаго отлагательства прислать мнѣ лат. граматикъ и греческую. И ты много одолжилъ бы меня, если бы снабдилъ меня и Эйхгорномъ и *Histoire de la diplomatie*. На книги твои позволяю себѣ имѣть полное право, и ты долженъ снабжать меня всѣми, какія имѣешь. Покупать ихъ не могу, ибо я бѣднякъ, а тебѣ должно быть пріятно помогать мнѣ въ нуждѣ. Только не медли!

2.

Посылаю тебѣ требуемое тобою письмо; не знаю, годится ли. Но скажи мнѣ, нужно ли писать мнѣ это письмо?⁽¹¹⁾ Ты хочешь представить государю книгу мою черезъ министра просвѣщенія: всего бы приличнѣе ему самому и обратить на нее вниманіе государя. А мнѣ какъ подносить ему такую книгу, которая съ годъ какъ

⁽¹⁰⁾ Михаилъ Никитичъ +1807, по представлению котораго и Карамзинъ получилъ возможность посвятить себя Русской исторіи.

⁽¹¹⁾ То есть нижеслѣдующее письмо къ Государю, которое написано было по требованію Тургенева для представленія сочиненій Жуковскаго. Было ли письмо подано, не знаемъ.

напечатана, и напечатана по подпискѣ, и раздана же отъ меня самого многимъ?⁽¹²⁾ Министръ можетъ и имѣетъ право представить ее, какъ новое произведеніе литературы, сказать объ ней свое мнѣніе и проч. А мнѣ съ какой стати писать объ ней? И какъ ни будь написано мое письмо, все оно будетъ какъ будто просьба. Впрочемъ, могу и ошибиться. Вотъ письмо: дѣлай съ нимъ что хочешь. Вели переписать и подпиши мое имя.

Въ началѣ декабря я буду въ Петербургѣ. Приѣду на 1½ мѣсяца; потомъ отправлюсь опять въ Дерптъ, и изъ Дерпта въ Бѣлевъ. Прошу у тебя позволенія привести съ собою одного изъ здѣшнихъ моихъ знакомыхъ, Вейрауха⁽¹³⁾: онъ не стѣснитъ тебя. Онъ будетъ жить въ моей горницѣ; а ты можешь быть ему полезенъ. Это человѣкъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ въ обширномъ значеніи сего слова; слѣдовательно не созданный для сего свѣта, въ которомъ однако надобно ему жить; слѣдовательно со многими странностями, къ которымъ напередъ прошу тебя быть снисходительнымъ. Увѣдомь меня, могу ли его привести съ собою?

Приложеніе къ 2-му письму.

ПРОЕКТЪ ПИСЬМА КЪ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Всемилоствѣннѣйшій государь!

Осмѣливаюсь повергнуть къ свищеннымъ стопамъ вашего императорскаго величества слабые труды свои. Не льщу себя надеждою, что они обратятъ на себя вниманіе ваше, всемилоствѣннѣйшій государь; но смѣю думать, что чувства, изображенныя въ нѣкоторыхъ стихахъ

⁽¹²⁾ Вѣроятно первое собраніе стихотвореній Жуковскаго, вышедшее въ 1815 г. въ бол. 4-ку, съ виньетами.

⁽¹³⁾ Сколько намъ извѣстно, Вейраухъ былъ извѣстный музыкантъ и нѣмецкій стихотворецъ.

моихъ, посвященныхъ славѣ отечества, даютъ мнѣ право желать сего вниманія.

Смѣю думать, всемилостивѣйшій государь, что писатель, уважающій свое званіе, есть такъ же полезный слуга своего отечества, какъ и воинъ, его защищающій, какъ и судья, блюститель закона. Одобреніе государя освящаетъ труды его: быть достойнымъ сей награды есть добродѣтель писателя; стремиться къ сей прекрасной цѣли есть обязанность. Въ священномъ одобреніи государя заключено одобреніе отечества: оно даетъ право на уваженіе современниковъ и потомства.

Всемилолюбивѣйшій государь! Одно изъ стихотвореній своихъ дерзнулъ я украсить вашимъ именемъ. Если удостоите обратить на него вниманіе, то повѣрите, что оно произведено искреннимъ, свободнымъ чувствомъ, а не ласкательствомъ. Стихи:

Все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, оltарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь!

сказаны не поэтомъ, а восхищеннымъ подданнымъ царю добродѣтельному, отъ лица всего народа.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный *Василій Жуковскій*.

3.

21 Октября (1816).

Если хочешь, чтобъ я кончилъ *Пѣвца*, то пришли его мнѣ; у меня нѣтъ списка: пришли скорѣе. Я писалъ къ тебѣ и Вяземскому въ Москву о причинахъ, которыя мѣшали мнѣ кончить эту піесу, по моему мнѣнію слабую. Но... когда Государь *долженъ узнать объ ней* (14), ви-

(14) Письмо это, какъ и предъидущее, если не ошибаемся, слѣдуетъ отнести къ 1816 году, и писано оно изъ Дерпта, гдѣ Жуковскій провелъ большую часть 1815 и 1816 годовъ, живя вмѣстѣ съ сестрою своею Екатериною Аонасьев-

жу, что кончить ее падобно. Не надѣюсь однако на большой успѣхъ. Вспомни, что она писана была *въ одно время съ Послаіемъ* (15), въ уединеніи... Того, что уже написано, я бы теперь написать не могъ; но слава Богу, что оно уже написано, съ искреннимъ, безкорыстнымъ чувствомъ, безъ всякой другой побудительной причины, кромѣ удовольствія писать. Что осталось, то одно *общее*. Мнѣ было бы тяжело думать, что такая піеса написана для какихъ

ною Протасовою и двумя племянницами, изъ которыхъ младшая была за профессоромъ Дерптскаго университета Воейковымъ. Это былъ періодъ жизни Жуковскаго, когда онъ, хотя и удостоенный особеннаго вниманія вдовствующей императрицы, еще не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ зачатій при Высочайшемъ дворѣ. Другъ его Тургеневъ постоянно хлопочетъ въ это время о томъ, чтобы упрочить внѣшнее положеніе Жуковскаго, и благодаря его настойчивымъ стараніямъ черезъ князя А. Н. Голицына, въ исходѣ 1816 года, поднесены Государю сочиненія Жуковскаго, и ему назначена пенсія въ 4000 р. Около этого же времени (14 Янв. 1817 г. въ Дерптѣ) выходитъ за мужъ за профессора Мойера старшая племянница Жуковскаго; онъ получаетъ должность преподавателя Русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ, и съ этой поры начинается придворный періодъ его жизни, продолжающійся съ небольшими перерывами до самаго 1840 года.— *Пѣвецъ*, о которомъ говорится въ началѣ этого письма, есть большое стихотвореніе Жуковскаго: *Пѣвецъ на Кремль. Въ день Рождества Спасителя и воспоминанія о спасеніи Россіи*. У И. Ф. Золотарева подлинная рукопись этихъ стиховъ. На оборотѣ заглавнаго листа Жуковскій обозначилъ: «Стихи сіи написаны въ концѣ 1814. Въ заключеніи нѣкоторыя мысли заимствованы изъ Иоганна Миллера.» *Пѣвецъ* на Кремль былъ изданъ отдѣльно. Спб. въ Мед. тип. 1816, въ 4-ку. Это время было апогеемъ Литературной славы Жуковскаго. Вся Россія твердила наизусть стихи его, а передъ тѣмъ разошлось три изданія «*Пѣвца во ставѣ Русскихъ воиновъ*.» Занятія педагогическія надолго отвлекли Жуковскаго отъ дѣятельности литературной. Будучи доселѣ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, съ этого времени (1818) онъ пишетъ очень рѣдко для печати; но съ 1840 года наступаетъ опять и продолжается непрерывно до кончины обильная словесными трудами работа.

(15) Съ «*Послаіемъ* къ императору Александру», писаннымъ до знакомства съ Парротоу.

Русскій Архивъ. 26

нибудь личныхъ видовъ, и сохрани Богъ мою чистую, посвященную благороднымъ друзьямъ моимъ лиру отъ всякой заразы корысти! Присылай — я кончу!

Я не удивляюсь, что ты не доволенъ письмомъ моимъ ⁽¹⁶⁾. Можетъ быть, что въ немъ много неприличнаго. Но за чѣмъ же ты не объяснился? Надѣюсь, что ты ничего не нашелъ неприличнаго въ томъ чувствѣ, съ какимъ оно написано. Въ этомъ случаѣ заслужить твое неодобрение было бы для меня тяжело, и я бы удивился, когда бы заслужилъ его. Милый другъ! Тотъ свѣтъ, который я самъ для себя составилъ, въ которомъ заключены *est* мои судьи, очень не многолюденъ. Съ ошибками противъ слога, смысла, приличія и тому подобнаго, мнѣ весьма легко показаться въ этомъ маленькомъ свѣтѣ; но со стороны нравственности, хочу быть въ немъ чистъ со всѣхъ сторонъ. Ты, Карамзинъ, Вяземской, Блудовъ (и нѣскольکو милыхъ женщинъ) вотъ мои судьи, противъ которыхъ нѣтъ апелляціи. Безъ мысли о вашемъ одобреніи не можетъ быть счастья.

Мнѣ весело думать, что *ты* обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хорошо, когда бы то, что ты затѣялъ, и о чемъ я не имѣю понятія, совсѣмъ обошлось безъ письма моего. Неужели должно непременно *просить* вниманія? Довольно того, чтобъ его стоить! Вниманіе государя есть святое дѣло. Имѣть на него право могу и я, если буду Русскимъ поэтомъ, и въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія! Этимъ она можетъ быть только для Петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она

будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. И дай Богъ въ теченіе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней значитъ заслуживать одобреніе государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлію есть счастье; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль, — вотъ награда! Прости! Жаль мнѣ очень, что ты не позволяешь мнѣ привезти Вейрауха. Скажи, будетъ ли мѣсто и мнѣ? — Я все забывалъ спросить у тебя: что ты сдѣлалъ для Ковалькова ⁽¹⁷⁾, того молодаго человѣка, о которомъ писалъ Иванъ Володимировичъ къ князю? ⁽¹⁸⁾ И сдѣлалъ ли чтонибудь? Братъ! это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля; надо исполнить во всей силѣ его! Напиши къ Ковалькову. Онъ долженъ быть въ Орлѣ; объ немъ можно узнать отъ Губарева, къ которому адресуй письмо: *Орловской губерніи въ городъ Кромы*. — Прости! Обнимаю тебя! Обними Блудова, Уварова, и Жихарева. Я пишу усердно *Искитленіе* ⁽¹⁹⁾; написано болѣе половины. Пѣса будетъ такъ же велика какъ и 12 Спящихъ Дѣвъ, и кажется хорошо. Между тѣмъ написалъ т. е. перевелъ съ нѣмецкаго пѣсу подъ титуломъ: *Освященной кисели*; не думай, чтобъ этотъ кисель былъ для Арзамаса; нѣтъ, но

(17) Александръ Ивановичъ Ковальковъ (р. 1794) былъ, сколько намъ извѣстно, воспитанникомъ извѣстнаго мартиниста И. В. Лопухина и самъ писалъ мистическія сочиненія, которыя Лопухинъ издавалъ. По дружбѣ своей съ отцомъ Тургенева, Иванъ Владимировичъ зналъ близко и цѣнилъ Жуковскаго. Намъ случилось видѣть подаренный имъ Жуковскому и подписанный экземпляръ его Записокъ. Лопухинъ умеръ 22 Іюня этого (1816) года.

(18) Т. е. къ князю А. Н. Голицыну, покровителю мистиковъ.

(19) Т. е. Вадима, или вторую половину Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ; первая половина названа потомъ Громобоемъ.

(16) Т. е. вышеприведеннымъ письмомъ къ государю.

надѣюсь, что онъ покажется вкуснымъ для Аризмасцевъ, хотъ и не разведенъ на безсмыслищъ. Это переводъ изъ *Гобля*, вѣроятно тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на швабскомъ діалектѣ и для поселинъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ!

А пророс: нельзя ли попросить Алексѣя Николаевича Оленина сдѣлать виньету для *Пльца*. Вотъ мысль: Всевидящее око въ небесахъ; лучи его ударили на землю, и тучи разлетѣлись, и полшара въ сіяніи; въ удаляющихся тучахъ гаснутъ молніи.

Бываешь ли ты у Брея⁽²⁰⁾? Я желалъ бы, чтобъ ты познакомился съ его семьею.

За что ты въ неудовольствіи на Петерсена⁽²¹⁾? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ число Вальтера и Вебера. Его докторство законное, такъ какъ и Тидебеля. И тотъ и другой были экзаменованы какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, если ихъ не отличать отъ прочихъ. Это пятно будетъ не заслуженное. Осуждая виноватыхъ⁽²²⁾, щадите университетъ! Онъ и безъ того упадаетъ, и упа-

⁽²⁰⁾ Графъ Брей, Баварскій посланникъ при нашемъ дворѣ «человѣкъ съ умомъ и здѣшній хлѣбосоль», пишетъ о немъ Карамзинъ къ Дмитріеву (отъ 22 Ноября 1817). Супруга его была, кажется, родомъ изъ Прибалтійскаго края. Графъ Брей (Brey) Остзеецъ, написалъ Исторію Лифляндіи.

⁽²¹⁾ Карлъ Петерсенъ (1775—1823) библіотекаръ Дерптскаго университета, человѣкъ очень любимый въ тамошнемъ обществѣ. Въ Чертковской библіотекѣ (D. II 4) есть рѣдкая книжка: «Karl Petersen's poetischer Nachlass. Manuscript für seine Freunde. Cöln, bei P. Hammer's Erben» безъ года. Этотъ Петерсенъ былъ другомъ Мойсера; но о немъ ли здѣсь говоритъ Жуковскій, мы не знаемъ навѣрное.

⁽²²⁾ Кн. А. Н. Голицынъ, при которомъ служилъ и имѣлъ влияние Тургеневъ, былъ тогда уже въ министромъ народнаго просвѣщенія.

даетъ потому, что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться? Не ужели Россіи должно быть грудю развалинъ, покрытыхъ лаврами, которые засохнутъ?

Ковалькова зовутъ Александръ Ивановичъ.—Оленина попроси о виньетѣ отъ себя, а не отъ меня.

4.

31 Октября (1816).

И я не погибну съ вами! Братъ, что за слово? Съ вами! Обвиняй не себя, а свое положеніе въ томъ чувствѣ, которое побуждаетъ тебя это писать и думать. Не смѣшивай самого себя съ своимъ убойственнымъ, рабскимъ положеніемъ. Ты вѣчно останешься прежнимъ, тѣмъ чѣмъ ты былъ въ святое время нашей ранней молодости. Для меня и для *своихъ* родныхъ друзей ты всегда былъ и будешь ободреніемъ къ лучшему, *мъркою* благородства. Не смотря на наше холодное Петербургское *вънѣшнѣ*, я въ это время только усилилъ въ душѣ своей чувство уваженія къ тебѣ, и *благородство души* всегда тѣсно соединено для меня съ твоимъ воспоминаніемъ. Оно имѣетъ для меня лице твое. Не ссорься съ собою; или если хочешь ссориться, то ссорься не нацолго, чтобы эти ссоры не отымали у тебя душевной бодрости. Не суди о себѣ по чернымъ или что еще хуже по холоднымъ минутамъ душевнаго небытія. Это осенніе дни: они проходятъ! Настоящее существо души твоей — *чистота*. Я говорю по опыту; я часто ссорюсь съ самимъ собою; но слава Богу, и мои осенніе дни проходятъ. И надежда на это *неостойнство* ихъ ободрительна. Карамзинъ тебя любитъ—мудрено ли? Но любовь его есть счастье. И для меня она также нужна какъ счастье. Скажи ему при пер-

вомъ случаѣ (когда будешь съ нимъ обо мнѣ говорить, обнявъ его за меня какъ друга и вѣрнаго товарища во всемъ прекрасномъ), что я, сколько могъ, сдержалъ свое обѣщаніе, что мнѣ будетъ можно спокойно показать на его глаза и пожать отъ всей души ему руку. Время, которое мы провели разное съ послѣдняго нашего разставанія, не оставило на мнѣ пятна. Я бывалъ не доволенъ собою; но поступки и побудительныя ихъ причины были чисты. Теперь все устроилось. Дай Богъ *чистаго* будущаго! Кажется, что оно теперь для меня вѣрнѣе. Писать какъ можно лучше, съ доброю цѣлью, и жить какъ пишешь,—вотъ и все! — Я радъ несказанно тому неудовольствію, которое нашъ Арзамасскій патріархъ⁽²³⁾ имѣлъ съ типографіею: оно разлучило его съ нею и передало его Исторію въ вѣрныя руки. Кавелинъ добрый для него работникъ.

То, что ты пишешь о князѣ⁽²⁴⁾ и Ковальковѣ тронуло меня до глубины сердца, и я готовъ любить этого князя, который такъ помнитъ завѣщаніе умирающаго. Письмо Ив. Влад. къ князю было какъ будто предчувствіемъ. Такая нѣжная заботливость о чужомъ человѣкѣ, такая вѣрность просьбѣ умирающаго для меня чрезвычайно трогательны. Даю тебѣ слово, что всякое воскресенье буду у обѣдни у князя⁽²⁵⁾. Болѣе для него я сдѣлать не могу!

Обними за меня Николая⁽²⁶⁾. Врагъ

⁽²³⁾ Т. е. Карамзинъ, печатавшій тогда свою исторію въ военной и медицинской типографіяхъ; послѣдняя находилась въ вѣдѣніи Д. А. Кавелина, который былъ совоспитанникомъ и нѣкоторое время пріителемъ Жуковскаго.

⁽²⁴⁾ Голицынъ.

⁽²⁵⁾ Домовая церковь кн. А. Н. Голицына, въ казенной квартирѣ его (гдѣ жилъ и Тургеневъ) на Фонтанкѣ противъ Михайловскаго замка, съ мистическими намеками и атрибутами, была очень извѣстна въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ.

⁽²⁶⁾ Николая Ивановича Тургенева, который и былъ избранъ членомъ Арзамаза.

хановъ долженъ быть Арзамасцемъ. Тащи его въ Арзамасъ.

Поблагодари Жихарева за переписку *Швецца* и доставь ему приложенное письмо⁽²⁷⁾. Постараюсь *Швецца* кончить и конецъ сдѣлать получше. Не знаю, удастся ли. Переводы изъ Гебеля пришлю; но съ тѣмъ чтобы не давать печатать. Я не намѣренъ ничего печатать. Третій томъ⁽²⁸⁾ долженъ состоять изъ *новыхъ* піесъ. Но изъ этого выключается *Швецъ II* и продолженіе *12 Спящихъ Дней*, которое весьма уже близко къ концу, и которое должно быть напечатано вмѣстѣ съ первою балладою⁽²⁹⁾ особо, въ видѣ сказки.

Я очень радъ буду, если дѣло обойдется безъ письма моего. На что оно? Надобно получить одобреніе государя, а не выпросить. Это одобреніе можетъ быть прекраснымъ идеаломъ для поэта. Ничѣмъ этого идеала помрачать не должно.

Слово о Петерсенѣ: я не знаю, что называешь ты *s'encapailler!* Ему нужно было докторство. Онъ экзаменовался *какъ должно*, и получилъ дипломъ. Какъ должно, увѣряю тебя, ибо я это очень хорошо знаю. Если нѣкоторыя формы были упущены, то это не его вина; по крайней мѣрѣ онъ не требовалъ этого упущенія. Другой товарищъ его по докторству, Тидебель, человѣкъ извѣстный по своимъ знаніямъ, благороднаго характера и всѣми вообще уважаемый, такъ же точно былъ экзаменованъ, и также точно при его произведеніи въ доктора, безъ его требованія, упущены нѣкоторыя формы, упущены потому что были и въ другихъ случаяхъ упускаемы. Бѣда ихъ въ томъ, что они произведены вмѣстѣ съ Вальтеромъ и Веберомъ. Это обратило и на нихъ

⁽²⁷⁾ Оно прилагается ниже.

⁽²⁸⁾ Т. е. третій, не вышедшій тогда томъ собранія стихотвореній Жуковскаго.

⁽²⁹⁾ Т. е. и Громобой и Вадимъ.

вниманіе, для нихъ оскорбительное. Я слышалъ, что въ совѣтъ университетскомъ положено уничтожить и ихъ дипломы наравнѣ съ Вальтеровымъ, за несоблюденіе формъ. Вообще справедливо, но для нихъ жестокая и несносная несправедливость. За что же стоять имъ на одной доскѣ съ Вальтеромъ? Если виноватъ юридическій факультетъ, то за что имъ страдать невиннымъ образомъ? Такой приговоръ непременно произведетъ ложное мнѣніе, что *и ихъ дипломы купленные!* Сносно ли это? Мнѣ больно за Петерсена и Тидебеля! Это поношеніе не заслуженное! Спрашиваю у тебя, будетъ ли противно справедливости, если вмѣсто того, чтобы уничтожить дипломы, министръ опредѣлитъ имъ только дополнить то, чего не достаетъ въ формѣ, а не уничтожить дипломы по представленію совѣта? Прошу тебя объ этомъ подумать! Прошу также повѣрить, что я все это пишу безъ вѣдома Петерсена и Тидебеля (одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ); ты можешь самъ понять, что въ такое дѣло вмѣшиваться мнѣ неприлично, и что никто не будетъ знать о томъ, что я теперь пишу къ тебѣ. Но если можно спасти честныхъ людей отъ тяжкаго незаслуженнаго поношенія, не нарушая справедливости, то ты это сдѣлать долженъ. Обвиняй профессоровъ (виноватыхъ), называй ихъ какъ хочешь, но чтобы эта анаѣма не падала на всѣхъ безъ изыятія и на весь университетъ. Здѣсь есть прекрасные люди⁽³⁰⁾. И изъ пер-

⁽³⁰⁾ Жуковский могъ отнести къ себѣ извѣстные стихи, что

перлестью живой стпховъ онъ былъ полезенъ
И милость къ падшымъ призывалъ!

Живя въ Дерптѣ, точно также какъ прежде въ Москвѣ. Орлѣ и Бѣлевѣ, какъ потомъ въ царскомъ дворцѣ и въ чужихъ краяхъ, онъ непрестанно дѣлалъ добро, и можно составить длинный списокъ людей, которые были имъ благодѣтельствованы в которые — что гораздо рѣже — въ тоже время горячо его любили.

выхъ для меня, даже по убѣжденію сердца, Парротъ⁽³¹⁾, съ твердымъ умомъ, съ благороднымъ чувствомъ. Назову другаго, Эверса, — не старика Эверса, это святой, — а молодаго, историка, оцарапаннаго обвѣтшальными когтями Шлёцера⁽³²⁾. Это честный и прямодушный человекъ, уважающій свое званіе. О Мойерѣ⁽³³⁾ говорить нечего. Еще есть и другіе. А самъ университетъ долженъ быть для васъ святымъ: за что разрушать его? Отвѣчай, прошу тебя, на это, и возьми къ сердцу честь двухъ честныхъ людей.

Прости; обнимаю тебя братски. Обними Блудова, и будь почаще у Брея.
Жуковский.

(Степану Петровичу Жихареву)

Любезнѣйшій другъ, не стыдно ли тебѣ не отвѣчать мнѣ на письмо мое? Я просилъ тебя уведомить меня, что сдѣлалъ ты и что нужно сдѣлать по просьбѣ Азбукина⁽³⁴⁾ о доставленіи ему дворянской грамоты и герба. Ты на это ни слова. Еще болѣе: я просилъ возвратить бумаги Азбукина, и все ихъ не получаю! Стыдись, Громобой⁽³⁵⁾! Гдѣ бывшая твоя аккурат-

⁽³¹⁾ Тотъ самый, который въ скромной долѣ былъ однако другомъ императора Александра; но послѣ письма своего о Сперанскомъ уже болѣе не имѣлъ съ нимъ ни свиданій, ни письменныхъ сношеній.

⁽³²⁾ Шлецера называлъ Эверса «der Chazaren-Dichter», Повесть или изобрѣтатель Хазаровъ. В. П.

⁽³³⁾ Иванъ Филиповичъ Мойеръ, въ слѣд. году женившійся на племянницѣ Жуковскаго, Марья Андреевнѣ Протасовой, въ то время преподавалъ хирургию въ Дерптскомъ университетѣ; а въ обществѣ славянъ былъ прямою и благородствомъ характера, обширнымъ классическимъ образованіемъ и музыкальнымъ талантомъ.

⁽³⁴⁾ Василій Андреев. Азбукинъ, товарищъ Жуковскаго по Московскому оцолченію, въ Февр. 1815 года женился на племянницѣ его, Ека- теринѣ Петровнѣ Юшковой.

⁽³⁵⁾ Жихарева звали въ Арзамасѣ Громобоемъ.

ность? Ужь и впрямь, не отдашь ли ты дьяволу душу? Присылай ради Бога, бумаги! Я до смерти объ нихъ беспокоюсь! Чужія и важныя! Но будетъ большое для меня огорченіе, еслии какъ нибудь онѣ затеряются. Прошу тебя изъавить меня отъ этого безпокойства.

Да напиши же, что у васъ дѣлается? Ждете ли вы меня, и постарайся узнать, къ которому числу, котораго мѣсяца можно надѣяться, что и буду въ Петербургъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца и люблю по старому. Твой на всегда *Жуковский*.

5.

Любезный Александръ Ивановичъ! Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ! Хвастайте, хвастайте, голубчики! Правда, вы запаслись *Рейномъ* ⁽³⁶⁾, пожива славная! Но, милые друзья! Надобно помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу: Мещевской ⁽³⁷⁾ въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургъ! Еслии вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это страшно и ребичество! Еслии жь отъ холодности къ его судьбѣ, то это... что это? Я не знаю какъ назвать это! На что жь намъ толковать о добрѣ, о общей пользѣ, о хорошихъ возвышающихъ душу стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol? Ни на то, ни на другое не изъбемъ мы права, еслии способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть о жизни, а можетъ быть (что еще важнѣе) о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя ввѣряетъ! Признаться, мнѣ боль-

⁽³⁶⁾ Т. е. приняли въ Арзамасъ поваго члена М. Ѳ. Орлова, подъ именемъ *Рейна*.

⁽³⁷⁾ Кто былъ Мещевскій и какая судьба его, мы не могли доискаться, и просимъ разъясненія кто знаетъ Стихотворенія Мещевскаго попадаются въ тогдашнихъ журналахъ.

но быть хлопотуномъ за Мещевскаго, безсильнымъ его орудіемъ! Своихъ способовъ нѣтъ, а вы не помогаете! Еслии бы у меня были сила въ рукахъ, я бы вамъ не поклонился!—Пошлю письмо Вяземскаго, чтобъ пристыдить васъ и поддѣть вамъ, еслии можно, жару. Онъ не безпечень, когда *надобно* дѣйствовать. Прилагаю и копию съ письма къ нему отъ Герценберга о Мещевскомъ ⁽³⁸⁾.

Объ Асмусь ⁽³⁹⁾ *не забуду!* Покорно благодарю! Я давно это слышу!—Я знаю, что у васъ въ Петербургъ случилось нѣчто для меня весьма интересное, а ты ни слова!

6.

За Воейкова ⁽⁴⁰⁾ благодарю сердечно. Ливень уже сказалъ ему, что получилъ отъ тебя книги. Не оставь же этого дѣла недокопчанымъ. Когда возвратится Ливень ⁽⁴¹⁾ въ Петербургъ, заставь его подать книги министру, а самъ работай и помни: намъ надобень не подарокъ, а крестъ. Еслии крестъ данъ Гнѣдичу за *недокопчанную Плиаду*, то какъ не имѣть его Воейкову за *докопчанныя Суды и Герники*? Ты можешь хлопотать со всѣмъ усердіемъ: ничего кромѣ спрavedливаго отъ тебя не требуется. Не забудь о Асмусь!—Вы читали въ Арзамасѣ мое письмо! Поздравляю васъ! Да что же вы сдѣлали? Какъ не взбѣситесь, подумавъ, что десять человѣкъ, добрыхъ, имѣющихъ чувство и дружбы между собою, не могутъ найти свободной минуты, чтобы

⁽³⁸⁾ Этыхъ приложений мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

⁽³⁹⁾ Асмусь былъ потомъ тоже однимъ изъ профессоровъ Дерптскаго университета.

⁽⁴⁰⁾ Александра Ѳедоровича, который съ самаго 1814 года по кончину (1839) пользовался непрестанными и разнообразными благодѣяніями Жуковскаго.

⁽⁴¹⁾ Въроятно попечитель Дерптскаго учебнаго округа.

подумать о судьбѣ несчастнаго человѣка, ожидающаго отъ нихъ помощи и можетъ быть спасенія? Не стыдно ли вамъ, что я принужденъ писать къ вамъ десять писемъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ, которое вамъ бы и безъ просьбы надобно было сдѣлать, и писать по пустому!

Прости! О себѣ ничего не пишу. *Старое* все миновалось, а новое никуда не годится! Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, я не оживалъ. Душа какъ будто деревянная! Что изъ меня будетъ, не знаю! А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ! Для нея еще нѣтъ у меня души. Пренія вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля.

7.

(Въ началѣ 1817).

Податель этого письма есть Фелиціанъ Фелиціановичъ Заремба, котораго усердно тебѣ рекомендую. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ на службу; — еслии найдешь способъ, помоги ему протѣсниться къ кабинету Фортуны. Онъ прекрасно учился въ Дерптѣ. Я былъ свидѣтелемъ его докторской диспутации, могу увѣрить тебя, что онъ стоитъ своего докторства. Диссертация его писана худымъ Рускимъ языкомъ; но этому причиною то, что онъ учился въ Дерптѣ, и въ нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ болѣе навыка нежели въ Рускомъ. Онъ сначала написалъ свою диссертацию по нѣмецки, потомъ перевелъ ее самъ. Но она можетъ быть свидѣтелемъ его основательныхъ знаній. Я увѣренъ, что онъ будетъ человѣкъ дѣльной и полезной по службѣ. Онъ знакомъ съ Карамзинымъ, которому прошу тебя его представить.

Посылаю поправленную Лербергову

біографію⁽⁴²⁾. Я не могъ сдѣлать изъ нея ничего порядочнаго. Графъ Румянцевъ этого и не требовалъ; я поправилъ однѣ важнѣйшія ошибки. Какова она ни есть, ее прочтутъ, и напрасно ты противъ нея вооружаешься. Оригиналъ прекрасенъ! Авторъ съ чувствомъ выразилъ характеръ великаго человѣка и трогаетъ сердце своимъ изобрѣтеніемъ. Нельзя не полюбить автора: онъ знакомитъ читателя съ прекрасною, твердою, чистою душою! Доказательство, что у него есть подобное въ душѣ.

Къ статѣ объ этомъ авторѣ. Не давно я имѣлъ случай съ нимъ разговориться о его обстоятельствахъ и обстоятельствахъ здѣшняго университета. Знаешь ли, братъ, что можетъ быть черезъ полгода, еслии ничто не будетъ сдѣлано для университета, Парротъ, лучшій его профессоръ, долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свои домишки, и искать учительскаго мѣста, то есть, послѣ ревностныхъ трудовъ, и въ такую эпоху жизни, въ которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала: для куска хлѣба подчинить себя волѣ партикулярнаго человѣка, и за все, что имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностію, съ разрушенными надеждами, и прочими тому подобными конфетами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и признаюсь заставляетъ коситься на мой пенсіонъ: я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодости, безъ

⁽⁴²⁾ Здѣсь разумѣются конечно «Біографическіе извѣстія о А. Х. Лербергѣ», находящіеся въ началѣ книги: «Исслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи А. Х. Лерберга. Изданы на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію императорской С.-Петербургской Академіи наукъ Ф. Кругомъ. Перевелъ Д. Языковъ. Спб. 1819.» 4^о. Книгу эту издавалъ на свой счетъ гр. Н. П. Румянцовъ. Кто писалъ въ подлинникъ и кто переводилъ извѣстія о Лербергѣ, намъ неизвѣстно (не Парротъ ли?); но рука Жуковскаго видна въ прекрасномъ слогѣ перевода.

семьи! И что жъ я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена трудами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею,—чтожъ ему наградою? таже бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно безнадежная! Однимъ словомъ, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте! Поберегите честь государя! Европа заговоритъ языкомъ, для него неприятнымъ и будетъ — права.

Прости! Приложенное письмо отдай Кавелину; а пакетъ Румянцеву отошли поскорѣе.

Арзамасъ обнимаю. Смотрите, хлопотать о Мещевскомъ. Ж.

8.

Здравствуй, милой другъ! Обнимаю тебя отъ всего сердца! Я послалъ на этой почтѣ къ Кавелину рукопись, полученную мною отъ Мещевскаго: поэма *Наталья, Болгарская дочь*; а къ Карамзину письмо его, въ которомъ онъ посвящаетъ ему свою поэму. Мещевской долженъ быть приемышемъ Арзамаса. Я писалъ къ Кавелину и къ Блудову о томъ, что я располагаю сдѣлать съ его поэмою; къ Карамзину послалъ его письмо ко мнѣ, въ коемъ онъ требуетъ помощи. Переговори съ ними объ этомъ дѣлѣ, и придумай что можешь придумать. Между тѣмъ я наложилъ и на тебя и на Николая подать, нужную для напечатанія *Наталли*; ты сдери ее и съ Уварова. Будь дѣятелемъ: дѣло идетъ о сотвореніи поэта и спасеніи человѣка. Да воскреснетъ Арзамасъ!

Я принялся за работу, и шутить не хочу. Радуйся, другъ, ты мнѣ сдѣлалъ добро, и на всю жизнь. Я чувствую новую необходимость дѣятельности, и это побужденіе святое: благодарность къ государю, который далъ мнѣ лучшее благо — независи-

мость⁽⁴³⁾, и имѣть на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно! Я теперь въ службѣ, и долженъ служить по совѣсти! И какое для меня наслажденіе думать, что мое лучшее—*твое*! Недовольно того, что мы съ молододу товарищи на одной дорогѣ, но еще надобно было одному сдѣлаться хранителемъ другаго, а другому на всю жизнь получить драгоценное чувство благодарности къ своему брату! Мы съ тобой теперь неразлучно имѣемъ одно счастье. Я принялся за работу, и часы мои идутъ порядочно. Вокругъ меня все устроено. Свадьба кончена⁽⁴⁴⁾, и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ. Благослови Богъ!

Присылай мнѣ мою картинку. Планъ для баллады готовъ и, кажется, хорошъ. Но объ этомъ ни слова. Надобно сперва кончить *Вадима*.

Бываешь ли ты у Брея? Что тамъ дѣлается, и нѣтъ ли чего мнѣ сказать?

Пришли форму вѣрющаго письма для полученія пенсіона. Я дамъ его Кавелину. Говорятъ, что нельзя иначе получать какъ по третямъ. А я хотѣлъ было въ концѣ года.

Узнай, что стоитъ перстень? № 1137⁽⁴⁵⁾.

Взяты ли деньги у Румянцева? Первая выручка за *Ильца* М. Ивановичу⁽⁴⁶⁾! Прошу къ нему переслать и мнѣ доставить его письмо, дабы я могъ дать отчетъ Румянцеву.

Обнимаю Николая! И сержусь на него! Онъ не хочетъ дать мнѣ покоя, и не справился еще по сію пору о бумагахъ Азбукина⁽⁴⁷⁾! Нельзя ли какъ нибудь его усовѣстить? У меня

⁽⁴³⁾ «Доброй государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсія и перстень съ шифромъ», пишетъ Карамзинъ къ Дмитріеву отъ 31 Дек. 1816 года.

⁽⁴⁴⁾ Т. е. свадьба, Н. Ф. Мойера съ М. А. Протасовой, въ Дерптѣ, 14 Января 1817 года.

⁽⁴⁵⁾ Т. е. пожалованный изъ царскаго кабинета перстень.

⁽⁴⁶⁾ Вѣроятно Мещевскому.

⁽⁴⁷⁾ См. выше, примѣч. 34-е.

кошки на сердцѣ! Да нельзя ли ему прислать мнѣ адресъ чорта-Жихарева?

Приложенное письмо перешли поскорѣе къ Уткину въ Академію Художествъ.

Твой Жуковскій.

9.

24 Февраля (1847).

Наконецъ рѣшился ты написать, лѣнивонецъ; и то писалъ на полетѣ: ни на что не отвѣчаешь, объ чемъ я къ тебѣ писалъ. Бѣда съ вами!

Теперь вѣрно уже ты видѣлся съ Мантейфелемъ и знаешь, чего ему надобно. Прошу тебя ему помочь.

За Эверса обнимаю тебя отъ всего сердца! Какъ бы хотѣлось обнять за Паррота, за Воейкова и за весь университетъ, между прочимъ и за Асмуса. А гротасъ о Воейковѣ! Получилъ ли ты отъ Кавелина списокъ его *Георикъ*, и рѣшился ли что нибудь сдѣлать по моей просьбѣ? Ты не для одного меня долженъ похлопотать о Воейковѣ. Мои причины тебѣ извѣстны; ты съ ними согласенъ, и такъ объ нихъ ни слова. Но Воейковъ, какъ Руской поэтъ, достоинъ всякаго одобренія. Онъ имѣетъ истинное дарованіе, и съ этимъ дарованіемъ соединяетъ трудолюбіе постоянное. До сихъ поръ, его переводъ *Садовъ* есть, безъ всякаго сравненія, лучшая поэма на Рускомъ языкѣ. Переводъ *Виргиліевыхъ Георикъ*, при всѣхъ недостаткахъ, которые можно въ немъ замѣтить, и которые онъ со всеусердіемъ старается изъ него выгнать, есть также важное произведеніе Руской поэзіи; онъ хочетъ *посвятить себя* *Виргилію*. Онъ стоитъ поощренія уже и за одинъ этотъ планъ! Но этотъ планъ отчасти уже исполненъ. Кто жь откажетъ ему въ правѣ на вниманіе государя? Я совѣтую Воейкову представить куратору списокъ своего перевода, съ тѣмъ чтобы онъ доставилъ

онный министру для поднесенія императору! Одобряешь ли это? Или не лучше ли тебѣ передать и ту и другую поэму князю? Отвѣчай на это поскорѣе.

Вы собираетесь сдѣлать сборъ для напечатанія Мещевскаго поэмы: хорошо! Но скоро ли вы соберетесь? Послать эти деньги Мещевскому, а поэму продать, — это скорѣе и менѣе хлопотъ? Правда! Но за то менѣе и денегъ. Я бы думалъ: напечатать 600 экземпляровъ на счетъ Арзамаса, 300 распродать самимъ по 5 рублей экземпляръ; остальные 300 продать рубли по два гуртомъ въ лавку: вышло бы 2000 рублей съ лишнимъ. Впрочемъ, сдѣлайте какъ сами разсудите, только сдѣлайте, и поскорѣе. Въ Сибири терпѣніе тяжелѣе чѣмъ въ Москвѣ, и въ Дерптѣ, и въ Петербургѣ.

Не забудь же объ Асмусѣ. Поповъ⁽⁴⁸⁾ скорѣе сдѣлаетъ для тебя чѣмъ Мартыновъ⁽⁴⁹⁾. Асмусъ былъ учителемъ въ уѣздной Дерптской школѣ. Онъ взялъ отставку; но урочное время выслужилъ. Ему слѣдуетъ чинъ губернскаго секретаря; не получить его при отставкѣ обидно; а такихъ людей, каковъ Асмусъ, надобно не обижать, а золотить. У него теперь воспитывается въ собственной школѣ около 50 мальчиковъ: всѣ они вѣрно выйдутъ изъ нея съ прекрасно образованнымъ сердцемъ. Слѣдовательно, Асмусъ можетъ быть и титулярнымъ совѣтникомъ.

Ты очень одолжишь меня, если постараешься мнѣ отыскать и прислать поскорѣе *Weltgeschichte von Carl von Rotteck*. Одожди, другъ!

Обнимаю тебя и коллежскаго совѣтника Николая Ивановича Тургенева.

Пришли мнѣ и Рускую статистику Вихмана.

⁽⁴⁸⁾ Василій Михайловичъ, директоръ департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

⁽⁴⁹⁾ Извѣстный Иванъ Ивановичъ, предшественникъ Полова.

10. (30)

Посылаю тебѣ чудака, поэта, бродягу, ребенка, старика. Не осердись на меня за то, что обременяю тебя ненужными тебѣ знакомствами. Податель этаго письма не будетъ тебѣ въ тягость; онъ бродитъ по свѣту, и описываетъ въ стихахъ свои похождения; у него никогда нѣтъ гроша: вся его гардероба (два сертука, два жилета и вѣроятно двое штановъ, съ большою трубкою въ карманѣ) всегда на немъ; *всѣ* его сочиненія всегда у него за пазухою; тѣ, которыя не могутъ уложиться, сожигаются. Онъ идетъ въ Петербургъ, для того, чтобъ сказать себѣ: „Я былъ въ Петербургѣ!“ Но денегъ у него нѣтъ, и онъ объ этомъ не заботится. Онъ хочетъ въ нынѣшнемъ году выдать *по подпискѣ* свои пѣсни; подписная цѣна 1 рубль серебромъ. Постарайся собрать ему нѣсколько подписчиковъ, чтобъ было что ѣсть въ Петербургѣ. Важная цѣль его путешествія въ Петербургъ есть: видѣть праздникъ Свѣтлага Воскресенія и описать его въ стихахъ. Вѣрно и для тебя строфа будетъ. Вообще въ его стихахъ много хорошаго, хотя и много беспорядочнаго. Самъ же онъ необыкновенное явленіе въ свѣтѣ. Въ немъ есть что-то младенческое. До сихъ поръ еще не начиналъ онъ думать о завтрашнемъ днѣ. Въ 15 лѣтъ исходилъ онъ около 20000 верстъ пѣшкомъ. Въ Петербургѣ пробудеть двѣ недѣли; отъ туда въ Ревель; изъ Ревеля въ Бременъ; гдѣ онъ остановится, я не знаю. Но если въ Петербургѣ случится ему въ чемъ нибудь нужда, помоги ему. Твой *Жуковский*.

(30) На этомъ письмѣ рукою А. И. Тургенева написано карандашомъ: „Белендорфъ“,—должно быть имя поэта-чудака. В. П.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ И. И. КОЗЛОВУ.

Письма эти суть отрывочныя и случайныя свидѣтельства той тѣсной дружеской связи, которая соединяла Жуковского съ поэтомъ-слѣпцомъ Иваномъ Ивановичемъ Козловымъ (1784 — 1840). Извѣстна судьба сего послѣдняго. По рожденію и воспитанію принадлежа къ высшему обществу, онъ долго оживлялъ лучшіе Московскіе кружки своею природною веселостію, и не было ни одного сколько нибудь замѣтнаго собранія въ средѣ беззаботной Московской знати, на которомъ бы не отличался Козловъ, и въ особенности въ танцахъ. Съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду постигнуть онъ былъ тяжкою болѣзнію: у него отнялись ноги, и вслѣдъ за тѣмъ потухло зрѣніе. Недавній весельчакъ очутился въ беспомощномъ состояніи. Но, видно, глубока была душа его. Живая, дѣтски-искренняя веселость часто бываетъ выраженіемъ этой душевной глубины. Прикованный къ постели, слѣпецъ-Козловъ обнаружилъ въ себѣ высокій даръ истинно-привлекательной поэзіи.

Пѣвецъ! Когда передъ тобою
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній,
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

Такъ привѣтствовалъ его Пушкинъ, прочитавъ его поэму „Чернецъ“. — Жуковский, знакомый съ Козловымъ еще по Московской жизни, сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ въ Петербургѣ, „неизмѣнною опорю всей его семьи. Никто, во всѣ 20 лѣтъ страдальческаго существованія Козлова, такъ часто не являлся у его постели, какъ Жуковский. Его веселія и задушевныя бесѣды бывали лучшимъ утѣшеніемъ несчастному поэту, и въ послѣдніе его часы все тотъ же дружескій голосъ Жуковского читалъ

отходныя молитвы умирающему другу и напутствовалъ его душу въ торжественный переходъ отъ жизни къ вѣчности⁴. Но кончивъ его, въ 1840 г. въ Сѣв. Пчелѣ (№ 37) появилась о немъ и его сочиненіяхъ прекрасная статья Жуковскаго.

За дозволеніе напечатать эти письма мы обязаны дочери поэта, Александрѣ Ивановнѣ Козловой. *И. Б.*

1.

Милый другъ, Саша жива и даже не больна; вотъ все, что могу тебѣ сказать. Мы вмѣстѣ—это не утѣшеніе, но облегченіе. На счетъ ея здоровья будь спокоенъ: слезы лучше всякаго рецепта. Но послѣднее сокровище ея жизни пропало. Этому ничто не пособитъ. Мы ни о чемъ не говоримъ, ни о чемъ не думаемъ, мы вмѣстѣ плачемъ, и все тутъ. Напиши къ ней, а я дней черезъ десять буду у васъ. *Жуковский.*

Письмо это относится къ Марту или Апрѣлю 1823 года. 9 Марта 1823 г. скончалась въ Дерптѣ Марья Андреевна Мойеръ, племянница Жуковскаго. Саша, о которой говорится здѣсь и въ другихъ письмахъ, есть сестра Марьи Андр. Мойеръ, Александра Андреевна Ноейкова, съ которою Козловы были очень дружны. Обѣ сестры были для Жуковскаго самыми дорогими существами. Жуковский возвратился изъ Дерпта „блѣденъ какъ мертвецъ“, по отзыву одного современника.

2.

Ты, я думаю, дивишься, а (чего добраго?) можетъ быть и сердишься, что я на твои письма тебѣ не отвѣчаю.—Первое изъ нихъ, въ коемъ ты звалъ меня къ себѣ на именины, получилъ я уже въ Царскомъ Селѣ; а второе вчера у Карамзиныхъ по возвращеніи изъ Царскаго Села. Ты же, Богъ знаетъ почему, все мечталъ, что я могъ быть въ Петербургѣ въ то время, когда Великій Князь въ Царскомъ; и

все стрѣлялъ въ Шенелевской дворецъ, надѣясь попасть въ меня эпистолярнымъ ядромъ своимъ.

Вчера я не успѣлъ къ тебѣ вернуться. На сихъ дняхъ увидимся. Теперь въ теченіи 15 дней буду кочевать между Елагинымъ островомъ и Шенелевскимъ дворцемъ, въ коемъ квартирую до отъѣзда въ Петергофъ. *Жуковский.*

3.

Писать некогда, спѣшу къ Своему Ученику. Вотъ альбомъ княгини: я написалъ въ него Ночь и Рыбака съ музыкою и вклеилъ всѣ свои гравюры.

До середины мнѣ никакъ нельзя будетъ съ тобой увидѣться.

Богъ проститъ. И я также исповѣдаюсь нынче, и завтра причащаюсь. Прошу также прощенія. А въ Свѣтлое воскресенье я пью у тебя чай, и въ этотъ день праздную твое рожденіе. Прости. *Жуковский.*

4.

Не сердись на меня, душа моя, что такъ давно у тебя не былъ. Я все это время не выходилъ со двора. Съѣлъ грибъ! да и болѣзнь старая ѣстъ меня и теперь еще не выхожу. Какъ скоро освобождусь, буду къ тебѣ. Пришли сына, я переговорю съ нимъ; только не по утру, а ввечеру послѣ семи часовъ, нынче. *Жуковский.*

5.

Мой милый Иванъ Ивановичъ, такъ давно я у тебя не былъ, что изъ рукъ опъ, и больно, и досадно; по крайней мѣрѣ въ это все время я о тебѣ думалъ. Объ этомъ переговоримъ при свиданьи. Какова Софья Андреевна? ⁽¹⁾ И она видно грибъ скушала. Мы всѣ были на грибомъ, сколько насъ ни есть. Нынче или завтра найду къ тебѣ, а въ новый годъ во всякомъ случаѣ у тебя буду. Обнимаю дружески. *Жуковский.*

(1) Супруга Козлова, урожд. Давыдова.

6.

Душа моя Иванычъ, я тебя не забылъ, иначе себя бы забылъ. А была причина и глупая причина, отъ которой у тебя я не былъ; не сердись, душа моя. Завтра это тебѣ разтолкую и безъ твоей просьбы явлюсь къ тебѣ на чай ввечеру. Буду около девяти часовъ, чтобъ тебѣ самому прочитать Камюэнса. Обнимаю отъ всего сердца.

Жуковский.

Я давеча отъ сборовъ совсѣмъ забылъ поздравить тебя съ новорожденнымъ и твоего новорожденного; поздравляю васъ обоихъ; новорожденному посылаю на зубокъ разныхъ книгъ изъ своей библиотекы. Прошу ихъ ему передать и обнять его за меня. *Жуковский.*

7.

Любезнѣйшій другъ, посылаю тебѣ письмо отъ княж. Суворовой⁽²⁾, съ посылкою. Увѣдомъ, каковъ ты. Я хотѣлъ быть 21-го въ Петербургъ; но теперь долженъ отложить. Надобно кой что приготовить для уроковъ Принцессы Шарлоты, которую императрица мнѣ поручила⁽³⁾. Изготовленное надо будетъ напечатать; тогда къ вамъ приѣду дни на три. Обнимаю тебя. Скажи мое почтенье Софѣ Андреевнѣ. Поздравляю ее и тебя съ днемъ ея ангела.

8.

Посылаю тебѣ на зубокъ Валтеръ-Скотовъ романъ. Это будетъ началомъ твоей библиотекы романовъ. Надпись ошибкою сдѣлалъ на второмъ, а не на первомъ томѣ: все равно. До свиданья въ 8 часовъ ввечеру. Очень буду радъ прочитать графинѣ Лаваль мои новыя стихотворныя бредни. *Жуковский.*

(2) Вѣроятно, кн. Марья Аркадіевна, позднѣе супруга кн. Мих. Мих. Голицына, а во второмъ бракѣ Остолопова.

(3) Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня Елена Павловна. Записка эта должна относиться къ 1823 году.

9.

Милый, обнимаю тебя; жду съ нетерпѣньемъ Чернеца. Писать некогда. Стихи Пушкина несравненные; я желалъ бы, чтобъ онъ думалъ обо мнѣ, ибо они душевно меня тронули, не самолюбіе, а сердце: такъ и повѣяло на меня поэзіей. Завтра постараюсь быть у тебя ввечеру и принести Шильонскаго Узника, и поговоримъ о Али-Пашѣ и о Иорданской красавицѣ.— Но прости⁽⁴⁾. Твой *Жуковский.*

10.

Бредишь ты, Иванычъ, будто сердце мое тебя забыло. А что не былъ я у тебя давно, это правда. И это правда, что однажды пошелъ къ тебѣ, да не дошелъ; не отъ того, чтобы раздумалъ, а отъ того, что остановили меня у Вьельгерскаго. Нынче постараюсь придти къ тебѣ, если не будетъ поздно. Будетъ унасъ Вейнахтбаумъ⁽⁵⁾. Благодарствуй, милый, за стихи и прозу. На сихъ дняхъ опять буду у тебя чайничать. *Жуковский.*

Молитва твоя удивительно хороша.

11.

Здоровъ ли ты, милый Чернецъ? Мы всѣ, слава Богу, здоровы. Я живу въ Царскомъ Селѣ, въ сосѣдствѣ съ Сашей, которая всякой вечеръ вмѣстѣ со мною гуляетъ. Время идетъ порядочно, благодаря занятіямъ. Жаль только одного: некогда сходить на

(4) Жуковский говорить здѣсь вѣроятно о посланіи Пушкина къ Козлову (изд. Исакова I, 324), исполненномъ глубокой задушевности:

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенно далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Не даромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ не даромъ жизнь и лѣта
Мнѣ быти вѣрены судьбой!

Пушкинъ жилъ тогда въ ссылкѣ и приказывалъ брату своему въ Петербургѣ читать слѣдующему поэту Овѣгяна.

(5) Т. есть Рождественская елка, во дворцѣ.

поклонъ къ Музѣ. Это твое дѣло. Обдумай на всякой случай сюжетъ моихъ двухъ Монаховъ. А мнѣ непременно пришли два экземпляра своего Чернеца; одинъ надпиши Варваръ Павловнѣ Ушаковой, а другой Марьѣ Пав. Ушаковой; я имѣю это общалъ. Вотъ тебѣ 100 рублей денегъ на мелкіе расходы моего Жуковского⁽⁶⁾; прошу отдать ихъ отъ меня Софѣ Андреевнѣ, которой сердечно кланяюсь и поручаю моего недоросля. Держи его въ рукахъ. Спрашивай, что онъ дѣлаетъ, и чтобъ онъ читалъ и писалъ тебѣ все, что прикажешь. Разъ въ недѣлю можно его пускать въ театръ. Прилагаю два письма: одно къ барону Дельвигу, которое отдай немедленно, другое къ Сапожникову, которое перешли съ Жуковскимъ. Прости. Обнимаю тебя. *Жуковский.*

12.

Эмс. $\frac{3}{13}$ *Юня (1826.)*

Здравствуй изъ Эмса, мой милый Иванъ Ивановичъ. Хочу непременно тебя увѣдомить о себѣ, ибо знаю, что это будетъ тебѣ весьма пріятно.— Вотъ уже три недѣли какъ я въ Эмсѣ. Вы должны уже имѣть обо мнѣ извѣстіе. Я писалъ уже три раза. Надѣюсь, что письма мои дошли до васъ, хотя начинаю опасаться противнаго, ибо я во все это время получилъ только одно письмо, отъ Перовскаго⁽⁷⁾. Благодаря ему, я успокоенъ на счетъ Саши и на счетъ Карамзиныхъ. Но мнѣ очень горько быть совершенно безъ извѣстій подробныхъ. Скажу тебѣ въ кратцѣ о моихъ обстоятельствахъ; много писать некогда: я написалъ болѣе десяти писемъ. Мое морское и

⁽⁶⁾ П. В. Жуковский, родственникъ того Андрея Григорьевича Жуковского, который былъ вѣстнымъ отцемъ нашему поэту и далъ ему имя.

⁽⁷⁾ (гр.) Василія Алексѣевича, съ которымъ Жуковский былъ весьма друженъ.

потомъ земное путешествіе до Эмса совершились благополучно. Въ Эмсѣ тотчасъ по прибытіи я принялся за лѣченіе. Пью воды, по четыре стакана въ день, и каждый день хожу въ ванну; чувствую большое внутреннее облегченіе, голова свѣтла, и сонъ и аппетитъ въ порядкѣ, словомъ все хорошо, кромѣ остатка слабости, единственнаго признака моей проходящей болѣзни. Надѣюсь, что и этому поможетъ Эгра, куда поѣду въ началѣ Августа. Если случай не повредитъ, то надѣюсь къ вамъ возвратиться здоровымъ. А возвращусь въ первыхъ числахъ Октября. Вотъ тебѣ моя біографія. Въ Эмсѣ довольно скучно; но жизнь идетъ однообразно что мнѣ не непріятно. Здѣсь между прочими Русскими княгиня Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствіемъ ея милое пѣніе. Она чрезвычайно поправилась; но ей запрещено возвращаться въ Россію, и мы ея долго не увидимъ. Нашъ климатъ ей не по натурѣ. Она тебя помнитъ и любитъ и всегда говоритъ о тебѣ, да и собирается сама къ тебѣ писать. Вотъ все, что для тебя интересно. Мнѣ пора кончить. Поцѣлуй дѣтей и скажи мой поклонъ Софѣ Андреевнѣ. Обними Плетнева и Гнѣдича и дай имъ обо мнѣ извѣстіе. Между тѣмъ пиши Долгорукую, чтобъ я нашелъ ее почти готовую вступить въ свѣтъ и принести славу отцу своему. Прости, милый, обнимаю тебя. *Жуковский.*

13.

Мой милый другъ, сердечно благодарю тебя за твое безцѣнное письмо. Ты утѣшилъ имъ сиротствующую мою душу. Во все время моего пребыванія въ Эмсѣ я имѣлъ только одно письмо, отъ друга Перовскаго. Онъ увѣдомилъ меня о Сашѣ и успокоилъ на счетъ ея. Всѣ прочіе какъ будто забыли, что я на свѣтѣ. А я, при всей лѣни моей, писалъ нѣсколько разъ. Ты вѣрно уже получилъ письмо мое.

Теперь пишу къ тебѣ одному. Снова благодарю за всѣ извѣстія, которыя ты мнѣ сообщаешь. Благодаря тебѣ, знаю отчасти, что у васъ дѣлается. Вотъ тебѣ нѣсколько подробностей обо мнѣ. Я кончилъ свой курсъ въ Эмсѣ и чувствую, что воды, особенно ванны и души мнѣ помогли, но дѣйствіе ихъ, какъ говорятъ, будетъ гораздо ощутительнѣе послѣ; надобно только быть осторожнымъ, держаться строго предписанной діеты и вести порядочную и однообразную жизнь. Покориться этому правилу не трудно. Возвратясь въ Петербургъ, буду жить затворникомъ. Пугаетъ меня нашъ благословенный климатъ. Чтобы Эмскія воды произвели все дѣйствіе, надлежало бы взять два курса и въ промежуткѣ провести зиму въ тепломъ климатѣ: тогда излеченіе было бы совершенное; но какъ это согласить съ моими обстоятельствами, съ моею должностію, которая теперь для меня всего важнѣе?

Надѣюсь, что мнѣ не нужно будетъ на слѣдующій годъ сюда возвращаться. Впрочемъ еще посмотрю, что сдѣлается для меня Эгра. Посоветуюсь съ Крейсигомъ, и его совѣтъ будетъ для меня рѣшительнѣе. Завтра уѣзжаю изъ Эмса и потихоньку, берегомъ Рейна, поѣду въ Эгру, гдѣ надѣюсь быть дней черезъ десять. Въ Эгрѣ пробуду недѣли двѣ, не болѣе. Оттуда поѣду въ Дрезденъ, гдѣ пробуду съ недѣлю съ Тургеневыми. Мнѣ кажется, что извѣстія, къ вамъ дошедшія о Сергѣѣ⁽⁸⁾, были весьма увеличены: я получилъ здѣсь отъ него нѣсколько писемъ, и онъ не слишкомъ жалуется о состояніи своего здоровья; даже и нравственное его состояніе въ порядкѣ: онъ пишетъ ко мнѣ съ благоразумной твердостью. Мысль ихъ⁽⁹⁾ увидитъ вмѣстѣ весьма утѣшаетъ меня.

⁽⁸⁾ Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ, который рано скончался.

⁽⁹⁾ Т. е. его и брата его Александра Ивановича.

Вотъ все что могу сказать тебѣ о себѣ. Черезъ два мѣсяца мы увидимся. Дай Богъ, чтобы я нашелъ васъ всѣхъ здоровыми. Ты получишь это письмо отъ Саши; но къ ней самъ я не пишу въ наказаніе за ея непонятное молчаніе.

Сообщи ей это письмо. Изъ него она узнаетъ все, что ей обо мнѣ знать нужно. Прилагаю письмо отъ кн. Голицыной, которая пробудетъ въ Эмсѣ еще нѣсколько дней. Ея здоровье весьма поправилось. Она очень любезна и добра. Я бывалъ и довольно часто у нея и всякой разъ плѣнялся ея милымъ пѣніемъ. Главнымъ моимъ здѣсь утѣшеніемъ былъ графъ Каподистрія, который прожилъ недѣли четыре въ Эмсѣ. Я еще надѣюсь увидѣть его въ Франкфуртѣ, гдѣ буду дни черезъ четыре. Теперь здѣсь великая кн. Марія Павловна. Можешь вообразить, съ какимъ чувствомъ я ее встрѣтилъ. Глубокая, молчаливая горестъ ея⁽¹⁰⁾ производитъ въ душѣ какое то благоговѣніе. Какъ она напоминаетъ Александра, не императора, но человѣка плѣнительнаго, прекраснаго душею, котораго такъ весело было встрѣчать, который былъ такъ пріятливъ, такъ очарователенъ въ обращеніи, который былъ другомъ и душею своего семейства.

Она здѣсь не болѣе трехъ дней и пробудетъ еще недѣли четыре. Ея здоровье, разстроенное горестію, начинаетъ однако поправляться. Надѣюсь увидѣть ее въ Веймарѣ. — Прости, милый, писать болѣе некогда. Отвѣчай на это письмо въ Берлинъ, прямо на мое имя, *poste restante*. Напиши поболѣе подробностей. Да нельзя ли заставить написать и Сашу?

Жуковскій.

Эмсѣ $\frac{23}{4}$ Июля.
Августа.
1826.

⁽¹⁰⁾ Вслѣдствіе кончины императора Александра Павловича.

14.

Дрезденъ, Септѣбря 28 (1826).

Обнимаю тебя изъ Дрездена, мой милый Иванъ Ивановичъ! Что ты замолчалъ? Я писалъ къ тебѣ и знаю, что письмо мое должно было до тебя дойти, а отвѣта отъ тебя нѣтъ. Это совсѣмъ на тебя не похоже. Ты одинъ только снабдилъ меня подробностями о томъ что у васъ было: всѣ прочіе были весьма не словоохотны. И Саша не лучше прочихъ. Вотъ тебѣ нѣсколько подробностей обо мнѣ. Я теперь въ Дрезденѣ. Кончивъ курсъ въ Эмсѣ, объѣхалъ Рейнъ. Время было благоприятное; но я ѣздилъ полубольной и весьма не столько могъ воспользоваться своимъ путешествіемъ, какъ бы хотѣлъ. Надобно было, подобно Вральману, любоваться утесами и разрушенными замками съ козелъ. А бродить по высотамъ и даже по ровнымъ мѣстамъ мѣшала слабость, которая и теперь еще несовсѣмъ миновалась, хотя воды сдѣлали мнѣ рѣшительную пользу. Проживши три недѣли въ Францбруннѣ близъ Эгры, я пріѣхалъ наконецъ въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми. Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни. Сергѣй очень слабъ, но только слабъ физически. Ему нельзя скоро поправиться: причина его болѣзни въ глубинѣ души. Но все что было съ нимъ въ послѣднее время, теперь миновалось и нѣтъ опасности, чтобъ могло возвратиться. Присутствіе брата для него спасительно. О моемъ возвращеніи не могу тебѣ сказать ничего рѣшительно. Мое здоровье поправилось, но надобно чтобъ оно укоренилось, слѣдственно, нельзя еще теперь возвратиться въ Петербургъ. Я просилъ острочки: жду изъ Москвы отвѣта. Получивъ его, увѣдомлю тебя и Сашу. Или мы увидимся скоро, или еще нѣсколько времени здѣсь пробуду. Это

значитъ, что ты долженъ ко мнѣ или къ намъ писать въ Дрезденъ, на имя Bassege et compagnie. Я все еще успѣю получить твое письмо. Мое письмо очень бѣдно подробностями, но нѣтъ никакихъ подробностей. Я въ Дрезденъ перевезъ съ собою свою Петербургскую комнату. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполне воспользоваться здѣшней совершенною свободою, дабы въ Петербургѣ было мнѣ легче. Въ противномъ случаѣ не избавлю себя снова отъ болѣзни. И такъ мнѣ описывать тебѣ нечего. Но ты въ своемъ углу, на своей постелѣ все видишь и обо всемъ знаешь. Напиши побольше подробностей. Прости. Увѣдомъ о нашихъ Петербургскихъ знакомцахъ.

Обними за меня Плетнева, Гнѣдича и Мюральта. Дѣтей цѣлую. Мое почтеніе Софѣ Андреевнѣ. Жуковский.

Елена Григорьевна Пушкина поручила мнѣ тебѣ кланяться и сказать тебѣ, что она дружески тебя помнитъ.

15.

Вчера я возвратился въ Эмсъ изъ Парижа; но не буду тебѣ описывать моей Парижской жизни, она не оставила мнѣ веселаго воспоминанія; да теперь и ни о чемъ другомъ не могу говорить кромѣ Саши⁽¹¹⁾. По пріѣздѣ моемъ сюда, я получилъ отъ нея коротенькое письмо, которое мнѣ слишкомъ много сказало, и въ то же время ничего не сказало. Она больна отчаянно и ѣдетъ въ Италію: вотъ все что я узналъ изъ письма ея.

Въ то же время получилъ письмо и отъ тебя, и въ немъ объ ней почти ни слова. Не понимая этого неизяснимаго молчанія съ твоей стороны, остаюсь въ жестокомъ недоумѣніи и не знаю сколько еще времени долженъ

(11) Александра Андреевна Воейкова въ это время (1827) отправлялась лечиться въ чужіе края (скопчалась въ Ливурнѣ).

вѣнемъ остаться. Можетъ быть, ты скоро ко мнѣ напишешь. Я этого надѣюсь. Но можетъ быть мнѣ надобно ожидать отвѣта на это письмо и слѣдовательно еще цѣлый мѣсяць не знать никакихъ подробностей; — это право стоитъ болѣзни. Какъ бы то ни было, напиши ко мнѣ, мой милый другъ, всю правду. Я просилъ Жилля побывать у тебя; продиктуй ему письмо, въ которомъ опиши все что было до сихъ поръ съ Сашею, что заставило Арендта рѣшиться послать ее въ Италію; и скажи, имѣетъ ли она средства сдѣлать это путешествіе. Вотъ что наиболѣе меня беспокоитъ. Мнѣ необходимо надобно быть увѣреннымъ, что она эти средства имѣетъ; тогда я бы радъ былъ ея путешествію, ибо увидѣлъ бы въ немъ единственную возможность ея спасенія.

Не сѣтуй, что не пишу къ тебѣ ничего ни о себѣ, ни о тебѣ, ни о твоихъ стихахъ. Я все получилъ въ свое время, многимиъ радовался, многое критиковалъ, но обо всемъ буду говорить, а не писать. Ты знаешь, какъ я вообще не охотникъ писать; а теперь право не то на сердцѣ. Жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ письма твоего. Адресуй на мое имя въ Эмсъ или отдай Жиллю. Обнимаю тебя, твоихъ и Темиру⁽¹²⁾, отъ которой также прошу письма. Она очень меня одолжитъ. Только напишите немедленно. Право ждать несносно. *Жуковский.*

Эмсъ $\frac{15}{3}$ Юля (1827).

Тургеневъ обнимаетъ тебя. Онъ здоровъ, пробудетъ въ Эмсѣ недѣли двѣ и отсюда поѣдетъ въ Дрезденъ. Онъ не пишетъ къ тебѣ потому, что спѣшитъ писать къ брату.

16.

Благодарю тебя и Темиру за ваши милыя письма: онѣ меня успокоили.

⁽¹²⁾ Татьяна Семеновна Вейдемейеръ, урожденная княжна Херхеулидзева.

Теперь только радуюсь мыслию, что Саша ѣдетъ и вѣхать можетъ. Это сохранить ея жизнь, если только угодно будетъ Богу. Надобно же ей имѣть нѣсколько минутъ спокойныхъ и беззаботныхъ. Два года тихой жизни въ Италіи будутъ ей благодѣтельны. — Грустно, что надобно съ ней разстаться; но этимъ можно заплатить за веселое свиданіе, коего надѣюсь въ сердцѣ. Самъ я здоровъ. Оканчиваю Эмскій курсъ и черезъ 6 дней отсюда выѣду.

Воды мнѣ очень помогли; а возвратясь въ Петербургъ, начну вести жизнь порядочную и буду держаться строгаго режима. Здѣсь теперь княгиня Софья Волконская⁽¹³⁾ и Алина. Вотъ цѣлый мѣсяць почти, какъ я съ ними ежедневно и такъ къ этому привыкъ, что будетъ очень больно съ ними разстаться. Алина прелестное, милое, доброе, умное созданіе. Она стоитъ счастья и авось будетъ имѣть его. Я радъ, что судьба меня съ ней познакомила, хотя на короткое время. Прости, другъ, скоро увидимся. Я непременно желаю къ вамъ возвратиться. Обнимаю дѣтей, дружеской поклонъ всѣмъ нашимъ знакомымъ, милой Темирѣ и Софѣ Андреевнѣ.

Твой Жуковский.

$\frac{8}{20}$ Августа (1827).

Эмсъ.

17.

Благодарю васъ, почтениѣйшій Иванъ Ивановичъ, за благодарное ваше поздравленіе въ разсужденіи чина, мною воспріятого отъ щедротъ монаршихъ. Весьма радуюсь, что вы насладились трогательнымъ пѣснопѣніемъ дѣвицы Зонтагъ, имѣющей право называться не только воскресеньемъ, но даже и свѣтлымъ воскресеньемъ, понеже го-

⁽¹³⁾ Княгиня Софья Григорьевна, супруга князя Петра Михайловича. Алина — вѣроятно дочь ихъ, Александра Петровна, вышедшая потомъ за П. Д. Дурнова.

лось ея воскрешаетъ душу чувствительныхъ особъ. Ваше стихотворное изъясненіе глубочайшей преданности сей пѣвицѣ я читалъ съ трогательнымъ колыханіемъ сердца и желаю сердечно, чтобъ сія превосходная воскресительница соблаговолила заглянуть въ поэтическій пріютъ вашъ и огласить его тонами, льющимися изъ ея соловьиного горла. Простите, Иванъ Ивановичъ. О Тургеневѣ не могу ничего вамъ сказать, ибо не имѣю объ немъ вѣсти. *Жуковский.*

Эта шуточная записка писана во время пребыванія въ Петербургѣ знаменитой пѣвицы *Zontag* (вышедшей въ послѣдствіи замужъ за графа Росси, который пріѣзжалъ послѣ министромъ Сардинскаго короля въ Петербургъ).

18.

(Писано во время холеры 1854). ⁽¹⁴⁾

Мой милый Иванъ Ивановичъ! Каковъ ты? и какъ ведешь себя въ трудныхъ обстоятельствахъ? — Надѣюсь, что ты уменъ и не мучаешь себя излишне: это было бы и бесполезно, и вредно, и грѣшно! Когда же и имѣть твердую надежду на Бога, какъ не въ такихъ испытаніяхъ, какія насъ постигли въ эту минуту. Слава Богу: одна бѣда прошла, народъ успокоился! Пройдетъ и другая. Теперь страшный періодъ холеры миновался: она должна начать терять силу свою. И я надѣюсь, что бѣдствіе минуетъ тебя! Я сдѣлалъ было попытку о томъ, чтобъ тебѣ дать пріютъ въ Петергофѣ (о Царскомъ Селѣ и думать нечего), но не удалось. Кн. А. Н. Голицынъ просилъ позволенія перевести тебя въ Петергофъ. Государь отказалъ, потому что въ Петергофѣ всѣ дома будутъ заняты дипломатическимъ корпусомъ, а домовъ жилыхъ весьма немного. И такъ, мой милый, остается тебѣ вооружиться всею твер-

достію, нужною для человѣка, при видѣ близкой бѣды; но ты болѣе, нежели кто нибудь, имѣешь средствъ сохранить въ бѣдѣ нужное спокойствіе. Твоя душа всегда была полна вѣрою христіанскою; теперь должно пользоваться плодами этой спасительной вѣры! Надѣюсь на тебя крѣпко. Будемъ еще вмѣстѣ говорить о теперешнихъ временахъ, какъ о прошедшемъ трудномъ опытѣ.—Что то мои бѣдныя институтки? И къ нимъ закрался врагъ ⁽¹⁵⁾. Думаю, что онѣ всѣ перепуганы: дѣтямъ такое зрѣлище ужасно. Я желалъ бы, чтобъ ты меня о нихъ увѣдомилъ, хотя и не могу требовать, чтобы кто нибудь изъ твоихъ навѣстилъ институтъ: теперь нужно быть осторожнымъ. Имѣю объ нихъ извѣстіе, но желалъ бы знать, что онѣ дѣлаютъ и что въ эту минуту чувствуютъ. Пишу теперь къ Катѣ и, можетъ быть, получу отъ нея отвѣтъ. Напиши, любезный другъ, объ себѣ и дай знать, если нужно будетъ еще о чемъ хлопотать. Я князя Голицына предувѣдомилъ о твоихъ порученіяхъ, сказалъ ему, что ты просишь его быть провидѣніемъ твоего семейства. Но надѣюсь крѣпко, что еще ты самъ будешь говорить съ нимъ объ этомъ тогда, когда всѣ бѣды кончатся. Обнимаю тебя. *Жуковский.*

1-е Юля.

P. S. Мы остаемся въ Петергофѣ и въ Царское не ѣдимъ: всѣ дороги заперты, холера и въ самомъ Царскомъ скоро откроется. Пиши ко мнѣ въ Петергофъ.

19.

27 Января (8 Февр.) 1833.

Верне, близъ Веве.

Давно собираюсь писать къ тебѣ, мой милый Иванъ Ивановичъ, и чув-

⁽¹⁴⁾ Сл. письмо Жуковскаго о холерномъ возмущеніи 1831 г. въ Русск. Арх. 1866, стр. 339.

⁽¹⁵⁾ Жуковский говоритъ о сиротахъ-дѣвочкахъ, дочеряхъ А. А. Воейковой, Екатерины и Александрѣ Александровнахъ.

ствую передъ тобою тяжкую свою вину, въ которой просто прошу прощенья. Ты по своей дружбѣ конечно обо мнѣ безпокоишься, но надѣюсь однако, что знаешь обо мнѣ отъ нашихъ пріятелей; ты на это молодецъ: любишь своихъ друзей безъ флегмы и вѣрно добился извѣстій обо мнѣ посредствомъ Плетнева или Жилля отъ Мердера. Я писалъ самъ къ Плетневу и просилъ его у тебя побывать, рассказать обо мнѣ и приготовить тебя къ полученію письма моего. Теперь пишу самъ. Вотъ тебѣ во первыхъ отчетъ о моей физикѣ. Мнѣ вообще лучше. Путешествіе моремъ, шесть недѣль въ Эмсѣ я бралъ теплыя ванны, четыре недѣли въ Велльбахѣ (близъ Франкфурта), гдѣ я пилъ сѣрные воды, воняющія гнилыми яйцами, но несмотря на то весьма животворныя,—все это поставило меня на ноги, и я пріѣхалъ въ Швейцарію ѣсть винограды съ новымъ румянцемъ на щекахъ, съ большими силами, безъ одышки. Но въ Швейцаріи ходъ моего выздоровленія остановился; не скажу, чтобъ мнѣ было хуже, чтобы выигранное было проиграно,—нѣтъ; но я не двигаюсь впередъ и еще не дошелъ до такого состоянія, чтобъ смѣло возвратиться на Сѣверъ. Надѣюсь однако, что нѣсколько мѣсяцевъ такой жизни, какую теперь веду, возобновятъ совершенно мои силы и заведутъ снова разстроенную машину мою. Еслибъ не дѣйствіе моей болѣзни, которая мѣшаетъ душѣ имѣть живость и свѣжесть, еслибъ не безпрестанное безпокойство, которое тянетъ меня назадъ, напоминая мнѣ, что я оставилъ главное дѣло своей жизни, то моя здѣшняя жизнь имѣла бы много прелестей. Климатъ самый кроткій, природа великолѣпная, уединеніе, досугъ, свобода—чего бы желать болѣе?... Мой домъ въ поэтическомъ мѣстѣ, на самомъ берегу Женевского озера, на краю Симплонской дороги; впереди Савойскія

горы и Мельерскіе утесы, съ лѣва Монтре на высотѣ и Шильонъ на водахъ, съ права Кларанъ и Веве. Эти имена напомнятъ тебѣ и Руссо, и Юлію, и Бейрона. Для меня краснорѣчивы только слѣды послѣдняго: въ Шильонѣ, на Боливаровомъ столбѣ, вырѣзано его имя, а въ Кларанѣ у самой дороги находится простой крестьянской домъ, въ которомъ Бейронъ провелъ нѣсколько дней и изъ котораго онъ ѣздилъ въ Шильонъ. Руссо не перенесъ здѣшнихъ картинъ въ свой романъ; онъ ничего вѣрно не выразилъ; ничего, что видишь здѣсь глазами, не находишь въ его книгѣ. И, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, нѣтъ ничего скучнѣе Новой Элоизы: я не могъ дочитать ее и въ молодости, когда воображенію нужны болѣе мечты, нежели истина. Попытался прочесть ее здѣсь и еще болѣе увѣрился, что не ошибся въ своемъ обращеніи. Для великой здѣшней природы и для страстей человеческихъ Руссо не имѣлъ ничего кромѣ блестящей декламаціи: онъ былъ въ свое время лучезарный метеоръ, но этотъ метеоръ допнулъ и исчезъ. Бейронъ другое дѣло: многія страницы его вѣчны. Но и въ немъ есть что-то, ужасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ челоѣку, и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ челоѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Бейронова не выдержитъ этой повѣрки. По той дорогѣ, по которой вѣроятно гулялъ здѣсь Бейронъ, хожу я каждый день, или въ лѣво отъ моего дома къ Шильону, или въ право черезъ Кларанъ въ Веве. Въ обоихъ направленіяхъ по три версты (взадъ и впередъ 6 верстъ); и вымѣрять раз-

стояніе шагами, и каждая верста означена моимъ именемъ, нацарапаннымъ мною на камнѣ. Иногда въ этихъ прогулкахъ сочиняю и стихи; но теперь еще только переводилъ; можете быть, если побольше слажу съ болѣзнью, удастся написать и свое. Благодарю тебя за доставленіе твоихъ стиховъ: они очень милы. Я былъ въ Эмсъ, когда умерла Раздивиль-Витгенштейнъ и вмѣстѣ съ старымъ фельдмаршаломъ и молодымъ вдовцомъ шелъ за ея гробомъ въ церковь: это было въ темную, звѣздную ночь. Мы шли тихо, а на другомъ берегу рѣки гремѣла музыка и плясали на балѣ.

Прости, милый, напиши мнѣ о себѣ и обо всемъ, что со времени моего отъѣзда случилось въ Петербургскомъ свѣтѣ и въ нашей литературѣ. Ты ничего не видишь, но все знаешь. Обними за меня своихъ, жену и дѣтей. Особенно дружески пожди за меня руку Муравьеву (16). Хочу весьма знать, что онъ дѣлаетъ. По глупой критикѣ, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ, знаю о его битвѣ Тиверіадской и долженъ думать, что трагедія не имѣла успѣха; но увѣренъ напередъ, что въ ней много красотъ и требую отъ Муравьева, чтобъ онъ не обращалъ вниманія на неудачу (если подлинно была неудача); онъ поэтъ въ благородномъ смыслѣ сего слова и писать долженъ. Передай мое сердечное почтеніе графинѣ Лаваль и дружескій поклонъ Борху. Татьяну Семеновну обнимаю. Тургеневъ пишетъ ко мнѣ изъ Рима. Онъ здоровъ. Прости. *Жуковский*. Пиши чрезъ Жилля, то есть ему передавай свои письма.

20.

Венеція $\frac{4}{16}$ Ноября (1838)

Мой милый Иванъ Ивановичъ, не грѣхъ ли тебѣ, что по сію пору ты

(16) Андрею Николаевичу, съ отцомъ и братьями котораго Жуковский былъ близко знакомъ.

ко мнѣ не написалъ ни строчки? Фельдъегерь ѣздилъ къ намъ поминутно; могъ бы ты дать о себѣ вѣсточку. Смѣшно мнѣ дѣлать тебѣ подобные выговоры: самъ я ни къ кому не пишу и мнѣ, кажись, было бы неприлично другихъ бранить за лѣнь. Но вѣдь уже это извѣстная болѣзнь моя, неизлѣчимая, давнишняя. А ты большой писака; ты можешь быть названъ эпистолярнымъ героемъ; отчего же молчишь? Напиши непременно, и цѣлую біографію, о себѣ и обо всемъ что знаешь съ минуты нашего отъѣзда. А чего ты не знаешь? Ты, какъ царь Берендей, знаешь все что дѣлается подъ солнцемъ, хотя и не видишь его.—Подумай, откуда пишу къ тебѣ. Изъ Венеціи! При этомъ имени передъ закрытыми глазами твоими являются Тассъ, Бейронъ и тысячи гигантскихъ и поэтическихъ тѣней прошедшаго. Я живу на берегу большаго канала; въ тѣхъ горницахъ, которыя занималъ императоръ Александръ. Есть у меня угольная горница; окна, какъ вездѣ въ Италиі, до полу и съ балконами. Выду на одинъ балконъ, передо мною широкой каналъ и что то очень похожее на видъ изъ оконъ Зимняго Дворца, на Биржу и Адмиралтейство: такое же широкое пространство водъ; вмѣсто Биржи церковь S. Giorgio Maggiore, а вмѣсто церкви Петра и Павла великолѣпная церковь Maria della Salute, монументъ избавленія Венеціи отъ моровой язвы. Выду на другой балконъ — тутъ ужъ зрѣлище единственное. Передъ самымъ окномъ моимъ возвышается и заслоняетъ его огромная гранитная колонна съ св. Ѳеодоромъ на капители и рядомъ съ нею другая съ крылатымъ львомъ св. Марка: обѣ памятники осады Тиръ и крестовыхъ походовъ. Передъ ними такъ называемая Piazzetta или маленькая площадь св. Марка, ограниченная съ одной стороны церковью св. Марка, съ другой чудеснымъ дворцемъ Дожевъ, передъ

которымъ тянется широкая набережная, на коей возвышается рядъ великолѣпныхъ зданій, которыя всѣ до одного суть надгробный мавзолей прошедшаго. Но они печальнѣе надгробнаго памятника. Могила не пуста: она бережетъ нѣчто, ей отданное на вѣки и на вѣки ей принадлежащее; а великолѣпное зданіе, преданное разрушенію, разительно выражаетъ *отсутствіе* прежняго великаго или прекраснаго. Но баста!—Оставимъ Венецію. Я еще въ ней ничего не видалъ; мы только что пріѣхали и не успѣли осмотрѣться. Хочу сказать тебѣ о другомъ болѣе для тебя интересномъ. Я былъ въ Миланѣ у Манцони (17)! Это случилось неожиданно. Я не надѣялся имѣть этаго счастья, ибо мнѣ сказали, что М. никого къ себѣ не пускаетъ, будучи боленъ и не любя общества. Миланскій астрономъ Фризіани, съ которымъ я познакомился въ Isola Bella за обѣдомъ у Борромея, и съ которымъ мы развѣзжались по Милану, вызвался пойти къ Манцони и отвѣдать за меня счастья. Онъ засталъ его дома, и я былъ имъ принятъ. Я просидѣлъ у него часа два, и конечно эти два часа принадлежали къ прекраснымъ часамъ моей жизни: я наслаждался живымъ чувствомъ симпатіи, симпатіи къ чему-то высокому, что преноситъ душу въ какой то свѣтлый порядокъ и производитъ въ ней на минуту совершенную гармонію, которая есть ея истинное назначеніе, но которая только минутами дается ей въ этой жизни.— Онъ стоялъ передъ каминомъ, когда я къ нему вошелъ, и тотчасъ мнѣ подалъ ручной экранъ, приглашая меня сѣсть на софу противъ камина. Я усѣлся какъ дома или какъ у давнишняго моего милаго знакомаго: такъ вдругъ мнѣ стало

уютно и легко. У меня нѣтъ памяти на лица, но лице Манцони врѣзалось въ память мою, хотя описать его въ подробности не умѣю; ибо помню выраженіе этаго лица, которое было мнѣ такъ по сердцу, а не знаю, какого цвѣта глаза и волосы и пр. Правильныя черты, которыхъ характеръ благородство и какая-то привлекательная тонкость, соединенная съ прямодушною скромностью. *Un comme il faut* plein d'attrait; une finesse, reunie à une cordialité simple; une noblesse sans parade reunie à une modestie charmante, qui n'est pas le resultat d'un principe, mais le signallement d'une ame élevée et pure (18). Таковъ казался мнѣ Манцони. Прибавить къ этому самый пріятный слогъ разговора: этотъ слогъ напомнилъ мнѣ Каподистрію, который говорилъ съ логическою точностью, всегда въ обрѣзъ, но точности его имѣла всю прелесть небрежности и всю живость вдохновенія. Манцони выражается, кажется мнѣ, еще съ большею краткостью. Онъ нѣсколько заикается, но этотъ недостатокъ ничего не портитъ, и онъ его нисколько не стыдится. Чтѣ мы говорили, вообще помню, но передать письму не умѣю. Знаю только то, что эти немногія минуты были для меня счастливы, какъ въ старину подобныя минуты съ Карамзинимъ, при которомъ душа всегда согрѣвалась и яснѣе понимала на чтѣ она на свѣтѣ. Во время нашего разговора вошелъ молодой человѣкъ, котораго имя я забылъ; посидѣвъ нѣсколько съ нами, онъ удалился; это былъ *posozъ* Манцони. Его болѣзнь, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ, есть сильное раздраженіе нервъ. Когда-то, вышедъ одинъ, онъ упалъ безъ чувствъ, и съ тѣхъ поръ онъ уже никогда одинъ не ходитъ, а всегда объ руку съ другимъ.

(17) Александръ Манцони (род. 1784), Итальянскій писатель, съ 1860 года сенаторъ. Онъ тогда уже славенъ былъ своимъ романомъ *Обрученные*, про который Пушкинъ говаривалъ, что онъ выше всѣхъ романовъ В. Скотта.

(18) Т. е. приличіе, исполненное привлекательности; тонкость, соединенная съ сердечною простотою; благородство не на показъ, и при этомъ плѣнительная скромность, не надуманная, но выражающая душу высокую и чистую.

Молодой человекъ приходилъ къ нему для его обыкновенной утренней прогулки. Я не пропустилъ этаго случая и рассказалъ Манцони о тебѣ; а онъ мнѣ сказалъ, что знаетъ тебя и подалъ мнѣ экземпляръ твоихъ стиховъ съ твоей подписью, поручивъ при свиданіи нашемъ сказать отъ него тебѣ поклонъ. Онъ помнитъ и Вяземскаго. Я купилъ экземпляръ полныхъ его сочиненій и просилъ его написать на немъ свое имя; вотъ что онъ написалъ: *l'autore contera sempre fra i suoi giorni più felice quello in cui gli fu dato di cognoscere il S. Joukovsky. A. M. (19)* — Довольно съ тебя. Обнимаю сердечно и проч. *Жуковский*.

Я принимаюсь за Итальянскій языкъ, и когда возвращусь къ тебѣ, то вѣроятно буду тебѣ читать Тассовы станцы.

Увѣдомь меня, прошу тебя, о нашей милой графинѣ Потоцкой. Мнѣ писали изъ Петербурга дурныя вѣсти о ея здоровьѣ; гдѣ она и что съ нею дѣлается? Ты долженъ знать.

21.

Мой милый Иванъ Ивановичъ, пишу тебѣ нѣсколько строчекъ изъ Туррина, но мое короткое письмо будетъ тебѣ пріятнѣе двухъ длинныхъ, ибо при семъ письмо отъ аббата Камподонико, съ которымъ я свидѣлся въ Берлинѣ и котораго нашелъ точно тѣмъ же добрымъ, вѣрнымъ другомъ друзей своихъ, какимъ онъ былъ въ

Петербургѣ. Я здоровъ тѣломъ, но болень грустію по Италіи, которую мы покинули, какъ любовникъ покидаетъ невѣсту, которую любитъ страстно, и съ которой судьба велитъ ему развестись прежде времени. Все это со временемъ можетъ обдѣлаться въ стихи или хоть въ прозу, ибо какъ говоритъ Гете: *Leid und Freu le wird Gesang*, но теперь не пишется ничего; даже и письма не пишутся: такова ужъ моя натура, а въ эту минуту физически писать невозможно. Читалъ ли ты книгу, сочиненную какимъ-то англичаниномъ, о мелкихъ несчастіяхъ жизни? Между прочими онъ замѣчаетъ и несчастіе: быть въ необходимости писать, имѣть перо испорченное и не имѣть перочиннаго ножа. Это мое теперешнее положеніе; и перочинный ножикъ есть, да перо желѣзное, а эти проклятыя перья ужасно капризны: иногда пишутъ какъ по маслу, иногда хоть изломай ихъ.—Но Камподонико за мое молчаніе заплатитъ тебѣ своимъ краснорѣчіемъ. А я тебя мысленно обнимаю. Къ 20 Юнію мы будемъ въ Петербургѣ: ровно черезъ четыре мѣсяца. Дай Богъ найти тебя въ лучшемъ здоровьѣ. Кланяйся своимъ домашнимъ и любезной Татьянѣ Семеновнѣ.

Я познакомился съ Сильвіо Пеллико. *C'est l'homme de son livre*. Лучшая похвала, какую только можно сдѣлать ему. *Жуковский*.

9
21 Феврала.

Турринъ (1839).

(19) Т. е. сочинитель будетъ всегда считать въ числѣ счастливыхъ дней своихъ тотъ день, въ который ему дано было познакомиться съ г. Жуковскимъ. А. Манцони.

**ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. Θ.
ФОНЪ-ДЕРЪ-БРИГГЕНУ.**

1845 — 1849.

Эти письма обязательно доставлены въ Русскій Архивъ А. И. Львовымъ, въ подлинникахъ, полученныхъ отъ семейства А. Θ. Фонъ-деръ-Бриггена, служившаго нѣкогда съ отличіемъ въ Измайловскомъ полку и потомъ (вслѣдствіе несчастнаго событія 14 Декабря 1825 года) поселеннаго въ Сибири, гдѣ онъ долго жилъ въ городѣ Курганѣ Тобольской губерніи, служа нѣкоторое время засѣдателемъ одного изъ судовъ. Въ нынѣшнее царствованіе Фонъ-д.-Бриггенъ получилъ дозволеніе возвратиться въ Европейскую Россію и скончался въ Петербургѣ 27 Іюня 1859 года. Жуковскій могъ лично знать его еще въ Петербургѣ до 1825 года, ибо Фонъ-деръ-Бриггенъ былъ связанъ тѣсною дружбою съ друзьями Жуковскаго, братьями Тургеньевыми. Въ книгѣ своей *La Russie et les Russes*, Н. И. Тургеньевъ упоминаетъ добрымъ словомъ Фонъ-деръ-Бриггена и передаетъ одну высокую, благородную черту его характера (*Paris, 1847, т. I-й, стр. 333 и 342*). Черезъ 20 лѣтъ, Жуковскій, съ береговъ Майна вошелъ въ шестимѣсячныя сношенія (производившіяся черезъ 3-е отдѣленіе соб. е. и. в. канцеляріи) съ Тобольскимъ поселенцемъ. Мы не знаемъ ни другихъ литературныхъ трудовъ сего послѣдняго, ни участіе его перевода Кесаревыхъ сочиненій. Переводъ этотъ, кажется, такъ и не вышелъ въ свѣтъ; ибо Жуковскій не успѣлъ возвратиться на родину и скончался въ Баденъ-Баденѣ 1852 года, 12 Апрѣля. Читателямъ нашимъ пріятно будетъ еще разъ обновить въ памяти свѣтлое и необычайно-симпатическое лицо Жуковскаго, который въ разныя эпохи своей долгой жизни и въ разнообразныхъ сношеніяхъ съ людьми, отъ Высочайшаго двора до бѣдныхъ хижинъ, обнаруживаетъ все ту же душевную свѣ-

жесть, доброжелательство и, какъ видно изъ этихъ писемъ, высокую, плодотворную образованность. *И. В.*

1.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Федоровичъ (отъ 6 Апрѣля ст. ст. изъ Кургана) получено мною ^{19/31} Мая во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ я живу уже около года. Оно было для меня пріятною и трогательною неожиданностію. Сердечно благодарю васъ какъ за дружескія сказанныя мнѣ слова, такъ и за желаніе ваше посвятить мнѣ вашъ переводъ Кесаря, на что съ благодарностію соглашаюсь. Не предполагаю ни мало, чтобъ исполненію этого желанія и напечатанію вашего перевода было положено какое-нибудь препятствіе. Книга ваша доставитъ полезное чтеніе для людей военныхъ, и въ то же время будетъ замѣчательнымъ явленіемъ литературнымъ: мы бѣдны хорошими переводами классиковъ древнихъ; давно бы пора за нихъ приняться. Вѣрные переводы Латинскихъ и Греческихъ поэтовъ и прозаиковъ (*вѣрные* въ высокомъ смыслѣ, то-есть не безжизненное слово въ слово, а отзывъ одного языка въ другомъ такъ, чтобъ и тотъ и другой слышались въ одно время, не вредя одинъ другому несогласіемъ звуковъ, а составляя гармонію изъ ихъ разнородности и различія), такіе переводы принесли бы несказанную пользу нашему языку, уже довольно утвердившемуся, но еще много пріобрѣсть могущему: онъ свое образованіе болѣе заимствовалъ у языковъ новѣйшихъ, а духъ древности еще не сходилъ на него. Въ этомъ отношеніи трудъ вашъ меня весьма радуетъ; я увѣренъ, что у васъ Кесарь будетъ говорить Русскимъ языкомъ, не потерявъ нисколько своего Римскаго величія и своей классической прелести; что онъ, перемѣнивъ только одежду, явится на

Съверѣ такимъ точно, какимъ бывалъ во время оно на Тибрѣ, увлекательный ораторъ, плѣнительный своею мужественною простотою и многовыражающею краткостію. Въ то же время, я увѣренъ, что трудъ вашъ доставилъ вамъ самымъ много истиннаго наслажденія и желалъ бы, чтобъ вы имъ не ограничились. Послѣ Кесаря вамъ уже можно бы вступить въ борьбу и съ великою силою Тацита и съ благороднымъ краснорѣчіемъ Тита Ливія. Я часто, часто сѣтовалъ на свое совершенное невѣжество въ Латинскомъ и Греческомъ языкѣ. Какое было бы для меня наслажденіе подъ старость заняться переводомъ нѣкоторыхъ классиковъ въ прозѣ; подъ старость проза (не прозаизмъ) становится привлекательнѣе. Все это однако (и невѣжество и склонность къ прозѣ) не помѣшало мнѣ приняться за большой трудъ стихотворный, за переводъ Одиссеи. Онъ уже до половины конченъ; другую половину, если буду здоровъ и если никакого препятствія не пошлетъ Богъ, кончу къ началу или въ началѣ будущаго года. Надобно вамъ при всемъ этомъ знать, что мнѣ теперь весьма удобно подъ старость заниматься разсказами Гомера и передавать ихъ на свой ладъ моимъ соотечественникамъ: я завелся (тому уже пятый годъ) своей семьею; у меня уже теперь сынъ и дочь. Живу анахоретомъ на берегахъ Майна, поживъ прежде также уединенно на Рейнѣ, а на слѣдующій годъ перенесу свое уединеніе на берега Невы или Москвы-рѣки. Изъ этого видите, что времени у меня довольно; если Богъ продлитъ жизнь, постараюсь, чтобы она прошла не даромъ. Трудъ великій волшебникъ: онъ всемогущій властитель настоящаго. Какими бы глазами ни смотрѣло на насъ это *настоящее*, дружелюбными или суровыми, трудъ заговариваетъ его печали, даетъ значительность и прочность его летучимъ радостямъ. И въ

Курганѣ это волшебство равно дѣйствительно, какъ и на берегу Майна. А если при этомъ тайномъ дѣйствіи труда, ограниченнаго предѣлами житейскаго настоящаго, слышится голосъ, нѣкогда произнесшій: „Приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся, и Азъ успокою вы“; и если сердце этому голосу вѣрить и ему вѣряется, то и будущее становится свѣтлымъ, не здѣшнее ненадежное будущее, а то вѣрное будущее, къ которому всѣмъ намъ со всѣхъ точекъ земли проложена прямая дорога.

Возвращаюсь къ вашему Кесарю. Одинъ изъ моихъ короткихъ друзей, теперь находящійся за границу, случился во Франкфуртѣ скоро послѣ того времени, какъ я получилъ ваше письмо. Онъ прочиталъ въ немъ то, что вы говорите о вашемъ переводѣ Кесаревыхъ записокъ и обрадовался, что вы совершили такой трудъ. Онъ имѣетъ давно намѣреніе заняться изданіемъ классическихъ книгъ въ Россіи (за что онъ примется по возвращеніи въ отечество): дѣло доброе, предпринимаемое не изъ выгодъ книгопродавческихъ, а просто изъ любви къ полезной литературѣ, дѣло, въ которомъ и я намѣренъ быть ему помощникомъ. Вотъ вамъ его и съ нимъ вмѣстѣ мое предложеніе: не согласитесь ли *provisoirement* (1) уступить намъ рукопись вашего перевода на одно изданіе съ правомъ пользоваться продажею его въ продолженіе *treize* *lettres* по выходѣ въ свѣтъ книги. За эту рукопись предлагаемъ вамъ теперь 2,500 рублей ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи книги и по выручкѣ денегъ, употребленныхъ на напечатаніе, все, что составитъ чистый барышъ, было доставлено вамъ. Полагая, что такое предложеніе будетъ вами принято, я доставлю немедленно вышеозначенную сумму Леонтію Васильевичу Дубельту; онъ

(1) Предварительно.

ее вамъ перешлетъ, а вы доставьте ему вашу рукопись, которую онъ мнѣ отдастъ при моемъ возвращеніи въ Петербургъ⁽²⁾. До моего же возвращенія приступать къ изданію вашей книги нельзя: будетъ много ошибокъ, и Кесарь можетъ на томъ свѣтѣ на насъ разсердиться. На этомъ мы теперь и остановимся; пускай ваша рукопись считается теперь моею собственностію и ждетъ меня въ Петербургѣ; по пріѣздѣ же моемъ въ Петербургъ все остальное уладимъ письменно.

Вы же теперь принимайтесь за новый трудъ; я бы предпочелъ вамъ двѣ работы: одна—просто переводъ одного изъ классическихъ историковъ древности, съ надлежащими дополненіями и объясненіями; другая (и признаюсь, я предпочелъ бы эту *другую* работу): *составленіе избранной бібліотеки изъ древнихъ историковъ*. Не всѣмъ бываетъ и возможность, и охота, и время перечитать классиковъ сполна (многое въ нихъ для большей части читателей и не можетъ быть привлекательно); но совершенное незнаніе классиковъ есть великая прорѣха въ умственномъ образованіи. Книга, которая соединила бы въ себѣ лучшіе цвѣты изъ этого душистаго цвѣтника древности, была бы важнымъ подаркомъ не однимъ охотникамъ до хорошаго, образовательнаго чтенія, но и учебнымъ заведеніямъ и домашнему воспитанію. Если вы также знакомы съ Греческимъ языкомъ, какъ съ Латинскимъ, то я совѣтовалъ бы вамъ выбрать и перевести, съ сохраненіемъ особенности каждаго автора, всѣ капитальныя мѣста изъ Греческихъ и Латинскихъ историковъ и называть эти перлы на одну нить. Каждый отрывокъ долженъ составлять свое особенное цѣлое; связь же меж-

ду *всѣми* отрывками должна быть просто хронологическая. Эта историческая бібліотека составила бы нѣсколько томовъ и была бы, повторяю, самымъ лучшимъ дополненіемъ изученія древней исторіи въ публичномъ и домашнемъ воспитаніи. (Подобный *сборникъ вспомогательный изученія исторіи* можно бы было составить и для средней и даже для новой исторіи; но о такомъ огромномъ предпріятіи говорить теперь нѣтъ нужды: довольно съ васъ древней исторіи). Но для того, чтобы заняться переводомъ классиковъ, надобно имѣть ихъ въ оригиналь. Этой бѣдѣ помочь не трудно. Увѣдомьте на что вы рѣшитесь, то есть за какой трудъ захотите взяться и какія для того необходимы будутъ книги, я вамъ пришлю, что нужно. Здѣсь, за границею, мнѣ будетъ легко найти книги, и онѣ обойдутся дешевле. На этотъ запросъ отвѣчайте немедленно: то-есть, если идея исторической бібліотеки вамъ понравится, то сообщите мнѣ общій планъ и какія книги вамъ на первый случай нужны; я постараюсь ихъ вамъ немедленно доставить.

Долгъ платежемъ красенъ. Я поручилъ своему корреспонденту доставить Л. В. Дебельту для пересылки къ вамъ экземпляръ моихъ сочиненій (если полный найдется въ продажѣ). Когда напечатается Одиссея, вы также ее получите; но это еще долгая пѣсня.

Простите. Живите съ Богомъ; съ Нимъ вездѣ мы дома. Искренно преданный вамъ *Жуковский*.

18
30
Юня 1845.

Франкфуртъ на М.

Адресъ: Милостивому государю Александру Федоровичу Фонъ-деръ-Бригену въ Курганѣ.

⁽²⁾ Я надѣюсь возвратиться въ Петербургъ въ будущемъ 1846 г., въ началѣ Юля мѣсяца.
Примѣчаніе Жуковскаго.

2.

Я виновать, виновать и виновать передъ вами, почтеннѣйшій Александръ Федоровичъ. На ваше послѣднее письмо отъ 29 Генваря (это мнѣ выходитъ подарокъ въ день рожденія), полученное, правда, не такъ то давно, отвѣчаю $\frac{1}{13}$ Юня. Какъ это изъяснить и какъ извинить? Извинить не чѣмъ. А можно только изъяснить, и для сего приступаю къ описанію нѣкотораго моего психологическаго уродства, которое мною давнымъ давно съ гигантскимъ могуществомъ владѣеть. Вотъ что обыкновенно со мною случается: когда получу письмо, какого бы оно содержанія ни было, если бы и самое для меня привлекательное, какъ напримѣръ ваше и если не дѣлаю на него немедленнаго отвѣта, то этотъ отвѣтъ какою-то неодолимою силою всегда оттолкнется на неопредѣленное время. И неотвѣтствованное письмо сперва лежитъ передъ мною, какъ простое пріятное воспоминаніе; потомъ оно складывается въ душу, какъ упрекъ за неисполненный долгъ: потомъ становится бременемъ совѣсти; потомъ начинается жестокая битва между лѣнливою волею и разсерженною совѣстію; и эта битва продолжается часто довольно долго, и мѣшаетъ всѣмъ другимъ занятіямъ, и до тѣхъ поръ всѣ ежедневныя занятія портить, пока вдругъ воля отъ какого нибудь отчаяннаго пинка измученной совѣсти вдругъ не вскочить и не уцѣпится за руку, окостенѣвшую отъ бездѣйствія и не втиснетъ въ нее пера; и лишь только перо очутится между тремя дѣйствующими пальцами правой руки — все разомъ кончено: письмо написано, совѣсть покойна, воля спитъ отдыхая отъ пинковъ своей сердитой госпожи, и все опять въ порядкѣ. Могу сравнить это состояніе души только съ блаженствомъ разрѣшенія отъ бремени послѣ продолжительныхъ мукъ. Къ сей без-

законной причинѣ моего долгаго молчанія (причины, нисколько его не извиняющей) прибавить должно и нѣкоторыя законныя причины: я былъ боленъ, и у меня были нѣсколько времени въ безпорядкѣ глаза (изъ коихъ правый получилъ уже безсрочный отпускъ). Довольно всего этаго для предисловія; а вы не прибавляйте своихъ пеней къ моимъ и просто простите мнѣ вину мою съ полною довѣренностію къ моей искренней къ вамъ пріязни. Обращаюсь къ нашему главному дѣлу. Первый томъ вашего перевода я получилъ; но втораго, котораго, какъ вы пишете, отправленъ съ вашимъ послѣднимъ письмомъ, мнѣ еще не доставили (объ этомъ я напишу къ Л. В. Дубельту). Благодарю васъ во первыхъ за посвященіе, въ которомъ, если позволите, сдѣлаю при напечатаніи нѣкоторую поправку, т. е. оставляю одно свое имя въ дательномъ падежѣ безъ всякихъ прибавокъ, что будетъ коротко и ясно. Во вторыхъ благодарю отъ себя и отъ всѣхъ читателей, любящихъ питательное для ума чтеніе и умѣющихъ цѣнить эстетическое достоинство труда литературнаго, благодарю за самый переводъ. Я всего не могъ прочитать, и на это мнѣ теперь нѣтъ времени; но то, что прочиталъ, увѣрило меня, что вы обогатили нашу словесность произведеніемъ прекраснымъ, въ которомъ ощутителенъ (что рѣдко бываетъ ощутительно при чтеніи Русскихъ книгъ) трудъ совѣстливый и просвѣщенный.

Почему не могу заняться теперь особенно чтеніемъ вашего перевода, это происходитъ отъ того, что мой главный трудъ (моя Одиссея) былъ мною принужденно оставленъ во все продолженіе прошлаго года до самой теперешней минуты (отъ болѣзни, которал, хотя и не приковывала меня къ постели, но дѣлала неспособнымъ къ работѣ и отъ моихъ глазъ, которые нѣсколько времени отказывались слу-

жить мнѣ и требовали отъ меня пощады). Мнѣ остается теперь прожить менѣе года въ моемъ заграничномъ уединеніи, и это заставляетъ меня обратить всего себя на мою работу, которую желалъ бы привезти въ Россію оконченную. Эта отсрочка прочтенія и пересмотра не повредитъ вашей книгѣ: во всякомъ случаѣ приступить къ ея печатанію нельзя въ мое отсутствіе; мнѣ надобно будетъ самому приняться за это дѣло; оно слѣдовательно должно быть отложено до моего возвращенія въ Петербургъ. Главное сдѣлано, трудъ конченъ и съ успѣхомъ. И въ свое время онъ конечно обратитъ на себя вниманіе... Но чье вниманіе? Русской литературы? Но что такое теперешняя Русская литература? Тоже что всѣ почти иностранныя литературы, съ тою только разницею, что состояніе Нѣмецкой и Французской литературы есть паденіе *съ высоты*, а у насъ просто паденіе. Ибо наша литература не черезъ святилище науки перешла на базаръ торгашей; а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носить по толкучему рынку свое тряпье, которое съ смѣшною самоувѣренностію выдаетъ за цѣнный товаръ, не имѣя въ тайнѣ инаго намѣренія, какъ только сбыть его подороже съ рукъ.—Но это не бѣда. Повторяю: главное дѣло сдѣлано, трудъ благородный конченъ и съ успѣхомъ; онъ самъ себѣ награда, а оцѣнщики его, правда въ немногомъ числѣ, найдутся. Трудъ—благотворитель души человѣческой, очарователь и животворитель настоящаго, изцѣлитель прошедшаго; не знаю, были ли ему воздвигнуты алтари у древнихъ, но онъ достоинъ алтарей во всякое время, хотя, правда, у насъ христіанъ надлежитъ ему быть только придачею къ *главному*. — Я однако уклонился отъ своего предмета. О переводѣ вашемъ и о судьбѣ его вамъ теперь пока нисколько заботиться не должно. Онъ

будетъ покоиться сномъ праведника подъ моею смиренною защитою; когда же наступитъ его часъ, онъ явится на свѣтъ и займетъ принадлежащее ему тамъ свѣтлое мѣсто. А вы теперь принимайтесь за новую работу. Вы желаете знать отъ меня, кого бы я предпочелъ изъ двухъ: *Саллюстія* или *Гиббона*? Безъ всякой остановки говорю: Саллюстія. Можно ли думать о переводѣ 14 томовъ in 8° Гиббона? Если хотите рассказать намъ паденіе Римской Имперіи, то возьмитесь скорѣе за маленькій волюмъ Монтескье: онъ едва ли не тяжеловѣснѣе Гиббона, въ которомъ не все золото, много и свинцу, много и мышьяку: его бѣшеная ненависть къ христіанству мнѣ противна. Если хотите задать себѣ трудъ, для котораго надобны всѣ силы умственные и величайшее искусство владѣть языкомъ своимъ, то возьмитесь за 24 книги Всемирной Исторіи Іоганна Миллера и передайте намъ ихъ такъ, чтобы Русскій языкъ, оставшись вѣрнымъ энергическому, краткому и живописному, хотя весьма часто манерному, языку Іоганна Миллера, сохранилъ всю свою неприужденность; чтобы переводъ его можно читать какъ подлинникъ. Если бы перевести Миллера такъ, чтобы онъ могъ служить и книгою учебною, т. е. если-бъ къ тексту приложить хронологическія и синхронистическія таблицы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространить приложеніями то что у Миллера весьма коротко и неподробно, — вышла бы книга полезная, общеупотребительная и въ публичномъ и домашнемъ воспитаніи, и самая привлекательная для чтенія. Хорошій переводъ Миллера былъ бы великимъ завоеваніемъ для языка Русскаго. вмѣстѣ съ 24 книгами Всемирной Исторіи, я бы рекомендовалъ вамъ и письма Іоганна Миллера, особливо переписку его съ Бонстеттенемъ: нѣтъ чтенія привлекательнѣе и воспламенительнѣе къ работѣ. Я бы эти

письма далъ въ руки всякому юношѣ, въ которомъ горитъ жаръ къ наукѣ и стремленіе къ благородной дѣятельности и который питаетъ въ душѣ любовь къ добру и къ чистой славѣ. Но вы, зашедши въ область древнихъ классиковъ, можетъ быть, предпочтете остаться съ ними. Въ такомъ случаѣ, въ параллель къ Миллеровымъ письмамъ, я указалъ бы вамъ на письма Цицероновы; ихъ конечно перевести было бы трудно, особенно потому, что множество такихъ мелочныхъ подробностей, изображающихъ обычаи и нравы Цицеронова времени и относящихся къ ежедневнымъ событіямъ его вѣка, которыя требуютъ объясненія; но для этаго есть прекрасное пособіе въ Виландовомъ переводѣ Цицероновыхъ писемъ: Виландъ снабдилъ свой переводъ богатыми нотами. Въ моей Петербургской библиотекѣ, впрочемъ худо составленной, находятся и томы сочиненія Миллера и Цицероновъ Виландъ; но эти книги могутъ быть присланы вамъ только по моемъ возвращеніи въ Россію. Въ ожиданіи того принимайтесь, благословясь, за Саллюстія: его будетъ на годъ и болѣе. Трудъ пріятный и благодарный.— Простите, любезный Александръ Федоровичъ, не вздумайте однако платить мнѣ тою же монетою, т. е. вашимъ молчаніемъ за мое. Отвѣчайте поскорѣе на это письмо и перешлите его мнѣ черезъ Л. В. Дубельта: за его готовность сдѣлать вамъ всякое возможное добро я отвѣчаю. Искренно преданный вамъ *Жуковскій*.

$\frac{1}{13}$ Юня 1846.

Франкфуртъ на М.

3.

Давно я не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Федоровичъ, и въ этомъ не извиняюсь потому, что это неизвинительно. Теперь спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строкъ для того, чтобы васъ предупредить о мо-

емъ скоромъ отъѣздѣ изъ Франкфурта въ Петербургъ; предупредить же хочу васъ для того, чтобы имѣть отъ васъ письмо *тотчасъ* по пріѣздѣ моемъ въ Россію. Поѣду отсюда вѣроятно въ концѣ Юня или въ началѣ Юля (нов. стил.). Это зависитъ отъ прибытія сюда Его Императорскаго Высочества Наслѣдника, который съ Великою Княгинею будетъ въ Дармштатъ и потомъ перевезетъ Ее въ Эмсъ (какъ говорятъ). Послѣ свиданія съ Его Высочествомъ отправляюсь въ путь. Моимъ спутникомъ будетъ вашъ великій Кесарь, котораго судьба еще не устроена въ Россіи, хотя весьма солидно утверждена въ потомствѣ, о чемъ разсудило позаботиться собственническое безсмертіе. Этотъ покровитель не мнѣ чета, но я не уступлю ему въ усердіи, при всемъ моемъ муравьиномъ ничтожествѣ передъ такимъ всемогущимъ великаномъ. У меня только первый томъ вашего перевода, второй найду въ Петербургѣ. Вотъ почему и желаю имѣть отъ васъ письмо тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ; хочу не теряя времени знать все, что у васъ можетъ быть въ мысляхъ на счетъ изданія; поспѣшность же эта необходима потому, что я пробуду въ Петербургѣ не долго. Отправлюсь отсюда въ Москву и далѣе, потомъ возвращусь туда опять, но на короткое время, чтобы испросить позволеніе ѣхать опять за границу: ибо жены съ собою не могу взять. Долговременная болѣзнь, которою она болѣе полугода жестоко страдала, по своимъ слѣдствіямъ, требуетъ, чтобы она непрерывно провела слѣдующую зиму въ климатѣ умѣренномъ. Это разстроило мои планы, и я не прежде переселюсь *вовсе* въ Россію, какъ весною будущаго года, если только Богу угодно будетъ послать женѣ полное выздоровленіе. А вы напишите мнѣ отвѣтъ немедленно по полученіи моего письма; оно дождется меня у Ле-

онтія Васильевича Дубельта. Напишите подробно о томъ, какую работою теперь занимаетесь и какіе имѣете впереди литературные планы. Я надѣюсь, что Саллюстія вы уже кончили. Если со временемъ примѣтеться за письма І. Миллера и переведете избранныя, лучшія письма изъ его переписки съ Бонстеттенемъ и съ другими, то окажите этимъ истинную услугу не одной литературѣ, но и литераторамъ и не литераторамъ, первымъ: указавъ имъ примѣромъ, какъ надобно *трудиться* на избранномъ ими поприщѣ, *вторымъ*: возбуждвъ въ нихъ любовь къ учению, образовательному для ума и сердца. Въ Миллерѣ удивительно много этой возбуждающей силы; я увѣренъ, что его письма будутъ прочитаны съ жадностію, увѣренъ въ этомъ потому, что такое дѣйствіе произвели нѣкоторыя немногія мною переведенныя его письма (съ французскаго, за неимѣніемъ въ рукахъ оригинала) и помѣщенные мною въ Вѣстникъ Европы, котораго я былъ тогда жалкимъ издателемъ⁽³⁾. Миллеръ въ своихъ письмахъ гораздо простѣе и доступнѣе для перевода, нежели въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ часто мастерилъ по образцу и подобію Тацита, чѣмъ произвелъ многихъ весьма неудачныхъ подражателей. Само по себѣ разумѣется, что писемъ его всѣхъ переводить не слѣдуетъ; ихъ наберется до десяти томовъ, но изъ этихъ десяти томовъ могутъ выйдти два, изъ которыхъ одинъ могли бы наполнить избранныя письма къ Бонстеттену, а другой избранныя письма къ современникамъ, все въ хронологическомъ порядкѣ. Въмѣсто предисловія къ книгѣ можно бы взять Геренову біографію Миллера; а вслѣдъ за письмами можно бы выдать переводъ 24 книгъ Всемирной Исторіи, за которыми могъ бы послѣдовать переводъ Менцелевой новѣй-

шей исторіи, доведенной до низверженія Наполеонова. Это было бы полнымъ, высокимъ созданиемъ. Говорю смѣло *созданіемъ*, ибо знаю, что *переводить* великаго писателя гораздо труднѣе, нежели *писать свое*, то-есть труднѣе въ отношеніи языка. Кто (имѣя талантъ) пишетъ свое, тотъ идетъ свободно по *своимъ* дорогѣ; кто переводитъ, тотъ долженъ скакать на канатѣ, чужими руками натянутомъ.

Таковы теперь вамъ мои предложенія. У меня есть въ Петербургѣ, въ моей тамъ оставленной библиотекѣ, и Миллеръ (полный) и Менцель. Я ихъ къ вамъ пришлю. Но это не обязываетъ васъ предпочитать моего плана вашему, быть можетъ, уже совсѣмъ обдуманному. Сообщите его мнѣ, дабы я могъ напередъ порадоваться вашими свѣтлыми надеждами *труда, успокоивающаго душу и дающаго крылья времени*. Въ своемъ письмѣ говорите вы о Майдемоновой *Жизни Цицерона*; я давно читалъ ее и съ величайшимъ удовольствіемъ. Она прекрасно знакомитъ съ Цицерономъ, который самъ часто въ своихъ рѣчахъ выходитъ въ ней на сцену; жаль только, что ходъ историческаго повѣствованія сбивчивъ, отъ чего чтеніе книги часто бываетъ утомительно. Въ исторіи едва ли не самое главное *планъ цѣлаго*; въ этомъ *созданіи* *свѣли* *приспешствій*, не нарушая истины, состоитъ творческая сила историка. Виландовъ Діогенъ—другое дѣло. Я радъ, что онъ послужилъ вамъ для гимнастики въ Латинскомъ языкѣ. Но у меня теперь отлегло сердце отъ Виланда; онъ чисто язычникъ въ своей философіи и едва ли не эпикуреецъ. А его стихотворенія (не исключая и самого Оберона) много яду пролили въ молодые сердца, пробудивъ въ нихъ чувственность, которая пріобрѣтаетъ ужасную силу, будучи пропущена сквозь кубикъ поэзіи. Теперь Виландъ довольно забытъ, но многія изъ вредныхъ ядовитыхъ растений,

(3) Въ 1808 и 1809 годахъ.

разросшихся на почвѣ настоящаго поколѣнія, родились изъ сѣмянъ, брошенныхъ его сладострастною Музою.

Но я хотѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, а вышли страницы. Говоря о писательствѣ, легко записаться. И мое писательство, не смотря на устарѣлость (чтобы не сказать: старость), все еще тянется. Моя Одиссея дошла до 13-й пѣсни и была бы уже кончена, если бы не остановили бы моей Музы болѣзнь сперва моя, потомъ женаина, и разныя печальныя обстоятельства. Если Богъ позволить, кончу въ годъ, лишь бы только имѣть полное уединеніе и здоровье. Потомъ примусь за прозу, которая теперь какъ-то становится для меня привлекательнѣе поэзіи; въ поэзіи, такъ сказать, языкъ *надежды*, а въ прозѣ языкъ *настоящаго*; поэзія живетъ возможнымъ, проза живетъ существеннымъ; въ мой годы, не унижая поэзіи, невольно переходишь на сторону прозы, ибо здѣшнее все принадлежитъ или прошедшему, или настоящему, а надежда перешла уже за границу жизни и здѣсь ничего *здѣсь желаннаго* сулить не можетъ. Но надобно знать границы и болтовнѣ. Простите. Преданный вамъ *Жуковский*.

$\frac{6}{18}$ Мая 1847. Франкфуртъ на М.

4.

Я недавно увѣдомлялъ васъ, любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, что ѣду въ Петербургъ, и что тамъ устрою все для напечатанія вашего Кесаря. Но Богъ иначе устроиваетъ наши дѣла земныя, и все наше земное искусство и достоинство состоятъ въ томъ, чтобы смиренно забывать наши собственные планы и выбирать, какъ лучшіе, тѣ, которые начертываетъ для насъ рука Промысла, не спрашивая какъ и почему? У каждаго изъ насъ свой крестъ: мой крестъ въ эту минуту есть болѣзнь, уже давно продолжающаяся, моей же-

ны. Я думалъ, оставя жену во Франкфуртъ, поѣхать въ Петербургъ и провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Россіи. Но докторъ велитъ вести жену въ Швейцарію, находя, что для ея изцѣленія необходимо провести нѣсколько мѣсяцевъ въ горномъ, цѣлительномъ климатѣ. И такъ теперь мой путь не на сѣверъ, а на югъ. На будущую весну, если Богъ позволитъ, одинъ или съ женою, непременно отправляюсь въ Россію. Боюсь однако туда послать вашъ манускриптъ безъ себя: это ваше дитя, отданное мнѣ на руки; я за него долженъ болѣе бояться, нежели за собственное. И такъ возьмите терпѣніе. А между тѣмъ подумайте о тѣхъ работахъ, о которыхъ я писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, и займитесь ими. Но и то бѣда; есть ли у васъ I. Миллеръ? Если бы я былъ въ Петербургъ, я послалъ-бы вамъ свой экземпляръ. Но книги мои всѣ въ ящикахъ, и нельзя поручить никому найти въ этомъ хаосѣ Миллера. Прошу васъ обо всемъ этомъ написать мнѣ словечко. Мнѣ будетъ весьма приятно знать вдаль, какъ идутъ ваши занятія и что теперь составляетъ предметъ ихъ. Будьте съ Богомъ. Вамъ искренно преданный *Жуковский*.

$\frac{3}{15}$ Юня 1847.

Франкфуртъ на М.

На адресъ: „Его высокоблагородію Александру Ѳедоровичу Фонъ-деръ-Бриггену“. Другою рукою приписано: „При семъ 141 р. 58 к. серебромъ“.

5.

Любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ! Пишу къ вамъ нѣсколько строкъ только для того, чтобы васъ вывести на мой счетъ изъ недоумѣнія: я такъ давно къ вамъ не писалъ, что вы можете меня почитать умершимъ. Но еще живъ курилка! Та только бѣда, что обстоятельства, и самыя грустныя, болѣзнь жены, принудили меня и на нынѣшній годъ остаться за гра-

ницею. Иначе я, возвратясь, увѣдомилъ бы васъ тотчасъ и о своемъ приѣздѣ и о вашемъ Кесарѣ. Но Кесарь отправился съ моими пожитками въ Петербургъ; Что онъ дорогою не погибнетъ, за это ручается его слово: „Не бойся, кормщикъ, несетъ корабль твоей Кесаря и его Фортуны“. Но доплывъ до берега, Кесарь долженъ будетъ взять терпѣніе и дожидаться, когда я, возвратясь на родину, выпущу его изъ заклепа. Жаль мнѣ этой задержки, но дѣлать нечего: необходимость есть воля высшая, ей надобно покориться, не скрѣпя стоически сердце, какъ передъ древнимъ Фатумомъ, а сказавъ ей: воля Его и слава Ему! Простите. Напишите ко мнѣ. Я живу въ Баденѣ, и не на розахъ. *Вашъ Жуковский.*

¹⁰
²² Октября 1848.

Баденъ-Баденъ.

6.

Любезнѣйшій Александръ Федоровичъ! Вы, можетъ быть, уже думаете, что меня нѣтъ на свѣтѣ, и ваше воображеніе, можетъ быть, уже схоронило меня и отпѣло мнѣ панихиду: такъ давно я къ вамъ не писалъ. Но живъ, живъ курилка и еще не умеръ! Та только бѣда, что живетъ не такъ какъ хочется. Вотъ уже три года, какъ я все ѣду въ Россію и все не доѣду; все долженъ оставаться за границею и по самой печальной причинѣ, по болѣзни жены моей, которая противится ея переселенію въ нашъ суровый климатъ. Прошлаго года, полагая, что Эмсъ (которымъ она уже въ третій разъ должна была пользоваться) ей поможетъ, я при отъѣздѣ къ Эмскимъ водамъ, отправилъ всѣ свои пожитки въ Россію, ибо увѣренъ былъ, что по окончаніи курса, самъ поѣду въ слѣдъ за моимъ добромъ—не тутъ то было: Эмсъ, принесшій прежде пользу женѣ, въ этотъ разъ ей повредилъ. Мы принуждены были пере-

селиться въ Баденъ-Баденъ (самое здоровое мѣсто по своему климату для страждущихъ нервами), и дѣйствительно, пребываніе прошлой зимою въ Баденѣ было полезно и женѣ моей, которой болѣзнь была хорошо угадана докторомъ Гугертомъ, и мнѣ, которому покойная жизнь въ Баденѣ дала возможность перевести и напечатать менѣе нежели во сто дней послѣднія XII пѣсней Одиссеи. Въ продолженіи зимы Гугертъ прекрасно приготовилъ радикальное леченіе, которому надлежало начаться прошлою весною. И оно началось весьма благопріятно; но дьяволъ революціи все опрокинулъ. Въ сто того, чтобы на покой лечиться въ Баденѣ, мы должны были спастись отъ бунта, обхватившаго весь этотъ райскій уголокъ, въ Швейцарію. Мы прожили въ прелестномъ Интерлакенѣ до окончанія бунта, который съ чудной быстротою былъ уничтоженъ Прусскою арміею и, благодаря этой быстротѣ, жена могла возвратиться въ Баденъ, снова начать и окончить прерванный курсъ леченія. Но о возвращеніи въ Россію уже думать было поздно: осень была уже на дворѣ. Я хотѣлъ возвратиться одинъ; но Государь, котораго я имѣлъ счастье застать еще въ Варшавѣ, позволилъ мнѣ возвратиться къ семьѣ моей съ разрѣшеніемъ остаться тамъ, гдѣ мнѣ нужно, пока будетъ нужно. Такимъ образомъ я все еще бивакирую на чужбѣ; надѣюсь, что Богъ позволитъ мнѣ кончить мое изгнанничество будущею весною. Вотъ вамъ моя личная Одиссея; она не такъ пріятна, какъ Гомерова; но я хотѣлъ вамъ сообщить ее особенно потому, чтобы дать вамъ вѣсть и о судьбѣ вашего Кесаря, которая такъ тѣсно связана съ моею. Она подвержена какому-то демоническому влиянію. Если-бы манускриптъ вашего перевода не былъ доставленъ мнѣ въ руки, то вѣроятно онъ бы давно былъ напечатанъ, и наши читатели имѣли бы въ рукахъ классическую книгу,

во всѣхъ отношеніяхъ имъ полезную. Я хотѣлъ быть самъ опекуномъ изданія и поэтому не ввѣрилъ этихъ хлопотъ, да заочно и не могъ ихъ ввѣрить, никому другому. Надобно было отложить изданіе до моего возвращенія въ отечество. А когда же я возвращусь, да и возвратюсь скоро ли буду на постоянномъ мѣстѣ, дабы заняться какъ слѣдуетъ изданіемъ? Теперь и манускрипта нѣтъ въ рукахъ моихъ: онъ въ Петербургѣ съ моими книгами и бумагами. Это меня весьма тревожитъ. И этой тревоги не могу иначе унять, какъ сдѣлавъ вамъ слѣдующее предложеніе, на которое васъ прошу непремѣнно согласиться. Если-бы ваша книга не попала въ мои руки, она давно была-бы напечатана и давно принесла-бы плодъ свой, какъ литературный, такъ и матеріальный. Весьма справедливо, чтобы вы были вознаграждены за утрату послѣдняго. Прошу васъ уступить собственность вашего манускрипта мнѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, получивъ отъ меня теперь за манускриптъ прилагаемыя деньги 2500 рублей, послѣ, когда манускриптъ выйдетъ изъ печати и продается, получить вамъ все, что останется за вырубкою всѣхъ

издержекъ на печатаніе. При этомъ можно будетъ даже, если вы того пожелаете, и теперь же приступить къ самому изданію. Мой корреспондентъ, коллежскій совѣтникъ Ростиславъ Родіоновичъ Родіоновъ, у котораго въ рукахъ находятся всѣ мои пожитки, отыщетъ между бумагами моими вашу манускриптъ. Увѣдомьте, хотите ли, чтобы изданіе началось прежде моего возвращенія, или полагаете лучшимъ отложить до тѣхъ поръ, когда я самъ буду въ Россію. Но деньги, которые вамъ доставлены будутъ его превосходительствомъ Леонтьемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ вамъ, и я увѣренъ, что отъ изданія вашей книги мнѣ убытку не будетъ. Увѣдомьте только, хотите-ли, чтобы печатаніе началось; тогда я сообщу вамъ какія еще взять для того мѣры. Дружески обнимаю васъ, преданный вамъ

Жуковскій.

31 Октября 1849.
12 Ноября
Бадель-Бадель.

Получили-ли вы вторую часть Одиссей? Желалъ бы знать ваше мнѣніе о моемъ переводѣ.

ЧЕРТЫ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ ВЪ 1819 ГОДУ.

Карльсбадскія рѣшенія, принятыя въ Авг. 1819 г. и утвержденныя Германскимъ союзнымъ сеймомъ 20-го Сент., были первымъ рѣзкимъ выраженіемъ той злосчастной реакціонной политики, которую князь Меттернихъ (въ чисто эгоистическихъ интересахъ Австріи) направилъ къ подавленію сначала въ Германіи, а потомъ и въ остальной Европѣ, всякаго свободнаго развитія народовъ, и которая сообщила такой ненавистный характеръ Священному Со-

юзу. Тяжелое чувство скорби и негодованія овладѣло нѣмецкимъ обществомъ, когда обнародованы были эти оскорбительныя рѣшенія. Преступленіе двоихъ безумныхъ юношей ⁽¹⁾ вѣднчалось какъ

(1) Студента Занда, убившаго Коцебу въ Магдебургѣ 23-го Марта, и аптекаря Лейпига, сдѣлавшаго вслѣдъ за тѣмъ, 1-го Юля 1819 года, неудачную попытку въ Швальбахѣ умертвить фонъ-Ибелли. Впрочемъ предложеніе о сѣздѣ нѣмецкихъ министровъ для совѣщанія въ Карльсбадѣ сдѣлано было императоромъ Францомъ тотчасъ послѣ убійенія Коцебу.

бы въ вину всему обществу, которое должно было понести за него незаслуженную кару. Лучшіе, благороднѣйшіе люди тогдашней Германіи не скрывали глубокаго огорченія, произведеннаго въ нихъ постановленіями 20-го Сент. Но еще во время самыхъ совѣщаній Карльсбадскаго съѣзда, Меттернихъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Виртембергскаго посланника, графа Винцингероде. Правда, оппозиція эта мало касалась настоящаго предмета Карльсбадскихъ рѣшеній: она болѣе направлена была противъ плановъ Меттерниха на счетъ скрѣпленія (въ австрійскомъ конечно духѣ) союзаго единства и ограниченія либерализма южно-нѣмецкихъ конституцій,—плановъ, которые этотъ ловкій министръ Франца I намѣренъ былъ проводить на предстоявшихъ Вѣнскихъ конференціяхъ. Но уже самый тонъ этой оппозиціи, звучавшей безпощадной насмѣшкой, ясно показывалъ, что Виртембергъ чувствуетъ подъ собою твердую опору и не такъ-то легко подчинится политикѣ Меттерниха, хотя въ нее втянута была уже и Пруссія. Эту опору находилъ себя король Виртембергскій Вильгельмъ I въ родственникѣ своемъ, императорѣ Александрѣ, въ то время еще совершенно свободномъ отъ вліянія австрійскаго министра. И потому, лишь только прошелъ слухъ о намѣреніи Австріи устроить Карльсбадскія совѣщанія, какъ Вильгельмъ задумалъ подготовить ей оппозицію: онъ немедленно созвалъ сеймъ для составленія конституціи и такъ быстро повелѣлъ дѣло, что уже 26 Сентября успѣлъ ее обнародовать. Что бы сказала теперь объ этой конституціи супруга короля, Екатерина Павловна, если бы дожила до нея? Менѣе чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Карамзину, изъ Штуттгарта, отъ 13 Ноября 1818 года ⁽²⁾, она выражала слѣдующія мысли о конституціяхъ: „Вы

ко мнѣ рѣдко пишете, и я не могу согласиться съ вами, чтобъ оно было къ лучшему. Пишите болѣе, а читайте менѣе конституцій германскихъ, которыя не иное, какъ совершенный вздоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи вижу національныя репрезентации, выучилась я цѣнить *всѣ* словъ; хорошіе законы, которые исполняютъ, вотъ лучшая конституція“ ⁽³⁾. Можетъ быть, и самъ король Вильгельмъ не далеко расходился съ своею покойною супругою во взглядъ на „национальныя репрезентации“; но недобрые замыслы Меттерниха вызвали его дать теперъ довольно широкую конституцію своему народу.

Вслѣдъ за обнародованіемъ ея, король Виртембергскій немедленно отправился въ Варшаву, гдѣ въ то время находился императоръ Александръ, чтобы лично переговорить съ нимъ на счетъ Карльсбадскихъ рѣшеній, только что принятыхъ союзнымъ сеймомъ, и склонить его къ поддержкѣ своей политики. Это было ему не трудно сдѣлать. Тревожныя внушенія Меттерниха еще не смущали тогда души Русскаго государя. При немъ стоялъ еще графъ Каподистрія и пользовался его особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ. Какъ нельзя болѣе кстати, онъ воротился тогда изъ своей заграничной поѣздки, и былъ принятъ императоромъ въ Варшавѣ съ обычной благосклонностью. Его взглядомъ долженъ былъ опредѣлиться теперь взглядъ Русской дипломатіи на новое положеніе вещей, созданное въ Германіи Карльсбадскими постановленіями.

Можно было напередъ сказать, какъ отнесется къ нимъ русскій статсъ-секретарь. Еще въ Ахенѣ этотъ „жорифей либерализма“ возбуждалъ Александра не довѣрять Австріи и защищать южнонѣмецкія конституціи. Теперь, разумѣется, онъ долженъ былъ прямо стать противъ реакціонныхъ стремленій ея министра, нравственнымъ свойствамъ

⁽²⁾ Въ концѣ этого года, 29 Декабря, королева скончалась.

⁽³⁾ Незданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина (Спб. 1862 г.), стр. 123.

котораго онъ справедливо давалъ много цѣны. Еще за нѣсколько недѣль до официального отзыва Русскаго кабинета отъ 30 Ноября, графъ Каподистрія такъ опредѣленно высказался о Карльсбадскихъ постановленіяхъ, что не могло оставаться болѣе никакого сомнѣнія на счетъ того, какой взглядъ усвоилъ себѣ императоръ Александръ на дѣло, къ которому Берлинскій кабинетъ, отдавшійся совершенно Австріи, призывалъ сочувствіе государя. „Не хорошо—говорилъ графъ Каподистрія въ продолжительной бесѣдѣ съ Баденскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Петербургскомъ кабинетѣ, барономъ Блиттерсдорфомъ, вскорѣ по возвращеніи государя въ Петербургъ (4 Ноября)—не хорошо, что министры поспѣшили собраться въ Карльсбадѣ, не освободившись еще отъ страха, внушеннаго имъ либеральными рѣчами южно-нѣмецкихъ палатъ. Страхъ всегда бываетъ плохимъ совѣтникомъ, а Карльсбадскія рѣшенія приняты, кажется, прямо подъ его вліяніемъ. Если и вѣрно понимаю положеніе тамошнихъ дѣлъ, то мнѣ остается только пожалѣть о Германіи. Приводить въ исполненіе экзекуціонныя мѣры—дѣло весьма опасное для небольшихъ государствъ; оставить же ихъ безъ исполненія—значить еще болѣе теперешняго уронить сеймъ въ общемъ мѣнѣи“ (4). Каподистрія говорилъ, что сеймъ можетъ быть поставленъ въ крайне неловкое положеніе въ томъ случаѣ, если палаты конституціонныхъ государствъ союза заявятъ, что то или другое постановленіе сейма противорѣчитъ конституціи,—въ этомъ отношеніи онъ также называлъ Карльсбадскія постановленія и ошибочными и опасными. „Весьма щекотливая вещь—продолжалъ графъ—производить измѣненія въ конституціяхъ, утвержденныхъ

словомъ государей. Къ тому же нѣтъ вовсе и образца, по которому можно было бы исправить „дурныя“, по выраженію Австріи, южно-нѣмецкія конституціи. Нѣмецкія правительства никогда не примутъ изданныхъ сеймомъ общихъ постановленій въ руководство по дѣламъ своего внутренняго управленія. Если же они, не взирая на свой суверенитетъ, хотятъ подчиниться какой-нибудь власти, такъ пусть выбираютъ себѣ главу, но одинаго, а не тридцать восемь (5). Конечно, противъ злоупотребленій печати и университетовъ можно было принять нѣкоторые временныя мѣры; но, составляя результатъ добровольной рѣшимости всѣхъ членовъ союза, онѣ должны были носить на себѣ характеръ взаимнаго соглашенія, а не союзнаго узаконенія“ (6).

(5) «Sont-ils souverains pour se soumettre à une autorité quelconque, eh bien, qu'ils se choisissent un chef, mais un seul et non pas 38».

(6) Какъ не похожъ здѣсь благородный языкъ графа Каподистрія на обскурантныя рѣчи Стурдзы о тогдашней нѣмецкой печати и университетахъ, въ которыхъ онъ видитъ не болѣе, какъ организованный заговоръ, тайное скопище развратителей юности, буйныхъ крамольниковъ, навѣтниковъ общественной власти, жемудрыхъ наставниковъ, внушавшихъ будто бы юнымъ безумцамъ, что «всѣ средства, даже самыя преступныя, позволительны для благой цѣли, что выспрѣнные замыслы оправдываютъ всѣ роды беззаконій и даже вѣроломное убійство!» Какъ далеко Каподистрія отъ одобренія Карльсбадскихъ мѣръ противъ свободы печати и университетскаго преподаванія, принятыхъ по внушенію Меттерниха и нанесшихъ себѣ такого краснорѣчиваго защитника въ Стурдзѣ! «Убѣдись сами горестными признаками обширнаго заговора (т. е. преступленіемъ Запа и Лѣнинга) въ необходимости положить, хотя на время, предѣлъ изступленію своевольства, говоритъ Стурдза, правительства германскія единодушно приняли строгія мѣры къ обузданію навѣтниковъ общественной безопасности. Всѣ *промышленники* по части наукъ и періодическаго изданія журналовъ, вмѣстѣ съ студентами, подчинены были надзору, цензурѣ и полицейскимъ постановленіямъ, кои введены были по всѣмъ университетамъ». Воспоминанія о жизни и дѣяніяхъ графа И. А. Каподистрія, соч. А. С. Стурдзы, стр. 88 (въ Чтеніяхъ моск. общ. истор. и др. рос. 1864, кн. 2). Сл. у насъ выше, стр. 644.

(4) «On aura alors—продолжалъ графъ—révélé à toute l'Allemagne et la faiblesse des différents gouvernements qui ont cherché un appui dans la diète et la faiblesse de la diète qui n'est pas en état de fournir le secours qu'on lui demande».

Такъ же рѣшительно графъ Каподистрія осуждалъ Карльсбадскія опредѣленія и въ разговорѣ съ Баденскимъ министромъ Берштеттомъ, который исполнился такого страха предъ демагогами, что уже не могъ болѣе замѣчать никакой другой опасности. Каподистрія совѣтовалъ ему *дважды* подумать, прежде чѣмъ согласиться въ Вѣнѣ на принятіе какой-нибудь реакціонной мѣры. Ибо—писалъ онъ ему—каждый попятный шагъ, который впредъ принуждены были бы сдѣлать нѣмецкія правительства, будетъ для нихъ невозвратною потерей (7).

Таковъ былъ взглядъ графа Каподистрії на Карльсбадскія постановленія. Имъ хорошо объясняется то положеніе, какое на первыхъ порахъ приняла Россія по отношенію къ Германіи. Императоръ Александръ далъ въ Варшавѣ обѣщаніе королю Виртембергскому поддерживать его политику. Русскія дипломатическія бумаги о Карльсбадскихъ опредѣленіяхъ, составленные уже по возвращеніи государя въ Петербургъ, очевидно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа Каподистрії, были исполненіемъ этого обѣщанія. Онѣ произвели сильное впечатлѣніе въ Германіи. Гертвинусъ приводитъ извѣстіе, что уже въ концѣ 1819 года по рукамъ нѣмецкой публики ходилъ циркуляръ къ русскимъ посланникамъ въ Германіи, похожій на манифестъ, увѣрявшій маленькіе нѣмецкіе дворы, что Россія будетъ поддерживать ихъ въ оппозиціи противъ требованій Австріи (8). Этотъ любопытный циркуляръ, бывшій, кажется, неизвѣстнымъ знаменитому нѣмецкому историку, лежитъ теперь передъ нашими глазами.

(7) «Chaque pas que les gouvernements allemands seront forcés à l'avenir de faire en arrière sera une perte irréparable pour eux.» См. Correspondenzen und Actenstücke zur Geschichte der Ministerconferenzen von Carlsbad und Wien in den Jahren 1819, 1820 und 1834, herausgeg. von Friedrich von Weech (Leipzig, 1865), стр. 33—34.

(8) Исторія девятнадцатаго вѣка, т. II, стр. 592 (Спб. 1863).

Но возникаетъ вопросъ: какъ далеко готова была Россія зайти въ поддержкѣ этой оппозиціи? Гертвинусъ отвѣчаетъ: „Русскій императоръ такъ серьезно взялся за это дѣло, что отправилъ въ Англію конфиденціальную депешу (2 Декабря), говорившую о немедленномъ вооруженномъ вмѣшателствѣ; по крайней мѣрѣ это видно изъ того, что отвѣтъ Кастльри князю Ливену, превозносившій единодушіе англійскаго и русскаго дворовъ, былъ наполненъ тонкими упреками Россіи, что она хочетъ идти слишкомъ далеко: показывая видъ, будто нѣжно обнимаетъ, онъ ловко обезоруживалъ Россію. И Россія и Англія — говорилъ Кастльри — положили себѣ правиломъ удерживаться отъ всякаго вмѣшательства; Англія воздержалась отъ всякихъ замѣчаній по поводу Карльсбадскихъ конференцій; а если то, что задумано теперь, приведетъ къ нарушенію союзнаго акта, то державы, не принадлежащія къ союзу, могутъ найдти нужнымъ спокойно просить объясненій о нарушеніи трактатовъ. Въ существѣ дѣла Англія согласна съ Россіею; она разсудительно смотритъ на положеніе Германіи, видитъ, что экзальтированный энтузіазмъ временъ убійства Коцебу вдругъ исчезъ, ослабѣвъ послѣ чрезмѣрной напряженности. Англія убѣждена и въ справедливости того принципа, что нѣмецкій союзъ не долженъ служить орудіемъ великихъ державъ, а существуетъ для охраненія интересовъ слабѣйшихъ государствъ и долженъ быть въ согласіи съ ихъ мнѣніями и стремленіями“ (9).

Что Русскій государь весьма неравнодушно отнесся къ тому новому положенію, въ какомъ очутилась Германія вслѣдствіе Карльсбадскихъ постановленій—это лучше всего видно изъ обнародованныхъ теперь русскихъ дипломатическихъ бумагъ отъ 30 Ноября 1819 г. Въ „Депешѣ императорскимъ министрамъ въ Германію“ Александръ I-й выразилъ

(9) Тамъ же, стр. 592—593.

намѣреніе, прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе по этому дѣлу, посоветоваться напередъ съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ, къ которому и обратился съ конфиденціальною депешой отъ 2 Декабря. Но едва ли эта депеша могла говорить о *вооруженномъ вмѣшателствѣ* во внутреннія отношенія Германіи, вмѣшателствѣ „всегда ненавистномъ“, какъ выразился объ немъ императоръ дня за два передъ тѣмъ. Въ это время онъ еще не уклонился отъ мудрой политики невмѣшательства, которую начерталъ себѣ съ самаго начала царствованія и которой вполне сочувствовалъ и графъ Каподистрія. „Если я примусь за оружіе—говорилъ онъ 4 Іюля 1801 года—такъ только для защиты моего народа и жертвъ честолюбія, грозящаго безопасности цѣлой Европы. Я не вмѣшаюсь во внутреннія несогласія, волнующія другія государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни устанавливали у себя народы; пусть только руководствуются въ отношеніи къ моей имперіи тѣмъ же духомъ справедливости, какимъ руководствуюсь я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ“ (10). Политика *всегда ненавистнаго* вмѣшательства, такъ дорого потомъ стоившаго Россіи, была даромъ Меттерниха, который тогда былъ еще далеко отъ государя. Справедливость этихъ соображеній находитъ свое оправданіе и въ одномъ современномъ свидѣтельствѣ. Баденскій министръ, баронъ Берштеттъ, проѣздомъ въ Вѣну на конференціи, видѣлся и говорилъ въ Штуттгартѣ съ королемъ Виртембергскимъ, вскорѣ по возвращеніи его изъ Варшавы. Переговоры съ императоромъ Александромъ—писалъ онъ—утвердили короля въ рѣшимости отстаивать свою политику, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушили ему убѣжденіе, что Русскій императоръ никогда прямо не вмѣшается въ дѣла Германіи (11).

(10) Вѣнскій конгрессъ, С. М. Соловьева (Рус. Вѣст. 1865, № 2, стр. 386).

(11) Correspondenzen und Actenstücke, стр. 30.

Какъ бы то ни было, но Меттернихъ былъ сбитъ съ своей позиціи. Варшавское свиданіе, на которомъ, какъ извѣщали его, императоръ Александръ далъ формальное обѣщаніе своему родственнику поддерживать его политику, громкіе и рѣзкіе отзывы о Карльсбадскихъ рѣшеніяхъ графа Каподистрія, самаго вліятельнаго при императорѣ челоуѣка, еще до начала Вѣнскихъ конференцій (12), заставили Меттерниха совершенно отказаться отъ тѣхъ широкихъ реакціонныхъ плановъ, которые онъ намѣренъ былъ проводить на нихъ. Послѣдовавшія за тѣмъ (уже во время самыхъ совѣщаній въ Вѣнѣ нѣмецкихъ министровъ) русскія дипломатическія бумаги касательно Карльсбадскихъ рѣшеній, переговоры императора Александра съ Англійей по поводу этихъ рѣшеній—остались не безъ вліянія и на самый ходъ конференцій. Меттернихъ уже не встрѣчалъ въ Вѣнѣ Карльсбадской предупредительности и послушанія со стороны уполномоченныхъ представителей разныхъ нѣмецкихъ государствъ и самъ сознавался, что не могъ склонить конференцію на принятіе „мѣръ смѣлѣе и энергичнѣе Карльсбадскихъ“ (13).

Не смотря на эту чувствительную неудачу, виною которой былъ главнымъ образомъ русскій императоръ, Меттернихъ не могъ отчаяваться за будущность своей политики. Обстоятельства тогдашней эпохи чрезвычайно какъ благопріятствовали ея печальному развитію. Новый 1820 годъ открылся для австрійскаго министра при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Рафаэль Ріего поднялъ знамя испанской революціи (1-го Января), Лувель умертвилъ герцога Беррійскаго (13-го Февраля). Эти событія послужили какъ бы торжественнымъ оправданіемъ реакціоннымъ замысламъ Меттерниха. Теперь наступало его время, и онъ съ радостью долженъ

(12) Съ 25 Ноября 1819 по 24 Мая 1820 года.

(13) Исторія девятнад. в., т. II, стр. 594.

былъ привѣтствовать зловѣщую зарю его еще во время Вѣнскихъ конференцій. Подъ вліяніемъ роковыхъ происшествій, императоръ Александръ сталъ колебаться въ своихъ либеральныхъ убѣжденіяхъ. Въ началѣ совѣщаній нѣмецкихъ министровъ, Меттерниху казалась весьма опасною оппозиція Мюнхенскаго и Штуттгардскаго дворовъ, потому что онъ подозрѣвалъ тутъ внушенія со стороны Петербургскаго кабинета; но теперь стали приходять изъ Петербурга самыя успокоительныя для него извѣстія. Австрійскій посланникъ, баронъ Лебцельтернъ, писалъ, что императоръ Александръ начинаетъ расходиться съ графомъ Каподистріей во взглядѣ на Карльсбадскія рѣшенія и дѣлъ Вѣнскихъ работъ, что онъ все яснѣе и яснѣе высказывается въ пользу тѣхъ и другихъ и даже не скрываетъ своего сожалѣнія по поводу оппозиціи Баваріи и Виртемберга. Положеніе Каподистріи—сообщалъ баронъ—все болѣе и болѣе дѣлается одинокимъ; ему не удалось склонить императора къ своему мнѣнію, и теперь графъ Нессельроде громко высказываетъ сужденія, рѣшительно не согласныя съ убѣжденіями Каподистріи.

Съ другой стороны извѣщали, что императоръ Александръ, въ разговорѣ съ датскимъ посланникомъ графомъ Бломе, выразилъ одобреніе всему, что сдѣлано въ Карльсбадѣ, и прибавилъ: „Я не могу понять системы Баваріи и Виртемберга; въ Варшавѣ я просилъ моего зятя объяснить мнѣ ее и сказалъ ему, что гораздо лучше было бы съ его стороны еще въ Карльсбадѣ воспротивиться всему тому, что онъ считалъ невозможнымъ исполнить, нежели теперь играть двусмысленную и недостойную роль предъ своими союзниками и собственнымъ народомъ“ (14).

(14) Последняя мысль, высказанная императоромъ еще въ ночь 30 Ноября, была совершенно вѣрна. Большинство либеральныхъ писателей, осыпающихъ неумѣренными похвалами оппозицію Баваріи и Виртемберга, упуска-

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1820 года произошелъ тотъ роковой поворотъ во внѣшней политикѣ императора Александра, который сопровождался такими грустными послѣдствіями и внутри государства. Въ одобреніи Карльсбадскихъ рѣшеній, такъ недавно еще отвергнутыхъ Россіей, въ ослабленіи вліянія графа Каподистріи, мы усматриваемъ уже знаменіе новаго направленія, возникавшаго подъ другимъ вліяніемъ, направленія, которому мало-помалу началъ слѣдовать императоръ, измѣняя либеральнымъ началамъ лучшей эпохи своего царствованія (15). Политика невмѣшательства была теперь оставлена, и никакія усилія графа Каподистріи не могли поддержать ее. Онъ все еще состоялъ при Александрѣ, продолжалъ пользоваться его дружбою, ѣздилъ съ нимъ на конгрессы, но уже не могъ удержать его отъ увлеченія политикой Меттерниха, въ которую Россія втянута была въ Троппау (1820) (16) и на служеніе которой она окончательно заручилась въ Лайбахѣ (1821). Поэтому Каподистрія уже отказался сопровождать государя въ Верону, и въ Августѣ 1822 года оставилъ Россію (17).

ютъ, кажется, изъ виду то обстоятельство, что выкажи одно изъ этихъ государствъ болѣе мужественной твердости, и постановленія 20 Сентября 1819 года не могли бы состояться. *Congresspondenzen und Actenstücke*, стр. 36—37.

(15) Замѣтимъ кстати, что едва ли не первымъ фактическимъ выраженіемъ этой происшедшей въ императорѣ перемѣны направленія была ссылка Пушкина за стихотвореніе незначительное («Вольность») и на ту пору такъ мало распространенное, что по словамъ г. Ковалевскаго, графъ Милорадовичъ съ большимъ усиліемъ могъ достать его для представленія государю. (Гр. Блудовъ и его время, стр. 134.)

(16) Въ Троппау же государь получилъ извѣстіе и о дѣлѣ Семеновскаго полка, и взглянулъ на него уже глазами Меттерниха, см. его письмо о томъ къ гр. Аракчееву въ Чтеніяхъ моск. Общ. вст. и др., 1864, кн. 4.

(17) «Жаль—писалъ Карамзинъ къ А. Ѳ. Малиновскому отъ 10 Августа 1822 года—жаль, что любезный, умный графъ Каподистрія насъ оставляетъ. Такихъ людей мало». (Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому. М. 1860, стр. 66.)

Цѣлый рядъ печальныхъ фактовъ ознаменовалъ начало этого реакціоннаго направленія въ исторіи русскаго народнаго образованія. Стоитъ вспомнить только ревизію Казанскаго университета (1819), инструкціи директору и ректору этого университета (1820), запрещеніе книги профессора Куницына— *Право естественное* (1820), принятіе въ руководство по С.-Петербургскому университету инструкцій, изданныхъ для университета Казанскаго (1821), и послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ дѣло по обвиненію профессоровъ С.-Петербургскаго университета во вредномъ преподаваніи наукъ (1821); стоитъ вспомнить только эти факты, чтобы понять характеръ новаго направленія. Известно, что инициатива его принадлежитъ Магницкому, который имѣлъ цѣлью „основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза“. Надо впрочемъ замѣтить, что, если его печальная дѣятельность, вообще говоря, направлялась духомъ обскурантныхъ мѣръ, принимавшихся тогда нѣкоторыми европейскими правительствами противъ университетовъ⁽¹⁸⁾, то началась она едва ли не подъ прямымъ вліяніемъ внушеній злосчастнаго Ахенскаго памфлета Стурдзы „*Mémoire sur l'état présent de l'Allemagne*“. По крайней мѣрѣ ревизія Казанскаго университета и начата и окончена была Магницкимъ⁽¹⁹⁾ еще за полгода до сентябрьскихъ постановленій Франкфуртска-

(18) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Магницкій въ донесеніи своемъ министру Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, отъ 9 Мая 1823 года: «Собранные у меня акты Австріи, Пруссіи и Франціи, съ 1819 года, обличаютъ разрушительныя начала народнаго воспитанія, ставятъ ему твердыя преграды и доказываютъ, что всѣ помянутыя государства положительность и близость сей опасности почувствовали и ее уже отвратили; мы ли одни останемся въ бездѣйствіи? мы да... (Рус. Арх. 1864, стр. 327—328).

(19) Предписаніе объ осмотрѣ Казанскаго университета онъ получилъ 10 Февраля 1819 года, а донесеніе свое представилъ 9 Апрѣля, уже по возвращеніи въ Петербургъ.

го сейма; о самомъ убійствѣ Коцебу онъ могъ узнать уже по возвращеніи въ Петербургъ, писавъ свое донесеніе, въ которомъ и не преминулъ воспользоваться преступленіемъ Занда, какъ сильнымъ доводомъ въ подкрѣпленіе своей мысли о необходимости закрыть Казанскій университетъ. „Все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства—писалъ онъ—будетъ на сторонѣ правительства. Актъ объ уничтоженіи университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что безъ всякаго сомнѣнія всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ“. Магницкому не удалось провести своей мысли объ уничтоженіи Казанскаго университета; но 8-го Іюня 1819 года онъ былъ назначенъ попечителемъ его, а 17 Января 1820 года были утверждены составленныя имъ „Инструкціи директору и ректору Казанскаго университета“. При сочиненіи ихъ Магницкій вѣроятно имѣлъ уже подъ руками сентябрьскія постановленія союзнаго сейма относительно университетовъ. Но если въ нѣмецкихъ университетахъ—и профессора и студенты—отдавались подъ надзоръ уполномоченнаго отъ правительства чиновника, то въ русскомъ университетѣ, по инструкціямъ Магницкаго, надзоръ надъ ними раздѣлялся между двумя такими чиновниками: одинъ былъ „довѣренный гражданскій чиновникъ“—директоръ университета, новоучрежденная должность котораго состояла въ завѣдываніи хозяйственнымъ и полицейскимъ управленіемъ университета и нравственнымъ образованіемъ его во-

(20) Извѣстіе о смерти Коцебу получено было въ Петербургѣ въ концѣ Марта: отъ 31 числа этого мѣсяца, Карамзинъ писалъ объ ней къ Дмитріеву: «Коцебу зарѣзанъ въ Мангеймѣ студентомъ за его немодный образъ мыслей. Что-то будетъ съ Стурдзою?» (Ш. М. Карамзинъ, Погодина, М. 1866, ч. II, стр. 401).

спитанниковъ; другой „довѣреннѣйшій изъ ученыхъ чиновниковъ“ — ректоръ университета, обязанный блюсти за доброю нравственностью, христіанскимъ благочестіемъ, духомъ преподаванія и поведеніемъ въ университетѣ и внѣ его самихъ профессоровъ⁽²¹⁾. Если Магницкій, въ 1819 году, присуждая Казанскій университетъ къ уничтоженію, искалъ себѣ опоры въ преступленіи Занда, то клевететъ его, Д. П. Руничъ, въ 1820 году, восхваляя исполненныя страшнаго обскурантизма „Инструкціи“ Магницкаго, прямо уже сослался на септибрскія постановленія Франкфуртскаго сейма. „Пагубный духъ вольнодумства и своеволія, возникшій въ недавнее время въ Германіи—писалъ онъ—государя Германскаго союза приписываютъ настоящему образованію университетовъ. Сіе особенно изъяснено въ предложеніи предсѣдательствующаго въ собраніи Германскаго сейма графа Буоль-Шауэнштейна, читанномъ, какъ сказано многими газетами, въ бывшемъ 20 Сентября засѣданіи сейма“.

Такимъ образомъ, подъ влияніемъ тогдашнихъ событій въ западной Европѣ, нашедшихъ себѣ такого *цестнаго* истолкователя въ князѣ Меттернихѣ, и обнаружившейся въ императорѣ Александрѣ, (вслѣдствіе сближенія его съ австрійскимъ министромъ) перемѣны убѣжденій, начатое Магницкимъ понятное движеніе образованія въ Россіи, съ каждымъ шагомъ назадъ, пріобрѣтало все болѣе и болѣе силы и смѣлости,—и Руничъ, въ томъ же 1820 году, представляя свой отчетъ о книгѣ Куницына, имѣлъ уже столько смѣлости, что могъ воскликнуть: „Злой духъ тьмы носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ. Счастливымъ почту себя, если, по слову од-

⁽²¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, стр. 1199—1220 (Спб. 1864).

ного почтеннаго соотечественника моего, вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова“⁽²²⁾. Мы не знаемъ, кто былъ этотъ почтенный соотечественникъ Рунича, но онъ долженъ былъ порадоваться его счастью. Перо изъ чернаго крыла „злаго духа тьмы“ было вырвано: книга Куницына была запрещена и изъята изъ обращенія. Успѣхъ подстрекнулъ Рунича. Черезъ годъ, по его ходатайству, инструкціи Магницкаго были введены и въ С.-Петербургскомъ университетѣ⁽²³⁾. Это развязало руки его попечителю. Послѣдовала исторія, возмутительныя подробности которой слишкомъ хорошо извѣстны теперь, чтобы здѣсь распространяться объ нихъ⁽²⁴⁾. Замѣтимъ только, что тотъ дикій обскурантизмъ, которому ввѣрено было тогда знамя русскаго просвѣщенія, и который съ неслыханнымъ безстыдствомъ издѣвался надъ наукой и въ то же время дерзко выставлялъ себя осѣненнымъ высшею благодатію, былъ дѣйствительно явленіемъ „злаго духа тьмы“, носившагося тогда надъ Россіей и профанировавшаго тѣ святыя начала, которыхъ казался охранителемъ...

Таковы были, въ общихъ чертахъ, ближайшія послѣдствія того несчастнаго поворота, который произошелъ во внѣшней и внутренней политикѣ императора Александра, послѣ сближенія его съ Меттернихомъ.

⁽²²⁾ Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Магницкій, стр. 17, 49 и 77 (Спб. 1865 года).

⁽²³⁾ 21 Октября 1821 года. Сборникъ постановленій по мин. нар. проsv., т. I, стр. 1474—1475.

⁽²⁴⁾ Историческая записка о дѣлѣ С.-Петербургскаго университета первоначально напечатана была въ Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн. 1862 г., кн. 3, отд. V, стр. 179—205, потомъ въ «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I-го» (Спб. 1866, стр. 132—159), и наконецъ вторично, въ полнѣйшемъ видѣ, въ Чтеніяхъ 1866 г., кн. 3, отд. V, стр. 67—111. Она составлена профессоромъ С.-Петербургскаго университета Моисеемъ Плисовымъ.

Первымъ шагомъ къ этому сближенію, какъ мы уже замѣтили, была вызванная обстоятельствами того времени перемена взгляда на Карльсбадскія опредѣленія.

Что графъ Нессельроде своими внушеніями не мало способствовалъ этой переменѣ, прямо и положительно засвидѣтельствовано донесеніемъ австрійскаго посланника.

Понятенъ интересъ русскихъ документовъ о Карльсбадскихъ опредѣленіяхъ, документовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ другаго статсъ-секретаря императора Александра, графа Каподистрии, котораго свѣтлый взглядъ не могъ поумитишься предъ чудившимися Меттерниху страшилами.

Мы не будемъ разбирать здѣсь важнаго значенія этихъ документовъ, на которое мы только намекнули. Считаеь не лишнимъ впрочемъ замѣтить, что „вѣжливый, но тѣмъ не менѣ диктаторскій и покровительственный тонъ“, которымъ звучитъ въ нихъ языкъ русской дипломатіи и который такъ оскорбляетъ современное патріотическое чувство Нѣмцевъ⁽²⁵⁾, былъ естественнымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, того первенствующаго значенія, какое приобрѣлъ въ Европѣ, послѣ войнъ за освобожденіе, русскій императоръ, этотъ „Агамемнонъ“, этотъ „царь царей“, какъ назвала его госпожа Сталь въ 1815 году, съ другой — жалкаго положенія безсильной въ своей раздробленности Германіи, которую самъ же Меттернихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ поставилъ подъ охраненіе великихъ державъ.

⁽²⁵⁾ «Die russischen Actenstücke—говоритъ Вахъ sind ein trauriges Zeugnis der Stellung unseres Vaterlandes zu den groszen Mächten Europa's, so lange es, im Innern zerrissen, die weltgebietende Stellung nicht erringt, zu der es den höchsten Beruf und die reichsten Mittel besitzt. Der höfliche, aber doch dictatorische Klang, dieser Vor mundston in der Sprache der russischen Diplomatie,—er ist ein Typus der Art und Weise, mit der uns das Ausland betrachtet und zu behandeln wagt und wagen wird, so lange wir uns nicht die Achtung erzwingen, die im Verkehr der Völker nur die Macht sich erwerben kann».

Помѣщая здѣсь эти русскіе документы, мы должны замѣтить также, что впервые они напечатаны были гамбургскимъ профессоромъ Л. К. Эгиди въ *Историческомъ журналѣ* г. Зибеля подъ общимъ заглавіемъ: „Первое впечатлѣніе, произведенное Карльсбадскими постановленіями на С.-Петербургскій кабинетъ“⁽²⁶⁾, но съ значительными ошибками, происшедшими отъ неисправности бывшаго подъ руками Эгиди списка. Мы заимствуемъ ихъ изъ книги Ф. Ваха „Переписка и документы, относящіяся къ исторіи министерскихъ конференцій въ Карльсбадѣ и Вѣнѣ 1819, 1820 и 1834 годовъ“⁽²⁷⁾, гдѣ они напечатаны съ болѣе исправнаго, хотя также далеко не вполне удовлетворительнаго, списка. Впрочемъ настоящій текстъ ихъ легко возстановить сличеніемъ обоихъ списковъ.

М. Шуцуровъ.

Одесса
19 Февр. 1867.

I.

Note verbale remise aux Envoyés d'Autriche et de Prusse et communiquée à toutes les missions de l'Empereur en Allemagne.

St.-Petersbourg le 30 Novembre 1819.

La nouvelle instruction circulaire, que reçoivent tous les Ministres de l'Empereur en Allemagne, répond aux communications que Mr. le Baron de Lebzelter (Mr. le Général de Schoeler) a adressées au Cabinet de Russie, en lui faisant connaître les arrêtés pris le 20 Septembre par la diète de la Confédération Germanique. Le Ministère Impériale se flatte, que dans cette pièce la Cour d'Autriche (de Prusse) trouvera une

⁽²⁶⁾ Historische Zeitschrift 1865, т. XIV, стр. 139—150.

⁽²⁷⁾ Correspondenzen und Actenstücke, стр. 19—26.

nouvelle preuve des sentimens, qui animent S. M. I. envers Ses Augustes Alliés.

Résolu d'appuyer toujours de ses vœux l'idée tutélaire, qui tend à cimenter la plus intime union entre les Etats fédérés de l'Allemagne, l'Empereur s'est convaincu avec regret, que les premiers résultats d'une combinaison aussi salutaire en principe n'ont malheureusement pas répondu par le fait aux espérances qu'elles avaient autorisées ⁽¹⁾.

L'Empereur était prêt à applaudir à l'unanimité des Puissances Allemandes, sans se permettre de discuter les mesures adoptées par Elles. Mais S. M. I. a observé avec une peine vivement sentie, que cette unanimité n'existait plus.

Dès lors ce sujet offre encore une fois une vaste question dans laquelle les Puissances étrangères à l'Allemagne ne peuvent ni se prononcer solennellement, ni surtout agir avant de s'être au préalable concertées entre Elles.

Etablir cet accord, consolider entre les Etats Allemands une union sincère, la rendre forte de ses principes et l'environner, pour ainsi dire, de l'union Européenne, tel est le but que s'est proposé l'Empereur. Tel est celui que signale à S. M. une sollicitude constamment bienveillante envers Ses Alliés et une politique, qui en fin de respecter toujours les intérêts d'une association générale, ne les sépare pas de la scrupuleuse observation des actes sur lesquels repose la paix et le bonheur de l'Europe. Si pour remplir cette tâche l'Empereur ne balance point à énoncer avec franchise Son opinion toute entière, c'est qu'en l'énonçant non seulement Il s'acquitte d'un devoir envers Ses Augustes Amis et envers Lui même, mais qu'Il Leur donne encore la mesure du désir qu'Il a de

servir la cause commune comme la Sienna propre.

Ce désir seul vient de dicter la pièce ci-jointe, dont le Ministère de Russie a l'honneur d'adresser une copie littérale à Mr. le Baron de Lebzelter (à Mr. le Général de Schoeler).

II.

Dépêche aux Ministres de l'Empereur en Allemagne à être communiquée aux Missions de Vienne, de Berlin, de Londres et de Paris.

L'expédition de Varsovie en date du 6/18 Oct. portait à Votre connoissance les communications confidentielles échangées entre les Cours d'Autriche et de Russie relativement aux délibérations de Carlsbad et aux décrets de Francfort du 20 Septembre. Elle annonçait en outre à Votre Excellence des directions ultérieures. Aussi dès Son retour à St.-Petersbourg S. M. I. a-t-Elle voué à leur objet la plus sérieuse attention, et cet objet elle le voyait clairement indiqué dans la dépêche circulaire du comte de Bernstorff en date du 28 Septembre, par laquelle le cabinet de Berlin témoigne le désir de voir les Puissances Européennes applaudir à ce que l'Allemagne vient de faire et marcher dans le même sens. Ainsi les instructions que Vous alliez recevoir, Mr., avaient été conçues et achevées dans la pensée consolante, que la cour de Prusse exprime de la manière que suit: „Cette unanimité précieuse et vraiment admirable met l'union des Etats Allemands dans tout son jour. L'union qui a fait adopter les mesures proposées, garantit encore plus leurs succès et la sureté de l'Allemagne que ces mesures elles-mêmes“.

L'Allemagne en effet représentée à Carlsbad par les premiers ministres de tous ses

(1) У Энци: «qu'elle avait autorisées».

souverains juge de sa situation intérieure. Elle déclare la patrie commune en danger, signale la cause de cette grande calamité et proclame des mesures de salut, sous les auspices de la concorde et de l'unanimité la plus complète. Cet accord répondait d'avance à toutes les incertitudes comme à toutes les espérances. Aussi S. M. I. ne se permit-Elle d'articuler dans les réponses qu'Elle adressa de Warsovie à son Auguste Allié l'Empereur François, aucune observation ni sur les motifs, ni sur la teneur des décrets du 20 Septembre, moins encore sur la manière dont ils pouvaient être mis à exécution. Elle se contenta d'offrir à tous les gouvernemens du corps Germanique l'expression franche des vœux, qu'Elle formait pour voir se réaliser les effets salutaires que devait produire l'aspect seul de la Puissance dictatoriale créée au sein de la diète. L'Empereur se félicitait même d'y contribuer par la coopération indirecte, dont il alloit charger Ses ministres d'après le désir que Lui en avaient témoigné les Cours de Vienne et de Berlin. Les ordres qu'ils étaient sur le point de recevoir, leur prescriraient de se concerter avec leurs collègues, les ministres des cours alliées à l'effet de seconder les Gouvernemens respectifs dans la généreuse entreprise de raffermir sous la garantie de la plus intime union, la paix et la prospérité intérieure de l'Allemagne.

Nous en étions là, lorsque les informations qui nous sont parvenues de toutes les missions de Russie, nous ont appris, que cette union, loin d'être un fait incontestable et positif, devenait malheureusement une hypothèse et peut-être même une illusion, déplorable par sa nature et désastreuse par ses conséquences.

Des faits notoires approuvent ⁽²⁾ que plu-

(2) Тамъ же: «пrouvent».

sieurs Gouvernemens Allemands, rentrés dans l'intimité de leurs propres conseils, désavouent sous diverses formes les ministres, qui ont sanctionné en leur nom à Carlsbad et à Francfort les décrets du 20 Septembre. Dès lors la coopération à laquelle l'Alliance générale comblait ⁽³⁾ appeler les Puissances non Allemandes a changé de motif et d'objet.

Il ne s'agit plus d'applaudir à ce qui vient d'être fait à Carlsbad et à Francfort par les ministres des Gouvernemens de la Confédération, mais de porter ses Gouvernemens à composer une seule et même famille et à adopter de bonne foi les mesures les plus propres à la garantie ⁽⁴⁾ des dangers dont ils la croient menacée.

Il ne s'agit plus de marcher dans le même sens et de renforcer ainsi aux yeux des peuples l'ascendant moral de l'union Allemande, mais de donner à cette union une réalité, dont les parties les plus intéressées s'efforcent malheureusement de faire disparaître jusqu'aux plus faibles prestiges. Pénétré d'un vif sentiment de peine à la vue d'une semblable complication d'intérêts majeurs, S. M. I. s'est trouvée dans la double alternative: ou de prescrire à ses ministres auprès des Etats Allemands, le silence le plus absolu sur toutes les questions, qui se rattachent aux décrets du 20 Septembre, ou de leur donner des directions déduites de l'analyse de ces mêmes décrets et de toutes les considérations relatives aux moyens d'atteindre par une marche franche et loyale le but que se proposent les Etats de la Confédération et de l'atteindre sans compromettre ni la foi des traités, ni les droits qu'ils concernent ⁽⁵⁾. Dans le premier cas l'Empereur aurait donné lieu à des hypothèses

(3) Тамъ же: «semblait».

(4) Тамъ же: «à la garantir».

(5) Тамъ же: «qu'ils consacrent».

ses que la malveillance se plaît à accrédi-
ter. Elle aurait présenté l'attitude ferme
mais réservée de la Russie comme un mo-
yen mis en oeuvre à l'effet d'encourager les
résistances ou dans le dessein plus mépri-
sable encore de maintenir la division, d'ag-
graver le mal et de rendre enfin néces-
saire l'intervention isolée et directe, mais
toujours odieuse de l'Empereur dans les
rapports intérieurs de l'Allemagne. En embras-
sant la seconde alternative, le Cabinet de
Russie aurait eu à prononcer *seul* sur des
questions auxquelles il est étranger, sur des
questions même dont il ignore les vrais élé-
mens, soit qu'il se reporte aux mesures déjà
décidées à Carlsbad, soit qu'il envisage cel-
les qui restent à décider encore et dont la
discussion semble réservée aux conférences
de Vienne. Quoiqu'il en puisse être de ces
difficultés, invariablement disposé par ses
sentimens personnels autant que par sa poli-
tique, à ne considérer la situation des au-
tres états que comme il eut désiré que l'on
considérât la Sienne s'il se trouvait à leur
place,—l'Empereur est prêt à faire cause
commune avec les Alliés et, nous le répé-
tons avec le cabinet de Prusse, S. M. I. se
considère dans l'obligation à s'unir à Ses
Augustes Frères d'armes *dans le même
respect à professer les principes et dans
les mêmes mesures rigoureuses* (6) *pour
les défendre*. Mais en faisant l'application
de cette doctrine tutélaire aux intérêts de la
Confédération Germanique, il semble avant
tout important de *convenir des principes
que les Puissances non Allemands ont à
respecter en Allemagne*, ainsi que des *me-
sures rigoureuses* par lesquelles ces mê-
mes Puissances peuvent *les défendre*. Voilà
la question qui se présente dès qu'il s'agit

(6) Тамъ же: «rigoureuses».

de prononcer dans l'état actuel des choses,
sur les instructions dont peuvent être munis
les ministres étrangers à la Confédération
Germanique, mais accrédités auprès des Sou-
verains Allemands, instructions par lesquel-
les il leur serait prescrit *d'applaudir* au
nom de leurs Cours à ce que *l'Allemagne
a fait et fera* et de déclarer, que leurs Sou-
verains *marchent et marcheront dans le
même sens*.

Ce sujet est immense, et S. M. I. sui-
vant ce qu'Elle a dit, le médite avec ré-
cueillement. Il y a plus. Telle est l'étendue
des rapports, telle est l'importance des inté-
rêts qu'il (7) embrasse, que l'Empereur n'
arrêtera point ses idées avant de connaître
celles que les mêmes méditations auront
suggérées aux Gouvernemens Alliés de S.
M. I. et qui ne faisant point partie de l'
Allemagne se trouvent à son égard placés
dans une position identiquement semblable.
C'est assez dire que dans cette grave con-
joncture l'Empereur éprouve le besoin de
consulter le Cabinet de St. James. Etat
désintéressé comme la Russie, Etat éclairé
par une heureuse expérience sur les moyens
de concilier le bien-être des peuples avec
leurs droits naturels et leurs vœux légiti-
mes, l'Angleterre à qui l'Empereur s'adresse,
saura sans doute répondre complètement
par le résultat des explications, qui auront
lieu sous ce rapport, à la juste attente des
Cabinets de Vienne et de Berlin. L'Empe-
reur se flatte, que par suite de ce concert
préalable les ministres Britanniques et Rus-
ses parleront le même langage tout (8) à
la Cour près de laquelle ils sont accréd-
ités, qu'aux personnes qui honorent les uns
et les autres de leur confiance. Jusque là

(7) Тамъ же: «qu'il».

(8) Тамъ же: «tant».

Vous trouverez dans la présente dépêche des données, qui régleront Votre manière de voir personnelle. Si en attendant Vous étiez appelé par Vos relations à faire connaître, il Vous est recommandé, Mr., de Vous imposer la plus grande circonspection et de ne pas Vous écarter de Vos instructions antérieures qui sont toutes connues tant des Cours d'Allemagne que des autres Cours Alliées.

III.

Faits postérieurs aux Décrets de la Diète Germanique en date du 20 Septembre 1819.

L'Allemagne se croit menacée d'une crise; les ministres de ses principaux Monarques se réunissent à Carlsbad et y adoptent une série de résolutions. Ces résolutions sont soumises à la sanction de la diète Germanique. L'unanimité officielle de toutes les voix les consacre. Quelques semaines s'écoulaient cependant, et les amis du bien et de l'ordre ont à éprouver de vifs regrets. L'accord attesté par des actes publics prend un double caractère d'incertitude; des actes secrets l'invalident, des mesures solennelles lui portent une seconde atteinte. Les Souverains balancent ou reculent; les peuples murmurent ou gardent le silence d'une morne consternation. L'Autriche que son rang, sa puissance et la sagesse de ses conseils ont toujours placée à la tête de l'Allemagne, l'Autriche, envers laquelle cette même Allemagne tourne les regards dans tous les momens de danger et d'alarme, s'était hâtée de répondre à une ⁽⁹⁾ juste confiance; elle avait conçue l'idée mère des arrêtés de Francfort; c'est un hommage que les ministres Allemands se sont plu à lui rendre

dans leurs lettres au Prince de Metternich, et toute foi ⁽¹⁰⁾ l'Autriche semble douter la première de ses propres succès. Elle écrit au roi de Wurtemberg, qu'elle se retirera de la Confédération Germanique, si les arrêtés ne s'exécutent point. Elle fait témoigner la même résolution en Saxe. Deux conséquences en résultent. La Cour de Vienne paraissait ne pas croire aux suites de l'unanimité de Carlsbad, lors même que les Puissances Européennes en acquéraient la preuve matérielle à Francfort.

D'un autre côté, animée des plus bienveillantes intentions pour l'Allemagne, la Cour de Vienne ajoutait néanmoins une alternative comminatoire aux moyens d'exécution, dont la diète paraissait armée. On est donc autorisé à conclure, qu'elle les jugeait encore insuffisants dans leur application rigoureuse, ou plutôt que cette application rigoureuse, elle la jugeait impossible. Les faits parlent aujourd'hui; ils prouvent que la sage prévoyance de l'Autriche ne l'avait pas trompée. Le jour où la diète promulgeait ses décrets à l'unanimité, le roi de Wurtemberg prêtait serment à une Charte constitutionnelle, qui établit une représentation nationale sur des bases bien différentes de celles des anciens Etats, dont les mesures de Carlsbad ordonnent le renouvellement, qui accorde aux tribunaux une indépendance évidemment contraire à la juridiction de la commission de Mayence, qui enfin consacre une publicité de débats hautement réprouvée par les résolutions de la diète.

Cependant le ministre de Wurtemberg déclarait à Francfort, que si son Souverain ne protestait pas contre ces mêmes résolutions, c'était uniquement par suite de la

(9) Тамъ же: «à cette juste confiance».

(10) Тамъ же: «toute fois».

considération personnelle qu'il portait au comte de Buol, et le Roi se rendant en personne à Varsovie confiait à son Auguste beau frère le même mécontentement. L'Empereur lui représenta, que cette divergence d'opinion était tardive, que les ordres donnés au Comte de Winzingerode auraient du lui prescrire d'exprimer à Carlsbad les intentions tout entières de son Souverain et que dans ces jours d'effervescence et d'incertitude une stricte union, un accord inaltérable semblaient constituer pour tous le Gouvernement d'Allemagne un devoir, devant lequel toute considération secondaire, tout intérêt exclusif devaient disparaître et s'anéantir. Mais la charte de Wurtemberg avait déjà été publiée, le serment du roi était prononcé et plus tard il a été répondu au baillage, qui réclamait contre les décrets de Francfort, que le serment et la charte seraient observés avec une fidélité scrupuleusement constante.

Les mêmes regrets se renouvellent, si l'on considère la conduite de la Cour de Munic. Elle avait prévenu la diète, que les décisions de Carlsbad ne seraient exécutées en Bavière que d'après la charte Bavaroise. Elle a malheureusement ⁽¹¹⁾ tenu parole. Son ordonnance du 10 Octobre équivalait à une protestation formelle. Si en effet les décisions de Carlsbad ne doivent être mises à exécution par S. M. le roi de Bavière qu'autant qu'elles ne sont pas contraires à ses droits de Souveraineté, comment concilier l'inviolabilité de territoire, conséquente et garantie de ses mêmes droits, avec ceux dont la diète vient de s'investir et avec les mesures exécutives qu'elle pourrait être dans le cas de prendre pour faire respecter en dernier résultat les décrets de Francfort. Si

cette restriction s'applique encore à la charte Bavaroise, comment supposer la possibilité d'y voir jamais admise la nouvelle interprétation donnée à l'article 13 de l'acte fédéral?

Si enfin aux termes de l'ordonnance du 10 Octobre il faut en outre, que pour être obligatoire les décisions de Carlsbad s'accordent avec toutes les lois existantes en Bavière, comment ne pas présumer, que parmi ces lois la Cour de Munic pourra toujours et sans difficultés en opposer une aux mesures, qu'il ne lui conviendra pas de prendre? Mais peut être cette divergence d'opinions était-elle encore à prévoir en Bavière et dans le Wurtemberg? D'une part les lois existantes, de l'autre une législation déjà promise pouvaient faire naître des obstacles et des difficultés. Au moins avait-on l'espérance de voir l'unanimité conservée dans le reste de l'Allemagne?

Cependant d'autres Etats n'offrent aussi que de fâcheux présages dans l'exécution du plan adopté par le congrès de Carlsbad. Ici les extrêmes semblent se toucher et se réunir.

Le Souverain d'Allemagne le plus porté aux idées populaires, le Grand-Duc de Weimar, ne laisse pas ignorer, qu'en donnant son assentiment aux résolutions de Carlsbad, il ne cède point à sa conviction, mais à la nécessité. On a donc tout lieu de croire, qu'il ne les exécutera qu'avec peu de zèle.

Le prince le plus absolu de la Confédération Germanique, l'Electeur de Hesse, public, qu'il ne regardera point comme Hessois tous ceux de ses sujets, qui se mettent dans le cas d'être traduits devant la commission de Mayence. Il se réserve donc tacitement le droit de soustraire à la juridiction de ce tribunal ceux auxquels il aura conservé le titre de Hessois dans son opinion.

(11) Тамъ же: «Malheureusement».

Un Monarque Allemand aussi pacifique que religieux, le Roi de Saxe, loin de proclamer avec empressement les résolutions de Carlsbad, fait sentir, qu'il n'en reconnaît pas l'utilité dans ses Etats. On peut donc craindre, qu'en les exécutant même, il n'éprouve l'influence involontaire de sa conviction personnelle.

Un des Souverains les plus aimés de ses sujets, le Duc d'Oldenbourg, ajoute en publiant les résolutions de la diète, que les mesures extraordinaires jugées indispensables à l'égard d'autres Etats ne trouvent aucune application dans les siens. Peut-on en inférer, qu'il les ait spontanément adoptées?

A l'aspect de ce nouvel état de choses il faut se le demander: où est aujourd'hui l'unanimité du 20 Septembre?

Et si on porte un égard sur une autre partie du spectacle, qu'offre en ce moment l'Allemagne, il faut se le demander encore: où sont les effets salutaires, qu'on s'était promis du décret de Carlsbad? Les mêmes vœux agitent la population de ces vastes contrées. Ce qu'elle demandait, il y a deux mois, elle le demande aujourd'hui et par une déplorable fatalité l'opinion des peuples n'est pas la seule qui se prononce; elle se prononce parmi les dépositaires de l'autorité publique.

C'est en effet aux reproches de ses propres collègues et de la grande majorité du conseil d'Etat, qu'a été exposé le Comte de Rechberg. Presque contraint à résigner ses fonctions, il ne doit plus se rendre aux conférences de Vienne et c'est par le principal rédacteur de la constitution Bavaroise qu'il va y être remplacé.

La commission de Mayence devait faire l'effroi des révolutionnaires qu'elle jugerait et elle semble devenir d'avance celui de tous les juges dont elle se composera.

En Bavière aucun magistrat, aucun juriconsulte ne consent à siéger au nouveau tribunal; pour le compléter, la Cour de Munic n'a d'autre ressource que de tirer du Ministère des affaires étrangères un employé peu connu dans la magistrature.

La même hésitation se manifeste jusqu'ici en Prusse. Si l'on en peut croire des Journaux, qui jusqu'à présent n'ont point été démentis, un magistrat Prussien environné d'une grande considération, Mr. Truetschler, a refusé la place de juge de Mayence, et les tribunaux de Prusse ont solennellement protestés contre la compétence ⁽¹²⁾ de la Cour extrajudiciaire qui doit s'y réunir.

Une perspective plus consolante s'était ouverte sous d'autres rapports. On a obtenu le silence de la presse et il ne paraîtra pas en Allemagne de libelles dangereux.

Mais l'orage est-il conjuré ou a-t-il seulement changé d'horizon? Qu'on en juge en voyant les rédacteurs des Journaux Allemands chercher en France un asyle et la liberté d'écrire.

Un autre fait nous a causé encore un profond sentiment de peine, parcequ'il semble présenter sous un jour défavorable l'impression générale que devient avoir produite ⁽¹³⁾ les décrets de Francfort sur les esprits en Allemagne.

Il vient de se former à Mannheim et à Nuremberg une société d'émigration. Cette société a fait de vastes acquisitions dans le nord de l'Amérique et cédant à bas prix les terres qu'elle a achetées, accordant des secours à ceux que leurs moyens pécuniaires empêcheraient d'entreprendre ce lointain voyage, elle offre aux Allemands une patrie et la liberté sous une autre hémisphère.

(12) Тамъ же: «compétence».

(13) Тамъ же: «que doivent avoir produites».

En résumé, si l'on tirait de ces données affligeantes les conclusions qu'elles autorisent, on trouverait que l'accord, qui devait constituer la seule force des résolutions de Carlsbad n'existe plus, que les Gouvernemens ne paraissent pas unis, que les peuples sont loin d'être satisfaits et pour dernière question on se verrait contraint de se dire: Le roi de Wurtemberg et celui de Bavière seront-ils forcés à exécuter littéralement les résolutions de Carlsbad?

Ou si les autres Etats fédérés permettent que l'exemple de ces deux Monarques apprenne à l'Allemagne, que les décrets de Francfort ne doivent s'exécuter que selon les convenances des divers Gouvernemens, sous quels auspices et dans quel but doit s'ouvrir le Congrès de Vienne? Révoquera-t-il ou développera-t-il les arrêtés du 20 Septembre?

ПЕРЕВОДЪ.

I.

Словесная нота, врученная посланникамъ австрійскому и прусскому и сообщенная всѣмъ императорскимъ миссіямъ въ Германіи.

С.-Петербургъ 30 Ноября 1819 года.

Новая циркулярная инструкція, данная всѣмъ императорскимъ министрамъ въ Германіи, служить отвѣтомъ на сообщенныя россійскому кабинету барономъ Лебцельтерномъ (генераломъ Шелеромъ), свѣдѣнія о рѣшеніяхъ, принятыхъ 20 Сентября германскимъ союзнымъ сеймомъ. Императорское министерство ласкается себя надеждой, что австрійскій (прусскій) дворъ найдетъ въ этой депешѣ новое доказательство тѣхъ чувствъ, какія Е. И. В. питаетъ къ своимъ августѣйшимъ союзникамъ.

Готовый всегда поддерживать своимъ сочувствіемъ охранительное нача-

ло, которое клонится къ утверженію тѣснѣйшаго единства между союзными государствами Германіи, императоръ пришелъ къ печальному убѣжденію, что первые результаты столь благотворнаго, по своему принципу, союзнаго собранія не оправдали, къ несчастію, возбужденныхъ имъ надеждъ.

Не дозволяя еще себѣ разсмотрѣнія принятыхъ мѣръ, императоръ готовъ былъ уже привѣтствовать единодушіе нѣмецкихъ державъ; но Е. И. В. съ чувствомъ живѣйшей скорби усмотрѣлъ отсутствіе этого единодушія.

Теперь снова возникаетъ важный вопросъ, по которому чуждыя Германіи державы, не условившись напередъ между собою, не могутъ ни торжественно высказаться, ни, тѣмъ мѣнѣе, дѣйствовать.

Водворить это согласіе, скрѣпить между нѣмецкими государствами искренній союзъ, утвердить его на прочныхъ началахъ и окружить его, такъ сказать, союзомъ европейскимъ — такова цѣль, къ которой стремится императоръ. Она указывается Е. В-ву постоянно благосклонною заботливостью относительно союзниковъ и политикою, всегда уважающею интересы цѣлой федерации, но не отдѣляющею ихъ отъ строгаго соблюденія актовъ, на которыхъ основывается миръ и счастье Европы. Если для достиженія этой цѣли императоръ, не колеблясь, откровенно и вполнѣ, высказываетъ свое мнѣніе, то этимъ онъ не только исполняетъ долгъ въ отношеніи къ своимъ августѣйшимъ друзьямъ и къ самому себѣ, но и выражаетъ желаніе служить общему дѣлу такъ же усердно, какъ своему собственному.

Этимъ, единственно, желаніемъ и внушена прилагаемая при семъ депеша, точную копию которой россійское министерство имѣетъ честь препроводить къ барону Лебцельтерну (генералу Шелеру).

II.

Депеша императорскимъ министрамъ въ Германіи для сообщенія миссіямъ въ Виль, Берлинъ, Лондонъ и Парижъ.

Депешей изъ Варшавы отъ 6/18 Октября вамъ дано уже было знать о конфиденціальныхъ сообщеніяхъ, обмѣненныхъ между дворами австрійскимъ и россійскимъ, касательно Карльсбадскихъ совѣщаній и Франкфуртскихъ постановленій 20 Сентября. Въ ней, сверхъ того, общались вашему превосходительству дальнѣйшія инструкции. Съ возвращеніемъ въ Петербургъ, Е. И. В. обратилъ самое серьезное вниманіе на предметъ ихъ; предметъ этотъ ясно указанъ ему въ циркулярной депешѣ графа Бернсторфа отъ 28 Сентября: въ ней берлинскій кабинетъ выражаетъ желаніе, чтобы европейскія державы привѣтствовали то, что совершила Германія, и шествовали въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ инструкции, которыя вы должны были получить, были составлены подъ вліяніемъ утѣшительной мысли, выраженной прусскимъ дворомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Это рѣдкое и по-истинѣ удивительное единодушіе, съ какимъ приняты предложенныя мѣры, видимо свидѣтельствуеетъ объ единствѣ нѣмецкихъ государствъ, которое еще болѣе обезпечиваетъ успѣхъ этихъ мѣръ и безопасность Германіи.“

Дѣйствительно, представители Германіи, первые министры всѣхъ ея государей, собрались въ Карльсбадъ для разсмотрѣнія ея внутренняго положенія. Они объявляютъ общее отечество въ опасности, указываютъ на причину великаго зла и обнаруживаютъ мѣры спасенія, при самомъ полномъ согласіи и единодушіи. Это согласіе напередъ уже устраняло всѣ сомнѣнія и оправдывало всѣ надежды. Потому Е. И. В., отвѣчая изъ Варшавы своему августѣйшему союзнику, императору Францу, не дозволилъ

себѣ сдѣлать никакого замѣчанія на счетъ причинъ и содержанія постановленій 20 Сентября, тѣмъ менѣе — на счетъ способовъ ихъ исполненія. Онъ удовольствовался только открытымъ заявленіемъ, предъ всѣми правительствами Германскаго союза, своего желанія видѣть осуществленіе благотворныхъ дѣйствій, которыя долженъ былъ произвести уже одинъ *видъ* облеченнаго диктаторскою властью сейма. Императоръ радовался даже представившейся возможности, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ ему дворами вѣнскимъ и берлинскимъ, оказать черезъ своихъ министровъ косвенное содѣйствіе успѣху дѣла. Для нихъ составлялись уже повелѣнія войти въ соглашеніе съ ихъ товарищами, министрами союзныхъ дворовъ, съ тѣмъ чтобы способствовать правительствамъ въ благородномъ стремленіи къ утвержденію (подъ ручательствомъ самаго тѣснаго единства) мира и внутренняго благоденствія Германіи.

Въ такомъ положеніи находилось это дѣло, когда полученныя нами отъ всѣхъ россійскихъ миссій свѣдѣнія показали намъ, что это единство, далеко не составляя неоспоримаго и положительнаго факта, есть, къ несчастью, не болѣе, какъ предположеніе, а можетъ быть даже и мечта, весьма печальная по существу и гибельная по послѣдствіямъ.

Оказывается, что многія нѣмецкія правительства, обсудивъ дѣло въ собственныхъ совѣтахъ, по разнымъ побужденіямъ, не одобряютъ поведенія своихъ министровъ, подписавшихъ, отъ ихъ имени, Карльсбадскія и Франкфуртскія постановленія 20 Сентября. Такимъ образомъ, должны измѣниться и мотивъ и предметъ того содѣйствія, къ которому, казалось приглашалъ союзъ государства не германскія.

Дѣло идетъ теперь не о томъ, чтобы привѣтствовать то, что совершено

въ Карльсбадѣ и Франкфуртѣ министрами союзныхъ правительствъ, но чтобы склонять эти правительства къ образованію единой семьи и къ добросовѣстному принятію мѣръ, наиболѣе пригодныхъ для предупрежденія угрожающихъ имъ опасностей.

Дѣло идетъ теперь не о томъ, чтобы шествовать въ томъ же направленіи и подкрѣплять такимъ образомъ въ глазахъ народовъ нравственное вліяніе германскаго союза, но чтобы дать дѣйствительное бытіе этому союзу, самый призракъ котораго стараются, къ несчастію, уничтожить наиболѣе заинтересованные члены. Въ виду такого стеченія важнѣйшихъ интересовъ, живо чувствуя трудность своего положенія, Е. И. В. долженъ былъ выбирать одно изъ двухъ: или предписать своимъ министрамъ при нѣмецкихъ дворахъ хранить глубокое молчаніе по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ постановленіями 20 Сентября, или же дать имъ инструкціи, основанныя на анализѣ этихъ постановленій и всѣхъ соображеній относительно средствъ достиженія (путемъ прямымъ и законнымъ) той цѣли, которую имѣютъ въ виду государства Германскаго союза, достиженія, не нарушающаго ни обязательной силы трактатовъ, ни признанныхъ ими правъ. Въ первомъ случаѣ импер. подалъ бы поводъ къ предположеніямъ, которыя такъ охотно распускаетъ недоброжелательство: въ твердомъ, но сдержанномъ положеніи, принятомъ Россіей, оно могло бы увидѣть умыселъ возбудить сопротивление или еще болѣе недостойное намѣреніе поддерживать рознь, увеличить зло и этимъ вызвать наконецъ отвѣдное и прямое, но всегда ненавистное, вмѣшательство императора во внутреннія отношенія Германіи. Во второмъ случаѣ, обратится ли російскій кабинетъ къ разсмотрѣнію мѣръ, уже принятыхъ въ Карльсбадѣ, или же будетъ разсуждать о тѣхъ, которыя ос-

тается еще принять и обсужденіе которыхъ, кажется, отложено до Вѣнскихъ конференцій—ему придется *одному* рѣшать вопросы, которыхъ онъ чуждъ и настоящее существо которыхъ ему неизвѣстно. Какія бы ни предстояли затрудненія, но императоръ, будучи неизмѣнно расположенъ (по внушенію личныхъ чувствъ и собственной политики) относиться къ положенію другихъ государствъ не иначе, какъ онъ желалъ бы, чтобы относились къ его собственному, если бы онъ находился на ихъ мѣстѣ, готовъ дѣйствовать заодно съ своими союзниками, и Е. И. В. (позволимъ себѣ повторить съ прусскимъ кабинетомъ), считаетъ долгомъ соединиться съ своими августѣйшими соратниками *въ чувствѣ уваженія къ однимъ и тѣмъ же принципамъ и въ необходимости охраненія ихъ одними и тѣми же мѣрами строгости*. Но примѣняя это охранительное начало къ интересамъ Германскаго союза, прежде всего важно было бы, кажется, *условиться въ томъ, какіе принципы должно уважать въ Германіи государствамъ не германскимъ, равно какъ и въ томъ, какими мѣрами строгости могутъ охранять ихъ эти государства*. Вопросъ неизбежный, какъ скоро дѣло идетъ о томъ, чтобы, при настоящемъ положеніи вещей, снабдить инструкціями министровъ, состоящихъ не при Германскомъ союзѣ, а при нѣмецкихъ государяхъ, инструкціями, которыя предписывали бы имъ *привѣтствовать, отъ имени ихъ дворовъ, то, что совершила и совершитъ Германія, и возвѣщать, что государи ихъ шествуютъ и будутъ шествовать въ томъ же направленіи*.

Вопросъ этотъ представляетъ обширный предметъ для размышленія, и Е. И. В., какъ уже упомянуто, обратилъ на него серьезное вниманіе. Этого мало: вопросъ этотъ обнимаетъ такія разнообразныя отношенія, такіе важные интересы, что императоръ не

приметь никакого рѣшенія, пока не узнаеть, къ какому рѣшенію приведетъ обсужденіе этого предмета союзными правительствами, не входящими въ составъ Германіи, но стоящими по отношенію къ ней въ положеніи совершенно одинаковомъ съ положеніемъ Е. И. В. Довольно сказать, что въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ императоръ чувствуетъ необходимость посовѣтоваться съ сентъ-жемскимъ кабинетомъ. Государство безпристрастное, какъ и Россія, государство, обладающее счастливою опытностію въ искусствѣ согласовать благосостояніе народовъ съ ихъ естественными правами и законными желаніями — Англія, къ которой обращается теперь императоръ, сообщитъ результатъ своихъ соображеній по этому предмету, который, безъ сомнѣнія, вполне удовлетворятъ справедливымъ ожиданіямъ кабинетовъ вѣнскаго и берлинскаго. Императоръ ласкаетъ себя надеждою, что, вслѣдствіе такого предварительнаго согласенія, британскіе и роcсійскіе министры усвоятъ себѣ одинъ и тотъ же языкъ какъ при дворахъ, при которыхъ они уполномочены, такъ и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя удостоятъ ихъ своей довѣренности. До тѣхъ поръ въ личномъ вашемъ взглядѣ на дѣло вы будете руководствоваться тѣми данными, которыя найдете въ настоящей депешѣ, и въ отношеніяхъ вашихъ, м. г., имѣете слѣдовать самой крайней осторожности и не уклоняться отъ прежнихъ инструкцій, извѣстныхъ какъ нѣмецкимъ, такъ и другимъ союзнымъ дворамъ.

III.

Слѣдствія постановленій Германскаго сейма отъ 20 Сентября 1819 года.

Германія почитаетъ себя въ опасности; министры главнѣйшихъ ея государей собираются въ Карльсбадъ и принимаютъ цѣлый рядъ рѣшеній.

Рѣшенія эти представляются на одобрение Германскаго сейма, который и утверждаетъ ихъ съ официальнымъ единогласіемъ. Проходитъ однако нѣсколько недѣль—и живѣйшее чувство скорби овладѣваетъ всѣми друзьями добра и порядка. Засвидѣтельствованное публичными актами согласіе становится вдвойнѣ сомнительнымъ: одинъ ударъ наносятъ ему секретные акты, другой—торжественныя мѣры. Государя колеблются или отступаютъ; народы ропщутъ или въ оцѣпененіи хранятъ угрюмое молчаніе. Австрія, которая по своему положенію, могуществу и мудрости въ совѣтахъ, всегда стояла во главѣ Германіи, Австрія, къ которой во время опасности и смуты эта Германія, поспѣшила оправдать ея справедливое довѣріе: она подала мысль, породившую Франкфуртскія постановленія. Нѣмецкіе министры въ письмахъ къ князю Меттерниху засвидѣтельствовали свою признательность къ Австріи, и при всемъ томъ Австрія первая начинаетъ, кажется, сомнѣваться въ собственныхъ успѣхахъ. Она грозитъ королю Виртембергскому выходомъ своимъ изъ Германскаго союза, если рѣшенія останутся неисполненными. О томъ же намѣреніи своемъ она даетъ знать и Саксоніи. Отсюда вытекаютъ два заключенія. Вѣнскій дворъ не вѣрилъ, кажется, въ будущность Карльсбадскаго единодушія даже тогда, когда Европейскія державы получали вещественное доказательство его во Франкфуртскихъ постановленіяхъ.

Съ другой стороны, Вѣнскій дворъ, одушевленный самыми доброжелательными намѣреніями относительно Германіи, присоединилъ однако угрозу къ тѣмъ принудительнымъ средствамъ, которыми, кажется, обладаетъ сеймъ. Отсюда можно заключить, что Вѣнскій дворъ считалъ ихъ еще недостаточными въ ихъ строгомъ примѣненіи или, скорѣе, находилъ невозможнымъ

Русскій Архивъ. 29

это строгое примѣненіе. Событія теперь передъ глазами: они показываютъ, что Австрія не ошиблась въ своемъ мудромъ предвидѣніи. Въ то самое время, какъ сеймъ съ такимъ единодушіемъ обнародывалъ свои постановленія, король Виртембергскій приносилъ присягу конституціонной хартіи, утверждающей народное представительство на основаніяхъ, весьма отличныхъ отъ основаній старинныхъ сословныхъ собраній, возстановленія которыхъ требуютъ Карльсбадскія мѣры; дарующей судамъ независимость, которой очевидно лишена юрисдикція Майнцкой комиссіи; и наконецъ сообщающей рѣшеніямъ публичность, которую рѣшительно отвергаютъ постановленія сейма.

Впрочемъ, министр Виртембергскій объявилъ во Франкфуртѣ, что если его государь не протестуетъ противъ этихъ постановленій, то единственно вслѣдствіе личнаго уваженія къ графу Буолу, да и самъ король, прибывъ въ Варшаву, откровенно выразилъ предъ своимъ августѣйшимъ шуриномъ то же неудовольствіе. Императоръ замѣтилъ ему, что это заявленіе несогласія съ его стороны теперь запоздало, что графу Винцингероде надо было дать повелѣніе высказаться вполнѣ на счетъ намѣреній своего государя и что въ настоящую пору броженія и колебаній тѣсный союзъ, ненарушимое согласіе, составляютъ, кажется, долгъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ, предъ которымъ должны смолкнуть и исчезнуть всѣ постороннія соображенія, всѣ исключительные интересы. Но Виртембергская хартія была уже обнародована, присяга принесена королемъ и, нѣсколько времени спустя, сословіе судей, вошедшихъ съ протестомъ противъ Франкфуртскихъ постановленій, было успокоено отвѣтомъ, что присяга и хартія будутъ соблюдены во всей точности.

То же чувство скорби возбуждаетъ и образъ дѣйствій Мюнхенскаго двора,

который предупредилъ сеймъ, что въ Баваріи Карльсбадскія рѣшенія будутъ приводимы въ исполненіе не иначе, какъ на основаніи Баварской хартіи. Правительство, къ несчастію, сдержало слово: указъ 10 Октября равняется формальному протесту. Въ самомъ дѣлѣ, если Карльсбадскія рѣшенія должны быть приводимы въ исполненіе Е. В. королемъ Баварскимъ только подъ условіемъ ненарушимости правъ его суверенитета, то какъ согласить неприкосновенность территоріи, составляющую послѣдствіе и обезпеченіе этихъ правъ, съ тѣми правами, которыя присвоилъ себѣ сеймъ, и съ тѣми принудительными мѣрами, которыя онъ, въ случаѣ крайности, можетъ принять, чтобы заставить уважать Франкфуртскія постановленія? Если еще это условіе можно примѣнить къ Баварской хартіи, то какъ предположить возможность примѣненія къ ней новаго истолкованія, даннаго 13 параграфу союзаго акта?

Если наконецъ для обязательности Карльсбадскихъ рѣшеній, сверхъ того, необходимо, чтобы они, на основаніи указа 10 Октября, были согласны со всѣми существующими въ Баваріи законами, то какъ не допустить предположенія, что Мюнхенскій дворъ всегда и безъ малѣйшаго затрудненія можетъ противопоставить непригоднымъ для него мѣрамъ какой-нибудь изъ этихъ законовъ? Но противодѣйствіе Баваріи и Виртемберга можно было еще предвидѣть: съ одной стороны, существующіе законы, съ другой — уже обѣщанная конституція могли породить препятствія и затрудненія. По крайней мѣрѣ, въ остальной Германіи надо было ожидать полнаго единодушія.

Однако въ другихъ государствахъ также усматриваются печальныя предзнаменованія для исполненія постановленій Карльсбадскаго конгресса. Здѣсь крайности, повидимому, сходятся между собою. Великій герцогъ Веймарскій, болѣе всѣхъ нѣмецкихъ государей

расположенный къ демократическимъ идеямъ, не скрываетъ, что, принимая Карльсбадскія рѣшенія, противорѣчащія его убѣжденіямъ, онъ покоряется только необходимости. И такъ, можно навѣрное утверждать, что онъ выкажетъ мало усердія въ ихъ исполненіи.

Курфирстъ Гессенскій, самый неограниченный изъ государей Германскаго союза, объявляетъ своимъ подданнымъ, что того изъ нихъ, кто подвергнется суду Майнцкой комиссіи, онъ не будетъ признавать Гессенцомъ. Само собою разумѣется, что этимъ онъ предоставляетъ себѣ право освободить изъ подъ ея юрисдикціи всякаго, кого онъ будетъ считать достойнымъ носить титулъ Гессенца.

Король Саксонскій, государь, сколько миролюбивый, столько и религиозный, далеко не спѣша обнародываніемъ Карльсбадскихъ рѣшеній, даетъ этимъ знать, что онъ не находитъ полезнымъ вводить ихъ въ свое государство. И такъ, можно опасаться, чтобы въ самомъ исполненіи ихъ онъ не послѣдовалъ невольнымъ внушеніямъ личнаго своего убѣжденія.

Герцогъ Ольденбургскій, одинъ изъ самыхъ любимыхъ подданными государей, обнародывая постановленія сейма, прибавляетъ, что его государство вовсе не нуждается въ тѣхъ чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя признаны необходимыми въ отношеніи другихъ государствъ. Можно ли отсюда заключать, что онъ принялъ ихъ добровольно?

Въ виду такого новаго положенія вещей надо спросить себя: куда же дѣвалось единодушіе 20 Сентября?

И если обратить вниманіе на другую сторону зрѣлища, представляемаго въ это время Германіей, то надо задаться еще однимъ вопросомъ: гдѣ же тѣ благодѣтельныя дѣйствія, которыхъ ожидали отъ Карльсбадскихъ постановленій? Желанія народонаселенія этихъ обширныхъ странъ не удовлетворены. Оно теперь требуетъ того

же, чего требовало два мѣсяца тому назадъ, и, по какому-то печальному опредѣленію судьбы, голосъ народный раздается не одиноко: ему вторятъ и представители общественной власти.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ Рехбергъ подвергся упрекамъ со стороны собственныхъ товарищей и огромнаго большинства государственнаго совѣта. Почти принужденный сложить съ себя должность, онъ уже не ѣдетъ на Вѣнскія конференціи, гдѣ мѣсто его займетъ главный редакторъ Баварской конституціонной хартіи.

Майнцкая комиссія, учрежденная для суда надъ революціонерами, должна была сдѣлаться страшилищемъ для нихъ — а между тѣмъ успѣла уже, кажется, сдѣлаться страшилищемъ для всѣхъ судей, изъ которыхъ будетъ состоять.

Ни одинъ судья, ни одинъ законовѣдъ въ Баваріи, не соглашается принять мѣста въ новомъ судилищѣ, и Мюнхенскій дворъ принужденъ посадить туда взятаго имъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ чиновника, мало извѣстнаго въ магистратурѣ.

То же колебаніе замѣчается и въ Пруссіи. Если вѣрить журналамъ, которые впрочемъ до сихъ поръ не вызвали опроверженія, г. Трючлеръ, весьма уважаемый прусскій юристъ, отказался отъ мѣста судьи въ Майнцѣ, а суды прусскіе торжественно протестовали противъ компетентности несудебной палаты, долженствующей тамъ собраться.

Болѣе утѣшительная будущность открывается въ другомъ отношеніи: печать смолкла, и отнынѣ въ Германіи не будетъ уже появляться опасныхъ брошюръ.

Но отстранена ли этимъ гроза или она только передвинулась на другую сторону небосклона? Стоитъ подумать объ этомъ: вѣдь издатели нѣмецкихъ журналовъ ищутъ убѣжища и свободы печати во Франціи.

Глубокое чувство скорби вызвано

въ насъ еще и другимъ фактомъ, который, по видимому, въ невыгодномъ свѣтѣ представляетъ общее впечатлѣніе, произведенное Франкфуртскими постановленіями на умы въ Германіи.

Въ Мангеймѣ и Нюренбергѣ составилось общество переселенія. Оно закупило огромное пространство земель въ Сѣверной Америкѣ и, уступая ихъ по дешевой цѣнѣ, выдавая пособіе тѣмъ, у кого нѣтъ достаточно собственныхъ денежныхъ средствъ для предпріянія далекаго перѣзда, предлагаетъ пѣмцамъ въ другомъ полушаріи отечество и свободу.

Однимъ словомъ, эти прискорбные факты даютъ право заключать, что въ дѣйствительности вовсе нѣтъ того согласія, на которомъ только и должна была основываться вся сила Карльсбадскихъ рѣшеній, что между правительствами замѣтно разъединеніе и что народныя желанія далеко еще не удовлетворены. Наконецъ, позволимъ себѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ: ставятъ ли королей Виртембергскаго и Баварскаго въ точности исполнить Карльсбадскія рѣшенія?

Или, если изъ примѣра, поданаго обоими этими монархами и допущеннаго другими союзными государствами, Германія увидитъ, что исполненіе Франкфуртскихъ постановленій зависитъ только отъ благоусмотрѣнія разныхъ правительствъ, то при какихъ предзнаменованіяхъ и съ какою цѣлью откроется Вѣнскій конгрессъ? Отмѣнить онъ или еще разовѣтъ опредѣленія 20 Сентября?

БИСМАРКЪ НА РУССКОЙ СЛУЖБѢ.

Домъ, къ которому принадлежитъ нынѣшній прусскій министръ—одинъ изъ довольно старинныхъ. Если вѣрить нѣмецкимъ генеалогамъ, то онъ восходитъ до временъ Карла Великаго: въ то время онъ выселился изъ Богеміи, гдѣ владѣлъ замкомъ того же имени и другимъ—Бургштаймъ. Въ XVII столѣтіи замокъ фонъ-Бисмаркъ представлялъ уже одни развалины.

Многіе изъ членовъ этого дома отличались въ военной и административной карьерахъ. Тотъ, который насъ интересуеетъ болѣе другихъ, Рудольфъ-Августъ фонъ-Бисмаркъ, родился 12 марта 1683 г. въ прусской Голландіи. Отецъ его, владѣтель Шенгаузена и Рехница въ Вестфалии, имѣлъ чинъ генераль-маіора въ прусской арміи и былъ комендантомъ крѣпости Кюстрина. Онъ умеръ въ 1704 г. Молодой Бисмаркъ вступилъ тоже на службу короля прусскаго и дослужился чина полковника. Онъ женился въ 1714 г. на Албертинѣ-Луизѣ фонъ-Ассебургъ, дворянскаго семейства Немендорфъ въ княжествѣ Гальберштатъ. Отъ этого брака онъ имѣлъ дочь, которую въ послѣдствіи выдалъ за мужа за прусскаго офицера фонъ-Альбѣ. Онъ уже былъ вдовцемъ (съ 1715 г.), когда съ нимъ случилось несчастье, имѣвшее большее вліяніе на его дальнѣйшую карьеру. Будучи въ Магдебургѣ, онъ убилъ, говорятъ по ошибкѣ, своего слугу. Спрятавъ его трупъ подъ кровать, онъ обращается въ бѣгство, но послѣдствія этого преступленія, сдѣлавшагося публичнымъ, долго давали себя чувствовать виновному и, хотя король простилъ его, ему пришлось употреблять всѣ средства, чтобы снова возвратиться на службу. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ его, слѣдуя мнѣ-

нію своего Совѣта и уступая просьбамъ стараго фельдмаршала Дубе-слава Яромира Назмира. Однакожъ Бисмаркъ не получалъ повышенія, хотя онъ былъ самый старшій изъ полковниковъ; имя его не находилось никогда въ числѣ повышаемыхъ изъ его полка. Приведенный въ негодование, онъ бросаетъ службу, прощается съ Голштинскимъ полкомъ, котораго онъ былъ полковникомъ, продаетъ землю, которую онъ имѣлъ въ Скатиѣ, въ прусской Литвѣ, и ѣдетъ искать счастья въ Россію. Это происходило въ 1732 г. во время царствования Анны Ивановны, или точнѣе говоря Бирона, управлявшаго вмѣсто нея. Можетъ быть, примѣръ извѣстнаго курляндскаго временщика, котораго правиломъ было: „qu'il se faut pousser au monde“, дѣйствовалъ на выборъ страны, въ которой Бисмаркъ думалъ реализовать свои надежды. Во всякомъ случаѣ, его замѣтили при дворѣ, и его положеніе было скоро обезпеченнымъ. Одаренный пріятною наружностію, на столь же увертливый куртизанъ, сколь хорошій солдатъ, прусскій искатель приключеній попалъ въ скоромъ времени въ благосклонность у герцога, благопріятствующаго всему что было нѣмецкимъ, и былъ произведенъ въ чинъ генералъ-майора. Протекція герцога Бирона дошла до того, что нашъ Бисмаркъ получилъ руку невестки его, фрейлины двора императрицы. Свадьба происходила съ величайшею пышностію. Княгиня Анна Мекленбургская съ своимъ мужемъ, родители несчастнаго Ивана VI, принадлежали къ свитѣ, состоявшей изъ тридцати каретъ, запряженныхъ всякая шесть лошадыми. Балъ удостоился присутствія императрицы Анны, которая осыпала новобрачныхъ подарками и между прочими подарила имъ хорошій домъ въ Петербургѣ. Бисмаркъ сдѣлался большою особою и съ того дня его судьба сдѣлалась нераз-

лучною съ судьбою Бирона. Однако, нужно ему отдать справедливость, онъ не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ; онъ старался быть посредникомъ между герцогомъ Курляндскимъ и столь же честолюбивымъ фельдмаршаломъ Минихомъ, соперничество которыхъ столь богато трагическими эпизодами.

Этихъ качествъ совершенно недоставало братьямъ Бирона. Старшій, Карлъ, былъ, какъ говоритъ Манштейнъ, одинъ изъ самыхъ грубыхъ людей: его тѣло все было покрыто ранами, полученными имъ въ разныхъ случаяхъ, вызванныхъ его дерзостію и пьянствомъ. Всѣ его боялись и сторонились. Младшій, Густавъ, былъ напротивъ очень честный человекъ, но безъ всякаго воспитанія и безъ большаго ума. Его ухаживанія за красавицей великой княжной Елизаветой Петровной доставляли въ продолженіи нѣкотораго времени предметъ разговора для двора, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ не успѣлъ приобрести расположенія будущей государыни. Императрица вздумала найти ему партію и женила его на княжнѣ Александрѣ Меншиковой, родной сестрѣ извѣстной невесты императора Петра II. Излишне говорить объ Эрнестѣ Биронѣ, стереотипированный портретъ котораго извѣстенъ каждому.

Россія вела въ то время войну съ Польшею, а потомъ съ Портою. Бисмаркъ принималъ участіе въ той и другой съ братьями Бирона, Карломъ и Густавомъ. Во время кампаніи въ Польшѣ въ 1734 г. онъ былъ посланъ съ порученіемъ въ Англію; когда же Минихъ и принцъ гессенъ-гомбургскій оставили армію и уѣхали въ Петербургъ, ему было поручено главное начальство арміею до конца экспедиціи. Титулъ вице-президента совѣта военнаго министерства и мѣсто губернатора Риги были вознагражденіемъ за его храбрость. Польскій король Августъ III, въ пользу котораго

Россія предприняла эту войну, прислала ему орденъ Бѣлаго орла. Бисмаркъ, вознагражденный Польшею! Какъ намъ это кажется страннымъ, намъ, современникамъ графа Оттона фонъ-Бисмарка!

Между тѣмъ Биронъ былъ предложенъ императрицею Анною въ преемники герцога курляндскаго Фердинанда, съ смертію котораго прекратилась династія Кетлеровъ. Исторія этого избранія очень поучительна. Рѣдко можно видѣть подобный произвольный выборъ, и невольно чувствуешь желаніе сравнить то чтó дѣлается въ наши дни, съ средствами, употребленными Бисмаркомъ въ 1737 году. Выборъ Бирона произошелъ, какъ извѣстно, въ Митавѣ въ присутствіи русскаго министра барона Кайзерлинга; генералъ Бисмаркъ нарочно прибылъ изъ Риги и окружилъ дворецъ, въ которомъ собирались выборные для избранія; разумѣется, оно имѣло желанный успѣхъ. Одинъ изъ біографовъ Бирона, восхищается быстротою, добровольностью и единогласіемъ, съ которыми оно произошло, точно какъ въ наше время извѣстная часть прессы экзальтируется выборами, произведенными въ Италіи или адресами, посланными Ганноверомъ побѣдителя при Садовой. Слѣдующая черта дополняетъ параллель: по окончаніи выборовъ былъ пропѣтъ, какъ недавно въ Берлинѣ, торжественный *Te Deum*, въ знакъ благодарности за счастливый результатъ. Они были впрочемъ правы: выборъ Бирона приготовилъ будущее присоединеніе Курляндіи къ Русской имперіи. Столь важная услуга заслуживала награды: Бисмаркъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-аншефа и сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Ливоніи. Онъ достигъ до апогея своего величія, но къ несчастію не имѣлъ достаточно времени имъ воспользоваться. Черезъ два года послѣ этого регентъ былъ свергнутъ, и Бисмаркъ раздѣлил его судьбу. Въ тотъ самый

день, когда регентъ былъ арестованъ въ лѣтнемъ дворцѣ и отвезенъ съ женой и дѣтьми въ Шлюссельбургъ, арестовали и генерала Густава Бирона, который жилъ въ томъ же дворцѣ, и послали приказъ одѣлать тоже самое съ другимъ братомъ Бирона, Карломъ, губернаторомъ Москвы, и съ генераломъ Бисмаркомъ. Первый былъ арестованъ среди великолѣпнаго праздника, который онъ давалъ въ день рожденія герцога. Второй проживалъ въ Ригѣ. Это происходило въ 1740 г. Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца приговоръ былъ произнесенъ. Бисмаркъ и два брата экъс-регента, также и ихъ жены были осуждены на вѣчное поселеніе въ Сибири, и всѣ ихъ имѣнія были конфискованы въ пользу казны. Дворецъ, который Бисмаркъ имѣлъ въ Петербургѣ, перешелъ во владѣніе молодаго Миниха, сына фельд-маршала, котораго считаютъ главнымъ авторомъ паденія всемогущаго фаворита и мѣсто котораго занялъ онъ, хотя, правда, не надолго.

Бисмаркъ и братья регента были отвезены въ Иван-городъ, чтобы снять съ нихъ судебный допросъ. Герцогъ Курляндскій былъ оставленъ плѣнникомъ въ Шлюссельбургѣ. Коммиссія, назначенная для суда надъ ними, состояла изъ высшихъ сановниковъ, духовныхъ и гражданскихъ, между которыми находились генералы Ушаковъ и Леонтьевъ, управлявшіе допросами. Такъ какъ Бисмаркъ не зналъ русскаго языка, то его жена служила ему переводчицею. 13 января 1741 года подсудимые прибыли въ Москву. Невыразимое любопытство овладѣло жителями, когда они увидѣли, что прибыли три кареты, совершенно закрытыя и провожаемая сотнею драгуновъ. Оттуда ихъ отправили въ Тобольскъ, мѣсто ссылки, гдѣ Бисмаркъ оставался до вступленія на престолъ Елисаветы. Что же касается до герцога Курляндскаго, то онъ увидѣлся съ ними три мѣсяца спустя, отправля-

ясь въ Пелымъ, благодаря великодушю регентши, такъ какъ тайная коммиссія присудила его къ четвертованію.

Въ манифестѣ, объявленномъ отъ имени императора Ивана VI (тогда нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду) Биронъ былъ сравненъ съ узурпаторомъ Борисомъ Годуновымъ; далѣе говорится что: „его два брата, Карлъ и Густавъ, также и его шурина Бисмаркъ, объявляются виновными за неокрытіе преступныхъ поступковъ и замысловъ герцога, объ чемъ они знали, также за возбужденіе къ исполненію его преступныхъ намѣреній, чѣмъ они нарушили присягу въ вѣрности.“⁴ Но нѣмецкій біографъ Бирона утверждаетъ, что генераль Бисмаркъ былъ совершенно чуждъ беззаконнымъ намѣреніямъ регента и что вся его вина состояла въ томъ, что онъ былъ его шуриномъ; и самъ Бисмаркъ съ негодованіемъ отвергаетъ подобное обвиненіе и доходитъ до названія герцога подлымъ лгуномъ, а его дѣла—гнусными. Интересно прочесть его письмо, писанное имъ къ правительницѣ отъ 14 іюля 1741 г., въ которомъ онъ оправдывается по возможности отъ обвиненій, возведенныхъ на него герцогомъ и подтвержденныхъ судьями. Призывая Бога и свою совѣсть въ свидѣтели, онъ увѣряетъ Анну въ своей непоколебимой вѣрности и въ полнѣйшемъ незнаніи того, что касалось до замысловъ герцога. Къ этому онъ прибавляетъ, что со времени его регентства онъ получилъ отъ герцога только три письма, совершенно незначительныя, ибо въ первомъ былъ отвѣтъ на поздравленіе брата; во второмъ герцогъ требовалъ скорѣйшей доставки масла, а въ третьемъ—образчиковъ Венгерскаго вина. Онъ сознается, что часто исполнялъ его порученія, не дѣлая однако изъ этого ничего тайнаго. Надо замѣтить, что Биронъ ему поручалъ постоянно покупки разнаго рода: лошадей, вина

и др. Кромѣ того, онъ имѣлъ для своего употребленія большій запасъ Венгерскихъ винъ, складъ которыхъ находился въ Ригѣ. Но это оправданіе осталось безъ всякаго вліянія, какъ и ходатайство передъ правительницею Анной ея фаворита графа Линара, посланника Саксонскаго короля. Во всякомъ случаѣ, изгнаніе было кратковременно. Какъ только Елисавета вступила на престоль, она поспѣшила вызвать Биронъ и Бисмарка изъ ихъ ссылки. Новая императрица хорошо помнила, что, благодаря Бирону, годъ тому назадъ, ее не заперли въ монастырь и не принудили постричься. Въ своей признательности она не только велѣла возвратитъ ему свободу, но и замокъ Вартенбергъ, находящійся въ Силезіи, который былъ отданъ фелдмаршалу Миниху. Этотъ актъ милосердія встрѣтилъ оппозицію со стороны окружающихъ, и тотчасъ былъ посланъ курьеръ съ приказаніемъ направить ихъ путь на Ярославль и тамъ оставить до новаго приказа. Петръ III, преемникъ Елисаветы, вызвалъ Бирона въ Петербургъ, а Екатерина II возвратила ему даже герцогство Курляндское съ условіемъ однакожъ, что онъ будетъ вѣрнымъ инструментомъ въ ея рукахъ и поможетъ ей въ окончательномъ присоединеніи этой страны, присоединеніи, которое должно было сдѣлать съ помощію моральныхъ средствъ. Биронъ вернулся въ Митаву 20 января 1763 г. и, какъ утверждаютъ, онъ управлялъ на этотъ разъ кротко и справедливо до своей смерти, постигшей его въ 1772 г. Онъ могъ приложить къ себѣ тѣ слова, которыя одинъ государственный чловѣкъ, полавшій, также какъ и онъ, въ немилость, написалъ на стѣнѣ своей комнаты: „смирненіе меня сдѣлало любезнымъ, любезность меня привела къ почестямъ, почести къ богатству, это послѣднее сдѣлало меня гордымъ, гордость меня низверг-

нула въ несчастіе, а несчастіе возвратило мнѣ смиреніе.“

Мы не имѣемъ никакихъ подробностей о судьбѣ Бисмарка со времени его возвращенія изъ Сибири, но и это молчаніе очень краснорѣчиво. Оно доказываетъ еще разъ ту всѣмъ извѣстную истину, что нѣтъ ничего столь постояннаго, какъ непостоянство дѣлъ человѣческихъ. Что случилось съ Бисмаркомъ, можетъ въ свое время случиться и со многими другими, придерживающимися этого положенія: *qu'il se faut pousser au monde*. Они должны необходимо уступить мѣсто тѣмъ, которые, являясь послѣ нихъ, стали бы осуществлять эту же аксіому въ пользу свою.

Кн. Августинъ Голицынъ.

Версаль

10 (22) Апрѣля 1867.

ПИСЬМО ИСТОМИНА КЪ ЛАЙОНСУ.

Во время осады Севастополя, вице-адмиралъ англійскаго флота Лайонсъ написалъ къ контр-адмиралу Истомину дружеское письмо, при которомъ послалъ ему честерскаго сыру. Они были прежде знакомы, встрѣчавшись во время плаваній по Средиземному морю. Истоминъ отвѣчалъ Лайонсу нижеслѣдующимъ письмомъ, которое тогда же ходило по рукамъ въ спискахъ и доставлено въ Русскій Архивъ А. Э. Циммерманомъ (участвовавшимъ въ оборонѣ Севастополя).

Sewastopol 25 Novembre (7 Decembre) 1854.

Votre message, mon cher amiral, m'a donné beaucoup de satisfaction; car en évoquant le passé avec la vivacité des détails qui caractérise si bien le temps qui n'est plus, Vous m'avez reporté à l'époque d'une croisière qui m'a laissée des impressions très durables. Athènes et Malte datent dans mes souvenirs.

Aujourd'hui, après bien des années, nos voix se rencontrent encore, mais quoiqu'à portée de vous entendre (témoin la journée du 5 Octobre, où la voix du superbe Agamemnon a retenti de bien près), je ne puis venir Vous serrer la main.

C'est donc en cette forme, trop cérémonieuse selon moi, que je Vous remercie de Votre bon souvenir et de Votre envoi très amical. Laissez-moi Vous offrir à mon tour le produit d'une chasse récente: le chevreuil est excellent en Crimée.

Vous rendez justice à nos marins, mon cher amiral; ils méritent en effet les éloges d'un juge aussi compétent, quoique un peu sévère, je le pense, comme Vous. Ils sont notre orgueil et notre joie! Mais puisque je cause marine, je veux profiter de l'occasion pour Vous signaler un fait dû au hasard sans doute, mais qui pourrait, s'il venait à se renouveler, nous donner du désagrément. Dernièrement le steamer parlementaire qui avait le capitaine Kouzowleff à son bord est venu jusque sous les canons de la place, tandis qu'il aurait dû attendre en dehors de la ligne de nos feux l'embarcation envoyée à sa rencontre. Le mot que Vous direz à ce sujet portera fruit et écartera, sans aucun doute, tout malentendu dans l'avenir.

Recevez, mon cher amiral, l'expression de tous mes sentimens bien dévoués.

Переводъ. Севастополь, 25 Ноября (7 Декабря) 1854. Любезный адмиралъ! Я былъ очень доволенъ вашею присылкою; она привела мнѣ на память наше крейсерство, отъ котораго сохранились у меня неизгладимыя впечатлѣнія и вызвала передо мною со всею живою обстановкою то время, какого теперь нѣтъ. Я не забуду Аѣны и Мальту.

Нынѣ, черезъ столько лѣтъ, мы опять вблизи другъ отъ друга; но

хотя мнѣ можно васъ слышать, чему доказательствомъ служить день 5 Октября, когда голосъ мощнаго Агамемнона раздался очень близко ⁽¹⁾, но я не могу пожать вамъ руку. Въ такихъ-то, слишкомъ по моему церемонныхъ, формахъ благодарю я васъ за добрую память и за дружескую присылку. Позвольте мнѣ, въ свою очередь, предложить вамъ добычу недавней охоты: крымскія дикія козы превосходны. Вы отдаете справедливость нашимъ морякамъ, любезный адмиралъ; они дѣйствительно заслуживаютъ похвалу судьи, столь свѣдущаго, но, какъ мнѣ кажется, нѣсколько взыскательнаго. Они наша гордость и наша радость! Заговоривъ о морскомъ дѣлѣ, пользуюсь случаемъ, чтобы заявить объ одномъ обстоятельстве, которое безъ сомнѣнія есть дѣло случая, но которое, если будетъ повторяться, то можетъ повлечь къ непріятностямъ. Въ послѣдній разъ стимеръ посланный для переговоровъ, подъ начальствомъ капитана Кузовлева, подошелъ къ самымъ пушкамъ крѣпости, тогда какъ онъ долженъ былъ внѣ линіи нашихъ огней дожидаться гребнаго судна, высланнаго къ нему на встрѣчу. Вы хорошо сдѣлаете, сказавши словечко на этотъ счетъ, и впередъ конечно не выдетъ недоразумѣнія. Примите, любезный адмиралъ, изъявленіе моей преданности ⁽²⁾.

ОБЪ ЮБИЛЕЙНОМЪ ИЗДАНИИ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ.

(Письмо къ издателю Русскаго Архива).

М. Г. Въ концѣ 1864 года я сообщилъ вамъ свѣдѣнія о ходѣ работъ, порученныхъ мнѣ по юбилейному изданію „Трехсотлѣтія Московскаго печатнаго дѣла (Синодальной типографіи)“, и объ любопытномъ открытіи касательно нашей первопечатной Псалтыри.

Въ январѣ слѣдующаго, 1865 года, я уже переѣхалъ въ Вильну и къ величайшему сожалѣнію прекратилъ работы по начатому изданію. Съ тѣхъ поръ я рѣшительно ничего не знаю о судьбѣ его.

Но, знавшіе мои прежнія работы, особенно видѣвшіе историческій рядъ снимковъ съ древлепечатныхъ Московскихъ книгъ, по возвращеніи моемъ въ Москву, неотступно преслѣдуютъ меня вопросами, скоро ли выйдетъ въ свѣтъ столь любопытное для большинства и важное для Русской бібліографіи изданіе, стѣившее при мнѣ уже нѣсколько тысячъ рублей, а теперь, въ своемъ продолженіи и окончаніи, вѣроятно тысячъ двѣнадцать.

Больше всѣхъ спрашиваютъ объ этомъ сочлены мои по Обществу Любителей Россійской Словесности и тѣ Москвичи, которые участвовали въ памятномъ публичномъ засѣданіи Общества по поводу юбилея Синодальной типографіи, когда такъ много говорилось въ ея славу, а еще болѣе говорили разложенные на столѣ снимки подготовлявшагося изданія. Доселѣ я успокоивалъ всѣхъ удовольствіемъ, что несомнѣнно изданіе выйдетъ скоро, ибо со времени прекращенія моихъ работъ протекло два года, а подготовлено было уже очень много, и что конечно первый выпускъ состоятъ будетъ изъ Отдѣла, мною оконченнаго. Вы такъ интересуетесь движеніемъ нашей бібліографіи и столько уже сдѣлали для нея сами, что я позволю себѣ сообщить здѣсь вашему вниманію коро-

(1) Въ день генеральной атаки Севастополя въ укрѣпленій союзными флотами, 5 Октября 1854 года, трехдечный корабль Агамемнонъ, подъ флагомъ Лайонса, ближе всѣхъ прочихъ судовъ подошелъ къ Русскимъ фортамъ.

(2) Контр-адмиралъ Истомина погібъ 8 Марта 1855. Онъ былъ обезглавленъ ядромъ въ то время, какъ выходилъ изъ Камчатскаго редута.

тенькій перечень сдѣланнаго по этому предмету.

Отдѣлъ, о которомъ я говорю, заключается въ себѣ самый первый, старшій и мало объясненный періодъ нашего издательскаго, книжнаго, печатнаго и типографскаго дѣла (я всѣ эти черты раздѣляю): со второй половины XVI-го, когда дѣло началось, до втораго десятилѣтія XVII-го вѣка, когда пожаръ смутнаго времени истребилъ всѣ начатки почти до гда. Это — труды первыхъ учредителей и основателей Московскаго (и обще-Русскаго) книгопечатанія, произведенія Ивана Федорова и Петра Мстиславца, временное перенесеніе дѣятельности въ Александровскую Слободу, въ слѣдъ за бѣжавшими, и вмѣстѣ съ ними переходъ типографской производительности изъ Москвы въ Заблудовье и Вильну, оттуда во Львовъ и Острогъ, распространеніе по Западному Краю, продолженіе въ Москвѣ работами Андроника Тимофеева Невѣжи и прочихъ, съ обстановкою другихъ Церковно-славянскихъ изданій, на примѣръ такъ называемыхъ „Княжескихъ.“

Такимъ образомъ, въ первомъ семъ Отдѣлѣ:

1) На XXV большихъ листахъ или таблицахъ размѣщено снятыхъ литографіей, рѣзьбою и печатаніемъ, болѣе ста отдѣльныхъ *снимковъ* изъ Апостоловъ, Часовниковъ, Евангелій, Библии, Псалтырей, Тріодей, Минеи и Охтаевъ. Книгъ, съ которыхъ слѣдовало дѣлать снимки, не было всѣхъ подъ руками въ Типографской библіотекѣ; нужно было отыскивать порознь, по нѣсколькимъ книгохранилищамъ, въ Москвѣ и Петербургѣ. За тѣмъ, доставши ихъ, предстояло опредѣлить ихъ подлинное мѣсто въ исторіи. Вы знаете, что нѣкоторыя изъ сихъ книгъ, относившихся къ разбираемой эпохѣ, я впервые открылъ; другія, вопреки установившимся авторитетамъ, вынужденъ былъ свести изъ эпохи на 50 лѣтъ ниже, или совсѣмъ отвергнуть; третьи, какъ на примѣръ „Княжескія“ или первое Московское

Евангеліе, впервые опредѣлить временемъ и мѣстомъ. Далѣе, слѣдовало избранный экземпляръ просмотрѣть и прочесть, чтобы обсудить всѣ отличія издательскія и типографскія, въ содержаніи, текстѣ, составѣ и всѣхъ формахъ книгопечатанія; потомъ выбрать главные, наиболѣе характеристичные для исторіи, листы и страницы; выбранное снять въ данномъ форматѣ книги, опредѣливъ его; извлечь изъ всѣхъ книгъ и исторически расположить украшенія, заставки, вязь, узелки, цвѣтки, заглавныя буквы и строчную азбуку; каждый такой отдѣльный снимокъ прокорректировать при печатаніи, разъ 10—20; собрать нѣсколько въ одну общую таблицу, размѣстить здѣсь съ точнымъ описаніемъ внизу каждой, откуда, съ какихъ листовъ, страницъ и строкъ, и что именно снято; наконецъ уже отпечатать. Такихъ, говорю, таблицъ XXV. Я подготовлялъ работы и матеріалы еще съ 1859 года (см. статью мою и брошюру „Типографская библіотека въ Москвѣ“); со времени рѣшенія и дозволенія изданію работалъ цѣлый годъ, ежедневно. Вы знаете, сколько трудился я и у васъ, въ Чертковской библіотекѣ; старыя буквы и значки, съ корректурами, стоили мнѣ глазъ — лѣтъ на десять впередъ. Плодъ труда — это наглядная, въ снимкахъ и объясненіяхъ, исторія первой эпохи нашего Московскаго и обще-Русскаго книгопечатанія, украшеній, шрифтовъ, формативъ, бумаги и т. п.

2) *Выходы* книгъ за означенную эпоху, иногда очень обширныя, но крайне любопытныя, не могли быть всѣ сняты въ снимкахъ: въ данномъ форматѣ, въ тѣхъ же строчкахъ, шрифтами, ближайшими къ древности, я изготовилъ имъ *наборы*, оравленные мною въ Типографіи вмѣстѣ съ прочими матеріалами изданія.

3) На XVII *таблицахъ* особыхъ, собраны и расположены всѣ имѣющіяся и нынѣ дѣйствующія въ Синодальной типографіи *азбуки*, Церковныя, Граж-

данскія, Грузинскія, Нотныя и т. д., въ полномъ составѣ, съ титлами, знаками, цифрами и т. п. Въ образцахъ азбукъ проведены и отпечатаны, въ видѣ послѣдовательнаго разсказа, положительныя данныя изъ древней исторіи Типографіи. Здѣсь я раздѣлялъ труды Н. Н. Новикова.

4) Для исторіи промежутка, между той первой эпохой, которая изображена изданіемъ до крайней подробности, и между нынѣшнимъ состояніемъ Типографіи, обличованнымъ въ образцѣ имѣющихся азбукъ, собрано и отпечатано, въ послѣдовательномъ порядкѣ LXXVI (76) большихъ *таблицъ*, съ оттисками всѣхъ, уцѣлѣвшихъ отъ старины доселѣ, изъ всего помянутаго промежутка, *заглавныхъ буквъ* (397 + 268 + 156 NN), *заглавій* (139 + 11 NN), *заставицъ* (171), *заставицъ и узелковъ, кружковъ, украшений* и т. п. (155 + 80 + 161). Это цѣликомъ работа знакомаго вамъ *Ш. Н. Новикова*, работа очень трудная, копотная, совершенная при пособіи типографскихъ мастеровъ: кончивъ ее, въ исходѣ 1864 года, Н. Н. Новиковъ, также какъ я, перешелъ въ Сѣверо-Западный Край, гдѣ находится и доселѣ; осталось дополнить, можетъ быть, двѣ-три таблицы, не существенно впрочемъ нужныхъ.

5) Занимавшіеся исторіей Типографіи съ давняго времени, я захотѣлъ прибавить и къ юбилейному изданію *Историческій очеркъ* судебъ типографскихъ, въ особенности изъ первой эпохи, подробно изображенной въ моихъ снимкахъ: причины и поводы къ заведенію нашего книгопечатанія, подготовка къ тому, первые приемы дѣла, извѣстія о главныхъ дѣятеляхъ, о типографскихъ тогдашнихъ особенностяхъ, шрифтѣ, бумагѣ, форматахъ и т. п., о первыхъ зданіяхъ типографіи, кои всѣ сгорѣли, о позднѣйшихъ постройкахъ и перестройкахъ, въ коихъ между прочимъ уцѣлѣло на стѣнахъ два-три клочка тогдашнихъ узоровъ, давно извѣстныхъ мастеровымъ (въ словодитнѣ), занесенныхъ въ изданныя описанія и недавно, гово-

рять, надѣлавшихъ много шума, и т. и. Черты сведены у меня къ одной, первоначальной эпохѣ типографіи, а доводятся большею частію до Смутаго времени и Михаила. Статья, хотя готова была, при мнѣ только *начата наборомъ*: должно быть листовъ 20. Печатанія я уже не дождался и уѣхалъ. Конечно, ее можно продолжать, къ слѣдующимъ эпохамъ, XVII, XVIII и XIX вѣку. Но пополнять то, что есть, кажется не нужно, тѣмъ болѣе, что, хотя есть матеріалы, однако безъ участія моего это было бы трудно. А главное, это уже библиографическая *роскошь*, исторія, пополняющая библиографію. Первый Отдѣлъ изданія, да и все изданіе, чисто-библиографическое, могутъ легко обойтись безъ излишней роскоши; они роскошны сами собою, въ собственномъ наличномъ видѣ.

6) При юбилейномъ изданіи я такъ былъ затрудненъ необходимостію согласовать требованія ученыхъ съ неучеными, административными, такъ часто меня понуждали и торопили, наконецъ, такъ спѣшилъ самъ, что для выпуска перваго Отдѣла подготовилъ даже самыя послѣднія мелочи: отпечатанъ особый *Заглавный листъ* (трудъ Н. Н. Новикова); сдѣланы *заглавія* для *сорочекъ*; заказаны и окончены *переплеты, футляры*, даже *металлическія застѣжки* къ переплетамъ (съ гербомъ типографіи).

„Что есмь еще не докончалъ?“

Дабы выпустить изданіе, по крайности первый, опредѣленный и законченный Отдѣлъ, осталось —

7) Составить и отпечатать *Оглавленіе*, къ снимкамъ и ко всему выпуску. Конечно, для этого необходимо перелистовать снимки и прочіе матеріалы, чтобы списать отпечатанное вверху и внизу разныхъ таблицъ и частей изданія. Но, судя по прежней торопливости, нужно думать, что все это въ теченіе двухъ лѣтъ съ успѣхомъ уже окончено.

Предисловіе совсѣмъ не нужно: оно заставило бы входить въ утомительныя подробности о главныхъ дѣятеляхъ изданія.

Расулка экземпляровъ для продажи также не можетъ быть долговременна: изданіе казенное.

Вы видите, я имѣлъ полное право успокоивать вопрошавшихъ меня, тѣмъ, что конечно изданіе, по крайности въ первомъ Отдѣлѣ, выйдетъ на дняхъ.

Но мнѣ досадно, нѣкоторые еще пристають ко мнѣ (да извинять за выраженіе): „зачѣмъ вы не продолжаете изданія?“ А одинъ почтеннѣйшій Московскій ученый писалъ мнѣ даже въ Вильну прошлою осенью: „не благовидно такъ бросать начатыя изданія.“ Во первыхъ, я искренно желалъ бы продолженія, но не моими исключительно, а чѣмъ бы то ни было трудами, тѣмъ болѣе, что самъ и безъ того продолжаю *для себя* начатое. Во вторыхъ, я многое приготовилъ для продолженія и приготовленнаго не скрывалъ: я много и часто рассказывалъ о планѣ и системѣ продолженія; указывалъ къ тому пути; сообщалъ подробности вопроса о древнихъ форматахъ, переплетахъ, заводахъ, шрифтахъ, бумагахъ, мастерахъ и т. п.; изъ XVII вѣка изготовилъ также нѣсколько снимковъ, при содѣйствіи Н. Н. Новикова; подобралъ изъ архивовъ бумаги, ближайше относящіяся къ исторіи книгопечатанія, и т. д. Въ третьихъ, я ничего не знаю о продолженіи, ибо прекратились съ симъ дѣломъ всякія служебныя мои связи. Можетъ быть, продолженіе уже есть: вѣроятно, готово и все изданіе. Положеніе мое, котораго я вовсе не желаю связывать, даетъ мнѣ болѣе выгодную свободу критики: но на критику все-таки я не потороплюсь, ибо напротивъ буду искренно радъ всему, что ни появится. — А до тѣхъ поръ что же мнѣ дѣлать?

Однако нѣкоторые, ступивъ уже далѣе, вѣроятно по горячему желанію видѣть поскорѣе въ свѣтѣ Юбилейное изданіе типографіи, распускають, узнавъ я, слухи, будто оно и первый Отдѣлъ его не выходятъ потому, что я, уѣзжая изъ Москвы, взялъ съ собою *книги*, потребныя для изданія, и увезъ съ собою

ключь отъ него. Это уже совершенное невѣдѣніе обстоятельствъ дѣла, странность, не скажу—злонамѣренность. Это я вынужденъ опровергнуть.

Книги, потребныя для изданія, принадлежали типографіи: онѣ сданы мною при отъѣздѣ; другія взяты были въ типографію изъ стороннихъ библиотекъ: возвращены по принадлежности; третьи я изслѣдовалъ или снималъ въ самихъ библиотекахъ, на примѣръ въ вашей Чертковской: онѣ доселѣ на мѣстѣ, какъ конечно и у васъ. Съ собою изъ нихъ не взялъ я ничего, а въ Вильну привезъ и въ Публичную библиотечку передалъ книги, купленныя мною въ Москвѣ на 500 р. сер., болѣею частью у С. Т. Большакова, пожертвованныя имъ, разными издателями, литографами, переплетчиками и т. д.

Ключь я сначала понялъ было отъ какого нибудь шкафа или стола: оказывается изъ слуховъ, будто бы я съ собою увезъ (отвлеченный) ключь къ разъясненію снимковъ и цитатъ. Положительно удостовѣрю: на самихъ снимкахъ припечатаны вездѣ подробныя объясненія; загадочныхъ же цитатъ ровно нѣтъ никакихъ, а еслибъ онѣ и были, то стоило бы ихъ только выбросить, или бросить безъ вниманія. Если же подъ „ключемъ“ разумѣютъ мое знаніе и искусство: то я вовсе не виноватъ, что перевозю ихъ съ собою, куда ни поѣду, что ключь ихъ во мнѣ и что они дѣйствительно у меня подъ ключемъ. Но я нисколько не отнимаю симъ знанія и искусства у другихъ.

Вотъ все, чѣмъ я совершенно, надѣюсь, устраняю всякія притязанія на меня и приступы обвиненій. Я бы не распространился, если бы дѣло касалось только меня: но очевидно, невѣжество или злонамѣренность хотѣли уколоть продолжателей и нынѣшнихъ хозяевъ изданія. Хотѣли увѣрить, что у нихъ недостаточно знанія, искусства, умѣнья, даже способности сдѣлать оглавленіе, объяснить снимки, прочесть цитаты, справиться въ книгахъ и матеріалахъ.

Въ ужоръ имъ, хотѣли насильно навязать мнѣ и „книги въ руки“, и всякіе „ключи“, и Эдипову мудрость разгадокъ, и, вѣроятно, притязательность на вмѣшательство въ чужое дѣло. На это я не ловлюсь и, сохраняя совершенное мое уваженіе ко всякимъ способностямъ и трудамъ, заканчиваю увѣреніемъ, что если изданіе не вышло еще или не выйдетъ скоро, то къ этому конечно есть особенныя уважительныя причины, не сплетни и дразги.

Примите увѣреніе и пр.

П. Безсоновъ.

10 Февраля 1867.

ОБЪ ИЗДАНИИ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ А. В. ХРАПОВИЦКАГО. (*)

Записки Храповицкаго помѣщены были въ „Чтеніяхъ Москов. Общ. ист. и древ. 1862 г. кн. 2 и 3-я“ и оттуда отпечатаны особыми оттисками. Въ послѣдніе годы у насъ явилось обыкновеніе снабжать сочиненія подобнаго рода примѣчаніями, которыя составители ихъ называютъ историческими, біографическими и бібліографическими. Дѣло безъ сомнѣнія весьма хорошее; но въ Запискахъ Храповицкаго, снабженныхъ такими примѣчаніями, исполненіе не отвѣчаетъ дѣлу. Какія сдѣланы въ нихъ примѣчанія? При встрѣчѣ въ текстѣ съ какимъ-нибудь лицомъ, важнымъ или не важнымъ, дѣлается выноска и означается: род. въ такомъ-то году, ум. въ такомъ-то, или показывается его имя и отчество; иногда прибавляется чинъ. Подобными примѣчаніями и наполнены Записки Храповицкаго.

(*) Записки Храповицкаго изданы не съ подлинника, который къ сожалѣнію не извѣстно гдѣ находится; къ тому же издатель, *Г. Н. Геннади*, не находился въ Москвѣ во время печатанія Записокъ. *П. Б.*

Но кромѣ этихъ малоговорящихъ именъ, званій и метрическихъ цифръ, важнѣйшій недостатокъ примѣчаній заключается въ небрежности, съ какою онѣ сдѣланы. Составитель ихъ, какъ видно, не усвоилъ себѣ настоящаго понятія о томъ, что достойно вниманія или объясненія и дѣлалъ свои примѣчанія на удачу, или по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія попадались ему подъ руку. Сверхъ того встрѣчаются невѣрности въ указаніяхъ и темнота въ изложеніи.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что г. Геннади, издатель Записокъ, печатая ихъ по двумъ только рукописямъ, напрасно не принялъ въ соображеніе печатнаго Свинынскаго изданія. Оно, не смотря на важнѣйшій ихъ недостатокъ,—значительные пропуски,—представило бы много такихъ мѣстъ, которыя должны бы быть признаны за болѣе правильное чтеніе, чѣмъ въ изданныхъ Запискахъ.

Все это постараемся подтвердить примѣрами.

Стр. 5, прим. 1. О Ланскомъ сказано: „Онъ родился 8 Марта, 1758, въ флигель-адъютанты пожалованъ въ 1780 году, потомъ былъ генераль-адъютантомъ и генераль-поручикомъ и находился въ случаѣ по самую смерть“.—Съ какого же времени онъ находился въ случаѣ—съ рожденія ли, съ пожалованія ли въ флигель-адъютанты, или съ производства въ генераль-адъютанты?

— прим. 2. „О графѣ Безбородко сказано: „Пожалованъ титуломъ князя“, т. е. титуломъ. Титуло есть знакъ сокращенія нѣкоторыхъ буквъ, а титулъ есть достоинство.

— прим. 3. „Князь Вяземскій..... былъ генераль-прокуроромъ съ 1764 года по смерть свою“.—Въ этомъ году князь Вяземскій имѣлъ званіе генераль-квартирмейстера и былъ только исправляющимъ должность генераль-прокурора. Онъ назначенъ былъ генераль-прокуроромъ

24 Июля 1767 года, а именно въ тотъ день, когда Сенату данъ былъ указъ объ открытіи знаменитой Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

Замѣтимъ еще, что въ текстѣ князь Вяземскій названъ Александромъ Александровичемъ, тогда какъ его звали Александромъ Алексѣевичемъ. Если въ рукописяхъ, съ которыхъ печатались Записки и стояло первое имя, то долгъ издателя былъ исправить эту ошибку, и оговорить ее.

Стр. 6. Примѣчаніе 2-е относится къ комедіи Обманщикъ, и въ немъ сказано, что она въ 3 дѣйств.; но въ каталогъ Смирдина (№ 7249) и въ Библиографіи Сопикова (т. III, № 5513) означено, что она въ 5 дѣйств. Въ этомъ же примѣчаніи упомянуто, что она напечатана въ 13 ч. Росс. Театра; но для полноты библиографической слѣдовало бы прибавить, что она помѣщена также и въ Смирдинскомъ изданіи полного собранія сочиненій Русскихъ авторовъ, въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины (Спб. 1849—50). Это указаніе тѣмъ необходимѣе, что Смирдинское изданіе болѣе доступно для публики, чѣмъ Россійскій Театръ, который, если и находится въ продажѣ, то считается уже рѣдкою книгою и стоитъ дорого. Это же должно сказать и о другихъ театральныхъ произведеніяхъ Екатерины, которыя издатель Записокъ снабдилъ своими примѣчаніями.

— 9. Екатерина, въ разговорѣ съ Храповицкимъ, упоминаетъ о важныхъ въ то время лицахъ—кн. Вяземскомъ, гр. Зах. Чернышовѣ, гр. Н. И. Панинѣ и объ Орловыхъ. О первомъ находимъ выше короткое, хотя и не совсѣмъ вѣрное извѣстіе, но о прочихъ не сдѣлано никакого замѣчанія, кромѣ какъ о кн. Орловѣ, о которомъ сказано: „Разумѣется князь Григорій“; между тѣмъ на слѣдующихъ же стр. есть примѣчанія и объ Игельстромѣ, и о гр. Остерманѣ, и о гр. Завадовскомъ, и другихъ. Почему

же одни предпочтены другимъ? Всѣ они, болѣе или менѣе, были люди замѣчательные.—Въ этомъ же мѣстѣ императрица говоритъ: „Кн. Потемкинъ....., хотя даетъ щелчка, однако же самъ первый станеть просить за своего недруга“. У Свин., вмѣсто щелчка, стоитъ „щелчки“—и это правильнѣе.

Стр. 11. 5 Июля. „Граница будетъ Черное море, и подданство Персидскихъ владѣльцевъ, равняющихся герцогу Курляндскому, къ тому способствуетъ“. У Свин. (ч. VII стр. 147), вмѣсто герцогу поставлено „герцогству“ и выходитъ настоящій смыслъ, котораго нѣтъ въ изданіи г. Геннади.

— 12. Въ примѣчаніи къ гр. Андрею Петровичу Шувалову сказано: „Фельдмаршалъ, род. 1710 г. ум. 1771.“ Странное извѣстіе! Фельдмаршаловъ графовъ Шуваловыхъ было двое—родные братья, Александръ Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, оба сильные люди при Елисаветѣ Петровнѣ. Что который нибудь изъ нихъ родился въ 1710 году—это весьма быть можетъ, но годъ кончины не примѣняется ни къ одному изъ нихъ: гр. А. И. Шуваловъ ум. въ 1769, а гр. Петръ Ивановичъ 4 Января 1762 г., недѣлю спустя послѣ пожалованія его въ фельдмаршалы. Еще менѣе 1771 годъ можетъ относиться къ графу Андрею Петровичу, о которомъ далѣе упоминается до десяти разъ, какъ о живомъ человѣкѣ. Между прочимъ на стр. 48, въ прим. 2 сказано: „Тогда (въ 1788) д. т. сов. камергеръ (дѣйствительный), правленія банковъ директоръ, и шпалерной мануфактуры надзиратель“. Наконецъ подъ 24 Апрельемъ 1789 г. (стр. 187) сказано о его смерти. Этотъ гр. Андрей Петровичъ Шуваловъ былъ сынъ фельдмаршала гр. Петра Ивановича и славился отличною образованностію. При открытіи Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія въ 1767 г. гр. А. П. Шуваловъ, бывший тогда дѣйствительнымъ камергеромъ, получилъ въ ней особую должность директора днев-

ныхъ записокъ (журналовъ) большаго собранія Коммиссiи, т. е. ему поручено было главное наблюденіе надъ ихъ составленіемъ. Должность эту, отъ которой, въ числѣ прочихъ качествъ, требовалось хорошаго изложенія, онъ исполнялъ до 5 Іюня 1769 г. Онъ прекрасно писалъ стихи на французскомъ языкѣ. Извѣстно его посланіе къ Нинонѣ Ланкло, которое даже приписывали Вольтеру. Послѣ всего этого какъ то странно видѣть приведенное выше замѣчаніе.

Стр. 13. 9 Августа. „Обѣдъ на дачѣ; А. А. Нарышкинъ возвратился въ Царское село.“ У Свин. (ч. VII стр. 149). „Обѣдъ на дачѣ Л. А. Нарышкина; возвратились въ Царское село“. Варіантъ этотъ, кромѣ имени Нарышкина, гораздо правдоподобнѣе текста. Что же касается до имени, то не можемъ рѣшить, которое изъ нихъ вѣрнѣе. Но если вѣрность въ имени и остается за издателемъ Записокъ, то представляется вопросъ, отъ чего же объ А. А. (Александрѣ Александровичѣ) Нарышкинѣ не сдѣлано біографической отмѣтки, а объ его братѣ, поминутомъ выше (стр. 6) такая отмѣтка есть. Эти братья Нарышкины были люди совершенно разныхъ свойствъ. Объ нихъ обѣихъ упоминается въ Запискахъ нѣскольکو разъ, и какъ кажется, отъ перемѣны начальной буквы ихъ именъ (А. и Л.), поступки одного приписываются другому.

— 14. прим. 1. „..... Александръ Михайловичъ Потемкинъ, тайный совѣтникъ и С.-Петербургскій предводитель дворянства.“—Но во время печатанія этихъ Записокъ онъ уже не былъ предводителемъ; по этому такъ надо было и сказать.

— — прим. 3. О Поповѣ, этомъ замѣчательномъ лицѣ, пользовавшемся особымъ довѣріемъ кн. Потемкина, сказано только: „Василій Степановичъ, тогда отъ арміи полковникъ“.

— 16 прим. 1. „Вѣроятно, извѣст-

ный Ив. Ив. Михельсонъ (ум. 1807).“ Но чѣмъ же онъ извѣстенъ? такъ можно отозваться обо всякомъ лицѣ.

Стр. 18. въ прим. 2 о графѣ Ангальтѣ, въ прим. 4 о Бецкомъ и на стр. 19, въ прим. 1 о Н. И. Салтыковѣ слѣдовало бы сказать что-нибудь болѣе.

— 23 прим. 2. Объ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной сказано, что она была статсъ-дама съ 1778 и гофмейстерина съ 1796 г. Вѣроятно оберъ-гофмейстерина. Приписанное ей г-омъ Геннади званіе тѣмъ болѣе должно принять за ошибку, что ниже въ прим. 4 упоминается о графинѣ Матюшкиной, то же статсъ-дамѣ, которая въ томъ же 1796 году пожалована оберъ-гофмейстериною. А. Н. Нарышкина находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Екатериною еще въ то время, когда она была Великою Княгинею, и отношенія эти не прерывались въ продолженіи всего ея царствованія.

— 24, прим. 1. Въ выноскѣ поставлено: „Кушелева“. Но кто же она, ничего не сказано.

— — прим. 3. „..... Лужковъ состоялъ тогда при собственной Ея Императорскаго Величества Вивліоикѣ“. Есть извѣстная книга подъ названіемъ: „Древняя Россійская Вивліоика“; но сомнительно, чтобы собраніе книгъ, хотя бы и собственное Е. И. В., можно было назвать Вивліоикой. Это просто была бібліотека императрицы.

— 25. 8 Апрѣля, Храповицкій, упоминая о Крымскомъ Ханѣ Шагинъ-Гирѣѣ, прибавляетъ слова Екатерины, которая между прочимъ сказала: „..... два раза его подкрѣпляли“. У Свин. (ч. VII стр. 320) вмѣсто подкрѣпляли, поставлено „подкупали“, что кажется вѣрнѣе.

— 26 прим. 2. О кн. С. Ѳ. Голицынѣ сказано: „см. Серчевскаго“. Но что такое этотъ Серчевскій? Всякому ли извѣстно, что онъ написалъ

книгу: „Записки о родѣ князей Голицыныхъ“ (Спб. 1853)?

Стр. 26. Пр. 3. „Бутурлинъ, управлявшій экспедиціею о доимкахъ въ госуд. экспедиціи“.—Объясненіе это и темно и ошибочно. Обозначая личность Бутурлина, г. Геннади ссылается на записки Державина (стр. 135), который пишетъ, что въ 1780 г. учреждена была экспедиція о государственныхъ доходахъ. Она раздѣлялась на 4 части: на приходную, расходную, счетную и недоимочную. Въ каждой было по три совѣтника и по одному предсѣдателю. Во второй, т. е. расходной, и находились совѣтниками какъ самъ Державинъ, такъ и помянутый Бутурлинъ. Слѣдовательно въ это время, да вѣроятно и послѣ, Бутурлинъ не былъ управляющимъ. Экспедиція же о доимкахъ въ государственной экспедиціи есть уже сочиненіе издателя.

— 27, прим. 2. Замѣчаніе о свиданіи Екатерины съ королемъ Польскимъ одно изъ самыхъ дѣльныхъ. Вотъ подобнаго рода замѣчанія придали бы еще большую занимательность интереснымъ Запискамъ Храповицкаго. Къ такимъ же замѣчаніямъ можно отнести примѣчаніе о Сравнительномъ Словарѣ (стр. 26). Но ихъ не много.

— 32. Въ прим. 2 сказано о печатавшемся въ Московскихъ вѣдомостяхъ журналѣ путешествія Императрицы Екатерины и прибавлено: „напечатанный (журналъ) потомъ отдѣльною книгою въ Москвѣ у Новикова“. Библиографія этимъ не удовлетворяется, а требуетъ точнаго заглавія книги, съ означеніемъ года печатанія, формата и даже числа страницъ.

— 36. Въ концѣ довольно обстоятельнаго примѣчанія о Грейгѣ сказано: „объ немъ здѣсь ниже подъ 1788 годомъ“.—Одинъ этотъ годъ, самый пространный изъ Записокъ Храповицкаго, заключающій болѣе третьей части всей книги, размѣщенъ на 106

страницахъ. Гдѣ же читателю отыскать по этому указанію? И наконецъ, что „объ немъ здѣсь ниже“? Не ужели нельзя было сказать: о дѣйствіяхъ его во время шведской войны упомянуто нѣсколько разъ въ продолженіе 1788 года, или что нибудь другое, болѣе явственное, чѣмъ означенное выраженіе.

Стр. 37 примѣчаніе 2 о трагедіи Коріоланъ весьма удовлетворительно. Но и тутъ выказана небрежность: упомянуто о книгѣ *Recueil des pieces de l'Hermitage* и поставлены цифры: „6. 1-г“, но что онѣ означаютъ, отгадать трудно.

— 39. 2 Сент.—„Говорено съ чувствительностію признательности къ народу“.—У Свин. (ч. VIII стр. 205): „..... съ чувствительною признательностію о народѣ“, что имѣетъ смыслъ. § 7 Сент. подписанъ Манифестъ о войнѣ съ Турками и напечатанъ 9 числа“.—У Свин. (тм. же стр. 206) „9 Сент.—Подписанъ Манифестъ о войнѣ 7-го, а сего дня напечатанъ“.— Не выдавъ подлинныхъ Записокъ, трудно сказать положительно, который текстъ вѣрнѣе. Но если принять, что Храповицкій вносилъ свои замѣтки ежедневно или тотчасъ за случившимся событіями, то нельзя допустить, чтобы 7 числа онъ записалъ то, чего еще въ этотъ день не было, а случилось два дня спустя; по этому Свининскому тексту надо отдать предпочтеніе по его точности.

— 45. 9 Декабря. Отдана для переписки въ моей Канцеляріи Коммисіи Разстроенная семья.—У Свин. (ч. IX, стр. 129) „Отдана для переписки въ моей канцеляріи ком.... Разстроенная семья.“—Здѣсь неподписанное слово ком.... нужно читать „комедія“, что и будетъ имѣть настоящей смыслъ, между тѣмъ какъ слово „коммисіи“ его лишаетъ.

— 46. прим. 1. Объ А. И. Глѣбовѣ сдѣланы ссылки на записки Державина и на Чтенія въ Общ. Ист. и

Древ.; но не лишнее было бы хотя вкратцѣ упомянуть, что въ тѣхъ и другихъ сказано.

Стр. 46. Въ текстѣ, подъ 24 Дек. „Самъ кн. П. В. Р., бывъ его защитникомъ“... Слѣдовало бы по этимъ начальнымъ буквамъ отыскать, кто такой подъ ними означенъ.

— 50. Къ 11 Февраля (по ошибкѣ напечатано Генваря) о Заборовскомъ замѣчаніе дѣльное. Но объ немъ уже было сказано на стр. 37 прим. 3 и тамъ показана ссылка на „Словарь достопамят. люд. (дополнительный) Бантышъ-Каменскаго“, а здѣсь на „Жизнь Адмирала Ф. Ф. Ушакова“, соч. Скаловскаго. Было бы дѣльнѣе, если бы здѣсь помѣщенное примѣчаніе соединить съ первымъ (на стр. 37) и тамъ не писать во 1-хъ о возбужденіи возстанія въ Грузіи, вмѣсто Греціи, и во 2-хъ вмѣсто Ярославскаго намѣстничества Владимірскаго. Заборовскій былъ назначенъ на мѣсто умершаго въ 1788 году А. П. Мельгунова, который былъ генералъ губернаторомъ Ярославскаго и Вологодскаго намѣстничествъ. Заборовскому же даны въ управление губерніи Ярославская и Костромская, вмѣсто Вологодской, которыми онъ управлялъ восемь лѣтъ, т. е. по кончину императрицы Екатерины II. Такъ сказано и въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго на стр. 16; а на стр. 17 онъ говоритъ, что Заборовскій „продолжалъ управлять Владимірскою и Костромскою губерніями“. Но Бантышъ-Каменскій могъ тутъ ошибиться, и авторъ примѣчаній къ Запискамъ Храповицкаго обязанъ былъ все это объяснить, и исправить ошибку того источника, на который онъ ссылается. Въ первомъ примѣч. (стр. 37) сдѣлано указаніе на послѣдующія примѣчанія и сказано: „см. 1788 г. 13 Февраля и 16 Юля;“ но если бы и это маловажное указаніе сдѣлать правильно, то вышло-бы: см. 1788 г. 11 и 13 Февраля и 15 Юля.

Стр. 51, прим. 3. О Поповѣ замѣчено

только: „Секретарь кн. Потемкина;“ но это тотъ самый, о которомъ уже было сказано на стр. 14, прим. 3, что онъ „Василій Степановичъ, тогда отъ арміи полковникъ“.

Стр. 53 прим. 2. Объ Елагинѣ сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Иванъ Перфильевичъ (?), тогда Оберъ-Госмейстеръ и Кабинетъ-Секретарь“. На стр. 129 встрѣчается опять Елагинъ, и объ немъ замѣчено: „И. П. Елагинъ (р. 1725), писатель, тогда (все въ томъ же 1788 году) состоявшій при Кабинетѣ Ея Величества.“—Изъ этихъ двухъ замѣтокъ весьма естественно подумать, что это два разныхъ лица, тогда какъ положительно это одинъ и тотъ же Елагинъ.

— 53 — 3. При замѣчаніи о Ферзенѣ сказано: „плѣннвшій Костюшку.“ Это двусмысленность, и слѣдовало выразиться иначе.

— 53 — 5. О Колокольцовѣ сказано, что объ немъ упоминаетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ. Но что же онъ упоминаетъ?

— 54. „25 Марта. Читано продолженіе приготовляемаго торжества Потачкинымъ“.—У Св. (ч. IX, стр. 305) вмѣсто этой фамиліи стоитъ „Потемкинымъ“.—Какъ забрался въ текстъ Потачкинъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Недоразумѣніе, вмѣсто Потемкина, непостижимо!

— 55. Подъ 30 Мартомъ упомянуто о банкирѣ Пуртонѣ. У Св. (тмже стр. 307) онъ названъ Торнтонъ

— 57. 14 Апрѣля. Потемкинъ пишетъ императрицѣ, что, „еще готовы вольницы, но надобно прислать для нихъ ружья.“ У Свин. (тмже, стр. 311) слово „вольницы“ замѣнено словомъ „Волинцы“, и едва ли это не будетъ правильнѣе.

— 59, прим. 3. О Григоріѣ Ивановичѣ Шелиховѣ въ концѣ сказано: „Описаніе поѣздокъ его издано въ 1792—1793 г.“ Для библиографа это указаніе не удовлетворительно. Отъ него требуется означеніе полного за-

Русскій Архивъ. 30

главія книги. Правда, что оно очень пространно; но библиографъ могъ бы его сократить съ оговоркою. Кромѣ заглавія требуется указаніе тѣхъ особенностей, какія встрѣчаются въ книгѣ, и которыя именно и есть въ путешествіи Шелихова. Наприм. „Продолженіе странствованія по Восточному океану къ Американскимъ берегамъ въ 1788 году“ вышло въ 1792 г.; а „Первое странствованіе съ 1783 по 1787 годъ“ напечатано въ 1793 году. Издателемъ этихъ странствованій былъ нашъ первый библиографъ Василій Сопиковъ, тогда еще производившій книжную торговлю. Замѣчательно, что онъ, самъ издатель этой книги, въ своемъ „Опытѣ Россійской библиографіи“ (IV, № 11566) ошибся въ годахъ ея изданія и поставилъ 1791—1795 г. У Смирдина показано только 2-е изд. этой книги.

Стр. 63. Подъ 24 Мая упоминается графъ М. Г. Чернышовъ; на стр. 77, подъ 11 Юля графъ Н. Г. Чернышевъ; на стр. 80 графъ П. Г. Чернышевъ. Не можемъ сказать утвердительно, кто такой былъ графъ М. Г. Чернышевъ; но послѣдніе двое названы здѣсь ошибочно. Слѣдовало поставить И. Г., т. е. графа Иванъ Григорьевичъ, вице-президентъ Адмиралтействъ Коллегіи, о которомъ на стр. 62 сдѣлано небольшое примѣчаніе, и о которомъ говорится въ Запискахъ болѣе двадцати разъ.

— 65. прим. 2. При упоминаніи о Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ замѣчено, что онъ былъ „тогда членъ Государственнаго Совѣта.“—При Екатеринѣ дѣйствительно былъ Совѣтъ, но онъ не назывался Государственнымъ. Государственный Совѣтъ есть учрежденіе императора Александра I.

— 66. 7 Юня. Храповицкій, записавши разговоръ императрицы о Турецкихъ дѣлахъ, оканчиваетъ: „Все сіе говорено съ твердостію духа и съ видомъ удовольствія (смотри 13 Апрѣля).—Пріѣхалъ Якоби въ Царское

село...“—Все это такъ напечатано. Но ссылка на 13 Апрѣля относится не къ предъидущему разговору о Туркахъ, а къ послѣдующему, т. е. къ Якоби. Слѣдовательно отъ издателя и требовалось сообразить это и разставить правильнѣе пунктуацію. Подобная невнимательность встрѣчается нѣсколько разъ въ Запискахъ.

Стр. 68. „16 Юня. Рѣшились остановить на время Адмирала Грейга со флотомъ при Ревелѣ.....“ У Свин. (ч. X, стр. 85) вмѣсто „остановить“ написано „оставить“, что кажется будетъ вѣрнѣе.

— 68 и 69. Подъ 18 Юнемъ говорится о приведеніи Кронштатской крѣпости въ оборонительное положеніе; „употребятся къ тому французскіе офицеры и инженерные.“ У Свин. (тмже, стр. 86) перестановка послѣднихъ словъ даетъ другой и болѣе правильный смыслъ; у него сказано: „французскіе инженерные офицеры.“

Въ этомъ же мѣстѣ читаемъ: „Великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ минуло 6 недѣль и ходили къ рукъ.“ У Свин. (тмже, стр. 86) „Вел. кн-ѣ минуло 6 недѣль и потому ходили къ рукъ.“ Не имѣя подлинныхъ Записокъ, нельзя утвердительно сказать, который изъ этихъ двухъ текстовъ вѣрнѣе. Но по обстоятельству самого происшествія нельзя признать текстъ г. Геннади за болѣе достоверный, чѣмъ Свинина. Обычай, до нынѣ существующій, требуетъ, чтобы родильницамъ, послѣ 6 недѣль отъ дня разрѣшенія ихъ отъ бремени, приносили поздравленіе. Объ этомъ случаѣ упоминается и здѣсь; но приносить поздравленіе не новорожденному, а родильницѣ; по этому у Свинина сокращенно поставленные слова: „Вел. кн-ѣ“ значатъ великой княгинѣ, т. е. Маріи Ѳеодоровнѣ. Между тѣмъ, по тексту г. Геннади выходитъ какъ будто ходили къ рукъ новорожденной великой княжны.

— 70, прим. 1. „Послѣ него (графа

С. П. Румянцова) былъ тамъ (въ Берлинѣ) графъ В. Нессельродъ до 1794 г.,“ а на стр. 89 сказано, что Нессельродъ оставался въ Берлинѣ до 1793 и вторично посланъ (туда) въ 1794 г.

Стр. 73. 29 Июня. Въ числѣ распоряженій по случаю войны съ Швеціей было приказано „учебнымъ судамъ новой конструкціи..... развѣзжать въ шхерахъ.....“ Въмѣсто „учебнымъ“ у Св. (ч. X, стр. 95) стоитъ „гребнымъ.“

— 74. „2 Июля. Данъ еще Архарову Указъ о вольномъ наборѣ изъ крестьянъ казеннаго вѣдомства, изъ содержащихся въ Крихсрехтѣ отъ левыхъ полковъ; прощено 96 чело-вѣкъ для укомплектованія здѣшнихъ командъ.“—Тоже читаемъ и у Свиньина (тмже стр. 98); только у него, при другой разстановкѣ знаковъ препинанія, выходитъ другой болѣе правильный смыслъ: „Данъ еще Архарову указъ о вольномъ наборѣ изъ крестьянъ казеннаго вѣдомства. Изъ содержащихся въ Крихсрехтѣ отъ левыхъ полковъ прощено 96 чело-вѣкъ.....“

— 75 — „5 Июля. Миля морская, по справкѣ въ Адмиралтейской Колле-гій, составляетъ 7-мь верстъ Россій-скихъ.“ Допустимъ, что въ рукопи-сяхъ, съ которыхъ печатались За-писки Храповицкаго, могла стоять подобная нелѣпость. Но какъ же изда-телю не обратить на нее вниманія? Если бы онъ заглянулъ въ изданіе Свиньина (тмже, стр. 166) то уви-дѣлъ бы, что у него морская миля, и тоже „по справкѣ въ Адмиралтействѣ, составляетъ $1\frac{3}{4}$ версты Россійскихъ,“ какъ это и есть дѣйствительно.

— 76. Подъ 10 Июлемъ говорится о побѣдѣ, одержанной Грейгомъ надъ флотомъ, бывшимъ подъ начальствомъ принца Карла, герцога Зюдерманланд-скаго, и при этомъ имени сдѣлана вы-носка, въ которой сказано, кто такой былъ принцъ Карлъ. Но объ немъ уже было упомянуто выше подъ 20

Июнемъ (стр. 69); по этому и объяс-неніе, до него относящееся, прилич-нѣе было отнести туда, гдѣ объ немъ сказано въ первый разъ.

Стр. 78, прим. 1. „Тогда генераль-адъютантъ, генераль-аншефъ, коман-диръ V дивизіи и проч.“—Но не вид-но, къ кому относится это замѣчаніе? И какой смыслъ тутъ имѣетъ „и проч.“?

— 81. Здѣсь сдѣланы всего два примѣчанія къ тексту. При контр-адмиралѣ Козляиновѣ замѣчено, что его звали Тимошей Гавриловичъ; а о капитанахъ (кораблей) полковничь-яго ранга Макаровъ и Эльфинстонъ, и о генераль-маіорѣ Одинцовѣ и контр-адмиралѣ фонъ-Дезинѣ не означено ихъ именъ и отчество. Что-нибудь одно,—либо надо было озна-чить имена всѣхъ ихъ, либо не на-зывать и Козляинова.

Въ другомъ примѣчаніи, при имени Григорья Якимовича Лемана ска-зано: „къ артиллерійской экспедиціи Адмиралъ Коллегіи“.—Вѣроятно здѣсь слѣдовало сказать: служилъ или со-стоялъ въ артиллерійской экспедиціи адмиралтействъ-коллегіи.

— 82. О фонъ-Дезинѣ, братѣ Ви-лима Петровича, Мартынъ Петрови-чѣ, сказано, что онъ тоже контр-адмиралъ. Но Вилимъ Петровичъ на слѣдующей же страницѣ названъ ви-це-адмираломъ.

— 85, въ прим. 1-мъ князь Го-лицынъ названъ небывалымъ у насъ чиномъ оберъ-канцлера. Это конечно ошибка отъ небрежности, и надлежа-ло сказать, что онъ переименованъ въ оберъ-камергеры, какъ онъ и по-казанъ тутъ же въ самомъ текстѣ. Замѣтка объ этомъ же князѣ Голи-цынѣ, такого же содержанія, какъ и помѣщенная здѣсь, повторена на стр. 179, и тамъ сказано, что онъ изъ ви-це-канцлеровъ переименованъ въ ка-мергеры.

— 102. Храповицкій разсказы-ваетъ, что по приказанію императ-

рицы, онъ взялъ у Н. И. Салтыкова звѣзду и орденъ св. Александра Невскаго „и привезъ ленту“.—У Св. (ч. XI, стр. 203) вмѣсто „привезъ“—„привязалъ“, т. е. ленту къ ордену. Последнее будетъ вѣрнѣе, ибо государыня велѣла ему во время собранія Эрмитажа, „держать орденъ въ карманѣ“, разумѣется на случай, если бы она вздумала кого-нибудь имъ пожаловать, то чтобы тутъ же могла и возложить его на кого предполагала.

Стр. 104. 6 Сент.—Едва ли Храповицкій, записавъ разговоръ свой съ императрицею, могъ назвать ее „Ваше Высочество“.

— 118. Примѣч. 3 относится къ И. А. Вейдемееру, о которомъ упомянуто въ самомъ текстѣ. Оно въ сравненіи съ другими, довольно полно, хотя изложено не совсѣмъ грамотно. Но съ какой же стати упоминается тутъ объ его сынѣ? Если онъ „извѣстенъ какъ писатель“, то хорошо бы также знать, что онъ писалъ.

— 121. Подъ 17 Октябремъ, говоря о болѣзни Грейга, Храповицкій пишетъ „что ему стало лучше 14 Октября, но въ большую впалъ слабость. 15 Октября 6 нашихъ кораблей пришли въ Кронштадтъ“.—У Свин. (т. XII, стр. 168) это мѣсто передано такъ, что Грейгу стало „лучше 14 Окт., но онъ въ большую слабость впалъ 15 Окт.“—6 нашихъ кораблей пришли въ Кронштадтъ“.... Свинынская редакція тѣмъ болѣе имѣетъ на своей сторонѣ правильности, что Грейгъ умеръ 15 Октяб. въ 8 часовъ вечера.

— 123. 21 Октября. Храповицкій поднесъ императрицѣ „Вздувъ островъ любви, Дейдамію и трагедіи Ломоносова“. При „Вздѣ въ островъ любви“ сдѣлана выноска и въ примѣчаніи объяснено, что это: „сочиненіе Тредьяковскаго“. Но вѣдь и Дейдамія его же сочиненіе; по этому слѣдовало выноску поставить при Дейдаміи и въ примѣчаніи сказать: сочиненія Тредья-

ковскаго. А всего бы лучше не дѣлать тутъ никакого примѣчанія.

Стр. 129. 5 Ноября. Императрица, пишетъ Храповицкій, сказала И. П. Елагину привѣтствіе „при выходѣ изъ бриллиантовой“. У Св. (ч. XII, стр. 348) вмѣсто послѣдняго слова стоитъ „биллиардной“.

Тутъ же упоминается о графѣ Н. П. Румянцовѣ и въ примѣчаніи сказано только: „министръ во Франкфуртѣ на М. съ 1781 года“.—Это тотъ государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, который оставилъ послѣ себя такіе превосходныя свидѣтельства своей любви къ просвѣщенію, какъ наприм. Музеумъ, Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ и многіе другіе памятники древней русской письменности, изданные имъ на свое иждивеніе. Изъ приведенной же замѣтки можно подуматъ, что онъ только и былъ министръ во Франкфуртѣ.

— 134. Въ прим. 2 о Вейдемеерѣ повторено почти дословно то, что уже объ немъ сказано было на стр. 118.

Подобныхъ повтореній встрѣчается нѣсколько.

— 135. Въ дополненіе къ замѣчаніямъ о неправильной разстановкѣ знаковъ препинанія укажемъ и на слѣдующее: Храповицкій подъ 16 Ноябремъ пишетъ: „.... полученъ рапортъ отъ фонъ Дезина, что онъ..... ушелъ на зимовье, не выдавъ рапорта: слышалъ сіе отъ Ея Величества“.—У Свин. (ч. XIII, стр. 62) конецъ переданъ такъ: „.... ушелъ на зимовье. Не выдавъ рапорта, слышалъ сіе отъ Е. В—ва“. Чтобы признать правильность редакціи списка г. Геннади, относительно пунктуациі, слѣдовало бы слово „рапорта“ замѣнить какимъ-нибудь другимъ, напр. „непріятели“. Но Свинынская редакція, при другой пунктуациі, дѣлаетъ это мѣсто очень яснымъ безъ всякаго измѣненія текста.

— 136. При упоминаніи о Спренгпортенѣ и Егергорнѣ сдѣлано примѣ-

чаніе: „Шведы, измѣнившіе королю и передавшіеся къ Русскимъ“ (правильнѣе, передавшіеся Русскимъ).— О Спренгпортеяѣ было до этого упомянуто болѣе двадцати разъ, и при второмъ разѣ означены его имя, отчество и время пожалованія его барономъ и графомъ. Объ Егергорнѣ тоже сказано было нѣсколько разъ. Отчего же вдругъ въ этомъ мѣстѣ понадобилась объ нихъ замѣтка, въ сущности совершенно лишняя, потому что изъ самыхъ Записокъ видно, какіе это были господа.

Тутъ же Храповицкій записываетъ: „переписывалъ пословицу на русскій языкъ“. Едва ли Храповицкій могъ такъ выразиться. Переписывать на русскій языкъ нельзя иначе какъ съ русскаго же языка; съ другаго языка было бы переводить. У Свин. (ч. XIII, стр. 63) поставлено „на рус. языкъ“. Храповицкій упомянулъ объ языкѣ потому, что многія піесы писались Екатериною и другими по французски.

Стр. 140. 28 Ноября. „Думаютъ (т. е. императрица), что приближающаяся кончина короля Англійскаго и посланные en clair письма къ Нессельроду, заставятъ подумать князя Прозоровскаго“.—Какое отношеніе имѣетъ умирающій Англіійскій король и посланныя къ Нессельроду письма en clair къ князю Прозоровскому, который въ это время былъ генераль-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничества,—совершенно не понятно. Въ Свининскомъ изданіи (ч. XIII, стр. 75) въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто князя Прозоровскаго, стоятъ только начальныя буквы К. П. Не много нужно догадливости, чтобы при чтеніи предшествовавшихъ событій, понять, что буквы К. П. означаютъ вовсе не князя Прозоровскаго, а короля Прусскаго, который во все это время находился въ непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ и сильно противъ насъ интриговалъ.

Стр. 141, 2 Декабря. „Читали мнѣмногозамыкающее въ себѣ письмо....“—Думаемъ, что тутъ, вмѣсто „замыкающее“, Храповицкій написалъ „закрывающее“; такъ и у Св. (ч. XIII, стр. 76).

На этой же стр. въ прим. 2 написано биографическое извѣстіе о В. С. Перекусихинѣ. Но объ немъ уже было сообщено такое извѣстіе и гораздо полнѣе на стр. 119.—Въ этомъ примѣчаніи пояснено, кто былъ тогда камеръ-цалмейстеромъ придворной конторы. Но о камеръ-цалмейстерѣ въ текстѣ упоминается на другой страницѣ (142), по этому и важное это примѣчаніе слѣдовало отнести туда же.

— 150. „24 Декабря.... Шведскій король, негодуя на Датчанъ за дозволеніе наше эскадрѣ зимовать въ ихъ портѣ, хочетъ ее сжечь....“—Бездѣлица лишаетъ смысла это мѣсто. Онъ тотчасъ возстановится какъ скоро вмѣсто „наше“ будетъ поставлено „нашей“, что и сдѣлано у Свин. (ч. XIII, стр. 343).

— 151. „29 Декабря. Подаль письмо полковника Бенкендорфа съ приказаніемъ Ея Величества....“ Храповицкій подаль письмо самой государынѣ. Но какъ онъ подаль ей письмо съ ея же приказаніемъ—это понять трудно. У Свин. (ч. XIII, стр. 347) вмѣсто „Ея Величества“ написано „Его В—ва“, что и значитъ Его Высочества, т. е. великаго князя Павла Петровича.

— 153. „1 Января. Глядя на вѣдомости генерала-поручика.....“ Такъ напечатано въ текстѣ. Если такъ стоитъ и въ рукописи, то кажется можно было бы принять это за описку и вмѣсто „генерала-поручика“ поставить „генераль-прокурора“.

— 154, прим. 2. „Палластъ.... составлялъ этотъ словарь, надъ которымъ трудилась и Императрица“, Здѣсь идетъ рѣчь о Сравнительномъ Словарѣ всѣхъ языковъ и нарѣчій.

Но выше (стр. 26) объ этомъ Слова-рѣ уже было сдѣлано весьма обстоя-тельное примѣчаніе и здѣсь оставалось бы только сдѣлать на него ссылку. Правда, что здѣсь обозначена ха-рактеристика Палласа: „Академикъ, извѣстный натуралистъ и путеше-ственникъ“, чего нѣтъ въ указан-номъ примѣчаніи, кромѣ академика; да и здѣсь можно бы было обойтись безъ нея. Есть имена, которыя не нуждаются въ объясненіяхъ подоб-наго рода.

Стр. 158. 7 Января..... „онъ дру-гую уже записку подаетъ графу А. Милорадовичу“.—Въ то время не было Милорадовичей графовъ. Не было так-же ни одного лица изъ этой фамиліи, сильнаго при дворѣ, которому бы мож-но было съ успѣхомъ подавать за-писки. У Свин. (ч. XIV, стр. 47) вмѣ-сто этой фамиліи поставлено сокра-щенно: „гр. А. М—чу,“ и эти со-кращенныя слова слѣдуетъ читать—графу Александру Матвѣвичу, т. е. Мамонову, который былъ тогда въ силѣ и могъ имѣть вліяніе на успѣхъ обращаемыхъ къ нему ходатайствъ.

— 167. — 29 Января. „Я отнесъ къ боярамъ сказанное о Полякахъ“. При словѣ „боярамъ“ сдѣлана выноска, въ которой сказано: „въ Сенатъ“.—Вовсе нѣтъ. Здѣсь боярами Храпо-вицкій называетъ Совѣтъ, которому сообщались на разсужденіе многія политическія дѣла. Это можно видѣть изъ разныхъ мѣстъ въ Запискахъ и не далѣе какъ на стр. 156, подъ 25 Январемъ, гдѣ въ одной рѣчи гово-рится и о Совѣтѣ и о боярахъ. Это названіе здѣсь употребляется болѣе въ смѣслѣ ироническомъ.

— 169. 2 Февраля. „Кажется по-хожимъ на правду“.—У Свин. (ч. XV стр. 422) „кажется не походить на правду“.—Разнорѣчіе важное и само вызываетъ на объясненіе.

— 3 Февраля. О преступникѣ, написавшемъ фальшивый паспортъ, въ пьянствѣ „до просьбъ..... поли-

цейскаго офицера, который съ тѣмъ его и поймалъ....“—У Свин. (тамъ же, стр. 422) вмѣсто „поймалъ“ постав-лено „поилъ“, что по смыслу всей рѣчи будетъ правильнѣе.

Стр. 171. 10 Февраля.“..... Есть на-дежда, что при новомъ министерствѣ (въ Англіи).... хотя и не рѣшится союзъ съ Пруссіею.....“ У Свин. (тамъ же, стр. 422) вмѣсто „рѣшится“ сто-ить „рушится“, и этотъ вариантъ дѣ-лаетъ ясною рѣчь, затемненную сло-вомъ рѣшится.

— 13 Февраля..... „разобрали указъ о займѣ 330 т. изъ Банка“.—У Свин. (тамъ же, стр. 427) пра-вильнѣе „разодрали указъ“. Выше гово-рено было о 320 т., а здѣсь о 330 т.

— 175. 2 Марта. „Поднесены предъ самымъ обѣдомъ указы гене-ралу прокурору присланные“.... Свин. (ч. XVI стр. 79) передаетъ это мѣ-сто такъ, что не оставляетъ никакого сомнѣнія въ его ясности: „Подпи-саны..... указы генераль прокуроромъ присланные“.

— 179, прим. 1. О переимено-ваніи князя А. М. Голицына изъ вице-канцлеровъ въ камерггеры мы за-мѣтили уже выше. Но кромѣ сего въ этомъ же примѣчаніи сказано, что „послѣ него былъ вице-канцлеромъ гр. Ив. Андр. Остерманъ, который въ 1796 пожалованъ въ государственные канцлеры“.—Графъ Остерманъ, о ко-торомъ въ этомъ мѣстѣ Записокъ нѣтъ и помину, подошелъ тутъ ни къ селу, ни къ городу. Если онъ здѣсь понадобился, то почему уже не ска-зать, кто былъ вице-канцлеромъ до князя Голицына и мало ли что мож-но еще придумать, не идущаго къ стати.

— 192, прим. 2. „П. Θ. Балкъ, сынъ знаменитой г-жи Балкъ, рожд. Монсъ.....“ и тутъ же далѣе: „Мат-рена (Балкъ-Полева) за извѣстнымъ С. В. Салтыковымъ“.—Но чѣмъ же одна знаменита, а другой извѣ-стенъ?

Впереди мы уже встрѣтили нѣсколь-ко лицъ, обозначенныхъ этимъ ничего не поясняющимъ титуломъ извѣстныхъ: Михельсонъ (стр. 16), Шешковскій (стр. 49), графъ Сухтеленъ (стр. 153) и даже Палласъ вошли въ этотъ разрядъ. За тѣмъ на стр. 196 прим. 1, мы находимъ еще одного извѣстнаго, именно, графа Якова Алексѣевича Брюса. Въ Запискахъ говорится о дочери графа Брюса „la fille du C-te de Bruce“. Къ ней то и сдѣлана замѣтка, въ которой сказано, что она „дочь извѣстнаго графа Якова Алексѣевича Брюса“. Но на повѣрку выходитъ, что этотъ извѣстный графъ Яковъ Алексѣевичъ, дѣлается вовсе неизвѣстнымъ. Мы укажемъ здѣсь на всѣхъ членовъ этой фамилии со времени переселенія ея въ Россію, и между ними не найдемъ извѣстнаго Якова Алексѣевича Брюса. Первый изъ Брюсовъ, пріѣхавшій въ Россію, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ Вилліамъ Брюсъ, потомокъ Шотландскихъ королей. Послѣ него остались два сына: Романъ и Яковъ, родившіеся въ Россіи. Оба они были современники и дѣятельные сподвижники Петра I. Романъ Вилимовичъ употребленъ былъ преимущественно при построении Петербурга и Петропавловской крѣпости. Онъ имѣлъ званіе петербургскаго оберъ-коменданта и былъ членомъ военной коллегіи. Меньшой братъ его Яковъ Вилимовичъ посвятилъ себя артиллерійской части и былъ генераль-фельдцейхмейстеромъ, имѣлъ Андреевскій орденъ, получилъ графское достоинство и при учрежденіи коллегій сдѣланъ былъ президентомъ бергъ и мануфактуръ коллегіи. При оставленіи имъ службы, въ царствованіе Екатерины I, онъ пожалованъ былъ генераль-фельдмаршаломъ. Сверхъ государственныхъ заслугъ онъ постоянно занимался науками и составилъ столѣтній календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова календаря. Кабинетъ свой, со-

стоявшій изъ механическихъ, астрономическихъ и физическихъ машинъ и инструментовъ, также изъ минералогическаго и нумизматическаго собраній, онъ завѣщаль, вмѣстѣ съ богатою своею бібліотекою, Академіи Наукъ. Графъ Яковъ Вилимовичъ не оставилъ по себѣ потомства. У Романа Вилимовича былъ сынъ Александръ Романовичъ. Онъ получилъ при императрицѣ Аннѣ графское достоинство, въ память заслугъ его дяди и былъ женатъ, во второмъ бракѣ, на возвращенной изъ ссылки, бывшей невѣстѣ императора Петра II, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой. У него былъ сынъ, отъ перваго брака, графъ Яковъ Александровичъ. Службою своею онъ достигъ до чина генераль-аншефа и имѣлъ Андреевскій орденъ. Послѣ него не осталось дѣтей мужескаго пола. Вотъ всѣ лица, принадлежація къ фамилиі Брюсовъ. Свѣдѣнія объ нихъ мы заимствовали изъ печатныхъ источниковъ, всѣмъ доступныхъ, и не нашли извѣстнаго графа Якова Алексѣевича Брюса.

Обращаясь къ дочери графа, графинѣ Екатеринѣ Яковлевнѣ, мы читаемъ въ означенной замѣткѣ, что „она въ послѣдствіи была замужемъ за гр. Вал. Валент. Мусинымъ-Пушкинымъ.“.... Жаль, что здѣсь не поставлено полное имя графа Мусина-Пушкина. Такъ какъ оно здѣсь написано, можно подумать, что его звали Валентинъ, Валентъ, Валеріанъ или Валерій; между тѣмъ какъ этотъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, о которомъ здѣсь упоминается, назывался Василій Валентиновичъ.

Стр. 196. Послѣ разказа о томъ, что происходило 22 Іюня, въ изданіи г. Геннади сдѣланъ большой пропускъ сравнительно съ изданіемъ Свиньина. Въ этомъ послѣднемъ (ч. XVII, стр. 55 и 56) говорится о проэктѣ рескрипта къ князю Потемкину, содержащемъ мирныя условія съ Турками.

— 197. 28 Іюня. „Поднесъ 2-й

томъ Клинкера, перевода Захарова...“ О Захаровѣ, какъ переводчикѣ книги: „Путешествіе Гумфри Клинкера“, упоминается здѣсь уже въ третій разъ (см. стр. 148 и 154); но только при этомъ разѣ издатель счелъ нужнымъ сдѣлать объ немъ замѣтку, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что Захаровъ былъ предсѣдателемъ Бесѣды любителей Русскаго слова. Это не совсѣмъ вѣрно. Бесѣда любителей была раздѣлена на четыре разряда, и въ каждомъ изъ нихъ былъ свой предсѣдатель. Въ этомъ званіи были Шишковъ, Державинъ, Хвостовъ (А. С.) и помянутый Захаровъ. Спусти два года послѣ открытія Бесѣды на мѣсто Захарова, былъ избранъ Муравьевъ-Апостоль, а Захаровъ оставался дѣйствительнымъ членомъ.

Стр. 199, прим. 2: „Графъ Вильгельмъ Н. былъ тогда посланникомъ въ Берлинъ“.—Говорится о Нессельродѣ, о которомъ уже было сказано два раза на стр. 70 и 89. Послѣ того объ немъ упоминается въ Запискахъ нѣсколько разъ. Отъ чего же вдругъ здѣсь понадобилось напомнить, что онъ былъ посланникомъ въ Берлинъ?

— 202. 6 Августа. Императрица спрашиваетъ Храповицкаго: „Когда мы ѣдемъ въ городъ?“—Завтра—dit-on cela?—Такъ говорятъ“.—Здѣсь не правильная, или, вѣрнѣе сказать, небрежная постановка знаковъ препинанія дѣлаетъ это мѣсто темнымъ. Вотъ какъ бы слѣдовало: „Когда мы ѣдемъ въ городъ?“—Завтра.—„Dit-on cela?“—Такъ говорятъ.

— 210, прим. 1. „Clarisse Harlow, романъ Фильдинга“.—Это весьма замѣчательная библиографическая новость! Тутъ же въ прим. 2 объяснено, что „Императрица получила книгу 7-го Сентября“. Заглянувъ въ это число (стр. 205), увидимъ, что Храповицкій „купилъ и поднесъ la Clarisse de Richardson“.

— 212. Подъ 15 Ноябремъ упомя-

нуто о пожалованіи въ полковники и флигель-адъютанты Валеріана Александровича Зубова, пріѣхавшаго съ извѣстіемъ о взятіи Бендеръ. Здѣсь сдѣлана выноска подъ цифрою 2 и въ примѣчаніи написано: „Десять тысячъ р., табакерка съ вензелемъ въ двѣ т. р., перстень въ 8 т. р. Внизу спектакль и ужинъ.“—Все это поставлено въ ряду прочихъ примѣчаній издателя, которыхъ на этой страницѣ пришлось пять. Но эта выноска съ примѣчаніями есть и у Свин. (ч. XVIII, стр. 396), кромѣ спектакля и ужина; слѣдовательно примѣчаніе это принадлежитъ не издателю Записокъ, а самому Храповицкому, дополнившему число наградъ, полученныхъ Зубовымъ, и о которыхъ онъ вѣроятно узналъ послѣ, какъ уже внесъ въ свои Записки случившееся 15 Ноября.

Стр. 213, прим. 1. Замѣчаніе о графѣ Д. П. Бутурлинѣ было бы очень удивлительно, если бы въ концѣ его не была сдѣлана грубая ошибка. Здѣсь говорится, что этотъ Бутурлинъ былъ участникомъ въ составленіи пасквилей (карикатуръ) „за которыя, вмѣстѣ съ Б. попались въ 1785 году Дивовы и Фрейлина Энгельгардтъ. Объ этомъ рассказываетъ В. Энгельгардтъ въ своихъ Запискахъ, въ концѣ 1785 г.“ Въ запискахъ Л. Н. Энгельгардта (стр. 46) не выставлено фамиліи, которая означена только буквою Э., и смѣлая догадка г. Геннади не подтверждается никакимъ основательнымъ даннымъ. Къ разсказу Энгельгардта объ этомъ происшествіи М. Н. Лонгиновъ дѣлаетъ свое примѣчаніе, и подражая скромности автора, говоритъ: „Фрейлина Э....—дочь графа Ивана Карловича Э....., умершаго въ 1802 году.“ (Вмѣсто Карловича), мы поставили бы только Карповича. Кажется ясно, что это не могла быть Энгельгардтъ. Ни одинъ изъ членовъ этой фамиліи не имѣлъ графскаго титула.

— 217. „9 Февраля. Не было-ли

ничего (sic) новаго pendant depuis le soir d'hier jusqu' à ce moment (т. е., время отъ исповѣди до возвращенія отъ причастія).“ — Здѣсь во французской фразѣ нѣтъ смысла, который находимъ въ изданіи Свин. (ч. XVIII, стр. 406). У него напечатано: „pendant ma mort depuis le soir d'hier....“

Стр. 221. При разсказѣ о сраженіи нашего флота съ Шведскимъ, бывшемъ 2 Мая 1790 при Ревелѣ, сдѣлана замѣтка: „за это дѣло В. Я. Чичаговъ получилъ орденъ Св. Георгія 1-го класса и болѣе 2000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи.“ Далѣе въ текстѣ записокъ подь 26 Юнемъ говорится объ этой же наградѣ, данной Чичагову за сраженіе, происходившее 22 Юня. Если авторъ примѣчанія имѣлъ свѣдѣнія болѣе вѣрныя, чѣмъ современникъ и даже очевидецъ Храповицкій, то нелзя было оставить этаго безъ поясненія.

— 222. 7 Мая. Тутъ говорится, что „тридцати кораблямъ въ атакѣ данъ былъ сигналъ къ ретирадѣ....“ — У Свин. (ч. XX, стр. 225) упомянуто о тринадцати корабляхъ. Вѣрность этой цифры подтверждается еще тѣмъ, что выше подь 4 Маемъ сказано, что весь Шведской флотъ, сдѣлавшій нападеніе на нашъ, состоялъ изъ 26 линейныхъ кораблей и фрегатовъ.

— Стр. 230. Подь 26 Августомъ Храповицкій говоритъ о сынѣ графа Александра Сергѣевича Строганова и тутъ же, только въ другой строкѣ, записываетъ: „Графъ былъ на дачѣ. Разговоръ о дачѣ: s'il y est avec sa famille?“ — При этихъ словахъ сдѣлана выноска, и въ примѣчаніи читаемъ: „Здѣсь разумѣется Италіанская пѣвица Davia, съ которою князь жилъ.“ — Это замѣчаніе, вмѣсто поясненія, еще болѣе затемняетъ недовольно ясный текстъ. Откуда взялся здѣсь князь, когда рѣчь идетъ о какомъ то графѣ (только очевидно не о Строгановѣ)? Изданіе Свиньина выводитъ насъ изъ этой путаницы. У него (ч. XX стр. 496)

записано: „Графъ Без. на дачѣ.“ — Теперь понятно, что рѣчь идетъ о графѣ Безбородко; по этому назвать его здѣсь княземъ казалось бы не умѣстно

Стр. 232, прим. 1. При упоминаніи о Вакселѣ (въ 1790 году) сдѣлана ссылка и въ ней сказано, что по мѣсяцослову 1787, въ Москвѣ, въ Межевой канцеляріи ст. сов. Василий Савельевичъ Ваксель(?). Но неправильнѣ ли было бы справиться съ мѣсяцословомъ 1790 года?

— 233. О Мелиссино въ примѣч. сказано: „Петръ Ивановичъ, артиллеристъ (р. 1726, ум. 1797), тогда Генераль-Поручикъ, Директоръ Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса.“ — Что объясняетъ названіе артиллеристъ? Вѣдь и рядовой, который ѣздитъ съ банникомъ или тотъ, который сидитъ на лошади, везущей пушку и командиръ батареи—это все вѣдь артиллеристы. Мелиссино заслуживалъ бы, кажется, болѣе обстоятельнаго объясненія.

— 251. О банкирѣ Сутерландѣ упоминается въ Запискахъ довольно часто, но только три раза объ немъ сдѣлано поясненіе; въ 1-й разъ на стр. 105 сказано: „банкиръ Петербургскій;“ во 2-й разъ на стр. 162 замѣчено: „банкиръ въ Петербургѣ,“ и наконецъ въ 3-й стр. 251—„придворный банкиръ“. Трудно дать себѣ отвѣтъ, почему объ немъ замѣчено только три раза, а не пять, шесть или хоть десять? Казалось бы довольно и одного раза, но тамъ гдѣ объ немъ упоминается въ первый разъ.

Стр. 252. 17 Октября. „..... Зубовъ удивился отъ Д. П. Трощинскаго, что секретари Ея Высочества докладываютъ по входящимъ бумагамъ....“ — Не посягая на исправленіе текста Записокъ, можно бы было, кажется, замѣтить, что здѣсь что-нибудь пропущено и вѣроятно слѣдовало написать: „удивился, узнавъ отъ Д. П. Трощинскаго.“ Что же касается до Ея Высо-

чества, то сомнѣваемся, чтобы такъ написалъ Храповицкій. Впрочемъ это повторяется не одинъ разъ. На этой страницѣ Храповицкій говоритъ самой Екатеринѣ: „Все это ниже Вашего Высочества.“

Стр. 261. Въ прим. 1. о Беклешовѣ, при исчисленіи должностей, которыя онъ занималъ, между прочимъ сказано, что онъ былъ „Сенаторомъ, Генераль-Прокуроромъ; 2 Февраля 1800 уволенъ, но 16 Марта 1801 снова назначенъ Оберъ-Прокуроромъ.“ — Не можетъ быть, чтобы изъ Генераль-Прокуроръ онъ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ! Далѣе: „во время войны— главнокомандующимъ второю областью земскаго войска.“—Какой войны?

Стр. — 29 Февраля. Храповицкій говоритъ о проживавшей долгое время въ Парижѣ кн. Варварѣ Шаховской, которая выдала дочь за Принца Аренберга.—Къ этому сдѣланы два примѣчанія; въ первомъ сказано: „Урожденная баронесса Строганова.....; ея дочь Елисавета Борисовна.... была за графомъ Аренбергомъ, потомъ за княземъ Шаховскимъ.“ При обѣихъ лицахъ показаны годы ихъ рожденій и смерти; во второмъ примѣчаніи приведенъ весьма любопытный документъ, именно рескриптъ Екатерины II къ князю Прозоровскому объ означенныхъ особахъ. Въ этомъ рескриптѣ Аренбергъ названъ княземъ.—Почему же г. Геннади называетъ его графомъ? Далѣе, если Елисавета Борисовна, урожденная княжна Шаховская, вышла въ послѣдствіи за мужъ за князя Шаховскаго, то нужно было бы объяснить подробнѣе личность этаго послѣдняго, чтобы избѣгать запутанности.

Стр. 263. Подъ 3 Апрѣлемъ говорится о недостаткѣ въ кассѣ умершаго банкира Сутерланда: „Роздано въ долги 2,500 р., Князю Потемкину 700 т. и проч. боярамъ.“—Очевидно, что первая цифра помѣщена ошибкою, и издатель не можетъ сказать въ свое

оправданіе, что такъ находится въ рукописи или въ рукописяхъ. (Въ его рукахъ были только два списка, а не подлинникъ); но допустимъ, что такъ могло быть написано и въ подлинныхъ Запискахъ; то все таки, какъ мы уже говорили нѣсколько разъ, обязанностію издателя было означить подобную невѣрность, не исправляя ее въ текстѣ.

Стр. 264. Въ прим. 4 объ Симолинѣ замѣчено: „Нашъ министръ въ Парижѣ.“—Повтореніе того, что уже было сказано на стр. 117. Но отъ этой страницы до настоящей объ немъ говорилось нѣсколько разъ и не было сдѣлано замѣчанія; почему же онъ вдругъ здѣсь является? Развѣ на прощаньи, потому что объ немъ уже болѣе не будетъ рѣчи.

— 267. 20 Мая. „..... сказали только:“ *c'est bien ennuyeux, mais il faut passer parler.*“—Мы не затруднились бы поставить вмѣсто *parler*—*par là*, хотя бы самъ Храповицкій написалъ такъ какъ здѣсь напечатано.

Стр. 267. 26 Мая. „На сей почтѣ князь Прозоровскій поданное ему письмо отъ Моск. губернатора П. В. Лопухина, гдѣ проситъ оправданія отъ названія мартинистомъ.....“ — здѣсь послѣ слова „кн. Прозоровскій“ вѣроятно пропущено: „прислалъ;“ иначе нѣтъ смысла. Но кромѣ этаго, объясненіе при фамилии Лопухина какъ бы само напрашивается, чтобы отличить двухъ Лопухиныхъ, изъ которыхъ одинъ отрекался отъ названія мартинистомъ, а другой ставилъ себѣ за честь принадлежать къ послѣдователямъ этаго ученія. О первомъ уже было упомянуто въ одномъ изъ примѣчаній на стр. 54. Другой Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ, мартинистъ по убѣжденію, участникъ Новикова въ той долѣ его дѣятельности, которая касалась до распространенія масонскаго ученія, подвергся за это преслѣдованію правительства. Кромѣ многихъ сочиненій и переводовъ, изъ коихъ большая часть писана въ духѣ

масонства, онъ оставилъ послѣ себя Записки, или вѣрнѣе, свою автобіографію, гдѣ конечно выставляетъ всѣ свои дѣйствія въ самомъ благовидномъ свѣтѣ. Записки эти напечатаны въ Читеніяхъ Москов. общ. исторіи и древн. Россійскихъ, 1860. Кн. II и III. и изданы отдѣльными оттисками.

Стр. 272. Подъ 19 Августомъ говорится о лицахъ, подавшихъ подъ слѣдствіе по дѣлу Новикова, и въ числѣ ихъ упоминается о Турчаниновѣ: „Турчанинова же нѣтъ теперь въ Москвѣ и вопроса ему еще не дѣлано.“— Но это вовсе не Турчаниновъ, а Тургеневъ, который на этой страницѣ подъ 2 Августомъ поставленъ вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ и Лопухинымъ.

— 275. Въ примѣчаніи помѣщено біографическое извѣстіе о графѣ Ю. Ю. Броунѣ и въ концѣ сказано: „О немъ см. въ Военно-Энци., лексиконѣ, II, 510.“—Библіографу слѣдовало по крайней мѣрѣ означить котораго изданія; ибо ихъ было два и при томъ не измѣнять названія, книги. Она называется: Военный Энциклопедическій лексиконъ.

— 276. Въ примѣч. о Мятлевѣ сказано: „отецъ писателя: автора Сенсаций Курдюковой и проч.“—То есть писатель Мятлевъ написалъ книгу подъ названіемъ: Авторъ Сенсаций Курдюковой. Иначе нельзя понимать.

— 286. Подъ 4 Маемъ Храповицкій пишетъ: „Сказывали, что Елагинъ дивится, откуда собранъ родословникъ древнихъ князей Россійскихъ.“ Къ этому сдѣлано примѣчаніе: „Здѣсь говорится о родословіи великихъ князей, составленномъ государынею.“—И не ужели это можетъ назваться бібліографическимъ примѣчаніемъ? Храповицкій называетъ книгу „Родословникъ,“ а не родословіе; у него сказано: „князей Россійскихъ,“ слѣдовательно не однихъ великихъ князей; потому что въ „Родословникъ“ вошли и удѣльные князья. Въ ката-

логахъ Сопикова и Смирдина заглавіе этой книги означено вотъ какъ: „Родословникъ Князей Великихъ и Удѣльныхъ рода Рюрикова. Спб. 1793.—въ 8.“ Такъ у Сопикова (IV, № 9770); у Смирдина же (№ 2367) вмѣсто „Рюрикова“ поставлено „Рюрика;“ еще у него прибавлено: соч. императрицы Екатерины II и годъ означенъ 1801. Сопиковъ прибавилъ небольшое, но настоящее бібліографическое примѣчаніе: „Сіе сочиненіе составляетъ часть Записокъ касательно Россійской Исторіи“ (см. у него же III, № 4190).

Стр. 286—7. Подъ 7 Маемъ Храповицкій рассказываетъ, что императрица затруднилась въ выборѣ подарка одному крестьянину за пару бѣлыхъ павлиновъ. Храповицкій, отвѣчая на это, замѣтилъ, что „Никита Ѳедоровъ (имя этаго крестьянина) мужикъ богатый и деньгами подарить его не легко.“—У Свин. (ч. XXXIII, стр. 152) вмѣсто послѣдняго слова поставлено „не ловко.“ Мы принимаемъ это чтеніе за болѣе правильное, что даже видно изъ послѣдующаго за тѣмъ: Екатерина пожаловала этому Никитѣ Ѳедорову кружку въ 150 рублей.

— 288. 20 Мая. „Гутъ попалъ рапортъ Уфимскаго губернатора, генераль-поручика Пеутлинга.....“—При этомъ имени сдѣлана выноска, и въ примѣчаніи сказано, что „Пеутлингъ, правившій должность (какую, не объяснено) по отъѣздѣ барона О. А. Игельстрома, генераль-маіора и проч.“ Въ текстѣ Пеутлингъ названъ генераль-поручикомъ, что равнялось нынѣшнему генераль-лейтенанту. Если источники, по которымъ сдѣлано это примѣчаніе, достовѣрнѣе Записокъ Храповицкаго, и Пеутлингъ былъ дѣйствительно генераль-маіоръ, то издателю непременно слѣдовало замѣтить неточность текста и указать свои вѣрнѣйшіе источники.

— 291. 17 Іюля. „...трактатъ под-

писанъ 11 Юня; въ день рожденія и именинъ великия княжны Ольги Павловны.“ — У Свин. (ч. XXXIII, стр. 162) тоже поставлено „Юня.“ Очень можетъ быть, что эта ошибка вкралась въ разные списки; но она такъ очевидна, что ее не слѣдовало оставлять безъ поправки.

Стр. 293. Въ прим. 2 сдѣлано очень хорошее объясненіе на книгу: „Le secret de la société anti-absurde и проч., сочиненную Екатериною, и на переводы этой книги. Г. Геннади выписываетъ съ точностію заглавіе обѣихъ переводовъ и приписывая Храповицкому второй переводъ, ставить годъ изданія 1759. Такъ поставлено и у Сопикова (V, № 11679). Но этотъ годъ очевидно поддѣльный, что и надобно было пояснить. Вѣдь сказалъ же г. Геннади, что подлинникъ напечатанъ въ Петербургѣ, тогда какъ на книгѣ означено à Cologne. Въ 1759 году Екатеринѣ (еще бывшей великою княгиней) было не до сочиненія какихъ бы то ни было книгъ, а Храповицкому было тогда только 10 лѣтъ. Онъ род. въ 1749 году.

Мы кончили наши замѣчанія и, не смотря на ихъ количество, должны сознаться, что указали еще не на всѣ ошибки и промахи, которыми въ такомъ обиліи наполнено изданіе Записокъ Храповицкаго. Мы увѣрены, что нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній могутъ показаться мелочными и придирчивыми, и что даже указанные ошибки можно приписать къ корректурнымъ недосмотрамъ. Мы и сами хорошо понимаемъ, что значить корректурная ошибка и къ сожалѣнію должны терпѣливо сносить этотъ существующій въ нашемъ типографскомъ дѣлѣ недостатокъ, потому что у насъ нѣтъ настоящихъ корректоровъ, или же ихъ весьма мало. Но ошибки редакціи, какъ бы онѣ мало важны ни были, уже относятся либо къ незнанію, либо къ небрежности; то и другое не извинительно, какъ

скоро дѣло касается историческаго памятника. Дѣлая эти замѣчанія, мы постоянно ощущали грустное чувство, ибо видѣли, съ какимъ неуваженіемъ еще обращаются у насъ съ такими важными памятниками, какъ Записки Храповицкаго. Это грустное чувство становилось еще сильнѣе при мысли, что Записки изданы однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ ученыхъ обществъ, многолѣтняя и полезная дѣятельность котораго всегда заслуживала благодарности отъ всѣхъ занимающихся отечественною исторіею. Насъ особенно поражала та небрежность, какая выказана при изданіи текста Записокъ и при составленіи къ нему примѣчаній.

Впрочемъ дѣло это исправимое. Стоитъ только г. Геннади принять на себя трудъ вновь издать Записки Храповицкаго, тщательно свѣривъ ихъ по нѣсколькимъ спискамъ, если нельзя достать подлинника, въ форматъ болѣе изящномъ, чѣмъ изданные отдѣльные оттиски, и снабдить ихъ дѣльно составленными примѣчаніями. Какъ на образецъ ихъ мы укажемъ на примѣчанія, которыми обогащены сочиненія Державина, издаваемые отъ академіи наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Примѣчанія эти своею точностію и полнотою представляютъ живую картину времени, въ которое Державинъ писалъ свои сочиненія. Укажемъ еще на богатые примѣчанія, сдѣланыя къ вышедшимъ давно письмамъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Эти примѣчанія составлены тоже Я. К. Гротомъ и сочленомъ его по академіи П. П. Пекарскимъ.

Г. Геннади можетъ быть увѣренъ, что, издавъ такимъ образомъ Записки Храповицкаго, онъ окажетъ большую услугу наукамъ Русской Исторіи.

Д. Польновъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ, УМЕРШИХЪ ВЪ 1865 ГОДУ.

(Изъ Справочнаго Словаря о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Геннади. (*))

Авдѣева, Екатерина Алексѣевна, урожд. Полевая, сестра извѣстныхъ писателей, р. въ Курскѣ въ 1789, ум. въ Дерптѣ, 21 Юля 1865 г.

- 1) Записки и замѣчанія о Сибири М. 1837. 8°.—2) Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ. Спб. 1842, 8°.—3) Записки для городскихъ и сельскихъ хозяевъ. Спб. 1842. 12°.—4) Ручная книга русской опытной хозяйки. 3 ч. М. 1842. 12°.; 2-е изд. того же 1842 и 3-е 1843; другія изд.—Новая ручная книга... Спб. 1844, 1846, 1848, 1854. 10-е изд. 3 ч. Спб. 1865.—5) Хозяйка-экономка... Спб. 1846.—6) Карманная поваренная книга, изд. 2-е Спб. 1847, 3-е 1856 и 7-е 1865.—7) Лексиконъ экономическій (изд. съ г. Авдѣевымъ), 2 ч. Спб. 1848.—8) Русскій пѣсенникъ, 2 ч. Спб. 1848.—9) Русскія сказки для дѣтей... изд. 2-е Спб. 1848 (четыре изданія).—10) Полная хозяйственная книга 4 ч. Спб. 1851. 8°.—11) Руководство къ устройству фермъ и веденію на нихъ хозяйства. Спб. 1863. 8°.

Статьи въ Отеч. Запискахъ 1848 (ч. 58 и 59), 1849, ч. 62 и 1853, ч. 88.

Энци. словарь I, 220 (М. Михайлова.)—Н. Книжника: Словарь рус. писательницъ 1865, стр. 7.

Анненковъ, Николай Николаевичъ, генераль-адъютантъ (съ 1844), членъ

(*). Свѣдѣнія о писателяхъ, умершихъ въ 1857 г. были сообщены въ Библиографич. Запискахъ т. I, (1858, № 12; въ 1858 г. тамъ же т. II, (1859, № 20), въ 1859 г. тамъ же т. III, (1861, № 4); въ 1860—1862 въ Рус. Архивѣ 1864, № 5 и 6; въ 1863 тамъ же, 1865, стр. 115—128; въ 1864-мъ тамъ же 1866, № 4.

госуд. совѣта (1848), государственный контролеръ (1855), съ 1862 командовавшій кievскимъ военнымъ округомъ и генераль-губернаторъ юго-западнаго края, р. въ 1799 г. ум. 25 Ноября 1865 г.

Онъ въ молодости писалъ и печаталъ стихи; въ Благонамѣренномъ Измайлова, ч. XI (1820 г. № 16) есть отрывокъ его комедіи: Нерѣшительный.

Н. Военный Сборникъ, т. 46, (1865, № 12) обзоріе, стр. 210.

Аркановъ, П. Г. окончившій курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, участвовалъ въ Сѣв. Пчелѣ 1860—1861 г. и въ Свѣточѣ 1862, ум. въ Іюнь 1865 въ г. Мамадышахъ. (См. Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 418).

Арсеньевъ, Константинъ Ивановичъ, сынъ священника чухломскаго уѣзда, р. 12 Окт. 1789 г. Онъ воспитывался въ костромской семинаріи и педагогич. институтѣ, въ которомъ по окончаніи курса (1811) остался преподавателемъ географіи и статистики. Съ 1817 г. онъ былъ адъюнктомъ и потомъ профессоромъ спб. университета по кафедрѣ статистики и преподавалъ съ 1816 по 1828 всеобщую исторію въ главномъ инженерномъ училищѣ и въ артиллерійскомъ училищѣ (1821—1828). За свое Начертаніе статистики, изданное въ 1818 г., онъ навлекъ на себя обвиненіе въ разныхъ превратныхъ и опасныхъ мнѣніяхъ; по доносу Магницкаго (1821) при вступленіи попечителемъ въ спб. университетъ Рунича, былъ наряженъ судъ надъ нѣсколькими профессорами, обвиненными въ распространеніи въ ихъ лекціяхъ вредныхъ мыслей и теорій, за что они были удалены изъ университета, и въ ихъ числѣ Арсеньевъ (см. объ этомъ дѣлѣ въ Читеніяхъ 1862 кн. III и полнѣе, тамъ же 1866, кн. III). Арсеньевъ однако оставался преподавателемъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ служилъ, а въ 1824 г. поступилъ редакторомъ въ комиссію составле-

ніа законовъ и преподавалъ русскую исторію и статистику цесаревичу, нынѣ царствующему императору Александру Николаевичу. Онъ служилъ потомъ съ 1832 г. членомъ совѣта министерства вн. дѣлъ и завѣдывалъ дѣлами статистич. комитета (1835—1853). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ основателей географическаго общества и членомъ совѣта его (1845—1847) и съ 1850 по 1854 помощникомъ предсѣдателя. Скон. 29 Ноября 1865 г. въ Петрозаводскѣ, гдѣ жилъ послѣдніе годы жизни, разбитый параличемъ.

Первыя статьи Арсеньева были въ Сынѣ Отечества 1821 (О колоніяхъ древнихъ народовъ) и въ Журналѣ древней и новой слов. 1821 (Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи). Другія статьи его въ Библиотекѣ для чтенія 1834, въ 1-мъ томѣ Энциклопедическаго лексикона, въ Журналѣ мин. вн. дѣлъ (1832—1844), въ Трудахъ Росс. Академіи (Царствованіе Петра II), въ Запискахъ географич. общества (Обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи), въ Ученыхъ запискахъ II отд. Академіи (Царствованіе Екатерины I, 1856 Историко-статистич. очеркъ народной образованности Россіи, 1854; Высшія правит. лица временъ ц. Михаила Ѳеодоровича, 1858).—Въ Матеріалахъ для статистики Росс. Имперіи I, 1839 г. помѣщены его изслѣдованія объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII ст. и мысли объ усовершенствованіи полотнянаго производства въ Россіи. Укажемъ отдѣльно изданныя его сочиненія:

1) Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи и выгоды отъ того происходящихъ для народной промышленности нынѣ существующей. Спб. 1818. 8°.—2) Краткая всеобщая географія... 2-е изд. 1820 г. 3-е 1823 г. 4-е 1827, 5-е 1829, 6-е 1831, 7-е 1832, 8-е, 1833, 9-е 1833, 10-е и 11-е М. 1834, 12-е Спб. 1835 (два раза), 13-е М. 1835 и Спб. 1838, 14-е 1839, 15-е 1840, 16-е

М. 1841, 17-е Спб. 1842, 18-е 1843, 19-е 1844, 20-е 1849. 3) Исторія народовъ и республикъ древней Греціи 2, ч. Спб. 1825—26, 8°. 4) Начертаніе статистики Росс. государства, 2 ч. Спб. 1818—1819. 8°.—5) Царствованіе Петра II. Спб. 1839.—6) Статистическіе очерки Россіи, Спб. 1848.—7) Царствованіе Екатерины I, Спб. 1856 года.

Биографія его, П. Пекарскою въ Энциклопедическомъ Словарѣ V, 468—471, откуда заимствованы некрологи его въ газетахъ 1865: Сиб. Вѣд № 318, Сѣв. Почта № 263 и проч.—N II. Бушена въ Извѣстіяхъ Географич. Общества т. I (1865, № 11) стр. 201.—Я. Грота отчетъ II отд. Академіи за 1865 г. стр. 10—14 (Записки Академіи т. X).

Артемовскій-Гулакъ, Петръ Петровичъ, д. с. с. въ 1819 г. былъ утвержденъ лекторомъ польскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ былъ потомъ ректоромъ (1842—1849) и орд. профессоромъ русской исторіи. Род. въ 1791, ум. въ 1865 г.

Рѣчь при открытіи курса его въ Украинскомъ Вѣстникѣ 1819, № 2, другая 1-го Сент. 1828, отдѣльно напечатанная, и диссертация: De expediendis quibusdam antiquitatis slavonicae modis. 1827.—Есть его малороссійскія стихотворенія.

Справочный Энциклопедический Словарь I, 456.—Статья о его сочиненіяхъ, Кулиша, въ Основѣ 1861 г. III, 78—113.—Рѣчь при погребеніи его въ Дух. Вѣстникѣ 1865, Октябрь.—П. П. Артемовскій Гулакъ. Некрологъ. А. Росславскою-Петровскою. Харьковъ 1866. 8° (оттискъ безъ загл. листа изъ отчета Харьк. унив.).

Башмаковъ, Иванъ Ивановичъ, писавшій подъ псевдонимомъ Иванъ Василко, ум. въ Апрѣлѣ 1865 г. въ Москвѣ.

1) Чудакъ или челоуѣкъ какихъ мало, романъ, 3 ч. М. 1835.—2) Сказки русскія М. 1838. 12°.—3) Приключенія съ моими знакомыми 2 ч. М. 1839. 12°.—4) Пѣсни русскія М. 1841. 16°.—5) Пара новыхъ русскихъ сказокъ. М. 1841. 12.—2-е изд. 1845.—5-е 1848, 6-е 1857.—6) Звѣздочка, разныя сочиненія, 2 ч. М. 1842.—7) Тысяча и одна минута. Собраніе рус-

скихъ сказокъ, 4 ч. М. 1843. 16^о. 8) Моск. Кремль въ натурѣ или модель Кремля. М. 1845. (Текстъ къ изданію Трегубова.)—9) Суворь мужичекъ. Русская сказка въ дѣйствіяхъ. М. 1846. 12^о—10) Брчка или обратный путь съ Парнаса—11) Вѣтка, собраніе русскихъ пѣсенъ, 2 ч. М. 1853. 12^о—12) Пять новыхъ розказней. 1853.—13) Правое дѣло Россіи, стих. М. 1854. 8^о—14) Русское сердце, повѣсть М. 1854. 12^о—15) Боярышня Несмѣяна. Сказка. М. 1854. 18^о—16) Святая Русь и враги ея, стих. М. 1855. 8^о—17) Осада Севастополя, или такovy русскіе. М. 1855. 8^о—18) Обхожденіе русскихъ съ врагами. М. 1855. 16^о—19) Семейныя приключенія животныхъ, 2 ч. М. 1857. 12^о съ карт.—20) Солдатъ Яшка 2 ч. М. 1857. съ карт.

Эти 20 сочиненій отыскались въ каталогахъ; можетъ быть есть еще сюда непопавшія. Кажется, имъ же изданъ сборникъ: Басни и баснописцы русскіе, Крыловъ, Ломоносовъ—*Ив. Б.ш.м—сз.* М. 1854 и 1858. 12^о

Бобровниковъ, Алексѣй Александровичъ, ориенталистъ, сынъ иркутскаго протоіерея, воспитанникъ иркутской семинаріи и казанской духовной академіи, въ которой, по окончаніи курса, преподавалъ монгольскій языкъ и математику. Въ 1855 г. онъ перешелъ на службу въ оренбургское пограничное вѣдомство. Ум. 8 Марта 1865. Онъ авторъ замѣчательной Калмыцкой грамматики.

Воспоминаніе о немъ *Н. И. Ильминскаго* въ *Извѣстіяхъ казанскаго унив.* 1865 г. т. 1, стр. 117—151.

Валихановъ, Чоканъ Чингизовичъ, родомъ изъ султановъ средней киргизской орды, воспитанникъ сибирскаго кадетскаго корпуса, поступившій въ 1833 г. въ сибирское линейное казачье войско, черезъ годъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-губернатору западной Сибири Г. Х. Гасфарту и въ 1858 былъ посланъ въ Кашгаръ, откуда, совершивъ опасную

поѣздку возвратился въ Россію 12 Апр. 1859 г. Плодомъ собранныхъ имъ свѣдѣній были между прочимъ напечатанныя въ Запискахъ И. Географич. Общества 1861 г. статьи: Очерки Джунгаріи и о состояніи шести восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу. Онъ сконч. въ 1865 г. на 31 г. отъ рожденія.

№. Отчетъ И. Географич. Общ. за 1865, стр. 10, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ П. П. Семеновымъ.

Второвъ, Николай Ивановичъ, р. въ Самарѣ, въ 1818 г. окончилъ курсъ по филологич. факультету Казанскаго университета и служилъ при библиотекѣ унив.—та, потомъ въ Петербургѣ, но недолго. Живя въ Воронежѣ, онъ занимался изученіемъ края и составилъ этнографическое описаніе этой губерніи съ альбомомъ рисунковъ для общества, въ которомъ былъ дѣятельнымъ членомъ. Съ 1857 онъ жилъ въ Петербургѣ и служилъ въ хозяйственномъ деп-тѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ былъ въ послѣднее время жизни своей вице-директоромъ. Подъ его редакціею вышли 7 томовъ книги: Городскія поселенія Росс. имперіи и экономическое состояніе городскихъ поселеній европейской Россіи въ 1861—1862. Плодомъ его поѣздки за границу было изслѣдованіе: Муниципальныя учрежденія западной Европы (1863).—Прежде еще, будучи въ Воронежѣ, онъ издалъ съ г. Александровымъ-Дольникомъ напечатанныя въ Воронежскихъ Г. Вѣд. историческіе документы въ сборникѣ: Воронежскіе акты: 3 книжки. Воронежъ, 1851—1853. 8^о и участвовалъ въ Воронежскихъ Губ. Вѣд. Второвъ сконч. 1-го Дек. 1865. Онъ оставилъ записки и библиотеку, послужившую основаніемъ публичной библиотеки въ г. Казани (объ этомъ въ *Соврем. Лѣтописи* 1865 г. № 7, изъ Каз. Губ. Вѣд.).

№ Воспоминанія *П. Мельникова*, въ *Сѣверной Почтѣ* 1865, № 266.—*Извѣстія Рус. Геогр. Общ.*

т. I (1865), стр. 203, А. Бушена.—№ Современ. Лѣтопись 1866, № 2.—Отчетъ Н. Географич. Общества за 1865, стр. 7—8.

Гейманъ, Родіонъ Григорьевичъ, д. с. с. докторъ медиц. и кандидатъ философіи р. 23 Мая въ Вильнѣ, сынъ врача Григ. Ефимовича Геймана, служившаго въ Моск. Маринской больницѣ и сконч. въ 1843 г.—Будучи 15 л. онъ уже получилъ степень кандидата философіи въ виленскомъ унив-тѣ, и въ 1818 г. перешелъ въ моск. университетъ, занялся медициною и не смотря на 18 л. возрастъ, недавній ему право держать экзаменъ въ Медико-Хир. академіи, по разрѣшенію б. Вилліе былъ подвергнутъ испытанію и удост. степени доктора 26 Июля 1820 г. и занялъ въ академіи мѣсто репетитора по каедрѣ химіи. По защищеніи диссертациі „О пользѣ химіи въ медицинѣ“, получилъ степень доктора медицины 1822 и въ 1823 избранъ членомъ физико-медиц. общества, въ которомъ прочелъ нѣсколько статей, равно какъ и въ Моск. общ. испытателей природы. Въ 1823 же году онъ избранъ адъюнктомъ химіи и рецептуры въ академіи, а въ 1826 при Моск. университетѣ, и устроилъ химическую лабораторію съ аудиторіею, которая въ послѣдствіи перестроена была по его плану. Въ 1829 онъ утвержденъ былъ экстр., а въ 1832 орд. профессоромъ при академіи, и въ 1832 получилъ каедрѣ химіи въ университетѣ послѣ Рейса. По порученію графа С. Г. Строганова онъ составилъ програму популярнаго курса технической химіи для фабрикантовъ и съ 1836 по 1854 почти ежегодно читалъ желающимъ курсъ технич. химіи и часть этихъ лекціи въ послѣдствіи напечаталъ. По его почину и участію возникла разработка торфа подъ Москвою и выдѣлка олеина и стеарина. Въ 1841 г. онъ былъ за границу и познакомился съ новыми открытіями фабричнаго производства,—перечень осматрѣнныхъ имъ заведеній есть при

5 курсѣ его технич. химіи. При мануфактурныхъ выставкахъ въ Москвѣ онъ былъ экспертомъ химич. произведеній. Какъ членъ временнаго совѣщательнаго мануфактурнаго совѣта, онъ составилъ обзоръ русскихъ химическихъ заводовъ, и нѣкоторыя его замѣчанія были напечатаны въ изданномъ при министерствѣ финансовъ въ 1843 г. „Обозрѣніи мануфактурныхъ производствъ“. Съ 1843 Гейманъ преподавалъ въ университетѣ лекціи фармацеи, и по порученію разныхъ вѣдомствъ производилъ разныя химическія изслѣдованія. Въ 1832 онъ былъ назначенъ членомъ Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта.

1) De utilitate chemiae in medicina. Diss. М. 1822.—2) Значеніе и предѣлы химіи въ настоящее время (лекція). М. 1834.—2. О пользѣ химіи какъ науки пріуготовительной. Слово. М. 1834. 4^о—3) Вступительныя лекціи 5-ти курсовъ технич. химіи, читанныхъ въ 1836—1841 и пояснительные чертежи къ нимъ. М. 1842.—4) Чтенія общей химіи приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу, 5 выпускъ, М. 1845—1849, съ рисунками и чертежами.—5) Рѣчь на юбилей Фишера фонъ-Валдгейма, 1847 г. 6. Бѣглый взглядъ на четыре стихіи древнихъ въ отношеніи физическомъ, химическомъ и физиологическомъ (публичныя лекціи) М. 1852. 7) Вступительная лекція 14 курса технич. химіи. 1833.—8) О добываніи сѣры изъ колчедана и употребленія послѣдняго, вмѣсто сѣры, для добыванія обыкновенной сѣрной кислоты. Съ 4 чертежами. М. 1854.

Биографич. Словарь Моск. професс. I, 177—188.

Голицынъ, князь Александръ Борисовичъ, д. с. с. ум 20 Января 1865 г. Онъ оставилъ записки, изъ коихъ отрывокъ о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Москвою въ 1812 г. былъ напечатанъ въ Голосѣ 1865 г. № 33.

Григорьевичъ, Василій Ивановичъ, конференцъ-секретарь и преподава-

тель теоріи изящнаго въ академіи художествъ, прежде секретарь общества поощренія художниковъ, издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“. Спб. 1823 и 1825, 9 книгъ, 4°. Ум. 15 Марта 1865 г.

Дерябинъ, Ѳедоръ Андреевичъ, репетиторъ института корпуса горныхъ инженеровъ, полковникъ, ум. 11 Апр. 1865 г. Кажется, имъ изданы: 1) Задачи практической астрономіи... съ чертежами и таблицами, переведенныя и составленныя изъ разныхъ авторовъ. Спб. 1838. 8°. 2) Руководство къ геометріи теоретической, 2 ч. Спб. 1852. 8°.

Дмитріевскій, Иванъ Степановичъ, окончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ въ 1824 г. лекаремъ, потомъ бывший въ немъ прозекторомъ анатоміи, орд. профессоромъ унив. клиники (1828), адъюнктомъ терапевт. клиники съ 1837, и вышедшій въ отставку 1 Февраля 1863 г. Скончался въ 1865 г. Онъ былъ врачомъ въ нѣсколькихъ казенныхъ заведеніяхъ въ Казани. (См. Отчетъ Казанскаго унив-та за 1865—66 годъ, стр. 74).

Ешевскій, Степанъ Васильевичъ, (р. 1829 г.) магистръ московскаго университета, адъюнктъ русской исторіи и статистики въ ришельевскомъ лицей съ 1853 г., потомъ съ 1854 въ казанскомъ унив.—тѣ, а съ 1858 въ московскомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1859 и 1860 онъ былъ за границую и лечился, а въ 1864 г. болѣзнь снова заставила его отпроситься за границу; осенью, не совсѣмъ еще оправившись, онъ воротился въ Москву, усиленно занимался и сконч. 27 Мая 1865 г.

Магистерская его диссертация: Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка М. 1855. 8°.—Въ Отеч. Запискахъ 1862 напечатаны его: Этнографич. этюды. Введеніе въ курсъ всеобщей исторіи.—Онъ занимался исторіею

масонства въ Россіи, собралъ много матеріаловъ и напечаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи: о Новиковѣ (т. XII, 1857) и о Московскихъ масонахъ прошлаго столѣтія (1864, № 8 и 1865, № 3). Есть его статьи о Пермскихъ древностяхъ въ Пермскомъ Сборникѣ и двѣ статьи въ московскомъ журналѣ Атенеѣ. Передъ кончиною онъ принималъ еще участіе въ редакціи трудовъ моск. археологическаго общества, и въ 1 томѣ его „Древностей“ напечатано извлеченіе изъ читанныхъ имъ лекцій о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи. Въ Вѣстникѣ Европы 1866 г.: Русская колонизація сѣверовосточнаго края, т. I; Центръ римскаго міра и его провинціи, т. III (См. поминки о Ешевскомъ *А. Котляревскаго* въ протоколахъ археол. общества № 1, 1865 и въ приложеніи къ 1 выпуску Археологич. Вѣстника М. 1867).

Н. К. Бестужева-Рюмина въ Спб. Вѣдом. 1865, № 133.—Памяти его. Н. Виноградова въ Соврем. Лѣтописи 1865, № 21 и тамъ же воспоминаніе *А. Грачевскаго*, перепечатанное въ Унив. Извѣстіяхъ 1865, № 5, 393—406.

Желтухинъ, Алексѣй Дмитріевичъ, членъ редакціонныхъ комиссій объ улучшеніи быта крестьянъ, потомъ помощникъ статсъ-секретаря при председателѣ госуд. совѣта, издатель *Журнала для Землевладельцевъ* (М. 1858—59, 24 № №). Сконч. 5 Мая въ Спб.

Н. Б. М—чъ въ Моск. Вѣдом. 1865, № 101. Къ друзьямъ покойнаго Ж—на. Спб. Вѣд. 1866 № 107 и Вѣсть.

Жуковский, Александръ Кириловичъ, д. ст. сов., р. 10 Сент. 1810 въ Саратовѣ, служилъ въ военной службѣ, потомъ въ департаментѣ государственнаго казначейства и въ канцеляріи министра финансовъ. Онъ печаталъ въ молодости стихотворенія подъ псевдонимомъ *Е. Бернета* и нѣсколько повѣстей, особенно въ Библиотекѣ для чтенія, гдѣ между прочимъ начало поэмы его: Вѣчный Жидъ (т. 34-й, 1839 г.).

1) Стихи *Е. Бернета*. Спб. 1837. 8.—2) *Графъ Мецъ*, поэма, ч. I. Спб.

Русскій Архивъ. 31

1837. (2-я часть въ альманахѣ: Метеоръ, Спб. 1846). 3) Елена, поэма. Спб. 1838.

Н. Книжный Вѣстникъ 1863, стр. 206.

Запара, Дмитрій Ѳеодоровичъ, студентъ харьк. университета, помѣщикъ-овцеводъ изюмскаго уѣзда, гласный харьковскаго земскаго собранія, печаталъ статьи въ Основѣ, Голосѣ, Землед. Газетѣ и Спб. Вѣдомостяхъ. Ум. 6 Дек. 1865 въ Харьковѣ.

Н. Илл. Газета 1866, № 2, стр. 31.

Юнсонъ (Johnson) Яковъ Ивановичъ, эстонецъ, докторъ философіи и магистръ агрономіи, членъ вольнаго экономич. общества, въ изданіяхъ ко-его напечаталъ множество статей по сельскому хозяйству; нѣкоторыя отпечатаны отдѣльно. Ум. въ Петербургѣ 20 Марта 1865 г.

1) Abhandlungen aus und zu der Veranschlagung der Bauerländereien in Liv-und Kurland. Mitau. 1835. 8°. 2) Grundsätze der Veranschlagung landw. Grundstücke. Mit 120 illum. Abbildungen der am häufigsten auf den Wiesen vorkommenden Pflanzen, einer Karte u. 2 Tab. Mitau. 1839. 8°.—Тоже на русскомъ: Правила оцѣнки сельско-хоз. земель. Митава 1840, съ рис. и 2 таблицами. Изданіе 2-е, совершенно переработанное, безъ рисунковъ, съ планомъ, Спб. 1862. 8°. 3) Ueber das Dörren u. Aufbewahren des Getreides. Mit 5 Taf. Abbild. Spb. 1847. 8°. 4) Ueber die Kartoffelkrankheit im St.-Petersb. Gouvernement. Mit. Abbild. Spb. 1847. 8°. Изслѣдованіе болѣзни картофеля, появившейся въ Спб. губерніи въ 1843 г. съ рисункомъ. 8°. 5) Отвѣтъ на задачу о сушеніи и храненіи хлѣба. 1847. 8°. 6) Средство замѣнять хлѣбъ въ случаѣ неурожая другими растеніями. Спб. 1846. 7) Практическое руководство къ употребленію всѣхъ до нынѣ извѣстныхъ земледобри-тельныхъ веществъ. Спб. 1846. 8°. 8) Das Nothwendigste dessen, was beim Ankauf von Pferden zu berücksichtigen ist. Spb. 1850. 8°. Практическія правила для руководства при покупкѣ лоша-

дей. Спб. 1850 и 1855. 8°. 9) Beitrag zur Kenntniss der wirthschaftlichen Verhältnisse der Insel Oesel. Mit 1 Taf. Abbild. Spb. 1850. 8°. 10) О эстонскихъ и финскихъ лоша-дяхъ Спб. 1850. 8°. 11) Das Xerometer, ein Apparat zur Ermittlung des Trockenheits-grades des Getreides. Mit Abbild. Spb. 1856. 8°. 12) Руководство къ винокурению... Спб. 1859. Съ 161 рис. въ текстѣ и 7 табл. 8°. 13) Руководство къ приго-товленію солода. Съ 30 рис. въ тек-стѣ и 2 табл. Спб. 1859. 8°.

Н. Книжный Вѣстникъ 1863, стр. 139.

Каминскій, Викторъ Кириловичъ, черниговскій дворянинъ, воспитан-никъ нѣжинской гимназій, учитель математики въ новг. кадетскомъ кор-пусѣ (1834), потомъ въ полтавскомъ петровскомъ кадетскомъ корпусѣ до 1850 г.

Воспоминанія поклонника святой земли. Спб. 1855. 8°.—2-е пополнен-ное изданіе: Воспоминанія поклонни-ка святаго гроба. 2 ч. Спб. 1856, съ картою.

Біогр. свѣдѣнія о немъ *В. Толбина* въ книгѣ: Лицей кн. Безбородко Спб. 1859, II, 85.

Лукашевскій, Леонидъ Григорьевичъ, преподаватель римской словесности въ казанскомъ университетѣ (съ 1862 г.), изъ студентовъ каз. унив. (См. От-четъ унив.—та за 1864—1865, въ Из-вѣстіяхъ т. I, 1865).

Креницынъ, Александръ Николае-вичъ, помѣщикъ великолукскаго у. псковской губерніи, печаталъ свои стихотворенія въ періодическихъ из-даніяхъ 20-хъ годовъ, въ Славянинѣ, Сынѣ Отечества, Русс. Инвалидѣ и проч. Род. 3 Марта въ 1801, ум. 28 Авг. 1865 г.

Объ немъ въ статьѣ *М. С.* въ Отеч. Запискахъ 1865, № 8 и дополненія въ Русс. Архи-вѣ 1865 г. 2-е изд. стр. 1367.—Иллюстрир. Га-зета 1865, № 40.

Куноеръ, Адольфъ Яковлевичъ, д. с. с. орд. академикъ. Р. 6 Янв. 1799 въ г. Митавѣ, съ ранней молодости зани-мался естественными науками, въ 1821 г. отправился въ Берлинъ, гдѣ осо-

бенно занимался минералогією, потомъ путешествовалъ, въ Геттингенѣ получилъ степень доктора философіи и послѣ 18 мѣсячнаго пребывания въ Парижѣ прибылъ въ Петербургъ. Онъ былъ вызванъ на кафедру химіи и физики въ Казань, но до отъѣзда туда получилъ отъ министерства нар. проsv. порученіе закупать физическіе инструменты за границу, куда отправился съ профессоромъ Симоновымъ и въ 1824 г. прибылъ въ Казань и занялъ свою кафедру. Въ 1826 г. онъ былъ избранъ корреспондентомъ академіи наукъ, а въ 1828 г. членомъ ея по минералогіи. Въ 1829 онъ съ Ленцомъ и Менетриѣ путешествовалъ по Кавказу, потомъ былъ опредѣленъ директоромъ минералогическаго музея и имъ устроенной магнитной обсерваторіи, въ которой сосредоточились метеорологич. наблюденія всей имперіи. Кромѣ того онъ былъ профессоромъ физики при обсерваторіи горнаго корпуса и педагогич. института. Ум. 23 Мая 1865 г. (См. Протоколъ академіи 4 Іюня и С. Почта № 125).

1) Diss. de calculo crystallonómico. Götting. 1831. 4°. cum tabula.—2) Preisschrift über genaue Messung der Winkel an Krystallen. Berlin, 1826, 4°.—3) Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase. St.-Pet. 1830. 4°.—Reise in die Umgegend des Berges Elborus im Kaukasus. St.-Pet. 1830. 4°. (Nouveau Journal Asiatique. 1831, № 37).—4) Handbuch der rechnenden Krystallonomie. St.-Pet. 1831. 4°.—5) Voyage dans l'Oural entrepris en 1828. Paris. 1833. Avec un atlas.—6) Instruction pour faire des observations météorologiques et magnétiques. St.-Pet. 1836. 8°. 7) Tables psychométriques et barométriques à l'usage des observatoires météorologiques de l'empire de Russie. St.-P. 1841. 8°. (То же на русскомъ, 1841).—8) Руководство къ дѣланію магнетич. и метеоролог. наблюденій, сост. для горныхъ офицеровъ... Спб. 1841. 4°. (На нѣм. въ Corresp. Blatt des naturforschenden Ver-

eins zu Riga 1859 и особо). 9) Annales de l'observatoire physique central de Russie 1847—1856. St.-Pet. 1856—1858. 10 v. 4°. и Compte rendu annuel (съ 1851 года).

Кромѣ того издалъ сборники, заключающіе въ себѣ труды нѣсколькихъ ученыхъ: 1) Observations météorologiques et magnetiques, 2 v. 1837; 2) Annuaire magnétique et météorologique du corps des ingénieurs des mines de Russie. 1837—1849. 4°;—3) Travaux de la commission pour fixer les mesures et les poids de l'empire de Russie. 2 v. St.-Pet. 1841; 4) Correspondances météorologiques, années 1851—1857.

Много статей его въ разныхъ журналахъ, между прочими въ Poggendorffs Annalen V. II—III, въ St.-Petersb. Zeitung и особенно въ изданіяхъ академіи: Bulletin (съ V-го тома), Mémoires, и Recueil des actes. Въ календарѣ 1859 г. его статья о русскихъ мѣрахъ и вѣсахъ.

Recke u. Napiersky, Schriftsteller-Lexicon. II, 581 и Nachträge (1859) I, 345 (списокъ его статей).—Справ. Энци. Словарь ч. VI-я, II, 967.—Мѣсяцословъ 1866, 396.—Илл. Газета 1865, № 44, біографія и портретъ.—Въ память его рѣчь, Веселовскаго въ Запискахъ Академіи т. VIII (1865) стр. 299—301.—Отчетъ И. Географич. Общества за 1865 г.

Кутневичъ, Василій Іоанновичъ, главный священникъ арміи и флота, протопресвитеръ. Сконч. 26 Апр. 1865 г.

1) Разсужденіе о религіи патриарховъ до Закона жившихъ и о пользѣ и важности церковной исторіи (Съ А. Скородумовымъ). Спб. 1807. 4°.—2) Разсужденіе, въ которомъ противу новѣйшихъ вольнодумцевъ доказывается, что Моисей точно существовалъ и проч. М. 1808. 4°.

Лебедевъ, Павелъ Исаевичъ, протоіерей, профессоръ богословія и философіи (до 1858 г.) въ харьковскомъ университетѣ. Ум. 8 Дек. 1865.

Леницъ, Эмилій Христіановичъ, орд. академикъ. Р. въ Дерптѣ 12 Фев. 1804 г. учился въ дерптскомъ университетѣ сперва богословію, потомъ естеств. наукамъ. Въ 1823 онъ участвовалъ, какъ физикъ, въ кругосвѣтной экспе-

диціи Коцебу. По возвращеніи въ Петербургъ Л. сталъ преподавать физику въ училищѣ св. Петра, и въ 1828 опредѣленъ адъюнктомъ, въ 1830 экстраординарнымъ, а въ 1834 орд. академикомъ академіи наукъ. Въ 1829 г. онъ сопровождалъ Купфера въ его поѣздкѣ на Эльбрусъ.—Л. былъ преподавателемъ физики въ офицерскихъ классахъ морскаго корпуса и артилл. училища, съ 1835 профессоромъ Спб. университета, съ 1831 г. въ педагогич. институтѣ.—Кромѣ того онъ исполнялъ должность ректора спб. университета (1836—1838) и въ 1863 избранъ ректоромъ.—Ум. 29 Января 1865 въ Римѣ.

1) Наблюденія надъ наклономъ и степенью силы магнитной стрѣлки, произведенныя въ путешествіи вокругъ свѣта на шлюпѣ Сенявинѣ въ 1826—1829 г. капитаномъ Ф. Литке, обработанныя и вычисленныя Э. Лендомъ. Съ нѣм. пер. Б. Глазенапъ. Спб. 1836. 4°.—2) Физика (руководство для гимназій). Спб. 1836, 1842 и 1851.—Кіевъ 1851. 8°.—3) Физическая географія съ атласомъ. Изд. 2-е Спб. 1858.—4) Руководство физики. Курсъ IV общаго класса. 2 ч. Съ политическими. Спб. 1856. 8.

№ Мѣсяцесловъ 1866, 397.—Рѣчь Буняковскаго въ академіи, въ Запискахъ академіи, т. VII, Протоколы, стр. 79.—О трудахъ академика Ленца въ магнито-электричествѣ, А. Савельева. Спб. 1854, 8° 47 стр. (Изъ Журнала Мин. Нар. Пр. № 8 и 9).

Максимовъ, Николай Ивановичъ, назначенный профессоромъ международного права и законовъ государственнаго благоустройства и благочинія и финансовъ въ новороссійскій университетъ, ум. въ Апрельъ 1865 г. на 36 г. (Голось № 118, изъ Одесскаго Вѣстника, и Иллюстрація, №17).

Маркусъ, Михаилъ Антоновичъ, д. ст. сов., лейбъ-медикъ, московскій дворянинъ (р. 28 дек. 1790 въ Курскѣ), студентъ моск. медико-хирургич. академіи, съ 1808 г. служилъ докторомъ въ арміи, былъ раненъ подъ Лейпци-

гомъ, находился въ плѣну во Франціи, потомъ состоялъ при русскомъ корпусѣ, остававшемся во Франціи. Съ 1819 по 1825 онъ занимался практикою въ Москвѣ, потомъ былъ главнымъ врачомъ и инспекторомъ Голицынской больницы до 1837 г. За труды свои во время холеры въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ былъ назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ; потомъ былъ членомъ, а съ 1841 г. председателемъ медиц. совѣта мин. вн. дѣлъ, состоялъ на службѣ при министерствѣ нар. просв., въ пріютѣ св. Ольги, въ попечит. совѣтѣ воспитательнаго дома, членомъ медико-хир. академіи, и нѣсколькихъ университетовъ и многихъ ученыхъ обществъ. Въ 1858 праздновали 50 лѣтній юбилей его дѣятельной службы. Въ 1859 г. не смотря на разнообразныя занятія и лѣта свои онъ принялъ должность инспектора учреждений имп. Маріи Федоровны. Сконч. 27 Іюля 1865 г. въ Петербургѣ.

1) Врачебныя Записки (періодич. изданіе), 4 ч. м. 1827—1829. 8°—2) Ueber die Cholera... М. 1831. (Переводъ соч. А. Поля: Краткое Описаніе холеры, 1830.—3) Pensées sur le Cholera-Morbus. М. 1831. 8°—3) Сельскій лечебникъ. М. 1833. 12° 2-е изд. М. 1856. и 3-е 1866. 12°—5) Слово о истинной славѣ врача. М. 1836. 4°.—6) Рѣчь въ день открытія бюста Лодера. М. 1837.—7) Краткое руководство для врачей къ познанію росс. законовъ, учреждений и госуд. службы (съ Калайдовичемъ) Спб. 1843. 8°.—8) Essai sur la médecine dans ses rapports avec l'état. Première section. Organisation medicale. St. Pet. 1847. 8°.

Справ. Энци. Словарь VII, 475.—Объ его юбилей въ Medic. Zeitung Russlands, 1858, № 9, стр. 71.—N. Русс. Инвалидъ 1863, №167 и Journal de St. Pet. № 169.

Медвѣдевъ, Павелъ Андрѣевичъ, студентъ-медикъ моск. университета (1833—1858), потомъ преподаватель географіи во 2-й моск. женской гимназіи. Род. 17 Іюня 1836, ум. въ концѣ 1865 въ Москвѣ.

При знаніи нѣсколькихъ языковъ онъ занимался естественными и историческими науками, печаталъ критическія статьи въ журналахъ, между прочимъ въ „Воспитаніи“, перевелъ Гартвига: Единство мірозданія (1863) и Штоля: Миѣны классической древности (т. I и первыя двѣ книги II-го 1866).

№. В. II-й. Книжный Вѣстникъ 1866, стр. 25.

Михайловъ, Михаилъ Ларионовичъ. Выслушавъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ (1846—1850), онъ занялся литературой, печаталъ стихотворенія, преимущественно переводы изъ Гейне, въ Иллюстраціи Кукольника и въ Литерат. Газетѣ, изд. В. Зотовымъ, потомъ рассказы и повѣсти въ Москвитинѣ, въ Пантеонѣ, въ Отеч. Запискахъ (съ 1852), въ Библиотекѣ для чтенія и въ Современникѣ (ч. 33, 49, 52 и 55). Въ 1856 г. онъ ѣздилъ на Донъ, а въ 1858—1859 путешествовалъ за границу и посылалъ оттуда свои путевыя письма въ Современникъ. Въ началомъ въ Петербургѣ Энциклопедическомъ Словарѣ онъ завѣдывалъ отдѣломъ исторіи литературы и помѣстилъ нѣсколько своихъ статей. Онъ перевелъ Нѣмецкое извѣстіе о русскихъ писателяхъ 1768, Дмитревскаго, помѣщенное въ Библиографич. Запискахъ 1861 г. № 20, изданное также отдѣльною брошюрою и перепечатанное въ Матеріалахъ П. Ефремова (Спб. 1867). Въ сборникахъ переводовъ изъ Шиллера и Байрона, изд. Гербелемъ, помѣщено нѣсколько его переводовъ, между прочими „Коварство и любовь“, Шиллера. Собраніе его стихотвореній вышло за границу. Онъ сконч. 3 Авг. 1865 г. на каинскомъ пріискѣ восточной Сибири, куда былъ сосланъ въ 1861 г. на 6 лѣтъ въ рудники, по дѣлу о возмутительныхъ прокламаціяхъ.

1) Святки. Спб. 1854. 12^о (изъ Отечествен. Записокъ 1853). 2) Перелетныя птицы, 4 ч. Спб. 1854 (Отеч. Записки т. 96 и 97).—3) Пѣсни Гейне.

Спб. 1858. 2^о.—4) Сочиненія. Въ провинціи. 2 ч. Спб. 1859. 8^о.

№. Вѣсть 1865, № 5.

Млодзѣевскій, Корнелій Яковлевичъ, медикъ, р. въ 1818 г. подольской губ. въ г. Тульчинѣ, учился въ виленской медико-хирургич. академіи и въ московскомъ университетѣ, въ которомъ кончивъ курсъ лекаремъ (1843) опредѣлился ординаторомъ терапевтической клиники, при Оверѣ. Въ 1848 г. онъ получилъ степень доктора медицины по защищеніи диссертации о желтухѣ (de ictero) и опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ терапевтической клиники. Въ 1859 онъ былъ утвержденъ въ должности профессора частной патологіи и терапіи и въ 1863 и 1864 г. занималъ кафедру Овера. Съ 1859 г. онъ былъ секретаремъ физико-медицинскаго общества, велъ его протоколы и напечаталъ нѣск. статей въ Моск. Врачебномъ Журналѣ, между прочимъ замѣтки о своемъ путешествіи за границую (1854, № 2 и 3).

Биографич. Словарь моск. процесс. т. II, стр. 102—Н. Ал. Полунина, въ Моск. Вѣдом. 1863, № 210.

Оболенскій, кн. Евгений Петров., умеръ въ Калугѣ 26 Февр. 1865 г. на 69 году. Будучи близокъ къ нѣкоторымъ писателямъ двадцатыхъ годовъ и участникомъ произшествій 14 Декабря 1825 г. онъ оставилъ о нихъ любопытныя записки, которыя были напечатаны въ журналѣ: Будущность, изданномъ въ Парижѣ въ 1861 г. № 9—12, потомъ отдѣльною книжкою въ IV томѣ Русскаго Заграничнаго Сборника и также во французскихъ переводахъ: Souvenirs d'un exilé en Sibirie trad. par le pr. Aug. Galizin, Leipzig, 1862, 12^о и Mon exil en Sibirie. Leipzig (Naumburg). 8^о безъ года.

Н. День 1865, № 18 (А. Розена).

Очкинъ, Амплій Николаевичъ, бывшій 25 лѣтъ (до 1863 г.) редакторомъ С.-Петербур. Вѣдомостей, а съ 1863 г. издававшей газету „Очерки.“ Ум. 12 Марта 1865. Изъ переводовъ его съ

французскаго намъ извѣстны по каталогамъ слѣдующіе:

1) Памяти И. Александра, графа С. Уварова. Спб. 1826. 8°.—2) Пустыникъ Сен-Жерменскаго предмѣстія или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ французовъ въ началѣ XIX ст. соч. Кольне. 2 ч. Спб. 1826. 12°.—3) Два года въ Константинополѣ и Моревѣ (1825—1826)... Соч. К. Д. Съ франц. Спб. 1828. 8°.—4) Сень-Марсъ, романъ Алфреда де Виньи, 4 ч. Спб. 1829—30. 12°. 2-е изд. 1835. 8°.—5) Странствованія Телемака, Фенелона, 2 ч. Спб. 1835—1836. 12°.

Н. Рус. Инвалидъ 1865, № 60.

Наидеръ, Христіанъ Генрихъ, натуралистъ. Р. 12 Іюля 1794 въ Ригѣ, ум. 10 Сент. 1865 въ Петербургѣ. Онъ изучалъ естественныя науки и медицину въ Вирцбургѣ и другихъ иностранныхъ университетахъ, много путешествовалъ по Европѣ, былъ въ Бухарѣ и въ 1822 избранъ въ Спб. академію наукъ адъюнктомъ, а въ 1823 г. орд. академикомъ по части зоологіи. Въ 1827 онъ оставилъ академію и поселился въ Лифляндіи, въ помѣстьи отца своего, но въ 1842 г. снова поступилъ на службу по горному вѣдомству и совершилъ нѣсколько путешествій для геологическихъ изслѣдованій и между прочимъ на Ураль.

1) Beiträge zur Geognosie des Russischen Reichs. St. Petersburg. 1830. 4°. Nebst Atlas. 2) Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems des Russisch-Baltischen Gouvernements. St. Pet. 1856 4°. 3) Ueber die Placodermen des Devonischen Systems. St. Petersburg 1857. 4) Ueber die Ctenodipterinen des Devonischen Systems. St. Petersburg. 1858. 5) Ueber die Saurodipteren, Dendrodonten Glyptoleniden u. Cheirolepiden des Devonischen Systems. St. Petersburg. 1860. 6) Die Steinkohlen an beiden Abhängen des Ural. St. Petersburg. 1862.

№ Мѣсяцесловъ 1867, прил., стр. 93.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, происходилъ изъ духовнаго званія. Род. 10 Сент. 1798 г. въ Бѣжецкомъ у.

воспитывался въ педагогич. институтѣ по выходѣ изъ коего, обращаясь въ кругу лучшихъ писателей, Пушкина, Дельвига и другихъ, писалъ и печаталъ стихотворенія и критическія статьи въ Соревнователь, Лит. Газетѣ и Прибавленіяхъ къ Рус. Инвалиду, участвовалъ въ изданіи альманаха: Съверные Цвѣты и наконецъ въ 1838 принялъ изданіе оставленнаго Пушкинымъ Соревнователя, который издавалъ до 1846 г. (44 тома).—Плетневъ былъ преподавателемъ русс. словесности въ инстит. патриотическомъ и екатерининскомъ, въ 1832 г. поступилъ на кафедру русской словесности въ спб. университетѣ и занималъ ее 6 лѣтъ; съ 1828 до 1840 преподавалъ русс. словесность цесаревичу и великимъ князьямъ, съ 1840 до осени 1861 былъ ректоромъ Спб. университета и составлялъ годовые отчеты университета. Состоя членомъ II отдѣленія академіи наукъ, онъ участвовалъ въ Извѣстіяхъ, въ составленіи Словаря и печаталъ отчеты отдѣленія съ 1842 до 1854 и за 1859 и 1860 г. Сконч. въ Парижѣ 29 Дек. 1865 г.

1) Ода честь. Спб. 1820. 8°.—2) Письмо къ графинѣ С. И. С. (Соллогубъ) о русскихъ поэтахъ. Спб. 1824. 12° (Изъ Съв. Цвѣтовъ).—3) Обязанности наставниковъ юношества. Рѣчь въ педагогич. институтѣ. Спб. 1836. 8° (Изъ Журнала Мин. Нар. Пр. № 1).—4) Жизнь и сочиненія И. А. Крылова. Спб. 1847. Прежде было напечатано короче въ Современникѣ 1845 г. № 1 и 2 и потомъ при сочиненіяхъ Крылова.—5) О жизни и трудахъ Полънова, Спб. 1852. 8°.—6) Отчеты по II отд. Академіи Наукъ (1842—1851). Спб. 1852. 8°.—7) О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго Спб. 1853. 12° (Изъ Живописнаго Сборника Плюшара).—8) Памяти гр. Уварова. Спб. 1855. 8° (Изъ Ученыхъ Записокъ; тоже при Спб. Вѣдом. № 45 и Моск. Вѣдом. №25—30; нѣмецкій переводъ въ St. Pet. Zeitung 1856, № 98 и 99).—

8) О профессорѣ и академикѣ Я. К. Гротѣ. 1836. 8°.—10) Хронологическій списокъ русс. сочинителей. Напечатанъ безъ года (1833 г.) въ нѣск. экземплярахъ, для руководства великимъ князьямъ.

Въ I т. Вѣстника Европы 1866 г. напечатано письмо его къ издателямъ, писанное незадолго до смерти.

Б. Справочный Энци. Словарь, IX, 235.—Некрологъ Плетнева, Я. Грота, 6 стр. (Изъ № 1 Спб. Вѣдом. 1866).—Отчетъ по отд. русс. языка и словесности за 1865, Я. Грота. в въ Торж. Собраніи Академіи 29 Дек. 1865. Съ портретомъ Плетнева.—Памяти Плетнева кн. П. Вяземскаго, Утро М. 1866, стр. 153.—N. М. Лонгинова въ Соврем. Лѣтописи № 2 и о немъ тамъ же, № 6. П. Короповскаго.

Поповъ, Александръ Васильевичъ, д. ст. сов., главный инспекторъ училищъ Западной Сибири, прежде профессоръ монгольскихъ нарѣчій въ казанскомъ и петербургскомъ университетахъ, авторъ грамматики Калмыцкаго языка и Ариметики на монгольскомъ языкѣ, Казань, 1837. Статьи его были въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. ч. 22, 67 и 88.

Порюсъ - Визапурскій, князь Александръ Александровичъ, помѣщикъ ямбургскаго у. ум. 62 лѣтъ въ 1865 г. Онъ занимался литературою и перевелъ изъ піесъ Скриба: Отцовское проклятіе и Проступокъ (см. Илл. Газета 1865, № 27).—Можетъ быть, онъ же авторъ книги, значащейся въ каталогахъ и. пуб. бібліотеки подъ его именемъ: Croquis de Petersburg par le p... de U... ci-devant colonel aux gardes. St. Pet. 12 (безъ года).

Порѣпрій, архимандритъ Соловецкаго монастыря, проповѣдникъ, сконч. въ Августѣ 1865 г.

Похвисневъ, Иванъ Ивановичъ, ум. въ 1865 г. 27 лѣтъ. Онъ усердно занимался агрономіею, напечаталъ нѣсколько статей въ Журналѣ Мин. Г. Им. и другихъ, издалъ Очерки природы Гартвига и Руководство къ химическимъ излѣдованіямъ важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, Вольфа (Илл. Газета 1865, № 42).

Радлофъ, Левъ (или Леопольдъ) Федоровичъ (р. 29 Окт. 1818, въ Петербургѣ, ум. 29 Октября 1865, въ Готѣ). Сынъ профессора спб. унив-та, воспитанникъ педагогич. института, съ 1839 учитель лат. и греч. языковъ при новгородской гимназіи, а съ 1843 при 3-й петербургской, съ 1864 директоръ Ларинской гимназіи, потомъ 6-й. Съ 1847 онъ былъ при академіи консерваторомъ этнографическаго музея.

Онъ занимался изученіемъ нарѣчій сѣверовосточной Азии и русско-американскихъ владѣній и доисторическими древностями по памятникамъ, и помѣщалъ свои изслѣдованія въ изданіяхъ Академіи 1857 и 1858 гг., между прочимъ обширное сочиненіе о нарѣчій Чукчей (1861). Онъ не успѣлъ окончить сочиненія о нарѣчій Калашъ. Онъ перевелъ для Академіи текстъ сочиненія Ворсо: О сѣверныхъ древностяхъ копенгагенскаго музея, изд. въ 1862 г. и помѣстилъ нѣсколько филологическихъ статей въ Bulletin de la classe historique-philologique de l'Academie de St-Petersb, T. XIV и XV и Mémoires, VII série. T. III.

N. П. И. Лерха въ Извѣстіяхъ Арх. Общ. и его же письмо о кончаніи его въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. т. I (1865), стр. 205. — Мѣсяцословъ 1867, прилож. стр. 94.

Распопова, Нина Николаевна, воспитанница смольнаго монастыря, дѣвица, скончалась за границею лѣтомъ 1865 г.

1. Нѣсколько рассказовъ и описаній для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ. Переводы и сочиненія Нины Р., съ карт. Спб. 1863. 8°.—2. Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1864. 8°.

Рихтеръ (Maximilian Julius Otto Victor Richter), уроженецъ Митава (р. 16 Іюля 1833 г.), студентъ медиц. факультета дерптскаго университета, съ 1861 г. служилъ ординаторомъ въ Обуховской спб. больницѣ, гдѣ заразился тифомъ и умеръ 31 Января 1865 г.

N. St-Petersb. Medie. Zeitschrift 1865, № 1, стр. 64.

Розенблаттъ, Яковъ Абрамовичъ, мѣдикъ, ум. въ Каннѣ, во Франціи (Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 245). Онъ участвовалъ въ Энциклопедич. Словарѣ и въ Московскомъ Обзорѣннѣ 1859 г.

Романовскій, Савостьянъ Павловичъ, д. с. сов., бывший редакторъ Журнала Министерства Юстиціи, сконч. въ 1865 г.

Саблеръ, Егоръ Егоровичъ, д. с. с., астрономъ, эстляндскій уроженецъ, сынъ пастора, слушалъ лекціи въ дерптскомъ университетѣ (1839), докторъ философіи, былъ младшимъ помощникомъ въ дерптской обсерваторіи (при Струве), потомъ по открытіи Пулковской обсерваторіи служилъ при ней и участвовалъ въ геодезич. работахъ, веденныхъ подъ руководствомъ Струве и въ работахъ по измѣренію дуги меридіана, идущей по западнымъ областямъ Россіи, и въ нѣсколькихъ ученыхъ экспедиціяхъ. Въ 1854 г. онъ былъ опредѣленъ директоромъ виленской обсерваторіи. Сконч. 5 Дек. 1865 г. Въ изданіяхъ академіи наукъ есть его статьи.

Н. А. Сагина, въ Запискахъ академіи т. VIII, (1866) стр. 108—111.

Сахаровъ, Гаврила Александровичъ, кандидатъ спб. университета, былъ преподавателемъ въ нѣсколькихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ 1843 г. служилъ въ государственномъ контролѣ. Ум. 30 Ноября 1865 г. 48 лѣтъ. Онъ помѣщалъ рецензіи и обзоры русскаго законодательства въ Журналѣ Мин. Нар. Пров. (ч. 47—62) и нѣсколько статей въ Спб. Вѣдомостяхъ.

Н. С. Б. въ Спб. Вѣдомостяхъ 1865, № 319.

Сачковъ, Козьма Іудичъ, авторъ мелкихъ статей въ Семейномъ Кругѣ, Петерб. Вѣстникѣ, Гудкѣ и Занозѣ, ум. 36 лѣтъ, въ 1865 г. (См. Илл. Газета 1865, № 27, стр. 32).

Селивановъ, А. И., бібліотекаръ воронежской публичной бібліотеки, занимавшійся этнографіею воронежской губерніи и помѣщавшій статьи въ

Воронеж. Губ. Вѣдом. и въ Воронежскомъ Листкѣ 1865.

Сабчаковъ, Владиміръ Ивановичъ, происходитъ изъ духовн. званія, учитель исторіи въ 1 моск. гимназіи и въ Александровскомъ женскомъ институтѣ (№. Рус. Архивъ 1865, изд. 2-е стр., 1515).

Спѣшневъ, Яковъ Тимоѣевичъ, д. с. с. директоръ съ 1856 г. спетербургскаго училища глухонѣмыхъ. Сконч. въ Декабрѣ 1865 г.

Въ статьѣ О воспитаніи глухонѣмыхъ *И. Селезневъ*, въ Спб. Вѣдомостяхъ 1865, № 337 говорится о его дѣятельности и о переводѣ его:

А. Бланше, главный врачъ Парискаго института глухонѣмыхъ и его система совмѣстнаго глухонѣмыхъ со слушающе-говорящими обученія въ народныхъ школахъ, 1865.

Струве, Василій Яковлевичъ, знаменитый астрономъ, академикъ, т. сов., уроженецъ г. Альтоны (р. $\frac{4}{13}$ апр. 1793), студентъ дерптскаго университета по филологич. факультету, отъ котораго въ 1810 г. получилъ золотую медаль за разсужденіе: *de studiis criticis et grammaticis apud Alexandrinos*. Онъ уже готовился къ учительской должности, но подъ вліяніемъ Паррота занялся математикою и уже въ 1813 г. получилъ степень доктора философіи за диссертацію о географическомъ положеніи дерптской обсерваторіи и въ концѣ того же года былъ опредѣленъ экстраорд. профессоромъ астрономіи и астрономомъ-наблюдателемъ при унив. обсерваторіи, которую улучшилъ и съ 1814 г. началъ издавать Лѣтописи ея. Въ нихъ и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ онъ помѣщалъ свои изслѣдованія и открытія, обратившія на него на первыхъ порахъ вниманіе специалистовъ. Въ 1827 г. онъ издалъ свой первый обширный списокъ двойныхъ звѣздъ, плодъ долгихъ наблюденій, и измѣрилъ, съ барономъ Врангелемъ дугу меридіана въ балтійскихъ провинціяхъ.

Потомъ онъ занялся микрометрическимъ измѣреніемъ двойныхъ звѣздъ и изысканія свои напечаталъ въ 1837 г. Въ 1822 г. онъ былъ избранъ корреспондентомъ, а въ 1826 г. членомъ спб. академіи наукъ. Въ 1839 г. оставилъ дерптскій университетъ съ званіемъ заслуженнаго профессора и поступилъ директоромъ Пулковской обсерваторіи, устроенной по проекту его и Паррота, съ новыми усовершенствованными инструментами. Въ августѣ 1864 г. ему пришлось праздновать 25-ти-лѣтіе этого образцоваго учрежденія. Здѣсь Струве совершилъ тѣ замѣчательные труды, которыми онъ заслужилъ европейскую извѣстность; между ними особенно значительныя измѣренія дуги меридіана между Дунаемъ и Ледовитымъ моремъ, оконченное подъ его руководствомъ; пополненія изслѣдованій Гершеля и новый каталогъ двойныхъ звѣздъ. Струве былъ однимъ изъ главныхъ основателей географическаго общества. Въ 1838 г. онъ заболѣлъ, лечился за границею и по возвращеніи въ 1861 г. оставилъ службу при обсерваторіи; сконч. 11 Ноября 1864 г.

Не обозрѣвая здѣсь всѣхъ его трудовъ, которые извѣстны специалистамъ, и не исчисляя многочисленныхъ статей его, помѣщенныхъ въ изданіяхъ спб. академіи и заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ и которыя (числомъ 107) указаны въ статьѣ о немъ Савича,—мы сообщимъ только списокъ главныхъ, отдѣльно изданныхъ сочиненій его.

1) De geographica positione speculae astr. Dorpatensis. Mitaviae. 1813.—2) Observationes astronomicae institutae in specula univ. Dorpatensis. Vol. I—VIII (1814. 1838). Dorpati 1817—1839, 4°.—3) Beschreibung des grossen Refractors von Frauenhofer, Dorpat 1825, fol.—4) Catalogus novus stellarum duplicium et multiplicium. Dorpati. 1827, fol.—5) Beschreibung der.... Breitengradmessung in d. Ostseeprovinzen Russlands in d. J. 1821—1831, 2 Th. Dorpat. 1831.

4°. und Atlas, fol.—6) Anwendung des Durchgangsinstruments für die geogr. Ortsbestimmung. St. Pet. 1833. 8°.—Sur l'emploi de l'instrument des passages etc. St. Pet. 1838, trad. par A. Schybanof. Есть русский переводъ *Възглаго*.—7) Stellarum duplicium et multiplicium mensurae micrometricae in specula Dorpatensi institutae. Petrop. 1837, fol.—Additamentum: Memoires de l'academie, 1840.—8) Fedorow's vorläufige Berichte über die in Westsibirien ausgeführten astr. geogr. Arbeiten, herausg. von Struve. 1838. (Idem, en français).—9) Beobachtungen des Halleyschen Cometen bei seiner Erscheinung im J. 1835. St. Pet. 1839, fol. 10) Catalogue de 514 étoiles doubles et multiples.... 1843. fol.—11) Expedition chronométrique entre Poulkova et Altona. 1844. fol.—12) Idem, entre Altona et Greenwich. 1846. fol.—13) Description de l'observatoire central de Poulkova. 1845. fol. avec I v. de planches.—14) Librorum in Bibliotheca speculae Pulcoviensis contentorum catalogus systematicus. 1845. 8°.—15) Positiones mediae stellarum fixarum in zonis Regiomontanis etc. auctore M. Weisse. Ed. curavit et prefatus est W. Struve. 1846, fol.—16) Etudes d'astronomie stellaire 1847. 8°.—17) Beschreibung der zur Ermittlung des Höhenunterschiedes zwischen dem Schwarzen u. Caspischen Meere ausgeführten Messungen. 1849. 4°.—18) Stellarum fixarum imprimis duplicium et multiplicium positiones mediae pro epocha 1830, deductae ex obs. meridianis annis 1822 ad 1843... 1852. fol.—19) Recueil de Mémoires présentés à l'Académie des sciences par les astronomes de Poulkova. 1853. 4°.—20) Arc du meridian de 25° 20' entre le Danube et la Mer glaciale. 2 v. 1857, 1860. 4°. Дуга меридіана и проч. 2 т. Спб. 1862.

Справ. Энци. Словарь ч. 9, II, 575.—Б. Жив. Русс. Библиотека, т. II, 1857, № 17, съ портретомъ.—Голосъ № 313.—Воспоминаніе о немъ, рѣчь А. Савича, въ книгѣ: Торж. собраніе II. Академіи наукъ 29 Дек. 1864 (Спб. 1865), стр. 65—85 (Обзоръ его трудовъ, списокъ его сочиненій и портретъ).—Двадцатипятилѣтіе Пулковской обсерваторіи, Журналъ Мин. Н. Пр. 1864, № 10.

Терещенко, Александръ Власъевичъ,

археологъ. Ум. 21 Ф. 1865 г. въ Зеньковѣ, полтавской губ.

1) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, 3 ч. Спб. 1837. 8°.— 2) Бытъ русскаго народа, 7 ч. Спб. 1848. 8°.—4) Очерки Новороссійскаго края. Спб. 1854. 8° (Изъ Журнала М. Нар. Пр.).

Статьи его находятся въ Сѣв. Пчелѣ, въ Журналѣ Мин. Нар. Пр., Библиограф. Запискахъ, Рус. Архивѣ и другихъ журналахъ. Въ Читеніяхъ 1866 г. кн. IV напечатана статья его: О могильныхъ насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ екатериносл. и таврической губерніяхъ.

Фальковъ, Ефимъ Степановичъ, воспитанникъ горьгорецкаго института, съ 1860 г. преподаватель, а съ 1862 адъютантъ по каедрѣ сельскаго хозяйства въ казанскомъ университетѣ. Ум. 28 Сент. 1865, на 30 г. жизни.

Онъ перевелъ книгу: Овцеводство и шерстоѣденіе *Ф. Шмидта*, Спб. 1863. 8°. съ рис.; помѣщалъ статьи въ Запискахъ казанскаго экономич. общества и произнесъ рѣчь о всеросс. выставкѣ произведеній сельскаго хозяйства и промышленности въ Москвѣ, 1864.

Н. Отчетъ каз. унив. въ Извѣстіяхъ унив-та 1865, т. I (№ 5), стр. 392.

Хвоцинская, Софья Дмитріевна, писавшая подъ псевдонимомъ *Ив. Весельева* повѣсти, въ Иллюстраціи, Библиотекѣ для Читенія и въ Отеч. Запискахъ (т. 91.—Знакомые люди и т. 107—Наслѣдство тетушки). Она перевела соч. Милля: О свободѣ, еще ненапечатанное. Сконч. 5 Авг. 1865, въ Рязани. (См. Илл. Газета 1865, № 32, стр. 111).

Штакельбергъ, Адольфъ Фёдоровичъ, т. с., членъ совѣта мин. вн. д., предсѣдатель комиссіи, учрежденной для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго, которой труды изданы въ 3 томахъ въ 1863 и 1864 г. Независимо отъ занятій въ комиссіи, онъ

составилъ обзоръ устройства промышленности во всѣхъ государствахъ Европы, который изучилъ во время путешествія за границу въ 1860 г.— Въ 1864 напечатано его сочиненіе: Цѣховое устройство и свобода промышленности въ Европѣ. Статьи его по географіи Россіи помѣщены въ Энцикл. лексиконѣ. По желанію спб. городского общества онъ принялъ на себя надзоръ за временными больницами столицы и скончался отъ тифозной горячки 14 Марта 1865 г. на 56 г. жизни.

Н. В. *Безобразова*, Моск. Вѣдом. № 66.

Шубертъ, Фёдоръ Фёдоровичъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта, почетный членъ академіи наукъ (съ 1827 г.), извѣстенъ геодезическими и картографическими трудами. Сконч. 3 Ноября 1865 г. въ Штуттгардтѣ.

Сынъ извѣстнаго астронома Шуберта, онъ р. въ 1789 г. и съ молодыхъ лѣтъ занимался астрономіею съ отцомъ своимъ. Во время войнъ съ Франціею и Швеціею въ 1806—1815 онъ участвовалъ въ кампаніяхъ; до 1818 онъ состоялъ при корпусѣ гр. Воронцова во Франціи; въ 1820 г. былъ назначенъ начальникомъ тригонометрической съемки петербургской губерніи, а въ 1822 директоромъ учрежденнаго тогда корпуса топографовъ, для которыхъ составилъ руководство. Во время турецкаго похода подъ его смотрѣніемъ произведена съемка Молдавіи и Валахіи, а въ 1833 г. большая хронометрическая экспедиція, которая дала описаніе балтійскаго моря. Съ 1834 по 1843 г. онъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба.

Онъ напечат. въ 1858 г. *Exposé des travaux astronomiques et géodesiques exécutés en Russie dans un but géographique jusqu'à l'année 1855.*

Н. Отчетъ И. Географич. Общества за 1865 годъ (по свѣд. Савича и Бларамберга). Въ Запискахъ Военно-Топографич. отдѣла Главнаго Штаба ч. XXVII-я. Спб. 1866.

Щелканъ, Викторъ Александровичъ, бывший учитель полтавскаго кадетскаго корпуса, ум. 11 Ф. 1865 въ Тифлисѣ, гдѣ былъ постояннымъ сотрудникомъ газеты: Кавказъ и выходившаго при ней Литерат. Листка (См. Книжный Вѣстникъ 1865, стр. 139).—

Эйнбродтъ, Павелъ Петровичъ, докторъ мед., сынъ московскаго профессора, студентъ моск. университета, съ 1857 г. помощникъ прозектора по кафедрѣ сравнительной анатоміи и физиологіи, а съ 1860 профессоръ моск. университета. Кромѣ докторской диссертациі (De pericarditide acuta, 1857) и нѣсколькихъ медицинскихъ статей, послѣ него остался начатый имъ курсъ физиологіи, первая часть котораго была приготовлена къ печати. Онъ сконч. въ Монтрѣ, 26 Іюля 1865 г. 30 лѣтъ.

Н. А. Полунина, Моск. Вѣд. № 173.

НЕИЗДАННЫЯ ШУТОЧНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ И. И. ДМИТРІЕВА.

Въ бумагахъ П. П. Бекетова сохранилась, между прочимъ, тетрадка съ слѣдующимъ заглавіемъ, писаннымъ рукою И. И. Дмитріева: *Именинный подарокъ любезному брату Платону Петровичу Бекетову. Москва. 1807 г. Ноября 18 дня.* Въ ней находится 22 стихотворенія Дмитріева, тогда еще неизданныхъ, но изъ которыхъ 5 были потомъ напечатаны, а 17 донинѣ были неизвѣстны. Первые суть слѣдующія: 1) *Путешествіе В. Л. Пушкина въ чужіе края въ 1803 и 1804 годахъ* (напеч. въ 1807 году подъ заглавіемъ: „Путешествіе №№ въ Парижъ и Лондонъ“—и перепечат. мною въ „Современникѣ“ 1856, № 8, отд. 5, стр. 141). 2) *Триссонинъ и Вадисъ* (соч. Дмитр., 1810 года, ч. 1, стр. 76.) 3) *Эпиграмма: „Подзобокъ на груди и подошувъ колѣна“* (Ibid., стр. 71). 4) *На дурныя оды по*

случаю рожденія именной особы. (Ibid.) и 5) *Счастливецъ* (напеч. подъ заглавіемъ „Блажество“, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1863, № 12, ст. 959). Сообщаемъ нѣкоторые изъ остальныхъ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ объясненій.

I.

На спускъ Стефаніемъ трехъ шаровъ, въ присутствіи трехъ знатныхъ особъ.

«Ну, видѣлъ спускъ я трехъ шаровъ!»—
—«Чтожъ было?»—«Вздулись и упали
Всѣ въ сторону—и проскакали
Куракинъ, Зубовъ и Орловъ.»

Три бывшіе въ немилости царедворца, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ Чесменскій (1737—1808) и князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1820), любимцы Екатерины, и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (1752—1818), любимецъ Павла, проживали въ Москвѣ. Присутствіе ихъ при неудачномъ спускѣ трехъ воздушныхъ шаровъ вызвало это сближеніе между собою этихъ временщиковъ и эфемернымъ ихъ полетомъ.

II.

Новости литературы.

—«Что за журналъ?»—
—«Не хватскій.»—
—«Кто же читалъ?»—
—«Посадскій.»—
—«А издавалъ?»—
—«Сохацкій.»

„Новости литературы“—журналъ, который издавалъ въ Москвѣ (1802—1805) Павелъ Аванасьевичъ Сохацкій (1764—1809), который имѣлъ сотрудникомъ Петра Васильевича Побѣдоносцева (1771—1843).

III.

Эпиграмма.

Не понимаю я, откуда мысль пришла
Классу приписать Фуфоновой «Цирцею»?

Цирцея хитростью своею

Героевъ полкъ въ звѣрей оборотить могла;
А эта—мужа лишь, да и того въ козла!

Здѣсь говорится о переводѣ кантаты Ж. Б. Руссо „Цирцея“. Извѣстны переводы ея Державиннымъ (1743—1816) и Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ (1781—1864), появившіеся около того времени. Вѣроятно, одинъ изъ нихъ былъ приписанъ тогда какой-нибудь дамѣ.

IV.

Къ моему лицеподобию.

Ему плететь вѣнецъ терновый Калліона,
А родила давно признала въ немъ Эзона.

Извѣстно, что Калліона, муза эпической поэзии и краснорѣчія, считалась у древнихъ ученѣйшею изъ девяти сестеръ Парнаскихъ и изображалась держащею въ одной рукѣ трубу, а въ другой лавровые вѣнки. Дмитріевъ въ первомъ стихѣ заставляеть ее плестъ для него терновый вѣнокъ. Въ этомъ заключается слѣдующій намекъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1806 года (№ 8, стр. 278 и № 9, стр. 42) издатель его Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (1775—1842), тогдашній преподаватель Реторики, напечаталъ разборъ вышедшей въ 1805 г. 3-й части стихотвореній Дмитріева и кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній на нихъ, помѣстилъ въ немъ личную выходку противъ автора, упрекая его въ спѣсивости, будто бы проявившейся въ Дмитріевѣ со времени пожалованія его сенаторомъ (6 Февраля 1806). Во второмъ стихѣ Дмитріевъ тонко противопоставляетъ суду новѣйшей Калліоны приговоръ соотечественниковъ: уподобленіе Эзону заключаетъ въ себѣ намекъ на признаніе всѣми его таланта, скрытый подъ шуточною маскою сравненія наружности поэта съ безобразіемъ Греческаго баснописца, съ которымъ первый представлялъ впрочемъ совершенную противоположность въ физическомъ отношеніи: извѣстно, что Дмитріевъ имѣлъ очень красивую наружность.

V.

Объявленіе отъ издателей о журналѣ на будущій годъ.

«Во славу троицы пѣвцовъ,
«Журналъ для толка, а не вкуса,
«Имѣеть быть и впредь въ печати Гиппіуса.
Хвостовъ, Кутузовъ, Салтыковъ.»

Въ Москвѣ выходилъ въ 1804—1806 годахъ журналъ „Другъ Просвѣщенія“. Издателями его были три плохіе стихотворца: графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (1757—1835), Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ (1767—1828) и графъ Григорій Сергѣевичъ Салтыковъ (1777—1814.) Они стали издавать его, чтобы печатать свои стихи, которыхъ нигдѣ не принимали. Гиппіусъ—Московский типографчикъ.

VI.

На смерть Иполита Федоровича Богдановича.

— «О чемъ ты сътуеши, престестная Харита?»—
— «Увы! Съ любимымъ я пѣвцомъ разлучена!
«Послала смерть Петру; ошибкою она
Сразила Иполита.»

Петръ Федоровичъ Богдановичъ, братъ Иполита, автора „Душеньки“, былъ переводчикомъ нѣсколькихъ книгъ и издателемъ журнала „Академическія извѣстія“ (1779—1781). Извѣстны три эпиграфы Дмитріева творцу „Душеньки“. (Соч. Дм., изд. 1814, ч. 1, стр. 117). Приведенное четверостишіе составляетъ особаго рода дополненіе къ нимъ.

VII.

Амуръ въ карикатурѣ.

Слуга покорный тѣмъ и этимъ въ тотъ же часъ;
Закуташъ весь, какъ водолазъ;
На лыжахъ — какъ Остякъ; какъ сатана — съ рогами.

Амуръ ли то? Скажите сами!

Это четверостишіе есть пародія довольно извѣстной французской надписи стихотворца Грувелли (Gruvelle) къ статуѣ Амура, изображеннаго нагимъ,

безъ колчана и съ сердцемъ на рукѣ,
поставленной въ саду зѣмка Шантильи,
принадлежавшаго славному принцу Конде.
Вотъ оригиналь Грувелля:

N'offrant qu'un coeur à la Beauté,
Aussi nu que la Vérité,
Sans armes comme l'Innocence,
Sans ailes comme la Constance,
Tel fut l'Amour au siècle d'or,

On ne le trouve plus, mais on le cherche encore.

VIII.

Отвѣтъ.

Нахальство, Аристархъ, таланту не замѣна;
Я буду все поэтъ, тебѣ на перекоръ!
А ты—останешься все тотъ же крохоборъ,
Плюгавый выползокъ изъ Дефонтепа.

Написано въ 1806 году по поводу рецензіи Каченовскаго, о которой говорено выше (см. прим. къ № IV). Аббатъ Дефонтепъ (Desfontaines, 1685—1745) принадлежалъ къ числу самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Вольтера (1696—1778), котораго сочиненія подвергались яростнымъ нападкамъ, вызывавшимъ грубыя репрезалии со стороны Вольтера и его поклонниковъ, видѣвшихъ въ аббатѣ безчестнаго и безвкуснаго зоила.

IX.

Пародія.

Любовь любовію плѣнилась
И съ Душенькой соединилась,
А эта Душенька отъ душечки родилась,
И сердце наконецъ
Безъ сердца для сердца
Ихъ связно связъ изобразило.
Читатель! чтожъ бы это было?
Кто отгадалъ? спрощу васъ я:
Галиматья!

Это—пародія на слѣдующую эпитафію князя Петра Ивановича Шаликова (1768—1852) Ипполиту Федоровичу Богдановичу (1743—1803), напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ (1803, т. 8, № 6, стр. 140).

Любовь у Душеньки въ плѣну любви была,
А Душеньку душа его произвела:

Чтожъ былъ онъ для сердецъ?.. Пусть сердце
отвѣчаетъ

Тому, кто истиннымъ талантамъ цѣну знаетъ.

X.

На журналы.

Какъ этотъ годъ у насъ журналами богатъ!
И вѣстникъ—отъ Корель, и просвѣщенія—
свать,

Аврора и Курьеръ Московскій, — не Европы,
И грузный Корифей—дорожникъ на Парнасъ!
Какой для чтенія запасъ!....

Писано въ 1805 году. Тогда выходили между прочимъ упомянутые журналы: 1) „Вѣстникъ Европы“, Каченовскаго, названный въ шутку Вѣстникомъ отъ Корель, потому что въ немъ лишь немного относилось къ отдѣлу извѣстій о западной Европѣ. 2) „Другъ просвѣщенія“, графа Хвостова, Кутузова и графа Салтыкова (см. примѣчаніе къ № V), забавно обращенный изъ „друга“ въ „свата“. 3) „Аврора, Христиана Егоровича Рейхардта (ум. 1812) и Якова Ивановича де-Санглена (1776—1864); журналъ этотъ весьма рѣдокъ, у Сопикова подъ № 3769. 4) „Московскій курьеръ“, С. Львова и 5) „Корифей, или ключъ литературы“, Якова Андреевича Галинковскаго, начавшійся въ 1802 году и кончившійся въ 1807. Онъ заключалъ въ себѣ преимущественно статьи по теоріи словесности. О достоинствѣ его можно судить по слѣдующему отзыву Карамзина (1765—1826) въ письмѣ его къ Михаилу Никитичу Муравьеву (1757—1807) отъ 28 Сентября 1803 г. „Галиматья, подъ именемъ *Корифей*, печатается на счетъ казны“. (Соч. Кар., изд. Смирд., 1848, т. 3, стр. 681).

XI.

На случай одѣ, сочиненныхъ въ Москвѣ въ коронацію.

Гордись предъ Галлами, Московскій ты Парнасъ!
На мѣсто одного Лебрѣня, есть у насъ:
Херасковъ, Карамзинъ, князь Шаликовъ, И-
майловъ,
Тодорскій, Дмитріевъ, Пospѣлова, Михайловъ,

Кутузовъ, Свиньиная, Невзоровъ, Мерзляковъ, Сохацкій, Таушевъ, Шатровъ и Салтыковъ, Тупицынъ, Похвисневъ и наконецъ—Хвостовъ.

Лебрень (1729 — 1807), знаменитый французскій лирикъ, прозванный Пиндаромъ (Lebrun-Pindare.)

Ни по какому случаю не было написано столько стиховъ, какъ на восшествіе на престолъ Александра I (12 Марта 1801) и на его коронацію (15 Сентября 1801). Всѣ эти пьесы по большей части были разумѣется „оды“; но были и „пѣсни“, и „эпистолы“, и „жертвы“, и „главы“ и просто „стихи“.

Вотъ исчисленіе извѣстныхъ намъ стихотвореній этого рода съ обозначеніемъ ихъ нумеровъ у Сопикова.

А) На восшествіе на престолъ Александра I.

Хераскова, 7055. Владиміра Измайлова, 7094 и 11447. Князя Алексѣя Голицына, 7095. Шатрова, 7096. Сергѣя Глинки, 7097 и 11530. Графа Вельгорскаго, 7124. Невзорова, 7320. Тодорскаго, 7328 и 9343. Князя Трубецкаго, 7367. Сохацкаго, 2837. Прокудина - Горскаго, 2842. В. Ѳедорова, 11376. Мерзлякова, 11446. Похвиснева, 11448. Таушева, 11504. Бухарскаго, 7875. Ржевскаго, 7876. Михайлова, 3952. Руссова, 3736. Отъ Московскаго Университета 2834. Кромъ того мы знаемъ оды Державина, Карамзина, Озерова (см. ихъ сочиненія) и Аргамакова (въ журналѣ „Иппокрена“). Всего извѣстныхъ намъ 26 пьесъ.

Б) На коронацію Александра I. Хераскова, 7056. Антонова, 7099. Невзорова, 7100. Князя Шаликова, 7125. Тодорскаго, 7171. Поспѣловой, 7218. Берга, 7227. Левшина, 7319. Голенищева-Кутузова, 7321. Неизвѣстнаго, 7342. Селявина, 7365. Неизвѣстнаго, 11412. Таушева, 11470. Приклонскаго, 11507. С. Родзянки, 11513. Княжны Урусовой, 11523. И. И. Дмитріева, 11528. С. Глинки, 7880. Щоголева, 7937. Неизвѣстнаго, 3949. Неизвѣстнаго, 3951. Отъ Московской Духовной Академіи,

3953. Отъ Казанской Духовной Академіи, 3955. Клушина, 5314 (у Плавильщикова). Кромъ того мы знаемъ оды Богдановича, Державина и Карамзина. Всего извѣстныхъ намъ 27 пьесъ, а вмѣстѣ съ первыми 53.

Къ этому должно прибавить еще упоминаемыя Дмитріевымъ 4 пьесы на коронацію, написанныя Свиньиной, Салтыковымъ, Тупицынымъ и графомъ Хвостовымъ; тогда общее число пьесъ будетъ 57. Но вѣроятно нашъ списокъ не совсѣмъ еще полонъ. Цифры эти доказываютъ необычайную радость, съ которой Россія привѣтствовала воцареніе Александра I.

XII.

Старинная шутка къ портрету Н. М. Карамзина.

Онъ дома—иль Шольё, иль Юмъ иль Платонъ;
Со мною — милый другъ; у Вейлеръ — Селадонъ;

Бываетъ и игрокъ—когда у Киселева,
А у любовницы—иль ангель, иль рѣва.

Эта шутка писана еще въ девятинастныхъ годахъ. Въ домѣ Дмитрія Ивановича Киселева (1761—1820) много играли въ карты, до которыхъ Карамзинъ былъ тогда большой охотникъ.

XIII.

Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи» напечатанную въ одномъ журналѣ.

Безъ имя Риемодѣй глумился сколько могъ
Надъ глупостью—хвалить въ стихахъ *красивый*
слозь.

Не худо бы потомъ на *вкусъ* слѣпить сатиру,
А тамъ и здравый смыслъ ухлопать въ добрый
часъ

И кончить тѣмъ свою поэтику для насъ;
Тогда ужъ смѣло дуй въ свою перунну лару!

Мы не знаемъ, на кого, по какому случаю и когда написана эта эпиграмма.

XIV.

Пародія.

Сѣдящій на мѣшкахъ Славянорусскихъ словъ,
Отъ коего мы спимъ, а цензоры—зѣваютъ,
Кто страшень Граціямъ, кого въ листочкахъ—

Львовъ,

А Павломъ Юрьичемъ—домашня называютъ,
Рекъ самъ себѣ: «я вратъ досель не уставалъ,
Такъ подурчимся жъ еще мы для забавы.»
Онъ рекъ и вмгъ свахлялъ изъ щеночекъ

Храмъ славы!

Сотиньусъ, ротъ разинувъ, паль,
А Львовъ въ присядку запласалъ.

Павелъ Юрьевичъ Львовъ, бездарный писатель кружка Шишкова (названнаго здѣсь Сотиньусомъ), издавалъ много недѣльныхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ былъ „Храмъ славы Россійскихъ Ироевъ“, вышедшій въ 1803 году.

XV.

П ѣ с н я.

Обманывать и лстить,
Вотъ всё на разумъ правы.
Ахъ! какъ не возопить:
О, времена! О, нравы!

Сынъ идетъ въ домъ Сяренъ
Вкушать любви отравы;
Тамъ тятя, старый хрѣвъ!
О времена! О, нравы!

Вдовы отъ глада мрутъ,
А театральны павы
Съ вельможей дань берутъ!
О, времена! О, нравы!

Полковникъ въ двадцать лѣтъ
Подпорой нашей славы;
А ротмистръ—дряхль и сѣдъ!
О, времена! О, нравы!

Судьи кривятъ, иль спятъ;
На лобу нѣтъ управы;
Другъ друга всё ѣдятъ!
О, времена! О, нравы!

Не полно ли, друзья?
Вотъ шутка для забавы,
А вѣдь отвѣтчикъ я!
О, времена! О, нравы!

Писано вѣроятно въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

XVI.

Будочникъ.

Слушай всякій, кто съ ушами,
Чтобъ не даромъ я кричалъ.
Ночь усѣяна звѣздами;
Било—часъ, второй насталъ.

Спи, кашей, однимъ ты глазомъ,
А другимъ гляди востро:
Воръ ужъ въ сѣняхъ; онъ какъ разомъ
Все утащить серебро.

Вмѣстѣ-ль ты, сосѣдъ, съ женою?
Не кладися на запоръ:
Лезетъ гость къ тебѣ трубою;
Чортъ на вымыслы проворъ.

Эй, рюмачъ! Храпѣтъ не дѣло
Надъ бумагой со свѣчей:
Долго ль всныхнуть? Все сгорѣло!
Такъ и мнѣ бѣда съ тобой.

Частный! Слышишь ли, какъ вою,
Исполняя твой приказъ?
Если нѣтъ—такъ я утрою
Для тебя въ послѣдній разъ:

Слушай всякій, кто съ ушами,
Чтобъ недаромъ я кричалъ;
Тѣмна ночь храпитъ надъ нами;
Било часъ, второй насталъ.

Мы сообщимъ читателямъ „Русскаго Архива“ еще разныя выдержки изъ бумагъ И.И. Дмитріева.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.

18 Марта 1867.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Г. Баландинъ сообщилъ намъ слѣд. замѣчаніе: „Вы помѣстили въ Рус. Архивѣ 1864 года нѣсколько писемъ Пушкина. Въ числѣ ихъ есть одно чрезвычайно интересное, по вѣрному взгляду поэта на желѣзныя дороги (изд. 2-е стр. 1012—1014). Его, безъ сомнѣнія, будутъ перепечатывать во всѣхъ полныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, и вотъ по чему мнѣ кажется не совсѣмъ лишнимъ пополнить его кой-какими подробностями.“

„Статья В., о которой такъ лестно отзывается Пушкинъ, принадлежитъ точно М. С. Волкову, бывшему профессору курса строительнаго искусства въ Институтъ путей сообщенія, и пр. и пр., какъ намъ передалъ Ѳ. В. Чижевъ. Статья эта была написана по поводу статьи Наркиза Отрѣшкова, и по просьбѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, переданной М. С. Волкову братомъ его, Никол. Степ. Волковымъ. Съ тѣхъ поръ началось и знакомство Волкова съ кн. Одоевскимъ. Эпиграфъ, показавшійся Пушкину, не знаю почему неприличнымъ — извѣстное двустипіе Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ и пр.»

*

Къ стр. 159. Имяніе А. Н. Вульфа, въ Старицкомъ уѣздѣ Тверск. губ., о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, называется *Берново*, а не Берково.

*

По замѣчанію Я. К. Грота напечатанные на стр. 304 стихи Жуковскаго *Островъ* относятся скорѣе не къ Царскому Селу, какъ у насъ сказано, а къ Петергофу. „Тамъ, на прудахъ, есть нѣсколько прелестныхъ искусственныхъ острововъ съ маленькими дворцами, пеликопными статуями, фонтанами и богатою зеленью.“ Дѣйствительно, большую часть лѣта 1831 года императорское семейство провело не въ Царскомъ Селѣ, а въ Петергофѣ.

*

Къ стр. 402. Въ предисловіи къ письмамъ В. И. Даля изъ Хивинскаго похода у насъ сказано, что объ этомъ походѣ долго хранилось молчаніе, и что только въ 1860 г., въ Читеніяхъ Общ. Ист. и Др. появилась *первая* печатная статья о немъ. По поводу этой замѣтки, В.

И. Межовъ доставилъ намъ указаніе еще слѣдующихъ, сюда относящихся, статей:

1) Военная экспедиція противъ Хивы въ 1839-мъ г. Библиотека для Читенія. 1859. № 10; стр. 1—14.

2) „Замѣтки о степныхъ походахъ въ Средней Азіи. М. *Венюковъ*. Военный Сборникъ. 1860. № 12; стр. 269—298.

3) Хивинскія дѣла съ 1839—1842. С. И. *Зыковъ*. Русское Слово. 1862. № № 3 и 4; стр. 1—58.

4) Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Бухарою, въ 1836—1843 г. *Заяновъ*. Военный Сборникъ. 1862. № 9; стр. 3—47.

5) Походъ въ Хиву въ 1839 г. отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ Перовскаго. Д. *Гологовъ*. Военный Сборникъ 1863. № 1, 2 и 3; стр. 3—72, 309—359 и 3—73.

6) Замѣтки по поводу, напечатанной во 2-мъ и 3-мъ № № „Военнаго Сборника“ 1863 г. статьи: „Походъ въ Хиву“, въ 1839 г. М. *Ивановъ*. Военный Сборникъ 1863. № 4; стр. 484—503.

7) Воспоминанія о степномъ походѣ въ Хиву и Бухару. П. *Назаровъ*. Военный Сборникъ. 1864. № 4; стр. 375—391.

Замѣтимъ кстатѣ, что статья въ Читеніяхъ 1860 г. написана также В. И. Далемъ, по порученію (гр.) В. А. Перовскаго. Она составляетъ служебный отчетъ экспедиціи.

Къ стр. 661. Во Французской Академіи предлагали въ члены не *Семира*, какъ напечатано, а Сюара (Suard).

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ 4-й тетради Рус. Архива сего года страницы 654—656 выпущены безъ исправленія опечатокъ. Нынѣ выпускается этотъ листокъ исправленный и перепечатанный.

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Газета литературная и политическая, выходящая три раза
въ недѣлю подъ редакціею

М. В. ДЕ ПУЛЕ.

Цѣна за годъ 8 р. съ пересылкою 10 р.: за полгода съ пересылкою 6 р. Желающіе получить Виленскій Вѣстникъ обращаются въ Контору Редакціи, въ Вильну, на Дворцовой улицѣ, въ домъ Гимназіи.

Поступила въ продажу у извѣстнѣйшихъ
книгопродавцевъ:

СМУТА

(1608—1612 г.)

Народная быль въ 5-ти дѣйств. Н. БИЦЫНЪ.

Цѣна 1 р. с. Иногородные, адресуя требованія свои въ „Контору Газеты Москва,“ за пересылку ничего не платятъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ

1867 году,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. О. Базунова*.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ *Чертковскую библиотеку*.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія въ *Германію 7 р.*; въ *Францію и Бельгію 7 р. 50 к.*; въ *Англію 8 р.*; въ *Швейцарію и Италію 9 р.*

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартепсвъ.**